

ЯЗЫКОВАЯ
КАРТИНА МИРА
И СИСТЕМНАЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

*В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева,
О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова,
И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон*

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СИСТЕМНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

*Ответственный редактор
Ю. Д. Апресян*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2006

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-04-16169

Данное исследование было выполнено при финансовой поддержке РГНФ (гранты № 02-04-00306а, 03-04-00046а и 05-04-04190а), РФФИ (грант 05-06-80361), Президента РФ (гранты № НШ-1576.2003.6 и № НШ-5611.2006.6 на поддержку ведущих научных школ и гранта для молодых кандидатов наук МК-3992.2004.6.), Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», раздел 4.15, гранта седьмого конкурса экспертизы РАН «Служебные слова: семантика, прагматика, синтаксис».

Всем указанным лицам, программам и организациям авторы выражают свою искреннюю благодарность

Рецензенты:
член-корреспондент РАН Т. М. Николаева,
профессор Л. П. Крысин

Я 41 Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 912 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0135-7

Данная монография является теоретическим обобщением лексикографических исследований, проведенных авторами в ходе разработки Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. Она состоит из девяти частей. В первой части излагаются основные принципы и понятия Московской семантической школы интегрального описания языка и системной лексикографии — установка на реконструкцию языковой картины мира, принцип интегральности, понятие лексемы и ее интегрального лексикографического представления, понятие лексикографического типа. В остальных частях монографии представлены более конкретные исследования различных участков словаря. В них реконструируются определенные фрагменты языковой картины мира и описываются обслуживающие их лексикографические типы. Так выполнено описание целевых и уступительных слов, лексики этикета и этики, прилагательных и глаголов со значением интеллектуальных способностей и действий человека, прилагательных размера и другие. В последней части монографии принципы и понятия, выработанные в синхронической семантике, используются для решения ряда ключевых проблем из области диахронической семантики.

This monograph is a result of theoretical research based on the materials of the New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms. It consists of nine parts. The first part presents the basic principles and concepts of the Moscow semantic school of integrated linguistic descriptions and systemic lexicography: the idea of reconstructing the language picture of the world, the principle of integrating dictionary and grammar, the notion of a lexeme and its integrated lexicographic representation, the notion of a lexicographic type. In the other parts of the monograph results of more specific research of various layers of lexicon are reported. They purport to reconstruct concrete fragments of the language picture of the world and to describe the lexicographic types at their disposal. Here the pivotal topics are words with the meanings of purpose and concession, the lexica of ethics and etiquette, adjectives and verbs denoting intellectual abilities and actions, adjectives of size and the like. In the last part of the monograph an attempt is made to apply the principles and notions elaborated in synchronic semantics to the solution of some crucial problems of diachronic semantics.

ББК 81.2Р-4

В оформлении переплета использована картина М. Шагала «Окно на даче. Заолжье», 1915.

© Авторы, 2006

© Языки славянских культур, 2006

© Habent sua fata libelli

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Ю. Д. Апресян)	23
-----------------------------------	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ю. Д. Апресян

<i>Глава 1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПОНЯТИЯ СИСТЕМНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ</i>	33
1.1. Установка на реконструкцию языковой картины мира	34
1.1.1. Уникальное значение: конструкция <i>Мне (хорошо) работается</i>	36
1.1.2. Неуникальное значение с особым статусом в языке: многократность	39
1.2. Принцип интегральности лингвистических описаний	41
1.2.1. Расширение лексикографической информации о свойствах лексемы	43
1.2.2. Включение правил в словарные статьи конкретных лексем	47
1.2.3. Об интегральности характеристики языковых объектов	49
1.3. Понятие системообразующего смысла	52
1.4. Семантический метаязык	54
1.5. Лексема и ее интегральное лексикографическое представление	55
1.5.1. Полное семантико-прагматическое представление лексемы	56
1.5.1.1. Аналитическое толкование лексемы	56
1.5.1.2. Нетривиальные семантические признаки лексем	57
1.5.1.3. Коннотации	58
1.5.1.4. Прагматическая информация	59
1.5.2. Другие свойства лексемы	60
1.5.3. Семантические связи лексемы с другими лексемами в словаре	64
1.6. Лексикографический тип	65
1.7. Лексика как система	69
1.7.1. Лексика как классификационная система. Связи и классы	69

1.7.2. Лексика как операционная система: семантические правила	74
<i>Глава 2. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДИКАТОВ</i>	<i>75</i>
2.1. Предварительные замечания	75
2.1.1. Стратегии описания	75
2.1.2. Регулярность и продуктивность, тенденции и правила	78
2.2. Принципы классификации	79
2.2.1. Предмет классификации	79
2.2.2. Основания классификации	80
2.2.3. Строение классификации и принцип упорядочения классов	80
2.2.4. Ориентация классификации	82
2.3. Основные классы	83
2.3.1. Классы «верхнего уровня»	83
2.3.2. Классы и подклассы, пересечения, связи	83
2.4. Семантические определения некоторых классов	86
2.5. Некоторые семантически мотивированные свойства классов	89
2.5.1. Грамматические свойства	89
2.5.2. Синтаксические свойства	94
2.5.2.1. Модели управления	94
2.5.2.2. Другие синтаксические свойства	95
2.5.3. Сочетаемостьные свойства	96
2.5.3.1. Сочетаемость с фазовыми глаголами и выражениями	96
2.5.3.2. О семантической непустоте и мотивированности глагольных ЛФ	97
2.5.3.2.1. OPER1	100
2.5.3.2.2. OPER2	104
2.5.3.2.3. Казус двух равно активных участников	106
2.5.3.2.4. Некоторые другие ЛФ	106
2.5.3.2.5. Степени свободы	107
2.5.3.2.6. Лексикографическая трактовка ЛФ-глаголов	107
2.6. Заключение	109
<i>Глава 3. ПРАВИЛА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗНАЧЕНИЙ</i>	<i>110</i>
3.1. Принцип композициональности и понятие нетривиального правила	110
3.2. Типы контекстуальных факторов, наиболее активных в правилах	113
3.2.1. Формы слов, отрицательность, вопросительность, вводность	113
3.2.2. Модели управления и способы реализации валентностей	116
3.2.3. Сочетаемость, синтаксис и просодия	118
3.2.4. Просодия и коммуникативная структура	119
3.3. Типы смыслов, наиболее активных в нетривиальных правилах	119
3.3.1. Отрицание	119
3.3.2. Кванторы	120

3.3.3. Количественные смыслы	120
3.3.4. Оценки	121
3.3.5. Модальности	123
3.4. Типы правил в зависимости от природы взаимодействующих единиц	125
3.4.1. Взаимодействие лексических значений друг с другом	125
3.4.2. Взаимодействие лексических значений с грамматическими	126
3.4.3. Взаимодействие грамматических значений друг с другом	127
3.5. Типы правил в зависимости от механизма взаимодействия	129
3.5.1. Правила семантического согласования	129
3.5.2. Правила семантической модификации	131
3.5.2.1. Снятие (зачеркивание) семантических компонентов	131
3.5.2.2. Добавление семантических компонентов	131
3.5.2.3. Снятие и добавление семантических компонентов	134
3.5.2.4. Семантический сдвиг: ослабление, усиление, фразеологизация ...	137
3.5.3. Правила области действия	140
3.5.3.1. Смещение	141
3.5.3.2. Правила внутренней области действия	143

Глава 4. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ТИП: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ГЛАГОЛЫ. 145

4.1. Общая характеристика.	145
4.2. Семантическая структура интерпретационных глаголов.	148
4.3. Интерпретативы и их ближайшие соседи	150
4.3.1. Подклассы интерпретативов.	150
4.3.2. Интерпретативы и оценки.	151
4.3.3. Интерпретативы и глаголы поведения.	152
4.3.4. Интерпретативы и другие классы предикатов	155
4.4. Свойства интерпретационных глаголов.	156
4.4.1. Аспектуальные свойства	156
4.4.2. Синтаксические свойства	158
4.5. Переходные случаи	158
5. Заключение: тройной статус словарей	160

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОНЯТИЕ ЦЕЛИ И СЕМАНТИКА ЦЕЛЕВЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

И. Б. Левонтина

Введение	163
----------------	-----

Глава 1. НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ МЕЖДУ ЦЕЛЕВЫМИ СЛОВАМИ

1.1. Мысль и воля	168
-------------------------	-----

1.1.1. Соотношение воли и мысли	168
1.1.2. Качество воли: добровольность / вынужденность	169
1.1.3. Качество воли: степень твердости намерения	172
1.1.4. Содержание мысли	173
1.2. Цель как результат непосредственно достигаемый или отдаленный	176
1.2.1. Характер каузации при целеполагании	176
1.2.2. Непосредственная и опосредованная каузация у целевых предлогов	177
1.3. Цель и активность	180
1.4. Субъект целеполагания	183
1.4.1. Типы субъектов целеполагания	183
1.4.2. Роли субъекта целеполагания	187
1.5. Субъективное и объективное в целеполагании	188
1.5.1. Соотношение объективного и субъективного в семантике целевых слов	189
1.5.2. Цель и практическая необходимость	191
Глава 2. ОТСУТСТВИЕ ЦЕЛИ В ДЕЙСТВИЯХ ЧЕЛОВЕКА.	195
2.1. Вырожденная цель	196
2.1.1. Самоцель	197
2.1.2. Бесцельность	199
2.2. Вынужденность	204
2.3. Машинальность и автоматизм	205
2.4. Нечаянность	210
2.5. Заключение	216
Глава 3. НЕСОБСТВЕННО-ЦЕЛЕВЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЦЕЛЕВЫХ СЛОВ	217
3.1. Прототипические и несобственно-целевые употребления целевых слов	217
3.2. Модусы целеполагания	219
3.2.1. Потенциальная цель	219
3.2.2. Конвенциональная (условная) цель	220
3.2.3. «Овеществленная» цель	221
3.3. Расширительные интерпретации субъекта целеполагания	223
3.3.1. Неканонический субъект овеществленной цели	224
3.3.2. Псевдосубъект и раздвоение субъекта целеполагания	226
3.3.3. Рассуждение о целях по аналогии при отсутствии субъекта целеполагания	227
3.3.4. Неоднозначность высказываний с неназванным субъектом целеполагания	228
3.3.5. Зачем и почему	229
3.4. Расширительные употребления целевых слов и наивная телеология	230
3.4.1. Целесообразность и цель	231

3.5. Языковая телеология и гуманитарная мысль	234
3.5.1. Лексикографическое представление несобственно-целевых употреблений	234
3.5.2. Философские аналогии языковой концепции цели	234
3.5.3. Языковая телеология и антропоцентричность языка	236
3.6. Заключение	237

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НАИВНО-ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЕЖЛИВОСТИ И ОБСЛУЖИВАЮЩАЯ ИХ ЛЕКСИКА

Т. В. Крылова

Введение	241
<i>Глава 1. ЭТИКА, ЭТИКЕТ И НАИВНЫЙ ЭТИКЕТ.</i>	241
1.1. Понятие этики и этикета	242
1.2. Основные принципы общения	248
1.3. Понятие наивного этикета	253
1.3.1. Наивный этикет и речевой этикет	255
1.3.2. Наивный этикет и этика общения	255
1.3.3. Лексика наивного этикета и этики общения	257
1.4. Центральные понятия наивного этикета (статус, горизонтальная дистанция, регистр этикета) и их взаимосвязь	259
1.4.1. Наивно-этикетные представления о статусе	259
1.4.1.1. Постоянные факторы: положение субъекта в трех типах иерархий	259
1.4.1.2. Ситуативно-обусловленные факторы	263
1.4.2. Относительная межличностная (горизонтальная) дистанция в наивном этикете	265
1.4.3. Связь между соотношением статусов и горизонтальной дистанцией	266
1.4.4. Понятие регистра этикета и степени формализованности	268
1.4.5. Связь между дистанцией и регистром этикета (а также степенью формализованности)	269
1.5. Две сферы наивного этикета	272
1.6. Типы правил в этике общения и этикете	275
1.6.1. Деление правил в зависимости от объекта регламентации	275
1.6.2. Деление правил по признаку негативного / позитивного содержания и негативной / позитивной формы	276
1.6.3. Деление правил на основании частных признаков	277
1.7. Невербальные проявления в наивном этикете и этике общения	278
1.7.1. Невербальные компоненты коммуникации, связанные с маркированием статуса	279
1.7.1.1. Поза как маркер статуса	279

1.7.1.2. Двигательные проявления как маркер статуса	280
1.7.1.3. Местоположение как маркер статуса.	284
1.7.2. Невербальные компоненты, связанные с соблюдением / несоблюдением стратегий отдаления.	285
1.7.3. Невербальные компоненты, связанные с соблюдением / несоблюдением позитивных стратегий, не сводимых к маркированию статуса.	285
1.7.4. Многозначные невербальные проявления.	286
1.7.4.1. Направление взгляда в наивном этикете и этике общения	287
1.7.4.2. Смех в наивном этикете и этике общения.	290
1.7.4.3. Темп движений в наивном этикете и этике общения.	290
1.7.4.4. Коммуникативно-значимое молчание в наивном этикете и этике общения	291
Глава 2. НЕКОТОРЫЕ ПОНЯТИЯ ЭТИКИ ОБЩЕНИЯ И СВЯЗАННАЯ С НИМИ ЛЕКСИКА	292
2.1. Уважительность и почтительность.	292
2.1.1. Общие свойства лексем <i>уважительный, уважительно и почтительный, почтительно</i>	292
2.1.2. Различия между лексемами <i>уважительный, уважительно и почтительный, почтительно</i>	294
2.1.3. <i>Неуважительный, неуважительно, непочтительный, непочтительно</i>	298
2.2. Деликатность и такт.	299
2.2.1. Общие свойства лексем <i>деликатный, деликатно, тактичный, тактично</i>	299
2.2.1.1. Правила деликатности и такта, имеющие однозначно негативное содержание.	301
2.2.1.2. Квазипозитивные, или эмотивные, правила деликатности и такта.	301
2.2.2. Различия между лексемами <i>деликатный, деликатно, тактичный, тактично</i>	302
2.2.3. <i>Неделикатный, неделикатно, бестактный, бестактно</i>	305
2.2.4. Деликатность и понятие меры	306
2.3. Скромность как ориентация на низкий статус	308
2.4. Услужливость	312
2.4.1. Общие свойства лексем <i>услужливый, услужливо, предупредительный, предупредительно</i>	312
2.4.2. Различия между лексемами <i>услужливый, услужливо и предупредительный, предупредительно</i>	314
2.4.3. Отношение к идее услуг в наивной этике общения.	320
2.5. Некоторые выводы относительно содержания наивно-языковых представлений в сфере этики общения.	321

Глава 3. ПРАВИЛА ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОМ НАИВНОМ ЭТИКЕТЕ И СВЯЗАННАЯ С НИМИ ЛЕКСИКА	323
3.1. Место вежливости в русском наивном этикете.	324
3.1.1. Два типа «правил обхождения» в наивном этикете	324
3.1.2. Правила вежливости и правила гипервежливости.	326
3.1.3. Правила вежливости и приличия.	328
3.2. Разновидности правил вежливости и типы употребления лексем <i>вежливо, вежливый, невежливо, невежливый, невежа</i>	329
3.2.1. Вежливость как демонстрация уважительности	331
3.2.1.1. Негативная уважительность: отсутствие активно-неуважительного поведения	331
3.2.1.2. Позитивная уважительность	333
3.2.1.3. Уважительность в составе вежливости и в этике общения.	343
3.2.2. Вежливость как демонстрация деликатности и такта	347
3.2.2.1. Правила деликатности, имеющие однозначно негативное содержание.	347
3.2.2.2. Квазипозитивные, или эмотивные, правила деликатности.	350
3.2.2.3. Деликатность в составе вежливости и в этике общения.	351
3.2.3. Вежливость как демонстрация благожелательности и приветливости	354
3.2.4. Вежливость как демонстрация готовности сделать что-л. полезное или приятное для партнера (правило любезности)	354
3.2.4.1. Выбор особой коммуникативной стратегии, направленной на то, чтобы вызвать у партнера положительные эмоции.	354
3.2.4.2. Оказание партнеру различных услуг.	355
3.2.4.3. Любезность в составе вежливости и услужливость в этике общения.	357
3.3. Некоторые выводы относительно содержания понятия вежливости	359
3.3.1. Соотношение разных типов правил вежливости и границы между ними	359
3.3.2. Зависимость вежливости от прагматических факторов.	360
3.3.2.1. Правила вежливости, носящие избирательный характер	360
3.3.2.2. Правила вежливости, обязательность и строгость соблюдения которых зависит от прагматических факторов.	362
3.4. Сознательное нарушение правил вежливости	368
3.4.1. <i>Грубо 4.1, грубый 4.1, грубиян</i>	368
3.4.2. <i>Бесцеремонный, бесцеремонно</i>	370
3.5. Чрезмерное соблюдение правил вежливости	376
3.6. Представления о чрезмерной деликатности в этике общения и этикете ...	384
Глава 4. ВЫВОДЫ	386
4.1. Грамматикализация правил наивного этикета и этики общения.	386
4.1.1. Противопоставление правил обхождения VS. правил собственных манер	386

4.1.2. Противопоставление правил, регламентирующих манеру держаться VS. правил, регламентирующих действия субъекта	386
4.1.3. Правила услужливости и их отражение в морфологии	390
4.2. Принципы статусной скромности и пассивности в русском наивном этикете и этике общения	390
4.2.1. Принцип статусной скромности	390
4.2.2. Принцип пассивности	393
4.2.2.1. Пассивность как отсутствие активных действий	393
4.2.2.2. Пассивность как минимизация внешних проявлений	395
4.3. Стратегии отдаления в русском наивном этикете и этике общения	396
4.3.1. Вопрос об актуальности стратегий отдаления для русского наивного этикета	396
4.3.2. Специфика русских наивно-языковых представлений о стратегиях отдаления	398
4.4. Стилистически отмеченная лексика как материал для реконструкции русских наивно-языковых представлений в сфере этикета и этики общения	400

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОНЯТИЯ ДОСТОИНСТВА И СМИРЕНИЯ

А. В. Санников

Введение	405
0.1. Предварительные замечания	405
0.2. Самооценка в наивной этике	407
0.2.1. Высокая самооценка	407
0.2.2. Низкая самооценка	409
0.3. Атрибуты личности	410
<i>Глава 1. ПОНЯТИЕ ДОСТОИНСТВА</i>	413
1.1. <i>Достоинство и честь</i>	413
1.1.1. <i>Достоинство VS. честь</i>	414
1.1.2. <i>Фразема чувство собственного достоинства</i>	419
1.2. Понятие унижения. Нанесение ущерба достоинству	420
1.2.1. Унижение достоинства: действия других людей	421
1.2.2. Унижение достоинства: совпадение субъекта и объекта	424
1.2.3. <i>Глагол унижаться</i>	425
1.3. Понятие оскорбления	428
1.3.1. <i>Оскорблять 1: нанесение ущерба чести</i>	429
1.3.2. <i>Оскорблять 2: каузация неприятного чувства</i>	433
1.3.3. <i>Оскорблять 3: противоречие эстетическим вкусам</i>	438

1.4. Понятие издевательства.	438
1.4.1. Системные смыслы.	439
1.4.2. Глаголы <i>издеваться</i> , <i>измываться</i> , <i>глумиться</i>	443
1.5. <i>Гордость</i> и <i>самолюбие</i>	447
1.6. <i>Гордыня</i> и <i>себялюбие</i>	451

Глава 2. ПОНЯТИЕ СМирЕНИЯ. 454

2.1. Предварительные замечания.	454
2.2. Глагол <i>смириться</i>	455
2.2.1. <i>Смириться 1</i>	455
2.2.2. <i>Смириться 2</i>	457
2.2.3. <i>Смириться 3</i>	459
2.3. Существительное <i>смирение</i>	460
2.4. Дериваты <i>смиранный</i> и <i>смиренно</i>	461
2.5. <i>Смирение</i> VS. <i>кротость</i>	463
2.6. Смирение. Трактровка А. Вежицкой и А. Д. Шмелева.	468

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

О. Ю. Богуславская

Введение.	471
1. Основные оппозиции в сфере ментальных прилагательных.	471
2. Толкования основных групп ментальных прилагательных.	473

Глава 1. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ И СПОСОБНОСТИ, СУЖДЕНИЕ О КОТОРЫХ ВЫНОСИТСЯ ЭМПИРИЧЕСКИ. 475

1.1. Содержание противопоставления.	475
1.2. Типы способностей и противопоставление постоянных и временных свойств.	479
1.3. Представление рассмотренных семантических противопоставлений в интегральном описании.	480
1.4. Ментальные способности, толкуемые через предикат 'понимать'.	481
1.5. Регулярная многозначность ментальных прилагательных.	484
1.5.1. Типы значений.	484
1.5.2. Схемы толкований.	485
1.6. Тип способности и регулярная многозначность.	486
1.7. Типы способностей и прилагательные, толкуемые через предикаты 'знать' и 'считать'.	488

Глава 2. ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	492
2.1. Типы оценки	493
2.1.1. Оценка свойства и оценка субъекта свойства	493
2.1.2. Оценка объекта	496
2.1.3. Наречия типа <i>слишком</i> и оценка	497
2.2. Предельность / непредельность	500
2.3. Свойства субъекта	503
2.3.1. Противопоставление человек — животное	503
2.3.2. Возрастные и социальные свойства субъекта	506
2.4. Объект интеллектуального освоения	507
2.5. Фактор скорости	510
Заключение	512

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ ПОНИМАНИЯ

Б. Л. Иомдин

Глава 1. СЕМАНТИКА ПОНИМАНИЯ	517
1.1. Основные подходы к изучению понимания	517
1.1.1. Понимание как явление	517
1.1.2. Понимание как языковое значение	519
1.3. <i>Понимать</i> : лексикографический портрет	525
1.3.1. Понимание-знание	526
1.3.1.1. <i>Понимать 1.1</i> ‘осознавать положение дел’	526
1.3.1.1.1. Особенности управления и сочетаемости	527
1.3.1.1.2. Аспектуальные особенности	538
1.3.1.1.3. Парадигматические семантические связи	539
1.3.1.2. <i>Понимать 1.2</i> ‘осознавать смысл’	539
1.3.1.2.1. Особенности управления и сочетаемости	539
1.3.1.2.2. Аспектуальные особенности	542
1.3.1.2.3. Парадигматические семантические связи	543
1.3.1.2.4. Связь с другими лексемами	543
1.3.1.3. <i>Понимать 1.3</i> ‘владеть языком’	544
1.3.1.3.1. Особенности управления и сочетаемости	544
1.3.1.3.2. Аспектуальные особенности	546
1.3.1.3.3. Парадигматические семантические связи	546
1.3.1.3.4. Связь с другими лексемами	547
1.3.1.4. <i>Понимать 1.4</i> ‘разбираться’	547
1.3.1.4.1. Особенности управления и сочетаемости	547
1.3.1.4.2. Аспектуальные особенности	549

1.3.1.4.3. Парадигматические семантические связи	549
1.3.1.4.4. Связь с другими лексемами.	549
1.3.1.5. <i>Понимать 1.5 'сочувствовать'</i>	549
1.3.1.5.1. Особенности управления и сочетаемости	549
1.3.1.5.2. Аспектуальные особенности.	550
1.3.1.5.3. Парадигматические семантические связи	550
1.3.1.5.4. Связь с другими лексемами.	550
1.3.1.6. <i>Понимать 1.6 'знай!' (разг., эмоц.-усил.)</i>	551
1.3.1.6.1. Особенности управления и сочетаемости	551
1.3.1.6.2. Просодические особенности.	552
1.3.1.6.3. Парадигматические семантические связи	552
1.3.1.6.4. Связь с другими лексемами.	552
1.3.1.7. <i>Понимать 1.7 'слышишь?' (разг.-сниж., эмоц.-усил.)</i>	552
1.3.1.7.1. Особенности управления и сочетаемости	552
1.3.1.7.2. Просодические особенности.	553
1.3.1.7.3. Парадигматические семантические связи	553
1.3.2. Понимание-мнение	553
1.3.2.1. <i>Понимать 2.1 'интерпретировать'</i>	553
1.3.2.1.1. Особенности управления и сочетаемости	553
1.3.2.1.2. Просодические особенности.	556
1.3.2.1.3. Аспектуальные особенности.	556
1.3.2.1.4. Парадигматические семантические связи	556
1.3.2.1.5. Связь с другими лексемами.	556
1.3.2.2. <i>Понимать 2.2 'считать'</i>	557
1.3.2.2.1. Особенности управления и сочетаемости	557
1.3.2.2.2. Аспектуальные особенности.	558
1.3.2.2.3. Парадигматические семантические связи	558
1.3.2.2.4. Связь с другими лексемами.	558
1.3.2.3. <i>Понимать 2.3 'подразумевать'</i>	559
1.3.2.3.1. Особенности управления и сочетаемости	559
1.3.2.3.2. Аспектуальные особенности.	560
1.3.2.3.3. Парадигматические семантические связи	560
1.3.2.3.4. Связь с другими лексемами.	560
Глава 2. МЕТАФОРЫ ПОНИМАНИЯ	560
2.1. Движение	561
2.1.1. Движение человека к истине.	562
2.1.2. Движение истины к человеку.	563
2.2. Обретение истины	564
2.3. Свет	566
2.4. Зрение	569
2.5. Некоторые итоги	570

<i>Глава 3. ПОНИМАНИЕ И ДРУГИЕ СФЕРЫ</i>	571
3.1. Иррациональное понимание	572
3.1.1. <i>Осенить</i> и <i>озарить</i>	573
3.1.1.1. Ряд <i>осенить</i> и близкие лексемы: сходства и различия	574
3.1.1.2. Различия между синонимами	576
3.1.1.3. Аспектуальные особенности	578
3.1.1.4. Особенности управления и сочетаемости	579
3.1.1.5. Структура многозначности	583
3.1.1.6. Толкования	583
3.1.2. <i>Угадать, отгадать, разгадать</i>	583
3.1.2.1. Ряды <i>угадать</i> и <i>догадаться</i> : сходства и различия	584
3.1.2.2. Различия между синонимами	585
3.1.2.3. Аспектуальные особенности	589
3.1.2.4. Особенности управления и сочетаемости	589
3.1.2.5. Структура многозначности	592
3.1.2.6. Толкования	593
3.1.3. <i>Интуиция, инстинкт, чутье, нюх</i>	593
3.1.3.1. Ряд <i>интуиция</i> и близкие лексемы: сходства и различия	593
3.1.3.2. Различия между синонимами	598
3.1.3.3. <i>Предчувствие, наитие и шестое чувство</i>	602
3.1.3.4. Особенности сочетаемости	602
3.1.3.5. Структура многозначности	603
3.1.3.6. Толкования	604
3.1.4. Некоторые итоги	604
3.2. Междометия догадки	604
3.2.1. Понимание	605
3.2.2. Вспоминание	606
3.2.3. Решение	607
3.2.4. Поддержание диалога	608
3.2.5. Междометия догадки и эмоции	609
3.2.6. Толкования	611
3.3. Некоторые итоги	612

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ

В. Ю. Апресян

Введение	615
----------------	-----

<i>Глава 1. УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ КАК СЛОЖНЫЙ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ СМЫСЛ</i>	620
---	-----

1.1. Уступительность как фигура речи и как смысл	620
--	-----

1.2. Поиски семантического инварианта уступительности	623
1.2.1. Уступительность и причина	624
1.2.2. Уступительность и условие	625
1.2.3. Предлагаемый семантический инвариант уступительности	626
1.2.3.1. Указание на общие законы мироустройства в значении уступительности	626
1.2.3.2. Контрпримеры к каузальному анализу уступительности	628
1.2.3.3. Предлагаемое толкование союза <i>хотя</i> 1	631
1.3. Уступительность и противительность (<i>хотя</i> 1 и <i>но</i>)	634
1.3.1. Толкования <i>хотя</i> 1 и <i>но</i> «ненормального следствия»	634
1.3.2. «Общие принципы» как фактор в употреблении <i>но</i> , <i>хотя</i> 1 и <i>несмотря на</i>	636
 Глава 2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ УСТУПИТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	641
2.1. Синтаксические модификации уступительного значения	642
2.1.1. Конверсия	642
2.1.2. Добавление валентностей	644
2.2. Семантические наращения уступительного значения	645
2.2.1. Наращение реальности/гипотетичности	645
2.2.2. Наращение желательности	648
2.2.3. Наращение степени	649
 Глава 3. СЕМАНТИКА ОСНОВНЫХ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ	650
3.1. Уступительные единицы, у которых первая валентность — это ситуация Р, вторая валентность — это ситуация Q	651
3.1.1. Семантика синонимов <i>хотя</i> 1, <i>хоть</i> 1, <i>несмотря на</i> , <i>невзирая на</i>	651
3.1.2. Семантика синонимов <i>несмотря ни на что</i> и <i>даром что</i>	655
3.1.3. Семантика синонимичных синтаксических конструкций вида <i>к-местоимение + ни... и при всем X-е</i>	657
3.1.4. Семантика синонимов <i>как бы то ни было</i> , <i>как ни крути</i> , <i>как ни верти</i> , <i>что (там) ни говори</i>	660
3.1.5. Семантика синонимов <i>хоть</i> 5, <i>пусть</i> 3, <i>пускай</i> 3, <i>пусть даже</i> , <i>даже</i> <i>если</i> 2, <i>если и</i> 2, <i>хотя бы</i> 3, <i>хоть бы</i> 3	662
3.1.6. Семантика синонимов <i>пусть</i> 2, <i>пускай</i> 2, (<i>ну</i>) <i>ладно</i> 5, <i>так и быть</i> ...	665
3.1.7. Семантика синонимов <i>в то время как</i> 3, <i>между тем как</i> 3, <i>тогда как</i> 2	667
3.2. Уступительные единицы, у которых первая валентность — это ситуация Q, вторая валентность — это ситуация Р	670
3.2.1. Семантика синонимов <i>все-таки</i> 1, <i>все же</i> 1, <i>все равно</i> 3, <i>тем не менее</i>	670

3.2.2. Семантика синонимов в то же время 2, вместе с тем, при этом 2, при всем том	675
3.3. Уступительные единицы, у которых первая валентность — это ситуация R, вторая валентность — это ситуация Q, третья валентность — это ситуация P	678
3.3.1. Семантика синонимов как-никак 1, все-таки 2, все же 2	678
3.3.2. Семантика синонимов добро бы, пускай бы, ладно бы. Семантика синонимов (еще) куда ни шло, еще туда-сюда	681
Глава 4. УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ В КРУГУ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ КОНЦЕПТОВ	684
4.1. Полисемия уступительных единиц	685
4.2. Парадигматические связи уступительных лексем и взаимодействие семантических компонентов в их значениях	688
4.2.1. Семантика синонимов только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2	691
4.2.2. Семантика синонимов по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 3	693
4.3. Уступительность в контексте 'компенсации' и 'оговорки'	697
4.3.1. Семантика синонимов хотя 2 (и), хоть 2 (и), правда 7	697
4.3.2. Семантика синонимов зато и (вот) только 4	702

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

СЕМАНТИКА ВЕЛИЧИНЫ

Е. В. Урысон

Введение	713
--------------------	-----

Глава 1. БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ: ШКАЛА РАЗМЕРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	714
--	------------

1.1. Два эталона размера — относительный и абсолютный	714
1.2. Степень отклонения от эталона: три участка шкалы	723
1.3. Возможная типология параметрических прилагательных	724
1.4. Указание на размер в семантике непараметрических слов	728
1.5. Размер и другие характеристики объекта	731
1.6. Резюме	732

Глава 2. ПАРАМЕТРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	733
--	------------

2.0. Введение	733
2.1. Рост человека	734
2.2. Объем человеческого тела	736
2.3. Размер и эстетическая оценка тела человека	741
2.3.1. Эстетическая оценка в классе «толстый»	742
2.3.2. Эстетическая оценка в классе «худой»	744

2.3.3. Изменение эстетических оценок тела	746
2.3.4. Эстетическая оценка и рост	748
2.3.5. Пропорциональность тела	749
Заключение. Понятия шкалы и нормы	752

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА ПРОСТОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Э. Бабаева

Введение	761
----------------	-----

Глава 1. СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ О СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ПРОСТОЙ

1.1. Прилагательное <i>простой</i> как объект лексикографирования	766
1.1.1. <i>Простой</i> : 'несложный'	766
1.1.2. <i>Простой</i> : 'несоставной'	768
1.1.3. <i>Простой</i> : 'невычурный'	769
1.1.4. <i>Простой</i> : 'обычный'	770
1.1.5. <i>Простой</i> : 'неспециальный'	771
1.1.6. <i>Простой</i> : 'недостаточно обработанный'	772
1.1.7. <i>Простой</i> : 'ничем не осложненный'	773
1.1.8. <i>Простой</i> : 'нехитрый' [о человеке]	773
1.1.9. <i>Простой</i> : 'неумный'	774
1.1.10. <i>Простой</i> : 'непривилегированный'	774
1.1.11. <i>Простой</i> : 'неполный'	775
1.1.12. <i>Простой</i> : 'незанятый'	776
1.1.13. <i>Простой</i> : 'непокрытый'	776
1.2. Особенности семантики прилагательного <i>простой</i>	776
1.3. Идеи и их роль в формировании структуры многозначности прилагательного <i>простой</i>	778

Глава 2. ЭТИМОЛОГИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ПРОСТОЙ

2.1. Основные гипотезы относительно происхождения прасл. <i>*prostъ</i>	782
2.1.1. <i>*Prostъ</i> : 'выдающийся вперед или вверх'	782
2.1.2. <i>*Prostъ</i> : 'свободный'	783
2.1.3. <i>*Prostъ</i> : 'распространенный по поверхности'	783
2.1.4. <i>*Prostъ</i> : 'обыкновенный'	784
2.2. Объяснительная сила гипотез в перспективе развития многозначности прилагательного <i>простой</i>	784
2.3. Семантика прасл. <i>*prostъ</i> : попытка интерпретации	786
2.3.1. Префикс <i>*pro-</i>	786

2.3.2. Корень <i>*sthos-</i>	787
2.3.3. Соположение морфем	790
2.3.4. Вертикаль VS. Горизонталь → Вертикаль&Горизонталь	791
Глава 3. ИСТОРИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ПРОСТОЙ В ПИСЬМЕННЫЙ ПЕРИОД	798
3.1. Идея прямизны: положение в пространстве (прямостоящий VS. прямолежащий)	798
3.1.1. «Прямостоящий»: 'такой, который вытянут прямо по вертикали'	799
3.1.2. «Прямолежащий»: 'такой, который вытянут прямо по горизонтали' [о дороге]	800
3.1.3. <i>Простой</i> как характеристика положения в пространстве	804
3.1.4. Идея прямизны: скорость (быстрый)	804
3.1.5. Идея прямизны: положение в пространстве + образцовость (нелевый)	805
3.1.6. Идея прямизны. Обобщение	806
3.2. Идея базовости	807
3.2.1. Идея базовости: первичность (неделимый, непроеизводный)	807
3.2.2. Идея базовости: достаточность (непритязательный)	807
3.2.3. Идея базовости: аскетичность (непритязательный)	809
3.2.4. Идея базовости. Обобщение	810
3.3. Идея ограничительности: ничего, кроме (только)	810
3.4. Идея стандартности: усредненность (обычный)	810
3.5. Идея иерархичности: классификация (неспециальный)	811
3.5.1. Идея иерархичности: классификация одушевленных объектов	812
3.5.1.1. Миряне VS. Духовенство	812
3.5.1.2. Непривилегированное сословие VS. Привилегированное сословие	813
3.5.1.3. Породистый VS. Непородистый	813
3.6. Идея стандартности. Идея иерархичности. Обобщение	814
3.7. Идея естественности: «исходное» состояние (такой, какой дан)	814
3.7.1. Дикий [о растениях]	815
3.7.2. Голый [о человеке]	815
3.7.3. Идея естественности: отсутствие приспособлений (такой, какой есть)	815
3.7.3.1. Идея естественности: отсутствие обработанности (необработанный)	816
3.7.3.2. Идея естественности: отсутствие термической обработки (некипяченный)	816
3.7.4. Идея естественности: поведение. Отсутствие специальных знаний и/или умений (наивный, необразованный, необученный, неопытный)	817
3.7.4.1. Идея естественности: поведение. Отсутствие скрытности (искренний)	819
3.7.4.2. Идея естественности: поведение. Отсутствие особенностей поведения, связанных с более высоким статусом в обществе (негордый, скромный)	820

3.7.5. Идея естественности. Обобщение	821
3.8. Идея свободы	821
3.8.1. Идея свободы: движение (нескованный)	822
3.8.2. Идея свободы: движение / статика (нестесненность)	823
3.8.3. Идея свободы: перемещение налегке (ненагруженность)	824
3.8.3.1. Отсутствие ноши [о лошади]: 'такой, который не имеет на себе всадника или упряжи'	824
3.8.3.2. Отсутствие ноши [о человеке]: 'такой, который ничего не несет в руках или на себе'	824
3.8.3.3. Отсутствие ноши [о беременной женщине]: 'такая, которая не является беременной'	825
3.8.4. Идея свободы: перемещение, не встречающее заслонов (открытый) ..	825
3.8.5. Идея свободы: отъятие-избавление	826
3.8.5.1. Идея свободы: отъятие-избавление (избавленный)	826
3.8.5.2. Идея свободы: отъятие-незанятость (праздный)	828
3.8.5.3. Идея свободы: незанятость (досужный)	829
3.8.5.4. Идея свободы: незанятость (неиспользующийся)	829
3.8.6. Идея свободы: отъятие-лишение (лишенный)	829
3.8.7. Идея свободы: отъятие-отсутствие (пустой)	830
3.8.8. Идея свободы: отъятие-полость (полый)	832
3.8.9. Идея свободы. Обобщение	832

Глава 4. СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ПРОСТОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I. Идея стандартности	834
II. Идея иерархии	836
III. Идея базовости	837
IV. Идея ограничительности	839
V. Идея естественности	840
VI. Идея прямизны	842
Заключение	842

БИБЛИОГРАФИЯ	845
--------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСЕМ	873
------------------------	-----

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	898
----------------------------	-----

Предисловие

На рубеже 50—60-х годов XX века в Москве зародилось лингвистическое движение, которое в 70—90 годы привело к формированию так называемой Московской семантической школы, сокращенно — МСШ. МСШ ведет свою родословную от пионерских работ по семантике, выполненных в начале 60-х годов в Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ им. М. Тореза (см. [Жолковский и др. 1961; МППЛ 1964]), и, в особенности, от модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» И. А. Мельчука; см. [Мельчук 1974, 1995, Мельчук, Жолковский 1984; Mel'čuk 1997, 2004; Mel'čuk et al. 1984, 1988, 1992, 1999; Iordanskaja, Paperno 1996] и другие работы И. А. Мельчука и его ближайших соавторов. С 1977 года, после вынужденной эмиграции И. А. Мельчука в Канаду, началось не слишком существенное, но тем не менее заметное «диалектное» дробление МСШ. В частности, российская ветвь МСШ в своем нынешнем виде сформировалась под влиянием еще двух факторов.

Первый из них — компьютерная реализация модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» (МСТ) в виде полифункционального лингвистического процессора ЭТАП. В его состав входят система двунаправленного англо-русского и русско-английского машинного перевода, конверторы и деконверторы для универсального сетевого языка UNL, компьютерная система перифразирования высказываний и ряд других; см. [Апресян и др. 1989, 1992; Иомдин 1990; Апресян, Цинман 2002; Apresjan et al. 2002; Apresjan et al. 2003; Boguslavsky et al. 2003; Boguslavsky et al. 2004; Iomdin 2003]. ЭТАП отличается от своего прототипа тремя важными свойствами — ориентацией на анализ текстов (а не на их синтез по готовым семантическим представлениям, как в классической версии МСТ), полнотой и формальностью. Эти свойства взаимосвязаны: компьютерный анализ произвольных текстов невозможен без больших комбинаторных словарей (английский и русский комбинаторные словари в составе ЭТАП'а насчитывают по 90 000 входов каждый), формальных правил морфологического анализа в объеме этих словарей и синтаксических анализаторов, рассчитанных на охват не только всех базовых, но и очень многих периферийных синтаксических конструкций данного языка. Полная картина таких конструкций,

Habent sua fata libelli

намого превосходящая синтаксический материал даже академических грамматик, открывается только в текстах.

Реально действующая на компьютере полная лингвистическая модель обладает ценными эвристическими свойствами. Для лингвиста она становится уникальным экспериментальным полигоном, на котором он может оттачивать не только детали своего описания, скажем, текст конкретного правила или словарной статьи, но и совершенствовать самую теорию. В частности, именно такая модель ставит перед лингвистом теоретический вопрос об оптимальном распределении информации между морфологией, синтаксисом и словарем и об идеальном согласовании этих трех компонентов лингвистического описания — при их несогласованности она просто не сможет работать. Не случайно именно разработка ЭТАП'а стала той школой, в рамках которой окончательно оформилась идея единого, или интегрального описания языка [Апресян 1980: 3, 96; 1995a].

Второй фактор — работа над Новым объяснительным словарем синонимов русского языка (НОСС'ом) и исследования в области теоретической семантики, языковой картины мира и системной лексикографии; см., например, [Апресян 1974, 1995a, 1995b; Aprésjan 2000; Апресян и др. 1979; Богуславский 1985, 1996; Гловинская 1982, 1993, 2001; НОСС 1997, 2000, 2003, 2004; Проспект 1995; Санников 1989; Урысон 2003], а также публикации по семантике В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславской, Л. Л. Иомдина, И. Б. Левонтиной и некоторых других¹. Особую роль в становлении этого направления сыграла работа авторов монографии над НОСС'ом². Она позволила распространить принцип интегрального описания языка, первоначально ограниченный областью морфологии, синтаксиса и словаря, на лексическую и грамматическую семантику, лингвистическую прагматику и на коммуникативные и просодические аспекты лексем. С другой стороны, лексикографическая разработка целых классов слов с похожими или совпадающими свойствами, сложным образом пересекающихся друг с другом, позволила сформулировать понятие лексикографического типа и описывать всю лексику языка как хорошо организованную систему.

¹ К ним в ряде отношений близки исследования [Булыгина, Шмелев 1997; Падучева 1996, 2004; Зализняк Анна 1992; Кустова 1999; Рахилина 2000; Шмелев 2002a, 2002b; Розина 2004; Ляшевская 2004; Зализняк Анна и др. 2005] и другие работы этого круга. Нельзя не упомянуть и о близости между МСШ и работами Анны Вежицкой и ее школы.

² Ориентацией на способы представления лексического материала в НОСС'е объясняются и некоторые технические особенности монографии, в частности, цифровой индекс в составе имени лексемы; ср. *выбирать* 1.1, *выбирать* 1.2, *планировать* 3.2 и т. п. Именно в таком виде большинство лексем фигурирует в НОСС'е, и в тех случаях, когда это важно для существа дела, приходится сохранять этот малоудобный для читателей способ их представления: он непосредственно обеспечивает связь монографии со словарем. Впрочем, везде, где и без индекса понятно, о какой лексеме слова идет речь, он опускается.

В результате сложился вариант МСШ, который справедливо было бы назвать Московской семантической школой интегрального описания языка и системной лексикографии. Предлагаемая вниманию читателя монография находится целиком в рамках этого лингвистического направления, причем аббревиатура МСШ в данном Предисловии понимается только в указанном узком смысле.

Все наши исследования, включая, естественно, и нынешнее, имеют двоякую цель: а) построить общую теорию семантики, в основе которой лежат не отдельные, хотя, может быть, репрезентативные примеры, а массовый материал естественного языка, в нашем случае — русского³; б) реализовать эту теорию в виде практически полезных, т. е. обращенных к широкому читателю лексикографических продуктов.

Теоретическая семантика и системная лексикография — две области лингвистики, находящиеся в неразрывных обратных связях друг с другом: первая образует естественный фундамент системной лексикографии, а последняя, в свою очередь, является упорядоченной эмпирической базой первой. Невозможно составить словарь, представляющий лексику данного языка как систему и связывающий лексикографическое описание с грамматическим, если не опираться на ключевые принципы и понятия современной семантики. С другой стороны, не могут быть эффективными теоретические изыскания, если их материалом являются отдельные примеры, пусть сколь угодно интересные. Теоретик и лексикограф, раньше работавшие независимо друг от друга, теперь становятся двумя ипостасями одного исследователя. Это обеспечивает продвижение обеих областей на более высокие уровни знания на каждом новом витке их развития.

Хотелось бы обратить внимание на еще одно обстоятельство. В практической лексикографии относительно давно возникло противопоставление пассивных и активных словарей. В европейской традиции словари исторически возникали как справочники «трудных слов», которые предназначались почти исключительно для облегчения понимания текстов. Пояснение значения «трудного слова» с помощью неприятельного толкования или даже ссылки на более употребительный синоним вполне решало эту задачу. Это — пассивная ориентация. Однако с середины XIX века в той же традиции была осознана необходимость в активных словарях, содержащих такой объем сведений о лексических единицах языка, который достаточен не только для понимания, но и для производства правильных текстов. Исследование этой проблемы в последние десятилетия привело к обнаружению следующего факта: требования к объему лексикографической информации о слове,

³ В ходе нашего исследования использовались самые разнообразные типы источников, включая и текстовые данные. Отдельного упоминания заслуживают созданный в Секторе теоретической семантики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН электронный корпус текстов объемом свыше 34 000 000 словоупотреблений, оснащенный программой поиска, которую разработал А. В. Санников, и «Национальный корпус русского языка».

вытекающие из принципа активности, хорошо согласуются, а иногда даже совпадают с требованиями, вытекающими из принципов интегральности и системности лингвистических описаний. Все три принципа определяют границы феномена, который принято называть «языковой компетенцией говорящих». Иными словами, оказывается, что хорошо организованный интегральный системный словарь не только поставляет эмпирический материал для теоретической семантики, но и служит практическим пособием для каждого, кто заинтересован в овладении навыками правильной и гибкой речи на своем родном или иностранном языке.

Монография делится на девять частей, по количеству участвующих в ней авторов. Хотя она носит общее название «Языковая картина мира и системная лексикография», не следует ожидать, что во всех ее частях равное внимание уделяется общим объединенным в ее названии темам. Разные группы слов в разной мере предрасполагают к обсуждению языковой картины мира и проблем системной лексикографии. Поэтому в разных частях соответствующие акценты могут быть расставлены по-разному.

Первая часть, написанная Ю. Д. Апресяном, имеет целью ввести читателя в проблематику книги, т. е. представить основные теоретические принципы и понятия, лежащие в основе монографии, и показать, к каким результатам они приводят в применении к конкретному материалу. Соответственно каждая из четырех глав этой части составляет звено в цепи переходов от более общих проблем к все более конкретным. В первой главе рассматриваются основные принципы и понятия теоретической семантики в трактовке МСШ — установка на реконструкцию языковой картины мира, принцип интегральности, понятие системообразующего смысла, семантический метаязык, понятие лексемы и ее интегрального лексикографического представления, понятие лексикографического типа и представление о лексике как классификационной и операционной (организованной правилами) системе. Во второй главе лексика рассматривается как классификационная система. Главная тема — фундаментальная классификация предикатов как единая основа для любых семантических решений в области лексики и грамматики. Здесь делается попытка показать, что принадлежность к тому или иному классу определяет многие морфологические, синтаксические, сочетаемостные, а иногда и коммуникативно-просодические свойства лексем. Третья глава посвящена правилам взаимодействия значений в тексте, т. е. тому инструменту языка, который делает лексику операционной системой. В фокусе внимания находятся правила нетривиального взаимодействия значений. Выявляются контекстуальные факторы (грамматические формы слов, варианты моделей управления, сочетаемость, просодия и т. п.), ведущие к модификациям в словарных толкованиях лексем, и типы активных смыслов, более других склонных к нетривиальным взаимодействиям (отрицание, кванторы, оценки, модальности и т. п.). Сами правила рассматриваются с двух точек зрения — в зависимости от природы взаимодействующих единиц (ср. взаимодействие лексических значений друг с другом и лексических значений с грамматическими) и в зависимости от механизма взаимодействия (правила со-

гласования, модификации и области действия). В четвертой главе представлено подробное описание одного лексикографического типа, а именно, интерпретационных глаголов. Логика требовала бы завершить первую часть серией лексикографических портретов. Поскольку, однако, достаточно подробные зарисовки лексем постоянно даются по ходу изложения другого материала, мы сочли нецелесообразным посвящать им особую главу.

Вторая часть монографии, написанная И. Б. Левонтиной, посвящена понятию цели и семантике целевых слов русского языка, т. е. лексемам типа *цель, задача, зачем, для, ради, собираться, намеренно, нарочно, намерение, замысел, план, назначение, миссия* и т. д. Лексикографическое изучение целевых слов проводится по следующим направлениям: выявление тех элементов ситуации, которые являются критическими для ее интерпретации как ситуации целенаправленной деятельности; исчисление возможных неканонических интерпретаций понятия цели в высказываниях с целевыми выражениями; выделение общих семантических признаков, пронизывающих всю совокупность собственно целевых слов. В результате этого анализа оказывается возможным реконструировать языковую, или наивную, телеологию, т. е. картинку целеполагания как она представлена в русском языке, и сопоставить ее с другими существующими телеологиями.

Третья часть монографии, написанная Т. В. Крыловой, посвящена небольшому фрагменту наивно-этикетных представлений, а именно представлениям о вежливости. Первая глава этой части служит введением в проблематику наивного этикета и этики общения. В ней коротко комментируются различия между этикетом и этикой (в особенности этикой общения), рассматриваются основные принципы общения, традиционно выделяемые в прагмалингвистике, очерчивается круг центральных понятий наивного этикета (статус, горизонтальная дистанция, регистр общения) и прослеживается их взаимосвязь. Вторая глава посвящена наивно-языковым представлениям об этике общения, которые закреплены в лексемах *уважительный, неуважительный, почтительный, непочтительный, деликатный, неделикатный, тактичный, бестактный, скромный, предупредительный, услужливый* и их дериватах. Они прямо связаны и с этикетным понятием вежливости. Именно этому понятию и его месту в системе наивного этикета посвящена третья глава. В ней на материале лексем *вежливо, вежливый, невежливо, невежливый, невежа, грубо, грубый, грубиян, бесцеремонный, бесцеремонно, церемонии, церемониться* и т. п. выделяются основные типы правил и стратегий, входящих в состав наивно-этикетных представлений о вежливости, и предлагается иерархия правил и стратегий по значимости с точки зрения русских наивно-языковых представлений о вежливости.

С этой частью тесно связана четвертая часть монографии, написанная А. В. Санниковым. Она посвящена фрагменту «наивной этики», а именно понятиям достоинства и смирения. В первой главе анализируется слово *достоинство* и представляемое им понятие, а также близкие к нему лексемы *честь, гордость, самолюбие*. Анализ сочетаемости этих слов показывает, что соответствующие понятия предстают в рус-

ском языке не как обычные человеческие свойства, а как своеобразные нематериальные атрибуты личности; ср. выражения *держаться с достоинством*, *достоинство* (*гордость*) *не позволяет (делать что-л.)*, *хранить достоинство*, *унижать* (*ронять*) *достоинство*, *укол самолюбия* и т. п. Отдельно описываются широко представленные в русском языке слова и выражения, указывающие на нанесение ущерба этим атрибутам личности: *унижать*, *оскорблять*, *издеваться* и др.

Вторая глава посвящена лексике смирения, т. е. самому слову *смирение* и близким к нему словам *кротость*, *скромность* и некоторым другим. В заключение формулируются некоторые правила наивной этики.

Пятая часть, написанная О. Ю. Богуславской, посвящена другому важному аспекту языковых представлений о личности человека, — его ментальным способностям как они отражены в зеркале прилагательных. В первой главе обсуждаются прилагательные, обозначающие интеллектуальные способности человека. Здесь оказывается существенным семантическое противопоставление, которое делит ментальные прилагательные на две группы: прилагательные, описывающие фундаментальные способности человека (*умный*, *глупый* и т. п.), и прилагательные, описывающие способности, суждение о которых выводится эмпирически (*сообразительный*, *смекалистый* и т. п.). Показано, что эти понятия являются нетривиальными семантическими признаками, которые системным образом влияют на сочетаемость прилагательных, определяют вектор развития у них регулярной многозначности, а также некоторые другие их свойства. Во второй главе рассмотрены прочие семантические противопоставления, организующие поле ментальных прилагательных: положительная и отрицательная оценка, предельные и не-предельные прилагательные, типы ограничений на субъект и объект интеллектуального освоения мира и некоторые другие.

В шестой части, написанной Б. Л. Иомдиным, дается более детальный анализ одного участка этого семантического поля, а именно лексики понимания. В задачи этой части входит: определить место понимания среди других элементов мышления, в особенности знания и мнения; описать сходства и различия между различными элементами мыслительной деятельности человека как они представлены в языке; дать системное лексикографическое описание лексики понимания в русском языке. Показано, что в языковой картине мира понимание, как и мышление в целом, тесно смыкается с другими системами, из которых складывается человек, — с физическим восприятием, физиологическими состояниями и более всего с эмоциями. На основе анализа употреблений глагола *понимать* выделено несколько видов понимания, основанных на знании или мнении: понимание фактов (пропозициональное понимание), понимание смысла, понимание-умение, понимание-оценка, понимание-истолкование. Определены главные свойства пропозиционального понимания: фактивность, наличие основания, градуируемость, контролируемость, метафоричность. Рассмотрена лексика, описывающая понимание как ментальное состояние (*понимать*), как возможность такого состояния (*понятно*, *ясно*, *доходчиво*, *вразумительно*) и как его возникновение (глаголы и глагольные обороты по-

нять, осознать, прийти в голову, а также так называемые когнитивные междометия, сигнализирующие об успешности понимания: *А!, О!, Ага!*; свойства субъекта понимания, или экспериенсера (*понятливый, смекалистый, сообразительный*); и свойства объекта понимания (ср. *понятный, ясный, прозрачный*). Здесь же впервые описана группа лексем, выражающих значение так называемого иррационального понимания: *осенить, озарить, угадать, интуиция, чутье* и т. п.

В седьмой части, написанной В. Ю. Апресян, предпринимается попытка применения общих методов системной лексикографии к описанию более грамматализованного круга лексем с общим значением уступительности; ср. *хотя, тем не менее, несмотря на, все-таки, все же, все равно* и т. п. Здесь решаются следующие задачи: формулируется языковое значение уступительности; определяется место уступительности в кругу родственных системообразующих смыслов, таких как противопоставление, условие, причина, степень, желание, вероятность; конструируется и обосновывается семантический инвариант, лежащий в основе всех уступительных слов и выражений; выделяются прочие семантические компоненты, присутствующие в значениях уступительных единиц; строятся толкования основных уступительных слов, выражений и конструкций на основе единого семантического инварианта; рассматриваются некоторые лингвоспецифические особенности уступительных единиц русского языка.

Восьмая часть, написанная Е. В. Урысон, посвящена семантическому анализу русских параметрических прилагательных. Основное внимание уделено прилагательным, характеризующим общий размер неодушевленных предметов (ср. лексем *большой (дом), маленький (стол), крупный (шрифт), мелкий (виноград)*), а также *огромный, громадный, колоссальный, гигантский, крохотный, крошечный, малюсенький*), и прилагательным, описывающим размер человеческого тела (ср. лексем *высокий, низенький, толстый, полный, жирный, тучный, худой, худощавый, тощий* и т. п.). Описано строение шкалы размера в русском языке и представление о том «стандарте», по сравнению с которым тот или иной объект характеризуется как *большой* или *маленький*. Выявлены семантические типы параметрических прилагательных, и для каждого типа предложена схема толкования. Показано, что характеристика размера часто сплетается с другими характеристиками объекта; предлагается краткий обзор характеристик, наиболее часто сопровождающих указание на размер. Обсуждаются элементы семантического метаязыка, используемые в толкованиях, в частности элемент 'норма'. Помимо прилагательных размера кратко рассматриваются некоторые предметные существительные, в значение которых входит указание на размер; ср. *океан, пустыня, небоскреб, валун, каморка, букашка* и т. п.

Все перечисленные исследования выполнены на материале современного русского языка. Исключение составляет часть, написанная Е. Э. Бабаевой, которая посвящена вопросам диахронической и типологической семантики. Мы решили включить эту работу в нашу монографию потому, что она демонстрирует принципиальное единство лингвистических проблем, возникающих в синхронии, диахро-

нии и лексической типологии. Как и предыдущие части, она посвящена проблемам изучения семантической структуры слова, его системных связей и вклада в языковую картину мира, однако здесь особенности семантической структуры слова рассматриваются с точки зрения ее становления и развития. Основой предпринятого исследования является представление о многозначности как об особом объекте, демонстрирующем тесную связь синхронии и диахронии в семантике. Е. Э. Бабаева обсуждает теоретические принципы построения семантической истории слова в дописьменный и письменный периоды — от реконструкции семантики праславянского корня до описания структуры прилагательного как единицы современного языка — и предлагает новый подход к анализу развития многозначности. Теоретические положения излагаются на примере истории формирования семантической структуры слова *простой* = 'не сложный'. При построении семантической истории этого слова учитываются особенности развития многозначности других прилагательных (*прямой, правый, голый, пустой, порожний, праздный, полый*), также имеющих общую структуру вида 'не Р', что позволяет выделить общие тенденции разворачивания их полисемии. К рассмотрению привлекается языковой материал, лежащий за пределами русского литературного языка, — данные диалектов и других славянских языков, а также некоторые параллели из других индоевропейских языков.

Почти все части книги, каждая по-своему, демонстрируют один и тот же поразительный факт — выделенность в языке некоторого круга фундаментальных значений, образующих каркас его семантической системы и способных к взаимопревращениям, к «перетеканию» друг в друга в определенных условиях. Именно таким образом оказываются связанными, например, значения причины, цели и условия, условия и уступки, фактивные и путативные значения, желание и намерение и многие другие. При этом одни и те же пути взаимопревращений прослеживаются на синхроническом, диахроническом и типологическом материале.

Остается добавить, что все части монографии подробно обсуждались на рабочих заседаниях Сектора теоретической семантики. Каждый из нас, неся полную меру авторской ответственности за свою часть, благодарен своим соавторам за откровенные, временами весьма жесткие, но неизменно конструктивные замечания, которые позволили устранить многие неясности, лакуны, а иногда и прямые ошибки, содержащиеся в первоначальном тексте. В обсуждении некоторых частей монографии или их существенных фрагментов участвовали также Н. Д. Арутюнова, И. М. Богуславский, М. Я. Гловинская, Анна А. Зализняк, Л. Л. Иомдин, И. М. Кобозева, Л. П. Крысин, И. А. Мельчук, Т. М. Николаева, В. З. Санников и А. Д. Шмелев. Всем указанным здесь лицам авторы выражают свою искреннюю признательность.

Ю. Д. Апресян

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Основания системной лексикографии

Задача данной части состоит в том, чтобы представить в сжатой форме основные принципы и понятия системной лексикографии и показать, какие конкретные результаты можно получать с их помощью. Для демонстрации предлагаемых здесь тезисов будут использоваться не только новые, но и уже введенные в оборот материалы — с уточнениями и дополнениями, отражающими современное понимание фактов, и с той степенью подробности, которая позволяет получить о них реальное представление.

Изложение в целом, как уже было сказано в Предисловии, построено как переход от общих тем (основные принципы и понятия системной лексикографии, фундаментальная классификация предикатов, правила взаимодействия значений) ко все более специальным — лексикографическим типам и интегральным лексикографическим представлениям («портретам» лексем). Тема лексикографических типов представлена в четвертой главе анализом интерпретационных глаголов, а тема лексикографических портретов — зарисовками лексем, даваемыми по ходу изложения материала во всех четырех главах. В результате должна получиться относительно полная картина теоретических проблем, практических задач и способов их решения, с которыми имеет дело системная лексикография.

Глава 1. Основные принципы и понятия системной лексикографии

К их числу относятся: а) установка на реконструкцию языковой картины мира (ответ на вопрос, как устроен язык); б) принцип интегральности лингвистических описаний (ответ на вопрос, как должно быть устроено лингвистическое описание); в) понятие системообразующего смысла; г) представление о семантическом метаязыке как упрощенном и стандартизованном подязыке описываемого языка, на котором выполняются толкования значений всех языковых единиц; д) поня-

Habent sua fata libelli

тие лексемы¹ и ее интегрального лексикографического представления; е) понятие лексикографического типа; ж) представление о лексике как классификационной и операционной системе.

1.1. УСТАНОВКА НА РЕКОНСТРУКЦИЮ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА²

Идея языковой (другое название — «наивной») картины мира, развиваемая нами с конца 60-х годов (см., например, [Апресян 1969: 53 и сл., 1974: 56 и сл.]), может быть представлена следующими основными тезисами:

а) Материалом для реконструкции языковой картины мира служат только факты языка ([Апресян 1995: 349, 354], ср. похожую формулировку в [Зализняк Анна 2003: 85]); под ними мы понимаем лексемы, грамматические формы, словообразовательные средства, просодии, синтаксические конструкции, фраземы, правила лексико-семантической сочетаемости и т. п. Этим наш подход отличается от установок ряда других направлений, для которых главным предметом исследования являются так называемые культурные концепты. Основанием для реконструкции последних служат не только факты языка, но и любые тексты культуры в самом широком смысле этого слова; см., например, [Арутюнова 1988, 1998] и другие работы по «логическому анализу языка» как он понимается Н. Д. Арутюновой. «Культурные концепты» в каких-то аспектах отличаются от языковых, хотя в других отношениях могут сходствовать с ними; ср. описание *совести* в [Апресян 1995а: 352—354]³ и в [Арутюнова 2000а].

¹ Напомним, что в МСШ лексемой называется слово, взятое в одном из имеющихся у него значений. Лексема, таким образом, является многосторонней единицей языка: у нее есть свое означающее, означаемое (лексическое значение), синтактика и прагматика. Подробнее см. раздел 1.5 ниже.

² Понятие, закрепленное позже в терминах «наивная картина мира» и «языковая картина мира», возникло в лингвистике еще в XIX веке и с тех пор обросло огромной литературой. Достаточно назвать такие имена и школы, как В. Гумбольдт и А. А. Потебня, Э. Сэпир и В. Уорф (гипотеза «лингвистической относительности»), неогумбольдтианцы (понятие *Zwischenwelt*'а), Л. В. Щерба (противопоставление «обывательских» и научных понятий), Р. Халлиг и В. Вартбург (идея «наивного реализма»), Г. Хойер (американская школа этнолингвистики), этнолингвистические школы Н. И. и С. М. Толстых в России (см. в особенности их многотомный словарь [Славянские древности]) и Е. Барминьского в Польше (см., например, [Językowy obraz świata 1990]). Совершенно исключительное место в этой литературе занимают все семантические исследования Анны Вежбицкой, из которых особого упоминания заслуживает книга [Wierzbicka 1992]. Из недавних собственно лингвистических работ по русской языковой картине мира назовем [Сукаленко 1992; Яковлева 1994; Зализняк Анна, Левонтина 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Шмелев 2002а, 2002б, 2004а, 2004б; Зализняк Анна 2003; Зализняк Анна и др. 2005]; интересный фон к некоторым деталям русской картины мира см. в [Плунгян 1991] и [Тань Аошуан 2004].

³ Должен отметить, что в работе [Урысон 2000а] мой анализ слова *совесть* представлен в искаженном виде, при том, что ее собственное описание в основных деталях совпадает

б) Картина мира, отражаемая в языке, во многих отношениях отличается от научной картины мира; ср. наивную физику пространства и времени [Апресян 1986б], образ человека по данным языка [Апресян 1995а: 348—388; Апресян, Апресян В. 1993], наивную картину эмоций [Aprésjan V. 1997], наивные представления о причинно-следственных отношениях [Богуславская, Левонтина 2004], наивную анатомию [Урысон 2003а], наивную этику и этикет [Крылова 2000б; Санников А. 2004], идею иррационального понимания [Иомдин Б. 2004] и т. п.

в) Языковая картина мира лингво-, или этноспецифична, т. е. отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков. Реально «особый способ мировидения» проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей — своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы — морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими⁴. Определенная ключевая идея имеет тем больше оснований на лингво-, или этноспецифичный статус, чем больше арсенал средств ее выражения в данном языке по сравнению с другими языками, чем разнообразнее их природа (особенно показательны в этом отношении грамматикализованные значения) и чем больше число языков, в которых она не может быть выражена столь же простыми средствами⁵. Часто язык

с моим. Не понимаю, каким образом мою реконструкцию *совести* как нравственного абсолюта русской языковой картины мира можно было сблизить с тем образцом бездумного и аморального деструктивизма, который Е. В. Урысон нашла в очень советских стихах забытой поэтессы 30-х годов.

⁴ Ср. более раннюю формулировку этого принципа: «Реконструкция каждого фрагмента картины считалась мотивированной только тогда, когда реконструированный фрагмент подтверждался не разрозненными данными, ... а большой совокупностью фактов, позволявших построить цельный и непротиворечивый образ какого-то объекта» [Апресян 1995: 349]. Новая, более детальная формулировка принципа (с акцентом на том, что семантические лейтмотивы выражаются многими средствами разн ой природы) представляется нам предпочтительной по той причине, что она позволяет ясно увидеть аналогию между семантическими лейтмотивами и системообразующими смыслами (см. ниже).

⁵ Непереводаемость всегда считалась свидетельством этноспецифичности; см., например, [Wierzbicka 1992: 69, 433; Шмелев 2004а: 351; Шмелев 2004б: 19] и многие другие работы. Наше определение уточняет эту общую идею. Во-первых, критерием этноспецифичности предлагается считать непереводаемость единицы X_1 языка L_1 столь же простыми единицами языков L_2, L_3, \dots, L_n . Во-вторых, вводится мера этого свойства — она тем больше, чем большее число единиц языка L_1 выражает данную ключевую идею, чем более разнообразна их природа и чем больше число языков, для которых такой простой перевод невозможен. Введение меры этноспецифичности представляется тем более необходимым, что в последнее время идея языковой картины мира была очень широко растиражирована и, к сожалению, измельчена. Некоторые авторы делают далеко идущие обобщения об этноспецифическом взгляде на мир и даже об особенностях национального характера на основе анализа нескольких изолированных примеров.

заставляет говорящего выражать эти идеи, даже если они несущественны для его высказывания.

Из-за недостатка места мы обсудим более подробно только тезис в).

Об этноспецифичности картины мира в языке L относительно какого-то другого языка или языков можно говорить в двух случаях: а) когда в L есть простые по своей структуре языковые единицы с таким значением, которое в других языках может быть выражено только описательно, т. е. сложными единицами типа словосочетаний или предложений (этноспецифичность в сильном смысле); б) когда какое-то значение, в принципе выразимое простыми средствами и в других языках, имеет в L некий особый — грамматикализованный или полуграмматикализованный — статус (этноспецифичность в слабом смысле). Рассмотрим по примеру на каждый из этих случаев.

1.1.1. УНИКАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ: КОНСТРУКЦИЯ *МНЕ (ХОРОШО) РАБОТАЕТСЯ*

Обычно этноспецифические значения исследуются на лексическом материале, причем между разными исследователями существует значительная мера согласия по поводу состава этого материала. Так, Анна Вежбицка (см. [Wierzbicka 1992]) выделяет в русском языке в качестве этноспецифичных слова *авось* (стр. 433—435), *воля* (443), *душа* (48—63), *жребий*, *рок*, *судьба* (65—82), *суждено* (112—113), *тоска* (169—174), *хочется* (428) и т. п., указывая на нетривиальные смысловые связи многих из них, в частности, слов *авось*, *повезло* и *судьба*. У Н. И. Сукаленко фигурируют слова *авось*, *воля* (*вольная*), *даль*, *задушевность*, *поле* (*чистое*), *удаль* [Сукаленко 1992: 117], а работа [Николина 1993] целиком посвящена одному из них, а именно слову *авось*. В книге [Булыгина, Шмелев 1997] в тот круг лексических единиц русского языка, который рассматривается как отражение «русской души», включены слова *авось* (стр. 491), *воля* (486), *душа* (488), *судьба* (488—489), *тоска* (489) и некоторые другие. А. Д. Шмелев добавляет к ним еще несколько десятков слов, из которых для нас представляют интерес прежде всего слова *маяться*, *томиться*, *неприкаянность* [Шмелев 2002б: 82—83].

Во многих из названных здесь слов (*авось*, *маяться*, *неприкаянность*, *рок*, *томиться*, *тоска*, *хочется*), разные исследователи усматривают, с точностью до синонимии формулировок, следующие характерные для русской языковой картины лейтмотивы: наличие чужой воли; ее неопределенность, непостижимость, таинственность для субъекта; «пассивность субъекта установки», когда все происходит как бы само собой; ощущение неподвластности человеку хода событий [Wierzbicka 1992: 73, 395, 428—435; Зализняк Анна, Левонтина 1996: 239; Булыгина, Шмелев 1997: 491; Шмелев 2002б: 135]⁶.

⁶ Справедливости ради отметим и некоторые существенные расхождения в трактовке названных слов, понятий и стоящих за ними жизненных установок; ср., например, полеми-

Похожие лейтмотивы обнаруживаются и в некоторых безличных и неопределенно-личных конструкциях русского языка, основательно и тонко проанализированных с этой точки зрения в ряде работ А. Вежицкой, включая и упоминавшуюся книгу [Wierzbicka 1992]. Из них особенно интересной для обсуждаемой темы нам представляется конструкция типа *Мне сегодня работается* (*не работается, с трудом поется, легко пишется*). Как известно, она формируется глаголами НЕСОВ на -ся, производными от нетранзитивных глаголов или абсолютивных употреблений транзитивных глаголов, обычно в сочетании с дательным падежом субъекта⁷.

Эта конструкция многократно описывалась в классической и современной литературе; см., например, [Пешковский 2001: 346, Карцевский 2004: 152⁸; Шахматов 1941: 94; Виноградов 1947: 468; Янко-Триницкая 1962: 212—225; Guiraud-Weber 1984: 193 и сл.; Вежицкая 1996: 67—68; Апресян 2003: 21]. Ее суммарная характеристика представлена в [Булыгина, Шмелев 1997: 106—107], где перечислены следующие ее свойства: (а) она имеет значение «внутренней predisposedности к действию», «успешности совершения действия» и отличается от соответствующих конструкций с невозвратными глаголами тем, что описывает полуконтролируемую, «демиактивную» ситуацию; (б) субъектом состояния обычно является человек; другие живые существа, а тем более неодушевленные предметы в этой роли допустимы лишь в случае персонификации; (в) при глаголе невозможны целевые обстоятельства; (г) продуктивность конструкции ограничена, хотя неясно, как.

Эту характеристику следует дополнить несколькими существенными деталями.

Во-первых, свойство несочетаемости с целевыми обстоятельствами на самом деле носит гораздо более общий характер. Поскольку безличные глаголы на -ся обозначают состояние, а не действие, они неохотно сочетаются не только с обстоятельствами цели, но и с некоторыми другими обстоятельствами, типичными для действий, такими, как *быстро, напряженно, сосредоточенно, энергично* и т. п.

Во-вторых, можно достаточно определенно указать факторы, ограничивающие продуктивность конструкции. Идеальным материалом для нее являются основы глаголов со значением занятий (*Мне сегодня отлично работается* (*поется, пишется*), *Нынче другу елось славно / И еще славнее пилося* (И. В. Гете, Западно-вос-

ческие замечания Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева по поводу соображений А. Вежицкой о слове *судьба* в [Булыгина, Шмелев 1997: 489].

⁷ Мы используем сокращения названий граммем (НЕСОВ(ершенный вид), НАСТ(оящее время), РОД(ительный падеж), МН(ожественное число) и т. п.), принятые в НОСС'е и в формальных описаниях русского языка, которые были упомянуты в Предисловии; во всех этих источниках они детально разъяснены. Ниже такие сокращения, ввиду их прозрачности, не расшифровываются.

⁸ С. Карцевскому принадлежит следующая замечательная формулировка: «Эти обороты чаще всего отрицательные, что особенно подчеркивает волевое бессилие субъекта» (ibid.).

точный диван, пер. М. Кузмина)), процессов (*Мне здесь хорошо (легко) дышится (спится)*) и деятельности (*Как вам путешествуется (воюется?)*). Использование основ других типов, в том числе основ со значением действий, создает отчетливое ощущение нестандартности; ср. ^{??}*Ему хорошо думалось о предстоящей работе (думать — действие)* VS. *Ему хорошо думалось на даче (думать — занятие)*, **Ему хорошо бегалось за хлебом (бегать — действие)* VS. *Ему в это утро хорошо бегалось (бегать — занятие)*. Ср. также ненормативное *И несколько раз — [Иосиф Бродский] говорил о том, что последнее время стихи ему не пишутся, а я рассказывал ему, как их любят в России* (А. Кушнер, Здесь, на земле). Аномальность возникает из-за того, что в присутствии объекта (*стихи*) у глагола восстанавливается значение действия.

В случаях типа *Мне думается, что это ненадолго*, *Ей хотелось пить*, *Ему слышались какие-то звуки*, с глаголами, обозначающими ментальные, волевые или физические состояния, а также в примерах с глаголами в форме СОВ типа *Мне взгрустнулось*, представлены другие типы производных глаголов и, соответственно, другие синтаксические конструкции (о различиях между ними см., например, [Guiraud-Weber 1984]).

В случаях типа *И чего тебе не сидится?*, *Ему не стоялось на месте*, с глаголами положения в пространстве, эти глаголы сливаются с отрицанием в единое целое и образуют фразему. Свидетельством фраземности *не сидится*, *не стоит* является невозможность замены отрицания оценочными атрибутами типа *хорошо*, *плохо*, *отлично* и т. п.; ср. **И чего тебе плохо сидится?*, **Ему хорошо стоялось на месте*.

В-третьих, глагол, являющийся синтаксической вершиной конструкции, имеет сложную семантическую структуру, с разделением на пресуппозицию и ассерцию. Пресуппозицию образует указание на действие или попытку его совершить, а ассерцию — указание на состояние субъекта, т. е. его особую предрасположенность к действию. В подтверждение этого можно привести два аргумента: а) в отрицательных предложениях типа *Х-у не работалось* отрицается именно предрасположенность к действию, а не тот факт, что Х работал или по крайней мере пытался работать; б) в предложениях типа *Х-у хорошо (плохо) работалось* оценочные наречия тоже характеризуют внутреннее состояние Х-а, а не его работу. Ср., в отличие от этого, *Х хорошо (плохо) работал*, где оценивается именно работа Х-а.

В-четвертых, указание на особую предрасположенность к действию образует в значении этой конструкции так называемый слабый смысл, который элиминируется отрицанием или наречием со значением 'плохо': *Х-у сегодня не работается (плохо работается)* = 'Сегодня Х находится в таком состоянии, когда работа у него идет плохо или совсем не идет'. Как видно из этого описания, *Х-у не работается* и *Х-у плохо работается* почти синонимы. Наречие *хорошо* и его синонимы тоже не создают нового смысла, а лишь усиливает уже имеющийся смысл 'хорошо, легко'. Иными словами, отрицание и оценочные наречия взаимодействуют со значением безличного глагола, формирующего конструкцию, по особым правилам.

На основании сказанного можно предложить следующее толкование данной конструкции:

Х-у Р-ся = 'Х делает Р [пресуппозиция]; Х находится в таком внутреннем состоянии, когда Р не требует от него больших усилий [ассерция]; по мнению говорящего, это состояние возникло не потому, что Х этого хотел, а в результате действия какой-то неопределенной и не зависящей от Х-а силы' [модальная рамка]⁹.

По-видимому, рассмотренный семантический лейтмотив — неподконтрольность ситуации субъекту и неопределенность той силы, которая является причиной наблюдаемого положения вещей — этноспецифичен в сильном смысле. Мы допускаем, что при переводе этой конструкции на другие языки можно отыскивать описательные способы передачи похожего комплекса идей, но крайне маловероятно, что в других языках для этого найдутся столь же простые средства его выражения.

1.1.2. НЕУНИКАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ В ЯЗЫКЕ: МНОГОКРАТНОСТЬ

Это значение тоже этноспецифично, однако в слабом смысле. В самом деле, в русском языке оно стандартно выражается наречиями и наречными сочетаниями *многократно, неоднократно, несколько раз, много раз, каждый раз, большими глотками (пил)* и т. п. Аналогичным образом оно выражается и во многих других языках и в этом отношении никакой этноспецификой не обладает. Этноспецифичным оно становится тогда, когда выражается самим глагольным словом (его основной, грамматической формой, словообразовательным аффиксом), синтаксической конструкцией или тем и другим вместе; в этом случае оно превращается в одну из ярких семантических доминант русского языка.

Значение многократности (итеративности, глагольной множественности), неоднократно исследовалось в грамматике и типологии¹⁰, особенно в связи с так

⁹ Ср. толкование А. Вежицкой: «Х (сейчас) делает что-то / не потому, что Х хочет, чтобы что-то случилось с чем-то еще / Х думает что-то вроде этого: / я чувствую, что могу (с)делать это хорошо / я не могу сказать почему / это не потому, что я хочу это» [Вежицкая 1996: 68]. Как видим, два толкования формально различны. Однако наше толкование весьма близко к следующей описательной формулировке А. Вежицкой: «В рассматриваемой конструкции человек представлен как лицо, которое, делая нечто, по какой-то непонятной причине не испытывает при этом никаких затруднений. Агенса чувствует, что предпринятая им деятельность протекает гладко ('хорошо'), но, сколь бы рад он этому ни был, заслуги его в этом нет, так как успех достигается не в результате затраченных им самим усилий, а скорее благодаря действию каких-то непостижимых сил» (там же).

¹⁰ См., например, [Шахматов 1925: 167; Карцевский 2004: 122—125; Виноградов 1947: 511 и сл.; Маслов 1965: 76—78]. Из современных работ назовем [Храковский 1989: 25—50; Долинина 1996: 222 и сл.], с обширной дальнейшей библиографией.

называемыми способами действия — кумулятивным (*наносил дров, начитался романов*), дистрибутивным (*попа́дать, повставать*), суммарно-дистрибутивным (*понастроить, понавывдумывать*), прерывисто-смягчительным (*покалывать, покашливать*) и т. п. Ниже, по возможности избегая специальной терминологии, мы перечислим основные способы выражения этого значения, в том числе и различные «многократные» способы действия. Итак, многократное значение выражается:

а) Формами НЕСОВ в общефактическом многократном результативном значении; ср. *Я решал и не такие задачи*.

б) (Устаревшим) бесприставочным многократным способом действия; ср. *бывать, выдывать, есть, сиживать, слыхивать, хаживать* и т. п.

в) Различными приставочными способами действия; замечательно при этом, что почти каждая глагольная приставка русского языка, сама по себе или в составе циркумфикса с возвратной частицей *-ся*, имеет по крайней мере одно многократное значение. Ср. *выведывать, вынюхивать, выспрашивать; добудиться, дозвониться, допытаться; забросать (каменьями), задарить, задержать (Ты совсем меня задержал); изолгаться, изорваться; изъездить, исходить (весь русский Север); на-вербовать, насадить (берез), настроить (домов); обойти (магазины), обстирать (семью), объездить (страну); перебить (чашки), перезнакомить (гостей), перецеловать (всех девушек); перебрасываться, переглядываться, переругиваться; поглядывать, позвякивать, покашливать, пописывать; повыталкивать, понакидать, понаписать, понастроить; приговаривать, приплясывать, пристукивать; раззвонить (повсюду о своих намерениях), разузнать, расспросить; разбежаться, разбрестись, разойтись; сбежаться, слететься, съехаться; уговорить, умолить, упросить*.

г) Синтаксическими средствами, а именно кратной-длительной конструкцией с временным существительным в форме ТВОР МН или в составе предложно-именной группы *по + ДАТ МН*, как во фразах *Ночами (по ночам) она сидела над диссертацией* (много раз на протяжении длительного времени; см. Всеволодова 1983). Ср. обычную длительную конструкцию с временным существительным в форме ВИН ЕД типа *Всю ночь она сидела над диссертацией* и эмфатическую конструкцию с существительным в форме ТВОР МН под главным фразовым ударением: *Она сидела над диссертацией ↓ночами* = 'много раз и каждый раз подолгу'.

д) Глагольными лексическими средствами, а именно: (i) моторно-кратными глаголами типа *ходить, бегать, летать, плавать, ездить, водить, носить* и т. п. в значении разнонаправленного перемещения (ср. *ходить по двору, бегать по берегу*); (ii) глаголами локализованного движения, управляющими творительным падежом существительного (часто со значением части тела) и в форме НЕСОВ обозначающими последовательность однородных актов или квантов действия: *бить (хвостом), блуждать (глазами), болтать (ногами), вертеть (крутить) (головой)*,

взмахивать (головой), вилять (хвостом), вихлять (бедрами), вращать (глазами), встряхивать (гривой), двигать (бровями), дергать (щекой), качать (головами), кивать (головой), махать (крыльями), моргать (глазами), мотать (головой), покачивать (бедрами), размахивать (кулаками), трепетать (крыльями), трясти (головой), шевелить (пальцами), шмыгать (носом).

1.2. ПРИНЦИП ИНТЕГРАЛЬНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ¹¹

Можно считать, что первая в нашей литературе формулировка принципа интегральности принадлежит Л. В. Щербе. В знаменитой статье 1931 г. «О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» он писал: «Правильно составленные словарь и грамматика должны исчерпывать знание данного языка. Мы, конечно, далеки от этого идеала; но я полагаю, что достоинство словаря и грамматики должно измеряться возможностью при их посредстве составлять любые правильные фразы во всех случаях жизни и вполне понимать говоримое на данном языке» [Щерба 1974: 25—26]¹². Однако это замечательное прозрение не получило терминологического оформления¹³ и не было подкреплено никаким примером интегрального описания хотя бы небольшого фрагмента языка. По обеим причинам оно не оказало серьезного влияния ни на развитие лингвистической мысли, ни на практику лингвистических описаний, и может быть оценено по достоинству только задним числом.

Первый реальный опыт интегрального описания языка в нашей науке появился только девять лет спустя. Мы имеем в виду «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова ([СУш]). Правда, в нем «интеграцией» (по-прежнему не закрепленной в термине) были затронуты только морфология и лексика. Для каждого изменяемого слова в этом словаре приводятся ключевые формы, предположительно

¹¹ Этот принцип является требованием к тому, как должно быть устроено лингвистическое описание. Не следует путать его с гораздо более тривиальным утверждением о том, как устроен сам язык, а именно с тезисом, что «в системе языка взаимосвязаны его фонетический строй, грамматика и словарь» [Грамматика-60: 7]. Последнее, как справедливо пишет Е. В. Падучева, «является азбучной истиной современной лингвистики» [Падучева 1975: 551].

¹² При желании в этой мысли можно видеть и зародыш принципа интегральности лингвистических описаний, и зародыш семантического принципа композициональности; недаром в той же статье Л. В. Щербу посещает его второе замечательное озарение — о «правилах сложения смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы» (стр. 24). Кажется, именно так понимается мысль Л. В. Щербы и в только что процитированном обзоре Е. В. Падучевой.

¹³ Удачный термин «интегральное описание языка», предложенный в книге [Katz, Postal 1964], появился на треть столетия позже, чем сама идея. Кстати, в самой книге Дж. Катца и П. Посталя термин не был насыщен сколько-нибудь интересным лингвистическим содержанием.

достаточные для автоматического восстановления его полной парадигмы с помощью специальных указаний о типах склонения или спряжения и «таблиц окончаний», помещенных непосредственно в словаре. В [Зализняк 2003], первое издание которого вышло в 1977 г., этот подход был доведен до совершенства: помещаемых в нем сведений достаточно не только для построения «письменной» парадигмы любого изменяемого слова, но и для воссоздания его акцентуации во всех формах.

В 70-е годы в работах И. А. Мельчука и его учеников по модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» эта идея, все еще без терминологического закрепления, была распространена на синтаксис. В толково-комбинаторный словарь, взаимодействующий с формальной моделью синтаксиса, было предложено включать информацию об управляющих свойствах слов (гораздо более развитую, чем в обычных толковых словарях) и об их синтаксических признаках, т. е. свойствах типа одушевленности-неодушевленности для существительных, предикативности для прилагательных и наречий, способности менять ИМ на РОД в контексте отрицания для глаголов, первообразности для предлогов и т. п. Предполагалось, что правила формальной модели синтаксиса, осуществляющей автоматический синтаксический анализ и синтез текстов, непосредственно взаимодействуют с этой словарной информацией.

Однако современное понимание принципа интегральности могло сложиться и действительно сложилось только после того, как идеология модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» в достаточно полном объеме была реализована на компьютере. Как уже было сказано в Предисловии, та компьютерная реализация модели, которая получила название ЭТАП, опирается на автоматические комбинаторные словари английского и русского языков, насчитывающие до 90 000 входов каждый, полные формальные модели морфологии, а также формальные модели синтаксиса, покрывающие гораздо более широкий круг конструкций, чем правила академических грамматик. Только после того, как эти грамматики и словари стали реально функционировать на компьютере и были многократно откорректированы по результатам экспериментов на больших массивах текстов, оказалось возможным понять, какой громадный объем грамматических и лексикографических следствий вытекает из принципа интегральности. Получить эту информацию умозрительным путем было бы невозможно.

Ниже принцип интегральности лингвистических описаний, распространенный в наших работах на все типы лингвистической информации, включая семантическую (ср. в особенности правила взаимодействия значений в текстах), прагматическую, коммуникативную и просодическую, излагается в том виде, в каком он был сформулирован в работах [Апресян 1980, 1995].

Два главных компонента лингвистического описания — словарь и грамматика (последняя понимается расширительно — как совокупность всех правил языка, включая семантические). Они должны быть максимально согласованы между собой по типам помещаемой в них информации и по формальным способам (языкам) ее записи. Этой информации должно быть достаточно для правильного употребления любой единицы языка в тексте или в речи и, тем самым, для ее правильного

понимания. Отсюда вытекают очень существенные требования к тому, как лингвистическая информация будет распределена между грамматикой и словарем, а значит и к тому, как должны работать грамматист и лексикограф.

Грамматист при формулировке очередного правила должен работать на всем множестве лексем и учесть те лексемы, которые ему подчиняются, если данная форма их поведения не зафиксирована непосредственно в их словарных статьях (настройка грамматики на словарь). Во многих случаях это приводит к необходимости включать в правила информацию о конкретных лексемах.

Лексикограф, описывая очередную лексему, должен работать на всем множестве лингвистических правил и приписать каждой лексеме все свойства, обращения к которым могут потребовать правила (настройка словаря на грамматику)¹⁴. Часто это требует включения правил непосредственно в словарь. Так обстоит дело в тех случаях, когда какое-то правило касается только данной лексемы или небольшой группы лексем: тогда наиболее естественным местом для него оказываются именно их словарные статьи.

Собственно лексикографический интерес представляет только вторая задача, которая поэтому будет прокомментирована более подробно. Мы разобьем ее на две более конкретные задачи: а) расширение лексикографической информации о свойствах лексемы, на которые ссылаются какие-то правила; б) включение некоторых лингвистических правил непосредственно в словарные статьи конкретных лексем¹⁵. Кроме того, мы попытаемся извлечь одно более общее следствие из принципа интегральности, касающееся описания любых языковых объектов и классов объектов.

1.2.1. РАСШИРЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О СВОЙСТВАХ ЛЕКСЕМЫ

Известно, что в отрицательных предложениях многие непереходные глаголы русского языка, некоторые переходные глаголы в пассивной конструкции и некоторые краткие прилагательные могут иметь подлежащее либо в форме ИМ, либо в форме РОД: *Мороз не чувствовался* и *Мороза не чувствовалось*, *Подкрепления не посылались* и *Подкреплений не посылалось*, *Звуки не слышны* и *Звуков не слышно*. При этом выбор формы ИМ или РОД семантически мотивирован: при прочих

¹⁴ Уже здесь следует привлечь внимание к тому, что понятие лингвистического правила играет исключительную роль для всего понятийного аппарата теоретической семантики и системной лексикографии. В частности, через него определяются понятия лексемы, лексикографического типа, нетривиального семантического признака, системообразующего смысла, фундаментальной классификации предикатов и ряд других. См. о них ниже.

¹⁵ Акцент на правилах в словарных статьях имеет и психологическую мотивацию: по-видимому, лексикографу непросто примириться с мыслью, что словарь должен стать хранилищем очень многих правил.

равных условиях ИМ предполагает, что явление, о котором идет речь, существует (*Звуки не слышны* — они есть, но по какой-то причине не могут быть восприняты), а РОД допускает, что их вообще нет (ср. *Звуков не слышно*). С другой стороны, ИМ чаще вводит определенный объект (ср. *Звук дождя в вагоне не слышен*), а РОД — чаще неопределенный (ср. *Не слышно ни звука*)¹⁶.

Относительно этого грамматического правила все глагольные и адъективные лексемы, удовлетворяющие указанным выше условиям, разбиваются на три класса: а) лексемы, которые допускают мену падежа подлежащего с ИМ на РОД в контексте отрицания (см. выше); б) лексемы, которые ее требуют (ср. *У нас не имеется сведений на этот счет*, при невозможности **У нас не имеются сведения на этот счет*, *Не остается сомнений*, при невозможности **Не остаются сомнения*; см. однако ниже); в) лексемы, которые ее не допускают ни при каких обстоятельствах (ср. *Весна все никак не начиналась* при невозможности **Весны все никак не начиналось*, *Бой не продолжался* при невозможности **Боя не продолжалось*).

Носители русского языка в норме владеют этой информацией — она составляет часть их языковой компетенции. Значит, и лингвистическое описание русского языка, которое ее моделирует, должно содержать нужные сведения на этот счет. Однако даже академические словари и грамматики не сообщают информации, достаточной для того, чтобы строить правильные синтаксические конструкции с нужным значением для произвольного глагола или прилагательного в краткой форме. Объясняется это двумя причинами: во-первых, сложностью распределения глаголов относительно данного синтаксического правила; во-вторых, отсутствием традиций согласования грамматической и лексикографической информации в научном описании языков.

Распределение всей глагольной лексики русского языка по трем названным классам отчасти семантически мотивировано. Было, например, давно замечено, что способностью менять ИМ на РОД в контексте отрицания обладают экзистенциальные глаголы в широком смысле, т. е. глаголы со значением существования, начала существования, продолжения существования и потребности (≈ 'надо, чтобы существовало'), а также краткие прилагательные и переходные глаголы в форме СТРАД, имплицитующие существование или появление объекта: *бывать*, *быть*, *вести* (*В последние годы наблюдений за вулканом не велось*), *виден*, *возникать*, *найтись*, *наступать*, *оставаться*, *ощущать* (*Недостатка в научной литературе не ощущалось*), *полагаться* (*Ребенку отдельного места не полагается*), *посылать*

¹⁶ Этой конструкции посвящена обширная литература; упомяну лишь классические работы [Карцевский 1928], [Jakobson 1971] (первое издание 1936 г.), [Ицкович 1974], а из современных работ — [Babby 1978, 1980; Апресян 1985; Падучева 1997, 2004: 440—472; Quiraud-Weber 2003] и обзор [Богуславский 1982]. Интересен «взгляд со стороны» М. Гиро-Вебер, которая противопоставляет русский язык с лексикализированным генитивом под отрицанием чешскому, где аналогичная конструкция полностью грамматикализовалась в пользу номинатива, и польскому, где такая же конструкция тоже полностью грамматикализовалась, однако в пользу генитива (цит. соч, с. 364—366).

(Никаких телеграмм не посылалось), появляться, происходить, проходить, случаться, слышен, сохраняться, строить (Новых субмарин не строилось), существовать, требоваться, чувствовать (Мороза не чувствовалось) и т. п.

В последнее время был предложен еще один смысл, благоприятствующий мене ИМ \Rightarrow РОД под отрицанием. По мнению Е. В. Падучевой (см. [Падучева 1997: 104, 2004: 444]), такой способностью, помимо экзистенциальных, обладают глаголы, толкование которых «включает ... перцептивный компонент», т. е. указание на то, что объект, о котором идет речь, актуально воспринимается кем-то (не обязательно визуально); ср. *Доктора дома не оказалось, Деревни на берегу не видно, Хозяина в доме не чувствуется*. При этом в отрицательном предложении именно перцептивный компонент должен подвергаться отрицанию. Уточненное таким образом условие она считает достаточным для однозначного предсказания синтаксического поведения глагола.

Ниже мы попытаемся показать, что ни тот, ни другой смысл не дает стопроцентно мотивированного правила употребления глагола с подлежащим в форме РОД в отрицательном предложении. Основные контрпримеры собраны в три группы, упорядоченные по нарастанию их доказательной силы: сначала рассматриваются непоследовательности в синтаксическом поведении лексем одного семантического класса, затем — синонимического ряда и, наконец, непоследовательности в поведении одной и той же лексемы в разных условиях ее употребления.

а) Лексемы, являющиеся элементами одного и того же семантического класса, могут попадать в разные синтаксические классы относительно способности менять ИМ на РОД в контексте отрицания. Таковы, например, лексемы со значением проявления свойства или процесса, выделенные в [Апресян 2003: 10]. Они идеально отвечают критерию «перцептивности»: в их значение входит указание на то, что данное свойство или процесс актуально воспринимается каким-то наблюдателем, причем именно это указание попадает в сферу действия отрицания в отрицательном предложении. Ср. глаголы *белеть, краснеть, чернеть; блистать, мелькать, мерцать, сверкать, светиться* (зрительные проявления); *греметь, доноситься, лязгать, скрежетать* (звуковые проявления); *благоухать, вонять, пахнуть, смердеть* (обонятельные проявления); *горчить* (вкусовое проявление); *греть, жечься, колоться* (тактильные проявления). Е. В. Падучева считает вполне правильными фразы типа *Не белеет ли парусов на горизонте, Не блистает теперь бриллиантов в ее прическе, Не светится большие надежды в ее глазах, Не гремело победных маршей*. Не оспаривая эти оценки, обратим внимание на то, что по крайней мере сомнительны фразы *Не краснеет ли маков в поле, Не лязгало буферов, Не скрежетало якорных цепей*. Еще более замечательно то обстоятельство, что приемлемость генитивной конструкции падает по мере перехода от глаголов зрительных проявлений к глаголам слуховых проявлений, от них — к глаголам обонятельных проявлений (**Рыбы не пахнет (не воняет)*) и дальше к глаголам вкусовых и особенно тактильных проявлений: **Творога не горчит, *Шубы не греет, *Крапивы не жжется (не колетя)*.

б) Более того, даже близкие синонимы могут принадлежать к разным классам. Так, глагол *наступать* допускает мену ИМ \Rightarrow РОД в контексте отрицания, а его синоним *наставать* — нет; ср. *Затишье* (молчание) (так и) не наступило и *Затишья* (молчания) (так и) не наступило, но только *Затишье* (молчание) (так и) не настало, при невозможности **Затишья* (молчания) (так и) не настало¹⁷. Глагол *сохраняться* допускает такую мену, а его синоним *оставаться* в большинстве употреблений требует ее; ср. *Другие улики не сохранились* и *Других улик не сохранилось*, но только *Других улик не осталось*, при невозможности **Другие улики не остались*.

в) Наконец, одна и та же глагольная лексема в разных условиях употребления (в разных контекстуальных условиях, в разных формах и значениях времени и вида, в сочетании с разными числовыми формами существительных) может вести себя по-разному. Ср. *Не светило ни одного телеэкрана*, ?*Не светило витрин магазинов*, ??*Глаз в темноте не светило*; *Никакие улики не остаются (их уничтожают)*, *Никаких улик не остается*, *Никаких улик не осталось*, **Никакие улики не остались*; *Не гремело победных маршей*, ?*Не гремело музыки*, **Не гремит поездов по ночам*; *Утешения не наступало*, *Мира в душе все никак не наступало*, ??*Весны все никак не наступало*, **Марта еще не наступило* (ср. *Март еще не наступил, зачем ты меня торопишь?*).

Из общих соображений тоже следует, что рассчитывать на стопроцентно мотивированное семантическое правило в данном случае было бы нереалистично: русский язык чересчур лексикализован для этого.

Положение осложняется тем, что некоторые глаголы в конструкциях с ИМ и РОД под отрицанием приобретают неожиданные семантические ограничения. Например, лексема *быть* 2.1 = 'находиться' при подлежащем в форме РОД сочетается только с актуально-длительным значением НЕСОВ, ср. *Отца не было на море* (в момент наблюдения)¹⁸. Та же лексема при подлежащем в форме ИМ сочетается только с общефактическим результативным значением НЕСОВ. Например, фраза *Отец не был на море* может значить только то, что он никогда в жизни не бывал на море. Кроме того, в последнем случае может меняться и денотативный статус (по Е. В. Падучевой) локативного дополнения, в нашем случае — существительного *море*: если в первом примере (*Отца не было на море*) речь идет о каком-то конкретном море, то во втором — обо всем классе морей.

¹⁷ Может возникнуть сомнение по поводу правильности сочетаний типа *Настало затишье* (молчание). В текстах такие примеры есть; ср. *Настало некоторое затишье перед утром в бессонной жизни гостиницы* (В. Набоков, Лолита); *Полное молчание настало в колоннаде* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Само наше наблюдение тоже подтверждается примерами из текстов. Ср. *Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *Утешения не наступало* (Вик. Ерофеев, Скулы, нос и овраг). Для *наставать* в том же корпусе не было найдено ни одного подобного примера.

¹⁸ Эту лексему не следует путать с *быть* 2.2 = 'приходить, приезжать и т. п.', как во фразах *Врач будет завтра* или *Этим летом я уже был на море* в двунаправленном значении.

Любопытно, что та же лексема в утвердительных предложениях свободно употребляется в обоих названных выше видо-временных значениях НЕСОВ.

Очевидно, что в самом грамматическом правиле мены падежа подлежащего в контексте отрицания нельзя указать с достаточной полнотой ни глаголы, которые ему подчиняются, ни контекстуальные условия, которые усиливают или ослабляют эту способность, ни семантические модификации, которые при этом могут происходить. Единственное место, где эту информацию можно представить с относительной полнотой, — словарь. Однако ни один толковый словарь русского языка такой информации не содержит и, следовательно, в этом пункте принципу интегральности лингвистического описания не удовлетворяет.

Из сказанного с неизбежностью следует, что принцип интегральности превращает лексикографическое описание каждой лексемы в самостоятельную научную задачу. Чтобы понять истинный масштаб трудностей такого описания, надо учесть, что в системной лексикографии делается попытка реализовать принцип интегральности в объеме всего словаря, и не для одного признака, как в рассмотренном выше примере, а для всех, которые могут оказаться релевантными для правил. Некоторое представление о том, во что это выливается, мы попытаемся дать в разделе 1.5, посвященном понятию лексемы.

1.2.2. ВКЛЮЧЕНИЕ ПРАВИЛ В СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ КОНКРЕТНЫХ ЛЕКСЕМ

Как известно, у модальных наречий *можно*, *нельзя*, *невозможно* есть по три основных модальных значения: алетическое, называемое также онтологическим и потенциальным (применительно к перечисленным наречиям это значение объективной возможности или невозможности); деонтическое (применительно к первым двум наречиям это значение разрешения или запрета); и вероятностное, называемое также предположительным и эпистемическим. Ниже мы проанализируем особенности только двух из них — первого и последнего, причем, естественно, только с интересующей нас лексикографической точки зрения¹⁹.

Начнем с алетического значения (объективной возможности / невозможности), которое можно проиллюстрировать следующими примерами: *Здесь вполне можно перейти речку вброд*, *Можно в такой темноте что-нибудь увидеть* (в таком шуме что-нибудь услышать?); *Здесь невозможно (нельзя) перейти речку вброд*, *В такой темноте (в таком шуме) нельзя (невозможно) что-либо увидеть (что-либо услышать)*.

В контексте предикатов мнения типа *допускать*, *думать*, *надеяться* 2, *полагать*, *предполагать*, *рассчитывать*, *судить* (во вводном обороте *насколько можно судить*), *считать*, *усомниться* и т. п., а также семантически производных от

¹⁹ Ясное общелингвистическое и логическое описание всех трех значений, равно как и различий между ними, выполненное на большом материале, содержится в книге [Булыгина, Шмелев 1997: 209—231].

них предикатов типа *утверждать*, *отрицать* и т. п., чисто алетическое значение 'есть возможность для Р' (соответственно 'нет возможности для Р') преобразуется в значение 'есть основания для Р' ('нет оснований для Р'): объективная возможность закономерно переинтерпретируется как ментальная предпосылка. Ср. *Можно считать* (*утверждать, надеяться, предполагать*), *что эксперименты закончились успешно* = 'Есть основания считать (утверждать, ..), что ..'; *Нельзя считать* (*утверждать*), *что эксперименты закончились успешно* = 'Нет оснований считать (утверждать), что ..'; *Нельзя отрицать*, *что работа была организована из рук вон плохо* 'Нет оснований отрицать, что ..'; *В таких условиях невозможно было рассчитывать на успех* 'Не было оснований рассчитывать ..'. Ср. также *Тогда, конечно, вряд ли можно надеяться на исполнение последней воли* (В. Солоухин, Похороны Степаниды Ивановны); *По ряду признаков можно думать, что самое главное (...) они изложили правильно* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Можно предположить, что это была легкая форма забастовки соскучившегося от безработицы гарема* (Ф. Искандер, Козы и Шекспир); *Можно утверждать, что любой из ныне осуществимых биомеханизмов остро (...) реагирует на естественное биополе* (А. и Б. Стругацкие, Волны гасят ветер); *Нельзя отрицать, что некоторый повод для таких споров давал сам Бунин* (В. Ходасевич, Бунин. Собрание сочинений).

Этот семантический сдвиг характерен для перечисленных лексем, но его нельзя связать ни с каким общим с м ы с л о м в их значениях. Очевидно, например, что у глагола *мочь* тоже есть алетическое значение; ср. *Можешь перепрыгнуть через этот ров (выжать двухпудовую гирию, решить эту задачу)?* Однако в контексте предикатов мнения и утверждения его значение не обязательно сдвигается в сторону 'есть основания (считать, утверждать и т. п.)'. Ср. семантический контраст в парах *Можно думать что угодно* и *Можешь думать что угодно*, *Можно утверждать, что эксперименты закончились успешно* и *Можешь утверждать, что эксперименты закончились успешно* (= 'мне безразлично, что именно ты думаешь (утверждаешь)').

Поскольку, таким образом, рассматриваемый семантический сдвиг характеризует не весь семантический класс, а лишь отдельные входящие в него лексемы, он естественнее всего описывается в виде правила семантической модификации в словарных статьях самих этих лексем.

Как было сказано выше, помимо алетических значений многие модальные слова имеют еще вероятностные (предположительные, эпистемические) значения; ср. *Подожди еще немного, они могут вернуться с минуты на минуту* (*должны вернуться с минуты на минуту*). Словари (СУ, БАС, МАС, СОШ, БТС) выделяют вероятностные значения у слов *мочь* и *должен*, но единодушно отказывают в возможности такого употребления словам *можно*, *нельзя* и *невозможно*. Между тем из общих соображений естественно допустить, что эти слова тоже должны иметь вероятностные употребления.

Такие употребления у них действительно есть, но реализуется они лишь в контексте предикатов со значением неконтролируемых действий, процессов и состояний²⁰; ср. *Так можно и ошибиться (и подвести человека)*, *Утром здесь можно поймать даже форель*, *В этой рощице можно найти даже белые грибы*, *Вечером в парке можно встретить подгулявших десантников (натолкнуться на бомжей, напороться на бандитов)*, *Так можно упасть (сломать ногу)*, *В комнате так душно, что можно упасть в обморок*; *На окраине города никак нельзя напороться на патруль*, *На ровном месте нельзя упасть (сломать ногу)*; *Ошибиться в столь простых вычислениях (поймать здесь форель, встретить в этих местах знакомого) невозможно*.

В контексте предикатов, обозначающих контролируемые действия, процессы или состояния, *можно*, *нельзя* и *невозможно* реализуют либо алетическое, либо деонтическое значение; ср. *Детям уже можно (еще нельзя) купаться в пруду*.

Таким образом, различия между словами *мочь* и *должен*, с одной стороны, и *можно*, *нельзя*, *невозможно*, с другой, касаются лишь статуса и условий реализации вероятностных употреблений. У слов *мочь* и *должен* они конституируют скорее самостоятельные лексические значения, потому что не могут быть получены из алетических значений с помощью стопроцентно справедливого правила. У слов *можно*, *нельзя* и *невозможно* они конституируют скорее употребления, потому что могут быть получены из соответствующих алетических значений с помощью правил²¹.

Поскольку все перечисленные правила лексикализированы, они тоже должны быть даны в словарных статьях лексем *можно*, *нельзя* и *невозможно*.

1.2.3. ОБ ИНТЕГРАЛЬНОСТИ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ОБЪЕКТОВ

Мы упомянули два лексикографических следствия из принципа интегральности. Во-первых, лексемам в словаре должны быть приписаны все свойства, обращения к которым могут потребовать лингвистические правила. Таковы семантические, прагматические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, сочетаемостные, коммуникативно-просодические свойства лексем, а также их парадигматические семантические связи с другими лексемами языка, если они не предсказываются стопроцентно на основе какой-то другой информации, помещаемой непосредственно в их словарных статьях. Во-вторых, в словарные статьи лексем должны помещаться сами правила с лексически ограниченной областью действия.

²⁰ Общее представление о контролируемости и неконтролируемости, определение этих понятий и обзор большого круга языковых явлений, для анализа которых они необходимы, см. в работах [Givón 1975; Булыгина 1982; Плунгян, Рахилина 1988; Зализняк Анна 1992; Шатуновский 1996; Падучева 2004], с обширной дальнейшей библиографией.

²¹ О различии значений и употреблений (в терминологическом смысле) см. [Апресян 2001].

Эти принципы могут и, как кажется, должны быть экстраполированы на описание других языковых единиц и классов единиц, имеющих знаковую природу, потому что в языке микромир и макромир устроены в значительной мере изоморфно. Тогда важнейшим общим следствием из принципа интегральности лингвистических описаний оказывается требование, чтобы каждый языковой объект, включая классы лексем, грамматические формы, граммемы, словообразовательные аффиксы, синтаксические конструкции, синтаксические функции и т. п., — был охарактеризован во всей совокупности своих лингвистически значимых свойств и связей.

Сама по себе идея, что существуют такие единицы языка, которые можно определить только через какую-то совокупность специфических свойств, а не через одно конституирующее свойство, высказывалась в лингвистике давно и по отношению к разным объектам. В качестве очень показательного примера можно сослаться на работу [Кинэн 1982] (впервые опубликованную в 1976 г.). В ней дается перечень 30 характерных свойств «базисных подлежащих», включающий синтаксические, семантические, коммуникативные и прагматические свойства этого члена предложения (обязательность, контроль возвратных местоимений, определенная падежная маркировка, определенная семантическая роль, тематичность и т. п.). В связи с этим Э. Кинэн определил подлежащее как «многофакторное понятие» и сблизил его с базисными понятиями других социальных наук, которые в этом отношении отличаются от точных наук. В точных науках базисные понятия часто задаются одним абсолютным признаком; ср., например, понятие простого числа.

В сущности, определение Кинэна представляет собой одну из первых, хотя и неявных, формулировок понятия прототипа: прототипическое подлежащее — то, которое обладает всеми тридцатью свойствами. Предпринимались и другие попытки такого рода. Существенно, однако, что все они касались отдельных лингвистических понятий. Мы же предлагаем распространить этот подход на все или по крайней мере большинство языковых объектов и лингвистических понятий, т. е. сделать его стратегическим в практике их определения. Неожиданным образом это позволяет разрешить некоторые лингвистические споры, имеющие многолетнюю историю.

Упомянем один из них — спор по поводу числительных. Как следует из принципа интегральности, числительные, как и любая другая часть речи, должны определяться не по какому-то одному «ведущему» признаку — морфологическому, синтаксическому или семантическому, а по большой совокупности признаков. Тогда, например, отпадают всякие сомнения по поводу количественных числительных, которым многие лексикографы и даже некоторые грамматисты отказывают в статусе самостоятельной части речи, распределяя их между существительными (например, в конструкции типа *двадцать пять*), прилагательными (например, в конструкции типа *двадцать книг*) и некоторыми другими разрядами слов²². На

²² Русская лексикография в этом отношении выгодно отличается, например, от английской и французской: многие авторитетные английские и французские словари количествен-

самом деле ни у одной другой части речи нет бóльших оснований на самостоятельный частеречный статус, потому что никакая другая часть речи не обладает столь уникальным набором семантических, морфологических, синтаксических, сочетаемостных, деривационных и акцентных свойств, как количественные числительные.

Различные сводки этих свойств можно найти в [Виноградов 1947: 291 и сл.; Worth 1959; Супрун 1971] и др. Самый подробный перечень семантических, морфологических и синтаксических свойств количественных числительных, озаглавленный «Числительное как отдельная часть речи в русском языке», содержится в [Мельчук 1985: 265 и сл.]. Он взят нами за основу (с упрощениями и сокращениями, естественными в контексте неспециальной работы), но дополнен рядом сочетаемостных, словообразовательных и акцентных свойств.

1) Семантические: особое и совершенно однородное, в отличие от других частей речи, значение числа. Существительные имеют гораздо более размытые значения; помимо предметов (прототипического для них значения) они могут обозначать действия (*платеж*), деятельности (*война*), занятия (*прогулка*), процессы (*рост*), состояния (*желание*), свойства (*мужество*), атрибуты (*имя*), параметры (*вес*), числа (*дюжина*) и т. п. Такая же размытость категориального значения свойственна и прилагательным.

2) Морфологические: отсутствие категории числа и особая парадигма склонения.

3) Синтаксические: а) отсутствие согласовательной категории одушевленности-неодушевленности (за исключением слов *один, два, три и четыре*, ср. *видел два (три, четыре) столба, но видел двух (трех, четырех) слонов*); б) особая аппроксимативно-количественная конструкция с постпозицией числительного и общим значением приблизительности (ср. *столов десять* – ‘приблизительно десять столов’; аналогичные конструкции с постпозицией прилагательного дают «номенклатурное» значение и используются в качестве терминов или номинаций товаров, как в примерах *гриб белый, стол письменный*); в) особые правила согласования падежно-числовой формы существительного и падежной числительного в группах вида

ных числительных как особой части речи не признают. См. английские словари семейств Oxford, Webster, Chambers, Random House, The American Heritage, Thorndike and Barnhart, Wyld, Macmillan, Collins Cobuild, Longman, Maquarie и французские словари семейства Robert, в которых числительные классифицируются как существительные, прилагательные, местоимения, слова-определители и т. п. В русской грамматической традиции наиболее заметным синтаксисом, принципиально включавшим количественные числительные в состав других частей речи («счетных существительных, прилагательных и наречий») на основе сходства их синтаксических функций был А. М. Пешковский; см. [Пешковский 2001: 154]. Во французской традиции отметим авторитетные источники [Grammaire 1936: 240 и сл.; Grevisse 1969: 342 и сл.].

«числительное + существительное» (ср. *сделал две* [ВИН] *зарубки* [РОД ЕД], но *сделал пять* [ВИН] *зарубок* [РОД МН]; *отметил двумя* [ТВОР] *зарубками* [ТВОР МН] и *отметил пятью* [ТВОР] *зарубками* [ТВОР МН]); г) конструкции вида «числительное + числительное» с уникальными — аддитивным и «дробным» — значениями, ср. *двадцать пять* ('двадцать плюс пять') и *пять двадцать* ('пять больших целых единиц + двадцать частей одной такой единицы'); д) нумеративно-апозитивные конструкции вида *комната пять*.

4) Сочетаемостьные: а) уникальное значение ряда предлогов в составе числовых групп, например, "мультипликативное" значение предлога *на* в составе словосочетаний типа *пять на шесть (метров)*, "разделительное" значение того же предлога в составе словосочетаний типа *десять на два*, распределительное значение предлога *по* в группах типа *по два яблока*, *по пять рублей* (последнее подробно описано в [Мельчук 1985: 235 и сл.; Иомдин 1990б: 259—260]); б) сочетаемость с уникальными словами *плюс* и *минус*, с трудно определимой частеречной принадлежностью, в аддитивном и субтрактивном значениях соответственно (ср., например, *Мне следует получить пятьсот рублей минус семьдесят пять рублей аванса* см. [Виноградов 1947: 290]), что завершает список арифметических значений количественных конструкций (аддитивного, субтрактивного, мультипликативного и разделительного).

5) Словообразовательные: особые форманты типа *-нацать*, *-дцать*, *-десять*, *-сти*, *-ста*, *-сот*, суффиксы собирательных числительных и т. п.

6) Акцентные: равноударность компонентов составных числительных типа *двадцать пять*, *три двадцать пять*; в сравнимых апозитивных сочетаниях существительных типа *господин Иванов*, *азросани-глицсер* соответствующие компоненты не равноударны — последний из них несет главное ударение.

1.3. Понятие системообразующего смысла

Системообразующим называется смысл, который входит в большое число языковых единиц разной природы (многообразие обличий) и при определенных условиях одинаково проявляет себя относительно правил взаимодействия значений (единообразие проявлений). К числу системообразующих смыслов относятся:

а) Семантические примитивы, т. е. смыслы 'делать', 'воспринимать', 'хотеть', 'мочь', 'чувствовать', 'знать', 'считать', 'говорить', 'существовать', 'быть', 'находиться', 'предшествовать', 'я', 'отношение', 'объект', 'время', 'пространство', 'причина', 'условие', 'свойство', 'часть', 'число', 'количество', 'норма', 'ситуация', 'один', 'хороший', 'больше', 'не' и ряд других.

б) Некоторые смыслы, более сложные, чем семантические примитивы, например, 'готов', 'должен', 'намерен', 'перемещаться', 'начаться', 'прекращаться', 'продолжаться', 'цель', 'момент' и ряд других. С помощью аналитических тол-

кований они в конечном счете сводятся к определенной структуре семантических примитивов. Ср. известные толкования *продолжаться* = 'не прекращаться', *Р прекратился* = 'начался не Р', *начался Р* = 'До момента t Р не существовал, после t Р существует'. Как видим, сложное значение *продолжаться* почти полностью сведено к структуре, составленной из примитивов 'существовать' и 'не'. За пределами этого списка остался только смысл 'момент', который, впрочем, тоже легко сводится к примитивам: *момент* = 'такая часть времени, что меньшей части времени не существует'.

Исключительно важным для данной работы является смысл и, соответственно, русское слово *цель*, которое в своем основном значении толкуется следующим образом: *Р — цель действий R человека X* = '(i) X хочет, чтобы существовала ситуация Р, и (ii) считает, что Р может начать существовать, если он будет делать R; (iii) по причине (i) и (ii) X готов делать или делает R'²³.

в) Некоторые смыслы, более простые, чем семантические примитивы. Они не вербализуются в данном языке никакими свободными лексемами «первого плана» и представляют собою либо пересечение значений семантического примитива и его ближайшего неточного синонима (ср. пары *знать* и *ведать*, *считать* и *думать*, *хотеть* и *желать*, *чувствовать* и *ощущать*), либо пересечение значений самих семантических примитивов (ср. стативные глаголы *знать*, *считать*, *хотеть*, *чувствовать*). В самом деле, *хотеть* и *желать*, например, это синонимы, каждый из которых обладает определенной семантической спецификой; их особенности подробно описаны в соответствующей словарной статье автора в [НОСС 1997]. С другой стороны, невозможно отрицать, что в их значениях есть большая общая часть, которая, однако, не может быть названа ни одним реально существующим словом русского языка. Очевидно, что и в значениях других перечисленных выше стативных глаголов тоже есть нечто общее — все они являются названиями разного рода внутренних состояний. Однако и этот смысл естественным образом в русском языке не вербализуется. В силу напрашивающейся аналогии с физикой такие невербализуемые значения, т. е. не существующие в свободном состоянии частицы смысла, в [Апресян 1995а: 478—482] были названы семантическими кварками.

Особый интерес представляют семантические кварки второго типа — они входят в состав значений существенно большего числа языковых единиц, чем кварки первого типа. Поэтому они нуждаются в именовании. Их именами являются лингвистические термины. Таковы, например, термины 'стативность' и 'акциональность'.

По определению (см. выше), системообразующие смыслы обладают двумя важными свойствами.

²³ В основу этого толкования положено следующее определение И. Б. Левонтиной: *X — цель Y-a* = 'Человек Y хочет, чтобы имела место ситуация X, считает, что действия Z, которые он может совершить, будут причиной ее возникновения, и готов совершить или совершает эти действия' (см. с. 163 ниже). Оба определения опираются на работу [Жолковский 1964].

Во-первых, они входят в состав значений многих языковых единиц разной природы — лексических, морфологических, словообразовательных, синтаксических и других. Так, смысл ‘причина’ выражается существительными *причина* и *подоплека*, глаголами *вызывать* и *приводить* (к чему-л.), наречиями *поэтому* и *оттого(-то)*, союзами *потому что* и *поскольку*, предлогами *из-за* и *за* (неимением, недостатком), (устаревшим) творительным причины (ср. *Ошибкою добро о ком-нибудь сказали?*), словообразовательным элементом *-творный* в составе прилагательных *кроветворный*, *снотворный*, *болезнетворный*, препозитивным деепричастным оборотом с деепричастием стативного глагола (*Зная, что переубедить его невозможно, я прекратил спор*) и рядом других.

Во-вторых, при некоторых условиях (главное из них — нахождение в вершине ассертивной части толкования) системообразующие смыслы активны в правилах взаимодействия значений в тексте, причем во многих правилах они проявляют себя единообразно, независимо от того, в состав какого значения входят. В частности, глаголы с чисто причинным значением не могут подчинять обстоятельства цели; ср. неправомерность **Повышение цен вызвало кризис, чтобы окончательно разрушить экономику страны*. Напротив, наличие смысла ‘делать’ в вершине толкования обуславливает способность соответствующей леммы управлять дополнением или обстоятельством со значением цели (*Он сделал это, чтобы помочь тебе*). Кроме того, такие глаголы способны употребляться в повелительном наклонении: *Сделай милость, помолчи*. Заметим, что глаголы состояния ни тем, ни другим свойством не обладают; ср. невозможность **Он знает древние языки, чтобы заняться дешифровкой*, **Знай древние языки* (надо: *Он изучает древние языки, чтобы заняться дешифровкой*, *Изучай древние языки*).

1.4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТАЯЗЫК

Этот вопрос детально рассматривался в [Апресян 1974, 1980, 1995а, 1995б] и здесь будет изложен конспективно.

Мы исходим из того, что значения всех содержательных единиц данного языка — лексических, морфологических, синтаксических и словообразовательных — могут и должны быть описаны на одном и том же семантическом метаязыке (в дальнейшем, в соответствии с целями данной работы, мы рассматриваем только леммы). Реально в качестве семантического метаязыка в большинстве современных работ используется не универсальный искусственный язык, а некий упрощенный и стандартизованный подъязык описываемого естественного языка. Ниже перечисляются ограничения, накладываемые на него в наших работах, включая и эту монографию.

Упрощение состоит в том, что в метаязык отбираются относительно простые слова, грамматические формы слов и синтаксические конструкции в их основных значениях.

Ядро словаря метаязыка образуют системообразующие смыслы первых двух классов как они были определены в разделе 1.3. Это семантические примитивы и более сложные слова-смыслы типа *начать*, *перестать*, *момент*, *цель* и т. п. Кроме этого ядра словарь метаязыка включает довольно большое число так называемых промежуточных слов-смыслов. Как правило, они входят в состав значений многих лексических, но не грамматических единиц данного языка. Таков, например, смысл 'требовать', повторяющийся в толкованиях лексем *бастовать*, *вызывать* (в суд), *вымогать*, *забастовка*, *настаивать*, *новестка*, *призвать* (кого-л. к порядку), (строго) *спрашивать* 4 с кого-л., *спрашивать* 3 (что-л. у кого-л., например, *Спроси у него документы*), *ультиматум*, *шантаж*, *шантажировать* и т. п.

Стандартизация состоит в том, что каждое такое слово должно в идеале удовлетворять требованию взаимно-однозначного соответствия имени и смысла. Иными словами, в метаязыке у него не должно быть синонимов и омонимов. Отступления от этого правила допускаются в тех случаях, когда грамматический или сочетаемостный контекст толкования исключает возможность использования стандартного имени данного смысла. Например, если толкование формулируется в настоящем времени и если в нем по смыслу надо было бы употребить глагол-связку *быть*, которая в форме НАСТ обычно выражается нулем, *быть* заменяется одним из своих синонимов; ср. *X боится Y-a* = 'X находится в таком эмоциональном состоянии, какое бывает, когда ...'. В этом толковании нарушены сразу оба условия: вместо полагающегося по смыслу *есть* использован его синоним *находится*, у которого в метаязыке есть «омоним» — тот же глагол, но в локативном значении.

Предполагается, что все такие отступления перечислимы и что в случае необходимости (например, если требуется формализовать семантические представления для конкретной компьютерной системы) они могут быть полностью элиминированы, правда, за счет некоторых потерь в приемлемости языка толкований для носителей языка.

1.5. ЛЕКСЕМА И ЕЕ ИНТЕГРАЛЬНОЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Как было сказано выше, лексемой называется слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений. Тем самым лексема, в отличие от лексического значения, оказывается многосторонней единицей языка, со своим означаемым, означающим, синтактикой и прагматикой. Полная характеристика всех указанных аспектов лексемы в словаре называется ее интегральным лексикографическим представлением (портретом).

Технически, за вычетом означающего, интегральное лексикографическое представление лексемы складывается из трех частей: а) полного семантико-прагматического представления лексемы; б) характеристики ее коммуникативно-просодических, сочетаемостных, синтаксических, морфологических и стилистических

свойств; в) информации о семантических связях данной лексемы с другими лексемами в словаре (синонимах, антонимах, конверсивах и некоторых типах дериватов).

Необходимость во всех этих типах лексикографической информации непосредственно вытекает из принципа интегральности как он был сформулирован в разделе 1.2: в языке существуют лингвистические правила, требующие обращения к любому из перечисленных свойств и связей лексемы. В частности, информация о семантических связях лексемы (синонимах, антонимах, конверсивах и т. п.) нужна для правил перифразирования предложений.

1.5.1. ПОЛНОЕ СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ

Главным компонентом интегрального лексикографического представления является полное семантико-прагматическое представление лексемы. Оно складывается из ее аналитического толкования на специальном метаязыке, словарных правил взаимодействия значений и еще трех типов сведений: а) нетривиальных семантических признаков лексем; б) коннотаций; в) прагматической информации.

Для каждого из упомянутых здесь типов лексикографической информации в словарных статьях лексем интегрального словаря предусматривается отдельная зона. Ниже эти типы информации, за исключением словарных правил взаимодействия значений, коротко описанных в разделе 1.2.2, будут охарактеризованы подробнее.

1.5.1.1. Аналитическое толкование лексемы

Аналитические толкования лексем являются главным инструментом описания их значений, как и значений любых других содержательных единиц языка. От обычных лексикографических толкований они отличаются следующим набором свойств:

а) Они выполняются на описанном выше метаязыке.

б) Они представляют собой многослойные структуры, в которых в общем случае выделяется до пяти слоев смысла (ассерции, пресуппозиции, модальные рамки, рамки наблюдения, мотивировки).

в) Они должны в явном виде (т. е. в виде буквально совпадающих смысловых компонентов) отражать все семантические связи данной лексемы с другими единицами языка, в том числе и с другими лексемами данного слова в случае его многозначности.

г) Они должны в явном виде содержать те смысловые компоненты, на основе которых данная лексема участвует в правилах семантического взаимодействия с другими единицами языка в тексте.

д) Они должны отвечать условиям полноты и избыточности. Впрочем, последнее требование предъявляется исключительно к толкованиям предикатов.

Толкования предметных имен могут быть и дифференциальными; см. раздел 2.1.1.

Приведем в качестве примера аналитические толкования некоторых речевых актов²⁴.

Х просит Y-а сделать Р [*Он попросил меня купить ему билет на последний рейс*] = '(а) человек X хочет, чтобы было Р, и считает, что человек Y может сделать Р, и не считает, что Y должен делать Р [пресуппозиции]; (б) X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал Р [ассерция]; (в) он говорит это так, что Y понимает, что X не считает его обязанным делать Р'²⁵; (г) X говорит это, потому что хочет, чтобы было Р [мотивировка]'

Х требует от Y-а, чтобы Y сделал Р [*Не требуйте от меня невозможного*] = '(а) человек X хочет, чтобы человек Y сделал Р, и считает, что Y должен сделать Р [пресуппозиции]; (б) X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал Р [ассерция]; (в) он говорит это так, что Y понимает, что X считает его обязанным делать Р; (г) X говорит это, потому что считает, что Y должен сделать Р [мотивировка]'

Х спрашивает 1 Y-а, Р [здесь Р — косвенный вопрос, вводимый словами *кто, где, когда* и т. п., например, *Он спросил меня, когда я иду в отпуск*] = '(а) человек X хочет знать Р и считает, что человек Y знает Р [пресуппозиции]; (б) X просит Y-а, чтобы Y сказал ему Р [ассерция]; (в) X просит об этом потому, что хочет знать Р [мотивировка]'

Х спрашивает 2 Y-а (у Z-а) [В гостинице спросишь администратора] = 'Человек X просит человека Z позвать человека Y или дать X-у возможность войти в контакт с Y-ом'.

Х спрашивает 3 Z у Y-а [Спрашивай у него документы, а то уйдет (М. Булгаков, Мастер и Маргарита)] = 'Человек X требует от человека Y, чтобы тот дал или показал ему Z'.

1.5.1.2. Нетривиальные семантические признаки лексем

Это понятие достаточно хорошо известно и пространных комментариев не требует; ср. признаки акциональности, стативности, моментальности и другие

²⁴ В основу толкований *просить* и *требовать* положены формулировки, данные в [Апресян 1974: 109]; толкование лексемы *спрашивать 1* принадлежит М. Я. Гловинской и автору и заимствовано из нашей совместной словарной статьи в [НОСС 2004: 1095]. Проницательные замечания о толковании речевых актов см. также в работах [Иорданская 1985; Wierzbicka 1987; Гловинская 1993].

²⁵ Этот компонент был предложен в [Гловинская 2005]; то же относится к компоненту (в) в толковании *требовать*. Их статус — пресуппозиция или ассерция? — не до конца ясен автору.

подобные для глаголов или признаки предельности / неопределенности для прилагательных. К числу нетривиальных семантических признаков относится и уже упоминавшийся признак неконтролируемости, нужный, в частности, для того, чтобы объяснить модификацию словарных толкований лексем *можно*, *нельзя* и *невозможно* в контексте соответствующих предикатов; см. анализ материала в разделе 1.2.2.

Нетривиальные семантические признаки по большей части соответствуют второму из двух упомянутых выше классов кварков. Напомним в связи с этим признак нефасадности — фасадности существительных. Нефасадные существительные лишены неизменной «анатомии», т. е. независимой ориентации в пространстве, в частности, постоянного перед и зад, верха и низа, левой и правой сторон. Так, у табуреток нет постоянного перед и зад, у кубиков — верха и низа, а у тропинок — левой и правой стороны. В отличие от этого, фасадные существительные обладают собственной неизменной анатомией, не зависящей от ситуации восприятия, перемещения наблюдателя и т. п. Так, зад кресла — это его спинка, верх шкапулки — ее крышка, левый берег реки — тот, который находится по левую сторону от наблюдателя, если его взгляд направлен вниз по течению реки.

Очевидно, что нефасадность и фасадность суть нетривиальные семантические признаки. Ни в толкованиях нефасадных существительных (*табуретка*, *кубик*, *тропинка*), ни в толкованиях фасадных существительных (*кресло*, *шкапулка*, *река*) нельзя обнаружить никаких общих смысловых компонентов. Между тем все нефасадные и все фасадные существительные ведут себя весьма последовательно в контексте некоторых пространственных предлогов.

Словосочетания пространственных предлогов *перед* и *за* с нефасадными существительными порождают представление о наблюдателе, занимающем определенную позицию относительно двух ориентируемых в пространстве предметов; ср. *Перед стеклом стояла пепельница* (пепельница находилась между стеклом и наблюдателем, скорее ближе к стеклу, чем к наблюдателю) — *За стеклом стояла пепельница* (стекло находилось между наблюдателем и пепельницей, скорее ближе к пепельнице, чем к наблюдателю). Те же предлоги в контексте фасадных существительных никакого представления о наблюдателе в обычных условиях не порождают; ср. *Пепельница стоит перед (за) телевизором*.

1.5.1.3. Коннотации

В соответствии с концепцией, разделяемой большинством писавших на эту тему авторов (см. [Pisarkova 1975; Иорданская, Мельчук 1980; Bartmiński 1980; Толстой 1984; Konotacja 1988; Апресян 1995а: 156—177] и многие другие работы), коннотации лексем не входят непосредственно в их толкование. Тем не менее они должны фиксироваться в их словарных статьях, потому что через отсылку к коннотациям объясняются важнейшие семантические связи данной лексемы с другими лексемами в словаре и их семантические взаимодействия с другими единицами языка в тексте. В упомянутой работе [Апресян 1995а: 163—169] мы уже писали,

что коннотации слова в главном значении служат основой для формирования его переносных значений (*Напился, свинья* — по коннотации невоспитанности), привычных метафор и сравнений (*разбираться как свинья в апельсинах* — по коннотации всеядности), производных слов (*свинюшник* — по коннотации грязного), фразем (*подложить свинью кому-то* — по коннотации подлости и низости), синтаксических конструкций (ср. биноминативные псевдотавтологические конструкции типа *Свинья она и есть свинья*, где эксплуатируются сразу все коннотации *свиньи*)²⁶. Таковы семантические связи между лексическими единицами в словаре, формирующиеся на основе коннотаций.

Гораздо менее исследованы, хотя несколько не менее интересны факты, свидетельствующие о способности коннотаций к нетривиальным семантическим взаимодействиям в тексте. Чаще всего с коннотациями взаимодействует отрицание. Так, в противопоставительных предложениях типа *Не мать, а ведьма какая-то* отрицается не смысл 'женщина, родившая X-а', а коннотации *матери* — мягкость, альтруизм, положительная пристрастность к X-у.

Другой тип конструкций, в которых коннотации оказываются объектом воздействия со стороны семантически активного смысла, — это сравнительные конструкции вида *Р как X*, где позицию Р занимает предикат, обозначающий коннотацию X-а. Как известно, у слова *осел* есть коннотация упрямства, а у слова *собака* — коннотация преданности. Такое распределение коннотаций объясняет правильность предложений *Упрям, как осел* и *Предан, как собака* и крайнюю сомнительность *?Упрям, как собака* и *?Предан, как осел*.

1.5.1.4. Прагматическая информация

Наиболее интересны с этой точки зрения доминанты синонимических рядов, потому что у них обнаруживаются системные прагматические особенности. Как известно, доминантой ряда называется наиболее употребительный и стилистически нейтральный синоним, который имеет наиболее общее в данном ряду значение, полный набор грамматических форм, наибольший набор синтаксических конструкций и самую широкую сочетаемость²⁷. Эти свойства создают прагматическую специфику доминант — способность обслуживать такие ситуации действительности, в которых другие синонимы ряда не употребляются. Например, в группе синонимов *спрашивать, осведомляться и справляться* лишь первый глагол, являющийся доминантой ряда, способен употребляться в функции экзаменационного и риторического вопросов. Экзаменационный вопрос: *На экзамене по истории его спросили, когда была основана Александрия*, но не **На экзамене по истории у него осведомились <справилась>, когда была основана Александрия*.

²⁶ В основу этого описания положена словарная статья СВИНЬЯ из [Мельчук, Жолковский 1984].

²⁷ Такова общая тенденция, которая отнюдь не является непреложным правилом: существуют синонимические ряды, в которых доминанты подчиняются более жестким морфо-

Риторический вопрос: *Но я спрашиваю: почему — все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице?* (М. Булгаков, Собачье сердце). Сведения о способности вводить эти два типа вопросов должны фигурировать в прагматической зоне словарной статьи *спрашивать*, но не в словарных статьях его синонимов²⁸.

Еще один интересный тип прагматической информации — некоторые культурные, или «наивно-энциклопедические» сведения. Необходимость их включения в полное семантико-прагматическое представление лексема была показана (в других терминах) еще в [Vendler 1967a: 191—193] на примере названий родства. Речь идет об интерпретации примеров типа *хорошая (плохая) сестра, хороший (плохой) брат*. Очевидно, что значения самих названий родства не включают смысловых компонентов, к которым могли бы присоединяться оценочные прилагательные *хороший* и *плохой*. Действительно, *брат X-а* = ‘человек мужского пола, родители которого являются родителями X-а’, но *хороший брат* ≠ ‘хороший человек мужского пола ...’. Значит, в «наивно-энциклопедическую» зону для таких слов должно быть включено представление о функциях, которые люди, связанные родственными отношениями, в соответствии с нормами данного общества выполняют по отношению друг к другу. В словосочетаниях типа *хороший (плохой) брат* оценивается именно то, как они выполняют эти функции.

1.5.2. ДРУГИЕ СВОЙСТВА ЛЕКСЕМЫ

Здесь имеются в виду все свойства лексемы, за исключением собственно семантических и стилистических, — морфологические, синтаксические, сочетаемостные, коммуникативно-просодические. Часто они лексикализуются и тогда подлежат включению в ее словарную статью. Вместе с информацией о синонимах, антонимах, конверсивах, дериватах и других подобных связях данной лексемы с другими лексемами в словаре они образуют ее неповторимый лексический мир²⁹.

Рассмотрим в качестве иллюстрации таких свойств лексические миры пар лексем *влияние 1* и *влияние 2*; *выбирать 1* и *выбирать 2*.

логическим, синтаксическим и сочетаемостным ограничениям, чем другие элементы ряда. См. об этом [Апресян 2004б: XXVIII].

²⁸ Отметим одну любопытную параллель к прагматическим функциям глагола *спрашивать*, представленную глаголом *спрашиваться*: в сущности, он тоже вводит либо экзаменационный, либо риторический вопрос: *Если велосипедист едет со скоростью 20 км в час, спрашивается, какое расстояние он преодолеет за пять часов?*; *Вы меня однажды уже обманули. Спрашивается, почему я должен поверить вам на этот раз?*

²⁹ Морфологические, синтаксические, сочетаемостные и коммуникативно-просодические свойства лексемы, не говоря уж о ее семантических связях в словаре, очень часто бывают семантически мотивированными, но совокупность ее лингвистически существенных свойств не выводима по общим правилам ни из значения лексемы, ни из каких-либо других единиц языка. Это и есть лексикографический *raison d'être* лексемы: оказывается, что су-

1) Семантика: *Влияние 1* — имя действия, т. е. акциональное существительное, ср. *оказать на кого-л. влияние*; *Влияние 2* — имя свойства или параметра, неакциональное существительное, ср. *пользоваться влиянием в академических кругах*³⁰.

2) Грамматическая парадигма: у *влияния 1* есть форма МН, ср. *различные влияния, которым он подвергался в Петербурге*; у *влияния 2* формы МН нет.

3) Управление: *влияние 1* — на кого-л. (как *воздействие <действие> на кого-л.*); *влияние 2* — среди кого-л., в какой-л. среде, в каких-л. кругах, ср. *влияние среди ученых <в театральной среде, в военных кругах>* (как *авторитет среди ученых <в театральной среде, в военных кругах>*).

4) Сочетаемость: а) с прилагательными: *сильное <слабое, большое> влияние 1*, как *сильное <слабое, большое> воздействие*, но только *большое влияние 2*, как *большой авторитет*; *благодарное <хорошее, положительное, тлетворное, дурное, пагубное, вредное, плохое, отрицательное> влияние 1*, при полной невозможности соответствующих адъективных словосочетаний с *влиянием 2*; б) с глаголами: *влияние 1* сочетается с акциональным глаголом *оказывать* в роли лексической функции OPER1, а *влияние 2* — с неакциональным глаголом *пользоваться 2* в той же роли, причем у него характерным образом нет формы COB *воспользоваться*; ср. *Он пользуется <не *воспользовался> большим влиянием в театральной среде*. Кроме того, *влияние 1*, подобно другим акциональным существительным этого класса (*атака, давление, контроль, обстрел* и т. п.), легко сочетается с глаголами семейства OPER2, при которых роль подлежащего выполняет не субъект, а объект воздействия; ср. *испытывать влияние, подвергаться влиянию, находиться под влиянием, попадать под влияние, оказываться под влиянием, выходить из-под влияния*. Все такие словосочетания исключены для *влияния 2*. В свою очередь, *влияние 2*, подобно другим существительным со значением социального свойства, сочетается с глаголами приобретения и утраты, ср. *приобретать влияние, терять влияние*. Подобные сочетания невозможны для *влияния 1*.

5) Синонимы: *влияние 1* — *воздействие, действие, эффект*; *влияние 2* — *вес, авторитет, влияние, престиж*.

6) Словообразовательные связи: *влияние 1* — производное существительное от глагола *влиять <на кого-л.>*; у *влияния 2* нет соответствующего производящего глагола. В свою очередь, в словообразовательное гнездо *влияния 2* входят прилагательное *влиятельный* и синонимичная ему предложно-именная группа с *влиянием*; ср. *Это человек влиятельный — Это человек с влиянием. У лексемы влияние 1 таких словообразовательных связей нет*.

существует ровно один способ ее исчерпывающего описания — в виде отдельной словарной статьи в словаре.

³⁰ Ниже дается слегка упрощенное, но уточненное изложение материала из [Апресян 2004а: 26—27].

Второй пример — глагол *выбрать* — *выбирать* во фразах типа *Он долго не мог выбрать профессию*, *Скорей, ты же не невесту выбираешь*, *Выбирать не из чего*, *Выбери арбуз побольше* (место посуше), *Никак не можем выбрать место для палатки* (площадку для строительства) и т. п., с одной стороны, и во фразах типа *Выбирай — семья или любовница*, *Многим приходилось выбирать между лагерем и эмиграцией*, *Он выбрал эмиграцию* (смерть на костре), *Я выбираю свободу* / *И пью с ней нынче на ты* (А. Галич, «Я выбираю свободу»). Почти во всех толковых словарях русского языка (за исключением словаря Д. Н. Ушакова) такие фразы помещаются под одним и тем же значением глагола, т. е. как манифестанты одной лексемы. На самом деле здесь представлены две разные лексемы, которые мы назовем *выбрать 1* и *выбрать 2* соответственно. Опишем их.

1) Семантика. *А выбрал 1 В из С по X-у для Р* (ср. *Из предложенных ему участков он выбрал для строительства дачи 2-й как самый лесной*) = '(а) Человек А мог взять или как-то иначе сделать своим любой объект из множества С однородных объектов; (б) А рассмотрел эти объекты по признаку X, важному для его цели Р [пресуппозиции]; (в) А решил взять, взял или как-то иначе сделал своим объект В как более других соответствующий этой цели [ассерция]'.

А выбрал 2 В (ср. *Он выбрал эмиграцию*) = '(а) Человек А должен был взять или как-то иначе сделать своим ровно один из двух или более неоднородных объектов; (2) А знал, что взятие одного из них вызовет потерю других; (3) А решил, что он потеряет меньше, если возьмет В [пресуппозиции]; (4) А взял или как-то иначе сделал своим В [ассерция]'.

Эти лексемы различаются по крайней мере по четырем важным семантическим признакам: 1) 'неальтернативные объекты' (покупая арбуз, можно выбрать один или несколько понравившихся плодов) — 'альтернативные объекты' (надо выбрать ровно один, например, либо отказ от принципов, либо смерть на костре); 2) 'однородные объекты' (те же арбузы) — 'неоднородные объекты' (лагерь или эмиграция, кошелек или жизнь); 3) 'возможность выбирать' (можно уйти с рынка, не выбрав ни одного арбуза) — 'необходимость выбрать'; 4) 'действие может мыслиться как разворачивающееся во времени' (*Она долго выбирала платье для выпускного вечера*) — 'действие моментально' (*Я выбираю свободу*).

2) Просодия и коммуникативные свойства. Сравним фразы (а) *Я ↓выбрал дачу* и (б) *Я выбрал ↓дачу* (глагол в форме СОВ, с изолированным прямым дополнением, без других актантов). В случае (а) реализуется лексема *выбрать 1*, которая в указанных условиях всегда несет главное фразовое ударение и является ремой высказывания; в случае (б) реализуется лексема *выбрать 2*, которая в тех же условиях не может нести никакого фразового ударения; ремой является группа прямого дополнения.

3) Морфология и морфологическая семантика. (а) *Выбрать 1* свободно образует все формы СТРАД (и, следовательно, может формировать пассивную конструк-

цию), а для *выбрать 2* образование этой формы затруднено; ср. *выбранное тобой платье* при сомнительности **выбранная тобой аспирантура*. Объясняется это тем, что в первом случае акцентируется физическое действие, а во втором — внутренний волевой акт. (б) Лексема *выбрать 1* может употребляться в актуально-длительном значении; ср. — *Чего он не садится? — Я думаю, он выбирает место поближе к сцене; — Чем он там занят? — Выбирает арбуз*. Лексема *выбрать 2*, в силу своей моментальности, этим свойством не обладает; ср. неправильность диалога — **Чем он там занят? — *Выбирает эмиграцию (между аспирантурой и работой)*. (в) В форме ПОВЕЛ лексема *выбрать 1* имеет значение простого побуждения, ср. *Выбери карту* [например, в ситуации гадания]. Лексема *Выбрать 2* в этой форме если и возможна, то в совсем другой иллюкутивной функции. Фразу типа *Выбери эмиграцию* естественно понять как ответ-совет на вопрос типа *Что же мне выбрать?*

4) **Синтаксические свойства.** (а) Управление: у *выбирать 1* пять валентностей (кто, что, из чего, по какому признаку, для чего), а у *выбирать 2* — всего две (кто, что). Совпадающая объектная валентность у *выбирать 1* выражается, помимо именной группы в форме ВИН, относительным предложением с вопросительным словом (*выбирать, куда поехать летом (где поставить палатку)*), а у *выбирать 2*, помимо ВИН, — двумя гораздо более экзотическими способами: ИМ или ИМ (*Выбирай — аспирантура или работа*) и между ТВОР и ТВОР (*Пришлось выбирать 2 между аспирантурой и работой*). Оба способа возможны только при *выбирать* в форме НЕСОВ, причем первый из них требует глагола в форме ПОВЕЛ, как в примере выше. (б) Употребление в отрицательных и вопросительных предложениях: *выбрать 1* свободно употребляется в обоих типах предложений, ср. *Он еще не выбрал тему для сочинения, Ты уже выбрал тему для сочинения?* Лексема *выбрать 2* свободно употребляется только в утвердительных предложениях. В двух других типах предложений она обычно встречается в контексте отрицательных, вопросительных или неопределенных местоимений: *Он пока ничего не выбрал, Что ты выбрал (выбираешь)?, Ты что-то выбрал? (не что-нибудь!; в случае Ты что-нибудь выбрал? реализуется лексема выбрать 1)*. Плохо *”Ты выбрал эмиграцию?”, ”Он не выбрал эмиграцию*. Однако без дополнения отрицание возможно: — *Так что, работа или аспирантура? — Я еще не выбрал*.

5) **Сочетаемость.** С наречиями типа *долго, тщательно, неторопливо; хорошо, удачно, неудачно; наугад, наобум (выбрал карту)* сочетается только *выбирать 1*.

6) **Синонимы.** Синонимом *выбрать 1* является фразема *остановить свой выбор на чем-л.*, а синонимом *выбрать 2* — фразема *сделать выбор в пользу чего-л.*

Такие разительные контрасты в «лексических мирах» могут сами по себе, т. е. еще до построения аналитических толкований, рассматриваться как основание для разграничения значений слова и использоваться как удобный технический прием лингвистической диагностики. Когда-то в ходу были специальные тесты для

решения вопроса о том, надо ли усматривать в таком-то случае два разных лексических значения слова или нет. При этом критическим обычно считалось какое-то одно различие между употреблениями, претендующими на статус самостоятельных значений, например, различие в составе синонимов или различие в составе дериватов. Более убедительной представляется лингвистическая диагностика, которая при решении таких вопросов требует установления различий по всей совокупности свойств двух разных употреблений данного слова, т. е. различий в их грамматических парадигмах, возможных наборах грамматических значений каждой грамлеммы, синтаксических свойствах, сочетаемости, коммуникативно-просодических особенностях, стилистических регистрах, а также в их словарных связях (синонимы, антонимы, конверсивы, дериваты и т. п.).

1.5.3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЛЕКСЕМЫ С ДРУГИМИ ЛЕКСЕМАМИ В СЛОВАРЕ

Общее представление о связях такого рода (в основном, синонимических и словообразовательных) дают примеры, приведенные в предшествующем разделе при описании лексем *влияние 1*, *влияние 2*, *выбирать 1* и *выбирать 2*. Гораздо более детально расписанный материал на эту тему можно найти в [Мельчук, Жолковский 1984] и в так называемых «справочных» зонах в [НОСС 2004], где большинство синонимов снабжается весьма полными списками фразеологических синонимов, аналогов, точных и неточных конверсивов, точных и неточных антонимов и дериватов, включая чисто семантические. Приведем один репрезентативный пример — справочные зоны для ряда синонимов *замереть*, *застыть*, *остолбенеть*, *оцепенеть* и *окаменеть* в значении ‘на короткое время стать совершенно неподвижным’.

Фразеологические синонимы: *остановиться (встать) как вкопанный; стоять как вкопанный; стоять как громом пораженный; стоять столбом (как столб); превратиться в соляной столб; впасть в столбняк, впасть в оцепенение; не мочь даже пальцем пошевелить; Ноги приросли к земле.*

Аналоги: *не шелохнуться, не двигаться; затихнуть; притаиться, затаиться; остекленеть [о глазах]; одеревенеть, онеметь [о частях тела]; обмереть, похолодеть, обамлеть; отнять, отказать [о теле или конечностях, также о языке].*

Точные и неточные конверсивы: *парализовать, сковать [ср. Он замер (застыл) от ужаса — Ужас парализовал (сковал) его]; повергнуть в столбняк [ср. Он остолбенел от этого зрелища — Это зрелище повергло его в столбняк]; Столбняк нашел (напал) [ср. Он остолбенел от этого зрелища — От этого зрелища на него нашел столбняк].*

Неточные антонимы: *шевелинуться, шелохнуться, встрепенуться, стряхнуть оцепенение [по признаку выхода из состояния неподвижности].*

Дериваты (в том числе чисто семантические): *замирение, застывание, остолбенение, оцепенение; остолбенелость, оцепенелость; столбняк 2; паралич 2; транс; оцепенелый, окаменелый; заторможенный.*

1.6. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ТИП

Лексикографическим типом (ЛТ) называется класс лексем, у которых есть много общих свойств, одинаково реагирующих на определенные лингвистические правила. Обратим внимание на параллелизм понятий лексемы и ЛТ: очевидно, что для описания ЛТ оказываются существенными те же типы лексикографической информации, что и для описания лексемы. При переходе от лексемы к ЛТ меняется не столько набор признаков, сколько объект описания.

Хорошим примером ЛТ (точнее, двух разных ЛТ) являются моторно-кратные глаголы типа *ходить, бегать, летать, плавать, ездить, ползать, возить, водить, носить, таскать, катать, гонять* и т. п. Существующие толкования основных значений этих глаголов имеют следующий вид (на примере глагола *ходить*): *ходить* = 'то же, что идти, с той разницей, что ходить обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время'. На самом деле (это было отмечено еще в Апресян 1967: 113) почти каждое такое толкование скрывает в себе по два разных значения — занятия и действия. Ср. а) *Дети ходили (бегали) по двору* [занятие] VS. б) *Они каждый день ходили (бегали) купаться, Он каждый день ходил (бегал) за молоком (на уроки)* [действие].

1) Семантика. Как обозначение занятия глагол описывает перемещение в разных направлениях в одном пространстве, т. е. разнонаправленное перемещение, а как обозначение действия — перемещение из одного пространства в другое и обратно, т. е. двунаправленное перемещение. У занятий отдельные перемещения мыслятся как синхронные с моментом наблюдения, а у действий перемещение туда и перемещение обратно мыслятся как асинхронные и не связанные непосредственно с моментом наблюдения.

Прежде чем рассматривать значения занятия и действия у моторно-кратных глаголов как манифестации двух разных ЛТ, необходимо показать, что двунаправленное значение есть значение лексическое, а не грамматическое. Вопрос этот возникает в связи с тем, что в аспектологической литературе фразы типа *Ты уже ходил за хлебом?* иногда рассматриваются как примеры двунаправленного общефактического значения — одного из видовых значений формы НЕСОВ. Однако двунаправленное общефактическое возможно только в форме НЕСОВ ПРОШ, причем оно отчетливо противопоставлено конкретно-фактическому значению СОВ. Ср. *Кто открывал окно?* [= 'в какой-то момент открыл, а потом снова закрыл, в момент наблюдения окно закрыто'] VS. *Кто открыл окно?* [= 'в момент наблюдения окно открыто']. Между тем двунаправленное значение моторно-кратных глаголов реализуется в обеих видовых формах, которые к тому же семантически почти не

Habent sua fata libelli

противопоставлены друг другу. Ср. *Ты уже ходил за хлебом?* ≈ *Ты уже сходил за хлебом?* Более того, в отличие от прототипического общефактического значения НЕСОВ, оно реализуется не только в форме ПРОШ, но и в двух других формах времени, т. е. НАСТ и БУД, правда, только в узуальном значении; ср. *Он у нас каждый день ходит за хлебом, А кто будет ходить за хлебом?*

Между двумя рассматриваемыми значениями (разнонаправленного и двунаправленного перемещения, или занятия и действия) моторно-кратных глаголов есть несколько существенных системных различий в области а) грамматических форм, б) управления, в) лексической сочетаемости, г) лексических связей в словаре и д) правил взаимодействия с грамматическими значениями. Эти различия создают два рельефно противопоставленных ЛТ.

2) Грамматические формы и их значения. Моторно-кратные глаголы в значении действия, как ясно из уже приведенных примеров, допускают образование формы СОВ: *сходил, сбегал, слетал, съездил, сводил (детей в цирк), сплавал (на тот берег)* и т. п. Ни в каких других значениях, включая значение занятия, моторно-кратные глаголы формы СОВ не имеют.

Форма ПОВЕЛ НЕСОВ от моторно-кратных глаголов со значением занятия может иметь свое основное значение побуждения к немедленному (актуальному) действию, ср. *А ты бегай (ходи), скорее согреешься*. Форма ПОВЕЛ НЕСОВ от моторно-кратных глаголов со значением действия имеет значение инструкции, которую надо многократно выполнять, ср. *Ходи за хлебом*. Иными словами, она возможна только при условии употребления глагола в узуальном значении. Значение побуждения к немедленному (актуальному) действию в этом случае берет на себя форма ПОВЕЛ СОВ, ср. *Сходи за хлебом*.

3) Управление. Занятия и действия различаются числом и составом семантических актантов. У занятий три актанта; ср. *Он [A1 = агенс] нервно ходил по комнате [A2 = пространство перемещения] из угла в угол [A3; о том, что здесь представлен один актант, и о его семантической роли см. ниже]. У действий по меньшей мере четыре актанта; ср. Вечером он [A1 = агенс] ходил из института [A2 = начальная точка] в библиотеку [A3 = конечная точка] позаниматься [A4 = цель]*³¹. При этом некоторые актанты, внешне оформленные одинаково, на самом деле различны.

Во фразах типа *Он ходил из школы в библиотеку* последние два актанта, как ясно из сказанного выше, выполняют семантические роли начальной и конечной точки соответственно. Казалось бы, точно такие же роли выполняют и предложно-именные группы *из конца в конец, из угла в угол, из стороны в сторону* во фразах

³¹ Вопрос о том, наследует ли двунаправленное перемещение валентность пространства перемещения, и если да, то существительными каких классов она выражается (Ср. *За хлебом он всегда ходил по дальней дороге* [незамкнутое пространство] при неправильности **За хлебом он ходил по двору* [замкнутое пространство]), заслуживает отдельного рассмотрения.

типа *Он ходил из конца в конец* (*из угла в угол, из стороны в сторону*) по комнате. Однако это формальное сходство обманчиво.

Компоненты словосочетания *из школы в библиотеку* семантически и синтаксически самостоятельны, а компоненты словосочетаний типа *из стороны в сторону* неразрывны. Нельзя сказать **ходил по комнате из конца* (*из угла, из стороны*), **ходил по комнате в конец* (*в угол, в сторону*), хотя нормально *Он ходил за газетами из школы, Он ходил за газетами в подземный переход*.

Семантически и синтаксически группы *из конца в конец, из угла в угол, из стороны в сторону* ближе внешне отличным от них псевдосочинительным группам *туда и сюда, туда и обратно, взад и вперед* и т. п. Все эти группы во многих предложениях относительно легко заменяют друг друга и, тем самым, выполняют одну и ту же семантическую и синтаксическую роль. Ср. *Он нервно ходил из конца в конец* (*из угла в угол, туда и сюда, взад и вперед*) по комнате. Но в группе *туда и сюда* оба наречия имеют значение конечной точки, а в группе *взад и вперед* ни то, ни другое наречие не обозначает ни конечную, ни тем более начальную точку пути. Значит, и в группах *из конца в конец, из угла в угол* и т. п. значения начальной и конечной точки реально неразличимы. Все перечисленные словосочетания (*из конца в конец, из угла в угол, из стороны в сторону, туда и сюда, туда и обратно, взад и вперед*) суть фраземы со значением рисунка пути.

Об их фраземной природе свидетельствуют, помимо уже обсужденных фактов, еще и следующие обстоятельства: (а) относительная устойчивость класса существительных и наречий, способных заполнять данную синтаксическую позицию (см. примеры выше); (б) непрерывановочность наречий и наречных групп в составе словосочетания; ср. неправильность **ходить сюда и туда, *ходить вперед и назад, *ходить в угол из угла*; (в) их незаменяемость другими наречиями со сходным смыслом; ср. неправильность **ходить назад и вперед*.

4) Сочетаемость. Занятия сочетаются с локативными детерминантами и в этом случае приобретают черты экзистенциального значения, особенно в случае препозиции сказуемого: *Повсюду ползали муравьи, По перрону бегали пассажиры, По двору ходили куры*. Действия с локативными детерминантами не сочетаются; ср. неправильность **Он бегал по двору за хлебом*.

Представляют интерес и различия в сочетаемости с наречием *быстро*. Словари выделяют у него два значения: 'с большой скоростью' (*быстро шел*) и 'в короткий промежуток времени' (*быстро пришел*)³². Моторно-кратные глаголы в значении занятия сочетаются почти исключительно с первым из них (*Дети быстро ходили* (*бегали*) по двору), а в значении действия — преимущественно со вторым (*Быстро сходи за газетой; Утром он быстро ходил за газетой, завтракал и отправлялся на работу*).

³² Различие между этими двумя значениями подробно обсуждается в работе [Богуславский, Иомдин 1999].

5) Семантические связи. (а) Моторно-кратные глаголы в значении занятия могут иметь производные существительные типа S0 (*беготня, ходьба*), а также производные делимитативы и пердуративы, ср. *побегать, поездить, полетать, поплавать, походить, пробежать, проездить, пролетать, проплавать, проходить* и т. п. От действий в собственно двунаправленном (неитеративном) значении такие производные не образуются. (б) Занятия имеют производные на *за-* с начинательным значением; у действий таких производных нет

6) Правила согласования лексических значений с грамматическими. Занятия сочетаются преимущественно с узуальными и процессными значениями формы НЕСОВ, включая актуально-длительное, а действия — с узуальными и результативными; ср. *Посмотри, как малыши бегают по площадке* [актуально-длительное] VS. *Ты сегодня ходил за газетами?* [общезначительное результативное]. Процессные употребления для моторно-кратных глаголов в значении действия нехарактерны, а актуально-длительное значение им абсолютно противопоказано.

Разумеется, возможны употребления моторно-кратных глаголов, промежуточные между разнонаправленным значением занятия и двунаправленным значением действия. Во-первых, это употребления типа *Весь этот день он ходил (бежал) по разным учреждениям, собирая нужные справки*, в которых идея распределенности действия (*по разным учреждениям*) создает прагматические предпосылки для того, чтобы переосмыслить исконно двунаправленное перемещение как разнонаправленное. Во-вторых, это употребления типа *Он все время ходил от письменного стола к книжному шкафу (и обратно)*, в которых вместо фразеологических единиц типа *из конца в конец, взад и вперед* представлены фразеосхемы вида *откуда куда*, со значением начальной и конечной точки перемещения. В таких случаях, наоборот, исконно разнонаправленное значение смещается в сторону двунаправленного и приобретает некоторые его свойства. В частности, становится возможным опущение первого элемента фразеосхемы и добавление целевого дополнения, ср. *Он все время ходил к книжному шкафу то за одной, то за другой книгой*.

Эти факты сами по себе не отменяют необходимости разделения двунаправленного и разнонаправленного значений моторно-кратных глаголов. «Осциллирующие» (Г. Стерн), или «диффузные» (Д. Н. Шмелев), или (в нашей терминологии) промежуточные употребления являются неизбежным следствием давно признанной непрерывности семантического пространства языка³³ и должны систематически лексикографироваться. Именно такова практика словаря [НОСС 2004]; см., например, словарные статьи *выбрать 1.1, заставлять 1* и другие.

Итак, в рассмотренном круге употреблений почти каждый моторно-кратный глагол распадается на две разные лексемы, а все моторно-кратные глаголы — на

³³ При том, что местами оно может обнаруживать очевидные лакуны (свойство «дырчатости» семантического пространства); например, часто отсутствуют однословные выражения для предполагаемых системой родовых понятий.

два разных ЛТ, каждый с характерным для него набором семантических, синтаксических, сочетаемостных и иных особенностей и своими правилами взаимодействия с грамматическими значениями формы НЕСОВ. Назовем их условно ЛТ1 и ЛТ2. Мы вернемся к ним в разделе 1.7.1.

1.7. ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА

Мы исходим из следующих теоретических представлений об устройстве лексических значений в масштабе всего словаря:

- а) Множество лексических значений естественного языка системно организовано, хотя и в меньшей мере, чем скажем, его грамматика.
- б) Лексическая система имеет классификационный и операционный аспекты.
- в) Как классификационная система лексика представляет собой нестрогую иерархию с многократно пересекающимися семантическими классами и подклассами.
- г) Как операционная система она характеризуется правилами взаимодействия значений в тексте (здесь и далее имеются в виду только нетривиальные правила).

1.7.1. ЛЕКСИКА КАК КЛАССИФИКАЦИОННАЯ СИСТЕМА. СВЯЗИ И КЛАССЫ

В разделах 1.5.2 и 1.5.3 мы уже демонстрировали такие семантические связи для лексем *влияние 1* и *влияние 2*, *выбирать 1* и *выбирать 2* и для синонимического ряда *замереть*, *застыть*, *остолбенеть*, *оцепенеть*, *окаменеть*, однако без подробных семантических экспликаций. Между тем интересно проследить за тем, как их можно находить более или менее формально, в частности — на основе сравнения аналитических толкований лексем. Покажем это на примере глагольных лексем *просить*, *требовать*, *спрашивать 1*, *спрашивать 2* и *спрашивать 3*, обсужденных в разделе 1.5.1.1.

Обратим внимание на следующие детали приведенных там толкований:

(а) Они формально демонстрируют принадлежность всех рассмотренных лексем к одному и тому же семантическому классу, а именно к речевым актам; ср. наличие смысла ‘говорить (кому-л. что-л.)’ в вершине ассертивной части всех толкований. Этот смысл либо явно включен в толкование лексем (ср. *просить* и *требовать*), либо обнаруживается в них на нужном месте на втором шаге семантической редукции (так обстоит дело с тремя лексемами глагола *спрашивать*).

(б) В них формально отражены связи между всеми рассмотренными значениями полисемичного глагола *спрашивать*, а также связи между *спрашивать 1* и *просить*, *спрашивать 2* и *просить* и, наконец, между *спрашивать 3* и *требовать*.

(в) Они формально объясняют все сходства и различия между *просить* и *требовать*. В обоих случаях говорящий хочет, чтобы адресат что-то сделал (ср. ассертивные части толкований). Однако автору просьбы важно, чтобы что-то было сделано, и менее важно, кто именно это сделает. Между тем для автора требования

важно, чтобы что-то было сделано именно адресатом. Формально объясняется и интуитивно ощущаемая мягкость акта просьбы по сравнению с актом требования. В словарях *требовать* толкуется как 'просить в категорической форме', что, конечно, некорректно. Требование ни в каком смысле не является разновидностью просьбы. Корень различий между тем и другим — в различии модальностей: в случае просьбы говорящий считает, что адресат может сделать Р, хотя и не должен, а в случае требования он считает, что адресат должен сделать Р.

Аппарат аналитических толкований был использован в лексикографических масштабах при составлении словаря [НОСС 2004]. При этом была сделана попытка выявить системные связи (или, что то же самое, повторяющиеся, «сквозные» сходства и различия) между элементами синонимических рядов, разными лексемами многозначных слов, аналогами, точными и неточными антонимами, точными и неточными конверсивами и т. п. Продемонстрируем сказанное примерами из области синонимии.

Глагол *уповать* отличается от своего ближайшего синонима *надеяться* тем, что указывает на некую высшую или верховную силу как на источник надежды. Это либо нечто сверхъестественное, либо человек, организация и т. п., чьи возможности намного превосходят возможности субъекта; ср. *уповать на Бога* (на милосердие Божие, на Провидение, на Промысел), *уповать на царя* (на правительство). Поэтому *уповать* было бы неуместно во фразе типа *Теперь можно надеяться* (*уповать*) *только на себя*. Различие на смысл 'высшая / верховная сила' характерно также для следующих пар глагольных лексем (второй приводится лексема, в значении которой так или иначе представлена ссылка на высшую силу): *обещать* и *клясться*, *бояться* и *трепетать*, *жаловаться* и *роптать*, *наказывать* и *качать*, *прогнозировать* и *пророчить*, *назначение* и (высокое) *предназначение*, *ужасение* и *пиетет* и других.

Во многих синонимических рядах, в значение которых входят идеи осуждения или одобрения, синонимы могут различаться по способности обозначать не только ментальное или эмоциональное состояние, но и акт речи; ср. *обвинять* (и то, и другое) — *винить* (как правило, ментальное состояние), *порицать* (чаще речевой акт) — *осуждать* (и то, и другое), *восторгаться* (и то, и другое) — *восхищаться* (чаще эмоциональное состояние), *киляться*³⁴ (обычно речевой акт) — *сердиться* (обычно эмоциональное состояние).

Приучиться к чему-либо можно намеренно или ненамеренно, а *пристраститься* и *приохотиться* — только ненамеренно. Аналогичные различия представлены в ряду *замереть*, *застыть* (и то, и другое) — *остолбенеть*, *оцепенеть*, *окаменеть* (только ненамеренно); ср. *Он выжидательно замер*, *Тигр застыл перед прыжком*,

³⁴ В выборке из 32 текстов с глагольными формами *кипятился*, *закипятился*, *раскипятился* 18 раз эти глаголы употреблены в контексте прямой речи; ср., например: — *Счищайте скорей, негодные!* — *кипятился гражданин* (Н. Носов, *Замазка*); — *Мальчишка!* — *закипятился Калибан* (Б. Акунин, *Любовница смерти*).

но не *Он выжидательно остолбенел (оцепенел, окаменел), *Тигр остолбенел (оцепенел, окаменел) перед прыжком.

В парах синонимов *приказывать* — *велеть*, *просить* — *упрашивать*, *спрашивать* — *вопросить* только левый глагол способен к перформативному употреблению.

Постоянно повторяются в синонимических рядах различия в оценке и интенсивности; ср. пары *гордиться* — *кичиться*, *жаловаться* — *ныть*, *обещать* — *сулить*, *оправдать* — *выгородить*, *писать* (картину) — *малевать*, где левый элемент оценочно нейтрален, а правый выражает отрицательную оценку субъекта действия или состояния; и пары *восхищаться* — *восторгаться*, *надоесть* — *осточереть*, *радоваться* — *ликовать*, *рассердиться* — *разъяриться*, *удивляться* — *изумляться*, *хотеть* — *жаждать*, где правый элемент описывает более интенсивное состояние, чем левый³⁵.

До сих пор мы говорили о сходствах между лексемами и классами лексем, устанавливаемых исключительно на основе совпадения каких-то семантических компонентов в их полных семантических представлениях или даже в собственно толкованиях.

Если общие смысловые компоненты занимают одни и те же позиции в семантических представлениях всех лексем такого класса, у них могут обнаруживаться совпадающие морфологические, синтаксические, сочетаемостные, коммуникативно-просодические и т. п. свойства. Тогда сходство между лексемами устанавливается на основе их интегральных лексикографических представлений, и они объединяются в лексикографические типы. Посмотрим на проблемы, которые возникают на этом материале.

Словарные статьи всех лексем определенного ЛТ должны моделироваться по единому образцу, т. е. содержать в соответствующих зонах однотипную информацию об их значениях и по возможности одну и ту же информацию о грамматических формах лексем, их управлении, сочетаемости, семантических правилах и т. п. (см. примеры выше).

³⁵ В свете этих примеров утверждение Е. В. Падучевой о том, что «семантическое расстояние между разными словами — даже между относительно близкими синонимами — обычно достаточно велико» и что «минимальные и повторяющиеся семантические соотношения бывают только между исходным значением слова и его семантическими дериватами» (Падучева 2004: 181) кажется чересчур сильным. По нашим наблюдениям семантические отношения между словами в случае синонимии, не говоря уж об антонимии, конверсии, гиперонимии, гипонимии и когипонимии, отличаются с указанной точки зрения от семантических отношений между исходным и производными значениями слова чисто количественно: повторяющихся различий в области синонимии несколько меньше, чем в области многозначности. Очевидно, с другой стороны, что «минимальные и повторяющиеся семантические соотношения» характеризуют главным образом регулярную многозначность, притом преимущественно метонимически (а не метафорически) мотивированную.

Отступления от принципа унификации допускаются лишь в тех случаях, когда материал оказывает этому сопротивление. Рассмотрим примеры.

Как ясно из сказанного в разделе 1.6, у моторно-кратных глаголов ЛТ2 (действий) есть валентность цели, которая выражается при них (как и при многих других глаголах перемещения) весьма разнообразно; ср. *ходить* (*бегать, ездить*) *по гостям* (*по делам, по магазинам*), *ходить* (*бегать*) *на охоту* (*на водопой, на танцы*), *ходить* (*бегать, ездить*) *за хлебом* (*за газетой*), *ходить* (*бегать, ездить*) *купаться*. Перечисленные способы выражения этой валентности должны быть приписаны большинству глаголов ЛТ2.

У глагола *ходить* та же валентность выражается еще лексически ограниченными предложно-именными группами вида *по* + ВИН, ср. *ходить по грибы* (*по ягоды, по воду*) (но, например, не **ходить по цветы* — в нашем 34 000 000 корпусе данное сочетание не встретилось ни разу). Все эти группы должны быть указаны в его словарной статье. Очевидно, однако, что такой способ выражения целевой валентности неестественно было бы приписывать глаголам *ездить, летать, плавать, водить, возить* и т. п.

Различные ЛТ связаны друг с другом сложными отношениями включения и пересечения. В каждом из этих случаев возникают новые ЛТ. Так, лексемы *ездить* (*на трамвае*), *возить* (*на грузовике*), *кататься* (*на катере*), *летать* (*на дирижабле*), *ходить* (*на паруснике вокруг света*) и т. п. имеют, в отличие от рассмотренных выше лексем, валентность транспортного средства, которая должна быть единообразно учтена в их словарных статьях. Очевидно, что та же валентность присуща и моторно-некратным глаголам со значением неавтономного перемещения — *ехать* (*на трамвае*), *везти* (*на грузовике*), *лететь* (*на дирижабле*), *идти* (*на паруснике*) и т. п. Следовательно, на пересечении ЛТ моторно-кратных и моторно-некратных глаголов образуется компактный ЛТ глаголов неавтономного перемещения, которые тоже должны быть описаны по единой схеме.

При этом нужно иметь в виду, что валентность транспортного средства, помимо предложно-именной группы вида *на* + ПР, выражается еще формой ТВОР: *летать самолетами Аэрофлота, плыть теплоходом до Одессы, ехать автобусом до «Теплого стана»* и т. п. Эта форма имеет следующие особенности: а) она указывает не только на транспортное средство, но и на способ перемещения (ср. *ехать поездам* = *ехать по железной дороге, плыть парохомом* = *плыть морем*); б) существительное в форме ТВОР обозначает тип механического транспортного средства, но не его вид (можно *летать самолетами*, но не **летать лайнерами, ездить автобусом*, но не **ездить «Икарусом»*) и обычно имеет родовой (по Е. В. Падучевой), а не конкретно-референтный денотативный статус; в) в связи с этим глагол тяготеет к употреблению в узуальных и кратных значениях и крайне необычен в актуально-длительном значении (прототипический способ реализации валентности транспортного средства группой *на* + ПР допускает такое употребление); г) форма ТВОР предполагает цель или конечную точку перемещения и поэтому невозможна при глаголах, у которых такой валентности нет; можно *кататься на автобусе*, но не **кататься автобусом*.

К ЛТ1 по своим управляющим свойствам близки лексемы *блуждать*, *кружить*, *петлять*, *рыскать* и некоторые другие, хотя они не входят в оппозицию моторно-кратных и моторно-некратных глаголов.

У моторно-кратных глаголов *бродить* и *кататься*, в силу специфики их значений (*бродить* = 'ходить без определенной цели', *кататься* = 'ездить на каком-то транспортном средстве или на специальных приспособлениях с целью получения удовольствия от самой езды'), в узусе не представлено значение двунаправленного перемещения, ключевым элементом которого является представление о внешней цели действия.

Все такие отклонения от прототипа должны найти отражение в словаре.

До сих пор мы рассматривали ЛТ, которые условно можно было бы назвать «горизонтальными» — в них входят похожие друг на друга лексемы разных слов. Существуют, конечно, и «вертикальные» ЛТ, формируемые разными лексемами одного и того же слова. Особый интерес представляют ЛТ сильно многозначных слов в случаях, когда их лексемы связаны отношениями регулярной многозначности. В них структура многозначности прототипического представителя какого-то класса (в нашем примере — глагола *ходить*) повторяется в большей или меньшей мере в других словах того же класса (т. е. глаголах *бегать*, *ездить*, *кататься*, *лазать*, *летать*, *плавать*, *ползать* и т. п.). В таких случаях при переходе от одного слова к другому системному воспроизведению подлежит не только словарная статья прототипической лексемы, но и вся характерная для соответствующего слова структура многозначности.

Наибольший шлейф производных значений дают основные значения слов. На материале моторно-кратных глаголов основным, как было сказано, является значение разнонаправленного перемещения. От него развиваются следующие значения: перемещения транспортных средств (*По заливу ходят парусники* (*бегают моторки*)); перемещения природных объектов (*По небу ходят тучи*; *Летучие тени бежали по всему коридору* (Короленко, БАС)); потенциальное значение (*Ребенок уже ходит*; *Птенцы уже летают*); значение свойства (*Люди ходят*, *Ящерицы ползают*, *Птицы летают*; *Перья не тонут, они плавают*); значение локализованного движения (*Желваки ходят*, *Глаза у него бегают*, *Винтовка у молоденького солдата все время ездил из стороны в сторону*, *Он буквально катался от боли*, *Ее легкие пальцы так и летали по клавишам*, *Седло ползает по спине*); и ряд других. Принцип системности требует, чтобы все такие значения занимали одинаковое место в семантических структурах многозначных слов данного ЛТ, если для этого нет противопоказаний. При иерархической (двух- или многоуровневой организации словарной статьи) они размещаются в том блоке значений, который открывается основным значением данного слова.

Банальным противопоказанием для такого выравнивания семантических структур многозначных слов может быть отсутствие определенного значения у одного из них. Заметим, например, что у глагола *кататься* нет значения свойства. В этом отношении он выпадает из системы, т. е. из общей схемы многозначности.

Менее банален случай, когда все требуемые значения налицо, но их распределение в структуре разных слов неодинаково. У глаголов *ждать* и *ожидать* есть, в частности, следующие два значения: 1. 'зная или считая, что должно или может произойти событие Р, нужное субъекту или касающееся его, быть в состоянии готовности к нему, обычно находясь в том месте, где оно произойдет' (*Несколько дней пришлось ждать <ожидать> летной погоды*); 2. 'считать, что в недалеком будущем произойдет некое событие Р' (*Он не ждал <не ожидал>, что получит такой яростный отпор*). Однако для *ждать* основным является первое значение, а для *ожидать* — второе.

Все перечисленные обстоятельства должны учитываться в словарных статьях больших и малых ЛТ и отдельных лексем. В идеале каждая словарная статья системного словаря должна отражать одновременно и типовые, и индивидуальные свойства лексем, т. е. совмещать черты лексикографического типа и лексикографического портрета.

1.7.2. ЛЕКСИКА КАК ОПЕРАЦИОННАЯ СИСТЕМА: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА

Несколько словарных правил взаимодействия значений в тексте были приведены в разделе 1.2.2, и здесь мы добавим к ним еще только один пример на материале глаголов *замереть* и *застыть* из упомянутого выше ряда синонимов.

Как уже было сказано выше, оба глагола могут обозначать как намеренное, так и ненамеренное поведение. Ср. *Юрий Андреевич притаился, замер и стал прислушиваться* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Дверь распахнулась, и швейцар застыл в непринужденном полупоклоне* (Владимир Войнович, Иванькиада) [намеренно] VS. *Открыл [дверь] и буквально замер: такое праздничное многолюдие увидел я в зале* (Ф. Абрамов, Слоны голубоглазый); *В полном смятении он рысцой побежал в спальню и застыл на пороге* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита) [ненамеренно].

Скорее всего, оппозиция намеренности — ненамеренности в этом случае, как и в других подобных (например, *упасть, разбить, сломать* тоже можно намеренно или ненамеренно), создает различие лишь в употреблении *замереть* и *застыть*, но не в их лексических значениях. Собственно значение этих глаголов было истолковано выше как 'на короткое время стать совершенно неподвижным'. Различные текстовые интерпретации получаются из этого толкования с помощью следующих правил семантической модификации: а) если в тексте указана цель действия, то к словарному толкованию добавляется смысл 'для достижения цели Р, требующей неподвижности', а первый актант интерпретируется как агенс; ср. *Толпа танцующих прекратила свою работу и выжидательно замерла* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора); *Тигр застыл перед прыжком*; б) если в тексте указана причина поведения, то к толкованию добавляется смысл 'из-за сильной эмоции', а первый актант интерпретируется как экспериенсер; ср. *замереть <застыть> от ужаса <от изумления, от восторга>*; в) если в тексте нет ни того, ни другого указания, то возникает неоднозначность.

ГЛАВА 2. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДИКАТОВ

Выше мы уже пользовались терминами «действие», «деятельность», «процесс», «занятие», «состояние», «положение в пространстве» и другими подобными. Все это суть разряды фундаментальной классификации предикатов, которая играет в теоретической семантике и системной лексикографии совершенно исключительную роль. В сущности, нет таких уголков предикатной лексики, организация которых была бы независима от нее. Поэтому она заслуживает отдельного детального обсуждения.

2.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

2.1.1. СТРАТЕГИИ ОПИСАНИЯ

Все лексемы и другие эквивалентные им лексические единицы, в том числе многословные, делятся прежде всего на два основных типа — предметные (названия животных, птиц, рыб, овощей, фруктов, камней, гор, планет, светил и т. п.) и предикатные (в данном контексте — любые валентные лексемы).

Когда-то казалось, что для всех типов лексем, включая предметные, возможны полные толкования. Впоследствии, при составлении толково-комбинаторных словарей для компьютерных учебников лексики русского и английского языков³⁶, был сделан вывод, что предметные и предикатные лексемы требуют двух разных стратегий толкования. Для предметных лексем нужно строить дифференциальные толкования, потому что исчерпывающие невозможны³⁷, а для предикатных — исчерпывающие, потому что дифференциальные недостаточны. Предикаты должны быть истолкованы исчерпывающим и неизбыточным образом, потому что любой семантический компонент их толкования может оказаться объектом какого-то правила взаимодействия значений (см. главу 3).

³⁶ В настоящее время составленные автором электронные учебные словари этих языков насчитывают до 3000 единиц каждый и содержат лексемы всех семантических классов, включая и все предметные классы. В нем представлена, в частности, неживая природа, растительный мир (деревья, цветы, овощи, фрукты и т. п.), рыбы, птицы, пресмыкающиеся, домашние и дикие животные, люди в разнообразных ипостасях (профессии, сословия, должности, ранги, родственные и социальные отношения, социальные роли, национальности, конфессии) и т. п.

³⁷ Покоряющие своей проникающей и красотой и исключительно подробные толкования предметной лексики, предложенные Анной Вежбицкой (от полутора до двух страниц текста для таких существительных, как *кошки*, *мыши*, *собаки*), все-таки не являются исчерпывающими. Так, описав усы, уши и зубы мышей [Wierzbicka 1985a: 175], она ничего не говорит о том, какие у них глаза, хотя в наивно-биологической картине мышей эта деталь их мордочки кажется не менее важной и характерной.

Двум разрядам лексики и, соответственно, двум типам толкований соответствуют и две разные семантические классификации языковых единиц — таксономическая и фундаментальная. Первая предназначена для предметных единиц (например, названий различных объектов живой и неживой природы), а вторая — для предикатных. В дальнейшем речь пойдет только о второй из них.

Фундаментальной называется такая классификация лексики, понятия которой имеют универсальный характер, т. е. используются во всех лингвистических правилах — морфологических (категории вида, залога и наклонения), словообразовательных, синтаксических, семантических, прагматических, коммуникативно-просодических, сочетаемостных и других³⁸. Из них самыми важными являются семантические правила.

Основы фундаментальной классификации предикатов были заложены в работах [Маслов 1948; Vendler 1967b]³⁹, а впоследствии развиты в исследованиях [Lakoff 1966a; Miller 1970; Бондарко 1971; Comrie 1976; Lyons 1977; Mehlig 1981; Булыгина 1982; Селиверстова 1982; Гловинская 1982, 2001; Guiraud-Weber 1984, 1988; Арутюнова 1988; Князев 1989; Зализняк Анна, Шмелев 2000] и многих других. Интересные соображения по поводу отдельных семантических классов содержатся в работах [Золотова 1973: 185, 246 и др.; Апресян В. 1992; Зализняк Анна 1992a]. В последнее время значительный вклад в эту область внесла Е. В. Падучева, в частности, в связи с создаваемой ею системой «Лексикограф»; см. [Падучева 1985, 1996, 2004]. Автор данной работы тоже много лет занимался фундаментальной классификацией предикатов (см., например, [Апресян 1974, 1980, 2003], а также [Апресян 2004б] и аналогичные статьи в предшествующих выпусках НОСС'а). Ниже будут представлены некоторые итоги этого исследования. В нем есть существенные пересечения с результатами названных выше работ. Однако в целом предлагаемая классификация отличается от предшествующих и терминологически, и концептуально.

³⁸ Из этого определения следует, что слову «фундаментальный» в составе данного термина ни в коем случае не следует придавать никакого оценочного смысла. Мы предлагаем называть классификацию предикатов Маслова-Вендлера фундаментальной исключительно потому, что она позволяет на единой основе объяснить огромный комплекс взаимосвязанных свойств лексем.

³⁹ Разнообразные семантические классы глаголов (действия, процессы, состояния, достижения и ряд других) выделялись в аспектологической литературе и раньше. Ср. «точные глаголы» Э. Кошмидера [Кошмидер, 1962: 107] (первая публикация 1934 г.), которые Ю. С. Маслов назвал впоследствии мгновенными (*лопнуть, тронуть, умереть*), а также «развития» (действия типа *пахать*, процессы типа *расти*) и «состояния» (*быть*) Дж. Грубора [Грубор, 1962: 68—69, 71, 75] (первая публикация 1953 г.). См. также сборник [Вопросы 1962]. Вообще надо заметить, что сначала эта классификация разрабатывалась преимущественно для нужд аспектологии. Лишь в самое последнее время был выяснен ее универсальный характер.

Несколько примеров терминологических расхождений. Классы предикатов, которые в нашей работе называются фундаментальными, в [Падучева 1996: 106—107] фигурируют под именем таксономических; но таксономии иерархичны, а классы предикатов многократно пересекаются. Глаголы, которые З. Вендлер называет деятельностями (*играть, гулять*), у нас по большей части входят в класс занятий. Иначе, чем у некоторых авторитетных ученых, используются термины событие, состояние, процесс, воздействие, поведение и некоторые другие. Например, глаголы типа *стоять, лежать, сидеть* и т. п., которые некоторыми авторами рассматривались как состояния, у нас с давних пор образуют особый класс пространственных положений, или просто положений. Глагол *разрушать* во фразе *Река разрушает берега*, который Е. В. Падучева классифицирует как процесс, у нас считается воздействием. Под событием понимается любая моментальная ситуация, у которой нет агенса; моментальный глагол *встречать* (случайно) обозначает событие, а моментальный глагол *приходить* — действие. Указанному определению события отвечают и глаголы типа *происходить, случаться, страсти* и т. п. Поведениями в данной классификации называются только глаголы типа *баловаться, безобразничать, бесчинствовать, буянить, дебоширить, дурачиться, капризничать, кривляться, озорничать, паясничать, привередничать, ребячиться, скандалить, скоморошничать, фиглярствовать, хулиганить, шалить* и т. п. Глаголы типа *вымогать, грешить, заблуждаться, ошибаться, потворствовать* и т. п., которые Е. В. Падучева считает поведением [Падучева 1996: 150], у нас попадают в класс интерпретативов. Эти два класса различаются, в частности, своими аспектуальными свойствами: у поведений есть актуально-длительное значение в форме НАСТ НЕСОВ, а у интерпретативов нет.

Терминологические особенности предлагаемой здесь классификации объясняются общими принципами именования лингвистических объектов. В названиях классов везде, где это возможно, мы стараемся использовать слова естественного языка, например, слова *занятие* или *деятельность*, в их основных значениях. Мы даем им аналитические толкования, в которых пытаемся отразить все существенные черты их значений и только такие черты. Тем самым толкование каждого такого слова оказывается определением соответствующего класса.

Помимо названных и многих не названных расхождений в терминологии есть и более существенные концептуальные расхождения, которые касаются принципов классификации. О них подробно будет сказано ниже. Здесь достаточно подчеркнуть следующее. Все особенности предлагаемой классификации изначально объясняются тем, что она выросла из практической словарной работы и предназначена прежде всего для системной лексикографии. Нас интересуют системные эффекты классов на материале лексем, черты лексикографических типов в лексикографических портретах. Хотелось бы думать, однако, что такая классификация может обслуживать и цели грамматики. Было бы по меньшей мере странно, если бы в интегральном лингвистическом описании, использующем к тому же один и тот же семантический язык и для лексики, и для грамматики, цели грамматиста и лексикографа требовали бы разных классификаций.

2.1.2. РЕГУЛЯРНОСТЬ И ПРОДУКТИВНОСТЬ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРАВИЛА

Для дальнейших рассуждений важна оппозиция тенденций и правил, регулярных явлений (они необязательно продуктивны) и явлений продуктивных (они обязательно регулярны). Эта оппозиция давно известна и хорошо представлена на словообразовательном материале; впоследствии (см. [Апресян 1974]) она была перенесена и на область многозначности.

Продуктивные явления описываются стопроцентно применимыми правилами, которые при данной совокупности условий у исходного объекта всегда дают новый языковой объект с предсказанной совокупностью свойств. При этом лексическая область действия правила может быть и очень большой (скажем, все процессы допускают употребление в актуально-длительном значении НЕСОВ), и предельно ограниченной. Таково, например, правило модификации словарных толкований глаголов *бросать*, *кидать* и *швырять* в модели управления вида *бросать* (*кидать*, ...) *чем во что*. В отличие от прототипической модели *бросать* (*кидать*, ...) *что куда* (*в реку, на пол, под стол, за ширму, через забор*), в которой реализуется исходное словарное толкование всех трех глаголов, в данной модели добавляются смыслы 'с размаху' и 'с целью попасть в мишень'. С лексикографической точки зрения такие модификации порождают разные употребления в пределах одного лексического значения; подробнее об этом см. [Апресян 2001а].

Регулярные, но непродуктивные явления правилами порождения новых объектов по каким-то исходным описать нельзя. Можно лишь констатировать, что между данными объектами есть определенная семантическая связь. Так, у многих существительных со значением свойства типа *бездарность*, *непристойность*, *ничтожество*, *посредственность*, *пошлость*, *трудность* есть производное актантное значение 'носитель (обладатель) этого свойства'. Ср. *бездарность* (*ничтожество*, *посредственность*) *его сочинений* VS. *Он ничтожество*, *Он совершенная бездарность* (*посредственность*); *непристойность* (*пошлость*) *этих высказываний* — *Это непристойность* (*пошлость*). У других существительных с исходным значением свойства производного значения 'носитель (обладатель) этого свойства' нет; ср. *дар*, *изысканность*, *легкость*, *одаренность*, *пристойность*. Значит, перед нами случай регулярной, но непродуктивной многозначности.

На первый взгляд может показаться, что обсуждаемую связь между двумя типами значений все же можно сформулировать в виде продуктивного правила семантической деривации актантных существительных от существительных со значением свойства, введя в правило условие, что у исходного существительного должно быть значение отрицательного оцениваемого свойства. На самом деле этого условия недостаточно, потому что язык знает довольно много исключений. В частности, у слов *гений*, *красота*, *талант*, *тонкость*, *ценность* и ряда других, семантически близких к рассмотренным, но обозначающих положительно оцениваемые свойства, актантные значения есть; ср. *Он гений*, *красоты природы*, *вдаваться в тонкости*, *Библиотека* — *большая ценность* и т. п. Следовательно,

в рассматриваемом случае мы имеем дело только с регулярной многозначностью, т. е. статичным соотношением между значениями в относительно большой группе слов. Здесь есть тенденция, но нет продуктивного правила получения новых объектов. Такие случаи не следует описывать на динамическом языке — как процессы семантической деривации.

2.2. Принципы классификации

2.2.1. ПРЕДМЕТ КЛАССИФИКАЦИИ

1) Классифицируются в первую очередь глаголы, потому что любой класс предикатов обычно представлен каким-то количеством глаголов. При этом глаголы являются прототипическими именами действий, занятий, воздействий и процессов. Чем дальше от действий, тем чаще прототипическим представителем данного класса оказывается другая часть речи. Например, для свойств это прилагательные (*красный, низкий, умный, смелый, волевой*), а для параметров — существительные (*высота, длина, нация, профессия, карьера, форма, цвет*). Число параметров-существительных заведомо больше двухсот, а число параметров-глаголов (*весить, длиться, насчитывать, стоить* и т. п.) по-видимому, не превышает нескольких десятков.

Признаки, на основе которых формируются классы глаголов, в большинстве случаев оказываются релевантными почти для всех синтаксических производных глаголов и для многих актантных производных в сфере существительных, прилагательных и наречий, так что классифицируя глаголы, мы одновременно классифицируем и другие части речи. При этом, естественно, надо иметь в виду, что на материале других частей речи эти признаки могут иначе себя проявлять⁴⁰.

Из сказанного следует, что слова других частей речи тоже привлекаются для классификации. Просто в настоящее время это делается менее систематически.

2) Классифицируются лексические, а не грамматические значения. Например, отнесение какого-то глагола к классу событий не должно быть связано с формой СОВ. Если глагол *X* отнесен к этому классу, он должен обозначать событие и в форме НЕСОВ. Таковы, например, глаголы типа *встречать, находить, происходить, случаться*. Очевидно, с другой стороны, что существуют глаголы, в частности, мно-

⁴⁰ Ситуация в целом немного напоминает ту, которая возникает при трансплантации грамматических категорий одной части речи на материал другой части речи; ср. пары существительных типа *прыжок — прыганье, хлопок — хлопанье* и даже *смерть — умирание*, которые А. М. Пешковский считал выразителями категории вида (см. Пешковский 2001: 112). На самом деле то, что является грамматической (аспектуальной) оппозицией на материале глагола, предстает как словообразовательная или даже чисто лексическая оппозиция на материале существительного. Ср., в дополнение к квазивидовым, квазизалоговым оппозициям в случае *учитель — ученик, врач — пациент* или квазитемпоральным оппозициям в случае *президент — экс-президент, модернизм — пост-модернизм* и т. п.

гие так называемые способы действия, которые даже в форме СОВ ни в каком разумном смысле русским словом *событие* назвать нельзя; ср. так называемый пердуративный способ действия: *Я прождал его уже два часа, сколько еще можно ждать?* Не являются событиями и многие глаголы со значением процессов в форме СОВ; таков, например, весь второй аспектуальный тип как он определен в [Гловинская 1982: 86 и сл.], ср. *немного подрасти, сильно увеличиться в объеме* и т. п.

2.2.2. ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

Сама классификация строится на строго семантических основаниях. Предлагается различать семантические определения классов и наборы свойств каждого класса, не обязательно семантические, хотя и мотивированные в значительной мере именно семантическими их свойствами. В основу классификации положены так называемые системообразующие смыслы; см. обсуждение этого понятия в разделе 1.3.

2.2.3. СТРОЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ И ПРИНЦИП УПОРЯДОЧЕНИЯ КЛАССОВ

Классификация представляет собой очень нестрогую многоуровневую иерархию с многочисленными пересечениями классов. Классы упорядочиваются на основе принципа изоморфизма макро- и микромира языка: как уже было сказано выше, иерархическая структура значений всей глагольной лексики повторяет, в самых общих чертах, структуру значений многозначного глагола.

Лексикографы уже давно упорядочивают значения сильно многозначных глаголов в следующем направлении: прямые (условно говоря, «свободные») значения \Rightarrow производные (переносные) \Rightarrow лексически или синтаксически связанные \Rightarrow грамматические (в том числе связочные и чисто служебные). Семантически эта схема многозначности часто реализуется в виде постепенного перехода от значения действия через ряд промежуточных ступеней к значению свойства, а от него — к полуслужебным и полностью грамматикализированным значениям. Она отражает универсальный закон постепенной семантической эрозии лексем, в частности, глагольных.

Многие переходы такого рода были описаны в рамках уже упоминавшейся системы «Лексикограф» Е. В. Падучевой и ее сотрудниками; см. в особенности [Падучева 1996, 2004; Кустова 2004; Розина 2004]. С некоторыми дополнениями и уточнениями эти переходы можно представить следующим образом.

Если в значении глагола снимается идея намерения или цели, из действий получаются процессы, причем меняется семантическая роль первого актанта: агенс действия превращается в пациенс процесса⁴¹. Ср. *Он сегодня уже приходил* (действие) VS. *Посмотри, он приходит в себя* (процесс). Такое превращение может сопровождаться изменением аспектуальных и других грамматических свойств гла-

⁴¹ В связи с этим и другими подобными примерами отмечу, что одновременно с номенклатурой классов предикатов радикально обновилась и номенклатура семантических ролей актантов.

гола. Как известно, глагол *приходить* в своем основном значении обозначает моментальное действие и поэтому в форме НЕСОВ не имеет актуально-длительного значения. Однако в составе анализируемой фраземы *приходить в себя*, как отметил в свое время еще Ю. С. Маслов, он может употребляться таким образом — именно потому, что обозначает процесс; см. пример выше. Этот пример замечателен еще с одной точки зрения. Он показывает, что общие свойства процессов оказываются сильнее, чем свойство моментальности, присущее глаголу *приходить* в прототипическом значении действия.

Обратное превращение прототипических процессов в действия — явление гораздо более редкое, хотя и возможное. Условием этого превращения является контроль процесса со стороны субъекта. Так, в норме люди *дышат*, *заикаются*, *хромают* и т. п. независимо от своих намерений, и тогда соответствующие глаголы обозначают процессы. С другой стороны, *дышать* можно намеренно, например, в ситуации врачебного осмотра (*Дышите! Не дышите! А теперь снова дышите*), и тогда дыхание превращается в действие. Не будучи заикой или хромым, можно *заикаться* и *хромать* с целью обмануть кого-то; тогда перед нами снова не процессы, а действия.

Если в действии снимается идея динамики, из перемещений могут получаться положения в пространстве (так сказать, остановленные перемещения); ср. *Дети выходят в сад* VS. *Окна выходят в сад*. Очевидна глубинная семантическая связь между идеями перемещения и местонахождения. Она следует непосредственно из аналитического толкования глагола *перемещаться*: *А перемещается* значит, грубо говоря, что *А* н а х о д и т с я в последовательные моменты времени в разных точках пространства.

Из процессов при тех же условиях получаются состояния (так сказать, остановленные процессы); ср. *Снег покрывает поля* или *Камни закрывают вход в пещеру* в динамическом и стативном значениях.

Если снимается идея времени существования факта, из действий и процессов получается значение свойства; ср. *Смотри, вольфрам начинает плавиться* (процесс) — *Вольфрам плавится при температуре 3380 градусов* (свойство). Ср. также *Как сильно он заикается* (*хромает*)! (процесс или действие) — *Он с детства заикается* (*хромает*) (свойство). При тех же условиях в свойства превращаются и проявления; ср. *Розы пахнут*, *Крапива жжется*, *Шиповник колется* — либо актуально, и тогда это проявление, либо всегда, и тогда это свойство.

Ср. еще следующие примеры сильно многозначных глаголов: *входить в комнату* (действие), *входить в транс* (процесс), *входить в комиссию* (состояние), *входить в ведро* (параметр, а именно — вместимость ведра, ср. *вмещать*); *ходить за хлебом* (действие), *ходить по двору* (занятие), *Почва ходит под ногами* (процесс), *ходить без шапки* (состояние), *ходить в героях* (свойство); *вилять хвостом* (действие), *Прицеп виляет* (процесс), *Дорога виляет* (свойство)⁴².

⁴² Развитие в обратном направлении и в этом случае возможно, но гораздо менее вероятно. Ср. значение перемещения у стативного глагола *быть* (*Врач будет завтра*, устар. *Вы*

Классы предикатов внутри словаря упорядочиваются так же, как значения внутри многозначного слова.

2.2.4. ОРИЕНТАЦИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

Предшествующие классификации имели аспектуальную ориентацию: в них прослеживались связи определенного класса лексических значений глагола с категорией вида, особенно с видовыми значениями грамлемы НЕСОВ или их аналогами. Предлагаемая ниже классификация нацелена на выявление закономерных связей между семантическим классом глаголов и всеми прочими свойствами входящих в него лексем.

Из глагольных категорий на материале русского языка к семантическим различиям между классами оказались чувствительны, кроме вида, залог и наклонение. Кроме того, лексемы, относящиеся к разным классам предикатов, различаются синтаксическими, сочетаемостными и коммуникативно-просодическими свойствами, а также структурами многозначности, словообразовательными типами и типами семантических связей с другими лексемами.

Известно, например, что вся семантическая система языка пронизана отношениями конверсии. Это особенно хорошо заметно на прагматически значимых для данного общества многоактантных ситуациях. Для таких ситуаций язык развивает гнезда конверсивов, каждый из которых позволяет поднять ранг любого участника ситуации до первого ранга, т. е. ранга подлежащего. Ср. гнездо неточных конверсивов *купить*, *продать*, *стоить* и *уйти*, каждый из которых последовательно поднимает до первого ранга роль покупателя, продавца, товара и цены: *Я купил у него дачу за пять тысяч долларов*, *Он продал мне дачу за пять тысяч долларов*, *Дача стоила мне пять тысяч долларов*, *На дачу у меня ушло пять тысяч долларов* (очевидно, что два последних глагола — *стоить* и особенно *уйти* — могут использоваться не только в ситуации купли-продажи, но, например, и в ситуации аренды, строительства и т. п.).

Отношения конверсии настолько важны, что язык развивает для них специальную грамматическую форму и синтаксическую конструкцию (пассивную), специальные типы залоговых производных (ср. *учитель* — *ученик*, *врач* — *пациент*, *любящий* — *любимый*), которым близка многозначность типа *любопытный* 1 (человек) — *любопытный* 2 (факт), *радостный* 1 (человек) — *радостный* 2 (о событии), и, наконец, специальные серии полувспомогательных глаголов типа OPER1 — OPER2 (ср. *производить атаку* — *подвергаться атаке*). Возникает вопрос о классах предикатов, для которых характерна такого рода конверсия. Очевидно, что она должна быть характерна для действий, деятельностей и воздействий, но не для процессов и свойств.

завтра к нам будете?) и значение ‘казаться неподвижным при полете’ у глагола положения в пространстве *висеть* (*В синеве неба неподвижно висел жаворонок* (Чехов, МАС)).

В последующих разделах мы сосредоточимся лишь на самых принципиальных свойствах и связях такого рода. Изложение будет построено по следующему плану:

- а) основные семантические классы предикатов, преимущественно глаголов, с примерами;
- б) семантические определения некоторых классов;
- в) семантически мотивированные свойства классов.

2.3. ОСНОВНЫЕ КЛАССЫ

2.3.1. КЛАССЫ «ВЕРХНЕГО УРОВНЯ»

Было выделено свыше 15 главных классов (условно говоря, классов «верхнего уровня»): действия (*атаковать, идти, писать, рубить*), деятельности (*воевать, воспитывать, преподавать, торговать*), занятия (*гулять, играть, отдыхать, читать* [без дополнения]), поведения (*баловаться, капризничать, скандалить, шалить*), воздействия (*Река вымыла глубокое русло, Солнце прогревает воздух до 20 градусов, Дожди размывают железнодорожное полотно*), процессы (*выздоровливать, кипеть, расти, сокращаться*), проявления (*блестеть, звенеть, вонять, горчить, жечься*), события (*встречать* [случайное], *находить, происходить, случаться*), положения в пространстве (*висеть, лежать, сидеть, стоять, опираться*), локализации (*быть 2, заваляться, находиться, оказываться*), состояния (*знать, радоваться, хотеть, чувствовать*), свойства (*виться* [о волосах], *закататься, картавить, тонуть* [*Железо тонет в воде*]), способности (*владеть шпагой, говорить по-русски, ездить верхом, ходить* [*Ребенок уже ходит*]), параметры (*весить, вмещать, длиться, достигать, насчитывать*), существования (*бывать, водиться, существовать, появляться*), отношения (*включать 2, равняться, содержать*), интерпретации (*грешить, клеветать, ошибаться, подводить* [*Вы подводите коллектив*])⁴³.

2.3.2. КЛАССЫ И ПОДКЛАССЫ, ПЕРЕСЕЧЕНИЯ, СВЯЗИ

Каждый из классов верхнего уровня иерархии подразделяется на большое число подклассов. Последние возникают либо за счет каких-то новых общих семантических признаков, либо за счет того, что данный класс пересекается с каким-то другим классом фундаментальной классификации, либо за счет того и другого вместе.

⁴³ По разным причинам некоторые важные классы глаголов в этот перечень не были включены; таковы, например, «метаязыковые» глаголы *значить, называть, обозначать, означать* и т. п.; глаголы, обозначающие различные отношения между событиями, в частности, временные и причинно-следственные, ср. *предшествовать, следовать, вызывать* (*Угольная пыль вызывает интоксикацию организма*), *определять* (*Своевременное начало определяет успех дела*) и др.

Хорошими дополнительными признаками, охватывающими большие классы лексем, являются смыслы, выражаемые некоторыми семействами лексических функций; см. [Жолковский, Мельчук 1967; Мельчук 1974а; Мельчук, Жолковский 1984; Мельчук 1999] и многие другие работы по модели «Смысл \leftrightarrow Текст». Это прежде всего семейство INCEP, FIN, CAUS и LIQU. В соответствии с этим во многих перечисленных классах выделяются подклассы инцептивных, финитивных, каузативных и ликвидативных глаголов.

Инцептивы: *возникать* (начало + существование), *узнавать* (начало + состояние), *загораться* (начало + процесс), *заговаривать* (начало + действие) и т. п.

Финитивы: *вымирать* (прекращение + существование), *забывать* (прекращение + состояние), *гаснуть* (прекращение + процесс), *умолкать* (прекращение + действие).

Каузативы: *порождать* (каузация + существование), *сообщать* (каузация + состояние), *выращивать* (каузация + процесс), *кормить* (каузация + действие).

Ликвидативы: *искоренять* (ликвидация + существование), *разубеждать* (ликвидация + состояние), *будить* (ликвидация + процесс), *прерывать* (ликвидация + действие / деятельность).

Действия делятся на физические (*ломать*), физиологические (*оправляться*), ментальные (*размышлять*), волевые (*решаться на что-л.*), эмоциональные (обычно каузативные, ср. *злить* во фразах типа *Не зли собаку*), речевые (*требовать*) и социальные (*жениться*); аналогичные подклассы обнаруживаются и в классах деятельностей, занятий воздействий и состояний. Так, *дебатировать* обозначает речевую деятельность, а *разглагольствовать* — речевое занятие. *Прогреть* обозначает физическое воздействие, *убеждать* — ментальное (ср. *Даже эти факты его не убедили*), *вынуждать* — волевое (ср. *Это вынуждает меня отказаться от моего намерения*), *удивлять* — эмоциональное (*Его удивил звонок отца*). Аналогичным образом подразделяются состояния: они могут быть физическими (*видеть*), физиологическими (*болен*), ментальными (*знать*), волевыми (*хотеть*), эмоциональными (*бояться*) и материальными (*нуждаться*); заметим естественное отсутствие речевых состояний.

Параметры бывают числовые и качественные. Числовые параметры: *весить*, *вмещать*, *длиться*, *достигать*, *занимать*, *насчитывать*, *отстоять* (на пять километров), *составлять* (*Собрание его сочинений составило двадцать томов*), *стоять*. Качественные параметры: *обращаться с кем-л.* (хорошо \langle плохо \rangle), *относиться к кому-л.* (хорошо \langle плохо \rangle), *пахнуть* (хорошо — плохо), *принимать кого-л.* (холодно \langle тепло \rangle).

На материале существительных — прототипических имен параметров — классификация приобретает гораздо более дробный характер и сближается с устройством других классов. Главный класс числовых параметров — физические: *высота*, *рост*, *длина*, *расстояние*, *ширина*, *глубина*, *толщина*, *размер*, *площадь*, *вместимость*, *га-*

бариты, объем; долгота, широта; возраст, время, дата, срок; вес, температура, скорость, давление, напряжение, мощность, сила, крепость (в сорок градусов) и т. п. Среди качественных параметров выделяются физические (*внешность, форма, цвет, тон, звук, вкус, запах, оцуть*, ср. *бархатный на оцуть*); психологические — эмоциональные, волевые и ментальные (*характер, нрав, темперамент, склад; воля; ум, память, воображение*); социальные неиерархические (*национальность; конфессия; профессия; достаток, состояние; класс 1 (суда различных классов), группа, категория, сословие*); социальные иерархические (*ранг, чин; титул, звание; (ученая) степень; класс 2 (каюта первого класса), курс, ступень*); и многие другие.

Классы могут пересекаться друг с другом и по горизонтали, и по вертикали, так что в целом границы между ними размываются. Классическими состояниями являются ментальные (*знать, считать*). Волевые и особенно эмоциональные состояния (*бояться, грустить, радоваться, сердиться, стесняться, удивляться*) на шаг ближе к процессам. Это проявляется в следующих свойствах: а) они, в отличие от ментальных стативов и подобно процессам, могут употребляться в актуально-длительном значении НЕСОВ; ср. *Посмотри, как ребенок боится (радуется)*; б) для них возможны те же типы производных глаголов, что и для процессов, например, делимитативы; ср. *погрустить, поудивляться* (как *поболеть, поспать*), при невозможности (в том же значении) **познать, *попонимать, *посчитать*; в) в контексте эмоциональных состояний начинательные глаголы сохраняют свое обычное значение, как при сочетании с названиями процессов; ср. *Он начинает бояться (сердиться)* как *Он начинает согреваться (замерзать)*, *Дрова начинают гореть, Костер начинает гаснуть*. Между тем в сочетании с ментальным стативом начинательные глаголы либо невозможны (ср. неправильность **Я начинаю знать, что заболел*), либо подвергаются определенной семантической модификации: фразы типа *Я начинаю думать, что все не так просто* имеют не собственно начинательное, а перфективное значение (см. об этом ниже раздел 3.3).

На пересечении классов физических действий и интерпретационных глаголов возникают поведения — действия с элементами интерпретационного значения; ср. *баловаться, гримасничать, дурачиться, жеманиться, кривляться, паясничать, привередничать, скандалить, фиглярствовать, хулиганить*. Возможно дальнейшее подразделение поведений на проявление свойства (*жадничать*), имитацию (*бодриться*), притворство (*наивничать*) и т. п.

Очень хрупки границы между действиями, деятельностью, занятиями, воздействиями и процессами (см. ниже).

Итак, фундаментальная классификация предикатов не является строгой иерархией. Это значит (в полном соответствии со старой идеей И. А. Мельчука о «скользящей» классификации, см. [Мельчук 1985: 251, 266]), что надо искать не столько классы, сколько семантические классификаторы. Они будут давать многократно пересекающиеся классы, однако такие, что каждой комбинации семантических классификаторов всегда будет соответствовать хотя бы одно общее несемантическое свойство лексем, которым приписана эта комбинация.

2.4. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ КЛАССОВ

В определениях используются следующие понятия: а) толкование языковой единицы; б) вершина ассерции; в) системообразующий смысл; г) уровень семантической редукции. Кроме них в ряде определений используется нестрогое, но самоочевидное понятие раунда наблюдения. Названия классов, как уже было сказано, — это слова русского языка, по возможности — в своих обычных значениях.

1) Действие. Прототипическое действие — это глагол, у которого в вершине ассертивной части толкования на последней ступени семантической редукции обнаруживается семантический примитив ‘делать’, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, укладывается в один раунд наблюдения. Первый актант действий — агенс, целенаправленно изменяющий мир, т. е. формы существования, положения, состояния, свойства и отношения различных объектов, в число которых включен и он сам. Можно считать, что предикат *делать* применим не только к людям и существам высшего порядка, которые в языковой картине мира наделены суверенной волей (богам, дьяволу, судьбе и т. п.), но и к животным, птицам, насекомым, а также к более или менее автономно действующим артефактам — роботам, компьютерным программам и т. п. К примитиву ‘делать’ очень близок семантический кварк акциональности; см. об этом [Апресян 2004а].

2) Деятельность — это глагол, обозначающий совокупность разнородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, растягивается на несколько раундов наблюдения (что соответствует понятию «сверхдолгого интервала» у Е. В. Падучевой). Ср. такие деятельности, как *бороться (за власть)*, *воевать*, *воспитывать*, *торговать*, *управлять (имением)* и т. п. Очевидно, что один и тот же глагол в разных значениях может обозначать деятельность или действие; ср. *Геологи ищут алмазы* (деятельность) VS. *Он ищет свой кошелек* (действие). В связи с этим полезно вспомнить пример З. Вендлера: *Полк пересекает границу* (achievement, т. е. действие) VS. *Я пересекаю границу* (achievement, моментальный глагол).

3) Занятие — это глагол, обозначающий действие, непосредственной целью которого является выполнение самого этого действия. Человек *читает* *⟨гуляет, играет, катается⟩*, потому что хочет *читать* *⟨гулять, играть, кататься⟩*. Между тем всякое чистое действие имеет цель, отличную от него самого; ср. *идти в магазин (за покупками)*, *читать газету (чтобы узнать новости)*, *смотреть на часы* и т. п. Как следует из определения, занятия отделяются от действий очень тонкой гранью — той или иной интерпретацией цели действия. В русском языке близость действий и занятий отражается во многих системных явлениях. Назовем два из них: а) абсолютивную конструкцию, часто (хотя и не всегда) превращающую действие в занятие; ср. *Он читает материалы совещания* (действие) VS. *Дай спокойно почитать* (занятие); б) оппозицию двух типов лексических значений моторно-крат-

ных глаголов, подробно описанную в разделе 1.6: в разнонаправленном значении (*ходить по комнате, бегать по двору друг за другом*) они обозначают занятие, а в двунаправленном (*ходить за хлебом, бегать за газетами*) — действие.

4) Воздействие — это глагол, первым актантом которого является не агенс, наделенный суверенной волей, а какая-то неодушевленная сила, изменяющая мир. Обычно это космический объект, природное явление, автономно функционирующий орган тела, какое-то обстоятельство и т. п. Эта сила является непосредственной причиной какого-то действия (*Шорох в кустах заставил его остановиться*), процесса (*Солнце прогревает воздух*), положения вещей (*Это заявление вредит общему делу*) или состояния (*Встреча с Рихтером пробудила у него интерес к музыке*). Семантическая структура воздействий, а именно, наличие значения причины и отсутствие значения цели, предопределяет их главные отличия от действий даже в тех случаях, когда формальным подлежащим при глаголе является название человека. Ср. *Она заставила о себе говорить очень рано*: здесь человек выступает не в роли агенса, а (метонимически) в роли причины. Данная оппозиция не только разделяет действия и воздействия, но и сближает их друг с другом. Показательны в этом отношении деструктивные глаголы типа *разбивать, рвать, резать, царапать* и т. п. Они обозначают действия в контекстах намеренности, с целенаправленно действующим агенсом, и воздействия в контекстах ненамеренности, где его место занимает человек, рассматриваемый как простая деструктивная сила. См. более подробное обсуждение этого класса глаголов в разделе 3.4.3.

5) Процесс — это глагол, первым актантом которого является любой объект или явление, способное изменяться само по себе, а не в результате действия чьей-либо воли. В вершине ассертивной части толкования такого глагола на какой-то ступени семантической редукции обнаруживаются компоненты ‘перемещается’ (*дует, летится, падает, сыплется, течет*), ‘становится’ (*выздоровливает, заболевает, растет, сокращается*) или ‘перестает’ (*горит* ≈ ‘уничтожается под воздействием высокой температуры ...’ ≈ ‘перестает существовать ...’). Процессы тоже сближаются с действиями, причем в тех же самых условиях, что и воздействия. А именно, одна и та же лексема в разных употреблениях может обозначать и действие, и процесс. Первое происходит в контекстах «намеренности» (с целенаправленно действующим агенсом), а второе — в контекстах «ненамеренности». См. примеры в разделе 2.2.3.

6) Положение (в пространстве) — это глагол, у которого на определенном шаге семантической редукции в вершине ассерции обнаруживается идея контакта между частью *Z* объекта *X* и местом *Y*. Прототипические положения в пространстве — глаголы *висеть, касаться, лежать, опираться, сидеть, стоять* и их синонимы, например, *валяться, возлежать* и т. п. Ср. *Х лежит 1 на Y-е на Z-е* ≈ ‘Человек *X* находится на поверхности *Y* в горизонтальном положении, опираясь на нее большей частью *Z* своего тела’. Для положений в пространстве типичны начинательные, финитивные и каузативные наращения, представленные глаголами

типа *вешать, вставлять, класть, ложиться, повиснуть, прислоняться, садиться, сажать, ставить* и т. п. Начинательные приращения возможны и для глаголов *касаться, облакачиваться* в динамических значениях или употреблении. Скорее всего, к классу положений относятся и глаголы типа *выходить* (*смотреть*) (*окна-ми на запад*), *торчать* (*из воды кормой вверх*), *вылезать* (*острием наружу*) и т. п. с характерной формой ТВОР в роли переменной Z.

7) Состояние — это глагол, в значении которого обнаруживается семантический кварк стативности, или, что то же самое, которому приписан этот нетривиальный семантический признак. Таковы глаголы *знать, считать, сомневаться, понимать* (что P); *хотеть, желать, жаждать; видеть, слышать, обонять; болеть, зудеть; бояться, радоваться, сердиться; возглавлять, нуждаться*.

Может показаться, что это определение недостаточно содержательно. К сожалению, обычное определение состояний как ситуаций, гомогенных на протяжении всего времени их существования, не позволяет отделить их от свойств: последнее тоже гомогенно на протяжении всего времени своего существования. Правда, прототипические состояния и прототипические свойства различаются временем своего существования — ограниченным у прототипических состояний и неограниченным у прототипических свойств. Однако в менее прототипических случаях и это различие стирается.

8) Проявление — это свойство, состояние или процесс, актуально воспринимаемые наблюдателем (*блестеть, звенеть, вонять, горчить, колоться*).

9) Способность — это глагол, у которого в вершине ассертивной части толкования на определенной ступени семантической редукции обнаруживается семантический примитив ‘может’. Ср. *Он говорит по-русски* = ‘Он умеет говорить по-русски’ = ‘Он может говорить по-русски, потому что учился этому и научился’⁴⁴.

Основной оппозицией внутри фундаментальной классификации предикатов является оппозиция действий и состояний, или акциональных и стативных глаголов. Она пронизывает все уровни языка и будет рассмотрена подробнее в последующих разделах. Здесь достаточно будет указать несколько наиболее рельефных различий между этими двумя классами предикатов.

Действия имплицитно имеют цель, поэтому для них характерны целевые дополнения и обстоятельства, невозможные или по крайней мере необычные для состояний; ср. *Он учил языки, чтобы поступить на дипломатическую службу*, но не **Он знал языки, чтобы поступить на дипломатическую службу*.

Действия, особенно трудноосуществимые или требующие специальных умений и навыков, сочетаются с потенциальным значением НЕСОВ, ср. *Он бежит*

⁴⁴ Подчеркнем, что способности — это глаголы, у которых семантический компонент ‘может’ входит в лексическое значение; очевидно, что тот же компонент может входить и в грамматическое значение глагола, например, в потенциальные значения форм НЕСОВ и СОВ; ср. *Он поднимает 500 килограмм* и *Он поднимет 500 килограмм*.

стометровку за 10 секунд *⟨читает клинопись, играет на органе⟩*. Для состояний это нехарактерно или невозможно.

Действия сочетаются с профетическим (настоящим предстоящим) значением НЕСОВ, потому что предполагают планирование со стороны агенса, а для состояний, ввиду отсутствия у них такого актанта, это невозможно. Ср. *Завтра он едет в Париж ⟨играет Листа, завершает работу над статьей⟩* при невозможности **Завтра он знает, когда придет его жена*.

2.5. НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННЫЕ СВОЙСТВА КЛАССОВ

В этом разделе мы попытаемся показать зависимость между принадлежностью предиката к определенному классу или подклассу фундаментальной классификации и набором его несемантических свойств. По соображениям места мы ограничимся обзором только трех групп свойств — грамматических, синтаксических и сочетаемостных. В стороне останутся словообразовательные типы и типы регулярной многозначности, свойственные тем или иным семантическим классам и подклассам; коротко они были рассмотрены выше.

Главным классом предикатов являются действия. Они составляют подавляющее большинство предикатов, обладают наиболее полным набором семантических (т. е. не согласовательных) грамматических категорий, наиболее полным набором граммем в каждой категории и наиболее полным набором значений каждой грамлемы. На материале действий и были разработаны основные понятия грамматики глагола. С другой стороны, действия характеризуются наибольшим богатством управляющих свойств (многоактантностью), наиболее широкой сочетаемостью, наибольшим словообразовательным потенциалом и самой разветвленной полисемией.

Сказанное не значит, что другие выделенные выше классы глаголов интересными свойствами не обладают. У каждого класса и подкласса есть по крайней мере некоторые заслуживающие внимания свойства, иногда совсем не те, которые характерны для действий. Ниже мы рассмотрим наиболее интересные свойства различных разрядов фундаментальной классификации предикатов, не стремясь ни к исчерпывающим перечням свойств, ни к исчерпывающим перечням глаголов, которые ими обладают.

2.5.1. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

1) **Вид.** Прежде чем рассматривать факты, необходимо сделать одно пояснение по поводу трех значений грамлемы НЕСОВ — актуально-длительного, профетического (запланированного будущего) и потенциального. Все они так или иначе связаны с идеей агенса (т. е. воли или цели), и, тем самым, тесно связаны между собой; поэтому у некоторых классов предикатов отсутствует весь этот куст значений.

Давно было сделано наблюдение, что актуально-длительного значения нет у деструктивных глаголов типа *ломать*, *разбивать*, *рвать*, *резать*, *царапать* в «ненамеренном» значении, т. е. в ситуации, когда человек выступает не в роли агенса, а в роли «невольной причины» разрушения⁴⁵. Объясняется это тем, что причина, пока она существует, всегда имеет результат (см. [Богуславская, Левонтина 2004]), и если этот результат не накапливается, а возникает сразу, причину невозможно представить в процессе протекания. Поэтому формы НАСТ НЕСОВ таких глаголов в указанных условиях и при референции к актуальному событию обычно используются в Praesens historicum и, следовательно, нарративны; ср. *Его толкают, и он разбивает окно*. Стоит, однако, заменить причину целенаправленно действующим агенсом, как эти глаголы приобретают способность употребляться в актуально-длительном значении: *Посмотри-ка, они уже и витрины разбивают*⁴⁶.

То же относится и к профетическому значению: если человек твердо запланировал сделать что-то, его планы могут быть описаны формой НАСТ НЕСОВ; ср. *Операция назначена на завтра: утром группа захвата подъезжает к зданию, разбивает окно и проникает в центральный офис*. Стихийные силы ничего не могут планировать, поэтому невозможно **Завтра ветер разбивает окно*.

Труднее объяснить из тех же соображений неспособность глаголов, отличных от действий, употребляться в потенциальном значении НЕСОВ. Почему, например, фраза *Этот тяжеловес поднимает 500 килограмм* может быть осмыслена в потенциальном значении, а фраза *Этот кран поднимает пять тонн* скорее понимается как описание свойства крана (по параметру грузоподъемности)? Может быть, права А. Вежбицка, которая в своей давней работе толковала *Он может сделать это* как – ‘Если он хочет сделать это, он сделает это’ [Wierzbicka 1972: 154]. Тогда становится ясна связь между потенциальностью и волей.

Теперь можно охарактеризовать разные классы предикатов относительно вида.

а) У действий, как правило, есть обе формы вида и относительно полный набор видовых значений в каждой форме.

б) У деятельности (*бороться*, *воевать*, *воспитывать*, *заведовать*, *руководить*, *сотрудничать*, *торговать*) нет актуально-длительного, общефактического результативного и потенциального значений граммемы НЕСОВ, плохо выражено профетическое значение, а наиболее характерным аспектуальным значением является процессное (дуративное). Ср. *Посмотри, как пассивно он борется* (действие, актуально-длительное значение) VS. *Мы десять лет боремся с коррупцией, и все*

⁴⁵ По-видимому, впервые на факты такого рода обратил внимание Дж. Лакофф; см.: [Lakoff 1968].

⁴⁶ Фразы типа *Осторожно, ты стул ломаешь!* не опровергают этого утверждения, потому что говорящий имеет в виду какие-то действия адресата, хотя и не направленные непосредственно на разрушение.

без толку (деятельность, процессное значение); *Бывали дни, когда магазин продавал по десять экземпляров словаря* (действие, общефактическое результативное) VS. *Когда-то этот магазин торговал словарями* (деятельность, процессно-фактическое значение); *Тяжеловесы борются на следующей неделе* (действие, профетическое значение) VS. *"Мы боремся с коррупцией в будущем году* (деятельность, профетическое значение затруднено).

Несовместимость деятельностей с актуально-длительным и общефактическим результативным значениями НЕСОВ имеет единый источник — тот факт, что деятельности обозначают совокупность разновременных действий, между тем как указанные аспектуальные значения НЕСОВ локализуют ситуацию в какой-то одной точке времени. Пока неясно, как объясняется несовместимость деятельностей с потенциальным и профетическим значениями НЕСОВ.

в) Для воздействий по указанным выше причинам нехарактерно актуально-длительное значение: нельзя, например, сказать **Посмотри, шорох в кустах заставляет его остановиться*, при том, что можно сказать *Посмотри, дрессировщик заставляет тигра сесть*. Исключения из этого правила составляют воздействия, порождающие процессы, потому что в случае процессов результат все время накапливается, ср. *Солнце постепенно прогревает воздух*. Кроме того, у воздействий нет ни потенциального, ни профетического значений. Ср., в частности, невозможность **Завтра солнце прогревает воздух до 20 градусов*, хотя явления, «запланированные» природой, как показала М. Я. Гловинская, допускают такое употребление; ср. *Завтра начинается сезон дождей* (см. [Гловинская 1986: 89, 2001: 165]).

г) Прототипические (ментальные) состояния обычно не имеют канонических форм СОВ (ср. неточные пары типа *считать — считать, знать — узнать*), а в форме НЕСОВ имеют редуцированный набор значений: по указанным выше причинам при них с трудом выразимы или невозможны актуально-длительное, профетическое и потенциальное значения.

В связи с видом необходимо подчеркнуть особое место актуально-длительного значения среди не только аспектуальных, но и всех вообще грамматических значений русского глагола. Оно является самым сильным и наиболее глубоко мотивированным индикатором различий между классами предикатов. Ср., в дополнение к приведенному материалу, отсутствие актуально-длительного значения у большинства интерпретаций, т. е. глаголов типа *выручать, грешить, клеветать, ошибаться* и т. п. Формы НАСТ НЕСОВ с референцией к моменту речи у таких глаголов обычно имеют перфективное значение: фраза типа *Вы ошибаетесь* значит, что ошибка уже сделана. В классе действий актуально-длительного значения не имеют не только достижения, но, например, и «двунаправленные» моторно-кратные глаголы; см. выше раздел 1.6.

2) **Залог.** В русском языке только прототипические действия имеют все залоговые формы. Чем менее акционален глагол, тем больше вероятность, что у

него не будет по крайней мере некоторых залоговых форм, прежде всего формы СТРАД НЕСОВ на *-ся*, равно как и соответствующих пассивных конструкций. Ср. нормальное *Неопознанные сигналы из космоса принимаются нашими станциями уже давно* и гораздо более сомнительное, в силу своей неакциональности, *??Неопознанные сигналы из космоса получают нашими станциями уже давно*. Абсолютно невозможны в этой форме и конструкции стативы: **Костер был видим (виделся) мной, *Разговор был слышим (слышался) мной, *Предмет был хорошо знаем (знался) им*. Примеры типа *Никем не знаема тогда она войдет* (А. Ахматова) не выходят за пределы окказионализмов. Нет формы СТРАД (и, соответственно, пассива) и у ментального фактивного статива *понимать*; ср. *Я понимаю, что вы не хотели его обидеть*, но не **Мною понимается, что вы не хотели его обидеть*⁴⁷.

При прочих равных условиях акциональность создается инцептивностью. Поэтому у ментального статива *помнить* форма СТРАД отсутствует, а для образованного от него инцептива она допустима. Фраза типа *Многоходовые комбинации с огромным числом вариантов запоминались сестрами Полгар с детского возраста*, конечно, неуклюжа, но она гораздо более приемлема, чем аналогичная фраза с исходным стативом: **Многоходовые комбинации с огромным числом вариантов помнились сестрами Полгар еще в детском возрасте*.

Такой же эффект имеет и добавление к корневому глаголу некоторых приставок: у *хаять* формы СТРАД нет, а от приставочного глагола *охаивать* она образуется без труда: *Пьеса дружно охаивается (не *хается) критиками всех направлений*.

Наконец, при прочих равных условиях, стативная лексема такого слова, основная лексема которого акциональна, обладает большей акциональностью, чем синонимичная ей стативная лексема, для которой такой пары не находится. Так, ментальный стативный путатив *считать* не имеет формы СТРАД, а его близкий синоним *рассматривать* легко ее образует; ср. *Эти выборы рассматриваются всеми партиями как первая проба сил*, но не **Эти выборы считаются всеми партиями первой пробой сил*⁴⁸.

⁴⁷ Любопытно, что в путативных значениях форма СТРАД и пассивная конструкция для *понимать* возможны: *Под синтаксической транспозицией нами понимается такой способ словообразования, при котором исходное и производное слова принадлежат разным частям речи, но имеют одно и то же лексическое значение*. Подробнее об этом значении *понимать* см. часть 6 (автор Б. Л. Иомдин).

⁴⁸ Свойства главных значений сообщаются производным значениям (так сказать, прорастают в них) и в других случаях; ср. уже упоминавшуюся нами способность глагола *думать* употребляться в актуально длительном значении (*Лежу и думаю, что надо бы сходить за хлебом*) при полной невозможности такого употребления для его ближайшего синонима *считать*: у *думать* главное значение (*думать о предстоящей поездке*) акциональное, а у *считать* акциональных значений нет.

Интересно проследить взаимодействие акциональности и залога на примере разных значений одного глагола. Ср. *обвинять 1* (*Я его не обвиняю* — либо ментальное состояние, либо речевой акт, особенно в форме СОВ, ср. *Он обвинил меня в провале операции*) VS. *обвинять 2* (юр.) — всегда сложное речевое действие, официальное, экстерииоризованное, ср. зачитывание обвинения. Вторая лексема, в отличие от первой, легко допускает пассивизацию: *Он обвинялся в том, что злоупотребил своим служебным положением*.

3) Наклонение. Противопоставление действий и состояний, акциональности и стативности проявляет себя и относительно категории наклонения. Известно, что чем глагол ближе к состояниям (стативам), тем больше вероятность того, что у него не будет формы ПОВЕЛ. Ср., например, невозможность ПОВЕЛ от глаголов *видеть* (**видь*) и *слышать* (**слышь*). К этому можно добавить, что если номинально такая форма может быть образована (ср. *считай, знай, стыдись, гордись, понимай, пойми, помни* и т. п.), она никогда не имеет прототипического для нее значения побуждения. В таких случаях происходят следующие сдвиги значения:

(а) Фактивные стативы в форме ПОВЕЛ приобретают значение разделяемого знания: *Знай (помни, пойми), что она тебя любит*.

(б) Путативные стативы в форме ПОВЕЛ наращивают модальность ‘можешь’, иногда на фоне эмоционального безразличия говорящего по поводу того, что будет думать адресат; ср. *Считай (что тебе повезло)* = ‘... ты можешь считать, что тебе повезло...’; *Думай, что хочешь* = ‘... ты можешь думать, что хочешь; мне безразлично, что именно ты подумаешь’.

(в) Эмоциональные стативы в форме ПОВЕЛ чаще всего наращивают модальность ‘должен’, хотя иногда возможна и модальность ‘можешь’ *Стыдись!* = ‘...ты должен стыдиться’; *Гордись!* = ‘...ты должен гордиться’.

Заметим, что и в случае с наклонением появление акциональности в значении глагола, каков бы ни был ее источник, сразу восстанавливает его способность к образованию формы ПОВЕЛ с прототипическим значением побуждения; ср. императив *Вспомни ее телефон*.

В связи с наклонением следует обратить внимание на некоторые другие факты, которые как будто еще не попадали в поле зрения исследователей. В большинстве посвященных русскому императиву работ в число грамматических форм выражения побудительного значения включаются, помимо собственно императивных, еще четыре типа форм: а) ИНФ, ср. *Сидеть!*, *Спать!*; б) ПРОШ МН, ср. *Сели!*, *Встали!*, *Пошли!*; в) формы так называемого «совместного лица», ср. *Пойдем(те)*, *Сядем(те)*; г) «агглютинативные» (по В. В. Виноградову) или аналитические формы типа *Давай(те) поговорим*, *Пусть он уходит*, *Пусть он уйдет*, *Да будет так*. Из них можно признать вполне грамматикализованными только формы собственно императива типа *Сиди(те)* и *Сядь(те)*. Однако все

пять способов выражения императивного значения образуют в русском языке интересный синонимический ряд. Мы прокомментируем два первых элемента этого ряда, т. е. формы типа *Сиди(те)!* и *Сидеть!*, притом только в одном значении побуждения — начинательном. Значение продолжения действия (*Пишите, пишите*), присущее многим формам и конструкциям со значением побуждения, здесь рассматриваться не будет.

Очевидно, что по общему закону организации синонимических рядов наиболее широкими возможностями должна обладать доминанта ряда, т. е. собственно императивные формы типа *Сиди(те)*. Действительно, такие формы образуются от глаголов большинства перечисленных выше семантических классов. Как мы видели выше, они возможны даже от некоторых состояний, хотя и со сдвигом значения в сторону модальностей 'мочь' и 'должен'. Форма ИНФ как выразитель побудительного значения семантически гораздо более ограничена. Свободно используются в императивном инфинитиве лишь глаголы со значением пространственного положения и занятия, ср. *Сидеть!*, *Стоять!*, *Лежать!* и даже *Висеть!* (положение), *Работать!*, *Читать!*, *Гулять!* и даже *Играть!* (занятия). От глаголов действия императивный инфинитив образуется более избирательно; ср., в частности, прагматическую странность фраз типа **Читать книгу!*, **Писать письмо!*, **Идти!*, при том, что собственно императивные формы здесь вполне возможны: *Читайте книгу*, *Пишите письмо*, *Идите*. От деятельности императивный инфинитив выглядит еще более странно, по-видимому, из-за того, что он обозначает призыв к немедленному выполнению требования в актуальное время, между тем как деятельность складывается из разнородных и разновременных действий. Ср. невозможность **Воспитывать (детей)!*, **Бороться с коррупцией!*, хотя собственно императив здесь снова вполне возможен; ср. *Воспитывайте детей*, *Боритесь с коррупцией*. Наконец, императивный инфинитив совершенно невозможен от состояний: **Знать!*, **Считать!*, **Желать!*, **Стыдиться!*

2.5.2. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

2.5.2.1. Модели управления

а) Действия — самые «многоактантные» предикаты: у них есть агенс, они часто направлены на объекты, имеют адресатов или получателей, выполняются с помощью специальных инструментов и средств, часто в фиксированные сроки и с определенной целью. Идея динамики, ингерентно присущая действиям, еще больше расширяет круг их возможных актантов; ср. понятия начальной и конечной точек. Поэтому у действий число возможных актантов доходит до семи, между тем как для остальных классов предикатов оно не превышает четырех. Ср. семиактантный глагол *перевозить* — *кто, что, откуда, куда, на чем, через что* (от приставки *пере-*), *по чему*; шестиактантный глагол *командировать* — *кто, кого, куда, откуда, с какой целью (для чтения лекций), на какое время*; и пятиактантный глагол *посылать* 2 (*посылку*) — *кто, что, кому, куда, откуда*.

б) Деятельности обычно имеют не более трех актантов; ср. *бороться* (кто, с кем, за что), *вести переговоры* (кто, с кем, о чем), *торговать* (кто, чем, с кем) и т. п.

в) Занятия прототипически одноактантны, но у некоторых подклассов занятий число актантов возрастает до двух-трех. Таковы, например, моторно-кратные глаголы в разнонаправленном значении — у них есть валентности агенса, поверхности перемещения и направления перемещения, ср. Он *непрерывно ходил по комнате из угла в угол*; подробнее см. раздел 1.6.

г) Воздействия семантически двухактантны.

д) Положения в пространстве прототипически трехактантны: у них есть валентности агенса / пациенса, опоры (*стоять на стуле, сидеть на земле, лежать на полу, висеть на стене, опираться на перила*) и рабочей части (*стоять на голове, сидеть на задних лапах, лежать на спине, висеть на руках, опираться локтем*). Основной четверке глаголов со значением положения в пространстве не чужда идея местонахождения, которая, возможно, сообщает им еще одну валентность, а именно, валентность места: *стоять у окна, сидеть в полупустом зале, лежать в столе, висеть под потолком*.

е) Состояния двухактантны (*видеть, знать, считать, хотеть, чувствовать*), а среди свойств, обозначаемых глаголами, много одноактантных (*виться, хромать*).

2.5.2.2. Другие синтаксические свойства

Помимо моделей управления лексикографический интерес представляют и другие синтаксические свойства предикатов. Рассмотрим комплекс таких свойств на материале одного класса фундаментальной классификации, а именно, существований.

К классу существований относятся: а) глаголы, у которых главным компонентом толкования являются семантический примитив ‘существовать’; б) глаголы, у которых главным компонентом толкования являются конфигурации смыслов ‘начать существовать’, ‘продолжать существовать’, ‘должен существовать’⁴⁹; в) любые глаголы, обозначающие типичный способ существования данного объекта (*Ветер дует, Поземка кружит*) или его перцептивного проявления. Вот репрезентативный список существований: *бывать, быть, виднеться, виться (извиваться)* (о тропе и т. п.), *возникнуть* (*Возникли осложнения*), *вспыхнуть, выйти* (*Вышла неприятность*), *выявляться, держаться* (*В комнате еще держался неприятный запах*), *дуть* (*Дул сильный ветер*), *жить* (*Живет на свете такой парень*), *завестись* (*У нас завелись тараканы*), *загореться* (*Загорелся бой*), *зародиться, значиться, иметься, кипеть* (*Кипят страсти*), *кружить* (*В степи кружила поземка*), *крутить* (*крутиться*)

⁴⁹ Иной статус имеют глаголы со значением прекращения существования (чаще всего звуковые и световые), такие, как *гаснуть, замирать, затихать, исчезать, меркнуть, отгреметь, отзвонить, отзвучать, смолкать, стихать, умолкать, утихать*. Значение ‘перестать’ делает явление, о котором идет речь, определенным (ср. *Звуки в аллее замерли (утихли)*), и поэтому большая часть свойств экзистенциальных глаголов у них отсутствует.

(Между домами крутилась поземка), множиться (Множатся попытки решить проблему рака), надвигаться (Надвигается буря), назревать (Назревает скандал), найтись (Нашлись умники, которые этому не поверили), наличествовать, наметиться (Наметились изменения к лучшему), насчитываться, обитать (В Африке обитают львы), обнаружиться, обозначиться (Обозначились изменения к лучшему), оказаться (У него не оказалось спичек, В гостинице не оказалось свободных мест), оставаться (До отхода поезда остается 2 минуты), полагаться, получить (Получилась крупная неприятность), понадобиться, попасть, появиться (Появились первые цветы), прийти (Когда же юности мятежной / Пришла Евгению пора), происходить (Происходят странные вещи), прорезаться, проступать, разгораться (Разгораются споры), раздаться (Раздался звонок), разразиться (Разразился скандал), расти, светить, случаться, слышаться, создаваться (Создается впечатление), сохраняться, существовать, требоваться, уродиться.

Для всех существований в большей или меньшей мере характерны следующие семантически относительно хорошо, хотя и не стопроцентно мотивированные синтаксические свойства: (i) инверсия подлежащего и сказуемого в утвердительном высказывании, ср. *Жили-были дед да баба, Дул сильный ветер, Назревает скандал, Пришло время подвести итоги*; (ii) нормальный порядок слов в отрицательном высказывании, ср. *Ветер не дул, Цветы еще не появились, Время подводить итоги еще не пришло*; (iii) наличие локативных или временных детерминантов, ср. *По склону холма вьется тропка, В Африке водятся львы, В феврале стояли жуткие морозы*; (iv) нерасчлененность простейших (только глагол и подлежащее) утвердительных высказываний с глаголами существования на тему и рему; (v) возможность мены именительного падежа подлежащего на родительный в контексте отрицания (это свойство в определенной степени лексикализировано; см. раздел 1.2.1).

2.5.3. СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ СВОЙСТВА

Здесь мы рассмотрим два круга фактов: а) сочетаемость глаголов разных семантических классов с фазовыми глаголами и выражениями и б) частично мотивированный выбор полувспомогательных глаголов на роль лексических функций OPER1 и OPER2 от существительных разных семантических классов.

2.5.3.1. Сочетаемость с фазовыми глаголами и выражениями

1) Начинательные глаголы. В русском языке помимо обычных средств выражения начинательности (*начинать, стать, приступать* и т. п.), существует большой и давно замеченный комплекс этноспецифичных средств, обозначающих «внезапный приступ к действию»: *А царица хохотать; А она как завизжит!; И пошел (пустился) плясать; А он (а мы, а ты) давай плясать!* Очевидно, что эти средства выражения начинательности в какой-то мере синонимичны, но неравноценны.

Глаголы и частицы *пошел, пустился* и *давай* сочетаются только с интенсивными действиями и не сочетаются с деятельностью, воздействиями, процессами и состояниями, даже если они очень интенсивные, потому что в значение всех этих

глаголов входит указание на интенсивное желание агенса совершить это действие. Между тем *начинать* и *стать* сочетаются с гораздо более широким кругом предикатов — действиями, деятельностью, занятиями, воздействиями, процессами, состояниями и даже свойствами.

2) **Финитивные глаголы.** Из трех синонимов *прекратить*, *перестать* и *бросить* интересные сочетаемостные ограничения демонстрирует последний глагол. Он сочетается с глаголами, обозначающими узловые занятия или даже свойства, ср. *бросил заниматься музыкой*, *бросил курить* (пить), *бросил институт* (школу). Интересно, что в форме ПОВЕЛ сочетаемостные свойства этого глагола резко меняются: он приобретает способность сочетаться по крайней мере с некоторыми глаголами поведения, абсолютно отсутствующую у него в других личных формах. Ср. *Брось притворяться!*, но не **Он бросил притворяться*.

2.5.3.2. О семантической непустоте и мотивированности глагольных ЛФ⁵⁰

Внутри фразеологии относительно давно выделилась особая область, предметом которой стали устойчивые глагольно-именные словосочетания типа *вести борьбу*, *дать разрешение*, *идти в атаку*, *оказывать помощь*, *проводить экзамен*, и т. п.

Если отвлечься от частных случаев, наиболее интересные в контексте данной работы результаты этих штудий можно представить следующими двумя тезисами:

а) Глагол в таких словосочетаниях не имеет собственного лексического значения или имеет ослабленное значение и служит главным образом для того, чтобы быть носителем грамматических категорий времени, вида, наклонения, залога, лица и т. п., принципиально невыразимых при именном компоненте словосочетания. Поэтому словосочетание в целом является глагольно-именной («аналитической») перифразой исходного глагола; ср. *вести борьбу* = *бороться*, *дать разрешение* = *разрешить*, *идти в атаку* = *атаковать*, *оказывать помощь* = *помогать*, *проводить экзамен* = *экзаменовать* и т. п. При этом традиционно рассматривались главным образом такие перифразы, при которых сохраняется подлежащее исходного глагола; ср. *Он очень помог мне* — *Он оказал мне большую помощь*.

б) Все такие словосочетания обладают свойствами устойчивости и лексической связанности (немотивированности, фразеологичности, идиоматичности); ср. *произносить речь* и *делать доклад*, но не наоборот; *оказывать влияние* и *производить впечатление*, но не наоборот; *испытывать гордость* и *питать надежду*, но не наоборот; и т. п. Очевидно, что они обладают и свойством лингвоспецифичности. Ср., например, *уделять внимание* и *pay attention* (букв. 'платить внимание'), *произносить речь* и *make a speech* (букв. 'делать речь').

⁵⁰ Здесь воспроизводится содержательная часть работы [Апресян 2004в], где кроме того кратко излагается история разработки темы; подробную библиографию работ о лексических функциях см. в [Mel'čuk et al. 1992: 56—58, 60—64, 81—91] и [Hartenstein 1992: 277—285].

Рассматриваемая область фразеологии получила новый мощный импульс, когда во второй половине прошлого века она была введена в более общий контекст лингвистической модели “Смысл \Leftrightarrow Текст”; см. [Жолковский, Мельчук 1967; Мельчук 1974а; Мельчук, Жолковский 1984; Mel’čuk 1984, 1992, 1996, 1997] и другие работы И. А. Мельчука и его соавторов. Из новшеств, которыми модель И. А. Мельчука обогатила эту область традиционной фразеологии, главным является универсальный формальный аппарат ЛФ. Он позволяет свести гигантское разнообразие устойчивых элементов словосочетаний во всех естественных языках к нескольким десяткам классов лексем с общими семантическими и синтаксическими свойствами и сформулировать общие для всех языков правила перифразирования предложений. Последние расширяют класс перифраз исходного глагола за счет обширных возможностей, создаваемых меной диатезы (см. [Мельчук, Холодович 1970]); это понятие является обобщением понятия залога. Оказывается, что отношения, аналогичные залоговым, представлены и в лексико-синтаксической сочетаемости, о чем мы уже писали выше. Ср. *А дает* [OPER1] *В гарантию* — *В получает* [OPER2] *гарантию от А*, *А производит* [OPER1] *атаку на В* — *В подвергается* [OPER2] *атаке со стороны А*, *Х берет* [LABOR1-2] *В в аренду у Y-а* — *Y сдает* [LABOR3-2] *В в аренду X-у*.

В дальнейшем нам понадобятся только ЛФ OPER1 и OPER2, которым в модели “Смысл \Leftrightarrow Текст” были даны следующие определения: OPER1 — семантически пустой и лексически несвободный глагол, связывающий название первого актанта в роли подлежащего с названием ситуации в роли первого дополнения; OPER2 — семантически пустой и лексически несвободный глагол, связывающий название второго актанта в роли подлежащего с названием ситуации в роли первого дополнения.

Как видим, создав принципиально новый теоретический и формальный аппарат, многократно расширивший и углубивший возможности исследования устойчивых словосочетаний, теория ЛФ на первых порах сохранила верность двум названным выше тезисам.

Впоследствии в ряде исследований по ЛФ, выполненных в том числе и самим И. А. Мельчуком, оба тезиса были смягчены и уточнены; см., например, [Mel’čuk 1984: 9; Heid & Raab 1989: 132—133; Падучева 1991; Mel’čuk 1992: 31—32; Апресян В. 1992: 151—152; Hartenstein 1992: 20; Ройтер 1994; Mel’čuk, Wanner 1996: 209; Reuther 1996, 2003; Popovic 2003].

Тезис о «семантической пустоте» ЛФ-глаголов, главным образом глаголов OPER1, был уточнен в том смысле, что OPER1 пуст в контексте своего ключевого слова, т. е. дублирует часть его значения (И. А. Мельчук), или выражает только «категориальное», или «таксономическое» значение соответствующего существительного (К. Хартенштейн, Т. Ройтер).

Подвергся ревизии и второй тезис — о фразеологической связанности ЛФ-глаголов, или, что то же самое, о семантической немотивированности (произвольности) выбора глагола на роль данной ЛФ. В работе [Mel’čuk, Wanner 1996: 209] было от-

мечено, что произвольность «не исключает частичной мотивированности» и что значения ЛФ «могут коррелировать с семантическим классом ее ключевого слова». ⁵¹

Позднее похожие идеи развивались в обстоятельной работе [Reuther 1996]. В ней для трех глаголов русского языка в роли OPER1 — *вести*, *проводить* и *производить* — даются весьма полные списки возможных при них существительных-аргументов и прослеживаются мотивационные связи между глаголами и существительными.

С начала 90-х гг. мы тоже стали заниматься проблемой семантической непустоты и мотивированности глагольных ЛФ указанного семейства, на первых порах — в рамках системы компьютерных лексических игр на основе аппарата ЛФ (см. сноску 36). При адаптации этого аппарата для игр была сделана попытка отразить в определениях ЛФ их семантическую непустоту; ср., например, следующее определение ЛФ OPER1 (X — предикат, являющийся аргументом функции, P1 — его первый актант): ‘Делать X, иметь X или быть в состоянии X (глагол поддержки, при котором P1 выполняет функцию подлежащего, а X — функцию главного дополнения)’ ⁵². По замыслу, смысловые компоненты ‘делать’, ‘иметь’ и ‘быть в состоянии’ должны связывать лексическое значение глагола OPER1 с классом предикатов, к которому принадлежит аргумент функции, т. е. со смыслами ‘действие’, ‘свойство’ и ‘состояние’ соответственно. Тем самым определения ЛФ были введены в контекст фундаментальной классификации предикатов.

Представление о том, что новое знание в области ЛФ (как, впрочем, и в других областях теоретической лингвистики) может быть получено на основе фундаментальной классификации предикатов, окрепло в ходе работы над НОСС’ом и нашло в ней отражение; см. понятия «действие», «деятельность», «процесс», «пространственное положение», «состояние», «свойство», «ситуация» и другие подобные в [Апресян 2004б] и предшествующих выпусках этого словаря. Первые результаты, явно связывающие лексические значения ЛФ OPER1 и OPER2 с разрядами фундаментальной классификации предикатов, были изложены в работах [Апресян 2003, 2004а]. Они существенно используются в дальнейшем.

⁵¹ Проницательные мысли на этот счет можно найти и в предшествующей литературе вопроса. Ср. следующее рассуждение С. И. Ожегова: «Многочисленные глаголы широкого семантического объема [к их числу С. И. Ожегов относит *вести*, *дать*, *делать*, *держат*, *иметь*, *наводить*, *наносить*, *нести*, *оказывать*, *отдать*, *подать*, *приносить*, *принять*, *проводить* и т. п. — прим. автора] в процессе расширения возможностей сочетаемости утрачивают реально-вещественное содержание и начинают выполнять функции, приближающиеся к функциям вспомогательного глагола. Но и в этих случаях каждый из таких глаголов сочетается только с определенными разрядами существительных, завися в отношении сочетаемости от бывшего вещественного значения глагола. Многие из них становятся синонимичны друг другу, различаясь лишь иногда по степени выветривания вещественного значения» [Ожегов 1957: 44].

⁵² Эта система определений была частично опубликована только девять лет спустя, в [Апресян, Цинман 2002: 110—112].

Мы будем исходить из того, что глаголы классов OPER1 и OPER2 имеют собственное лексическое значение, дублирующее родовую часть значения слова-аргумента, и что поэтому выбор значения этих ЛФ — с точностью до класса предикатов — семантически мотивирован, хотя и не вполне свободен. Степень семантической мотивированности в большинстве случаев достаточна для формирования определенных лексикографических ожиданий, хотя и недостаточна для выработки стопроцентно верных прогнозов и, следовательно, для формулировки правил⁵³.

Иллюстрировать этот тезис, ввиду ограниченности места, мы будем только на материале ЛФ OPER1 и OPER2, притом с упором на второе из упомянутых свойств, т. е. на их семантическую мотивированность. Выбор именно этих двух ЛФ для подробного рассмотрения объясняется тем, что их синтаксическая и семантическая оппозиция реализует основное для всей системы русского языка залоговое противопоставление, а именно, противопоставление актива и пассива, и является, таким образом, системообразующей для русского языка.

Выбор конкретного глагола на роль OPER1 или OPER2 имеет двойную семантическую мотивацию, или мотивацию на двух уровнях. Прежде всего, он мотивирован принадлежностью самого ЛФ-глагола и его аргумента к одному из классов “верхнего” уровня фундаментальной классификации предикатов. Кроме того, он мотивирован принадлежностью существительного к достаточно узкому семантическому подклассу внутри этого класса предикатов. В обоих случаях выбор регулируется общими правилами семантического согласования. Перейдем к материалу.

2.5.3.2.1. OPER1

Действия. OPER1 от действий — это лексемы, значение которых либо включает в свой состав семантический примитив ‘делать’ в качестве *genus proximum*, либо по крайней мере содержит семантический кварк акциональности. Ср. наиболее типичные значения OPER1 от действий — *брать (штраф)*, *бросать (вызов)*, *вносить (предложение)*, *говорить (комплименты)*, *давать (совет)*, *делать (шаг)*, *наводить (критику)*, *наносить (удар)*, *оказывать (влияние)*, *отдавать (приказ)*, *подавать (совет)*, *предпринимать (действия)*, *предъявлять (требование)*, *принимать (решение)*, *приносить (извинения)*, *проводить (сравнение)*, *производить (обстрел)*, *совершать (посадку)*, *устраивать (прием)*, *читать (наставления)*.

Как было сказано выше, семантическую мотивированность выбора глагола на роль ЛФ OPER1 можно проследить и на гораздо более глубоком уровне. Мы рассмотрим с этой точки зрения следующие акциональные OPER-ы: *давать*, *делать*, *оказывать*, *производить* и *совершать*.

⁵³ В этом отношении связи между ЛФ-глаголом и его аргументом похожи на связи между исходным и производным словами внутри большинства словообразовательных типов русского языка и на связи между значениями слова в случае регулярной многозначности: они регулярны и семантически мотивированы, но непродуктивны.

Давать особенно охотно сочетается с двумя семантическими классами акциональных существительных: а) некоторыми речевыми актами, ср. *давать гарантию, зарок, инструкцию, клятву, команду, комментарий, консультацию, обещание, объяснение, ответ, отвод, позволение, приказ, присягу, разрешение, разъяснение, распоряжение, рекомендацию, совет, согласие, указание*; б) названиями сигналов, ср. *давать гудок, знак, отбой, отправление, сигнал*.

Делать предпочитается со следующими семантическими классами акциональных существительных: а) одноактными, часто моментальными действиями, ср. *делать бросок, вдох, взнос, впрыскивание, вставку, выбор, выдох, выпад, выстрел, движение, зарубку, засечку, круг, надпись, надрез, остановку, ошибку, перенос, перерыв, поворот, прививку, приписку, прокол, прыжок, разрез, рывок, скидку, снимок, трюк, ударение, укол, ход, шаг*; сюда же относятся ментальные акты *делать вывод, допущение, заключение* и конативные акты *делать попытку, усилие*; б) некоторыми речевыми актами, ср. *делать выговор, доклад, замечание, заявление, комплимент, объявление, предложение, предупреждение, признание*.

Оказывать предпочитается с двумя классами акциональных субстантивов: а) интерпретационными существительными; ср. *оказывать благодеяние, поддержку, покровительство, помощь, противодействие, содействие, сопротивление кому-л., оказывать влияние, воздействие, давление, нажим на кого-л.*; б) существительными, обозначающими воздействия, ср. *Газ оказывает большое давление на стенки сосуда, Лекарство оказывает действие через пять-десять минут после приема* и тому подобные примеры, см. выше.

Производить, ближайший синоним *делать*, заменимый на него во многих контекстах, предпочитается ему в контексте акциональных существительных со значением изменения существующего или ранее установленного положения вещей. Во многих случаях такие существительные имеют в своем составе префикс *пере-*, одним из значений которого является как раз значение изменения. Тем самым семантическое согласование глагола и существительного становится весьма глубоким: *производить переадресовку, переаттестацию, перевооружение, переворот, перегруппировку, передислокацию, переизбрание, переключение, перемотку, переоборудование, переоценку, перепечатку, перепланировку, переработку, перерасчет, перерегистрацию, пересмотр, перестановку, пересчет, переучет, переэкзаменовку*.

Совершать предпочитается другим OPER-ам в контексте следующих семантических классов акциональных существительных: а) существительных со значением отрицательно оцениваемых действий, ср. *совершать агрессию, адюльтер, грех, злодеяние, кражу, ограбление, ошибку, плагиат, подлог, потраву, преступление, предательство, преступление, промах, проступок, убийство*; ср. редкие исключения — *совершать подвиг, чудо*; б) существительных со значением перемещений на значительные расстояния, ср. *совершать виток вокруг земли, полный кругосветный плавания, поездку по стране, путешествие, челночные рейсы, турне,*

хадж, экскурсию; в) существительных со значением обрядовых и ритуальных действий, ср. *совершать богослужение, обрезание, обряд, омовение, ритуал, службу, туалет, церемонию*. Во всех случаях употребления *совершать* речь идет о крупномасштабных событиях.

Деятельности. OPER1 от деятельностей обычно выражается глаголом *вести*⁵⁴; ср. *вести агитацию, беседу, бизнес, борьбу, войну, дебаты, боевые действия, дела, предвыборную деятельность, жизнь, записи, двойную игру, кампанию, дозиметрический контроль, летопись, тайное наблюдение, осаду, переговоры, переписку, перестрелку, подкоп, поиски, полемику, прием посетителей, пропаганду, судебный процесс, саперные работы, разведку, расследование, репортаж, счета, торговлю, учет, хозяйство, хронику текущих событий*. Деятельности — это сложные предикаты, складывающиеся из многих неоднородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, и этой семантике идеально соответствует глагол *вести*, который в своем первом значении создает образ сложного пути к цели⁵⁵.

Процессы. Процессы, как мы помним, это глаголы, обозначающие самопроизвольное изменение объекта, т. е. изменение, протекающее без вмешательства чьей-либо воли. Первым актантом таких глаголов является пациенс — сущность, у которой в ходе развития данной ситуации меняются положение, состояние или свойства. Поэтому OPER1 от процессов должен выражаться глаголами с пассивным значением. Все глаголы, используемые в роли OPER1 от процессов, отвечают этому условию.

Наиболее употребительным из них является глагол *подвергаться*, толкуемый в МАС'е следующим образом: 'стать объектом какого-л. действия, испытать на себе действие чего-л.' [разрядка моя. — Ю. А.]. Имеется и дополнительная семантическая мотивация для выбора *подвергаться* на роль OPER1 от процессов. Он предпочитается с существительными, обозначающими: а) собственно изменение, ср. *подвергаться изменениям, качке, колебаниям, метаморфозе, мутации, ротацизму, умяуту*; б) разрушение, ср. *подвергаться выветриванию, коррозии, обесценению, облучению, омертвлению, разрушениям, разрыву, разъеданию, распаду, сжатию, старению, усадке* (о тканях), *эрозии*.

Другой глагол, часто выполняющий функцию OPER1 от процессов, — *претерпеть*. В его толкованиях в словарях современного русского языка совпадают сле-

⁵⁴ Обратное утверждение было бы неверно: глагол *вести* в качестве OPER1 сочетается, помимо деятельностей, с некоторыми действиями, ср. *вести разговор, спор; вести стрельбу, обстрел*.

⁵⁵ Ср. следующее толкование: *А ведет В в С из X-а по У-у* (например, *В конце дня кто-нибудь из родителей ведет ребенка из детского сада в музыкальную школу, Он вел нас к перевалу по едва видной тропе* и т. п.) = 'Зная путь в место С из места X, А идет в С из X-а по У-у, направляя пешее перемещение в это место человека В, у которого есть цель попасть в С, но который не знает пути туда и поэтому идет следом за А или рядом с ним' [Апресян 1999а: 45].

дующие две детали: а) в качестве Genus proximum для *претерпеть* используется исключительно глагол *подвергнуться*, первый актант которого выполняет семантическую роль пациенса; б) в четырех толкованиях из пяти используется компонент 'изменение'. Этот смысл и является дополнительным семантическим основанием для выбора глагола *претерпеть* на роль OPER1 от процессов: он сочетается преимущественно с существительными, обозначающими собственно изменение. Ср. *претерпеть изменения, деформацию, метаморфозу, превращение, трансформацию*.

Состояния. Два наиболее употребительных глагола, выступающих в роли OPER1 от состояний, — *испытывать* и *питать*.

Испытывать значит, по МАС'у, «пребывать, находиться в каком-либо душевном, физическом и т. д. состоянии». В силу этого определения данный глагол оказывается идеально семантически согласованным с идеей состояния. Ср. *испытывать боль, голод, жажду, зуд, колотье, мучения, покалывание в боку* [пассивные физиологические состояния]; *испытывать влечение, возжеление, желание, похоть* [активные физиологические (плотские) состояния]; *испытывать лишения, нехватку, крайнюю нужду* [материальные состояния]; *испытывать колебания, сомнения* [ментальные состояния]; *испытывать гнев, гордость, зависть, ревность, страх, стыд, ужас* [эмоциональные состояния]. Корреляция между *испытывать* в роли OPER1 и стативными существительными настолько велика, что приобретает прогностическую силу: если существительное сочетается с *испытывать* в данном значении, оно почти всегда будет обозначать какое-то состояние.

Очень близким синонимом *испытывать* в этом значении является глагол *питать*, который толкуется в МАС'е следующим образом: «В сочетании с некоторыми существительными обозначает: испытывать, ощущать то, что выражено существительным», с примерами *питать доверие, питать надежду, питать страх* и т. п. Выбор *питать* на роль OPER1 семантически тоже хорошо мотивирован — будучи синонимом *испытывать*, он сочетается почти исключительно с именами состояний.

Однако *питать* — неточный синоним *испытывать*, причем сочетаемостные различия между этими двумя глаголами допускают вполне четкое семантическое объяснение на «втором уровне» мотивации.

Во-первых, *питать*, в отличие от *испытывать*, сочетается исключительно с именами внутренних ментальных или эмоциональных состояний человека; нельзя, например **питать боль, голод, жажду, зуд, колотье, мучения, покалывание в боку*; **питать возжеление, похоть*; **питать лишения, нехватку, крайнюю нужду*.

Во-вторых, *питать* сочетается преимущественно с именами так называемых чувств-отношений, т. е. слов типа *доверие, любовь, ненависть, презрение, уважение* и т. п., описывающих эмоциональное или ментальное отношение субъекта к какому-то другому человеку или явлению. Корреляция между *питать* в роли OPER1 и этим классом существительных настолько велика, что БАС толкует со-

ответствующее значение глагола в составе синтаксической конструкции *питать что-л. к кому-чему-л.*, характерной именно для чувств-отношений. Ср. *питать антипатию, злобу, ненависть, неприязнь, отвращение, презрение к кому-чему-л., питать предубеждение против кого-л.; питать доверие, интерес, любовь, привязанность, (особое) пристрастие, расположение, симпатию, слабость, сочувствие, уважение, (нежные) чувства к кому-чему-л.*

Из чувств-состояний с *питать* относительно легко сочетаются только *иллюзии* и *надежды*; приводимое во всех толковых словарях русского языка сочетание *питать страх*, по-видимому, выходит из употребления.

Свойства. Наконец, OPER1 от имен свойств в подавляющем большинстве случаев выражается глаголом *иметь* (ср. *иметь влияние, иметь мужество*) и, более интересно, глаголом *пользоваться* 2: *пользоваться авторитетом, влиянием, известностью, популярностью, престижем, признанием, хорошей репутацией, доброй славой*. В словарях это значение *пользоваться* толкуется через глагол *иметь*, причем почти всегда возможна замена более идиоматичного, но менее употребительного *пользоваться* на *иметь*.

Тяготение *иметь* к сочетаемости с названиями свойств можно проследить еще на одном любопытном примере — постоянных героях справочников по культуре речи неправильных выражениях **играть значение* и **иметь роль*. Они являются результатом контаминации правильных выражений *иметь значение* и *играть роль*. Понятно, почему происходит такая контаминация. Существительные *значение* и *роль* обозначают некие качественные параметры, характеризующие масштаб явления (*большое (огромное, ничтожное) значение, большая (огромная, ничтожная) роль*), и вследствие этой семантической близости легко меняются своими OPER'ами. Понятно и то, как объяснить корень ошибки и указать мотивированный путь ее преодоления. Хотя оба существительных суть имена параметров, первое из них представляет параметр как свойство (ср. близкое слово *важность*), а второе — как некую активность. Из простого правила семантического согласования следует естественность выбора статичного глагола *иметь* как OPER'a при имени свойства *значение* и акционального глагола *играть* в той же функции при «активном» аргументе *роль*.

2.5.3.2.2. OPER2

Из определения OPER2 следует, что эта ЛФ должна быть присуща прежде всего существительным, производным от транзитивных глаголов действия типа *атаковать, контролировать* и т. п. и их аналогам типа *нападать на кого-л., управлять чем-л.* и т. п. Если исходный транзитивный глагол или его аналог обозначает действие, то второй актант такого глагола выполняет семантическую роль пациенса, т. е. сущности, которая в ходе выполнения действия меняет свое положение, состояние или свойства. Это как раз та семантическая роль, которую играет первый актант процессов. Значит, функцию OPER2 от действий должен выполнять глагол,

являющийся значением OPER1 от процессов. Действительно, наиболее частым значением OPER2 от имен действий является уже знакомый нам неакциональный глагол *подвергаться*, за которым идут, в порядке убывания частотности, *находиться* (быть) (под), *получать* и *испытывать*.

Подвергаться в качестве значения ЛФ OPER2 стоит вне конкуренции, причем его выбор на эту роль семантически настолько хорошо мотивирован, что тоже допускает возможность прогнозирования. Основных классов производных существительных, выступающих в качестве ключевых слов при OPER2 = *подвергаться*, — три: это имена действий, воздействий и деятельности. Заслуживает упоминания и следующая более глубокая семантическая мотивация выбора *подвергаться* на роль OPER2: этот глагол сочетается преимущественно с именами «агрессивных» действий и деятельности. Ср. *подвергаться агрессии, анализу, аресту, атаке, бойкоту, бомбардировке, взысканию, вивисекции, влиянию, воздействию, гипнозу, гонениям, давлению, действию, допросу, изучению, импичменту, инспекции, испытанию, исследованию, контролю, (холодному) копчению, критике, мучениям, наказанию, налету, налогообложению, нападению, нападкам, обвинению, обработке, обследованию, обстрелу, обсуждению, ограблению, операции, оскорблению, осмеянию, осмотру, остракизму, осуждению, очистке, перегонке, переоценке, переработке, пересадке, пересмотру, порицанию, порке, преследованиям, проверке, пытке, разграблению, разрушению, рассмотрению, суду, табу, травле, цензуре, чистке, штрафу, экзамену, экспертизе, эксплуатации*.

В ряде словосочетаний *подвергаться* синонимичен глаголу *испытывать*, тоже имеющему пассивное значение; ср. *испытывать влияние, воздействие, давление, действие*. Неудивительно поэтому, что он используется не только в роли OPER2 от акциональных существительных, но и в роли OPER1 от стативных существительных (см. выше). Таким образом, имеет место семантически мотивированный параллелизм между *подвергаться* и *испытывать* в роли ЛФ OPER1 и OPER2.

Находиться (быть) (под чем-л.). Следует обратить внимание на характерный для пассивного значения предлог *под*. Ср. *находиться* (быть) *под арестом, владычеством, властью, влиянием, воздействием (наркотиков), вопросом, давлением, епитимьей, запретом, защитой, контролем, наблюдением, надзором, обаянием, обстрелом, огнем, опекой, охраной, покровительством, присмотром, протекторатом, руководством, следствием, судом, управлением, юрисдикцией*.

Если существительное имеет и акциональное, и результативное значение (ср. *арест*), то *подвергаться* = OPER2 от акционального значения (ср. *подвергаться аресту*), а *находиться под* = OPER2 от результативного и стативного значения (ср. *находиться под арестом*).

Получать обозначает пассивный акт в своем основном значении и сохраняет этот критический признак в роли OPER2. Ср. *получать взбучку, взыскание, взятку, вспомоществование, выговор, дотацию, компенсацию, консультацию, нагоняй, награду, одобрение, ответ, отзыв, повреждение, поддержку, помощь, признание, субсидию, удар*.

2.5.3.2.3. Казус двух равно активных участников

Существует немало предикатов, обозначающих такие действия или деятельности, которые требуют двух активных участников. В таких случаях и OPER1, и OPER2, в полном соответствии с лексикографическими ожиданиями, выражаются акциональными глаголами. Посмотрим в этой связи на глаголы *интервьюировать* и *консультировать* и производные от них имена действия *интервью* и *консультация*. Эти две группы предикатов в известной мере обратно симметричны друг другу. В ситуации интервью первый участник задает вопросы, а второй на них отвечает; в ситуации консультирования, наоборот, второй участник задает вопросы, а первый на них отвечает. Для первой ситуации OPER1(*интервью*) = *брать* (*интервью*), а OPER2(*интервью*) = *давать* (*интервью*). Для второй ситуации, наоборот, OPER1(*консультация*) = *давать* (*консультацию*), а OPER1(*консультация*) = *брать* (*консультацию*). Произошла своеобразная рокировка глаголов в функции OPER'ов, но рокировка абсолютно закономерная и семантически мотивированная. Притом оба глагола, используемых в функции OPER'ов, акциональны.

Назовем еще три существительных, обозначающих ситуации с двумя активными участниками, у которых OPER1 и OPER2 представлены похожими акциональными глаголами: *взятка*, *уроки*, *экзамен*. OPER1(*взятка*) = *давать*, OPER2(*взятка*) = *брать*; OPER1(*уроки*) = *давать*, OPER2(*уроки*) = *брать*; OPER1(*экзамен*) = *принимать*, OPER2(*экзамен*) = *сдавать*. В тот же ряд входит и существительное *аренда*, от которого возможны ЛФ LABOR1-2 и LABOR3-2, представленные акциональными глаголами тех же семантических классов; ср. *брать что-л. в аренду* (LABOR1-2) и *сдавать что-л. в аренду* (LABOR3-2).

По-видимому, агент и контрагент в рассмотренных ситуациях различаются по степени своей активности, однако эти различия не настолько значительны, чтобы критическим образом влиять на выбор ЛФ-глагола: все перечисленные глаголы относятся к классу действий.

2.5.3.2.4. Некоторые другие ЛФ

Указанные закономерности можно было бы проследить на материале других ЛФ-глаголов изучаемого семейства, однако это потребовало бы значительно большего времени и пространства. Число достаточно хорошо представленных в языке исходных ЛФ семейства OPER-FUNC-LABOR не меньше шести (OPER1, OPER2, FUNC0, FUNC1, FUNC2, LABOR1-2), и для каждой из этих функций возможны композиции с ЛФ INCEP (начинать), FIN (прекращать), CAUS (каузировать) и LIQU (ликвидировать), так что их общее число достигает 30; ср. типичную серию OPER1 (*восторг*, *негодование*, *ярость*, ...) = *быть в*, INCEPOPER1(*восторг*, *негодование*, *ярость*, ...) = *приходить в*, CAUSOPER1(*восторг*, *негодование*, *ярость*, ...) = *приводить (кого-л.) в*.

Не имея возможности обозреть все тридцать функций, мы ограничимся лишь одной из них — ЛФ INCEPOPER1, причем на примере всего одного глагола — *впадать*.

Впадать в роли INCEROPER1 сочетается с именами состояний, причем прослеживается вполне четкая корреляция между ним и глаголом *испытывать* в роли OPER1. В качестве ключевых слов при *впадать* используются почти исключительно существительные со значением материальных, физиологических, ментальных и эмоциональных состояний. Ср. *впасть в апатию, беспамятство, беспокойство, (мистический) восторг, гнев, депрессию, дрему (дремоту), ересь, заблуждение, забытие, задумчивость, замешательство, исступление, кому, крайность, летаргию, меланхолию, (крайнюю) нищету, нужду, отчаяние, оцепенение, (серьезную) ошибку, панику, (тихое) помешательство, противоречие, (слащавую) сентиментальность, слабоумие, сон, состояние (апатии и т. п.), столбняк, тоску, транс, уныние, хандру, экстаз, ярость*. Исключение составляют фраземы *впасть в грех, впасть в детство, впасть в лирику и впасть в немилость*.

Эта удивительная последовательность в поведении *впадать* подчеркивается тем обстоятельством, что нарушение указанного правила семантического согласования отчетливо ощущается как окказионализм, языковая игра или отклонение от нормы. Ср. *Николка впал в ошеломление* (М. Булгаков, Белая Гвардия), *Я впал в мрачность от слов попа* (А. Грин, Золотая цепь), *Он сразу впал в минорный тон* (В. Гиляровский, Москва и москвичи), *[Коля] впал в очередной припадок беззвучного хохота* (В. Конецкий, Невезучий Альфонс), *Ньютон впал в толкование Апокалипсиса* (А. и Б. Стругацкие, За миллион лет до конца света), *Володя сам не пошел бы, но тут он впал в амбицию* (Ю. Трифонов, В грибную осень).

2.5.3.2.5. Степени свободы

До сих пор мы пытались показать, что выбор глагола на роль данной ЛФ в какой-то мере семантически мотивирован и что мотивация распространяется на большие классы словосочетаний, включающие десятки единиц. Акцент на этом свойстве ЛФ-сочетаний понадобился для того, чтобы обосновать идею лексикографических ожиданий, без которой лексикограф рискует утратить системные ориентиры.

Сказанное отнюдь не значит, что отрицается идея семантической несвободы ЛФ-значений. У глагола *отдавать*, например, как и у многих других сильно многозначных глаголов, большая часть значений фразеологически связана и допускает обобщения в гораздо меньшей степени. В частности, в роли ЛФ OPER1 он принимает в качестве аргументов всего пять существительных — *команда, предпочтение, приказ, приказание, распоряжение*. Очевидно, что второе существительное в этом ряду ставит под вопрос запрашиваемое обобщение, а количественная и качественная узость остающегося класса аргументов (слов со значением 'приказ'), помноженная на то обстоятельство, что **отдать предписание* все-таки нельзя, совсем выбивает из-под него почву.

2.5.3.2.6. Лексикографическая трактовка ЛФ-глаголов

Как было показано выше, при большинстве рассмотренных ЛФ-глаголов возможны десятки слов-аргументов, которые образуют хорошо очерченные семанти-

ческие классы и подклассы и создают основания для определенных лексикографических ожиданий.

Обоими этими свойствами ЛФ-глаголы отличаются от похожих глаголов, входящих в состав так называемых фразеологических серий (по Балли) или фразеологических сочетаний (по Виноградову), т. е. словосочетаний типа *обдать презрением, злобой; потупить взор, взгляд, глаза, голову; расквасить нос, лицо*. В последних используется очень небольшое число опорных существительных, причем эти существительные не допускают семантических обобщений, которые имели бы прогностический потенциал.

По указанной причине словосочетания с ЛФ-глаголами рассмотренного типа разумно считать последним, четвертым классом устойчивых словосочетаний на пути от абсолютно окаменевших идиом (фразеологических сращений по В. В. Виноградову) к свободным словосочетаниям.

Здесь необходимо подчеркнуть, что мерилom свободы лексического значения слова является отнюдь не объем класса его возможных коллокатов. С одной стороны, этот класс может быть очень велик, практически даже открыт. Таков, например, класс коллокатов упомянутого выше глагола *отдавать* в свободном значении, реализуемом во фразах типа *отдавать кому-л. деньги, детей, дом, книгу, кошку, ложки, машину, платье, яблоко* и т. п.: человек А может отдавать человеку В любой материальный объект, который до этого А взял у него.

С другой стороны, класс коллокатов слова в свободном значении может быть относительно узок. Ср. глагол *уменьшать* = 'делать меньше' в сочетании с именами числовых параметров типа *уменьшать бюджет, величину, вес, возраст, высоту, габариты, глубину, давление, длину, издержки, количество, масштаб, мощность, напряжение, обороты, объем, площадь, размер, расстояние, расходы, скорость, срок, температуру, толщину, цену, численность, число, ширину, яркость* и т. п., всего в пределах нескольких десятков⁵⁶. Интересно сравнить этот глагол с его фразеологически связанным синонимом *сбрасывать* = 'резко уменьшать', который сочетается с не допускающим обобщения подклассом *вес, газ, давление, напряжение, обороты, скорость* и *температура*, но не с другими именами числовых параметров.

Более того, значение слова может оставаться свободным даже тогда, когда семантический класс его коллокатов сводится к одной-двум единицам. Хорошо известными примерами этого типа являются значения глаголов *жмурить (глаза), скалить (зубы), хмурить (брови, лоб), щурить (глаза)* и т. п. Во всех таких слу-

⁵⁶ Ср. также известный пример свободных словосочетаний на материале прилагательных, обозначающих масти лошадей: *буланый, вороной, гнедой, игреневый, караковый, каурый, мысастый, мухортый, саврасый, чубарый* и т. п. Здесь объем класса коллокатов ограничен «лошадиными» существительными. *Буланым* (или *буланой*) может быть *жеребенок, жеребец, кляча, кобыла, конь, ломовик, лошадь, мерин, пристяжная, рысак, стригунок*, но не *собака, кошка* или *мышь*, даже если окраска ее шерсти неотличима от масти лошади.

чаях ограничения на сочетаемость слова задаются не поименным списком слов, а указанием некоего общего для всех коллокатов смысла, пусть предельно узкого. Например, для глагола *скалить* это смысл 'зубы'. Свидетельством того, что *скалить зубы* — не фразеологическая единица, а свободное словосочетание с обобщимым значением второго компонента, является возможность его варьирования: можно *скалить* не только *зубы*, но и *клыки*, *резцы*; ср. *Сел на хвост, оскалил клыки* (А. Толстой, Золотой ключик, или приключения Буратино); ср. также *Он оскалил фарфоровые и золотые коронки и одним приемом навел на лбу Шарика красный венец* (М. Булгаков, Собачье сердце).

Следовательно, грань между свободными и несвободными словосочетаниями, в том числе и словосочетаниями с ЛФ-глаголами, определяется не объемом класса коллокатов, а исключительно возможностью задать этот класс чисто семантическим правилом.

Здесь и возникает вопрос о лексикографической трактовке таких глаголов. Он расслаивается на два других вопроса — собственно лексикографический и металексикографический.

Для собственно лексикографического описания самым существенным представляется то обстоятельство, что ограничения на сочетаемость ЛФ-глаголов, несмотря на весьма значительную степень семантической мотивированности, не могут быть заданы исчерпывающим правилом. Значит, в их собственных словарных статьях, — а они, вопреки тому, что думали на заре теории ЛФ, непременно должны включаться в словарь, — достаточно формулировать семантические предпочтения и иллюстрировать их показательными примерами. Что касается исчерпывающих сведений о сочетаемости ЛФ-глаголов с существительными-аргументами, то они могут быть даны только в словарных статьях этих существительных, как это и предусматривалось в классической версии теории.

Для металексикографического описания, наоборот, наиболее существенным представляется факт весьма значительной семантической мотивированности ЛФ-сочетаний, поскольку он позволяет с большой уверенностью прогнозировать для каждого ЛФ-глагола, как, по-видимому, и для каждой ЛФ-лексемы, классы их возможных коллокатов.

2.6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работу лексикографа можно в идеальном виде представить так: он сидит перед экраном, на который может быть выведена полная таблица лексикографических типов данного языка, т. е. классов лексем с общими свойствами, на которые ссылаются определенные правила грамматики. Для получения системного описания лексики этого языка лексикограф, приступая к описанию очередного слова, должен попытаться уложить его в один или несколько из представленных в таблице лексикографических типов. Отказ от этой стратегии разрешен лишь в одном случае — когда материал оказывает этому сопротивление. В такой ситуации лексикограф должен переключиться с лексикографического типа на лексикографический

портрет и дать по возможности полное и точное описание всех индивидуальных свойств данной леммы.

ГЛАВА 3. ПРАВИЛА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗНАЧЕНИЙ

В данной главе (она воспроизводит содержание работы Апресян 2005) будут рассмотрены следующие вопросы: а) принцип композициональности и понятие нетривиального правила взаимодействия значений; б) типы контекстуальных факторов, наиболее активных в правилах; в) типы смыслов, наиболее активных в правилах; г) типы правил в зависимости от природы взаимодействующих значений; д) типы правил в зависимости от самого механизма взаимодействия.

3.1. ПРИНЦИП КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТИ И ПОНЯТИЕ НЕТРИВИАЛЬНОГО ПРАВИЛА

Основополагающим для правил взаимодействия значений является принцип композициональности. В сжатой формулировке И. М. Богуславского, который много им занимался, он звучит так: значение целого высказывания является «функцией значений его частей и способа их синтаксического соединения» [Богуславский 1996: 9]. Говоря более детально, значение высказывания складывается по определенным правилам из значений лексем, граммем, синтаксических конструкций, просодий и других значимых единиц языка.

Простейшие правила взаимодействия значений носят чисто аддитивный характер: прототипические толкования связанных друг с другом единиц языка складываются друг с другом, не претерпевая никаких изменений. Именно по таким правилам получают значения словосочетаний *наш дом*, *деревенское стадо*, *мимо дома*, *прошло стадо* и т. п., а также значение высказывания *Утром мимо нашего дома прошло деревенское стадо*. Во всех этих случаях имеет место тривиальное взаимодействие значений языковых и текстовых единиц.

В языке, однако, возможны и нетривиальные взаимодействия, когда значения языковых единиц или их компоненты, объединяясь во все более крупные семантические конфигурации, определенным образом влияют друг на друга — притягиваются, отталкиваются, модифицируются или переподчиняются.

Рассмотрим сочетание глагола *налечь* (на что-л.) с существительными, обозначающими действия: *налечь на работу* (на учебу, на тренировки). В таких сочетаниях глагол *налечь* значит ‘начать интенсивно или более интенсивно делать то, что обозначено существительным’, т. е. ‘начать интенсивно или более интенсивно работать (учиться, тренироваться)’. Это ЛФ типа INCEPPER1 + MAGN/PLUS.

Однако прототипическое словарное толкование *налечь* неприменимо в случае, когда этот глагол сочетается с существительным, имеющим предметное значение (обычно значение пищи); ср. *налечь на закуску* (на арбуз, на икру, на семгу, на чай, на водку); *Зато Ноздрев налег на вина: еще не подавали супа, он уже налил гостям*

по большому стакану портвейна (Н. В. Гоголь, Мертвые души); *На середину вышли — налег на весла* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). Чтобы получить правильную интерпретацию таких метонимий, словарное толкование *налечь* нужно модифицировать следующим образом: ‘начать интенсивно или более интенсивно и использовать то, что обозначено существительным, в соответствии с его назначением’. Это ЛФ типа INCEPREAL1 + MAGN/PLUS; см. также похожие правила для глаголов *хотеть*, *хотеться*, *просить*, *требовать* и *предлагать* в разделе 3.2.2.

Ниже речь пойдет только о нетривиальных семантических правилах.

Всякое семантическое правило, как и любое другое, состоит из условий применения и собственно операции.

Условия применения правила могут содержать ссылки на грамматические формы слов (у глаголов особенно активны формы СОВ, НЕСОВ, 1-Л и 2-Л НАСТ, а также формы наклонения ПОВЕЛ и СОСЛ), на синтаксические конструкции (особенно на модели управления и на отрицательные, вопросительные и вводные предложения), на сочетаемость (особенно семантическую), на просодию (особенно на способность — неспособность нести главное фразовое ударение) и на связанную с просодией коммуникативную структуру (как правило, на способность — неспособность быть темой или ремой высказывания). В большинстве случаев эти факторы действуют не изолированно, а в составе целой группы.

Операции могут включать установление семантической неправильности высказывания из-за отсутствия в нем семантической согласованности частей, добавление, снятие или замену отдельных смысловых компонентов, порождение новой семантической валентности, перераспределение областей действия смысловых компонентов с соответствующим изменением значения всего высказывания, изменение его иллокутивной функции, смену коммуникативного режима.

Ниже, в разделе 3.2 дается представительная, хотя и не полная подборка примеров, иллюстрирующая спектр типичных для русского языка условий, в которых возникают определенные семантические эффекты. Она позволяет составить представление о наиболее активных в русском языке факторах, ответственных за формирование смысла целых высказываний в нетривиальных случаях. Что касается операций, то в разделе 3.2 мы ограничимся обзором лишь тех из них, которые возникают в выбранных нами примерах условий. Полная типология операций, в сущности, совпадает с делением самих правил по механизмам взаимодействия и будет предпринята в разделе 3.5.

Несколько слов об объекте правил взаимодействия значений. В большинстве случаев таким объектом являются аналитические толкования языковых единиц, как в разобранный выше примере с глаголом *налечь*. Существенно реже правила затрагивают более периферийные элементы семантико-прагматического представления лексем — коннотации и прагматические (наивно-энциклопедические) сведения, о чем мы уже говорили в разделе 1.5.1. Для полноты картины остается рассмотреть случай, когда объектом правил взаимодействия становятся нетривиальные семан-

тические признаки лексем. Он будет представлен примерами семантического рассогласования стативных глаголов с настоящим предстоящим («запланированным будущим»), общефактическим результативным и актуально-длительным значениями граммы НЕСОВ. Эти правила рассматривались в [Бондарко 1971: 155; Апресян 1980: 38 и сл.; Булыгина 1980: 341, 1982: 80; Гловинская 1989: 89, 2001: 164]; здесь они будут изложены в уточненном виде.

Если глагол обладает признаком стативности, то он не сочетается с предстоящим значением граммы НЕСОВ; ср. неправильность фраз типа **Завтра я точно знаю, когда начинается сессия* (надо *Завтра я буду точно знать, когда начинается сессия*), **Скоро он ненавидит Соню за то, что сделал ее несчастной* (надо *Скоро он возненавидит Соню за то, что сделал ее несчастной*) и т. п.

Если глагол обладает признаком стативности и при этом не обозначает физическое восприятие, он не сочетается с общефактическим результативным значением граммы НЕСОВ. Фраза типа *Я (уже) знал теорему Бернулли* описывает только состояние, длившееся какое-то время в прошлом. Между тем фраза *Я (уже) видел его книгу* может обозначать две разных вещи: во-первых, состояние, длившееся какое-то время в прошлом (книга в какой-то момент вошла в поле моего зрения и продолжала оставаться в нем); во-вторых, результат одного акта восприятия, закончившегося до момента наблюдения в прошлом (ср. *Я уже видел где-то его книгу* — общефактическое результативное).

Что касается правил сочетаемости стативных глаголов с актуально-длительным значением граммы НЕСОВ, то здесь картина более пестрая, чем предполагалось раньше⁵⁷. По-видимому, большинство правил такого рода должно формулироваться отдельно для разных классов стативов, а в ряде случаев — для разных глагольных лексем и разных употреблений одной лексемы. При прочих равных условиях возможность употребления глагола в актуально-длительном значении зависит от двух факторов: (а) длительности обозначаемого им состояния: чем меньше нормальная длительность этого состояния, тем слабее запрет на такое употребление; (б) степени наблюдаемости состояния: чем более оно наблюдаемо, тем слабее запрет.

В полном соответствии с этим наибольшую степень рассогласования с актуально-длительным значением обнаруживают глаголы ментального состояния *знать* и *считать*. Нельзя, например, сказать **Сижусь и знаю (считаю), что пора брать отпуск*. Отдельно отметим, что при замене *считать* синонимичным глаголом *думать* получается вполне правильное высказывание; ср. *Сижусь и думаю, что пора брать отпуск*. Как уже было сказано в сноске 48 в главе 2, объясняется это тем, что основное значение *думать*, которое реализуется в конструкциях типа

⁵⁷ См., например, [Lyons 1977: 706], где дана следующая, на наш взгляд, чересчур глобальная формулировка: «Стативные глаголы составляют важнейший подкласс глаголов, которые обычно не встречаются в прогрессивном виде в английском языке». См. также [Lakoff 1966].

думать о чем-л., — акциональное и, следовательно, совместимое с актуально-длительным значением НЕСОВ, а свойства основных значений настолько сильны, что иногда «прорастают» в производные значения. Подробнее о таких употреблениях см. [Апресян 1995а: 395].

С другой стороны, многие глаголы эмоционального состояния, гораздо более близкие к процессам по времени существования, чем глаголы ментального состояния, и часто имеющие легко наблюдаемые внешние проявления (краску радости или стыда, дрожь в состоянии страха, насуленные брови при недовольстве и т. п.) по крайней мере в некоторых употреблениях легко сочетаются с актуально-длительным значением НЕСОВ. Примеры на первый случай (состояния, близкие к процессам по времени протекания): *Он никогда не стыдился своих лохмотьев (не гордился своим сыном) так, как в эту минуту.* Примеры на второй случай (экстериоризованные состояния): *Смотри, как он радуется (как он стыдится своих лохмотьев); Боишься (трепещешь)?; Ну что ты сердишься?*

По обеим причинам легко сопрягаются с актуально-длительным значением НЕСОВ и глаголы физического восприятия *видеть, слышать, осязать, чують* и т. п.; ср. *Я отчетливо вижу парус на горизонте (ясно слышу какой-то шорох за дверью).*

3.2. ТИПЫ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ, НАИБОЛЕЕ АКТИВНЫХ В ПРАВИЛАХ

3.2.1. ФОРМЫ СЛОВ, ОТРИЦАТЕЛЬНОСТЬ, ВОПРОСИТЕЛЬНОСТЬ, ВВОДНОСТЬ

Любопытно ведут себя формы ПОВЕЛ глагола *воображать* в значении ‘иметь в сознании образ объекта или ситуации X, когда X органами чувств не воспринимается’. Это значение представлено в примерах типа *И проплывающие облака / Воображать большими парусами* (Г. Иванов, «Глядит печаль огромными глазами»); *Тот, кто вообразил полет человека, был предтечей авиации* (М. Слоним, О Марине Цветаевой)).

Форма ПОВЕЛ СОВ *вообрази(те)* тяготеет к утвердительным предложениям и по большей части представляет собою призыв сформировать некий реалистический образ; ср. *Вообразите озеро посреди леса и маленькую избушку на берегу; Вообразите, что вы едете не со мной, а с кем-то другим* (Куприн, МАС).

Форма ПОВЕЛ НЕСОВ *воображай(те)* тяготеет к отрицательным предложениям, в которых она претерпевает еще более серьезный сдвиг значения — чаще всего это призыв отказаться от заведомо неправильного мнения или даже фантазии. Ср. *Не воображай, что ты незаменим; Не воображай, что мы здесь ничего не знаем* (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди); *Никогда не воображай, что ты крепость, что ты неприступен* (Д. Рагозин, Дочь гипнотизера)⁵⁸.

⁵⁸ Похожий материал, но с другой точки зрения и в рамках другой понятийной системы рассматривался в [Зализняк Анна 1992: 142].

Глагол *ошибаться*, который может обозначать неправильное суждение или впечатление о конкретной и несложной бытовой ситуации (*Я ошибся, я думал, мы встречаемся в десять*), в отрицательном императиве выражает тривиальное для этого случая побуждение не повторять ошибок; ср. *Больше не ошибайся*⁵⁹. Между тем его синоним *заблуждаться*, обозначающий глубоко укорененное в сознании неправильное мнение или убеждение по серьезному вопросу, в тех же условиях приобретает значение мягкого призыва отказаться от него; ср. *Дело не в страхе, не заблуждайтесь* (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне).

Глагол *спрашивать* в форме НЕСОВ в отрицательном императиве и в абсолютивной конструкции, в отличие от своего синонима *любопытствовать*, может указывать на оценку ситуации как нежелательной; ср. — *Как ты себя чувствуешь? — Не спрашивай* ['плохо']; — *А сколько у нас осталось? — Не спрашивай* (В. Аксенов, Звездный билет) ['мало'].

Глагол *обещать* под отрицанием в форме 1-Л ЕД НАСТ без дополнений имеет не отрицательное значение 'Не обещаю', а несколько сдвинутое значение 'Вряд ли удастся сделать то, о чем ты меня просишь'; ср. — *Так ты придешь? — Не обещаю*⁶⁰.

Интересные семантические особенности в форме 2-Л в вопросительных предложениях обнаруживает глагол *знать*. Обычно человек спрашивает о чем-то, когда он сам этого не знает и считает, что нужными ему сведениями располагает адресат. Однако вопрос с глаголом *знать* не предполагает в обязательном порядке отсутствие у субъекта нужной ему информации. Значение такого вопроса зависит от синтаксической конструкции, в которой употреблен *знать*.

Если *знать* управляет придаточным предложением с союзом *что*, то вопрос в целом всегда значит, что спрашивающий определенным знанием располагает и интересуется только тем, есть ли оно у адресата. Вопрос представляет собою другую форму сообщения: в сущности, субъект делится с адресатом своим знанием. Ср. *Вы знаете, что Оля развелась* (*что первый отдел расформировали, что в институте будет реорганизация*)?

⁵⁹ Речь идет только о пропозициональном *ошибаться*. В других значениях такого сдвига в отрицательном императиве не происходит; *Лучше говори медленно, только не ошибайся в формах*.

⁶⁰ Семантический сдвиг, происходящий в таких примерах, уже был предметом комментариев в специальной литературе; ср. следующую экспликацию: 'Говорящий сообщает слушающему, который хочет, чтобы говорящий сделал Y, что он постарается сделать Y, но не уверен, что у него это получится' [Иорданская 1985: 255]. Аналогичные утверждения по поводу французского глагола *promettre* делает Р. Форест: по его мнению *promettre* под отрицанием приобретает значение 'слабого обязательства', в отличие от просто обязательства в утвердительных предложениях; ср. *Je ne promets pas de venir* (un faible engagement) VS. *Je promets de venir* (engagement); см. [Forest 1983: 88] (цитируется по работе Л. Н. Иорданской).

Если *знать* управляет придаточным предложением, вводимым союзным словом, то вопрос в целом может использоваться в двух разных ситуациях. Во-первых, он может иметь нормальную функцию вопроса, т. е. предполагать неосведомленность субъекта; ср. *Вы знаете, кто этот человек (что тут происходит)?* Тогда, кстати, чисто вопросительные и вопросительно-отрицательные предложения в значительной степени сближаются друг с другом; ср. *Вы не знаете, кто этот человек (что тут происходит)?* Во-вторых, он еще более уместен в ситуации, когда спрашивающий располагает определенным знанием и интересуется только тем, есть ли оно у адресата, одновременно выражая готовность или желание поделиться им с адресатом в случае необходимости. *Знаешь, зачем следователь приехал (кто на тебя донес?)*. Данное значение близко к значениям разделяемого знания и экзаменационного вопроса.

Тот же глагол в форме НАСТ в отрицательных вопросах с частицами *что*, *или* и, может быть, еще некоторыми приобретает значение 'говорящий знает, что X знает, что P, и крайне удивлен или недоволен тем, что X ведет себя так, как если бы он не знал этого', причем все высказывание иногда приобретает грубоватый оттенок. Ср. *Он что, не знает, что мы его ждем?; Я что, не знаю, что вы меня ждете?; Или он не знает, что мы его ждем?*

Интересные семантические особенности имеют краткие формы некоторых параметрических прилагательных. Речь идет прежде всего о прилагательных линейного размера, т. е. словах *высокий* — *низкий*, *глубокий* — *мелкий*, *длинный* — *короткий*, *широкий* — *узкий*, а также о прилагательных «общего размера» *большой* и *маленький*. Назовем две из них; обе были коротко описаны в [Апресян 1974: 93, 214].

Во-первых, прилагательные со значением *большого* полюса в контексте вопросительных слов *как* и *насколько* утрачивают присущий им в других конструкциях семантический компонент 'больше нормы' и становятся обозначениями всей шкалы соответствующего линейного измерения, т. е. семантическими эквивалентами слов *высота*, *длина*, *ширина*, *глубина* и т. п. Ср. вопросы типа *Насколько высок забор в этом месте? = Какова высота забора в этом месте?; Насколько (как) длинны каналы Марса? = Какова длина каналов Марса?; Насколько широк (глубок) ручей в нижнем течении? = Какова ширина (глубина) ручья в нижнем течении?*

В этом отношении краткие формы перечисленных русских прилагательных напоминают параметрические прилагательные со значением *большого* полюса в ряде европейских языков. Многие прилагательные этого класса (разные для разных языков) употребляются в значении шкалы соответствующего размера и соответствуют перечисленным выше русским параметрическим существительным. Ср. англ. *ten meters high (deep)*, нем. *zehn meter hoch (tief)* 'высотой (глубиной) в десять метров', фр. *long de deux mètres* 'длиной в два метра', *un mètre de large* 'шириной в один метр' (правда, здесь *large* выступает в роли существительного). Однако есть и различие. В названных языках такие употребления разработаны гораздо шире и синтаксически (см. примеры выше), и лексически (ср., например, аналогичные английские и немецкие конструкции со значением возраста — *ten years old*, *zehn Jahre alt* 'в воз-

расте десяти лет'). Поэтому они приобретают статус самостоятельных лексических значений слова, отличных от значения большого полюса. Между тем в русском языке их естественнее всего получать по правилу семантической модификации из основного значения.

Во-вторых, большинство параметрических прилагательных со значением линейного размера, включая и те, которые обозначают малый полюс шкалы, равно как и оба прилагательных со значением «общего размера», а также некоторые другие прилагательные со значением физических параметров претерпевают в краткой форме семантический сдвиг вида 'больше нормы Р' \Rightarrow 'слишком большой по Р' (в первом случае некий компонент снимается, а во втором — добавляется). Ср. *Забор высок* (низок), *Кровать широка* (сюда не встанет), *Протока узка* (мелка) (на катере не пройдешь), *Юбка коротка* (длинна), *Ботинки малы* (велики), *Мешки тяжелы* (один человек не справится) и т. п. Прилагательные других семантических классов сохраняют свои обычные значения и в краткой форме; ср. *Он был красив* (умен, строен, глуп); *Надо признать, что замысел его был весьма глубок* и т. п.

Достойны внимания еще два обстоятельства. а) Этот сдвиг характерен для кратких форм при обычном порядке слов и вне контекста интенсификаторов. В положении перед подлежащим или при наличии интенсификатора краткие формы сохраняют свое словарное значение. Так обстоит дело в предложениях типа *Широка страна моя родная; Велика Россия, а отступать некуда; Мал золотник, да дорог; Иван очень высок; Мешки очень тяжелы* и т. п. б) Смысл 'слишком' делает естественными дополнения или обстоятельства со значением агенса, предназначения, аспекта или множества, к которому принадлежит субъект; ср. *Ранец велик для ребенка* [агенс]; *Труба длинна (коротка) для этого участка водопровода* [предназначение]; *Пиджак широк (узок) в плечах* [аспект]; *Джон высок даже для масаи (низок даже для пигмея)* [множество].

3.2.2. Модели управления и способы реализации валентностей

В этом разделе мы будем рассматривать только такие валентности, которые в прототипических условиях насыщаются именами предикатов или целыми высказываниями. Многие глаголы русского языка, принадлежащие к этому классу, допускают метонимическую реализацию своей предикатной валентности предметным именем. Мы проследим семантические эффекты таких метонимических замен на материале трех типов валентностей — содержания, цели и причины.

Валентность содержания. В прототипическом случае валентность содержания глаголов *хотеть* и *хотеться* реализуется инфинитивом или целым высказыванием; ср. *Я хочу (мне хочется) гулять; Я хочу (мне хочется), чтобы ты мне помог; Во всем мне хочется дойти / До самой сути* (Б. Пастернак, «Во всем мне хочется дойти»); *Я хочу, чтобы Фриде перестали подавать тот платок, которым она удушила своего ребенка* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Но мне*

действительно хотелось, чтобы он ушел (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора)⁶¹. Интересный семантический сдвиг происходит в тех случаях, когда валентность содержания желания метонимически выражается предметным существительным в форме ВИН⁶², РОД или ПАРТ: *Ребенок хочет конфетку* (молока, чаю); *Ребенку хочется молока* (чаю). В таких контекстах по умолчанию обычно предполагается, что предмет желаний будет дан субъекту для использования по его прямому назначению (ср. рассуждения о глаголе *налечь* выше).

Аналогичным правилам подчиняется употребление глаголов *просить* и *требовать* в их основных значениях. Если валентность содержания просьбы или требования реализуется формой ИНФ, подчиненной пропозицией или предикатным существительным, то смысл высказывания получается по тривиальному правилу. Ср. *Я прошу тебя помочь мне* (чтобы ты помог мне); *Я прошу тебя о помощи*; *Врачи требуют от правительства повышения зарплаты* (чтобы правительство повысило им зарплату, повысить им зарплату); *Два часа ругался с Риббентропом, который требует считать Францию суверенной страной* (Ю. Семенов, Семнадцать мгновений весны). Если же эта валентность метонимически выражается предметным существительным в форме ВИН, РОД или ПАРТ, то речь идет о том, чтобы предмет просьбы или требования был физически предоставлен субъекту для использования по его прямому назначению. Ср. *Ребенок просит конфетку* (молока, чаю); *Требуя у него документы* (номер в лучшем отеле). Ср. также употребление глагола *предложить* в значении ‘сказать о своем желании или готовности оказать кому-л. какую-л. услугу’: *Я предложил подвезти его* (предложил ему свою помощь) ≈ ‘предложил сделать Р’ VS. *Я предложил ему кофе* ≈ ‘предложил дать Х-у Р, с тем чтобы Х использовал Р по назначению’.

Рассмотренный материал допускает некоторое обобщение: указанный тип семантической модификации характерен для глаголов, в которые так или иначе входит смысл ‘хотеть’. Очевидно, однако, что эти правила в целом носят словарный характер.

Валентность цели. Глаголы перемещения в случаях типа *Мы ходили гулять* (на прогулку), *Мать водила детей гулять* (на прогулку) имеют двунаправленное значение (≈ ‘пойти и вернуться’) с валентностью цели. Если эта валентность метонимически выражается предметным именем в составе предложно-именной

⁶¹ Эта валентность может насыщаться еще одним типом предикатов — существительными со значением положения вещей в форме РОД. В этом случае в высказывании возникает дополнительный смысл существования или наличия: *Я хочу* (мне хочется) *большой свободы* (мира в семье) = ‘... чтобы у меня было больше свободы (в семье был мир)’.

⁶² Для предикатных имен этот способ оформления валентности содержания невозможно; ср. неправильность **хотеть мир в семье* (большую свободу). Это замечание относится и к рассматриваемому ниже глаголу *просить*; ср. *просить помощи* (сочувствия), но не **просить помощь* (сочувствие).

группы за + ТВОР, как в случае *Мы ходили за газетами* (за хлебом), *Мать гоняла нас за газетами* (за хлебом), в высказывании возникает дополнительный смысл получения и доставки соответствующего предмета в определенное место⁶³.

Валентность причины. У глаголов со значением эмоциональных состояний типа *беспокоиться*, *бояться*, *радоваться*, *стыдиться* и т. п. есть валентность причины, которая стандартно и единообразно выражается при них придаточным предложением, вводимым союзом *что*. Ср. *Он беспокоился, что детей до сих пор нет; Она боялась, что не успеет на поезд; Все радовались, что экзамены уже позади; Я стыжусь, что состоял в вашей партии*. Метонимически та же валентность может выражаться предложно-именной группой вида *за X-а*, где позицию X занимает предметное существительное, чаще всего — имя человека: *беспокоиться* (бояться, радоваться, стыдиться) *за своего сына*. В таких условиях в контексте глаголов со значением положительной эмоции возникает дополнительное значение 'причиной эмоции является что-то хорошее, к чему X имел, имеет или будет иметь отношение', а в контексте глаголов со значением отрицательной эмоции — дополнительное значение 'причиной эмоции является что-то плохое, к чему X имел, имеет или будет иметь отношение'.

Добавим к сказанному, что при некоторых глаголах этого класса валентность причины может выражаться еще формой ИНФ, ср. *Он боялся ходить туда; Он стыдился говорить об этом*. При этом в утвердительном предложении, как в только что приведенных примерах, чаще всего дополнительно выражается тот смысл, что субъект избегал совершать соответствующее действие, а в отрицательном — что он совершал его; ср. *Он не боялся ходить туда* (не стыдился говорить об этом).

3.2.3. СОЧЕТАЕМОСТЬ, СИНТАКСИС И ПРОСОДИЯ

Сочетания глагола *надеяться* с модальными словами *можно*, *будем* (именно в форме 1-Л МН) и *надо* понимаются по-разному в зависимости от просодических и синтаксических факторов.

Если модальные слова несут главное фразовое или синтагматическое ударение или если второй актант выражен предложно-именной группой вида *на* + ВИН, то значения соответствующих словосочетаний различны и складываются из обычных словарных толкований лексем, т. е. по тривиальному правилу. Ср. ↑ *Можно надеяться, что зрение полностью восстановится?*; Не ↓ *надо надеяться, что зрение полностью восстановится; Мы по-прежнему будем надеяться на лучшее*.

Если же модальные слова фразово безударны, а второй актант *надеяться* выражен отдельной пропозицией, то все три словосочетания приобретают предположительное значение: *Можно* (будем, надо) *надеяться, что к концу года положение*

⁶³ Отметим, что в выражениях типа *Ходили в город за помощью* существительное в позиции ТВОР — предметное, а не предикатное, несмотря на обманчивую внешность: это л ю д и, которые должны прийти на помощь.

стабилизируется. В указанных просодических условиях они могут употребляться и как вводные обороты; ср. *К концу года положение, можно <будем, надо> надеяться, стабилизируется*. При этом семантические различия между модальными словами минимальны: *надо* указывает на несколько большую, чем *можно*, уверенность говорящего в том, что ситуация реализуется, а *будем* — еще и на желательность ее реализации.

3.2.4. Просодия и коммуникативная структура

Глагол *выглядеть* в конструкции *X выглядит Y-ом* может быть истолкован следующим образом: *X выглядит Y-ом* = 'Внешний вид или поведение X-а дают наблюдателю основание считать X Y-ом, причем наблюдатель может быть не вполне уверен в истинности того, что X — Y'. На основании этого толкования можно допустить, что *выглядеть* одновременно и сближается с «объективным» глаголом-связкой *быть*, и противопоставлен ему. Сближение с *быть* происходит в тематической позиции; ср. *Она выглядела помолодевшей и немного таинственной* (С. Довлатов, Чемодан); *Грибы выглядели довольно свежими, потому что она отобрала для продажи самые крепкие* (М. Ганина, Бостолочь). *Выглядеть* противопоставлен *быть* по признаку 'кажущееся' — 'реально существующее' в нескольких условиях, из которых здесь важно лишь одно — наличие главного фразового ударения на глаголе *выглядеть* и, следовательно, его релативность. Ср. *Она только ↓выглядит здоровой (а на самом деле она очень больной человек)*⁶⁴.

3.3. Типы смыслов, наиболее активных в нетривиальных правилах

К числу таких смыслов относятся: а) отрицание; б) кванторы; в) другие количественные смыслы; г) оценки; д) модальности (особенно желание, возможность и долженствование).

3.3.1. ОТРИЦАНИЕ

Рассмотрим глаголы *ждать* и *ожидать* в значении 'зная или считая, что должно или может произойти событие Р, нужное субъекту или касающееся его, быть в состоянии готовности к нему, обычно находясь в том месте, где оно произойдет'. Ср. *Если вздумает навестить нас начальство, то звонят еще с утра из района: ждать в конторе! Никуда не отлучаться!* (Б. Можаяев, Не взирай!); *Несколько дней пришлось ожидать летной погоды* (Линьков, ССин). В отличие от своего ближайшего синонима *дождаться*, *ждать* и *ожидать* (слабо) положительно поляризованы,

⁶⁴ Ср. похожие наблюдения над семантически близким глаголом *казаться* в [Зализняк Анна 1992: 142].

т. е. обычно не употребляются с нейтральным отрицанием. Во фразах типа *Он не ждал (не ожидал) меня* чаще всего реализуется не рассматриваемое значение, а значение 'считать, что в недалеком будущем произойдет некое событие Р'.

Значение чистого отрицания обычно реализуется при одном из следующих условий: а) субъект состояния неопределенный, ср. (*Он вовремя пришел на место встречи, но) никто его там не ждал (не ожидал)*; *Никто меня не ожидает там, / Моей жене давно другое снится* (А. Городницкий, Деревянные города). б) Отрицается не самый факт ожидания, а какое-то сопутствующее ему обстоятельство, названное в подчиненной глаголу группе, ср. *Он никогда не ждал (не ожидал) меня больше пяти минут* (= 'ждал не больше пяти минут', так называемое смещенное отрицание). в) Имеет место не значение чистого отрицания, а значение опровержения; ср. — *Простите, что заставил вас ждать. — Я совсем не ждал вас, я сам только что пришел*. г) В ситуации побуждения, особенно когда побуждение облекается в форму отрицательного императива, ср. *Не жди меня, я сам не знаю, когда освобожусь*.

3.3.2. КВАНТОРЫ

Сошлемся на известный пример из [Падучева 1974: 143] (см. также [Богуславский 1985: 13]), иллюстрирующий взаимодействие квантора и отрицания: фраза *Он не решил всех ваших задач* синонимична фразе *Он решил не все ваши задачи*. Объясняется это тем, что в первой фразе областью действия отрицания является не глагол *решишь*, от которого оно синтаксически зависит, а квантор *все*, т. е. имеет место ситуация смещенного отрицания. Ср. также анализ фразы *Я первый тебя спросил* в [Богуславский 1985: 14]. В зависимости от того, как заполняются в ней семантические валентности кванторного слова *первый*, она может иметь следующие две интерпретации: 'Тебе задало вопрос несколько человек, и среди них я был первым' и 'Мы с тобой спросили друг друга, причем я спросил тебя раньше, чем ты меня'.

3.3.3. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СМЫСЛЫ

Рассмотрим в качестве примера наречие *постепенно*. Для фраз типа *Гости постепенно разъезжались, Дерево постепенно засохло* и т. п. его значение и основные условия употребления были сформулированы в [Апресян 1980: 80; Гловинская 1982: 27—28, 75].

Результаты этого анализа можно суммировать следующим образом: *постепенно* — одноместный предикат, единственная семантическая валентность которого заполняется именем сложной ситуации. С помощью *постепенно* эта сложная ситуация членится на ряд более простых ситуаций, которые упорядочиваются во времени так, что каждая следующая наступает вслед за предыдущей через более или менее равные друг другу временные отрезки. М. Я. Гловинская справедливо добавляет к сказанному, что «говорящий оценивает эти промежутки как более или менее значительные».

Главным в этом анализе является утверждение, что предикат *постепенно* применим лишь к сложным ситуациям, которые можно мыслить как упорядоченные во времени множества более простых ситуаций. Представление о множестве простых ситуаций возникает либо за счет того, что в сложной ситуации есть не один участник, а несколько (так обстоит дело в случае *Гости постепенно разъезжались*), либо за счет того, что сама описываемая ситуация является не одномоментным событием, а развивающимся во времени процессом, членимым на ряд фаз (так обстоит дело в случае *Дерево постепенно засыхало*). Если данную ситуацию нельзя расчленить на ряд более простых ни тем, ни другим способом, предикат *постепенно* неприменим; так, нельзя сказать **Иван постепенно уехал*; **Она постепенно забеременела*.

Из этого анализа вытекает одно интересное следствие для интерпретации предложений типа *Дома постепенно разрушились*; *Белье постепенно высохло* и т. п.⁶⁵ В них, как легко заметить, *постепенно* синтаксически зависит от глагола со значением процесса, первый актант которого выражается существительным в форме МН (*цветы*) или собирательным существительным (*белье*). В таких условиях становятся возможны оба способа членения сложной ситуации на ряд более простых. Например, в случае *Дома постепенно разрушились* речь может идти либо о том, что все множество домов разрушалось равномерно и окончательно разрушилось к одному и тому же времени (членился процесс), либо о том, что разные подмножества домов разрушались в разные моменты времени одно за другим, пока не разрушились все дома (членился множество участников). Формально эта омонимия объясняется с помощью двух разных правил заполнения валентности предикатов, называющих более простые ситуации. В первом случае предикатом более простой ситуации является выражение 'становиться / стать более ветхим', а его актантом — выражение *все дома*: все дома через равномерные промежутки времени становились все более ветхими, пока не разрушились окончательно. Во втором случае предикатом более простой ситуации остается глагол *разрушиться*, а его актантами становятся имена произвольных подмножеств домов: сначала разрушились такие-то дома, потом — другие и т. д.

3.3.4. Оценки

Рассмотрим лексические единицы типа *вкус*, *класс*, *Голова варит*, *Х-у работается* (*пишется*) и т. п., которые по умолчанию обозначают положительную оценку: *У нее, безусловно, есть вкус*; *Она одевается со вкусом* [= 'тонкий вкус']; *Ай, класс!*; *Он снова показал класс* [= 'высокий класс']; *Голова у него варит* [= 'хорошо варит']; *Ей сегодня работается* [= 'легко работается'] (подробный анализ последней конструкции см. в разделе 1.1.1).

Выражаемая по умолчанию положительная оценка всегда образует слабый смысл, т. е. смысл, который в контексте явно выраженного противоположного смыс-

⁶⁵ Предлагаемый анализ этих примеров окончательно сложился в ходе их обсуждения с М. Я. Гловинской.

ла элиминируется. Ср. фразы *У него плохой вкус, Класс, конечно, не тот, Обе команды показали низкий класс игры, Голова у него плохо варит, Мне сегодня что-то плохо работается*. Отметим мимоходом близость отрицательной оценки и отрицания в контексте таких предикатов: *У него плохой вкус* \approx *У него нет вкуса*, *Голова у него плохо варит* \approx *не варит*, *Мне сегодня плохо работается* \approx *не работается*.

При сочетании такого слабого смысла с наречиями положительной оценки не создается нового смысла, а уже выраженный по умолчанию смысл превращается в сильный, т. е. не элиминируемый.

Интересно ведут себя оценки в контексте предикатов знания, из которых мы обсудим только глагол *знать* в пропозициональном значении.

Правила взаимодействия пропозиционального *знать* с оценочными словами зависят от типа синтаксической конструкции.

В конструкции с придаточными предложениями, вводимыми союзными словами, а также в эквивалентной ей конструкции со словами типа *адрес, телефон, дорога* и т. п. в роли прямого дополнения действуют тривиальные правила сложения значений⁶⁶. Во-первых, *знать* в таких условиях сочетается и с наречиями положительной оценки, и с наречиями отрицательной оценки. Во-вторых, и те, и другие реально градуируют знание. Ср. *Проводник хорошо (отлично, прекрасно) знает, как идти на перевал (дорогу на перевал)*; *Она уже твердо знала, что будет*; *Никто толком не знал, что там произошло*; *Пилот вертолета плохо (лишь приблизительно) знал, где (в каких условиях) ему предстоит посадить машину*.

В конструкции с подчинительным союзом *что*, прототипической для значения истинного знания, действуют другие, более интересные семантические правила. Во-первых, в этих условиях глагол *знать* в норме сочетается только с наречиями положительной оценки типа *хорошо, отлично, прекрасно, точно, твердо, достоверно* и т. п. Ср. *Тихон Ильич хорошо знал, что уж слишком много афонских хижин пришли в ветхость* (И. Бунин, *Деревня*); *Они прекрасно знали, что я должен был бежать, чтобы предотвратить утечку* (А. и Б. Стругацкие, *Далекая Радуга*). Нельзя сказать **Они плохо (приблизительно) знали, что я должен был бежать*: истинное знание не может быть неточным или плохим. Во-вторых, наречия утрачивают собственно оценочное значение, а различия в степени между *хорошо, отлично, прекрасно* и т. д. в значительной мере нивелируются. Они приобретают, в сущности, усилительную функцию эмфатического утверждения простого наличия знания, без уточнения его качества или полноты. В этом отношении разница, например, между *хорошо знать, что сопротивление бесполезно* и *прекрасно знать, что сопротивление бесполезно* гораздо меньше, чем разница между *хорошо знать дорогу* и *прекрасно знать дорогу*.

⁶⁶ Эквивалентность конструкций объясняется тем, что лексемы типа *адрес, дорога, телефон* в контексте *знать* представляют собой, по существу, свернутое предложение: *Знаю его адрес* \approx *Знаю, где он живет*, *Знаю ее телефон* \approx *Знаю, каков номер ее телефона* и т. д.

3.3.5. Модальности

Этот класс активных смыслов будет рассмотрен на примере глагола *хотеть* и прилагательного *намерен*.

Некоторые словари (СУ, БАС, МАС, в отличие от СОШ и БТС) выделяют у *хотеть* два самостоятельных значения (имеющих разные номера), которые мы условно назовем значениями 'чистого желания' и 'намерения'; ср. *Я хочу есть* [чистое желание] VS. *По пути я хочу зайти на почту* [намерение]⁶⁷. 'Желание' и 'намерение' считаются разными лексическими значениями глагола *хотеть* и в некоторых теоретических работах; см., например, [Зализняк Анна 1992а: 62].

Что касается слова *намерен*, то все названные словари трактуют его как строго однозначное. Даже когда в его толкование включается смысл 'хотеть' (так поступают СУ, БАС, МАС и БТС), он дается не под отдельным номером, а в обрамлении смыслов типа 'собираться', 'иметь намерение' и 'предполагать', т. е. как их синоним. Ср. 'Собираюсь (-аешься, -ается), хочу, имею намерение' (СУ), 'Имею (-ешь, -ет) намерение, предполагаю (-аешь, -ает), хочу (хочешь, хочет), собираюсь (-аешься, ается)' (МАС) и другие подобные толкования.

Однако возможно решение, которое позволяет трактовать 'намерен' не как самостоятельное лексическое значение глагола *хотеть*, а как употребление этого глагола, получаемое по определенному правилу семантической модификации из прототипического значения 'хотеть'. С другой стороны, можно показать, что и предикат *намерен* при некоторых условиях меняет свой смысл на 'хотеть', так что оба смысла трансформируются друг в друга.

У глагола *хотеть* значение чистого желания выражается в следующих условиях: а) при релативности *хотеть* (т. е. под главным фразовым ударением, под отрицанием, в контексте слов со значением интенсивности типа *очень, безумно, страстно, как, так, всеми силами души* и т. п.). Ср. *Коля ↓хотел жениться на ней (но мать была против)*; *Но я уже не хотел, чтобы она вернулась ко мне* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Как он хотел спать!*; *Час назад он так хотел отдохнуть* (А. Урусов, Крик далеких муравьев); *Сашка мой так хотел сына* (М. Веллер, Мимоходом); *Как раз то, чего мы так хотели избежать* (А. Битов, Пушкинский дом). б) В контексте стативных глаголов; ср. *Я хочу знать, о чем вы с ним толковали*; *Люди так устроены, что хотят верить в разные чудеса* (Е. Тарле, Наполеон). в) При несовпадении субъекта желания и субъекта действия; ср. *Хочешь, валенки сниму / Как пушинку подниму* (О. Мандельштам, «Жизнь упала, как зарница»).

По контрасту, значение намерения у глагола *хотеть* и у других аналогичных предикатов, в частности, прилагательного *намерен*, тематично, требует указания на планируемое действие, потому что состояние планировать нельзя (ср. неправомерность **Я намерен радоваться (верить тебе, считать, что тебе повезло)*),

⁶⁷ Любопытно, что ближайший синоним *хотеть*, а именно глагол *желать*, ни при каких обстоятельствах не может значить 'намерен'.

не допускает градуирования (ср. неправильность **Я очень (безумно) намерен попасть на эту премьеру*)⁶⁸ и возможно только при совпадении субъекта состояния и субъекта действия: нельзя намереваться, чтобы кто-то другой совершил какие-то действия.

Для значения намерения у глагола *хотеть* характерно указание временных рамок данного состояния. Это происходит в трех случаях: а) при сочетании *хотеть* с инфинитивом акционального глагола в форме СОВ, особенно при наличии однородной цепочки инфинитивов, указывающей на последовательность действий или событий; ср. *Третья, гостья из Болгарии, почувствовала себя неловко и тоже хотела уйти* (А. Райкин, Только после вас); *Я хочу поработать в архивах, побывать на месте событий и поговорить с их участниками*; б) в контексте частиц *уже* и *было*, обозначающих отказ от почти предпринятого действия, независимо от видовой формы подчиненного *хотеть* глагола; последний может стоять и в форме НЕСОВ. Ср. *Он хотел было (уже хотел) выключить радио, но передумал; Он уже хотел ложиться, но тут в передней раздался звонок*; ср. также *Он хотел было лечь, но тут в передней раздался звонок*; в) в контексте временных слов и выражений типа *теперь, как раз, только что, перед этим, после этого, потом, несколько раз* и т. п., тоже независимо от видовой формы подчиненного *хотеть* глагола; ср. *Он как раз хотел ложиться, но тут в передней раздался звонок*; ср. также *Я только что хотел сообщить вам, что собрание отменяется; У Кати было такое лицо, что я несколько раз хотел заговорить с ней и не смог* (В. Каверин, Два капитана); *Я как раз хотела попросить тебя объяснить мне квадратные уравнения* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Все перечисленные контексты характерны для ситуации планирования, а планирование с неизбежностью предполагает намерение сделать что-то.

Перейдем к слову *намерен*. Его семантическая структура является до известной степени зеркальным отражением семантической структуры глагола *хотеть*: главным для него является значение намерения, из которого в ряде случаев может получаться употребление, близкое к 'хотеть'. Не совсем ясно, каковы в точности условия этого преобразования, но один характерный класс контекстов указать можно. Это контексты, в которых прилагательное *намерен* употреблено под отрицанием, т. е. в рематической позиции, и управляет глаголом со значением относительно несложного действия, хотя и контролируемого субъектом, но не требующего планирования и производимого более или менее автоматически — в силу простого присутствия субъекта в определенном месте, склада характера, отношения к другому человеку и т. п. Ср. *Я не намерен слушать эту чушь!* ≈ 'не хочу и не буду', *Отец не намерен потакать твоим капризам* ≈ 'не хочет и не будет'. Заметим, что похожий семантический сдвиг в похожих условиях претерпевает и ближайший

⁶⁸ Возможность сочетания *намерен* с наречием *твердо* (*Я твердо намерен попасть на эту премьеру*) никак не опровергает этого утверждения: *твердо* при *намерен* (как и при *знать*, см. раздел 3.4) выполняет лишь усилительную функцию.

синоним *намерен* — глагол *собираться*: *Я не собираюсь слушать эту чушь!* = ‘не хочу и не буду’⁶⁹.

Добавим к сказанному еще одно замечание. В значении чистого желания *хотеть* сопрягается с актуально-длительным значением формы НЕСОВ. Это особенно характерно для тех случаев, когда глагол *хотеть*, сам по себе или в контексте соответствующего наречия, обозначает интенсивное физическое желание; ср. *Я безумно хочу есть (пить)*; *В этот момент он безумно хотел спать*. В значении намерения *хотеть* с актуально-длительным значением НЕСОВ не сопрягается; ср. примеры типа *Я сейчас хочу пойти домой*, где *сейчас* по смыслу относится не к *хотеть*, а к *пойти домой* и значит не ‘в данный момент’, а ‘в самом скором времени’.

Таковы пять групп смыслов, наиболее активных в правилах взаимодействия значений. Ясно, что существуют и другие подобные смыслы. Так, смыслы ‘начинать’ и ‘склонен’ в контексте ментальных путативов *думать*, *считать*, *сомневаться* образуют с ними сложные семантические амальгамы, значение которых не выводится прямо из значений их составных частей. Фразы типа *Я начинаю (склонен) думать, что он не так прост, как кажется* имеют не начинательное, а перфективное значение, т. е. обозначают в какой-то мере уже возникшее, хотя и не бесповоротно сложившееся мнение. Есть и другие смыслы, активные в правилах взаимодействия значений. Некоторые из них были упомянуты выше, другие будут упомянуты ниже. Однако для общей ориентации в материале и формирования правильных лексикографических ожиданий важно подчеркнуть, что большая часть нетривиальных семантических правил разыгрывается на проанализированных выше пяти группах смыслов.

3.4. Типы правил в зависимости от природы ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ ЕДИНИЦ⁷⁰

Здесь различаются следующие типы правил:

- а) взаимодействие лексических значений друг с другом;
- б) взаимодействие лексических значений с грамматическими;
- в) взаимодействие грамматических значений друг с другом.

3.4.1. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ДРУГ С ДРУГОМ

В этом разделе мы обсудим, по мотивам [Апресян 1995а: 603—608], семантическое взаимодействие глагола *узнать* с другими лексемами в тексте.

⁶⁹ В других случаях *намерен* и *собираться* под отрицанием могут сохранять свое словарное значение; см. [Левонтина 2004: 1068].

⁷⁰ Ниже мы рассматриваем только классификации, основанием для которых является либо природа взаимодействующих единиц, либо механизм взаимодействия. Возможна еще

Начнем с предлогов *у* и *от* в значении источника какой-то информации. Первый из них предполагает активного, инициативного искателя информации, или агенса, а второй — неинициативного получателя информации, или адресата. Это различие отчетливо проявляется в минимальных парах типа *Отец узнал у проводника, где останавливается поезд* и *Отец узнал от случайных попутчиков, что поезд в Туле не остановится*. В первом предложении *отец* — агенс, а *узнать* — действие, как *Отец спросил у проводника, где останавливается поезд*. Во втором предложении *отец* — адресат, а *узнать* — начало информационного состояния, как *Отец знает то-то и то-то от случайных попутчиков*.

Сдвиги в сторону акциональности или стативности, возникающие у глагола *узнавать* (как, впрочем, и у многих других глаголов с похожими значениями) в контексте предлогов *у* и *от*, лежат в основе еще нескольких правил его семантического взаимодействия с другими лексемами в высказывании.

а) Если *узнать* употреблен в контексте предикатов со значением цели, например, глаголов типа *велеть*, *разрешать*, *позволять*, *намереваться*, союза *чтобы*, наречия *с целью* и т. п., у него реализуется только значение действия и он управляет предлогом *у*; ср. *Он велел мне узнать у вас* (не **от вас*), *когда открывается музей*; *Чтобы не продешевить при продаже машины, он узнал у меня* (не **от меня*), *сколько стоит такая модель на рынке*.

б) Если *узнать* зависит от модального глагола *мочь*, то форма *у кого* совместима со всеми тремя значениями этого глагола — алетическим (объективной возможностью), деонтическим (пермиссивным) и эпистемическим (вероятностным), а форма *от кого* — только с вероятностным; ср. *Можете узнать об этом у своего начальника, можете* — *у коллег* (объективная возможность и разрешение), *Они могут узнать об этом у своего непосредственного начальника* (вероятность) VS. *Он мог узнать об этом от кого угодно* (только вероятностное значение).

3.4.2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ С ГРАММАТИЧЕСКИМИ

Продолжим рассмотрение глагола *узнавать*.

а) В актуально-длительном значении НЕСОВ возможно только акциональное значение *узнавать* и, следовательно, только контекст предлога *у*; ср. — *Что он там делает?* — *Узнает у диспетчера расписание поездов*. Неакциональное значение *узнавать* с актуально-длительным значением НЕСОВ не сочетается; ср. невозможность — *Что он там делает?* — **Узнает от диспетчера расписание поездов*.

одна классификация правил — по признаку лексической области действия. С этой точки зрения правила делятся на общие и частные, или словарные. Эта классификация была подробно описана в [Апресян 1980: 73—79], и мы не станем к ней возвращаться.

б) В форме ПОВЕЛ в прототипическом для нее значении побуждения тоже возможно только акциональное *узнавать*; ср. *Узнай у него, что там происходит*, но не **Узнай от него, что там происходит*.

Оба правила касаются больших классов акциональных и неакциональных глаголов, т. е. отражают некую общую закономерность. В частности, как мы уже говорили, акциональность и в других случаях является фактором, способствующим (при прочих равных условиях) употреблению глагола в актуально-длительном значении, а неакциональность — фактором, препятствующим такому употреблению. В этой связи интересен класс предикатов, входящих в лексико-графический тип с регулярной многозначностью вида ‘действие’ (первый актант — агенс) — ‘воздействие’ (первый актант — причина). Ср. *будить* (*Бужу 1 его, бужу — никак не могу добудиться — Его будят 2 громкие голоса в коридоре*), *заставлять* (*Посмотри, дрессировщик заставляет 1 медведя встать на задние лапы — Выстрел заставляет 2 его остановиться*), *понуждать* (*Видите, он понуждает 1 коня войти в воду — Что же понуждает 2 писателя к его подчас мучительному, но прекрасному труду?* (Паустовский, БАС)), *убеждать* (*Мне казалось, что она настойчиво убеждает 1 его что-то сделать, но что он не решается* (П. Мериме, Кармен, пер. М. Лозинского) — *Судьба анилиновых заводов, я надеюсь, убеждает 2 вас, что я не говорю на ветер* (А. Толстой, Гиперболоид инженера Гарина)), *учить* (*Посмотри, она учит 1 ребенка вставать на ноги — Несчастье учит 2 нас читать нашу жизнь в обратном направлении* (М. Павич, Хазарский словарь)) и т. п. Вторые лексемы во всех этих парах в форме НЕСОВ НАСТ имеют причинное значение и часто употребляется в повествовательном настоящем историческом.

3.4.3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ДРУГ С ДРУГОМ

Мы рассмотрим этот вопрос на примере взаимодействия видовых значений НЕСОВ с категорией залога.

Бытует мнение (см., например, [Храковский 1991: 162]), что «пассивные глагольные формы НСВ в общем обладают теми же аспектуальными свойствами, что и активные глагольные формы НСВ». Если включать в число аспектуальных свойств глагола различные допустимые при нем значения НЕСОВ, то это утверждение надо будет откорректировать: в форме СТРАД глагол сохраняет не все видовые значения, которые у него есть в форме действительного залога. В частности, синтетическая (возвратная) форма СТРАД сохраняет лишь следующие значения НЕСОВ: а) узואальное, ср. *Парадная дверь открывается привратником*; б) многократное, ср. *Рукопись перебелялась переписчиками несколько раз*; в) процессное, ср. *Дорога через перевал, которая прокладывается строителями в трудных условиях Заполярья, будет закончена только к сентябрю*; ср. также безагенсную пассивную конструкцию в примере *Очерк писался, готовился к публикации, сдавался в печать, когда — участники «правотроцкистского блока» еще не были реабилитированы*

(В. Амлинский, Заброшенные гробницы); г) общефактическое двунаправленное, ср. *Ясно, что окно кем-то открывалось*.

Однако у формы СТРАД отсутствуют по крайней мере два свойственных центральной залоговой граммеме значения — потенциальное (*Этот тяжелоелес поднимает пятьсот килограммов* = ‘может поднять’) и значение непосредственно предшествующего действия (*Мама приглашает всех к столу* = ‘уже пригласила’; см. о нем [Гловинская 2001: 191 и сл.]). Ср. невозможность **Пятьсот килограммов поднимается этим тяжелоелесом*, **Все приглашаются мамой к столу*.

Может показаться, что оба правила опровергаются примерами типа *Парадная дверь открывается без труда*, *Все приглашаются к столу*. Однако в первой фразе форма НЕСОВ на самом деле имеет не потенциальное значение, а значение свойства, причем возвратный глагол представляет здесь самостоятельную лексику с медиальным значением. Превращение потенциального значения в значение свойства является закономерным следствием того, что первый семантический актанта глагола *открываться* выполняет роль пациенса, между тем как потенциальное значение требует, чтобы первый актанта выполнял роль агенса (см. [Гловинская 2001: 211]). Что до фразы *Все приглашаются к столу*, то она понимается скорее в перформативном смысле; ср., например, *Пассажиры приглашаются на посадку* и другие подобные формулы. Иными словами, идея предшествования извлекается здесь не из аспектуального значения формы НЕСОВ, а из общего значения перформативности, которое в русском языке совместимо с любой видовой формой глагола, в том числе формой СОВ БУД; ср. *Попрошу ваши билеты*.

С большим трудом выражается в синтетической форме СТРАД НЕСОВ еще два значения — актуально-длительное и настоящее предстоящего действия (запланированное будущее). Так, по меньшей мере сомнительны предложения типа *”Посмотри, дверь открывается привратником”*, *”Завтра нашей группой сдаются экзамены по зарубежной литературе*. В конечном счете эти запреты, пусть не слишком сильные, объясняются тем, что оба значения связаны с представлением о цели.

Для настоящего предстоящего, или запланированного будущего, это более или менее очевидно.

Что касается актуально-длительного, то его связь со значением цели ярко проявляется на материале предикатов деструктивного действия типа *ломать*, *разбивать*, *разрушать*, *рвать*, *царапать* и т. п., о которых мы уже говорили в разделе 2.5.1. Напомним, что такие глаголы обозначают либо намеренное действие, либо событие; ср. *Смотри, хулиганы ломают мебель (разбивают витрину)* [преднамеренное, т. е. целенаправленное действие, которое свидетели наблюдают в процессе его развития — актуально-длительное значение] VS. *От толчка Иван падает и ломает журнальный столик (разбивает зеркало)* [неконтролируемое событие, сразу приводящее к результату — повествовательное настоящее историческое].

Любое целенаправленное действие требует, чтобы в фокусе внимания находился производитель действия, или агенс, предпочтительно в функции подлежащего.

Этому требованию идеально отвечает активная конструкция. А коммуникативное назначение пассивной конструкции состоит как раз в том, чтобы устранить представление об агенте или по крайней мере создать возможность для такого устранения, что достигается превращением обязательной синтаксической валентности в факультативную. В конечном счете именно это обстоятельство и порождает трудности употребления пассива в актуально-длительном и настоящем предстоящем значениях.

Более того, статус возможных в пассиве видо-временных значений НЕСОВ совсем другой, чем в активной форме. Поскольку коммуникативная функция пассивной конструкции состоит в том, чтобы устранять представление о конкретном исполнителе действия, она тяготеет к употреблению в обобщенном значении, с ее помощью формулируются предписания, рекомендации, правила поведения, запреты, разрешения и т. п.; ср. *В заповеднике охотиться не разрешается* (*запрещается*); *Удить рыбу разрешается только в отведенных для этого местах*⁷¹. Поэтому преобладающими употреблениями формы СТРАД НЕСОВ, как это неоднократно отмечалось, являются ее употребления в узуальном и многократном значениях.

3.5. Типы правил в зависимости от механизма взаимодействия

По механизмам взаимодействия правила делятся на три типа: а) правила согласования, б) правила семантической модификации и в) правила нетривиальной области действия.

3.5.1. Правила семантического согласования

Правила семантического согласования почти всегда могут быть переформулированы в виде семантических условий реализации той или иной языковой единицы. В этом отношении они стоят особняком, представляя, в сущности, условия правильности определенной семантической структуры или подструктуры высказывания. Операцией такого правила является либо принятие данной семантической структуры в качестве правильной (если все условия соблюдены), либо ее отклонение в качестве неправильной (если хотя бы одно условие не соблюдено).

Известно, например, что моментальные глаголы не сочетаются ни с какими процессными значениями НЕСОВ и, следовательно, не могут иметь обстоятельств

⁷¹ Обратим внимание на различие между формулами типа *Пассажиры приглашаются на посадку* и *Купаться в водоохранной зоне запрещается*. Первые перформативны, поскольку описывают актуальный речевой акт, обращенный к конкретному адресату. Вторые неперформативны, поскольку не описывают актуальных речевых актов и обращены не к конкретному адресату, а к любому человеку, который может оказаться в данном месте.

со значением длительности. Можно сказать *Он подплывал к нам целую минуту*, но не **Он приплывал к нам целую минуту*. С другой стороны, у них хорошо развито двунаправленное общефактическое значение, в котором они обозначают либо один акт действия (*Он сегодня уже приходил*), либо несколько или много актов (*Летом он приходил к нам несколько раз на дню*).

Рассмотрим теперь фразу *Он приходил к нам два дня*. Она правильна (семантически согласована) при условии, что глагол употреблен в многократном общефактическом ('на протяжении отрезка времени, равного двум дням, несколько раз имело место событие его прихода к нам') и неправильна (семантически рассогласована) при условии, что глагол обозначает всего один акт действия. В последнем случае навязывается понимание группы *два дня* как длительной: моментальное событие предлагается мыслить как длящееся во времени. Это и приводит к семантическому рассогласованию, т. е. аномалии.

Выше было рассмотрено много аналогичных примеров семантического согласования / рассогласования лексических значений глаголов с видовыми значениями НЕСОВ; ср. возможность актуально-длительного значения для акционального *узнать* (у кого-л.) и его невозможность для неакционального *узнать* (от кого-л.); возможность актуально-длительного значения для *хотеть* в значении чистого желания, но не в значении намерения; невозможность настоящего предстоящего (запланированного будущего) для стативных глаголов; и ряд других. Рассмотрим теперь пример согласования лексических значений друг с другом.

Глагол *знать* в пропозициональном значении (*знать, что Р*) имеет, в частности, валентность темы знания, которая обычно, хотя и не всегда, реализуется вместе с валентностью содержания знания и стандартно выражается предложно-именной группой *о чем-л.*; ср. *Он уже знает об отце?*; *Я не знал о ней почти ничего* (Гаршин, МАС); *И про ночь он знает только, что ночью темно* (А. и Б. Стругацкие, Далекая Радуга); *О Деметрии Первом Полиоркете он знает только то, что это был какой-то македонский царь*. При этом никаких лексико-семантических ограничений на заполнение позиции темы не налагается, а валентность содержания может быть заполнена сентенциальным местоимением в форме ВИН или предложением, вводным союзом *что* или союзной группой *то, что* (см. примеры выше).

Другой, гораздо менее употребительный способ выражения валентности темы — предложно-именная группа вида *за кем-л.*; ср. *Друзья знали за ним одну странность*; *Я не знаю за собою никакой вины*; *Он знал за собой эту унаследованную черту* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Это была новая привычка, которой не знала за ней Долли* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина); *Щеглов знал за Настей две слабости* (А. П. Чехов, Трифон); *Ивлев знал за собой одно такое качество* (В. Шукшин, Любавины).

Этот способ накладывает более жесткие лексико-семантические и грамматические ограничения на возможности заполнения обеих обсуждаемых валентностей. Валентность содержания становится обязательной и может выражаться лишь существительными в форме ВИН, причем обычно такими, которые обозначают черты че-

ловческого характера или поведения⁷². Что касается валентности темы, то она может быть представлена только конкретно-референтной и определенной именной группой; ср. сомнительность ⁷³*Мы знаем за профессорами склонность к рассеянности*.

3.5.2. ПРАВИЛА СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДИФИКАЦИИ

Здесь выделяются несколько типов правил: а) снятие семантических компонентов, б) добавление семантических компонентов, в) и то, и другое (в частном случае — замена одного компонента другим), г) семантический сдвиг (ослабление, усиление, фразеологизация).

3.5.2.1. Снятие (зачеркивание) семантических компонентов

Большой материал на эту тему был рассмотрен еще в книге [Апресян 1974: 79—94]. Здесь мы ограничимся одним примером — уже упоминавшимся глаголом *заставлять* I в значении ‘желая, чтобы человек Y, который не хочет делать P, сделал P, человек X делает что-то, являющееся причиной того, что Y не может не сделать P’. Объектом воздействия *заставлять*, в отличие от таких его синонимов, как *вынуждать*, *принуждать* и *понуждать*, может быть не только наделенное волей существо, прежде всего человек, но и какой-то неодушевленный предмет — часть тела, растение, космический объект, механизм или его часть и т. п. Поскольку предметы суверенной волей не наделены, прототипическое значение *заставлять* модифицируется: в нем снимается идея насилия над волей объекта. Ср. *Садовник умелой обрезкой может заставить ее [яблоню] пробудиться, и тогда на гладком месте вдруг выстреливает новый побег* (В. Дудинцев, Белые одежды); *В своих догадках он все время топтался вокруг колеса, — и продолжал искать новые и новые способы — как заставить колесо постоянно вертеться* (В. Шукшин, Упорный).

3.5.2.2. Добавление семантических компонентов

Глаголы *избавиться* и *спастись* близко синонимичны в значении ‘приложив усилия, сделать так, что влиявший на жизнь или текущее положение субъекта неприятный фактор перестал на них влиять или совсем перестал существовать’; ср. *избавляться от тараканов, спасаться от комаров, избавиться (спастись) от репортеров; Он там окреп и избавился от своей болезни* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Он спасался от головной боли холодными обтираниями*. Одно из важных различий между ними состоит в том, что глагол *спастись*, в котором сильна идея удаления от опасности, имеет семантическую валентность места, где субъект находит убежище от нее; ср. *спасаться от пчел в пруду*. У глагола *избавиться* такой валентности нет, что не мешает ему подчинять обстоятельства с формально локатив-

⁷² Примеры типа *Я знаю за собой немало поступков решительных и даже отважных* (В. Набоков, Истребление тиранов), *Что-то я не знаю за ним такого факта* (В. Дудинцев, Белые одежды) отклоняются от современного узуса.

ным значением: *Он сумел избавиться от своего спутника только в городе*. Однако в таких случаях происходит закономерное приращение смысла — пространственный локализатор приобретает дополнительную функцию локализации события во времени. В нашем примере избавление от назойливого спутника произошло в тот момент, когда они оба оказались в городе. Аналогичное приращение временного смысла происходит и в других случаях, когда предикат, у которого нет валентности места, подчиняет наречие или адverbиальную группу со значением места; ср. *Я знал его в Москве*; *Мы познакомились на Кавказе*; *Он понял это еще в поезде* и т. п. Внимание на это явление (на материале глагола *знать*) впервые обратила Е. Кржижкова; см. [Кржижкова 1967].

Часто нетривиальные семантические приращения связаны с фигурой умолчания, а эта последняя в свою очередь — с феноменом ненасыщения семантической валентности предиката. У глагола *использовать* (*Х как Y для P*) и его синонимов в значении — ‘при выполнении какого-то действия делать так, что объект X выполняет в ходе этого действия функцию Y, нужную для достижения цели действия P’ есть по четыре семантические валентности — агенса (кто использует), пациен-са (что использует), функции (в качестве чего использует) и цели. Ср. *До какого процента нужно довести содержание нитратов в овощах и фруктах, чтобы их можно было использовать как химическое оружие* (ими можно было пользоваться как химическим оружием)?; *Парадоксы века: завгар Ф. Телкин использует личную машину в служебных целях* (ЛГ, 1990, № 6); *На Севере до сих пор пользуются ездовыми собаками и оленями для перемещения на большие расстояния*.

Для дальнейших рассуждений важно уяснить, что глаголы *использовать* и *пользоваться* предполагают утилитарный взгляд на используемый объект. Между тем в русской языковой картине (которая в этом пункте далека от реального бытового поведения среднего носителя языка) существует некая максима уважительно-го отношения к личности, несовместимая с утилитарным взглядом на человека⁷³. Поэтому в применении к людям указанные предикаты создают в высказывании некий диссонанс, особенно ощутимый в случае, когда не реализована их третья валентность. Тогда по умолчанию предполагается, что у агенса есть корыстная цель

⁷³ С этой точки зрения интересна оппозиция форм ВИН и РОД под отрицанием. К известному различию в определенности — неопределенности соответственно следует добавить, что ВИН позволяет мыслить объект в целом, а РОД так или иначе расчленяет его, представляет в виде какой-то части или количества. Тем самым ВИН по сравнению с РОД предстает как средство выражения более «уважительного» отношения к объекту. Этим, по-видимому, объясняется тот факт, что при глаголах типа *любить* в случае неодушевленного объекта под отрицанием возможны оба падежа, а при одушевленном и особенно человеческом — только ВИН; ср. *Я не люблю фатального исхода, / от жизни никогда не устаю. / Я не люблю любое время года, / когда веселых песен не пою* (В. Высоцкий, «Я не люблю»), но только *Я не люблю эту женщину (его жену)* при невозможности **Я не люблю этой женщины (его жены)*. У глаголов с вариативным управлением ВИН / РОД типа *ждать, требовать* и т. п. при одушевленном объекте возможен только ВИН; ср. *Он ждал жену около*

извлечь одностороннюю выгоду из чьей-то работы. Ср. *Неужели ты с самого начала просто-напросто использовал меня?*; *Важен факт: вас использовали, а вы молчите* (Ю. Трифонов, Дом на набережной); *Другие охотно составляли послушную свиту, которой Брюсов не гнушался пользоваться для укрепления власти* (В. Ходасевич, Брюсов).

Этот диссонанс несколько смягчается, если точно указана функция, в которой используется человек, т. е. если реализована третья валентность глагола. Ср. *Для решения этой задачи можно провести психологический эксперимент, используя в качестве информантов научных работников*. Однако даже в этом случае предполагается нивелировка личности человека, его невысокий статус в социальной иерархии или текущей ситуации. Ср. — *Расстрелять я вас всегда успею, а использовать хочу*, — сказал он [Махно], отвечая на растерянные мысли Рощина. — *Вы штабист или фронтовик?* (А. Н. Толстой, Хождение по мукам).

Разновидностью правил добавления смысла является возникновение у предиката новой семантической валентности. Интересный пример дают глаголы с приставкой *до-* в ее основном значении ‘доведения действия до его завершения’ (МАС), ‘достижения пространственного, а также временного предела’ (Грамматика-60: 580), доведения действия ‘до конца или до какого-то предела’ (Грамматика-80: 359). Это тип *добежать, добросить, доварить, довести, догореть, доест, доехать, дожить, доиграть, дойти, докатить(ся), докипеть, докопать, докормить, докосить, долежать, долететь, долечить, доломать, домолоть, домостить, домыть, донести, допахать, донет, допечатать, дописать, допить, дорасти, дорисовать, дорыть, досидеть, досказать, дослушать, досмотреть, доспать, достоять, достроить, дотащить, дотерпеть, дотянуть, доучить, дочитать, дошить*. Они имеют ряд особенностей, которые ярче всего проявляются у переходных глаголов перемещения *добежать, добрести, доехать, дойти, долететь, доплыть, доползти, доскакать, дошагать* и т. п. в их основном значении; ср. *Раненый дошел (добрел, дополз) до воронки и скатился вниз, Участники соревнований добежали до столба (доплывали до бортика) и, коснувшись его рукой, поворачивали назад*. Именно на них мы и сосредоточимся ниже.

В форме СОВ ПРОШ такие глаголы имеют следующую, несколько огрубленную, схему толкования (на примере глагола *добежать* — *добежал*): *X добежал до Y-а* — ‘X бежал по направлению к Y-у и в момент T₁ был на расстоянии P от Y-а [пресуппозиции]; в более поздний момент T₂ X находился в / на Y-е или рядом с Y-ом’⁷⁴.

Из приведенного толкования следует, что в утвердительном предложении глаголы перемещения с приставкой *до-* не имеют и по природе вещей не могут иметь семантической валентности ‘расстояние до объекта Y’: указание на расстояние до

часа (не *ждал жены) VS. *Он ждал поезда около часа; Безобразие, я требую заведующую* (не *требую заведующей) VS. *Я требую справедливости*.

⁷⁴ Форма СОВ ПРОШ в качестве входа толкования выбрана потому, что глаголы перемещения в форме НЕСОВ НАСТ семантически более сложны и, тем самым, менее удобны

У-а, на котором находился агент в какой-то начальной, срединной или конечной фазе своего перемещения, входит лишь в пресуппозицию толкования, но не в его ассерцию.

Под отрицанием, в полном соответствии с ожиданиями, пресуппозиция остается неизменной, однако ассерция ощутимо меняется. Посмотрим на примеры типа *Он не добежал* (не дошел, не доскакал) до дерева. В них глагол легко присоединяет зависимую группу типа *пять шагов* (пяти шагов) (ср. *Он не добежал до дерева всего пять шагов*), обозначающую расстояние до объекта, которое он по той или иной причине (не захотел, не смог, было препятствие и т. п.) не преодолел. Из них следует, что в отрицательных предложениях прототипическое словарное толкование до-глаголов претерпевает следующий системный сдвиг (на том же примере): *Х не добежал Р до У-а* ≈ 'Х бежал по направлению к У-у и в момент T_1 был на расстоянии Р от У-а [пресуппозиции]; на расстоянии Р от У-а Х остановился или изменил направление перемещения'. Иными словами, отрицание открывает в толковании таких глаголов новую семантическую валентность расстояния до объекта, которое Х не преодолел⁷⁵.

3.5.2.3. Снятие и добавление семантических компонентов

Выше, на примере глаголов *использовать* и *пользоваться*, мы говорили о приращении смысла по умолчанию в условиях ненасыщения семантической валентности предиката. В ряде случаев умолчание в форме нереализованной семантической валентности порождает представление о наблюдателе, причем обычно этот смысл не просто добавляется к словарному толкованию лексемы, а выбивает из него стандартный смысл и становится на его место.

Посмотрим с этой точки зрения на дейктические наречия *вдалеке* и *вдали*. У них есть по две семантические валентности — ориентируемого в пространстве объекта и самого ориентира, причем вторая валентность реализуется зависимой от наречия предложно-именной группой вида *от* + РОД; ср. *Штаб располагался вдалеке от железной дороги*; *Скоро вдалеке от камней вспыхнуло на черной воде яркое дрожащее пламя* (Л. Соболев, МАС); *Вдали от милого, в неволе / Зачем мне жить на свете боле?* (А. С. Пушкин, Руслан и Людмила). Когда вторая валентность насыщена, *вдалеке* и *вдали* реализуют свое прототипическое словарное значение 'на большом расстоянии от Х-а'. Если же она в данном высказывании не реализована, то вместо предмета Х в ситуации мыслится фигура наблюдателя. Именно его местонахождение является тем ориентиром, относительно которого оценивается расстояние до ориентируемого объекта. Ср. *И вдруг, утробным воем*

для толкования: в утвердительном предложении они всегда имеют результирующее значение и предпочитают в нарративе. Отметим, что в форме СОВ БУД они могут приобретать потенциальное значение и тогда не имеют указанной выше пресуппозиции; ср. *Я доплыву до середины реки* (дойду до вершины).

⁷⁵ Ср. аналогичные примеры на материале других до-глаголов: *не дожид двух дней до своего семидесятилетия*, *не досидел двух минут до конца фильма* и т. п.

вая, / *Все море вспыхнуло вдали* (Н. Заболоцкий, На рейде), где *вдали* понимается как 'на большом расстоянии от наблюдателя'.

Именно этим объясняется неправильность предложений типа **(В этот момент) я был вдалеке (вдали)*: здесь в роли наблюдателя выступает сам говорящий, а он, разумеется, не может находиться на большом расстоянии от самого себя. Заметим, что синонимичное *вдали* и *вдалеке*, но недействительное наречие *далеко* в условиях нереализованной второй валентности такого эффекта не дает и значит просто 'на большом расстоянии от какого-то актуализованного в сознании слушающего объекта'. Поэтому предложения типа *(В этот момент) я был далеко* сохраняют грамматическую правильность.

Модальные слова типа *необходимый, нужный, требуется, надо, достаточно* и т. п. в основном круге употреблений характеризуются трехвалентной моделью управления, с валентностями агенса, цели и условия / способа ее достижения. Порядок валентностей: условие, цель, агент. При этом хотя бы одна из первых двух валентностей должна быть насыщена акциональным предикатом. Ср. *А мне [агент], чтобы подготовиться к экзаменам [цель, акциональный предикат], необходимо полное одиночество [условие, неакциональный предикат]; Чтобы полностью использовать этот путь [цель, акциональный предикат], им [агент] необходимо овладеть [условие / способ, акциональный предикат] железнодорожной магистралью* (А. Толстой, *Хождение по мукам*); *Митко сказал, что ему [агент] необходимо отлучиться [условие, акциональный предикат], ну, в общем, по физиологической надобности [цель, неакциональный предикат]* (Б. Акунин, *Турецкий гамбит*). При этом из трех валентностей синтаксически обязательной является только первая, т. е. валентность условия / способа. При различных способах реализации валентностей происходят заслуживающие внимания семантические сдвиги⁷⁶.

а) Если не реализована валентность цели, то валентность условия / способа теряет определенность — она может интерпретироваться и как целевая; ср. *Нам необходимо овладеть железнодорожной магистралью; Мне необходимо отлучиться*. В предложении *Вам необходимо встать на учет в психодиспансер, Фан Фаныч, и подлечиться* (Ю. Алешковский, *Кенгуру*) *встать на учет в психодиспансер* естественно интерпретируется как условие / способ, а *подлечиться* — как цель. Если, однако, снять последний инфинитив, то есть глагол *подлечиться*, то *встать на учет* приобретает целевое значение.

б) Если первая валентность реализована неакциональным предикатом, соответствующий актант может выполнять только семантическую роль условия, но не способа: *Чтобы расплатиться с долгами, мне нужен (требуется) еще год (мне достаточно одного года)*.

⁷⁶ В основу предлагаемого описания положены соображения И. Б. Левонтиной из второй части монографии, но в нем, в соответствии с нашими задачами, несколько иначе представлены акценты.

в) Если вторая валентность реализована неакциональным предикатом, соответствующий актант может указывать не только на цель действия, но и на его причину; ср. последний пример из Б. Акунина — *Ему необходимо отлучиться по физиологической надобности* [цель и причина]⁷⁷.

У всех перечисленных модальностей есть еще один круг употреблений, в котором *для / чтобы* валентность (исконно целевая) насыщается предикатом со значением (природного) процесса. В этом случае у предиката остаются только первые две валентности, причем первый актант совмещает роли условия и причины, а второй выполняет семантическую роль следствия: Ср. *Для образования [следствие] алмазов нужны <необходимы> более высокие температуры* [условие и причина]. В этой новой валентной и ролевой структуре для валентности агенса места не остается, цель превращается в следствие, а способ — в причину⁷⁸.

Существенно, что это преобразование тем вероятнее, чем менее актуализована ситуация и чем менее акционален глагол. В суждениях общего типа и при глаголах, допускающих неакциональную интерпретацию (либо как действия, либо как процесса) значение цели расплывается. Ср. *Для синтеза алмазов нужны <требуются> более высокие температуры*, где может иметься в виду как искусственный синтез алмазов, так и естественный процесс их образования в природе. «Человеческий фактор» (в виде акциональности) играет здесь такую же роль, как в области причинных значений, где объективная двухвалентная причина превращается в трехвалентное субъективное основание при переходе от мира природы к миру человека; см. об этом [Богуславская, Левонтина 2004].

Рассмотрим еще один пример одновременного снятия и добавления каких-то смысловых компонентов. Как уже было сказано выше, лексема *ждать* (*ждать* в основном значении) толкуется следующим образом: *X ждет Y(-a) в Z-e* = ‘зная или считая, что в месте Z должно или может произойти событие Y или событие, связанное с Y-ом, нужное человеку X или касающееся его, X находится в Z-e в состоянии готовности к нему’. Ср. *Он ждал меня у ворот своей дачи; Катя ждала смирно и терпеливо Вадима Петровича* (А. Н. Толстой, *Хождение по мукам*).

Существуют, однако, такие употребления этой лексемы (они были замечены в [Зализняк Анна 1992а: 105—107]), в которых ее словарное толкование модифицируется следующим образом: снимается указание на место ожидания и добавляется компонент ‘хотеть, чтобы нечто произошло’. Условием этой семантической модификации является либо контекст наречий степени *очень, страшно, не больно* и

⁷⁷ О близости и взаимопревращениях смыслов ‘цель’ и ‘причина’ см. [Богуславская, Левонтина 2004].

⁷⁸ Описание слов со значением необходимости и достаточности (*нужно, необходимо, требуется, достаточно* и т. п.) с других точек зрения см. в работах [Богуславский 1989: 197 и сл.; Богуславский 1996: 364].

усилительных частиц *как, так*, либо главное фразовое ударение на *ждать*⁷⁹. Ср. *Он очень (так) вас ждал; Не больно-то он тебя ждет; Блок ↓ждал этой бури и встряски* (Б. Пастернак, Ветер).

3.5.2.4. Семантический сдвиг: ослабление, усиление, фразеологизация

При изучении ослабления и усиления надо иметь в виду некоторую асимметрию этих процессов. Ослабление — в природе языка, его семантические и формальные средства все время подвергаются эрозии и поэтому все время требуют обновления. Противоположный процесс, т. е. усиление, происходит гораздо реже.

Включение в данный раздел небольшого раздела о фразеологизации, которая, конечно, стоит за пределами области, описываемой правилами, оправдано тем, что она часто сопровождает процессы ослабления и усиления значений и является их естественным конечным результатом.

Перейдем к материалу.

Глагол *каяться* (*перед Y-ом в Р*) в своем основном значении может быть истолкован следующим образом: ‘совершив плохой поступок Р и испытывая неприятное чувство из-за этого, человек Х признается лицу Y, которое пострадало от Р или имеет право наказывать X-а за такие поступки, что он совершил Р и осуждает себя за это; Х говорит это, чтобы испытать облегчение от своего признания, заслужить прощение или принять наказание за Р’. Ср. *каяться в ошибках (в преступлениях); Клим тревожно думал: вот сейчас она начнет каяться, нелепо расскажет о своем романе с ним и заплачет черными слезами* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); *Барон де Рэ публично покался в своих злодеяниях, в переполненном зале суда опустился на колени перед распятием и со слезами на глазах просил прощения у Бога* (Г. Климов, Князь мира сего).

Таков основной круг употреблений *каяться*. Помимо него у этого глагола есть второй круг употреблений, в котором он имеет ослабленное значение легкого сожаления, без указания на тяжелые душевные переживания и муки совести субъекта. Для него характерны форма 1-Л НАСТ в перформативной функции или функции вводного слова. Ср. *Каюсь, забыл (слукавил, не сделал); Каюсь, не любил покойника; Голубушка, да ведь пьян! Каюсь и чувствую* (А. П. Чехов, Жилец); *Впоследствии, каюсь, я сам поступал точно так же* (В. Ходасевич, Горький); *У него [Н. Гумилева] был исключительный слух к стихам, — но, каюсь, мне и тогда казалось, что он несравненно проницательней к чужим стихам, чем к своим собственным* (Г. Адамович, Мои встречи с Анной Ахматовой). Обе эти функции сохраняются в клишированных модальных конструкциях со словами *хочу, должен, надо*, описывающих намерения говорящего или автора. Ср. *Должен покаяться — опоздал на целую минуту; Кстати, хочу тут покаяться, что слишком придрался к ученическим недостаткам Поплавского* (В. Набоков, Другие берега); *Я должен*

⁷⁹ Ср. условия реализации значения ‘хотеть’ у глагола *хотеть*, описанные в разделе 3.5.

даже покаяться, что знакомство с этим городовым (...) продолжалось у меня очень долго (В. Ходасевич, Младенчество).

Аналогичные сдвиги в аналогичных условиях (перформатив, вводная конструкция, контекст эксплицитных или имплицитных модальностей, клишированные формулы) претерпевают глаголы *клясться*, *надеяться*, *признаваться*, *сознаваться* и многие другие. Ср. *Клянусь, что не заставлю тебя ждать; Не при валюте мы сегодня (...)* Но, *клянусь вам, в следующий же раз, и уж никак не позже понедельника, отдадим все чистоганом* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Надеюсь, что он уже приехал; Надеюсь, вы у нас не в последний раз; Ваш муж, надеюсь, здоров; Признаюсь, в те первые вечера он на меня произвел довольно приятное впечатление* (В. Набоков, Соглядатай); *Так вот, я его видел и, признаюсь, больше видеть не хочу* (Н. Шмелев, последний этаж); *Но я здесь, признаться, не очень сведущ* (В. Пелевин, Омон Ра); *Предметом моей сегодняшней лекции служит то, о чем я читал и, должен признаться, не без успеха, в Нижнем Новгороде* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев); *Надо сознаться — становлюсь пошлаком* (А. П. Чехов, Дядя Ваня).

Рассмотрим теперь глагол *хотеть* и некоторые его синонимы в значении чистого желания в отрицательных предложениях.

Сам этот глагол в сочетании с ментальными стативными глаголами *знать* 1 [пропозициональным], *знать* 2 [знакомства], *думать*, *верить* и, может быть, еще некоторыми под отрицанием, особенно в форме 1-Л, приобретает усилительное значение не п р и я т и я чего-либо. Ср. *Не хочу знать, кто и зачем его сюда привел; Не хочу его знать* [почти фразема]; *Не хочу думать, что он нас обманывает; Не хочу этому верить*. Свидетельством того, что в перечисленных случаях значение *хотеть* усиливается, является затруднительность его градуирования. Фразы типа ⁹⁰*Я не очень хочу знать, кто и зачем его сюда привел*, ⁹¹*Я не очень хочу его знать*, ⁹²*Не очень хочу думать, что он нас обманывает*, ⁹³*Не очень хочу этому верить* по меньшей мере сомнительны.

В сочетании с глаголами других семантических классов, особенно акциональными, *хотеть* в тех же условиях допускает и значение чистого отрицания; ср. *Я не хочу есть (идти туда, писать диссертацию)*. Этим объясняется возможность градуирования *хотеть*: *Я не очень хочу есть (идти туда, писать диссертацию)*⁸⁰.

Между тем глагол *желать* под отрицанием приобретает усилительное значение в контексте любых глаголов, создавая образ человека, делающего какое-то важное для себя заявление: *Не желаю его знать, Не желаю тебя больше видеть*

⁸⁰ Обратим внимание на еще один любопытный феномен — разные реакции на возможность градуирования н е ж е л а н и я в контексте фактивных и путативных глаголов. В первом случае возможность градуирования совершенно исключена: *Я очень не хочу знать, кто и зачем его сюда привел*, *Я очень не хочу его знать*. Во втором случае градуирование по меньшей мере допустимо, если не совершенно естественно: *Я очень не хочу думать, что он нас обманывает*, *Я очень не хочу этому верить*.

(*слышать*) [неакциональные глаголы]; *Я не желаю вас слушать* (*идти туда, писать диссертацию*); *На это я ему резко ответил, что никаких объяснений давать не желаю* (Н. Валентинов, Встречи с Лениным) [акциональные глаголы]. Не случайно *желать* под отрицанием не допускает градуирования ни при каких обстоятельствах; ср. неправильность **Не очень желаю его знать*, **Не очень желаю тебя видеть* (*слышать*), **Я не очень желаю есть* (*идти туда, писать диссертацию*).

Глагол *жаждать* под отрицанием, наоборот, ослабляет свое значение в любых контекстах. В сущности, он срастается с отрицанием в своего рода фразему, которая значит 'не испытывать особого желания делать что-либо'; ср. *Не жажду его видеть, Он не жаждал туда ехать*⁸¹.

Лексема *жаловаться* I значит 'говорить, что произошло или имеет место нечто плохое для субъекта, чтобы побудить адресата исправить положение или найти у него понимание'. В отрицательных предложениях, особенно в форме 1-Л НАСТ при нереализованных валентностях адресата, темы и содержания жалобы, это словарное толкование существенно ослабляется и сливается с отрицанием в единый смысл 'все соответствует норме, все в порядке'. Ср. — *Как у тебя дела? — Не жалуюсь; Я, кстати, не жалуюсь. Главной цели приезда сюда я добился: моя литература дошла до читателя* («Известия», 11.08.92). Аналогичным сдвигом отмечены и отрицательные предложения, в которых *жаловаться* зависит от глагола *мочь*, а также имплицитно отрицательные предложения с предикативами *грех*, *грешно* и т. п. Ср. *Не могу* (*грех, грешно*) *жаловаться*. Все эти словосочетания тяготеют к стяжению во фразему.

По-видимому, еще дальше по этому пути прошли сочетания *жаловаться* в форме СОВ в отрицательных предложениях с глаголом *мочь* и реализованной валентностью содержания. Фразы типа *Не могу пожаловаться на недостаток* (*на отсутствие*) *внимания к своей особе* являются, в сущности, опровержениями предположения, может быть только имплицитного, что в жизни субъекта существует какой-то нежелательный для него фактор. Ср. *На протяжении моей карьеры у меня было мало случаев, когда я могла бы пожаловаться на несправедливость критики* (Г. Вишневская, Галина. История жизни).

Глагол *спрашивать* в контексте выражений *русским языком, по-хорошему, последний раз* образует фраземы *Я тебя русским языком спрашиваю, Я тебя по-хорошему спрашиваю, Я тебя последний раз спрашиваю*, выражающие идею н а -

⁸¹ В связи с этим примером можно высказать осторожное предположение, что отрицание «сильного» предиката порождает значение слабой противоположности, а отрицание «слабого» предиката — значение сильной противоположности. Ср. сильный предикат *в восторге* (*от чего-л.*) и его отрицание *не в восторге* (*от этого*) ≈ 'Мне (ему и т. п.) это не слишком нравится'; слабые предикаты *выносить, переносить, терпеть* (*кого-л.*) и их отрицание *не выносить* (*не переносить, не терпеть*) (*кого-л.*) ≈ 'быть предельно отрицательно настроенным по отношению к кому-л.'.

ж и м а на собеседника, требование дать немедленный ответ. Ср. «— Я, кажется, русским языком спрашиваю, — сурово сказал кот, — дальше что?» — Но Поплавский не дал никакого ответа (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

В разделе 1.2.2 было рассмотрено наречие *можно* в значении объективной возможности. Обратим внимание на то, что в этом случае *можно* свободно сочетается с глаголами в обеих видовых формах; ср. *Невооруженным глазом на ночном небе можно видеть (увидеть) не более шести тысяч звезд; Теперь можно видеть (заключить, сделать вывод), что эта гипотеза ошибочна*. Однако в контексте глагола *думать* в форме СОВ *можно* претерпевает любопытную метаморфозу. Вопреки ожиданиям, *Можно подумать* значит не 'есть основания думать, что Р', а '(на самом деле) нет оснований думать, что Р'; ср. *Можно подумать, что ты устала* — на самом деле я думаю, что ты не устала; *Можно подумать, что ты не устала* — на самом деле я думаю, что ты устала. Ввиду предельной лексической ограниченности контекстов, в которых происходит этот семантический сдвиг, он вряд ли поддается описанию в виде правила семантической модификации. Правило оправдано только тогда, когда за ним стоит хотя бы минимальное обобщение. Лексикографически представляется более естественным описывать словосочетание *можно подумать* как фразему.

Форма СОСЛ глагола *казаться* во вводно-уступительных конструкциях создает представление о каких-то прямо не названных обстоятельствах, которые ставят под сомнение высказываемую говорящим мысль; ср. *Казалось бы, работать и работать, чего тут думать?*; *Шестой год он жил этой странной, двойной жизнью, и, казалось бы, совсем привык к ней* (А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом).

3.5.3. ПРАВИЛА ОБЛАСТИ ДЕЙСТВИЯ

Наиболее значительный вклад в исследование этой проблематики внес И. М. Богуславский (см. [Богуславский 1980, 1985, 1996]), разработавший теоретическое понятие сферы действия. Оно несколько отлично от более традиционного понятия области действия (см. подробное обсуждение этого вопроса в [Богуславский 1996: 46—48]), но в лексикографическом исследовании тонкими различиями между этими двумя понятиями можно пренебречь.

Поясним понятие области действия вообще и нетривиальной области действия в частности. Тривиальной областью действия лексемы А называется та лексема В данного высказывания, с которой А непосредственно связана и синтаксически, и семантически. Так, например, обстоит дело с наречием *быстро* и глаголом *шел* в высказывании *Иван быстро шел по улице*: синтаксически наречие *быстро* зависит от *шел* по обстоятельственному отношению, а семантически является тем предикатом (оператором), единственная валентность которого заполняется семантическим материалом формы *шел*.

Нетривиальная область действия имеет место в тех случаях, когда это соотношение нарушено. Наиболее интересны следующие два случая: а) лексема А синтакси-

чески связана с лексемой В, а семантически — с какой-то другой лексемой высказывания (смещение); б) лексема А синтаксически связана с лексемой В, а семантически — с каким-то смысловым компонентом в ее толковании, который не является вершиной толкования (по И. М. Богуславскому, «внутренняя сфера действия»).

3.5.3.1. Смещение

Наиболее хорошо изученным типом смещения является смещение отрицания, которое мы проиллюстрируем на примере глагола *привыкать*. В конструкции с ИНФ отрицание может воздействовать либо на сам этот глагол (нормальное отрицание), либо на какой-то элемент подчиненной ему группы инфинитива (смещенное отрицание). Ср. *Он не привык работать со словарями* (только нормальное отрицание) VS. *Я не привык разговаривать в таком тоне* = *Я привык разговаривать не в таком тоне* = *Я привык разговаривать в другом тоне*. Правило лексикализовано: при синонимичном *привыкнуть* глаголе *приучиться* возможно только нормальное отрицание: *Он (так и) не приучился работать со словарями*.

Прямое отношение к теме смещения отрицания в лексикографическом аспекте имеет материал, введенный в оборот в уже цитированной работе Л. Н. Иорданской о взаимодействии отрицания с глаголами типа *велеть*, *запрещать*, *разрешать*, *советовать*, *рекомендовать* и т. п. В слегка упрощенном виде предложенные ею правила могут быть представлены, во всяком случае для некоторых примеров, как правила смещения отрицания от своего исконного синтаксического хозяина к подчиненному ему предикату в форме ИНФ. Ср. *Мать не велела сыну отвечать на телефонные звонки* = *Мать велела сыну не отвечать на телефонные звонки*; *Врач не советует Тане менять климат* = *Врач советует Тане не менять климат*⁸². Очевидно, что эти правила лексикализованы (глагол *приказывать*, например, синонимичный *велеть*, не допускает переноса отрицания к зависимому инфинитиву) и, значит, должны помещаться в словарных статьях соответствующих глаголов.

Хороший пример того, насколько причудливыми, т. е. лексически избирательными могут быть правила смещения отрицания, дает группа модальных слов со значением долженствования, проанализированная в [Апресян 1974: 114, 1980: 78—79]; этот анализ воспроизводится ниже в упрощенном виде, но с некоторыми добавлениями.

Предложение типа *Вы не должны ходить на это собрание* имеет два осмысления: а) 'Вам можно не ходить на это собрание' (разрешение не участвовать в нем),

⁸² Без упрощений и на уровне сентенциальных форм правила Л. Н. Иорданской выглядят следующим образом (на примере глагола *велеть*): *Х велел Y-у (с)делать Р* = 'Находясь в иерархически доминантной позиции по отношению к Y-у, X сообщил Y-у, что он хочет, чтобы Y (с)делал Р, с целью побудить Y-а (с)делать Р'; *Х не велел Y-у делать Р* = 'Находясь в иерархически доминантной позиции по отношению к Y-у, X сообщил Y-у, что он хочет, чтобы Y не делал Р, с целью побудить Y-а не делать Р'. Здесь не проходит «сквозь два предиката — 'сообщать' и 'хотеть'» [Иорданская 1985: 245].

б) 'Вам нельзя ходить на это собрание' (запрет на участие). Первое осмысление получается при нормальном отрицании (*не должны делать чего-то* = 'можете не делать'), а второе — при смещенном (*должны не делать чего-то* = 'нельзя делать').

Похожим образом *не* взаимодействует со значением наречий *надо* и *нужно*, в широком смысле синонимичных прилагательному *должен*. Фразы *Вам не надо* (*не нужно*) *ходить на это собрание* могут значить и отрицание того, что у вас есть долг или обязанность пойти на это собрание (ср. *А вам и не надо ходить на это собрание*), и настоятельный совет не ходить туда, равносильный слабому запрету. Механизм получения двух интерпретаций — тот же самый, что и в случае *Вы не должны ходить на это собрание*.

Любопытно, что два других, может быть, даже более близких синонима *должен* — слова *обязан* и *следует* — взаимодействуют с отрицанием иначе. Ср. *Вы не обязаны ходить на это собрание* VS *Вам не следует ходить на это собрание*. Первая фраза обозначает только разрешение (ситуация нормального отрицания), а вторая — только запрещение (ситуация смещенного отрицания).

До сих пор речь шла только о смещении отрицания. Относительно давно были обнаружены и другие классы слов, способных иметь похожие сдвинутые области действия. К ним относятся прежде всего наречия. Воспроизведем, с некоторыми дополнениями, описание слова *случайно* из [Апресян 1980: 64, 81].

В своем основном значении 'без намерения' оно сочетается только с результативными значениями НЕСОВ, притом только от ограниченного круга глаголов со значением неконтролируемого действия, процесса или состояния. Примеры: *Я случайно нахожу нужные мне книги* (*встречаю его в институте*); *Я случайно слышал их разговор* (*попал на это собрание*). Фразы типа *"Я случайно ищу нужные мне книги"*, *"Завтра мы случайно встречаем в аэропорту участников конференции"*, *"Я случайно слушал их разговор* (*шел на это собрание*) в нейтральном контексте по крайней мере странны по смыслу.

Посмотрим теперь на глагол *решать* в значении, представленном во фразах типа *решать задачу* (*уравнение*), *решать вопрос* (*проблему*), *решать загадку* (*кроссворд, ребус, головоломку*) и т. п. Он явным образом обозначает контролируемое действие, однако с наречием *случайно* сочетается на первый взгляд совершенно непредсказуемым образом: фраза *Он случайно решил задачу* правильна, фраза *"Он случайно решал задачу* в нейтральном контексте неправильна, фраза *Он случайно решал ту же самую задачу, что и я* снова правильна. На самом деле все три факта имеют абсолютно естественное объяснение.

а) Глагол *решать* имеет два принципиально разных толкования в формах НЕСОВ и СОВ. *Х решает Р* = 'Х обдумывает информацию, имеющую отношение к Р, с целью получить ответ на содержащийся в Р вопрос'; *Х решил Р* = 'Х решил Р [пресуппозиция]; Х получил ответ на содержащийся в Р вопрос [ассерция]'. Добавим, что пресуппозиция является слабой, т. е. возможны такие употребления *решить*, в которых она снимается; ср. *Он с ходу* (*сразу*) *решил второе уравнение*,

потому что этот тип задач был ему хорошо известен, где пресуппозиции ‘решать’ нет, и Он не сразу решил второе уравнение, Последнее уравнение он не решил, где она есть.

б) В предложениях типа *Он случайно решил задачу* наречие *случайно* взаимодействует с толкованием *решишь* по общему для таких случаев и вполне тривиальному правилу — оно присоединяется к вершине ассерции, т. е. смыслу ‘получил’: сочетание смыслов ‘случайно получил’ вполне правильное.

в) В предложениях типа *Он случайно решал ту же самую задачу, что и вы*, наречие *случайно* синтаксически подчинено глаголу, а семантически связано только со словосочетанием *ту же самую*. Действительно, в качестве случайного в этом высказывании представлен не факт решения задачи — сочетание смыслов ‘случайно обдумывал’ аномально, — а исключительно факт совпадения задач, решаемых разными людьми. Получается ситуация смещенного наречия.

3.5.3.2. Правила внутренней области действия

Проиллюстрируем этот тип взаимодействия на материале лексемы *ждать* 2: *Х ждал 2, что Р* = ‘Человек Х считал, что в относительно близком будущем произойдет событие Р’. Здесь вершиной ассерции является компонент ‘считать’. Во фразах типа *Я ждал тебя завтра* наречие *завтра*, как было показано в [Богуславский 1996: 103], имеет «внутреннюю сферу действия»: оно не может связываться с вершинным компонентом толкования *ждать* 2 (ср. неправильность сочетания ‘считал завтра’) и поэтому присоединяется к «вложенному» компоненту ‘(прибытие) произойдет завтра’. Именно поэтому фраза с глаголом в форме ПРОШ в контексте наречия будущего времени не воспринимается как грамматически правильная.

В уже цитированной работе [Иорданская 1985] Л. Н. Иорданская обнаружила следующий единый механизм взаимодействия отрицания с аналитическим толкованием «иллокутивно-коммуникативных глаголов»: «отрицание может не затрагивать главный предикат толкования ИК-глагола, от которого синтаксически зависит отрицательная частица, а относиться к подчиненному предикату» [Иорданская 1985: 242]. Пример: *Правительство соглашается субсидировать нефтяные компании* = ‘В ответ на просьбу или предложение субсидировать нефтяные компании, правительство сообщает, что готово сделать это’; *Правительство не соглашается субсидировать нефтяные компании* = ‘В ответ на просьбу или предложение субсидировать нефтяные компании, правительство сообщает, что не готово сделать это’ [там же, 243]. Как видим, и здесь имеет место случай внедрения отрицания внутрь толкования: *не* присоединяется не к вершине толкования, т. е. смыслу ‘сообщать’, а к вложенному предикату ‘готов’.

Интересно взаимодействие отрицания с классом предикатов, изображающих, так сказать, мнимую действительность, «кажимость»: в них в том или ином виде

Habent sua fata libelli

входит значение несоответствия наблюдаемой картины и действительного положения вещей. Вот далеко не полный их список: *вообразать (себя героем), врать, гресить, делать вид, имитировать, казаться, лакировать, лгать, мерещиться, обелять, подделывать (подпись), подражать, преувеличивать, прикидываться, притворяться, симулировать (болезнь), сниться, сочинять (небылицы), фабриковать, хвастаться, чернить (действительность), чудиться*. Проанализируем два из них, а именно глаголы *притворяться* и *хвастаться*, имея в виду, что принципиальные результаты анализа, с локальными поправками, верны для всего класса. Оговоримся, что речь пойдет только о взаимодействии отрицания с предикатом в форме НЕСОВ.

Х притворяется Y-ом (больным, сумасшедшим, дурачком и т. п.) перед Z-ом = ‘Х не является Y-ом [пресуппозиция]; в присутствии человека или людей Z Х ведет себя так, как это свойственно Y-ам [ассерция]; Х делает это потому, что считает, что если Z поверит, что он является Y-ом, ему будет легче достичь своих целей [мотивировка]’.

Свидетельством того, что ‘Х не является Y-ом’ образует пресуппозицию *притворяться*, служит поведение этого глагола в узуальном и других кратных значениях НЕСОВ; ср. предложение *Он никогда не притворялся больным*, где это утверждение не подвергается действию отрицания (Не являясь больным, он в присутствии других людей никогда не вел себя как больной). Однако эта пресуппозиция является слабой и в актуально-длительном значении под отрицанием переходит в ассертивную часть толкования. Еще более замечательным является тот факт, что в этом случае отрицание воздействует не только на бывшую пресуппозицию, но и на все другие компоненты толкования, включая мотивировку, и радикально их перестраивает. Предложение *Он не притворяется больным* в актуально-длительном значении может быть истолковано приблизительно следующим образом: ‘Не думай, что он пытается вести себя как больной; он ведет себя как больной, потому что является больным’.

Х хвастается Y-у Z-ом = ‘Человек Х считает, что он или кто-то из его личной сферы имеет или сделал Z, который он считает чем-то особенным; Х хочет, чтобы другие люди ценили его [пресуппозиции]; Х говорит человеку Y о своем Z-е [ассерция]; он говорит это, потому что считает, что узнав о его Z-е, Y будет больше его ценить [мотивировка]; говорящий отрицательно оценивает высказывание Х-а как нарушающее принцип скромности [модальная рамка]’. Под отрицанием, особенно в абсолютивной конструкции, происходит глобальная перестройка словарного толкования: когда мы говорим *Х не хвастается*, мы имеем в виду, что Х говорит это не для улучшения своей репутации у слушателей, а в порядке информирования адресата и что он явным образом не придает особого значения Z-у. В контексте нашей темы самым существенным является тот факт, что отрицание не воздействует не на вершину ассерции, т. е. смысл ‘говорить’, а на мотивировку, радикально ее трансформируя. В результате снимается и отрицательная оценка высказывания говорящим.

Приведем еще один пример правила внутренней сферы действия — на этот раз на материале оценочных наречий. *Рисовать* (А на В X-ом) в главном значении толкуется так: ‘имея цель изобразить объект А, двигать предмет X по поверхности В так, что на ней появляется видимое изображение этого объекта’. В словосочетаниях типа *с трудом рисовать*, *быстро* (медленно, энергично, лениво) *рисовать*, *часто* (редко) *рисовать* и т. п. наречия воздействуют на смысл ‘двигать’, т. е. на вершину ассерции (тривиальная область действия). В отличие от этого в словосочетаниях типа *хорошо* (плохо, замечательно) *рисовать* оценочные наречия воздействуют не на вершину ассерции, а на глубоко вложенный смысл ‘изображение’ (нетривиальная область действия).

ГЛАВА 4. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ТИП: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ГЛАГОЛЫ⁸³

4.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Интерпретационными называются глаголы и глагольные выражения типа *бросать тень* (на кого-л.), *вредить*, *выгораживать* (кого-л.), *выручать* (кого-л.), *грешить*, *давить* (на кого-л.), *злоупотреблять*, *издеваться* (над кем-л.), *карать*, *клеветать* (на кого-л.), *кривить душой*, *мешать* (кому-л.), *нарушать дисциплину*, *обелять* (кого-л.), *ошибаться*, *подводить* (кого-л.), *поддерживать* (директора), *позориться*, *покровительствовать* (кому-л.), *поощрять*, *попустительствовать*, *портить*, *поступать неправильно* (правильно), *потакать* (кому-л.), *потворствовать* (кому-л.), *превышать* (полномочия), *предавать* (кого-л.), *пренебрегать*, *промахнуться* (Ты промахнулся с этим делом), *просчитаться*, *противодействовать*, *распускать* (кого-л.), *распускаться* (о поведении), *ронять достоинство*, *совершать преступление*, *содействовать*, *способствовать*, *терять лицо*, *унижаться* и т. п. Сами по себе они не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния⁸⁴.

⁸³ Данная глава воспроизводит содержание работы Апресян 2004 г.

⁸⁴ Как справедливо заметила в свое время А. Вежицка, любое высказывание по самой природе вещей в той или иной степени интерпретационно. Если, например, человек только взялся за ручку двери, а мы говорим *Он открывает дверь*, мы в какой-то мере опережаем события и интерпретируем как уже реализованное всего-навсего его *намерение*. Такую интерпретацию и такого интерпретатора событий уместно называть тривиальными, поскольку они предполагаются в любом высказывании и, тем самым, не специфичны для конкретных лексем. В этом отношении тривиальный интерпретатор похож на тривиального говорящего и тривиального наблюдателя, имплицитная ссылка на которых предшествует любому высказыванию. Между тем интерпретация в интересующем нас смысле — это особый семантический компонент в толкованиях лишь некоторых глагольных лексем. Разумеется, между этими двумя по-

Поясним это описание анализом типичных употреблений интерпретационных глаголов и глагольных выражений. В разных случаях человек X может сказать человеку Y «*Вы сегодня прекрасно выглядите*» или «*Таня вас любит*», может подать Y-у пальто или произвести какое-то другое конкретное действие. Ответом Y-а во всех этих случаях может быть высказывание «*Вы надо мной издеваетесь*». Такой ответ уместен, если, скажем, сам Y думает, что сегодня выглядит плохо, или что Таня его не любит, или что X не может быть серьезен, подавая ему пальто, потому что у Y-а по сравнению с ним нет никаких преимуществ статуса, возраста или пола. Ср. также такие конкретные действия, как *соблазнить*, *украсть*, *поест мяса в пост*, типизируемые в виде *согреишь*; *огрabitь*, *оставить боевой пост*, *разгласить государственную тайну*, типизируемые в виде *совершишь преступление*; и т. п. Как видим, человек может интерпретировать как одинаковый тип поступков очень разные конкретные действия, в том числе не имеющие ничего общего друг с другом.

При этом сами конкретные действия, служащие основанием для этических, юридических или иных квалификаций, в обоих случаях представляются как уже имевшие место. Поэтому даже в форме НЕСОВ НАСТ при референции к моменту речи большинство интерпретационных глаголов имеют не актуально-длительное, а перфективное значение⁸⁵. Ср., в дополнение к приведенным примерам, *Вы ошибаетесь* (*предаете общие интересы, поступаете низко*) — уже сделали нечто такое, что можно считать ошибкой, предательством общих интересов, низостью.

Впервые интерпретационное значение в указанном смысле было описано М. Я. Гловинской, которая истолковала его следующим образом: «До момента речи имело место конкретное единичное действие; говорящий, имея в виду это прошлое действие или его результат, в момент речи интерпретирует это действие как некий тип поведения». В более формализованном виде это толкование выглядит следующим образом: «Говорящий, имея в виду прошлое действие Р, в момент речи интерпретирует Р как тип поведения R» [Гловинская 1989: 113]; см. также [Гловинская 1986: 30, 2001: 193—194]. Здесь названы четыре важных свойства интерпретационного значения, которые в совокупности исчерпывают его существо: а) интерпретационное значение как таковое принципиально двухактантно — ср. переменные Р и R в его толковании⁸⁶; б) оба актанта суть предикаты; в) предикат

люсами, как всегда в языке, располагается широкая полоса промежуточных случаев. Они обсуждаются в разделе 4.5.

⁸⁵ Ниже будет показано, что перфективность свойственна прототипическим представителям интерпретативов и может ослабляться, вплоть до полного снятия, на периферии этого семантического класса.

⁸⁶ Из этого, конечно, не следует, что все интерпретационные глаголы тоже двухактанты. В рассматриваемом толковании сам интерпретационный глагол представлен предикатом R, который может быть и многоактантным; ср. *А карает (поощряет) В за С X-ом, А мешает (помогает) В в С X-ом* и тому подобные глаголы. У перечисленных глаголов конкретное

Р обозначает конкретное действие, а R — тип поведения⁸⁷, т. е. имеет место типизация; ср. возведение конкретного поступка в ранг преступления в случае *Передавая японцам эту техническую документацию, он совершил государственную измену*; г) интерпретация всегда принадлежит говорящему.

Во всех трех работах интерпретационное значение анализируется как разновидность более общего значения 'единичное действие в прошлом, достигшее результата' — наряду с настоящим историческим, настоящим непосредственно предшествующего действия (*Мама зовет обедать*), настоящим экспозиционным (*Дарвин учит, что эволюция видов определяется тремя факторами*) и т. п., т. е. как грамматическое (видо-временное) значение формы НЕСОВ НАСТ. Принимая в целом анализ М. Я. Гловинской, я бы хотел заметить, что трактовка интерпретационного значения как грамматического значения формы НЕСОВ НАСТ создает одну трудность.

Прежде всего, интерпретационное значение в принципе совместимо с другими видо-временными значениями этой формы. Ср. следующие примеры: *Он возвращается из мест заключения, устраивается на работу, но вновь совершает преступление и попадает на скамью подсудимых* (настоящее историческое) и *Он постоянно нарушает дисциплину (подводит коллег)* (узуальное). Если бы интерпретационное значение было грамматическим значением формы НЕСОВ НАСТ, оно не могло бы совмещаться с другими грамматическими значениями той же формы без определенного стилистического (каламбурного или иного игрового) эффекта. Очевидно, что в приведенных примерах такого эффекта нет.

Кроме того, интерпретационное значение сохраняет четыре отмеченных выше конституирующих свойства и в формах, отличных от формы НЕСОВ НАСТ. Ср. *Мастер ошибался* [НЕСОВ ПРОШ], *когда с горечью говорил Иванушке, — что она [Маргарита] позабыла его* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита), *Он просчитался* [СОВ ПРОШ], *поехав на автобусе*.

Поэтому представляется более естественным трактовать интерпретационное значение как лексическое, а не грамматическое значение глагола. Именно таким образом оно рассматривалось в моих работах, начиная с курса лекций на Летней лингвистической школе в Праге в июне 1991 г.; см. также [Апресян 1997: XX, 1999]. Аналогичную трактовку находим в работах [Зализняк Анна 1991, Падучева 1996].

действие, составляющее предмет интерпретации, является четвертым актантом и представлено переменной X.

⁸⁷ Данная формулировка не вполне точная: Р может обозначать не только действие, но и состояние (*заблуждаться, ошибаться* в некоторых употреблениях), а иногда даже и деятельность (*покровительствовать, содействовать*); соответственно R обозначает не тип поведения, а тип действий, тип состояний или тип деятельности. См. обсуждение этого вопроса в разделе 4.2.

Тем самым интерпретационные глаголы оказываются особым лексико-семантическим классом фундаментальной классификации предикатов (см. о ней главу 2 выше). В частности, как и другие ее классы, интерпретационные глаголы характеризуются комплексом внутренне согласованных синтаксических, морфологических, просодических и других лингвистически релевантных свойств, имеющих один общий семантический источник. В сущности, он уже был упомянут, но сейчас уместно сделать на нем акцент.

Вопреки евангельской заповеди «Не судите, да не судимы будете», человек в своей языковой деятельности постоянно занимается оценкой своих ближних, используя для этого готовую систему весьма общих этических, религиозных, юридических, логических и иных правил, норм, заповедей, в той или иной мере узаконенных в данном обществе. Отклонение от них, их превышение или — гораздо реже — соблюдение получает специальные наименования: *грех, измена, обман, ошибка, подвиг, помощь, предательство, преступление, проступок* и т. п. Интерпретация в интересующем нас смысле представляет собою в конечном счете квалификацию конкретного действия или состояния человека с помощью этой готовой номенклатуры обобщенных ярлыков, т. е. подведение частного случая под общий случай особого рода.

4.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ГЛАГОЛОВ

Значение прототипических интерпретационных глаголов складывается из двух основных частей — пресуппозитивной и ассертивной. В первую входит предикат Р, часто лишь подразумеваемый. Ассерцию образует остающаяся часть значения предиката R, т. е. самого интерпретационного глагола.

На основании имеющегося у нас материала можно предположить, что на позиции Р и R накладываются определенные семантические ограничения. Как уже было сказано, обе позиции могут заполняться главным образом предикатами со значением действия или состояния, реже — деятельности. Более точно, чаще всего интерпретируются либо чьи-то физические, речевые или ментальные действия, либо мнения человека, т. е. его контролируемые ментальные состояния.

При этом предикаты Р и R обычно семантически согласованы друг с другом: если Р — акциональный предикат, то и R — акциональный предикат, а если Р — стативный предикат, то и R — стативный предикат. Ср. *Вы очень мешаете* [R] *мне своими репликами* [P] (Р и R — акциональные предикаты); *Вы ошибаетесь* [R], *если думаете* [P], *что он подчинится приказу* (Р и R — стативные предикаты, причем Р (*думаете*) — контролируемое состояние). Такое правило согласования объясняется самой природой типизации: нельзя подводить конкретное состояние под тип действий или конкретное действие под тип состояний.

Ниже предлагаются эскизные толкования ряда интерпретационных глаголов и глагольных оборотов, построенные с учетом этих соображений.

Х роняет достоинство, делая Р = 'Х сделал Р [пресуппозиция]; говорящий считает, что Р относится к классу действий, показывающих, что человек, который их совершает, не ценит свою личность [ассерция]'⁸⁸.

Х совершает грех, делая Р = 'Х сделал Р [пресуппозиция]; говорящий считает, что Р относится к классу действий, которые Бог запрещает людям совершать [ассерция]'.

Х поощряет Y-а, делая Р = 'Х сделал Р по отношению к Y-у [пресуппозиция]; говорящий считает, что Р относится к классу действий, показывающих, что человек, который их совершает, одобряет действия или деятельность другого человека и хочет побудить его продолжать действовать так же [ассерция]'.

Х ошибается, думая, что Р = 'Х думает, что Р [пресуппозиция]; говорящий считает, что Р относится к классу мыслей, которые возникают у людей, когда они не знают фактов или не понимают их [ассерция]'.

Специфика семантической структуры интерпретационных глаголов отражена в двух особенностях приведенных толкований:

1) Сентенциальная форма отражает прототипические употребления интерпретационных глаголов. Прототипическими для них считаются употребления, в которых соблюдены следующие два условия: а) в них есть указание на конкретное действие или состояние Р; б) сам интерпретационный глагол R в форме НАСТ НЕСОВ имеет референцию к моменту речи, т. е. используется не в узуальном, многократном или другом подобном значении. Если эти условия не соблюдены, семантическая структура глагола перестраивается — пресуппозиция переходит в ассертивную часть толкования. Ср. *Х никогда не ошибается* — 'Х никогда не думает ничего такого, что говорящий считал бы неправильным'. Это и понятно: поскольку нет ссылки на конкретное действие или состояние, исчезает сам предмет интерпретации, и семантическая специфика интерпретативов смазывается.

2) У интерпретационных глаголов ассерцией является модальная рамка, т. е. фрагмент толкования 'говорящий считает, что ...'. Именно этот фрагмент подвергается отрицанию; ср. *Х не ошибается, думая, что Р* = 'Х думает, что Р; говорящий не считает, что Р относится к классу мыслей, которые возникают у людей, когда они не знают фактов или не понимают их'.

⁸⁸ См. подробное описание слова *достоинство* и его синонимов в работе [Санников А. 2004].

4.3. ИНТЕРПРЕТАТИВЫ И ИХ БЛИЖАЙШИЕ СОСЕДИ

4.3.1. ПОДКЛАССЫ ИНТЕРПРЕТАТИВОВ

Для удобства обзора класс интерпретационных глаголов с некоторой долей условности можно разбить по типу интерпретации на следующие основные подклассы⁸⁹:

а) Этическая интерпретация (самая многочисленная группа): *помогать, воскрешать, выгораживать, выручать, покровительствовать; губить, убивать, завалять (топить) (на экзамене); подводить (кого-л.), предавать (кого-л.); потворствовать, попустительствовать; баловать, портить (ребенка); терять лицо, ронять достоинство; оскорблять, унижать, обижать; издеваться, надругаться; наказывать, мстить, поощрять; злоупотреблять (доверием).*

б) Юридическая и религиозная интерпретация: *нарушать правила, превышать полномочия, злоупотреблять властью; преступать закон, совершать преступление, совершать правонарушение; грешить, совершать грех; искушать, соблазнять.*

в) Логическая, или истинностная интерпретация: *ошибаться, заблуждаться, обманываться, обманывать себя, просчитаться; преувеличивать, делать из мухи слона, преуменьшать; недооценивать, переоценивать.*

г) Утилитарная интерпретация: *выигрывать, проигрывать (Так вы только проиграете во мнении коллег); (по)горячиться, (по)торопиться (Он немного поторопился, раззвонив повсюду о своем новом назначении); оплошать, сплеховать, опростоволоситься, промахнуться.*

д) Комбинированные интерпретации (чаще всего комбинируются этическая и логическая квалификация действия): *изображать в черном цвете, очернять; приукрашивать, лакировать, обелять, представлять в розовом свете; обманывать, клеветать, кривить душой.*

⁸⁹ Мы используем в качестве материала только глаголы, потому что именно они являются прототипическим манифестантом интерпретационного значения. Это не значит, конечно, что в других частях речи интерпретационные предикаты невозможны. Ср., например, интерпретационные существительные *ошибка, заблуждение, преувеличение; клевета, навет, поклеп; нарушение, беззаконие; грех, искушение, соблазн; потворство, баловство, попустительство; измена, предательство; обман, инсинуация*. Для интерпретационных существительных весьма типичны, хотя и не являются универсальными, присвяточные конструкции, в которых существительное выполняет функцию предикатива, а ИНФ со значением конкретного квалифицируемого действия — функцию подлежащего. Замечательно при этом то обстоятельство, что само существительное непосредственно инфинитивом не управляет, хотя инфинитив и представляет его семантический актант. Ср. *Грех столько пить, Говорить об этом было ошибкой (грехом, предательством)*, но не **ошибка (грех, предательство) говорить об этом*.

Как ясно из приведенных здесь примеров, интерпретативы соприкасаются с несколькими классами предикатов — действиями (*наказывать, помогать, поощрять*), состояниями (*ошибаться, переоценивать*), оценками (*ютиться, всучить*), поведением (*баловаться, дебоширить, капризничать, привередничать, скандалить*) и другими. Иногда, например, в случае оценок и поведений, соседство весьма близкое. Однако даже в таких случаях между прототипическими представителями классов сохраняются важные различия.

4.3.2. ИНТЕРПРЕТАТИВЫ И ОЦЕНКИ

Главное различие между интерпретационными и оценочными глаголами состоит в разных логических статусах семантических компонентов, описывающих действие (состояние) и его квалификацию. В интерпретационных словах, как было показано выше, указание на конкретное действие образует пресуппозицию, а квалификация этого действия говорящим — ассерцию (см. выше). В оценочных словах указание на определенное действие составляет ассерцию, а оценка образует модальную рамку. Рассмотрим два типичных оценочных глагола.

Всучить = ‘дать [ассерция]; говорящий плохо оценивает поступок дающего или объект передачи или хочет, чтобы адресат так их оценивал [модальная рамка]’. Ср. *Роль плохого следователя Лебедь всучил Пуликовскому, роль хорошего — естественно, взял себе* («Итоги», 27. 08. 96).

Ютиться = ‘жить, занимая в помещении меньшее пространство, чем нужно для нормальной жизни [ассерция]; говорящий плохо оценивает условия, в которых субъекту приходится жить, или хочет, чтобы адресат так их оценивал [модальная рамка]’. Ср. *Но Грозный обстреливался, люди ютились в подвалах, без воды и света* («Итоги», 27. 08. 96).

Эта семантическая структура характерна для большого пласта так называемой пропагандистской лексики, особенно ряда советизмов; ср. лексемы типа *ввалиться, втереться в доверие, набухать (соли в суп), околачиваться, переть, припереться, пробраться (к власти), хапать, шиньять, вояж, зачинщик, сборище* и т. п.

Отметим еще одно различие между интерпретационными и оценочными словами. Интерпретационные слова свободно подвергаются отрицанию, а оценочные — затрудненно. Ср. *Он нас не подвел, Он не ошибается* (не переоценивает своих возможностей) при сомнительности, вне эксплицитного или имплицитного противопоставительного контекста, *Он не всучил ему свою книгу, Они не ютились в тесных каморках*. При наличии такого контекста употребление оценочного слова под отрицанием становится возможным; ср. *Они не ютились в тесных каморках, как мы* (об особенностях противопоставительного отрицания см. [Богуславский 1985: 61—82]).

Однако вследствие своей внутренней близости оценки и интерпретации могут легко совмещаться друг с другом в пределах одного глагола, образуя пересекающи-

еся классы предикатов; таковы, например, глаголы типа *клеветать*, *лакировать*, *обелять*, *очернять*, *приукрашивать* и т. п. Ср. следующее толкование:

Х клеветает на Y-а, говоря, что Y сделал P = 'X сказал, что Y сделал очень плохое P; говорящий считает, что X знает, что Y не делал P; говорящий считает, что X сказал это, чтобы другие люди думали об Y-е плохо и чтобы X мог воспользоваться их плохим мнением об Y-е для достижения какой-то плохой цели; поэтому говорящий оценивает поступок Y-а очень плохо'. Как видим, в глаголе *клеветать* совмещаются интерпретация чьего-то высказывания ('говорящий считает, что X сказал это, чтобы другие люди думали об Y-е плохо ...') и отрицательная оценка этого высказывания.

4.3.3. ИНТЕРПРЕТАТИВЫ И ГЛАГОЛЫ ПОВЕДЕНИЯ

Второй класс глаголов, близких к одновременно и к интерпретативам, и к оценкам, — глаголы поведения, такие как *артачиться*, *баловаться*, *безобразничать*, *бесчинствовать*, *буянить*, *геройствовать*, *дебоширить*, *дурачиться*, *дурить*, *жеманиться*, *капризничать*, *кривляться*, *ломаться*, *манерничать*, *обезьянничать*, *озорничать*, *паясничать*, *привередничать*, *проказничать*, *ребячиться*, *скандалить*, *скоморошничать*, *сумасбродить*, *упрямиться*, *фиглярствовать*, *хулиганить*, *чудить*, *шалить*⁹⁰ и т. п.

Для глаголов поведения очень характерна компаративность: когда мы определяем тип наблюдаемого поведения, мы часто делаем это путем его сравнения с поведением, типичным для какого-то класса людей. Поэтому многие такие глаголы являются формальными производными от названий людей, поведение которых имеет яркие характерные черты: *буянить*, *паясничать*, *ребячиться*, *скоморошничать*, *сумасбродить*, *фиглярствовать*, *хулиганить*; ср. также *обезьянничать*.

Семантическая специфика этих и других подобных глаголов коренится в самой идее поведения. Легко заметить, что среди поведений почти нет глаголов со значением положительной оценки. Это и естественно. Правильное поведение не замечается, замечаются почти исключительно отклонения от нормы. Заметим, что если человек *геройствует*, то, с точки зрения говорящего, это либо излишнее, ненужное геройство, либо эффектная поза.

В наивной этике поведения различаются, в самом первом приближении, три основных типа норм⁹¹: нормы личного поведения (оно должно быть естествен-

⁹⁰ В упоминавшейся книге [Падучева 1996: 150] тоже выделен класс поведений, однако семантически он гораздо более разнороден и включает, помимо собственно поведений, несколько других классов, которые в нашей работе трактуются как интерпретативы (*ошибаться*, *пренебрегать*), оценочные глаголы (*болтаться*, *ломиться*), действия (*пачкать*, *прислуживать*), состояния (*бездействовать*, *унывать*) и занятия (*кокетничать*, *флиртовать*). Каждый из перечисленных классов характеризуется своим набором свойств.

⁹¹ Подробную картину наивной этики и этикета см. в третьей части данной монографии (автор — Т. В. Крылова).

ным, разумным и т. п.), нормы поведения с партнером (оно должно быть кооперативным) и нормы общественного поведения (оно должно быть цивилизованным, т. е. не нарушающим общественного порядка). В соответствии с этим класс поведений распадается на три подкласса; ср. *жеманится, кривляется, манерничает, паясничает, скоморошничает, фиглярствует* и т. п. (ведет себя неестественно); *артачится, капризничает, ломается, привередничает, упирается, упрямится* и т. п.⁹² (ведет себя некооперативно); *безобразничает, бесчинствует, дебоширит, озорничает, скандалит, хулиганит* и т. п. (ведет себя асоциально, нарушает общественный порядок).

Лексическое значение глаголов поведения расслаивается на ассерцию и модальную рамку, как это свойственно оценочным глаголам, а в модальной рамке включает в себя указание на квалификацию конкретного действия, как это свойственно интерпретативам. Ср. высказывания типа *Скинхеды бесчинствовали — крушили витрины, опрокидывали машины, избивали прохожих*, подводящие конкретные действия под некий тип отклонений от нормального поведения; в них сочинительная цепочка реализует валентность Р, см. толкования ниже.

Попытаемся наглядно представить особенности семантической структуры глаголов поведения на примере следующих двух толкований:

Х балуется = 'Невзрослый человек Х, вследствие своей живости или недостаточной дисциплинированности, совершает различные действия Р, от которых он получает удовольствие [ассерция]; говорящий считает, что Р немного нарушает нормы общественного или личного поведения и поэтому оценивает поведение Х-а слабо отрицательно [модальная рамка]'. Ср. *Пока дети баловались и свободно могли упасть (...), мамы сидели на простынях и шумно переживали* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

Х хулиганит = 'Человек Х совершает различные действия Р, которые мешают нормальному существованию других людей или опасны для них, хотя не угрожают их жизни [ассерция]; говорящий считает, что Р грубо нарушает нормы общественного поведения и что Х намеренно ведет себя таким образом; поэтому говорящий оценивает поведение Х-а резко отрицательно [модальная рамка]'. Ср. *Они хулиганыли на улицах, обижали прохожих, совершали разные дикие выходки и вообще не умели себя вести* (Н. Носов, Незнайка в Солнечном городе).

Всякое поведение предполагает наблюдаемость того, что человек реально делает, причем о поведении обычно говорят тогда, когда видят ряд однотипных актов человека или другого живого существа на протяжении одного раунда наблюдения; ср. *артачиться, дебоширить, паясничать*. Поэтому поведения, в отличие от интерпретационных и большинства оценочных глаголов, свободно употребляются

⁹² Детальное описание этих глаголов дано в словарных статьях Т. В. Крыловой *капризничать* и *упрямиться*; см. Крылова 2000а. В работе Крылова 2000б описан интересный класс «статусных» правил поведения.; см. также третью часть данной монографии.

в актуально-длительном значении НЕСОВ. Ср. *Посмотри, как она кривляется (капризничает), Перестань кривляться (капризничать), Когда прибыла полиция, толпа все еще бесчинствовала* и т. п.⁹³

Из аспектуальных свойств, отличающих поведения от интерпретативов, отметим еще отсутствие у них форм СОВ. Между тем от подавляющего большинства интерпретативов, в силу перфективности их лексического значения, СОВ образуется совершенно свободно; ср. *бросить тень, выручить, согрешить, злоупотребить, покарать, оклеветать, покривить душой, помешать (кому-л.), нарушить дисциплину, обмануть, ошибиться, подвести (кого-л.), поддержать (директора), поощрить, поступить неправильно (правильно), превысить полномочия, предать (кого-л.), пренебречь, распустить (кого-л.), распуститься, уронить себя, совершить преступление, потерять лицо, унизиться* и т. п.

Существуют и более тонкие различия между интерпретативами и поведениями. Интересны, например, различия в сочетаемости тех и других с начинательными и финитивными глаголами.

Прототипические интерпретативы не сочетаются с начинательным *приняться*. Можно сказать *Он стал злоупотреблять моим доверием (нарушать дисциплину, обманывать родителей, ошибаться, поддерживая директора, поощрять молодых, пренебрегать своими обязанностями, унижаться)*, но не *Он принялся злоупотреблять моим доверием (нарушать дисциплину, обманывать родителей, ошибаться, поддерживая директора, поощрять молодых, пренебрегать своими обязанностями, унижаться)*. Между тем прототипические поведения относительно свободно сочетаются с обоими этими начинательными глаголами; ср. *Он стал (принялся) баловаться (безобразничать, буянить, дурачиться, кривляться, ломаться, озорничать, паясничать, проказничать, ребячиться, скандалить, чудить, шалить)*. Объясняется это тем, что *приняться* + ИНФ обозначает начало актуального, разворачивающегося на наших глазах действия и поэтому семантически хорошо согласуется с поведениями, но не с интерпретативами.

Аналогичным образом объясняются сочетаемостные предпочтения и в случае финитивных глаголов. Оба рассматриваемых класса предикатов относительно свободно сочетаются с финитивным глаголом *перестать*. Ср. *Когда вы перестанете злоупотреблять моим доверием (потакать ему, пренебрегать своими обязанностями)?, Он перестал мешать мне (нарушать дисциплину, обманывать родителей, поддерживая директора, поощрять молодых); Перестань баловаться (безобразничать, буянить, геройствовать, дурачиться, кривляться, ломаться, озорничать, паясничать, проказничать, ребячиться, скандалить, фиглярствовать, хулиганить, чудить, шалить)*. Кроме того, некоторые поведения сочетаются

⁹³ Тем самым утверждение Е. В. Падучевой, что «у глаголов поведения НСВ не может иметь актуально-длительного значения» и что НАСТ у них — это «расширенное настоящее» [Падучева 1996: 150], нуждается в уточнении.

с финитивным глаголом *бросить*, обычно в форме ПОВЕЛ. Этот глагол обозначает прекращение актуального, происходящего на наших глазах действия и поэтому, подобно глаголу *приняться*, семантически хорошо согласуется с поведением, но не с интерпретативами. Ср. *Брось геройствовать* (*дурачиться, ломаться, паясничать, ребячиться, скандалить, фиглярствовать, чудить*) при невозможности **Брось злоупотреблять моим доверием* (*потакать ему, пренебрегать своими обязанностями*), **Он бросил мешать мне* (*нарушать дисциплину, обманывать родителей, поддерживать директора, поощрять молодых*).

4.3.4. ИНТЕРПРЕТАТИВЫ И ДРУГИЕ КЛАССЫ ПРЕДИКАТОВ

Из определения интерпретационного значения следует, что оно хорошо развивается у тех глаголов, референты которых можно представить как состоящие из двух частей — какого-то конкретного действия или состояния, которое можно понять как знак или сигнал какого-то другого действия или состояния. По этому признаку с интерпретативами сближаются еще несколько классов глаголов. Упомянем два таких класса — моментальные глаголы типа *прыгать*, которые, в отличие от моментальных глаголов типа *вспыхивать*, описывают действия с подготовительными фазами, и глаголы со значением эмоциональных состояний, имеющих видимые внешние проявления.

Моментальные глаголы типа *прыгать* (ср. также *стрелять, ударять* и т. п.) сближаются с интерпретационными в употреблении, которое в [Апресян 1988: 68] было названо псевдопроцессуальным. Последнее имеет место в ситуации «опережения событий», когда реально выполняемое действие обозначается не своим собственным именем, а именем другого, еще только предстоящего действия. Ср. высказывания типа *Смотри, Бубка прыгает* в ситуации, когда знаменитый прыгун только вошел в сектор для прыжков или только начал разбегаться (подготовительные фазы), но самого прыжка еще не совершил. В данном случае вход в сектор для прыжков и / или разбег является для говорящего сигналом того, что за ним неизбежно последует и сам прыжок. Именно это дает ему основание назвать прыжком вход в сектор для прыжков или разбег. Как видим, в таких случаях объективное описание действительности заменяется ее интерпретацией говорящим.

Теперь посмотрим на глаголы эмоциональных состояний, имеющих видимые внешние проявления, такие как *беспокоиться, восхищаться, злиться, ликовать, смущаться, удивляться* и т. п. Механизм их сближения с интерпретативами тот же самый, что и у моментальных глаголов. Очень часто, когда мы говорим, что человек *Х беспокоится* (*боится, злится, ликует, смущается, удивляется*), мы судим о его внутреннем состоянии R по некоторым конкретным и внешне наблюдаемым действиям или процессам P, в которых эти состояния обычно проявляются. Например, если человек *боится*, он бледнеет и съеживается, стараясь сделаться как можно менее заметным; если он *смущается*, на его щеках может появиться краска, а на лбу — испарина. *Ликование* проявляется в повышенной моторной активности, а

удивление — в том, что он широко открывает глаза. Именно такие внешние проявления говорящий интерпретирует как сигналы определенных внутренних состояний человека.

4.4. СВОЙСТВА ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ГЛАГОЛОВ

У интерпретативов есть немало интересных свойств, непосредственно мотивированных спецификой их значения.

В цитированной работе М. Я. Гловинской было, например, отмечено, что существует корреляция между интерпретационностью и интенциональной семантикой [Гловинская 1989: 114]. Наш материал полностью подтверждает это наблюдение. Корреляция между интерпретационностью и интенциональностью рельефнее всего обнаруживается у многозначных глаголов, интерпретационное значение которых является результатом метафорического переноса вида «наблюдаемое физическое действие» → «ненаблюдаемый акт». Достаточно взглянуть на такие глаголы, как *воскрешать*, *выгораживать* [≈ ‘защищать’], *заваливать*, *промахнуться*, *топить*, *убивать* и т. п. В своих основных значениях (*воскресить павших в битве*, *выгородить сад*, *завалить вход в пещеру камнями*, *промахнуться при стрельбе*, *убить волка* и т. п.) они обозначают какое-то физическое действие и не являются интерпретационными. В переносных значениях они обозначают ненаблюдаемые акты и приобретают все свойства интерпретативов. Ср. *Напрасно вы его выгораживаете*; *Экзаменатор откровенно заваливал (топил) его, задавая все новые и новые вопросы*; *С выбором маршрута мы промахнулись*; *Вы воскрешаете меня этим известием*.

Интересны коммуникативно-просодические свойства интерпретативов, которыми они отличаются от семантически близких к ним путативных глаголов. В частности, интерпретативы могут нести главное фразовое ударение и выполнять функцию ремы высказывания. Ср. *Он ↓преувеличивает (↓ошибается), говоря, что пьеса провалилась*; *Он ↓просчитался, поехав на автобусе при невозможности (в нейтральном контексте) *Он ↓считает, что пьеса провалилась*.

Этот перечень можно было бы продолжать, но ниже мы коротко остановимся только на двух группах свойств интерпретативов — аспектуальных и синтаксических. На этом материале нагляднее всего проявляются мотивированные связи между семантикой и несобственно семантическими свойствами лексем.

4.4.1. АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА

Первая особенность прототипических интерпретационных глаголов была уже отмечена. Это — внутренне присущая им перфективность, из-за которой у них отсутствует актуально-длительное, а иногда и другие процессные значения формы НЕСОВ НАСТ. Вследствие этого формы НЕСОВ и СОВ многих интерпретацион-

⁹⁴ В этом отношении интерпретационные глаголы похожи на глаголы некоторых физических, ментальных и речевых актов в следующих трех значениях формы НЕСОВ НАСТ:

ных глаголов семантически сближаются друг с другом⁹⁴. Ср. *Вы клеветеете на него* ≈ *Вы оклеветали его*, *Вы лжете* ≈ *Вы солгали*, *Вы преувеличиваете мои заслуги* ≈ *Вы преувеличили мои заслуги*. Ср. также следующий пример: *Антонина Александровна ошибалась, говоря, что Николай Николаевич на даче. Он вернулся в день приезда племянника и был в городе* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). В нем по смыслу допустима и форма СОВ ПРОШ (*Антонина Александровна ошиблась, говоря...*).

Очевидно, что между перечисленными формами НЕСОВ и СОВ сохраняются и определенные семантические различия. Формы НАСТ НЕСОВ подчеркивают либо «актуальность обобщения в момент речи» [Гловинская 1989: 114], либо актуальность в момент речи того конкретного действия, которое является предметом интерпретации. Первое имеет место при употреблении формы НЕСОВ НАСТ в узуальном или многократном значении (ср. *Он постоянно нас подводит*), а второе — при ее референции к моменту речи (*Вы опять нас подводите*). Однако присущая интерпретационному значению перфективность делает свое дело, и по крайней мере неточная синонимия форм здесь возникает.

По указанной причине от прототипических интерпретационных глаголов не образуются производные, в значение которых входит представление о длительности действия. Иными словами, у них нет делимитатива (производных на *по-* типа *поработать*, *погулять*), пердуратива (производных на *про-* типа *проработать*, *прогулять* (два часа)), завершительного «способа действия» (производных на *от-* типа *отгулять* (свой отпуск), *отсидеть* (свой срок)) и терминативного «способа действия» (производных на *до-* типа *догулять* (свой отпуск), *досидеть* (свой срок)).

Соответственно интерпретативы не сочетаются с наречиями длительности типа *долго*, *недолго*.

Перфективность лексического значения интерпретационных глаголов объясняет и тот факт, что в форме НЕСОВ многие из них предрасположены к употреблению в общефактическом результативном и многократном значениях. Ср. *Я тогда ошибался*, *Он нас ни разу не подводил*. Соответственно они свободно сочетаются с наречиями кратности типа *часто*, *редко*, *иногда*, *всегда*; ср. *Он часто (всегда) нас подводит*.

Отметим еще, что в форме НЕСОВ НАСТ они неспособны употребляться в профетическом и потенциальном значениях НЕСОВ. Объясняется это, по-видимому, тем, что такое употребление невозможно для вершинного компонента ассерции, а именно, глагола *считать* (ср. начало ассертивной части толкования — ‘говорящий считает, что, сделав Р, X нарушил норму...’).

а) в значении «настоящего эмоциональной актуализации» [Бондарко 1971: 150 и сл.], ср. *Родного отца не замечает!* (≈ ‘не заметил’); б) в «экспозиционном значении» [Galton 1976: 17], ср. *Пушкин изображает мелкопоместное дворянство* (≈ ‘изобразил’); в) в значении «непосредственно предшествующего действия» [Гловинская 1989: 112], ср. *Нас приглашают к столу* (≈ ‘пригласили’). Подробнее об этом сходстве см. цитированную работу М. Я. Гловинской.

Из аспектуальных значений формы СОВ они обычно выбирают ее основное значение, т. е. результативное конкретно-фактическое. Некоторые частно-видовые значения формы СОВ, например, потенциальное и наглядно-примерное, для них нехарактерны.

4.4.2. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

Наиболее ярким синтаксическим свойством интерпретационных глаголов являются необычные, а иногда и уникальные способы выражения валентности Р. Таковы: а) форма ДЕЕПР глагола со значением конкретного действия или состояния, ср. *Он обманывается, думая, что жена его любит; Он просчитался, поехав на автобусе; Вы преувеличиваете, говоря, что пьеса провалилась*; б) придаточные предложения, вводимые союзами *если* или *когда*, ср. *Вы ошибаетесь, если рассчитываете на его поддержку; Вы преувеличиваете, когда говорите, что пьеса провалилась*; в) сочинительные цепочки, образующие разъяснительную конструкцию, подчиненную данному интерпретативу; ср. *Девушка мешала ему вести машину — без умолку тараторила, вертелась, хватала за руку*; г) псевдосочинительные цепочки вида *Р и тем самым R*, ср. *Он опоздал и тем самым всех подвел*; д) псевдосочинительные цепочки вида *R и стал Р*, ср. *Он совсем распоясался и стал приставать к женщинам*; е) разговорные конструкции с анафорическими синтаксическими местоимениями типа *это, тут, отсылающими к конкретному действию Р*, ср. *Это ты погорячился, Тут ты оплошал*.

Обратим внимание на то обстоятельство, что в контексте интерпретатива ни форма ДЕЕПР, ни *если*- и *когда*-предложения не выражают обычно присущих им значений одновременности, условия, времени и т. п. Например, в предложении типа *Вы ошибаетесь, если рассчитываете на его поддержку* ожидание поддержки, конечно, не рассматривается как условие ошибки. Когда такие элементы реализуют валентности предикатного слова, происходит, как всегда при управлении, их частичная десемантизация. Именно этим объясняется тот факт, все три конструкции оказываются трансформируемыми друг в друга. Ср. *Вы ошибаетесь, если рассчитываете на его поддержку* = *Вы ошибаетесь, рассчитывая на его поддержку*, *Вы преувеличиваете, когда говорите, что пьеса провалилась* = *Вы преувеличиваете, говоря, что пьеса провалилась*.

Интересным синтаксическим свойством интерпретативов является неспособность употребляться во вводной конструкции; ср. неправомерность **Пьеса провалилась, ошибался (заблуждался) он, исключительно из-за плохой режиссуры*. Этим, кстати, они отличаются от семантически близкого к ним класса путативных глаголов, для которых вводная функция весьма характерна. Ср. *Пьеса провалилась, считал (думал) он, исключительно из-за плохой режиссуры*.

4.5. ПЕРЕХОДНЫЕ СЛУЧАИ

Все сказанное выше относится к прототипическим интерпретативам. Следует, однако, иметь в виду, что семантическое пространство языка непрерывно и что по-

этому реальный языковой материал структурирован менее четко или, может быть, более сложно, чем это предполагается данным выше описанием. На самом деле во многих случаях приходится говорить не об интерпретационных и неинтерпретационных глаголах, а о доле интерпретационности в значении конкретного глагола.

Так обстоит дело, например, в парах близких по смыслу или синонимичных лексем *выручать* — *помогать*, *выгораживать* — *защищать*, *карать* — *наказывать*. В силу своей большей интенциональности *выручать*, *выгораживать* и *карать* — более интерпретационные глаголы, чем *помогать*, *защищать* и *наказывать*. *Помогать*, *защищать* и *наказывать* легко ассоциируются с какими-то конкретными наблюдаемыми физическими действиями и поэтому свободно употребляются в актуально-длительном значении. Ср. *Посмотри, дети помогают матери накрывать на стол* (*защищают хромого вороненка от собаки*). *Наказывать* приобретает такую способность в ситуации телесных наказаний, как в следующем примере: *А учитель все бил и бил, приговаривая: «Не смей этого делать! Это грех! Ты будешь наказан!»*. Будто он не наказывал, а всего лишь бил (А. Битов, Преподаватель симметрии). Ни *выручать*, ни *карать* не допускают употребления в актуально-длительном значении, а для *выгораживать* оно явным образом затруднено.

Различия в степени интерпретационности могут объясняться не только различиями в степени физической наблюдаемости действия, как в рассмотренных выше примерах, но и различиями в степени внутренней перфективности глагола. В паре *ошибаться* — *заблуждаться* более перфективен первый глагол. Он обозначает нечто среднее между ментальным состоянием и ментальным актом. Поэтому у него есть форма СОВ и для него возможны результативные употребления в форме НЕСОВ; ср. *Он снова делает прогноз и снова ошибается*. Глагол *заблуждаться*, обозначающий чистое состояние, без всякого намека на ментальный акт, лишен формы СОВ и невозможен в результативных контекстах типа **Он снова заблуждается*. Поэтому для *ошибаться* актуально-длительное осмысление в форме НЕСОВ НАСТ совершенно исключено, а для *заблуждаться* допустимо; ср. *Вы по-прежнему (все еще) заблуждаетесь* = ‘по-прежнему (все еще) пребываете в состоянии заблуждения’.

При прочих равных условиях глагол, допускающий интерпретацию одного конкретного действия (ср. *ошибаться*, *совершать преступление*), обладает большей степенью интерпретационности по сравнению с глаголом, с помощью которого можно интерпретировать лишь какую-то сумму или последовательность действий. В этом отношении интересен глагол *баловать*.

Х балует Y-a = ‘Человек X постоянно делает различные Р, удовлетворяющие желания Y-a, разрешает Y-у делать то, что тот хочет, даже если он не должен этого делать, и не делать того, что Y не хочет, даже если он должен это делать; говорящий считает, что Р относятся к классу действий, от которых Y может стать хуже’.

Как видим, одно критическое свойство — квалификация конкретного действия как относящегося к определенному типу действий — у глагола *баловать* есть. Существенно, однако, что квалифицируется не единичное конкретное действие, а сумма действий, что делает *баловать* менее интерпретационным, чем, например, близкий к нему глагол *портить (ребенка)*. Видимо, этим объясняется отсутствие у *баловать* такого существенного для интерпретационных глаголов свойства, как способность реализовать валентность Р формой ДЕЕПР, а также то, что предикат Р образует у него не пресуппозицию, а ассерцию.

Из сказанного следует, что степень интерпретационности может измеряться объективно — количеством свойств прототипического интерпретатива, которое обнаруживается у данного глагола. Иными словами, здесь, как и в других областях лингвистики, ценность представляет не столько классификация языковых единиц сама по себе, сколько набор признаков, по которым каждая единица попадает в различные пересекающиеся классы.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ТРОЙНОЙ СТАТУС СЛОВАРЕЙ

Нашей конечной целью является создание словарей, имеющих тройной статус. Во-первых, словарь, наряду с грамматикой, рассматривается как необходимая составная часть полного научного описания языка, объектом которого является феномен владения языком. Во-вторых, тот же словарь наряду с грамматикой выступает и как самое полное практическое пособие при установке на активное овладение данным языком, потому что он сообщает о каждой лексеме все сведения, необходимые для ее правильного употребления говорящими в различных условиях общения. В-третьих, однажды созданный, такой словарь может служить идеальным эмпирическим материалом для коррекции исходной теории, потому что он дает цельное системное описание множества лексем данного языка.

Часть вторая

Понятие цели и семантика целевых слов русского языка

Введение¹

Рассматривая целевые слова русского языка, мы ставим перед собой две взаимосвязанные задачи: дать системное описание определенного класса лексики и реконструировать соответствующий фрагмент языковой картины мира.

Понятие цели — одно из самых важных понятий, необходимых для осмысления человеком своей деятельности. Это находит отражение в языке: языковая картина мира включает в себя и языковую, или наивную, телеологию — картину целеполагания.

В русском языке имеется достаточно много слов, которые можно назвать целевыми. Под целевыми словами в настоящей работе понимаются слова, имеющие непосредственное отношение к описанию самой ситуации целеполагания, то есть ситуации, когда человек *А* имеет (ставит перед собой) цель *Р*. Это:

1) существительные *цель* 2, *задача* 1, *намерение*, *умысел*, *замысел*, *задумка*, *план* 3, *проект* 3, *проект*; ср. *Аннушка забыла уже про цель своего похода и осталась на лестнице, крестясь, охая и сама с собою разговаривая* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Сам прозаик говорил, что его задача скромна: рассказать о том, как живут люди* (А. Арьев, Предисловие к повести С. Довлатова «Заповедник»); *То есть цель у них была самая скромная, намерения самые непри-*

¹ В основу настоящей работы положены описания синонимических рядов целевых слов, составленные автором для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (под общим руководством Ю. Д. Апресяна). Я благодарю членов авторского коллектива этого словаря за участие в их обсуждении. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 02-04-00306а), РФФИ (грант № 02-06-80106), гранта Президента РФ на поддержку ведущих научных школ № НШ-1576.2003.6 и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», раздел 4. 15.

тяжательные (В. Новодворская, По ту сторону отчаяния); а также назначение 2, предназначение, функция 3, миссия 1, роль 3.

2) глаголы *собираться* 2 (СОВ *собраться*), *намереваться* (≈СОВ *вознамериться*), *думать* 3 (СОВ нет), *планировать*¹ 3 (СОВ *запланировать*); и прилагательное *намерен*; ср. *Федя вылил в нору ведро воды, намереваясь утопить нахально-го кровотийцу* (В. Белов, Рассказы о всякой живности); *Для этого планировалось одновременно вести наблюдения с наших машин и с аппаратов Европейского космического агентства, запущенных по программе «Улисс»* (Уппсальский корпус); *Именно эту версию, судя по всему, намерена разрабатывать защита мэра* (ИТАР-ТАСС Экспресс, 1996, вып. 29); *Я просто хочу кое-что напомнить вам, а совсем не собираюсь поучать вас* (Б. Пастернак, Доктор Живаго);

3) предлоги *для*, *ради* и их синонимы, причем «целевые» предлоги имеют несколько близких целевых значений: собственно целевое, бенефактивное и значение предназначенности², и союзы *чтобы*, *дабы*; ср.: *работать ради заработка; работать, чтобы прокормить семью*;

4) наречия *намеренно*, *нарочно* 1, *преднамеренно*, *умышленно*, *сознательно* 2, *специально* 1, *целенаправленно* и их антонимы *невольно*, *нечаянно* 1, *случайно* 2, *ненароком*, *невзначай*, *непроизвольно*; ср. *Может быть, ребенок сердит на вас и нарочно плохо себя ведет* (Б. Спок, Ребенок и уход за ним, пер. с англ.); *И тут меня осенило: я понял, какой раны нечаянно коснулся* (С. Цвейг, Летняя новелла, пер. С. Фридлянд); *Ведь пишешь-то не только для самого себя, пишешь, чтобы читали, чтобы люди общались с тобой таким образом* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора); в том числе и очень употребительное вопросительное слово, позволяющее задать вопрос о цели: *Зачем?* Ср. *Ты зачем, бродяга, доктора укусил? А? Зачем стекло разбил? А?* (М. Булгаков, Собачье сердце)³.

Именно слова, описывающие саму ситуацию целеполагания (постановки цели), будут здесь рассматриваться в первую очередь. Однако необходимо заметить, что идея цели не менее ярко проявляется в лексике, связанной с достижением цели. Это, например, глаголы *достигать*, *добиваться*, *реализовать*, а также целая группа существительных *результат* 1, *итог* 2, *плод* 3, *исход* 1, *продукт*, *эффект*⁴.

²Ср. 1) *для* 3, *ради* 2, *из-за* 5, *на* (+вин) 11, *в* (+вин) 8, *за* (+вин), *во имя*, *с целью*, *в целях* 'имея целью';

2) *для* 1, *ради* 1, *на* (+вин) 14, *за* (+вин) 10, *во имя*, *на благо*, *во благо*, *в пользу* 1 'имея целью сделать кому-либо что-то хорошее';

3) *для* 2.2, *на* (+вин) 11, *под* (+вин) 6, *к* 7 'имеющий такое назначение или функцию, чтобы' (*Ножницы для ногтей, ткань на платье, земля под застройку, соус к мясу*).

³Круг рассматриваемых слов, таким образом, гораздо уже, чем в работе А. К. Жолковского «Лексика целесообразной деятельности» [Жолковский 1964]. (В ней определяются около 150 единиц, в том числе такие, как *помогать* и *щадить*).

⁴См. синонимический ряд РЕЗУЛЬТАТ 1, ИТОГ 2, ПЛОД 3, ИСХОД 1, написанные автором совместно с О. Ю. Богуславской в [Апресян и др. 2003], а также работы [Богуславская, Левонтина 2001], [Богуславская, Левонтина 2002] и [Богуславская, Левонтина 2004].

При этом лексика целеполагания и лексика достижения цели составляют лишь небольшую часть языковых выражений, включающих идею цели. 'Цель' — один из системообразующих смыслов, который входит в значение огромного числа языковых единиц. Так, очевидно, что смысл 'цель' входит в значение таких существительных, как *заговор, интрига, маскировка, камуфляж, инсинуация* и т. п., таких глаголов, как *бороться, командировать, послать, вербовать, сгруппироваться, мобилизоваться* и т. п., таких прилагательных, как *целеустремленный, эффективный, действенный, бесплодный* и т. п., таких наречий, как *наперекор, назло, в отместку* и т. п. Есть целые лексикографические типы, особенно среди глаголов, для которым признак 'отсутствие цели' является конституирующим; ср. *бродить, слоняться, шататься* и т. п. (см. о таких глаголах в [Левонтина, Шмелев 1999]). Наконец, идея цели выражается синтаксически (см. [Степанюк 1976], в частности при помощи целевого инфинитива; ср. *командировали на завод договориться о поставках, пошел купить хлеба* и т. п. Ср. также необычный авторский пример из поэтического языка В. Маяковского: *Люди выходили красивое надевать*).

Понятие цели и его выражение в языке подробно обсуждалось в лингвистике; см. об этом [Grochowski 1980; Левонтина 1996a]. В настоящей работе берется за основу интерпретация понятия цели, принятая в Московской семантической школе. В 1964 г. было сформулировано известное толкование А. К. Жолковского «*P* — цель лица *A*, если *A* считает (=исходит из того), что есть один или несколько «путей» (=способов) к *P*, полностью состоящих из тех предметов и действий (=ресурсов), которые зависят от (=которыми располагает) *A*; если один из них (=план) *A* предпочитает остальным и если *A* предпочитает расстаться с составляющими его ресурсами, нежели не достичь *P*; к этому добавляется формулировка принципов целесообразного поведения [Жолковский 1964: 69]. Следом за ним Ю. Д. Апресян предложил семантически более прозрачную формулировку: «цель — это то, что некто хочет (содержание чьего-л. желания) и считает, что может каузировать (результат каузации) с помощью имеющихся в его распоряжении ресурсов» [Апресян 1974: 129].

Можно согласиться с З. Тополинской [Topolińska 1977: 195], которая интерпретирует 'цель' как трехаргументный предикат, который предполагает 1) агенса (*X*), 2) его действие (*A*) и 3) ситуацию (*B*), которую *X* каузирует при помощи *A*.

Мы исходим из следующего толкования цели: *P* — цель 2 *A* = 'человек *A* хочет, чтобы имела место ситуация *P*, считает, что действия *Q*, которые он может совершить, будут причиной ее возникновения, и готов совершить или совершает эти действия'⁵.

⁵ Как видно из толкований, 'цель' — сложный смысл, включающий четыре фундаментальных компонента, которые признаются (с разной степенью единодушия) семантически-ми примитивами: 'хотеть', 'считать', 'причина/потому что' и 'мочь'. Однако этот смысл обладает следующей особенностью. Хотя он и разложим на семантические компоненты, но

Как уже было сказано, ситуация целеполагания описывается словами разных частей речи. Разумеется, разные части речи описывают целеполагание несколько по-разному. Рассмотрим, например, слова *цель* и *зачем*. Фрагмент действительности, который можно поставить им в соответствие, в точности один и тот же. Однако, даже если отвлечься от смысла 'вопросительность', между ними есть существенное различие.

Три семантические валентности по-разному представлены в двух указанных словах. В слове *зачем* содержится идея связи, прежде всего между действием⁶ и той ситуацией, которая каузируется с его помощью, субъект же здесь на втором плане. Невозможно, задавая вопрос *Зачем?*, подразумевать только ситуацию, которую субъект хочет каузировать, не имея при этом в виду некоторого действия, которое он совершает.

Слово *цель* высвечивает в первую очередь связь между субъектом и той ситуацией, которую он хочет каузировать. *Цель* — прежде всего принадлежность субъекта; ср. *Какова твоя цель?* Конечно, это слово возможно и в контекстах типа *Какова цель этих действий?*, где позиция субъекта метонимически замещается именем действия. В этом случае оно сближается с *зачем*; ср. *Зачем это делается?* Однако для слова *цель* возможны и употребления, в которых вообще не подразумеваются какие-либо конкретные действия субъекта; ср. *Демократические силы будут группироваться вокруг очевидной цели спасти те остатки свободы и надежды, которые у нас есть* («Сегодня», 31. 12. 94); *Потом мы посылно участвовали в ренессансе, а в 70-х годах дожили до общества потерянных целей* (Л. Я. Гинзбург, Записи). О *целях* можно говорить уже тогда, когда субъект еще не знает, какие действия он будет совершать. В этой ситуации никак нельзя использовать слово *зачем*.

Конечно, это различие в значительной степени обусловлено спецификой частей речи. Наречия обычно обозначают характеристики действий (ср. *нарочно, нечаянно*), а глаголы — процессы или состояния (ср. *собираться, намереваться* и т. п.). Однако и слова одной части речи могут различаться с точки зрения того, на сущности какого рода они указывают. Приведем только один пример. Некоторые, даже уникальные, особенности отдельных слов играют важную роль в языковой картине мира. Например, яркая особенность слова *собираться* состоит в следующем. Хотя этот глагол, как и его синонимы (*намереваться* и т. п.), указывает прежде всего на то состояние, в котором находится человек после того, как он принял

сочетание их в такой комбинации настолько часто встречается в языке и имеет настолько принципиальное значение, что можно говорить о своего рода смысловом блоке 'хочу — считаю, что могу — сделаю', компоненты в котором спаяны воедино. Это представление о мыслительно-волевом сплаве придает своеобразную окраску многим целевым словам. Повидимому, именно это обстоятельство дает Анне А. Зализняк основание видеть в их значении некоторый «неанализируемый остаток», который предлагается считать «семантически элементарным» [Зализняк Анна А. 1992: 139].

⁶ Здесь и в некоторых других местах, говоря для краткости «действие», мы подразумеваем «действие или деятельность».

решение, определил свои будущие действия, но в нем достаточно сильна и идея действия или деятельности (отчасти это обусловлено связью с другими значениями *собираться*). Ср. *Распустив волосы, я долго сидела на постели, все собираясь что-то решить, потом закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула* (И. Бунин, Заря всю ночь). Ср. также *Хорошо, что ты позвонила, а то я уже целый час лежу и собираюсь встать* (об этом тесте на наличие элемента процессности в значении стативов см. [Апресян 1993]). В тех контекстах, в которых идея процесса выходит на первый план, *собираться* не заменяется на другие синонимы; ср. не-правильное **Лежу и намереваюсь <намерен> встать*. Там же, где на первом плане идея состояния, *собираться* сближается с ними.

В связи с этим СОВ *собратся* имеет два понимания. В первом случае *собрался* значит 'раньше не собирался, а начиная с какого-то момента собирается'; ср. *Собрался спросить чашку чая, раскрыл рот — и умер!* (Л. Я. Гинзбург, Мысль, описавшая круг). *На другое утро проснулся он на Киевском вокзале (не в Западную ли Украину ехать собрался?) — и тут вскоре его взяли* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). В подобных контекстах формы НЕСОВ и СОВ часто могут быть полностью или частично взаимозаменяемыми; ср. *А я как раз собирался <собрался> вам звонить!*

При втором понимании *собрался* значит 'долго собирался сделать что-л. и наконец сделал'; ср. *Извините, что только сейчас собрался вам позвонить, был очень занят*. В контексте отрицания возможно только это понимание: *не собрался* не может (кроме полемических контекстов) значить 'раньше не собирался и теперь не собираюсь', а может значить только 'собирался, но не сделал'. Ср. *Потом она накрыла его изношенными простынями — Уно так и не собрался купить новые* (А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом). Ср. также *Никак не соберусь пришить пуговицу — уже неделю собираюсь*.

Возможность представления переживания намерения как процесса или деятельности — очень характерная черта именно русской языковой картины мира; см. подробнее о том круге явлений, в который вписывается эта особенность, [Зализняк Анна, Левонтина 1995].

ГЛАВА 1. НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ МЕЖДУ ЦЕЛЕВЫМИ СЛОВАМИ

При описании целевых слов существенны два типа семантических признаков, по которым противопоставлены слова внутри различных групп (синонимических рядов). Некоторые из таких противопоставлений носят очень общий характер и не специфичны для целевых слов. Это, например, такие признаки, как «характер и масштаб ситуации», «оценка» и т. п. Однако можно выделить и несколько признаков, которые определяются именно структурой ситуации целеполагания и поэтому характерны исключительно или почти исключительно для данной группы слов. Во-первых, это целая группа противопоставлений, связанных с тем, что целепола-

гание предполагает участие, с одной стороны, воли, а с другой — мысли. Во-вторых, это противопоставление цели, непосредственно достигаемой совершением данного действия и цели, на пути к которой данное действие является лишь частью пути. В-третьих, это противопоставления, связанные с активностью субъекта. В-четвертых, это противопоставления по типу субъекта. Здесь надо оговориться, что вообще тип субъекта — это один их наиболее часто встречающихся семантических признаков, релевантный для многих групп слов. Однако субъект целеполагания — это специфическая разновидность субъекта, и в силу этого данный признак также очень показателен. И, наконец, в-пятых, это противопоставления, связанные с соотношением объективного и субъективного в семантике целевых слов.

1.1. МЫСЛЬ И ВОЛЯ

В толковании смысла 'цель', из которого мы исходим, присутствуют компоненты 'хотеть' и 'считать', сочетание которых составляет основу идеи целеполагания. В толковании практически любого из целевых слов также естественным образом будут присутствовать, с одной стороны, элементы типа 'человек хочет, чтобы какая-то ситуация начала иметь место', 'человек предпочитает данную ситуацию другим', 'человек предпочитает расстаться с имеющимися в его распоряжении ресурсами' и т. п. и, с другой стороны, элементы типа 'человек считает, что может (располагает достаточными ресурсами, чтобы) каузировать данную ситуацию', 'человек предполагает, что данную ситуацию можно каузировать', 'человек считает, что знает, как можно каузировать данную ситуацию' и т. п. Иными словами, специфика всей области целеполагания состоит в том, что она лежит на пересечении сфер воли (желания) и мысли.

Однако разные целевые слова подразумевают различную роль этих сил в побуждении человека к действию. Возможные конфигурации, в которых воля сцеплена с мыслью, а также особенности представления обеих составляющих, определяют смысловые различия между многими сходными по смыслу словами.

Эти слова отличаются друг от друга, во первых, просто с точки зрения того, что находится на первом плане — воля или мысль. Во-вторых, они различаются, так сказать, качеством воли: оно разное, с одной стороны, при принятии добровольных и вынужденных решений и, с другой, — при принятии решений разной степени твердости и окончательности. В-третьих, качество мысли может быть также разным: от самой общей приблизительной оценки достижимости желаемого до детально разработанного сценария его достижения.

1.1.1. СООТНОШЕНИЕ ВОЛИ И МЫСЛИ

Рассмотрим с этой точки зрения ряд синонимов *намерение, замысел, задумка, умысел, план, проект, прожект*. Он устроен следующим образом: наиболее контрастно противопоставлены слова *намерение* и *проект*, а остальные занимают про-

межуточное положение, несколько отличаясь при этом друг от друга. Наибольшим равновесием между волей и мыслью характеризуется, пожалуй, слово *замысел*.

Намерение связано в основном с волей. Это прежде всего предваряющий действие волевой импульс, внутренняя установка на совершение действия, которая побуждает человека физически и психически подготовиться к нему и мобилизовать необходимые ресурсы. Фраза *Вам ясны его намерения?* (о человеке, который ведет себя непонятным образом) содержит скорее вопрос о том, что он сделает в следующий момент, чем о том, что он думает.

С другой стороны, *намерение* — это не чистая воля. Оно предполагает взвешивание человеком своих возможностей, т. е. включает идею обдумывания и представление о вероятном результате; ср. *с заранее обдуманном намерением*. Поэтому высказывания типа *Каковы его намерения?* могут пониматься двояко: как вопрос о том, какие действия он собирается совершить, и как вопрос о конечной цели этих действий. Ср. *Я не имел намерения вас обидеть; Я так и хотел написать что-то вроде сказки про Иванушку-дурачка на войне. Но когда я послушал, какую злобную чушь говорили о моих намерениях секретари Союза писателей, я поневоле перешел от добродушной иронии к острой сатире* («Столица», № 3, 1991).

Напротив того, в *проекте*, в отличие от *намерения*, *замысла* и даже *плана*, вообще отсутствует идея принятия решения. *Проект* — это умственная конструкция, описывающая, как можно было бы нечто осуществить. Он ориентирован в будущее, но степень его предназначенности для реального воплощения минимальна, пока кем-л. не принято решение его воплотить. Ср. *В романе нобелевского лауреата Сола Беллоу (...) есть персонаж, который предлагает фантастический проект колонизации луны* (П. Вайль, А. Генис, Американа).

1.1.2. КАЧЕСТВО ВОЛИ: ДОБРОВОЛЬНОСТЬ / ВЫНУЖДЕННОСТЬ

В жизни совершенно не одно и то же, решает человек сделать что-либо, потому что ему нравится предполагаемый результат, или же он соглашается сделать это, потому что не видит другого выхода. Применительно ко второму случаю можно употребить не все слова со значением желания, или они употребляются с оговорками.

Сам глагол *хотеть* I имеет круг употреблений, в котором он указывает на квазижелание; ср. *Я хочу завтра пойти к зубному врачу*; см. [Апресян 1996]. *Хотеть* в этом случае нельзя заменить на *желать* или *мечтать*, но можно — на *собираться*. *Хотеть* в данном круге употреблений не сочетается со словами типа *очень*, указывающими на степень, т. к. обозначает не чистое желание, а скорее намерение. Такое понимание *хотеть* невозможно, если глагол управляет падежной формой. *Хотеть* в этом случае предполагает, что человек, хотя и не испытывает желания совершить данное действие, но сам делает свой индивидуальный выбор в его пользу и сам отвечает за последствия этого выбора.

Чрезвычайно ярко различие между возможными волевыми установками человека проявляется в наречиях типа *намеренно*, *нарочно*, *сознательно*, *добровольно*

и т. п. Особенно же подробно разработана в русском языке антонимичная группа наречий, указывающих на то, что нечто было сделано человеком не потому, что он хотел и собирался это сделать.

Для слов ряда *невольно, нечаянно 1, случайно 2*, устар. *ненароком*, устар. разг. *невзначай*, книжн. *непроизвольно* причиной незапланированного действия является то, что человек не полностью контролировал свои действия. К этому ряду примыкает группа слов, которые указывают на другую причину подобных действий: человек оказывается в ситуации, когда какая-то внешняя сила (воля другого человека или «воля» обстоятельств) побуждает его совершить действие, грозя в случае невыполнения неприятными последствиями. Убедившись, что сопротивление невозможно, а последствия отказа неприемлемы, человек принимает решение совершить действие, которое от него требуется. Здесь речь идет уже не об отсутствии контроля, а об отсутствии *добровольности*.

Ситуацию отсутствия добровольности язык отличает от ситуации отсутствия контроля. Ср., например, выражения *против воли* и *помимо воли*: *Он признался против (своей) воли* означает, что он сопротивлялся, отказывался, но его заставили принять решение признаться и он сделал это (противоположный смысл в этом случае надо выразить фразой *Он признался добровольно*). *Он признался помимо воли* означает, что он случайно проговорился, не проконтролировал свою речевую деятельность (противоположный смысл передается словами типа *намеренно, сознательно* и т. п.).

Смысл 'отсутствие добровольности' выражается в русском языке следующими группами наречий и наречных выражений: 1) *против (своей) воли, не по своей воле*; 2) *вынужденно*; 3) *поневоле, волей-неволей*.

Выражения *против воли* и *не по своей воле* в прототипических употреблении указывают на то, что человека заставляют поступать определенным образом другие люди, а сам он этого не хочет. Ср. *Он скорчил гримасу и пожал плечами, показывая, что действует против своей воли* (М. Пьюзо, Крестный отец, пер. с англ.); *И напрасно, напрасно жена стучалась во все двери, искала справедливости {...} нет вины за ней, не по своей воле она, девчонка, два года заживо умира-ла в городке, внезапно занятом врагом* (Ф. Абрамов, Слоны голубоглазый). Высказывание *Солдаты воюют не по своей воле* не может пониматься как указание на то, что их заставляют так действовать тактическая необходимость, воинский долг или (если речь идет о наемниках) нужда в деньгах. Оно должно пониматься в том смысле, что их заставляют начальники. Говоря, что человек сделал что-то плохое *не по своей воле (против воли)*, мы снимаем с него часть вины.

Наречие *вынужденно* обычно указывает не на то, что человека кто-то заставляет поступить определенным образом, а на то, что его вынуждают к этому *обстоятельства*. Ср. *Две ихуны пограничникам удалось обнаружить и в целях пресечения нарушения экипажу корабля вынужденно пришлось открыть предупредительный огонь из бортового оружия* (ИТАР-ТАСС Экспресс, 1996, вып. 29); *В результате предприятие вынужденно идет на уловки, смазывая при этом и*

для себя объективную картину производства (Уппсальский корпус); *Сейчас она полжизни отдала бы за то, чтобы оба они не были так хаотически свободны, а вынужденно подчинялись какому угодно строгому, но раз навсегда заведенному порядку* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *А мои поступки, даже если я совершил их вынужденно, меня обязывают* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Слова *поневоле* и *волей-неволей* в современном языке имеют значение 'н е з а в и с и м о от того, соответствует ли это желанию субъекта'. Они указывают на то, что в данной ситуации человек мог повести себя только так. Часто предполагается, что этот способ поведения для человека нежелателен; ср. *Есть что-то тяжелое, удручающее в бессонной деревенской ночи. {...} И делать нечего, да и свечей жаль — поневоле приходится лечь спать* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); *Высисживала она в Оленине как можно дольше, до Покрова, а потом волей-неволей надо было перебираться на зимние квартиры* (В. Солоухин, Похороны Степаниды Ивановны). В подобных контекстах рассматриваемые слова сближаются с *вынужденно*.

Однако *поневоле* и *волей-неволей* не обязательно указывают на нежелательность; ср. *А возвращался в поселок, заходил в свой дворик, к которому волей-неволей успел прилипнуть, и смирялась душа: жить можно* (В. Распутин, Прощание с Матерой); *Вот ведь не были знакомы, а имена помним, как помнит поневоле каждое поколение имена тех вратарей и тех центрфорвардов* (А. Битов, Пушкинский дом); *Для каждого писателя появление «собрания сочинений» — то же, что для живописца — ретроспективная выставка. Тут поневоле подводятся итоги, обобщается и неизбежно пересматривается прошлое* (В. Ходасевич, Бунин. Собрание сочинений).

На роль признака добровольность / вынужденность решения в семантике целевых слов обращается внимание в работе [Труб 1993: 62]. В ней отмечено, что по этому признаку противопоставлены слова *намереваться* и *собираться*. *Намереваться* (*намерен*) предполагает невынужденность решения, в то время как для *собираться* это не обязательно. *Он намерен идти в армию* естественно сказать только о человеке, избравшем профессиональную военную карьеру. Если же речь идет о перспективе срочной службы, которая не подразумевает свободного выбора, то нужно употребить слово *собираться*.

Действительно, во всех случаях, когда совершение определенного действия диктуется заведенным порядком вещей и для принятия соответствующего решения не требуется личная инициатива человека, слова *намереваться* и *намерен* неуместны; ср. **Ты уже на пятом курсе — значит, намереваешься (намерен) защищать диплом?* Ср. нормальное *Значит, собираешься защищать диплом?*

Аналогичное противопоставление можно усмотреть между словами *нарочно*, *преднамеренно*, *умышленно*, *специально*, с одной стороны, и *сознательно* — с другой. Только последнее возможно в контекстах, описывающих вынужденные действия человека; ср. *Я сознательно иду на эту сделку: хотя мне это претит, но другого выхода нет. Неправильно *Я (пред)намеренно иду на эту сделку...*

1.1.3. КАЧЕСТВО ВОЛИ: СТЕПЕНЬ ТВЕРДОСТИ НАМЕРЕНИЯ

Огрубленно можно сказать, что, желая осуществить что-либо, человек сначала приблизительно оценивает свои возможности, потом принимает решение, а потом ищет пути его реализации. Однако обычно путь к достижению желаемого более сложен. Человек может принять предварительное решение, потом обдумать способы его реализации, потом вернуться к уже принятому решению и еще раз взвесить все «за» и «против». В результате он может укрепиться в своем решении или, наоборот, усомниться в его правильности. За этим следует дальнейшее обдумывание путей и средств и т. д. Поэтому состояние недоопределившегося намерения, которое может сопровождаться даже и очень высокой степенью продуманности деталей плана, вполне типично.

Естественно, что у целевых слов имеется семантическое противопоставление по степени определенности намерения. Наиболее ярко оно проявляется у слов ряда *собираться*, *намереваться* и т. п. Полярно противопоставлены по этому признаку слова *намереваться* и *намерен*, с одной стороны, и *думать* — с другой.

Характерная особенность слов *намереваться* и *намерен* состоит в том, что они указывают на высокую степень определенности намерения, окончательности принятого решения. Эти слова не произносятся с интонацией неуверенности [ср. Апресян, в печати]. Ср. также следующие странные контексты. — *Ты поедешь в экспедицию?* — **Намерен поехать, но точно еще не решил* (**Пока намереваюсь*). При этом естественно *Пока собираюсь* и т. п.

По этой причине неправильны фразы типа **Я даже не ↓намеревался (и не ↓намерен) идти на эту работу* [ср. нормальное *Я даже не собираюсь...*]. В таких случаях отрицается наличие малейшего намека на намерение, поэтому невозможны слова, указывающие на его твердость.

Напротив того, *думать* указывает на то, что решение не является окончательным и человек продолжает взвешивать все «за» и «против» с тем, чтобы, возможно, его изменить. Ср. *Думаю поехать туда, но не знаю, получится ли (стоит ли)*. Скорее всего, человек еще только обдумывает действие и не начал его подготавливать. Поэтому *думать* не используется в обычных отрицательных предложениях; ср. неправильное **Я не думаю идти в булочную*. И напротив, для *думать* очень характерно употребление с отрицанием в контексте частиц типа *даже*; ср. *Я даже не думаю (и не думаю) туда ехать!* [т. е. намерение полностью отсутствует].

Неверно было бы считать, что определенность намерения как-то связана с добровольностью. Например, глагол *думать* предполагает неокончателность при сугубой добровольности; *намереваться* — добровольность и окончательность. *Собираться* же не требует ни того, ни другого. Не зависит этот признак и от того, мысль или воля находятся на первом плане. Так, на неокончателность указывает не только слово *думать*, но и слово *хотеть* в том круге употреблений, в котором оно указывает на намерение; при этом очевидно, что если в первом слове акцент делается на мысли, то во втором — на воле.

1.1.4. СОДЕРЖАНИЕ МЫСЛИ

Семантика цели такова, что целевые слова проспективно ориентированы. Все они в той или иной форме задают программу будущих событий. Это может быть сделано двумя принципиально разными способами.

Во-первых — путем указания на конечную точку движения, итоговую ситуацию. Так устроено, например, само слово *цель*; ср. *стремиться к цели, достигнуть цели* (о связи цели с идеей конца пути см. [Арутюнова 1992]). Это в данном случае связано и с внутренней формой: в современном употреблении по-прежнему сохраняется образ цели как мишени.

Во-вторых, будущие события могут быть заданы при помощи указания пути к итоговой ситуации (сценария). Например, близкое по смыслу к слову *цель* слово *задача* подразумевает скорее совокупность необходимых действий, *задача* предполагает указание на способ достижения желаемого, основные вехи и т. п.

Рассмотрим признак ‘степень детализации’ на примере уже обсуждавшегося выше ряда *намерение, замысел* и т. п. Процесс обдумывания в случае *намерения* носит самый общий характер, без детализации путей осуществления желаемого. Не случайно *намерение* не может присоединять к себе придаточное предложение с вопросительными словами; ср. невозможность **намерение, как (когда) это сделать*. По той же причине *намерение* оценивается с точки зрения того, какова цель, (добрые (благие) намерения, дурные (недостойные) намерения), но обычно не с точки зрения способов ее достижения (**хитрые (сложные) намерения*).

В слове *умысел*, которое указывает на некую замаскированную цель, на первом плане само ее наличие, а не то, какова именно тайная мысль. Содержание *умысла* обычно не раскрывается в высказывании. Это слово наиболее свободно употребляется в контекстах типа *У нее был (какой-то) умысел, сделать что-л. с умыслом (не без умысла)*. Невозможно **Она это сказала с умыслом обидеть*. С одинаковым успехом можно сказать *сделать что-л. с намерением* или *с умыслом*, но только *сделать что-л. с определенным намерением*, а не **с определенным умыслом*.

Слово *замысел* предполагает наличие целостной концепции, достаточно сложной мысли. Подобно *мысли*, *замысел* может быть *интересным, увлекательным, оригинальным, сложным* и т. п. Поэтому *обдумать замысел* — не то же, что *обдумать намерение*. Это значит не только принять взвешенное решение, но и представить в общих чертах, как оно будет осуществляться: {...} *Под клобуком свой замысел отважный / Обдумал я. Готовил миру чудо. / И наконец из келии бежал {...}* (А. С. Пушкин, Борис Годунов).

При этом в *замысле* очень сильна идея начала творческого процесса, его первого этапа, когда налицо лишь самое общее представление о задуманном, некая генеральная идея. Чем более продвинута детальная разработка задуманного, тем менее применимо слово *замысел*. Поэтому нельзя сказать **подробный замысел*, а когда говорят *детально разработанный (доведенный до совершенства) замысел*, то имеют в виду скорее то, что все учтено, чем то, что все подробно расписано, дан точный

конспект или сценарий. По этой же причине затруднена конструкция с придаточным предложением типа *замысел, как (управлять термоядерным синтезом)*.

План — это итог размышлений о будущем, определяющий выбор и последовательность действий на основе целей и предпочтений, которые имеет субъект. Ср. правильное сочетание *выработать план* при невозможном **выработать замысел*.

Замысел побега значит, что человек решил бежать и придумал как. *План побега* значит, что человек придумал, как осуществить свою цель, которая была ему ясна и раньше. Поэтому при невозможном **замысел спасения* нормально *план спасения*. Кроме того, в *плане*, в отличие от *замысла*, главное — не генеральная идея, а последовательность точно названных этапов осуществления, начинающихся в определенный момент. Ср. *план действий* при невозможном **замысел действий*. Идея последовательности в *плане* настолько сильна, что, в отличие от остальных синонимов, он может указывать на перечень никак не связанных между собой, а только упорядоченных во времени действий: *План у меня такой: сейчас иду в поликлинику, потом в магазин, а потом за ребенком в детский сад*. Остальные синонимы, если и возможны здесь, то только в форме МН.

Планы отличаются не только от *замыслов*, но и от *намерений*. Содержанием *плана*, в отличие от *намерения*, должна быть последовательность действий или четко выделяемых этапов деятельности, даже если эта деятельность чисто бытовая, не требующая особых интеллектуальных усилий. Поэтому при нормальном *плане* *убрать квартиру* невозможно **план закрыть окно*, если только это не сопряжено со специальными обстоятельствами, превращающими закрытие окна в сложное мероприятие. При этом речь должна идти именно о действиях субъекта, а не о воздержании от действий, т. к. воздержание от действий не может иметь последовательных этапов осуществления. Поэтому нельзя сказать **план не поддаваться больше на уловки (не реагировать на нападки, сохранять спокойствие)*, хотя *намерение* в такого рода контекстах возможно.

Проект должен содержать перечень технических средств, ведущих к достижению какой-л. цели. В отличие от *плана*, который может ограничиваться описанием последовательности предполагаемых действий, *проект* должен обязательно содержать формулировку задачи. С другой стороны, если *план* обычно содержит указание на время начала осуществления задуманного, для *проекта* не характерна связь с каким-л. моментом; это не принципиальная программа, а техническая схема (ср. *рабочий проект*).

Масштаб *проекта* обычно достаточно большой, предполагающий некоторый размах (ср. типичные сочетания *грандиозный, фантастический, умопомрачительный проект*) и достаточную степень сложности. *Проект двухъярусного моста через реку* гораздо лучше, чем *проект деревянного моста через ручей*. Невозможно **проект уборки квартиры* при возможном, хотя и несколько смещенном *проект размена квартиры*. В последнем случае размен квартиры рассматривается не как бытовое дело, а как сложное мероприятие, требующее умения мыслить конструктивно.

При обсуждении слов данного ряда упоминалась их способность или неспособность управлять придаточным предложением с вопросительными словами (строго говоря, во всех случаях подразумевалось почти исключительно слово *как*). Поскольку это синтаксическое свойство имеет принципиальное значение для семантики, остановимся подробнее на модели управления рассмотренных слов, точнее на том, как при некоторых из них заполняется валентность содержания.

Слово *план* управляет формой РОД (обычно от имен действий), ИНФ и придаточным предложением с местоимением *как* + ИНФ в значении содержания (последнее — обычно в контексте глаголов *иметься*, *предложить*, *придумать*, *разработать* и др.): *Его план побега из-под стражи был дерзким до безумия; Его план открыть собственное дело оказался невыполнимым; У меня есть план, как бежать отсюда.*

При этом разным способом заполнения валентности слова *план* соответствуют слегка отличающиеся друг от друга смыслы. Наиболее нейтральным является первый способ, т. е. форма РОД. При инфинитивном зависимом субъект сам совершает действие; в этом случае акцентируется желание, готовность субъекта совершить нечто, и тем самым *план* сближается с *намерением*; ср. *У меня есть план отремонтировать квартиру.* При заполнении валентности придаточным предложением не имеет значения, кто совершает действие; на первый план выдвигаются интеллектуальные аспекты *плана*, и он сближается с *проектом*; ср. *Я хочу предложить вам план, как отремонтировать вашу квартиру почти бесплатно.*

У слов *проект* и *прожект* валентность содержания реализуется формой РОД и ограничено — придаточным предложением. Ср. *Его проект (прожект) покупки дома под Москвой — это суший бред; Его проекты (прожекты), как разбогатеть за один год, могут только вызвать улыбку.* Слово *проект* в контексте глаголов типа *иметься* иногда присоединяет также ИНФ. В этом случае нейтрализуются его отличия от слова *план*; ср. *Но натягиваются такие факты: в голове одного подсудимого был проект взорвать паровоз совнаркомовского поезда при переезде в Москву — значит, ЦК виноват в терроре* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Итак, оказывается, что у ряда целевых слов (*план*, *проект*, *прожект*, в меньшей степени *замысел*) есть возможность управлять придаточным предложением с отдельными вопросительными словами. Это свойство различает путативность и фактивность (см. [Vendler 1972; Булыгина, Шмелев 1987, 1988; Арутюнова 1989; Булыгина, Шмелев 1989; Апресян 1993 и др.]). Действительно, в толковании смысла 'цель' присутствовал путативный смысл 'человек считает, что располагает ресурсами'. В данные же слова входит скорее фактивный смысл 'человек считает, что знает, как достичь желаемого'. Таким образом, содержание противопоставления по признаку 'степень детализации' богаче, чем просто большая или меньшая подробность сценария; оно связано еще и с нарастанием фактивности. Это противопоставление, таким образом, имеет принципиальное значение, потому что оно связывает предикаты целеполагания с ментальными предикатами, для которых противопоставление путативности и фактивности является фундаментальным.

Отметим также следующее. По мнению Ю. Д. Апресяна (устное сообщение), способность управлять именно *как*-предложениями связана не только с идеей детализации, но и со специфическим смыслом ‘представлять’. Иначе говоря, те из рассмотренных слов, которые имеют такое синтаксическое свойство, предполагают не только и, может быть, не столько более подробный сценарий осуществления задуманного, сколько более зримую, осязаемую картину предстоящих событий.

Однако противопоставление по степени детализации (или, возможно, яркости и выпуклости представления о задуманном) охватывает очень многие целевые слова, в частности те, к которым неприменимо рассмотренное синтаксическое различие. По нему различаются, например, такие близкие слова, как *предназначение* и *миссия*. *Миссия* по сравнению с *предназначением* более четко определена. Если под *предназначением* может пониматься самый общий смысл чьей-л. жизни (*творческое предназначение, поэтическое предназначение*), то *миссия* — это более четко определенный перечень заранее известных действий. Сочетания *’творческая миссия, ’поэтическая миссия* нетипичны, так как в данном случае указывается только сфера деятельности, но не перечень действий. *Миссия* в этом отношении напоминает такие слова, как *поручение, задание*, и в ослабленном смысле так и употребляется.

Ср. также различие между словами *функция* и *роль*. В *роли* степень подробности максимальна, что связано с основным значением слова *роль*. Если *функция* характеризует объект только с точки зрения его отношения к действию, то *роль* помещает в фокус внимания сам объект и предполагает даже создание некоторого образа данного объекта. Ср. следующие контексты: *Каков он в функции начальника отдела (отца семейства)?* — речь идет о должностном соответствии или выполнении семейных обязанностей. *Каков он в роли начальника отдела (отца семейства)?* — имеется в виду скорее то, каков объект в данной ипостаси, какие его свойства при этом проявляются.

В ситуациях, когда уместно не только или не столько указать на участие объекта в определенных действиях, но и представить совокупность его черт, некоторый рисунок поведения, лучше говорить *роль*: *Никак не могу представить ее себе в роли (* в функции) роковой женщины (соблазнительницы, правдоискательницы, проигравшей)*. Ср. также следующий пример: *Видимо, мне импонировала роль застенчивого супермена, которого легко обидеть* (С. Довлатов, Филиал).

1.2. ЦЕЛЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ НЕПОСРЕДСТВЕННО ДОСТИГАЕМЫЙ ИЛИ ОТДАЛЕННЫЙ

1.2.1. ХАРАКТЕР КАУЗАЦИИ ПРИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИИ

Как видно из толкования, цель — это некоторая итоговая ситуация, которую субъект хочет каузировать, предполагаемый результат его действий. Понятие каузации включает представление о том, что причинная цепочка может иметь разное количество звеньев. Иначе говоря, предполагаемый результат может непосредственно достигаться данным действием или быть его более отдаленным следствием.

Большинство целевых слов применимо к ситуациям обоего рода. И само слово *цель*, и слова *зачем* и *чтобы*, и, например, такие слова, как *собираться* и *намерение*, *намеренно* и *невольнo*, употребляются в контексте указания и на прямой, непосредственный результат действия, и на окончательный итог. Характер каузации может конкретизироваться при помощи выражений типа *в конечном счете*, *непосредственно*; ср. также сочетания *конечная* (*промежуточная*, *непосредственная*, *отдаленная*) *цель*; *Естественно, люди хотят лучше уяснить суть и назначение процессов обновления, ближние и дальние цели преобразований, определить свое отношение к ним* (Уппсальский корпус).

Тем не менее, между этими словами есть небольшие различия в рассмотренном отношении. Так, *цель* — это в целом нечто более окончательное, чем, например, *задача*. Нормально *Для достижения этой цели нужно решить ряд промежуточных задач* и невозможно **Для решения этой задачи нужно достичь ряда промежуточных целей*.

Только на отдаленную цель указывает слово *сверхзадача* (парадоксальным образом оно образовано от слова *задача*, а не *цель*). Ср. *У школы есть и сверхзадача — помочь человеку максимально раскрыть свои способности* (Уппсальский корпус); *Решая названные задачи, семантика должна вскрывать — и в этом состоит ее сверхзадача — национальное своеобразие системы значений каждого языка* (Энциклопедический словарь юного филолога).

1.2.2. НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ И ОПОСРЕДОВАННАЯ КАУЗАЦИЯ У ЦЕЛЕВЫХ ПРЕДЛОГОВ

Однако есть группа целевых слов, в которых семантическое противопоставление между непосредственной и отдаленной целью реализуется очень последовательно: это предлоги с собственно целевым и бенефактивным значением. С точки зрения того, насколько тесно связаны действие и его предполагаемый результат, целевые предлоги распределяются следующим образом: *для*, *с целью*, *на* предполагают достаточно непосредственную связь между действием и целью, *ради*, *во имя*, а также *в целях* — связь более отдаленную и опосредованную; предлог *в* (*во*) (*оставить дома в наказание*) указывает, что цель достигается самим фактом совершения действия. Из бенефактивных предлогов, указывающих на то, в интересах какого человека совершается действие, *для*, *за* подразумевают, что этим интересам соответствует непосредственный результат действия, а *ради*, *во имя* — скорее его более отдаленные последствия. Рассмотрим подробнее эти свойства предлогов.

Предлог *для* вводит указание на цель, которая воспринимается как прямая, непосредственная цель данного действия, ср. *Для чего вы это делаете?*, *Для постройки дома он пригласил плотника*. Этот предлог не всегда уместен, когда цель действия — это скорее отдаленная перспектива, ср. **Он поставил этот рискованный опыт для грядущего торжества науки*.

В бенефактивном значении, как и в собственно целевом, для употребляется в том случае, если речь идет о непосредственном результате действий субъекта, ср. *Она испекла для сына пироги*. Если же данное действие — только начало цепочки, которая в перспективе должна привести к желаемому результату, то употребление для в современном языке невозможно; ср. следующие устаревшие примеры: *Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после*, — говорил Чичиков (Н. В. Гоголь, МАС); *⟨Вера⟩ решительно не хочет, чтобы я познакомился с ее мужем (...), она вышла за него для сына* (М. Ю. Лермонтов, МАС).

По-другому в обоих значениях ведет себя *ради*. Цель, обозначаемая данным предлогом, обычно не бывает тривиальной, ср. неестественное в нейтральной ситуации *Я приготовил инструменты ради починки велосипеда*. И напротив, она часто бывает отдаленной, труднодостижимой и даже иллюзорной, ср. *Ради своей мечты он был готов пожертвовать чем угодно; Эти шедевры мысли и фантазии, в поисках которых мы в свободные минуты открываем шахматные книги и журналы, встречаются крайне редко, но именно ради них творят шахматисты* (Д. Бронштейн, Самоучитель шахматной игры). Для *ради* типичны контексты предпочтения, ср. *бросить науку ради спорта, отказаться от административной карьеры ради исследовательской работы*. В этих случаях само действие — отказ от чего-л. — не приводит непосредственно к достижению цели, а является ступенькой к ней.

Сочетаемость предлога *ради* по этой причине гораздо свободнее, чем у *для*. Поскольку он может вводить указание на весьма отдаленную, косвенную цель, он может сочетаться не только со словами, обозначающими целенаправленные действия; ср. *Глупо сидеть целый день дома ради телефонного звонка, которого может и не быть; Я не сплю ради фильма Гринуэя, который начнется в час ночи*. Кроме того, *ради* может управлять не только именами действий, но и предметными именами, которые каким-то образом намекают на содержание цели. Ср. *Она поехала на рынок ради соленых огурцов; Он работает на этом заводе ради продуктовых пайков*.

В бенефактивном значении *ради* также предполагает в целом более опосредованную связь между действием субъекта и интересами другого человека. Ср. *А мы жизнь приняли, как военный поход, мы камни ворочали ради тех, кого любили* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Поэтому этот предлог, в отличие от *для*, свободно употребляется в контекстах типа *Не стоит задерживаться (унижаться, терять время, беспокоиться, переутомляться) ради него; Она вышла замуж ради сына*. И напротив, если речь идет о действии, которое имеет тривиальную цель, то *ради* указывает на нетривиальность мотива. Так, высказывание *Я испекла пироги ради тебя* указывает, что были и другие люди, интересам которых соответствовало данное действие, однако субъекта побудило к его совершению желание угодить именно данному человеку, или же что для субъекта данное действие представляло большую трудность. Ср. *Я испекла пироги для тебя* не подразумевает ничего подобного.

Другие предлоги по данному признаку сближаются либо с *для*, либо с *ради*. Предлог *за* вводит указание на цель настолько непосредственную, что она определяет само содержание деятельности. Здесь сказывается связь с компенсаторным

за — действие как бы «обменивается» на результат. Употребление предлога *за* предполагает, что цель деятельности составляет ее единственный смысл; ср. *бороться за мяч* — значит пытаться получить мяч, *битва за урожай* — это работа по сбору урожая, его обеспечению или сохранению. Поэтому возможно употребление в контексте этого предлога других целевых обстоятельств, указывающих на более глобальную или отдаленную цель, ср. *Он боролся за победу не из-за приза, а ради славы*.

В бенефактивном значении предлог *за* также указывает на то, что данное действие соответствует непосредственным интересам другого человека. Ср. *За вас я готов умереть* — значит, готов умереть, защищая вас, тогда как *Ради вас я готов умереть* — значит, готов умереть, если эта смерть почему-либо будет для вас полезна или приятна.

Предлог *на* в контекстах, описывающих расходование каких-либо ресурсов (материала, времени и т. п.), также связан с непосредственно достигаемой целью; ср. *потратить много денег (времени, сил, краски) на ремонт, положить жизнь на доказательство теоремы Ферма*. Цель здесь предстает не как отдаленная перспектива, а как нечто, включенное в деятельность и определяющее ее характер, в этом предлог *на* сходен с *за*.

Особое место среди предлогов, вводящих указание на непосредственную цель, занимает *в*. Предлог *в* подразумевает не просто цель какого-л. действия, но цель, которая непосредственно достигается самим фактом совершения этого действия. Ср. *оставить дома в наказание, открыть огонь во исполнение приказа*. Оставить дома — это и есть само наказание, исполнение приказа — это не только цель открытия огня, но и интерпретация данного действия. Поэтому во многих сочетаниях с предлогом *в* есть оттенок значения ‘в качестве’ или ‘в порядке’, а в некоторых контекстах он преобладает над целевым, ср. *в шутку, в добавление, в довершение всего*.

Вторая группа предлогов сближается с *ради*. Предлог *во имя* и в бенефактивном, и в собственно-целевом значении в еще более явной форме, чем *ради*, содержит представление о некотором итоге, причем обычно весьма отдаленном. Ср. *Да, есть, как говорится, такое мнение, что добро должно быть с кулаками, что во имя справедливости иной раз можно проявить и жестокость, что возможна в определенных случаях ложь во имя правды* (Вл. Новиков, Писатель Владимир Высоцкий). *Раскольников вопрошал, можно ли во имя высших целей убить одно ненужное и зловердное существо* (Л. Гинзбург, Записи).

Целевой предлог *в целях*, в отличие от *с целью*, и в значительной степени от *для*, обычно не указывает на конкретную непосредственную задачу, а определяет некую глобальную перспективу, ср. *в целях все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан*.

В языке XIX в. с целевым значением использовался также предлог *в видах*. По смыслу он ближе всего к предлогу *в целях*, т. к. указывает на достаточно отдаленную и широкую перспективу. Ср. *Он это сделал в видах увеличения и округления капитала, и он действительно если не увеличил, то округлил этот капитал, спустив излишние двадцать восемь гульденов* (И. С. Тургенев, Дым). *По ее насто-*

янию были, например, проведены две или три меры, чрезвычайно рискованные и чуть ли не противозаконные, в видах усиления губернаторской власти (Ф. М. Достоевский, Бесы). (В современном языке использование предлога *в видах* возможно только для стилизации).

Противопоставление непосредственной и опосредованной каузации типично не только для слов, описывающих целеполагание, но и для слов, описывающих причинно-следственные отношения, в частности причинных предлогов. См. [Богуславская, Левонтина 2004], а также мою статью о причинных предлогах в [НОСС 2004].

1.3. ЦЕЛЬ И АКТИВНОСТЬ

Итак, о цели говорят тогда, когда человек что-то делает, потому что хочет, чтобы какое-то положение дел начало иметь место. Но в жизни едва ли не чаще встречаются случаи, когда мы не делаем чего-то, что могли бы сделать, потому что не хотим, чтобы какое-то положение дел начало иметь место. «У действия есть «пассивный» аналог, который обычно называют воздержанием. Поскольку воздержание — это интенциональная пассивность, его можно отличать от простой пассивности, недействования. Путем воздержания нельзя непосредственно что-то произвести или помешать чему-то произойти, но можно допустить изменение или оставить нечто неизменным» [Вригт 1986: 123]. И далее: «Воздержание от действия является недействием, и тем не менее оно в то же время является «образом действия и поведения». Это то, за что агент может быть ответственным» (с. 258). Ср. также понятие социального действия в социологической концепции М. Вебера, которое охватывает в том числе «невмешательство или терпеливое приятие» [Вебер 1990: 625].

Различает ли язык, а именно целевые слова, ситуации действия и воздержания от действия? Это можно установить, проанализировав, как эти слова сочетаются с глаголами под отрицанием (то есть, могут ли они или сочетания с ними замещать целевую валентность при «отрицательных формах»). Кроме того, очень показательными здесь будут контексты таких глаголов, у которых отрицание входит в их смысл. Это, например, следующие глаголы: *молчать, избегать, игнорировать, пропускать мимо ушей, воздерживаться, самоустраняться, умывать руки, попустительствовать, допускать, бездействовать* и др.

Оказывается, что целевые слова в указанном отношении сильно отличаются друг от друга. Некоторые из них связываются почти исключительно или в первую очередь с активными действиями, другие свободно употребляются в контексте не-действий⁷.

Ярким «активным» целевым словом является в русском языке вопросительное наречие *зачем*. То, что это слово не употребляется в современном языке при глаголах с отрицанием, отмечается в работе [Рахилина 1986], однако этот факт интер-

⁷ Мы предпочитаем использовать также существующий термин не-действие (ср. , напр., [Всеволодова, Ященко 1988]), так как в словах *воздержание, воздержаться* есть идея волевого усилия, которое роднит *воздержание* с действием.

претируется как чисто поверхностный, сочетаемостный запрет. Есть все же основания полагать, что невозможность фраз типа **Зачем ты не ешь <не пришел, не отвечаешь>?* мотивирована семантикой слова *зачем*. Это доказывается тем, что не менее странно выглядят фразы **Зачем ты молчишь <самоустраняешься, избегаешь полемики, уклоняешься от ответа, игнорируешь замечания>?* и т. п.

На этом основании можно предположить, что в смысл слова *зачем* входит идея, что человек предпринимает нечто, рассматриваемое как действие (а не как отсутствие противоположного действия). Можно было бы думать, что запрет на приведенные сочетания обусловлен идеей нового положения дел, которое достигается в результате, но это не так: вполне возможны высказывания типа *Зачем ты поддерживаешь порядок?* Новое положение дел здесь не достигается, но для сохранения старого человек что-то делает, а не не-делает.

Конечно, грань между действием и не-действием очень тонкая, и она носит не онтологический, а концептуальный характер. Например, для того, чтобы *уклониться* от чего-либо, иногда реально требуется гораздо больше действий, чем для того, чтобы сделать это, однако *уклонение* концептуализуется в языке как не-делание, что и проявляется в невозможности сочетания с *зачем*. И напротив, возможность фразы *Зачем ты хранишь старые фотографии?* говорит о том, что язык рассматривает *хранение* не как не-выбрасывание, а как некоторое особое действие, осуществляемое в отношении объекта.

Плохо совместимо с идеей пассивности и само слово *цель*. Ср. неправильное **В чем цель вашего молчания <бездействия, неучастия, невмешательства, попустительства>? *С какой целью ты избегаешь полемики <уклоняешься от ответа, не обращаешь внимания на замечания>?*

С другой стороны, рассмотрим целевой союз *чтобы*. Для него запрета на подобные контексты не существует; ср. нормальные фразы *Я избегаю полемики <игнорирую его шуточки>, чтобы сохранить нормальные отношения <не накалять обстановку>. Он не стал покупать обратный билет, чтобы иметь возможность вернуться в любой день*⁸. Таким образом, союз *чтобы* абсолютно безразличен к активности или пассивности субъекта.

По указанному параметру различаются некоторые синонимичные целевые слова. Сравним, например, предлоги *для* и *ради* в собственно-целевом значении. Предлог *для* связывается с представлением об активных целенаправленных действиях, он не сочетается с контекстами не-действия, воздержания от действия, в частности, он практически несовместим с глаголами под отрицанием, ср. неправильное **Для этого я не высказываю свое мнение <избегаю конфликтов>*. В отличие от *для*, *ради* свободно сочетается с контекстами не-действия, в частности, с глаголами под отрицанием; ср. *Ради этого я молчу <не говорю всей правды, избегаю стычек>*. То

⁸ Эта фраза неоднозначна. Здесь имеется в виду прагматически более естественное понимание, при котором имеется в виду, что наличие обратного билета до некоторой степени ограничивает свободу выбора.

же противопоставление сохраняется и в бенефактивном значении данных предлогов. Ср. нормальное *Я умолчал об этом только ради вас* при неправильном **Я умолчал об этом только для вас*.

Можно привести и другие целевые предлоги, противопоставленные по данному признаку, например *с целью* и *в целях*. Предлог *с целью*, подобно *для*, предполагает активность; ср. невозможное ?*Он молчит (ничего не говорит) с целью сохранения инкогнито*. А предлог *в целях* в этом отношении сближается с *ради*, поскольку не обязательно связывается с активными действиями; ср. нормальное *Решено воздержаться от наступления (не предпринимать решительных действий) в целях сохранения живой силы и техники*.

И, наконец, рассмотрим ряд близких по значению наречий: *намеренно, нарочно, умышленно, сознательно, специально, преднамеренно* и *целенаправленно*. Слово *намеренно* может характеризовать не только активные действия, но и не-действия, ср. *Я намеренно не спрашиваю вас о степени вашего родства с Иваном Эрнестовичем, но поосторожнее на этот счет. Не со всеми нараспашку* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Аналогично в этом отношении устроены слова *специально, умышленно* и *сознательно*; ср. *Я специально не останавливаюсь на этом подробно, Я умышленно обошел этот вопрос, Я сознательно не акцентирую внимание на этой проблеме*.

Для наречия *нарочно* несколько более типичны контексты, в которых речь идет об активных действиях. Однако иногда и оно встречается в контексте не-действия; ср. *Значит, меня не любят, если мне не верят, — сказала она, нарочно не глядя на Митю* (И. Бунин, Митина любовь); *Она могла бы спроворить баню быстро, дело нехитрое, но нарочно не стала торопиться* (В. Распутин, Живи и помни).

В отличие от большинства синонимов, *преднамеренно* связывается почти исключительно с активными действиями субъекта, а не с не-совершением действий, не с воздержанием от них; ср. сомнительные ?*Он преднамеренно не включил сигнализацию* ; ?*Он преднамеренно избегает открытой дискуссии*.

Что же касается наречия *целенаправленно*, то оно характеризует только активные действия; невозможно **целенаправленно избегать (не приходить)*. В этом отношении оно сближается с *преднамеренно* и наиболее контрастно противопоставлено *сознательно*.

По поводу рассмотренного семантического противопоставления можно сказать следующее. С точки зрения наивной житейской философии, человек может проявлять свою свободную волю, осуществлять индивидуальный выбор двумя способами: активно, то есть изменяя мир, или пассивно, то есть воздерживаясь от его изменения и принимая его таким, каков он есть. Можно даже сформулировать две жизненные стратегии, которыми руководствуются разные люди: одна — действовать и добиваться желаемого, другая — уклоняться и избегать нежелательного. И то и другое есть в некотором роде телеологизированное поведение, то есть поведение, определяемое ценностными предпочтениями. Однако очевидно, что пер-

вый способ воспринимается как основной, а второй — как паллиативный, ослабленный (хотя встречается в жизни по крайней мере не реже).

Это представление находит свое отражение и в языке. Оба типа поведения можно обсуждать в терминах целеполагания. Однако если к первому применимы все целевые слова, то ко второму — не все. В частности, с ним не связываются два наиболее заметных целевых слова русского языка — *зачем* и *цель*. То есть в языковой картине мира есть цель в узком смысле — цель активных действий — и цель в широком смысле, присущая любому поведению.

Слово *зачем* в языке XIX в. имело нерасчлененное причинно-целевое значение и употреблялось чаще всего для объяснения поведения человека. При этом оно не имело указанных выше сочетаемостных запретов. Ср. *Что они делают? — думал князь Андрей, глядя на них. — Зачем не бежит рыжий артиллерист, когда у него нет оружия? Зачем не колет его француз? Не успеет добежать, как француз вспомнит о ружье и заколет его* (Л. Н. Толстой, *Война и мир*); *Он видел, что ей несколько раз хотелось, и очень бы, взглянуть на него, но что она упорно крепилась и смотрела вниз. {...} Зачем вы отвернулись, зачем на меня не смотрите, к чему эта комедия? — вскричал он, не утерпев* (Ф. М. Достоевский, *Бесы*); *Зачем у него волосы не выстрижены? Гришка! Гришка! Гришка! Зачем ты не обстриг барина, как я тебе на прошлой неделе приказывала?* (Ф. М. Достоевский, *Дядюшкин сон*).

В современном языке *зачем* в контексте глаголов с отрицанием встречается в авторской речи и понимается обычно приблизительно как ‘почему’; ср. *Зачем глала ты? И зачем мой слух / уже не отличает лжи от правды, / а требует каких-то новых слов, / неведомых тебе — глухих, чужих, / но быть произнесенными могущих, / как прежде, только голосом твоим* (И. Бродский, *Элегия*). *Что случилось? Зачем я не могу, / уж целый год не знаю, не умею / слагать стихи и только немоту / тяжелую в моих губах имею?* (Б. Ахмадулина, *Другое*). Такое употребление *зачем* воспринимается как стилизованно-архаичное.

В некоторых случаях *зачем* используется в авторской речи вместо современного *почему* для того, чтобы подчеркнуть идею ответственности человека за все, что он делает и чего не делает. *Зачем* в этом случае подразумевает, что бездействие — это все равно что действие; ср. *Он думает: вот я делаю то самое, о чем говорят, глядя назад, — зачем я этого не сделал? ... не понял... не остановил...* (Л. Гинзбург, *Заблуждение воли*); *Я тебя вылечу, вылечу, — бормотала она, впиваясь мне в плечи, — ты восстановишь его. Зачем, зачем я не оставила у себя один экземпляр!* (М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*).

1.4. СУБЪЕКТ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

1.4.1. Типы СУБЪЕКТОВ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Поскольку смысл ‘цель’ включает такие компоненты, как ‘хотеть’ и ‘считать’, субъектом ситуации целеполагания в прототипическом случае является отдельный

человек, причем рассматриваемый как личность, а не просто как живое существо. Однако, как известно, очень многие слова, описывающие чувства, состояния, мнения человека, применимы, иногда с большей или меньшей долей метафоричности, и к субъектам другого рода. Наиболее типичны два вида таких субъектов: это, с одной стороны, животные (а также совсем маленькие дети), а с другой — организации, коллективы и другие общности людей.

Например, некоторые базовые эмоции, такие как *страх*, свойственны не только человеку, но и другим живым существам, поэтому о *страхе* применительно к животным говорят без всякого олицетворения. Некоторые эмоции и состояния присущи общностям людей: например, *ликовать* может толпа, *паника* тоже часто овладевает именно толпой, а не отдельным человеком. Говорить же, например, о том, что *Собака негодует* или что *Коллектив сердится*, можно лишь метафорически (об упомянутых словах, обозначающих чувства, см. [Апресян 1996]).

В этом отношении целевые слова, даже близкие по значению, отличаются друг от друга. В целом можно сказать, что те слова, в которых на первом плане предполагаемый результат, допускают более широкий круг субъектов, чем те, в которых акцент делается на индивидуальном выборе.

О чем-то подобном целеполаганию часто говорят применительно к животным, используя при этом целевые слова; однако в этом случае редуцируется идея обдумывания, взвешивания. Ср. *Птицы улетают на юг, чтобы не замерзнуть зимой*; *Муравей тащит еловую иголку для муравейника*; *Зачем медведь сосет лапу*?

Кроме того, многие целевые слова используются для описания деятельности общностей людей. Как при этом интерпретируются смыслы 'хотеть' и 'считать'? В случае, если речь идет об организациях или упорядоченных коллективах, определение коллективной воли осуществляется при помощи голосования или каких-либо других, менее демократических процедур. Тогда высказывания типа *Коллектив хочет чего-л.* можно понять как то, что так хочет большинство.

Когда же дело касается неинституционализированных общностей (таких, как толпа или население), то действительно, очень трудно понять, что может подразумеваться под их *целями*, *намерениями* и т. п. На эту проблему указывал Г. Х. фон Вригт [Вригт 1986: 162—163]. Он, в частности, писал, что невозможно понять цель демонстрации, конструируя телеологические объяснения для поведения отдельных членов толпы: здесь нужен иной уровень понимания. В этом отношении есть некоторая аналогия между коллективным действием и различными этапами деятельности. Как цель деятельности плохо складывается из целей ее этапов, так и цель демонстрации трудно извлечь из целей ее участников. Можно, по-видимому, смоделировать цель толпы, коллективную волю, как некоторую равнодействующую целей, волю членов толпы или описать ее каким-то иным образом, но важно, что это нечто глубоко отличное от цели отдельного человека. Так или иначе, наивная картина мира включает представление об общности людей как возможном субъекте целеполагания, но, конечно, несколько неканоническом, поэтому к этому случаю применима лишь часть целевых слов.

Рассмотрим несколько примеров того, как целевые слова различаются по указанному параметру. Начнем с ряда *собираться* 2, *намереваться*, *намерен*, *думать* 3 (*Когда думаешь ехать?*), *планировать*¹ 3. Субъектом намерения в случае *собираться* может быть не только отдельная личность, но и общность людей, и инстанция и т. п.; ср. *Коллектив собирается подать в суд*; *Снова поползли упорные слухи, что в декабре опять собираются вводить новый режим* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). Кроме того, *собираться* сделать что-л. может и животное; ср. *Конь с разбега сделал раскорякой несколько скачков вбок, понявшись и стал садиться на круп, собираясь стать на дыбы* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Последнее тесно связано с другой особенностью слова *собираться*: в определенном круге употреблений оно подразумевает, что человек будет осуществлять свое намерение немедленно или даже уже приступил к его осуществлению. Поскольку готовность человека совершить то или иное действие часто заметна со стороны — в его позе, выражении лица и т. п., во многих случаях, говоря о том, что кто-л. *собирается* что-то сделать, имеют в виду не столько то, о чем он думает, сколько то, как можно прогнозировать его действия. Сам субъект при этом даже не обязательно думает о своих действиях, которые могут быть вполне автоматическими или рутинными, не требующими принятия специального решения. Ср. — *Что это он делает?* — *Кажется, собирается закрыть окно*. В некоторых случаях этот глагол применяется даже к неконтролируемым действиям; ср. *Он сморщился, собираясь чихнуть*; *Младенец явно собирался заплакать*; *Она, кажется, уже собирается рожать*. Ср. при этом не вполне стандартные сочетания *собираться заболеть* (*упасть*) и т. п.

С этим отчасти и связано большее, по сравнению с синонимами, разнообразие возможных субъектов действия при *собираться*. В некоторых, хотя и смещенных употреблении, речь может идти даже о неодушевленных предметах; ср. *Кажется, совсем собирался провалиться во сне черный бронепоезд, и вместо него вырастала в снегах зарытая деревня* — *Малые Чугры* (М. Булгаков, Белая гвардия). Здесь подразумевается не то, что бронепоезд имел намерение провалиться, а то, что казалось, что он вот-вот провалится, уже почти проваливается.

Субъектом решения в случае *намереваться* и *намерен* может быть отдельная личность, а также коллектив или официальная инстанция; ср. *Правительство намерено разработать ряд новых законопроектов*; *Всемирный банк намеревался отсрочить предоставление кредита России*. Применительно к маленьким детям и животным эти слова не употребляются, так как они подразумевают высокую степень осознанности.

Субъектом ситуации в случае *думать* всегда является отдельная личность; ср. неправильное **Коллектив думает обратиться в суд*; **Собака думает наброситься на него*. Это связано с тем, что в данном слове на первом плане находится идея осуществления индивидуального выбора.

Субъектом действия *планировать* может быть отдельная личность или группа людей, а также инстанция или организация; ср. *Администрация планирует сокра-*

тить на треть количество рабочих мест. Однако обычно не могут планировать, например, народ, интеллигенция, Россия, поскольку планирование в этом случае требует не только наличия коллективной воли, что возможно, но и совместной интеллектуальной деятельности по определению последовательности будущих действий, что трудно себе представить. Высокая степень интеллектуальной обеспеченности намерения при планировать предопределяет и невозможность употребления этого слова применительно к животным.

Похожее семантическое противопоставление имеет место в ряде намерение, замысел, задумка, умысел, план, проект.

Поскольку намерение описывает внутреннюю установку на совершение действия, наиболее типичным субъектом для него является личность (мои намерения, намерение Пети). При этом по аналогии намерения довольно легко приписываются животным, а с другой стороны — организациям, группам людей, государствам, партиям и т. д.; ср. Лиса метнулась к дыре в заборе, но собака предупредила ее намерение; Намерения правительства неясны. Однако чем более громоздкая и аморфная общность людей имеется в виду или чем менее антропоморфно животное, о котором идет речь, тем хуже сочетается с соответствующим контекстом слово намерение. Ср. странное ?намерение толпы (змеи); при этом нормально Толпа собирается идти громить магазин; Змея явно не собиралась жалить.

Слова план и проект в указанном отношении устроены аналогично глаголу планировать.

Слово умысел, приписывающее человеку замаскированные, обычно недобрые намерения, не применимо ни к каким субъектам, кроме отдельной личности (ср. неправильное *У лисицы был умысел). В остальных случаях оно возможно только в порядке персонификации; ср. образное КГБ делает это с умыслом. Это слово слишком нагружено этическими и психологическими ассоциациями, чтобы легко распространяться на каких-либо субъектов, кроме отдельного человека.

Выражая идею индивидуального творчества, слово замысел также в норме используется применительно к личности в качестве субъекта. В случаях типа У Моссовета есть замысел (приватизировать сферу обслуживания) имеет место некоторый сдвиг или легкая персонификация. Это ограничение ослабляется при вводном употреблении в конструкции по чьему-л. замыслу; ср. Почему я препятствую сносу домовладения {...}, на месте которого, по замыслу ялтинского горисполкома, должна разместиться столовая («Огонек», 1992).

Официально-фамильярное слово применимо исключительно к отдельной личности; в этом оно сходно с рассмотренными выше словами думать и умысел.

В русском языке есть еще ряд целевых слов, которые связываются почти исключительно с отдельными людьми в силу своей сугубо частной тональности. Таковы, например, наречия нарочно и нечаянно. Естественный контекст для них — это контекст межличностных отношений (первое слово чаще всего используется для укора, второе — как средство оправдания). Ср. отсутствие подобных коннотаций у синонимичных им слов намеренно и невольно, которые

соответственно употребляются по отношению к гораздо более широкому кругу субъектов.

Так, например, наречие *невольно* применимо и тогда, когда речь идет о коллективном субъекте; ср. *Но сегодня создается новый миф. (...) И вот уже нас уверили, и мы невольно поддаемся, что 37-й — 38-й тюремный год состоял в посадке именно крупных коммунистов — и как будто больше никого* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). Субъектом ситуации может быть и животное, ср. *Еж не может плавать, свернувшись в клубок — упав в воду, он невольно распрямляется*. Наречие *невольно* допустимо и в том случае, если речь идет о части тела субъекта; ср. *Кузьма побледнел, (...) но руки его невольно сделали иконой крест в воздухе* (И. Бунин, Деревня).

Еще менее индивидуалистичны некоторые слова со значением вынужденности: в них на первом плане идея отсутствия выбора, поэтому личные мотивы и побуждения субъекта оказываются в тени. В силу этой специфики они допускают в качестве субъекта и организации, и предприятия и т. п. Ср. *В результате предприятие вынужденно идет на уловки, смазывая при этом и для себя объективную картину производства* (Уппсальский корпус); *Лишившись в результате скачка цен оборотных средств и других своих резервов, предприятия, колхозы, совхозы (...) шли на вынужденное взаимное кредитование. Отсюда лавинообразное нарастание взаимных неплатежей* (Архив НГ); *Например, при строительстве городов волей-неволей нарушаются естественные экосистемы* (Уппсальский корпус); *Появилось опасение, что мир к началу третьего тысячелетия останется без природного топлива и для его замены придется волей-неволей обратиться к водороду* (Уппсальский корпус).

По этой же причине такие слова вполне применимы для описания поведения животных; ср. *Пес быстро обогнал поросенка, с лаем встал на пути. И Кузе волей-неволей пришлось повернуть* (В. Белов, Рассказы о всякой живности).

1.4.2. Роли субъекта целеполагания

С субъектом целенаправленной деятельности связана еще и вторая проблема. Он имеет сразу две роли: субъекта целеполагания и субъекта деятельности. В каноническом случае эти роли играет одно и то же лицо. Например, человек может достичь только своей цели, но не цели другого человека. Однако такое совпадение обязательно не для всех целевых слов.

Такие слова, как *цель* и особенно *намерение*, предполагают их обязательное тождество, а такие слова, как *задача* и *план* не указывают на то, что действует тот же человек, который принял решение. Поэтому различия между *целью* и *задачей*, *намерением* и *планом* частично нейтрализуются в контекстах, описывающих самостоятельную деятельность субъекта, ср. *Моя главная цель (задача) — поступить в институт; В мои намерения (планы) не входило задерживаться*. Там же, где речь идет о действиях, выполнения которых один человек ожидает от другого, употребление слов *цель* и *намерение* невозможно, ср. неправильное **Моя главная*

цель — чтобы вы поступили в институт; *В мои намерения не входило, чтобы вы задерживались. Ср. с другой стороны примеры *Хочу предложить вам один план, Ставлю перед вами следующую задачу*. В подобных контекстах задача сближается с такими словами, как *задание, поручение*.

Итак, в данном отношении различаются даже близкие по смыслу слова, например, *намерение, замысел и план*. Для *намерения* обязательно совпадение субъекта воли и субъекта действия, а для *плана* нет; *замысел* же занимает промежуточное положение между ними. Можно иметь *план*, чтобы кто-то сделал что-то, но *намерение* может реализовать только сам субъект. Нельзя даже сказать **Его намерения осуществились*, а только *Он осуществил свое намерение*. Планы могут существовать отдельно от субъекта и выполняться другими людьми: *Его планы осуществились через сто лет*. Синонимы *намерение* и *замысел* здесь невозможны.

Субъект замысла чаще всего совпадает с субъектом действия. Плохо **Я предложил им следующий замысел операции*, а когда говорят *Они использовали (украли) мой замысел*, то имеют в виду лишь присвоение чужой идеи, а не осуществление задуманных кем-то действий. [Синоним *намерение* в подобных контекстах абсолютно невозможен]. Если субъект замысла и не сам исполняет задуманное, то по крайней мере он должен быть инициатором действий и иметь возможность их контролировать. Ср. *Но еще раньше, в жестоком пути, околевали дети. В том и был замысел [Сталина], чтобы семья мужицкое погубило вместе со взрослыми* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Ср. аналогичное противопоставление между словами *собираться* и *планировать*. Второй глагол иногда, особенно в разговорной речи, используется и в том случае, когда субъект планирования не совпадает с субъектом деятельности; *Я планирую ваш визит на завтра* и даже *Я планирую, что вы приедете завтра*. Фразы типа **Я собираюсь, что вы приедете завтра* абсолютно невозможны.

Нужно отметить, что все рассмотренные выше случаи в целом вписываются в представление о стандартной ситуации целеполагания (не считая небольших и обычных для языка модификаций смыслов 'хотеть' и 'считать'). Однако кроме того, именно с фигурой субъекта целеполагания связан целый ряд несобственно-целевых употреблений целевых слов, см. Левонтина 1996а.

1.5. СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В ЦЕЛЕПОЛАГАНИИ

Идея целеполагания лежит на пересечении не только сфер воли и мысли, но и сфер объективного и субъективного. Субъективность связана с тем, что цель определяется человеческими желаниями, предпочтениями, свободным выбором человека⁹, а также личной оценкой им своих возможностей. Целеполагание, таким

⁹ Поэтому интерпретация понятия цели имеет фундаментальное значение для философии: решение вопроса о сводимости или несводимости целей к причинам определяет позицию в старом споре о детерминизме и свободе воли.

образом, глубоко затрагивает внутренний мир человека. Однако поскольку цель всегда предполагает усилия по ее достижению, она неизбежно влечет выход во внешний мир с его объективными закономерностями.

1.5.1. СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В СЕМАНТИКЕ ЦЕЛЕВЫХ СЛОВ

Даже очень близкие по смыслу целевые слова могут различаться с точки зрения ориентации на объективное или субъективное. Рассмотрим, например, бенефактивные предлоги. Они указывают на то, что человек действует в интересах другого человека. При этом на первый план могут выходить либо индивидуальные побуждения субъекта, например желание сделать другому что-то хорошее, либо объективное соответствие данного действия интересам этого другого человека.

Предлог *для* обычно употребляется при описании сознательной деятельности субъекта в чьих-л. интересах, ср. *Что я могу для вас сделать?* [т. е. в чем состоят ваши интересы]. При этом мотивом действий субъекта не обязательно является желание доставить удовольствие или принести пользу данному лицу. Таково, например, положение дел в ситуации наемного труда; ср. *Няня готовит и стирает для ребенка*. Но возможны и контексты, в которых *для* прямо указывает на мотив, ср. *Не благодарите: я это делаю не для вас, а для себя*. Однако в этой ситуации крайне странно *??Я это делаю только для себя* [даже если мотив эгоистический, это не отменяет объективной полезности действия для другого человека].

Напротив того, в предлоге *ради* акцентируется само намерение субъекта, мотив его действий. Поэтому невозможно **Что я могу ради вас сделать?* [Поскольку неизвестно, каким будет действие, странно рассуждать о его мотиве], и типично *Я это делаю только ради вас*. Этот предлог часто используется для описания ситуации, когда, действуя в интересах другого, человек пренебрегает собственными интересами.

Другие бенефактивные предлоги по данному признаку тяготеют либо к *для*, либо к *ради*.

Предлог *на* (чаще всего при глаголе *работать*), как и *для*, указывает на то, что субъект сознательно действует в интересах другого человека, но не обязательно из желания доставить ему удовольствие или принести пользу; Ср. *Но скажите, какая в принципе разница рабочему, на кого работать. {...} Мы же 76 лет повторяли, что мы работаем на себя, мы народ-хозяин* («Сегодня», 25. 11. 93). Однако в отличие от *для*, *на* более характерен случай, когда мотивом является получение субъектом вознаграждения.

Предлог *в пользу* вводит указание на лицо, которое получает материальную выгоду от деятельности субъекта, причем это, скорее всего, соответствует намерениям субъекта, хотя эти намерения и не акцентируются; ср. *концерт в пользу воспитанников детских домов*.

Предлоги *на благо* и *во благо* вводят указание на лицо, которому объективно полезны результаты того или иного действия (ср. *работать на благо общества*,

действовать себе во благо), причем о намерениях субъекта ничего не сообщается. В данном случае речь вообще не обязательно идет о целенаправленной деятельности, ср. *Кому на благо (во благо) то, что случилось?*

Предлог *за* употребляется при словах *сражаться, воевать, отдать жизнь, страдать* и некоторых других. Он, в отличие от предыдущих предлогов, сближается с *ради*, т. к. описывает ситуацию, когда субъект сознательно действует в интересах кого-то другого, причем для этого готов пожертвовать своими интересами, ср. *Жизнь за царя, Они сражались за родину*. Речь обычно идет о ситуации, когда под угрозой само существование или жизненно важные интересы этого другого, причем часто это не лицо, а нечто глобальное — *родина, наука, идея* и т. п.

Предлог *во имя* также сближается с *ради*. Он выдвигает на первый план намерения субъекта. *Во имя* в еще большей степени, чем *ради*, связано с готовностью пожертвовать своими интересами, этот предлог указывает на благородство и самоотверженность субъекта. При этом ситуация всегда глобальна, предлог *во имя* вводит обычно не указание на отдельную личность; ср. *во имя людей (будущих поколений, науки, родины)*.

Предлоги с собственно-целевым значением также противопоставлены с точки зрения того, что находится в фокусе внимания — побуждения субъекта действия (*ради, из-за, с целью*) или предполагаемый результат действия (*для, на, в целях*). В целевом *для* очень сильна идея объективной потребности в действии, поэтому нормально употребление этого предлога там, где речь не идет о конкретном человеке и его побуждениях, ср. *Для нанесения помады лучше использовать кисточку*.

В *ради* в гораздо большей степени, по сравнению с *для*, акцентируются побуждения субъекта. Поэтому данный синоним плохо сочетается с контекстами, в которых указывается на объективную потребность в каком-л. действии; ср. странное **Ради того, чтобы бисквит не помялся, разрежьте его горячим ножом или толстой ниткой* [здесь нужно употребить предлог *для*]. Ср. нормальное *Ради того, чтобы бисквит не помялся, я целый час сидела и ждала, пока он остынет*.

Предлог *ради* имеет еще один особый круг целевых употреблений, ср. *Он купил книгу ради картинок, Он женился на ней ради денег, Он ходит в театр ради музыки*. Здесь *ради* вводит указание на часть или свойство какого-л. объекта или ситуации, которые представляют для субъекта ценность, и поэтому он действует с целью получить данный объект или достичь данной ситуации. В контекстах такого типа *ради* не заменяется на *для*, так как в них особенно сильно акцентированы побуждения субъекта. В этих употреблениях *ради* значителен причинный оттенок.

Со вторым кругом употреблений предлога *ради* сближается предлог *из-за* в аналогичном причинно-целевом значении, ср. *Купил книгу из-за картинок, Он женился на ней из-за денег, Они подрались из-за женщины*. В контексте слов типа *драться, ссориться, драка, спор* (*спор из-за лидерства (наследства)*) и т. п. значение предлога *из-за* близко также к значению 'предмет спора', ср. выражения типа *спор из-за термина*. В высказываниях такого типа *из-за* не заменяется на *ради*, т. к. данный предлог не связывается с представлением об объекте столкновения интересов.

В последнем типе контекстов *из-за* сближается с предлогом *за*, ср. *бороться за лидерство, драться за наследство, спор за первое место*.

Рассмотренное семантическое различие проявляется и в синтаксическом поведении данных предлогов. *Для*-группа может выступать не только в роли зависимого при обозначениях действий, она заполняет также целевую валентность таких слов, как *необходимо, требуется, годиться, достаточный, слишком, готов*. В этом случае находящаяся в *для* на первом плане идея объективной потребности в действии акцентируется еще сильнее, а представление о побуждении субъекта затушевывается или даже вообще отсутствует. При употреблении таких слов в контексте условия, *для* вместе с ними теряет целевое значение и может использоваться, в частности, для описания естественно-природных процессов, ср. *Для кипения воды достаточно (необходима, требуется) температура 100 градусов*. Предлог *ради* в подобных конструкциях невозможен, как и предлоги *из-за* и *за*, в то время как, например, более «объективный» предлог *на* — возможен; ср. *На это нужно два часа (достаточно тысячи рублей)*.

Сходным образом устроено противопоставление между предлогами *с целью* и *в целях*. Если предлог *с целью*, подобно *ради*, помещает в фокус внимания индивидуальные побуждения субъекта действия, то предлог *в целях* в большей степени подчеркивает объективную потребность в действии, и в этом он — и семантически, и синтаксически — отчасти похож на *для*; ср. *В целях улучшения снабжения необходимо принять следующие меры*.

Разное соотношение субъективного и объективного типично не только для слов, описывающих целеполагание, но и для слов, описывающих причинно-следственные отношения. См. [Богуславская, Левонтина 2004].

1.5.2. ЦЕЛЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ¹⁰

Рассмотренное семантико-синтаксическое свойство некоторых целевых предлогов — способность сочетаться с контекстами практической необходимости — имеет принципиальное значение для языковой телеологии. В языке слова типа *нужно (надо, необходимо, требуется* и т. п.) регулярно управляют некоторыми целевыми выражениями — это могут быть не только именные группы с предлогом *для* (и другими), но и придаточные предложения, вводимые союзом *чтобы*, (ср. *для этого (чтобы сделать это,) нужно...*), а также слово *зачем*. Ср., кроме того, возможность в этом контексте самого слова *цель*: *Для какой цели это нужно?* При этом, однако, невозможно **С какой целью это нужно?*

Подобные контексты представляют значительную трудность как для лингвистики, так и для логики. Неясно, как соотносится смысл, например, русского сло-

¹⁰ Понятие практической необходимости коренным образом отличается от понятия необходимости в классической логике, так же как материальная каузация, или «юмовская причина», отличается от логического следования; см. [Вригт 1985; Кобозева, Лауфер 1991 и др.]

ва нужно с понятием логической необходимости, неясно, входит ли в него смысл 'цель' и сохраняют ли в контексте этого слова свое каноническое значение целевые выражения.

Некоторые исследователи подчеркивают целевой характер зависимого при предикатах со значением нужды и потребностей: «Суть этого вида модальности в ее целеустремленности: «нужно» может быть только то, что направлено на достижение некоторой цели, а цель — принадлежность человека, точно так же как причина — принадлежность природы. Модальность «нужды» открывает три валентности: для имени лица, указания на цель и инфинитива (или имени предмета), указывающего на способ достижения цели: *Для того, чтобы сварить суп из топора, повару нужно иметь мясо* [Арутюнова, Падучева 1985: 24]. Однако идея цели сложным образом взаимодействует здесь с условным отношением, которое лежит в основе смысла 'нужно', и остается непонятым, как можно соединить эти две идеи.

И, напротив, в работе [Жолковский 1964: 96] предикат *нужно* толкуется без привлечения смысла 'цель' — через комбинацию необходимых и достаточных условий. Выражение *X нужен для P* эксплицируется через понятие «пути»: 'X — часть пути к P'; в свою очередь, путь к P = '1) множество фактов (X) достаточно для P; 2) каждая часть (X) необходима для того, чтобы (X) было достаточно для P'. Как утверждается в работе, русское слово *нужно* отличается от логического 'необходимо', в первую очередь, тем, что оно включает также и достаточность. С этим трудно согласиться. *Нужно*, действительно, часто подразумевает 'и достаточно', но это, по-видимому, речевая импликатура, которая легко снимается. Так, высказывание *На это нужно пять тысяч рублей* естественно понимать и как указание на то, что пяти тысяч рублей хватит. Но высказывание *Для приготовления безе нужна эмалированная посуда* не понимается в том смысле, что больше ничего не нужно.

Вместе с тем, попытка ввести идею достаточности в толкование слова *нужно* отражает ощущение, что это слово выражает нечто большее, чем просто логическая необходимость. В нем есть какая-то требовательность, нечто связанное с идеей благоприятной перспективы — то, что никак не может быть передано в терминах условных отношений.

Некоторые исследователи оспаривают и целевой характер валентности, открывающейся при предикатах практической необходимости и, соответственно, целевое значение слов *для*, *чтобы* и *зачем* в этом контексте; ср., например: «Категория цели при противочлене, выражающем необходимость, подвергается семантическому преобразованию в том смысле, что множитель «желаемое, планируемое» устраняется. Сама форма выражает только возможность чего-либо при осуществлении необходимости, выраженной противочленом» [Степанюк 1976: 79].

Рассмотрим следующее высказывание, разобранный в указанной работе: *Чтобы разжечь огонь, мне нужны спички*. В работе говорится, что в данном случае имеет место чисто условное значение: ≈ 'Если будут спички, я развожу огонь'. Предложенное толкование несколько аграмматично: его можно видоизменить двумя способами. Либо 'Если будут спички, я разведу огонь' — тогда получится нечто вроде

обещания, чего нет в исходной фразе. Или же ‘Если (когда) есть спички, я развожу огонь’, а это тем более неверно, так как представляет собой формулировку общей закономерности. В любом случае речь должна идти не о достаточном условии, что получается при таком толковании, а о необходимом; ср. *Чтобы разжечь огонь, нужны по меньшей мере (как минимум, хотя бы) спички*. Видоизменяем толкование, пытаюсь и далее оставаться в рамках условных отношений: ‘Если не будет спичек, я не разведу огонь’. Ясно, что это толкование очень сильно отличается от значения высказывания, оно напоминает скорее ультиматум.

Невозможно приблизиться к передаче смысла высказывания, не вводя в толкование модальность возможности: очевидно, что правильное будет ‘Если не будет спичек, я не смогу (будет невозможно) развести огонь’ (с точки зрения логики нужно было бы добавить ‘а если будут, то, возможно, смогу’ — но в естественном языке это и так понимается таким образом). Такое толкование уже правдоподобно, оно, несомненно, передает основное содержание предиката *нужно*. Если счесть эту интерпретацию исчерпывающей, тогда действительно непонятно, за счет чего при *нужно* могла бы открываться целевая валентность.

Однако в действительности получившееся толкование слишком беспристрастно, незаинтересованно. Исходное высказывание понимается не как теоретическое взвешивание возможностей, а как обсуждение пути достижения желаемого. Но если ввести в толкование еще и компонент ‘хочу’, то окажется, что в нем есть основные элементы понятия цель: ‘положение дел, которого субъект хочет и может достигнуть’. Совершенно естественно, чтобы указание на это положение дел вводилось целевыми словами.

Итак, слова типа *нужно*, а вместе с ними и зависящие от них целевые слова демонстрируют нетривиальное соединение смыслов — объективная причинная зависимость (условные отношения) на первом плане и достижение субъективно желаемого как скрытая пружина, делающая эту зависимость субъективно окрашенной. И в этом смысле правы лингвисты, подчеркивающие, что идея цели в подобных контекстах подвергается глубокому преобразованию.

К пониманию смысла слова *нужно* и других слов со значением практической необходимости или, в терминологии Г. Х. фон Вригта, «технического долженствования» [Вригт 1986: 324], приближает современная логика, в частности, логика действия и деонтическая логика, которые связывают соответствующий вид модальности с целеполаганием. Логика действия опирается здесь на идею практического рассуждения, или практического вывода, выдвинутую в свое время еще Аристотелем, но долго не получавшую развития. Этот тип логического рассуждения, традиционно известный как практический силлогизм, не является, однако, формой доказательства.

Трудно сказать, что в точности имел в виду Аристотель, но один из способов реконструкции его основной идеи состоит в следующем: исходная, или большая, посылка силлогизма говорит о некоторой желаемой вещи, или цели действия; в меньшей посылке некоторое действие связывается с этим желаемым результатом

как средство его достижения; наконец, в заключение говорится об использовании средства для достижения цели. Таким образом, как в теоретическом выводе утверждение посылок с необходимостью приводит к утверждению заключения, так и в практическом выводе согласие с посылками влечет за собой соответствующее им действие [Аристотель 1984: 197; Вригт 1986: 64].

Эта идея может быть записана и в силлогистической форме; ср. [Вригт, 1986: 127]:

«А намеревается осуществить (вызвать) Р.

А считает, что он не сможет осуществить Р, если он не совершит а.

Следовательно, А принимается за совершение а».

Формулировка «не сможет осуществить Р, если не совершит а» в малой посылке — это и есть экспликация непосредственного смысла выражения *а нужно для Р*. Однако кроме того, в этот смысл входит и модальная рамка, указывающая на модус практического вывода. Получается, что слова со значением необходимости в естественном языке, как и другие слова с модальными значениями (например, возможности), могут соответствовать разным логическим модальностям.

В соответствии с идеями логики действия строится толкование предикатов типа *надо, нужно* в работе [Кобозева, Лауфер 1991: 173]: ‘существует цель Q субъекта Р такая, что если он не сделает Р, то либо цель Q вообще не будет достигнута, либо достижение ее затруднится’. В этом толковании не преодолена, однако, трудность, связанная с тем, каким образом в него входит понятие цели.

Толкование, имеющее в вершине предикат существования, более всего соответствует типу употребления, при котором предикат долженствования является ремой и несет на себе главное фразовое ударение (*Это надо сделать*). Интересно, что в этом случае заполнение целевой валентности затруднено — цель может быть указана в отдельном предложении, или в уточняющем обороте, или же введена через *иначе*, но с трудом — через *для* или *чтобы*. Ср. в этом отношении слова *умысел* или *нарочно*, в которых на первом плане компонент ‘есть некоторая цель’: в них тоже нормальное заполнение валентности затруднено, странно **умысел сделать что-л.*, **нарочно для этого (нарочно чтобы)* — только с уточняющей интонацией: *Он сделал это нарочно, чтобы позлить меня*.

Что же касается выражений типа *Х нужно для Р* (см. примеры выше), для них, по-видимому, смысл ‘цель’ должен попадать в пресуппозицию. То, что этот смысл может перемещаться то в ассертивную часть смысла, то в пресуппозицию, доказывается и сочетаниями *нужно* с отрицанием. *Не нужно* понимается двояко: или в смысле ‘нет такой цели, что...’, или в смысле ‘неверно, что цель не будет достигнута, если не Р’.

Надо сказать, что поскольку идея цели присутствует в предикатах практической необходимости как бы подспудно, контекст этих предикатов обладает следующим свойством: он создает питательную среду для развития у целевых слов, попадающих в этот контекст, разного рода несобственно-целевых, смещенных и размытых значений. См. Главу 3, а также [Левонтина 1996б].

ГЛАВА 2. ОТСУТСТВИЕ ЦЕЛИ В ДЕЙСТВИЯХ ЧЕЛОВЕКА

В языке представлена богатая палитра средств, служащих для указания на отсутствие цели в действиях человека, то есть для описания ситуации, когда нельзя дать полноценного ответа на вопрос «*Зачем человек это делает?*».

Между тем, в таком сочетании смыслов есть нечто парадоксальное: действие само по себе в прототипическом случае предполагает целенаправленность. Там же, где ее нет, мы обычно имеем дело со стихийными процессами и происшествиями. Ситуация, когда имеет место нечто похожее на действие, однако нельзя говорить о целенаправленности, по-разному интерпретируется в лингвистике. Ср. толкование А. Вежбицкой [Wierzbicka 1980: 163]: *Х делает что-то* = ‘части тела Х-а двигаются, потому что он этого хочет’. В связи с этим Анна А. Зализняк замечает, что смысл ‘хочет’ соответствует здесь намерению и что, тем самым, «действие» и «намеренное действие» — это практически одно и то же [Зализняк Анна 1992б: 139]. С другой стороны, в работе [Иорданская, Мельчук, в печати] контролируемое действие — это действие, которое Х совершает, потому что хочет совершить, и не любое действие является контролируемым. Ясно, что ‘целенаправленность’, ‘намеренность’ и ‘контролируемость’ (контролируемость действия, а не ситуации) — очень близкие идеи, и любое их различие будет более или менее условным. Более того, смысл ‘действие’ также включает какую-то подобную идею.

По-видимому, естественно считать, что есть действие в узком смысле — всегда намеренное, целенаправленное, контролируемое и т. п. — и действие в широком смысле. Широкое понимание действия включает и случаи, когда налицо все признаки действия, кроме целенаправленности. Это понимание соответствует и естественно-языковому употреблению слова *действие*.

Большинство слов, о которых пойдет речь (то есть слов, отрицающих целенаправленность), употребляется применительно к действиям, а не происшествиям. Во всяком случае, они используются в контекстах, описывающих деятельность. Даже когда мы говорим *Я нечаянно заснул (покраснел)*, то подразумеваем, что предполагался контроль со стороны человека, а значит, эти процессы уже попадают в сферу целенаправленной деятельности.

Сочетание смыслов ‘действие’ и ‘отсутствие цели’ возможно в языке благодаря тому, что имеющаяся у действия цель — слишком частная или, наоборот, слишком общая — может «не считаться». Кроме того, между ситуацией целенаправленной деятельности человека и ситуацией стихийного происшествия, которое с ним случается, есть ряд промежуточных случаев. Таким образом, можно выделить несколько типов выражаемых в языке смыслов, в основе которых лежит идея отсутствия цели в действиях человека.

Во-первых, цель, присутствующая в его действиях, может быть *вырожденной*, то есть совпадающей с осуществлением самих этих действий. Здесь возможны два варианта: эта деятельность может при этом представлять для человека самодостаточную ценность — тогда можно говорить о *самоцели*. Если же деятельность

сама по себе не представляет для человека особой ценности, то она называется *бесцельной*, или же характеризуется при помощи слов *низачем* или *просто так*.

Во-вторых, человек может оказаться в ситуации, когда он *вынужден* действовать определенным образом. Осознав отсутствие выбора, человек может начать действовать как бы целенаправленно, но цель эта неполноценная, поскольку она навязана извне (реально говоря, у человека есть при этом цель избежать неприемлемых для него последствий отказа от данных действий). Ср. такие слова, как *вынужденно*, *волей-неволей*, *против воли*, *поневоле*: все они применимы к описанию только целесообразной деятельности, которая предполагает желание, а смысл их состоит в указании на отсутствия желания. Кроме того, признак добровольности / вынужденности играет важную роль в семантике других целевых слов; см. Главу 1.

В-третьих, действия человека могут быть внешне похожими на целенаправленные, тогда как в действительности он не ставил перед собой цели, а действовал, например, в силу привычки. Тогда мы характеризуем его поведение при помощи слов *машинально* или *автоматически*.

Наконец, человек может совершить нечто, что он не хотел и не собирался совершать, потому, что временно утратил контроль над собой или над ситуацией. Этот случай обслуживается в русском языке большой группой слов: *невольно*, *нечаянно*, *неумышленно*, *непреднамеренно*, *случайно* 2, *ненароком*, *невзначай*, *непроизвольно* (ср. также соответствующие многим из этих наречий прилагательные). Последнее наречие уже ближе к характеристике происшествий, чем действий. Еще более выражена идея происшествия в словах типа *самопроизвольно*, *инстинктивно*, *рефлекторно*, в которых идея деятельности вообще отсутствует и которые поэтому не будут здесь рассматриваться.

От признака целенаправленность / нецеленаправленность необходимо отличать признак осознанность / неосознанность, который определяет степень осознания человеком содержания и причин своих душевных состояний; ср. такие слова, как *безотчетно*, *неосознанно*. Когда мы говорим *Он невольно испугался*, то это значит, что страх овладел человеком помимо его воли, он не контролировал свои эмоции. Когда же говорят о *безотчетном страхе*, имеют в виду, что человек не понял причин своего страха. Слова типа *безотчетно* (*бессознательно*, *неосознанно*) не имеют отношения к идее цели и поэтому не будут здесь рассматриваться. Существенно при этом, что два указанных признака в языке часто слабо противопоставлены.

2.1. ВЫРОЖДЕННАЯ ЦЕЛЬ

Когда человек совершает какое-то действие (например, открывает окно), в этом уже можно усмотреть наличие тривиальной цели (открытие окна). Однако такая тривиальная цель не воспринимается как полноценная. Настоящая цель должна быть внешней по отношению к действию, и при этом человек должен четко осознавать, как связаны данное действие и его предполагаемый результат (цель).

Итак, такие разные на первый взгляд слова, как *самоцель* и *бесцельно* имеют очень большую общую часть смысла: идею, что деятельность имеет целью саму себя, вернее, не имеет четко осознаваемой цели, внешней по отношению к этой деятельности. Однако можно сказать, что если в первом случае средство возводится в ранг цели, то во втором скорее цель низводится до средства достижения самой себя. Рассмотрим оба эти случая.

2.1.1. САМОЦЕЛЬ

Прежде, чем предложить толкование для слова *самоцель*, обратим внимание на две его особенности. Во-первых, оно наиболее часто употребляется в присвязочной позиции, реже в составе оборотов типа *как самоцель* (см. примеры ниже), а в позиции подлежащего или дополнения почти невозможно. Интересно, что у этого слова крайне плохо замещаются все семантические валентности, кроме первой. Поэтому предлагается толкование для выражения *Р является самоцелью (для кого-либо)*. Во-вторых, при отрицании (*Р не самоцель*) часть значения под него не попадает: не отрицается, что *Р* является целью. Значит, это слово имеет пресуппозицию.

Предлагается следующее толкование для выражения *Р является самоцелью (для кого-либо)* = '*Р* является целью (чьей-либо или каких-либо действий) (пресуппозиция)'; '*Р* само по себе представляет достаточную ценность, чтобы прилагать усилия, направленные исключительно на его достижение, и не является средством для достижения каких-либо других целей (ассерция)'. Ср. *При отсутствии демократии, подразумевающей контроль над государственными приоритетами со стороны народа и парламента, эта гипертрофированность военных элементов в государственной политике (...)* даже при самых благих мирных намерениях (...) превращала задачу поддержания должной обороноспособности в самоцель (Упсальский корпус). Кроме того, на стол уже не подавали приготовленные в целом виде мясо или птицу, перед подачей на стол их стали разрезать на порции. При такой системе украшательство блюд как самоцель потеряло всякий смысл (В. Похлебкин, Национальные кухни наших народов).

Поэтому при отрицании получается: *Р* является лишь промежуточной целью (пресуппозиция: *Р* является целью; ассерция: *Р* не представляет достаточной самостоятельной ценности, чтобы прилагать усилия, направленные исключительно на его достижение, и является в свою очередь средством для достижения других целей). Ср. *Ее [нашей цивилизации] деятельность состоит в конструировании все более усложненной формы. И даже ясность служит той же цели, не являясь самоцелью. Для меня же, напротив, ясность, понятность — самоценны* (Л. Витгенштейн, Культура и ценность, пер.).

Если что-то объявляется *самоцелью*, оно тем самым лишается возможности быть оправданным через какую-то другую ценность, частью пути к которой оно является. Если ценность этого объекта или явления самоочевидна, то объявление его *самоцелью* для него не опасно; ср. *Для ученого истина — это самоцель; Это*

интересно? А зачем, собственно, чтобы было интересно... Он мог бы спросить, но не спрашивает. Это значит, что он нашел то, что в разных контекстах называют смыслом, счастьем, ценностью, назначением, — неразложимую самоцель жизненного процесса (Л. Гинзбург, Записи).

Однако гораздо чаще слово *самоцель* используется в контекстах другого рода. Оно может служить для осуждения кого-либо, кто забыл о настоящей цели или никогда не имел ее и для кого деятельность по достижению промежуточной цели стала самодостаточной; ср. *За это время пора было прийти к чему-нибудь. А выяснилось, что для вдохновителей революции суматоха перемен и перестановок единственная родная стихия, что их хлебом не корми, а подай им что-нибудь в масштабе земного шара. Построения миров, переходные периоды — это их самоцель. Ничему другому они не учились, ничего не умеют* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Ср. также: *Сегодня приватизация идет, конечно, не так, как задумывалось. Самая главная, по-моему, причина: у нас приватизация из средства достижения основной цели перехода к рыночной экономике превратилась в самоцель и существует как бы отдельно* (Архив НГ).

Естественно поэтому, что для слова *самоцель* очень характерен контекст отрицания: говоря, что что-либо *не самоцель* или *не должно быть самоцелью*, человек имеет в виду, что этот объект не обладает достаточной самостоятельной ценностью, чтобы добиваться его любой ценой, и напоминает о том, что существует другая, истинная конечная цель, ценность которой уже не ставится под сомнение. Иногда эта цель непосредственно формулируется; ср. *Само по себе усвоение ребятами школьной программы — еще не самоцель. У школы есть и сверхзадача — помочь человеку максимально раскрыть свои способности* (Уппсальский корпус).

Однако чаще «истинная» цель прямо не указывается. Ср. *Тэтчер не поддерживала идею создания центрального банка ЕЭС. Она заявила, что выступает против какой-либо жесткой регламентации со стороны органов ЕЭС в социальной области, против любого «коллективизма и корпоративизма», которые противоречат проводимой ею неолиберальной политике. Вообще, сказала она, «европейское общество — это не самоцель»* (Уппсальский корпус). Можно думать, что более высокими ценностями для Тэтчер являются экономический либерализм или процветание Великобритании, однако выражение *не самоцель* позволяет отвергнуть что-либо в качестве самостоятельной ценности, при этом ничего не предлагая на эту роль и тем самым оказываясь в сильной полемической позиции.

Слово *самоцель* внутренне тавтологично. На предполагаемый вопрос о цели какого-л. действия оно отвечает, что это действие само для себя цель, что, конечно, является аномалией. Близкий смысл может быть передан тавтологическими высказываниями с целевыми словами, первая и вторая валентность которых замещена одним и тем же словом; ср. *искусство для искусства, приватизация ради приватизации; Рискую, чтобы рисковать; Цель жизни — сама жизнь*. Интерпретация подобных высказываний, как и высказываний со словом *самоцель* и многих других языковых тавтологий, зависит от того, какого рода явление в них фигуриру-

ет. Чем выше ценностный статус явления, о котором идет речь, тем больше оснований понимать высказывание апологетически. И чем он ниже, тем естественнее понимание в смысле осуждения.

2.1.2. БЕСЦЕЛЬНОСТЬ

Слова *бесцельно*, *бесцельность* имеют устаревшее употребление, в котором они выражают смысл, сходный с тем, который в современном языке выражает слово *самоцель*. Ср. *Он любил литературу, только ее. Самого себя — тоже только во имя ее. Воистину, он свято исполнил заветы, данные самому себе в годы юношества: «не люби, не сочувствуй, сам лишь себя обожай беспредельно» и — «поклоняйся искусству, только ему, безраздельно, бесцельно».* Это бесцельное искусство было его идолом, в жертву которому он принес нескольких живых людей и, надо это признать, — самого себя. Литература ему представлялась безжалостным божеством, вечно требующим крови (В. Ходасевич, Брюсов). Как видно из этого примера, и Брюсов, и Ходасевич под бесцельным искусством подразумевают искусство для искусства или художественное творчество как самоцель. Искусство представлено здесь как высшая ценность, не нуждающаяся в оправдании полезностью для чего-то другого.

В современном языке, однако, слово *бесцельно* обычно не употребляется применительно к чему-либо, что не считается самодостаточной ценностью; ср. не-правильное **бесцельно сеять разумное, доброе, вечное*; **бесцельное творчество*. Возможно, впрочем, *бесцельно наслаждаться счастьем бытия*.

Однако и в этом случае смысл будет иным, чем во фразах типа *счастье как самоцель*. В контексте с *бесцельно* счастьем приписывается ценность, но не настолько большая, чтобы его добиваться, а лишь достаточная, чтобы его принять.

Предлагается следующее толкование для выражения *X бесцельно делает Р* = пресуппозиция: '*Р*, скорее всего, не представляет для *X*-а ценности само по себе'; ассерция: '*X* делает *Р*, не имея четко осознаваемой цели, внешней по отношению к *Р*'¹¹. Ср. *Сколько вечеров он провел дома один, когда у него не было ее, или бесцельно слонялся по улицам с приятелем, философствовал, рассуждал о теории относительности и о других приятно-умных вещах, а когда возвращался домой, было грустно* (Ю. Казаков, Двое в декабре). Как видно из этого примера, *бесцельно* не указывает на неконтролируемость, на то, что человек идет в сомнамбулическом состоянии. Он идет и разговаривает вполне сознательно, но в его действиях нет плана, потому что они не подчинены достижению каких-либо внешних целей. Он, что называется, не

¹¹ Из этого толкования вытекает невозможность фраз вида *Делать Р (было) бесцельно*. Действительно, следующие примеры некорректны: *Какие же другие политические требования мы могли выставить? Их и придумать было нельзя! Не говоря, что бесцельно и безнадежно — придумать было нельзя!* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАг). *Мы в самом разгаре борьбы: бесцельно гадать о ее завершении* (Архив НГ).

знает, куда себя деть. В каком-то смысле у него есть цель *убить время*, но эта цель слишком абстрактна, и в языковой картине мира она «не считается».

Заметим, что здесь имеет место иное, чем у предыдущего слова, соотношение пресуппозиции и ассерции. У слова *бесцельно* под отрицание попадает идея отсутствия цели, но не отсутствия ценности. Ср. нормальное *Я хожу не бесцельно, а ишу булочную* при неправильном **Я хожу не бесцельно: мне нравится ходить*.

Слово *бесцельно* имеет два, в каком-то смысле противоположных, круга употреблений.

Первый круг (можно назвать его моторным) составляют контексты, описывающие действия, обычно движения человека, которые он совершает, потому что хочет предпринять что бы то ни было, только бы занять себя чем-нибудь. Это может быть связано с тем, что ему скучно, или он создает видимость деятельности, чтобы не участвовать в разговоре, или, например, он считает, что вообще нужно двигаться и нельзя все время сидеть дома (все это, в сущности, цели, но цели такого рода в языке «не считаются»: слишком произвольна их связь с характером действия). Ср. *Настасья Петровна давно собиралась погостить к знакомым в город, и наконец собралась и уехала. Проводив ее, Тихон Ильич бесцельно побрел в поле* (И. Бунин, *Деревня*). *Маяев молчал. Его бледное лицо стало совсем белым. Карл Гофман бесцельно перебирал какие-то схемы и не поднимал глаз* (А. и Б. Стругацкие, *Далекая радуга*).

Чаще всего речь идет о какой-то совокупности однотипных действий, квазидеятельности, таких как *ходить*, *перекладывать с места на место*, *вертеть в руках*; ср. примеры выше, а также *Горбовский, не отвечая, смотрел на Матвея. Глаза директора были закрыты. Он бесцельно гладил поверхность стола огромными ладонями* (А. и Б. Стругацкие, *Далекая радуга*). В таком произвольном соединении действий наиболее выразительно проявляется отсутствие плана, демонстрирующее отсутствие цели. В таких глаголах, как *бродить* и *слоняться*, идеи разнонаправленности и бесцельности характерным образом соединяются непосредственно в лексическом значении.

Реже говорят о бесцельности единичного действия, так как в одном кванте деятельности трудно усмотреть наличие или отсутствие цели; ср. *Фетишизм всего неглавного, результативного и бокового в театре... до пыли на декорациях, которую можно бесцельно взять на ладонь, чтобы потом платком стереть ее с ладони* (Л. Гинзбург, *Записи*).

Еще менее характерны для *бесцельно* употребления, в которых речь идет о последовательности целесообразных действий, результат которых, однако, реально не нужен субъекту; ср. — *Ну, ну, — сказал Роберт, бесцельно, но очень аккуратно очищая паз подающего рычага. Он нагнулся так, чтобы лица его не было видно* (А. и Б. Стругацкие, *Далекая радуга*). Некоторая необычность этого примера связана с тем, что слово *бесцельно* предполагает, что отсутствие цели определенным образом сказывается и на характере деятельности, скорее всего несколько вялом и хаотичном. Если человек делает что-то очень сосредоточенно, энергично и по видимости целеустремленно, то обычно такие его действия не назовут *бесцельными*,

даже если цели у него нет. Ср. следующий пример, в котором *бесцельность* метафорически приписана птице именно на основании характера ее движений: *И бесцельно и скучно провожала пароход единственная чайка — то летела, выпукло кренясь на острых крыльях, за самой кормой, то косо смывалась вдаль, в сторону, точно не зная, что с собой делать в этой пустыне великой реки и осеннего серого неба* (И. Бунин, Визитные карточки).

Второй круг употреблений *бесцельно* можно назвать экзистенциальным. Ср.: *Левин не поверил бы три месяца тому назад, что мог бы заснуть спокойно в тех условиях, в которых он был нынче: чтобы, живя бесцельно, бестолково жизнью, притом жизнью сверх средств, после пьянства (...) чтобы при этих условиях он мог заснуть покойно* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).

Если в «моторных» контекстах *бесцельность* связывалась скорее с отсутствием промежуточных задач при наличии общего объединяющего, хотя и туманного мотива, то здесь, напротив, каждое частное действие вполне целенаправленно, а о *бесцельности* говорится в смысле отсутствия некоторой абстрактной и отдаленной цели, оправдывающей все существование человека в целом.

Такую объединяющую идею часто называют *смыслом*, и *бесцельность* «экзистенциального» типа можно также назвать *бессмысленностью*; ср. *Классический пример отсутствия смысла — это бытовые дела. Мы тут создаем порядок, чтобы его разрушить, производим движения, чтобы стоять на месте. Нет, кажется, лучшего символа бесцельности бытия, нежели мытье посуды* (Л. Гинзбург, Записи). Мытье посуды вряд ли можно назвать *бесцельным* в смысле отсутствия частной цели. Вместе с тем, о человеке, который всю свою жизнь посвящает мытью посуды и подобным бытовым делам, можно, по крайней мере с некоторой точкой зрения, сказать, что он *живет бесцельно*.

Подобно тому, как «моторное» *бесцельно* приписывалось также и природе на основании хаотичности движений, «экзистенциальное» *бесцельно* может употребляться применительно к природе для указания на то, что человек не понимает смысла, общей идеи мироздания; ср. *И все вокруг как-то странно в своем ночном существовании, отрешенном от всего человеческого, бесцельно сияющее. И странно еще потому, что будто в первый раз видит он этот ночной, лунный, осенний мир...* (И. Бунин, Таня).

И все же, несмотря на разницу типов употребления, есть основания полагать, что мы имеем дело в обоих случаях с одним и тем же *бесцельно*. В основе всех употреблений *бесцельно* лежит идея недостаточной целевой обеспеченности действия, которая приводит к отсутствию у него «стержня». Действие воспринимается в этом случае как хаотичное, бессмысленное или по крайней мере непонятное, а вся картина утрачивает цельность¹². Ср. «Заметим, что в основе единства внешнего

¹² На семантические обертоны слов с корнем «цель» в русском языке, несомненно, влияет паронимическая аттракция с производными от слов *целый* и *ценность*. Так, *бесцельный*

аспекта действия лежит вовсе не каузальная связь между его различными фазами. Это единство основано на осуществлении при разных фазах действия одной и той же интенции» (Вригт 1986: 121).

В слове *бесцельно* проявляется важная особенность языковой телеологии: ее субъективность. Типовое действие человека, помимо того, что в качестве тривиальной цели предполагает само совершение этого действия, имеет обычно цель, которая в свою очередь является средством достижения чего-то другого или по крайней мере может быть рассмотрена как таковое. В свою очередь, цель более высокого порядка также не является конечной и т. д. — и есть очень немного ценностей, которые могут претендовать на статус окончательных. При описании деятельности говорящий может избрать любой масштаб и, усмотрев слабость хотя бы в каком-то звене цепочки целей и средств, назвать деятельность *бесцельной*, то есть представить дело так, как будто она вообще не имеет цели. В некоторых, хотя и несколько необычных, употреблении слово *бесцельно* соседствует с непосредственным указанием на цель; ср. *В прихожую из кухни входит Ира. (...) Ира бесцельно ходит, что-то ищет. — Наташа. Что тебе? — Ира. Сумку. — Наташа. Не надо, не надо, не уходи, ты уходить собралась?* (Л. Петрушевская, Сырая нога, или встреча друзей).

Ср. в связи с этим рассуждение Г. Х. фон Вригта: «Можно было бы сказать, что интенциональное поведение подобно языку, это жест, под которым я что-то подразумеваю. Так же как использование и понимание языка предполагает общность языка, понимание действия предполагает (...) “общность (...) жизни”. Невозможно понять или объяснить телеологически поведение, которое нам совершенно чуждо» [Вригт 1986: 144]. Можно продолжить аналогию между поведением и речью. В каком случае мы называем речь человека *бессмысленной*? Если мы вообще не можем считать ее членораздельной, или если слова в ней плохо связаны одно с другим, или же если в ней нет смысловых переходов от одной мысли к другой. А также в том случае, если мы считаем неправильной мысль, заключенную в речи, и даже если мы признаем мысль правильной, но считаем, что она высказана не к месту. Как бес-

составляет квазиантонимическую пару со словом *цельный*, а *самоценный* выступает как квазидериват от *самоцель*. Ср., например: *Освобождение совершилось. И теперь надо понять, самоценно ли это благо, есть ли у свободы цель, кроме самой себя. — Тора отвечает на этот вопрос со всей решительностью. Свобода как самоцель бессодержательна. Но она может и должна быть наполнена содержанием* («Сегодня», 21.05.93).

В. В. Виноградов указывает, что в языковом сознании говорящих слово *цель* как-то связывалось с корнем *цѣл-*. На эту народно-этимологическую связь указывает и старая орфография, предписывавшая в слове *цель* писать букву *ѣ*. Ср. приводимое Виноградовым в этой связи высказывание А. А. Бестужева-Марлинского: «Напиши что-нибудь, хоть вроде Странника Вельтмана; но ради Бога, свяжи это одной идеей: надо цель и целое, без этого сам Пушкин — пустоцвет» [см. Виноградов 1994: 1043].

Заметим также, что *целесообразность* даже в словаре Фасмера возводится к *цельный*, а не к *цель*.

смысленность может приписываться речи на основании оценки разных уровней ее организации, так и о *бесцельности* действий мы говорим на разных основаниях.

С первым кругом употреблений *бесцельно* сближается выражение *просто так* в одном из своих значений (ср. [Пеньковский 1995] о слове *так*). Ср. следующий пример (сокращенный и в упрощенной записи): — *Но понимаете, мне ну, должна быть приманка. Как знаете, как клочок сена ишаку. А так я просто выйду на площадь сяду и сижу.* — *Да. Я тоже не особенно люблю такое бесцельное гуляние. У нас, мы говорим-говорим-говорим, и обычно у нас еще, к этому, прибавляются какие-нибудь, цели, такого, хозяйственного порядка.* — *Понятно. Вот, вот, я между прочим всегда тоже беру дома поручения, что мне поискать. Селедки там, или хлеба, или пирожных каких.* — *Да. И вот ходишь. И в одно и то же время и гуляешь. И в то же время что-то делаешь.* — *Цель есть, конечно, угу.* — *А иначе так просто гулять, я этого тоже не понимаю* (Русская разговорная речь).

В этом примере *бесцельно* и *просто так* противопоставлены наличию цели, причем в качестве целей рассматриваются только частные, конкретные задачи. Говорящие признают, что гулять необходимо (то есть служит какой-то цели, в данном случае медицинской), но это не мешает им употреблять применительно к прогулке слова *бесцельно* и *просто так*. Слишком абстрактная цель не вдохновляет их на совершение действий, не достигающих этой цели непосредственно. С другой же точки зрения можно было бы назвать беготню по магазинам *бесцельным времяпрепровождением*, и тут уже нельзя было бы употребить выражение *просто так*.

Однако и в том круге употреблений, в котором эти слова сближаются, *просто так* отличается от *бесцельно*. Основных отличий два. Во-первых, *просто так* указывает в чистом виде на отсутствие цели (в указанном выше смысле), без оттенка характера действия. Оно ничего не сообщает о том, каким образом отсутствие цели сказалось на направлении движения, упорядоченности, энергичности и т. п. Поэтому *просто так* связано обычно с ответом на вопрос о цели (в отличие от *бесцельно*, для которого такие контексты не характерны). Ср. — *Зачем ты это сделал?* — *Просто так*; Школьник [обстрелявший банк из отцовской винтовки] рассказал, что стрелял по окнам банка *просто так*. А поскольку словосочетание «*просто так*» в протокол не занесешь, оперативники квалифицировали действия подростка как хулиганство («Сегодня», 28.10.95). *Просто так* всегда рематично, тогда как *бесцельно* не имеет подобных ограничений.

Второе отличие вытекает из первого. В то время как *бесцельно* связывается с движениями, обычно множественными и беспорядочными, *просто так* применимо к гораздо более широкому кругу ситуаций; ср. *Он снова вернулся памятью к ссоре и подумал, что жена, в общем, ничего и не подозревала всерьез, что она даже точно знала, что в город он едет просто так* (А. Битов, Жизнь в ветреную погоду); *Зачем ты взял карандаш (учишь итальянский язык)?* — *Просто так*.

В *просто так* есть еще оттенок: оно указывает на отсутствие не просто цели, а важной или интересной цели, такой, о которой стоило бы говорить. Поэтому *просто так* свободно может соседствовать с указанием на «неважную» цель; ср. *Про-*

сто так, для развлечения; — Ладка, фу! — отогнала Ленка собаку. — Что она хочет? — спросил Дюк. — Хочет тебе понравиться, — объяснила Мареева. — Зачем? — Просто так. Чтобы тебе приятно было. (В. Токарева, Ни сыну, ни жене, ни брату). Этим *просто так* отличается от *низачем*, которое возможно как ответ на вопрос «Зачем?», но указывает на полное отсутствие цели (или полное нежелание ее обсуждать).

Выражение *просто так* является одним из тех случаев, когда язык слабо различает цель и причину. Ср. — *Ты не устала? А то отдохнем. — Что ты! — то-ропливо говорила она. — Это я так просто... Задумалась. — Ясно! — говорил он и продолжал путь, но уже медленней* (Ю. Казаков, Двое в декабре). Так *просто* имеет здесь размытое значение: оно указывает на отсутствие специальной цели (например, отдохнуть) и/или на отсутствие важной причины (не может идти дальше). В следующем примере речь уже идет о чистой причине; ср. *Интересно, куда она едет? — думал иногда Крымов о соседке. — И замужем ли? И почему стала курить: так просто или от горя?* (Ю. Казаков, Вон бежит собака).

В этом отношении *просто так* очень похоже на используемые в разговорной речи вопросительные местоимения *что* и еще более небрежное *чего*, также имеющие нерасчлененное причинно-целевое значение¹³; ср. *Ты что пришел? — По делу. — Проходи, — пригласила она в комнату* (В. Токарева, Ни сыну, ни жене, ни брату). Однако если в вопросе *Чего ты пришел?* сильнее целевой оттенок, то в вопросе *Чего ты плачешь?* — причинный.

2.2. ВИНУЖДЕННОСТЬ

При целенаправленной деятельности каждое действие человека имеет некоторый «подготовительный период», во время которого происходит волевое и интеллектуальное обеспечение этого действия. В работе [Ыйм 1978] выделены следующие этапы деятельности: сначала идет этап предположения (практического рассуждения), на котором человек соотносит свое желание со структурой пути к его удовлетворению и со своими возможностями; далее следует этап обдумывания («взвешивания»); потом этап решения, на котором определяется положительный или отрицательный результат оценки ситуации, в частности, оцениваются возможные побочные эффекты предполагаемого действия и т. д. Далее следует этап намерения и только потом — само действие.

Можно, вероятно, несколько по-иному охарактеризовать содержание этапов деятельности, но для нас существенно, что намерение совершить действие не появляется на пустом месте. В прототипическом случае у человека возникает некоторое желание, которое является первичным импульсом к осуществлению ряда интел-

¹³ В отличие от основных русских наречий, предлогов и союзов, которые как раз различают цель и причину гораздо лучше, чем соответствующие слова в европейских языках; ср. *зачем* и *почему*, *для* и *из-за*, *чтобы* и *потому что*.

лектуальных и волевых операций. После прохождения соответствующих этапов формируется намерение.

Однако очень часто намерение возникает иным путем. Человек оказывается в ситуации, когда какая-то внешняя сила (воля другого человека или «воля» обстоятельств) побуждает его совершить действие, грозя в случае невыполнения неприятными последствиями. В этом случае намерение совершить действие возникает как результат оценки возможностей сопротивления и степени нежелательности последствий. Убедившись, что сопротивление невозможно, а последствия отказа неприемлемы, человек принимает решение совершить действие, которое от него требуется.

Возникшее у него намерение является, конечно, его намерением, но суррогатным, потому что человек лишен в этом случае свободы выбора. И ответственность, которую несет человек за совершенное в результате действие, будет неполной. Говоря, что человек сделал что-то плохое *не по своей воле (против воли)*, мы снимаем с него часть вины. Говоря же так о хорошем поступке человека, мы хотим приуменьшить его заслугу. Ср. также следующий пример: *Но мне поверили, а мои поступки, даже если я совершил их вынужденно, меня обязывают* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Отсутствие же вынужденности придает особую цену поступку; ср. *«Лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых»*. *Но признание какое — не вынужденное, а душевное, когда раскаяние вырывает из груди целые монологи, и хочется говорить, говорить, обличать, бичевать!* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

2.3. МАШИНАЛЬНОСТЬ И АВТОМАТИЗМ

В работе [Зализняк Анна 1992б: 139—140] отмечается, что в разного рода «машинальных» действиях «вместо намерения в функции инициатора движения выступает некоторая внутренняя программа (стереотип), реализация которой не требует непосредственного участия сознания (именно так человек осуществляет большинство несложных, но привычных, часто совершаемых действий)».

В современном языке есть три наречия, основанных на одной и той же метафоре — человек как механизм. Два из них тесно связаны с идеей отсутствия полноценного намерения. Это более старое, характерное еще для языка XIX в., слово *машинально* и более новое и имеющее несколько более широкое значение слово *автоматически*. Ср. *Князь Андрей, сморщившись, взял себя за голову, вышел из комнаты и сел в соседней на диване. Письма все были в его руке. Он машинально открыл их и стал читать* (Л. Н. Толстой, Война и мир). *Красавица, которую я позже / любил сильнее, чем Босуэлла — ты, / с тобой имела общие черты / (шепчу автоматически: «О, Боже!») / их вспоминая) внешние. Мы тоже / счастливой не составили четы* (И. Бродский, Двадцать сонетов к Марии Стюарт).

Третье наречие, *механически*, несмотря на то, что в основе его лежит та же метафора, что и у двух других слов, имеет несколько иное значение, которое гораз-

до менее связано с идеей целеполагания. Ср. *И не потому это происходило, как ныне пытаются изобразить некоторые ученые мужи, что люди, дескать, были простыми винтиками огромного механизма насилия — не думающие, не умеющие мыслить, низведенные до слепых исполнителей, одурманенные «сталинской ложью» и механически выполняющие указания «вождей»* (Политическая метафора). Однако в определенном типе контекстов это слово употребляется почти так же, как два других. Оно будет ниже рассмотрено отдельно.

Ситуация, когда человек действует по видимости целенаправленно, а в действительности помимо своей воли, повинаясь какой-то внутренней программе, в жизни может возникнуть в разных случаях, и вовсе не все они могут описываться наречиями *машинально* и *автоматически*. Например, эти слова обычно не используются для описания ситуации, когда программа поведения внушается человеку извне (гипноз и т. п.), а также для описания действий сомнамбул (лунатиков) или бреда.

В норме эти наречия используются в двух случаях. Во-первых, для описания типовой реакции в стандартной ситуации (спросили — ответить, налили чай — выпить, заговорили о времени — посмотреть на часы и т. п.); ср. *Московское время — тринадцать часов! — простучал мне в стенку из соседнего кабинета Бакланов, напоминая, что пора идти на обед. — Сколько? — я автоматически взглянул на часы и пришел в ужас — уже час дня, я зачитался этими документами, а мне нужно срочно собирать бригаду* (Ф. Незнанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева). Во-вторых, они используются для описания более редкого случая, когда человек бессознательно повторяет действие другого человека; ср. *Романтовский вдруг обернулся. — Прошлым летом выиграла в лотерею, — продолжала Анна, машинально оглянувшись тоже* (В. Набоков, Королек). *Степан Трофимович молча схватил шляпу и палку и быстро пошел из комнаты; я машинально вслед за ним* (Ф. М. Достоевский, Бесы).

Иногда неучастие сознания связано с «гиперконтролируемостью» ситуации, когда последовательность действий, которые человек должен совершить, настолько хорошо отработана, что ему не нужно обдумывать каждое действие и соотносить его с планируемым результатом. В современном языке для описания этой ситуации свободно используется только слово *автоматически*; ср. *Менеджер проиграл вторую партию, с преданностью и восхищением поглядел на Переца живым глазом и предложил третью. Он разыгрывал все время один и тот же ферзевый гамбит, не отклоняясь ни на ход от выбранного раз и навсегда проигрышного варианта. Он словно отрабатывал поражение, и Перец переставлял фигуры совершенно автоматически, ощущая себя тренировочной машиной: ни в нем, ни в мире не было ничего, кроме шахматной доски, кнопки часов и жестко заданной программы действий* (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне). Для данного круга употреблений характерно сочетание *совершенно автоматически*, см. пример выше.

Ср. в этой связи слово *автоматизм*, которое имеет более узкое значение, чем соответствующее наречие, и служит почти исключительно для описания данной ситуации. *Довести до (полного) автоматизма* какой-либо навык (например, раз-

борки и сборки какого-нибудь механизма или употребления артиклей в иностранном языке) — значит научиться выполнять эти действия без предварительного обдумывания и контроля сознания по ходу их осуществления.

Автоматизм в осуществлении часто повторяемых действий оценивается в обыденной жизни положительно, так как избавляет человека от постоянной изнурительной работы сознания. Кроме того, в стрессовой ситуации, в частности в цейтноте, он спасает человека, поскольку сознательно, обдуманно он мог бы не успеть совершить нужные действия; ср. *Все так же не поднимая глаз, он съехал на спине в кабину ручного управления, уселся в кресло, откинул стальную заслонку перед лицом, и вновь его руки заработали привычно, автоматически. Правая рука протянулась вперед и врубила ток, левая одновременно включила сцепление — Затем — уже сознательно — он нашарил рычаг управления поглотителем, отвел его до отказа на себя и только тогда решился посмотреть вперед через отброшенную заслонку* (А. и Б. Стругацкие, Далекая радуга).

На это важнейшее (отраженное в естественном языке) свойство обыденного сознания обратил внимание В. Б. Шкловский, и из этого выросла вся теория *автоматизации* и концепция искусства как приема остранения: «Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, то увидим, что, становясь привычными, действия делаются *автоматическими*. Так уходят, например, в среду бессознательно-автоматического все наши навыки; если кто вспомнит ощущение, которое он имел, держа в первый раз перо в руках или говоря в первый раз на чужом языке, и сравнит это ощущение с тем, которое он испытывает, проделывая это в десятилетиях раз, то согласится с нами. — При процессе — об автоматизации вещи получается наибольшая экономия воспринимающих сил: вещи даются одной только чертой своей, например, номером, или выполняются как бы по формуле, даже не появляясь в сознании¹⁴ — Так пропадает, в ничто вмняясь, жизнь. Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны.

«Если целая сложная жизнь многих пройдет бессознательно, то эта жизнь как бы не была».

И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством. — Приемом искусства является прием «остранения» [Шкловский 1983: 13—15; ср. также Шкловский 1914].

Для слова *машинально* в современном языке не характерно употребление с положительной коннотацией для указания на высокий уровень умения; ср. странное

¹⁴ Шкловский приводит запись из дневника Л. Н. Толстого: «Я обтирал пыль в комнате, и, обойдя кругом, подошел к дивану и не мог вспомнить, обтирал ли я его или нет. Так как движения эти привычны и бессознательны, я не мог и чувствовал, что это уже невозможно вспомнить. Так что, если я обтирал и забыл это, т. е. действовал бессознательно, то это все равно, как не было. — Если целая жизнь многих пройдет бессознательно, то эта жизнь как бы не была».

**Скоро вы будете правильно употреблять артикли уже совершенно машинально. Вообще сочетание ??совершенно машинально не вполне стандартно. Ср. также следующий несколько необычный или устаревший пример. В самом деле: человеку, чтобы счастливо существовать, нужно хоть час в день, хоть десять минут существовать машинально. Я же, всегда обнаженный, всегда зрячий, даже во сне не переставал наблюдать за собой (В. Набоков, Соглядатай). [Для современного языка в подобном контексте более нейтральным было бы автоматически.]*

Для слова *машинально* характерны контексты (в них *автоматически* также возможно), описывающие поведение человека, сознание которого отвлечено какой-то мыслью или сильным душевным потрясением, так что он перестает задумываться о собственных действиях, отслеживать их и соотносить со своими намерениями; ср. *Когда доктор начал читать письмо, он еще помнил, в каком он городе и у кого в доме, но по мере чтения утрачивал это понимание. Вышла, поздоровалась и стала с ним прощаться Сима. Машинально он отвечал, как полагается, но не обратил на нее внимания. Ее уход выпал из его сознания. Постепенно он все более полно забывал, где он и что кругом него (Б. Пастернак, Доктор Живаго).*

Машинальность чревата потерей контроля над ситуацией: человек может сделать что-нибудь, чего он не сделал бы преднамеренно; ср. *Днем в камеру явился тюремный чин с двумя шпалами. Саша поднялся машинально, как привык это делать дома, движение, которого он потом не мог себе простить (А. Рыбаков, Дети Арбата).* Обнаружив, что действовал *машинально*, человек начинает чувствовать себя неуверенно; ср. *Какое-то оцепенение нашло на Антона Петровича. Ничего не сознавая, он влез в вагон, сел у окна, снял шляпу, надел ее опять. Только когда поезд дернул и двинулся, он пришел в себя — и в это мгновение его охватило то чувство, какое бывает во сне, когда, летя в поезде легкого кошмара, вдруг замечаешь, что уехал в одном нижнем белье. — Они сели в следующий вагон, — сказал Митюшин и вынул портсигар. — Да что это ты все зеваешь, Антон Петрович? Прямо жутко смотреть. — Это я всегда по утрам, — машинально ответил Антон Петрович (В. Набоков, Подлец).*

Машинальность поэтому может служить средством оправдаться: в качестве разновидности непреднамеренности она снимает с человека часть ответственности; ср. *Римский вдруг протянул руку и как бы машинально ладонью, в то же время поигрывая пальцами по столу, нажал пуговку электрического звонка — Хитрость финдиректора не ускользнула от Варенухи, который спросил — Ты чего звонишь? — Машинально, — глухо ответил финдиректор. (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).*

Когда человек действует *машинально*, это обычно проявляется внешне: он отвечает невпопад или сыплет соль в чай и т. п. Даже если он все делает правильно, *машинальность* сказывается в отсутствующем взгляде или заученных интонациях; ср. *То и дело ему кричали: «Двенадцать»! «Двенадцать»! — но он, казалось, не слышал этого. Только глядел все угрюмее, сжимал зубы. И хотя он читал прекрасно (лучшего чтения я никогда не слышал) — все приметнее становилось, что*

читает он машинально, лишь повторяя привычные, давно затверженные интонации (В. Ходасевич, Гумилев и Блок). Поэтому очень характерно сочетание как-то машинально, в котором отражается внешняя точка зрения на действия человека; ср. Она и это выпила, и снова как-то машинально (Вен. Ерофеев, Москва-Петушки).

Практически во всех случаях, когда употребляется машинально, можно употребить и автоматически. Различие между высказываниями с двумя этими словами будет в этом случае в том, что в машинально делается акцент на специфическом, несколько аномальном психологическом состоянии человека и характерных для такого состояния внешних проявлениях. Автоматически же фиксирует просто некоторый способ совершения действия¹⁵.

В основе значения слова механически лежит не идея отсутствия у человека намерения, а идея отсутствия заинтересованности, полноценной вовлеченности человека в деятельность, которой он занят. Это может проявляться в том, что он не вдумывается в содержание своей работы, а только слепо и совершенно формально выполняет полученные инструкции. Ср. Днем я старался об одном — как можно меньше истратить сил на свою подневольную работу. Я делал ее механически, так, чтобы она не задевала головы. При всяком удобном случае я старался уйти со службы под предлогом болезни (М. Булгаков, Театральный роман). Чем лучше я узнавал Пушкина, тем меньше хотелось рассуждать о нем. Да еще на таком постыдном уровне. Я механически исполнял свою роль, получая за это неплохое вознаграждение (С. Довлатов, Заповедник). Игорь Владимирович объяснял и им, когда они были рядовыми копировщиками, хотел, чтобы копировали не механически, а понимали свою работу (А. Рыбаков, Дети Арбата).

Когда человек действует механически, он не только не вдумывается, но и не «вчувствуется» в то, что он делает; ср. Рыбалка, где радуют отнюдь не кило-

¹⁵ У слова автоматически рассмотренное значение не является единственным. Во-первых, у него есть неметафорическое, прямое значение; ср. Поезд, как вкопанный, остановился на станции Орехово-Зуево и дверь автоматически растворилась (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки). Во-вторых, автоматически употребляется в значении ipso facto; ср. Причина была простая: на филологический факультет евреи не шли, и прошение Михаила Осиповича было в тот год единственное, поступившее от еврея: он тем самым автоматически подошел под норму (В. Ходасевич, Гершензон). Кроме того, автоматически может значить ‘с необходимостью достигая цели’; ср. — Зайдем, посмотришь, как я живу. Вика хорошо понимала, что значит зайти и посмотреть, как он живет. Но эта форма приглашения действовала на нее почти автоматически (А. Рыбаков, Дети Арбата).

Слово машинально в норме употребляется только в одном рассмотренном значении. Ср., например, следующее необычное для современного языка употребление: За пробным разном образом последовало канонизированное единство, утвердился, теперь знакомый всем, каменно-тусклый взгляд его неумных и незлых, но чем-то нестерпимо жутких глаз, — и уже ставшая для всех карикатуристов мира привычной чертой, почти машинально производящей фокус сходства, толстая морщина через весь лоб (В. Набоков, Истребление тиранов).

граммы выловленной рыбы. Мне приходилось довольно механически налавливать мешок судаков и восторгаться изловлением караса в полтора килограмма весом (В. Солоухин, Третья охота).

Во всех этих примерах речь не идет о том, что человек делает что-то не потому, что он собирался сделать это. Ср. также следующий пример, в котором говорится об интеллектуальной деятельности. В применении к ней *механически* указывает на отсутствие должной глубины осмысления фактов, на поверхностную и упрощенную интерпретацию явлений на основе внешних, несущественных признаков. *В этой связи обращает на себя внимание его глубоко диалектический подход к выделению языковых и речевых стилей, которые разграничиваются не механически, — но имеют общие моменты в тех признаках, которые связаны с их композиционными особенностями (Уппсальский корпус).*

Однако есть тип контекстов, в которых *механически* сближается со словами *машинально* и *автоматически*. Это те контексты, которые описывают совершение человеком несложных, привычных действий в состоянии, когда его сознание отвлечено какой-то мыслью или сильным эмоциональным потрясением. Полное отсутствие осознания человеком того, что он делает, является здесь для *механически* частным случаем отсутствия вовлеченности в действие. Ср. — *Вас дожидаются внизу! — крикнула нянечка. — Кто? Я никого не жду. — Мужчина. Говорит, что ваш бывший супруг. На лице Екатерины Герасимовны сперва выразилось недоумение, но тотчас же на ее старчески бесцветных щеках появилась как бы тень румянца. Не говоря ни слова, она стала прятать в комод шапочку и перчатки, в то же время механически поправляя узел волос на затылке (В. Катаев, Фиалка). Вечерами она читала, не видя букв, механически переворачивала страницы, днем и ночью думала только об одном (А. Рыбаков, Дети Арбата). Но мне было как-то беспокойно. Механически читая вслух, я все рассуждал про себя, кто этот гость. Приезжий из России, быть может? (В. Набоков, Соглядатай).*

2.4. НЕЧАЯННОСТЬ

При обсуждении рассмотренных выше слов уже упоминалась возможность потери человеком контроля над ситуацией. Однако для слов *машинально* и *автоматически* эта потеря являлась следствием запрограммированного, стереотипного поведения. Для той группы слов, которая будет рассмотрена ниже, то есть слов типа *невольно* и *нечаянно*, идея потери контроля составляет самую суть значения; ср. *Я невольно (непроизвольно) вскрикнул; Я нечаянно (случайно) наступил ему на ногу; Он боялся ненароком (невзначай) ее обидеть.*

Понятие контроля подробно проанализировано в лингвистической литературе; см. [Dik 1972; Givon 1975; Булыгина 1982; Плунгян, Рахилина 1988; Зализняк Анна 1992б; Кустова 1992 и др.]. Приведем определение контроля, сформулированное Анной А. Зализняк [Зализняк Анна 1992б: 140]: «Про человека *X* можно сказать, что он контролирует ситуацию *P*, — если *X* является в *P* субъектом на-

меренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием. — Соответственно бывают следующие типы неконтролируемых ситуаций: 1) *X* вообще не является участником *P*. 2) *X* является участником *P*, но не контролирует *P*. Здесь различаются три случая: а) в принципе неконтролируемые ситуации (отсутствие намеренного действия): *Он вздрогнул*; б) ситуации, где объект намерения не совпадает с результатом, ср.: *Я нечаянно надел чужую шляпу*; в) результат намеренного действия *X*-а не рассматривается как однозначно определяемый этим намеренным действием: *Он выиграл*».

Поскольку неконтролируемость нас интересует в первую очередь как источник совершения человеком таких действий, которые он не намеревался совершать, для нас существенны не все разновидности неконтролируемости (о соотношении намеренности и контроля см. [Шатуновский 1989]).

Для нас, собственно, важна не столько неконтролируемость как свойство ситуации, сколько ситуация потери человеком, рассматриваемым как целесообразный субъект, контроля над своими действиями в процессе целесообразной деятельности. Эта тонкая грань между действием и происшествием пролегает в основном через второй тип неконтролируемых ситуаций, пункты б) и частично а). Ситуации типа *вздрогнуть* являются в чистом виде происшествиями, отсутствие целенаправленности здесь тривиально. Однако есть ситуации типа *оступиться*, *уронить* и т. п., в которых происшествие является по сути провалом, неудачей в ходе целесообразной деятельности.

В русском языке есть много наречий, служащих для описания указанной ситуации, см. примеры выше, и они сильно отличаются друг от друга по смыслу. Главная особенность наречия *неволью* состоит в том, что оно указывает на зависимость человека от обстоятельств. Это наречие употребляется в основном применительно к трем типам ситуаций.

Первый тип составляют ситуации, когда субъект не мог не совершить какого-то действия или скрыть свою реакцию, потому что слишком велико было воздействие на него — например, сильная боль, неожиданность, толчок, чувство или впечатление; в результате он мог *неволью* *вскрикнуть* (*отступить*, *залюбоваться*, *задуматься*). Ср. *Ветер уперся ей в плечи, в спину, она неволью засеменила, пытается уйти от него, но ветер сразу настиг ее и погнал перед собой, как сухую былинку* (Ю. Нагибин, Дети лепят из снега). *Ничего не было видно, как в подземелье, и Маргарита неволью уцепилась за плащ Азазелло, опасаясь споткнуться* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). *Увидав себя в зеркале, я неволью улыбалась. И, кажется, все мне было к лицу, хотя одевалась я очень просто* (И. Бунин, Заря всю ночь). Источником действия может быть и желание, соблазн, когда человек не может удержаться от совершения действия, особенно если оно очень простое; ср. *Поднимаясь от Ангары с водой, Настена неволью всякий раз поглядывала на дым из трубы: его черный от березы, прямой столб уходил без ветра высоко и был виден издали* (В. Распутин, Живи и помни).

Если же речь идет о не обусловленной особыми обстоятельствами потере человеком контроля над своим поведением, движениями и т. п., то наречие *невольнo* обычно не употребляется. Фразы **Он невольнo разбил окно (опрокинул стакан)* невозможны без специального контекста, раскрывающего причину потери контроля. В этом круге употреблений к *невольнo* наиболее близок синоним *непроизвольнo*, см. ниже. Ср. *Он невольнo (непроизвольнo) схватил меня за руку*.

Ситуации второго типа — это случаи, когда субъект делает что-л. вполне сознательно, однако поскольку он не владеет ситуацией в полной мере или не может оценить всех последствий, результат отличается от его намерения. Ср. *Как легионеры снимают с него веревки, невольнo причиняя ему жгущую боль в вывихнутых на допросе руках* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). [Легионеры не хотели причинять боль, но должны были снять веревки, то есть они делали то, что делали, намеренно и ненамеренно одновременно]. Ср. также *В несколько голосов ветераны юрисдикции теперь вспоминали, подбрасывая мне невольнo материал для этой главы* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). [Ветераны хотели вспоминать, но не имели при этом целью давать материал для книги]. В таких случаях *невольнo* наиболее близко к синонимам *нечаяннo* и *случайнo*, см. ниже. Ср. *Простите, я обидел вас невольнo (нечаяннo, случайнo)*. Впрочем, в *невольнo* отсутствует идея игры случая.

Третий тип представляют ситуации, когда результат не определяется действиями данного человека и он оказывается в том или ином положении просто в силу обстоятельств; ср. *Я невольнo стал свидетелем всего происшедшего (виновником трагедии, арбитром в их споре; Он понимал, что, так преуспев, он невольнo задевал тех, кто прежде шагал с ним вровень, но понимание не приносило облегчения* (Л. Зорин, Злоба дня).

Наречие *нечаяннo* (см. о нем также [Петрова 1983]) указывает на то, что произошла мгновенная и временная потеря человеком контроля над своими движениями, речью и т. п., следствием чего обычно является поведенческий провал; ср. *Я нечаяннo разбил окно (назвал вас на ты, взял не ту шапку)*. *Каким-то офицером вышедший германец рассказал по-немецки, что майор фон Шратт, разряжая револьвер, нечаяннo ранил себя в шею и что его сейчас срочно нужно отправить в германский госпиталь* (М. Булгаков, Белая гвардия).

В результате такого внезапного сбоя человек теряет равновесие, координацию движений, ошибается в выборе нужного предмета или слова. Выпустив из рук рычаги управления ситуацией, человек попадает в зависимость от игры случая: с ним может произойти что-нибудь неожиданное¹⁶. Наречие *нечаяннo* не употребляется, если речь идет о том, что человек совершил какое-то действие, являющееся следствием аффекта, а не случайности или ошибки; ср. *неправильное *От страха он*

¹⁶ Слово *нечаяннo* в языке XIX в. имело также значение 'неожиданно, непредвиденно'. Ср. *Одно мгновение тот думал было бороться, но, почти тотчас же догадавшись, что он пред своим противником, напавшим к тому же нечаяннo, — нечто вроде соломинки, затих и примолк, даже нисколько не сопротивляясь* (Ф. М. Достоевский, Бесы).

нечаянно схватил меня за руку. При этом нормально В этой суматохе ребенок нечаянно ухватился за руку совершенно чужой женщины.

Нечаянно обычно совершают нечто нежелательное, см. примеры выше и ниже, хотя иногда встречаются контексты типа *Я нечаянно угадал выигрышный номер*. Слово *нечаянно* люди часто используют, чтобы оправдаться за совершение чего-то плохого; ср. — *Вы поосторожнее ногами, — сказал он. — Я нечаянно, — сказал Перец. — Я же не знал [что под сиденьем бутылки]* (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне). Однако с другой стороны, потеря контроля над собой может сама по себе рассматриваться как проступок, поэтому на такое оправдание человек может получить детский ответ *За нечаянно бьют отчаянно*.

Наречие *случайно* может использоваться практически во всех случаях, в которых используется синоним *нечаянно*; ср. *Я случайно разбил окно (наступил вам на ногу)* и т. п., хотя в этом случае не будет того намека на раскаяние и человеческую слабость, который есть в *нечаянно*, и оттенка детскости. Ср. *Не спеша оденешься, породистишь по саду, найдешь в мокрой листве случайно забытое и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкусным, совсем не таким, как другие* (И. Бунин, Антоновские яблоки).

Помимо тех употреблений, в которых оно сближается с *нечаянно*, *случайно* имеет также обширный специфический круг употреблений, ср. *Вчера, случайно заговорив с ней и познакомившись у борта парохода, — он потом посидел с ней на палубе, на длинной лавке* (И. Бунин, Визитные карточки). Здесь не имеется в виду, что субъект заговорил и познакомился помимо своей воли, просто у него не было заранее обдуманного плана познакомиться именно с этой женщиной. *Случайно спросил — значит не имел заранее твердого намерения спрашивать и т. п.* Ср. также *Еще и спустя десяток лет это так стыдно, что в своих мемуарах вероятно и затеянных для оправдания, он пишет, будто случайно выглянул на вахту, а там на него накинулись и руки связали* (А. Солженицын, Архипелег ГУЛАГ). Данный круг употреблений *случайно* очень тесно связан с другими значениями этого слова. Слово *случайно* имеет близкое к рассмотренному значение 'не в силу какой-л. закономерности'; ср. — *Гм... — молвил Иван, не зная, что делать с этим цилиндром дальше. Но повезло случайно: Иван нажал кнопку второй раз на слове «фельдшерлица», — и в комнату вошла симпатичная женщина* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). В случаях, когда речь идет о деятельности человека, два значения *случайно* не всегда четко делимы друг от друга. Например, *Я узнал об этом случайно* может значить как то, что человек не стремился что-л. узнать, но узнал помимо своей воли, так и то, что человек хотел узнать нечто, но не знал как, однако ему повезло. А возможно, сам говорящий не различает отсутствие преднамеренности и отсутствие необходимости. Ср. также *Я так вертелся и хохотал, что она, случайно оказавшаяся в кресле рядом со мной, тоже наконец рассмеялась* (И. Бунин, Чистый понедельник). Однако в некоторых контекстах возможно только одно из пониманий. *Я случайно наступил вам на ногу* может пониматься только в смысле отсутствия намерения, т. е. это рассмотренная лексема *случайно* 2. *Саша догадал-*

ся, что попал сюда случайно, не вовремя, не имеет права здесь быть, но не мог встать и выйти. Если он выйдет, то неизвестно, когда попадет сюда и попадет ли. Только сейчас он сообразил, что люди в коридоре ждут приема и ждут, наверно, месяцами (А. Рыбаков, Дети Арбата). Здесь единственное возможное понимание — ‘это не обязательно должно было случиться и даже скорее не должно было, но это случилось’, т. е. это лексема *случайно* 1. В том же значении употребляется выражение *по чистой случайности*¹⁷.

Наречия *ненароком* и *невзначай* употребляются в современном языке ограниченно. Наиболее часто они встречаются в модальных контекстах типа *Боюсь, как бы ненароком (невзначай) его не обидеть; А что если он ненароком (невзначай) заблудился?; Не ходи туда: еще заблудишься ненароком (невзначай); Сними ладонь с моей груди. / Мы провода под током. / Друг к другу вновь, того гляди, / Нас бросит ненароком* (Б. Пастернак, Объяснение). *Любовь на всю жизнь — краса и гордость его биографии. Его право на биографию, покойно прилаженное бремя грусти; если уронить невзначай это бремя с сердца, ощущается тошнотворная легкость пустоты* (Л. Гинзбург, Записи).

Вне подобных контекстов эти слова звучат архаично; ср. следующие устаревшие примеры: *Ступая в жизнь, мы быстро разошлись: / Но невзначай проселочной дорогой / Мы встретились и братски обнялись* (А. С. Пушкин, СЯП). [Фамусов] *(останавливает часовую музыку) — Ведь экая шалунья ты, девчонка. Не мог придумать я, что это за беда! То флейта слышится, то будто фортепьяно; — [Лиза] — Нет, сударь, я ... лишь невзначай ... [Фамусов] — Вот то-то невзначай, за вами примечай; так верно с умыслом* (А. С. Грибоедов, Горе от ума).

Наиболее яркое отличие *ненароком* и *невзначай* от остальных синонимов состоит в том, что в современном языке они часто имеют оттенок ‘не придавая этому особого значения’, сближаясь тем самым с такими словами, как *походя, мимоходом, между прочим*. Ср. *Однажды Гегель ненароком / И, вероятно, наугад / Назвал историка пророком, / Предсказывающим назад* (Б. Пастернак). Для обоих слов, особенно для *невзначай*, в современном языке характерно употребление в сочетании со словами *как бы, будто бы* и т. п. Ср. *Знаете, — говорю, о чем я жалею? Выпивки много осталось... Там, в мастерской... Одновременно я как будто невзначай шагнул через порог* (С. Довлатов, Заповедник).

Наречие *непроизвольно*, хотя в большинстве контекстов его и можно заменить на *невольно*, имеет более узкое значение. Оно указывает только на то, что какое-л.

¹⁷Случайно имеет также значение ‘не руководствуясь никакими критериями при выборе чего-л’; ср. *Были проверены десять случайно выбранных экземпляров книги. В приблизительно таком же значении употребляется слово произвольно*.

Случайно в функции вводного слова в сочетании с частицей *не* используется в разговорной речи в общих вопросах; ср. — *Мне бы Сорокина... — Не Мишку случайно? — Его зовут Михал Иванович. — Так это Мишка и есть* (С. Довлатов, Заповедник). С тем же значением используются слова *случаем* и *часом*.

действие — телесное движение, крик, стон и т. п. — было произведено вследствие утраты человеком (или животным) контроля над своим телом или отдельными органами, что сближает этот синоним с такими словами, как *рефлекторно*, *машинально*. Ср. *Юрий Андреевич непроизвольно застонал и схватился за грудь. Он почувствовал, что падает в обморок, сделал несколько ковыляющих шагов к дивану и повалился на него без сознания* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). *На секунду он потерял контроль над собой. Он шагнул к штурмовикам, рука его непроизвольно поднялась, сжимаясь в кулак* (А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом).

Субъектом ситуации поэтому здесь бывает обычно отдельный человек, рассматриваемый не как личность, а как живое существо, или отдельное животное. Хотя иногда это слово употребляется и для описания интеллектуальных реакций человека, в этом случае подразумевается, что мыслительная деятельность для него очень органична; ср. *Посеревшая, постаревшая, наконец она выглядела на свой возраст. «На весь срок», — тоскливо подумал он, непроизвольно отмечая перемены в ее лице* (Л. Зорин, Злоба дня).

В качестве синонимов для слов данной группы используются также производные от их антонимов — *неумышленно* и *непреднамеренно*. Ср. *Я обидел вас неумышленно; Блуждая в орнитологических дебрях, мы непреднамеренно (и даже совершенно случайно) набрали на ряд бесполезных, как нам кажется, для любителей наших сограждан наблюдений* (Архив НГ). По сравнению со словами *умышленно* и *преднамеренно*, имеющими отчетливый юридический оттенок, их производные *неумышленно* и *непреднамеренно* используются для описания более широкого круга ситуаций.

В языке XIX в. со значением ‘невольно’ употреблялось слово *нехотя*; ср. *Нехотя вспомнишь и время былое, / Вспомнишь и лица, давно позабытые* (И. С. Тургенев, Утро туманное). *Ну, я прощаю тем, / Которые, пусться в пятнадцать лет на волю, / Привыкли нехотя лишь к пороку да к полю* (А. С. Пушкин, СЯП). В современном языке *нехотя* используется только в значении ‘неохотно’.

В языке есть еще ряд средств выражения смысла ‘непреднамеренность’, например, такие сочетания, как *помимо (своей (собственной)) воли; само собой (что-то сделалось)* [А вдруг все то, о чем молчу, / Само собою скажется (Песня)]; *ноги сами идут куда-либо, сорвалось с языка* и т. п.

Кроме того, этот смысл входит в лексическое значение многих слов; ср., например, уже упоминавшиеся слова типа *уронить* и *споткнуться*. Помимо этого, в языке есть много тонких средств различения преднамеренных и непреднамеренных действий, в частности, оно может осуществляться с помощью категории глагольного вида; см. [Апресян 1978; Булыгина 1982].

От смысла ‘непреднамеренность’ необходимо отличать смысл ‘импульсивность’. Эти два смысла принципиально различны, хотя в языке часто слабо противопоставлены. В случае *импульсивных, спонтанных* действий, в отличие от действий *ненамеренных*, у человека намерение как раз есть. Однако оно возникает непосредственно из желания, без прохождения стадий взвешивания, обдумывания

и т. п. Недоразвитость этапов, на которых происходит интеллектуальное обеспечение планируемого действия и, в случае необходимости, блокируется его совершение, приводит к тому, что человек тоже в некотором смысле себя не контролирует.

Впоследствии он может обнаружить, что цель, на достижение которой было направлено его действие (настоять на своей правоте, добиться получения какой-нибудь вещи и т. п.), не стоила затраченных ресурсов и получившихся отрицательных последствий, или же что она была нереальной. Тогда, в свое оправдание, человек говорит, что поступил так *сгоряча* (*необдуманно, импульсивно, спонтанно, поддавшись* какой-либо эмоции или *охваченный* страстью, яростью и т. п.), что он *вспыхнул* (*вспылил, не сдержался*). Обычно это связывается с тем, что человек поспешил с осуществлением своего намерения: действовал *скоропалительно* или *под влиянием минуты*.

Если неспособность человека пропускать свои намерения, возникшие под влиянием стресса, через фильтр разума выходит за рамки медицинской нормы, то говорят, что он действовал в состоянии *аффекта*. Нахождение в этом состоянии не просто снимает с человека часть моральной ответственности за содеянное, но и в ряде случаев приводит к признанию его невменяемым, то есть юридически не ответственным за свои действия.

В естественном языке о контроле говорят как раз чаще применительно именно к ограничению человеком своих побуждений (ср. также слово *самоконтроль* и выражение *владеть собой*). Именно в этом смысле Онегин говорит Татьяне Лариной *Учитесь властвовать собою*: он призывает ее не превращать в намерение любое желание.

2.5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей главе рассмотрены представленные в языковой телеологии разновидности механизмов совершения человеком действия при отсутствии полноценной, внешней по отношению к этому действию цели. Надо сказать, что наивная картина в какой-то степени соотносится с тем, как действия человека классифицируются в гуманитарных науках.

В частности, крупнейший социолог М. Вебер [Вебер 1990: 625—628], обсуждая возможные мотивы социального действия, выделяет четыре типа таких действий.

Первый тип социального действия он называет «целерациональным». В основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели. С точки зрения языковой картины, в этот тип заведомо попадают только целенаправленные, намеренные действия.

Второй тип Вебер характеризует как «ценностно-рациональный» — основанный на вере в безусловную (эстетическую, религиозную или любую другую самодовлеющую) ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет. Отчасти это пересекается с тем явлением, которое описывается словом *самоцель*, но в основном сюда также попадают прототипи-

ческие с точки зрения языка намеренные действия. Языковой аналог этого типа действий скорее можно увидеть в концепте долга, несоединимом с идеей цели (см. [Булыгина, Шмелев 1991]), ср. также разного рода формулировки типа *Не могу поступить иначе*.

Третий тип — «аффективный», обусловленный прежде всего эмоциональным состоянием субъекта. Ср. выше об импульсивных действиях. Выше говорилось также об эмоциональном потрясении как источнике машинальности; ср. *А что у Нюски-Светлячка отца убили, он и не знал вовсе. Лека переспросил растерянно: — Убили? — Еще в том году, — сказала Нюска. — Году, — поправил он машинально, все еще пораженный* (А. Лиханов, Звезды в сентябре).

И, наконец, четвертый тип по Веберу — это традиционные действия, основанные на длительной привычке. Это довольно точно совпадает с теми употреблениями слов *машинально* и *автоматически*, которые описывают воспроизведение одной и той же последовательности действий; ср. *Как сама она, раз войдя в колею жизни, почти машинально наполняла ее одним и тем же содержанием, так, по мнению ее, должны были поступать и другие. — Иудушка, по обычаю, подходит к ее ручке, и, по обычаю же, она машинально крестит его. Потом, по обычаю, идут вопросы, все ли здоровы, хорошо ли почивали, на что следуют обычные односложные ответы* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы). *В одежде своей, в образе обиходного бытия он следовал побуждениям очень смутным, ни над чем не задумываясь, редко меняя белье, машинально заводя на ночь часы, бреясь тем же лезвием, пока оно не переставало брать волос, питаясь случайно и просто, — и по какой-то печальной инерции заказывая к обеду все ту же минеральную воду, которая слегка была в нос, вызывая щекотку в углах глаз... Он замечал только изредка, что существует* (В. Набоков, Защита Лукина). Разного рода «нечаянные» происшествия, типа столкновения велосипедистов, Вебер не рассматривает как социальные действия (им соответствуют слова со значением непреднамеренности). Не являются таковыми и случаи чисто подражательного поведения людей в толпе, в которых проявляется «массовая психология» (такое поведение может описываться словами *автоматически, невольно, произвольно* и др.).

Таким образом, наивная, языковая телеология дает нам классификацию действий, по тонкости и глубине сопоставимую с тем, что может предложить современная гуманитарная мысль.

ГЛАВА 3. НЕСОБСТВЕННО-ЦЕЛЕВЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

ЦЕЛЕВЫХ СЛОВ

3.1. ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И НЕСОБСТВЕННО-ЦЕЛЕВЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

ЦЕЛЕВЫХ СЛОВ

В современной лингвистике давно стало общепризнанным представление о цели как атрибуте человека и, соответственно, о том, что целевые слова включают

представление о целесообразном субъекте. Однако все толкования естественным образом ориентированы на прототипические для смысла 'цель' контексты. А при описании конкретных целевых слов лингвисты довольно часто сталкиваются с такими употреблениями, к которым весьма трудно буквально применить некоторые элементы толкования [см., например, Крейдлин 1992; Кобозева, Лауфер 1991].

Недостаточно было бы сказать, что подобные употребления являются несобственно-целевыми; существенно, что имеется круг смыслов, отличных от смысла 'цель', который систематически обслуживается в естественном языке целевыми словами.

По-видимому, мы имеем дело с некоторой особенностью наивной телеологии, отличающей ее от современного рационального представления о целеполагании (я рассматриваю проблему на русском материале, однако очевидно, что она не является национально специфичной). Цель может интерпретироваться в языке расширительно, причем это размывание возможно в двух основных направлениях.

Во-первых, прототипическое понятие цели ослабляется за счет постановки разного рода потенциальных и условных целей (это характерно почти исключительно для слов *для* и *чтобы* в контексте предикатов со значением необходимости (*нужно* и т. п.), а также в контексте таких предикатов, как *достаточно*, *слишком* и т. п. — и для самих слов типа *нужен*, *слишком*). Таким модальным разновидностям цели посвящен второй раздел настоящей статьи.

Во-вторых, возможен отход от прототипического понимания цели в смысле интерпретации фигуры субъекта: он может быть обобщенным, провиденциальным, или вообще речь может идти скорее о квази-субъекте, субъект может раздвигаться и быть неопределенным. Естественно, что в этом случае особым образом понимаются многие составляющие смысла 'цель', в центральных случаях ориентированные на отдельного конкретного человека: такие как 'субъект хочет (считает, предпочитает)'. В третьем и последующих разделах речь пойдет преимущественно об этом втором типе ослабленного понимания цели.

Разного рода несобственно-целевые употребления характерны для большинства целевых слов. Причем практически внутри любой группы единицы противопоставлены с точки зрения степени возможности таких употреблений. Источник этого семантического противопоставления коренится в самой структуре смысла 'цель'. Ср. приведенное в начале статьи толкование Ю. Д. Апресяна: цель — это, с одной стороны, содержание чьего-то желания, а с другой — предполагаемый результат. И смысловой акцент может приходиться на каждую из этих частей.

Естественно, что несобственно-целевые употребления менее возможны для слов, у которых на первом плане индивидуальные побуждения, желания субъекта, и более — для слов, ориентированных в первую очередь на идею достижения результата. Так противопоставлены *ради* и *для*, *дабы* и *чтобы*, *задача* и *цель*, *к чему* и *зачем*, *намеренно* и *специально*, *назначение* и *функция*, *намерение* и *замысел* и др. Например, предлог *ради* имеет очень высокий «личностный накал»: для него чрезвычайно существенны индивидуальные побуждения субъекта, его предпочтения

и представление о ценностях, его личный выбор. Слово же *функция*, напротив, максимально обезличено.

3.2. Модусы целеполагания

В прототипическом случае цель является актуальной, то есть, говоря о цели, мы подразумеваем, что субъект действительно хочет, чтобы какая-то ситуация начала иметь место; ср. *Чтобы разжечь огонь, мне нужны спички*. Актуальная цель не всегда конкретизируется: она может быть самоочевидной (чтобы было хорошо, вкусно, приятно, чтобы все в мире шло своим чередом и т. п.). Ср., например, фразы типа *Нужно открыть окно (добавить сахару)*. Можно назвать такую неконкретизируемую цель тривиальной целью, она выводится из особенностей текущей ситуации или из аксиом действительности.

Однако в некоторых случаях идея целеполагания заключается в сложную модальную рамку, которая несколько видоизменяет и сам смысл 'цель'. Это явление связано с контекстами практической необходимости или, в терминологии Г. Х. фон Вригта, «технического долженствования» [Вригт 1986: 324]. В языке соответствующие предикаты регулярно управляют целевыми выражениями — это могут быть именные группы с предлогом *для* или придаточные предложения, вводимые союзом *чтобы*, (*для этого (чтобы сделать это,) нужно...*), а также слово *зачем*. Цель, которая фигурирует в этих контекстах, может быть ирреальной: потенциальной или конвенциональной (условной).

3.2.1. ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ

Наиболее типичная разновидность ирреальной цели — это потенциальная цель. В отличие от обычной, актуальной цели, которая предполагает, что субъект действительно хочет чего-либо, потенциальная цель вводит в рассмотрение предполагаемый результат, о котором не утверждается, что он является желательным. Он просто рассматривается как такой, которого можно и естественно желать.

Потенциальная цель имеет место в контекстах типа следующего: *Чтобы доехать отсюда до работы, мне нужно полчаса, а чтобы доехать до дома — час, так что поеду лучше на работу*. Говоря так, человек не имеет в виду, что у него две цели — поехать на работу и поехать домой. Он только указывает на то, что в случае, если он поставит перед собой эти цели, то сможет их достичь при тех или иных условиях.

Ср. следующий пример, который построен на противопоставлении потенциальной и актуальной цели в составе предиката практической необходимости — любимая фраза З. Гиппиус (зафиксированная мемуаристами): *Если надо объяснять, то не надо объяснять*. Первое *надо* предполагает потенциальную цель (если хотеть, чтобы понял). Второе *надо* предполагает актуальную цель (хочу, чтобы понял). В первом случае *не надо* понималось бы в смысле 'и так поймет' (цель будет до-

стигнута в любом случае), во втором *не надо* означает — ‘пусть и не понимает (нет такой цели, потому что если человек глуп, нечего с ним иметь дело)’.

Можно предложить следующее толкование для понятия потенциальной цели: ‘Оценивая возможность предполагаемого результата Р, который рассматривается как такой, которого можно и естественно хотеть, человек считает, что Р не будет иметь места, если не будет использован ресурс Х’. Как видно из этого толкования, основные составляющие смысла ‘цель’ в этом случае сохраняются, однако происходит подрыв характерного для прототипической цели свойства: спаянности смыслов ‘хотеть’ и ‘считать возможным’, которая в значительной степени определяет специфику целеполагания.

3.2.2. КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ (УСЛОВНАЯ) ЦЕЛЬ

Компонент ‘результат Р рассматривается как такой, которого можно и естественно хотеть’ объясняет, почему вне специфического полемического контекста странно звучат фразы типа *Чтобы уничтожить все живое, нужно в сто миллионов раз больше этого вещества*.

В полемике они, однако, возможны: здесь имеет место совершенно особое явление — конвенциональная (условная) цель (ср. также *Чтобы простудиться, мне нужно два часа стоять на морозе; Чтобы пересолить, нужно добавить еще две ложки соли*). Естественные контексты для таких высказываний — контексты типа: *Да не бойся, я не простужусь, если выскочу на минутку на улицу; Да нет, суп вовсе не слишком соленый*. Здесь не предполагается в действительности, что субъект имеет или может поставить перед собой такую цель (простудиться, пересолить или уничтожить все живое). Цель постулируется лишь в качестве допущения для удобства рассуждения, желательность соответствующего результата даже на обсуждается.

Условная цель всегда конкретизируется, тогда как актуальная и даже потенциальная — не всегда; см. пример выше.

В случае условной цели значение высказываний с предикатами долженствования почти сводится к условным отношениям, ср. ‘если не буду два часа стоять на морозе, то не простужусь’. Однако целевое допущение позволяет человеку начать рассуждение с предполагаемого результата, а к нему подверстать условия, причины и т. п. Поэтому подобные рассуждения и встречаются обычно в контексте полемики: они позволяют человеку опровергнуть, например, неправильный прогноз или утверждение общего характера. Так, фраза *Чтобы уничтожить все живое, нужно в сто миллионов раз больше этого вещества* естественна как аргумент, опровергающий утверждение, что производство соответствующего количества некоего вещества угрожает гибелью всему живому.

Предлагается следующее толкование для понятия условной цели: ‘Оценивая возможность предполагаемого результата Р, как если бы кто-то хотел (имел целью) его достигнуть, говорящий считает, что Р не будет иметь места, если не будет реа-

лизовано условие X'. Из этого толкования видно, что смысл 'цель' привлекается в рассматриваемых употреблениях по аналогии, в риторических целях.

Понятие конвенциональной цели представляет собой источник развития различного рода аналитических, эпистемических и т. п. значений предикатов должествования; ср. *Нужно очень любить студентов, чтобы столько с ними возиться*; см. [Кобозева, Лауфер 1991]. Здесь собственно целевое содержание целевых слов полностью выхолащивается, место цели занимает гипотеза, а место средства — аргумент в ее пользу.

3.2.3. «ОВЕЩЕСТВЛЕННАЯ» ЦЕЛЬ

По-особому предстает идея цели в ситуации, когда обсуждаются не люди и их действия, а предметы и их бытование в мире людей. В этом случае мы видим цель воплощенной в вещи. Так в театре марионеток мы смотрим на движения кукол и судим по этим движениям о замысле невидимого нам художника. Речь идет прежде всего о словах типа *назначение* (*предназначение*, *функция*, *миссия*, *роль*); см. [Левонтина 1995; Крейдлин 1992]. Толкование важнейшей общей части смысла, лежащего в основе этих слов, можно сформулировать так: 'то, для чего объект нужен'. В это толкование, в конечном счете, входит компонент 'цель', так как он входит в толкование самого слова *нужен*; см. [Кобозева, Лауфер 1991].

Однако перечисленные слова очень сильно отличаются друг от друга с точки зрения интерпретации этой овеществленной цели. Они распадаются на две группы. В словах *назначение* и *предназначение* подразумевается прежде всего цель, ради которой данный объект был создан, при этом неизвестно, как он реально используется, между тем в словах *функция*, *миссия* и *роль* на первом плане то, какие конкретные действия должен выполнять данный объект, или какие действия должны выполняться с его участием, то есть то, как он используется для достижения некоторой цели в конкретной ситуации. Рассмотрим это противопоставление на примере семантических различий между синонимами *назначение* и *функция*.

Слово *назначение* (в основном круге употреблений) указывает на то, для чего данный предмет обычно нужен. *Назначение* реализуется чаще всего регулярно, причем не только данным конкретным предметом, но и всем классом предметов, созданным людьми специально для совершения некоторого полезного действия. Ср. *В нижние комнаты, где было просторнее, он [гардероб] не годился по несоответствию назначения, а наверху не помещался вследствие тесноты* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). *Они изобрели несколько устройств, работающих на том же принципе, но несколько иного назначения. Одно из этих изобретений — индикатор отрицательных температур* (Уппсальский корпус).

По указанной причине *назначением* обладают большинство артефактов: инструменты, механизмы, вместилища и иные объекты, которые создаются специально ради определенного свойства. Ср. *Что общего у магнитофона и солнечной батареи, гидролокатора и поляризационного микроскопа? Несмотря на разное*

назначение, эти устройства имеют общую особенность — в каждом работают кристаллы (Уппсальский корпус). Применительно к таким объектам, используемым в утилитарных целях, *назначение* оказывается одним из свойств-параметров, наряду с весом, размером и т. п. Поэтому *назначение* — единственное из слов данного ряда — может употребляться в типичной для параметрических существительных конструкции *X такого-то назначения* с обязательным определением (ср. *X такого-то веса (размера, роста)*). Ср. *Я тоже видел, как он переезжал. Для наших географических условий зрелище впечатляющее. Масса каких-то предметов неизвестного назначения, каждый обернут фольгой и на каждом крупными буквами «IVANKO»* (В. Войнович, Иванькиада).

Уникальная особенность данного слова проявляется и в выражении *использовать что-л. по назначению*, где *назначение* — свойство самой вещи. *Не по назначению* значит ‘не так, как предусмотрено создателями вещи’. *Назначение* сохраняется у предмета даже в том случае, если он никогда не был использован в соответствии с ним. Ср. также полутавтологическое выражение *прямое назначение*. *Назначение* может быть только прямым: *по прямому назначению* как раз и значит ‘строго по назначению’.

Во многих употреблении *функция* очень близка к *назначению*. Но если *назначение* — свойство предмета (или во всяком случае представляется как таковое), то *функция* — это его деятельность, работа в составе какого-то целого, например, детали в составе механизма, института в составе государства и т. п.; ср. *Всего только первый год, первый шаг славного пути был пройден ВЧК, а уже, как не совсем вятно пишет Крыленко, возник «спор между судом и его функциями — и внесудебными функциями ЧК»* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). *Назначение* присуще предмету, как таковому, а *функция* определена во времени; *назначение* потенциально, а *функция* актуальна или узуальна; *назначение* статично, а *функция* динамична. *Функции* объекта могут меняться, и их может быть много, так как один и тот же объект может входить в разные целые. В этом смысле *функция* концептуализуется не как свойство, а скорее как состояние; ср. *в какой-л. функции*.

Назначение характеризует в основном артефакты, а *функции* могут быть практически у любых объектов: *функции внутренних органов, функции суда (начальника отдела), функция этой детали (этого упражнения)* и т. д.

В случае, если речь идет о предмете, для которого данная *функция* — главное, *функция* сближается с *назначением* и они становятся полностью или частично взаимозаменяемыми; ср.: *Экскурсовод показывал первобытные орудия и объяснял их назначение (их функции)*. Хотя иногда угадывалось *назначение комнаты — столовая, салон, возможно, детская, — в общем их роднило отсутствие понятных функций* (И. Бродский, *Fondamenta degli incurabili*).

Назначение, таким образом — это стандартная, типовая *функция* предмета — *функция*, которая лежала в основе замысла и которую он выполняет в норме.

Очень похоже устроено противопоставление между словами *предназначение* и *миссия*; см. [Левонтина 1995].

Аналогичное значение ('то, для чего объект нужен') систематически выражается в русском языке предлогом *для*, а также другими предлогами — *на*, *под*, *к*. Ср. следующие контексты, в которых различаются целевое *для* и *для*, указывающее на назначение. *Для стрижки овец он купил новые ножницы* [цель] и *Он купил новые ножницы для стрижки овец* [назначение]. Аналогично ведет себя предлог *на*. Так, фраза *Он потратил все деньги на дом* двусмысленна. Если имеется в виду, что он купил дом, то *на* выражает здесь идею цели. Если же говорящий хочет сказать, что субъект не купил дома, а растратил отложенную сумму, то *на* указывает на назначение¹⁸.

Ясно, что *ножницы для ногтей* остаются таковыми и в том случае, если никогда не были использованы по назначению. Точно так же и в следующем примере указание на назначение не мешает объяснять, как нужно использовать предмет совершенно иным способом: *А еще прекраснее вот что (записывайте): Пиво жигулевское — 100 г. Шампунь «Садко — богатый гость» — 30 г. Резоль для очистки волос от перхоти — 70 г. Клей БФ — 12 г. Тормозная жидкость — 35 г. Дезинсекталь для уничтожения мелких насекомых — 20 г. Все это неделю настаивается на табаке сигарных сортов — и подается к столу...* (Вен. Ерофеев, Москва-Петушки).

3.3. РАСШИРИТЕЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

СУБЪЕКТА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Каноническим субъектом целеполагания является отдельный человек, причем рассматриваемый как личность, а не просто как живое существо. Это связано с такими входящими в состав смысла 'цель' компонентами, как 'хотеть', 'считать', 'предпочитать' и др. Как и другие слова, описывающие человека как личность, многие целевые слова применимы, помимо этого (иногда с большей или меньшей долей метафоричности), к двум несколько неканоническим типам субъектов: это, с одной стороны, группы людей и организации, а с другой — животные и маленькие дети.

Однако особенность целевых слов состоит в том, что при них представление о субъекте может подвергаться дальнейшему размыванию. Можно выделить три основных типа непрототипических субъектов целеполагания: провиденциальный субъект (высшая сила), обобщенный субъект (люди вообще или некоторый обоб-

¹⁸ Во многих случаях выражаемые предлогами смыслы 'цель' и 'назначение' плохо отделимы один от другого, что само по себе демонстрирует близость этих смыслов; ср. несколько примеров: *Не домой, / не на суп, / а к любимой / в гости / две / морковинки / несу / за зеленый хвостик* (В. Маяковский, Хорошо!). *Каждый выбирает по себе / Слово для любви и для молитвы, / Шпагу для дуэли, меч для битвы* (Ю. Левитанский, Каждый выбирает для себя). *Пару соток под застройку, / под огурцы отвели* (А. Цветков, Каждый злак земли подо мной). *А сырку к чайку или ливерной — / Тут — двугривенный, там — двугривенный... / А где ж их взять?* (А. Галич, Фарс-гиньоль). *Жареный лук я не Бог весть как люблю, разве что приправой к картошке* (Ф. Горенштейн, Койко-место).

щенный представитель человеческого рода, носитель «аксиом действительности») и квази-субъект. Под квази-субъектом здесь понимается субъект, которому не приписывается никаких свойств, кроме свойства быть субъектом целеполагания. Нужно только оговориться, что эта классификация несколько условна, так как явление непрототипического субъекта возникает в ситуации, когда сама фигура субъекта целеполагания теряет определенные очертания.

Тип субъекта не находится в прямой зависимости от модуса целеполагания, хотя имеются наиболее характерные сочетания этих двух признаков. Субъектом актуальной цели чаще всего бывает конкретный человек, но это не обязательно. Так, в высказывании *Нужно, чтобы искусство служило людям* субъект понимается как обобщенный (люди вообще) или провиденциальный (высшая сила), однако имеется в виду актуальная цель, то есть для субъекта, как бы его ни интерпретировать, соответствующее положение дел является желательным. Надо, впрочем, отметить, что говорить о желаниях применительно к кому-либо, кроме отдельного человека, можно лишь расширительно.

Подобные рассуждения о «практической необходимости» часто встречаются и по отношению к природе; ср. *Для образования хлорофилла (чтобы происходил процесс фотосинтеза,) нужен солнечный свет*. Здесь вряд ли уместным был бы вопрос «Кому нужен?», то есть имеет место явление квази-субъекта. Однако и в этом случае помимо смысла «если не будет света, то не будет и хлорофилла» есть еще нечто: ведь само по себе условное отношение безразлично к каким-либо предпочтениям, а здесь явно в каком-то виде присутствует что-то вроде желания (актуальной цели), чтобы процесс фотосинтеза шел. Ср. также *Для чего нужны мухи?*; *Волки тоже нужны — они очищают лес от больных и слабых животных*. Подобные высказывания предлагается толковать следующим образом: «Рассматривая природный процесс как нечто сходное с деятельностью, направленной на достижение некоторой цели Р, говорящий считает, что субъект этой деятельности, кто бы он ни был, не сможет достичь своей цели иначе, как используя ресурс X».

Если не учитывать данный — хотя и трудноуловимый — компонент смысла, то невозможно объяснить, почему без специфического полемического контекста выглядят странно фразы типа *Для гибели всего живого нужно...*

Потенциальная цель также часто связана с конкретным субъектом, как в приведенном выше примере с поездкой домой или на работу. Однако более типична ситуация, когда сочетаются потенциальная цель и обобщенный субъект (все и каждый); ср. *Чтобы разжечь огонь, нужны спички*.

3.3.1. НЕКАНОНИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ ОВЕЩЕСТВЛЕННОЙ ЦЕЛИ

Неканонические интерпретации субъекта целеполагания очень характерны, в частности, для слов со значением «то, для чего объект нужен», сама смысловая структура которых такова, что предопределяет определенную слабость позиции субъекта и возможность различного ее понимания.

Специфика этих слов состоит в том, что не указывается, чья цель имеется в виду, и субъектной валентности у них нет. При этом сам смысл 'цель' предполагает наличие субъекта. Эта парадоксальная ситуация создает возможности для семантического варьирования и семантической неопределенности.

В словах *назначение, предназначение, функция, миссия* фигура субъекта целеполагания находится, таким образом, как бы за кадром, так как эти слова служат для описания предметов, не наделенных собственной волей или не рассматриваемых в качестве действующих самостоятельно. Некоторые семантические противопоставления между этими словами связаны, тем не менее, с разной интерпретацией позиции субъекта.

С этой точки зрения различаются синонимы *назначение* и *предназначение*. Если *назначение* указывает прежде всего на то, для чего данный объект нужен людям, то *предназначение* ассоциируется скорее с высшей волей, высшим разумом. Лишь иногда речь может идти о человеческой воле. Поэтому обычно говорят о *предназначении* сущностей высокого порядка — людей и других объектов (народ, искусство, труд и т. п.), которые мыслятся как носители разума, души, причем им приписывается фундаментальное значение. В соответствии с этим, когда говорят о *назначении поэзии*, имеют в виду прежде всего ее пользу: *Назначение поэзии — пробуждать в людях добрые чувства*. Если же говорят о *предназначении поэзии*, то имеют в виду скорее ее красоту безотносительно к пользе или даже ее божественный замысел. В этом отношении слово *предназначение* близко к таким словам, как *судьба, участь, предначертание*, которые изображают происходящие события как определенные заранее и, возможно, кому-то заранее известные.

Миссия, которая по другим признакам противопоставлена *предназначению*, сближается с ним в аспекте источника. В обоих случаях это воля божественная, сверхъестественная или же исходящая от какой-то высшей силы, например государства. Если же она исходит от человека, то лишь от такого, который может полностью распоряжаться другим человеком. Поэтому чаще всего речь идет о чем-то важном.

В слове *функция* вообще нет представления о чьей-то воле, оно основано на идее потребности: объект нужен для успешного осуществления какого-либо действия или правильного течения процесса; ср. *Функция печени — очистка крови*. Если в словах *назначение* и *предназначение* легко примысливается обобщенный или провиденциальный субъект, то слово *функция* не подразумевает столь определенного ответа на вопрос «Кому это нужно?». Здесь можно говорить скорее о квази-субъекте, примысливаемом *ad hoc* или допускаемом по аналогии. Цель при этом актуальная: она состоит в том, чтобы процесс протекал успешно или в соответствии с нормой (то, что выше было названо тривиальной целью). *Функция*, в отличие от многих других целевых слов (и подобно, например, слову *нужно*), может описывать не только деятельность людей, но и природные процессы, которые в некоторых случаях язык интерпретирует как нечто сходное с целесообразной деятельностью.

Это хорошо видно при сопоставлении слова *функция* со словом *роль*, которое является его близким синонимом и может заменять его во многих контекстах. *Роль* при этом не является целевым словом, характеризуя лишь место объекта в ситуации и сближаясь по смыслу с такими словами, как *место*, *значение* и т. п.

Функция описывает то, что является нормой, осуществляется регулярно и, следовательно, как бы запланировано на будущее. Если же говорится об отклонении от нормы, о разовом нестандартном событии, то можно употребить только слово *роль*; ср. *Сгусток крови играет роль (*выполняет функцию) пробки, закупоривающей сосуд*.

Поскольку слова ряда *назначение*, *предназначение* и т. п. указывают на свойства объекта, вовлекаемого активным субъектом в его целенаправленную деятельность, естественно предположить, что они могут различаться с точки зрения того, предполагается ли у носителя соответствующего свойства активность и сознательность при осуществлении деятельности. Вообще возможность раздвоения субъекта целенаправленной деятельности предопределена двойственностью этой позиции: он является субъектом целеполагания и субъектом деятельности. Эта коллизия характерна для различных целевых слов.

С этой точки зрения наиболее отчетливо противопоставлены синонимы *предназначение* и *миссия*. В *миссии* больше самостоятельности, чем в *предназначении*. *Предназначение* может осуществляться и активно, и пассивно, *миссия* же осуществляется обычно активно и в большей степени сознательно. Ср. невозможное **Его миссия — стать жертвой...* при нормальном *Его предназначение — стать жертвой...* Однако сколь бы ни был самостоятелен носитель *миссии*, за ним всегда стоит верховный каузатор. В этом одно из ее отличий от *задачи*, которую человек сам может поставить перед собой, а не только воспринять извне.

Рассмотренные выше предлоги, вводящие указание на функцию или назначение, тоже могут подразумевать различную интерпретацию неназванного субъекта целеполагания. Так, например, такие сочетания, как *ножницы для ногтей*, *соус к мясу*, предполагают скорее всего обобщенного субъекта целеполагания, а *ткань на платье*, *банка под огурцы* — конкретного.

3.3.2. ПСЕВДСУБЪЕКТ И РАЗДВОЕНИЕ СУБЪЕКТА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Для многих других целевых слов также можно привести контексты, в которых указание на субъекта отсутствует или смещено, так что цель приписывается псевдосубъекту, в то время как настоящий субъект оставлен за кадром. Ср. *Зачем тут лежит эта ручка? Вода специально течет?* В работе [Рахилина 1989] отмечается, что *зачем лежит* понимается как *зачем положили*. Вообще применение целевых слов к объектам, которые не рассматриваются как наделенные волей субъекты целеполагания, легко интерпретируется в смысле наличия другого целесообразного субъекта; ср. — *Что это за музыка? — Тайный советник. Это в ресторане, принцесса. — Принцесса. Зачем у нас в ресторане всегда играет музыка? —*

Тайный советник. Чтобы не слышно было, как жуют, принцесса (Е. Шварц, Тень). *Зачем он у вас такой закутанный?* — *спросила услужающая женщина.* — *Ему тяжело* (Л. Гинзбург, Заблуждение воли).

Однако подобные построения всегда чреваты тем, что возникнет иллюзия самостоятельности псевдосубъекта: он действует как бы сам по себе. Ср. следующий пример: *Смысл шахматной игры для любителей шахмат заключен в двух словах — радость общения.* — *А в чем смысл игры для шахматных фигур?* У них своя цель — *взять в плен короля чужой армии.* (...) *Черная ладья по линии «d» не имеет видимых целей* (Д. Бронштейн, Самоучитель шахматной игры). Если сказать, что *цель ладьи* — это то же, что цель игрока, поставившего ладью на данное место, это будет не совсем верно. Возможно, он раньше не думал об этой ладье, а теперь обдумывает сложившуюся позицию и возможности ладьи. Возможно, говорящий доигрывает партию за другого и вообще не ставил ладью на линию «d». А может быть (это и имеет место в данном случае), он просто анализирует позицию, известную из истории шахмат. Конечно, здесь не имеется в виду, что субъект — это какой-либо конкретный шахматист. Здесь вводится некий квази-субъект, неважно даже, человек это или сама шахматная фигура, и делается попытка угадать, какие цели он мог бы преследовать, действуя соответствующим образом. В действительности речь идет не о целях, а о возможностях использования ладьи. Но обсуждаются они в терминах целеполагания. От настоящего целеполагания это отличается специфическим модусом «как если бы».

3.3.3. РАССУЖДЕНИЕ О ЦЕЛЯХ ПО АНАЛОГИИ ПРИ ОТСУТСТВИИ СУБЪЕКТА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

В следующем примере хорошо видно, как работает оператор «как если бы» применительно к целевым словам: *Сегодня, устраивая новую комнату, я размышляла над пустотой своего письменного стола: кроме книг и бумаг — чернильница, перо, два карандаша (краденых), коробочка с кнопками, которая могла бы лежать и в ящике, но лежит наверху, очевидно для полноты картины* (Л. Гинзбург, Записи). Для полноты картины не может пониматься здесь ни как указание на то, что коробочка с кнопками обладает собственной волей, ни как указание на цель человека, положившего ее, — самой Л. Я. (об этом говорит слово *очевидно*: человек не может не знать своей цели). Размышляя над тем, что в том, как выглядит ее письменный стол, отразились особенности ее личности, образа жизни и т. п., Гинзбург описывает это так, как если бы кто-то целенаправленно составлял эту композицию, желая достичь максимального эффекта. При этом ясно, что никакое реальное участие посторонней воли не имеется в виду.

Таким образом, происходит следующее. Целеполагание присуще человеку. В свою целенаправленную деятельность человек вовлекает различные предметы. В вещах, используемых человеком, создаваемых им и т. п., отражаются и проявляются его цели, как бы застывают его замыслы. Но коль скоро замыслы явлены в

вещах, они могут абстрагироваться от человека. А раз так, то, рассуждая о целях разных вещей, не всегда обязательно вспоминать о человеке. Но если рассуждение о вещах в терминах целеполагания возможно, то не обязательно ограничивать его только обсуждением таких положений дел, которые зависят от человека.

В случаях, когда целенаправленность приписана явно не истинному субъекту, возникает возможность бесконечных вариантов смысла, которые возникают за счет разных пониманий неназванного субъекта, помноженных на разную степень солидарности с ним псевдосубъекта.

3.3.4. НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С НЕНАЗВАННЫМ СУБЪЕКТОМ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Если высказывание о цели не содержит указания на субъект целеполагания, возникает возможность различных интерпретаций. Часто понять, какого рода субъект подразумевается в данном случае, невозможно без обращения к широкому мировоззренческому контексту. Рассмотрим три высказывания, очень похожие по структуре. Во всех примерах представлено сочетание *зачем* с предикатом существования или близкими предикатами и при этом субъектом целеполагания не является поверхностный субъект, как это имеет место, например, во фразах типа *Зачем ты живешь?* в смысле ‘Чего ты хочешь добиться в жизни?’.

Возглас Ивана Карамазова *Зачем живет такой человек?* обращен, скорее всего, непосредственно к Богу. В нем, конечно, не предполагается, что Федор Карамазов имеет какую-то цель в жизни, которую он сам себе поставил. Это высказывание построено так же, как высказывание *Зачем здесь лежит эта ручка?*, то есть, оно подразумевает, что есть конкретный субъект, совершивший некое целенаправленное действие — положивший ручку или, как у Достоевского, устроивший так, чтобы такой плохой человек жил и его нельзя было убить. Сведение счетов с Богом — лейтмотив Ивана Карамазова. Его не устраивают цели и средства, он вступает с Творцом в дискуссию, возвращает ему билет и т. п.

Несколько по-иному устроено стихотворение Батюшкова: *Ты знаешь, что изрек, / Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек? / Рабом рождается человек, / Рабом в могилу ляжет, / И смерть ему едва ли скажет, / Зачем он шел долиной чудной слез, / Страдал, рыдал, терпел, исчез.* *Зачем* относится одновременно к пяти глаголам не только не одного и того же вида, но еще и предполагающих разную степень участия человека: идти можно только самостоятельно, рыдает человек тоже сам, хотя, возможно, и произвольно, а исчезает абсолютно независимо от своей воли. Поэтому *зачем шел* понимается скорее как вопрос, обращенный к самому себе, а *зачем исчез* — только к провиденциальной воле. А в сочетании со всем списком глаголов вопрос *зачем* выглядит как попытка найти ответ хоть где-нибудь. Здесь нет претензии к Богу, здесь мы видим скорее отчаяние человека, не знающего, к кому обратиться с вопросом о цели.

И, наконец, третий смысл имеет следующее высказывание: *Но если твердо знать, что тоска пройдет, как твердо знаешь, что заживет порезанный палец... Раз это пройдет, то зачем ему быть? — не имеет смысла* (Л. Гинзбург, Записи). Здесь вообще никоим образом не подразумевается наличие провиденциального субъекта. Представление о цели вносится в мир, чтобы удобнее было его структурировать. В этом смысле спросить, *зачем* существует какое-то явление — значит выяснить его место в общей картине мироустройства, определить его положение в иерархии связей и ценностей.

3.3.5. ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ

Сказанное позволяет обратиться еще раз к уже обсуждавшемуся в лингвистике вопросу о разнице между целью и причиной. В работе [Рахилина 1989: 51] говорится, что *зачем* и *почему*, в сущности, (квази)синонимы и различаются только исходным предположением вопроса: «— вопрос со словом *зачем* может задаваться говорящим, только если он считает, что ситуация, о которой задается вопрос, — управляема. Если это не так, то должен быть задан вопрос со словом *почему*. Сказанное означает, что если (при условии, что к данному предикату возможны оба типа вопросов) задан вопрос со словом *зачем*, то слушающий понимает, что ситуация представляется говорящему управляемой. Напротив, если при тех же условиях из двух вариантов вопроса об оправдании выбран вариант с *почему*, то слушающий понимает, что говорящий оценивает ситуацию как неуправляемую (ср. противопоставления типа: *Почему вы смеетесь? — Зачем вы смеетесь?; Почему вы так громко говорите? — Зачем вы так громко говорите?*)».

Такая интерпретация не объясняет, однако, противопоставлений типа: *Почему ты так поступил? — Зачем ты так поступил?* Они явным образом не могут различаться представлением об управляемости: *поступить* не может указывать на неконтролируемое действие. Просто спрашивающего интересуют в этих случаях разные вещи. В случае с *почему* ожидается ретроспективное объяснение, так сказать, историческое: из каких составляющих сложилась эта ситуация, какие этапы к ней привели — неважно, в какой степени субъект контролировал ситуацию на каждом этапе пути. А в случае с *зачем* ожидается проспективное и идеальное объяснение: поступок сам рассматривается как часть пути к какой-то предвосхищаемой ситуации, и спрашивающий хочет установить его место.

Ср. в этой связи пример, приводимый по другому поводу Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым: *О, волшебное сочетание слов «на самом деле»! Когда вам показывают на белое и говорят, что на самом деле это черное и только кажется вам белым, то возразить нечего. Можно только попытаться понять, почему или зачем вам это говорят. По отношению к Марксу это главным образом почему, по отношению к современному марксистскому тоталитаризму — это зачем* (В. Турчин, Инерция страха).

3.4. РАСШИРИТЕЛЬНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЦЕЛЕВЫХ СЛОВ И НАИВНАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ

В работе [Арутюнова 1992] показано, что «причина может быть транспонирована во внутренний мир человека, и тогда она идентифицируется с мотивом действия, приобретает свойственную ему субъективную модальность и входит в контакт с целью действия» (с. 15). Как видно из приведенных выше примеров, не только причина может захватывать сферу человека, но и цель в естественном языке осваивает внешний по отношению к человеку мир.

Интересный материал такого рода приведен в работе [Крейдлин 1992] (в ней предлагается интерпретация этого материала при помощи введения параллельного концепту цели концепта предназначения, при этом смысл 'предназначение' не считается производным от смысла 'цель'). В частности, проанализирована яркая конструкция русского малого синтаксиса *На то и X, чтобы Р* (*На то и щука в море, чтобы карась не дремал*). В грамматиках эта конструкция квалифицируется как целевая; при этом вряд ли можно усмотреть здесь какого-либо субъекта целеполагания. В основе этой конструкции лежит представление людей о том, что все вещи имеют свое место в структуре мироздания, как если бы их кто-то целенаправленно расставил по местам. Представление о реальном агенте присутствует здесь не в большей мере, чем, например, в безличных предложениях типа *Вечереет; Меня знобит* и т. п.

В той же работе справедливо отмечается, что несколько другую семантику данная (или омонимичная) конструкция имеет в примерах типа *На то и учитель, чтобы учить; На то и свекровь, чтобы злиться*; ср. также пример из РГ-80, т. 2, с. 595: *Художник на то и художник, чтобы уметь поставить в себя вместо своего я — чужое* (Гаршин). Здесь имеется в виду «соответствие некоторого признака Р его носителю X» (с. 28). В обоих случаях конструкция *на то и X, чтобы Р* основана на «выделении сущностных свойств» объекта. В этой связи уместно сравнить ее с другой характерной для русского языка конструкцией, так же осмысляемой за счет представления о сущностных свойствах объекта, — биноминативной тавтологической конструкцией *X есть X*; см. [Шмелев 1990].

В некоторых случаях эти два вида тавтологий могут употребляться сходным образом. Ср. два возможных ответа на жалобу, что дети шумят: *Дети есть дети; На то они и дети*. Между этими ответами, однако, есть разница. Если высказывания типа *Дети есть дети* выражают «примирение с действительностью» [Николина 1984; Шмелев 1990] ('и ничего тут не поделаешь'), то в высказываниях типа *На то они и дети* можно увидеть скорее апологию действительности ('так и надо'). Если в первом случае предлагается принять отрицательно оцениваемое свойство как неизбежное, то во втором оно представляется как положительное за счет постулирования ad hoc данного свойства как (квази)назначения.

Субъект целеполагания здесь, как и во многих рассмотренных выше случаях, может быть реконструирован: в некоторых примерах как обобщенный, особенно

если речь идет об артефактах (*На то и скальпель, чтобы быть острым*), в других скорее как провиденциальный (*На то и солнце, чтобы светить*).

3.4.1. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И ЦЕЛЬ

Итак, различные целевые слова имеют разные возможности несобственных употреблений. Очень показательно с точки зрения дрейфа в сторону от центра к периферии поля 'цель' слово *целесообразный* (*целесообразно, целесообразность*). Здесь, по-видимому, идея аналогии входит непосредственно в лексическое значение.

Как уже говорилось, слово *целесообразный* даже в словаре Фасмера возводится к *целый*, а не к *цель*. Современная этимология отрицает такую интерпретацию, но сама ее возможность говорит о многом. Существенно, кроме того, что это слово появилось в русском языке, по-видимому, в связи с переводами немецких философов, что не могло не сказаться на оттенках его значения. Так или иначе, в этом слове в полной мере реализуется тенденция расширительной интерпретации идеи цели. Эта ситуация создает питательную среду для появления у слова разного рода семантических приращений и культурно обусловленных коннотаций.

В современном языке, если отвлечься от научной речи, в которой *целесообразный* часто употребляется в значении 'имеющий цель' (например, *целесообразный субъект, целесообразная деятельность*, как это имеет место, в частности, в тексте настоящей работы), это слово используется в значении, близком к 'разумный, рациональный' (сами эти слова, впрочем, тоже употребляются по-разному). Ср. *Ехать туда сейчас нецелесообразно; Ни премьер-министр, ни министр топлива и энергетики, ни министр внешнеэкономических связей не осмелились бы в открытую ратовать за возврат к квотированию, даже если бы кто-нибудь из них засомневался в целесообразности либерализации экспорта* («Сегодня», 27.12.94). При таком употреблении идея цели несколько затуманена.

Иначе говоря, *целесообразно* — это такая разновидность 'хорошо'. И это хорошо, потому что входит в кратчайший «путь» (по Жолковскому, см. [Жолковский 1964]) к достижению цели. При этом *целесообразно* предпочитает тривиальные, самоочевидные в определенном контексте (идеологическом, историческом, тематическом и т. п.) цели, заполнение целевой валентности у него затруднено (ср. нехарактерное *"целесообразно для чего-л."*).

Подразумеваемой целью может быть экономическое процветание или же торжество диктатуры пролетариата; ср. *Каковы бы ни были индивидуальные качества [подсудимого], к нему может быть применим только один метод оценки: это — оценка с точки зрения классовой целесообразности. — В нашем революционном суде мы руководствуемся не статьями и не степенью смягчающих обстоятельств: в Трибунале мы должны исходить из соображений целесообразности*. (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). Суть такой *целесообразности*, в отличие, например, от идеи полезности, пользы, состоит в том, что *целесообразным* призна-

ется не то, что прямо достигает цели, а скорее то, что интуитивно ощущается как ведущее к ней каким-то неочевидным образом.

Очень часто цель, которая может быть реконструирована, имеет гораздо более отвлеченный характер (что-то вроде 'чтобы все было правильно'); ср. *Какой моралист укажет целесообразную границу человеческой тоске, границу выносимого, за которой тоска уже уничтожает человека. Какой моралист скажет: страдайте от сих пор до сих пор и постарайтесь вовремя остановиться. — Благо людям, уверенным в том, что они успеют остановиться у границы благоразумной тоски* (Л. Гинзбург, Записи). Не случайно слово *целесообразный* поставлено здесь в ряд со словом *благоразумный*. Однако и в таких контекстах они различаются: *благоразумный* — такой, чтобы сделать хорошо себе самому; *целесообразный* — скорее соответствующий некоему метафизическому замыслу устройства мира.

Поэтому естественно, что это слово вполне свободно применяется не только по отношению к деятельности людей: ср. употребления типа *Как целесообразно устроены птицы! Кости у них полые, чтобы они могли летать!; Целесообразность природы удивительна*. Для данного слова эти контексты вполне нормальны и даже не маргинальны. В таких употреблениях не ощущается образность, перенос или идея провиденциального субъекта; это слово совершенно не имеет мистической подоплеки (в отличие от слов типа *судьба*). По-видимому, сам смысл слова *целесообразный* включает не только идею 'такой, который соответствует цели', но и дизъюнктивно присоединенную часть 'или такой, как если бы его целенаправленно создали или использовали для достижения цели'. Представляемое как цель 'чтобы все было правильно' естественно воспринимается как «цель вообще» без конкретизации субъекта за счет того, что имеет характер абсолюта. Желание, чтобы мир продолжал существовать по свойственным ему законам, является нормой, аксиомой и не нуждается в обосновании и даже формулировании в силу самоочевидности.

Размытость и принципиальная затененность формулировки цели делает это слово пригодным для разного рода демагогических построений типа формулировки *считать нецелесообразным*, необычайно характерной для государственного жаргона брежневского времени. Вряд ли кто-нибудь мог бы объяснить, почему частная заграничная поездка препятствует достижению какой-то цели, в чем состоит эта цель и кто является субъектом целеполагания. Однако такая формулировка была призвана создавать иллюзию мотивированности при отсутствии мотивировок.

Такое, условно говоря, «брежневское» *нецелесообразно* очевидным образом отличается от понятия (*не*)*целесообразности*, которое фигурирует в рассуждениях о классовой борьбе. «Ленинско-сталинская» *целесообразность* действительно подразумевает цель — установление диктатуры пролетариата, торжество коммунизма и т. п. Этой цели подчиняется все остальное — ценность человеческой жизни, счастье отдельного человека и целых поколений. Ср. известное своей шокирующей откровенностью ленинское «нравственно то, что служит интересам рабочего класса».

«Брежневское» же *нецелесообразно* совершенно не таково. Оно сродни скорее рассуждениям о целесообразности мироздания. Вернее, оно как бы плавает в семантическом пространстве между двумя полюсами: апелляцией к человеческому целеполаганию или к абсолюту. Здесь проявляется важное свойство советской идеологии: она строится на аксиомах, которые, подобно так называемым «вечным ценностям» не только не обосновываются, но часто не могут даже быть отчетливо сформулированы. Но, в отличие от последних, не обладают непосредственной очевидностью. Это оказывает на человека интеллектуально-паралитическое действие, так как он оказывается в положении зрителя из сказки о голом короле. Этот принцип очень отчетливо проявляется в «лозунговом универсуме», или «лозунговом субдискурсе тоталитарного дискурса» (см. [Левин 1995: 148]). В настоящее время такой режим употребления рассматриваемого слова уже уходит из русского языка.

Если на заявлении пишут просто: «Отказать», то это выглядит как произвол, а значит, можно надеяться, что в следующий раз повезет больше. Если бы поездку сочли «бесполезной», то это было бы явной бессмыслицей, ведь человек и не претендовал на полезность. «Вредной» — предполагалось бы объяснение, в чем именно состоит вред. А вот если написано «нецелесообразно», то и спорить невозможно, и надеяться не на что, и вроде бы, некого даже упрекнуть.

Сказанное можно проиллюстрировать любопытным примером: И. Бродский в своем эссе о родителях «Полторы комнаты» следующим образом объясняет решение писать о родителях не по-русски, а по-английски: «Это не воскресит их, но по крайней мере английская грамматика способна послужить лучшим запасным выходом из печных труб государственного крематория, нежели русская. Писать о них по-русски значило бы только содействовать их неволе, их уничтожению, кончающимся физическим развоплощением. [Конечно, в русском переводе это рассуждение выглядит странно.] Понимаю, что не следует отождествлять государство с языком, но двое стариков, скитаясь по многочисленным государственным канцеляриям и министерствам в надежде добиться разрешения выбраться за границу, чтобы перед смертью повидать своего единственного сына, неизменно именно по-русски слышали в ответ двенадцать лет кряду, что государство считает такую поездку «нецелесообразной». Повторение этой формулы уже обнаруживает некоторое знакомство государства с русским языком».

Демонстративный отказ от русского языка «только за то», что в нем есть выражение *считать нецелесообразным*, — жест необычайной выразительности, но способны его оценить как раз носители русского языка, среди которых найдется много таких, у которых это выражение вызывает ненависть такой же силы.

Двуязычная коллизия усугубляется тем, что при переводе повод для такой ненависти ускользает от понимания. Английское *unpurposeful* выпадает в этом контексте неуклюжим и неуместным, а государство представляется косноязычным и даже смешным. Однако русское *нецелесообразно* производит совсем иное впечатление. Оно принадлежит к лучшим образцам тоталитарного слога; насквозь фальшивое и скользкое, неотразимо и угрожающе многозначительное, оно приводит человека

в состоянии бессильной ярости, заставляет его почти физически ощутить, что он пытается пробить лбом стену. Многократное повторение соответствующей формулы, таким образом, обнаруживает не просто, как саркастически замечает Бродский, «некоторое знакомство государства с русским языком», но знакомство достаточно близкое, хотя и несколько однобокое (в смысле хорошего владения средствами лингвистического манипулирования и умелого использования семантического потенциала слов).

3.5. ЯЗЫКОВАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ И ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ

Прежде чем перейти к общегуманитарной интерпретации полученных лингвистических данных, отметим, что из них можно сделать ряд лексикографических выводов.

3.5.1. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НЕСОБСТВЕННО-ЦЕЛЕВЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ

При описании целевых слов мы систематически сталкиваемся с употреблением, в которых отсутствуют ключевые компоненты смысла ‘цель’: представление о целесообразном субъекте, его желании, его деятельности и т. п. Два наиболее простых выхода из этой ситуации таковы: можно внести изменения в толкование этого смысла и можно считать, что в данном случае соответствующие слова употребляются в другом — нецелевом — значении.

Анализ показывает, что во многих случаях наиболее естественный способ описания таких несобственных употреблений, тем не менее, предполагает привлечение смысла ‘цель’ с последующим указанием на отклонения от него. Это связано с тем, что ситуация целенаправленной деятельности иногда используется как аналогия для описания ситуаций иного рода. Нужно ли в толкование отдельных слов вводить компоненты типа ‘как если бы’, чтобы учесть возможные ослабленные смыслы? Это, несомненно, так, например, для слова *целесообразный*; отдельный интерес представляют слова типа *назначение* и *функция*. Однако для большинства целевых слов (таких как *зачем*, *цель* и т. п.), по-видимому, эти компоненты слишком периферийны и в толковании были бы вряд ли уместны.

При этом в системном лексикографическом описании необходимо учесть общую тенденцию расширительного употребления и типовые направления сдвигов (псевдо- или квазисубъект, провиденциальный или обобщенный субъект; потенциальная и условная цель). Для каждого такого слова необходимо очертить индивидуальные границы.

3.5.2. ФИЛОСОФСКИЕ АНАЛОГИИ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ЦЕЛИ

Наивная, языковая телеология — это явление другого рода, чем, например, наивная анатомия, которая создает мифологизированную, можно даже сказать мисти-

фицированную картину мира [ср. Урысон 1994]. Языковая телеология в главных своих чертах очень точно соответствует рациональным представлениям. Интересно, что те ее положения, который входят в противоречие со стандартными рационалистическими представлениями, парадоксальным образом находят подтверждение в некоторых научных концепциях.

Рассмотренный аспект наивной телеологии перекликается с философской телеологией, начиная с Сократа, Платона и Аристотеля (и даже раньше). Телеологию в ее метафизическом аспекте традиционно интересовал не человек (человеческое целеполагание трактовалось скорее в контексте этики — проблема цели и средств и т. п.), а устройство мироздания²⁰.

Понятия причинности недостаточно, чтобы объяснить гармоничность мира, соотнесенность частей с целым, рациональность (полые кости у птиц и т. п.) — для этого вводились понятия потенциальной цели, провиденциальной цели, целепричины и т. п. [см. Трубников 1968]. Современная философия науки также не отказалась от телеологической (квзистелеологической, телеономической) модели объяснения в естественных науках; см. подробный анализ проблемы в работе Г. Х. фон Вригта «Объяснение и понимание» [Вригт 1986]. В этой работе, в частности, развитие научной мысли рассматривается как борьба двух традиций: «аристотелевской» (телеологической) и «галилеевской» (каузалистской).

Наиболее близка языковая концепция цели, как мне представляется, к телеологии Канта. Вернее, наоборот: в своей телеологии Кант невероятно точно воспроизвел устройство нашего мышления. В «Критике способности суждения» он писал о целесообразности природы: «— природа посредством этого понятия представляется так, как *если бы* некий рассудок содержал в себе основание единства многообразного содержания ее эмпирических законов. Целесообразность природы есть, следовательно, особое априорное понятие, которое имеет свое происхождение исключительно в рефлектирующей способности суждения. В самом деле, продуктам природы нельзя приписывать отношение природы в них к целям; этим понятием можно пользоваться только для того, чтобы рефлектировать о них, имея в виду ту связь явлений в природе, которая дана по эмпирическим законам. Это понятие совершенно отличается также от практической целесообразности (человеческого искусства или же нравственности), хотя оно мыслится *по аналогии* с ней» ([Кант 1966: 179]; курсив мой. — *И. Л.*).

²⁰ Ср. в этой связи известное «Пятое доказательство» Фомы Аквинского: «Пятый путь принимается из управления вещами. Ибо видим, что тела природы, лишенные тем или иным образом сознания, действуют по причине цели: это явствует из того, что они всегда или большей частью действуют одним и тем же способом, чтобы достичь того, что является наилучшим. Отсюда становится очевидным, что они приходят к цели не случайно, а стремятся к ней. Те же, которые не обладают сознанием, не иначе стремятся к цели, как будучи направляемы неким познающим и разумным, как стрела — стрелком. Следовательно, есть некий разум, который упорядочивает все природные вещи в направлении цели, которую мы называем Богом».

Кант, собственно, и выводит свою телеологию из понятия о рассудке. Человеческий рассудок, по Канту, дискурсивный, он мыслит предмет посредством понятия. Можно (теоретически) представить себе интуитивный рассудок, который бы созерцал предметы, для него целое существует раньше своих частей, а части происходят из целого. Для дискурсивного же рассудка целое механически складывается из частей, и мыслить целое как причину, порождающую свои части (например, применительно к происхождению организмов), наш рассудок может только посредством понятия естественной цели, то есть телеологически.

Ставшая объектом многочисленных упреков в умозрительности и субъективизме, эвристическая телеология Канта необычайно реальна и, как видно из приведенного материала, имеет опору в закреплённой в языке структуре человеческого сознания.

С другой стороны, идеи Канта и их сопоставление с наивной телеологией позволяют снять с языковой картины мира обвинения в дезориентирующем современного человека первобытном анимизме.

Этот упрек бросает «нашему отравленному языку», например, Хайек: «Как наивное или неразвитое сознание склонно одушевлять все, что движется, точно так же оно предполагает деятельность разума или духа везде, где, по его представлениям, присутствует цель. Ситуация осложняется тем, что, по-видимому, эволюция рода человеческого всякий раз до некоторой степени повторяется на ранних стадиях развития индивидуального сознания. В своем исследовании «Концепция мира у ребенка» (1929: 359) Жан Пиаже пишет: «Ребенок начинает с того, что везде усматривает цели». И лишь позднее сознание начинает замечать различие между целями самих вещей (анимизм) и целями тех, кто их создает (артифициализм). Анимистические коннотации тянутся за многими ключевыми словами, особенно за теми, что описывают случаи возникновения порядка». Подобные слова (Хайек упоминает, в частности, слова типа *факт*, *порядок*, *заставлять*, *предпочитать*), «без которых нельзя обойтись при описании безличных процессов, все еще вызывают во многих умах представление о некоем одушевленном действующем лице». Хайек даже на этом основании возлагает на язык часть ответственности за пагубную живучесть социалистических идей, поскольку «социализм с его понятием «общества» представляет собой позднейшую форму анимистических интерпретаций порядка» [Хайек 1992: 186—187].

Однако, как видно из приведенных примеров словоупотреблений, языковая телеология слишком сложна и изощрена, чтобы можно было говорить о том, что она возвращает сознание людей к первобытному состоянию.

3.5.3. Языковая телеология и антропоцентричность языка

В рассмотренном свойстве языка можно увидеть одно из многочисленных проявлений его антропоцентричности: желая рассуждать о мире не как о хаосе, а как об упорядоченном, гармоничном и прогнозируемом, «оформленном» космосе, че-

ловек делает это в терминах целеполагания, потому что собственная целенаправленная деятельность — наиболее естественная и понятная модель для него.

Существенно при этом, что в основе наивной телеологии лежит не просто антропоцентрическая модель, но модель, ориентированная на деятельность. И если в телеологизации мироздания в языке можно увидеть сходство с классической метафизической философией, то лежащее в ее основании представление о человеке действующем созвучно более современным философским, социологическим и психологическим концепциям. Как показано в психологии, наличие цели оценивается чрезвычайно положительно²¹, так как цель организует существование человека и придает ему осмысленность (см. [Леонтьев 1971: 13—28]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение целевых слов (выделение сквозных различительных семантических признаков, пронизывающих всю совокупность целевых слов; выявление тех элементов ситуации, которые являются критическими для ее интерпретации как ситуации целенаправленной деятельности; исчисление возможных неканонических интерпретаций понятия цели в высказываниях с целевыми выражениями) позволяет сделать следующие выводы:

1) Языковая телеология представляет собой чрезвычайно разработанный и структурированный фрагмент языковой картины мира. Это еще раз доказывает, что, как принято говорить, «наивная» картина, закрепленная в языке, ни в коей мере не является симплицистской. Столь изощренная концептуализация в области целеполагания объясняется тем, что способность к целенаправленной деятельности глубоко укоренена в самой сущности человека. Идея достижения желаемого — это едва ли не самая понятная для человека идея. Поиск путей к желаемому — это то, в чем люди наиболее изобретательны. Естественно, это отражается и на богатстве и разнообразии языковых средств, обслуживающих данную сторону жизни.

2) Основные закономерности семантики целевых слов поразительно логично выводятся из структуры самой ситуации целеполагания. Эти закономерности предопределяются теми составляющими, из которых складывается понятие цели: прежде всего, это смыслы ‘хотеть’, ‘считать’, ‘каузировать’, ‘действие’, ‘возможность’, а также некоторые другие.

3) При этом языковая телеология оказывается гораздо шире современных рационалистических представлений о целеполагании. В ней в сжатом и неэксплицит-

²¹ Интересно, что если в наивной метафизике цель представляет собой ценность, то в наивной этике наличие цели часто связывается с чем-то отрицательным, ср. соответственно обвинительный и оправдательный оттенок у слов *нарочно* и *нечаянно*.

ном виде присутствует множество идей, перекликающихся со сложными философскими, социологическими, психологическими и т. д. концепциями.

4) Анализ наивной телеологии позволяет подтвердить представление об антропоцентричности языка, которое является одним из краеугольных камней современного научного мировоззрения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика

Введение

Данная часть посвящена изучению небольшого фрагмента наивно-этикетных представлений — а именно, представлений о вежливости.

При этом ставятся две основных цели: 1) сопоставить этикетное понятие вежливости с комплексом близких понятий, принадлежащим к сфере этики общения, 2) реконструировать систему правил вежливости и построить иерархию правил по значимости, а также определить, какие этикетные стратегии наиболее актуальны для русских наивно-языковых представлений о вежливости.

В работе анализируются лексемы *уважительный, неуважительный, почти-тельный, непочтительный, деликатный, неделикатный, тактичный, бестактный, скромный, предупредительный, услужливый* и их наречные дериваты, а также лексемы *вежливо, вежливый, невежливо, невежливый, невежа, грубо, грубый, грубиян, бесцеремонный, бесцеремонно, церемонии, церемониться*.

Глава 1. Этика, этикет и наивный этикет

В данной главе ставятся следующие задачи.

1) Кратко прокомментировать различия между этикой и этикетом и выделить отличительные особенности этикета.

2) Перечислить основные принципы общения, традиционно выделяемые в прагмалингвистике, более подробно рассмотрев теорию двух типов вежливости как наиболее значимую для данного исследования.

3) Ввести понятие наивного этикета и определить его место среди смежных понятий, рассмотрев отношения между наивным этикетом и речевым этикетом, наивным этикетом и этикой общения.

4) Очертить круг центральных понятий наивного этикета (статус, горизонтальная дистанция, регистр этикета) и проследить их взаимосвязь.

5) Выделить две основных сферы наивного этикета (сфера манер и сфера обхождения).

1.1. ПОНЯТИЕ ЭТИКИ И ЭТИКЕТА

Этика и этикет очень близки между собой: и то, и другое выполняет регулирующую функцию, задавая нормы поведения в обществе. «[Нормативная этика] — решает вопросы о том, как должен поступать человек» [Словарь по этике 1975: 371—372]. «Этикет — совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)» [Словарь по этике 1975: 377].

И этикетные правила, и этические нормы делятся на два разряда: 1) правила, которые регламентируют в первую очередь обращение субъекта с другими людьми (ср. слова *заботливый, добрый, милосердный, жестокий, злой; вежливый, грубый*); 2) правила, которые регламентируют поведение субъекта в обществе, как таковое; оно не обязательно проявляется в обращении с другими людьми (ср. слова *гордый, чванливый, хвастливый, неприятный; солидный, жеманный, манерный*).

Нарушение этикета, как и нарушение этики, может рассматриваться как серьезное преступление и караться обществом¹.

Однако между этикой и этикетом, при всем их сходстве, существует ряд принципиальных различий.

Как видно из приведенных выше определений, этикет противопоставляется этике прежде всего тем, что предполагает акцент на внешнем, *формальном* выражении; ср. [Карасик 2002: 98]: «Этикет представляет собой систему формальных поведенческих актов, и поскольку форма в известной мере автономна по отношению к содержанию, правила этикета не эквивалентны нормам морали».

Еще одна важная особенность этикета состоит в том, что он, в отличие от этики, носит более *частный* характер. Можно выделить ряд функциональных разновидностей этикета, которые различаются по *типу социума*, в котором приняты соответствующие нормы (ср. *придворный этикет, военный этикет, дипломатический этикет; деревенский этикет и городской этикет*), а также с *сферой использования* (ср. оппозицию *светский этикет и деловой этикет*).

Кроме того, существует множество разновидностей этикета, использование которых ограничено определенной *ситуацией* (ср. этикет приема гостей, этикет

¹ В качестве примера можно привести эпизод из романа Ф. К. Сологуба «Тяжелые сны», где рассказывается о том, как молодого учителя уволили из гимназии за то, что он первым подал руку приставу.

разговора по телефону и пр.). Наконец, этикет, по сравнению с этикой, имеет значительно более яркую национальную специфику.

Разные этикетные системы могут содержать противоположные правила, кроме того, они могут различаться по характеру участников ситуации, которые выделяются в качестве привилегированных.

Например, в европейском светском этикете (в его несколько устаревшем варианте) в состав привилегированной группы, наряду с некоторыми другими категориями лиц, входят женщины; мужчинам предписывается всячески демонстрировать им свое уважение и почтение, а также оказывать им разнообразные услуги: в частности — вставать, приветствуя их, и пр. Между тем, в деловом этикете отсутствует выделенность женщин, а в качестве приоритетной группы выступают клиенты и заказчики: именно их рекомендуется приветствовать стоя. (См. об этом в книге [Современная энциклопедия этикета 1999]). Аналогичным образом, женщины не входят в привилегированную категорию в этикете общения, принятом в мусульманских странах.

Далее, этикет отличается от этики своей ритуализованностью. Существенную роль в нем играют речевые и неречевые ритуалы, характеризующиеся а) обязательностью выполнения, б) постоянством формы, в) условным, конвенциональным содержанием. С этим связаны такие свойства этикета, как стереотипность, автоматизированность ([Формановская 2003а: 9, 16]), а также семиотичность и конвенциональность.

Две последних особенности проявляются в том, что этикет предполагает использование системы условных знаков, как вербальных, так и невербальных. Ср. определение этикета, сформулированное в работе [Формановская 1982: 4]: «Этикет — сложная система знаков, указывающих в процессе общения (вербального и невербального) на отношение к другому человеку-собеседнику, оценку его и в то же время оценку самого себя, своего положения относительно собеседника».

К невербальным этикетным знакам относятся различные жестово-мимические знаки — рукопожатие (знак доверия и доброжелательности), поклон, обнажение головы (знаки смирения и почтения) и пр. К вербальным этикетным знакам относятся ФРЭ — формулы речевого этикета, которые были подробно изучены в работах В. Е. Гольдина и Н. И. Формановской ([Гольдин 1987; Формановская 1987; Формановская 2003а]).

Знаковый характер этих формул проявляется в комплексе особенностей, отличающих их от обычных высказываний. К ним относятся:

1) Непредикативность ФРЭ.

Данное свойство проявляется в неварьированности модальности, времени и лица ФРЭ. Как отмечает Н. И. Формановская, ФРЭ, подобно перформативам, всегда обладают модальностью реальности, более того, как и в случае с перформативами, высказывания с ФРЭ реализуются «в прагматических координатах «я — ты — здесь — сейчас» [Формановская 2003а: 15]. В. Е. Гольдин называет рассмотренное свойство

«реальной локацией» и объясняет его субъективностью и актуальностью, присущей этикету.

2) Фразеологичность ФРЭ (ср. этикетные выражения *Милости просим, Добро пожаловать*).

3) Нерасчлененность и воспроизводимость ФРЭ, а также этикетных текстов, в состав которых они входят.

Как отмечает В. Е. Гольдин, этикетный диалог не является подлинным диалогом. В нем совершается ритуализованное произнесение одного заранее известного текста, лишь разделенного на части. Все это заставляет многих исследователей считать ФРЭ единой лексической единицей, подобно междометиям.

Еще одно принципиальное различие между этикой и этикетом связано с большей прагматичностью этикета — а именно, с тем, что для него, по сравнению с этикой, более существенны характеристики конкретной ситуации общения. К ним относятся: а) тип ситуации общения, который определяется, в частности, официальностью — неофициальностью ситуации, и, кроме того, степенью «весомости», серьезности действий, совершаемых субъектом; ср. об этом в [Шаронов 2003: 152; Формановская 2003б: 357]; б) тип участников коммуникации и отношений между ними.

Последний фактор является решающим для этикета. При этом для рассматриваемой сферы важны только социальные характеристики участников: «этикетная ситуация требует — выражения социально-типизированных отношений, — а именно — отношения равенства или неравенства, отношения своих или чужих» [Гольдин 1987: 81]².

Таким образом, для этикета, в отличие от этики, чрезвычайно важны два понятия: во-первых, понятие статусной (или «вертикальной») дистанции и, во-вторых, понятие межличностной (или «горизонтальной») дистанции, разделяющей участников ситуации.

Соотношение статусов, а также размер межличностной дистанции определяют права участников этикетной ситуации, а также их взаимные ожидания.

Начнем с понятия статуса.

В. И. Карасик предлагает следующее определение статуса: «Термином социальный статус обозначается — соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» ([Карасик 2002: 5]).

Таким образом, устанавливается связь между понятием статуса и правами (а также обязанностями) участников коммуникации. Иной подход к статусу отра-

² Ср. также следующее определение этикетного действия, предложенное В. И. Карасиком: «Этикетное действие есть интенциональный и конвенциональный поведенческий акт, целью которого является поддержание статусного баланса между участниками общения в соответствии с принятыми в обществе нормами и традициями» ([Карасик 1991: 45]).

жается в работах Л. П. Крысина. Последний, комментируя понятие социальной роли (которая близка к понятию статуса, хотя и не сводится к нему), выдвигает на первый план критерий *з а в и с и м о с т и*: социальная роль X-а выше, чем социальная роль Y-а, если первый зависит от второго ([Крысин 1989]).

Согласно традиции, статус участника этикетной ситуации определяется его положением в трех основных типах иерархии:

1) Возрастная иерархия, согласно которой старший имеет преимущество перед младшим.

2) Социально-административная иерархия, согласно которой человек, занимающий более высокое положение в обществе (в частности, более высокий пост), имеет преимущество перед тем, кто занимает более низкое положение.

3) Гендерная иерархия, согласно которой женщина имеет приоритет перед мужчиной. Этот приоритет основан на сложившемся в светских кругах общества в XIX веке отношении к женскому полу как к лучшему, привилегированному (ср. выражения *лучшая половина человечества*, *прекрасный пол*), и в то же время, более слабому, по сравнению с мужским полом (ср. выражение *слабый пол*). См. об этих типах иерархии в работе [Цивьян 1969]. Сейчас, особенно в Западной Европе и США, вследствие распространения феминизма и сексизма, гендерная иерархия постепенно утрачивает свою актуальность и частично трансформируется.

Иногда к этим трем типам иерархий добавляют также религиозную иерархию, которая по сравнению с ними носит более частный характер. Согласно этой иерархии, духовное лицо имеет преимущество перед светским (см. [Современная энциклопедия этикета 1999]).

При этом в европейском этикете ценность этих иерархий неодинакова.

Как отмечает Т. В. Цивьян, различие в поле является решающим, вследствие чего может сниматься или ограничиваться различие в возрасте и особенно — в общественном положении, которое существенно только при церемониях.

В книге Эмили Пост об этикете в английском обществе ([Post 1950: 5—11]), а также в «Современной энциклопедии этикета» это наблюдение дополняется указанием на то, что возрастная иерархия важнее, чем социально-административная. Исключение составляет ситуация, когда один из участников коммуникации является главой государства. В этом случае его положение является максимально привилегированным, при этом различия по возрасту и полу между ним и другими участниками ситуации уже не существенны.

Помимо этого, в «Современной энциклопедии этикета» отмечается, что в некоторых случаях (например, при представлении друг другу незнакомых лиц) религиозная иерархия может ставиться выше, чем гендерная.

Таким образом, для европейского этикета восстанавливается следующий порядок приоритетов, который, впрочем, не является жестким: глава государства, священнослужитель, женщина, человек пожилого возраста, человек, занимающий высокое положение в социально-административной иерархии. Указанный порядок отражается, в частности, в порядке представления друг другу участников общения.

На наш взгляд, понятие статуса в его традиционном значении не всегда достаточно для того, чтобы точно описать взаимное положение коммуникантов в ситуации общения и соотношение их значимости. И то, и другое зависит не только от постоянных факторов — а именно, положения коммуникантов в описанных иерархиях, но и от ситуативно обусловленных факторов — а именно, от соотношении их ролей в ситуации общения³. При их несовпадении имеет место «ситуативное неравенство»; см. [Карасик 2002].

Поэтому нам кажется важным включить в понятие статуса еще и понятие роли в ситуации — ср. роли гостя и хозяина, просителя и адресата просьбы. См. в связи с этим интересное наблюдение, которое делает герой уже упоминавшегося романа Ф. К. Сологуба «Тяжелые сны»: — *Прошу извинить меня, Сергей Иванович, — сказал наконец Логин. — Я к вам в качестве просителя. — Вижу! — Хотите знать, почему? — Если бы вы не с просьбой пришли, то положили бы ногу на ногу, а теперь вы их рядом держите* — в данном случае говорящий объясняет отсутствие непринужденности и свободы в манерах субъекта его ролью просителя.

Таким образом, можно внести некоторые коррективы в понятие статуса. Мы будем понимать под ним положение субъекта на шкале значимости, определяемое его положением в социальной, возрастной и гендерной иерархии или же его ролью в ситуации общения. Статус субъекта определяет его права по отношению к другим людям, в том числе — к партнеру по общению.

Статус может иметь как относительное значение, предполагающее сравнение со статусом партнера, так и абсолютное значение. (Первое характерно для гендерного статуса, второе — для социального статуса).

Помимо соотношения статусов, еще одним фактором, имеющим первостепенную важность для сферы этикета, как уже говорилось, является характер межличностной дистанции, разделяющей участников ситуации.

В рамках проксемики — отрасли паралингвистики, изучающей положение собеседников в пространстве, выделяется четыре типа дистанции: интимная, персональная, социальная и публичная. Первоначально эти понятия были введены Э. Холлом для обозначения расстояния между участниками общения, определяемого типом отношений между ними и коррелирующего с теми или иными паралингвистическими особенностями поведения — позой, громкостью голоса и пр. При этом отмечалось, что социальная дистанция актуализирует статусные характеристики человека; ср. [Hall 1969: 116—125].

³ Ср. работу [Leech 1977: 23—24], где говорится, что мера необходимой вежливости возрастает в прямой зависимости не только от социальной дистанции между участниками коммуникации, но и от власти адресата над говорящим (которая определяется, в том числе, характером его роли в ситуации). См. также работу [Крысин 1986], где, наряду с институционализированными отношениями, возникающими вследствие принадлежности людей к некой социальной иерархии, предлагается учитывать также неинституционализированные отношения, которые возникают между коммуникантами в конкретной ситуации общения.

Однако наряду с этим непосредственно-дистанционным пониманием сложилось также опосредованно-символическое понимание типов дистанции, как различных типов отношений, предполагающих разную степень близости⁴.

При этом наиболее актуально для этикета противопоставление социальной и персональной дистанции [Карасик 2002: 80—81], которое в некоторых работах формулируется как оппозиция «церемонного общения» и «приятельского общения» [Кобозева 2003: 130]; «отчужденно-формального общения» и «доверительно-неформального общения» [Шаронов 2003: 169].

Как отмечает В. Карасик, «общение на персональной дистанции требует искренности и допускает определенную спонтанность в проявлении желаний», между тем, «общение на социальной дистанции требует формального соблюдения приличий и сдержанности» [Карасик 2002: 80—81].

За каждым из названных типов дистанции закреплён определенный арсенал языковых средств — ср. обращение на *-ты*⁵, по имени, использование регулятивов⁶ типа *другище, приятель, мужик, мамаша*, а также нового звательного падежа (*пап, мам*)⁷ как признак персональной дистанции и обращение на *-вы* и по имени-отчеству, использование регулятивов *господин, молодой человек, сударыня* и пр. как атрибут социальной дистанции.

При персональной дистанции на первый план выходят личностные характеристики участников ситуации, при социальной — их статусные характеристики. Обращение субъекта с партнером на социальной дистанции можно назвать статусно-релевантным: в форме такого обращения отражается оценка статуса партнера со стороны субъекта.

Понятие дистанции и статуса в разной мере актуально для разных национальных типов этикета. Так, многие исследователи выделяют коммуникативные культуры эгалитарного типа (к ним относится английская культура) и иерархического типа (например, русская культура): для первых, по сравнению со вторыми, понятие статуса и статусные различия между коммуникантами значительно менее актуальны⁸.

⁴ Использование метафоры физического расстояния для обозначения степени близости отношений характерно не только для языка лингвистики, но и для многих естественных языков, включая русский; ср. внутреннюю форму слов и выражений, обозначающих отношения: *близкий 2 (близкий друг, близкий человек), дальний (дальний родственник), накоротке, держать на расстоянии*; аналогичная внутренняя форма восстанавливается также для заимствованного прилагательного *интимный*.

⁵ См. [Апресян 1995а: 152—153].

⁶ О регулятивах как функциональной разновидности обращений см. [Гольдин 1987].

⁷ См. [Апресян 1995а: 646].

⁸ Это не значит, что для русской коммуникации невозможно игнорирование статусных различий. Такого рода поведение — в частности, обращение ко всем без исключения на *-ты* и по имени — встречается в быту достаточно часто, однако находится за пределами

Помимо этого, противопоставляются кооперативные и индивидуалистические коммуникативные культуры: для первых из них (например, для русской культуры) актуально противопоставление персональной и социальной дистанции, «своих и чужих»⁹, тогда как для вторых (в том числе, для английской культуры) это противопоставление практически не существенно — его место занимает оппозиция «я» — «не-я». Отсюда — исключительная важность для культур второго типа тех этикетных стратегий, которые направлены на защиту «privacy» — автономности личности; см. [Ларина 2003; Федорова 2003].

Соотношение статусов участников, величина межличностной дистанции, а также характер ситуации (степень ее официальности и степень важности производимого действия), вместе взятые, определяют этикетный регистр. (См. об этом ниже).

1.2. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБЩЕНИЯ

Несмотря на разнообразие этикетных систем, в прагмалингвистике традиционно выделяется некий комплекс общезначимых принципов общения, обязательных для всех людей.

Сюда относятся, прежде всего, принципы речевого общения, выделенные Г. П. Грайсом и получившие название коммуникативных постулатов. Грайс сформулировал свои постулаты в виде основного принципа кооперации или сотрудничества и четырех постулатов, вытекающих из этого принципа: постулат количества (требование информативности высказывания), постулат качества (требование истинности), постулат отношения, или релевантности (требование соответствия высказывания теме коммуникации), постулат способа (требование ясности, а именно — недвусмысленности, однозначности, краткости, упорядоченности); ср. [Грайс 1985].

Коммуникативные постулаты дополняются принципами вежливости, предложенными в работе Дж. Лича; последние носят менее общезначимый характер и актуальны главным образом для культур европейского типа, а также для японской культуры. К ним относится постулат такта (требование причинять минимум неудобств и оказывать максимум удобств партнеру по общению, а также требование «невмешательства»), постулат великодушия (забота об интересах партнера в ущерб своим собственным), постулат одобрения (требование сводить к минимуму отрицательную оценку партнера по общению), постулат скромности (требование минимально хвалить и максимально порицать себя), постулат согласия (требование сводить к минимуму разногласия с партнером), постулат симпатии

нормы, точнее — за пределами стандартного этикетного регистра, и всегда вызывает негативную реакцию того участника коммуникации, по отношению к которому нарушены соответствующие нормы.

⁹ См. об этом в работах [Пеньковский 1989; Николина 2003].

(требование выражения симпатии к партнеру по общению); см. [Leech 1983: 132; 1977].

Наконец, на стыке социолингвистики и прагматингвистики выделяются два блока поведенческих правил: правила *п о з и т и в н о й* и *н е г а т и в н о й* вежливости¹⁰. Традиция выделения этих двух типов вежливости восходит к работе [Brown, Levinson 1987]; в дальнейшем она была поддержана рядом других исследователей (ср. исследования [Ратмайр 2003; Земская 1997; Кастлер 2004; Формановская 1989; Германова 1996] и др.).

В основе концепции П. Браун и П. Левинсон лежит понятие *л и ц а*. Лицо имеет как *п о з и т и в н ы й* аспект (социальный имидж коммуникантов, достойный, положительный образ, на который они претендуют), так и *н е г а т и в н ы й* аспект (в этом случае имеется в виду неприкосновенная территория субъекта).

С понятием лица связано понятие FTA (Face Threatening Act) — действия (точнее, речевого акта), угрожающего лицу одного из коммуникантов. Согласно концепции Браун-Левинсон, социальному имиджу партнера угрожает главным образом отрицательная оценка его поступков и мнений (критика, насмешка, оскорбление, выражение несогласия); его территории — директивные речевые акты, или же другие акты, ограничивающие свободу партнера по общению — угрозы, предупреждения, советы и пр., а также так называемые «нескромные вопросы».

Позитивные стратегии направлены на укрепление социального имиджа партнера, негативные — на то, чтобы избежать того, что может угрожать как территории, так и социальному имиджу партнера, а также на то, чтобы *с м я г ч и т ь* FTA или хотя бы ослабить его эффект, если оно уже было совершено.

Таким образом, логично было бы рассматривать два типа негативных стратегий: а) стратегии, запрещающие наносить ущерб *т е р р и т о р и и* партнера и нарушать его права на независимость, б) стратегии, запрещающие наносить ущерб *с о ц и а л ь н о м у* имиджу партнера. Между тем, в концепции Браун-Левинсон центр тяжести негативной вежливости переносится на негативные стратегии первого типа¹¹; стратегии второго типа остаются за рамками рассмотрения. Соответственно, негативная вежливость связывается в первую очередь с предоставлением *с в о б о д ы* человеку, позитивная — с демонстрацией *о д о б р е н и я*, солидарности и единства.

¹⁰ Помимо перечисленных принципов общения некоторые исследователи выделяют также ряд более частных правил: требование говорить согласно норме, а также избегать штампов [Шмелева 1983: 76], акцентирование приятных тем, или принцип Поллианы [Leech 1983], принцип иронии как способ избежать агрессии в речи (см. об этом также в работе [Богданов 1990: 12; Кобозева 2003]).

¹¹ Эта традиция сохраняется до сих пор: так, в работе [Ларина 2003] «в честь» этой разновидности все негативные стратегии названы стратегиями отдаления. В дальнейшем, используя термин «стратегии отдаления», мы будем понимать под ним только те негативные стратегии, которые направлены на защиту территории партнера.

Считается, что негативная вежливость реализуется прежде всего на персональной дистанции, позитивная вежливость — на социальной дистанции. Помимо Браун, Левинсон, эта точка зрения поддерживается другими исследователями ([Кобозева 2003; Ларина 2003; Шаронов 2003]). Между тем, однозначной связи между типом горизонтальной дистанции и стратегиями этикета не существует. Для персональной дистанции характерна, наряду с базовыми стратегиями позитивной вежливости (демонстрация солидарности, одобрения, согласия, готовности помочь и пр.), та разновидность негативной вежливости, которая предписывает нейтрализовать угрозы для социального имиджа партнера (отсутствие грубости, деликатность). На социальной дистанции ко всему этому добавляются не только чисто негативные стратегии, но и некоторые стратегии смешанного характера. Так, для общения на социальной дистанции характерно обращение на *-вы*, которое одновременно служит маркером межличностной дистанции и знаком высокого статуса партнера по общению; если первая из этих функций связана с реализацией негативных стратегий, направленных на защиту территории, то вторая из них связана с реализацией позитивных стратегий. (См. об этом подробнее в главе 3).

П. Браун и П. Левинсон, опираясь на традиции западной культуры, делают акцент на негативных стратегиях, составляющих, по их выражению, «сердце вежливости»; именно они рассматриваются в качестве прототипа вежливости как таковой. Помещение в центр внимания негативной вежливости отчасти связано с тем, что акцент в этой теории сделан на FTA, вследствие чего вежливость рассматривается прежде всего как деятельность, предотвращающая или сглаживающая угрожающие акты.

Современные исследования в сфере негативной и позитивной вежливости связаны с двумя тенденциями.

Прежде всего, многие исследователи критикуют концепцию Браун-Левинсон за попытку представить их теорию вежливости как универсальную и предлагают исследовать зависимость соотношения негативной и позитивной вежливости от типа культуры.

В частности, в работах [Sifianou 1992; Wierzbicka 1985b] высказывается предположение, что в индивидуалистических культурах (к которым относится большинство западных культур, в частности, английская) коммуниканты делают акцент на негативных стратегиях, тогда как для коллективистских культур (к ним относится, в частности, русская, польская, японская) более актуальны позитивные стратегии.

В соответствии с этой концепцией, в работах [Ратмайр 2003; Кастлер 2004] отмечается, что в рамках русской культуры позитивная вежливость играет более значительную роль, чем негативная.

Несколько иная точка зрения высказывается в работе [Ларина 2003]. Проведя детальное сопоставление английской и русской коммуникативной вежливости, Т. В. Ларина сделала вывод, что в русской коммуникативной культуре оба типа

вежливости выражены слабее, чем в английской. Более того, по ее мнению, в русской культуре на первом месте находится как раз *негативная вежливость* («стратегии отдаления»), тогда как в английской делается упор на позитивной вежливости («стратегиях сближения»).

Излагая причины этого, Т. В. Ларина пишет: «В индивидуалистических культурах, где горизонтальная дистанция между членами длиннее, чем в коллективистских, в случае необходимости установления контакта для сокращения этой дистанции необходимы большие усилия. Отсюда — упор на стратегии позитивной вежливости» [Ларина 2003: 255—256].

Между тем, для русской культуры, в силу меньшего размера горизонтальной дистанции, нет необходимости в такой «компенсирующей» гипертрофии позитивных стратегий.

Кроме того, ряд исследований в сфере вежливости связан со стремлением уравновесить баланс негативной и позитивной стратегий, явным образом нарушенный в теории Браун-Левинсон: так, С. Кербрат-Ореккиони предложила ввести понятие «анти — ФТА» (акты, которые не только не угрожают лицу адресата, а, наоборот, способствуют его возвышению; см. [Kerbrat-Orecchioni 1996: 54]).

В нашем исследовании мы намерены приложить теорию Браун-Левинсон к русскому этикету, в частности, к сфере вежливости. При этом предполагается внести в нее ряд уточнений.

Во-первых, в дальнейшем мы будем говорить не о негативной и позитивной вежливости, а лишь о негативной и позитивной стратегиях, поскольку далеко не все, что традиционно включается в состав негативных и позитивных стратегий, имеет отношение к понятию вежливости в его обычном понимании.

Так, например, в работе Браун-Левинсон преподнесение партнеру по общению подарков в знак симпатии или солидарности, а также обращение на *-ты* рассматривается как одна из стратегий позитивной вежливости, между тем, подобное поведение вряд ли может быть названо вежливым в обычном смысле этого слова. Ср. также замечание Н. И. Формановской: «Есть много средств контактоустановления, не отличающихся признаком вежливости: подростки обращаются: — *Эй, ты!*; друзья прощаются — *Всего!*; мужчина в знак «простоты» обращается к другому: — *Мужик!* и т. д.»; безусловно, во всех этих случаях налицо соблюдение позитивной вежливости в понимании Браун и Левинсона, хотя такое поведение не имеет отношения к понятию вежливости в его обычном значении¹².

Во-вторых, в целях удобства предлагается ввести классификацию этикетных стратегий.

Прежде всего, еще раз подчеркнем, что в рамках негативных стратегий мы намерены последовательно противопоставлять стратегии, направленные на защиту

¹² Сказанное объясняется тем, что Браун, Левинсон существенно расширяют границы понятия вежливости: для них вежливость — действия, направленные на удовлетворение

социального имиджа партнера, и стратегии, направленные на защиту его территории. Вторые мы будем называть стратегиями отдаления; их предлагается подразделять на два типа:

1) Стратегии защиты межличностных границ, запрещающие нарушать один из типов горизонтальной дистанции между коммуникантами.

а) Стратегии, запрещающие нарушать некую неизменную, абсолютную дистанцию, существующую между каждым человеком и всеми остальными людьми. Нарушение этой дистанции связано с переходом границы между «я» / «не-я» и равносильно вторжению в личную сферу партнера и посягательству на автономию его личности.

б) Стратегии, запрещающие нарушать относительную дистанцию, обусловленную степенью близости, существующей между коммуникантами. Нарушение ее связано с переходом границы между «свой» / «чужой», которое имеет место при несанкционированном переключении с социальной дистанции на персональную или интимную.

2) Стратегии, запрещающие ограничивать свободу партнера по общению — в частности, предопределять его будущие действия посредством директивных речевых актов. Хотя в данном случае нельзя говорить о нарушении межличностных границ, такого рода действия тоже являются разновидностью вторжения на территорию партнера: покушаясь на свободу его действий, субъект вторгается в его «волевое пространство».

В-третьих, наряду с понятием стратегии, мы будем оперировать также понятием правила — именно оно в данной работе является основным. По сравнению со стратегией (а также постулатом, принципом, конвенцией и другими понятиями, традиционно используемыми в прагматингвистике), правило носит более частный характер. Обычно каждая этикетная стратегия реализуется в целом комплексе конкретных правил.

Если стратегии можно характеризовать только со стороны содержания, то применительно к правилам можно говорить как о содержании, так и о форме.

По семантическому признаку мы будем членить правила, как и стратегии, на негативные и позитивные, кроме того, аналогичное членение предлагается ввести также по форме. Соответственно, мы будем выделять правила с негативной формой, содержащие запрет, и правила с позитивной формой, содержащие предписание (см. об этом в разделе 1.6.2).

потребностей партнера, связанные с его социальной ролью и его восприятием собственного достоинства. Между тем, традиционное представление о вежливости, закреплённое в языке, обязательно предполагает, во-первых, формальный характер правил и, во-вторых, их элементарность (см. об этом в главе 3).

1.3. ПОНЯТИЕ НАИВНОГО ЭТИКЕТА

Теперь, вкратце коснувшись специфики этикета и понятий, с ним связанных, перейдем к наивному этикету. Под наивным этикетом мы понимаем отражение этикетных представлений в языке; см. [Апресян 1995а: 351]. Наивный этикет является одной из областей наивно-языковой картины мира, наряду с наивной физикой, наивной анатомией, наивной этикой и пр. Отличие наивного этикета, как и наивной этики, от остальных областей языковой картины, состоит в том, что представления, реконструируемые в сфере того и другого, противопоставлены не системе научных взглядов, а скорее религиозным нормам (в случае наивной этики) или кодифицированному этикету (в случае наивного этикета). Это связано с нормирующей функцией этикета и этики.

Кодифицированный и наивный этикет имеют большую зону пересечений, однако они не вполне идентичны. О том, что возможно несовпадение правил наивного этикета и кодифицированного этикета, свидетельствует ряд фактов. Так, в «Энциклопедии современного этикета» зафиксировано правило, согласно которому необходимо пропускать вперед, наряду с женщинами, еще две категории лиц: старших по возрасту, а также тех, кто занимает более высокое положение в социально-административной иерархии.

Между тем, употребление слова *вежливо* показывает, что в разряд наивной вежливости как комплекса минимальных общеобязательных правил поведения входит только правило, предписывающее пропускать вперед женщин и старших по возрасту, но не «старших по социальному положению». Ср. стандартное *вежливо пропустить вперед даму*, *вежливо пропустить вперед пожилого человека* при менее прагматически естественном *вежливо пропустить вперед министра*. В последнем случае было бы более уместно слово *учтиво*, указывающее на соблюдение правил так называемой «гипервежливости», которые являются вторичными и факультативными по отношению к правилам вежливости (см. раздел 3.1.2). Из этого можно сделать вывод о том, что для наивного этикета социально-административная иерархия менее актуальна, чем гендерная и возрастная (см. об этом ниже).

Как неоднократно отмечалось, наивная картина мира отличается от научной своей этноспецифичностью. Однако в случае наивного этикета это противопоставление оказывается несколько размытым. Во-первых, кодифицированный этикет, который противопоставлен наивному, сам по себе этноспецифичен, хотя для него существенны не различия между отдельными странами, а скорее различия между типами культур (европейской / азиатской и пр.). Во-вторых, наивно-этикетные (как и наивно-этические) представления в пределах европейской культуры во многом совпадают.

Тем не менее, на наш взгляд, можно все же говорить о большей этноспецифичности наивного этикета, по сравнению с кодифицированным этикетом, который предполагает существование некоего европейского стандарта.

Т. В. Ларина, сопоставляя русские и английские наивно-этикетные представления (она использует термин «коммуникативные принципы»), отмечает следующие различия между ними.

Прежде всего, как уже говорилось, для английского этикета по сравнению с русским более актуальны стратегии отдаления — это проявляется, в частности, в характерном для английской коммуникации стремлении избегать прямых номинаций незнакомого адресата, в особенностях оформления директивных актов и пр.

Далее, русские наивно-этикетные представления, в отличие от английских, предполагают подчеркивание в ходе общения статусной иерархии и относительной межличностной дистанции. Это проявляется в характере обращений (на *-вы*; по имени-отчеству). Напротив, согласно английским наивно-этикетным представлениям, вежливо быть неформальным, в частности — быстро переходить на обращение по имени, даже если статус партнера выше статуса субъекта, и подчеркивать равенство социальных позиций. Важность для английского наивного этикета принципа равенства проявляется, кроме всего прочего, в наличии отрицательных коннотаций в значении слова *deference* («почтение»).

Еще одно яркое различие между русскими и английскими наивно-этикетными представлениями, которое отмечают многие ученые (см. [Ларина 2003; Тер-Минасова 2000; Гловинская 2003; Ратмайр 2002; Николина 2003]), состоит в разном отношении к этикетным ритуалам и, вообще, к формальной стороне общения.

Для русской культуры характерна ориентация на содержание, прямолинейность, искренность, а также естественность и спонтанное проявление эмоций. Для английской культуры характерна ориентация на форму и ритуал, гиперболизированность позитивных оценок (прежде всего это касается оценки партнера), коммуникативный оптимизм (например, в ответах на вопросы о самочувствии, положении дел, работе и пр.), а также демонстрация положительных эмоций, рассчитанная на собеседника, вместо спонтанного проявления чувств.

Наконец, как показывает анализ языкового материала, проведенный в нашей работе, русский наивный этикет отличается от английского отрицательной оценкой активности и положительной оценкой скромности (см. об этом ниже).

Задача данной работы — реконструировать некоторые представления русского наивно-языкового этикета, опираясь на русский язык XIX—XX вв. и культурные нормы, принятые в образованном обществе современной России. Хотя мы не исключаем, что в соответствующих представлениях содержится много общеевропейского, они имеют и национальную специфику, которую мы частично постараемся выявить.

В отличие от норм этики, этикетные нормы весьма изменчивы. Современное общество переживает переходный период: старые этикетные нормы, уходящие корнями в XIX век, с их представлениями о галантности, постепенно уходят в прошлое. Между тем, нормы, пришедшие им на смену, еще весьма нестабильны и, что главное, не нашли еще достаточного отражения в языке. Поэтому мы не ставим себе задачи описывать их, ограничиваясь описанием традиционных эти-

кетных норм, на которых основано большинство современных наивно-этикетных представлений.

Так же как заповеди наивной этики, правила наивного этикета реконструируются на основании сравнения оценок, выражаемых близкими по смыслу словами. Анализ их смысловых различий позволяет сделать вывод о том, что оценивается в наивной этике положительно, а что — отрицательно [Апресян 1995а: 351]. При этом отрицательная оценка может быть вызвана не только нарушением какой-то заповеди, но и превышением допустимой меры.

1.3.1. НАИВНЫЙ ЭТИКЕТ И РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Понятие наивного этикета частично сближается с понятием речевого этикета: и тот, и другой обнаруживают связь с языковой сферой. Ср. определение речевого этикета, предложенное Н. И. Формановской: «Под речевым этикетом целесообразно понимать социально заданные и национально специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их социальными ролями, статусно-ролевыми и личностными отношениями в неофициальной и официальной обстановке общения» [Формановская 1987]. Различие между наивным этикетом и речевым этикетом состоит в следующем:

1) Наивный этикет, в отличие от речевого этикета, регламентирует не только речевое поведение, но и различные *н е в е р б а л ь н ы е* проявления субъекта (движения, позу и даже манеру одеваться — ср. спец. *выправка*, *необиходн. бравый, подтянутый, развязный*, разг. *разболтанный*, разг. *расхристанный*; ср. также лексемы *наглый, нахальный*, *необиходн. галантный*, которые включают представление о целом комплексе проявлений). Связь с языком в данном случае проявляется не в характере объекта регламентации, как в случае речевого этикета, а в том, что наивно-этикетные представления так или иначе получают отражение в языке.

2) Как видно из вышеприведенного определения речевого этикета, «сфера интересов» речевого этикета ограничивается достаточно узким кругом этикетных ситуаций — ситуацией приветствия, прощания, знакомства, обращения и т. п. Между тем, правила наивного этикета распространяются на любые ситуации общения.

1.3.2. НАИВНЫЙ ЭТИКЕТ И ЭТИКА ОБЩЕНИЯ

В рамках наивной этики существуют две области: область *м о р а л ь н ы х* норм и область, регламентирующая поведение субъекта в ходе *о б щ е н и я* с другими людьми, или «этика общения». Последняя из них максимально приближена к наивному этикету; ср. различие между глагольными выражениями с параметрической семантикой *вести себя с кем-л. как-либо, держаться с кем-л. как-либо* VS. *обращаться с кем-л. как-либо*: первое имеет отношение к этикету, второе — к этике общения. Ср. *грубо вести себя (грубо держаться) с женой* VS. *грубо обращаться*

с женой; в первом случае речь идет о манере мужа держаться в ходе общения с женой (уровень этикета), во втором случае речь может идти, в том числе, о содержании его поступков — например, о том, что он бьет ее (уровень этики); ср. также нормальное *грубо обращаться с животными* и странное *грубо вести себя с животными*. Ср. также различие между сочетаниями *грубо обращаться к кому-л.* VS. *грубо обращаться с кем-л.*, в которых реализуются разные значения глагола *обращаться*: в первом случае характеризуется этикетная сторона поведения субъекта, а именно — его речевая манера, во втором случае характеризуется скорее этическая сторона поведения, т. е. поступки субъекта по отношению к партнеру.

Начиная изучать наивный этикет, мы сталкиваемся с необходимостью провести границу между наивным этикетом и наивной этикой общения.

Наивная этика общения — языковые представления о наборе правил, которые предписывают субъекту в ходе общения проявлять тот или иной тип отношения к другим людям или к самому себе, существенный для социального контакта, а именно — уважительность, деликатность, скромность, благожелательность, готовность оказать услугу.

Наивный этикет — языковые представления о наборе правил, одни из которых предписывают субъекту демонстрировать тот же самый комплекс отношений, что и наивная этика, и определяют форму, в которой это следует делать (мы будем называть их правилами позитивного отношения), а другие запрещают нарушать права субъекта по отношению к партнеру, которые определяются соотношением их статусов и размером горизонтальной дистанции (мы будем называть их правилами «непревышения прав»). К последним относятся, в частности, правила дистанции и пр.; см. об этом в разделе 3.1.1.

Как вытекает из сказанного, наивный этикет имеет три существенных отличия от наивной этики общения.

1) Наряду с правилами позитивного отношения, которые сближаются с правилами этики общения, в наивном этикете важную роль играют правила «непревышения прав», которые для этики общения менее актуальны.

2) В наивном этикете существует установка на демонстрацию того или иного типа отношения или свойства, которое в действительности может у субъекта отсутствовать. Между тем, этика общения предполагает проявление отношения, которое реально характеризует субъекта. Ср. пару *вежливый* и *уважительный*, первый член которой относится к области этикета, второй — к области этики, что проявляется в возможности фраз типа *В душе он считал ее безмозглой и вздорной бабенкой, но при встречах держался с ней неизменно вежливо* при прагматически странном *В душе он считал ее безмозглой и вздорной бабенкой, но при встречах держался с ней неизменно уважительно*.

С вышеназванным свойством связана символичность, семиотичность наивного этикета, вызванная тем, что субъект стремится своим поведением продемонстрировать то или иное отношение; ср. *вежливо приподнять шляпу*.

3) Правила наивной этики общения и наивного этикета различаются по характеру объекта регламентации.

Правила наивного этикета регламентируют только внешнюю форму поведения, тогда как правила этики общения могут также регламентировать содержание поступков субъекта.

Рассмотрим слова *деликатность* и *вежливость*. Первое указывает на соблюдение правил деликатности в этике общения. Второе тоже может указывать на соблюдение правил деликатности, в той мере, в которой это предусмотрено этикетом. В контекстах, в которых речь идет о внешней форме поведения, эти лексемы допускают взаимозамену; ср. *Он из вежливости опустил глаза (промолчал)* и *Он из деликатности опустил глаза (промолчал)*. Однако в тех случаях, когда речь идет о содержании поступков субъекта, возможна только лексема *деликатность*; ср. *Опять та же деликатность и жалость к бывшим товарищам не позволила караулу наброситься на Ржаницкого* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); слово *вежливость* здесь было бы неуместно. Ср. также нормальное *неделикатно поступить* при странном **невежливо поступить*.

Кроме того, правила этики общения, в отличие от этикетных правил, могут регламентировать характер отношения к другим людям; в последнем случае они максимально противопоставлены наивному этикету. Так, правило уважительности, на соблюдение которого указывают слова *уважительно, уважительный*, может регламентировать и форму поведения (ср. *уважительно разговаривать*), и характер отношения к объекту (ср. *уважительно относиться*); ср. также невозможное **вежливо относиться*.

4) Наконец, этикет предписывает совершение различных ритуалов, что для этики общения в целом менее типично; ср. стандартное *вежливо привстать в знак приветствия (поклониться, взять под козырек)* при прагматически странном *уважительно привстать в знак приветствия (поклониться, взять под козырек)*.

1.3.3. Лексика НАИВНОГО ЭТИКЕТА И ЭТИКИ ОБЩЕНИЯ

Теперь остановимся на различиях между лексикой наивной этики общения и наивного этикета.

Можно выделить два таких различия.

1) Независимо от того, что некоторые правила этики общения имеют негативное содержание (например, правило деликатности), свойства субъекта, связанные с их выполнением, всегда концептуализируются как *п о з и т и в н ы е*. В результате в этой сфере широко представлена позитивная лексика, указывающая на соблюдение указанных правил; по отношению к ней негативная лексика вторична. Это проявляется в производном характере негативной лексики (ср. пары *деликатно, не-деликатно; тактично, бестактно; уважительно, неуважительно; почтительно, непочтительно; приветливо, неприветливо*), а также в том, что она, по сравнению с позитивной, более малочисленна. Так, среди слов с позитивной семантикой есть

ряд лексем, не имеющих антонимичных пар с отрицательным значением: *услужливо, предупредительно, скромно* 2, *благожелательно*.

Рассматриваемое явление — а именно, количественный перевес позитивной лексики — в принципе нетипично для языка. Однако в сфере аксиологии (в отличие от параметрии) оно встречается достаточно часто. Ориентированность языка на положительный полюс аксиологической шкалы принято называть принципом Поллианы. Анализируя происхождение этого принципа, Н. Д. Арутюнова в работе [Арутюнова 1988] объясняет его влиянием прагматики, а именно — ориентированностью на положительные явления в обществе.

В данном случае строгость соблюдения принципа Поллианы может объясняться тем, что правила этики общения (в отличие от моральных норм) имеют непосредственный выход в практическую сферу — в частности, в сферу воспитания.

Между тем, в сфере этикета практически отсутствует позитивная лексика.

Исключение составляет синонимический ряд *вежливо, любезно, учтиво, галантно, обходительно, корректно*, который, как мы увидим в дальнейшем, вообще очень близок к лексике этики общения, что проявляется, в том числе, в наличии у всех соответствующих слов, за исключением *обходительно*, производных от них антонимов с приставкой *не*¹³.

2) Негативные этикетные слова (опять-таки, за исключением *невежливо, нелюбезно, неучтиво, некорректно*), в отличие от их коррелятов в сфере этики, указывают на сознательное нарушение нормы, поскольку выполнение этикетных норм в большей степени подконтрольно человеку, чем выполнение этических норм, регулирующих его отношение к другим людям или к самому себе. Так, слова *неделикатность, бестактность, неуважительность, непочтительность*, в отличие от слов *бесцеремонность, грубить, уходящ. забываться*, допустимы в ситуации, когда субъект ненамеренно нарушает этические нормы; ср. допустимое *невольная неделикатность* (*бестактность, неуважительность, непочтительность*) (*Я допустил невольную неделикатность, спросив его о матери*) при странном *невольная бесцеремонность, ?невольно забываться, ?невольно грубить*.

Из-за указания на сознательное нарушение нормы этикетные слова с негативным значением выражают более резкую оценку по сравнению с близкими к ним словами, относящимися к сфере этики.

Так, сочетания *вести себя неуважительно* (*непочтительно*) выражают менее резкую отрицательную оценку, по сравнению с глаголами *грубить, забываться*. На это указывает, в частности, способность первых сочетаться с наречиями малой степени; ср. стандартное *Он вел себя немного неуважительно* (*непочтительно*) при неестественном *?Он немного нагрубил мне, ?Вы немного забываетесь*.

¹³ См. раздел 3.1.1.

При этом следует учитывать, что нередко границы между этикой общения и этикетом оказываются размыты: бывают случаи, когда из двух близких по значению слов одно тяготеет к сфере этики, а другое — к сфере этикета; см. ниже анализ слов *услужливый*, *предупредительный*; *почтительный* и *уважительный*.

1.4. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ НАИВНОГО ЭТИКЕТА (СТАТУС, ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ, РЕГИСТР ЭТИКЕТА) И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Для наивного этикета, так же как для общепринятого этикета, чрезвычайно актуально соотношение статусов коммуникантов, а также межличностная (горизонтальная) дистанция, разделяющая их.

1.4.1. НАИВНО-ЭТИКЕТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТАТУСЕ

Статус участника ситуации в наивном этикете определяется тем же набором факторов, что и в общепотребительном этикете.

1.4.1.1. Постоянные факторы: положение субъекта в трех типах иерархий

Сюда относятся:

- 1) Возрастная иерархия.
- 2) Социально-административная иерархия.

Эти два типа иерархии являются самыми актуальными для русского языка и находятся между собой в тесной связи. В большинстве случаев их нельзя отделить друг от друга. Так, для лексем *грубить*, *дерзить*, *хамить*; уходящ. *перечить*, уходящ. *прекословить*; *дерзкий 2* (*дерзкий мальчишка*), обозначающих в прототипической ситуации нарушение правила *почтительности*, актуальны оба типа иерархии: все эти слова применимы как в ситуации общения субъекта со старшим по возрасту, так и в ситуации его общения с кем-либо, кто занимает по сравнению с ним более высокое положение в социально-административной иерархии. Ср. нормальное *грубить* <*дерзить*, *хамить*> *отцу* <*начальнику*> при неправильном ²*грубить* <*дерзить*, *хамить*> *сыну* <*подчиненному*>¹⁴.

Однако, несмотря на свою связь, социально-административная и возрастная иерархия сохраняют автономию. Так, для слова *панибратство* актуальна только первая из них, а именно, социально-административная иерархия — это слово применимо в ситуации общения подчиненного с начальником, но не сына с отцом.

¹⁴ См. статью *грубить* [Крылова 2004: 246—249]; см. также [Апресян 1995а: 143—144], [Крысин 1986: 35].

Кроме того, указание на *социальную* (но не возрастную) дистанцию входит в значение слова *услужливый*, а также отрицательно оцениваемых лексем *угодливый*, *подобострастный*, *лакей* и пр.

Напротив, для *грубить*, *хамить* возрастная иерархия важнее, чем социальная. Это проявляется в том, что на уровне социальной иерархии ограничения, накладываемые на употребление этих слов, носят менее жесткий характер, чем на уровне возрастной иерархии. Ср. возможное, хотя и не очень естественное *Начальник нагрубил подчиненному* при крайне сомнительном *“Отец нагрубил сыну”*.

Существуют некоторые факты, которые указывают на то, что возрастная иерархия более актуальна для русского наивного этикета, по сравнению с социально-административной. В частности, возрастная иерархия оценивается в языке как более или менее абсолютная, тогда как соблюдение социально-административной иерархии связывается с представлением о мере: если необходимая мера превышена, это оценивается как нарушение нормы.

Это подтверждает, в частности, отрицательная оценка, выражаемая словами, которые указывают на излишне откровенное подчеркивание субъектом социальной дистанции, существующей между ним и партнером (*подобострастный*, *лакей 2*, *угодливый*, а также отчасти *услужливый*; см. об этом ниже).

Кроме того, на первичность возрастной иерархии, по сравнению с социально-административной, указывает также внутренняя форма и употребление лексемы *старшие 2*, имеющей компаративное значение. Хотя исходно ее семантика связана с возрастом, она обозначает не только тех, кто по возрасту старше субъекта, но и лиц, занимающих в социальной иерархии более высокое положение, по сравнению с субъектом.

Аналогичный механизм переноса ‘возраст’ — ‘социальное положение’ можно наблюдать на примере лексемы *старший 3*, образующей сочетания *старший по чину*, *старший по званию*, *старший по должности*, а также на примере разговорной лексемы *старшинство*, которое используется, в основном, в конструкции *по старшинству* (*рассадить по старшинству*). Отличие этих слов от лексемы *старшие* состоит в том, что они указывают исключительно на преимущество в социальном положении.

3) Гендерная иерархия.

Существует мнение, что «на русской культурной почве — “светская” (т. е. гендерная. — Т. К.) иерархия приживается плохо. Продолжает бытовать мнение, выраженное в поговорке “Мы не в Польше, муж жены больше”» [Шаронов 2003: 163].

Мы не можем с этим согласиться. На наш взгляд, существует достаточное количество фактов, указывающих на актуальность для русского наивного этикета гендерной иерархии, согласно которой женщина имеет преимущество перед мужчиной.

На это указывают уже приведенные выше клишированные выражения *лучшая половина человечества*, *моя лучшая половина*, а также необходимые лексемы *га-*

лантный, галантно и пр., джентльмен ²¹⁵, рыцарь, кавалер и разговорная лексема *ухаживать*. Все эти слова описывают поведение мужчины по отношению к женщине (но не наоборот), при котором последний обращается с женщиной почтительно (пропускает женщину вперед, во время процедуры знакомства представляет ей мужчину первым, а не наоборот, встает, когда женщина входит и т. п.) и одновременно оказывает ей знаки внимания, демонстрируя свое расположение и заботу о ней — говорит комплименты, дарит цветы, оказывает различные услуги. Ср. *Людмила мама жадными глазами рассматривала Николая, который при знакомстве галантно поцеловал ей руку* (М. Львова, Соня или двойная свадьба); — *Может быть, вам помочь?* — *галантно спросил Марк* (А. и Б. Стругацкие, Далекая радуга); *Предупреждаю вас, я человек мрачный и не кавалер. Со мной едва ли вам будет весело* (А. Грин, Сто верст по реке).

Однако, помимо слов, подобных прилагательному *галантный*, которые используются для описания соответствующих явлений внеязыковой действительности и обозначают особый тип поведения мужчины по отношению к женщине, актуальность для русского наивного этикета гендерной иерархии подтверждается также характером употребления таких лексем, как *забываться*, *дерзкий* 1. ¹⁶, *хамить*.

Все эти лексемы указывают на то, что субъект нарушает правила *п о ч т и т е л ь н о с т и*, которые требуют демонстрации субъектом статусного преимущества партнера, и допускают два типа участников ситуации.

1) Чаще всего, рассматриваемые слова указывают на непочтительное обращение субъекта с кем-л., кто имеет более *высокий* статус в *социально-административной* и *возрастной* иерархии. При этом все рассматриваемые лексемы используются, когда субъект обнаруживает недостаточно высокую оценку статуса партнера — разговаривает с ним в неуважительной манере, перебивает его, спорит с ним, а *забываться*, *хамить* также могут использоваться, когда субъект превышает степень близости, существующую между ним и партнером; ср. — *Да позвольте, барышня, — пыталась сказать что-то Думка. — Молчать! Я уже давно замечала, что ты дерзкая! Ты забываешься!* (Ф. К. Сологуб, Заклинательница змей); — *Почему ты мне грубишь? Не забывайся, я все-таки твой отец;* — *Папенька, — проговорила Елена, я знаю, что вы хотите сказать... — Нет, ты не знаешь, — дерзкая девчонка!* (И. С. Тургенев, Накануне); *Бруно — дерзкий болтун, мальчишка, нахал — заявил: с какой это стати? Никогда в жизни он не осме-*

¹⁵ В данном случае рассматривается лексема *джентльмен* 2, которая указывает на оценку поведения субъекта с точки зрения этикета (*Он настоящий джентльмен — всегда пропустит даму вперед, уступит ей место*). К ней близка лексема *джентльмен* 3, которая содержит оценку поведения субъекта с точки зрения норм этики: *джентльмен* 3 = 'тот, кто поступает благородно'; ср. *Когда они расстались, он вел себя как истинный джентльмен — отдал ей квартиру и машину, а сам уехал на Север*.

¹⁶ См. об этом в уже цитировавшейся выше статье *грубить*, а также в статье *наглый* [Крылова 2004: 556—559].

ливался пикнуть против Магистра, а сегодня вдруг принялся ораторствовать (А. и Б. Стругацкие, Волны гасят ветер) [недостаточно высокая оценка статуса партнера]; На третий день, когда вы сидели в кабинете за министерским столом, он [курьер] без зова вошел вперевадку, уселся на край стола и, закулив сигарку, хлопнул вас по плечу: — Ну, Сашка-канашка, что новенького? Еще и тогда был неупущенный момент: дать ему по шее, сбросить со стола и крикнуть: Ты забываешься, каналья! (А. Аверченко, Керенский); — Подкинь тридцатку, старик... За мое несостоявшееся пение. — Сын, не хами (Афиногенов, БАС)¹⁷ [несанкционированный переход с социальной на персональную дистанцию].

2) Несколько реже эти слова указывают на непочтительное обращение мужчины с женщиной (но не наоборот). При этом забываться, дерзкий используются при указании на превышение субъектом существующей степени близости, а хамить, помимо этого, может указывать на неуважительную речевую манеру, в которой проявляется низкая оценка статуса партнера; ср. стандартное — Вы дерзкий!¹⁸ Забывается... — говорила она, — вырывая у него руку (И. А. Гончаров, Обрыв); — Какой же я стал, Марфа Васильевна? — Дерзкий — смеете говорить мне такие глупости в глаза (И. А. Гончаров, Обрыв); — Киска, поди-ка сюда. — Прошу не хамить [несанкционированный переход с социальной на интимную дистанцию]; — Лена, ясная, — воскликнул он прочувствованно, — не сердись. Люблю тебя и ты меня люби. А что нахамил вчера, не обращай внимания (М. Булгаков, Дни Турбиных); [Крошке] хамить стал санитаркам, покрикивать (Саперов, ССин) [неуважительная речевая манера, в которой проявляется низкая оценка статуса партнера].

В ситуации, когда указанные слова описывают обращение мужчины с женщиной, они допускают равенство их статусов в возрастной и социальной иерархиях.

Более того, они могут употребляться тогда, когда соотношение этих статусов является обратным тому, которое типично для этих слов, т. е. в ситуации, когда партнер занимает более низкое положение по сравнению с субъектом. Ср. вполне стандартное Сегодня с утра главврач был в плохом настроении и нахамил молоденькой санитарке. Аналогичным образом, в ситуации, когда начальник позволяет себе нескромное поведение по отношению к подчиненной, даже если она младше его по возрасту, та может сказать ему, что он забывается.

Между тем, при обратном соотношении ролей (когда описывается обращение женщины с мужчиной), отклонения от прототипического соотношения статусов для рассматриваемых слов абсолютно невозможны; ср. прагматически странное *“Сегодня с утра главврач Анна Ивановна была в плохом настроении и нахамила молоденькому санитару*; аналогичным образом, если начальница ведет себя нескромно с подчиненным, тот вряд ли может сказать, что она забывается.

¹⁷ См. статью *грубить* в [Крылова 2004: 246—247].

¹⁸ Для слова *дерзкий* указанный тип употреблений является уходящим.

Таким образом, можно сделать вывод не только об актуальности для рассмотренных слов гендерной иерархии, наряду с возрастной и социальной, но и о том, что гендерная иерархия для них может оказываться более важной, чем две других.

1.4.1.2. Ситуативно-обусловленные факторы

Помимо постоянных факторов, статус субъекта определяют также ситуативно-обусловленные факторы. К ним относится прежде всего роль в ситуации.

Рассмотрим две ситуации с несимметричными ролями участников общения: ситуацию обслуживания покупателя или клиента и ситуацию «гость-хозяин».

Эти ситуации во многом близки между собой: отношения между клиентом и «обслуживающей стороной» могут осмысляться по образцу отношений между гостем и хозяином. В том, что касается характера обращения с партнером, гость имеет преимущество перед хозяином, так же как покупатель или клиент имеет преимущество перед «обслуживающей стороной»¹⁹. На это указывает употребление уходящей лексемы *обходительный*, а также *любезный*, которые, наряду с их необходимыми синонимами *учтивый*, *галантный*, предполагают соблюдение правил уже упоминавшейся выше «гипервежливости», выходящих за рамки стандартной вежливости (см. об этом подробнее в разделе 3.1.2).

Для слов *обходительный*, *обходительно* и *любезный*, *любезно* актуальны в первую очередь те правила гипервежливости, которые требуют, чтобы субъект оказывал услуги партнеру или как-либо иначе угождал ему, а также вел себя с ним приветливо; ср. *Рей (...)* был при желании отменно учтивым, светски обходительным и остроумным собеседником (А. Асриян, поход Эпигонов); *Мария*, в свою очередь, ответила им обедам, на котором была очень мила и обходительна (А. Куприн, Колесо времени); — *Тетка не говорила, где свои прячет?* — *осведомился конференсье, любезно предлагая Канавкину папироску и зажженную спичку* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *А Селихов был губернский франт, но держался всех любезнее, смешил ее подруг, был остроумен* (И. Бунин, Чаша жизни). Слово *обходительный* и его дериваты, помимо этого, могут указывать на подчеркнутое уважительное обращение с партнером; ср. — *Прошу извинения, преподобный Хорхе. — Должно быть, вы правы, а я заблуждался. Хорхе, не ожидав такой (...)* обходительности, издал какое-то урчание (У. Эко, Имя розы, пер. Е. Костюкович). Для нас существенно, что, описывая ситуацию обслуживания или ситуацию визита в гости, лексемы *обходительный*, *обходительно* и *любезный*, *любезно* и их дериваты-существительные обычно характеризуют обращение продавца с покупателем, или же обращение хозяина с гостем, но не наоборот²⁰. Ср. более естественное *Продавец был очень любезен (обходителен) с покупателем*, по сравнению с менее естествен-

¹⁹ Хотя ситуации обслуживания весьма разнообразны, мы для простоты будем говорить только об одной из них — о ситуации купли-продажи.

²⁰ Ср. также наблюдение Н. И. Формановской: «Вежливость проявляется как — обходительность (работника сферы обслуживания)» [Формановская 2003б: 353].

ным *Покупатель* был очень любезен *(обходителен)* с *продавцом*; более естественное *любезный хозяин* при менее естественном *любезный гость*; ср. также стандартные сочетания типа *любезно встретить (принять)*; *Луначарский принял меня как нельзя более любезно и тотчас продиктовал машинистке записку (...)* о том, что он просит оказать мне содействие в приобретении башмаков (В. Ходасевич, Торговля); *Софья-Шарлотта угощала его с приятной обходительностью, приподнимаясь, чтобы дотянуться до кушина или блюда* (А. Толстой, Петр Первый).

Эти факты подтверждают существование особого «этикета обслуживания» и «гостевого этикета»²¹, закрепляющих представление о привилегированности покупателя и гостя, по отношению к которым необходимо выполнять правила гипервежливости.

Кроме того, на привилегированность покупателя в ситуации обслуживания указывает также употребление отрицательно оцениваемых лексем *грубить*, *хамить*, которые обычно описывают непочтительное обращение субъекта с партнером, имеющим более высокий статус. Эти глаголы более уместны в ситуации, когда субъектом является продавец, а адресатом — покупатель, чем в противоположной ситуации. Ср. более стандартное *Продавец нагрубил (нахамил) покупателю*; *Парикмахер нагрубил (нахамил) клиенту* при менее стандартном *Покупатель нагрубил (нахамил) продавцу*; *Клиент нагрубил (нахамил) парикмахеру*.

Характерно, что в ситуации «гость — хозяин» использование указанных глаголов нетипично; это связано с тем, что «гостевой этикет» и «этикет обслуживания», сближаясь между собой в том, что касается услуг, отличаются по характеру отношения к партнеру, которое демонстрирует субъект.

Согласно наивно-этикетным представлениям, от хозяина ожидается, прежде всего, демонстрация своего расположения к гостю и удовольствия от контакта с ним, тогда как представитель сферы обслуживания должен демонстрировать клиенту в первую очередь уважение и почтение. Поэтому глаголы *грубить*, *хамить*, указывающие на непочтительное обращение, уместны в ситуации «клиент-продавец», но не в ситуации «гость-хозяин».

Однако ситуации «хозяин-гость» и «продавец-клиент» не являются, с точки зрения языка, абсолютно симметричными. В ситуации обслуживания все преимущества — на стороне покупателя, поскольку он играет пассивную роль, тогда как продавец, будучи заинтересованной стороной, выполняет активную роль²².

Между тем, положение гостя по отношению к хозяину является неоднозначным. С одной стороны, гость находится в привилегированном положении — это

²¹ На существование особого «гостевого этикета» указывает использование уходящего глагола *приветить*, который описывает особый тип поведения хозяина по отношению к гостю, предполагающий проявление радушия и оказание знаков внимания и услуг; ср. *Меня приветили, усадили есть, про жизнь спрашивали* (В. Астафьев, Без приюта).

²² Ситуацию обслуживания можно трактовать по-разному. Есть факты, указывающие на то, что, с точки зрения языкового сознания, покупатель активнее, чем продавец (ср. пре-

вытекает из законов гостеприимства и проявляется в характере обращения хозяина с гостем. С другой стороны, положение гостя является зависимым — это связано, прежде всего, с тем, что гость находится на чужой территории, и проявляется в ограничении свободы его действий: он не должен вести себя слишком активно, при этом в первую очередь ему следует избегать действий, которые могли бы рассматриваться как вторжение в личную сферу хозяина.

Это подтверждает, в частности, пейоративная разговорная лексема *расхозяинничаться*, которая описывает чрезмерно активное поведение гостя; ср. следующий пример из разговорной речи: *Хватит лезть по шкафам. Ишь расхозяинничался!*

Кроме того, на существование в русском этикете представлений о допустимой мере активности гостя указывает использование лексем *нахальный*, *наглый*, *бесцеремонный*, обозначающих чрезмерно напористое поведение субъекта, которое выходит за пределы того, что допускает его роль в ситуации или степень близости, существующая между ним и его партнером по общению.

Указанные слова очень часто используются для характеристики поведения гостей или посетителей. Ср. *Однажды Дронов бесцеремонно вошел в его комнату, устало сел и заговорил* (М. Горький, *Жизнь Клима Самгина*); *Дама грубо вытатила Барби {...} за голову, {...} чтобы рассмотреть кукольную кровать с деревянным изголовьем. Разумеется, дед Иван тут же обиделся {...} и хотел выгнать нахальную редакторшу* (Л. Петрушевская, *Маленькая волшебница*); *За нами ломаются крекеры, но Андрей Иванович, осторожно дав по зубам самому нахальному, закрывает дверь* (Б. Штерн, *Записки динозавра*).

1.4.2. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ МЕЖЛИЧНОСТНАЯ (ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ)

ДИСТАНЦИЯ В НАИВНОМ ЭТИКЕТЕ

Наряду со статусом, для наивного этикета важно понятие размера относительной межличностной дистанции²³, или степени близости, существующей между участниками ситуации.

позицию названия соответствующего действия в сочетании *купля-продажа*), что должно приводить к восприятию покупателя как более заинтересованной стороны. В то же время, следует учитывать возможность влияния на язык экстралингвистических факторов, а именно — типа экономики. В частности, как отмечает Р. Ратмайр в книге [Ратмайр 2003: 30], «при рыночной системе экономики, где предложение в магазинах превышает спрос, покупка / продажа составляет интерес для продавца, — так что стратегии вежливости должен применять продавец. При плановой экономике дефицит акта покупки / продажи был выгодным для клиента, т. е. представлял для него интерес, — так что стратегии вежливости должен был применять клиент». На наш взгляд, в русском наивном этикете могли частично сохраниться представления, сложившиеся в «доплановое» время, когда покупатель имел преимущество перед продавцом.

²³ Поскольку понятие размера применимо только к относительной межличностной дистанции, обсуждая ее величину, мы будем опускать определение «относительная».

Этот фактор актуален, в частности, для отрицательно оцениваемых лексем *развязный*, *фамиллярный*, *панибратство*, *амикошонство*, а также для их дериватов. Все они указывают на то, что, с точки зрения говорящего, манера субъекта держаться в ходе общения с партнером не соответствует степени близости, существующей между ними, вследствие чего можно говорить о нарушении правила межличностной дистанции. Ср. *Я вспомнил развязного незнакомца, (...) который явился как-то к матери моих воспитанников и (...) шутивым тоном рассказал, что ему нужно ехать вечером в Висбаден и не хватает ровно девяноста пфеннигов* (В. Набоков, *Соглядатай*); *Не потому ли мои пациенты в состоянии эйфории почти всегда так болтливы и фамиллярны?* (В. Белов, *Воспитание по доктору Споку*); — *Уберите руку с моего плеча!* — сказал он, — *что за панибратство!*; *Напротив, этот несемейный способ чувствования заключал целый мир почтительности, исключавший развязность и амикошонство* (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*).

1.4.3. СВЯЗЬ МЕЖДУ СООТНОШЕНИЕМ СТАТУСОВ

И ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИЕЙ

В наивном этикете отражается представление о связи между горизонтальной и вертикальной (статусной) дистанцией. Это подтверждается существованием ряда этикетных знаков, которые одновременно служат маркерами обоих типов дистанции: к ним относятся *вы-формы*, а также обращения по имени-отчеству; см. об этом в главе 3.

Кроме того, наличие тесной связи между двумя типами дистанций доказывает употребление некоторых лексем, в частности, лексемы *панибратство*. В первом, основном круге употреблений она указывает на то, что субъект обращается как с равным с партнером по общению, имеющим более низкий или, наоборот, более высокий социальный статус. В первом случае поведение субъекта раздражает партнера по общению своей фальшью, во втором — оскорбляет его достоинство. Ср. *Люди равно не терпят как панибратства, подыгрывания под народ, так и высокомерного обращения, аристократизма* (Калинин, БАС); *А молодых архитекторов возбуждала свобода в общении с московским арбитром, чувство сближения, вдруг возникшее. Не панибратство, упаси боже, и не забвение дистанции, но — самую малость — ослабла узда* (Л. Зорин, *Крапивница*); *Кавалерист, желая похвастаться своей дружбой с графом, встал из своего угла и обнял Турбина. (...) Турбину отчего-то не понравилось это панибратство* (Л. Н. Толстой, МАС).

Во втором круге употреблений *панибратство* описывает ситуацию, когда субъект и его партнер по общению имеют одинаковые социальные статусы. В нем *панибратство* максимально сближается с *фамиллярностью*, указывая на преувеличение субъектом степени близости, существующей между ним и партнером. Ср. *Уберите руку с моего плеча,* — сказал он, *раздраженный панибратством слушайного собеседника.* — *Мы с вами почти не знакомы*²⁴.

²⁴ См. ряд *развязность*, [Крылова 2004: 919—922].

При этом зависимость между типами дистанций носит двусторонний характер.

С одной стороны, если между коммуникантами существует значительная горизонтальная дистанция²⁵, возникает необходимость жесткого соблюдения статусной дистанции. Это проявляется, в частности, в актуализации статусных различий, которые при персональной дистанции могут частично нейтрализоваться. Поэтому к членам семьи, независимо от возраста, принято обращаться на *-ты*, тогда как к посторонним людям, которые по возрасту существенно старше субъекта, обычно обращаются на *-вы*.

С другой стороны, наличие статусной дистанции может влиять на горизонтальную дистанцию. Однако в данном случае зависимость несколько сложнее, поскольку при неравенстве статусов коммуникантов характер этикетных норм зависит еще и от того, на чьей стороне статусное преимущество — на стороне партнера или на стороне субъекта, или, другими словами, от того, каково «направление» общения — «снизу вверх» или «сверху вниз».

1) Если между коммуникантами существует значительная статусная дистанция, и при этом статус партнера выше статуса субъекта, возникает представление о необходимости подчеркивания межличностной дистанции.

Это подтверждает, в частности, употребление уже рассмотренных выше слов *забываться*, *хамить*, которые указывают на то, что субъект игнорирует статусное преимущество партнера. Как отмечалось выше, эти слова могут использоваться, когда речь идет о несанкционированном превышении субъектом степени близости, существующей между ним и партнером по общению. Ср. — *А! Ты молчишь, ты не знаешь, куда еще увильнуть! — Ты поймана! — Но Глафира быстрым движением руки захватила ему рот и воскликнула: — Вы забываетесь, Гданов!* (Н. С. Лесков, *На ножах*); см. также примеры в разделе 1.4.1.1.

Важно отметить, что слово *хам*, которое, в отличие от *хамить*, обозначает нарушение правила уважительности, а не почтительности, и не предполагает в обязательном порядке статусной дистанции между коммуникантами, обычно не используется при указании на фамильярное обращение. Ср. не вполне естественное — *Подкинь тридцатку, старик... За мое несостоявшееся пение. — Хам!*

Связь между статусным превосходством партнера и строгостью соблюдения межличностной дистанции в наивном этикете проявляется также в наличии представления о том, что по отношению к «старшему по статусу» фамильярное поведение является большим отклонением от нормы, чем фамильярность с равным. Сравним лексику *забываться*, указывающую на превышение существующей степени близости в ситуации статусного неравенства, и лексику *фамильярничать*, *вести себя панибратски*, обозначающие фамильярное обращение с равным по статусу. Первая из них, в отличие от второй и третьей, содержит интерпретацию

²⁵ Т. е. при так называемом «общении на социальной дистанции».

поведения субъекта как непочтительного, оскорбляющего достоинство партнера по общению, и, соответственно, выражает более резкую отрицательную оценку.

Вместе с тем, связь между вертикальной и горизонтальной дистанцией не носит жесткого характера; об этом свидетельствует возможность сочетания *почтительно-фамильярно*, которое указывает на соблюдение субъектом статусной дистанции и одновременно на игнорирование им горизонтальной дистанции.

2) Если статусная дистанция между участниками ситуации велика, и при этом положение партнера в возрастной иерархии ниже статуса субъекта, допускается возможность сокращения межличностной дистанции. Отсюда — обращение на *-ты* людей пожилого или среднего возраста к молодым, допустимое даже при отсутствии близких отношений между коммуникантами²⁶.

При этом существенно, что преимущество в социальном положении, согласно русским наивно-языковым представлениям, по-видимому, не дает права сокращать межличностную дистанцию. В частности, поведение начальника, который обращается на *-ты* к подчиненным, с точки зрения языка, является нарушением нормы и воспринимается как *хамство* и *бесцеремонность*; применительно к такому речевому поведению можно употребить отрицательно оцениваемый глагол «тыкать»²⁷.

Тем самым, можно выдвинуть гипотезу о существовании в русском наивном этикете представлений о «социальной скромности», согласно которым разрешается подчеркивать свое собственное преимущество в возрасте, но не в социальном положении.

Между тем, преимущество партнера может маркироваться даже в том случае, когда оно имеет социальную природу²⁸, что подтверждает семантика слова *учтиво*, для которого типично указание на подчеркивание высокого положения партнера в социальной иерархии; ср. *учтиво поклониться губернатору*.

Указанные факты, кроме всего прочего, могут свидетельствовать о том, что социальная иерархия менее важна, по сравнению с возрастной.

1.4.4. ПОНЯТИЕ РЕГИСТРА ЭТИКЕТА И СТЕПЕНИ ФОРМАЛИЗОВАННОСТИ

Помимо соотношения статусов и размера горизонтальной дистанции для наивного этикета очень существенно еще одно понятие — регистр этикета. Мы бу-

²⁶ См. об этом в [Шаронов 2003]; ср. также в [Карасик 2002: 75]: «вышестоящий участник общения имеет право двигаться в диапазоне «персональная — социальная дистанция», нижестоящий участник вряд ли перейдет границу социальной дистанции».

²⁷ Ю. Д. Апресян называет такое *-ты* «начальственным», а А. А. Холодович — «хамским»; ср. [Апресян 1995а: 140].

²⁸ Заранее оговоримся, что в целом для русского наивного этикета это менее характерно, чем маркирование возраста партнера; см. об этом ниже, в связи с употреблением слова *вежливый*.

дем выделять три таких регистра — пониженный, стандартный и повышенный; частным случаем последнего является уже упомянутая гипервежливость. Повышение регистра может быть связано с усилением как п о з и т и в н ы х, так и н е г а т и в н ы х этикетных стратегий. На повышение регистра по линии позитивных стратегий указывает большинство слов, обозначающих соблюдение правил гипервежливости — а именно, лексемы *галантный, любезный, обходительный* (см. раздел 3.1.2). Повышение регистра по линии негативных стратегий описывается словами *церемонии, церемониться*; слова *учтиво, церемонно* о д н о в р е м е н н о указывают на усиление как негативных, так и позитивных составляющих этикета. Ср. *церемонно (учтиво) поклониться (поцеловать руку)* [следование позитивным стратегиям] VS. *церемонно (учтиво) отказаться* [следование негативным стратегиям].

Повышенный и пониженный регистры могут отличаться от стандартного по двум параметрам: к ним относится степень ф о р м а л и з о в а н н о с т и этикета, а также о б ъ е м этикетных требований (как в сфере предписаний, так и в сфере запретов) и их строгость.

Степень ф о р м а л и з о в а н н о с т и определяется интенсивностью использования этикетных знаков — специальных форм (например, *вы* вместо *ты*), формул и ритуалов. Понятие степени формализованности чаще всего прямо связано с понятием регистра: обычно повышение регистра ведет к повышению формализованности, особенно в том случае, когда имеет место усиление негативных стратегий. Однако однозначная связь между регистром и степенью формализованности существует далеко не всегда.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить слова с корнем *-церемон-* (*церемонии, церемониться, церемонно*) и лексемы *любезный, обходительный, галантный*, обозначающие соблюдение правил гипервежливости. Все перечисленные слова предполагают использование повышенного этикетного регистра, однако только слова первой группы указывают на высокую степень формализованности, о чем свидетельствует их внутренняя форма.

Кроме того, по степени формализованности могут различаться правила в рамках стандартного регистра этикета — так, правила вежливости по сравнению с правилами уважительности, почтительности, скромности носят более формализованный характер (см. об этом в разделе 3.1.1).

1.4.5. СВЯЗЬ МЕЖДУ ДИСТАНЦИЕЙ И РЕГИСТРОМ ЭТИКЕТА (А ТАКЖЕ СТЕПЕНЬЮ ФОРМАЛИЗОВАННОСТИ)

Согласно наивно-этикетным представлениям, выбор этикетного регистра определяется соотношением статусов партнеров по общению, размером межличностной дистанции, а также характером ситуации общения (степенью ее официальности).

Использование повышенного регистра имеет место в следующих условиях: 1) в официальной ситуации общения; 2) при наличии значительной дистанции²⁹, как горизонтальной, так и вертикальной. При этом наличие вертикальной дистанции приводит к повышению регистра только тогда, когда статус партнера выше статуса субъекта.

Связь между размером горизонтальной дистанции и этикетным регистром подтверждается употреблением большинства слов, обозначающих соблюдение правил гипервежливости: все они предполагают социальную, а не персональную дистанцию между коммуникантами; см. об этом в разделе 3.1.2.

Связь между размером вертикальной дистанции и этикетным регистром можно проиллюстрировать употреблением слов *развязный* и *неуважительный*.

Как выясняется, на их употребление может влиять соотношение статусов участников общения. Так, если какой-л. человек сидит в небрежной позе в присутствии незнакомых людей, чей статус неохарактеризован, мы расценим его поведение только как нарушение приличий и назовем *развязным*. Если же этот человек ведет себя подобным образом в присутствии того, кто существенно старше его по возрасту, социальному положению, а также при женщине, его поведение естественнее расценить как нарушение правил уважительности и охарактеризовать как *неуважительное* или даже *хамское*, что предполагает более резкую отрицательную оценку, чем в случае *развязное*. Таким образом, при наличии вертикальной дистанции возрастает объем этикетных требований, что связано с переходом на более высокий этикетный регистр.

При этом от характера дистанции зависит конкретное направление, в котором возрастают этикетные требования.

1) Влияние горизонтальной дистанции на содержание этикетных запросов.

С увеличением горизонтальной дистанции в первую очередь возрастают требования к использованию негативных стратегий. Это можно проиллюстрировать употреблением слов *бесцеремонный*, *панибратство*. Они указывают на то, что субъект игнорирует значительную горизонтальную дистанцию, существующую между ним и его партнером по общению. Это выражается в занижении субъектом этикетного регистра, при этом акцент делается на недостаточном применении негативных стратегий отдаления. В частности, слово *панибратство* подчеркивает чрезмерную простоту обращения, большую, чем допускают отношения между субъектом и его партнером по общению и элементарные правила уважения и деликатности, принятые между воспитанными людьми; ср. приглашение выпить, адресованное малознакомому человеку, обращение типа «мужики», «парни», похлопывание по плечу. См. об этом в статье *развязный* [Крылова 2004: 921]; см. также описание семантики слова *бесцеремонный* в главе 3.

²⁹ См. об этом явлении применительно к этикету в работах [Богданов 1990: 12; Карасик 1991: 46; Кобозева 2003; Шаронов 2003; Карасик 2002: 81] и др.

2) Влияние вертикальной дистанции на содержание этикетных норм.

Наличие вертикальной дистанции требует интенсификации как позитивных, так и негативных этикетных стратегий. Это подтверждается употреблением статусно-ориентированных слов *учтивый*, *почтительный*, для которых актуальны оба типа стратегий; ср. *почтительно распахнуть дверь* [речь идет о применении позитивных стратегий] VS. *почтительный шепот*, *почтительно кашлянуть*, *предупреждая о своем приходе* [речь идет о применении негативных стратегий]; про *учтивый* см. в разделе 3.1.2.

Наличие у партнера ролевого преимущества может по-разному влиять на этикетные запросы, в зависимости от характера роли. От обслуживающей стороны в ситуации обслуживания и от хозяина в ситуации приема гостей требуется интенсивное использование позитивных стратегий (ср. *обходительный*, *любезный*). Между тем, от гостя требуется прежде всего интенсивное использование негативных стратегий³⁰.

Однако помимо зависимости этикетного регистра, а также конкретного содержания этикетных требований от размера и характера дистанции, существует и обратная связь: маркирование того или иного типа дистанции может зависеть от этикетного регистра. В частности, существуют факты, указывающие на то, что гендерная иерархия актуальна прежде всего для повышенного регистра этикета. Не случайно слова, специально указывающие на маркирование гендерной иерархии, обычно предполагают соблюдение правил гипервежливости — ср. *галантный*, *джентльмен*, *рыцарь*, *кавалер*. Ср. также наблюдение в книге [Тер-Минасова 2000: 158] о том, что порядок слов в комплексных обращениях к лицам обоих полов зависит от «уровня речи» — при выборе стандартного регистра этикета сначала идет обращение к лицам мужского пола (*мальчики и девочки*, *мужчины и женщины*), тогда как при использовании повышенного регистра обращение к женщинам предшествует обращению к мужчинам (*дамы и господа*).

Между тем, возрастная дистанция может маркироваться и в условиях стандартного регистра. Ср. слово *почтительный* в сочетаниях типа *почтительный сын*, *почтительная дочь*, которое указывает на подчеркивание статусного преимущества партнера, обусловленного его возрастом, и при этом предполагает использование стандартного регистра этикета (обращение на *ты* и пр.).

До сих пор обсуждалась связь между дистанцией и регистром. Однако от размера дистанции — прежде всего, горизонтальной — может непосредственно зависеть также степень формализованности общения как таковая, вне ее связи с регистром. Так, актуальность правил вежливости, вследствие их формализованности, обычно возрастает при наличии значительной горизонтальной дистанции между

³⁰ В ситуации «хозяин — гость», как уже говорилось, положение гостя является одновременно и привилегированным, и зависимым. Поэтому, независимо от того, кого брать за точку отсчета, общение всегда направлено «снизу вверх», вследствие чего уместно использование повышенного регистра этикета.

коммуникантами, хотя эта зависимость носит менее жесткий характер, чем в случае гипервежливости (см. об этом в разделе 3.1.1).

1.5. ДВЕ СФЕРЫ НАИВНОГО ЭТИКЕТА

В рамках наивного этикета (как и в наивной этике) выделяются те же две сферы, о которых уже говорилось выше применительно к этике и этикету, как таковым:

1) Правила, которые регламентирует характер обращения субъекта с конкретным партнером по общению. Для краткости мы будем называть соответствующую область наивного этикета сферой обхождения; в дальнейшем именно она станет объектом нашего непосредственного рассмотрения.

Указанный аспект поведения субъекта обозначается уходящей лексемой *обхождение*; ср. *За такое обхождение с дамой шкуру дырявят* (Б. Акунин, Турецкий гамбит); *Я заехал к «нашему» доктору, симпатичному невежде, чье умелое обхождение с больными и полное доверие к двум-трем патентованным средствам успешно маскировали равнодушие к медицине* (В. Набоков, Лолита).

2) Правила, которые регламентируют манеру держаться в обществе³¹. Они тоже регулируют поведение субъекта по отношению к другим людям, но в этом случае конкретный партнер по общению отсутствует. Мы будем называть соответствующую область этикета сферой манер.

На соответствующий аспект поведения указывают слова *манеры*, *выправка*; комплекс соответствующих правил обозначается словами *приличия* и *хороший тон*. Ср. *У него безупречные манеры (военная выправка); Приличия (правила хорошего тона) требуют, чтобы человек снимал пальто, садясь за стол*. Интересно, что само слово *этикет* имеет универсальное значение: оно может обозначать как обхождение с конкретным партнером, так и манеру держаться в обществе; ср. *Этикет требует, чтобы мужчину представляли женщине, а не наоборот; Этикет запрещает садиться за стол в верхней одежде*.

К сфере обхождения относится следующая лексика наивного этикета: *вежливый*, необходим. *учтивый*, *любезный*, *уходящ.* *обходительный*, необходим. *галантный*, *корректный*, *церемонный*, *невежливый*, *уходящ.* *невежа*, необходим. *неучтивый*, *нелюбезный*, *некорректный*, *наглый*, *нахальный*, *дерзкий* 1.1, *грубый* 4.1 (ср. *Он был с ней груб*), *грубиян*, *бесцеремонный*, разг. *беспардонный*, *фамильярный*,

³¹ Помимо этого, на периферии наивного этикета выделяется еще одна сфера правил — она регламентирует действия субъекта, главным образом требуя соблюдения общественного порядка (*распуститься*, *распоясаться*, *разболтаться*, *хулиганить*, *шалить*, *баловаться*, *озорничать*, *безобразничать*, *бесчинствовать* и пр.). Слова рассматриваемой сферы указывают не столько на нарушение этикетных правил, сколько на нарушение юридических норм (*безобразничать*, *бесчинствовать*), а также дисциплинарных норм (*распуститься*, *разболтаться*).

необходим. *амикошонство, панибратский, хамить, грубить, дерзить*, уходящ. *забываться*, разг.-сниж. *зарываться* 2, уходящ. *перечить*, уходящ. *прекословить*, разг. *церемониться*, разг. *миндальничать*, разг. *цацкаться*, разг. *фамильярничать*, разг. *любезничать*, уходящ. *уважить*, *осадить*, разг. *поставить на место* и пр.

Сфера *манер* представлена следующими лексемами: *благопристойный, приличный, неприличный, чинный, солидный, благовоспитанный, степенный, респектабельный, вальяжный, суетливый, подтянутый, бравый*, необходим. *молодцеватый, естественный, непринужденный, непосредственный, раскованный, раскрепощенный*, разг. *разболтанный*, разг. *расхлябанный, вызывающий, несдержанный, сдержанный, скованный*, разг. *зажатый, чопорный, манерный, неотесанный*, необходим. *рафинированный, утонченный, грубый* 4.2 (ср. *Она была груба, бранилась, как мужщина*), *грубоватый*, разг. *хамоватый* и пр.

Слова указанной сферы часто характеризуют не только манеру держаться, но и внешний облик субъекта — его манеру одеваться (*подтянутый, расхлябанный, респектабельный, солидный*), особенности телосложения (*валяжный, солидный*) и даже выражение лица (*хамоватый*).

Помимо всего прочего, лексика сферы обхождения отличается от лексики сферы манер по признаку ‘актуальность’ / ‘постоянность’ — не случайно в сфере обхождения широко представлены глаголы со значением поведения и конкретного действия, тогда как среди слов, обозначающих манеры, такого рода лексемы отсутствуют. По той же причине для лексики обхождения, по сравнению с лексикой манер, более характерна краткая форма — это проявляется в большей регулярности образования такого рода форм от слов, обозначающих обхождение, по сравнению со словами, обозначающими манеры.

Нередко между сферой манер и сферой обхождения нельзя провести четкой границы: так, слова *развязный, (не)воспитанный, (не)культурный*, а также отчасти *наглый, нахальный* могут характеризовать как особенности обхождения субъекта с конкретным партнером, так и его манеры. Кроме того, нередко дериваты или лексемы, реализующие разные значения многозначного слова, относятся к разным сферам: ср. *хам* и *хамоватый, грубый* 4.1 и *грубый* 4.2: первое слово в обеих парах относится к сфере обхождения, второе тяготеет к сфере манер.

Существует ряд фактов, указывающих на то, что сфера обхождения является центральной для наивного этикета.

Прежде всего, она, по сравнению со сферой манер, является более разработанной. Это проявляется, в частности, в ее большем лексическом разнообразии — в большом количестве не только имен, но и глаголов, относящихся к указанной сфере; ср. *хамить, грубить, дерзить, фамильярничать, забываться, зарываться, перечить, прекословить, церемониться, миндальничать, цацкаться, любезничать, уважить, осадить, поставить на место*. (В сфере манер глаголы представлены более ограниченно — преимущественно, лексемами *раскрепоститься, зажаться, подтянуться* 3; все они указывают на начало соответствующего свойства.)

Кроме того, разработанность сферы обхождения проявляется в богатстве деривационных связей и разнообразии категориальных значений, выражаемых соответствующими словами.

Лексика манер может обозначать свойство субъекта (ср. все перечисленные прилагательные и их дериваты-существительные), его начало (*раскрепоститься, зажаться, подтянуться* 3) и соответствующие нормы поведения (*приличия, манеры, выправка*).

Лексика сферы обхождения тоже может выражать указанные смыслы: ср. слова со значением свойства (*вежливый, учтивый, обходительный, любезный, грубый, наглый* и пр., а также существительные *вежливость* 2, *обходительность, учтивость* 1, *грубость, бесцеремонность, хамство* и пр.) и начала свойства (*обнаглеть, охаметь*), а также слова, обозначающие нормы поведения (*вежливость* 1, *учтивость* 2 и пр.; ср. *Вежливость* {*учтивость*} *требует, чтобы вы согласились*). Кроме того, слова рассматриваемой сферы могут обозначать носителя свойства (*хам, хамло, нахал, наглец, невежа, джентльмен* 2, *рыцарь* 2)³², конкретные проявления свойства (*любезность* 2, *фамильярность* 2 (МН), *грубость* 2 (МН), *дерзость* 2; *бестактность* 2)³³ и, наконец, соответствующий тип поведения (*хамить, грубить, дерзить, забывать, зарываться, перечить, прекословить, церемониться, цацкаться, любезничать*) или же конкретное действие (*осадить, уважить, поставить на место*).

На центральное место, занимаемое сферой обхождения в наивном этикете, указывает также тот факт, что большинство негативных лексем указанной сферы выражают резко-отрицательную оценку, нетипичную для отрицательных лексем, характеризующих манеры. Ср. большую интенсивность оценки в случае *наглый, нахальный, дерзкий, грубый* 4.1, *бесцеремонный, беспардонный, фамильярный, амикошонство, панибратский, хамить, грубить, дерзить, забывать, зарываться, перечить, прекословить* (сфера обхождения) и меньшую интенсивность оценки в случае *разболтанный, вызывающий, несдержанный, скованный, неотесанный, зажатый, чопорный, манерный* (сфера манер); ср. также слова *хам, хамство, хамский* и *хамоватый*: первые три слова характеризуют обхождение с партнером по общению, последнее слово — манеры субъекта³⁴; при этом слова *хам, хамство* выражают более резкую оценку, по сравнению с *хамоватый*. Показательно, что слова с суффиксом *-оват*, указывающие на слабую степень свойства, тяготеют к сфере манер; ср. *губоватый, хамоватый*.

³² В сфере манер представлено только одно слово, обозначающее носителя свойства — *грубиян*.

³³ Ср. *Кто это тут вам папаша? Что это за фамильярности?* (М. Булгаков, Собачье сердце), ср. также *говорить грубости, сказать дерзость* {*любезность*}; *допустить бестактность*.

³⁴ Ср. следующие примеры, подтверждающие это: *Надул губы, пригасил блеск в глазах, помял румяные щеки, развалился на стуле и вдруг, словно по мановению волшебной палочки,*

1. 6. Типы правил в этике общения и этикете

1.6.1. Деление правил в зависимости от объекта регламентации

Как уже говорилось, правила наивного этикета и этики общения имеют много общего. Их сближает, прежде всего, объект регламентации: этика общения, так же как этикет, чаще всего регламентирует внешнюю форму поведения, а не содержание поступков. Поэтому для обоих типов норм предлагается ввести единую классификацию правил.

Мы будем различать два основных уровня указанных правил, в зависимости от аспекта поведения, подлежащего регламентации.

1) Правила, регламентирующие манеру субъекта держаться в ходе общения с партнером — сюда входит речевая манера, мимика и характер движений (ср. *вежливо отказаться, учтиво обратиться, деликатно <тактично> спросить, грубо <дерзко, фамильярно> ответить, бесцеремонно расспрашивать о чем-л.; приветливо <любезно> улыбнуться; вежливо подать книгу, грубо швырнуть книгу*).

2) Правила, регламентирующие действия субъекта в ходе общения с партнером.

На стыке правил первого и второго уровня находятся правила дискурсивного этикета, регламентирующие организацию диалога — сюда относятся, в частности, запреты перебивать партнера, требование отвечать на вопросы и пр.³⁵

В пределах второго уровня выделяются следующие подуровни.

а) Выполнение тех или иных ритуализованных действий в ходе разнообразных этикетных ситуаций (ср. *вежливо поздороваться <поблагодарить, извиниться>; деликатно постучаться*).

б) Выбор той или иной коммуникативно-речевой стратегии (ср. *любезно согласиться, вежливо <деликатно, тактично> переменить тему <промолчать>*), а также выбор «эмотивной» стратегии. Под эмотивностью мы вслед за Т. В. Лариной будем понимать сознательную демонстрацию эмоций, направленных на партнера по общению. Эмотивность противопоставлена эмоциональности — инстинктивному проявлению эмоций. Соответственно, эмотивная стратегия — сознательный выбор эмоциональной реакции, рассчитанный на то, чтобы оказать то или иное воздействие на партнера. Ср. следующие контексты, указывающие на выбор той или иной эмотивной стратегии, диктуемый вежливостью: *деликатно помолчать <вздохнуть> в знак сочувствия, вежливо удивиться*.

в) Выполнение тех или иных активных (чаще всего — физических) действий в интересах субъекта в масштабах, предусмотренных этикетом, или воздержание от такого рода действий, опять-таки в интересах субъекта.

превратился в хамоватого охотнорядского купчика (Б. Акунин, *Смерть Ахиллеса*); *Едва ли этот раздерганный и хамоватый болтун способен внушить кому-то чувство искренней дружбы* (М. Горький, *Жизнь Клима Самгина*).

³⁵ См. [Ратмайр 2003: 151—153]

Эти уровни различаются между собой по степени «формальности»: уровень 1) наиболее «формальный», уровни 2б) и особенно 2в) — наиболее «содержательно насыщенные».

1.6.2. ДЕЛЕНИЕ ПРАВИЛ ПО ПРИЗНАКУ НЕГАТИВНОГО / ПОЗИТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ И НЕГАТИВНОЙ / ПОЗИТИВНОЙ ФОРМЫ

Среди правил каждого уровня выделяются правила с позитивным содержанием и правила с негативным содержанием.

Так, различаются правила манер, имеющие негативное и позитивное содержание (ср. *вежливо возразить* [имеется в виду, скорее всего, отсутствие грубого обращения] VS. *вежливо (почтительно) обратиться к старшему, учтиво обратиться к даме* [имеется в виду почтительное обращение]). Точно так же различаются р и т у а л ы, имеющие позитивное и негативное содержание — к первым относятся, в частности, контактоустанавливающие ритуалы и выражения благодарности, ко вторым — ритуалы деликатности (ср. *вежливо (учтиво) поздороваться* VS. *деликатно постучаться*).

На уровне коммуникативных стратегий также выделяются правила с позитивным и негативным содержанием: первые представлены, в частности, постулатами согласия и одобрения (ср. *любезно (вежливо, учтиво) согласиться, вежливо похвалить*), вторые — запретами на проявление любопытства (ср. *деликатно (вежливо) промолчать; Из деликатности он сделал вид, что ничего не заметил*).

Наконец, на уровне активных действий противопоставляются, с одной стороны, позитивные по содержанию правила, предписывающие оказывать партнеру услуги и угождать ему (ср. *любезно предложить чаю, галантно преподнести букет, услужливо подать пальто*), и, с другой стороны, негативные по содержанию правила, предписывающие нейтрализовать угрозы территории партнера (ср. *Он не стал входить (трогать ее вещи) из деликатности, деликатно выйти, вежливо (деликатно) отвернуться*).

Кроме того, среди правил практически каждого из рассмотренных уровней выделяются правила с негативной формой (правила-запреты) и правила с позитивной формой (правила-предписания).

Как уже отмечалось выше, для негативных правил первична форма запретов, так же как для позитивных правил первична форма предписаний. Однако эта зависимость не является абсолютной.

Содержание и форма рассматриваемых правил могут вступать в конфликт между собой.

Сочетание позитивного содержания и негативной формы характерно для правил дискурсного этикета, которые входят в состав правил позитивной уважительности. Большинство из них формулируется в негативной форме: таков запрет перебивать партнера, обнаруживать скуку и нетерпение, прерывать контакт и пр.; ср. *Он невежливо зевнул* (см. об этом в разделе 3.2.1.2.1).

К разряду правил, имеющих близкое к позитивному содержание, но негативных по форме относится также та разновидность правил деликатности и такта, которая предписывает некоторое время хранить молчание в знак уважения к скорби партнера.

Однако значительно чаще правила деликатности и такта характеризуются обратным соотношением формы и содержания: среди них много таких, которые сочетают негативное содержание с позитивной формой. Такого рода правила — на их соблюдение указывают не только слова *деликатно*, *тактично*, *вежливо*, но и некоторые другие лексемы, в частности, *церемонии*, *церемониться* — сводятся к следующим требованиям.

1) Использование специальных средств смягчения эффекта действий, нежелательных для партнера. К ним относится:

а) Мягкая, бережная и осторожная манера выполнения соответствующих действий — мягкий тон, бережность движений, отсутствие прямолинейности в вопросах, косвенная форма просьб и пр.; ср. *вежливо отказаться*; *Он вежливо (деликатно) высвободился, деликатно (тактично) поинтересоваться (порекомендовать, намекнуть)*; *Что за церемонии! Говори прямо, что тебе нужно*.

б) Выполнение различных р и т у л о в деликатности, нейтрализующих эффект негативных действий, которые субъект собирается совершить в отношении партнера — запросов о разрешении сделать что-л., предупреждений и пр.; ср. *Он деликатно (вежливо) поступал, прежде чем войти*.

2) Выбор коммуникативной стратегии, позволяющей избегать того, что может травмировать партнера (ср. *деликатно (тактично) перевести разговор на другое*), а также выполнение действий, демонстрирующих о т с у т с т в и е у г р о з территории партнера со стороны субъекта — сюда относятся различные виды прекращения контакта и «самоустранения»; ср. *деликатно (тактично) отвернулся (вышел, отодвинулся, отошел)*.

1.6.3. ДЕЛЕНИЕ ПРАВИЛ НА ОСНОВАНИИ ЧАСТНЫХ ПРИЗНАКОВ

Помимо общего деления правил по признаку негативного / позитивного содержания и формы, возможно выделение более мелких разновидностей правил на основании тех или иных частных признаков.

Так, среди правил услуг мы будем выделять в зависимости от характера действий субъекта следующие типы.

1) Услуги-предоставления возможности.

Они, в свою очередь, подразделяются на два типа.

а) Предложения сделать что-л. или воспользоваться чем-л. Чаще всего в этой роли выступают слова или приглашающие жесты, а также жесты-предложения: субъект протягивает партнеру необходимый предмет; ср. *вежливо предложить чаю, вежливо указать на стул*; ср. также *вежливо подать зажигалку*.

б) Непосредственное предоставление партнеру приоритетной возможности сделать что-л.; ср. *вежливо уступить место*.

2) Услуги-помощь. Они подразделяются на следующие типы.

а) Помощь партнеру в выполнении трудоемких действий (ср. *вежливо помочь спуститься, вежливо помочь донести сумку*).

б) Выполнение за субъекта действий, не требующих значительных усилий (ср. *учтиво распахнуть дверь (подать пальто)*).

Типы 1б) и 2б) частично сближаются между собой: и те, и другие могут нести статусную нагрузку (см. об этом в следующем разделе).

Наконец, в рамках контактоустанавливающих ритуалов в зависимости от типа невербальных проявлений, входящих в их состав, мы будем выделять симметричные и асимметричные — к первым относятся кивки и рукопожатие (ср. *вежливо кивнуть (пожать руку)*), ко вторым — поклоны, вставание, поцелуй руки и пр. (ср. *почтительно (учтиво) поклониться (привстать, щелкнуть каблуками, поцеловать руку)*)³⁶.

1.7. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В НАИВНОМ ЭТИКЕТЕ И ЭТИКЕ ОБЩЕНИЯ

Как уже можно было убедиться, чрезвычайно важную роль в этикете и этике общения играют невербальные компоненты коммуникации. При этом для рассматриваемых систем актуальны практически все типы таких компонентов — не только те из них, которые относятся к области к и н е с и к и (жесты, мимика, поза) и п р о к с е м и к и (положение в пространстве), но и некоторые проявления, относящиеся к области фонации — а именно, громкость речи и дикция. Кроме того, для этикета и этики общения важен еще один тип невербальных проявлений — коммуникативно-значимое м о л ч а н и е, которое традиционно подразделяется на молчание вместо говорения и молчание во время слушания³⁷.

При изучении функционирования невербальных компонентов в наивном этикете и этике общения обнаруживается, что традиционное деление их на кинесические и проксемические не совсем удобно. Это связано с тем, что в рамках кинесики объединяются функционально разнородные элементы: с одной стороны, жесты и поза, с другой стороны, мимика. Жесты и поза по функции сближаются с местоположением, которое входит в состав проксемики, тогда как мимика противопоставлена всем остальным перечисленным проявлениям, вместе взятым.

Поэтому невербальные проявления целесообразно перегруппировать. В рассматриваемой работе предлагается выделять четыре типа таких проявлений, в

³⁶ См. об этом в [Крейдли 2003].

³⁷ См. об этом в [Крейдли 2002; Богданов 1990; Формановская 1987].

зависимости от их характера: 1) проявления, связанные с телесной сферой (поза, движения, жесты и местоположение), 2) мимика, 3) коммуникативно значимое молчание, 4) фонация (громкость голоса, дикция).

Кроме того, предлагается ввести членение невербальных компонентов по функции. По этому признаку выделяются следующие типы: 1) компоненты, связанные с маркированием статуса одного из коммуникантов, 2) компоненты, связанные с негативными стратегиями деликатности, в частности, с наличием / отсутствием угроз территории партнера, 3) компоненты, связанные с позитивными стратегиями, не сводимыми к маркированию статуса.

1.7.1. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С МАРКИРОВАНИЕМ СТАТУСА

Компоненты такого рода мы будем в дальнейшем называть статусными знаками. Указание на использование невербальных проявлений этого типа входит в семантику слов *скромно*, *почтительно*, *услужливо*, *учтиво*, *галантно*, *вежливо* и их дериватов, а также в семантику слов *хам*, *хамство*, *по-хамски*.

Можно выделить два типа статусных знаков: те, которые маркируют статус самого субъекта (ср. *скромно встать в стороне*) и те, которые маркируют статус партнера или статусную дистанцию между ним и субъектом (ср. *вежливо <почтительно> поклониться*)³⁸.

В качестве статусных знаков выступают, главным образом, те разновидности невербальных проявлений, которые связаны с телесной сферой, а именно, поза, движения и местоположение субъекта.

1.7.1.1. Поза как маркер статуса

Для позы маркирование статуса является в этикете основной функцией.

Во-первых, поза может маркировать собственный статус субъекта. В этом отношении показательна поза, которую субъект принимает в сидячем положении: в частности, манера сидеть, занимая минимум места, подчеркивает низкий статус субъекта. Поза такого рода характерна для модели поведения, обозначаемой словом *скромно*; ср. *скромно сесть на краешек стула*.

Во-вторых, поза субъекта может маркировать статусное преимущество партнера. В этом отношении показательна поза, которую субъект принимает в вертикальном положении: наклонное положение тела или склоненная голова подчеркивают статусную дистанцию между коммуникантами. На такую позу могут

³⁸ Знаки первого типа входят в качестве составляющих в правила скромности (см. раздел 2.3). Знаки второго типа входят, главным образом, в правила почтительности (см. раздел 2.1.2), услужливости (см. раздел 2.4.2) и гипервежливости, а также в ту разновидность вежливости, которую мы будем называть правилом повышенной, или статусной, уважительности (см. раздел 3.2.1.2.2).

указывать слова *услужливо, почтительно*; ср. *стоять, почтительно* (*услужливо*) *склонившись, стоять в почтительной* (*предупредительной*) *позе*.

В обоих рассмотренных случаях статус осмысливается с помощью тех или иных пространственных метафор. Это, прежде всего, метафора размера: в первом случае статус связывается с размером пространства, занимаемого субъектом на плоскости, во втором случае — с его высотой. Кроме того, в случае *почтительно склониться* и пр. на осмысление соответствующей позы оказывает влияние метафора верха и низа, которые ассоциируются с позитивным и негативным началом.

Кроме того, статусную нагрузку может нести положение спиной к партнеру: оно указывает на низкую оценку статуса партнера; соответствующее поведение может обозначать слово *невежливо*.

1.7.1.2. Двигательные проявления как маркер статуса

Среди двигательных проявлений, маркирующих статус партнера (или статусных движений, как мы их будем называть в дальнейшем) мы будем выделять те, которые входят в состав ритуалов, а также те, которые связаны с оказанием партнеру услуг.

Маркирование статуса партнера с помощью движений характерно для ритуалов приветствия и прощания.

1.7.1.2.1. Жесты приветствия и прощания, маркирующие статус партнера

Среди движений и жестов, связанных с выполнением ритуалов приветствия и прощания, статусную нагрузку несут не все, а только те, которые носят асимметричный характер — поклоны, вставание, поцелуй руки и пр. Помимо своей основной функции, которая состоит в демонстрации готовности к установлению и поддержанию контакта, эти двигательные проявления выполняют роль статусных знаков, подчеркивая статусное превосходство партнера. Сочетания с названиями асимметричных жестов характерны для слов *почтительно, учтиво, галантно*, а также отчасти *вежливо*. Ср. *почтительно* (*учтиво, галантно, вежливо*) *поклониться* (*привстать, целкнуть каблуками*), *почтительно* (*галантно*) *поцеловать руку*; ср. также менее естественное *почтительно* (*учтиво, галантно*) *кивнуть* (*пожать руку*).

К асимметричным жестам приветствия близки также движения, маркирующие статус собеседника в ходе контакта: вставание или изменение положения тела на более вертикальное; на выполнение такого рода движений могут указывать слова *вежливо, почтительно, учтиво*. Ср. *вежливо* (*почтительно, учтиво*) *встать* (*привстать*), *разговаривая с дамой*; *Разговаривая с врачом, он вежливо приподнялся и переменял лежащую позу на сидячую*. В отличие от асимметричных приветствий, такого рода движения не связаны с выполнением ритуала контактоустановления, а несут исключительно статусную нагрузку.

1.7.1.2.2. Движения-услуги, маркирующие статус партнера

Сюда относятся движения, связанные с оказанием партнеру следующих услуг:

1) Выполнение за партнера каких-л. действий, не требующих значительных усилий. На совершение такого рода действий указывают слова *услужливо, почтительно, учтиво*. Ср. *услужливо (почтительно, учтиво) распахнуть дверь перед кем-л. (подать пальто)*.

Статусная семантика такого рода услуг обусловлена тем, что они могут ассоциироваться с ролью слуги. Это связано, во-первых, с тем, что помощь партнеру в этом случае не продиктована необходимостью, как в случае трудоемких действий, и, во-вторых, с тем, что субъект в этом случае полностью освобождает партнера от затраты усилий.

Между тем, в ситуации, когда субъект помогает партнеру в совершении действий, требующих определенной затраты усилий — например, помогает женщине или старику нести тяжелые вещи, выйти из автобуса и пр. — его действия не расцениваются как маркер статуса партнера³⁹. На это указывает, в частности, нетипичность использования в этой ситуации слов *почтительно, учтиво*; ср. менее естественное *почтительно (учтиво) помог женщине выйти из вагона (нести тяжелую сумку)* при более естественном *почтительно (учтиво) распахнул дверь*.

2) Предоставление партнеру различных приоритетных возможностей — прежде всего, пройти вперед или сесть.

В этом случае субъект совершает движения и перемещения, которые обеспечивают партнеру указанную возможность: отходит в сторону, пропуская партнера, или встает, уступая ему место. На оказание такого рода услуг указывают слова *почтительно, галантно, вежливо*, на их отсутствие, в ситуации, когда они ожидаются, может указывать слово *хам*. Ср. *учтиво (почтительно, галантно, вежливо) пропустить даму вперед (уступить место даме)*; ср. также следующий пример, взятый из разговорной речи: — *Мог бы уступить место пожилому человеку! Хам! Что за молодежь!*

К рассматриваемому типу услуг близки услуги-предложения, особенно — жесты (ср. *вежливо протянуть ручку (чашку чая)*) — не случайно субъект, уступая место или пропуская партнера, нередко сопровождает свои действия приглашающими жестами и словами (*пожалуйста, садитесь; прошу вас, проходите*).

Однако по функции предоставление приоритетных возможностей существенно отличается от предложений сделать что-л. — вторые, в отличие от первых, не несут столь ярко выраженной статусной нагрузки. Это подтверждается, в частности, нетипичностью использования слов *учтиво, хам* в контексте услуг последнего типа. Ср., в частности, менее стандартное *учтиво протянуть ручку (чашку чая)* при бо-

³⁹ Тем более, когда субъект берет на себя лишь часть усилий, как в случае *вежливо помочь выйти из вагона...*

лее стандартном *учтиво уступить место* (*пропустить вперед*); ср. также не вполне прагматически правильное — *Мог бы предложить гостю чашку чаю. Хам!*

В чем истоки статусной семантики действий субъекта в случае *вежливо пропустить вперед, вежливо уступить место*, и почему она отсутствует в случае обычных услуг-предложений?

Прежде всего, в первом случае статусное преимущество партнера подчеркивает сам характер возможности, которую субъект предоставляет партнеру: место впереди осмысливается как более почетное, так же как поза сидя ассоциируется с бóльшим комфортом и, соответственно, с привилегированным положением.

Однако еще более важную роль играет характер действий самого субъекта. Уступая партнеру сидение или место впереди себя, субъект не просто предоставляет ему возможность сделать что-л., но отказывается в его пользу от своих собственных преимуществ, тем самым подчеркивая привилегированность партнера. Это отличает, в частности, предоставление места от простых предложений сесть: ср., с одной стороны, *вежливо уступить место* и, с другой стороны, *вежливо указать на стул, вежливо предложить сесть*. Во втором случае действия субъекта тоже в какой-то мере маркируют статус партнера, поскольку положение сидя связывается с высоким статусом, однако в случае *вежливо уступить место* действия субъекта несут значительно более сильную статусную нагрузку из-за указания на «жертву», на которую субъект идет ради интересов партнера.

1.7.1.2.3. Минимизация двигательных проявлений как маркер статуса

Еще одним знаком статусного преимущества партнера является минимизация двигательной активности субъекта в присутствии последнего. Она проявляется в неподвижности субъекта, а также замедленности движений. Такого рода поведение обозначается словом *почтительно*. Ср. *Слуга почтительно замер; почтительная неподвижность*.

1.7.1.2.4. Семантика статусных движений: идея «жертвы»

Рассмотрев все типы статусных движений, можно сделать некоторые выводы относительно их семантики. Как мы видим, большинство такого рода движений предполагают изменение положения тела: субъект наклоняется (ср. поклоны и поцелуй рук) или принимает *в е р т и к а л ь н о е* положение.

Что касается наклонного положения как маркера статуса, то о нем уже говорилось выше, в связи с позой.

Остановимся на статусной семантике *в с т а в а н и я*.

В таких случаях, как *вежливо встать, уступая место*, вставание является только средством оказать услугу партнеру, характер которой подчеркивает его статусное преимущество. Однако в остальных случаях (*встать в знак приветствия*;

встать, разговаривая со старшим) вертикальное положение, принимаемое субъектом, не связано с заботой о комфорте последнего, а имеет иную семантику: оно ассоциируется прежде всего с отказом от притязаний на комфорт самого субъекта в присутствии партнера, что подчеркивает превосходство последнего.

Представления о том, что отказ от собственного комфорта, частным случаем которого является вставание, может выступать в качестве знака уважения и почтения к присутствующим, очень характерны для этикета — как наивного, так и кодифицированного⁴⁰.

Так, согласно правилам приличий, в присутствии посторонних — особенно, старших или женщин — не рекомендуется принимать чрезмерно расслабленную и свободную позу (сидеть развалившись, положив ногу на ногу, засовывать руки в карманы и пр.). Такое поведение расценивается как *развязность* и неуважение к присутствующим именно вследствие того, что в нем можно усмотреть чрезмерные притязания на комфорт⁴¹.

Кроме того, в церемониальном этикете широко распространен ритуал вставания, как знак уважения к памяти умерших в составе траурных церемоний (ср. выражение *почтить вставанием*), а также как знак уважительного отношения к некоторым объектам, почитаемым как святыни — ср., например, обычай вставать на торжественных церемониях при исполнении государственного гимна.

Однако, помимо отказа от комфорта, для наивного этикета важен еще один тип самоограничения — а именно, *минимизация двигательной активности*, о которой уже шла речь выше, а также *речевой активности* (см. об этом ниже). И то, и другое выполняет в этикете (как наивном, так и кодифицированном) примерно ту же функцию, что и отказ от комфорта.

Во-первых, неподвижность и немногословность, подобно вставанию, могут выступать в качестве статусного знака, маркирующего статус одного из коммуникантов.

Во-вторых, отсутствие чрезмерной речевой и двигательной активности в присутствии других людей входит в состав правил приличия, наряду с подтянутой позой — если субъект чрезмерно многословен, или же его движения размашисты и небрежны, такое поведение тоже может интерпретироваться как *развязность*. Ср. *Он (...) с излишнею развязностью налил себе в стакан гораздо больше вина, чем самому хотелось* (И. С. Тургенев, *Отцы и дети*); — *Откуда у тебя эта развязность, болтливость? Ты, такая сдержанная, сосредоточенная!* (И. А. Гончаров, *Обрыв*).

При этом молчание по функции сближается со вставанием — в частности, оно может выступать в качестве ритуального знака уважения и почтения (обыч-

⁴⁰ Это касается не только русского, но и общеевропейского этикета.

⁴¹ См. анализ семантики слова *развязность* в [Крылова 2004: 919—922].

но в составе траурных церемоний); ср. параллелизм выражений *почтить минутой молчания* и *почтить вставанием*.

Таким образом, в роли наиболее универсального средства подчеркивания статуса и значимости партнера (или третьего лица) в наивном этикете выступает прежде всего отказ субъекта от реализации своих прав и возможностей в ходе общения с ним — отказ от комфорта, а также ограничение двигательной и речевой активности. Тем самым, на первый план выходит идея самоограничения, «ж е р т в ы», приносимой партнеру, и не связанной в обязательном порядке с заботой о его пользе и, вообще, о его «положительном лице».

1.7.1.3. Местоположение как маркер статуса

Для местоположения, как и для позы, маркирование статуса является в наивном этикете и этике общения основной функцией.

Из всех аспектов местоположения для наивного этикета и этики общения релевантна прежде всего степень удаленности субъекта от некоей исходной точки отсчета⁴² — именно она несет информацию о его статусе.

При этом характер точки отсчета может быть различен. Так, слово *скромно* указывает на дистанцированность субъекта от центра пространства, в котором происходит коммуникация, или от центра происходящего (ср. *скромно встал в сторонке (в углу, у дверей)*); положение субъекта на периферии подчеркивает его собственный низкий статус. Для слова *почтительно* характерно указание на значительное расстояние между субъектом и партнером (ср. *почтительно остановился в отдалении*, ср. также *на почтительном расстоянии*), что является знаком статусной дистанции, разделяющей их.

В данном случае, как и в случае *почтительно склониться*, *скромно сесть на краешек стула* и пр., статус осмысливается с помощью пространственной метафоры. Однако на этот раз в центре внимания оказывается не размер пространства, занимаемого субъектом, а его локализация по отношению к некой точке отсчета.

Метафора местоположения играет существенную роль в осмыслении статуса в наивно-языковом сознании. На это указывают, в частности, выражения *знать свое место*, *поставить на место*. Оба они характеризуют чье-л. поведение с точки зрения наличия или отсутствия завышения собственного статуса: первое указывает на то, что субъект, имеющий низкий статус, ведет себя скромно, в соответствии с этим статусом, второе обозначает реакцию субъекта на завышение партнером по общению своего статуса.

⁴² В некоторых разновидностях кодифицированного этикета (например, в этикете светских приемов), помимо этого, существует представление о связи между статусом и пространственной ориентацией — так, место справа от хозяина считается более почетным, чем слева. Для наивного этикета это нехарактерно.

1.7.2. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С СОБЛЮДЕНИЕМ / НЕСОБЛЮДЕНИЕМ СТРАТЕГИЙ ОТДАЛЕНИЯ

Невербальные проявления этого типа значимы для семантики слов *деликатно*, *тактично*, *вежливо*, *бесцеремонно*, *фамильярно*, *панибратски* и их дериватов⁴³.

К рассматриваемому типу относятся, главным образом, различные двигательные проявления.

1) Жесты, связанные с выполнением ритуалов деликатности (ср. *деликатно постучаться*).

2) Активные физические действия — движения и перемещения, семантика которых связана с наличием / отсутствием демонстрации в н и м а н и я (ср. *Не показывая пальцем, это невежливо*; *Лакей понял его желание, посмотрев по направлению перста, бесцеремонно указывавшего на стакан англичанина* (В. Набоков, Весна в Фиальте); ср. также *деликатно отвернуться*); с наличием / отсутствием физического контакта (*бесцеремонно* <фамильярно> *похлопать по плечу, бесцеремонно схватить* <толкнуть>; *вежливо* <деликатно> *отодвинуться* <отойти в сторону>); с началом / прекращением физического присутствия (*деликатно* <вежливо> *выйти, бесцеремонно ворваться*).

Кроме того, сюда относятся также некоторые компоненты коммуникации, принадлежащие к сфере ф о н а ц и и, а именно, ограничение громкости речи (ср. *деликатный* <вежливый> *шепот*).

Наконец, к указанной сфере относится такая разновидность соматических проявлений, как покашливание.

1.7.3. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С СОБЛЮДЕНИЕМ / НЕСОБЛЮДЕНИЕМ ПОЗИТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ, НЕ СВОДИМЫХ К МАРКИРОВАНИЮ СТАТУСА

Невербальные проявления этого типа значимы для семантики слов *уважительно*, *деликатно*, *тактично*, *услужливо*, *вежливо*, *любезно*, *галантно* и их дериватов. Они маркируют наличие / отсутствие позитивного отношения к партнеру на п е р с о н а л ь н о й дистанции — наличие / отсутствие симпатии, а также признания ценности и значимости личности партнера, его мнений, чувств и пр.

К рассматриваемому типу относятся некоторые двигательные проявления, а именно, симметричные жесты в составе ритуалов приветствия и прощания (ср. *вежливо пожать руку* <кивнуть>), а также различные движения, связанные с оказанием услуг, не несущих статусной нагрузки (ср. *вежливо* <любезно> *указать на стул* <протянуть чашку чаю>; *галантно налить вина, услужливо протянуть зажигалку*).

⁴³ Они входят в качестве составляющих в этические правила деликатности и такта, в соответствующую разновидность вежливости, а также в правило межличностной дистанции (см. разделы 2.2.1, 3.2.2.1, 3.4.2).

Кроме того, рассматриваемая функция является основной для большинства мимических и соматических проявлений, актуальных для этикета — ср. *вежливо* (любезно) *улыбнуться*, *вежливо* (деликатно) *вздыхнуть*, *вежливо удивиться* (поднять брови). Проявления указанного типа чаще всего предполагают демонстрацию субъектом тех или иных эмоций, с целью выразить позитивное отношение к партнеру или солидарность с ним, а также вызвать у него положительные эмоции. С другой стороны, такие соматические проявления, как зевота, могут интерпретироваться как демонстрация низкой значимости партнера.

Наконец, к рассматриваемому типу относятся некоторые фонетические компоненты — в частности, произношение: так, нечеткая артикуляция может интерпретироваться как пренебрежение интересами субъекта (ср. *Невежливо бубнить себе под нос*).

1.7.4. МНОГОЗНАЧНЫЕ НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Среди невербальных компонентов общения существуют некоторые проявления со сложной и многозначной семантикой, в том числе такие, которые могут получать в наивном этикете и этике общения амбивалентную оценку.

К ним относятся, главным образом, проявления, связанные с мимической (и соматической) сферой, а также коммуникативно значимое молчание.

Неоднозначность и противоречивость семантики ряда невербальных компонентов, о которых пойдет речь ниже, связана с тем, что они предполагают демонстрацию внимания к партнеру по общению. В связи с этим необходимо сказать несколько слов об отношении к вниманию как прагматическому фактору в наивном этикете и этике общения.

Внимание, связанное со слуховым восприятием, ассоциируется в наивном этикете и этике общения с соблюдением позитивных стратегий и получает положительную оценку; его отсутствие оценивается отрицательно.

Демонстрация такого рода внимания предписывается правилами дискурсного этикета, соблюдение которого входит в представление о вежливости; ср. *вежливо выслушать* [= внимательно, не перебивая]; ср. также *невежливо перебить* (прервать, отмахнуться); *Старик очень невежливо перебил разболтавшегося Пивораки* (Л. Лагин, Старик Хоттабыч); *Но магистр лишь невежливо отмахнулся* (Б. Акунин, Алтын-Толобас).

Между тем, зрительное внимание может связываться не только с соблюдением позитивных стратегий, но и с нарушением негативных стратегий отдаления; в таком случае внимание воспринимается как травмирующий фактор⁴⁴, угрожающий территории партнера. Невербальные проявления зрительного внимания либо оцениваются однозначно отрицательно (как, например, жесты внимания; см. раздел 1.7.2), либо получают амбивалентную оценку (как мимические проявления внимания, в частности, фиксация взгляда на партнере по общению).

⁴⁴ Ср. понятие «вежливого невнимания» в работе [Giddens, 1987: 123].

1.7.4.1. Направление взгляда в наивном этикете и этике общения

Направление взгляда, а именно, наличие / отсутствие фиксации взгляда на партнере по общению, несет в наивном этикете и этике общения богатую смысловую нагрузку. Рассмотрим семантику соответствующих невербальных компонентов.

1.7.4.1.1. Наличие фиксации взгляда на партнере

1) Прежде всего, фиксация взгляда на партнере может указывать на внимание к последнему и в этом качестве допускает две противоположные интерпретации. Во-первых, взгляд на партнера может интерпретироваться как нарушение стратегий отдаления и угроза территории партнера, и, во-вторых, как знак позитивного отношения к последнему.

При этом характер интерпретации и, соответственно, характер оценки, зависит от наличия / отсутствия непосредственного контакта между участниками ситуации, от продолжительности взгляда и устойчивости его фиксации на партнере, от конкретного направления взгляда и, наконец, от характера действий и партнера.

В ситуации, когда субъект слишком долго задерживает взгляд на ком-либо постороннем, с кем он не вступает в непосредственное общение, особенно, если он при этом смотрит не в лицо последнего, а разглядывает детали его фигуры, невербальное поведение субъекта расценивается как проявление любопытства и угроза территории партнера⁴⁵. Ср. *Разглядывать в упор прохожих невежливо; В автобусной толчее он бесцеремонно в упор разглядывал злополучное создание* (М. Веллер, Приключения барона Звягина); *С нарочитой неспешностью прошел мимо пожилых женщин, сидящих на скамейке и бесцеремонно на него уставившихся* (Б. Акунин, Алтын-Толобас); — *Я в вас ошиблась?* — *продолжала Настасья Филипповна, рассматривая князя с ног до головы самым бесцеремонным образом* (Ф. И. Достоевский, Идиот). Аналогичная оценка внимания имеет место и тогда, когда человек, на которого смотрят, делает что-л., не предназначенное для посторонних глаз. Ср. *Он с бесцеремонностью, свойственной детям, уставился на целующуюся пару*.

Между тем, в ситуации, когда субъект смотрит в глаза собеседнику во время акта коммуникации, его поведение расценивается как знак позитивного отношения к последнему, и, наоборот, взгляд в сторону интерпретируется как нарушение позитивных стратегий. Ср. *бесцеремонно разглядывать прохожих; глазеть на прохожих невежливо; Он с бесцеремонностью, свойственной детям, уставился на целующуюся пару VS. Почему ты не смотришь на меня, когда со мной говоришь? Это невежливо*.

⁴⁵ Ср. в связи с этим отрицательно оцениваемые лексемы *глазеть, уставиться, пялиться*.

2) Помимо этого, прямой взгляд в глаза партнера может выполнять символическую функцию, указывая на вызов, адресованный партнеру, а также на желание субъекта привлечь к себе внимание последнего — и то, и другое получает в языке отрицательную оценку. Рассматриваемая функция имеет этикетный характер и может связываться с двумя моделями поведения.

а) Демонстративное нарушение правил целомудрия и благопристойности (обычно в случае, когда субъект — женщина).

б) Демонстрация агрессии и готовности вступить в противоборство с партнером; ср. *смотреть с вызовом, дерзкий взгляд*.

Между двумя последними типами поведения не всегда можно провести четкую грань; так, в случаях типа *Она вызываяще взглянула ему в глаза* в поведении субъекта можно усмотреть как готовность начать конфликт с партнером, так и сексуальный вызов.

в) Демонстрация уверенности в себе и высокой оценки своего статуса и значимости, противоречащая правилу скромности; ср. *наглый взгляд*.

3) Наконец, взгляд в глаза может быть проявлением определенного эмоционального состояния — а именно, невозмутимости и спокойствия; ср. *невозмутимо смотреть в глаза*. Эта функция не связана с этикетом и этикой общения.

Две последних модели поведения (2в и 3) близки между собой; так, выражения *наглый взгляд, нагло уставиться* указывают на то, что во взгляде субъекта, направленном на партнера, читается самоуверенность и одновременно невозмутимость⁴⁶.

1.7.4.1.2. Прекращение фиксации взгляда на партнере

С прекращением фиксации взгляда на партнере связано выполнение ряда движений, которые описываются выражениями *отвернуться, отвести глаза, опустить глаза, потупить глаза, потупиться*.

Среди этих движений можно выделить два типа.

1) Движения с «телесной» доминантой, предполагающие изменение положения тела — к ним относится поворот головы или всего туловища в направлении от партнера, описываемый глаголом *отвернуться*.

2) Движения с мимической доминантой, предполагающие изменение направления взгляда — его опускание вниз или отведение в сторону; их описывают выражения *опустить глаза, потупить глаза, потупиться, отвести глаза*.

Эти движения различаются набором функций, которые они выполняют в наивном этикете и этике общения.

Движение, описываемое глаголом *отвернуться*⁴⁷, является знаком отсутствия внимания к партнеру. Такое поведение может связываться, во-первых,

⁴⁶ См. анализ слов *наглый, дерзкий* в [Крылова 2004: 556—559].

⁴⁷ См. об этом также в [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 76—78].

с сознательным соблюдением негативных стратегий отдаления, и, во-вторых, с нарушением позитивных стратегий — как сознательным, так и неосознанным (например, в случае, когда субъекта отвлекает что-то постороннее). Такая двузначность определяет возможность как положительной, так и отрицательной оценки рассматриваемого движения в этикете и этике общения. Ср. *Увидев, что на глазах у нее выступили слезы, он вежливо <деликатно> отвернулся* VS. *Редкозубов невежливо отвернулся в сторону* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

Остальные движения связаны с сознательным намерением субъекта избежать взгляда, направленного на партнера, и предполагают положительную оценку его поведения, исходя из правил этикета или этики общения.

Из них наиболее богатую смысловую нагрузку несет мимическое движение опускания глаз; оно соотносится с тем же комплексом ситуаций, что и фиксация взгляда на партнере.

1) Рассматриваемое движение может функционировать как знак отсутствия внимания, указывая на демонстративное нежелание субъекта видеть то, что не предназначено для посторонних глаз. Такое поведение связано с соблюдением негативных стратегий отдаления; его описывает слово *деликатно*. Ср. *Увидев, что она еще в постели, он деликатно опустил глаза*.

2) Опускание глаз может носить символический характер, указывая на отсутствие вызова.

а) Демонстрация целомудрия и благопристойности (преимущественно в том случае, когда субъект — женщина).

б) Подчеркивание субъектом своего низкого статуса, в соответствии с правилом скромности — в этом случае опускание глаз выполняет функцию своеобразного статусного знака, семантика которого основана на уже упомянутом метафорическом противопоставлении верха и низа.

Первый тип поведения (2а) описывается лексемой *скромно* 3, второй (2б) — лексемой *скромно* 2; ср. *Она стояла, скромно опутив <потупив>⁴⁸ глазки* VS. *Он вошел, скромно опутив глаза, и сел на краешек стула; Он слушал ее похвалы, скромно опутив глаза*.

3) Кроме того, опускание может быть проявлением эмоций субъекта — в частности, стыда, сознания вины; ср. *Мать ругала его, а он стоял, виновато опутив глаза*.

Мимическое движение, которое описывается выражением *отвести взгляд*⁴⁹, имеет более узкое значение: для него характерна первая и последняя из перечис-

⁴⁸ Выражение *потупить глаза* и глагол *потупиться* по сравнению с *опустить глаза* имеют более узкое значение: они чаще всего используются, когда субъект стремится соблюдать правила благопристойности, и практически не употребляются, когда речь идет о соблюдении правил деликатности; ср. странное ?*Он деликатно <вежливо> потупил глаза*.

⁴⁹ См. об этом также в [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 81—83].

ленных функций; ср. *Он деликатно отвел глаза; Он виновато отвел глаза*. При этом, выступая в роли симптома эмоционального состояния, рассматриваемое движение предполагает более широкий круг неприятных эмоций, по сравнению с опусканием глаз. Оно может выражать не только стыд, но и неловкость, отвращение и пр. Ср. *По тому, как он отвел глаза, говоря это, она поняла, что он обманывает ее; Пустая парта Вики Люберецкой торчала как надгробие. Преподаватели сразу натыкались на нее взглядом, отводили глаза и Зину не тревожили* (Б. Васильев, *Завтра была война*); *Почти наверное можно было сказать, что это была лишь <...> прихоть теней, <...> однако Францу стало так гадко, что он предпочел отвести глаза* (В. Набоков, *Король, дама, валет*).

1.7.4.2. Смех в наивном этикете и этике общения

Смех может получать в рассматриваемых системах противоречивую оценку.

С одной стороны, он может расцениваться как знак недостаточно высокой оценки статуса партнера. В ситуации, когда между коммуникантами существует значительная вертикальная дистанция, такое поведение рассматривается как нарушение статусных правил, оскорбляющее достоинство партнера, и получает отрицательную оценку. Подобная оценка возможна не только в случае, когда субъект насмехается над самим партнером, но и тогда, когда его смех вызван посторонними причинами. Ср. *непочтительно хихикнуть, непочтительно рассмеяться* [скорее всего, предполагается, что субъект смеется над самим собеседником] VS. *Цицольский улыбнулся [увидев рваный ремешок, который случайно вытащил из кармана один из чиновников]. Заметив его улыбку, я, сам того не желая, приснул в кулак... — Ты чего же это смеешься? — услышал я громовой голос. — Где ты находишься? А? Ты в портерной? А? Забываешься? Подайвай в отставку!* (А. П. Чехов, *Речь и ремешок*) [смех субъекта вызван посторонними причинами].

С другой стороны, смех и улыбка в «смеховой» функции могут связываться с соблюдением позитивных стратегий и получать положительную оценку — особенно тогда, когда они выступают в качестве реакции, ожидаемой собеседником; ср. *вежливо улыбнуться; Когда он рассказывал какой-нибудь анекдот, все вежливо смеялись*.

1.7.4.3. Темп движений в наивном этикете и этике общения

Темп движений оценивается в рассматриваемых системах однозначно: быстрые и резкие движения получают отрицательную оценку, замедленные, плавные — положительную. При этом признак ‘резкость’ является маркированным членом вышеназванной оппозиции.

Оппозиция резких / нерезких движений может получать двойное осмысление.

1) Отсутствие / наличие резких движений может связываться с наличием / отсутствием соблюдения негативных стратегий отдаления; ср. *деликатно взять*

за руку VS. бесцеремонно схватить за руку; деликатно войти VS. бесцеремонно ворваться.

2) Отсутствие / наличие резких движений может связываться с маркированием статуса партнера; ср. *почтительно* (вежливо, уважительно) *взять за руку* VS. *непочтительно* (грубо) *схватить за руку*; *почтительно* (вежливо, уважительно) *взять из рук книгу* (подать книгу) VS. *непочтительно* (грубо) *выхватить из рук книгу* (швырнуть книгу).

1.7.4.4. Коммуникативно-значимое молчание в наивном этикете и этике общения

1.7.4.4.1. «Молчание вместо говорения»

Можно выделить несколько типов молчания этого типа. За каждым из них закреплена отдельная функция.

1) Молчание как отсутствие какой бы то ни было речевой активности⁵⁰. Такого рода молчание обычно выступает в качестве статусного знака и является компонентом поведения, описываемого словами *скромно*, *почтительно*; ср. стандартные сочетания *скромно помалкивать*, *скромный и молчаливый*, а также разговорные выражения *сиди и молчи*, *молчать в тряпочку*, которые обозначают скромное поведение; ср. также *почтительно молчать*, *почтительное молчание*.

2) Молчание как отсутствие словесной реакции субъекта на слова партнера или какое-л. событие.

а) Молчание-пауза как знак сочувствия. Этот тип молчания представляет собой реакцию на сообщение партнера о чем-то печальном, касающемся его, и выступает в качестве знака позитивного отношения к партнеру на персональной дистанции. Такое поведение описывается словами *деликатно*, *тактично*, *вежливо* и их дериватами. Ср. *деликатно* (тактично, вежливо) *помолчать*.

б) Молчание как отсутствие расспросов (или иной словесной реакции, свидетельствующей об интересе субъекта к тому, что произошло с партнером). Такого рода молчание обусловлено соблюдением стратегий отдаления и является знаком отсутствия угроз для территории партнера и является компонентом поведения, описываемого словами *деликатно*, *тактично*; ср. *деликатно* (тактично) *промолчать*⁵¹.

⁵⁰ О молчании вместо говорения как знаке низкого статуса см. в работе [Богданов 1990: 8].

⁵¹ Интересно, что сочетания *деликатно помолчать* и *деликатно промолчать*, указывающие на разные типы молчания, различаются только приставками глаголов. В первом случае используется глагол с приставкой *-по-*, имеющий значение 'молчать некоторое время', во втором — глагол с приставкой *-про-*, имеющий значение 'не ответить'.

1.7.4.4.2. «Молчание слушания»

Такого рода молчание функционирует, во-первых, как знак *позитивного отношения к партнеру на персональной дистанции, подчеркивающий его значимость* и, во-вторых, как *статусный знак*. Соответственно, оно является компонентом поведения, которое описывается словом *вежливо*, а также словами *уважительно, почтительно*; ср. *вежливо* *⟨уважительно, почтительно⟩* *выслушать, уважительное* *⟨почтительное⟩* *молчание*.

ГЛАВА 2. НЕКОТОРЫЕ ПОНЯТИЯ ЭТИКИ ОБЩЕНИЯ И СВЯЗАННАЯ С НИМИ ЛЕКСИКА

В этой главе предполагается рассмотреть языковые понятия *уважительности, почтительности, деликатности, такта, скромности, услужливости и предупредительности*, обнаруживающие связь с понятиями наивного этикета, а именно — с понятием *вежливости*.

При этом мы будем описывать, наряду с лексемами *деликатный 1.1, скромный 2, уважительный 1.1, почтительный 1.1, тактичный 1.1* и пр., обозначающими свойство человека, их наречные дериваты *деликатно, скромно, уважительно, почтительно, тактично*, а также прилагательные со значением ‘такой, в котором выражается то, что субъект обладает данным свойством’ (например, *уважительный 1.2 — уважительное молчание*).

Это объясняется тем, что данные лексемы максимально акцентируют внимание на форме поведения, и поэтому в наибольшей степени сближаются со сферой наивного этикета, а также тем, что они, благодаря своей сочетаемости, позволяют максимально высветить характер действий, совершаемых субъектом.

Кроме того, помимо слов с положительным значением мы будем рассматривать их антонимы, поскольку сопоставление слов негативного и позитивного полюса часто позволяет сделать вывод о значимости того или иного компонента для понятия в целом. В частности, отсутствие в значении негативной лексемы какого-л. семантического компонента, который входит в значение позитивной лексемы, может указывать на его необязательность для соответствующего понятия.

2.1. УВАЖИТЕЛЬНОСТЬ И ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ

2.1.1. ОБЩИЕ СВОЙСТВА ЛЕКСЕМ *УВАЖИТЕЛЬНЫЙ, УВАЖИТЕЛЬНО* *И ПОЧТИТЕЛЬНЫЙ, ПОЧТИТЕЛЬНО*

Рассмотрим слова *уважительный* (*уважительный 1.1* и *1.2*), *уважительно, почтительный, почтительно*. Эти слова характеризуют: а) отношение субъекта к кому-л. или чему-л. (ср. *уважительно* *⟨почтительно⟩* *относиться к кому-л. ⟨к чему-л.⟩*), б) отзывы субъекта о человеке или неодушевленном объекте (*уважительно* *⟨почтительно⟩* *отзываться о ком-л. ⟨о чем-л.⟩*); в) обращение субъекта

с каким-л. человеком или предметом (*уважительно* *⟨почтительно⟩* *ответить кому-л.*, ср. также *Рампетка сразу упала, и Ирис уважительно ее подняла* (В. Набоков, Смотри на Арлекинов); *Казанзак почтительно взял листок и, звеня шпорами, побежал исполнять* (Б. Акунин, Турецкий гамбит)).

В последнем случае, когда рассматриваемые слова характеризуют обращение субъекта с другими людьми, они выражают положительную оценку.

Обе рассматриваемых пары слов допускают сходные типы внешних проявлений, которые мы будем называть «атрибутами уважительности». Они предполагают подчеркивание высокого статуса партнера посредством особой манеры держаться в ходе общения с ним, а также за счет использования определенных коммуникативных стратегий.

Для всех этих слов существенны следующие типы внешних проявлений:

1) Манера держаться в ходе общения с партнером.

а) Обращение с партнером, подчеркивающее его высокий статус — речевая манера с использованием *вы*-форм, особых форм обращений, особого тона, а также плавность, медлительность движений. Ср. *И уважительная тоже, воспитанная, встретит: «Здравствуйте, как вы себя чувствуете»* (М. Веллер, Колечко); *Даже Спиридошка-повар, ⟨...⟩ передавая ей блюдо, ⟨...⟩ говорил уважительно: — Пожалуйте вам, Сафа Спиридоновна, кишочки* (И. Шмелев, Неупиваемая чаша); *Спросил уважительно: — Хорошо играете в шахматы?* (Б. Акунин, Пиковый валет); — *Здравствуйте, Георгий Николаевич, — почтительно сказал прокурор* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Фридрих, тот просто мягко и уважительно взял мою переднюю лапу в свои теплые ладони* (В. Кунин, Кыся); *Он уважительно ⟨почтительно⟩ пожал ему руку; Он почтительно подал генералу папку с документами.*

б) Обращение с партнером, подчеркивающее *значимость* его личности, его слов и мнений — выражение *внимания* и интереса, а также серьезного отношения к партнеру и к его словам. Это проявляется прежде всего в мимике; ср. *Главное же, не хотелось, чтобы в глазах дяди угас уважительный интерес, появившийся после Чанаха* (Б. Акунин, Смерть Ахиллеса); *Костя Неспанов, слушавший колхозного председателя с уважительным вниманием, с подавленной серьезностью, сурово заговорил* (В. Тендряков, Поденка — день короткий); *Он повернулся к копейщикам, которые почтительно ему внимали* (А. и Б. Стругацкие, Попытка к бегству). Кроме того, в случае *уважительный, почтительный* и пр. внимание к партнеру, как знак высокой оценки его значимости, может проявляться в соблюдении правил дискурсивного этикета — а именно, в том, что субъект не отвлекается, когда говорит партнер, не перебивает последнего и пр. Следует, однако, отметить, что указание на манеру ведения диалога для слов *уважительный, почтительный* и пр. несколько менее характерно, чем для отрицательных лексем *неуважительный, непочтительный*.

2) Выбор коммуникативных стратегий, указывающих на признание правильности мнений и действий партнера и высокую оценку того и друго-

го: выражение согласия с партнером и одобрения в его адрес⁵². Это проявляется в жестах, содержании слов и пр.; ср. *Жербунов уважительно кивнул* (В. Пелевин, Чапаев и пустота); — *Сингер? «С2Н5ОН»?* *Кто же его не знает!* — *уважительно закивала фарца* (В. Аксенов, Остров Крым); [*Автандил Автандилович*] *уже наклонялся к нему, успев почтительным кивком показать, что заранее согласен со всем, что Абесаломон Нартович ему скажет* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); — *Да, Паша, ты многое можешь*, — *уважительно откликнулись за столом* (В. Пелевин, Краткая история пэйнтбола в Москве).

Кроме того, *уважительно*, *почтительно* и пр. могут указывать на совершение р и т у а л о в, связанных со стратегиями о т д а л е н и я и предусмотренных правилами деликатности. В частности, эти слова используются, когда субъект каким-л. знаком предупреждает партнера о своем приходе, смягчая эффект вторжения в его физическое пространство. Ср. *Он неспешно приблизился к камердинеру и уважительно покашлял, как бы объявляя о своем присутствии* (Б. Акунин, Смерть Ахиллеса); *Сорок мучеников стал поодаль и поднес руку ко рту, чтобы почтительно кашлянуть в нее, если понадобится* (А. П. Чехов, Страх).

Указанные проявления представляют собой единственное вкрапление негативных стратегий в общую массу позитивных стратегий, характерных для *уважительности* и *почтительности*. Их включение в понятия *уважительного* и *почтительного* поведения представляется вполне логичным и подтверждает наши предположения о существовании связи между маркированием вертикальной и горизонтальной дистанции.

Однако, несмотря на наличие общих свойств, слова *уважительный*, *уважительно* и *почтительный*, *почтительно* имеют ряд существенных различий.

2.1.2. Различия между лексемами *УВАЖИТЕЛЬНЫЙ*, *УВАЖИТЕЛЬНО* и *ПОЧТИТЕЛЬНЫЙ*, *ПОЧТИТЕЛЬНО*

1) Прежде всего, рассматриваемые слова различаются объектом характеристики. *Уважительный*, *уважительно* с одинаковой свободой могут характеризовать как обращение субъекта с каким-л. объектом или с партнером, так и о т н о ш е н и е субъекта к какому-л. человеку или неодушевленному объекту, а также о т з ы в ы о нем. Ср. *уважительно относиться к талантливому ученому* (к ч ь и м - л . национальным чувствам); *уважительно отзываться о молодом враче* (о его новой статье).

Между тем, слова *почтительный*, *почтительно* чаще всего характеризуют о б р а щ е н и е с объектом (обычно — с партнером по общению), несколько реже — отзывы о нем и еще более редко — отношение к объекту⁵³. Ср. *В мои времена дети говорили с родителями куда почтительней*; *Коровьев, (...) обратившись к*

⁵² Иными словами, соблюдение уже упоминавшихся выше постулатов согласия и одобрения.

⁵³ Для обозначения отношения к кому-л. чаще используется выражение *с почтением*.

Воланду, почтительно доложил: — Все, мессир! (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Доктор говорил с Лидией почтительно, как с дамой* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); — *Изволь говорить о ней [принцессе] почтительно* (Е. Шварц, Обыкновенное чудо); *Он уже видел, что грубоватая Марина относится к нему почтительно* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

2) Кроме того, между рассматриваемыми словами существуют различия в аспекте и характере оценки.

Слова *почтительный*, *почтительно* акцентируют внимание на оценке субъектом статуса объекта: в этом случае субъект демонстрирует свое признание того, что статус объекта в одной из иерархий или сразу в нескольких иерархиях выше, чем его собственный статус. Ср. *С матерью он обращался неизменно почтительно*; см. также выше.

Между тем, слова *уважительный*, *уважительно* допускают большее разнообразие оценок. Во-первых, объектом оценки в этом случае может быть не только статус, но и значимость объекта, его ценность. Во-вторых, рассматриваемые лексемы допускают, наряду с оценкой реального статуса или значимости объекта, их априорную оценку, которая базируется на представлении о стандартном статусе или значимости такого типа объектов.

В случае, когда *уважительный*, *уважительно* характеризуют обращение субъекта с конкретным партнером по общению, они допускают три типа оценки.

а) Оценка реальной значимости партнера: демонстрация субъектом своего признания достоинств и высокой значимости партнера, существенно превышающей норму⁵⁴; ср. *Конечно, это интересное начинание, товарищ Вахтанг, — сказал председатель уважительно* (Ф. Искандер, Созвездие козлотура). В этом случае можно говорить о проявлении уважения на персональной дистанции.

б) Оценка реального статуса партнера: демонстрация субъектом своего признания того, что этот статус существенно выше нормы; ср. *С матерью он обращался неизменно уважительно*; *С представителями иностранной делегации директор завода разговаривал подчеркнуто уважительно*.

В подобных употреблениях различия между *уважительно* и *почтительно* могут ослабляться; ср. близость *Он обращался с матерью (с учителем) уважительно* и *Он обращался с матерью (с учителем) почтительно*. Вместе с тем, полной нейтрализации различий все же не происходит, поскольку *почтительно*, в отличие от *уважительно*, всегда предполагает демонстрацию не просто высокого статуса партнера, а статусного неравенства, существующего между ним и субъектом. Ср. неестественность замены *почтительно* на *уважительно* в предложении *Слуга*

⁵⁴ Ср. внутреннюю форму слов *уважение*, *уважительный*, *уважить*: во всех этих случаях сохраняется связь с прилагательным *важный*.

почтительно выслушал приказания графа, где речь идет именно о демонстрации статусной дистанции.

в) А п р и о р н а я оценка значимости и статуса партнера, безотносительно к его реальным достоинствам и статусу: субъект демонстрирует свое признание того, что статус и значимость партнера, как и любого другого человека, априорно равны норме или несколько выше ее. Такие представления можно назвать «наивным демократизмом»; их парадокс состоит в том, что, таким образом, предполагается, что значимость любого из членов общества стандартна или выше нормы. Ср. *Анисий (...)* был совершенно покорен обходительной манерой столь влиятельного лица: не унижает маленького человека, обращается уважительно, всегда пригласит сесть, на «вы» называет (Б. Акунин, Пиковый валет); *Она обращалась со своими десятилетними учениками неизменно уважительно*. Эта разновидность уважительности реализуется на социальной дистанции; в отличие от двух рассмотренных выше разновидностей, она обычно не требует использования всего арсенала атрибутов уважительности, а выражается в речевой манере и в характере ведения диалога.

3) Слова *почтительный*, *почтительно* имеют еще одно чрезвычайно важное отличие от *уважительный*, *уважительно*. Оно состоит в том, что, характеризуя обращение субъекта с партнером, *почтительный*, в отличие от *уважительный*, предполагает акцент на форме поведения субъекта, и, по сути дела, не несет информации о реальном содержании его отношения к партнеру.

В результате *почтительный*, *почтительно*, в отличие от *уважительный*, *уважительно* может использоваться, когда субъект только демонстрирует почтение к партнеру, хотя на самом деле не испытывает его, что заставляет относить его не столько к сфере этики общения, сколько к сфере этикета. Ср. допустимое *В душе он презирал своего шефа, но при этом вел себя с ним весьма почтительно*; ср. также *показная почтительность*; *уважительно* в подобных контекстах было бы менее уместно.

4) Кроме того, *почтительно*, *почтительный* отличаются от *уважительно*, *уважительный* большим разнообразием типов правил. Если *уважительно* и его дериваты регламентируют в основном манеру держаться и выбор коммуникативных стратегий, то для *почтительно* характерно также указание на соблюдение ритуалов и совершение активных действий в интересах партнера (а именно, оказание услуг последнему); ср. *почтительно распахнуть дверь*; *почтительно поздороваться*.

Для *уважительно* выполнение ритуализованных действий (за исключением рассмотренных выше ритуалов деликатности) находится на периферии, так же как и оказание услуг; ср. несколько странное *уважительно распахнуть дверь*; *Он вел себя с соседкой очень уважительно — всегда здоровался, никогда не забывал сказать «спасибо», «извините»*.

5) Наконец, рассматриваемые пары слов различаются по характеру внешних проявлений. *Уважительное* поведение предполагает различные в е р б а л ь н ы е

и, несколько реже, мимические проявления, подчеркивающие высокий статус партнера: специфическую речевую манеру, выражение внимания и интереса, выражение согласия и одобрения и пр. (см. об этом в разделе 2.1.1).

Почтительное поведение включает все указанные выше типы проявлений, но не ограничивается ими.

Помимо этого, для *почтительно*, *почтительный* очень характерно указание на использование статусных знаков и других невербальных проявлений, демонстрирующих статусное превосходство партнера.

Сюда относятся следующие проявления:

а) Асимметричные жесты в составе ритуалов приветствия и прощания; ср. *Алексей, встречая его, каждый раз снимал шапку и почтительно кланялся* (А. Толстой, *Хождение по мукам*); *Она протянула руку, он почтительно приложился к ней* (Ю. Домбровский, *Факультет ненужных вещей*); *Посетители тут же почтительно встали* (В. Кунин, *Русские на Мариенплац*). Проявления такого рода являются для *почтительно* наиболее частотными.

б) Разнообразные статусные услуги (связанные с предоставлением возможности сделать что-л., а также с оказанием помощи партнеру); ср. *почтительно пропустить вперед*; *Так спускаются по лестнице роскошного дома к почтительно распахнутой двери* (А. Грин, *Бегущая по волнам*).

в) Поза субъекта, демонстрирующая статусную дистанцию между ним и партнером; ср. *Романов почтительно сгибался у стола* (В. Шаламов, *Колымские рассказы*); *Отец Кин остался стоять, согнувшись в позе почтительного внимания* (А. и Б. Стругацкие, *Трудно быть богом*).

г) Пространственное положение субъекта: соблюдение пространственной дистанции по отношению к партнеру, отражающей социальную дистанцию между ними; ср. *Управитель, конюший, дворецкий, начальник стражи почтительно стояли в отдалении* (А. Толстой, *Петр Первый*); *В нескольких шагах от этой группы почтительно остановились ... губернатор Баранов и седобородый комиссар* (М. Горький, *Жизнь Клима Самгина*).

д) Минимизация двигательной или речевой активности в присутствии партнера, которая проявляется в неподвижности субъекта, замедленности движений, а также в молчании или ограничении громкости речи; ср. *Слуга почтительно замер; Все почтительно молчали*; — *Сюда, — почтительным шепотом подсказал мне этот жулик* (В. Кунин, *Кыся*).

е) Мимика — особая улыбка, немного заискивающая, иногда нервная⁵⁵, но чаще — серьезное и значительное выражение лица; ср. *Он отошел, почтительно улыбаясь*; — *Да как ты смеешь улыбаться, когда я с тобой говорю!* — *Этакая*

⁵⁵ Ср. об этом в работе [Карасик 2002: 52].

дерзкая, дрянная девчонка! — Думка постаралась сделать серьезное и почтительное лицо (Ф. К. Сологуб, Заклинательница змей).

Таким образом, пара *уважительный, уважительно* указывает главным образом на манеру держаться с партнером (мимику и речь), тогда как пара *почтительный, почтительно* допускает использование различных невербальных статусных знаков, связанных преимущественно с телесной сферой. Это вполне согласуется с тем, что уже говорилось о наличии у слов *почтительный, почтительно* акцента на форме поведения и об их «статусной ориентации».

Это дает нам лишние основания считать, что *почтительный, почтительно* тяготеет скорее к сфере этикета, чем к сфере этики, чем принципиально отличается от слов *уважительный, уважительно*.

2.1.3. НЕУВАЖИТЕЛЬНЫЙ, НЕУВАЖИТЕЛЬНО, НЕПОЧТИТЕЛЬНЫЙ, НЕПОЧТИТЕЛЬНО

Лексемы *неуважительный, неуважительно* используются в следующих ситуациях.

1) В ходе общения с партнером, имеющим *высокий* статус (который обычно выше статуса субъекта), субъект нарушает правила, требующие демонстрации того, что этот статус выше нормы. Это проявляется в отсутствии в его поведении большинства атрибутов уважительности — несколько пренебрежительной, хотя и не доходящей до грубости, речевой манере, резких прикосновениях к партнеру, нарушении правил дискурсного этикета, насмешливом обращении с партнером; ср. *Дети вели себя с отцом неуважительно: передразнивали, не отвечали на его вопросы; В апреле 1881 года вы пытались совершить самоубийство после того, как комендант приговорил вас к показательной порке за неуважительный ответ инспектору* (Б. Акунин, Любовница смерти); — *И что же мне делать (...) с детскою твоею шпалгалкою, когда, дуя тебя в хвост, силы мои, в составе трех полков (...) давно в походе и великолепно бьют противника? — Ему [Костоеду] не нравился неуважительный тон Ливерия* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

2) В ходе общения с *равным* по статусу субъект нарушает правила, которые требуют демонстрации того, что статус и значимость партнера, как любого другого члена общества, *выше или равны норме*, или обращается с ним «активно-неуважительно», как с человеком, чей статус и значимость ниже нормы. Первое проявляется в нарушении правил дискурсного этикета, второе — в грубой речевой манере. Ср. *Он держался с сослуживцами небрежно и неуважительно — не отвечал, когда с ним говорили, мог без извинений прервать беседу и выйти; Глядя в побагровевшее от пота, обезображенное лицо мужа, она проговорила тихо: — С каких пор, скажи, ты начал говорить со мной неуважительно?* (А. Толстой, Хождение по мукам).

Непочтительный, непочтительно указывают на то, что субъект в ходе общения с партнером, чей статус выше, чем его собственный, нарушает правила, требующие демонстрации статусного *превосходства* партнера.

Проявления непочтительности близки к тем проявлениям неуважительности, которые имеют место при обращении с партнером, имеющим высокий статус. Разница состоит в том, что непочтительность предполагает отсутствие всего комплекса атрибутов уважительности — не только пренебрежительную речевую манеру, нарушение правил дискурсного этикета и неуместную шутовскую манеру, но и нарушение постулатов согласия и одобрения, которые носят менее обязательный характер. Ср. *Говорить с нею он стал непочтительно* (М. Горький, *Жизнь Клима Самгина*); *Он непочтительно оттолкнул его*; *Он пытался перевести разговор на что-нибудь милое сердцу, но юноши дали ему непочтительный отпор*: — *Погодите вы с вашей водкой, — оборвали они его* (А. Дмитриев, *Закрытая книга*); — *Что же она, Дьяволу служила, — удивился епископ. — Не понимаю...* — Ну конечно, — *непочтительно отмахнулась от него Пелагия, как бы разговаривая сама с собой* (Б. Акунин, *Пелагия и белый бульдог*); *Васька непочтительно хохотал [слушая перевод Уманского]* (Е. Гинзбург, *Крутой маршрут*); — *Этак вы и ложку, которой вас щелкнут по лбу, объявите тупым холодным оружием, — прервал непочтительный слушатель* (М. Веллер, *Легенды Невского проспекта*).

Непочтительный, непочтительно обычно не используются, когда речь идет об отсутствии внешних проявлений, акцентирующих внимание на статусном превосходстве партнера, в частности, различных невербальных статусных знаков. Так, в ситуации, когда субъект, вопреки ожиданиям, в ходе общения со старшими или женщинами не выполняет статусных движений — не встает, когда они входят, не пропускает их вперед, не уступает место, а также не оказывает других статусных услуг, — мы скорее назовем его поведение *неучтивым* или *невежливым*, но не *непочтительным*.

2.2. ДЕЛИКАТНОСТЬ И ТАКТ

2.2.1. ОБЩИЕ СВОЙСТВА ЛЕКСЕМ *ДЕЛИКАТНЫЙ*⁵⁶, *ДЕЛИКАТНО*, *ТАКТИЧНЫЙ*, *ТАКТИЧНО*

Пары *деликатный, деликатно* и *тактичный, тактично* во многом сближаются друг с другом. Они характеризуют обращение субъекта с другими людьми, указывая на то, что субъект избегает делать то, что могло бы вызвать у партнера неприятные чувства, или же старается как-либо смягчить эффект производимого действия.

Такое поведение оценивается положительно, поскольку предполагает следование негативным стратегиям этикета. При этом характер указанных стратегий в случае *деликатно, тактично* и пр. может быть разнообразным — они могут быть направлены на то, чтобы избегать угроз как для его территории, так и для его социального имиджа, в частности, статуса. Нейтрализация различий между указан-

⁵⁶ Здесь рассматриваются лексемы *деликатно 1, деликатный 1*. К ним близки также лексемы *деликатно 2, деликатный 2.1 (деликатный человек), деликатный 2.2 (деликат-*

ными типами негативных стратегий, характерная для русского наивно-языкового представления о *деликатности* и *такте*, обусловлена тем, что последние предполагают акцент на чувствах, поэтому предписывают избегать всего, что может травмировать партнера — будь то вторжение в его внутреннюю сферу или критика и оскорбления, угрожающие его социальному имиджу.

Кроме того, нередко *деликатно*, *тактично* указывают на то, что субъект избегает вызывать у партнера негативные чувства и ощущения, которые не обязательно связаны с угрозами его территории или имиджу — например, избегает табуированных тем (в частности, разговоров о смерти)⁵⁷, старается не мешать ему (например, не шуметь) и пр. Ср. *Больше всего ненавидел смертную казнь или «высшую меру», как мы тактично ее называли* (Н. Мандельштам, Воспоминания).

Поскольку *деликатно*, *деликатный*, *тактично*, *тактичный* часто указывают на воздержание субъекта от тех или иных действий, для соответствующих наречий типичны сочетания с глаголами, в значение которых входит внутреннее отрицание; ср. *деликатно* *(тактично)* *промолчал* (*вышел, отвернулся, отвел глаза*).

Деликатный, *деликатно* и *тактичный*, *тактично* имеют два круга употреблений.

В первом из них рассматриваемые слова характеризуют содержание поступков субъекта; ср. *Все эти дни он деликатно (тактично) молчал, ни о чем ее не расспрашивал; Решено объединение провести поэтапно, тактично и, уж во всяком случае, без вторжения* (В. Аксенов, Остров Крым); *Уехать после вчерашней ссоры, не сказавши ей ни одного слова, было бы не совсем тактично: она может подумать, что я испугался ее* (А. П. Чехов, Жена); *Чегемцы — даже в этом состоянии оказались настолько деликатными, чтобы самому Харлампю напрямую не предъявлять своих обвинений* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Под вечер, когда гости схлынули, а приятельница деликатно ушла в кинематограф, хозяйка в изнеможении вытянулась на кушетке* (В. Набоков, Картофельный Эльф). Во втором круге употреблений рассматриваемые слова характеризуют форму поведения в конкретной ситуации общения. При этом *деликатно*, *деликатный* могут обозначать как содержание действий субъекта в ситуации общения (*Он деликатно (тактично) отвернулся*), так и его манеру обращаться с партнером (*Расспроси у нее об этом — только очень тактично (деликатно)*; *Востоков деликатно взял ее под руку* (В. Аксенов, Остров Крым); *Могу предложить антигест, — говорит*

ные манеры), которые характеризуют манеры субъекта, указывая на их утонченность; ср. *А Нина чувствовала их взгляды и ела очень деликатно* (В. Аксенов, Апельсины из Морокко); *Я такая деликатная девушка, ужасно люблю нежные слова* (А. П. Чехов, Вишневый сад) (*деликатный* 2.1); *У нее на редкость деликатные манеры (деликатный* 2.2).

⁵⁷ В концепции Браун-Левинсон использование табуированных тем рассматривается как одна из угроз социальному имиджу партнера; И. М. Кобозева видит в таком поведении угрозу территории партнера (см. [Кобозева 2003: 147]); нам кажется сомнительным и то, и другое.

Ахиллес деликатным шепотом (А. и Б. Стругацкие, Второе нашествие марсиан); *Виктор деликатно освободился и заглянул в последнюю комнату* (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди)).

В связи с проблематикой наивного этикета нас в первую очередь интересует второй, «более формальный», круг употребления рассматриваемых слов. В этом случае *деликатно*, *деликатный* и *тактичный*, *тактично* предполагают два типа целей и указывают на два типа правил.

2.2.1.1. Правила деликатности и такта, имеющие однозначно негативное содержание

Основная цель в этом случае состоит в том, чтобы партнер не начал испытывать по вине субъекта отрицательных эмоций — обиды, смущения или неловкости. Она достигается следующими способами.

1) Субъект избегает говорить прямо о том, что может обидеть или смутить партнера, прибегая к намекам, иносказаниям, обинякам и пр. Ср. *Одна из них деликатно спросила: — Разве вам ЭТО можно? Режиссер ответил: — Можно* (С. Довлатов, Соло на ундервуде); *Польщенный Фандорин тактично намекнул: — А действительный статский советник, произведенный в этот чин 7 июня? Проверить высочайшие приказы по производству?* (Б. Акунин, Азазель).

2) Субъект старается избегать ситуаций, в которых он становится невольным свидетелем каких-л. сторон жизни партнера, не предназначенных для того, чтобы их видели другие люди или лично субъект. Оказавшись в такой ситуации, или почувствовав, что он может в ней оказаться, *деликатный* и *тактичный* человек старается уйти или, в крайнем случае, не смотреть на партнера, чтобы тот не испытывал смущения и неловкости: в обоих случаях можно говорить о своеобразном «самоустранении» субъекта — физическом или символическом. Ср. *Губы Будаха начали подергиваться, но он взял себя в руки. Румата, деликатно отвернувшись, кивал* (А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом); *Но пока Гриша усаживал нас, они деликатно вышли, и тогда он извинился за помещение* (В. Каверин, Два капитана); *— Можете сесть, — сказал господин ротмистр. {...} Не присаживаясь, он бегло проглядел бумаги и взялся за телефон. Гай тактично отвернулся к окну* (А. и Б. Стругацкие, Обитаемый остров); *Впрочем, он был мальчиком тактичным, он только сообщил Виктору, что встреча состоится в актовом зале, и сейчас же ушел, сославшись на неотложные дела* (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди).

2.2.1.2. Квазипозитивные, или эмотивные, правила деликатности и такта

В этом случае цель субъекта состоит в том, чтобы показать, что он уважает и отчасти разделяет чувства, которые испытывает партнер. При этом обычно речь идет об отрицательных эмоциях. Знаком этого уважения чаще всего является молчание субъекта или сочувственный вздох. Ср. — *У вас есть сестра, братья? — Нет,*

я одна. — А мать? — Умерла. Он деликатно помолчал некоторое время, потом вернулся к Саниному проекту (В. Каверин, Два капитана); Скорбно и деликатно молчали только за супом, потом все же разговорились (В. Козловский, Водовозов & сын); Эраст Петрович, уважая чувства высокого начальства, выдержал тактичную паузу и кашлянул (Б. Акунин, Азazelь).

2.2.2. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЛЕКСЕМАМИ ДЕЛИКАТНЫЙ, ДЕЛИКАТНО, ТАКТИЧНЫЙ, ТАКТИЧНО

Несмотря на сходство, между рассматриваемыми парами слов существуют некоторые различия.

1) Слова *деликатный*, *деликатно* акцентируют внимание на бережном отношении субъекта к чувствам партнера, которое обусловлено уважением к последнему и заботой о нем. Для *тактичный*, *тактично* указание на уважение и заботу необязательно: они уместны, в том числе, тогда, когда субъект не испытывает по отношению к партнеру положительных чувств. Ср. *Он недолюбливал ее, но вел себя с ней неизменно тактично*; *К нам присоединился знакомый, тоже студент, но курсом младше, которого вы не сильно привечали, но уже тогда вы были человек предельно тактичный и сдержанный* (Е. Филенко, Шествие динозавров); *деликатный*, *деликатно* в подобных контекстах были бы менее уместны.

Тактичный, *тактично*, не неся информации об отношении субъекта к партнеру, акцентируют внимание на наличии у субъекта *такта* — особой способности, связанной с умением прогнозировать реакцию других людей и избегать того, что может их травмировать. Эта способность является врожденной; она сродни чутью, интуиции. Ср. *Она была удивительно тактична. (...) Она никогда не навязывала себя. Она уходила ровно за секунду перед тем, как мне приходила мысль остаться одному. Она не вскрывала никакие раны, а если уж и подходила к опасным местам, то с осторожностью сапера огибала мои болевые точки* (Ю. Визбор, Завтрак с видом на Эльбрус).

Такт имеет отношение как к интеллектуальной сфере, так и к области эмоций: он предполагает, во-первых, ум и способность к анализу (ср. типичные сочетания *умный и тактичный*, *глупый и бестактный*), и, во-вторых, эмоциональную тонкость. Не случайно слово *такт* имеет внутреннюю форму, отсылающую к музыкальной сфере (ср. *не в такт*) — подобно тому, как музыкальный слух связан со способностью различать тонкие звуковые оттенки, так же и такт связан с эмоциональным чутьем, способностью прогнозировать эмоциональную реакцию других людей, улавливать нюансы чувств и отношений. Поэтому, когда кто-л. ведет себя бестактно, у окружающих возникает ощущение диссонанса; ср. *Он поморщился от ее бестактности*; *Сознание, что он совершил чудовищную бестактность, (...) заставляло его сейчас мычать сквозь стиснутые зубы, морщиться, встряхивать пальцами, словно он ошпарился* (В. Набоков, Камера obscura).

Связь такта с эмоциональной сферой можно проиллюстрировать следующим диалогом: — *Ты меня как будто обвиняешь в бестактности, но, честное слово, Ви-тя, я действительно думала обо всех нас...* — *Как ты можешь говорить об этом сейчас? {...} Ей-богу, в тебе есть какой-то душевный дефект. Какая-то недоразвитость чувств* (Ю. Трифонов, Обмен); ср. также выражение *душевный такт*.

2) *Тактичный, тактично* и *деликатный, деликатно* отличаются по признаку характера и глубины чувств, от которых субъект стремится избавить партнера по общению. *Деликатный, деликатно* в первом круге употреблений могут указывать на то, что цель субъекта — сделать так, чтобы партнер не испытывал по его вине неприятных ощущений — тесноты и дискомфорта, не страдал от шума и пр. Это проявляется в попытках прекратить нежелательный для партнера физический контакт с субъектом, который причиняет партнеру неудобство, в ограничении громкости речи и пр.; ср. *Он деликатно отодвинулся, чтобы ей было посвободнее; Михаил Юрьевич входил тихо, деликатно, почти неслышно* (А. Рыбаков, Дети Арбата); — *Это зависит только от вас, — возразил Игорь Петрович, деликатно выпустив дым из угла рта в сторону от Малянова* (А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света). Для *тактичный, тактично* подобное употребление невозможно.

3) Хотя обе пары рассматриваемых слов могут использоваться, когда субъект избегает быть свидетелем каких-л. интимных сторон жизни субъекта, для *деликатный, деликатно* это значительно более типично. Для этих слов вообще очень характерно указание на то, что субъект, не желая смущать партнера, избегает проникновения в его внутреннюю сферу и использует различные стратегии отдаления.

В связи с этим для *деликатный, деликатно* типичны следующие ситуации: а) субъект избегает без предупреждения входить в помещение, в котором находится партнер, чтобы не застичнуть его врасплох, когда он делает что-л. интимное, не предназначенное для посторонних глаз; при этом *деликатный, деликатно* чаще всего указывают на то, что субъект предупреждает о своем приходе кашлем, стуком и пр. Ср. *Барон уже несколько раз выходил в прихожую и приближался к закрытой двери, даже деликатно покашливал, а постучать не решался* (Б. Акунин, Азазель); б) субъект избегает в отсутствие партнера входить в его жилище; в) субъект избегает брать вещи партнера, связанные с его личной, интимной сферой (*Трусики в цветочек, обнаруженные под кроватью, деликатно трогать не стал* (Б. Акунин, Алтын-Толобас)); г) субъект маскирует свое внимание к партнеру, избегая проявлять его слишком назойливо (*Прочие гости {...} вели себя деликатно и делали вид, что явились в ресторан не поглазеть на великого человека, а просто поужинать* (Б. Акунин, Смерть Ахиллеса)).

Для *тактичный, тактично* такие употребления менее типичны.

С другой стороны, для *тактично* характерно использование в ситуации, когда субъект избегает в присутствии третьих лиц делать по отношению к партнеру что-л., не предназначенное для посторонних глаз и ушей (например, критиковать его, чрезмерно откровенно выражать свои чувства к нему). В данном случае субъект за-

ботится как о чувствах субъекта, так и о чувствах остальных присутствующих, стараясь не ставить ни одну из сторон в неловкое положение. Ср. *Он не стал отчитывать ее при всех, а тактично отвел в сторону и тихо сделал замечание; Бабушка вела себя гораздо тактичнее, чем мать — никогда не позволяла себе в присутствии товарищей никаких нежностей к нему.*

4) Для *деликатный, деликатно* по сравнению с *тактичный, тактично* более характерно указание на внешние аспекты поведения, прежде всего — на манеру субъекта держаться в ходе общения с партнером. Эти слова указывают на подчеркнута мягкую манеру речи, отсутствие в ней резких интонаций, а также на бережные и осторожные прикосновения к партнеру. Ср. — *Какая досада, — сказал Евтушенко швейцару, — ведь это был Хемингуэй! А я не сразу узнал его! Швейцар ответил деликатно: — Не расстраивайтесь* (С. Довлатов, Соло на IBM); *Милиционеры заплатили, деликатно осведомившись, с какой целью взимаются пятаки* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев); *Галя почувствовала, что кто-то деликатно взял ее за талию* (В. Аксенов, Звездный билет); — *Терпите бедствие? — повторил Остап, деликатно прикоснувшись к резиновому плечу соотечественника* (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок); ср. также *деликатный тон, деликатный шепот, деликатные прикосновения.*

Следует отметить, что в контекстах, где *деликатно* характеризует манеру прикасаться к партнеру, это наречие сближается с *уважительно*; ср. смысловую близость сочетаний *деликатно дотронуться* и *уважительно дотронуться*. Однако некоторое различие в характере движений, обозначаемых словами *деликатно* и *уважительно*, все же существует. Оно состоит в том, что *уважительно* указывает не только на характер самого прикосновения (бережный и осторожный), но одновременно на позу субъекта, предполагающую легкий наклон в знак признания статуса партнера.

Это различие связано с различием в характере используемых стратегий. *Деликатно* в рассматриваемых сочетаниях предполагает следование одной из негативных стратегий, которая предписывает, при необходимости прикосновения к партнеру, смягчать эффект вторжения в его пространство за счет бережной манеры. Между тем, в случае *уважительно прикоснуться* субъект следует позитивной стратегии, которая предполагает подчеркивание статуса и значимости партнера за счет плавных, замедленных движений и особой позы.

С указанным различием связано различие в типах движений и жестов, которые могут обозначать рассматриваемые слова. Наречие *деликатно* в рассматриваемом типе употреблений обязательно предполагает прикосновение, поэтому не используется для описания движений, которые «адресованы» партнеру, но не предполагают в обязательном порядке физического контакта между ним и субъектом — например, когда последний что-то дает партнеру. Между тем, для наречия *уважительно* такое использование является вполне естественным; ср. стандартное *уважительно подать (протянуть) книгу* при менее естественном *деликатно подать (протянуть) книгу.*

Кроме того, из-за своей позитивной семантики *уважительно* редко используется в ситуациях, когда субъект делает что-то неприятное для партнера, что для *деликатно* весьма типично; ср. нормальное *деликатно высвободил руку* при странном **уважительно высвободил руку*.

Что касается слов *тактичный*, *тактично*, то они, в отличие от *деликатный*, *деликатно*, не могут характеризовать манеру держаться, о каком бы ее аспекте (речевом или двигательном) ни шла речь. Прежде всего, эти слова практически не используются применительно к движениям субъекта; ср. странное **Он тактично взял ее за руку*; ср. также странное **тактичное прикосновение*. Что же касается случаев, когда *тактичный*, *тактично* характеризуют речь, они акцентируют внимание не на манере говорить (интонации, выборе лексики и пр.), а на речевой стратегии и субъекта, указывая на то, что он избегает прямо говорить о чем-л., что может обидеть или смутить партнера. Ср. странное **тактичный тон*, **тактичный шепот* при нормальном *тактичный намек*; ср. также *тактично спросить*; Иван Андриянович (...) *поинтересовался, почему я не мог тактично объяснить ему нюансы прямо в каюте* (В. Конецкий, Невезучий Альфонс); *Вероятно, надо будет тактично убедить в этом Кальтенбруннера* (Ю. Семенов, Семнадцать мгновений весны); [Фома Фомич] *решился тактично все-таки выяснить: почему тот обозвал его собакой на глазах у всего экипажа* (В. Конецкий, Невезучий Альфонс). Ср. в связи с этим следующий пример, в котором фигурирует существительное *бестактность*, сохраняющее основные смысловые особенности слова *тактичный*: *Прямо спросить у него об этом было бы, по чегемским обычаям, величайшей бестактностью* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

Наконец, *тактично*, *тактичный*, по сравнению с *деликатный*, *деликатно*, чаще характеризуют поступки субъекта; эта особенность присуща также деривату *бестактность*, который, в отличие от *неделикатность*, может обозначать не только свойство, но и поступок; ср. *допустить бестактность*, *сказать бестактность*.

5) В случае, когда речь идет о поступках субъекта, *деликатный*, *деликатно* чаще всего указывают на то, что субъект воздерживается от каких-л. действий. Между тем, *тактичность* проявляется и в активных действиях; ср. *Произошла небольшая заминка, которую Абесаломон Нартович тактично прикрыл, поддерживав тоист и сказав, что он сам начинал карьеру с комсомольской работы* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Командир роты (...) тактично пошел по рядовым бойцам и провел симпозиум на тему: «Согласны они взять еще одну деревеньку или нет?»* (В. Конецкий, Невезучий Альфонс); наречие *деликатно* было бы в этих фразах менее уместно.

2.2.3. НЕДЕЛИКАТНЫЙ, НЕДЕЛИКАТНО, БЕСТАКТНЫЙ, БЕСТАКТНО

Значение лексем *неделикатный*, *бестактный* и пр. в сравниваемом круге употребления существенно беднее, чем значение соответствующих позитивных лексем.

Лексемы *неделикатный*, *неделикатно* указывают главным образом на резкие и грубые манеры субъекта (это касается как речевой манеры, так и характера прикосновений) и на вторжение в личную сферу партнера⁵⁸. Ср. *Всякая, даже малейшая, грубость, неделикатно сказанное слово волнует меня* (А. П. Чехов, Три сестры); *Он позволил себе быть неделикатным, но выбранная им линия оказалась правильной. Анна мгновенно откликнулась на грубую ласку и крепко обняла Евгения* (А. Маринина, Мужские игры) [речь идет о резких и грубых манерах субъекта]; — *У вас сколько имеется сбережений? Вопрос был задан участливым тоном, но все-таки такой вопрос нельзя было не признать неделикатным* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Неделикатный вы фрукт, Аллилуйчик. Гадости, во-первых, говорите. (...) Во-вторых, я не одета, а вы в спальне торчите. И в-третьих, меня дома нет* (М. Булгаков, Зойкина квартира); *Она почтительно взглянула на седые виски и, не удержавшись, спросила, да еще пальцем неделикатно показала: — Это вас там мучили, да?* (Б. Акунин, Турецкий гамбит); *Он однажды, с обычной своей чудовищной неделикатностью сделал мне замечание за небритость и грязные джинсы* (А. Кабаков, Последний герой) [речь идет о вторжении в личную сферу партнера].

Бестактный, *бестактно*, характеризую форму поведения субъекта, указывают прежде всего на то, что субъект прямо говорит (или, чаще, спрашивает) о чем-л., что может травмировать партнера (ср. типичное *бестактно ляпнуть*), или же в присутствии других людей делает по отношению к партнеру что-л., не предназначенное для посторонних глаз и ушей. Ср. *Как же вы, извините за бестактный вопрос, в нем умещались целиком?* (Л. Лагин, Старик Хоттабыч); *Всем строжайше приказано — идиотскими бестактными вопросами важного политического гостя в неловкое положение не ставить и вообще не ляпать чего не надо* (М. Веллер, Легенды Невского проспекта); *И не заходя в класс, (...) она вопит вам, несравненный Савл Петрович, бестактно и непедagogично не желая замечать нас, застывших и меловых от волнения, вопит, показывая гнилые металлические зубы свои: крамола!* (Саша Соколов, Школа для дураков); *Конечно, в его словах была немалая правда, и потому мне стало действительно стыдно и перед ним, и перед смущенными — вероятно оттого, что разговор происходил в их присутствии, что со стороны шефа было по отношению к хранителям бестактно — моими ребятами* (А. Кабаков, Последний герой).

2.2.4. Деликатность и понятие меры

Заканчивая рассмотрение понятий *деликатности* и *такта*, следует отметить, что первое из них, в отличие от второго, совместимо с представлением о мере, которая не должна быть превышена.

⁵⁸ Вхождение указанных смысловых элементов в значение негативных лексем, наряду с позитивными, лишний раз подтверждает их значимость для понятия *деликатности* в целом.

Это объясняется тем, что *деликатность*, в отличие от *такта*, представляет собой не абстрактную способность, а определенный тип отношения к конкретному объекту, которое может быть неадекватно качествам последнего. Такое отношение описывается разговорными глаголами *деликатничать*, *миндальничать* и отчасти *нежничать*; все они обозначают избыточную деликатность и выражают отрицательную оценку.

Миндальничать и *деликатничать* предполагают, что субъект из жалости к партнеру избегает действий, которые нежелательны для него, но тем не менее необходимы; ср. *Нечего с ними миндальничать* (*деликатничать*), *гони их отсюда*. Разница между глаголами *деликатничать* и *миндальничать* состоит в том, что второй из них указывает на слащавое обращение с партнером.

Нежничать имеет два круга употреблений — в одном из них он сближается с *деликатничать* и особенно *миндальничать* (ср. *Нечего с ними нежничать*, *гони их отсюда*), в другом указывает на то, что субъект, с точки зрения говорящего, прикладывает слишком много усилий, чтобы партнер не испытывал отрицательных чувств и ощущений, и, наоборот, испытывал положительные чувства. Ср. *Завтрак в постель — это чересчур. Большой мальчик, мог бы встать и позавтракать. Слишком ты с ним нежничает*.

Анализ употреблений рассмотренных глаголов показывает, что степень обязательности правил *деликатности* зависит от следующих факторов.

1) Степень близости между субъектом и партнером по общению: чем она больше, тем менее обязательный характер носят указанные правила; иногда их соблюдение может восприниматься как избыточное. Ср. *Затем, призвав к себе разжиревшего селадона, она сказала, что с ним деликатничать не станет: — Люди мы свои, а потому затвори-ка дверь покрепче! Безбородко закрыл дверь кабинета, и Екатерина (...) надавала ему оглушительных затрецин* (В. Пикуль, Фаворит).

2) Характер отношения говорящего к партнеру, а также оценка его моральных качеств: если первый низко оценивает их, *деликатность* опять-таки может восприниматься, как неуместная. Ср. *За грубость Ленин упрекал его, но только так можно управлять: грубость аппарата держит в узде грубость народа. Деликатничают с ним только интеллигенты, которых потом же и выкидывают, как хлам* (А. Рыбаков, Дети Арбата).

Кроме того, обнаруживается, что представление об излишней *деликатности* возникает главным образом тогда, когда субъект следует правилам деликатности, имеющим негативную форму, т. е. тогда, когда субъект из соображений *деликатности* отказывается от каких-л. действий, в которых он заинтересован.

В таких ситуациях возникает конфликт между прагматическими интересами субъекта и правилами *деликатности*, вследствие чего выполнение последних может восприниматься как избыточное, отсюда — возможность употребления *деликатничать* или *миндальничать*. Ср. — *Нет-нет, спасибо, Наташенька — какой же может быть после этого обед? Но едва открыл рот, Волк, из-за которого я, собственно, деликатничал, опередил, сказал: — Да, спасибо, с удовольствием*

(Е. Козловский, Водовозов & сын); *Вы все осторожны со мной, деликатничаете, боитесь сказать правду* (Чехов, МАС) [в обоих случаях субъект из деликатности отказывается от того, что он хотел бы сделать (или должен сделать): отклоняет приглашение пообедать, избегает говорить партнеру по общению о его болезни].

2.3. СКОМНОСТЬ КАК ОРИЕНТАЦИЯ НА НИЗКИЙ СТАТУС

В этом разделе мы будем рассматривать лексемы *скромный 2*, *скромно 2*. В отличие от остальных рассмотренных выше слов, они акцентируют внимание не на обращении субъекта с конкретным партнером по общению, а на его собственных манерах и действиях. Эти слова указывают на то, что субъект, независимо от того, каков его статус (определяемый положением в социальной иерархии и ролью в ситуации), ведет себя так, как ведут себя люди, имеющие невысокий статус, что проявляется в его манере держаться, а также в содержании его действий и поступков.

К лексемам *скромно 2*, *скромный 2* близки лексемы *скромно 1*, *скромный 1*, которые указывают на то, что субъект избегает без необходимости говорить о своих заслугах, или же, говоря о них, скорее преуменьшает, чем преувеличивает их. Ср. — *А что у вас? — Да есть кое-что, — скромно ответил Фандорин* (Б. Акунин, *Смерть Ахиллеса*); *Хуренито (...) скромно, но не без достоинства, указал на стаж в Мексике и предложил свои услуги* (И. Эренбург, *Необычайные похождения Хулио Хуренито*); *Таких Ковалевых, чуть заметных, но подлинных героев, много в Красной Армии. Но они всегда скромны, о себе молчат и остаются в тени* (МАС). Между лексемами *скромно 2*, *скромный 2* и *скромно 1*, *скромный 1* существует зона переходных употреблений; ср. *Вика бывала там каждый день, встречалась с Архитектором, у нее уже было много знакомых в этом мире, может, кто-нибудь и догадывался, какую роль она играет при Архитекторе, но Вика держалась скромно* (А. Рыбаков, *Дети Арбата*).

Кроме того, к рассматриваемым лексемам близки также лексемы *скромно 3*, *скромный 3*, которые указывают на соблюдение правил благопристойности; ср. *Ведите себя скромно, но девочку строить тоже не надо* (Ф. Искандер, *Сандро из Чегема*); *Она скромно одернула юбку; Фенечка, застенчивая и скромная, никогда не ласкалась к нему в присутствии третьего лица* (И. А. Тургенев, *Отцы и дети*). В некоторых случаях различия между *скромный 2* и *скромный 3* частично нейтрализуются. Ср. уже рассмотренный на с. 289 пример *Она стояла, скромно опустив глаза*, а также фразу *Он скромно отошел в сторону*: в обоих случаях в поведении субъекта можно усмотреть как стремление соблюдать благопристойность, так и стремление подчеркнуть свой низкий статус.

В данном случае мы рассматриваем только слова с положительным значением, поскольку соответствующие слова с отрицательным значением в языке отсутствуют: *нескромный*, *нескромно* указывают либо на завышенную самооценку (*нескромный 1*), либо на нарушение правил благопристойности (*нескромный 2*); ср. *Он вел*

себя нескромно — не переставая хвастался тем, какая у него дача и машина; Он вел себя нескромно, то и дело отпускал двусмысленные шуточки. Ни нескромный 1, ни нескромный 2 не являются антонимами слов скромный, скромно в рассматриваемом значении.

Модель поведения, на который указывает скромный 2, частично сближается с той, которую обозначает слово почтительный: они обе предполагают подчеркивание субъектом своего невысокого статуса. Это проявляется в том, что слова скромный, почтительный могут употребляться в одном контексте; ср. *Рядом с Абесаломоном Нартовичем, чуть-чуть приотстав, как бы выражая этим скромную почтительность к руководству, шел дядя Сандро* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Я спросил почтительно и скромно: — А что, Христофор Бонифатьевич, если бы записать эту историю?* (А. Некрасов, Приключения капитана Врунгеля).

В случае скромный 2 поведение субъекта может объясняться как чертой характера, присущей субъекту, так и следованием правилам этикета. Обычно оно положительно оценивается говорящим. Ср. *Дружин стоял рядом и скромно улыбался, как младший чин в присутствии старшего* (В. Войнович, Москва 2042); *Он простой, скромный парень* (А. Вампилов, Старший сын).

При этом объективно статус субъекта в случае скромно, скромный может быть любым — как высоким, так и достаточно низким; ср. *[Давид Самойлов] очень скромный человек. — А что, вы его знаете? — Нет. Мой друг знает. Единственно — выпивать любит. А так очень демократичный и простой* (В. Сорокин, Очередь); *Он [Левинсон] поздоровался с каждым и скромно уселся на ступеньке* (А. Фадеев, Разгром); *И нельзя было не верить в силу их, как не мог не верить в нее сам Клим, делавший порою прямо чудеса над одержимыми недугом, (...) тот же Клим, что так просто и скромно говорил, сидя после волхвования в прихожей: — Ну, теперь еще две зорьки осталось* (И. Бунин, Суходол) [субъект имеет высокий статус, который определяется высоким положением в социальной иерархии, значительной ролью в ситуации] VS. *Вот так и среди нас, человек: есть скромные люди с чистым сердцем, «незаметные» и «маленькие», но с огромной душой* (Г. Троепольский, Белый Бим Черное Ухо); *С внучкой Степановны, Люсей, беленькой ровесницей, тихой и скромной, Толик подружился крепко* (Г. Троепольский, Белый Бим Черное Ухо); — *Нам нет дела, для чего вы покупаете, — улыбнулся приказчик, скромно опуская глаза* (А. П. Чехов, Мститель) [субъект имеет невысокий статус, что определяется его низким положением в социальной и возрастной иерархии, подчиненной ролью в ситуации и пр.].

Характеризуя манеры субъекта, скромно, скромный указывают, во-первых, на то, что он ведет себя просто, не пытаясь произвести эффект, и, во-вторых, на его сдержанность во внешних проявлениях — негромкой голос, немногословность, отсутствие размашистых движений; ср. *Он написал просто и скромно: «Если погибну, прошу считать меня коммунистом»* (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина); *Он впервые увидел ее (...) без грима, в буд-*

ничной одежде, и был пленен, какая она простая, скромная, женственная, без всяких поз, манерности, которые полагались бы артистке (Ю. Гончаров, Инженер Климов); Пантелей Чмелев (...) залпом выпалил все, вычитанное за неделю из газет, потом тихо и скромно прибавил немного своего (Л. Леонов, Барсуки); Скромный и молчаливый в школе, здесь он часто выступал на собраниях (А. Рыбаков, Дети Арбата); Все-таки, видимо, развязные телемолodчки раздражали скромных советских парней (В. Аксенов, Остров Крым).

Кроме того, слова *скромно*, *скромный* могут указывать на то, что субъект подчеркивает свой невысокий статус мимикой, позой и пространственным положением — на периферии, в стороне от центра происходящего. *Он скромно опустил глаза (скромно сел на краешек стула, скромно встал в сторонке)*. В данном случае вновь можно говорить об использовании «статусных знаков». Ср. также следующие примеры: — *Мой бедный Микель, — сказал герр Доктор, глядя меня по голове, — с некоторых пор я замечаю в тебе пиитическую искру. Я скромно потупился* (И. Сергиевская, Великий закон доктора Строптизиуса); *Робко войдя в гостиную, Анисий (...) скромно сел на краешек обитого синим бархатом стула* (Б. Акунин, Пиковый валет); *Чуть сзади и сбоку скромно стоял секретарь царевича, тоже привлекавший к себе немалое внимание* (Б. Акунин, Пиковый валет); *И вдруг он заметил Хоттабыча, который скромно стоял в сторонке* (Л. Лагин, Старик Хоттабыч).

Характеризуя содержание действий субъекта, *скромно*, *скромный* обозначают отсутствие у субъекта сколько-нибудь высоких запросов и притязаний, независимо от того, оправданы они или нет. В большинстве случаев рассматриваемые слова указывают на то, что субъект ведет себя как человек, права которого незначительны, а именно: 1) воздерживается от активных действий, которые стандартно связываются с ведущей ролью в ситуации или высоким социальным статусом; 2) не выдвигает больших требований. Ср. *Удав, чей кролик оказывался проворней, считался победителем. Выигрыш его состоял в том, что проигравший должен был найти ему кролика, загипнотизировать его и, скромно отползая в сторону, дать проглотить выигравшему* (Ф. Искандер, Кролики и удавы); *Гости скромно подождали, пока бабка Агафья накрыла на стол*. (В. Шукшин, Срезал); *Пока она вела урок, он скромно ждал ее у подъезда* [речь идет об отказе субъекта от активных действий, выполнение которых связывается с ведущей ролью в ситуации]; *За свой рассказ он (...) просит скромно — всего по гривеннику с каждого рубля, что достанется Хасану* (Б. Акунин, Смерть Ахиллеса); *Эту комнату давно следовало отдать Саше. Взрослый мужчина, ему было неудобно в общей комнате, а она не отдала. (...) А он не заговаривал об этом, ее дорогой, скромный мальчик* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Любые места для таких почетных гостей! Но мы ведем себя скромно, берем тихий столик в зимнем саду и, помня о своих ресурсах, заказываем официанту: — Бутылку белой, салат и ростбиф* (Ф. Не-

знанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева) [речь идет о нетребовательности субъекта]⁵⁹.

Рассмотренные стратегии скромности тесно соприкасаются со стратегиями отдаления и нередко предполагают использование различных их элементов. В частности, *скромно* часто характеризует поведение гостя в ситуации 'гость-хозяин': особенность последней, как уже отмечалось, состоит в том, что она не только предполагает неравноправие ролей, но и такую зависимость гостя от хозяина, которая проявляется в необходимости особенно строго соблюдать стратегии отдаления. В этой ситуации рассмотренные выше правила скромности несколько модифицируются; в результате слова *скромно*, *скромный*, *скромность* обозначают следующее поведение:

1) Отказ от активных действий, которые можно было бы понять как вторжение во внутреннюю сферу хозяина (в его физическое или материальное пространство); ср. *Он скромно стоял в дверях, не решаясь войти; В гостях мальчик вел себя очень скромно — не брал без спросу хозяйских вещей, почти весь вечер просидел около матери.*

2) Отсутствие просьб, а также отказы от предложенного, мотивированные не столько нежеланием воспользоваться тем, что предлагает партнер, сколько низкой оценкой своей роли в ситуации и нежеланием затруднять партнера; ср. *Ей хотелось попросить еще яблоко, но она из скромности не стала этого делать; Ему предложили еще кусок торта, но он скромно отказался.*

Поскольку *скромный*, *скромно*, подобно *деликатный*, *деликатно* и *тактичный*, *тактично*, часто предполагают воздержание субъекта от активных действий, для них тоже характерны сочетания с глаголами, в значение которых входит внутреннее отрицание: *Он скромно промолчал (отошел, отказался, остановился у входа).*

Помимо воздержания от действий, которые связываются с высоким статусом или ведущей ролью в ситуации, *скромный*, *скромно* могут указывать на то, что субъект не пренебрегает действиями, выполнение которых связывается с ним и с низким социальным статусом; ср. *Хозяин пьет чай с одинокой булкой, ходит с непришиитыми пуговицами и скромно чистит (...) сюртучок (Б. Зайцев, Голубая звезда); И ты опять крунулся, и перебрался в Красноярск, и скромно сел на отдел — отдел! Отметим должное — перспективный отдел, точно рассчитал (М. Веллер, А вот те шиш); Примерно двадцать лет назад взывавший лифт забросил на семьдесят шестой этаж инспекционную комиссию Соловецкого горкомхоза, скромно направлявшуюся обследовать забитую канализацию в лабораториях профессора Выбе-*

⁵⁹ В этом типе употреблений *скромно* несколько удаляется от прототипического значения, предполагающего указание на манеры субъекта, и допускает наличие партнера по общению, в ходе общения с которым проявляется неприязнательность субъекта; чаще всего это тот участник ситуации, который играет в ней ведущую роль (адресат в ситуации просьбы, хозяин в «гостевой» ситуации и пр.). Однако даже в этом случае *скромно* предполагает акцент на действиях субъекта, взятых сами по себе, а не на его обращении с партнером.

галлы на четвертом этаже (А. и Б. Стругацкие, Сказка о тройке). В последнем случае имеет место сентенциальное употребление наречия *скромно*.

Итак, для наивной этики общения, наряду с правилом, предписывающим уменьшать свои достоинства и заслуги (ср. *скромный 1*), восстанавливается также правило «статусной скромности», рекомендуемое ориентироваться в своем поведении на низкий статус (*скромный 2*). Эта ориентация касается, как мы видели, не всех иерархий, а только социально-административной (а также роли в ситуации, которая близка к положению в социальной иерархии), что подтверждает высказанное выше предположение о существовании наивно-языковых представлений о «социальной скромности».

При этом существенно, что ориентация на низкий статус в поведении может восприниматься как вполне совместимая с проявлением собственного достоинства ср. одинаково возможные *скромно, но с достоинством* и *скромно и с достоинством*; ср. также — *Вы конспект приготовили, товарищ Балашов?* — *Приготовил,* — *скромно, но с достоинством* сказал Балашов (В. Войнович, Лицо неприкосновенное. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина) VS. *Они держали себя с достоинством и скромно* (А. Толстой, похождения Невзорова, или Ибикус); *Князь, между прочим, скромно и достойно отверг мое предложение принять участие в терроре* (Ю. Алешковский, Рука (Повествование палача)).

2.4. Услужливость

2.4.1. ОБЩИЕ СВОЙСТВА ЛЕКСЕМ *УСЛУЖЛИВЫЙ*, *УСЛУЖЛИВО*, *ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ*⁶⁰, *ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНО*

Рассматриваемые слова находятся на стыке этики общения и этикета. Близость их к сфере этикета определяется тем, что они всегда описывают форму поведения субъекта и не используются ни для характеристики его поступков (в отличие от слов *деликатный*, *тактичный*, *скромный*), ни для характеристики его отношения к партнеру (в отличие от слов *уважительный*, *почтительный*).

Кроме того, рассматриваемые слова допускают указание на следование субъекта определенным правилам поведения. При этом чаще всего речь идет о правилах, соблюдения которых требуют профессиональные обязанности субъекта; ср. *услужливый (предупредительный) швейцар (продавец)*; *В гостинице «Звезда Италии» предупредительный портье (...) подбежал к нам с листком, прося его заполнить* (И. Эренбург, Необычайные похождения Хулио Хуренито); *Мы хозяйски*

⁶⁰ Здесь рассматриваются лексемы *предупредительный 1*, *предупредительно 1*. К ним близки лексемы *предупредительный 2*, *предупредительно 2*, которые указывают на наличие у субъекта цели предупредить кого-л о чем-л.; ср. *предупредительный выстрел*; *Олег предупредительно кашлянул, зная, какой шепетильный народ поэты* (В. Астафьев, Сашка Лебедев).

толкаем дверь, (...) и вот нас, уже почти иностранцев, услужливый метрдотель ведет наверх (Ф. Незнанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева).

Вместе с тем, эти слова нельзя однозначно отнести к этикету, поскольку они часто предполагают, что субъектом движет не столько желание выполнить правила поведения, сколько какие-то другие мотивы, например, желание получить выгоду.

Все рассматриваемые слова характеризуют обращение субъекта с партнером по общению, указывая на то, что субъект обнаруживает готовность оказать услугу последнему. При этом *услужливый*, *предупредительный* и пр. чаще всего предполагают разнообразную помощь партнеру, а не предоставление ему той или иной возможности; ср. типичное *услужливо* (*предупредительно*) *распахнуть дверь* (*пододвинуть стул, подать руку, налить вина*) при менее типичном *услужливо* (*предупредительно*) *пропустить вперед* (*предложить сесть, предложить выпить*).

Готовность оказать услугу в случае *услужливый* и пр. может проявляться как в манере держаться (мимике, позе), так и в действиях субъекта (обычно — в движениях) или же в его словах. Ср. *То тут, то там появлялись (...) предупредительно улыбающиеся лица с вопросом — не нужна ли какая-нибудь помощь?* (В. Аксенов, Остров Крым); *Он услужливо склонился перед ней; Вестовой предупредительно распахнул дверцу перед Гаем* (А. и Б. Стругацкие, Обитаемый остров); *Он услужливо поддерживал всех под руки* (Н. Носов, приключения Незнайки и его друзей); — *Юродивый это, кормилец, — услужливо подсказали Самсону Харитонычу с обеих сторон* (Б. Акунин, Пиковый валет); *Молодой господин (...) предупредительно сообщил мне на ухо: — Главный агент притащился* (А. Аверченко, Автобиография).

Услужливый, услужливо, предупредительный, предупредительно (а также образованные от них существительные) обозначают качества поведения, которые, на первый взгляд, представляются существенными для социального контакта. Описываемое поведение соответствует позитивным стратегиям этикета, поскольку направлено на укрепление социального имиджа партнера. С этим связана положительная оценка⁶¹, выражаемая рассматриваемыми словами в ряде контекстов; ср. *Сопровождает их услужливый паренек, дает пострелять из ружья, ни какой он не конвоир* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Был он с виду прост и добр, услужлив и неразговорчив* (И. Бунин, Зойка и Валерия); *Мягкий, улыбчивый, услужливый, расторопный, — он присутствует в каждой ячейке нашего общества, вдувая жизнь во все эти сдвиги* (В. Войнович, Иванькиада); *Вера и сама уже предпочитала Варфоломея, заботливого и услужливого, истинного друга, рассеянному Павлу* (В. Ходасевич, Петербургские повести Пушкина); *Лилишу все любят, потому что она добрая, услужливая девушка* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Прислуживал во всех семи этажах (...) некто Анри, с виду настоящий наемный убийца, а по характеру самый веселый, проворный и услужливый парень во всей Марсели* (А. Куприн, Колесо времени); *Карцев и Вера (...) подшучивали друг над другом, были предупреди-*

⁶¹ Из слов *услужливый, услужливо, услужливость* положительную оценку чаще выражают прилагательное и существительное; см. примеры выше; ср. также *На какую-то се-*

тельные, любезны (В. Кунин, Очень длинная неделя); *Да и нужно сказать, мое ревнучее лумбаго довольно скоро прошло: так мила, нежна, предупредительна была со мной Мария* (А. Куприн, Колесо времени); *Я выбивался из сил, чтобы никогда не позволить ей платить за себя, и, наоборот, щеголяя щедростью и предупредительностью* (А. Куприн, Колесо времени).

Однако, в отличие от других рассмотренных выше лексем, обозначающих свойства, важные для социального контакта, слова *услужливый*, *предупредительный* и их дериваты могут получать отрицательную оценку, указывая на превышение меры; ср. *Переводчик, предупредительный до отвращения, (...) вдруг вместо ответа начал с ужасом тянуть в себя воздух* (А. Толстой, Хождение по мукам); *Я предположил, что затерянному в безвестности и нищете гениальному старику будет приятен тот взрыв предупредительности и подобострастия, который следует от его хозяев непосредственно вслед за предъявлением моих мандатов* (А. Битов, Преподаватель симметрии); *Его раздражала чрезмерная предупредительность подчиненных, отдающая лакейством*; *Услужливый дурак опаснее врага*; *Тетушка с неприятной услужливостью подставляла им пепельницу, угощала чаем* (Ф. Искандер, Школьный вальс); *Там, на заднем дворе, возле собашника, и постарались они, кто кого перехолопит в услужливости хозяину* (Л. Леонов, Барсуки). При этом между рассматриваемыми парами слов существует различие в оценках. Лексемы *предупредительный*, *предупредительно* выражают, за редким исключением, положительную оценку. Для *услужливый*, *услужливо*, напротив, отрицательная оценка более характерна, чем положительная.

Чтобы разобраться в причинах этого, проанализируем различия между этими парами слов.

2.4.2. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЛЕКСЕМАМИ УСЛУЖЛИВЫЙ, УСЛУЖЛИВО И ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ, ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНО

1) Прежде всего, рассматриваемые пары слов отличаются характером временной ориентации действий субъекта. Слова *предупредительный*, *предупредительно*, в соответствии с их внутренней формой, указывают на то, что субъект стремится предугадать желания партнера и выполнить их еще до того, как они будут им сформулированы. Между тем, для *услужливый*, *услужливо* перспективность не обязательна — они могут использоваться и в ситуации, когда субъект спешит исполнить желание партнера, которое он уже сформулировал; ср. нормальное *Она попросила чего-нибудь выпить. Услужливый молодой человек тут же при-*

кунду Саше показалось, что уж этот-то мятый «ЗиЛ» остановится — такая это была старая (...) машина, что по тому же закону, что в стариках и старухах, бывших ранее людьми грубыми и неотзывчивыми, перед смертью просыпается внимание и услужливость, — по тому же закону (...) она должна остановиться (В. Пелевин, Проблема Верволка в средней полосе); *Сближению их помогла не только услужливость, но и готовность угостить* (М. Веллер, Приключения майора Звягина).

нес ей стакан чая при странном ?Она попросила чего-нибудь выпить. Предупредительный молодой человек тут же принес ей стакан чая.

2) Помимо этого, рассматриваемые пары слов различаются характером стратегий, которые использует субъект. Слова *предупредительный, предупредительно*, в отличие от *услужливый, услужливо*, допускают следование не только позитивной стратегии, направленной на то, чтобы помочь партнеру, но и негативной стратегии, направленной на то, чтобы не мешать ему. Вследствие этого, помимо полноценных активных действий, *предупредительный, предупредительно* допускают действия, направленные на «самоустранение». Ср. *Например, очень деликатно и предупредительно убирает голову, когда смотрит кино в столовой команды, чтобы не заслонять экран какому-нибудь молоденькому мотористу (В. Конечский, Невезучий Альфонс); Он уселся на скамейку против бюста Жуковского (старенький военный в генеральской шинели с любопытством посмотрел на него и предупредительно отодвинулся на край скамейки) (В. Каверин, Девять десятых судьбы); наречие услужливо в подобных фразах было бы менее уместно. В указанном отношении предупредительный сближается с деликатный, тактичный; ср. нормальное предупредительно и деликатно при не вполне естественном услужливо и деликатно.*

3) Кроме того, *услужливый, услужливо* и *предупредительный, предупредительно* различаются мотивами поведения субъекта. Это различие состоит в следующем.

Несмотря на то, что все рассматриваемые слова могут использоваться, когда субъектом движет желание соблюсти этикет, для *предупредительный, предупредительно* такое употребление является основным и более характерным, чем для слов *услужливый, услужливо*. Этим объясняется типичность использования *предупредительный, предупредительно* в контексте таких слов, как *вежливо, любезно, учтиво*; ср. более стандартное *вежливо* и *предупредительно, любезно* и *предупредительно, учтиво* и *предупредительно* при менее стандартном *вежливо* и *услужливо, любезно* и *услужливо, учтиво* и *услужливо*; ср. также *Проводник в форме разносит чай в массивных подстаканниках, вежливый, предупредительный, с Костей особенно (А. Рыбаков, Дети Арбата).*

При этом *предупредительный, предупредительно*, в отличие от *услужливый, услужливо*, используются не только в тех случаях, когда продавцы, официанты и пр. соблюдают «этикет обслуживания», выполняя свои профессиональные обязанности, но и тогда, когда обычные люди соблюдают правила вежливости и галантности. Ср. *Конвой и этапные офицеры обращались со мной и моими товарищами с предупредительной вежливостью (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); Марина проскользнула в стеклянную дверь, предупредительно отведенную Леонидом Петровичем (В. Сорокин, Тридцатая любовь Марины).*

Кроме того, слова *предупредительный, предупредительно* (как и производное от них существительное *предупредительность*) допустимы в ситуации, когда субъект заботится о партнере бескорыстно, движимый искренним желанием помочь ему.

Ср. уже цитировавшийся пример *Мое ревничее люмбаго скоро прошло: так мила, нежна, предупредительна была со мной Мария*; ср. также следующее употребление существительного *предупредительность*: — *Ипполит, — повторила теща, — помните наш гостинный гарнитюр? — Какой? — спросил Ипполит Матвеевич с предупредительностью, возможной лишь к очень больным людям* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев).

Слова *услужливый, услужливо* (равно как и их дериват *услужливость*) обычно не предполагают у субъекта искреннего желания помочь партнеру (ср. странное ?с *услужливостью, возможной лишь к очень больным людям*), как не предполагают и заботы о его благе. На это указывает возможность их использования в контекстах, когда субъект выполняет желания партнера, хотя и понимает, что это может привести к опасным для субъекта последствиям; ср. *И совсем другое дело, когда чрезмерно впечатлительному {...} человеку, в особенности совсем молодому, намыливают щеку, услужливо подсовывают револьвер или придвигают чашу с ядом* (Б. Акунин, Любовница смерти).

Помимо ориентации на «этикет обслуживания», поведение субъекта в случае *услужливый, услужливо* может объясняться: а) особой чертой характера, которая состоит в готовности к услугам (на это чаще всего указывает прилагательное *услужливый*); б) стремлением понравиться партнеру и заслужить его одобрение; в) наличием у субъекта корыстных мотивов (в частности, надежды на вознаграждение). Ср. *Мой спутник оказался очень услужливым и на редкость молчаливым стариком* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Умнейший, благороднейший пес! И в высшей степени услужливый* (Ф. Абрамов, Потомок Джима); *Отец его, говорят, полюбил Айшу больше своих дочерей, потому что она была ласковой и услужливой девушкой* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема) [субъект проявляет врожденную услужливость]; *Две школьные подлизы услужливо кинулись в коридор звать дядьку закрывать окна* (Б. Пастернак, Доктор Живаго) [субъектом движет желание понравиться партнеру, заслужить его похвалу]; *Вокруг нее образовалась группа услужливых, корыстных и любопытных* (А. Грин, Бегущая по волнам); *Прислуга и оркестр {...} услужливо ловят его желания, чтобы {...} немедленно выполнить их: подобные господа щедро оплачивают свои ночные фантазии* (Л. Леонов, Бегство мистера Мак-Кинли) [субъектом движут корыстные мотивы].

4) С различием в мотивах, движущих субъектом, связано также различие в характере отношений между субъектом и партнером по общению.

а) Поскольку слова *предупредительный, предупредительно* возможны в ситуации, когда субъектом движут добрые чувства к партнеру, *предупредительным* можно быть не только по отношению к посторонним людям, но и по отношению к близким. Ср. *В то утро он был с женой особенно нежен и предупредителен*. Между тем, *услужливый* обычно предполагает в качестве партнера чужого человека; ср. его неестественность в приведенном выше контексте.

б) Поскольку *услужливый, услужливо* часто предполагают корыстные мотивы субъекта, для него очень типична ситуация, когда партнер по сравнению с субъек-

ектом занимает более высокое положение в социальной иерархии. Ср. *Лакей услужливо держал дверцу кареты распахнутой* (В. Кунин, Чокнутые); *Вахтер услужливо нашел номер комнаты* (Ф. Незнанский, Операция «Фауст 2»); *В Сухиничах услужливый носильщик старого образца, пройдя с доктором по неосвященным путям, посадил его (...) в вагон второго класса* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Между тем, *предупредительный, предупредительно* допускают более разнообразное использование.

Прежде всего, они уместны тогда, когда статус партнера в социальной иерархии ниже статуса субъекта, т. е. при общении, направленном «сверху вниз»; ср. *Директор был вежлив и предупредителен со всеми служащими, включая охранника*; *услужливый* здесь было бы менее уместно.

Кроме того, при общении, направленном «снизу вверх», *предупредительный, предупредительно* часто используются, когда партнер по сравнению с субъектом занимает более высокое положение в гендерной иерархии. В этой ситуации *предупредительный, предупредительно* указывает на выполнение правил галантности. Ср. более естественное *Он вел себя с ней галантно и предупредительно*, как *полагается джентльмену* при менее естественном *Он вел себя с ней галантно и услужливо*, как *полагается джентльмену*; ср. также уже цитировавшийся выше пример *Тогда я выбивался из сил, чтобы никогда не позволить ей платить за себя, и, наоборот, щеголял щедростью и предупредительностью*.

Вышеупомянутое различие в мотивах позволяет объяснить несовпадение оценок в случае *услужливый* и *предупредительный*, о котором уже говорилось выше. Не случайно *услужливый* получает отрицательную оценку прежде всего в контекстах, которые предполагают указание на корыстные расчеты субъекта (см. выше).

В связи с этим интересно рассмотреть поведение глагола *услужить*. Подобно рассматриваемым словам, он тоже обнаруживает амбивалентность в том, что касается оценки. Этот глагол иногда может использоваться в нейтральном значении, но значительно чаще он выражает положительную или отрицательную оценку. При этом распределение положительной и отрицательной оценок в случае *услужить* зависит от совпадения / несовпадения субъекта с говорящим.

При их несовпадении *услужить* чаще всего указывает на то, что субъектом движут корыстные мотивы, и выражает отрицательную оценку; ср. *На крыльце коттеджа уже стоял Суслик, (...) весь азартно трясущийся от желания услужить* (А. и Б. Стругацкие, Пикник на обочине); *Смотрят заискивающими глазами в надежде через тебя услужить своему хозяину* (Г. Вишневская, Галина. История жизни); — *Если что — мы на страже! (Хотят услужить, чтобы чувствовала себя им обязанной)* (Г. Вишневская, Галина. История жизни).

При совпадении субъекта с говорящим *услужить* исключает наличие у субъекта корыстного расчета, чаще всего указывая на то, что субъектом движет хорошее отношение к партнеру; в этом случае *услужить* выражает положительную оценку. Ср. *Устроители [концерта] спрашивают: что бы он хотел еще увидеть или получить в Испании, они будут рады сделать великому (...) композитору приятное*,

услужить, одарить — и прочие цветистые латинские изъятия (М. Веллер, Легенды Невского проспекта); — *Нет для меня ничего сложного и трудного, когда потребуется услужить ему* (Л. Лагин, Старик Хоттабыч); *Таким людям услужить радостно* (Л. Петрушевская, Три девушки в голубом); — *Здравствуйте, граждане, чем могу услужить?* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Чрезвычайно буду рад вам услужить*⁶².

Однако обращает на себя внимание тот факт, что *услужливый, услужливо*, как и *услужить*, могут получать негативную оценку и в тех случаях, когда указание на корыстные цели субъекта (как и на его желание понравиться партнеру) отсутствует; ср. *услужливый дурак*; *Он (...) был предупредителен без услужливости* (А. Толстой, Хождение по мукам); *Ему не нравился услужливый Ермолай Тузов, — слишком ласков* (А. Толстой, Эмигранты); *Прибежал услужливый дураковатый пасечник* (В. Шукшин, Любавины); *Ее раздражала суетливость мужа, его стремление всем услужить*.

5) Это связано с тем, что для всех вышеназванных лексем характерно указание на с е р в и л и з м субъекта⁶³, который всячески подчеркивает существующую (или воображаемую) разницу в социальных статусах между ним и партнером, проявляя излишнее рвение в стремлении оказать услугу последнему. Наличие указания на сервилизм в случае *услужливо, услужливый* приводит к тому, что соответствующий тип поведения нередко воспринимается, как унижительный, не вполне совместимый с достоинством человека; ср. *При этом Головер был одновременно услужлив и наделен чувством собственного достоинства* (С. Довлатов, Встретились, поговорили); *Сухощавый, пожилой крестьянин-пастух, молчаливый, услужливый, однако не теряющий чувства собственного достоинства* (Ф. Искандер); ср. также *Шухов (...) телогрейку расстегнул дочиста, полы бушлата и телогрейки угодливо подхватил наверх (никогда он так услужлив не был на шмоне)* (А. Солженицын, Один день Ивана Денисовича). С наличием

⁶² Следует отметить, что в двух последних примерах положительная оценка связана не только с характером мотивов, но и с этикетным характером рассмотренных фраз. Выбор глагола *услужить* в них объясняется ориентацией на гипервежливость, с ее метафорой служения; с аналогичным явлением мы сталкиваемся в формулах типа *ваш покорный слуга, к вашим услугам* и пр. О типичности метафоры служения для этикета см. также в [Формановская 2003: 14].

⁶³ Для *предупредительный, предупредительно* тоже возможно указание на заискивание субъекта перед теми, кто имеет преимущество в социальном статусе. Ср. следующий интересный пример, в котором отражены представления о привилегированности рабочего класса, усвоенные в результате революции 1917 года: *[Он мечтал попасть туда], где не стреляют из пулеметов и не ходят с проклятыми флагами, где при виде обыкновенного рабочего не нужно косоротиться в сочувственную или предупредительную улыбку, а идти себе мимо пролетария с сознанием собственного достоинства* (А. Толстой, Похождения Невзорова, или Ибикус). Однако, по сравнению с *услужливый* и пр., для *предупредительный* и пр. такие употребления значительно менее типичны.

/ отсутствием указания на сервилизм связаны многие частные различия между рассматриваемыми парами слов.

6) Различие в характере п о з ы субъекта. *Услужливый* предполагает, что субъект склоняется всем телом, подчеркивая свое подчиненное положение (ср. *услужливо склониться*). Между тем, *предупредительный* предполагает скорее наклон головы, который, в сочетании с улыбкой, выражает внимание субъекта к желаниям партнера; ср. — *Вы — профессор? На это Стравинский предупредительно-вежливо наклонил голову* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *По-русски он говорил свободно, когда же не сразу улавливал смысл, предупредительно наклонял голову и с виноватой улыбкой говорил: «Прошу»* (Л. Зорин, Крапивница).

7) Различие в интенсивности внешних проявлений: так, *услужливый* очень часто указывает на торопливые движения и речь субъекта, который спешит исполнить желания партнера, а также на его излишнюю суетливость; ср. *Этого было достаточно, чтобы на том конце провода возникла короткая пауза внимания и затем стремительно-услужливое: — Вам его позвать? К телефону?* (Ф. Незнанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева); *«Мы не видели», сказала Ло, услужливо-поспешно перегнувшись через меня* (В. Набоков, Лолита). Для *предупредительный* подобные употребления значительно менее характерны.

8) Наконец, указанием на сервилизм субъекта объясняются также некоторые сочетаемостные особенности слов *услужливый*, *услужливо*, отличающие их от *предупредительный*, *предупредительно*.

Так, для *услужливый*, *услужливо* очень типичны сочетания с глаголами, имеющими префикс *под*, который, помимо указания на аспектуальные характеристики действия, может подчеркивать также его направленность «снизу вверх».

Подобные глаголы имеют ряд общих семантических особенностей, связанных с идеей сервилизма. Они предполагают: а) торопливость движений и речи субъекта, б) направленность действий субъекта исключительно на достижение интересов партнера (ср. *сказать* и *подсказать*), в) инициативность субъекта, который старается заранее исполнить желания партнера, не дожидаясь предварительной просьбы со стороны последнего; ср. *услужливо подставить* (*подхватить*, *подсунуть*, *подсадить*, *подсказать*⁶⁴); *Сейчас же к нему подсакивают Ермаки Тимофеевичи в белых передниках (...)* и *услужливо подхватывают багаж* (И. Ильф и Е. Петров, Двенадцать стульев); *Егору услужливо подставили стакан водки* (В. Шукшин, Любавины); *Метнулся Ларька, услужливо подставил стул, генерал плюхнулся, как мешок* (Е. Замятин, На куличках); — *Шестьсот девять, — услужливо подсказал бухгалтер* (М. Веллер, Узкоколейка).

⁶⁴ Глагол *подсказать* не обязательно указывает на то, что действие направлено «снизу вверх».

2.4.3. ОТНОШЕНИЕ К ИДЕЕ УСЛУГ В НАИВНОЙ ЭТИКЕ ОБЩЕНИЯ

Амбивалентность оценки, выражаемой словом *услужливый* и его дериватами, а также возможность отрицательной оценки в случае *предупредительный* и пр., на наш взгляд, может объясняться отсутствием однозначного отношения к идее услуг в русской этике общения.

С одной стороны, услуги, оказываемые субъектом партнеру, оцениваются положительно, поскольку, как уже говорилось, в качестве одного из элементов позитивной вежливости, способствуют укреплению социального имиджа партнера и, в конечном счете, создают благоприятные условия для социального контакта.

С другой стороны, услуги могут ассоциироваться со статусным (прежде всего, социальным) неравенством между субъектом и партнером и, соответственно, вызывать представление о сервилизме. Поэтому идея услуг предполагает соблюдение некой разумной меры. Поведение субъекта, который превышает эту меру, расценивается в наивной этике общения как унижающее его достоинство (поскольку говорящий видит в этом поведении подчеркивание социального неравенства между ним и партнером), а также как неискреннее (говорящий считает, что субъектом движет желание получить выгоду или понравиться партнеру).

Этим объясняется характерность для слов *услужливый*, *услужливо* отрицательной оценки (как и в случае *угодливо*, *холоп* 2, *лакей* 2 и пр.), а также различие в оценках между словами *услужливый* и *предупредительный*. Нетипичность использования последнего из них в негативных контекстах обусловлена двумя обстоятельствами.

Во-первых, *предупредительный* и пр., по сравнению с *услужливый* и пр., предполагает не столь высокую активность субъекта и интенсивность его действий и, вследствие этого, реже указывает на сервилизм. Во-вторых, *предупредительный* чаще всего используется, когда субъект действует в рамках этикета, в котором отношение к услугам не обязательно носит негативный характер.

Связь между идеей услуг и характером оценки можно проиллюстрировать также употреблением слова *внимательный* 2, близкого по значению к словам *услужливый*, *предупредительный*. Хотя *внимательный* 2, подобно *предупредительный*, *услужливый*, часто предполагает оказание субъектом услуг партнеру, для него это не обязательно: оно может использоваться и тогда, когда субъект занимает партнера беседой, говорит ему комплименты и пр.; ср. *Так же внимателен он был и к ее гостям. Стоило кому-нибудь прийти к Марье Васильевне, как сейчас же являлся и он. Очень радушный, веселый, он затевал с гостем длинный разговор* (В. Каверин, Два капитана). С указанным свойством лексемы *внимательный* 2 связано отсутствие в ее значении оттенка сервилизма и однозначно положительная оценка, которую она выражает.

На все сказанное выше можно было бы возразить, что занижение своего статуса не всегда оценивается в этике общения как нарушение нормы: в случае *скромный*, *скромно* такое поведение, как мы убедились, получает положительную оценку и

не воспринимается как унижительное для субъекта; ср. нормальное *скромно* и с достоинством при неестественном или неправильном *предупредительно* и с достоинством, *услужливо* и с достоинством.

Причины такой кажущейся непоследовательности наивно-этических представлений, на наш взгляд, состоят в следующем.

1) В случае *скромный*, *скромно* занижение субъектом своего статуса проявляется главным образом в том, что он воздерживается от действий, которые стандартно связываются с представлением о высоком статусе. Напротив, в случае *услужливый* и пр. субъект совершает действия, которые могут связываться с представлением о низком статусе.

2) Если в случае *скромный*, *скромно* субъект занижает свой собственный статус, то в случае *услужливый*, *услужливо* субъект подчеркивает именно социальное неравенство между ним и партнером.

3) Для *скромный*, *скромно*, в отличие от *услужливый*, социальная иерархия не является основополагающей: в этом случае субъект может подчеркивать не только свой низкий социальный статус, но и свою незначительную роль в ситуации.

2.5. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО СОДЕРЖАНИЯ НАИВНО-ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭТИКИ ОБЩЕНИЯ

Сопоставив значения слов, рассмотренных в этом разделе, можно сделать несколько заключений о содержании этических правил, регламентирующих общение.

В русской этике общения существует ряд достаточно естественных принципов, которые предназначены для того, чтобы создать условия, наиболее благоприятные для социального контакта.

1) *Приветливость* и *благожелательность*: проявление хорошего отношения и симпатии к партнеру (*благожелательность*), а также радости от встречи с ним (*приветливость*). Это выражается прежде всего в манере держаться в ходе общения с партнером, преимущественно в мимике (*благожелательно улыбнулся*), а также в выполнении различных ритуализованных действий (к ним относится приветствие, пожелание хорошего аппетита и пр.)⁶⁵.

2) *Уважительность* и *почтительность*: демонстрация высокой оценки статуса партнера или признания его статусного преимущества. И то, и другое предполагает прежде всего использование ряда атрибутов уважительности, связанных глав-

⁶⁵ На это указывают слова *благожелательный*, *благожелательно*, *приветливый*, *приветливо*, которые мы не рассматривали так подробно, как остальные, поскольку их значение представляется достаточно прозрачным.

ным образом с речевым поведением. Почтительность, помимо этого, допускает использование невербальных статусных знаков, однако они носят необязательный характер.

3) *Деликатность и такт*: проявление уважения к чувствам партнера и умения избегать всего, что может его травмировать. Это чаще всего выражается в воздержании от тех или иных действий, совершаемых в интересах субъекта, а также в ограничении интенсивности его внешних проявлений.

4) *Услужливость и внимательность*: проявление внимания к партнеру и готовности оказать ему услугу.

5) Помимо этого, в русской этике общения существует достаточно нетривиальный принцип — принцип статусной *скромности*. Он предписывает субъекту вести себя так, как ведут себя люди с низким статусом, т. е. занижать свой статус (если он объективно высок), или же не завышать его (если он объективно низок). Реализация этого принципа связывается главным образом с воздержанием субъекта от активных действий в своих интересах, а также от интенсивных внешних проявлений.

Большинство рассмотренных нами правил этики общения регламентирует статусные аспекты поведения, связанные с демонстрацией субъектом собственного статуса или своего представления о статусе партнера: таковы принципы *уважительности, почтительности, скромности*. По сути дела, статусную природу имеет также принцип *деликатности*: он является частным случаем принципа уважительности, поскольку признание значимости чувств партнера является одним из проявлений уважения к его личности.

Если оценивать русскую этику общения с точки зрения баланса позитивных и негативных стратегий, можно придти к следующим выводам.

Большинство принципов этики общения, включая основной принцип — принцип уважительности, предполагает использование позитивных стратегий поведения. Исключение составляет принцип *деликатности* и отчасти — принцип скромности. Второй из них близок к негативным стратегиям тем, что предполагает воздержание субъекта от активных действий, однако не может быть однозначно отнесен к ним, поскольку он регламентирует не обращение субъекта с конкретным партнером, а прежде всего его манеру держаться в обществе или его действия, взятые сами по себе, вне воздействия на конкретного партнера.

Что касается негативных стратегий отдаления, то в русской наивной этике общения представлены только те из них, которые запрещают нарушать абсолютную горизонтальную дистанцию, вторгаясь во внутреннюю сферу партнера. На нарушение этого типа стратегий отдаления указывают, в частности, лексемы *любопытный, любопытствовать*. Они описывают поведение субъекта, который пытается получить информацию о других людях, не имеющую к нему непосредственного отношения, что расценивается как вторжение в личную сферу последних; про глагол

любопытствовать см. также в статье [Апресян, Гловинская 2004: 1095—1101]. Существенно, что в сфере этики общения рассматриваемый тип стратегий отдаления реализуется либо в правилах частного характера, как в случае *любопытный, любопытствовать*, либо оказывается «растворен» в правилах уважительности, почтительности, скромности, деликатности (ср. *деликатно (почтительно, уважительно) кашлянуть, прежде чем войти; скромно остановиться на пороге*).

Итак, для русской этики общения характерен акцент на следующих стратегиях: а) на тех позитивных стратегиях, которые не предполагают активных действий, а регламентируют «коммуникативно-речевые приемы» субъекта — манеру держаться в ходе общения с партнером (т. е. мимику и речевую манеру), выбор коммуникативных стратегий и поведение в ходе диалога — к ним относятся стратегии уважительности; б) на негативных стратегиях, ограничивающих активность субъекта в его собственных интересах и интенсивность его внешних проявлений — сюда относятся стратегии скромности и деликатности. Между тем, позитивные стратегии, предполагающие активность субъекта, находятся на периферии этики общения.

Рассматриваемые факты могут отчасти объясняться тем, что в русской этике общения значительное место занимает идея *п а с с и в н о с т и*, воздержания от действий.

ГЛАВА 3. ПРАВИЛА ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОМ НАИВНОМ ЭТИКЕТЕ И СВЯЗАННАЯ С НИМИ ЛЕКСИКА

В этой главе ставятся следующие задачи.

- 1) Определить место вежливости в системе наивного этикета.
- 2) Выделить основные типы употребления слов *вежливый, вежливо, невежливый, невежливо, невежа* и, ориентируясь на них, выделить основные типы правил, входящие в состав наивно-этикетных представлений о вежливости.
- 3) Рассмотрев употребление негативных лексем *невежливый, невежливо, невежа*, определить, какие правила вежливости являются более обязательными, и от каких факторов это зависит.
- 4) Рассмотреть правила вежливости, соблюдение которых зависит от тех или иных прагматических факторов, прежде всего — от типа участников ситуации.
- 5) Рассмотреть лексемы, которые могут обозначать сознательное нарушение правил вежливости, а именно, *грубо, грубый, грубиян и бесцеремонный, бесцеремонно*.
- 6) Определить место стратегий отдаления в языковых представлениях о вежливости и отчасти — русском наивном этикете в целом; для этого предполагается, помимо рассмотрения слов *бесцеремонно, бесцеремонный*, проанализировать употребление слов *церемониться, церемонии*.

3.1. МЕСТО ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОМ НАИВНОМ ЭТИКЕТЕ

3.1.1. ДВА ТИПА «ПРАВИЛ ОБХОЖДЕНИЯ» В НАИВНОМ ЭТИКЕТЕ

Как уже отмечалось в разделе 1.3.2, правила наивного этикета, регламентирующие обращение с партнером, подразделяются на два типа, которые мы условно назвали «правилами положительного отношения» и «правилами непревышения прав». Они противопоставлены друг другу по целому ряду признаков.

Правила первого типа предполагают демонстрацию одновременно нескольких типов положительного отношения к партнеру, наиболее актуальных для социального контакта. Указанные правила представляют собой этикетную реализацию этики общения. Сюда относятся правила вежливости (на их соблюдение / несоблюдение указывают слова *вежливо, невежливо, уходящ. невежа, грубо, грубиян*) и правила гипервежливости (на их соблюдение / несоблюдение указывают, как уже отмечалось, слова *любезно, учтиво, галантно, обходительно*, а также *нелюбезно, неучтиво, негалантно*)⁶⁶. И те, и другие предполагают демонстрацию признания высокого статуса партнера (т. е. уважительности или почтительности), деликатности, благожелательности и готовности сделать партнеру что-л. приятное или оказать ему помощь.

Сказанное объясняет два основных свойства указанных правил. 1) Они имеют комплексный характер. 2) Независимо от того, что в состав правил вежливости и гипервежливости могут входить правила, имеющие негативное содержание (например, правило деликатности), сама вежливость и гипервежливость, так же как деликатность, уважительность и другие понятия этики общения, концептуализируются как позитивное свойство. В результате в этой сфере, как и в этике общения, широко представлена позитивная лексика, указывающая на соблюдение указанных правил; по отношению к ней негативная лексика вторична, что проявляется в ее производном характере.

Правила второго типа запрещают субъекту в ходе общения с конкретным партнером по общению превышать свои права, определяемые характером отношений между ними. Поскольку в этикете отношения между коммуникантами определяются, как уже говорилось, соотношением их статусов и размером горизонтальной дистанции, правила рассматриваемой сферы сводятся к запретам нарушать установленное соотношение статусов⁶⁷ (правило уважительности и правило почтительности), а также к запретам нарушать горизонтальную дистанцию, существующую между коммуникантами (правило межличностной дистанции), или же, наконец, к комбинации того и другого (правило скромности).

Последнее, в отличие от аналогичного правила этики общения в сфере этикета, относится не столько к сфере манер, сколько к сфере обхождения, и запрещает

⁶⁶ Ср. статью *вежливо* в [Крылова 2004: 78—82].

⁶⁷ Следует отметить, что для правил первого типа соотношение статусов участников иногда тоже немаловажно — см. об этом ниже.

ет субъекту превышать свои права по отношению к партнеру. На это указывает употребление лексем *нахальный* и особенно *наглый*⁶⁸, которые обозначают нарушение рассматриваемого правила и являются неточными антонимами слова *скромный* в сфере этикета: в отличие от *скромный*, рассматриваемые слова допускают указание на конкретного партнера по общению; ср. *нагло* <нахально> *вести себя с кем-л.*, *нагло* <нахально> *держаться с кем-л.* при не вполне естественном *скромно вести себя с кем-л.*, *скромно держаться с кем-л.* и стандартном *скромно держаться без указания на партнера*. Ср., с другой стороны, допустимое *скромные манеры* и не вполне стандартное *'наглые манеры*, *'нахальные манеры*.

Правило скромности в этикете отличается от кореллирующего с ним правила этики общения еще и тем, что предписывает учитывать оба типа факторов, определяющих права субъекта по отношению к партнеру: оно запрещает субъекту не только завышать собственный статус и нарушать установленное соотношение ролей, но и одновременно нарушать горизонтальную дистанцию, существующую между ним и партнером. Ср. нормальное *Во время интервью с писателем журналистка вела себя довольно нахально* <нагло>: *через пять минут беседы перешла на «ты» и стала звать его по имени* при менее естественном *Во время интервью с писателем журналистка вела себя очень скромно — все время обращалась к нему на «вы» и по имени-отчеству*.

Все три перечисленных правила, в отличие от правил вежливости и гипервежливости, имеют негативное содержание и фиксируются в этикете только тогда, когда они нарушаются, вследствие чего практически вся лексика, имеющая отношение к указанной сфере, выражает отрицательную оценку. Таковы слова *хам*, *по-хамски*, которые указывают на нарушение правила уважительности, слова *перечить*, *прекословить*, *забываться*, *дерзкий*, *дерзить*, *хамить*, указывающие на нарушение правила почтительности, слова *фамильярный*, *развязный*, *панибратский*, обозначающие нарушение правила межличностной дистанции, слова *наглый*, *нахальный*, указывающие на нарушение правила скромности.

Исключение составляют, пожалуй, только слова, обозначающие реакцию субъекта на превышение партнером своих прав по отношению к нему, которая направлена на восстановление нарушенного баланса — ср. *осадить*, *поставить на место*. Они либо нейтральны, либо выражают положительную оценку — последнее относится, главным образом, ко второму из них.

Несоблюдение правил вежливости и гипервежливости может расцениваться в языке как не вполне сознательное⁶⁹. Отсюда — допустимость употребления слов *невежливо*, *нелюбезно*, *неучтиво* в ситуации, когда субъект не знаком с кодексом формальных правил или не имел возможности их выполнить;

⁶⁸ См. описание большинства перечисленных слов в статьях *грубить*, *развязность*, *наглый* в [Крылова 2004: 556—559, 919—922].

⁶⁹ Эта зависимость не носит жесткого характера: так, слова *грубо*, *грубый* могут обозначать сознательную невежливость.

ср. *От неожиданности я очень невежливо отпихнул Джесси* (В. Кунин, Кыся); *Хотя неизвестный человек тащил меня весьма невежливо и решительно, я почему-то подумал, что это друг, который хочет меня спасти* (В. Войнович, Москва 2042); *Чтобы не показаться нелюбезной, она приветливо улыбнулась судебному следователю* (А. П. Чехов, Именины); *Я и не догадывался, что вел себя невежливо*; ср. также нормальное *вынужденная невежливость*⁷⁰.

Наоборот, нарушение правил, запрещающих субъекту превышать свои права по отношению к партнеру, всегда расценивается как *с о з н а т е л ь н о е*; ср. странное *От неожиданности он вел себя по-хамски; вынужденное хамство*.

С указанным различием связано различие в интенсивности оценки, выражаемой словами с отрицательным значением: в случае *невежливо* и пр. эта оценка значительно *м е н е е р е з к а я*, чем в случае *хамство* и пр.

Несмотря на то, что правила обоих рассмотренных типов, в силу своей принадлежности к сфере этикета, регламентируют прежде всего форму поведения, они отличаются друг от друга степенью формализованности. Правила вежливости и гипервежливости по этому параметру превосходят правила, запрещающие субъекту превышать свои права.

В связи с этим применение первых из них обычно ограничивается общением на *с о ц и а л ь н о й* дистанции, когда между участниками ситуации отсутствуют отношения близости: при общении на персональной дистанции на первое место выступает простота и естественность, что делает формализованное общение неуместным. Ср. более стандартное *быть вежливым* (*любезным, учтивым, обходительным*) *с соседкой по купе (сослуживцами)* при менее стандартном *быть вежливым* (*любезным, учтивым, обходительным*) *с другом (братом, отцом)*.

3.1.2. ПРАВИЛА ВЕЖЛИВОСТИ И ПРАВИЛА ГИПЕРВЕЖЛИВОСТИ

Итак, как мы обнаружили, правила вежливости сближаются с правилами гипервежливости. Несмотря на общие свойства, между ними существует ряд различий. Все они обусловлены тем, что вежливость принадлежит к стандартному этикетному регистру, тогда как гипервежливость предполагает использование повышенного регистра.

1) Хотя оба рассматриваемых типа правил предполагают использование сходных этикетных стратегий, в случае гипервежливости они характеризуются большей интенсивностью. При этом акцент делается прежде всего на *п о з и т и в н ы х* стратегиях. Соответственно, гипервежливость требует демонстрации не просто уважительного, но подчеркнуто-уважительного или даже почтительного отношения к партнеру, демонстрация благожелательности перерастает в демонстрацию особого расположения к партнеру, радушия и удовольствия от

⁷⁰ О возможности непреднамеренного нарушения правил вежливости см. также в работе [Земская 1997].

общения с ним, а готовность сделать партнеру приятное реализуется в оказании ему различных услуг⁷¹. Ср. *учтиво* *⟨галантно⟩ поклониться, любезно улыбаться гостям, учтиво ⟨галантно⟩ подать пальто*; ср. также *Как все герои, он был божественно прост и обходителен. ⟨...⟩ Очаровывающая улыбка не сходила с его уст* (А. Толстой, *Хождение по мукам*).

При этом компонент «услуги» очень важен для рассматриваемого типа правил, особенно для той разновидности правил гипервежливости, которая связана с уходящим светским этикетом — ср. слова *учтивый, галантный*. Не случайно во многих старомодных формулах гипервежливости отношения между субъектом и партнером метафорически осмысляются как отношения хозяина и слуги; ср. этикетные формулы типа *к вашим услугам, ваш покорный слуга, как вам будет угодно, чем могу служить*. Рассматриваемая этикетная метафора не имеет ничего общего с понятием сервиллизма: в данном случае речь идет об условной роли, которую сознательно берет на себя субъект, исходя из требований этикета.

По характеру позитивных стратегий лексика гипервежливости может быть условно разделена на две группы: с одной стороны, *любезно и обходительно*, с другой стороны — *учтиво*. Если первые два слова предполагают главным образом демонстрацию расположения к партнеру и готовности сделать ему что-л. приятное или полезное, в том числе, посредством оказания ему услуг, то последнее слово указывает прежде всего на почтительное обращение с партнером, подчеркивающее его статусное превосходство. Слово *галантно* занимает промежуточное положение между этими группами слов, сочетая указание на почтительность и на готовность угодить партнеру.

Наряду с усилением позитивных стратегий, гипервежливость допускает также усиление негативных стратегий, хотя это для нее менее типично. Из всех слов, обозначающих соблюдение правил гипервежливости, на использование негативных стратегий может указывать только слово *учтивый* и его дериваты. Ср. *Он отказался учтиво, но решительно; Ему учтиво напомнили, что его время истекло, и пора уходить; Швондер оторопел, но быстро оправился и учтиво заметил Шарикову: — Вы, гражданин Шариков, говорите в высшей степени незаметно* (М. Булгаков, *Собачье сердце*) [следование негативным стратегиям, которые запрещают наносить ущерб социальному имиджу партнера и реализуются в правилах негативной уважительности]; *учтиво посторониться* [следование негативным стратегиям отдаления, которые реализуются в правилах деликатности]; ср. также *Благородные дамы, простите бедному заблудившемуся путнику неучтивость, с которой он вторгся в ваши владения* (Н. Гумилев, *Дочери Каина*) [нарушение негативных стратегий отдаления и правил деликатности]. Ср. также неправильное или не вполне естественное ⁷²*Он отказался любезно ⟨галантно⟩, но решительно; любезно ⟨галантно⟩ посторониться; ?Простите бедному заблудившемуся путнику нелюбезность, с которой он вторгся в ваши владения.*

⁷¹ В последнем случае субъект старается не только сделать партнеру что-л. приятное, но и принести ему пользу, причем вторая цель является основной.

2) Кроме того, описываемые типы правил различаются характером отношений между участниками ситуации.

Гипервежливость в целом предусматривает большую дистанцию между коммуникантами.

Во-первых, этот тип правил обычно предполагает, что участников ситуации разделяет вертикальная дистанция. Ее наличие может быть обусловлено тем, что партнер имеет гендерное или социальное преимущество перед субъектом (как в случае *учтивый, галантный*), или же тем, что партнер играет более значительную роль в ситуации (как в случае *любезный* и иногда *обходительный*). Для правил вежливости наличие вертикальной дистанции возможно, но совершенно необязательно.

Во-вторых, хотя оба типа правил регламентируют прежде всего общение на социальной дистанции, правила вежливости, в отличие от гипервежливости, иногда уместны и при персональной дистанции между коммуникантами, особенно, если между ними существует возрастная дистанция. Ср. допустимое *За обедом он был с матерью безупречно вежлив* при менее естественном *За обедом он был с матерью необычайно учтив* (*обходителен, галантен*)⁷². Эта особенность правил вежливости связана с их элементарным характером.

3) Правила вежливости, в отличие от правил гипервежливости, осмысляются как комплекс универсальных и элементарных правил, регулирующих поведение всех членов общества в ходе общения с другими людьми; ср. выражения *элементарная вежливость*; *обыкновенная вежливость*, *простая вежливость*; ср. также *Простая вежливость требует, чтобы ты его пригласила*; *Обыкновенная вежливость требует этого от меня. — Я приехала к нему, на его деньги, — мне нужно проститься и с ним* (А. Грин, *Блестящий мир*). Между тем, правила гипервежливости связываются с представлением о светском этикете, принятом в высшем обществе, и могут восприниматься как частично устаревшие. Ср. *старомодная (старосветская) учтивость (обходительность)*; *Чтец увлекал ее к ресторану со старомодной обходительностью* (Вик. Ерофеев, *Скулы и нос, овраг*); ср. также *светски обходительный* при прагматически странном *элементарная (простая, обыкновенная) любезность (галантность)*.

3.1.3. ПРАВИЛА ВЕЖЛИВОСТИ И ПРИЛИЧИЯ

Высокая степень формализованности и относительная элементарность, а также универсальный, «базовый» характер сближает правила вежливости с правилами приличий.

Основные различия между вежливостью и приличиями обусловлены тем, что правила вежливости, как уже отмечалось, относятся к разряду «правил обхождения», правила приличий — к разряду «правил манер»; см. об этом в главе 1.5.

Вследствие этого правила вежливости регламентируют главным образом обращение субъекта с конкретным партнером, т. е. его поведение в ходе обще-

⁷² Исключение составляет, пожалуй, только слово *любезный*, которое допустимо в подобных контекстах.

н и я или в ходе непосредственного контакта с ним. Это объясняет наличие у слов типа *вежливый, невежливый* валентности партнера; ср. *Это невежливо по отношению к Маше; Он был вежлив с Машей*. Между тем, правила приличий помещают в центр внимания м а н е р у субъекта держаться в присутствии других людей, как таковую — его движения, речь, позу и пр. — и оставляют за рамками поведение субъекта по отношению к конкретному партнеру. Отсюда — отсутствие у *неприлично* валентности партнера по общению; ср. невозможное **Это неприлично по отношению к Маше*. Кроме того, приличия не обязательно предполагают общение или даже непосредственный контакт с партнером. Поэтому в некоторых случаях о приличиях можно говорить применительно к поведению человека наедине с собой, когда партнер, как таковой, отсутствует. Например, в случае, когда субъект в отсутствие партнера вторгается в его физическое или «материальное» пространство — скажем, без разрешения входит в чужое помещение или без разрешения берет какую-л. вещь, принадлежащую постороннему человеку, мы можем сказать, что его поведение противоречит правилам *приличий* (или же назовем его *невоститанным*). При этом мы вряд ли скажем, что субъект ведет себя *невежливо*⁷³.

В некоторых случаях границы между вежливостью и приличиями достаточно расплывчаты; ср. *Показывать пальцем на прохожих невежливо и Показывать пальцем на прохожих неприлично*. Часто интерпретация поведения субъекта как *невежливого* или *неприличного* зависит от возможности отнести действия субъекта к конкретному партнеру. Ср. *Сидеть развалившись неприлично* [эта фраза может быть произнесена по отношению к человеку, который сидит в такой позе в присутствии других людей, например, в метро]; ср. также фразу *Когда разговариваешь с женщиной, сидеть развалившись просто невежливо*⁷⁴.

3.2. РАЗНОВИДНОСТИ ПРАВИЛ ВЕЖЛИВОСТИ И ТИПЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ

ЛЕКСЕМ *ВЕЖЛИВО, ВЕЖЛИВЫЙ, НЕВЕЖЛИВО, НЕВЕЖЛИВЫЙ, НЕВЕЖА*

Нами была рассмотрена группа слов, семантика которых связана с представлением о вежливости, а именно, прилагательные и наречия *вежливый, вежливо,*

⁷³ Кроме того, неуместность слова *невежливо* в описанных ситуациях (которая распространяется также на ситуации, когда хозяин вещи или помещения находится рядом с субъектом) может быть вызвана тем, что негативные стратегии отдаления, направленные на защиту территории партнера, к которым относится, в частности, запрет на вторжение в его физическое пространство или нарушение неприкосновенности его собственности, в русском наивном этикете находятся на периферии правил вежливости. Соответствующая сфера поведения регулируется не правилами вежливости, а правилом дистанции, на нарушение которого указывает, в частности, слово *бесцеремонный*; ср. об этом в разделе 3.4.2.

⁷⁴ О том, что характер позы (в частности, манера сидеть) может иметь отношение к категории вежливости, говорится в статье [Земская 1997: 271—302].

невежливый, *невежливо*, а также существительное *невежа*. Последнее, частично сближаясь с прилагательным *невежливый*, отличается от него как стилистически, так и семантически.

Прежде всего, в отличие от нейтральной лексемы *невежливый*, лексема *невежа* отмечена как уходящая.

Кроме того, *невежа* указывает на конкретные причины нарушения субъектом правил вежливости: они состоят в том, что субъект не получил хорошего воспитания и не умеет вести себя, как следует. Между тем, *невежливый* не несет информации о причинах нарушения правил и допускает их разнообразие — как уже отмечалось выше, это может быть не только незнание соответствующих требований, но и невозможность следовать им по объективным причинам, а также сознательное намерение нарушить норму.

Наконец, по сравнению с *невежливый*, слово *невежа* выражает более резкую оценку. Отчасти это объясняется его частеречной семантикой, отчасти — указанием на невладение правилами вежливости, которое воспринимается как серьезный недостаток субъекта.

Анализ употребления перечисленных лексем показывает, что все они могут обозначать наличие / отсутствие демонстрации субъектом четырех различных типов отношений:

- 1) уважительность;
- 2) деликатность;
- 3) благожелательность;

4) готовность сделать что-л. приятное или полезное партнеру по общению, в частности — оказать ему услугу; в дальнейшем для краткости мы будем обозначать такой тип отношения словом «любезность».

Эти типы отношений соответствуют четырем разновидностям правил вежливости и, соответственно, четырем типам употреблений слов *вежливо*, *вежливый* и пр.

При описании этих правил вежливости мы будем давать им характеристику с точки зрения их универсальности (т. е. наличия ограничений, связанных с характером участников), а также степени их обязательности.

Степень обязательности правила, как уже отмечалось в главе 2, мы будем определять по наличию / отсутствию возможности формирования на его основе отрицательного значения: если при описании нарушения некоего правила можно использовать лексему с отрицательным значением (*невежливо*, *невежа*), то указанное правил носит характер обязательного, и наоборот.

Поскольку правила вежливости частично дублируют правила этики общения, слово *вежливо* в каждом из четырех перечисленных типов употреблений синонимизируется с одной из рассмотренных выше лексем этики общения.

Близость между ними нередко выражается в том, что они могут указывать на соблюдение сходного комплекса правил. Так, *вежливо*, в том типе употреблений, в котором оно обозначает соблюдение правил деликатности, подобно лексеме *деликатно*, может использоваться, когда речь идет как о негативной, так и о квазипо-

зитивной деликатности. В то же время, полное совпадение на уровне конкретных правил между *вежливо* и лексикой этики общения, естественным образом, отсутствует. Поэтому, описывая очередной тип употребления слов *вежливый*, *вежливо* и пр., мы будем перечислять все виды правил, актуальных для этих лексем, даже если о них уже шла речь ранее, в главе 2, при описании лексики этики общения. При этом при описании каждого из четырех типов употребления *вежливо* отдельный раздел будет посвящен анализу смысловых различий между ним и соответствующей лексемой этики общения.

3.2.1. ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ДЕМОНСТРАЦИЯ УВАЖИТЕЛЬНОСТИ

В зависимости от содержания правил уважительности мы будем различать следующие их разновидности: негативные / позитивные правила; правила, регламентирующие манеры субъекта / правила, регламентирующие характер его действий; правила значимости / правила статуса. (Последние выделяются на основании типа отношения к партнеру, которое предписывают демонстрировать правила уважительности).

Рассмотрим конкретные разновидности правил уважительности.

3.2.1.1. Негативная уважительность: отсутствие активно-неуважительного поведения

Эти правила накладывают запрет на такие формы поведения, которые интерпретируются как сознательная демонстрация партнеру того, что его значимость или статус ниже нормы. Рассматриваемый тип поведения обычно предполагает активность и агрессивность субъекта, имеющего целью оскорбить партнера или, как минимум, сделать ему что-то неприятное.

Тот факт, что представление об оскорблении связано с сознательным занижением статуса партнера по общению, отмечается, в частности, в работе [Карасик 2000], где говорится, что большинство общеотрицательных пейоративов включает оценочно-статусный компонент. На наш взгляд, указание на низкий статус или низкую ценность партнера входит в значение практически всех пейоративов — как общеотрицательных, так и частноотрицательных: одни из них указывают на низкую ценность личности в целом (ср. *ничтожество*, *пустое место*, *дрянь*, *ноль*), другие — на интеллектуальную, нравственную или физическую неполноценность партнера (ср. *идиот*, *бестолочь*; *негодяй*, *мошенник*, *лжец*; *урод*, *дылда* и пр.), третьи — на низкий социальный статус (ср. *отребье*, книжн. *плебей*, разг.-сниж. *груб.* *быдло*, сленг. *шестерка*, *ботва*). Интересно, что нередко указание на низкий статус сохраняется только во внутренней форме — так, слова *подонок*, *ублюдок*, исходно указывавшие на низкий статус, в современном языке обозначают скорее нравственную неполноценность.

Указанные правила являются разновидностью того типа негативных стратегий, которые направлены на защиту социального имиджа партнера, и может

реализоваться как на социальной, так и на персональной дистанции. Выделяются две разновидности рассматриваемых правил.

3.2.1.1.1. Правила негативной уважительности, регламентирующие манеры субъекта (правила корректного обращения)

Рассматриваемые правила накладывают запрет на грубое обращение с партнером, предписывая вести себя с ним корректно и сдержанно. Указанные правила предполагают отсутствие ненормативной лексики и грубых речевых клише, адресованных партнеру, повышенного тона, резких движений и, наоборот, спокойный и мягкий тон, сдержанные движения. Ср. *Он вежливо подал ей журнал; — Доллары в вентиляции, — задумчиво сказал первый и спросил Никанора Ивановича мягко и вежливо: — Ваши пакетики?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Надо сказать, что Александр Шамильевич никогда ни на кого не кричал, был со всеми предельно вежлив* (Г. Вишневская, Галина. История жизни).

Кроме того, рассматриваемые правила предполагают отсутствие употребления *ты*-форм вместо закономерных в этой ситуации *вы*-форм (о правилах их распределения см. ниже) в функции маркера низкого статуса партнера по общению; ср. *Тот поднял голову, негромко, чтобы не слышал Игнатий, сказал: — А тебе какое дело, слюнтый? Незнакомец растерянно моргнул, потом {...} негромко сказал: — Невежливый старичок* (В. Шукшин, Любавины).

Следует сразу оговориться, что *ты* / *вы*-оппозиция, в отличие от большинства этикетных оппозиций, носит эквиполентный характер: оба ее элемента могут носить маркированный характер. При этом в разных случаях в качестве маркированных могут выступать разные ее члены. В сфере негативной вежливости *ты*-формы выступают в качестве маркированного члена оппозиции, *вы*-формы — в качестве немаркированного.

3.2.1.1.2. Правила негативной уважительности, регламентирующие содержание действий субъекта (правила отсутствия оскорбительных действий)

Указанные правила налагают запрет на совершение действий, которые могут интерпретироваться как оскорбительные для партнера по общению — сюда относится, в частности, запрет поворачиваться спиной к партнеру и пр. Ср. *Когда к аквариуму подходил Волька или Женя, старик уплывал к задней стенке, весьма невежливо поворачиваясь к ним хвостом* (Л. Лагин, Старик Хоттабыч); *Беру коренную под уздцы, останавливаю, хочу отрекомендоваться. Тут евнух {...} ка-ак хлестнет меня плеткой по щеке. Что прикажете делать? Вынул саблю, проткнул невежу насквозь — и грустный пошел домой* (Б. Акунин, Турецкий гамбит); *Плеваться невежливо, — сказала Кнопочка* (Н. Носов, Незнайка в Солнечном городе).

Все рассмотренные выше правила негативной уважительности являются у н и - версальными и обязательными: второе подтверждается возможностью использования негативных лексем *невежливый, невежливо, невежа*, когда нарушен любой из перечисленных запретов; ср. — *Это еще что за макака! — невежливо изумился Эрдели* (Б. Акунин, *Смерть Ахиллеса*); *Отчего же, когда он мне сказал, что я невежа, я не сказал ему: невежа, милостивый государь, тот, кто позволяет себе грубость?* (Л. Н. Толстой, *Юность*); *Андрей Иванович невежливо берет его двумя пальцами за шиворот, разворачивает вокруг своей оси и водворяет на свое швейцарское место* (Б. Штерн, *Записки динозавра*); см. также примеры выше.

3.2.1.2. Позитивная уважительность

В отличие от сферы негативной уважительности, в которой правила статуса и значимости слиты воедино, в рамках позитивной уважительности можно говорить об отдельных правилах статуса и значимости.

3.2.1.2.1. Правила значимости

Указанные правила предполагает демонстрацию того, что ценность и значимость партнера, как любого другого человека, равна н о р м е, или даже немного выше. Правила значимости регламентируют, главным образом, д е й с т в и я субъекта, а не его манеру держаться в ходе общения, и чаще всего реализуются на с о ц и а л ь н о й дистанции между участниками ситуации, хотя это и не строго обязательно.

Сюда относятся следующие правила.

1) Демонстрация готовности к контакту и желательности контакта с партнером.

а) Наличие специальных знаков готовности к н а ч а л у контакта или к его в о з о б н о в л е н и ю в будущем. Сюда относятся ритуализованные действия приветствия и прощания. Указанные ритуалы могут иметь как речевую форму (ср. *вежливо поздороваться* (*попрощаться*)), так и неречевую форму (ср. *вежливо кивнуть в знак приветствия, вежливо поклониться* (*пожать руку, приподнять шляпу, щелкнуть каблуками, приподняться*)). Ср. также *Он (...) вежливо приложил руку к козырьку красной фуражки и спросил: — Может быть, успокаивающих капель барышне?* (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*); *Инполит Матвеевич вежливо приподнял зажатную касторовую шляпу* (И. Ильф, Е. Петров, *Двенадцать стульев*); — *Здравствуйте! — Виделись! — Ах, почему, почему вы так невежливы со мной!* (Е. Шварц, *Обыкновенное чудо*); *А напарнику скажи, что он человек невежливый — мог бы выйти и поздороваться* (В. Кунин, *Трое на шоссе*); *[Алферов:] — Лев Глебович! Что с вами? Обидел я вас чем-нибудь? Дверь захлопнулась. Алферов остался стоять один посреди комнаты. — Все-таки... Какой невежа, — пробормотал он. — Что за муха его укусила?* (В. Набоков, *Машенька*).

б) Соблюдение правил дискурсного этикета и организации диалога, которые предполагают наличие знаков ж е л а т е л ь н о с т и контакта с партнером и ин-

тереса к нему (выражение внимания и заинтересованности в мимике, обязательная реакция на слова партнера), а также отсутствие противоположного поведения. С этим связан запрет перебивать партнера, отвлекаться во время разговора, отмахиваться от собеседника — этот жест является знаком того, что субъект считает высказывания партнера неактуальными или незначительными.

Далее, к этой группе правил относится также запрет отворачиваться от партнера во время разговора, обнаруживать скуку и нетерпение, пытаться избежать контакта и прерывать его без извинений и объяснения причин и пр.

Ср. *По старой памяти мне стало тошно от этих фальшивых круглых фраз, но я слушал его очень внимательно, очень вежливо* (В. Каверин, Два капитана); *Советник зашевелил мясистыми губами и открыл было рот, но магистр перебил его самым невежливым образом* (Б. Акунин, Алтын-Толобас); *Ты никогда мне не сочувствовал, мучитель! Слушай, когда я тебе говорю! Невежа!* (А. П. Чехов, Житейские невзгоды); *Дима отвечал неохотно и часто делал довольно невежливые паузы* (В. Пелевин, Омон Ра); — *Да погодите вы с ценой!* — *невежливо отмахнулся он от сыщика* (Б. Акунин, Левиафан); *Но тут в трубке загудело, и дядя Ваня, еще чуток помедлив для вежливости, аккуратно возвратил трубку в исходное состояние* (Е. Попов, Самолет на Кельн); *Рядом со мной на скамью кто-то сел. Я предпочел бы побыть один, но не поднялся с места, боясь показаться невежей* (Хорхе Луи Борхес, пер. с исп.).

в) Запрет называть одного из партнеров по общению с помощью местоимения третьего лица, использование которого расценивается как стремление исключить этого партнера из сферы непосредственного контакта; ср. *Называть одного из присутствующих «он» невежливо*.

г) Демонстрация признания значимости коммуникативных интересов партнера, а также его коммуникативных усилий. Сюда относится прежде всего соблюдение принципа кооперативного ведения разговора⁷⁵, который предписывает давать полноценные и информативные ответы на вопросы субъекта, запрещает уклоняться от ответов, отвечать вопросом на вопрос и пр. Ср. *Отвечать вопросам на вопрос невежливо, и все же он спросил: — А кто это?* (Б. Акунин, Алтын-Толобас); *Макаров взглянул на него трезвыми глазами и не ответил. Это не понравилось Самгину, показалось ему невежливым* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); — *Что за сообщение?* — *нахмурился Соболев. Фандорин замаялся, явно не желая говорить. — Это в конце концов невежливо по отношению к нашим спасителям* (Б. Акунин, Турецкий гамбит); *Парыгину самому казалось, что все его попытки уклониться от объяснений выглядят топорно и невежливо* (А. Маринина, Мужские игры).

Кроме того, к рассматриваемой разновидности правил уважительности относится правило, предписывающее создавать благоприятные условия коммуникации.

⁷⁵ Ср. работу [Грайс 1985: 217], а также [Николаева 1999].

Указанное правило может регламентировать как поведение говорящего, так и поведение слушающего.

Говорящий должен стараться максимально облегчить собеседнику понимание своей речи. Это касается формальных аспектов речевого акта — в частности, выбора языка и манеры говорить. Ср. *Он обижается, что вы при нем все время переговариваетесь по-польски. Это невежливо — вы же знаете, он плохо знает этот язык; Что ты бормочешь себе под нос? Это невежливо.*

Слушающий должен создавать условия, благоприятные для говорения и для восприятия речи говорящего, прежде всего, не мешать последнему посторонними звуками. Ср. *Хрустеть кукурузными хлопьями во время спектакля (на лекции) невежливо.*

2) Наличие знаков, символизирующих признание субъектом ценности услуг партнера⁷⁶.

Сюда относится выполнение ритуала благодарности и использование соответствующих формул; ср. — *Спасибо, товарищ майор, — вежливо сказал Загородный* (В. Войнович, Лицо неприкосновенное. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина); *Когда я был маленьким мальчиком, — я был очень невежлив. Никогда, вставая из-за стола, я не говорил маме «спасибо», а когда мне желали Спокойной ночи, только показывал язык и смеялся* (В. Каверин, Песочные часы).

3) Наличие знаков, символизирующих признание субъектом значимости внутреннего мира партнера, его чувств и воли⁷⁷.

а) Указания на значимость для субъекта чувств партнера. К ним относятся «компенсирующие» словесные ритуалы (произнесение формул извинения — *извините, простите, извините за беспокойство, виноват* и пр.).

Следует оговориться, что акт извинения трактуется разными исследователями по-разному.

Во-первых, отсутствует единое мнение относительно того, к какому типу стратегий следует его относить.

В [Браун, Левинсон] извинения включены в разряд негативных стратегий, поскольку, извиняясь, мы признаем факт вторжения в запретную зону независимости собеседника, и выражаем по этому поводу сожаление.

Однако многие исследователи считают, что извинения одновременно связаны с позитивными стратегиями. В работе [Edmonson 1981] эта точка зрения обосновывается тем, что функция извинений — восстановление социального баланса между коммуникантами. Т. В. Ларина в уже цитировавшейся нами монографии от-

⁷⁶ Ср. толкование формул благодарности, предложенное в работе А. Вежицкой [Вежицка 1985: 271]: «Зная, что ты был причиной того, что нечто хорошее произошло со мной; желая сделать так, чтобы ты знал, что я ценю это, я говорю: я тебе благодарен».

⁷⁷ Указанные знаки восходят к сфере деликатности: в данном случае уважение к чувствам партнера стало показателем уважения к его личности в целом, предварительно обогатившись указанием на специальные ритуалы.

мечает, что, «хотя извинение связано с соблюдением дистанции, его следует рассматривать в связи со стратегиями вежливости сближения, так как его основное прагматическое значение — заверить адресата в том, что его (...) уважают» [Ларина 2003: 212].

Во-вторых, разные исследователи по-разному трактуют цель извинения. По мнению Э. Гофмана, функция извинения — изменить значение, которое может быть приписано какому-л. поступку. С помощью извинения говорящий дает понять, что он соблюдает правила поведения и считает их правильными, несмотря на впечатление, произведенное его поступками, и что его отношение к партнеру осталось неизменным. При этом, с точки зрения Э. Гофмана, речь идет именно о демонстрации субъектом своего отношения к правилу, а не о возмещении ущерба, нанесенного им партнеру по общению [Goffman 1974: 165, 168].

Вслед за Э. Гофманом, Р. Ратмайр делает акцент на том, что «извинения служат для того, чтобы представить говорящего как вежливого человека, признающего общественные нормы» [Ратмайр 2003: 52] и так описывает прагматические компоненты ситуации извинения: «в связи с тем, что Г причинил А ущерб, произошло изменение внеязыкового мира, и теперь А оценивает Г ниже или же А чувствует (...) себя оскорбленным. При помощи извинений Г стремится (...) аннулировать сложившуюся оценку. В случае превентивных извинений Г старается, чтобы у А не сложилась возможная негативная оценка, несмотря на возможное негативное действие» [Ратмайр 2003: 62—63].

На наш взгляд, такая трактовка извинений не вполне точна. Если бы основная роль извинений сводилась к демонстрации адресату того, что говорящий признает правила вежливости, отсутствие извинений вряд ли могло бы обидеть и оскорбить первого, как это происходит в реальности.

Кроме того, мы не вполне согласны с мнением Р. Ратмайр, что чувство обиды и оскорбленности, которое испытывает пострадавший до того, как ему принесут извинения, вызвано исключительно нанесенным ему реальным ущербом (который может быть минимален). На наш взгляд, чувство обиды в такой ситуации отчасти объясняется тем, что отсутствие извинений за причиненный ущерб, каким бы незначительным ни был последний, трактуется пострадавшим как пренебрежение его чувствами.

Это связано с бифункциональностью, которая, с нашей точки зрения, присуща извинениям.

Непосредственная цель извинений имеет компенсирующий характер и состоит в смягчении эффекта нежелательного действия, которое субъект совершил или собирается совершить⁷⁸. Выполняя ритуалы извинений, субъект стремится показать, что он сожалеет об ущербе (физическом и моральном), который был (или

⁷⁸ Мы рассматриваем только «этикетные», «конвенциональные» извинения, предполагающие незначительный характер ущерба, но не «извинения по существу» (два последних термина взяты из работы [Ратмайр 2003: 52]). «Извинения по существу» предполагают со-

будет) нанесен последнему, и одновременно, посредством произнесения соответствующих формул, рассчитывает частично возместить моральный ущерб.

Однако, поскольку забота о чувствах партнера предполагает небезразличное отношение к ним со стороны субъекта, извинения выполняют еще одну функцию, а именно, демонстрируют значимость для субъекта чувств партнера, что, в конечном счете, является одной из форм демонстрации уважения к последнему. (Ср. точку зрения, высказанную в работе Т. В. Лариной, приведенную выше). Это определяет место извинений в системе правил вежливости: они являются компонентом правил позитивной уважительности.

Среди компенсирующих ритуалов выделяются реактивные — они выполняются после совершения вредоносного действия, а также превентивные — последние обычно предшествуют просьбе и содержат извинение за то, что субъект собирается причинить партнеру беспокойство. Соответственно, формулы извинений делятся на реактивные (*виноват, пардон*), превентивные (*Извините за беспокойство*) и универсальные (*извините, простите*).

Вежливость допускает выполнение обоих рассмотренных типов ритуалов. — Ср. *Он нечаянно толкнул ее и вежливо извинился; — Извините за беспокойство, вы не подвинетесь? — вежливо спросила она; Несколько дней назад я был поражен невежливостью англичан. {...} Мы ждали их несколько часов, {...} а они не только не приехали, но даже и не позвонили нам, чтобы извиниться* (Г. Вишневская, Галина. История жизни).

б) Знаки признания свободы воли партнера. Сюда относится использование таких формул вежливой просьбы⁷⁹, как *пожалуйста, если вам не трудно, будьте любезны* и пр., которые подчеркивают, что выполнение просьбы за в и с и т о т воли партнера. Ср. — *Пиши, пжалста, — сказал он с непреклонной вежливостью и сильным абхазским акцентом* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема). Таким образом, формулы вежливой просьбы могут иметь разную семантику: они могут акцентировать внимание на уважении субъекта к воле партнера (*пожалуйста, будьте любезны*), а также к его чувствам (*простите за беспокойство*).

Сюда же отчасти относятся и формулы благодарности, о которых уже шла речь выше: положительная оценка услуг партнера, содержащаяся в формулах типа *спасибо*, отчасти обусловлена представлением о добровольности действий последнего. Поэтому, в частности, формулы благодарности неуместны в ситуации, когда имело место выполнение приказа.

4) Демонстрация признания значимости времени и планов партнера.

Это предполагает отсутствие опозданий субъекта к сроку, назначенному им партнеру. Ср. *Точность — вежливость королей, — говорил он обычно своим под-*

вершенно иной характер цели: она состоит в том, чтобы адресат простил субъекта, и относится к сфере этики, а не этикета.

⁷⁹ См. об этом в статье [Гловинская 2004: 882—889].

чинным (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина); *Невежливо заставлять ждать себя; Никогда я вовремя не являлся к столу, и нужно было тысячу раз звать меня, пока я наконец отзывался. В тетрадах у меня была такая грязь, что мне самому было неприятно. Но раз уж я был невежливый, не стоило следить за чистой в тетрадах* (В. Каверин, Песочные часы).

Правила негативной уважительности имеют одно существенное отличие от позитивных правил значимости. Если нарушение первых расценивается как о с к о р б л е н и е (поскольку прототипически предполагает сознательность поведения субъекта и наличие у него желания обидеть партнера), то нарушение вторых расценивается скорее как п р е н е б р е ж е н и е последним.

Это различие является решающим, когда необходимо провести границу между двумя рассмотренными выше типами уважительности. В частности, оно помогает решить вопрос о том, к какой сфере относить некоторые правила, которые формулируются в негативной форме — например, запреты отвлекаться во время разговора, отворачиваться, избегать контакта с партнером, отвечать вопросом на вопрос или создавать неблагоприятные условия для коммуникации и пр.

Несмотря на негативную форму, мы относим все эти правила к сфере позитивной уважительности. Это связано с тем, что отклонения от правил этикета, о которых идет речь в данном случае — в отличие, например, от повышенного тона или использования грубой лексики — расцениваются в русском наивно-языковом сознании не как н а м е р е н н о е з а н и ж е н и е статуса или значимости партнера, а всего лишь как н е в п о л н е о с о з н а н н о е п р е н е б р е ж е н и е партнером, т. е. как несоблюдение позитивных правил, но не как нарушение негативных правил.

На позитивное содержание рассматриваемых правил указывает также то обстоятельство, что рассмотренные негативные по форме правила в основном в т о р и ч н ы по отношению к соответствующим позитивным правилам. Это подтверждается наличием внутреннего отрицания в семантике слов, с помощью которых формулируются указанные правила-запреты: *отвлекаться* ≈ ‘не слушать внимательно’, *отмахиваться, отворачиваться* ≈ ‘делать движения, демонстрирующие нежелание слушать партнера или общаться с ним’. Ср. также негативную семантику сочетаний *избегать контакта, обнаруживать нетерпение, не отвечать*.

Все перечисленные разновидности правил значимости являются универсальными и обязательными — ср. возможность использования при их нарушении негативных лексем *невежливо, невежливый, невежа* (см. примеры выше). Более того, иногда, когда соответствующее правило часто формулируется в негативной форме, лексема с отрицательным значением является более употребительной, чем лексема с позитивным значением — ср., например, правило желательности контакта.

3.2.1.2.2. Статусные правила

Указанные правила предполагают демонстрацию субъектом того, что статус партнера в ы ш е статуса субъекта или (реже) выше нормы.

Все правила статуса имеют две разновидности. Основная их разновидность предполагает объективную оценку субъектом реального статуса партнера — при этом, чаще всего, имеется в виду, что он выше, чем статус субъекта; ср. *Вежливо пропустить вперед старшего; Он был вежлив с пожилой няней — обращался к ней на -вы и по имени-отчеству*. Нарушение такого рода статусных правил обычно расценивается как оскорбление и ущемление достоинства партнера.

Другая, более периферийная разновидность правил статуса предполагает априорное представление о том, что статус партнера выше статуса субъекта или выше нормы, подобно тому, как правила значимости предполагают априорную оценку его значимости. Способность указывать на соблюдение таких правил сближает *вежливо* с *уважительно* и отличает их от *почтительно*: последнее из рассмотренных слов обязательно предполагает оценку реального статуса партнера и указывает на то, что либо сам этот статус, либо представление о нем субъекта высоки; ср. *почтительно обратиться на -вы к старшему*. Ср. нормальное *вежливо* (*уважительно*) *обратиться на -вы к юноше* при странном *почтительно обратиться на -вы к юноше*.

Нарушение априорных статусных правил обычно не вызывает представления об оскорблении.

Если правила значимости можно отнести к разряду стандартной позитивной уважительности, поскольку они акцентируют внимание на соответствии значимости партнера стандарту, то правила статуса могут быть названы правилами повышенной позитивной уважительности, поскольку их основная разновидность предполагает подчеркивание статусного преимущества партнера перед субъектом.

Статусные правила всегда реализуются при общении на социальной дистанции и являются компонентом повышенного этикетного регистра, тогда как использование всех остальных рассмотренных правил уважительности предусматривается также стандартным регистром этикета.

1) Статусные правила, регламентирующие речевую манеру субъекта (правило речевого маркирования статуса партнера).

Сюда относится, прежде всего, требование обращаться к адресату на *-вы* и по имени-отчеству (в случае, если он и субъект находятся в недостаточно близких отношениях). При этом следует отметить, что в сфере позитивной вежливости маркированным членом *ты/вы*-оппозиции являются *вы*-формы, немаркированным — *ты*-формы.

Вы-формы выполняют одновременно две основные функции.

Во-первых, они являются показателем наличия значительной горизонтальной дистанции между участниками общения; ср. нетипичность в современном языке использования *вы*-форм при обращении детей к родителям, несмотря на более высокий статус последних.

Во-вторых, *вы*-формы являются показателем вертикальной (статусной) дистанции, маркируя высокий статус партнера в возрастной или, что не-

сколько менее типично, социальной иерархии⁸⁰; ср. неуместность использования этих форм при обращении к ребенку или подростку, даже если между ним и субъектом отсутствуют близкие отношения.

Таким образом, *вы*-формы одновременно принадлежат как к сфере негативной вежливости (в качестве знака дистанции), так и к сфере позитивной вежливости (в качестве знака статуса).

При этом изначально обращение на *-вы* в русском языке, как и в других европейских языках, функционировало как показатель статуса⁸¹ и лишь позже получило функцию показателя дистанции, что подтверждает его внутренняя форма. Закрепление *вы* в последнем качестве связано с тем, что при увеличении горизонтальной дистанции возникает необходимость использования повышенного регистра этикета, который требует подчеркивания статуса партнера. Кроме того, по мнению В. И. Карасика, обращение на *-вы* в ситуации отсутствия знакомства может быть вызвано неопределенной статусной индикацией участников ситуации, приводящей к тому, что последние стремятся четко обозначить свой статус и статус партнера. И, наоборот, обращение на *-ты* при наличии близкого знакомства является следствием нейтрализации статусного различия между партнерами по общению и служит знаком принадлежности к единой общности; ср. [Карасик 2002: 263].

В случае, когда *вы*-формы используются при обращении к тому, чей статус выше статуса говорящего, на первый план выходит их статусная функция (хотя они одновременно выполняют и функцию маркирования горизонтальной дистанции).

В этом случае имеет место реальная оценка статуса партнера: *вы*-формы указывают на то, что статус партнера в социальной или (что особенно часто) возрастной иерархии выше статуса субъекта; ср. *Он был вежливым ребенком, обращался к взрослым на «вы» и по имени-отчеству; Он всем вокруг «тыкал», только со своим начальником был неизменно вежлив: всегда обращался к нему на «вы».*

В случае, когда *вы*-формы используются в ситуации равенства статусов (или при обращении к тому, чей статус ниже статуса говорящего), на первый план выходит их функция маркеров горизонтальной дистанции. При этом статусная функция сохраняется, однако в этом случае имеет место не реальная оценка статуса, а его априорная оценка: *вы*-формы служат знаком того, что статус партнера, пусть незначительно, но выше нормы. Ср. *Он был неизменно вежлив с сослуживцами, обращался ко всем на «вы» и по имени-отчеству; Он был безупречно вежлив со своим шофером, обращался к нему на «вы»; Он сбился, не зная, как обращаться к коту, на «ты» или на «вы», — Вы — тот самый кот, что садились в трам-*

⁸⁰ Помимо этого, они выполняют ряд второстепенных функций: указание на официальность ситуации, на сдержанные отношения между коммуникантами (см. об этом в работе [Формановская 87]), а также на отсутствие принадлежности адресата к личной сфере говорящего, которая не обязательно связана с характером отношений между ними (см. об этом в статье [Апресян 1986а]).

⁸¹ См. об этом в работах [Карасик 2002: 198] и [Brown, Gilman 1979: 254, 257].

вай? — Я, — подтвердил польщенный кот и добавил: приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Все сказанное о *вы*-формах относится также к обращению по имени-отчеству, с той лишь разницей, что оно в современном словоупотреблении чаще используется, когда статус партнера выше статуса субъекта, и, наоборот, менее уместно при противоположном соотношении статусов. (См. об этом также в работе [Земская 1997]).

Теперь рассмотрим степень обязательности использования *вы*-форм.

Во-первых, как уже говорилось, они являются обязательными в качестве элемента негативной уважительности, когда выступают в качестве альтернативы *ты*-грубому. Индикатором этого типа употреблений *ты*-форм является указание на какие-л. другие проявления агрессии, облегчающие интерпретацию *ты*-форм как показателя активно-неуважительного поведения — повышенный или пренебрежительный тон, грубую или вульгарную лексику. Ср. — *Чего тебе надо? — Однако вы невежливы. Кто вам позволил говорить мне «ты»?*

Однако в сфере позитивной уважительности, о которой в данном случае идет речь, использование *вы*-форм (как и обращения по имени-отчеству) с точки зрения правил вежливости, является в целом *необязательным*.

Так, человека, который обращается к старшему по статусу на *-ты*, мы назовем не *невежливым*, а скорее *невоститанным* (если между ним и адресатом есть существенная разница в возрасте) или же *неотесанным* (если адресат выше субъекта по социальному положению)⁸²; кроме того, в обоих случаях уместно слово *невежа*. Тем самым мы невольно интерпретируем рассматриваемое поведение не как намеренную невежливость, а как следствие неумения вести себя, незнания тонкостей вежливого поведения, что предполагает некоторое смягчение оценки.

В ситуации равенства статусов или при обращении к тому, чье социальное положение ниже, чем социальное положение субъекта, использование *ты*-формы при отсутствии близких отношений с адресатом тоже вряд ли может интерпретироваться как *невежливость*. Поведение человека, который обращается на *-ты* к соседу по купе или подчиненному, естественнее назвать *фамильярным* или *бесцеремонным*, чем *невежливым*. Это может объясняться тем, что в ситуации равенства статусов или при преимуществе говорящего оппозиция *ты* / *вы* обслуживает в первую очередь противопоставление «персональная / социальная дистанция», а маркирование горизонтальной дистанции, как и все, что связано со стратегиями отдаления, является для русских наивных представлений о вежливости второстепенным и необязательным. По этой причине в данной ситуации слово *невежливый* выглядит неуместным, и, наоборот, слова *бесцеремонный*, *фамильярный*, указывающие на нарушение горизонтальной дистанции, вполне естественны.

Наконец, при обращении к тому, чей статус в возрастной иерархии значительно ниже, чем статус самого субъекта — а именно, при обращении по-

⁸² В этом случае субъекта можно назвать также *дерзким* или *непочтительным*.

жилого человека к молодому, *ты*-форма вообще может рассматриваться как нормативная, даже при отсутствии между ними близости.

Это объясняется свободой старшего по возрасту участника общения в выборе дистанции, о которой уже говорилось выше. Кроме того, допустимость «отеческого» *ты* даже при отсутствии близких отношений связана еще и с тем, что из всех возможных функций *вы*-форм превалирующей является функция маркирования возрастного преимущества адресата, поэтому при обращении к младшему использование *ты*-форм является вполне нормативным.

2) Статусные правила, регламентирующие содержание действий субъекта (правила статусных движений).

Эти правила требуют, чтобы субъект совершал разнообразные движения, маркирующие статус партнера по общению — выполнял асимметричные жесты приветствия и прощания, вставал, разговаривая с партнером, пропускал его вперед или уступал место. (См. об этом в разделе 1.7.1.2.)

Статусные правила, регламентирующие двигательную активность, чаще всего предполагают оценку реального соотношения статусов коммуникантов: не случайно они более уместны, когда статус партнера выше статуса субъекта.

При этом рассматриваемые правила отличаются от речевых статусных правил набором иерархий, которые они предписывают учитывать. В силу близости статусных движений к услугам, они чаще всего маркируют преимущество партнера в возрастной и гендерной (но не социальной) иерархии, а также преимущества, связанные с ролью в ситуации. Поэтому *вежливо* в рассматриваемых контекстах чаще всего описывает поведение мужчины с женщиной, молодых людей с людьми пожилого возраста, хозяина с гостем; ср. стандартное *Он вежливо пропустил женщину (пожилого мужчину) вперед; Игорь (...) открыл дверь и вежливо пропустил гостя вперед* (А. Маринина, Стечение обстоятельств); *Он вежливо поднялся, уступая место женщине (пожилому человеку); Ирина подошла к Ивану и спросила о его здоровье. Несмотря на больную ногу, Иван вежливо поднялся — он считал неудобным сидеть, если женщина (пожилой человек, гость) стоит; Он вежливо встал, приветствуя вошедшую женщину; Он вежливо поклонился даме.*

Однако рассматриваемый тип статусных правил, как разновидность *вежливости*, допускает и априорную оценку статуса партнера. На это указывает возможность использования *вежливо*, когда субъект выполняет статусные движения в ходе общения с равным по статусу.

Ср. следующие примеры, когда партнер по общению никак не охарактеризован, или же не попадает ни в одну из указанных выше привилегированных групп (женщины, пожилые люди, гости): *В дверях он вежливо пропустил собеседника вперед; Они притормозили, вежливо пропуская последний вагон* (Б. Штерн, Записки динозавра); *В феврале 1963 года по той же самой лестнице, но в вежливом сопровождении полковника-парторга, пришлось подняться и мне* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *При появлении Живаго он вежливо приподнялся и переменил*

свою полулежащую позу на более приличную сидячую (Б. Пастернак, Доктор Живаго). При этом, в отличие от речевых статусных знаков (и, в первую очередь, от *вы*-форм), статусные движения в качестве знаков вежливости носят менее универсальный характер. В частности, как уже отмечалось, они тяготеют к ситуации, когда этикетное действие направлено «с низу вверх», и существенно реже используются в ситуации равенства статусов, что отличает их и от *вы*-форм, и от обращений по имени-отчеству. Указанное различие связано с тем, что для рассматриваемых движений функция статусных знаков является единственной, тогда как *вы*-формы одновременно маркируют горизонтальную дистанцию.

Направленность этикетного действия «снизу вверх» является одновременно условием обязательности статусных движений, как знаков вежливости, при том, что в остальных случаях они носят факультативный характер. Так, негативные лексемы *невежливо* и *невежа* могут указывать на отсутствие выполнения субъектом рассматриваемых правил только в том случае, когда в качестве партнера выступает представитель одной из названных выше приоритетных групп. В частности, мы можем назвать *невежливым* или *невежей* мужчину, который не пропустил вперед женщину, пожилого человека или гостя, или же сидя разговаривает с последним, несмотря на то, что тот стоит. При этом мы вряд ли назовем *невежливым* или *невежей* мужчину, который не пропустил вперед другого мужчину одного с ним возраста, или же сидя разговаривает с ним (если только последний не является его гостем); см. об этом также ниже.

Итак, статусные правила носят либо необязательный характер (обращение на *-вы* и по имени-отчеству), либо избирательный, неуниверсальный характер (статусные движения). Это можно расценивать как подтверждение меньшей обязательности такого рода правил, по сравнению с остальными правилами уважительности, в том числе, правилами значимости. Можно предположить, что причина такой необязательности — в том, что маркирование статуса партнера для правил вежливости является второстепенным, периферийным смыслом.

3.2.1.3. Уважительность в составе вежливости и в этике общения

Правила уважительности, предусматриваемые вежливостью, существенно отличаются от правил, представленных в этике общения. Это показывает сравнение слова *уважительно* и его дериватов со словом *вежливо* и пр. в тех значениях, в которых последние указывают на наличие / отсутствие демонстрации уважения к партнеру.

1) Прежде всего, лексема *вежливо* и пр., в связи с принадлежностью к сфере этикета (и, вдобавок, к его наиболее формализованной области), всегда указывает на соблюдение определенного кодекса стандартных правил, тогда как для *уважительно* это не обязательно. Так, фраза *Он вел себя с родителями жены чрезвычайно уважительно* может означать, например, что он замолкал, когда они вступали в разговор, внимательно их слушал, считался с их мнениями и т. п. Между

тем, фраза *Он вел себя с родителями жены чрезвычайно вежливо* указывает прежде всего на то, что он соблюдал стандартные правила вежливости: здоровался при встрече с ними, обращался к ним на *-вы* и пр.

2) Хотя и *уважительно*, и *вежливо* допускают демонстрацию значимости партнера, они различаются основанием оценки и ее интенсивностью. В случае *уважительно* позитивная оценка значимости партнера может базироваться на оценке его реальных достоинств; в этом случае значимость партнера оценивается не как стандартная, а как существенно превосходящая норму. Такая оценка значимости предполагает скорее персональную, чем социальную дистанцию между коммуникантами.

Между тем, в случае *вежливо* оценка значимости всегда носит абстрактный и априорный характер и базируется на представлении о значимости любого члена общества; ценность партнера при этом приравнивается к стандарту. Ср. нормальное *В свои восемь лет он добился таких успехов, что взрослые пловцы обращались с ним уважительно, как с равным*; в этом контексте *вежливо* было бы неуместно.

3) Еще одно различие между *вежливо* и *уважительно* (а также *невежливо* и *неуважительно*) состоит в отсутствии симметрии между их семантикой. В частности, как *уважительно*, так и *вежливо* предполагают, во-первых, соблюдение постулата одобрения и, во-вторых, соблюдение постулата согласия⁸³ — выражение согласия с мнением партнера, а также отсутствие отказов в ответ на просьбу и предложение.

Однако, вопреки ожиданиям, в рамках вежливости указанные проявления частично переосмысляются: они превращаются из атрибутов уважительного поведения в атрибуты любезного поведения, которое требует, чтобы субъект стремился вызвать у партнера положительные эмоции. Ср. *Он уважительно кивал, слушая ее*; *Он вел себя уважительно — во всем с ней соглашался, одобрял все, что она говорила* [субъект своим поведением демонстрирует признание статуса и значимости партнера] VS. *Он вежливо кивал, слушая ее*; *Он вел себя вежливо — во всем с ней соглашался, одобрял все, что она говорила* [субъект скорее демонстрирует готовность сделать партнеру приятное, чем признание его статуса]. Ср. также *В гостях он был раздражен, ко всему придирался, из-за каждого пустяка норовил затеять спор. Такое поведение показалось всем невежливым* [в этом случае актуально соблюдение правил любезности, поэтому здесь скорее уместно прилагательное *невежливое*, но не *неуважительное*]. Можно предположить, что постулат согласия накладывает слишком серьезные содержательные ограничения на поведение субъекта, вступающие в противоречие с формальным характером правил вежливости, поэтому не входит в ядро вежливости, которое составляют правила уважительности, а отступает на периферию — в сферу правил любезности. Исключение составляет нарушение «негативной» разновидности постулата согласия,

⁸³ Ср. работы [Leech 1977, 1983].

которая запрещает младшим критиковать поведение старших: указанное поведение воспринимается как занижение статуса партнера и расценивается скорее как нарушение правила уважительности, чем как нарушение правила любезности; ср. *Делать замечания старшим невежливо*.

4) Далее, *вежливо* и *уважительно* различаются формой проявления уважительного отношения к партнеру. Если в случае *уважительно* это отношение проявляется прежде всего на уровне *манеры* субъекта обращаться с партнером или же на уровне коммуникативных стратегий, то в случае *вежливо* в функции знаков этого отношения могут выступать также различные *ритуализованные* действия, а также некоторые *услуги*.

Однако и на уровне манеры *уважительно* и *вежливо* различаются между собой. Ср. *вежливо спросить* и *уважительно спросить*, *вежливо выслушать* и *уважительно выслушать*: несмотря на смысловую близость этих сочетаний, полная идентичность между *вежливо* и *уважительно* в них отсутствует, что отражает факт несовпадения правил уважительности в этике общения и в этикете.

5) Для *уважительно*, по сравнению с *вежливо*, более существенную роль играет *тон* и *мимика*. Ср. *вежливо попросить* [имеется в виду прежде всего использование специальных формул вежливости, типа *пожалуйста*] и *уважительно попросить* [помимо всего прочего, имеется в виду особый тон]; ср. также *вежливо выслушать* [не перебивая и не отвлекаясь на посторонние занятия] и *уважительно выслушать* [не только не перебивая, но сохраняя серьезное выражение лица].

Это связано с тем, что *уважительно*, как слово, принадлежащее к сфере этики общения, а не к сфере этикета, обозначает проявления *внутреннего* отношения к партнеру, которое чаще всего выражается в *тоне* и *мимике*.

Между тем, *вежливо*, как уже отмечалось, предполагает использование *формальных знаков уважительности*, большинство из которых связано не с *тоном* или *мимикой*, а с *речевым поведением* или *движениями*.

6) Кроме того, рассматриваемые слова различаются соотношением в их семантике позитивных и негативных элементов. *Уважительно* всегда предполагает *позитивную* оценку партнера — его значимости и статуса. Между тем, в семантике *вежливо* решающую роль играют *негативные* элементы: центральным смыслом для *вежливо* является *отсутствие* выражения *негативной* оценки статуса и значимости партнера.

Из-за своей позитивной семантики *уважительно* не используется в ситуации, когда субъект совершает что-л. *неприятное* для партнера. Между тем, для *вежливо* (подобно *деликатно*) такое употребление является вполне нормальным — в этом случае *вежливо* указывает на сдержанность субъекта, отсутствие проявления негативного эмоционального отношения к партнеру в его манере держаться с ним). Ср. *Он вежливо отказался пойти с ними (вежливо возразил преподавателю)*; — *Не могу, ты уж не сердчай*, — *вежливо отказался большак* (Б. Васильев, *Вы чье, ста-*

ричье?); *Она вежливо выпроводила гостя (отшила навязчивого ухажера)*; *Полесов вежливо высвободился, отошел немного в сторону*⁸⁴ (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев); *Я его, разумеется, вежливо выставил* (Ю. Трифонов, Обмен).

Более того, *вежливо* оказывается возможным, когда субъект хотя и соблюдает правила вежливости, в то же время обнаруживает отсутствие подлинного интереса и симпатии к партнеру по общению или даже отрицательные чувства и пренебрежительное отношение к нему. Ср. сочетания *вежливо и равнодушно*, *вежливо и презрительно*, *вежливо и насмешливо*; ср. также *Некий товарищ Сметанин — вежливо издевался над ее предложением, а в конце даже слегка пристыдил* (Г. Щербакова, Отчаянная осень); — *Почему вы отказываетесь отвечать на мои вопросы? — Если вам угодно знать, — вежливо и презрительно отвечал Шахов, — то именно потому, что эти вопросы задаете мне вы* (В. Каверин, Девять десятых судьбы); *Старик же вежливо улыбался — слишком вежливо, и это было еще страшнее* (Л. Петрушевская, Маленькая волшебница).

С различием в характере семантики связано различие в форме правил и внешних проявлений: *уважительно* предполагает главным образом положительные по форме проявления — серьезный и значительный тон, серьезное выражение лица, выражение согласия с партнером, а также выражение одобрения в его адрес.

Между тем, для *вежливо* в соответствующих употреблениях очень характерны негативные по форме правила и, соответственно, негативные проявления — отсутствие грубых слов, повышенного тона, обращений типа «он», оскорбительной позы — спиной к партнеру и пр. Ср. различие между *уважительно разговаривать* [акцент на серьезном и значительном тоне] и *вежливо разговаривать* [акцент на отсутствии грубых слов, повышенного тона].

Негативность семантики *вежливо*, по сравнению с *уважительно*, может быть связана с тем, что правила *вежливости* при своем синкретизме характеризуются минимализмом и элементарностью. Кроме того, указанное свойство может быть связано с некоторыми особенностями русского наивного этикета и, в частности, представлений о вежливости.

Описывая различия между русской и английской коммуникативной вежливостью, Т. В. Ларина отмечает, что если большинство англичан характеризуют вежливость через утвердительную форму, то большинство русских делают это через отрицание (вежливое поведение — отсутствие грубости); в результате русская вежливость — это прежде всего соблюдение (= ненарушение) правил поведения, тогда как английская вежливость — демонстрация уважения и внимания.

Она связывает это с первичностью для англичан позитивной вежливости, которая для русских вторична. (См. о причинах этого выше).

⁸⁴ В данном случае в поведении субъекта можно одновременно усматривать и демонстрацию уважения, и демонстрацию деликатности.

Мы абсолютно согласны с этим; по нашим наблюдениям, негативные стратегии в русском наивном этикете, в отличие от этики общения, преобладают над позитивными. Это касается, в частности, наивно-этикетных представлений о вежливости, ядром которых являются негативные стратегии, точнее, те из них, которые направлены на защиту социального имиджа партнера и реализуются в виде правила отсутствия активной неуважительности.

Теперь рассмотрим остальные разновидности правил вежливости, не сводимые к демонстрации уважения.

3.2.2. ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ДЕМОНСТРАЦИЯ ДЕЛИКАТНОСТИ И ТАКТА

Хотя деликатность и такт очень близки между собой, в тех случаях, когда они различаются, правила вежливости чаще предполагают демонстрацию деликатности, но не такта. Это проявляется в том, что *вежливо* в указанном значении часто допускает замену на *деликатно* (но не на *тактично*). Ср. *вежливый шепот*, *вежливо подвинуться*, *вежливо отойти в сторону*; во всех этих контекстах *вежливо*, *невежливо* более естественно заменить на *деликатно*, *неделикатно*, чем на *тактично*, *бестактно*.

Более значительная роль, которую играет в сфере этикета деликатность по сравнению с тактом, представляется нам вполне закономерной. В силу того, что этикетные правила предписывают демонстрировать тот или иной тип отношения к партнерам по общению, для этикета понятие деликатности является более актуальным, чем понятие такта. Это связано с тем, что, как уже отмечалось выше, деликатность представляет собой бережное отношение к чувствам партнера, тогда как такт скорее представляет собой некую способность избегать того, что может быть неприятно другим.

Кроме того, как уже говорилось, деликатность, в отличие от такта, чаще проявляется во внешних аспектах поведения, которые как раз и регламентируются этикетом.

Правила деликатности, как составляющая часть вежливости, предписывают демонстрировать бережное отношение к чувствам других людей.

Так же как и в сфере этики общения, в сфере вежливости выделяются две разновидности правил деликатности, различающихся по своему содержанию⁸⁵.

3.2.2.1. Правила деликатности, имеющие однозначно негативное содержание

Указанные правила предписывают субъекту избегать всего, что может вызвать у партнера отрицательные эмоции или неприятные ощущения. В зависимости от типа эмоции выделяются три типа правил.

⁸⁵ Что касается формы, то правила деликатности в составе вежливости, как и в составе этики общения, допускают и правила-запреты, и правила-предписания, причем последние имеют одни и те же разновидности. В этом смысле *вежливо* практически копирует *деликатно*.

1) Отсутствие поведения, которое могло бы смутить партнера и поставить его в неловкое положение, а также использование специальных знаков, демонстрирующих желание субъекта избежать этого.

Поскольку на формальном, этикетном уровне смущение и неловкость часто бывают вызваны действиями, которые угрожают территории партнера, а именно — вторжением в его личную сферу, рассматриваемая разновидность правила деликатности предполагает использование негативных стратегий отдаления, накладывающих запрет на такое поведение.

В центре последних — запрет открыто обнаруживать внимание к партнеру или интерес к нему. При этом речь идет прежде всего о маскировке «зрительного» внимания; ср. *Показывать пальцем на прохожих (Разглядывать посторонних людей в упор) невежливо*.

Помимо этого, рассматриваемая разновидность правил деликатности допускает использование ряда знаков, подчеркивающих нежелание субъекта смущать партнера, и нейтрализующие угрозы его территории.

Сюда относятся движения, имеющие целью прекращение фиксации взгляда на партнере (ср. *вежливо отвернуться*), а также звуковые знаки, с помощью которых субъект предупреждает о своем намерении проникнуть на территорию партнера — стук или покашливание⁸⁶. Ср. *Он стал снимать мокрую одежду. Она вежливо отвернулась; Ходеряхин тонко и грустно улыбался, Краснов вежливо глядел в пол* (В. Дудинцев, Белые одежды). Среди разновидностей рассмотренного правила деликатности обязательной является только та, которая запрещает открыто обнаруживать внимание к партнеру (ср. использование негативных лексем, указывающих на его нарушение; см. выше).

Те правила, которые требуют использовать звуковые знаки-предупреждения, является факультативными, ср. странное *Он вел себя невежливо — входил в комнату без стука*. Ср. также нормативность фраз *Он вел себя неделикатно — входил в комнату без стука*.

2) Отсутствие поведения, которое могло бы обидеть партнера, а также демонстрация субъектом своего желания избежать этого.

Поскольку обида обычно вызвана действиями, наносящими ущерб социальному имиджу партнера, рассматриваемая разновидность правил деликатности предполагает использование негативных стратегий, направленных на защиту последнего.

К ним относится запрет говорить партнеру что-л. нелicenseприятное, а также в разговоре с ним (или в его присутствии) касаться тем, которые могут его обидеть или задеть. Ср. *Невежливо называть даму, пусть и пожилую, бабушкой*

⁸⁶ При этом другой стандартный способ нейтрализации угроз для территории субъекта — выполнение словесных ритуалов, содержащих запросы о разрешении, для *вежливости* нехарактерен.

(А. Житинский, Параллельный мальчик); *Напрасно ты стала при нем говорить, что тебе не нравятся мужчины маленького роста. Это было не очень-то вежливо, учитывая, что его рост метр пятьдесят.*

Кроме того, указанное правило предписывает использование тактики намеков и обиняков, в случае, если субъект все же вынужден затрагивать темы, травмирующие партнера. Таким образом субъект смягчает ущерб, наносимый социальному имиджу партнера. Ср. *Первое время я вежливо намекал авторам, что сочинительство требует некоторых природных способностей и даже грамотности* (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура); *Как же вести себя с ней? Закреплять знакомство и договариваться о следующем свидании? Или вежливо дать понять, что первая встреча будет и последней?* (А. Маринина, Мужские игры); *Я пожилой, вежливый человек, мне трудно сказать вам это прямо в глаза* (Е. Шварц, Дракон).

При этом та разновидность правила, которая запрещает касаться щекотливых тем (например, высказываться по поводу внешности или возраста партнера), является более обязательной, тогда как вторая его разновидность, требующая использования тактики намеков, менее обязательна. Ср. не вполне стандартное *Он прямо сказал молодому автору, что у него нет литературного таланта. Тот счел его невежливым.*

3) Отсутствие действий, которые могли бы доставить партнеру физические неудобства и различные неприятные ощущения — физические, звуковые, обонятельные и пр. — или же помешать ему делать что-л., а также демонстрация субъектом своего желания избежать всего, что может оказать такого рода воздействие на партнера.

Рассматриваемое правило имеет некоторое отношение к стратегиям отдаления — прежде всего, к той их разновидности, которая запрещает ограничивать свободу партнера.

Указанное правило предполагает воздержание субъекта от общения с партнером, которое может помешать последнему — отсутствие выражения нетерпения, когда партнер занят чем-л., воздержание от действий, которые могут отвлечь партнера от его занятий. Ср. *Он вежливо подождал перевод* (В. Войнович, Москва 2042); *Иоганн Паткуль вежливо ждал, когда царь закурит* (А. Толстой, Петр Первый); *Он вежливо подождал, пока она кончит приводить себя в порядок (кончит уборку, кончит говорить по телефону).*

Кроме того, рассматриваемое правило предполагает выполнение некоторых действий и использование ряда специальных знаков, демонстрирующих заботу о партнере. К ним относится негромкая речь (ср. *В комнате начальника все разговаривали вежливым шепотом*), а также некоторые движения.

Среди последних выделяются два типа.

Движения первого типа имеют целью прекращение физического контакта с партнером, нежелательного для него; ср. *Он вежливо отодвинулся, чтобы ей было посвободнее; Он вежливо отошел в сторону, чтобы не мешать ей разговаривать.*

Движения второго типа имеют целью предотвращение физического ущерба, который могут нанести партнеру действия субъекта; ср. *Он вежливо придержал дверь, чтобы она не ударила того, кто шел сзади*. Правило, предписывающее выполнение такого рода действий, одновременно относится и к сфере деликатности, и к сфере негативной уважительности, поскольку предполагает нейтрализацию угроз статусу партнера. Отсутствие соответствующих действий расценивается как занижение статуса партнера и проявление активной неуважительности. В данном случае, как и в случае *вежливо подать книгу VS. невежливо швырнуть книгу*, резкие, размашистые и небрежные движения ассоциируются с неуважением к партнеру, с низкой оценкой его статуса.

Большинство разновидностей указанного правила являются **необязательными** — человека, который не двигается с места, хотя видит, что он мешает соседу, мы вряд ли назовем *невежливым*, как и человека, который разговаривает слишком громко или отвлекает партнера от каких-л. дел. Исключение составляет та разновидность правила, которая предписывает заботиться о том, чтобы случайно не травмировать партнера: так, поведение человека, который при входе в метро сильно толкает дверь и не придерживает ее, можно назвать *невежливым*. Рассматриваемое правило соприкасается с правилами негативной уважительности.

3.2.2.2. Квазипозитивные, или эмотивные, правила деликатности

Указанные правила предписывают субъекту демонстрировать партнеру понимание его чувств и «эмоциональную солидарность» с ним.

Выделяются два типа рассматриваемого правила.

1) Демонстрация того, что субъект уважает и отчасти разделяет чувства, которые испытывает партнер — как отрицательные, так и положительные. Знаками этого являются такие внешние проявления эмоций, как молчание, вздох, улыбка. Ср. — *А где твой отец? — Умер. Он вежливо помолчал (вежливо вздохнул); Увидев, что все смеются, он тоже вежливо улыбнулся*.

2) Демонстрация субъектом понимания того, какой эмоциональной реакцией ждет от него партнер, и готовности продемонстрировать указанные чувства⁸⁷ — как правило, удивление или, реже, радость. При этом допустима словесная и мимическая реакция. Ср. *Начальники, в общем-то, милые люди, вежливо всему удивлялись и говорили: вот она, молодежь, все у них по-новому, современные вкусы* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко); — *Не может быть! — вежливо удивилась она; Она вежливо подняла брови; Он должен был во что бы то не стало вызвать на лице незнакомца улыбку, хотя бы вежливую* (А. и Б. Стругацкие, Попытка к бегству).

⁸⁷ Поскольку в этом случае субъектом движет желание сделать партнеру приятное, можно считать, что указанное правило одновременно относится к правилам любезности.

Указанное правило, единственное из рассмотренных, предполагает скорее демонстрацию такта, чем деликатности. Это проявляется, в частности, в том, что ни в одном из перечисленных примеров *вежливо*, *вежливый*, не заменяются на *деликатно*, *деликатный*, тогда как наречие *тактично* в некоторых из этих фраз — например, в первой из них — оказывается вполне уместным.

Обе разновидности правила эмотивности носят факультативный характер: если человек, столкнувшись с проявлением эмоций партнера, остается безучастным и никак, даже формально, не показывает, что он разделяет их, мы вряд ли назовем его *невежливым*⁸⁸. (В случае, если человек обнаруживает безразличие к отрицательным эмоциям партнера, мы скорее назовем его черствым.)

Итак, степень обязательности правил деликатности зависит от следующих факторов:

1) Негативное или позитивное содержание правила: негативная деликатность более обязательна, чем позитивная.

2) Негативная или позитивная форма правила: правила-запреты более обязательны, чем правила-предписания. При этом содержание является более значимым, по сравнению с формой: правило, требующее молчания как знака уважения к скорби партнера (позитивное по содержанию, но негативное по форме) является факультативным.

3) Характер воздействия на партнера, которого субъект хотел бы избежать: правила, запрещающие оказывать неблагоприятное физическое воздействие на партнера, обязательны, даже если они имеют позитивную форму (ср. обязательность правила, требующего, чтобы субъект придерживал за собой дверь).

4) Характер используемых стратегий. Правила, которые предполагают использование негативных стратегий, направленных на защиту социального имиджа партнера (в том числе, его статуса), носят обязательный характер. Между тем, правила, которые предусматривают использование стратегий, направленных на защиту территории, обычно факультативны. (Исключение составляют только правила, запрещающие проявлять навязчивое зрительное внимание к партнеру — они носят более или менее обязательный характер.)

3.2.2.3. Деликатность в составе вежливости и в этике общения

Как можно было убедиться, правила уважительности в составе вежливости существенно обогащаются, по сравнению с аналогичными правилами в сфере этики,

⁸⁸ На первый взгляд, этому противоречат случаи типа *У нас гости, все веселятся, а он сидит с каменным лицом. С его стороны это просто невежливо*. Однако это противоречие является мнимым. В данном случае отсутствие солидарности с весельем окружающих представляет собой не только нарушение правил деликатности, но и нарушение правил любезности, требующих, чтобы субъект старался быть приятным окружающим. В ситуации «светского общения», описываемых в рассматриваемых фразах, указанные правила являются обязательными; ср. ниже описание правила любезности.

что обусловлено центральной ролью, которую играет уважительность в рамках вежливости.

Между тем, в сфере правил деликатности ничего подобного не происходит. В этой области правила вежливости очень близки к правилам, восстанавливаемым для этики общения, что проявляется в близости *вежливо*, *невежливо* к *деликатно*, *неделикатно* в соответствующих контекстах.

Различия между указанными лексемами (и, соответственно, между правилами вежливости и правилами деликатности) носят частный характер.

1) Для правил *вежливости* нехарактерна та составляющая *деликатности*, которая предполагает использование стратегий отдаления: это проявляется не только в употреблении негативных лексем *невежливо*, *невежливый*, но и в употреблении позитивных лексем *вежливый*, *вежливо*. Ср. неестественность использования *вежливо*, когда субъект избегает несанкционированного вторжения в личную сферу партнера, или же вторгается в его физическое пространство; ср. прагматически неестественное *Он вел себя чрезвычайно вежливо — не задавал нескромных вопросов; Он из вежливости не стал входить, а остался за дверью* при нормальном *Он вел себя чрезвычайно деликатно — не задавал нескромных вопросов; Он из деликатности не стал входить, а остался за дверью*. Ср. также не вполне удачный пример *Врываться ночью к девушке невежливо* при нормальном *Врываться ночью к девушке неделикатно*.

2) При указании на стремление субъекта не смущать партнера, вызванное соображениями деликатности, *вежливо* делает акцент прежде всего на маскировке «зрительного» внимания.

При этом отсутствие неуместного интереса к партнеру на уровне речевого поведения (в частности, отсутствие расспросов) для *вежливо* менее актуально, по сравнению с *деликатно*. Поэтому, в частности, человека, который делает вид, что не заметил оплошности другого, и избегает обсуждать ее, мы назовем *хорошо воспитанным* или *деликатным*, но не *вежливым*. На уровне речевого поведения для *вежливо* более актуально соблюдение стратегий деликатности, которые предписывают избегать того, что может обидеть партнера.

3) Хотя и *вежливо*, и *деликатно* допускают выполнение движений и перемещений, символизирующих отсутствие угроз территории партнера со стороны субъекта (ср. *вежливо* <деликатно> *отвернуться* <отойти в сторону>)), в ситуации, когда речь идет об уходе из помещения, где находится партнер, *вежливо* не используется; ср. странное *Он вежливо вышел* при нормальном *Он деликатно вышел*. Возможно, это связано с тем, что такого рода действия, в отличие от жестов, движений и локальных перемещений, имеют отношение не столько к внешней форме поведения, сколько к сфере поступков.

4) Еще одно частное различие между рассматриваемыми словами состоит в том, что слова *вежливо* и пр., как уже говорилось, характеризуют обращение субъекта

с партнером, что предполагает наличие непосредственного контакта между ними. Между тем, для *деликатно* и его дериватов контакт не обязателен — они могут использоваться, когда субъект избегает входить в чужое жилище, трогать чужие вещи. Ср. *Он как человек деликатный не решился войти к ней комнату в ее отсутствие*; ср. также уже рассмотренный выше пример *Он вел себя деликатно — трусики в цветочек, обнаруженные под кроватью, трогать не стал*; *вежливо* здесь было бы неуместно. Таким образом, *деликатно* может описывать как обхождение субъекта с партнером, так и его манеры, тогда как для *вежливо* второе нехарактерно.

5) В случае *вежливо*, в отличие от *деликатно*, солидарность субъекта с чувствами партнера может распространяться не только на отрицательные, но и на положительные эмоции. Такого рода усиление «позитивной» составляющей в представлениях о деликатности, входящих в состав вежливости, может являться результатом влияния других типов употреблений *вежливо*, *вежливый*, в которых эти слова указывают на следование позитивным стратегиям. Ср. нормальное *Выслушав его восторженную тираду, она вежливо улыбнулась*; замена *вежливо* на *деликатно* в этом контексте нежелательна или же приводит к изменению значения.

6) Хотя наречие *деликатно* может указывать на то, что субъект стремится не доставлять партнеру неприятных ощущений, оно редко употребляется в ситуации, когда цель субъекта — не мешать партнеру, т. е. не создавать физических препятствий для его деятельности. Ср. следующие примеры: *Он деликатно отошел в сторону, чтобы не мешать им копать*; *Иоганн Паткуль деликатно ждал, когда царь закурит*; *Он деликатно подождал, пока она кончит уборку*. *Деликатно* во всех этих контекстах либо выглядит неуместным, либо вносит особый семантический оттенок, указывая на то, что субъект старается не смущать партнера.

Между тем, для *вежливо* указанный тип употреблений достаточно характерен. Даже в том случае, когда *вежливо* указывает на ограничение громкости звуков, оно предполагает, что громкие звуки не столько неприятны партнеру сами по себе, сколько мешают ему делать что-л. Ср. более типичное *В те часы, когда отец работал у себя в кабинете, все разговаривали вежливым шепотом* при менее типичном *Когда у отца болела голова, все разговаривали вежливым шепотом*.

Актуальность для этикетных представлений о деликатности, входящих в состав вежливости, правил, запрещающих создавать препятствия для действий партнера, на наш взгляд, не случайна. Это правило находит поддержку в сфере правил уважительности, поскольку запрет мешать партнеру отчасти связан с признанием значимости его деятельности, что может являться одним из проявлений уважения.

3.2.3. ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ДЕМОНСТРАЦИЯ БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ И ПРИВЕТЛИВОСТИ

Правило благожелательности является позитивным как по содержанию, так и по форме. В качестве знаков указанного отношения в случае *вежливо* выступают

ритуальные пожелания (*приятного аппетита, будьте здоровы*), а также улыбка; ср. *Она чихнула; он вежливо отозвался: — Будьте здоровы*; ср. также *вежливо улыбнуться при встрече*; *Вежливая улыбка не сходила с его лица, он прилично говорил по-русски, хотя и с легким акцентом* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Договорные стороны {...} обнимались, хлопали друг друга по спине и вежливо смеялись* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев); *Однако с той же вежливой улыбкой, открывающей клычки, Онисимов терпеливо отвечает: — Я ваш московский представитель* (А. Бек, Новое назначение); — *Спасибо, — я тоже вежливо улыбнулась* (М. Ганина, Пока живу — надеюсь).

Указанное правило является факультативным: это проявляется в том, что человек, который не произнес фразу «приятного аппетита» или не улыбнулся при встрече (если он при этом поздоровался), мы не назовем *невежливым*.

3.2.4. ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ДЕМОНСТРАЦИЯ ГОТОВНОСТИ СДЕЛАТЬ ЧТО-Л. ПОЛЕЗНОЕ ИЛИ ПРИЯТНОЕ ДЛЯ ПАРТНЕРА (ПРАВИЛО ЛЮБЕЗНОСТИ)

Указанное правило, как и правило благожелательности, является *п о з и т и в н ы м* как по содержанию, так и по форме.

В отличие от всех остальных рассмотренных разновидностей вежливости, которые могут регламентировать манеру держаться в ходе общения с партнером, правило любезности всегда регламентирует содержание *д е й с т в и й* субъекта.

В рамках указанного правила различаются следующие разновидности.

3.2.4.1. Выбор особой коммуникативной стратегии, направленной на то, чтобы вызвать у партнера положительные эмоции

Сюда относятся правила, предписывающие прикладывать усилия, чтобы развлечь партнера (в частности, поддерживать с ним беседу, выбирать тему, интересную для него), демонстрировать интерес к тому, что он говорит и делает, выполнять постулаты согласия и одобрения, говорить партнеру комплименты, демонстрировать удовольствие от общения с ним и пр. Ср. *Вадим из вежливости перевел разговор на другую, близкую Тоне тему* (В. Белов, Воспитание по доктору Споку) [выбор темы, интересной для партнера]; *Ваше предложение, дорогой друг, принимается, — вежливо согласился Незнайка* (Н. Носов, Приключения Незнайки и его друзей); *Буфетчик из вежливости положил кусочек в рот* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита) [выполнение постулата согласия]; *Ольга Ивановна ревновала Рябовского к картине и ненавидела ее, но из вежливости простаивала перед картиной молча минут пять, и, вздохнув, {...} говорила тихо: — Да, ты никогда не писал еще ничего подобного* (А. П. Чехов, Попрыгунья) [выражение одобрения]; *Она из вежливости старалась быть веселой* [демонстрация удовольствия от общения с партнером].

Указанные правила все без исключения являются *у н и в е р с а л ь н ы м и*, однако существенно различаются по степени обязательности.

Та разновидность постулата согласия, которая требует, чтобы субъект отвечал согласием на просьбы партнера, является обязательной⁸⁹, при условии, что ее выполнение не требует от субъекта чрезмерных затрат усилий. Это связано с тем, что отказ выполнить то, что просит партнер, противоречит принципу кооперативного поведения. Ср. *Ему стало стыдно, что девочка попросила проводить ее, а он, мужчина, невежливо отказался* (В. Каверин, Много хороших людей и один завистник); *Пришлось бы отбыть положенное в гостях у свекрови, ибо уклоняться было бы невежливо, они и так нечасто видятся* (А. Маринина, Мужские игры). Степень обязательности остальных правил зависит от двух факторов:

1) Тип ситуации. В «с в е т с к о й» ситуации (прием гостей, праздник и пр.) обязательность правил возрастает; ср. возможность использования в этом случае отрицательных лексем: *Пока хозяин разливал чай, Иван лихорадочно пытался придумать тему для разговора, понимая, что молчать невежливо; Хватит говорить о своей ядерной физике — это невежливо по отношению к остальным гостям; За чаем он без конца спорил с хозяином, яростно критиковал его политические взгляды, — такое поведение показалось всем немного невежливым*; ср. также сентенции типа *Критиковать угощение в гостях невежливо; Сидеть с мрачным видом в гостях невежливо*. Указанные предложения выглядели бы странно, если бы речь шла о той ситуации, когда светский этикет неприменим — например, о ситуации официального общения (в кабинете начальника, у врача), о ситуации непринужденного дружеского общения.

2) Тип партнера. Обязательность правил возрастает, если партнером является женщина; ср. *Самгин понимал, что молчать невежливо, но что-то мешало ему говорить с этой женщиной в привычном (...) тоне* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); — *Нет, это с вами невозможно танцевать! — Вы не очень-то вежливы!* — *Да, я невежлив, когда при мне высказывают такие невежественные взгляды* (Н. Носов, Приключения Незнайки и его друзей); *Ну, довольно дуться. Это невежливо, — сказала Кнопочка* (Н. Носов, Незнайка в Солнечном городе).

3.2.4.2. Оказание партнеру различных услуг

1) Услуги-предложения: различные слова и жесты, сигнализирующие о предоставлении партнеру возможности сделать что-л., в частности — войти на территорию субъекта или же воспользоваться чем-л. В этом случае слова и жесты обычно дополняют друг друга, хотя слова более обязательны: субъект указывает на стул (протягивает чашку чая) и одновременно предлагает сесть (выпить чаю) и пр. Ср. *вежливо указать на стул; вежливо предложить чаю; вежливо при-*

⁸⁹ Принцип кооперативного поведения предписывает также отвечать согласием на предложения партнера по общению, однако это предписание играет второстепенную роль, по сравнению с требованием отвечать согласием на просьбы. Как пишет Р. Ратмайр «Отказ на просьбу помочь (...) более некооперативный шаг, чем отклонение приглашения» [Ратмайр 2003: 144]

гласить в гостиную; Сиверс был вежлив, просил, кто приходил, садиться (М. Шагинян, Перемена).

Правила, предписывающие оказание услуг-предложений, носят избирательный характер: они обычно регламентируют обращение хозяев с г о с т я м и или посетителями. Это вытекает из семантики речевого акта предложения, который предполагает наличие у говорящего прав распоряжаться предлагаемым объектом.

При этом указанные правила различаются по степени обязательности.

Правила, предписывающие приглашать гостя или посетителя в жилище субъекта, а также предлагать ему сесть, являются более или менее о б я з а т е л ь н ы м и ⁹⁰; ср. *Хоть, говорит, твой барин и генерал, а скажи ему, что невежливо людей в передней морить* (А. П. Чехов, Стена); *Мы уже два года ничего не устраивали, а сами постоянно у всех бываем, просто неудобно. — Почему неудобно? — Неудобно, потому что невежливо* (И. Ильф, Е. Петров, Широкий размах); *Почему вы оба стоите? Николай, что же ты не предложишь гостю сесть, это невежливо.*

Предложения угощения являются более ф а к у л ь т а т и в н ы м и. Степень их обязательности зависит от характера действий самого субъекта: если сам субъект в момент общения с партнером ест или пьет, предложение угощения является, с позиций вежливости, более обязательным. Ср. *Они пили чай, а мне не предложили. По-моему, это с их стороны было просто невежливо.*

2) У с л у г и - п о м о щ ь: сюда относятся действия, направленные на непосредственное оказание помощи партнеру (субъект открывает ему дверь, подает руку, помогает донести сумку, пододвигает стул и пр.). В отличие от статусных услуг, предполагающих предоставление партнеру привилегий, в рассматриваемых действиях не содержится элементов, которые бы специально маркировали статусное преимущество последнего. Ср. *Он покажет маме Венецию, (...) и гондольеры в одесских соломенных шляпах канотье (...) будут говорить маме «синьора» и вежливо помочь ей сесть в гондолу и выйти из нее* (В. Кунин, Кыся).

Та разновидность вежливости, которая предписывает оказание такого рода услуг, имеет избирательный характер: она регламентирует поведение мужчин по отношению к ж е н щ и н а м и изредка — поведение младших по отношению к старшим по возрасту; ср. нормальное *Он вежливо помог девушке (старике) спуститься (донести чемодан)* при прагматически странном *Он вежливо помог мальчику спуститься (донести чемодан).*

По этому признаку указанное правило сближается с той разновидностью статусных правил в рамках норм уважительности, которая предписывает уступать место женщинам и старшим (см. выше), однако, в отличие от нее, является менее обя-

⁹⁰ Второе из рассматриваемых правил теряет свою обязательность в ситуации, когда положение партнера в социальной и возрастной иерархии существенно ниже, чем положение субъекта; ср. прагматически странное *Директор вел себя невежливо, не предложил сесть подчиненному.* Это связано с тем, что предложение сесть, как уже говорилось, подчеркивает статус адресата.

зательным. Ср. более стандартное *Ты вел себя невежливо* — нужно было уступить место даме при менее стандартном *Ты вел себя невежливо* — нужно было помочь даме спуститься. Различие в степени обязательности двух рассматриваемых типов правил может объясняться: а) принадлежностью второго к сфере любезности, которая, по сравнению с уважительностью, играет менее значимую роль в составе вежливости, б) большей а к т и в н о с т ь ю субъекта, которую предполагает второе из правил. Последнее обстоятельство может отрицательно влиять на представления о значимости тех или иных правил; см. об этом ниже.

3.2.4.3. Любезность в составе вежливости и услужливость в этике общения

В рассматриваемой сфере правила вежливости существенно отличаются от представлений этики общения. Это проявляется в различиях между словами *вежливо*, *вежливый* в том круге употреблений, в котором они указывают на соблюдение правил любезности, и словами *услужливо*, *услужливый*, *предупредительно*, *предупредительный*.

1) Рассматриваемые слова различаются по характеру целей субъекта и средств их достижения. В случае *услужливо*, *предупредительно* цель субъекта состоит главным образом в том, чтобы сделать что-л. п о л е з н о е партнеру, поэтому эти слова предполагают исключительно оказание последнему у с л у г. *Вежливо* тоже допускает вышеназванную цель, как и указание на услуги, оказываемые партнеру. Однако, помимо этого, *вежливо* допускает еще один вид цели — вызвать у партнера положительные эмоции, что достигается путем использования особых коммуникативных стратегий.

При этом существенно, что указанные коммуникативные стратегии оказываются в центре соответствующего правила вежливости, оттесняя услуги на периферию — это проявляется в том, что правила, требующие использования этих стратегий, более у н и в е р с а л ь н ы по сравнению с правилами, предписывающими оказание услуг партнеру по общению. Сравнительно невысокая оценка значимости услуг в рамках представлений о стандартной вежливости⁹¹ может объясняться неоднозначным отношением к а к т и в н ы м действиям в интересах партнера, которое восстанавливается для русских наивно-языковых представлений (о нем уже говорилось выше, в главе 2).

2) По признаку характера услуг *вежливо* тоже существенно отличается от *услужливо*, *предупредительно*.

а) *Услужливо*, *предупредительно* предполагают главным образом оказание активной помощи партнеру, тогда как для *вежливо*, помимо этого, характерны услуги, связанные с предоставлением партнеру возможности сделать

⁹¹ Между тем, в рамках гипервежливости услуги занимают существенное место, как уже было показано ранее.

что-л., в том числе, услуги-предложения. Ср. стандартное *вежливо предложить сесть* (войти), *вежливо предложить выпить* чаю при менее стандартном *услужливо (предупредительно) предложить сесть* (войти), *услужливо (предупредительно) предложить выпить* чаю. Ср. также более естественное *услужливо (предупредительно) подвинуть стул (подать чашку чая)* [в данном случае идет речь не о предложении сделать что-л., а о помощи партнеру].

Следует отметить, что услуги-предоставления возможности являются для вежливости более актуальными, чем оказание помощи партнеру, что проявляется в разной степени обязательности: если первые могут быть обязательными, то вторые всегда являются факультативными. Этот факт, на наш взгляд, связан с тем, что оказание помощи предполагает большую активность субъекта, чем предоставление возможности сделать что-л.

б) Даже тогда, когда *вежливо*, подобно *услужливо*, обозначает оказание помощи партнеру, они различаются по характеру услуг. *Услужливо, предупредительно* допускают очень широкий круг услуг, куда входит обслуживание за столом, помощь при одевании, выполнение поручений и пр. Большинство указанных услуг для *вежливо* не актуальны; ср. странное *'вежливо налить вина (подать пальто, побегать закрывать окна)* при нормальном *услужливо налить вина (подать пальто, побегать закрывать окна)*.

Отчасти это связано с тем, что *вежливо* предполагает соблюдение ограниченного набора формализованных правил, которые регламентируют действия в узком круге этикетных ситуаций.

Кроме того, для *вежливо* наиболее приемлемым типом услуг-помощи является помощь в совершении действий, требующих определенной затраты усилий; ср. допустимое *вежливо помог донести сумку, вежливо помог спуститься, вежливо пододвинул стул* при не вполне естественном *вежливо подал пальто*. В этом проявляется тенденция к ограничению активности в интересах партнера, допускаемой правилами вежливости. В результате в правила вежливости входят, главным образом, такие услуги, которые являются «физически необходимыми» для партнера — остальные воспринимаются как избыточные и ассоциируются с сервизмом.

3) Даже в тех случаях, когда *услужливо* и *вежливо* обозначают один и тот же тип услуг, они различаются по типу субъекта и партнера. *Услужливо, предупредительно* допускают любых участников ситуации; кроме того, для них очень типично использование в ситуации, когда партнер занимает более высокое положение в социальной иерархии. Между тем, в случае *вежливо*, как уже говорилось, типичные пары коммуникантов — мужчина / женщина, молодой человек / пожилой человек; *вежливо* обычно не используется, когда статус партнера в социальной иерархии выше статуса субъекта.

3.3. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ ВЕЖЛИВОСТИ

3.3.1. СООТНОШЕНИЕ РАЗНЫХ ТИПОВ ПРАВИЛ ВЕЖЛИВОСТИ И ГРАНИЦЫ МЕЖДУ НИМИ

Итак, обнаруживается, что вежливость включает в себя демонстрацию всех типов отношения к другим людям, существенных для социального контакта. При этом уважительность, бесспорно, доминирует среди них, — остальные типы отношений менее актуальны для этикета, поэтому они не формируют отдельных правил, а «растворяются» в правилах вежливости, которые ассоциируются прежде всего с уважительностью⁹².

Доминирующая роль уважительности отчасти связана со статусной ориентированностью русской коммуникативной культуры и проявляется главным образом в большей обязательности соответствующих правил, по сравнению со всеми остальными правилами.

Распределение остальных правил по степени значимости коррелирует с их семантикой. После правил уважительности на втором месте по значимости находятся правила деликатности (все они универсальны, однако примерно половина из них носит факультативный характер), на третьем — правила любезности (одни из них являются обязательными, но неуниверсальными, другие — универсальными, но не вполне обязательными), на последнем месте — правила благожелательности, которые всегда являются факультативными. Таким образом, правила, имеющие однозначно позитивное содержание (правила благожелательности и любезности), играют периферийную роль в рамках вежливости.

Некоторые разновидности правил вежливости могут пересекаться между собой, допуская использование сходных знаков. Так, требование в обязательном порядке отвечать на вопросы партнера входит в состав двух разновидностей правил значимости в сфере уважительности: 1) правило, которое требует демонстрации значимости коммуникативных интересов партнера (ср. принцип кооперации у Грайса) и 2) правила дискурсного этикета и организации диалога, которые предписывают демонстрировать желательность контакта с партнером. Ср. указание на нарушение обоих этих правил в случае *Макаров взглянул на него трезвыми глазами и не ответил. Это не понравилось Климу, показалось ему невежливым* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

Достаточно часто пересекаются между собой правила деликатности и уважительности; ср. фразы *Он вежливо придержал дверь; Он вежливо подождал, пока она кончит говорить по телефону*, которые могут указывать на соблюдение обоих этих правил.

⁹² Ср. об этом в работе [Карасик 2002: 71]: «Вежливость представляет собой прежде всего способы выражения уважения к другому лицу, хоть и не сводится к этому».

Кроме того, не всегда можно провести четкую границу между правилами деликатности и любезности: по сути дела, они очень близки по содержанию и отличаются характером цели. Правила деликатности предусматривают в качестве цели отсутствие у партнера отрицательных эмоций, правило любезности — наличие у него положительных эмоций. В результате многие проявления, типичные для правила деликатности, характерны также для правила любезности: и то, и другое требует, чтобы субъект избегал тем, неприятных партнеру, демонстрировал солидарность с его эмоциями, выражал те чувства, которых от него ожидают и пр. Ср. следующие фразы, которые могут указывать на соблюдение обоих рассматриваемых правил: *И вообще разговоры о смерти, считавшиеся до сих пор неудобными и невежливыми, стали котироваться в Черноморске наравне с анекдотами о еврейской и кавказской жизни* (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок); *Все засмеялись, и он тоже вежливо улыбнулся*.

Особенно многофункциональный характер, в качестве знака вежливости, имеет улыбка. Она может быть знаком благожелательности, деликатности и любезности. Ср. *Каждый раз, встречаясь с ним, она вежливо улыбалась* [демонстрация благожелательности; ср. возможность замены *вежливо* на *благожелательно* или *приветливо*]; *Она вежливо улыбнулась, хотя анекдот показался ей совсем не смешным* [скорее всего, демонстрация деликатности; ср. возможность следующей трансформации: *Она из деликатности улыбнулась*]; *Она слушала рассказ гостя с вежливой улыбкой* [демонстрация удовольствия от общения с партнером, т. е. одного из проявлений любезности; ср. естественность подстановки сюда с любезной улыбкой].

3.3.2. ЗАВИСИМОСТЬ ВЕЖЛИВОСТИ ОТ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Правила вежливости, в отличие от правил гипервежливости, воспринимаются в наивно-языковом сознании как комплекс элементарных и универсальных правил, выполнение которых обязательно для каждого человека по отношению ко всем остальным людям без исключения. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что существует ряд правил, соблюдение которых зависит от различных прагматических факторов. Эта зависимость может быть двоякой. Во-первых, некоторые правила вообще распространяются не на все категории лиц, а носят избирательный характер. Во-вторых, некоторые правила хотя и являются универсальными, но в зависимости от тех или иных прагматических условий (типа участников или характера ситуации общения) могут приобретать обязательный / факультативный характер.

3.3.2.1. Правила вежливости, носящие избирательный характер

Среди правил вежливости, накладывающих ограничения на тип участников⁹³, следует выделить две основные разновидности.

⁹³ В дальнейшем мы будем говорить прежде всего о типе партнера, а именно, о вхождении его в ту или иную приоритетную группу, имея в виду, что субъект не относится к этой группе.

1) Правила, которые регламентируют поведение хозяина с гостем (ср. правила любезности, требующие, чтобы хозяин предлагал гостю войти, сесть и пр.; см. раздел 3.2.4.2.1).

2) Правила, которые регламентируют поведение мужчины с женщиной, молодого человека с пожилым человеком.

Наибольший интерес для нас представляют правила последнего типа.

К ним относится, прежде всего, та разновидность правил уважительности, которая предписывает уступать место старшим по возрасту и женщинам. Это правило однозначно определяет характер участников ситуации и не допускает никаких отклонений от указанного распределения ролей. Ср. нормальное *Он вежливо уступил место женщине (пожилому человеку)* при прагматически странном *Он вежливо уступил место какому-то молодому человеку; Ты вел себя невежливо — нужно было уступить место этому юноше.*

Кроме того, сюда относится та разновидность правила любезности, которая предписывает оказывать помощь женщинам, а также (несколько реже) людям старшего возраста — в частности, подавать руку, помогать нести тяжелые вещи и пр. Ср. нормальное *Он вежливо помог девушке (старiku) спуститься (донести чемодан)* при прагматически странном *Он вежливо помог мальчику спуститься (донести чемодан).*

Для обоих указанных правил центральную роль играет гендерная иерархия, которая оказывается более значимой, чем возрастная.

Для правил, предписывающих оказание помощи партнеру, возрастная иерархия вообще является второстепенной; ср. более стандартное *Он вежливо помог девушке спуститься (вежливо помог девушке донести чемодан)* при несколько менее стандартном *Он вежливо помог старiku спуститься (вежливо помог старiku донести чемодан).* Большая актуальность для указанных правил гендерной иерархии особенно ярко проявляется в ситуации, когда в качестве субъекта выступает женщина. В этом случае возрастные различия между коммуникантами уже не принимаются в расчет; ср. не вполне естественное *Она вежливо помогла пожилой женщине спуститься; Она вежливо помогла старiku спуститься* (в последнем случае две рассматриваемые иерархии вступают в противоречие между собой, и побеждает гендерная иерархия).

Для правил, предписывающих уступать партнеру место, возрастная иерархия сохраняет актуальность, наряду с гендерной: ср. одинаково стандартное *Он вежливо уступил место даме (старiku).* Однако для женщин соблюдение этого правила по отношению к старшим по возрасту все же менее обязательно, чем для мужчин⁹⁴. Ср. стандартное *Ты вел себя невежливо — надо было уступить место женщине (пожи-*

⁹⁴ В этом отношении полезно сравнить указанное правило с другими правилами «повышенной уважительности», для которых безразлично, кто выступает в качестве партнера — пожилой человек или женщина — в обоих случаях правило является обязательным; ср. одинаково стандартное *Ты вел себя невежливо — надо было пропустить вперед женщи-*

лomu человеку) при прагматически странном *Ты вела себя невежливо — надо было пропустить место пожилой женщине (пожилому мужчине)*.

Указанные ограничения, накладываемые рассматриваемыми правилами на тип партнера, объясняются характером услуг, о которых идет речь в обоих случаях. Они предполагают активные действия, цель которых — сделать так, чтобы партнеру было легче или комфортнее. На фоне общего негативного отношения к активным действиям в интересах партнера, подобные услуги расцениваются как уместные только тогда, когда партнер, в отличие от субъекта, принадлежит к категории лиц, которые оцениваются как более слабые и одновременно привилегированные. Сюда относятся прежде всего женщины и, в несколько меньшей мере, пожилые люди. При этом дети или лица, имеющие высокий социальный статус, не входят в рассматриваемую группу, поскольку лишены одного из указанных свойств. Ср. прагматически странное: *Он вежливо вскочил, уступая место мальчику; Он вежливо помог мальчику спуститься; Он вежливо вскочил, уступая место начальнику; Он вежливо помог начальнику спуститься с лестницы (донести чемодан)*. Две последние фразы звучат естественно только в том случае, если из контекста ясно, что начальник — человек преклонного возраста; в противном случае в них правильнее было бы употребить *услужливо*. Это связано с тем, что активные действия, направленные на оказание услуг партнеру, имеющему преимущество в социальном статусе, как уже отмечалось в разделе 2.4.3, однозначно ассоциируются в русской наивной этике с сервилизмом. Такого рода поведение оказывается вне норм вежливости.

3.3.2.2. Правила вежливости, обязательность и строгость соблюдения которых зависит от прагматических факторов

Как уже отмечалось, даже те правила вежливости, которые носят универсальный характер, нередко обнаруживают зависимость от характера и соотношения статусов участников ситуации, а также от типа ситуации. Указанные факторы определяют степень обязательности выполнения правил, а также, в случае, если правило является обязательным, степень его строгости.

Большая строгость правила проявляется в том, что его нарушение воспринимается как более серьезное отклонение от нормы, чем в остальных случаях. На это могут указывать, в частности, сочетания *невежливо* с различными интенсификаторами, а также использование лексемы *невежа*, выражающей более резкую отрицательную оценку, по сравнению со словами *невежливый*, *невежливо*; ср. — *Он не просто отстающий, — перебила Искра, хотя перебивать старших было очень невежливо* (Б. Васильев, Завтра была война); см. также ниже.

ну (пожилого человека); *Ты вел себя невежливо — ты должен был встать, разговаривая с женщиной (с пожилым человеком)* VS. *Ты вела себя невежливо — надо было пропустить вперед пожилого мужчину (пожилую женщину)*; *Ты вела себя невежливо — ты должна была встать, разговаривая с пожилым человеком*.

Кроме того, большая жесткость правила в тех или иных условиях (т. е. применительно к определенной категории партнеров или типу ситуации) проявляется в наличии ссылки на них в соответствующих предложениях с отрицательными лексемами *невежливо, невежливый, невежа*; ср. *Поворачиваться к женщине спиной невежливо; Сидеть в гостях с надутым видом невежливо*.

3.3.2.2.1. Правила вежливости, реагирующие на тип партнера

Среди такого рода правил следует отметить прежде всего некоторые правила уважительности и правила любезности.

1) Правила уважительности, реагирующие на тип партнера.

Среди правил рассматриваемого типа максимальную чувствительность к типу партнера обнаруживают два вида правил, резко противопоставленных по размеру требований, предъявляемых к субъекту:

а) Все правила, которые имеют *н е г а т и в н у ю* *ф о р м у*, независимо от того, к какой сфере они относятся, будь то негативная уважительность или позитивная уважительность (ср. правила дискурсного этикета в рамках правил значимости).

б) Правила, которые мы относили к разряду «*п о в ы ш е н н о й* позитивной уважительности», т. е. статусные правила.

Промежуточное положение между двумя этими типами правил занимают позитивные по форме правила значимости. Они предполагают более высокие требования, по сравнению с аналогичными негативными правилами, и более низкие — по сравнению со статусными правилами. Эти правила в меньшей степени реагируют на характер партнера. Ср. прагматически странное *Ты никогда не здороваешься со мной, не говоришь «спасибо»*. Так вести себя с женщинами *(со старшими)* *невежливо* при нормальном *Называть женщину «теткой» невежливо; Ты повернулся к женщине спиной — это невежливо; Ты все время опаздываешь на встречи. Так вести себя с женщинами (со старшими) невежливо; Запомни: обращаться на -ты к старшим невежливо*.

Для правил уважительности приоритетную группу формируют, главным образом, *п о ж и л ы е* *л ю д и*, а также *ж е н щ и н ы* и, реже, гости.

Рассмотрим характер зависимости указанных правил от типа партнера.

а) Правила, имеющие *н е г а т и в н у ю* *ф о р м у*: правила негативной уважительности, а также негативные по форме правила значимости — главным образом, правила дискурсного этикета.

В том случае, если в качестве партнера выступает представитель приоритетной группы, эти правила характеризуются максимальной *с т р о г о с т ь ю*; ср. *Если происходил такой случай, что какой-нибудь малыш распустит свои кулаки или даже скажет обидное слово малышке, то над ним все смеялись и говорили, что он невоспитанный невежа* (Н. Носов, Приключения Незнайки) [субъект нарушает правила негативной уважительности, запрещающие грубо вести себя с

партнером]; *Это в конце концов невежливо! Вы мне не даете поговорить с дамой!* (Б. Акунин, Турецкий гамбит) [из-за действий субъекта говорящий вынужден нарушать то правило дискурсного этикета, которое запрещает отвлекаться во время разговора с партнером]; ср. также следующие два примера, второй из которых уже цитировался выше: *Так дотащились мы до последнего дуэта, и тут он собрался уходить. — Я говорю вам, что у меня нет больше времени и я должен уйти. — Как вам не стыдно! Это невежливо, я женщина, и, в конце концов, я здесь гость!* (Г. Вишневская. Галина. История жизни); — *Он не просто отстающий, — перебила Искра, хотя перебивать старших было очень невежливо* [в обоих случаях субъект нарушает различные правила дискурсного этикета: в первом случае это правило, запрещающее обрывать контакт без предварительных извинений и объяснения причин, во втором случае — правило, запрещающее перебивать партнера].

При этом указанные правила могут различаться тем, на какую категорию партнеров они особенно остро реагируют. Правила, регламентирующие невербальное поведение субъекта (его позу, движения, мимику) характеризуются большей строгостью, когда партнером субъекта является женщина. Ср. стандартное *Невежливо поворачиваться спиной к женщине*; *Невежливо зевать при даме* при менее стандартном *Невежливо поворачиваться спиной к старшему*; *Невежливо зевать при старших*.

Что касается правил дискурсного этикета, то их строгость возрастает главным образом тогда, когда речь идет о старших по возрасту. Ср. *Когда разговариваешь со старшим, невежливо отвечать вопросом на вопрос*; *Невежливо перебивать старших* при менее стандартном *Когда разговариваешь с женщиной, невежливо отвечать вопросом на вопрос*; *Невежливо перебивать женщину*.

Наконец, строгость правил, регламентирующих речевую манеру, возрастает в обоих случаях — и тогда, когда партнером является женщина, и тогда, когда это человек, который старше субъекта; ср. одинаково стандартное *Разговаривать в таком тоне со старшими (с женщинами) невежливо*; *Так обращаться к старшему (к женщине) невежливо*.

б) Статусные правила (или правила «повышенной уважительности»). Как уже говорилось выше, в ситуации, когда в качестве партнера выступает представитель приоритетной группы, эти правила характеризуются большей обязательностью.

При этом разные типы правил реагируют на разные типы партнеров. Обязательность правил статусных движений возрастает, когда партнер — пожилой человек или женщина или, реже, гость. Между тем, статусные правила, регламентирующие речевую манеру, носят более или менее обязательный характер только в первом из этих трех случаев. Ср. *Он даже не встал, когда она уходила. Это показывало, как он ослаб. Никогда Эд Бургундский (...) не позволил бы себе быть невежливым по отношению к даме* (А. Маринина, Мужские игры); *Неве-*

жа, — спокойно сказал старик, не опуская головы, — мерзавец, не уважающий старости (В. Каверин, Пятый странник) [идет речь о том, что герой не заметил старика и не уступил ему дорогу, в результате чего столкнулся с ним]; *Невежа, хоть бы встал навстречу гостю* [речь идет о правилах, предписывающих выполнение статусных движений]; *Бабушка отругала внука за невежливость — он обратился к пожилой гардеробице на «ты»* [речь идет о статусных правилах речевой манеры].

2) Правила любезности, реагирующие на тип партнера.

Указанные правила, по сравнению с правилами уважительности, предполагают некоторое сужение приоритетной группы — туда попадают только женщины и гости, тогда как лица, которые по возрасту старше партнера, остаются за ее пределами.

Среди правил любезности на тип партнера реагируют правила, требующие использования особых коммуникативных стратегий. Их обязательность возрастает, если в качестве партнера выступает женщина (см. с. 355); кроме того, они могут носить более строгий характер, если партнером является гость; ср. характерность сентенций типа *Оставлять гостя одного (читать книгу, когда у тебя гости) очень невежливо*.

3) Выводы.

Итак, если сопоставить все правила вежливости, так или иначе зависящие от типа партнера, можно сделать несколько выводов.

а) Русские наивно-этикетные представления о вежливости (в отличие, например, от английских) предполагают выделенность некоторых категорий коммуникантов — к ним относятся старшие по возрасту, а также женщины. Отмеченность старших в русской коммуникативной культуре Т. В. Ларина объясняет ее иерархичностью и актуальностью для нее статусной («вертикальной») дистанции.

б) Положение коммуникантов в социальной иерархии для русских наивно-языковых представлений о вежливости значительно менее актуально, чем их положение в гендерной и возрастной иерархии.

Это проявляется, в частности, в наличии ряда ограничений при маркировании положения коммуникантов в социальной иерархии, которые отсутствуют, когда речь идет о положении в возрастной и гендерной иерархии.

Во-первых, вежливость запрещает маркировать собственное высокое положение в социальной иерархии (в отличие от высокого положения в возрастной иерархии); см. об этом выше.

Во-вторых, маркирование высокого положения партнера в социальной иерархии допускается, главным образом, на вербальном уровне (в частности, в форме обращений), но не на уровне этикетных движений и услуг.

Следует отметить, что в сфере гипервежливости восстанавливается совершенно иная картина. Во-первых, для слов рассматриваемой сферы существенна со-

циально-административная и гендерная иерархия⁹⁵, тогда как возрастная иерархия не играет здесь существенной роли.

Так, слово *учтиво* предполагает подчеркнуто уважительное обращение субъекта с партнером по общению, которое обусловлено тем, что тот имеет более высокий статус в социально-административной и гендерной иерархии, и обычно не используется, когда речь идет о возрастном преимуществе. Ср. *Как-то так случалось, что со всеми поездными иностранцами обращались учтиво, добавляя к фамилиям «мистер», «герр» или «сеньор», а корреспондента свободомыслящей газеты называли просто «Гейнрих»* (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок); *Первым делом эmissар святейшего синода сделал ряд визитов, причем начал с губернатора, как того требовали учтивость и официальный характер поездки* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог); *С дамами он держался неизменно учтиво; Ипполит Матвеевич, учтиво улыбаясь, двинулся навстречу входившей в комнату теще* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев); *Ну как, Леокадия Владимировна? — спросил Гилье учтиво* (В. Лидин, Федра). Ср. также не вполне стандартное *С пожилыми людьми он держался неизменно учтиво*.

Во-вторых, для этого типа правил допустимо маркирование высокого социального положения партнера с помощью невербальных средств; ср. *учтиво поклониться губернатору*.

в) В сфере вежливости существует некий особый, выделенный класс партнеров, который воспринимается как наиболее привилегированный. К нему относятся же н щ и н ы.

Во-первых, именно их предполагают в качестве основного типа партнера неуниверсальные правила вежливости. Во-вторых, именно они представляют собой единственную категорию партнеров, по отношению к которой небезразличны все без исключения универсальные правила вежливости, реагирующие на характер партнера.

Однако, можно предположить, что на более раннем этапе в наивном этикете выделенность женщин ощущалось еще более отчетливо. На это указывает употребление уходящего слова *невежа*, которое чаще других рассмотренных лексем предполагает женщину в качестве партнера. Ср. уже цитировавшийся пример из Н. Носова, а также ряд новых примеров: *Если происходил такой случай, что какой-нибудь малыш распустит свои кулаки или даже скажет обидное слово малышке, то над ним все смеялись и говорили, что он невоспитанный невежа; Официант (...) вмешался в разговор. — Чушь! — сказал он. — Ваш кумир был клоуном, а не поэтом. — У девушки задрожали губы. — Ваш официант — хам и невежа, — пожаловался хозяину приятель девушки* (С. Каплан, Месть судьбы); *Поди ее (...) поучи: крик на весь дом. Чуть что — грозит: «Пожалуюсь Петру Алексеевичу». Не хочу ее брать*

⁹⁵ А также, в случае любезный, обходительный, роль в ситуации, которую играют коммуниканты.

в Европу — свихнется. Санька отошла от зеркала, прищурилась, подняла пальчик: — Возьмешь. Петр Алексеевич мне сам велел ехать. А ты — невежа (А. Толстой, Петр Первый) [нарушены правила уважительности]; — Не выгибайтесь так, Наталья Николаевна. Вечер еще впереди. — Не смейте мне делать замечания! — Большие жизни, мадмуазель Наталли! — Невежа! (М. Булгаков, Зойкина квартира) [нарушено правило любезности]; Он с мрачным видом поздоровался с ней и быстро пошел дальше. — Вот невежа, — подумала она [нарушено правило благожелательности]; Не прибегай к щекотке, желая развеселить знакомую, — иная назовет тебя за это невежей (Интернет); И если дамы позволят старому невеже закурить трубку, я расскажу вам одну занятную историю (Б. Акунин, Левиафан) [нарушены правила деликатности]. Нередко *невежа* может использоваться в ситуации, когда нарушение правил вежливости является незначительным, в силу необязательности соответствующего правила, вследствие чего употребление прилагательного *невежливый* вряд ли было бы возможно; см. три последних примера, в контексте которых употребление *невежливый* и *невежливо* вряд ли уместно, даже при соответствующей синтаксической модификации.

Учитывая, что слово *невежа* выражает более резкую оценку, по сравнению со словом *невежливый*, можно предположить, что типичность его употребления применительно к женщинам отражает особое отношение к последним, которое когда-то было актуально для языковых представлений, а теперь постепенно исчезает. Это отношение предполагает особую привилегированность женщин, которая проявляется в том, что все правила вежливости, независимо от их типа (в том числе — правило деликатности и благожелательности), по отношению к женщинам характеризуются большей строгостью и обязательностью, чем по отношению к мужчинам.

Кроме того, учитывая семантику слова *невежа*, можно предположить, что знание правил вежливости ассоциировалось именно с владением нормами поведения по отношению к женщинам, как более сложными и требующими «светскости» и утонченности.

3.3.2.2.2. Правила вежливости, реагирующие на характер коммуникативной ситуации

На обязательность правил вежливости влияют два аспекта ситуации общения.

1) Тип ситуации, который предопределяет выбор варианта этикетной нормы. Как уже отмечалось, степень обязательности правил любезности, требующих использования особых коммуникативных стратегий, увеличивается в ситуации «светского» общения (см. выше).

Возможна и зависимость противоположного характера. Как уже говорилось, степень обязательности услуг-предложений обычно возрастает, если сам субъект выполняет аналогичное действие. Однако на официальные ситуации, которые предполагают подчеркивание дистанции между коммуникантами — как

горизонтальной, так и вертикальной — эта закономерность не распространяется. Например, если секретарь в офисе пьет чай и не предлагает его посетителю, или, тем более, если начальник не предлагает чая подчиненному, его поведение вряд ли уместно назвать *невежливым*.

2) Характер действий субъекта. Как уже говорилось, обязательность той разновидности правил любезности, которая требует, чтобы субъект предлагал партнеру сделать что-л. желательное для него, может зависеть от того, пользуется ли с а м субъект указанной возможностью.

В данном случае действует принцип уравнивания возможностей субъекта и партнера, который требует, чтобы у субъекта не было преимуществ перед партнером. Этот принцип соответствует основной идее вежливости, которая состоит в демонстрации того, что статус партнера не ниже статуса субъекта, и реализуется не только в сфере правил любезности, но и в сфере уважительности, с которой и связано происхождение указанного принципа. В частности, он лежит в основе правила позитивной статусной уважительности, предписывающего вставать, если стоит собеседник.

3.4. СОЗНАТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ВЕЖЛИВОСТИ

3.4.1. ГРУБО 4.1, ГРУБЫЙ 4.1⁹⁶, ГРУБИЯН

Перечисленные лексемы очень близки к слову *невежливо* — в обоих случаях субъект нарушает правила вежливости. При этом между ними существует ряд различий.

Прежде всего, в отличие от *невежливо*, слова *грубый*, *грубо*, *грубиян* указывают на то, что субъект нарушает правила вежливости с о з н а т е л ь н о, хотя, возможно, не вполне контролирует свои действия, находясь под влиянием эмоций. Ср. странное ⁹⁷ *невольная грубость*.

Поведение субъекта в случае *грубый* и пр. вызвано желанием обидеть и у н и з и т ь партнера. Ср. в связи с этим различие между *грубо* и *резко* во фразах *разговаривать грубо* и *разговаривать резко*: во втором случае субъект не прилагает усилий, чтобы смягчить неприятное для партнера содержание своих слов, в первом случае он намеренно старается обидеть партнера.

Указанное желание в большинстве случаев объясняется негативными э м о ц и я м и, которые субъект испытывает по отношению к партнеру, а также пренебрежением к партнеру и низкой оценкой его значимости и статуса. Ср. *Да какой черт вы Ступендьев! — грубо, не церемонясь и чуть не дрожа от раздражения проговорил Вельчанинов* (Ф. М. Достоевский, Вечный муж); *Он был груб с подчиненными <с солдатами>*. Кроме того, поведение субъекта может объясняться его невоспитанностью и душевной грубостью — это особенно типично для

⁹⁶ К рассмотренным лексемам близки лексемы *грубо 4.2*, *грубый 4.2*, которые характеризуют манеры субъекта, указывая на их примитивный характер, отсутствие в них утончен-

слова *грубиян*. Ср. *«Пододвиньте-ка свой зад» — обратилась она ко мне. «Ло!» воскликнула Гейзиха (покосившись на меня в надежде, что прогоню грубиянку) (В. Набоков, Лолита).*

Далее, если *невежливый* и пр. указывают на нарушение всего комплекса правил вежливости, то слова *грубый*, *грубо* и пр. имеют значительно более узкое значение: они указывают на то, что субъект нарушает правила негативной уважительности, запрещающие проявлять «активное неуважение» к партнеру и направленные на защиту его социального имиджа.

При этом все рассматриваемые слова акцентируют внимание прежде всего на манере субъекта держаться в ходе общения с партнером, указывая на резкость и неделикатность его слов и движений. Ни одно из них не может использоваться, когда оскорбительной является не форма, а содержание действий субъекта — например, тогда, когда субъект плюет в лицо партнеру, демонстративно поворачивается к нему спиной или выполняет какое-л. другое символическое оскорбление.

Все рассматриваемые слова в первую очередь характеризуют речевую манеру субъекта, указывая на повышенный голос, а также на особый тон, в котором совмещаются пренебрежительность и недружелюбие. Ср. — *Говорю вам, что я не знаю, — повторил он грубо, — а если бы и знал, так не сказал бы (В. Каверин, Девять десятых судьбы); — Вы, конечно, можете поступать, как вам заблагорассудится, — грубо ответил он, — но я дальше не пойду (А. Конан-Дойль, Дядя Бернак, перев. с английского); Дальше интересующегося Чудаковым грубо обрывали: «Такой здесь не проживает» (Журнальный зал / Знамя, 2001/ Лев Аннинский / Татьяна Б); — Но там хорошо кормят, Антоша, ты отдохнешь. — Меня откармливать не надо. — Ты просто грубиян и жестокий эгоист (Н. Дубов, Небо с овчинку); — Почему ты так со мной разговариваешь? — Ты считаешь, что заслуживаешь лучшего? — Ты грубиян (М. Львова, Саня или двойная свадьба).*

Кроме того, все рассмотренные слова указывают на использование просторечной и вульгарной лексики, а также грубых речевых клише. Ср. *Во время настоящих уроков с грубияном-инструктором, который (...) постоянно досаждал спокойному, интеллигентному ученику вульгарной хулой, Пнин оказался совершенно неспособным (В. Набоков, Пнин, пер. С. Ильина); — Туда ему и дорога, — грубо отвечала Екатерина (В. Пиккуль, Фаворит).*

Слова *грубо*, *грубый*, помимо этого, допускают указание на резкий характер движений. Ср. *Василий так грубо потащил стул, что Ипполит Матвеевич привскочил (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев); Он на этот раз застал ее*

ности. Ср. *Мы, конечно, люди торговые, мужики грубые, неученые (А. Толстой, Петр Первый); Марья Кириловна смягчила в своем переводе грубые выражения отца (А. С. Пушкин, Дубровский). С этими лексемами сближаются слова грубоватый, грубовато. Ср. И по мере того, как я говорил, лицо этого грубоватого старого вояки все ярче и ярче озарялось простодушной, искренней радостью (С. Цвейг, Незримая коллекция, пер. Г. Еременко).*

дома, и, грубо отворив дверь, вошел к ней в номер (А. Ф. Писемский, Взбаламученное море); Двое часовых схватили его за руки и грубо толкнули вперед (А. Конан-Дойл, Затерянный мир, пер. Н. Волжиной); Властным, грубым движением он распахивает прозрачные одеяния на груди красавицы (Е. Филенко, Шествие динозавров). Для слова *грубиян* указание на характер движений менее типично — оно чаще всего указывает на невежливую речь. Это отчасти связано с тем, что в случае *грубиян* поведение субъекта обычно вызвано не столько желанием обидеть партнера, сколько невоспитанностью. Ср. — *Вставай, старый ломовик, прополощи глотку, скажи нам что-нибудь грубое, как ты это умеешь, старый грубиян* (И. Бабель, Закат); *Кроме того, он был прямой и честный грубиян* (С. Довлатов, Ремесло).

Далее, вследствие характерности для большинства рассматриваемых слов указания на специальное намерение субъекта обидеть партнера, они предполагают более значительное отклонение от нормы по сравнению с *невежливый* и его дериватами, совместимое с использованием нецензурной лексики, а также применением физической силы по отношению к партнеру. В таких ситуациях употребление *невежливо* было бы невозможно. Ср. *Совет {...} запрещал грубое обращение с солдатами* (С. Сыров, Страницы Истории); *Жандарм стукнул меня {...} все так же больно и грубо* (Т. де Фрис, Рыжеволосая девушка, пер. А. Кобецкой).

Со всеми перечисленными особенностями *грубый*, *грубо* и пр. связана их более резкая отрицательная оценка, по сравнению с *невежливый*.

Однако *грубый* и его дериваты имеют еще одно отличие от *невежливый* и пр. Если *невежливый*, как и *вежливый*, в стандартной ситуации предполагает отсутствие близости между участниками ситуации, то для *грубый* и его дериватов это совершенно не обязательно. Ср. стандартное *Он был груб с родителями (с братом)*.

Это может быть связано тем, что, в отличие от остальных правил в рамках вежливости, правила негативной уважительности, направленные на защиту социального имиджа партнера, составляют обязательный минимум, «ядро» правил уважительности, и, вследствие этого, воспринимаются как наиболее универсальные. Они одинаково актуальны при любом типе отношений между коммуникантами — не только тогда, когда их разделяет социальная дистанция, но и при общении на персональной дистанции.

3.4.2. БЕСЦЕРЕМОННЫЙ, БЕСЦЕРЕМОННО

Помимо *грубый* и пр., на нарушение правил вежливого поведения могут также указывать лексемы *бесцеремонный*, *бесцеремонно*. При этом указанные лексемы обозначают прежде всего нарушение правил деликатности и, реже, уважительности.

Обозначая неделикатное поведение, *бесцеремонный*, *бесцеремонно* частично сближаются с лексемами *неделикатный*, *неделикатно* и, в меньшей мере, с лексемами *невежливый*, *невежливо*, в том типе употреблений, когда они указывают на нарушение норм деликатности. Ср. *Он самоуверенно посвистывал, бесцеремонно*

высмеивал неудачи братьев (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); Он вел себя довольно бесцеремонно — вошел без стука, начал листать мои записи; Сознаюсь, во время обыска наши люди вели себя немного бесцеремонно [в указанных контекстах бесцеремонно можно заменить на не деликатно]; ср. также Алина бесцеремонно хохотала, глядя на нее, косясь на Инокова (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); Однако и там все на нее бесцеремонно уставились (В. Аксенов, Остров Крым) [в указанных контекстах бесцеремонно можно заменить и на не деликатно, и на невежливо].

При этом, несмотря на близость, бесцеремонно существенным образом отличается от невежливо, не деликатно, вместе взятых.

1) Как уже отмечалось, не деликатный, не деликатно, невежливо допускают ситуацию, когда субъект нарушает нормы поведения не вполне сознательно — в частности, из-за недостатка информации о чувствах партнера, а также из-за того, что он не имеет возможности поступить надлежащим образом; ср. допустимое сочетание невольная невежливость (не деликатность).

Между тем, бесцеремонный, бесцеремонно указывают на то, что субъект, зная о существовании этикетного правила, предписывающего демонстрировать уважение к чувствам партнера, сознательно пренебрегает им; ср. не вполне естественное невольная бесцеремонность. Такое поведение объясняется либо безразличием субъекта к чувствам партнера, вызванным невоспитанностью и душевной грубостью первого, или его низкой оценкой положения партнера в социально-административной иерархии, либо необоснованными претензиями субъекта на близкие отношения с последним. Ср. Моя мать рассказывала мне: (...) вдруг приходят солдаты, грубые, чужие, (...) офицеры так бесцеремонны и так некультурны, громко хохочут, обижают горничных (А. и Б. Стругацкие, Хищные вещи века); Обо мне уже слышали и разглядывали меня очень бесцеремонно, даже с оттенком некоторого превосходства, как оглядывают в школах новичка или в присутственных местах просителя (Ф. М. Достоевский, Записки из мертвого дома); Он бесцеремонно рывком помог мне стащить мокрую рубашку, потом потребовал, чтобы я сняла джинсы и кроссовки (М. Львова, Саня или Двойная свадьба).

О том, что низкая оценка социального положения партнера часто является предпосылкой бесцеремонного обращения, говорится, в частности, в работе [Шаронов 2003: 161—162]. Однако, помимо социального неравенства, И. А. Шаронов усматривает причины бесцеремонности еще и в гендерном неравенстве. На основании анализа контекстов, описывающие ту разновидность бесцеремонности, которая предполагает «беззастенчивое разглядывание кого-либо», он делает вывод, что «в качестве субъекта бесцеремонного обращения в текстах чаще всего выступает мужчина, а объектом — женщина», и объясняет этот факт гендерным преимуществом мужчины перед женщиной (см. [Шаронов 2003: 163]).

Мы не согласны с подобной интерпретацией. Нам кажется, что рассматриваемые факты объясняются вовсе не привилегированностью мужчин, а тем об-

стоятельством, что нарушение стратегий отдаления (особенно — на невербальном уровне) оценивается в наивном этикете как более существенное отклонение от нормы, когда в качестве партнера выступает женщина, а в качестве субъекта — мужчина.

С указанием на сознательное нарушение норм в случае *бесцеремонный*, *бесцеремонно* связана их более резкая отрицательная оценка, по сравнению с *неделикатный*, *неделикатно*.

2) *Бесцеремонно*, *бесцеремонный* указывают на излишнюю активность субъекта, приводящую к нарушению правил негативной деликатности. Между тем, *неделикатно*, *неделикатный*, *невежливый*, *невежливо* в принципе могут также указывать на отсутствие действий, которых требует квазипозитивная деликатность (хотя такое употребление для них нехарактерно). Ср. *Хотя анекдот был совершенно не смешным, все засмеялись, а он даже не улыбнулся. С его стороны это было немного неделикатно*. В этой фразе употребление слов *бесцеремонный*, *бесцеремонно* было бы невозможно.

3) *Бесцеремонным* обычно называют человека, который при общении на социальной дистанции или в официальной ситуации, когда уместно использование стандартного или, чаще, повышенного регистра этикета с высокой степенью формализованности и интенсивным использованием негативных стратегий, использует пониженный регистр, ведя себя слишком «просто», пренебрегая необходимыми запретами и формальностями. Ср. стандартное *бесцеремонные гости*, *бесцеремонные посетители* при меньшей естественности в этом контексте слов *невежливый*, *неделикатный*; ср. также следующий пример: *Бакстер (...) подошел к вытянувшейся на стуле молодой стройной даме и взял ее за локоть. Вполне бесцеремонно, черт возьми. Всегда все-таки были хамами эти американцы нашего поколения. Подходит к утонченной, изящной даме и берет ее за локоть, словно девку* (В. Аксенов, Остров Крым). Как отмечает И. А. Шаронов, «*бесцеремонный посетитель, гость* ведет себя в чужом доме или в общественном месте, как если бы он был у себя на кухне» [Шаронов 2003: 161]).

В этом отношении *бесцеремонно* сближается с лексемой *простой* 4.1., принадлежащей к сленгу. Эта лексема характеризует манеры субъекта, который не соблюдает необходимых условностей, ведет себя слишком просто; ср. — *Дай сигарету, у меня кончились. — Ничего себе, простая такая! Иди да купи*; в данной ситуации поведение первого из говорящих можно было бы назвать *бесцеремонным*.

При этом на первом плане в значении слов *бесцеремонный*, *бесцеремонно* — именно указание на их связь с понятием формальности, р и т у а л а : это подтверждает сама их внутренняя форма, отсылающая к понятию *церемонии* — ритуального действия, совершение которого подчинено установленному порядку.

4) Внутренняя форма рассматриваемых слов предопределяет еще одну их семантическую особенность, отличающую их от слов *неделикатный*, *неделикатно*. Она состоит в указании на то, что субъект, перед тем, как сделать что-л., непо-

средственно затрагивающее партнера, не ведет предварительной словесной подготовки, пренебрегая выполнением необходимых ритуализованных действий. (В дальнейшем мы будем называть их предварительными словесными ритуалами).

При этом *бесцеремонный* может указывать на отсутствие двух типов таких ритуалов: а) превентивные компенсирующие ритуалы, которых требуют правила позитивной уважительности, входящие в состав вежливости (ср. *извините за беспокойство*), б) запросы о разрешении сделать что-л., которых требуют приличия. Ср. следующие примеры: *Император бесцеремонно отпихнул меня* (Е. Филенко, Шествие динозавров); *А вот увидим, — ответил Туробоев, довольно бесцеремонно расталкивая людей и не извиняясь перед ними* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); *Алтын бесцеремонно пресекла научные восторги историка: — К черту твою монографию и твоего Матфеева!* (Б. Акунин, Алтын-Толобас); *Вредный усач довольно бесцеремонно хлопывал досье у дамы перед носом* (Б. Акунин, Левиафан) [отсутствуют превентивные извинения, которых требует вежливость]; — *Разумеется, — сказал Лютов, бесцеремонно подхватив Клима за руку* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); *Она неожиданно отстраняет меня (...) и бесцеремонно входит в квартиру* (В. Кунин, Русские на Мариенплац) [отсутствуют запросы о разрешении, которых требуют приличия].

Таким образом, *бесцеремонный*, *бесцеремонно* могут обозначать нарушение сразу двух разновидностей вежливости: во-первых, правил деликатности, и, во-вторых, правил позитивной уважительности, требующих демонстрации значимости для субъекта чувств партнера. В последнем случае *бесцеремонно*, *бесцеремонный* допускают замену на *невежливо*, *невежливый* (см. первые четыре приведенных примера).

5) Хотя все рассмотренные слова могут использоваться, когда субъект вторгается в личную сферу партнера, вследствие чего тот испытывает смущение и неловкость, для *неделикатный*, *неделикатно*, *невежливый*, *невежливо* указание на рассматриваемую эмоциональную реакцию более обязательно, чем указание на вторжение в личную сферу.

Перечисленные слова могут использоваться, в частности, тогда, когда смущение и неловкость, которые испытывает партнер, вызваны причинами, не имеющими непосредственного отношения к вторжению в личную сферу — например, тем, что субъект в разговоре с ним затронул щекотливую тему; ср. *Он вел себя неделикатно: стал при ней ругать директора, забыв, что она его племянница*. Напротив, для *бесцеремонно*, *бесцеремонный* основополагающим является не характер эмоциональной реакции, а указание на вторжение субъекта в личную сферу партнера.

Чтобы убедиться в этом, рассмотрим основные типы употребления слов *бесцеремонный*, *бесцеремонно*.

Рассматриваемые слова обозначают следующие виды поведения.

а) Нарушение физической неприкосновенности партнера: субъект резко и неожиданно прикасается к последнему, не принеся предварительных извинений

за беспокойство⁹⁷; ср. *Фотограф силой, бесцеремонно пригнул их головы друг к дружке* (В. Белов, Воспитание по доктору Споку); *Бесцеремонно растолкав людей, Иноков прошел к столу* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); *Максим (...) подхватил меня на руки, взвалил на плечо и легко зашагал к дому. Я, как тряпичная кукла, болталась у него на плече. Мила весело смеялась, (...) глядя на нас. Милин смех мы слышали столь редко, что стоило немного подыграть моему бесцеремонному шефу* (М. Львова, Саня или двойная свадьба).

б) Вторжение на территорию партнера или же нарушение неприкосновенности его собственности: субъект без разрешения входит в жилище партнера, приближается к нему на близкое расстояние, которое не соответствует характеру отношений между ними, берет без разрешения вещи партнера; ср. *Однажды Дронов бесцеремонно вошел в его комнату, устало сел и заговорил* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); *Бесцеремонно уселся рядом с кучером и крикнул: — Трогай, Мишка, трогай!* (Б. Акунин, Смерть Ахиллеса); *Иногда, заметив, что подчиненный пишет домой письмо, бесцеремонно брал у него листок* (В. Солоухин, Не жди у моря погоды).

в) Вторжение в «речевое пространство» партнера: субъект вмешивается в беседу, которую тот ведет с третьим лицом, или же неожиданно прерывает партнера, а также вступает в разговор с незнакомым человеком, не испросив предварительного разрешения или не извинившись за беспокойство⁹⁸; ср. *Но Марья Афанасьевна, сильно скучавшая во время их теоретической дискуссии, бесцеремонно вторглась в беседу* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог); — *Там, там, — бесцеремонно обрывает ее Ратмир* (Е. Филенко, Шествие динозавров); — *Извините, что я так бесцеремонно подошел к вам, — сказал доктор* (А. Битов, Преподаватель симметрии).

г) Вторжение в «психическое пространство» партнера, навязчивое внимание к нему: субъект назойливо разглядывает последнего; ср. *Он подошел ближе, остановился в двух шагах и принялся бесцеремонно оглядывать Коломбину снизу доверху* (Б. Акунин, Любовница смерти).

д) Вторжение во внутренний мир партнера, или, иначе говоря, в его когнитивное пространство⁹⁹: субъект обнаруживает чрезмерную навязчивость в расспросах, затрагивает интимные темы, которые обычно обсуждаются только при наличии доверительных отношений и пр.; ср. *Он уже усвоил себе бесцеремонность с поклонницами, легкий и скорый переход от первых минут знакомства с ними к вольности обращения, и эту наигранную простоту расспросов: Кто вы такая? Откуда? Замужем или нет?* (И. Бунин, Визитные карточки).

⁹⁷ См. об этом также в [Шаронов 2003: 161].

⁹⁸ Как отмечается в работе [Wardhaugh 1985: 124], люди окружены защитным слоем молчания. Разрывая этот защитный слой, следует извиниться. См. об этом также в работе [Ратмайр 2002: 156].

⁹⁹ См. [Кастлер 2004: 13].

Если считать бесцеремонные намеки мисс Дженнингс [на ухаживания Уиллоби за Марианной и их возможный брак] доказательством нарушения приличий, все мы только и делаем, что нарушаем их (Дж. Остен, Чувство и чувствительность, перевод И. Гурова); *Признаюсь, неожиданная и непрошенная характеристика моей литературной деятельности показалась мне куда бесцеремоннее, чем придуманный моим гостем невинный обман* (В. Набоков, Василий Шишков). Интересно, что одним из видов вторжения во внутренний мир субъекта является вопрос об имени: ср. — *Кто это, ма?* — бесцеремонно спрашивает Настя (В. Кунин, Ребро Адама).

е) Несанкционированное сокращение межличностной дистанции, существующей между субъектом и партнером — в ходе общения на социальной дистанции субъект без всяких оснований переходит на персональную дистанцию, в частности, обращается к нему на *-ты* и по имени¹⁰⁰. Ср. *До слез, до полной растерянности смутилась она, поняв теперь, что бесцеремонно-приятельски окликнула не кого иного, как знаменитого {...} изобретателя* (А. Грин, Блистающий мир); *Только я хотел заказать себе двойной кофе, как услышал за спиной: — Кей-фарик, возьми и на меня чашечку! Я обернулся, несколько возмущенный такой бесцеремонностью обращения* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Он бесцеремонно похлопал его по плечу; [В психотерапевтической кружке] молодые замужние женщины {...} расслаблялись в удобной комнате, жизнерадостно и бесцеремонно обращаясь друг к другу по имени* (В. Набоков, Пнин, пер. Ильина).

Хотя в данном случае нарушается дистанция между «своими» и «чужими», а в остальных рассмотренных выше случаях — дистанция между «я» и «не-я», и то, и другое является разновидностью нарушения стратегий отдаления, которые направлены на защиту межличностных границ, разделяющих участников коммуникации; см. об этом в разделе 1.2.

При этом важно отметить, что стратегии отдаления, направленные на защиту свободы партнера, не играют для рассматриваемых слов значительной роли. Это подтверждается нетипичностью их использования в ситуациях, когда субъект произносит директивные речевые акты, в частности, просит или требует чего-л., а также приказывает партнеру сделать что-л., пренебрегая необходимыми стратегиями смягчения категоричности — косвенной формой просьб и требований, извинениями и пр... Ср. не вполне естественное *Он бесцеремонно заставил нас помогать ему; Он бесцеремонно приказал всем следовать за ним*; ср. также не вполне стандартное *Он бесцеремонно потребовал, чтобы ему предоставили лучшую комнату*.

¹⁰⁰ Можно сказать, что при этом субъект тоже вторгается в личную сферу партнера, поскольку принято считать, что «свои» — друзья и близкие люди — принадлежат к личной сфере человека. (См. об этом в [Апресян 1986а; Формановская 2003: 349]).

Поэтому применительно к *бесцеремонно* мы будем говорить, помимо нарушения правила деликатности, о нарушении правила межличностной дистанции; туда входит запрет на нарушение любого типа указанной дистанции — как абсолютной, так и относительной.

В отличие от *неделикатный*, *неделикатно* и пр., в случае *бесцеремонный*, *бесцеремонно* характер эмоциональной реакции партнера по общению может быть разнообразным — это может быть не только смущение, но и недоумение, негодование, возмущение и пр. Ср. *У меня не было сил, чтобы высказать свое возмущение такой бесцеремонностью* (М. Львова, Саня или двойная свадьба); *Нет, вы подумайте, какая бесцеремонность! Обращаются, как с ребенком малолетним* (М. Львова, Саня или двойная свадьба); *От такого бесцеремонного обращения Звездочкин ошалел настолько, что не мог произнести ни слова* (Н. Носов, Незнайка на луне); *Он (...) относился с восхищением к его развязным выпадам, как может нравиться влюбленной женщине наглая бесцеремонность ее повелителя* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Меня взбесила ее бесцеремонность* (Г. Вишневская, Галина. История жизни). Во всех этих фразах *неделикатность*, *неделикатный* были бы менее уместны.

При этом, несмотря на разнообразие эмоциональной реакции партнера в случае *бесцеремонный*, *бесцеремонно*, существует некая эмоциональная доминанта, которая присутствует обязательно. Она состоит в том, что субъект, как правило, чувствует себя задетым или оскорбленным (указанное чувство нередко входит в состав более сложных эмоций, таких, как негодование, возмущение). Ср. *Вредный усач довольно бесцеремонно захлопывал досье у дамы перед самым носом* (Б. Акунин, Левиафан); *Через несколько часов меня здесь уже не будет, и ни одна подобная тварь не посмеет так бесцеремонно войти в мой дом* (Г. Вишневская, Галина, История жизни).

Подобная эмоциональная реакция связана с тем, что, вторгаясь в личную сферу партнера, субъект нарушает его право на автономность и независимость, которое имеет любой полноценный член общества и, тем самым, отчасти «занижает» статус партнера и задевает его достоинство. Кроме того, указанная эмоциональная реакция может быть вызвана тем, что сознательное пренебрежение правилами деликатности, которое имеет место в данном случае, может квалифицироваться как нарушение правил уважительности.

3.5. ЧРЕЗМЕРНОЕ СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВИЛ ВЕЖЛИВОСТИ

Помимо нарушения правил вежливости, отрицательную оценку в наивном этикете может получать также излишне строгое соблюдение последних. При этом представление об избыточном соблюдении соответствующих правил может связываться со злоупотреблением как позитивными, так и негативными этикетными стратегиями. На нарушения первого типа указывают разговорные лексемы *любезничать*, *расшаркиваться*, на нарушения второго типа — разговорные лексемы

церемониться, цацкаться, антимонии, а также нейтральная лексема *церемонии*. Лексема *церемонно* может одновременно указывать на чрезмерно строгое соблюдение как позитивных, так и негативных стратегий¹⁰¹.

Глаголы *любезничать* и *расшаркиваться* описывают речевое поведение субъекта.

Первый из них указывает на излишне интенсивное применение субъектом коммуникативно-речевых стратегий любезности, которое имеет место в ходе его общения с партнером (чаще всего — противоположного пола): субъект проявляет излишнее рвение, стремясь развлечь собеседника, сказать ему что-л. приятное и пр. Отрицательная оценка такого поведения вызвана тем, что, по мнению говорящего, субъектом движет желание привлечь внимание партнера и понравиться ему; такое поведение расценивается как кокетство. Ср. *Она дулась на него за то, что он весь вечер любезничал с хорошенькой хозяйской дочерью*.

Расшаркиваться указывает на чрезмерное использование стратегий позитивной уважительности: субъект долго и многословно уверяет партнера в том, что он высоко оценивает его статус и значимость. Отрицательная оценка такого поведения вызвана необоснованным завышением регистра общения, что делает такое поведение смешным и неуместным.

Остальные перечисленные выше слова — а именно, *церемониться, цацкаться, церемонии, антимонии, церемонно* — подобно лексеме *расшаркиваться*, указывают на завышение этикетного регистра, неадекватное ситуации общения, а также чрезмерную усложненность и формализованность поведения.

В случае *церемонно*¹⁰² отрицательно оценивается старомодность и одновременно излишняя «светскость» поведения субъекта, который в бытовой, повседневной ситуации придерживается правил светского этикета, соблюдает старомодные ритуалы, использует устаревшие формулы вежливости. Ср. — *Знакомьтесь, — говорю, — присаживайтесь. Стасик церемонно поклонился: — Беллетрист Потоцкий... Член эс эс писателей* (С. Довлатов, Заповедник); — *Вы простите, нам пора, — хрипло произнес Веня. — Ну что вы, мальчики, я была рада. — Нина Ивановна церемонно наклонила голову* (Д. Гранин, Дом на Фонтанке); — *А это, позвольте вам представить, моя племянница, — сказала Раиса Матвеевна не то насмешливо, не то церемонно* (И. Бунин, Клаша); *Отец (...) то и дело что-нибудь говорил, (...) обращаясь, конечно, только к ней, церемонно называя ее по имени-отчеству, — «любезная Елена Николаевна»* (И. Бунин, Ворон).

При этом *церемонно* допускает соблюдение как негативных стратегий (деликатности или негативной уважительности — ср. *церемонно постучаться, церемонно отказать*), так и позитивных стратегий (позитивной уважительности; ср. *церемонно поклониться (поцеловать руку, обратиться на -вы)*).

¹⁰¹ См. об этом в разделе 1.4.4.

¹⁰² Данная лексема, в отличие от остальных перечисленных слов, может описывать не только обращение субъекта с партнером по общению, но и его манеру держаться. Ср. *Он*

Теперь перейдем к рассмотрению слов *церемониться*, *цацкаться*, *церемонии*, которые указывают на злоупотребление субъекта негативными этикетными стратегиями в ходе общения с партнером.

Слово *церемонии* обозначает отрицательно оцениваемое поведение субъекта¹⁰³, который злоупотребляет стратегиями отдаления — главным образом теми из них, которые предполагают соблюдение определенных формальностей и ритуалов, маркирующих дистанцию или смягчающих эффект вторжения на территорию партнера.

Во-первых, лексема *церемонии* может указывать на чрезмерное использование стратегий отдаления, предусматриваемых правилами вежливости. Эта лексема употребляется, когда субъект использует официальное обращение, чтобы подчеркнуть величину горизонтальной дистанции между ним и партнером, или же ведет длительную словесную подготовку, перед тем как сделать что-л., затрагивающее последнего. Ср. — *Ну, давайте знакомиться, Галина Павловна. Меня зовут Саня. — Так бросьте церемонии и зовите меня Галей* (Г. Вишневская, Галина. История жизни); *Бердичевского владыка звал просто, без церемоний, потому что знал его еще подростком* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог); *Когда дети слишком уж шумели, она без лишних церемоний выпроваживала их во двор; Игорь Строгов без церемоний отобрал тетрадку у Люды* (Л. Успенский, Эн-два-О) [имеется в виду отсутствие предварительных извинений и объяснений причин своего поведения со стороны субъекта]; — *Простите... Можно вопрос? Только честно, а? Нет, правда, для меня это слишком важно... — Конечно же, что за китайские церемонии!* (Е. Козловский, Мы встретились в Раю...).

Во-вторых, лексема *церемонии* может указывать на чрезмерное использование стратегий отдаления, которые связаны с соблюдением правил скромности (и одновременно — с соблюдением приличий). Она обычно описывает ситуацию, когда субъект, несмотря на свое желание сделать что-л., касающееся партнера, воздерживается от соответствующих действий, опасаясь, что его поведение будет расценено как посягательство на свободу или вторжение в личную сферу последнего — такое поведение диктуется требованиями скромности и в то же время связано со стратегиями отдаления. В частности, это слово применимо, когда субъект, боясь потревожить или обеспокоить партнера, не решается войти в его

держался с ней очень церемонно VS. В гостях он держался очень церемонно. См. об этом в [Крылова 2004: 1281—1283].

¹⁰³ В XIX веке указанная лексема использовалась преимущественно в форме ЕД и, что интересно, в отличие от современной лексемы, не обязательно выражала отрицательную оценку. Ср. *тут даже приличий не соблюдалось, совсем без церемонии происходило* (Ф. М. Достоевский, Игрок); *Квартальный (...) без церемонии подошел к картине, сдернул с нее простыню, потому что эти господа всегда позволяют себе маленькую вольность там, где видят совершенную беззащитность или бедность* (Н. В. Гоголь, Портрет); *Да и нельзя было не давать ей, потому что она всякому, не подающему милостыни, без церемонии плевала в глаза* (М. Е. Салтыков-Щедрин, История одного города).

жилище, взять что-л., принадлежащее ему, стесняется задавать вопросы или просить о чем-л. *Прошу!* — орал *Фагот*, — без всякого стеснения и церемоний! Публика волновалась, но идти на сцену пока никто не решался (М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*); *Мы с Костей Соловьевым сразу же сели без церемоний* (П. Нилин, *Жестокость*); *Жест этот означал: — Чего уж там, Слава, проходи без церемоний, чувствуй себя у нас в прокуратуре как дома* (Ф. Незнанский, *Ярмарка в Сокольниках*). Кроме того, для лексемы *церемонии* очень характерно указание на ритуальные отказы субъекта от предложенного. Ср. *Он не заставил повторять приглашение, а без лишних церемоний уселся за стол* (В. Войнович, *Лицо неприкосновенное*. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Разговорная лексема *церемониться* одновременно сближается с лексемой *церемонии* и с глаголами *деликатничать*, *миндальничать*. Глагол *церемониться* имеет два круга употреблений:

1) Этикетное употребление, которое предполагает чрезмерное соблюдение субъектом правил вежливости и деликатности: ‘Х, желая сделать что-л. нежелательное для Y-а’¹⁰⁴, и одновременно желая продемонстрировать бережное отношение к его чувствам, которое говорящий считает излишним, откладывает выполнение этого действия, и / или пытается смягчить неприятный эффект с помощью предварительной словесной подготовки’; ср. *Они их помнили маленькими, не церемонились с ними и без дальних слов усадили за эту работу* (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*); *Через некоторое время Уотсон изменил своей «первой любви» и как-то раз описал Филипу сцену разрыва. — Я решил, что с ней нечего церемониться, и заявил напрямик: с меня хватит* (С. Мозм, *Бремя страстей человеческих*, перев. Е. Голышевой и Б. Изакова); ср. также типичность употребления *церемониться* в контексте выражений типа *без лишних слов*: *Он не церемонился с ними, и без лишних слов...* и т. д.

2) Неэтикетное употребление: ‘Х, желая нанести ущерб Y-у, не делает этого из жалости к нему; говорящий считает эту жалость излишней’ (синоним — *щадить*). Ср. *Напоминаю, при малейшей мысли о побеге церемониться не будем* (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*).

¹⁰⁴ У лексемы *церемониться* восстанавливается также устаревшее употребление, в котором снимается указание на нежелательность для партнера действий, совершаемых субъектом. В этом случае *церемониться* указывает на то, что субъект ведет длительную словесную подготовку, прежде чем изложить свои цели, касающиеся партнера, в частности, попросить его о чем-л. Ср. *Чичиков, как мы уже видели, решился вовсе не церемониться и потому, взявши в руки чашку с чаем и вливши туда фруктов, повел такие речи: — У вас, матушка, хорошая деревенька* (Н. В. Гоголь, *Мертвые души*); — *Дело, князь, говорите, дело: чем я могу вам служить?* — *Что же это, — спрашивает князь, — стало быть, без разговора все начистоту выкладывать?* — *Конечно, говорит, объясняйте прямо, в чем дело? Мы ведь с вами коротко знакомы, (...) церемониться нечего* (Н. С. Лесков, *Очарованный странник*). Указанный тип употреблений является частным случаем соблюдения стратегий

Итак, *церемонии* и *церемониться* указывают на чрезмерную усложненность поведения субъекта, а также на его медлительность¹⁰⁵, которые являются следствием завышения этикетного регистра (а именно, его негативной составляющей). Ср. *Если она [изменит], не буду церемониться, в два счета выпровожу* (В. Солоухин, *Не жди у моря погоды*); *Она, вероятно, все уже испытала с Макаруевым, (...) и это лишило ее права играть роль невинной (...) девочки. Но так как она все-таки играет эту роль, то будет наказана... И нечего медлить, глупо церемониться* (М. Горький, *Жизнь Клима Самгина*); *Он сразу понравился мне, потому что немедленно, без всяких церемоний прогнал метрдотеля за официантом* (А. и Б. Стругацкие, *Хищные вещи века*); *Егор Тишкин выпил вторую уже без церемоний, залпом* (Б. Акунин, *Пиковый валет*).

Следует обратить внимание на тот факт, что для обеих рассматриваемых лексем, в отличие от слов *бесцеремонно*, *бесцеремонный*, очень типично употребление, когда субъект злоупотребляет теми стратегиями отдаления, которые запрещают ограничивать свободу партнера, или предписывают смягчать эффект соответствующих действий.

Ср. типичность их использования, когда речь идет о произнесении директивных актов, а также о неречевых формах принуждения: *без лишних церемоний потребовать лучшую комнату в отеле* (*заставить их помочь, приказать следовать за собой*); *без церемоний выпроводить* (*выдворить, втолкнуть, загнать в дом*); *Он не церемонился с гостями и без лишних слов отправил их на кухню чистить картошку*; *Он, не церемонясь, выпроводил их* (*вытолкнул их из комнаты*).

Представление о неуместности использования завышенного регистра в случае *церемонии*, *церемониться* может быть связано с рядом условий:

а) Наличие близких отношений между субъектом и партнером, которые делают ненужным соблюдение этикетных условностей¹⁰⁶; ср. — *Так долго? На это бабушка ответила не Эдику, а мне. — У нас в Советском Союзе — один порядок на всех, — сказала она, мстительно глядя на меня. — Ну, правильно. Господин Ларссон — иностранец, а я — своя. Чего со мной церемониться?* (В. Кунин, *Интердевочка*); *Дом этой дамы непосредственно примыкал к зданию почтамта, где директорствовал ее супруг, с которым Бубенцов очень скоро тоже оказался на приятельской ноге, так что без церемоний заходил к нему в кабинет* (Б. Акунин, *Пелагия и белый бульдог*); *Я (...) заметил, что дверь не заперта. Тронул и вошел. В передней пошаркал калошами, пооткашлялся, шумно разделся. Ни гугу. В чем,*

отдаления, запрещающих ограничивать свободу партнера посредством директивных речевых актов, или же смягчать их форму.

¹⁰⁵ Ср. об этом в [Шаронов 2003: 173]; ср. также работу [Земская 1997], где говорится, что повышенная вежливость, приводящая к излишней затрате времени, нарушает постулат уместности.

¹⁰⁶ См. об этом также [Шаронов 2003: 169].

собственно, дело? Друг мне Докучаев или не друг? И я без церемоний переступаю порог (С. Мариенгоф, Циники).

б) Ситуации, которые требуют быстрых действий и не позволяют отвлекаться на формальности; ср. — *Закройте дверь и никуда не выходите, — строго сказал ей Гош и, не останавливаясь, подтолкнул Ренату внутрь каюты. Не до церемоний* (Б. Акунин, Левиафан); *Некогда с тобой церемониться.*

Основное различие между *церемониться* и *церемонии* состоит в характере стратегий, которые использует субъект (а также в характере действий, от которых он воздерживается).

В случае *церемонии* субъект, как уже говорилось, использует стратегии отдаления (см. примеры выше).

Между тем, *церемониться* может указывать как на следование стратегиям отдаления, так и на использование других негативных стратегий, включая те из них, которые запрещают вести себя грубо, проявляя активное неуважение к партнеру.

Примеры, где *церемониться* предполагает злоупотребление стратегиями отдаления: *Судя по всему, тут роман развивался стремительно. — Венгры, они церемониться не любят* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Я ее спросил: — Вас как зовут? Нечего с ними церемониться* (В. Аксенов, Звездный билет) [речь идет о чрезмерном использовании стратегий отдаления, запрещающих вторгаться в личную сферу партнера или сокращать горизонтальную дистанцию между ним и субъектом]; *Он не слишком церемонился с официантами и то и дело подзывал их, чтобы в очередной раз послать за какой-нибудь мелочью* [речь идет о чрезмерном следовании стратегиям отдаления, запрещающим ограничивать свободу партнера].

Примеры, где *церемониться* предполагает чрезмерное использование правил негативной уважительности, запрещающей грубое обращение с партнером: *Он не стал с ней церемониться, а сказал все, что о ней думает; С хулиганами церемониться нечего; Я там и буду резок, я там церемониться не стану* (Н. С. Лесков, Соборяне); *Зато когда хозяев дома не было, Дар не церемонился. Впустить в квартиру впустит, а обратно хода нет. Сиди! До тех пор сиди, пока не вернется один из хозяев* (Ф. Абрамов, Потомок Джима); *Запрет под замок, в номер с мебелью красного дерева, — церемониться не станет* (Б. Акунин, Алтын-Толобас).

Далее, *церемониться* характеризует обращение субъекта с конкретным партнером по общению, указывая на чрезмерное соблюдение субъектом правил вежливости и деликатности, тогда как слово *церемонии*, помимо этого, может характеризовать собственные манеры субъекта, указывая на излишне строгое соблюдение приличий и правил скромности.

Кроме того, в случае *церемониться* может идти речь о более серьезном отрицательном воздействии на партнера, чем в случае *церемонии*: в частности, *церемониться* может использоваться, когда субъект избегает нанесения партнеру ущерба, что для слова *церемонии* абсолютно нетипично. Ср. *С ним не стали*

церемониться и немедленно уволили; Вследствие этого он не только не церемонился с нею, но даже не раз, под пьяную руку, бивал (М. Е. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы).

Наконец, в случае *церемониться*, в отличие от *церемонии*, представление об излишней усложненности поведения субъекта может быть связано, помимо прочего, с низким статусом партнера по общению; ср. *Не барыня, нечего с ней церемониться; С бедными родственниками (с детьми) она привыкла не церемониться; Не взяв же никакого вознаграждения, Федор Павлович с супругой не церемонился и (...) даже попрал ногами самые обыкновенные брачные приличия* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *Привыкнув не церемониться с хорошенькими поселянками, он было хотел обнять ее* (А. С. Пушкин, Повести Белкина); *Я — такая мелкая и ничтожная сошка, что меня можно выгнать в шею без объяснения причин! Зачем со мной церемониться?* (А. П. Чехов, Княгиня); для слова *церемонии* употребление в подобных контекстах нетипично.

Тем самым, *церемониться* отражает представления о том, что степень обязательности использования этикетных формальностей зависит от соотношения статусов субъекта и партнера.

В принципе ситуация, при которой выбор варианта этикетной нормы зависит от соотношения статусов участников ситуации, как уже говорилось, достаточно типична для этикета. При этом обычно характер этой зависимости «прогрессивный»: в ситуации, когда действие направлено «снизу вверх», обязательность и строгость этикетных правил возрастает. (См. об этом в разделе 1.4.5).

Однако в случае *Не барыня, нечего с ней церемониться* перед нами противоположная ситуация — зависимость норм от соотношения статусов носит «регрессивный» характер¹⁰⁷. В данном случае, вследствие того, что статус партнера недостаточно высок, степень обязательности выполнения нормы уменьшается, т. е. деликатность воспринимается как ненужная, избыточная. Тем самым, имеет место маркирование социального превосходства субъекта, которое, как отмечалось нами, нетипично для русского наивного этикета.

Нестандартность подобной ситуации для русского наивного этикета проявляется в том, что слово *церемониться* (особенно при указании на низкий статус партнера) часто используется иронически: говорящий считает, что деликатность вовсе не является избыточной, а, используя слово *церемониться*, просто передает точку зрения субъекта, которую сам не разделяет. Ср. *Соседи выкопали неглубокую могилу под самым порогом мастерской и без особенных проявлений печали зарыли там тело. С безродными покойниками тут не церемонились* (Е. Филленко, Шествие динозавров); *В отличие от лошадей, с людьми не церемонились* (Г. Жженов, Этап); *Вопросов я наставил много, но есть один самый важный, который, замечу, я не осмелился прямо задать моей матери, несмотря на то, что так близко*

¹⁰⁷ В [Шаронов 2003: 166] применительно к этой черте наивного этикета используется название «скрытый аристократизм».

сошелся с нею (...) и, сверх того, как грубый и неблагодарный щенок, считающий, что перед ним виноваты, не церемонился с нею вовсе (Ф. М. Достоевский, Под-росток); Да-да, он не церемонился с послушной марионеткой. Сначала взял ее про-сто и уверенно, нисколько не сомневаясь в своем праве, а после поднялся и сказал: «Уходи» (Б. Акунин, Любовница смерти).

В некоторых случаях это «раздвоение оценок» усиливается тем, что говорящий сам выступает в качестве объекта действия. Ср. *Что этим поганцам с нами церемониться?* (В. Солоухин, Не жди у моря погоды); — *А теперь, значит, вы решили больше со мной не церемониться?* — сказала она (А. и Б. Стругацкие, Жук в муравейнике). При этом в значении *церемониться* отражается представление об относительности этикетных норм.

Для слова *церемонии* такое размывание оценок нехарактерно.

Это может быть вызвано рядом причин — как отсутствием в значении этого слова представлений о «наивном аристократизме», нехарактерных для русского этикета и этики, так и тем, что действия субъекта в случае *церемоний*, в отличие от *церемониться*, обычно не наносят ущерба партнеру по общению, даже если они ему неприятны. Вследствие этого позиция говорящего, отрицающего необходимость соблюдения правил деликатности, является менее уязвимой.

Однако этого объяснения явно недостаточно. Дело в том, что *церемониться* может оцениваться неоднозначно даже в тех случаях, когда отсутствует «статусная дискриминация», а также нанесение ущерба; ср. *Вот-вот. — Вступай. Начинай. Пошли отца ко всем чертям. Не станешь же ты со мной церемониться* (А. Вампилов, Старший сын). Между тем, слово *церемонии* всегда оцениваются однозначно отрицательно, даже если речь идет о смягчении эффекта действий, нежелательных для партнера; ср. *Он довольно невежливо толкнул ее в каюту — не до церемоний; Он без лишних церемоний выгнал гостей*; ср. также фразу *Он не церемонился с ней и довольно невежливо толкнул ее в каюту*, которая предполагает скорее положительную оценку «церемоний», которыми пренебрег субъект.

Более того, в случае *церемоний* даже при совпадении говорящего и объекта никакого раздвоения оценок не возникает: либо употребление слова *церемонии* становится не вполне уместным (ср. несколько странное *Он толкнул меня в каюту — не до церемоний*), либо слово *церемонии* сохраняет свою отрицательную оценку (*Он без лишних церемоний выгнал нас*).

Однозначность отрицательной оценки *церемоний* проявляется также в том, что для этого слова характерны контексты, в которых говорящий призывает партнера отбросить условности и вести себя с ним проще; ср. стандартное *Прошу вас, бросьте эти церемонии, мы же не чужие; Бросьте эти церемонии, мы же свои люди; Воланд (...) дернул ее [Маргариту] к себе и посадил на кровать рядом с собою. — Ну, уж если вы так очаровательно любезны, — проговорил он, — то будем без церемоний* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Между тем, для *церемониться* такие контексты нетипичны, или же содержат оттенок иронии; ср. несколько

странное *Прошу вас, не церемоньтесь со мной, мы же не чужие; Вы напрасно со мной церемонитесь.*

На наш взгляд, причина рассмотренного различия в оценках состоит в том, что в случае *церемониться* речь идет об использовании всего комплекса негативных стратегий (включая наиболее важные для наивного этикета — а именно, те, которые запрещают проявлять «активную неуважительность»), тогда как слово *церемонии* предполагает использование негативных стратегий отдаления, не основных для русского наивного этикета.

Глагол *цацкаться* очень близок к глаголу *церемониться*; он также указывает на избыточную деликатность субъекта. Ср. следующие контексты, где *цацкаться* легко заменяется на *церемониться*: *Она и понятия не имела, что существуют обходные маневры, или считала их лишними для своей тетки, с которой, мол, не стоит цацкаться, а надо, как курицу, хватать, пока она сидит на месте, и щипать* (В. Распутин, *Деньги для Марии*). Различие между *церемониться* и *цацкаться* состоит в семантических акцентах: первый из них акцентирует внимание на воздержании от действий, неприятных для партнера по общению, а второй — на совершении каких-л. действий в интересах партнера, который говорящий считает избыточными. Тем самым, *цацкаться* частично сближается с глаголами *возиться* 3, *носиться* 2 (с кем-л.). Ср. *Антон взял «языка» за меховое плечо и показал на кабину. Тот отчаянно закрутил головой. {...} Потом он сел в снег. — Цацкаться тут с тобой! — заорал Саул. Он поднял «языка» за шубу и перевалил через борт* (А. и Б. Стругацкие, *Попытка к бегству*)¹⁰⁸.

3.6. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧРЕЗМЕРНОЙ ДЕЛИКАТНОСТИ В ЭТИКЕ ОБЩЕНИЯ И ЭТИКЕТЕ

Завершая рассмотрение негативных стратегий в наивном этикете, можно сопоставить представления об избыточной деликатности в этике общения и этикете.

Для этого сравним значение слов *деликатничать*, *миндальничать*, с одной стороны, и *церемониться*, *цацкаться*, с другой стороны.

Между этими словами много общего. В обоих случаях представление о превышении меры в использовании стратегий деликатности возникает тогда, когда стремление субъекта соблюсти соответствующие правила приводит к в о з д е р ж а н и ю от совершения действий, в которых он заинтересован, т. е. когда прагматические нормы вступают в конфликт с этическими и этикетными. При этом специфика этикетных представлений об излишней деликатности состоит в следующем:

1) Если в этике общения представление об избыточной деликатности связано главным образом с б л и з к и м и отношениями между участниками ситуации, то в

¹⁰⁸ Лексему *антимонии*, близкую к слову *церемонии*, мы подробно рассматривать не будем вследствие ее неупотребительности. Отметим только, что она, в отличие от лексемы

этикете оно может быть также связано с низким статусом партнера; ср. более стандартное *Нечего с ней церемониться, не барыня* при менее стандартном *Нечего с ней деликатничать* (миндальничать), *не барыня*. Это представляется вполне естественным, поскольку этикет, в отличие от этики, актуализирует статусные признаки коммуникантов.

2) Как показывает употребление слова *церемониться*, в этикете представление об избыточной деликатности сплетено с представлением о чрезмерной длительности действия. Ср. более стандартное *Гони его скорее отсюда, нечего с ним так долго церемониться* (цацкаться) при не вполне естественном *Гони его скорее отсюда, нечего с ним так долго деликатничать* (миндальничать). При этом затянутый характер действия обычно связывается с злоупотреблением предварительными словесными ритуалами. Тем самым, правила вежливости, требующие выполнения таких ритуалов, осмысляются в качестве наименее обязательных. Это представляется нам не случайным.

На наш взгляд, среди всех разновидностей формализованных правил этикета этот тип правил играет наименее существенную роль. Это объясняется следующими его особенностями.

а) Позитивная форма указанных правил: при рассмотрении правил деликатности мы уже сталкивались с тем, что правила-предписания могут осмысляться в наивном этикете как менее обязательные, чем правила-запреты, особенно если позитивная форма сочетается у них с негативным содержанием. (См. об этом в разделе 3.2.2.2.).

б) Превентивный характер рассматриваемого типа правил, который может усиливать конфликт между требованиями этикета и прагматическими интересами субъекта, заинтересованного в быстром достижении своей цели.

По этому признаку указанные правила отличаются от правил, предписывающих выполнение реактивных компенсующих ритуалов, а именно, от извинений, которые следуют за совершением вредоносного действия: последние воспринимаются как более обязательные, по сравнению с превентивными извинениями. Не случайно *церемониться*, *цацкаться* используются главным образом в контексте превентивных извинений, и редко допускают извинения, произносимые «пост фактум». Ср. более стандартное — *Он не извинился, вообще ничего не сказал — просто молча оттолкнул меня и прошел в кабинет. — Конечно, чего ему с тобой церемониться. Он же сын самого министра* при менее стандартном *Он оттолкнул меня и прошел в кабинет, даже и не подумал извиниться. — Конечно, чего ему с тобой церемониться. Он же сын самого министра*.

церемонии, характеризует обращение субъекта с партнером по общению, и не может использоваться, когда речь идет о собственных манерах субъекта. В этом смысле слово *антицеремонии* сближается с глаголом *церемониться*; их объединяет и то, что они оба указывают на излишнюю деликатность субъекта с партнером по общению.

ГЛАВА 4. ВЫВОДЫ

4.1. ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ПРАВИЛ НАИВНОГО ЭТИКЕТА И ЭТИКИ ОБЩЕНИЯ

При анализе ряда правил наивного этикета и этики общения обнаруживается их тенденция к грамматикализации. Чаще всего они проявляются на уровне синтаксиса, реже — на уровне морфологии.

4.1.1. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ПРАВИЛ ОБХОЖДЕНИЯ

VS. ПРАВИЛ СОБСТВЕННЫХ МАНЕР

Противопоставление этих двух типов правил отражается в валентной структуре слов. У слов, имеющих отношение к правилам обхождения, есть валентность партнера, тогда как у слов, имеющих отношение к правилам манер, эта валентность отсутствует.

По этому признаку противопоставлены не только правила вежливости и правила приличий (см. об этом в разделе. 3.1.3), но и вся сфера манер и обхождения в целом. Ср. неправильное **Он был невоспитан* (*солиден, благовоспитан, степенен, суетлив, естественен, непринужден, чопорен, неотесан и пр.*) с *Марией Ивановной*, **его невоспитанность* (*несдержанность, непристойность, благовоспитанность, естественность, скованность, непринужденность, чопорность, неотесанность, утонченность и пр.*) по отношению к *Марии Ивановне* при стандартности *Он был учтив* (*любезен, обходителен, галантен, корректен, дерзок, фамильярен*) с *Марией Ивановной*; *его бесцеремонность* (*панибратство, амикошонство*) по отношению к *Марии Ивановне* (*с Марией Ивановной*); *хамить* (*грубить, дерзить, перечить, прекословить*) *Марии Ивановне*; *церемониться* (*цацкаться, любезничать*) с *Марией Ивановной*.

Ср. также странное ??*Он был грубоват с ней* при нормальном *Он был груб с ней* [такое различие в сочетаемости объясняется принадлежностью лексем *грубый 4.1* и *грубоватый* к разным сферам наивного этикета: первое относится к сфере обхождения, второе — к сфере манер (см. об этом в разделе 1.5)].

4.1.2. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ПРАВИЛ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ МАНЕРУ

ДЕРЖАТЬСЯ VS. ПРАВИЛ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТА

Рассматриваемая оппозиция актуальна для сферы обхождения (см. об этом в разделе 1.6.1). В частности, в сфере вежливости к первому типу относятся правила корректного обращения (ср. *вежливо отказаться*) и правило речевого маркирования статуса (ср. *вежливо обратиться к директору*), ко второму типу — правила статусных движений (ср. *вежливо пропустить вперед*), правила значимости (ср.

вежливо пожать руку, невежливо отвернулся от собеседника) и правила любезности¹⁰⁹ (ср. *вежливо протянуть зажигалку (указать на стул)*).

Различие между двумя рассмотренными типами правил отражается на синтаксическом употреблении наречий и прилагательных, обозначающих их соблюдение / несоблюдение.

1) При указании на соблюдение правил первого типа рассматриваемые наречия тяготеют к адвербиальному употреблению, тогда как при указании на соблюдение правил второго типа они тяготеют к сентенциальному употреблению¹¹⁰; см. примеры выше.

2) Кроме того, при указании на соблюдение правил второго типа некоторые из рассмотренных прилагательных приобретают способность употребляться в составе сказуемого при подлежащем, выраженным инфинитивом или отдельным предложением, а также заменяющими его местоимениями. Ср. *Отказаться было бы невежливо; Ты не поздоровался с ней — это невежливо; То, что он согласился, было очень любезно с его стороны; Отказаться было бы невежливым.*

В том случае, когда одно и то же наречие может указывать на соблюдение правил обоих типов, нередко возникает семантическая и синтаксическая омонимия, при которой возможно и сентенциальное, и адвербиальное прочтение этого наречия.

Рассмотрим следующие сочетания: *вежливо поздоровался (поблагодарил, извинился)*; *вежливо кивнул (поклонился, пожал руку)*. Хотя во всех этих случаях речь идет о соблюдении правил уважительности, рассматриваемые сочетания допускают двоякую интерпретацию.

Во-первых, они могут быть поняты следующим образом: ‘поздоровался (поблагодарил, извинился и пр.) в вежливой форме’. В этом случае *вежливо* акцентирует внимание на манере обращения с партнером: в ней отсутствуют признаки низкой оценки статуса последнего, как этого требуют правила корректного обращения (или присутствуют знаки высокой оценки статуса партнера, например, обращение на *-вы*, как этого требует правило речевого маркирования статуса). Такая интерпретация подразумевает адвербиальное употребление *вежливо*.

Во-вторых, рассматриваемые сочетания могут пониматься следующим образом: ‘поздоровался и пр., и это оценивается говорящим как проявление вежливости’. В этом случае наречие *вежливо* акцентирует внимание на совершении ритуалов, предусмотренных правилами значимости. При таком понимании предполагается, что *вежливо* выступает в сентенциальном употреблении.

¹⁰⁹ К этому же типу относится правило любезности в рамках гипервежливости, на соблюдение которого указывают слова *галантный, любезный* и их дериваты; ср. *любезно протянуть зажигалку (указать на стул), галантно распахнуть дверь*.

¹¹⁰ О двух этих типах употреблений см. в [Рудницкая 1993].

Ср. также двузначность фразы *Он вежливо предложил ее проводить*: а) 'предложил в вежливой форме' (адвербиальное употребление; в данном случае речь идет в первую очередь о соблюдении правил уважительности); б) 'предложил проводить, и это оценивается говорящим как проявление вежливости' (сентенциальное употребление, речь идет о соблюдении правил любезности).

Нередко между близкими словами в сфере наивного этикета существуют синтаксические и морфологические различия, обусловленные различием в типе правил, на которые чаще всего указывают эти слова.

Так, в синонимических рядах *вежливый, любезный, учтивый, галантный* и *вежливо, любезно, учтиво, галантно* слова *любезный, любезно* максимально тяготеют к сфере правил второго типа, регламентирующих содержание действий. Это проявляется, в частности, на уровне словообразования: слово *любезность* может обозначать не только свойство поведения, как *вежливость, учтивость, галантность*, но и конкретный поступок; ср. *оказать любезность; поблагодарить за эту любезность*.

Кроме того, указанная особенность проявляется на синтаксическом уровне — в частности, она предопределяет способность предикативного употребления лексики *любезный* при подлежащем-местоимении; ср. *Это было очень любезно с его стороны; То, что он согласился, было очень любезно*. Для остальных трех слов такого рода использование было бы невозможно; ср. странное *'Это было очень вежливо (учтиво, галантно) с его стороны; 'То, что он согласился, было очень вежливо (учтиво, галантно)*.

Теперь рассмотрим две синонимичные пары слов: *тактично, деликатно* и *тактичный, деликатный*. И те, и другие в принципе могут указывать на соблюдение правил обоих типов, вследствие чего соответствующие наречия допускают как сентенциальное, так и адвербиальное использование. Ср. *Он деликатно (тактично) молчал* = 'то, что он молчал, интерпретируется как проявление деликатности (такта)' [сентенциальное употребление]; *Он деликатно (тактично) отвернулся* = 'то, что он отвернулся, оценивается как проявление деликатности (такта)' [сентенциальное употребление] VS. *Скажи ему об этом как можно деликатнее (тактичнее)* = 'скажи в деликатной (тактичной) форме' [адвербиальное употребление].

При этом для *тактично, тактичный*, по сравнению с *деликатно, деликатный*, более характерно использование в контексте правил второго типа, регламентирующих содержание действий субъекта.

Это определяет следующие особенности слов *тактично, тактичный*.

Во-первых, для наречия *деликатно*, по сравнению с *тактично*, адвербиальное употребление является основным. Ср. *Он тактично поинтересовался, как здоровье ее сестры* [возможны две интерпретации: а) то, что субъект спросил о здоровье сестры (а не о чем-нибудь другом), оценивается как проявление такта; б) субъект спросил о здоровье сестры в тактичной форме] VS. *Он деликатно поинтересовался, как здоровье ее сестры* [возможно только одна интерпретация: субъект спросил о здоровье сестры в деликатной форме].

Во-вторых, слово *тактичный* (с определенными ограничениями)¹¹¹ может употребляться в качестве сказуемого при подлежащем, выраженном инфинитивом, отдельным предложением или заменяющим его местоимением. Ср. *Уйти было бы не совсем тактично*; *С черного хода (...) всегда тактичнее заходить* (В. Конецкий, Невезучий Альфонс); *Это было бы не совсем тактично*; *Клим (...) понимал, что было бы вообще приличней и тактичнее по отношению к Лидии, если б он ходил по улицам, искал ее, вместо того, чтобы сидеть здесь и пить чай* (М. Горький, Жизнь Клим Самгина); *деликатно здесь было бы менее уместно*.

При добавлении отрицания рассмотренные выше различия в характере правил между *любезный* VS. *вежливый*, *учтивый*, *галантный*, а также между *деликатный* VS. *тактичный* и их наречными дериватами частично нейтрализуются. Все соответствующие негативные лексемы в большинстве случаев используются в контексте правил, регламентирующих поступки или действия субъекта. Ср. нормальное *неделикатно* (*бестактно*, *невежливо*) *поступить* при странном *тактично поступить* и особенно *деликатно* (*вежливо*) *поступить*.

Сдвиг значения негативных лексем в сторону содержания действий предопределяет следующие их синтаксические особенности:

1) Большинство рассматриваемых негативных прилагательных — не только *нелюбезный*, *бестактный*, но и *неделикатный*, *бестактный*, *невежливый*, *неучтивый* и даже *негалантный* — свободно употребляются в качестве сказуемого при подлежащем-инфинитиве или сентенциальном местоимении. При этом какие бы то ни было формальные ограничения на использование перечисленных слов в такого рода конструкциях отсутствуют. Ср. допустимое *Это неделикатно* (*бестактно*, *невежливо*, *неучтиво*, *негалантно*); *Так говорить неделикатно* (*бестактно*, *невежливо*); *Отказаться проводить ее было бы нелюбезным* (*невежливым*, *неучтивым*, *негалантным*); *Марлен Михайлович (...) руку степановскую движением плеча от себя удалил, хотя понимал, что вот это-то как раз и неверно, и бестактно* (В. Аксенов, Остров Крым); *Стреляться в земской избе — как это бестактно!* — *проговорил доктор* (А. П. Чехов, По делам службы); *Крестовой понадобилось поехать в Китай, чтобы убедиться, как люди не понимают друг друга! Может быть, неделикатно сказать: «если любые два друга намертво не понимают друг друга* (М. Гаспаров, Записи и выписки); *Но поскольку было бы невежливо (...) посылать инспектору вторичное приглашение, ничего не оставалось делать, как притвориться спокойным* (А. и Б. Стругацкие, Христороуды); *Почему ты, Волька, беседуешь с твоим и моим лучшим другом Женей (...) в прихожей? Это неучтиво* (Л. Лагин, Старик Хоттабыч).

¹¹¹ В этих случаях указанные слова используются в форме сравнительной степени, или же имеют при себе наречие с отрицанием (*не совсем*, *не очень*). Кроме того, следует отметить, что в подобных конструкциях лексемы *тактично*, *тактичный* используются преимущественно в первом круге употреблений, в котором они характеризуют содержание поступков субъекта, а не внешнюю форму действий.

2) *Неделикатно, бестактно, невежливо, неучтиво*, по сравнению с соответствующими позитивными лексемами, значительно чаще предполагают сентенциальное употребление; ср. *Он деликатно <тактично> спросил ее о возрасте* = 'спросил ее о возрасте в деликатной <тактичной> форме' VS. *Он неделикатно <бестактно> спросил ее о возрасте* = 'он спросил ее о возрасте, и это оценивается как отсутствие деликатности <такта>'; *Он вежливо <учтиво> отказался* = 'отказался в вежливой <учливой> форме' VS. *Он невежливо <неучтиво> отказался* = 'он отказался, и это оценивается как отсутствие вежливости <учтивости>'.

4.1.3. Правила услужливости и их отражение в морфологии

Соблюдение правила услужливости в этике общения может маркироваться на уровне морфологии: как уже отмечалось, для слов *услужливый, услужливо* очень типичны сочетания с глаголами, имеющими префикс *под*, который может подчеркивать его направленность «с низу в верх»; ср. *услужливо подсказать <подсунуть, подхватить, посадить>*.

4.2. Принципы статусной скромности и пассивности в русском наивном этикете и этике общения

В системе русских наивно-языковых представлений об этикете и этике общения важное место занимают два взаимосвязанных принципа — принцип «статусной скромности» и принцип пассивности, которые во многом являются этноспецифичными.

4.2.1. Принцип статусной скромности

Как показывает употребление прилагательного *скромный*, в этике общения нормой является отсутствие завышенной самооценки и, наоборот, ее занижение. При этом выделяются два типа занижения самооценки: низкая оценка собственных качеств и достижений, которая содержится в высказываниях субъекта о самом себе, и низкая оценка собственного социального статуса и роли в ситуации, которая проявляется в манере держаться и поступках субъекта. Первый тип поведения обозначает лексема *скромный 1*, второй — лексема *скромный 2*.

Несмотря на то, что оба типа поведения оцениваются в наивной этике общения положительно, характер нормы в этих случаях несколько различен. Требование «занижения» оценки своих личных качеств и достижений не является абсолютным, допуская представление о некоей разумной мере — на это указывают отрицательно оцениваемые разговорные глаголы и глагольные выражения *скромничать, прибедняться, строить казанскую сироту*, а также фразема *ложная скромность*, которые используются, когда субъект необоснованно преуменьшает то хорошее, что он сделал или имеет¹¹². Между тем, принцип «статусной скромности», пред-

¹¹² См. об этом в [Крылова 2004: 1030—1032].

писывающий занижать свой социальный статус (или роль в ситуации), является более или менее абсолютным — на это указывает отсутствие в рассматриваемой сфере отрицательных лексем, указывающих на превышение меры.

При этом следует отметить, что в других слоях русской лексики слова, указывающие на чрезмерное занижение собственного социального статуса, представлены очень широко; ср. *угодно, подобострастно, лакей 2* и пр. Однако все они характеризуют обращение субъекта с конкретным партнером по общению, тогда как *скромный, скромно* обозначают манеры субъекта и его действия, не предполагающие конкретного партнера.

Существует только одно слово с негативной семантикой, которое может использоваться при указании на чрезмерную неприязнательность субъекта и необоснованное преуменьшение им своей значимости — это слово *церемонии*, выражающее отрицательную оценку. Оно может употребляться при описании одной конкретной разновидности стратегий скромности — а именно, «скромности отдаления», которая рекомендует гостю ограничивать свои запросы, в том числе, отказываться от предложений хозяина, чтобы не затруднять его и не вторгаться в его личную сферу¹¹³. (См. об этом в разделе 2. 3). Ср. — *Да не хотите ли закусить, Никанор Иванович? Без церемоний! А?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Мы с Костей Соловьевым сразу же сели без церемоний* (П. Нилин, Жестокость); *Не прикажете ли закусить чего-нибудь? Может быть, угодно пообедать или позавтракать? Прошу без церемоний!* (М. Булгаков, Театральный роман). Рассматриваемый тип поведения допускает неоднозначную оценку: в зависимости от позиции субъекта, он может оцениваться и положительно, и слабоотрицательно, что делает возможным употребление в одной и той же ситуации как слова *скромно* и его дериватов, так и слова *церемонии*. Ср. *Ей нравилась его скромность — он никогда не заходил в дом, а всегда ждал ее на крыльце VS. Заходите и располагайтесь без церемоний* (Н. Носов, Незнайка в Солнечном городе); *Присаживайтесь, голубчик, я церемоний не люблю* (Б. Акунин, Смерть Ахиллеса).

На первый взгляд, подобное употребление слова *церемонии* опровергает наши выводы об абсолютности ориентации на низкий социальный статус и незначительную роль в ситуации, однако на самом деле это не так.

¹¹³ К слову *церемонии* в такого рода употреблениях близок уходящий и одновременно разговорный глагол *чиниться*. Последний также указывает на ритуальные отказы субъекта от предложенного, продиктованные стремлением соблюдать приличия и, в частности, следовать стратегиям отдаления. Ср. *Он не стал чиниться и сел с ними за стол*. Различие между этими словами состоит в том, что в случае *чиниться* «фиктивные» отказы субъекта вызваны не столько стремлением субъекта вести себя скромно, как в случае *церемонии*, сколько противоположным желанием, состоящим в том, чтобы подчеркнуть свою высокую значимость и статус. Поэтому, в частности, *чиниться* может использоваться как синоним *ломаться*, когда субъект долго отказывается сделать что-л., о чем его просят, из желания «набить себе

Прежде всего, при обозначении избыточной скромности слово *церемонии* не выражает полноценной отрицательной оценки. Это связано с тем, что в рассматриваемом типе употреблений это слово обычно используется исключительно в контексте уговоров гостя хозяином, предусмотренных «гостевым» ритуалом. Согласно сценарию последнего, гостю полагается демонстрировать низкую оценку своей роли в ситуации и заботиться о том, чтобы не обеспокоить хозяев, так же как хозяину по роли полагается, в свою очередь, заботиться об интересах гостя и отклонять его заботу о себе, всячески подчеркивая ее неуместность, что и достигается за счет использования слова *церемонии*. Вследствие этого употребление последнего носит скорее этикетный, ритуализованный характер, чем отражает подлинную отрицательную оценку поведения гостя со стороны хозяина.

Аналогичная ситуация имеет место в случае *скромничать*. Этот глагол обозначает преуменьшение субъектом своих достоинств и заслуг и чаще всего выражает отрицательную оценку из-за указания на притворство субъекта. Однако у него существуют особый этикетный режим употреблений, в котором эта оценка может практически сниматься — речь идет о тех случаях, когда *скромничать* описывает ритуальное опровержение похвалы, которое предусмотрено этикетом. Ср. — *Неужели вы сами шили это платье? Это просто шедевр. — Что вы, ничего особенного. — Пожалуйста, не скромничайте; — Как вы прекрасно играете на рояле! — Что вы, это так, пустяки. — Не скромничайте; — Ты переоцениваешь мои способности. — Не скромничай* (М. Львова, Саня или Двойная свадьба).

Однако даже та легкая отрицательная оценка, которую выражает в рассмотренных выше случаях слово *церемонии*, вызвана не негативным отношением к занижению субъектом своей значимости и роли в ситуации, а совсем иными причинами. К ним относится излишняя формализованность описываемого поведения, а также совмещение в нем стратегий скромности со стратегиями отдаления, которые в русском наивно-языковом сознании, как уже отмечалось, могут осмысляться как избыточные. При этом интересно сравнить русский и западно-европейский коммуникативный этикет. Если для первого рассматриваемый тип поведения в принципе характерен, но допускает неоднозначную языковую оценку, то для второго, несмотря на актуальность для него разнообразных стратегий отдаления, рассматриваемое поведение вообще нетипично (см. об этом в книге [Тер-Минасова 2000]). Это объясняется нехарактерностью для западно-европейского этикета принципа «статусной скромности», как такового, что делает неактуальной и скромность отдаления, с ее ритуальными отказами от предложенного, мотивированными низкой оценкой субъекта своей роли в ситуации.

цену», тогда как слово *церемонии* в такой ситуации вряд ли уместно. Ср. нормальное *Спой, не чинись*; между тем, фраза *Брось эти церемонии, спой* выглядит странно, если под *церемониями* подразумеваются многократные отказы субъекта в ответ на уговоры.

4.2.2. ПРИНЦИП ПАССИВНОСТИ

Наряду с принципом «статусной скромности», важное место в русском наивном этикете и этике общения занимает принцип пассивности, воздержания от действий.

Ценность такого поведения определяется, в том числе, тем, что оно связывается одновременно с представлением о «статусной скромности» и с представлением о деликатности и такте, тогда как активность воспринимается как источник нарушения соответствующих норм.

Для наивного этикета и этики общения актуальны два аспекта пассивности:

1) пассивность как отсутствие активных действий; 2) пассивность как отсутствие интенсивных внешних проявлений.

4.2.2.1. Пассивность как отсутствие активных действий

В обеих рассмотренных нами системах — как этике общения, так и в наивном этикете — активные действия субъекта часто ассоциируются с нарушением нормы. При этом отношение к такого рода действиям практически не зависит от того, в чьих интересах — субъекта или партнера — они совершаются.

1) Представления об активности в наивной этике общения.

Оба типа активности оцениваются в этике общения скорее отрицательно, чем положительно. Активные действия, направленные на достижение собственных целей субъекта, обычно рассматриваются в этике общения как нежелательные, поскольку противоречат негативными стратегиями, которые реализуются в правилах статусной скромности и деликатности. В результате слова *скромно*, *деликатно* и пр. чаще всего предполагают воздержание от активности; ср. странное *деликатно и энергично*, *деликатно и настойчиво*; *скромно и настойчиво*. Активные действия в интересах партнера, хотя и допускают положительную оценку, однако играют в системе наивно-этических представлений периферийную роль и нередко могут связываться с нарушением нормы; ср. неоднозначность оценки слов *услужливо*, *услужить*, *угождать*, а также негативную оценку таких слов, как *лакей*.

2) Представления об активности в наивном этикете.

В сфере этикета, как и в сфере наивной этики общения, активность в интересах партнера играет периферийную роль. Это проявляется в том, что в состав правил вежливости входят не все типы услуг, а главным образом, услуги-предоставления возможности, предполагающие невысокую степень активности, а также такие услуги-помощь, которые являются «физически необходимыми» для партнера. Активные действия в интересах партнера играют второстепенную роль и среди статусных знаков, предусматриваемых правилами этикета: как уже отмечалось, здесь на первый план выходят действия, связанные с отказом от реализации своих возможностей. Исключение составляет только сфера гипервежливости, для которой услуги весьма актуальны.

Что касается активности субъекта в собственных интересах, то ее ограничение предусматривается этикетным правилом скромности. Последнее, в отличие от аналогичного правила в сфере этики общения, регламентирует исключительно действия субъекта (а не его манеру держаться) и предписывает соразмерять степень активности субъекта с его ролью в ситуации. На нарушение этого правила указывают слова *наглый*, *нахальный*, *расхаживаться*, *раскомандоваться* и пр.

Следует отметить, что в русском наивно-языковом сознании неоднозначное отношение к активности и настойчивости в достижении своих целей выходит за пределы сфер наивного этикета и этики общения. На это указывает, в частности, употребление ряда слов, которые характеризуют аспекты поведения, не связанные напрямую с общением, таких, как *настырный*, *напористый*, *пробивной*, *усердствовать*, *ретиво*, *рвение*, *шустрый*, *прыткий*. Все эти слова допускают отрицательную оценку, включая два последних слова (ср. неодобрительное *Уж больно ты шустрый (прыткий)!*) — разница состоит только в степени ее обязательности. Слова *пробивной*, *рвение*, *шустрый*, *прыткий* допускают, наряду с негативными, нейтральные употребления, тогда как *настырный*, *усердствовать*, *ретиво* всегда выражают отрицательную оценку.

Между тем, в западно-европейской культуре представлена прямо противоположная оценка активности и самоутверждения.

Чтобы проиллюстрировать разное отношение к активности в русском и западно-европейском наивно-языковом сознании, полезно сопоставить значение английского прилагательного *aggressive* и русского прилагательного *агрессивный*.

В английском языке прилагательное *aggressive* может иметь, помимо негативного, позитивное значение, указывая на умение субъекта добиваться своих целей.

В русском языке *агрессивный*, наряду с основным блоком значений *агрессивный 1*¹¹⁴, также имеет не вполне оформившийся блок значений *агрессивный 2*, возникший в последние десятилетия, вероятно, под влиянием английского языка. В него входят лексемы *агрессивный 2.1 (человек)*, *агрессивный 2.2 (тон)*, *агрессивный 2.3 (действия)*. Все эти лексемы предполагают, что субъект ведет себя напористо и способен добиваться своих целей, как правило, за счет интенсивного воздействия на других людей; в отличие от лексем блока *агрессивный 1*, рассмотренные лексемы не указывают на то, что субъект испытывает негативную эмоцию. Ср. *Ка-*

¹¹⁴ К данному блоку относятся следующие негативные лексемы: *агрессивный 1.1 (агрессивный человек)*, *агрессивный 1.2 (агрессивный тон)*, *агрессивный 1.3 (агрессивные действия)*. *Агрессивный 1.1* = 'такой, который часто без серьезных причин испытывает эмоцию, близкую к злости, вследствие чего для него характерен определенный тип поведения по отношению к другим людям: быстро и неожиданно приблизившись к кому-л., он входит с ним в контакт и прикладывает усилия с целью причинить ему физический ущерб (*напасть 1*), или же неожиданно начинает в резкой и энергичной форме критиковать, упрекать или обвинять кого-л., не имея для этого достаточных оснований (*напасть 2*)'; см. [Крылова 2004].

жесты, он угодил в тривиальную ситуацию, многократно описанную: иностранец как жертва агрессивного российского хлебосольства (Б. Акунин, Алтын-Толобас); К моему удивлению, она (...) проявила агрессивную настойчивость (В. Кунин, Кы-ся); Разговор шел о том, как унижить молодежь, агрессивных и ярких «Яки-Туган-Фьюча» (В. Аксенов, Остров Крым); Надо быть очень агрессивным типом, чтобы участвовать в этой гонке (В. Аксенов, Остров Крым); Вряд ли решительный и агрессивный Игорь Бонафедде добровольно пойдет под арест (В. Аксенов, Остров Крым); Идеи (...) подавления всякого мужественного, агрессивного начала покончат с цивилизацией (А. Кабаков, Последний герой).

Для нас важно, что в рассматриваемых примерах прилагательное *агрессивный* либо получает отрицательную оценку (как в первых двух примерах), либо его употребление воспринимается как не вполне нормативное (как в остальных приведенных примерах). Таким образом, следует сделать вывод, что позитивное отношение к активности плохо приживается в русском языке.

4.2.2.2. Пассивность как минимизация внешних проявлений

Все слова в сфере наивного этикета и этики общения, которые так или иначе характеризуют внешние манеры субъекта, предполагают положительную оценку спокойного и сдержанного поведения и отрицательную оценку излишней интенсивности внешних проявлений.

Это относится, во-первых, к сфере обхождения: *уважительно, почтительно, деликатно, вежливо* указывают на замедленность и плавность движений, а *деликатно* — еще и на ограничение громкости речи. Исключение составляют только слово *услужливо*: оно указывает не на экономию движений, а на их интенсивность и высокий темп (ср. *услужливо броситься исполнять указания*). Эта особенность рассматриваемой лексики согласуется с тем, что она может выражать отрицательную оценку.

Однако еще более отчетливо указанная закономерность проявляется в сфере манер. Большинство позитивных лексем в этой сфере указывают на минимизацию внешних проявлений. Так, *чинно, солидно, степенно* предполагают, во-первых, медленный темп движений и речи, и, во-вторых, немногословность субъекта. Последнее характерно также для *скромно*; кроме того, это слово указывает также на ограничение громкости речи и на отсутствие размашистых движений (ср. типичное *тихо и скромно, скромно и незаметно*). С другой стороны, негативные лексем *суетливо, развязно* указывают на излишнюю интенсивность внешних проявлений: *суетливо* подчеркивает торопливость движений, *развязно* указывает на размашистые движения и излишнюю разговорчивость субъекта.

Хотя минимизация внешних проявлений часто связана со следованием принципу статусной скромности, обязательная связь между этими принципами отсутствует; более того, отсутствие интенсивных внешних проявлений важнее принципа скромности и получает положительную оценку даже в том случае, когда последний нарушается.

Сравним слова *скромно* и *степенно*, *солидно*. Их сближает указание на минимизацию внешних проявлений, а также оценка поведения субъекта со стороны говорящего: в случае *скромно* она положительная, в случае *степенно*, *солидно* — слабо положительная.

При этом рассматриваемые слова различаются характером самооценки субъекта: если первое из них предполагает ориентацию субъекта на низкий статус, то второе и третье предполагают, наоборот, его ориентацию на высокий статус. При этом *степенно* указывает на то, что субъект ведет себя так, как ведут люди, занимающие высокое положение в возрастной иерархии, *солидно* предполагает ориентацию на поведение людей, занимающих высокое положение в социальной или возрастной иерархии. (См. об этом в статье [Крылова 2004: 1285—1289]).

Это заставляет сделать следующие выводы.

1) Принцип минимизации активности обладает абсолютной значимостью и оказывается важнее, чем принцип статусной скромности: ориентация на высокий статус в возрастной и даже социальной иерархии может оцениваться положительно, если она проявляется исключительно в ограничении внешних проявлений субъекта, как в случае *степенно*, *солидно*, а не в манере держаться с другими людьми, как в случае *чваниться*, *воображать*, *важничать*, *задирать нос* и пр.

2) Отсутствие интенсивных внешних проявлений в русском наивном этикете и этике общения имеет универсальное значение: оно функционирует одновременно как знак отсутствия завышения субъектом своего статуса и как знак отсутствия его занижения, т. е. как знак самоуважения. Это определяет центральное место, которое занимает такого рода поведение в русских наивно-языковых представлениях об этикете и этике общения.

4.3. СТРАТЕГИИ ОТДАЛЕНИЯ В РУССКОМ НАИВНОМ ЭТИКЕТЕ И ЭТИКЕ ОБЩЕНИЯ

4.3.1. ВОПРОС ОБ АКТУАЛЬНОСТИ СТРАТЕГИЙ ОТДАЛЕНИЯ ДЛЯ РУССКОГО НАИВНОГО ЭТИКЕТА

В своей многократно цитированной работе Т. В. Ларина делает вывод о неактуальности указанных стратегий для русской коммуникативной культуры. Она отмечает, что «русские коммуниканты свободно допускают вторжение в зону независимости другой личности. Это касается как невербального поведения (более короткая дистанция общения, допустимость прикосновений и физического контакта), так и вербального (отсутствие тематических табу, возможность задавать личные вопросы, вмешиваться в разговор, перебивать, делать замечания)»; см. [Ларина 2003: 42]. Причины нетипичности стратегий отдаления для русской коммуникативной культуры Т. В. Ларина видит в ее принадлежности к кооперативному типу.

Такая точка зрения представляется нам не вполне правильной.

На наш взгляд, негативные стратегии отдаления для русского наивного этикета, в отличие от этики общения, достаточно значимы. На это указывает, в частности, наличие в наивном этикете отрицательно оцениваемых лексем *бесцеремонный*, *бесцеремонно*, которые включают представление обо всех перечисленных выше типах поведения как об отклоняющихся от нормы, а также наличие лексем *фамильярность*, *развязность*, *панибратство*, *амикошонство*, о которых уже неоднократно шла речь выше.

На актуальность стратегий отдаления для наивного этикета указывает и то, что здесь они представлены шире, чем в этике общения.

1) Как показывает употребление лексем *бесцеремонный*, *бесцеремонно*, и особенно слов ряда *фамильярность*, для этикета актуально соблюдение обоих типов межличностной дистанции — как абсолютной, так и относительной. Запрет на нарушение обоих этих типов дистанции, как уже отмечалось, входит в состав этикетного правила межличностной дистанции, тогда как соотносимое с ним этическое правило деликатности включает только запрет на нарушение абсолютной дистанции и вторжение в личную сферу партнера. Ср. нормальное *Он с присущей ему бесцеремонностью обращался к ней на -ты* при странном *Он с присущей ему неделикатностью обращался к ней на -ты*.

2) Требование соблюдать горизонтальную дистанцию входит в качестве составляющей в этикетное правило скромности, «этический» эквивалент которого предполагает только запрет вторжения в личную сферу (а именно — отказ от вторжения в физическое или материальное пространство партнера); см. об этом в разделе 3.1.1.

Однако следует признать, что в целом защита территории партнера не играет для русского наивного этикета такой решающей роли, как защита статусных прав партнера. На это указывает следующая группа фактов.

Стратегии, направленные на снятие угроз для статуса партнера, реализуются в этикете на обоих его уровнях: на уровне правил положительного отношения и на уровне правил, запрещающих превышение собственных прав. В результате правило уважительности представлено в этикете в двух вариантах: в виде составляющей правила вежливости, где оно является центральным, а также в виде самостоятельного правила, на нарушение которого указывают лексемы *хам*, *хамство*, *по-хамски*. Знаменательно, что из всех этикетных лексем они выражают самую резкую отрицательную оценку, что указывает на центральную роль, которую играют правила уважительности в системе наивно-этикетных представлений.

Между тем, стратегии, направленные на защиту территории партнера, реализуются, главным образом, на уровне правил, запрещающих субъекту превышать свои права; ср. правило межличностной дистанции, раздел 3.4.2. Для правил положительного отношения — в частности, правила вежливости — требование соблюдать указанные стратегии в целом нехарактерно (см. об этом выше, в разделе 3.2.2.2). О том, что указанные стратегии не связываются в обязательном порядке с представлением о вежливости (и, тем более, гипервежливости) свидетельству-

ет, в частности, невозможность замены слова *бесцеремонный* словом *невежливый* и, тем более, словами *неучтивый*, *нелюбезный*, в большинстве вышеприведенных контекстов (см. примеры в разделе 3.4.2. под литерами а), б), в), д), е)).

Можно предположить, что забота о неприкосновенности территории партнера не входит в разряд типов позитивного отношения, расцениваемых в русском наивном этикете как принципиально важные для успешного социального контакта.

На это указывает, в частности, неодинаковая оценка, выражаемая словами *церемониться* и *церемонии* (см. раздел 3.5).

Каково же место, занимаемое стратегиями отдаления в русском наивном этикете?

Во-первых, как уже отмечалось и как показывает употребление *бесцеремонно*, *церемонии*, негативные стратегии отдаления связаны в наивном этикете не только с понятием вежливости, но и с понятием *приличий*: так, поведение человека, который без стука входит в комнату, берет без спроса чужие вещи или же задает нескромные вопросы, может быть названо как *бесцеремонным*, так и *нарушающим приличия* (хотя семантические акценты при этом будут несколько различны). Тем самым, использование стратегий отдаления воспринимается не только как черта его обращения с конкретным партнером, но и как характеристика манер субъекта.

Во-вторых, употребление и внутренняя форма слов *бесцеремонный*, *бесцеремонно*, *церемонии* позволяет предположить, что стратегии отдаления связаны в наивном этикете с представлением об относительно высокой степени *формальности* общения.

Это очень показательно, учитывая, что в русском наивном этикете формализованное общение нередко получает отрицательную оценку¹¹⁵: на это указывает, в частности, употребление уже рассмотренных слов *церемонно*, *церемонии*, *церемониться*, а также еще двух лексем, выражающих отрицательную оценку — существительного *условности* и глагола *чиниться*, о котором уже шла речь выше.

4.3.2. СПЕЦИФИКА РУССКИХ НАИВНО-ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СТРАТЕГИЯХ ОТДАЛЕНИЯ

1) Можно предположить, что для русского наивного этикета не все стратегии отдаления актуальны в равной мере. В частности, стратегии, направленные на защиту свободы партнера, центральные для западно-европейской коммуникативной культуры, судя по всему, играют в русском наивном этикете второстепенную роль, тогда как стратегии, направленные на защиту межличностных границ, находятся на первом плане. В доказательство этого можно привести рассуждения Т. В. Лари-

¹¹⁵ Это связано с приоритетностью содержания, отличающей русский стиль вербальной коммуникации, о котором уже говорилось выше.

ной, которая проводит сопоставление оформления директивных актов в русском и английском языке и делает вывод о том, что соответствующие речевые акты в русском языке, по сравнению с английским, отличаются большей категоричностью и прямолинейностью. Это проявляется, в частности, в различном оформлении просьб: в русском языке формы императива в контексте просьбы функционируют как нейтральные, тогда как в английском языке они воспринимаются как невежливые, вместо них обычно используется вопрос, желательно — в сослагательном наклонении. Кроме того, второстепенность стратегий, направленных на защиту свободы партнера, подтверждается употреблением лексем *бесцеремонно*, *церемонии*. Не случайно слово *бесцеремонно*, которое указывает на недостаточное соблюдение стратегий отдаления, обычно используется, когда речь идет о тех из них, которые направлены на защиту межличностных границ, тогда как лексема *церемонии*, указывающая на чрезмерное соблюдение стратегий отдаления, может использоваться и тогда, когда речь идет о той их разновидности, которая направлена на защиту свободы партнера.

2) Помимо этого, обнаруживается, что актуальность тех или иных стратегий отдаления и строгость соответствующих правил зависит от типа коммуникантов.

Прежде всего, в ситуации, когда в качестве субъекта выступает мужчина, а в качестве партнера — женщина, правило межличностной дистанции выступает на первый план и характеризуется большей строгостью, чем во всех остальных случаях. На это указывают особенности употребления слов *бесцеремонный*, *бесцеремонно* (см. раздел 3.4.2), а также использование слов *забываться*, *дерзкий*. Две последних лексемы обозначают непочтительное поведение, оскорбляющее достоинство партнера, и могут использоваться при нарушении всех трех типов иерархий; при этом, если речь идет о нарушении гендерной иерархии, они указывают прежде всего на превышение мужчиной существующей степени близости по отношению к женщине. Между тем, если речь идет о нарушении возрастной или социальной иерархии, те же лексемы могут указывать, помимо нарушения горизонтальной дистанции, на неуважительную речевую манеру (см. раздел 1.4.1.1).

При этом следует отметить, что из всех стратегий, направленных на защиту межличностных границ, в ситуации общения мужчины с женщиной на первый план выходят те стратегии, которые предписывают нейтрализовать не вербальные угрозы территории партнера.

Чтобы доказать это, рассмотрим употребление слов, которые могут указывать на разные типы нарушения стратегий отдаления, а именно, *забываться*, *нахальный*, *наглый*, *дерзкий*, *церемониться*, *неделикатно*, *неприлично*.

а) Слова *забываться*, *нахальный*, *наглый*, *дерзкий*, *церемониться*, как уже отмечалось, могут обозначать превышение существующей между коммуникантами степени близости. Описывая обращение мужчины с женщиной, они обозначают несанкционированный переход на интимную дистанцию, который выражается прежде всего не в словесном поведении, а в физических действиях — прикосновениях, поцелуях и пр. Ср. уже цитировавшийся пример — *Вы дерзкий! Забываетесь...* —

говорила она, (...) вырывая у него руку; ср. также *С женицами Бакин нагл и циничен, и этого не скрывает* (Юрьев, БАС); *Маруся жаловалась: — Все мужики такие нахальные! Лора холодно поднимала брови: — Мои, например, знакомые ведут себя корректно* (С. Довлатов, Иностранка); *С женицами он привык не церемониться* — все эти примеры естественно понять так, что мужчина быстро переходит к активным физическим действиям, направленным на сближение с женщиной.

Для слов *неделикатно*, *неприлично* характерно указание на нарушение абсолютной межличностной дистанции. В том случае, когда эти слова описывают не вербальные аспекты поведения — например, указывают на навязчивое внимание, вторжение в физическое и материальное пространство партнера и пр. — они чаще используются, когда субъектом является мужчина, а партнером по общению — женщиной, чем наоборот. Ср. более стандартное *Разглядывать женщину в упор (входить в комнату к женщине без стука) неделикатно (неприлично)*; *Придя домой к девушке, неприлично (неделикатно) трогать ее одежду и личные вещи* при менее прагматически естественном *Разглядывать мужчину в упор (входить в комнату к мужчине без стука) неделикатно (неприлично)*; *Придя домой к молодому человеку, неприлично трогать его одежду и личные вещи*.

Повышенное внимание к невербальным аспектам поведения в ситуации общения мужчины с женщиной характерно не только для наивно-языковых представлений о стратегиях отдаления, но и вообще для наивного этикета в целом. Достаточно вспомнить, что в сфере вежливости правила позитивной уважительности, регламентирующие невербальное поведение субъекта (его позу, движения, мимику), характеризуются большей строгостью, когда партнером субъекта является женщина. (См. об этом в разделе 3.3.2.1).

4.4. СТИЛИСТИЧЕСКИ ОТМЕЧЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ РУССКИХ НАИВНО-ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭТИКЕТА И ЭТИКИ ОБЩЕНИЯ

В лексике наивного этикета и этики общения выделяются два разряда стилистически отмеченных слов.

1) Необходимая и уходящая лексика.

Сюда относится, во-первых, практически вся лексика гипервежливости (ср. уходящее *обходительный*, необходимое *галантный*, *учтивый*), и, во-вторых, большинство слов, указывающих на статусное неравенство коммуникантов¹¹⁶ (ср. уходящее *забываться*, *прекословить*, *перечить*), в том числе, практически все слова, для которых актуальна гендерная иерархия (ср. необходимое *джентльмен*, *рыцарь*,

¹¹⁶ Исключение составляют глаголы *грубить*, *дерзить*, *хамить*, а также прилагательное *почтительный* и его дериваты, которые являются стилистически нейтральными.

кавалер; ср. также уходящий круг употреблений слова *дерзкий* 1.1, в котором оно указывает на нарушение гендерной иерархии; см. раздел 1.4.1.1).

Рассмотренные ограничения в употреблении лексики гипервежливости свидетельствуют о том, что общение в повышенном этикетном регистре, согласно современным наивно-языковым представлениям, воспринимается как уходящее. Это отражает понижение уровня этикетности в современном обществе, в связи с сокращением светских форм жизни.

Необходимый и уходящий характер слов типа *забываться* указывает на то, что понятие вертикальной дистанции и идея статусной иерархии тоже постепенно вытесняются из русского наивно-языкового сознания. При этом следует признать, что гендерная иерархия находится ближе всех к исчезновению, хотя и сохраняет актуальность в качестве фактора, влияющего на степень обязательности тех или иных этикетных правил — в частности, правил вежливости.

2) Разговорная лексика.

Если среди слов, указывающих на нарушение этикетных норм, к разряду разговорных относится сравнительно незначительная часть (ср. *зарываться, расхозяйничаться, раскомандоваться, фамильярничать, беспардонный, разболтанный, расхлябанный, хамоватый*), то слова, указывающие на чрезмерное соблюдение этикетных и этических норм, почти все являются разговорными (ср. *любезничать, расшаркиваться перед кем-л., скромничать, приbedняться, церемониться, носиться (с кем-л.), цацкаться, миндальничать, нежничать, деликатничать, антимионии*; ср. также разговорный и одновременно уходящий глагол *чиниться*)¹¹⁷.

Между семантикой и стилистической окраской последней группы слов существует определенная связь. Она позволяет сделать вывод о содержании представлений той подсистемы наивного этикета, которая отражается в разговорном языке. Эти представления отличаются следующими особенностями.

а) Своеобразная «антисентиментальность», насмешливое и пренебрежительное отношение к излишним проявлениям чувствительности; ср. многочисленные слова и выражения, содержащие отрицательную оценку деликатности — *церемониться, носиться (с кем-л.), цацкаться, миндальничать, нежничать, деликатничать, антимионии*.

б) Скептицизм в оценке мотивов, которые заставляют субъекта соблюдать этикетные или этические нормы. Так, *скромничать, приbedняться, любезничать* указывают на то, что говорящий, оценивая поведение субъекта, излишне интенсивно применяющего этикетные стратегии скромности или любезности, усматривает у него неблагоприятные намерения. *Любезничать*, как уже отмечалось, чаще всего предполагает, что стремление субъекта быть приятным собеседнику проти-

¹¹⁷ Среди слов такого рода есть и нейтральные (ср. *церемонии, чопорно, церемонно, жеманно*), однако их значительно меньше, чем разговорных.

воположного пола вызвано тем, что субъект равнодушен к последнему и, в свою очередь, стремится понравиться ему. *Скромничать* и *прибедняться* указывают на то, что излишнее преуменьшение субъектом своих заслуг мотивировано желанием заслужить похвалу партнера (*скромничать*) или вызвать к себе жалость (*прибедняться*).

в) Отрицательное отношение к неоправданному завышению регистра общения и этикетной у с л о ж н е н н о с т и, в чем бы она не проявлялась: в манерах субъекта (ср. глагол *чиниться*) или в обращении с партнером (ср. *церемониться*, *антимонии*), или же и в том, и в другом (*церемонии*, *церемонно*).

Интересно, что лексика, обозначающая чрезмерно интенсивное соблюдение этикетных стратегий, однако не связанная с разговорной сферой, акцентирует внимание на несколько иных отрицательных аспектах рассматриваемого поведения. В этом случае отрицательно оценивается такое злоупотребление этикетными стратегиями, которое сопряжено главным образом с унижением д о с т о и н с т в а субъекта (на это указывают необходимые лексемы *угодливый*, *подобострастный*) или проявляется в неестественности его манер (на это указывают стилистически нейтральные лексемы *чопорно*, *жеманно*).

Универсальный характер носит только отрицательная оценка усложненности поведения субъекта и немотивированного завышения им этикетного регистра. Она актуальна как для разговорной лексики, так и для нейтральной лексики — ср. разговорное *церемониться*, *цацкаться* и нейтральное *церемонно*, *церемонии*, *условности*.

Часть четвертая

Понятия достоинства и смирения

Введение

0.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Подобно тому, как можно говорить о наивной физике, геометрии, анатомии, психологии и т. д., есть основания говорить и о наивной (языковой) этике, т. е. тех представлениях об общих принципах поведения человека и нормах его отношения к другим людям и к самому себе, которые запечатлены в языке.

Данная часть, как и предшествующая, посвящена фрагменту наивной этики — двум понятиям, относящимся к самооценке человека. Принципы наивной этики, касающиеся понятий достоинства и смирения, реконструируются на основании анализа самих слов *достоинство* и *смирение* и их дериватов, а также таких близких к *достоинству* слов как *честь*, *гордость*, *самолюбие*; *унижать*, *оскорблять*, *издеваться*; и близких к *смирению* слов *кротость*, *скромность* и некоторых других.

При самом беглом взгляде на этот материал становится ясно, что многие из перечисленных понятий являются предметом анализа и в других гуманитарных областях знания — этической философии, богословии, культурологии и т. п. Некоторые из рассматриваемых слов (прежде всего, *оскорбление*, *достоинство*, *честь*) являются одновременно правовыми понятиями.

При этом наивно-этические представления об этих понятиях и их философская, богословская и культурологическая трактовка, местами совпадая, во многом расходятся. Совпадения в большей степени характерны, по-видимому, для сферы отношения человека к другим людям. Так, действия, унижающие достоинство другого человека, единодушно оцениваются отрицательно (ср. *унижать*, *издеваться*, *измывать*, *глумиться*), а жертвование своими интересами ради других людей — положительно (ср. *жертвенный*, *самоотверженный*, *альтруизм*).

Напротив, большинство расхождений относятся, по-видимому, к сфере отношения человека к самому себе, что может быть объяснено хорошо известной особенностью языка — его эгоцентричностью. Кратко проиллюстрируем это на материале слов *достоинство*, *смирение*, *гордость* и *самолюбие*.

В наивной этике понятие достоинства играет очень существенную роль. Смысл 'достоинство' входит в значение целого ряда лексем (преимущественно в составе модальной рамки толкования): таковы, например, слова *унижать*, *унижаться*, *издеваться*, *измываться*, *глумиться*, *пресмыкаться*, *лебезить*, *заискивать*, *холопствовать*, *лакействовать* и др. Что же касается христианской этики, в ней понятие достоинства, напротив, занимает периферийное место.

С понятием смирения дело обстоит совсем иначе. В русской религиозной философии это понятие играет центральную роль, будучи одним из ключевых понятий именно русской духовной культуры. Размышления о смирении как специфической русской черте мы находим у Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Вл. Соловьева, Н. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, А. И. Солженицына и многих других. Отошлем читателя к обзору русской философской мысли о смирении как русской национальной черте в статье [Рябов 1999]. Интересно заметить, что, хотя в русском переводе Евангелия *смирение* не упоминается в «заповедях блаженства» (Мф. 5, 3—12), некоторые комментаторы связывают с ним первую заповедь блаженства: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5, 5)¹.

Что же касается наивной этики, в ней понятие смирения представлено только самой лексемой *смирение* и ее дериватами (*смиряться*, *смиранный*, *смирненно*, *смиранный*, *смиранный*). Кроме того, важно, что в наивной этике смирение может оцениваться не только положительно, но и отрицательно (ср. слова *смиранный*, *смиранный*, *смиранный*).

Еще больший контраст между языковой и христианской этикой демонстрируют *гордость* и *самолюбие*. Остановимся на них подробнее.

С точки зрения христианской этики *гордость* и *самолюбие* — это грехи, с т р а с т и. *Вместе с гордостью обыкновенно находится вся saligia, т. е. все семь грехов, считаемых смертными* [Лосский 1994], цит. по [Рябов 1999]; [*Злые ангелы*] *нарушили долг совершенного повиновения Богу и, таким образом, отпали от Него и впали в самолюбие, гордость и злобу* (Святитель Филарет (Дроздов), Православный катехизис); упомянем также вхождение *самолюбия* в «Повседневное исповедание грехов» из православного вечернего молитвенного правила.

В языковой картине мира *гордость* и *самолюбие* предстают совершенно иначе: оба свойства могут оцениваться как отрицательно, так и положительно; ср. *непо-*

¹ Приведем два фрагмента толкования этой заповеди. *По объяснению святителя Иоанна Златоуста, нищета духовная есть смиренномудрие* (Святитель Филарет (Дроздов), Православный катехизис); *Нищие духом — смиренные люди, сознающие, что они не имеют никаких заслуг перед Богом* (Полный церковно-славянский словарь, сост. протоиерей Г. Дьяченко, цит. по [Сковородников 1999]).

мерная (адская) *гордость* — здоровая (законная) *гордость*; *больное* (раздутое) *самолюбие* — здоровое *самолюбие*.

С этим связано существование слов, указывающих на чрезмерную гордость и чрезмерное самолюбие — лексем *гордыня* и *себялюбие*. Приведем в этой связи замечание В. В. Виноградова: «Слова *себялюбие*, *себялюбивый*, *себялюбец* явились тогда, когда смысловые оттенки слов *самолюбие*, *самолюбивый*, *самолюбец* — в общественном быту, далеком от церковной идеологии, существенно изменились, когда возникла потребность в новообразованиях для выражения понятий эгоизма, эгоиста и т. п. В самом деле, уже в XVIII в. слово *самолюбие*, определявшееся в словарях Академии Российской как «любовь, пристрастие к самому себе», включало в себя новый признак — высокой оценки своих сил, своего социального достоинства, выражало чувствительность к мнению окружающих о себе» [Виноградов 1994: 633].

Заметим, что христианская этика рассматривает *гордость* и *гордыню*, *самолюбие* и *себялюбие* как синонимы.

Перейдем к подробному анализу рассматриваемых понятий. Предметом рассмотрения данной части будут только языковые представления о соответствующих понятиях, реконструируемые исключительно на основании лексического материала современного русского языка.

0.2. САМООЦЕНКА В НАИВНОЙ ЭТИКЕ

0.2.1. ВЫСОКАЯ САМООЦЕНКА

С точки зрения русской наивной этики нормой признается достаточно высокая самооценка человека. На такую самооценку указывают, в первую очередь, слова *самоуважение*, *достоинство* и *честь*, а также некоторые другие слова и фраземы, такие как *уверенность в себе*, *вера в себя* и др. Вся эта лексика включает положительную оценку со стороны говорящего.

Чрезмерно высокая самооценка осуждается русской наивной этикой. На этот смысл указывает широкий круг слов русского языка — *кичиться*; *хвалиться*, *бахвалиться*; *гордыня*, *себялюбие*, *высокомерие*, *надменность*; *заносчивость*, *спесь*, *амбиция*, *гонор*, *чванство*; *самомнение*, *самонадеянность*, *самоуверенность*, *самодовольство*, *тщеславие*, *амбиции*, *претензия*; *гордец*, *честолюбец*, *хвастун*, *индюк*, *фифа*, *фря*, *воображала*, *зазнайка* и мн. др.

Смысл 'чрезмерно высокая самооценка' регулярно сочетается с двумя смыслами: (а) сознанием субъектом собственного превосходства над другими людьми (на это, в частности, указывают слова *гордыня*, *высокомерие*, *надменность*, *чванство* и др.) и (б) указанием на внешний вид и манеру поведения субъекта (на это указывают такие слова как *надутый*, *напыщенный*, *индюк* и др.).

Интересна семантика слова *гордость*. Это слово способно указывать и на адекватно-высокую самооценку (ср. *гордость за сына*; *законная* (здоровая) *гордость*), и на преувеличенную самооценку, совмещенную с сознанием собственного пре-

восходства над другими людьми (ср. дьявольская гордость; подозревать кого-л. в гордости; Одна лишь гордость в нем не умалилась. Напротив: чем хуже становились его обстоятельства, тем надменнее, и высокомернее, и неприступнее становился он сам (Тургенев, МАС)). Ср. также пару гордиться — возгордиться.

Важно заметить, что наивно-языковые представления констатируют близость адекватно-высокой и завышенной самооценок. Так, даже достоинство — важнейшая принадлежность человека как личности — может быть чрезмерным (ср. с преувеличенным достоинством, гипертрофированное достоинство). Показательно существование таких пар как уверенность в себе — самоуверенность, гордость — гордыня и самолюбие — себялюбие: первые члены этих пар указывают на нормальную самооценку, вторые — на преувеличенную.

Интересно, что, согласно наивной этике, нормальная самооценка может сама собой превращаться в чрезмерную, но не наоборот. Ср. его здоровая гордость постепенно переросла в дьявольскую гордыню; Смотри, как бы такая уверенность в себе не обратилась в слепую самоуверенность при нетипичности ?Его гордыня постепенно превратилась в здоровую гордость и прагматической странности Будем надеяться, что его слепая самоуверенность со временем обратится в здоровую уверенность в себе.

Семантика достоинства и многих других слов высокой самооценки включает представление о положении субъекта на вертикальной шкале ценности. Некоторые действия как самого обладателя достоинства, так и других людей могут влиять на это положение на шкале: прежде всего, делать его ниже. Такое понижение самооценки всегда о с у ж д а е т с я наивной этикой.

Лексику высокой самооценки (в частности, лишения такой самооценки) понижывает метафора верха и низа: ср. внутреннюю форму надменности, высокомерия и сочетаний унижать (достоинство), унижаться до чего-л. или перед кем-л., ронять достоинство, считать что-л. ниже своего достоинства. Эта же метафора лежит в основе внутренней формы глагола опуститься (ср. Оставшись без работы, он запил и совсем опустился)², сленгового глагола опускать, синонимичного унижать (ср. — А ты не разбираешься, так и сиди. — Хорош уже меня опускать!), а также сленгового глагола надстраиваться, указывающего на самоутверждение субъекта за счет унижения объекта (ср. С ним невозможно разговаривать: он вечно пытается над тобой надстроиться).

Заметим, что другая группа лексики, для которой важна метафора верха и низа — это слова, касающиеся сферы морали и нравственности: ср. низкий (поступок), низость, подонок, покаться по наклонной плоскости, падшая женщина и др.

² В языке XIX в. в этом же значении мог употребляться глагол унижаться. Ср. Когда его [капельмейстера] выгнали, он совершенно унизился, стал ходить по деревенским трактам, нативался, иногда просил милостыню (Ф. М. Достоевский, Неточка Незванова).

0.2.2. НИЗКАЯ САМООЦЕНКА

При попытке описать слова со смыслом 'низкая самооценка' мы сталкиваемся с асимметричностью между устройством этой лексики и лексики высокой самооценки. Эта асимметрия состоит в следующем.

0.2.2.1. Посмотрим на слова *смирение, кротость, скромность; покорность, безответность; тихость; робость, малодушие, застенчивость; самоуничтожение*.

На первый взгляд эта лексика имеет значение, противоположное лексике высокой самооценки. Действительно, типично противопоставление *гордости (гордыни)* и *смирения; гордости и скромности; самоуверенности и робости* и т.д. Ср. *Опять гордость! где же смирение?* (И. А. Гончаров, Обрыв); *Блага временные и вечные приобретаются не гневом и гордостью, но простою, умилением и смирением* (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен).

В то же время, более пристальный анализ этих слов показывает, что основу их семантики составляет не столько низкая самооценка, сколько несовершенство субъектом тех или иных действий или отказ от демонстрации собственной значимости. Ср. *Сдать блестяще экзамены, а потом смиренно говорить: да нет, Господь помог, — это слишком легко* (Митрополит Антоний (Блум), Без записок); *Такой человек, как он, несмотря на внешнюю скромность и тихость, таит в себе некий пыл и способен в минуту гнева сделать из человека шашлык* (В. Набоков, С оглядатай).

Поэтому семантика многих рассматриваемых слов вполне совместима с высокой самооценкой. Ср. *Он [Горький] был исключительно скромен — даже в тех случаях, когда был доволен самим собой* (В. Ходасевич, Горький); *В стихотворении «Йорк», посвященном Одну, на фоне йоркширского ландшафта нарисован ландшафт души самого Бродского — души стоика, скептика и гордеца, упражняющегося в смирении* (Л. Лосев. П. Вайль, Иосиф Бродский: Труды и дни).

0.2.2.2. Как было сказано, нормой в наивной этике признается достаточно высокая самооценка субъекта. По этой причине для рассматриваемых в настоящем пункте слов характерна отрицательная семантика: многие из них содержат в своем значении компонент 'такой, который не...'. Для лексики высокой самооценки отрицание в вершине толкования совершенно нехарактерно.

0.2.2.3. Многие из упомянутых слов, так же, как и лексика высокой самооценки, передают отрицательную оценку со стороны говорящего. Однако при этом обращает на себя внимание, что если в области высокой самооценки наивной этикой осуждается, прежде всего, завышенность самооценки, то в случае слов из приведенного списка осуждение вызывает не заниженность самооценки, а, во-первых, неспособность субъекта совершать активные действия или оказывать отпор агрессии (на этот смысл могут указывать слова *безответность, покорность, тихость, робость* и др.), и, во-вторых, притворство субъекта. Рассмотрим последний смысл подробнее. Отсутствие ожидаемой демонстрации высокой самооценки или, тем более, демонстрация низкой могут дать повод, с точки зрения наив-

вной этики, подозревать субъекта в неискренности. Указание на притворство субъекта имеет системный характер для рассматриваемой лексики.

В наибольшей степени этот смысл характерен для *смирения* и *скромности*. С одной стороны, можно говорить о *ложном* (*показном, напускном, деланном*) *смирении* и о *притворной* (*наигранной, фальшивой*) *скромности* и, с другой, о *подлинном* (*истинном*) *смирении* и *неподдельной* (*искренней*) *скромности*. Описание притворного поведения также типично для дериватов *смирenniчатъ, скромничать, смиренник, скромник, смиренница* и *скромница*. Ср. *Он стал готовить первую книжку своих стихов, и чем больше по виду смиренничал, тем жгучее в нем разгоралась надежда, что с выходом книги судьба его разом, по волшебству, изменится* (В. Ходасевич, Неудачники); [*Богомолки*] *отвешивали Тихону Ильичу низкие, смиренные поклоны, но теперь ему уже опять все казалось жульничеством. — Смиреницы! А грызутся небось на ночевках, как собаки!* (И. Бунин, Деревня); *Надев маску скромника, Иосиф этой маски уже не снимал* (В. Пикуль, Фаворит). Наконец, указание на притворство со стороны субъекта составляет основу семантики глагола *прибедняться* и фразем *петь Лазаря* и *казанская сирота*.

Для лексики высокой самооценки указание на притворство практически невозможно; ср. неправильность **показное чувство собственного достоинства; наигранное самолюбие; *ложное высокомерие; *притворная самонадеянность* (*самоуверенность*); *??фальшивый гонор; ??Я не верю в твое чувство собственного достоинства* (*твое высокомерие; твою гордость...*).

0.2.2.4. Способность описывать притворное поведение определяет способность *смирения* и некоторых других близких слов *сближаться* со словами *высокой самооценки*: ср. *смирение паче гордости, уничижение паче гордости*.

Обуянный гордыней смирения, он удалился в лесную землянку и стал жить в дубовом гробу (И. Ильф и Е. Петров, Двенадцать стульев);

Не могу я поверить в это якобы смирение, именно якобы, потому что под ним — это видно, что называется, невооруженным глазом — гордыня, гордыня тотальная и по сути своей, и по замаху (Н. Шмелев, Последний этаж);

Переписка О. Фрейденберг с Б. Пастернаком — переписка гордости с уничижением паче гордости (М. Гаспаров, Записи и выписки);

Заметим, что противоположное приближение слов высокой самооценки к *смирению, самоуничижению* и др. словам невозможно: ср. абсурдное **Обуянный смирением гордыни; *За этой гордыней скрывается смирение; *гордость паче уничижения*.

0.2.2.5. Наконец, *смирение* и другие слова из этой группы не связаны с представлением о шкале ценности и, соответственно, с метафорой *верха и низа*.

0.3. АТТРИБУТЫ ЛИЧНОСТИ

Прежде чем переходить к подробному описанию лексики, относящейся к понятиям достоинства и смирения, остановимся на одном противопоставлении, имеющем системный характер для рассматриваемых слов.

Известно, что русская языковая картина мира включает представление о существовании различных невидимых сущностей внутри человека. Е. В. Урысон в книге [2003а] выделяет следующую типологию невидимых сущностей. *Душа, память, воображение* и др. предстают невидимыми вместилищами — как бы отдельными органами внутри человека (ср. *душа болит; душу переполняет радость; хранить в памяти; память слабеет; воображение рисует ужасные картины*). Семантике слова *совесть* одновременно присущи черты невидимого органа и некоего существа внутри человека³: *совесть мучает (велит, заставляет, грызет); совесть проснулась (заговорила)*. *Дух и силы* предстают в русской языковой картине мира как невидимые субстанции (ср. *упадок духа (сил); испустить дух; подкрепить (восстановить) силы*).

Анализ некоторых слов, являющихся предметом рассмотрения настоящей части, позволяет говорить о еще одном типе невидимых сущностей.

Обратимся к словам *достоинство* и *честь*. В русском языке эти понятия предстают не как обычные свойства (такие как, например, *доброта, благородство* или даже *честность*, достаточно близкая к *честь*), а как некие нематериальные ценности, атрибуты личности⁴. Проявляется это в следующем.

Во-первых, *достоинство* и *честь* присущи человеку не в качестве его индивидуальной особенности, а постольку, поскольку их обладатель является личностью или обладателем той или иной роли в обществе; ср. *достоинство личности, человеческое достоинство, национальное достоинство, писательское достоинство, достоинство артиста; личная честь, офицерская честь, честь мужа, честь ученого*. Таким образом, и *достоинство*, и *честь* двухактантны: кроме валентности субъекта (точнее, обладателя) они управляют валентностью социальной роли. Заметим, что для достоинства центральными являются контексты, где речь идет о достоинстве личности. На этот смысл указывают и употребления слова *достоинства* с незаполненной второй валентностью (ср. большинство приводимых ниже примеров).

Во-вторых, обладатель *достоинства* и *честь* должен соотносить с ними свои поступки (ср. *считать что-л. ниже своего достоинства; вести себя с достоинством; достоинство не позволяет (заставляет) делать что-л.; считать что-л. делом чести; законы чести требуют сделать что-л.; с честью выйти из какой-л. ситуации*).

³ Об этом см. также в книге [Апресян 1995].

⁴ Термин *атрибут* для описания слова *достоинство* предложила Т. В. Крылова в рецензии на мою дипломную работу «Концепт достоинства в русской языковой картине мира». Заметим, что в российском законодательстве по отношению к *достоинству* и *честь* используется альтернативный термин — «нематериальные блага» (Гражданский кодекс РФ, ст. 150). Подробному анализу понятий достоинства и чести в правовом аспекте посвящена книга [Понятие чести и достоинства 1997].

В-третьих, *достоинство* и *честь* открыты для воздействия как со стороны своего обладателя, так и со стороны других людей. Ср. *унижать* (ронять, терять) *достоинство*; *задевать* (оскорблять, позорить, втоптывать в грязь) *честь*; *спа-сать* (восстанавливать) *честь*, *взывать* к чьей-л. *чести*, *заступаться* за чью-л. *честь*, *жертвовать честью*; *Береги честь смолоду* и др. Как видно, особенно хорошо разработана лексика травмирования этих атрибутов.

В отличие от названий обычных свойств, слова *достоинство* и *честь* не имеют прямо соотносящихся с ними по семантике прилагательных: слова *достойный* и *честный* обладают значительной смысловой спецификой.

Перечисленные особенности отличают атрибуты от названий обычных свойств. Так, нельзя говорить о *человеческой* (писательской) *доброте* (в нужном значении), нельзя **считать что-л. ниже своей доброты* (честности), **делать что-л. с добротой* (с честностью), **унижать* (спасать, беречь) *доброту* (честность), **заступаться за чью-л. доброту* (честность).

Наряду с *достоинством* и *честью* указание на атрибут личности содержится в семантике *гордости* и *самолюбия*. Они также могут связываться с социальной ролью (ср. *мужская гордость*, *мужское самолюбие*, *самолюбие ученого* (артиста)), также способны удерживать субъекта от одних поступков и толкать на другие (ср. *гордость не позволяет просить о прибавке*, *самолюбие мешает признать ошибки*, *гордость толкнула его на этот отчаянный поступок*, *самолюбие заставляет выкладываться по полной*) и, наконец, также открыты для воздействия со стороны своего обладателя и других людей (ср. *Это задевало мою гордость* (мое самолюбие); *оскорбленное самолюбие*; *удар по самолюбию*; *щадить* (подстрекать) чью-л. *гордость* (чье-л. самолюбие); *тешить* чье-л. самолюбие; *лстыть* чьему-л. самолюбию).

Интересно заметить, что *гордыня* и *себялюбие*, отличающиеся от *гордости* и *самолюбия* почти исключительно чрезмерностью самооценки субъекта и, соответственно, безусловным осуждением со стороны говорящего, функционируют в языке как обычные свойства и не имеют особенностей, характерных для атрибутов; ср. невозможность подстановки этих слов в приведенные выше сочетания.

Отдельные черты, присущие атрибутам, обнаруживает слово *скромность*. Так, *скромность* может регламентировать поведение человека: ср. *Скромность не позволяет спросить, кто отец ребенка*; *из скромности отвернуться*. Контексты, в которых в отношении *скромности* совершаются различные действия, также возможны, хотя и менее характерны для современного языка. Ср. следующие несколько устаревшие контексты: *пожалей её скромность*; *Деспина что-то отвечала ей (...), обращая внимание тетушки на то, что с этой ветки кривая взгляда чужого мужчины никак не может нанести ущерба ее скромности* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Оберегая ее скромность, она выкажет собственную добродетель* (А. Рыбаков, Дети Арбата). Таким образом, можно предположить, что в современном языке *скромность* теряет свойства «атрибутности».

Заметим, что среди лексики, не являющейся предметом рассмотрения в данной части, в наибольшей степени черты атрибута присущи, по-видимому, словам *авторитет*, *престиж*, *репутация*, *реноме*, *имя* (доброе), *слава* (дурная) и др. — то есть лексике, описывающей общественное мнение о человеке⁵. Слова *репутация*, *реноме*, *имя* и *слава* (дурная), подобно *достоинству*, *чести*, *гордости* и *самолюбию* включают в ситуацию социальную роль обладателя: ср. *репутация Иванова как врача*; *имя Иванова как ученого*. Можно говорить и о совершении различных действий с этими атрибутами. Так, *авторитетом* можно *прикрываться*, им можно *давить* и *подавлять*. *Авторитет* можно *блюсти*, *повышать*, *укреплять*, или, наоборот, *подтачивать*, *подрывать* и мн. др.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ДОСТОИНСТВА

1.1. Достоинство и честь

Первая глава строится следующим образом. Сначала рассматриваются основные различия между словами *достоинство* и *честь*, затем подробно описывается нанесение ущерба этим атрибутам, то есть, в первую очередь, глаголы *унижать* и *оскорблять*, а также их дериваты. Следующий раздел посвящен описанию понятия издевательства: в нем подробно анализируется глагол *издеваться* в кругу близких слов. Завершает главу описание близких к *достоинству* понятий *гордости* и *самолюбия*.

Слова *достоинство* и *честь* будут нас интересовать почти исключительно в одном из своих значений — *достоинство 2* и *честь 1*. Проиллюстрируем их парой примеров. *Дирижер с достоинством поклонился*; *Несмотря ни на что, ему удалось сохранить достоинство*; *Офицерская честь для него превыше всего*; *Береги честь смолоду*. В дальнейшем описании индексы лексем будут опускаться.

Перечислим другие значения этих слов, близкие к рассматриваемым.

У слова *достоинство* есть лексема *достоинство 1* = ‘положительное качество’, ср. *При всех достоинствах этого плана не будем забывать и о его недостатках*, а также лексема *достоинство 3* = ‘стоимость, ценность (денежных знаков или ценных бумаг)’; ср. *Купюры достоинством 5 рублей изымаются из обращения*. Кроме того, у этого слова есть еще одно совершенно устаревшее значение ‘титул, звание’; ср. *Иосиф II дал ему [Фоггу] баронское достоинство* (Греч, БАС); *Приидете вси языци, (...) и възрастъ всякъ, и всяко достоинство, со веселием (...) рождество празднуемъ* (Словарь русского языка XI—XVII вв.).

У слова *честь* есть близкое значение ‘почет, уважение’; ср. *Для меня такое предложение — большая честь*; *Жуковскому принадлежит честь введения романтизма*

⁵ Эти слова подробно описаны Е. Э. Бабаевой в словаре [НОСС 2004]. См. статьи *авторитет* и *репутация*.

в русскую поэзию (Белинский, МАС), а также устаревшее значение 'высокое звание, должность, чин; почесть'; ср. *Царь наградил его заслуги честью И золотом. Басманов в царской Думе Теперь сидит* (Пушкин, МАС).

1.1.1. Достоинство VS. честь

Достоинство и *честь* входят в число сущностей, относящихся ко внутреннему миру человека и способных определять его поведение. Как было сказано выше, *достоинство* и *честь* выступают как атрибуты личности. Перейдем к описанию различий между этими двумя понятиями.

Итак, и *достоинство*, и *честь* обязывают человека вести себя определенным образом. Однако характер этих требований различен. *Достоинство* — это, скорее, в н у т р е н н и й принцип, тогда как *честь* связана со в н е ш н и м и по отношению к человеку предписаниями. *Честь* предполагает существование к о д е к с а, совокупности правил и связана с ритуалом. Поэтому можно говорить об *обязанностях* (*предписаниях, правилах*) *честь* и *суде чести*, но не об **обязанностях* (*предписаниях, правилах*) *достоинства* и не о **суде достоинства*. Можно быть *невольником чести*, но не **невольником достоинства*.

Достоинство, скорее, определяет границы дозволенного, в то время как *честь* связана с конкретными предписаниями и правилами. Поэтому для *честь* характерны контексты типа *Законы чести рекомендуют выход единственный — застрелиться* (М. Веллер, Баллада о знамени).

Достоинство предполагает, что субъект ч у в с т в у е т собственную ценность, в то время как следование правилам *честь* носит более рассудочный характер. Можно быть *знатоком в вопросах чести*, но не **знатоком в вопросах достоинства*.

По этой же причине можно быть *исполненным* (*преисполненным, полным*) *достоинства*, но не **исполненным* (*преисполненным, полным*) *честь*. Ср. также У них [в Штатах] ни в одной гримасе, ни в жесте, ни в реплике нет ни малейшей неловкости, к которой мы так привыкли. На каждой роже изображается в минуту столько достоинства, что хватило бы всем нам на всю нашу великую семилетку (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки).

Сознание собственной ценности, на которое указывает *достоинство*, может быть *преувеличенным* (*гипертрофированным*). Говорить о *гипертрофированной чести* было бы странно.

Связь с чувствами субъекта определяет синонимичность слова *достоинство* с фраземой *чувство собственного достоинства*. Подробнее эта фразема описывается в п. 1.1.3.

Достоинство и *честь* различаются с ф е р о й поведения, которую они регламентируют. Сознание собственной ценности, питающее *достоинство*, определяет самые р а з н ы е поступки обладателя свойства, в том числе внешние стороны поведения, включая манеру держаться, тогда как правила *честь* касаются в основном сферы м о р а л и и этики.

Рассмотрим сочетания *офицерское достоинство* и *офицерская честь*. Хотя в МАС'е *честь* в сочетаниях *воинская честь* и *офицерская честь* толкуется как 'достоинство', в действительности между *достоинством* и *честью* в таких сочетаниях сохраняется указанное различие. О чести неуместно говорить в ситуациях, никак не связанных с морально-этической стороной. В частности, неуместна была бы подстановка слова *честь* в следующий пример. *Мне досталась больничная палата, в которой печка не действовала, и санитары отказались ее чистить; я сбросил форму, вычистил печку и принес уголь. {...} Товарищи устроили скандал [из-за того,] что я «унижаю офицерское достоинство»* (Митрополит Антоний (Блум), Без записок).

Сознание своей ценности, описываемое словом *достоинство*, проявляется в манере поведения субъекта: он ведет себя неторопливо, не суетится, держится прямо, независимо и говорит неспешно, спокойно. Приведем несколько характерных примеров:

Дунчиль спокойно и с достоинством повернулся и пошел к кулисе (М. Булгakov, Мастер и Маргарита);

Настроение Николаса изменилось — стало строгим и торжественным. Не суетиться, держаться с достоинством. Это единственное, что остается человеку на исходе нескладной, глупо прожитой жизни (Б. Акунин, Алтын-Толобас);

Егор вынул из кармана довольно толстую пачку десятирублевых и двадцатипятирублевых. {...} Официант при виде этой пачки тоже очень обеспокоился, но изо всех сил старался хранить достоинство (В. Шукшин, Калина красная).

В языке XIX в. на внешние проявления достоинства также мог указывать дериват *достойный*; ср. — *Не потрудитесь ли подать [адвокату] мою карточку, — достойно сказал Алексей Александрович* (Л. Н. Толстой, МАС).

По аналогии с человеком можно говорить о достоинстве даже по отношению к ж и в о т н ы м, что для *чести* совершенно невозможно.

Ротвейлер не элегантен, но от его силы веет чувством собственного достоинства;

Этот пес молчалив, мрачен и полон чувства собственного достоинства. На детей он не обращает ни малейшего внимания и, шагая мимо них, стучит по ним своим хвостом, как по стульям (А. П. Чехов, Событие);

Не скрою, мне передавалось от коня его аристократическое совершенство и достоинство (В. Астафьев, Обертон).

Такому, так сказать, «внешнему» достоинству может противопоставляться *внутреннее достоинство* — сознание своей ценности и готовность хранить эту ценность в любых обстоятельствах; ср. *Что спасло в те нелегкие дни будущего лауреата Государственной премии РСФСР [поэта Мартынова]? Внутреннее достоинство интеллигента? Его величество Случай?* (НМ, 4, 1998).

Аналогичное разделение на внутреннюю и внешнюю для *чести* совершенно нехарактерно.

В культуре XVIII—XIX вв. честь считалась принадлежностью лишь некоторых сословий, прежде всего, дворян и военных. Следы закреплённости понятия *чести* за определенными сферами сказываются и в современном языке. Сочетания типа *писательская честь*, *честь пианиста* безусловно воспринимаются как менее привычные и более образные по сравнению с *дворянской*, *воинской* и *офицерской честью*. Высказывания типа *Вот что стало с офицерской честью!*; *Во что превратилась воинская честь!* выглядят гораздо естественнее по сравнению с прагматически странными фразами типа *Вот что стало с писательской честью!* *В наше время честь пианиста ни в грош не ставят!* Ср. также следующие характерные примеры:

Я не хотел бежать. Во мне еще была воинская честь, и дезертировать казалось мне тяжким преступлением (П. Мериме, Кармен, пер. М. Лозинского);

— *Вот, Наталья Филипповна, перед вами личность, нашу дворянскую честь в грош ломаный не ставящая, — вдруг радостно этак объявляет мой родитель* (Б. Васильев, Картежник и бретер, игрок и дуэлянт);

Я бывший офицер и человек чести (А. Н. Толстой, МАС).

Следующее важное различие между *достоинством* и *честью* состоит в следующем. Понятия о достоинстве скорее у н и в е р с а л ь н ы, тогда как честь в большей степени у с л о в н а. Кодексы чести разных групп могут быть совершенно различны, могут существовать экзотические кодексы чести. Практически у любой корпорации может существовать свой кодекс чести. Так, можно говорить о *кодексе чести судьи Российской Федерации*, *кодексе чести рядового начальствующего состава внутренних органов*, *кодексе чести таможенника* и даже *кодексе чести участника Ассоциации рыбопромышленников Сахалина* (все примеры — из Интернета). Ср. также *Воюя с мужчинами, применяй мужское оружие, а воюя с женщинами — женское. Вот самурайский кодекс чести, и в нем нет ничего гнусного* (Б. Акунин, Левиафан). *Достоинство* в подобных контекстах не употребляется.

Понятия о *чести* могут различаться не только у разных групп: каждый человек может по-своему трактовать честь. Ср. *У меня свой кодекс чести, у тебя — свой; Из боя он должен был выйти последним — так он понимал свою командирскую честь* (Симонов, МАС).

К требованиям чести можно относиться по-разному, поэтому можно быть *щепетильным в вопросах чести*, но не **щепетильным в вопросах достоинства*. Ср. также следующие примеры.

— *Вы, кажется, сомневаетесь в нашей порядочности?* — *голосом дуэлянта произнес друг, для которого вопросы чести всегда и во всем стояли на первом месте* (В. Катаев, Алмазный мой венец);

Подполковник Нетребин и не рискнул бы на дуэль, дорожа местом больше, чем честью (Б. Васильев, Дом, который построил Дед).

Честь, в отличие от *достоинства*, может мыслиться как *и н с т и т у ц и я*, которую можно отменить: ср. *Честь, честь отменили, мерзавцы...* — сказал он вдруг с горечью (В. Каверин, Девять десятых судьбы).

Честью, в отличие от *достоинства*, в какой-то мере можно *м а н и п у л и р о - в а т ь*. Ср. *пожертвовать честью; променять честь на теплое местечко*.

Во имя спасения христианского мира вы пожертвуете и своей честью (Б. Акунин, Алтын-Толобас);

Петр со всякими новыми алчущими людишками, с купцами и дворянами, применявшими дедовскую честь на алонжевый парик, (...) истощал казну на воинские и другие потехи (А. Толстой, Петр Первый).

Понятия о *чести*, кроме того, весьма изменчивы во *в р е м е н и*, в то время как понятия о *достоинстве* значительно более стабильны. Можно говорить о *старомодных* и даже об *устаревших* понятиях о *чести*, но вряд ли о *старомодных* (*устаревших*) понятиях о *достоинстве* (*чувстве собственного достоинства*). Ср. *Слышали, полковник продавал чеченцам танки? Вот что стало с офицерской честью! при невозможности сочетания *Вот что стало с достоинством (с чувством собственного достоинства)!*

В современном языке отражено представление о достоинстве как о важнейшей человеческой ценности, о *с н о в е* человеческой *л и ч н о с т и*⁶. Ср. характерное начало Всеобщей декларации прав человека: *Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира* (...), Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека. Ср. также: *Любая тема [для Честертона] — предлог, чтобы еще, и еще, и еще раз поговорить о самом главном: о том, ради чего люди живут и остаются людьми, в чем основа, неотчуждаемое ядро человеческого достоинства* (С. Аверинцев. Г. К. Честертон, или Неожиданность здравого смысла).

Составляющее семантику достоинства указание на универсальную ценность, присущую всякой личности, определяет возможность использования этого понятия и в христианской системе ценностей.

Люди могут друг друга унижать, люди могут не признавать достоинства другого человека, — Бог всегда его признает; и требует его, и как бы вызывает его каким-то чудом из тех глубин, где оно зарыто, куда оно ушло, как будто град Китеж потонувший (Митрополит Антоний (Блум), О Евангельском благовестии);

Достоинство человеческой личности укоренено в сотворении ее по образу и подобию Божью (Катехизис католической церкви, пер. с лат).

⁶ Понятие личности, его формирование и история детально рассмотрены В. В. Виноградовым [Виноградов 1994]. О понятии личности см. также работу [Вайс 1999].

Достоинство, согласно языковой картине мира, в норме присуще всем людям, причем не только взрослым. Ср. *После 6 лет ребенок (...) приобретает чувство собственного достоинства и хочет, чтобы его уважали* (Б. Спок, Ребенок и уход за ним, пер. с англ.).

С другой стороны, оно может оставаться скрытым, как бы дремать в человеке, поэтому можно говорить о необходимости *пробуждать (формировать, развивать, воспитывать) достоинство (чувство собственного достоинства)*.

Задача учителя — развивать у учащихся чувство собственного достоинства;

— Нужно в человеках взращивать и лелеять достоинство. Чтоб люди себя и других уважали (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

Можно говорить и о формировании достоинства как абстрактного идеала; ср. следующие строчки Булата Окуджавы.

*Чувство собственного достоинства —
Вот загадочный инструмент:
Создается он столетиями,
А утрачивается в момент.*

Употребление *чести* во всех этих контекстах гораздо менее характерно.

Честь отличается от достоинства и тем, что связана с мнением о человеке других людей, в то время как *достоинство* совершенно независимо от такого мнения. Потеря *чести* связана с *позором* для человека, утрата *достоинства* — с ущербом для самой его *личности*. Поэтому сохранить сознание собственной ценности, на которое указывает слово *достоинство*, можно и в *одиночестве*, тогда как соответствие морально-этическим правилам, описываемое словом *честь*, возможно только тогда, когда есть *другие* люди. Сохранить *достоинство* можно и на необитаемом острове, тогда как понятие *чести* связано с социумом. Ср. *Медленно умирая в полном одиночестве, всеми забытый, он сумел сохранить чувство собственного достоинства*. Ср. также *Достоинство человека заключается в том, чтобы «быть самим собой» в любых обстоятельствах*. [Смысл этого выражения] *вовсе не в том, чтобы охранять свои слабости и прирожденные черты характера, а в том, чтобы сберечь от угасания и вырождения свое глубочайшее «я», то духовное ядро, которое живо только своей связью с Духом. Измена ему унижительна для человека и равна потере себя* (Протоиерей А. Мень, «Христианос», № III, 1994).

Связь семантики *чести* с мнением других людей выступает на первый план в контекстах типа *постоять за честь российского спорта (честь школы)*, а также в значении лексем *честь 2* (\approx 'почет, уважение').

В норме *достоинство* предполагает не только высокую самооценку субъекта, но и соответствующее отношение со стороны других людей. Тем не менее, этот смысловой компонент не является для семантики *достоинства* обязательным — в особенности в уже обсуждавшемся выше сочетании *внутреннее досто-*

инство. Ср. Несмотря на то, что выглядел он жалко (все считали его шутом), он сумел сохранить внутреннее достоинство. Приведем также следующее рассуждение.

Достоинство человека — не в славе, не в величии, не в победе, не в успехе, ни в одном из этих критериев, которые служат для оценки человека в обычной жизни; можно быть подонком (в глазах людей) — и обладать всем достоинством человеческим. (...) Можно сохранить достоинство человека, где бы ты ни оказался, на какой глубине этого поражения и сокрушения ты бы ни оказался (Митрополит Антоний (Блум), О Евангельском благовестии).

Заклучим описание различий между *достоинством* и *честью*, предложив толкования этих слов.

Х-овое достоинство Y-a = 'нематериальный атрибут человека Y — сознание собственной высокой ценности как личности или как члена социальной группы X и такое поведение, чтобы эта самооценка не стала ниже'.

Х-овая честь Y-a = 'нематериальный атрибут человека Y — сознание себя членом социальной группы X и такое соблюдение морально-этических правил, принятых для этой социальной группы, чтобы самооценка Y-a или его оценка со стороны других X-ов не стала ниже'.

1.1.2. ФРАЗЕМА ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА

Эта фраза и слово *достоинство* очень близки, в большинстве контекстов они взаимозаменяемы.

И *достоинство*, и *чувство собственного достоинства* одинаково свободно сочетаются с глаголами, описывающими травматическое воздействие (*унижать*, *оскорблять*, *ранить*, *ущемлять* и пр.).

В то же время между этими языковыми единицами существует ряд различий.

Самая очевидная особенность фраземы состоит в том, что в ней занята валентность роли: эта фраза всегда указывает на достоинство личности. Ср. сомнительность *??мужское чувство собственного достоинства* и невозможность трактовки в родовом статусе сочетаний типа *чувство собственного достоинства писателя (офицера)*.

Другая особенность фраземы состоит в том, что в её семантике на первом плане всегда находится с о з н а н и е субъектом собственной ценности, в то время как в семантике *достоинства* акцентироваться может ц е н н о с т ь субъекта сама по себе. Поэтому в ряде контекстов использование фраземы предпочтительно. Ср. *гипертрофированное чувство собственного достоинства; Я восхищался его чувством собственного достоинства; Он превратился в человека без чувства собственного достоинства; Он держался очень просто, но не теряя чувства собственного достоинства; Злее всех был инспектор, старавшийся запугать семинаристов, подавить в них чувство собственного достоинства и добиться рабского повиновения во всем (П. Нилин, Интересная жизнь).*

В семантике *достоинства* компонент 'ценность субъекта' выходит на первый план, прежде всего, в сочетаниях *ронять достоинство* и *считать что-л. ниже своего достоинства*. В этих сочетаниях использование фраземы невозможно, ср. неправо́тность **ронять чувство собственного достоинства*, **считать что-л. ниже своего чувства собственного достоинства*. Ср. также неправо́тность **Пойми, ты унижаешь свое чувство собственного достоинства*.

В сочетании с предлогом *с* фразема *чувство собственного достоинства* всегда указывает на манеру поведения субъекта. Поэтому ее использование в следующем контексте вызвало бы комический эффект: *Вы художник, талант и должны с достоинством нести свой крест* (Н. Шмелев, Теория поля).

Наконец, *достоинство* не может быть заменено на *чувство собственного достоинства* в сочетаниях с о п р е д е л е н и е м, характеризующим манеру поведения субъекта. Ср. отсутствие взаимозаменяемости в следующих примерах.

Я взяла свою папку и с неторопливым достоинством покинула ее кабинет
(О. Николаева, Всякое дыхание...);

— Где убитый? — Этого я не знаю, — со спокойным достоинством ответил человек (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

В остальном лексема *достоинство* и фразема *чувство собственного достоинства* ведут себя одинаково.

В заключение заметим, что кроме сочетания *чувство собственного достоинства* в текстах встречается также сочетание *чувство человеческого достоинства*, с точки зрения современного языка выглядящее несколько устаревшим; ср. [*России*] *нужны не проповеди (...), не молитвы (...), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре* (Белинский, МАС).

1.2. Понятие унижения. Нанесение ущерба достоинству

Напомним основные выводы из сравнительного описания семантики *достоинства* и *чести*. Итак, они предстают в языке атрибутами личности — нематериальными ценностями, которыми человек дорожит и с которыми он должен соотносить свое поведение. Природа этой ценности в случае *достоинства* состоит в том, что человек сознает себя полноценной и равноправной личностью или полноценным и равноправным членом данной социальной группы и ведет себя соответственно. *Честь*, в свою очередь, предполагает следование совокупности морально-этических правил, принятых в данной социальной группе.

В русском языке особенно богато развита лексика, описывающая «травматическое» воздействие на *достоинство* и *честь*. Перейдем к более подробному описанию этого смысла.

Ущерб *достоинству* наносит то, что не согласуется с полноценностью человека как личности или как члена данной социальной группы. О таком ущербе можно

говорить с двух точек зрения: с точки зрения самого субъекта — когда действия других людей по отношению к нему или какая-то ситуация, в которой субъект участвует, противоречит его сознанию собственной ценности (ср. *Он всячески стремится меня унижить; Ты унижаешь меня своим состраданием*), и «извне» — когда поступки субъекта оцениваются как несоответствующие его ценности (ср. *Пойми, такой поступок унижит тебя; Сделать это значило бы уронить свое достоинство*). Ниже лексика, описывающая оба этих случая, будет рассмотрена подробно.

Ущерб *чести* наносит то, что вступает в противоречие с правилами, существующими для обладателей данной социальной роли. На этот смысл прежде всего указывает глагол *оскорблять*, подробному описанию которого посвящен п. 1.3.

Слова *унижать* и *оскорблять* относятся к широкому классу каузативных глаголов с характерной меной диктаты вида *Ты унижаешь меня своей жалостью — Твоя жалость унижает меня; Ты оскорбляешь меня такими предположениями — Эти твои предположения оскорбляют меня*.

Мы будем считать, что у глагола *унижать* в этих конструкциях представлены две разные лексемы. Предложим их толкования, сопроводив каждое примерами.

Унижать 1. *X унижает 1 (достоинство) Y-a* = 'X совершает по отношению к человеку Y действие P; говорящий или Y считает, что P наносит ущерб достоинству Y-a, и оценивает поведение X-a отрицательно'.

Даже при гостях она его всячески унижает;

В ходе проверок и задержаний сотрудники милиции допускают высказывания, унижающие национальное достоинство чеченцев, азербайджанцев и других выходцев с Кавказа (Л. Вахнина и др., Дискриминация по ... этническому признаку в Москве и Московской области).

Унижать 2. *Y-a унижает 2 P* = 'ситуация P наносит ущерб достоинству Y-a и доставляет ему неприятное чувство'.

Больше всего меня унижало ощущение полной беспомощности;

Я не желаю во время пения видеть ваши жующие физиономии... Поймите, что меня это унижает (Г. Вишневская, Галина. История жизни).

В дальнейшем индексы этих лексем во многих случаях будут опускаться.

1.2.1. УНИЖЕНИЕ ДОСТОИНСТВА: ДЕЙСТВИЯ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

Достоинство человека страдает, когда действия других людей демонстрируют беспомощность, бесправие этого человека, его жалкое и смешное положение, чье-либо превосходство над ним. На этот смысл способны указывать следующие слова и конструкции:

1. Глаголы *унижать 1* и *унижать 2*, см. приведенные выше примеры.
2. Дериват *унижение*.

Недопустимы психотерапевтические подходы, основанные на подавлении личности больного и унижении его достоинства (Основы социальной концепции Русской православной церкви);

В этом слогане действительно можно было усмотреть унижение национально-го достоинства белорусов.

3. Дериват унижительный.

Попавшие в изолятор первым делом подвергаются крайне унижительным сан-процедурам.

4. На этот смысл могут указывать и другие «травматические» глаголы: *заде-вать (ранить ...) достоинство.*

5. Наконец, этот смысл входит в понятия издевательства, представленного глаголом *издеваться* и его дериватами и синонимами. Эта лексика подробно описывается в п. 1.4.

Вся эта лексика в той или иной степени содержит в своей семантике интерпретационный компонент: конкретное действие или положение дел и н т е р п р е - т и р у е т с я говорящим или самим объектом как наносящее ущерб достоинству объекта.

Унижать могут как речевые акты, так и неречевые действия. В случае речевого акта ущерб достоинству наносится указанием на не полную ценность объекта в том или ином отношении. Ср. *Трудовик постоянно унижал учеников, называл без-дарями, говорил, что они не поступят даже в ПТУ и всю жизнь будут цепляться за юбку.*

В случае неречевого действия субъект, скорее, демонстрирует н и ч т о ж н о е, бесправное, зависимое положение объекта, взгляд на него сверху вниз.

Не могу с ним жить, он всячески старается унизить меня, велит становиться на колени перед собой, хочет высечь меня (Л. Н. Толстой, Отрочество);

У меня стал патроном Черкас Толя. Тоже вор в законе. Но, с моей точки зрения, человек нехороший. Он унижал людей, часто бил ни за что (А. Константинов, Бандитский Петербург).

Унижение может быть и преднамеренным, ср. (а), и непреднамеренным, ср. (б).

- (а) *Ах! этот человек всегда / Причиной мне ужасного расстройства! / Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол! (А. С. Грибоедов, Горе от ума);*
- (б) *Ты унижаешь меня своим состраданием (своей жалостью).*

Униженный человек испытывает болезненное ч у в с т в о, вызванное тем, что обстоятельства противоречат его сознанию собственной ценности и полноценности, естественному для всех людей; ср. *чувствовать себя униженным; Х чувствует, что его достоинство задето.*

В отличие от таких прототипических эмоций как страх, стыд, радость и др., это «чувство униженности» обычно не предполагает никаких внешних проявлений; ср. меньшую характерность фраз типа *Он выглядел униженным*; *У нее был униженный вид* по сравнению с *Он выглядел испуганным (пристыженным)*; *У тебя такой радостный вид!*

Поэтому затруднено употребление *унижения* в характерной для эмоций «симптоматической» конструкции вида *побелеть от страха, сгорать от стыда, плакать от обиды*.

Как было сказано выше, потеря или сохранение достоинства зависит прежде всего от самого субъекта, а не от других людей, ср. *Несмотря на то, что его всё время пытались унижить, он сумел сохранить чувство собственного достоинства*. Тем не менее, неприятное чувство, испытываемое объектом унижения, особенно интенсивно тогда, когда у унижения есть свидетели. Поэтому в ситуацию унижения может вводиться указание на аудиторию.

Начальник не стеснялся публично унижать тех, кто ему не угодил;

Он унизил меня перед моей семьей;

Думал о том, что, когда вырастет большой, никогда не станет унижать человека при посторонних только за то, что он несовершеннолетний, и не зарабатывает себе на хлеб, и не может за себя постоять (В. Токарева, Ни сыну, ни жене, ни брату).

В ситуации унижения перед объектом встает выбор: *сохранить* чувство собственного достоинства, сохранить, тем самым, сознание своей ценности и вести себя соответствующим образом, или *потерять, утратить* чувство собственного достоинства, *опуститься*, перестать сознавать свою ценность и перестать заботиться о том, чтобы вести себя достойным образом.

Я всегда болезненно чувствовала, что, имея обеспеченного отца, из милости живу на последние бабкины гроши. Меня, ребенка, это унижало, и я тем более старалась сохранить свое достоинство (Г. Вишневская, Галина. История жизни).

Выше речь шла преимущественно о действиях, интерпретируемых как унижение достоинства. Однако унижать могут не только действия других людей, но и ни от кого непосредственно не зависящая с и т у а ц и я, в которой человек вынужден принимать участие.

Прокофий был самолюбив. Он считал себя выше людей и гордился собой. Острог унизил его (Л. Н. Толстой, Фальшивый купон);

«Великий город с областной судьбой». Такое положение унижает, оскорбляет ленинградцев (Уппсальский корпус);

Она уже угадала инстинктом, что близость старого мужа нисколько не унижает ее, а, наоборот, кладет на нее печать пикантной таинственности, которая так нравится мужчинам (А. П. Чехов, Анна на шее);

Я почувствовал, что я умру сейчас за столом, жалкий страх смерти унизил меня до того, что я простонал, оглянулся тревожно, ища помощи и защиты от смерти (М. Булгаков, Театральный роман);

С унижительной зависимостью от родительских подачек было покончено (Б. Акунин, Турецкий гамбит).

На этот смысл, кроме того, указывает сочетание *унижительное положение*; ср. *За обедом я вновь попал в унижительное положение (...). Когда выяснилось, что я никогда не слышал о винтовке Бердана, Фандорин-сан посмотрел на меня очень странно. Он наверняка подумал, что в японской армии служат полные невежды* (Б. Акунин, Левиафан).

1.2.2. УНИЖЕНИЕ ДОСТОИНСТВА: СОВПАДЕНИЕ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА

Об ущербе, наносимом достоинству, можно говорить и в отношении действий самого обладателя атрибута, когда он сам или говорящий оценивают эти действия как недостойные, неправильные, несовместимые с ценностью субъекта как личности или как обладателя определенной социальной роли. Для описания этого смысла могут использоваться следующие лексические средства (во многом пересекающиеся с описанными в предыдущем пункте).

1. Лексема *унижать* 1.

Как ты не понимаешь, что унижаешь себя (унижаешь свое достоинство) тем, что после каждой ссоры первый бежишь мириться?

Твоя эмиграция — не частное дело. (...) Ты вырвался, чтобы рассказать о нас и о своем прошлом. Все остальное мелко. Все остальное лишь унижает достоинство писателя (С. Довлатов, Ремесло);

Никто из мастеров не унижал себя участием в групповых играх вроде очка (В. Шаламов, Колымские рассказы).

2. Лексема *унижать* 2.

Как ты не понимаешь, что такое поведение тебя унижает (унижает твое достоинство)?

3. Глагол *унижаться* (подробнее он рассматривается в п. 1.2.3.).

Приходится унижаться перед чиновниками;

Как мог унизиться до прозы Венчанный Музой поэт (СПушк);

4. Сочетания *ронять (терять) достоинство*.

Необходимо умерять наш апломб — (...) правда, при этом никогда не терять достоинства (В. Аграновский, Вторая древнейшая. Беседы о журналистике).

Специфика сочетаний *ронять (терять) достоинство* состоит в том, что они, в отличие от глагола *унижать*, в отрицательном контексте могут указывать на

м а н е р у поведения субъекта — в ситуации, располагающей к потере достоинства. Ср. *По возможности быстро, но и не теряя достоинства, я повернулся к ним лицом* (В. Попов, Очаровательное захоlustье).

5. Дериват унижение.

— *Целуй руку, целуй руку!* — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лю-
тую казнь такому подлему унижению (А. С. Пушкин, Капитанская дочка).

6. Дериват унижительный.

Все уже было испробовано, все написано: и неистовые уверения в своей любви, такой, какой еще не бывало на земле, и унижительные мольбы о ее любви или хотя бы о «дружбе» (И. Бунин, Митина любовь);

*Что унижительнее: нищенствовать или принять участие в сборнике, прославля-
ющем строительство Беломорканала?* (Н. Елисеев, Что не дозволено ученому.
Просто напоминание).

7. Наконец, на этот смысл может указывать прилагательное недостойный.

*Недостойное поведение; Это [бояться смерти] было недостойно мужчины, ко-
торый много видел и пережил за сорок три года* (Конечкий, МАС).

Как не соответствующее достоинству может интерпретироваться не только действие, но и с в о й с т в о субъекта; ср. *Выпускники элитных школ считают, что быть дворником унижительно*.

При этом недостойное поведение субъекта может нанести ущерб всей социаль-
ной группе в целом; ср. *Николас был решительным противником проституции, видя в этом постыдном промысле не только рассадник преступности и болезней, но еще и оскорбление человеческого, прежде всего женского достоинства* (Б. Аку-
нин, Алтын-Толобас).

1.2.3. ГЛАГОЛ УНИЖАТЬСЯ

Остановимся подробнее на деривате *унижаться*, близком к сочетаниям *уни-
жать себя* и *унижать свое достоинство*, но в то же время обнаруживающем по
сравнению с ними существенную специфику.

У глагола *унижаться* есть два четко противопоставленных круга употреблений.
Один может быть проиллюстрирован фразой *Приходится унижаться перед чинов-
никами*, второй — фразой *Она нередко унижалась до примитивного подхалимажа*.

Рассмотрим эти два круга употреблений отдельно.

Первый круг употреблений

Ряд особенностей сближает *унижаться* в этом круге употреблений со словами
пресмыкаться, лебезить, заискивать, холопствовать, лакействовать (лакейни-
чать), *подхалимничать, низкопоклонничать, раболепствовать* и др., — обшир-
ной группой глаголов, описывающих поведение человека и указывающих на то,

что субъект демонстрирует собственное ничтожество и превосходство над собой другого человека. Заметим, что глагол *унижаться* оказывается ближе к предикатам *п о в е д е н и я*, чем к интерпретационным глаголам.

Унижаться в первом круге употреблений отличается от *унижать себя* и *унижать свое достоинство* в следующих отношениях.

1. Ситуация *унижаться*, так же, как и ситуация, на которую указывают глаголы группы *пресмыкаться*, включает двух обязательных участников — субъекта и б е н е ф и ц и а н т а, во взаимодействии с которым первый демонстрирует свою малую ценность. И при *унижаться*, и при *пресмыкаться* и его синонимах вторая валентность заполняется предложно-именной группой *перед кем-л.* Ср. *Столько девочек вокруг, а я унижался перед какой-то дурочкой* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора).

Про человека нельзя сказать, что он *унижается*, если он просто смешно выглядит, вне контакта с другими людьми. Поэтому невозможна подстановка этого глагола в следующий пример: *Этим болванам кажется, что, если абхазец сидит на муле, а не на лошади, он себя унижает* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

2. Глагол *унижаться* содержит в своей семантике указание на *ц е л ь*, которую субъект преследует, желая добиться чего-л. для себя или для кого-л. из своей личной сферы; ср. характерность сочетаний *унижаться ради заработка* (*ради будущего детей*); *унижаться из-за денег*; *приходится унижаться*. Для глагола *унижать* такие сочетания гораздо менее характерны. Ср. странность *'унижать свое достоинство ради заработка*; *'унижать себя из-за денег*; *'приходится унижать себя*; *'приходится унижать свое достоинство*.

3. Как и *унижать*, действие *унижаться* *о ц е н и в а е т с я* отрицательно. Тем не менее, в случае *унижаться* отрицательная оценка менее интенсивна, чем в случае *унижать*. Причина этого — в том, что *унижаться* может употребляться в ситуациях, когда субъект *в ы н у ж д е н* идти на унижение ради достижения какой-либо цели, и такое поведение русская наивная этика не запрещает. Ср. следующую контрастную пару:

- (а) *Что поделаешь, чтобы чего-нибудь добиться, приходится унижаться*;
- (б) *??Что поделаешь, чтобы чего-нибудь добиться, приходится унижать себя*
*<*унижать свое достоинство>.*

4. Большая близость *унижаться* к *пресмыкаться* и его синонимам, чем к *унижать*, проявляется и в синтаксических свойствах рассматриваемого глагола.

При *унижаться* в рассматриваемом круге употреблений затруднено выражение конкретных действий субъекта. *Унижаться* не употребляется ни в конструкции с ТВОР, ни в характерных для интерпретационных глаголов⁷ конструкциях с

⁷ Интерпретационные глаголы подробно рассматриваются Ю. Д. Апресяном в главе 4 первой части настоящей книги.

ДДЕПР и с придаточным с союзом *если*. Ср. *унижать себя* чем-л. VS. **унижаться* чем-л.; а также следующую контрастную пару примеров.

- (а) *”Как ты не понимаешь, что унижаешься, если так себя ведешь (ведя себя таким образом)?*
- (б) *Как ты не понимаешь, что унижаешь себя (унижаешь свое достоинство), если так себя ведешь (ведя себя таким образом)?*

Впрочем, указание на конкретные действия все же может вводиться в контекст глагола *унижаться*, в частности, с помощью сочинительной конструкции; ср.

Он унижался, обещал исправиться;

Пришлось унижаться и просить у американцев понтоны (В. Баранец, Генштаб без тайн).

Как свидетельствует приведенный материал, для описанного круга употреблений *унижаться* характерна форма НЕСОВ.

Второй круг употреблений

Приведем два примера.

Сама бабка до этого [есть курицу руками] не унижалась, что хорошо знал кот, норовивший получить косточку (А. Чудаков, Ложится мгла на старые ступени);

Никогда великий Гарсиа — «il gran Garsia» — не унижался до того, чтобы петь, как теперешние теноришки — tenoracci — фальцетом: всё грудью, грудью, voce di petto (И. С. Тургенев, Вешние воды).

Этот круг употреблений глагола *унижаться* гораздо ближе к *унижать себя* и *унижать свое достоинство*, чем первый; ср. *унизиться до попрошайничества* ≈ *унизить себя попрошайничеством*. Он описывает ситуацию с о д н и м участником.

Основная особенность *унижаться* в этом круге употреблений — это включение в ситуацию с помощью предложно-именной группы *до чего-л.* указания на конкретное действие или чувство субъекта, интерпретируемое как не соответствующее достоинству субъекта.

И н т е р п р е т а ц и я, как и в случае *унижать*, может принадлежать как говорящему, так и с у б ъ е к т у. Фраза *Он не унижается до мелких подозрений* предполагает, что или говорящий, или сам субъект считает, что подозрения ниже его достоинства. В этом отношении с конструкцией *не унижаться до чего-л.* сближается конструкция *считать что-л. ниже своего достоинства*; ср. *Вступить с продавщицей в дискуссию она сочла ниже своего достоинства и молча отсчитала 25 рублей.*

То, что глагол *унижаться* может предполагать интерпретацию со стороны субъекта, а не говорящего, выходит на первый план, когда эти две интерпретации не совпадают. Такая разница может специально фиксироваться интона-

ционно (с помощью интонации «цитирования») или, на письме, графически, с помощью кавычек. Ср. *Поэтическая традиция — его [Садовского] надежная крепость. Гордый ее неприступностью, он, кажется, глубоко презирует всё окружающее и не «унижается» до вылазок* (В. Ходасевич, О новых стихах). Ср. также *Она не унижается до объяснения в любви* (В. Смехов, Театр моей памяти).

Как видно из приведенных примеров, для *унижаться* в этом круге употреблений особенно характерны отрицательные, вопросительные и другие «н е р е а л ь н ы е» контексты.

Глагол *унижаться* отличается от *унижать себя* и *унижать свое достоинство* в двух отношениях. Во-первых, *унижаться* может сочетаться не только с названиями действий, но и некоторых ч у в с т в.

Она никогда не унижалась до жалости (ненависти);

Никогда не унижусь до примитивной ревности (зависти).

Покуда к Дунсиану / Бирнам не подошел, я не унижусь / До страха перед Малькольмом (У. Шекспир, Макбет, пер. Ю. Корнеева).

Во-вторых, для *унижаться* типичны контексты типа *Он не унижался до п р и м и т и в н о й зависти (ж а л к о й мести, г р у б о г о подхалимажа, о т к р о в е н н ы х подлостей)*. Таким образом для объекта интерпретации (названий действий или чувств, интерпретируемых как недостойные субъекта) характерна сочетаемость с определениями, указывающими на то, что данное недостойное действие или чувство выражено в своей о т к р ы т о й, безусловно отталкивающей форме.

Для данного круга употреблений типична форма СОВ, см. примеры выше.

Значительность и семантических, и синтаксических различий между двумя кругами употреблений *унижаться* (разные модели управления, характерность разных видовых форм и др.) может навести на мысль о том, что мы имеем дело с разными лексемами. Основным контраргументом является возможность совмещения этих двух моделей управления; ср. следующий приемлемый, на наш взгляд, пример: *Я никогда не унижался перед начальством до просьбы о прибавке жалованья.*

Оба круга употреблений можно объединить следующим толкованием:

Х унизился перед Y-ом до Р = ‘человек Х совершил действие Р по отношению к Y-у; говорящий или Х оценивает действие Р отрицательно, поскольку считает, что оно наносит ущерб достоинству X-а’.

1.3. ПОНЯТИЕ ОСКОРБЛЕНИЯ

Перейдем от описания травмирования достоинства к нанесению ущерба чести и, шире, к семантике *оскорбления*. Это понятие представлено в первую

очередь глаголами *оскорблять*, *оскорбляться* и именами *оскорбление* и *оскорбительный*.

Глагол *оскорблять* имеет три значения. Первое можно проиллюстрировать примером *Нахал оскорбил его, он ответил пощечиной*, второе — примерами *Он оскорбил меня предложением денежной награды* и *Меня оскорбляет твое отношение ко мне*, третье — примером *Меня оскорбляет вид этой развалюхи под окном*.

Первое значение описывает намеренное, «ритуализованное» оскорбление, второе и третье выводят на первый план неприятное чувство, испытываемое объектом, причем второе может указывать и на намеренное, и на ненамеренное действие, а третье предполагает воздействие на человека какой-то ситуации. При этом *оскорблять 2* касается сферы этики и этикета, а *оскорблять 3* — сферы эстетических представлений объекта.

Основу семантики двух первых значений глагола *оскорблять* составляет резкое противоречие ожиданиям объекта относительно того, как другие люди должны к нему относиться или вести себя при нем.

Рассмотрим три значения рассматриваемого глагола более подробно.

1.3.1. ОСКОРБЛЯТЬ 1: НАНЕСЕНИЕ УЩЕРБА ЧЕСТИ

Эта лексема указывает на высказывания или действия, намеренно направленные на то, чтобы задеть честь адресата или объекта.

Этот человек оскорбил меня: он назвал меня подонком.

С глаголом *оскорблять* преимущественно в этом значении соотносится дериват *оскорбление*; ср. *Ростов принял шутку за оскорбление и вспыхнув наговорил офицеру таких неприятных вещей, что Денисов с трудом мог удержать обоих от дуэли* (Л. Н. Толстой, *Война и мир*).

Подобно унижению, *оскорбление*, с одной стороны, описывает некоторое действие (речевое или неречевое), с другой, предполагает неприятное чувство, которое испытывает объект этого действия. Однако и диапазон интерпретируемых действий, и это чувство существенно различаются в случае унижения и оскорбления.

В случае речевого акта, оскорбление скорее предполагает обвинение в несоответствии моральным нормам, часто с использованием бранных слов (*мерзавец, трус, лжец, вор*), тогда как унижение — обвинение в неполноценности (*урод, недоумок; Да на тебя ни один мужик не посмотрит*).

Если объект унижения испытывает глубокое и долговременное чувство, заставляющее его скорее замкнуться в себе, то оскорбление в прототипическом случае предполагает сильную эмоцию, требующую выхода наружу в виде ответных действий, места оскорбителю (ср. *отомстить за оскорбление* (*смыть оскорбление*)). Ср. также *Последнего оскорбления он не стерпел и ответил ударом в челюсть. Завязалась драка*.

Конкретная форма мести может определяться правилами чести. *Такое оскорбление смывается только кровью; По дуэльному статуту картель объявляется в течение суток после нанесения оскорбления, никак не позже* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог)⁸.

Если в той или иной форме месть состоялась, человек *чувствует себя удовлетворенным*, если же этого не произошло, его чести наносится урон. Ответные действия в случае оскорбления оцениваются с позиций наивной этики как норма, их отсутствие получает отрицательную оценку: ср. *проглотить* (*снести, стерпеть, проигнорировать*) оскорбление. Ср. также

Он же тебя оскорбил! Неужели ты это так и оставишь?

— Генерал, я обязан исполнить приказания, но не обязан переносить (...) оскорбления, — громко, звучно договорил Долохов (Л. Н. Толстой, *Война и мир*);

Он такого оскорбления перенести не мог, тем более что был в форме и при оружии (В. Войнович, *Монументальная пропаганда*).

В этом отношении семантика оскорбления существенно отличается от достаточно близкой семантики *обида*: с точки зрения наивной этики, плохо, когда *обида затаивают*, и хорошо (или, по крайней мере, не плохо), когда её *прощают* (*забывают*). Заметим, что само сочетание *простить оскорбление* по меньшей мере сомнительно.

Важность компонента 'необходимость ответной реакции' для семантики оскорбления находит отражение в целом ряде фактов. Рассмотрим некоторые из них.

1. В современном языке отражается представление о том, что ответом на оскорбление может быть обращение в суд. В особенности это характерно для деривата *оскорбление*. Смысл *подсудности* оскорбления выходит на первый план в стилистически окрашенном сочетании *оскорбление личности* (при сомнительном *оскорблять личность*). В корпусе текстов это сочетание почти всегда появляется в контексте сочетания *подавать в суд*. Ср. *Я завтра же подам на вас всех в суд за вмешательство в мою частную жизнь, оскорбление личности и побои!* (М. Милованов, *Рынок тщеславия*).

2. С тем, что *оскорбление* указывает на моральный ущерб, требующий ответной реакции, связана способность этого слова употребляться в сочетании с частицей *уже*; ср. *Это уже оскорбление!*; *Это уже не простая обида, а оскорбление! Вы за это ответите!* В таких контекстах содержится указание на то, что преступлена объективная грань, отделяющая «простой» моральный ущерб от ситуации оскорбления, со всеми вытекающими последствиями.

⁸ Интересно, что согласно кодексу чести оскорбление может считаться смытым и в том случае, если ранен или искалечен сам оскорбленный, а не оскорбитель. Ср. замечание Ю. М. Лотмана: «...честь восстанавливается не нанесением ущерба оскорбителю или мстью ему, а фактом пролития крови, в том числе и своей собственной» [Лотман 1995: 530].

3. В чувстве оскорбленности, именно по той причине, что оно должно найти выход в мести, можно находить удовольствие, к нему можно даже *стремиться*. Поэтому можно *нарываться на оскорбление*. Ср. также следующий пример: «Сначала убью ее и любовника, а потом себя». {...} С злорадством оскорбленного человека он воображал себе ужас родни и публики, агонию изменницы и мысленно уже читал передовые статьи, трактующие о разложении семейных основ (А. П. Чехов, Мститель).

4. На наш взгляд, именно указание на предполагаемую ответную реакцию определяет одну интересную словообразовательную особенность глагола *оскорблять*. От этого глагола образуется дериват *оскорбитель* со значением субъекта действия (этот дериват стилистически окрашен как устаревший или, по крайней мере, уходящий). Ср. *Джураев убил главного оскорбителя, но остался не удовлетворен* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог). В этом отношении *оскорбление* сближается с *обидой* (ср. характерность контекстов типа *поквитаться с обидчиком, отомстить оскорбителю*) и противопоставляется большинству других слов, указывающих на нанесение морального ущерба (*унижать, издеваться, раздражать, возмущать, сердить* и др.).

Во многих контекстах оскорбление выступает как вещь *объективная*. Так, некоторые высказывания (*Трус! Негодяй!*) и действия (например, пощечина; см. описание этого слова в соответствующей словарной статье И. Б. Левонтиной в [НОСС 2004]) *считаются* в данном обществе оскорблением. Особенно характерен такой режим употреблений для существительного *оскорбление*, в частности, в составе сочетания *наносить оскорбление* — фразеологического синонима глагола *оскорблять*.

— Унтер-офицер Пришибеев! Вы обвиняетесь в том, что 3-го сего сентября оскорбили словами и действием урядника Жигина, волостного старшину Аляпова, сотского Ефимова, понятых Иванова и Гаврилова и еще шестерых крестьян, причем первым трем было нанесено вами оскорбление при исполнении ими служебных обязанностей (А. П. Чехов, Унтер Пришибеев);

Если до этого в вашей семейной жизни не было «экстрима» в виде пощечин и оскорблений, то, вероятнее всего, у вашего мужа из-за проблем на работе случилось *аффективное состояние* (Комсомольская правда, 17–24 янв. 2005);

Выбирай: двадцать рублей за химчистку и окраску всего костюма или подаю в суд за оскорбление действием (В. Шукшин, Ноль-ноль целых);

Да, вам будет очень трудно. На вас обрушится поток оскорблений, никто не захочет давать показания в пользу «чудовища» (Б. Акунин, Смерть Ахиллеса)⁹.

Заметим, что дериват *оскорбление* в этом круге употреблений способен описывать «заглазное» оскорбление, т. е. несовпадение объекта и адресата речевого

⁹ Вообще, дериват *оскорбление* как правило указывает на речевой акт. Заметим, что слово *поток* (и в ЕД, и во МН) в квантитативном значении сочетается именно с названиями

акта, что нехарактерно для глагола *оскорблять*. Ср. *Материал содержит прямые призывы к гражданской войне, (...) к физической расправе над нынешним руководством страны, а также оскорбления в адрес Президента России* (А. Яковлев, Омут памяти).

Объективность оскорбления отличает семантику *оскорбления* от семантики *обиды*. Так, можно *принять шутку за оскорбление*, но не **принять шутку за обиду*. Ср. также невозможность замены *оскорбления* на *обиду* в следующем примере:

Телианов позднее всех понял, что его сестре нанесено оскорбление, и тем самым выставил себя то ли дураком, то ли трусом (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

В связи со сказанным уместно привести цитату о разнице между обидой и оскорблением из статьи Анны Зализняк. «Оскорбление возникает тогда, когда задета наша честь, обида — когда задето чувство. (...) В оскорблении участвуют социальные факторы, в обиде — индивидуальные; множество оскорбительных высказываний является частью культурного текста данного социума, между тем множество обидных высказываний нельзя исчислить» [Зализняк Анна 2000: 109].

С другой стороны, оскорбление может быть вещью субъективной: слова *оскорблять* и *оскорбление* могут использоваться для интерпретации каких-то действий как намеренно направленных на то, чтобы задеть честь объекта.

На этот смысл указывает целый ряд выражений: *счесть что-л. оскорблением*; *счесть себя оскорбленным*; *увидеть в чем-л. оскорбление*; *воспринять что-л. как (личное) оскорбление*. На этот же смысл указывает и сочетание *оскорбительный смысл* (его слов *ее улыбки, этого жеста*). Ср. также

Ваши слова следует понимать как оскорбление?;

В его подчеркнутой вежливости было что-то оскорбительное;

Жена, вся в слезах, жалуется вернувшемуся с работы мужу: «Сегодня твоя мать прислала тебе письмо, в котором жестоко оскорбляет меня». Муж читает письмо и не находит там ничего оскорбительного. — А ты посмотри на приписку к письму, — говорит жена. — Видишь, что там написано: «Дорогая Алиса, не забудь передать это письмо Джорджу» (пример из книги [Санников 2002]);

Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина. Товарищ Машкин следил за товарищем Кошкиным. Товарищ Кошкин оскорбительно махал руками и про-

речевых актов: ср. *поток брани*; *потоки ругани* (*поношений, попреков, проклятий, хулы*) при невозможном **потоки ударов* (*тинков*). Иначе себя ведет близкий квантификатор *град*, для которого более характерна сочетаемость с названиями неречевых квантованных «травмирующих» действий: ср. более характерное *На него градом посыпались удары* (*пинки*) по сравнению с гораздо менее характерным *На него градом посыпалась ругательства* (*поношения, попреки, проклятия*). Употребление в последней конструкции слова *оскорбление* также нетипично.

тивно выворачивал ноги. Товарищ Машкин нахмурился (Д. Хармс, Машкин убил Кошкина).

С оскорблением могут быть связаны своеобразные коммуникативные задачи двух типов.

С одной стороны, можно воспринять как оскорбление слова или действия, которыми субъект не хотел никого оскорблять.

В его пожелании поскорее поправиться она почему-то увидела оскорбление;

[Жандарм] наклонился к Самгину, тихо говоря: — Я предлагаю вам быть моим осведомителем. (...) Вы меня оскорбляете, — сказал Клим очень спокойно. — В шпионы я не пойду (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

С другой стороны, возможна и обратная картина, когда то, что является оскорблением с точки зрения субъекта, не оказывается таковым для адресата.

— Да вы просто... Вы просто — слуга престола! — процедила Варя худшее из оскорблений, а когда Фандорин не содрогнулся, пояснила на доступном ему языке. — Верноподданный раб без ума и совести! (Б. Акунин, Турецкий гамбит);

Первоначально он отнесся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня, то есть думал, что оскорбляет, называя меня собакой, — тут арестант усмехнулся, — я лично не вижу ничего дурного в этом звере (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Приведем также следующий пример, демонстрирующий еще более сложную ситуацию.

Во время обеда Тильди, подавая знакомым посетителям, объявляла каждому из них со скрамностью человека, достоинства которого не нуждаются в преувеличении: «Один джентльмен оскорбил меня сегодня в ресторане. Он обнял меня за талию и поцеловал». Обедающие принимали эту новость по-разному — одни выражали недоверие; другие поздравляли её (О. Генри, Недолгий триумф Тильди, пер. под ред. М. Лорие).

Заключим сказанное о лексеме *оскорблять* 1, предложив следующее толкование.

X оскорбляет 1 Y-a = 'X совершает по отношению к человеку Y действие P, цель которого — нанести ущерб чести Y-a; говорящий оценивает действие P отрицательно'.

1.3.2. ОСКОРЕЛЯТЬ 2: КАУЗАЦИЯ НЕПРИЯТНОГО ЧУВСТВА

Для *оскорблять* 2 особенно характерна диатеза *Y-a оскорбляет P*, в которой субъект выводится за кадр (в терминологии Е. В. Падучевой¹⁰) и, соответственно, на первый план выступает объект вместе со своей эмоцией. Ср. *Меня оскорбил его покровительственный тон; Меня оскорбило, что он говорил со мной каким-то по-*

¹⁰ См., например, [Падучева 2004].

кровительственным тоном. В то же время, возможно употребление и прямой диатезы X оскорбляет Y-а Р; ср. Ты оскорбляешь меня своим недоверием; Он оскорбил меня своим покровительственным тоном. В случае использования прямой диатезы, как правило, заполнена валентность содержания.

Глагол *оскорблять* 2 предполагает каузацию крайне интенсивной отрицательной эмоции, ощущение объекта, что ему нанесен моральный ущерб. При этом оскорблять может, во-первых, грубое нарушение правил уважительности и деликатности по отношению к объекту и, во-вторых, неприличное поведение в присутствии объекта¹¹.

В отличие от рассмотренной выше лексемы, *оскорблять* 2 часто указывает на ненамеренное нанесение морального ущерба.

Приведем ряд примеров.

Меня оскорбляет, что вы позволяете себе называть меня «бабусей»;

В исступление окончательное привела меня запись в его режиссерской книге: «Здесь будет дуэль». (...) Я чувствовал себя оскорбленным. — Небось у Островского не вписывал бы дуэлей, — ворчал я (М. Булгаков, Театральный роман);

В похвалах по поводу «Миллона терзаний» он видел что-то оскорбительное для себя, какой-то совет ему, который возникал только в его же душе, а именно — оставьте, мол, творчество, возьмитесь-ка лучше за критику! (М. М. Стасюлевич, И. А. Гончаров);

Меня просто оскорбляет ваша, простите, похабно-спортивная нагота (В. Набоков, Дар);

Я счел необходимым во втором издании выкинуть из главы «Серп и Молот — Карачарово» всю бывшую там матерщину. Так будет лучше, потому что, во-первых, меня станут читать подряд, а во-вторых, не будут оскорблены (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки).

Если унижают ситуации, в которых на человека смотрят сверху вниз, то *оскорбляют*, прежде всего, проявления неуважения, неделикатности или бестактности, а также ситуации, в которых оказывается, что о человеке думают хуже, чем он ожидает.

Приведем две пары контрастных примеров.

Меня унижало, что он, зная, что я сижу без работы, только и говорил, что о своей зарплате [демонстрация неполноценности объекта];

Меня оскорбило, что он первым делом заговорил о деньгах [бестактность];

¹¹ Уважительность, деликатность и другие близкие к ним понятия подробно рассматриваются в третьей части настоящей коллективной монографии. Автор благодарен автору этой части — Т. В. Крыловой — за ценные замечания относительно семантики глагола *оскорблять*.

Меня унижает твое сострадание [демонстрация неполноценности, беспомощности];

Меня оскорбляет твое недоверие [противоречие ожиданию хорошего отношения к себе].

Оскорбиться 2 обычно не употребляется для описания намеренного нанесения объекту морального и, тем более, физического ущерба. Ср. также нормальную фразу *Меня оскорбило, что он даже не поздоровался* и аномальность **Меня оскорбило, что он влетил мне пощечину* (назвал меня подонком).

Объектом *оскорблять 2* может быть не только отдельный человек, но и целое общество.

Любопытен был для меня и тот взрыв всеобщей ненависти, с которою все у нас нажились тогда на «буяна и столичного бретера». Непременно хотели видеть наглый умысел и рассчитанное намерение разом оскорбить все общество (Ф. М. Достоевский, Бесы);

У нас до сих пор никогда еще не бывало амазонок; естественно, что появление Лизаветы Николаевны, прогуливавшейся верхом и еще не сделавшей визитов, должно было оскорблять общество (Ф. М. Достоевский, Бесы).

В контекст глагола *оскорблять* может вводиться указание на конкретную сферу, в которой нечто противоречит представлениям субъекта; ср. *оскорблять чьи-л. религиозные* (эстетические и пр.) чувства.

Колокола сбрасывали под тем предлогом, что они мешают слушать радио и оскорбляют религиозные чувства нехристиан (В. Цыпин, История русской церкви);

[В современных СМИ] интимные отношения мужчины и женщины — обнажаются и выставляются напоказ, оскорбляя естественное чувство стыдливости (Основы социальной концепции Русской православной церкви);

Брест-Литовский мир, оскорбивший национальные чувства русских, ускорил превращение Российской земли в поприще жестокой братоубийственной брани (В. Цыпин, История русской церкви).

Приведем также следующий не вполне стандартный с точки зрения современного языка пример:

Базарову не нравилась эта размеренная, несколько торжественная правильность ежедневной жизни; «как по рельсам катишься», — уверял он: ливрейные лакеи, чинные дворецкие оскорбляли его демократическое чувство (И. С. Тургенев, Отцы и дети).

Наконец, *оскорблять 2* употребляется в контекстах типа *оскорблять кого-л. в лучших* (самых святых) чувствах, предполагающих, что нечто противоречит ожиданиям объекта, что все будут проявлять уважение к чувствам, которые им движут.

Варя сочла это замечание непозволительно грубым и вжала голову в плечи: сейчас оскорбленный в лучших чувствах Мизинов ка-ак разобидится, ка-ак закричит! (Б. Акунин, Турецкий гамбит);

В его голосе слышались металлические нотки человека, оскорбленного в самых святых своих чувствах (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев);

Пойду искать по свету, Где оскорбленному есть чувству уголок (А. С. Грибоедов, Горе от ума).

Неприятное чувство, испытываемое объектом *оскорблять*, *максимально интенсивно*. Поэтому нельзя быть **немного (несколько) оскорбленным*.

Для *оскорблять* 2 характерна сочетаемость со словами, указывающими на большую интенсивность неприятного чувства — *интенсификаторами* до глубины души, глубоко, крайне, больно и др.

Татьяну до глубины души оскорбило его предложение «видеться хотя бы изредка»;

В бешенстве от наглого, бесстыдного цинизма самых последних её слов, — цинизма, на который способна лишь женщина, я выбежал глубоко оскорбленный (Ф. М. Достоевский, Подросток);

[Володя], избегая всякого выражения чувства, впадал в другую крайность — холодности, часто больно оскорблявшую людей, не понимавших причин ее (Л. Н. Толстой, Юность).

Противоречие правилам и причинение неприятного чувства, содержащееся в семантике оскорбления, сближает её с семантикой обиды. В особенности это касается деривата *оскорбительный* (ср., по МАС'у, *обидный* — 'содержащий в себе обиду, причиняющий обиду; оскорбительный'). В некоторых контекстах *оскорблять* 2 и дериват *оскорбительный* отличается от обиды только максимальной интенсивностью эмоции. Ср. *Недоверие матери оскорбляло (обижало) сына; В объяснениях о приеме на работу пишут «мойщик посуды», потому что «посудомойка» звучит как-то обидно (оскорбительно); Не простила [она ему] того, чего не может простить ни одна женщина: нелюбви. Хуже — холодного, оскорбительно-го равнодушия* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

Характерными *внешними проявлениями* оскорбленности является специфический *оскорбленный вид* (выражение особенной неприступности и отстраненности) и *оскорбленный голос*. Ср. также

На лице у нее было написано (По её лицу я понял), что она оскорблена до последней степени;

Подлость какая! — воскликнул Памада опять таким оскорбленным голосом, что доктор счел нужным скорее переменить разговор (Н. С. Лесков, Некуда).

На внешние проявления оскорбленности также указывает дериват *оскорбиться*.

Кроме мисс Ригли, здесь только одна женщина — я. — А Татьяна Зотовна тебе не женщина? — оскорбился Петр Георгиевич за честь своей Дульсины (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

При этом выражение неприятных чувств, на которые указывает этот глагол, вполне могут быть п р и т в о р н ы м и; ср. *Он решил (счел за нужное) оскорбиться*. Ср. также большую естественность контекстов вида *По-моему, она оскорбилась скорее для виду по сравнению с Она оскорбилась, но виду не подала*. По этой причине *оскорбиться* в современном языке может сопровождается отрицательной оценкой со стороны говорящего.

Наконец, на внешние проявления неприятного чувства указывает и уходящая фразема *вид оскорбленного достоинства*; ср. — *Извините, господа, — проговорил он [гость], — я... того... (тут он щелкнул по воротнику) получил! Генеральша немедленно приняла вид оскорбленного достоинства. (...) Видя это, повеселела и генеральша, хотя все еще выражение оскорбленного достоинства сохранялось в лице ее (Ф. М. Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели)*. Слово *достоинство* в подобных контекстах в значительной степени десемантизируется.

В языке XVIII—XIX вв. слово *оскорбиться* обладало способностью употребляться как возвратная форма от *оскорбить*, без каких бы то ни было смысловых модификаций.

Сам Великий Князь Георгий оскорбился сим криводушием и выступил с войском к северным пределам Черниговским (Н. М. Карамзин, История государства Российского);

Я уговорила Мозглякова почти теми же словами, как и ее [Зину]. Она горда и, может быть, оскорбилась (Достоевский, МАС).

С лексемой *оскорблять* 2 сближается глагол *шокировать* — по МАС'у, 'ставить в неловкое положение, вызывать неприятное чувство несоблюдением общепринятых норм приличия'.

А почему вы говорите «ты»? Мне и моему другу. Это нас шокирует (А. Вампилов, Старший сын);

[Елена Дмитриевна] метнула на мужа злой взгляд; ее шокировало небрежное его отношение к гостям (Гладков, МАС).

Глагол *шокировать*, в отличие от *оскорблять*, способен употребляться в ослабленном значении, описывая крайнюю степень и з у м л е н и я, чаще неприятного, никак не связанного с нарушением приличий. Ср. *Цены его совершенно шокировали; Боюсь, ответ на этот вопрос может вас шокировать*. Употребление в этих контекстах *оскорблять* было бы неуместно.

В отличие от *оскорблять* 1, лексема *оскорблять* 2 в большинстве контекстов не может соотноситься с существительным *оскорбление*; ср. неправильность **Его повелительный тон наносит мне оскорбление; *Его повелительный тон я воспринял*

как *оскорбление*. Также невозможно использование в соответствующем значении деривата *оскорбитель*.

Подытожим сказанное о лексеме *оскорблять* 2, предложив её толкование.

У-а оскорбляет 2 Р = 'У испытывает очень неприятное чувство, вызванное тем, что действие или ситуация Р противоречит представлениям У-а о приличиях или общепринятым правилам приличий и свидетельствует, по мнению У-а, о том, что к У-у относятся плохо'.

1.3.3. ОСКОРБЛЯТЬ 3: ПРОТИВОРЕЧИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИМ ВКУСАМ

Позволим себе начать описание этой лексемы с её толкования.

У-а оскорбляет 3 Р = 'У испытывает очень неприятное чувство, вызванное тем, что Р задевает эстетическое чувство или вкус У-а'.

Приведем типичный пример.

В этой квартире всё её раздражало. Оскорбляли даже «пошлые фикусы» и «мещанский туфик».

В языке XIX в. такие употребления также вполне обычны.

Всякий сколько-нибудь неприятный запах уже оскорблял его (Н. В. Гоголь, *Мертвые души*);

Тонкий звук голоса Сперанского неприятно поражал его, и неумолкавший смех своею фальшивою нотой почему-то оскорблял чувство князя Андрея (Л. Н. Толстой, *Война и мир*).

Если *оскорблять* 2 сближается с глаголами *обижать* и *шокировать*, то ближайшими аналогами глагола *оскорблять* 3 являются глаголы *раздражать*, *бесить*, *нервировать* и др.

Глагол *оскорблять* в рассматриваемом значении употребляется только в форме НЕСОВ; ср. неправильность **Её оскорбили «пошлые фикусы» и «мещанский туфик»*. Он не соотносится с дериватами *оскорбление* и *оскорбиться*. Ср. крайнюю прагматическую странность *Что это за фикусы?! Это же просто оскорбление!* и сомнительность *Увидев фикусы и клетку с канарейкой, она оскорбилась*.

1.4. ПОНЯТИЕ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА

Вернемся от понятия оскорбления к травмированию достоинства личности и перейдем к описанию достаточно близкого к унижению, но обладающего по сравнению с ним существенной смысловой спецификой понятия издевательства.

Как было сказано выше, ущерб достоинству наносят, в частности, ситуации, когда человек оказывается в смешном положении. Причина этого кроется в чувстве превосходства, которое человек испытывает по отношению к высмеиваемому

и связана с самой природой комического. Приведем в этой связи цитату из книги [Санников 2002: 21]:

Казалось бы, сталкиваясь в комическом с чем-то уродливым или, по меньшей мере, не совсем нормальным, мы должны испытывать отвращение или, по меньшей мере, неприязнь. В действительности же это, наоборот, радует и забавляет нас. {...} Уродливые явления вызывают у субъекта, свободного (хотя бы в данный момент) от этого недостатка, ощущение силы, превосходства над кем-либо, довольства собой. Слыша шутку приматонна, мы смеемся над конкретным высмеиваемым лицом или же (если это — абстрактная шутка, не имеющая конкретного объекта) над воображаемыми тучными певичками, испытываем «фарисейское довольство собой», — во-первых, оттого, что мы лишены этого физического недостатка, и, во-вторых, от сознания исправности своего интеллекта, позволяющего понять шутку, проникнуть в её механизм.

Кроме глагола *издеваться* и близких к нему *измываться* и *глумиться* на моральный ущерб, наносимый объекту, в той или иной степени указывают и другие слова, семантика которых связана со смехом. Перечислим их, сгруппировав в синонимические ряды.

- а) *смеяться* 2 (над кем-чем-л.), *насмехаться*, уходящ. *потешаться*, устар. *шутить* 2 (над кем-чем-л.), устар. *насмешничать*;
- б) *подшучивать*, *подтрунивать*;
- в) *высмеивать*, *осмеивать*, *вышучивать*, *засмеять*;
- г) *необиходн. посмеяться* 2 (над кем-чем-л.), устар. *насмеяться* 2 (над кем-чем-л.)¹².

Ниже мы подробнее остановимся на описании глагола *издеваться* и его синонимов. Предварим это описание краткой характеристикой смыслов, носящих для всей этой группы системный характер и организующих регулярные смысловые оппозиции между синонимическими рядами, между членами одного синонимического ряда и между разными лексемами одного слова. Кроме указанной выше лексики, для характеристики этих системных смыслов будут привлекаться и некоторые другие лексемы.

1.4.1. СИСТЕМНЫЕ СМЫСЛЫ

Цель субъекта

Прежде всего, цель субъекта действия может состоять в том, чтобы выразить свое отношение к объекту и представить объект смешным. На это указывает следующая лексика: *смеяться* (над кем-чем-л.), *насмехаться*, *потешаться*, *шутить* (над кем-чем-л.), *насмешничать*; *высмеивать*, *осмеивать*, *вышучивать* и *засмеять*.

¹² В дальнейшем изложении материала индексы лексем будут опущены — кроме случаев обсуждения полисемии.

Кроме того, целью действия может быть не просто представить объект смешным, но дискредитировать его в глазах других людей, сформировать к нему негативное отношение общества. На это указывает глагол *осмеять*. Ср. *Святые идеалы поруганы и осмеяны; Романы Ильфа и Петрова как мало какое иное современное им произведение выполнили задачу разрыва с традицией* {...}, *осмеяв разные типы «бывших» и развенчав* {...} *фигуру «русского интеллигента»* (М. Чулакова, Заметки о поколениях в советской России).

Объект действия

Для того, чтобы проиллюстрировать важность этого смысла для рассматриваемой лексики, посмотрим на синонимический ряд *высмеивать*, *осмеивать*, *вышучивать*, *засмеять*.

Наиболее широкий круг объектов допустим при глаголах *высмеивать* и *осмеивать*. Их объектом может быть человек, отдельное свойство человека, социальный институт, информационный объект, общественное явление и т. п. Ср. *высмеивать* {*осмеивать*} *чиновников* {*человеческие пороки, провинциальные порядки, феминистские движения, слезливые мелодрамы*}.

Осмеивать, кроме того, можно идеалы, принципы, истины, веру и т. п. Ср. *Лучшие годы жизни протекли, как в аду, надежды на счастье разбиты и осмеяны, здоровья нет* (А. П. Чехов, Супруга); *Судьба всякой истины — сначала быть осмеянной, а уж потом признанной* (Интернет). Для остальных синонимов этого ряда такие употребления нехарактерны.

Объектом *вышучивать* обычно является человек или его свойство. Ср. *Он всегда с излишней серьезностью относился к начальству*. {...} *Я часто вышучивал его за это* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема). Сочетаемость с более широким кругом объектов для современного языка нетипична, ср. нестандартность *В Петербурге есть особая порода людей, которые специально занимаются тем, что вышучивают каждое явление жизни* (Чехов, БАС).

Наконец, объектом действия *засмеять* может быть только человек; ср. неправомерность **засмеять человеческие пороки* {*его скупость*}; ??*Судьба всякой истины — сначала быть засмеянной*.

Высшие силы в качестве субъекта действия

Глагол *посмеяться* и необходимое слово *насмеяться* могут описывать ситуации, в которых субъектом действия является не человек, а высшие силы — судьба, природа, рок и т. п., а объект — человек — предстает игрушкой в их руках. Ср. *Еще горше посмеялась над ними судьба, еще худшими пешками они стали* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Судьба жестоко насмеялась над ним: всю жизнь он презирал бедность, а сам умер в нищете*.

Приведем также следующий пример на прилагательное *насмешливый*: *Судьба играет человеком, Она насмешлива всегда: То вознесет его высоко, То кинет в бездну без стыда* (Песня «Шумел, горел пожар московский»).

Высшие силы также могут быть субъектом действия *подишутить*. Ср. *Подишутила природа, не дала нам, евреям, поэтических физиономий!* (А. П. Чехов, Безотцовщина); *Чем ближе к концу подходил рассказ шефа, тем большей завистью загорался взгляд Эраста Петровича. (...) Перестрелка! Адская машина! Судьба зло подишутила над Фандориным, поманила его славой и увела с магистрального тракта на жалкий проселок* (Б. Акунин, Азazelь).

Указание на речевой акт или на неречевое действие

Рассмотрим синонимический ряд *издеваться*, *измываться*, *глумиться*. Доминанта этого ряда может указывать и на речевой акт, и на неречевое действие с одинаковой свободой; ср. — *Ой, бедненький!*, — *издевались надо мной рабочие* [речевой акт]; *Как не стыдно издеваться над животным!* [неречевое действие]. Для глагола *измываться* более характерно указание на неречевое действие; ср. *Уголовники всячески измывались над «политическими», избивали их, отбирали их пайки*. Глагол *глумиться*, напротив, чаще указывает на речевой акт; ср. *Он глумился над моими рассуждениями о гражданских свободах*.

По рассматриваемому признаку также различаются дериваты *издевка* и *издевательство*: первый всегда описывает речевой акт, тогда как для *издевательства* это совершенно необязательно.

Синонимы ряда *смеяться* 2, *насмехаться*, *потешаться*, *шутить* 2, *насмешничать*, а также ряда *высмеивать*, *осмеивать*, *вышучивать*, *засмеять*, в отличие от *издеваться* и его синонимов, всегда указывают на речевой акт.

Наконец, данный признак противопоставляет два круга употреблений глагола *подишучивать*. Первый, в котором этот глагол синонимизируется с *подтрунивать*, указывает на речевой акт; ср. *Жена вечно надо мной подишучивает за мою страсть к футболу*. Второй, реализующийся почти исключительно в форме СОВ, указывает на неречевое действие; ср. *Мы решили подишутить над спящим соседом и потихоньку вытащили его чемодан*.

Несерьезность слов или действий субъекта

В структуре полисемии глаголов *смеяться* и *шутить* на основании этого смысла выделяются отдельные лексемы *смеяться* 3 и *шутить* 3. Они синонимичны и имеют значение ‘говорить несерьезно’. Ср. [Клементьев:] *Я приехал, чтобы опять поговорить с вами. [Надя:] Да вы смеетесь!* (Чернышевский, МАС); *Козлов опешил: «Что она — смеется? Или всерьез?»* (Яшин, МАС); [Глафира:] *В монастырь собираюсь на днях. [Лыняев:] Нет, вы шутите? [Глафира:] Не шучу. Прощайте!* (А. Островский, МАС).

Лексема *шутить* 3, кроме того, может указывать и на неречевые действия субъекта; ср. [Василий] *весь вечер шутливо ухаживал за ней. Это не накладывало на него никаких обязательств, девчонка была еще слишком молода, все понимали, что он шутит* (Николаева, МАС).

В синонимическом ряду *издеваться*, *измываться*, *глумиться* способность указывать на смысл ‘несерьезно’ — один из основных смысловых признаков, по ко-

торым доминанта ряда противопоставляется двум другим синонимам. Глагол *издеваться*, в несколько ослабленном значении, способен сближаться с лексемами *смеяться* и *шутить*, указывая на смысл 'говорить несерьезно'. Таким образом, издевательство может быть *з а в у а л и р о в а н н ы м*, когда возможно сомнение в том, серьезен субъект или иронизирует; ср. *Ты это серьезно или издеваешься?*; *По-моему, он над тобой просто издевается*.

Для значения остальных лексем из рассматриваемой группы смысл 'несерьезно' менее характерен. Ср., тем не менее, следующие примеры, где он выходит на поверхность в значении членов синонимического ряда *подшучивать*, *подтрунивать*: — *Значит, могу быть абхазским зятем? — спросил Баграт, подшучивая над Хабугом, но тот этого не заметил* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Ему показалось, что батарейный командир уже проник его тайну и подтрунивает над ним* (Л. Н. Толстой, Севастополь в августе 1855 года).

Интенсивность действия; степень ущерба, наносимого объекту; оценка действия со стороны говорящего

По этим трем тесно связанным признакам рассматриваемые ряды синонимов выстраиваются в шкалу.

Глаголы *подшучивать* и *подтрунивать*, в соответствии с семантикой приставки *под-*, указывают на небольшую интенсивность действия. Они предполагают, что субъект, считая объект смешным, испытывает к нему добрые чувства, и его слова характеризуются мягкой, дружеской манерой речи. Ср. *Оба, изриво и добродушно подшучивая друг над другом, полезли в воду* (В. Белов, За дальним меридианом); *Грегуар младший привык считать себя вполне зависимым от одной матери, а отца считал не более как за милого гостя и даже слегка над ним подтрунивал* (Н. С. Лесков, На ножах).

Соответственно, минимальна и интенсивность неприятного чувства, которое может испытывать объект подшучивания и подтрунивания: человек, над которым *подшучивают* или *подтрунивают*, может немного обидеться или почувствовать себя задетым. Эти глаголы нейтральны по признаку оценки со стороны говорящего.

Большую интенсивность действия и больший моральный ущерб предполагают *высмеивать* и его синонимы, а также *смеяться* и его синонимы. *Высмеивать* и его синонимы также не предполагают никакой оценки со стороны говорящего: эти слова описывают желание субъекта представить объект смешным в глазах других людей, однако цели, которые субъект преследует, могут быть самыми разными — вплоть до исправления недостатков объекта. Все другие глаголы из рассматриваемой группы передают отрицательную оценку со стороны говорящего.

Смех особенно чувствителен тогда, когда смеется не один человек, а целая группа, все окружение того, кто этот смех вызывает. На это указывает глагол *засмеять*, а также существительное *посмеище*. Для глагол *засмеять* очень характерны перспективные употребления, в которых субъект не делает чего-либо из боязни быть засмеянным. Ср. *Кочегар лег на койку и всё не мог уснуть. Всё думал: сказать, не*

сказать? А вдруг засмеют? (Б. Житков, Механик Салерно). Смех целой группы людей, описываемый словом *засмеять*, настолько страшен для субъекта, что ради того, чтобы избежать этого смеха, он может отказаться от доброго поступка или даже пойти на дурной поступок. Ср. *Мне хотелось подойти к ней, утешить, но такие нежности у нас не были приняты: я побоялся, что меня засмеют.*

На максимальную интенсивность действия и максимальный ущерб, причем не только моральный, но и физический, указывают два синонимических ряда — *издеваться, измываться, глумиться и посмеяться, насмеяться*. Объект издевательства не просто испытывает неприятные чувства: действия, описываемые глаголом *издеваться* и его синонимами, унижают человеческое достоинство.

1.4.2. ГЛАГОЛЫ ИЗДЕВАТЬСЯ, ИЗМЫВАТЬСЯ, ГЛУМИТЬСЯ

В семантике этих слов указание на ущерб, который наносится объекту действия, выходит на первый план. Они описывают жестокое, зачастую граничащее с садизмом действие, цель которого — представить объект смешным и жалким, причем субъект получает от этого удовольствие.

Начальник штаба изощренно издевался над молоденькой машинисткой;

Чем дальше, тем больше интересы Вашей личной диктатуры приводят в непримиримое противоречие (...) с интересами всей страны, над которой Вы измываетесь как тиран, дорвавшийся до единоличной власти (Ф. Раскольников, Открытое письмо Сталину);

С какой-то злобною радостью «Емельян» стал глумиться над Иваном Федотычем, поносить его непристойными словами, давать ему насмешливые прозвища (Эртель, МАС);

Священника отца Александра Подольского из станицы Владимировской Кубанской епархии арестовали за то, что он отслужил молебен для казаков перед боем. Сначала его водили по станице и глумились над ним, а потом зарубили (В. Цыпин, История русской церкви).

Действия могут быть как речевыми, так и неречевыми. В случае, когда объект действия — человек, издевательство унижает его, наносит ущерб его достоинству.

Когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговки на смоленском рынке, которая все издевалась надо мной: «Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?» (И. Бунин, Холодная осень);

Сталин садистически издевался над своими соратниками, объявив шпионками жен Молотова, Калинина, и арестовал на всякий случай даже жену «своего верного личарды» — Поскрёбышева (Уппсальский корпус);

Добро бы просто к стенке, а то рвали ногти, ломали кости, отбивали почки, грубо измывались, подлейше унижали, прежде чем спровадить на тот свет (Уппсальский корпус);

К тому времени, как я понимаю, у нацистов прошел, так сказать, первый пыл, первый энтузиазм массовых умерщвлений, избиений, глумлений и издевательств, все это превратилось в привычку (А. Рыбаков, Тяжелый песок).

Глаголам *издеваться*, *измываться* и *глумиться* во многом присущи черты и интерпретационности: они могут не обозначать никакого конкретного действия, а служить для интерпретации того или иного действия как унижающего достоинство объекта. *Издеваться* употребляется в характерной для интерпретационных глаголов конструкции с формой ДЕЕПР.

Не могу видеть, как в цирке издеваются над дикими зверями, заставляя их ходить на задних лапах и прыгать через горячие обручи;

«Заря смотрела долгим взглядом, ее кровавый луч не гас, но Петербург стал Петроградом в незабываемый тот час» — Маяковский издевался, предлагая подставить в эти стихи Горюхиного вместо «но» — «а» или «и», и ничего не изменится (М. Гаспаров, Записи и выписки).

С другой стороны, в некоторых контекстах интерпретации нет, и эти глаголы описывают вполне конкретное действие. Поэтому для них характерны конструкции и сочетаемость, нетипичные для большинства интерпретационных глаголов. Так, они могут употребляться в процессном и актуально-длительном значении формы НЕСОВ:

Я выглянула в окно и увидела, что ваш бездельник издевается над моим Барсиком!

На протяжении сорока минут этот «известный аналитик» открыто глумится над всем, что происходит в стране.

Глагол *издеваться* сочетается с наречием *громко*, указывающим на манеру речи субъекта; ср. *Корнеев, хорошо выспавшийся и очень бодрый, принялся листать заметки и громко издеваться над стилем (А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу).*

Глаголы *издеваться*, *измываться* и *глумиться* различаются по четырем признакам. Во-первых, эти глаголы с различной свободой могут описывать речевой акт и неречевое действие. Во-вторых, издевательство, в отличие от своих синонимов, может быть завуалированным. В-третьих, они различаются типом объекта (объектом *глумиться* могут являться святыни, идеалы и т. п.). Наконец, три описываемых глагола различаются степенью отрицательной оценки со стороны говорящего.

Перейдем к более подробному описанию этих различий.

Глагол *издеваться* обладает более широким значением, чем его синонимы. Он одинаково свободно может описывать и речевой акт, ср. (а), и неречевое действие, ср. (б).

- (а) *Прислуга втихомолку издевалась над нами: дразнила меня горбатым, потому что я в детстве держался сутуловато, а мою мать называли при мне прижизвалкой и салонницей (К. Паустовский, Иван Бунин);*

- (б) — *Встань, Маша, стыдно!* — закричал я в бешенстве; — а вы, сударь, перестанете ли издеваться над бедной женщиной? Будете ли вы стрелять или нет? (А. С. Пушкин, Выстрел).

Описывая неречевые действия, издеваться может указывать на самый широкий их диапазон — от жестоких побоев до чисто символических действий, не причиняющих объекту физического ущерба.

У русской армии (...) всегда были свои традиции: пленных нельзя убивать, над пленными нельзя издеваться (Архив НГ);

Калигула отличался деспотизмом и сумасбродством; намеревался, издеваясь над своими сенаторами, сделать консулом своего коня (Интернет).

Как издевательство часто интерпретируются ситуации, в которых человека заставляют выполнять те или иные унижительные действия. Ср. [Виктор] издевался надо мной, заставлял по три раза в день чистить его сапоги (М. Горький, МАС).

С другой стороны, глагол издеваться может употребляться в ситуациях, предполагающих бездействие субъекта, в результате которого объект оказывается в смешном или жалком положении; ср. *Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на миг. Просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою... Нет, ты не спишь, гордая дивчина! (...) Тебе любо издеваться надо мною, прощай!* (Н. В. Гоголь, Вечера на хуторе близ Диканьки).

В экспрессивной речи глагол издеваться и особенно дериват издевательство могут использоваться в расширенном значении. Ср. следующие примеры, где издевательством названы действия, заведомо не имеющие целью унижить объект:

- (а) *Да это форменное издевательство! (Они просто издеваются!) Сберкасса открывается в 11, а в час уже закрывается на обед;*
- (б) *Вот издевательство: мне сдачу надавали 30 рублей мелочью!;*
- (в) *900 рублей — это помощь или издевательство?* (Интернет).

В таких расширенных употреблениях речь может идти не только о действиях какого-либо человека или людей, но и о ситуациях, ни от кого не зависящих, и даже о природных явлениях. Ср. *Вышел из дома — дождь пошел. Вернулся за зонтиком, пилил на пятый этаж, потом спустился — дождь кончился. Издевательство какое-то!*

Описывая речевой акт, глагол издеваться способен обозначать завуалированное действие, когда возможно сомнение в том, серьезен ли субъект или иронизирует.

- (а) *Да он над нами просто издевается!;*
- (б) *Может, в ресторане пообедаем? — Издеваешься?;*
- (в) *Я не пойму, вы что, издеваетесь, что ли? (Диалоги «09»);*

(г) *Володя Лисовский понял, наконец, что над ним издеваются* (А. Толстой, Эмигранты).

Поэтому *издеваться* можно *тонко, утонченно* или *изощренно*; ср. *Может, он считал, что издевается над тобой куда тоньше других* (В. Пелевин, Затворник и Шестипалый).

Измываться и *глумиться* предполагают значительно более узкий диапазон действий субъекта по сравнению с *издеваться*. Они не могут указывать на бездействие субъекта. Нехарактерно для них и описание завуалированного действия; ср. ненормальность **По его тону трудно было понять, серьезно он говорит или измывается (глумится); "Как ты не поймешь, что он над тобой глумится!*

Для глагола *глумиться* характерно употребление в контекстах, где объектом глумления являются святыни, идеалы и т. п. Ср. *Грустно видеть, когда гримасничают, кривляются и глумятся над таким предметом, который любишь горячо, искренне и сознательно* (Писарев, БАС-2); *Мы помним, как сегодняшние «заплавканные» русские глумились над идеей балтийской свободы, как боролись за сохранение СССР* (В. Новодворская, По ту сторону отчаяния).

Слова *издеваться*, *измываться* и *глумиться* указывают на резко отрицательную оценку говорящим действий субъекта. Эта оценка, в первую очередь, связана с удовольствием, которое доставляет субъекту сознание своего превосходства над другим объектом.

Измываться и *глумиться* отличаются от *издеваться* тем, что оценивают действие как особенно аморальное, как грубое надругательство над другим человеком. Наиболее резкую отрицательную оценку говорящим действий субъекта выражает глагол *глумиться*: эти действия представляются ему как циничные и даже кощунственные.

В этом отношении с *глумиться* сближается глагол *надругаться*. Ср. *На рассвете останки священника были найдены за городом, около мельницы; убийцы хотели бросить его в прорубь, но оказавшиеся рядом крестьяне не дали надругаться над прахом* (В. Цыпин, История русской церкви); *Он совратил эту барышню, разрушил ее жизнь и надругался над её пусть грешным, но искренним чувством* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

Упомянем еще один глагол, синонимичный трем рассмотренным словам — просторечную лексику *изгаляться*. Ср. *Летчика, развозившего почту, настиг «мессер». Прежде чем расстрелять его [летчика] из пулемета, он, как обычно, стал изгаляться над ним. Снижает скорость до предела, пролетая возле него, хохочет, показывая на горло, и что-то кричит нашему летчику, скорее всего: «Рус капут!»* (Ф. Искандер, Стоянка человека).

Заклучим описание понятия *издевательства*, приведя единое толкование для трех рассмотренных глаголов. Предлагаемое толкование ориентировано на основной круг употреблений этих слов.

Х издевается (измывается, глумится) над Y-ом = 'совершая действие Р по отношению к Y-у, X хочет, чтобы Y предстал вследствие Р как нечто смешное и

жалкое; X хочет этого, потому что получает от этого удовольствие и испытывает чувство превосходства над Y-ом; говорящий оценивает мотивы и поведение X-а отрицательно’.

1.5. Гордость и самолюбие

Итак, выше были проанализированы понятия достоинства и чести, а также лексика, описывающая нанесение ущерба этим атрибутам. Перейдем к двум другим словам, достаточно близким к достоинству.

Гордость и *самолюбие*, так же, как и *достоинство*, выступают как человеческие атрибуты — сущности, которыми, согласно наивно-этическим представлениям, должен обладать каждый человек как личность или как обладатель данной социальной роли. *Где же твоя гордость?; Где же его мужское самолюбие?*

Ниже речь пойдет о лексемах *гордость* 2, *гордый* 2, *самолюбие* и *самолюбивый*. У *гордости* и *гордого* есть другие, первые значения, семантически производные от глагола *гордиться* и указывающие не на атрибут, а на с о с т о я н и е — приятное чувство, вызванное тем, что субъект или близкий ему человек имеет или сделал нечто очень хорошее¹⁴. Ср. *гордость за сына; Неумение приготовить яичницу — не повод для гордости; Я был горд, что и мне (...) была вручена роль Милона из «Недоросля»* (Юрьев, МАС). Заметим одно словообразовательное различие между *гордостью*-атрибутом и *гордостью*-состоянием: только с *гордостью* 2 (атрибутом) соотносятся дериваты *гордец* и *гордячка*. Ср. *Вот то-то, все вы гордецы! Спросили бы, как делали отцы?* (Грибоедов, МАС); *Поверите ли, слова от гордячки не добились* (И. С. Тургенев, Дым).

Гордость и *самолюбие* предполагают желание субъекта быть не хуже, а в случае *гордости* даже лучше других людей; ср. *Когда он выступал хуже начинающих спортсменов, страдала его гордость (страдало его самолюбие)*.

Ср. также следующее несколько устаревшее употребление. *Отступить? Никогда! Вся моя гордость подымается при одном этом предположении* (Гаршин, БАС).

Оба свойства, так же, как и *достоинство*, могут определяться принадлежностью субъекта к определенной социальной группе: можно говорить о *мужской (национальной) гордости*, *мужском самолюбии*, *самолюбии ученого (артиста)* и даже о *самолюбии рыбакова*.

Мужское самолюбие его было задето, слава искусного пропагандиста страдала в столкновениях с этой девушкой (М. Горький, МАС);

Его самолюбие рыбакова было задето (Атаров, МАС);

ср. также название рассказа В. Кожевникова «Штурманское самолюбие».

Основное различие между *гордостью* и *самолюбием* заключается в следующем. *Гордость* предполагает, что субъект сознает свою ценность и н е з а в и с и -

¹⁴ См. синонимический ряд Ю. Д. Апресяна ГОРДИТЬСЯ в словаре [НОСС 2004].

м о с т ь от других людей и поэтому не хочет признавать собственную слабость или ошибки, избегает принимать чью-либо помощь, стремится самостоятельно справляться с трудностями. Для *самолюбия* же важно стремление субъекта добиваться у с п е х а.

- (а) — *Мне не нужно ваших денег!*
— *Ишь какие мы, оказывается, гордые!*
- (б) *Черт бы побрал эту глупую гордость, это тупое обидчивое упрямство, которое так часто мешает даже смелым людям сознаться вслух в своей вине или ошибке* (А. Куприн, Колесо времени);
- (в) *Я не принимаю подачек от бар. У меня есть своя гордость* (В. Набоков, Камера обскура);
- (г) *Молодому человеку не понравилось, видите ли, что не он верх взял. Самолюбие, видите ли* (А. П. Чехов, Шведская спичка (Уголовный рассказ)).

Гордость не зависит от м н е н и я других людей, тогда как для *самолюбия* типичны контексты, предполагающие ревнивое отношение субъекта к мнению о себе других людей. Ср. *На меня смотрели из окон, и пыл молодого самолюбия заставил меня сделать то, на что сегодня бы никак не решился* (В. Набоков, Другие берега).

С другой стороны, употребление слова *самолюбие* возможно в контекстах, не предполагающих сравнения своих успехов с успехами других людей, в то время как для *гордости* это обязательный компонент толкования. О *самолюбии* (так же, как и о *достоинстве*), можно говорить и на необитаемом острове, тогда как *гордость* всегда предполагает оглядку на других людей. Ср. невозможность использования этого слова в контекстах, подобных следующему:

Ее самолюбие порядком страдало от того, что после операции она разучилась делать шпагат;

Пускай об этом никто не узнает: для меня это все равно удар по самолюбию!

Сознание собственной ценности сближает *гордость* с *достоинством*.

Привычная для ученого объективность сказалась в особой взвешенности, корректности суждений: кажется, в книге нет ничего, что задело бы национальную гордость (или чье-либо личное достоинство) (НМ, № 2, 1998);

Но сильнее задело ее другое, она сочла, что Мартину недостает гордости и чувства собственного достоинства (Дж. Лондон, Мартин Иден, пер. с англ.).

Перейдем в вопросу о том, как ф у н к ц и о н и р у ю т атрибуты, описываемые словами *гордость* и *самолюбие*.

1. И *гордость*, и *самолюбие* могут у д е р ж и в а т ь субъекта от каких-то действий:

Тогда Василий Васильевич побагровел, приподнялся, но и тут удержала его гордость (А. Н. Толстой, Петр Первый);

Немного смущал ее Паниковский. Она думала, что он не разговаривает с ней из гордости (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок);

Я ни на минуту не переставал скучать по вас, и только упрямое самолюбие мешало мне сознаваться в этом (А. П. Чехов, Жена);

Я уже знал, в чем дело, но не оправдывался: отчасти потому, что не знал, как начать разговор, отчасти из самолюбия (В. Ходасевич, Андрей Белый).

2. Кроме того, *самолюбие*, в отличие от *гордости*, может заставлять субъекта совершать активные действия.

Самолюбие заставляло его тренироваться каждый день по нескольку часов;

Он был так рассеян, что не заметил, как жена от него ушла. Через несколько дней, узнав об этом, жена из самолюбия вернулась. Она не могла смириться с мыслью, что уход ее не замечен (Ф. Искандер, Поэт).

Фразу *Я не гордый* уместно употребить в ситуации, когда субъект соглашается принять помощь, тогда как фраза *Я не самолюбивый*, скорее, уместна в ситуации отказа от совершения каких-либо действий.

Атрибуты, на которые указывают слова *гордость* и *самолюбие*, могут подвергаться воздействию как со стороны их обладателя, так и со стороны других людей.

1. В случае собственных неудач субъекта или чьего-либо превосходства над ним, *самолюбие* и *гордости* наносится ущерб и субъект (так же, как и в случае *достоинства*) испытывает неприятное чувство. Ср. *Это задевало мою гордость (мое самолюбие); оскорбленное самолюбие; удар по самолюбию*. Ср. также

Поражение от американки Паттерсон стало для нее сильным ударом по самолюбию, и поэтому Хоркина сделает все, чтобы проститься с олимпийским помостом достойно (Известия, 24.08.2004);

Рядовой интеллигент обиделся не только за героев революции, но и за себя, заде-та была гордость носителя просвещения в непросвещенной стране (Г. Померанц, Чтение «Вех»);

Губы [Николаса] сами расплзались самым недостойным образом, что, должно быть, усугубляло раны, нанесенные самолюбию докладчика (Б. Акунин, Алтын-Толобас).

Гордость и *самолюбие* отличаются от *достоинства* степенью интенсивности неприятного чувства, которое испытывает субъект в случае нанесения ущерба данному атрибуту: если в случае унижения достоинства это очень глубокое интенсивное чувство, то в случае *гордости* и, в особенности, *самолюбия*, оно может быть самым незначительным; ср. *кольнуть самолюбие, укол для самолюбия*.

«Да, да, таких героинь у нас немного!...» Отзыв этот уколол мое самолюбие (Н. А. Дурова, Кавалерист-девица);

Я много, очень много перенес уколов для своего самолюбия (А. Островский, МАС).

2. *Гордость и самолюбие можно щадить, воздерживаясь от демонстрации превосходства над их обладателем.*

Пощади его гордость (самолюбие), дай хоть раз у тебя выиграть;

Известно любопытное письмо, в котором, щадя самолюбие побежденных, Бонапарт писал, что если ему удастся заключить мир, то этим он будет гордиться более, «чем печальной славой, которая может быть добыта военными успехами» (Е. Тарле, Наполеон).

3. С другой стороны, напротив, *гордость и самолюбие другого человека можно подстрекать*; ср. *Самолюбие ее было втайне подстрекаемо темной, романической надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца* (А. С. Пушкин, Барышня-крестянка).

4. *Достоинство и честь* — это атрибуты, которым можно нанести только травматическое воздействие. Никакие действия самого субъекта или других людей не могут «повысить» его достоинства. *Самолюбие демонстрирует другую картину. Собственные успехи обладателя самолюбия или проявления его превосходства над другими людьми могут тешить его самолюбие и льстить его самолюбию, доставляя обладателю приятное чувство.* Ср. *Всем было ясно, что для советского театра вся эта вычурная декадентщина не подходит и что пьесы читаны только для того, чтобы потешить авторское самолюбие Рукавишников* (В. Ходасевич, Белый коридор).

При этом доставлять субъекту удовольствие могут успехи даже в самых незначительных областях; ср. *Ее самолюбию льстило, что все так хвалили ее стряпню.*

Гордость и самолюбие, в отличие от достоинства, могут быть развиты у субъекта в большей или меньшей степени.

С одной стороны, желание субъекта быть не хуже или лучше других людей может быть естественным, ср. *здоровая гордость, здоровое самолюбие.* Ср. также *Никто не мог их упрекнуть в высокомерии и заносчивости, а между тем знали, что они горды и цену себе понимают* (Достоевский, МАС). *Гордость, более того, может быть благородной* (в несколько устаревших контекстах). Ср. *Всем известно, что у Семёна Захаровича было много друзей и покровителей, которых он сам оставил из благородной гордости, чувствуя несчастную свою слабость* (Ф. М. Достоевский, Преступление и наказание).

С другой стороны, *гордость и самолюбие могут быть преувеличенными*, ср. *неуемная (непомерная) большая гордость; болезненное (раздутое) самолюбие.*

Почему было не извиниться? Всё твоя непомерная гордость!

Болезненное самолюбие не давало мне покоя: во что бы то ни стало я хотел выиграть;

Ясно, что только раздутое самолюбие могло толкнуть его на этот поступок.

Гордость, кроме того, может быть дьявольской, сатанинской и адской. Ср. Сперва гордость почти сатанинская, потом глумление. Вот, вот чем увлекается молодежь, вот чему покоряются неопытные сердца мальчишек! (И. С. Тургенев, Отцы и дети).

И *гордость*, и *самолюбие* могут быть полностью скр^ыты от других людей и ни в чем не проявляться. Поэтому можно говорить о *скрытом* (глубоко спрятанном) *самолюбии* и *тайной* (затаенной) *гордости*.

Рассматриваемые свойства, в отличие от достоинства, в норме не содержат описания *м а н е р* поведения субъекта. Впрочем, для *гордости* такое описание возможно — в несколько устаревших употреблениях; ср. *С нею любезничали, — но она скучала, и скука придавала ей вид гордости и холодности* (СПушк).

Указание на манеру поведения и особенности внешнего вида субъекта в большей степени возможно для прилагательного *гордый*. Ср. *Апрельской ночью Леночка Стояла на посту, (...) Прекрасная и гордая, Заметна за версту* (А. Галич, Леночка). Впрочем, такие употребления прилагательного *гордый* также воспринимаются как по меньшей мере необходимые.

Если *достоинство* всегда о ц е н и в а е т с я говорящим безусловно положительно, то *гордость* и *самолюбие* демонстрируют более сложную картину. *Гордость* и *самолюбие* могут оцениваться говорящим по-разному в зависимости от обстоятельств (ср. уже упоминавшиеся сочетания *здоровая* (благородная) *гордость*; *здоровое* *самолюбие* VS. *непомерная гордость*; *раздутое* *самолюбие*). В некоторых ситуациях *гордость* и *самолюбие* могут считаться неуместными; ср. *Отложи свою гордость; Тут уж не до самолюбия: дай Бог ноги унести!*

В словарях МАС, БТС и СОШ у слова *гордость* выделяется отдельное значение, указывающее на отрицательно оцениваемое свойство (по МАС'у — 'Чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим; заносчивость, высокомерие'). В современном языке такие употребления слова *гордость* выглядят книжными или церковными.

Ты знаешь, Господи, что я не по гордости моей, не по духу строптивому послушаюсь батюшки! (А. К. Толстой, Князь Серебряный).

Гордость в таких употреблениях может противопоставляться *смирению*.

Опять гордость! где же смирение? Смирение значит — выносить взгляд укоризны чистой женщины, бледнеть под этим взглядом целые годы, всю жизнь, и не сметь роптать (И. А. Гончаров, Обрыв);

Алчность удавляется на вершии милосердия, гордость — на вершии смирения, наслаждение — на вершии воздержания и чистоты (М. Гаспаров, Записи и выписки).

1.6. ГОРДЫНЯ И СЕБЯЛЮБИЕ

С *гордостью* и *самолюбием* сближаются, образуя к ним своеобразную пару, книжные слова *гордыня* и *себялюбие*. Они предполагают непомерно высокую са-

мооценку субъекта и оцениваются говорящим безусловно отрицательно. Приведем характерные примеры.

- (а) — *Я не угрожаю, а предлагаю помощь. А ты, дуручка, отказываешься. — Это потому, что я гордая. А ты пытаешься меня унижить своей помощью, как будто я совсем беспомощная и глупая, — пошутила Настя. — Это называется не гордость, а гордыня* (А. Маринина, Настя Каменская: Седьмая жертва);
- (б) *Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем чаше суетятся* (Д. И. Фонвизин, Недоросль)¹⁴;
- (в) *Рудин (...) доказывал, что человек без самолюбия ничтожен, что самолюбие — архимедов рычаг, которым землю с места можно сдвинуть. (...) Себялюбие, — так заключил он, — самоубийство. Себялюбивый человек засыхает словно одинокое, бесплодное дерево; но самолюбие, как деятельное стремление к совершенству, есть источник всего великого* (И. С. Тургенев, Рудин).

Специфика слова *гордыня* состоит в том, что оно указывает на непомерное, дошедшее до крайней степени сознание собственной ценности, граничащее с ощущением собственного равенства высшему существу. Ср. также следующую характеристику гордыни: *Гордыня — это сознательное отношение к себе самому как к последнему судье, как к тому, над которым нет ни Божиего, ни человеческого суда* (Митрополит Антоний (Сурожский), Размышления на пути к Пасхе).

Своеобразный эталон гордыни описывается в библейском повествовании о низвержении падшего ангела. *В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; (...) Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божьих вознесу престол мой, и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему»* (Ис. 14, 11—15).

Слово *гордыня* стилистически окрашено: оно используется преимущественно в религиозных, возвышенных или, напротив, иронических контекстах¹⁵.

— *Э, брат, нехорошо, не-хо-ро-шо. Тебя, как я вижу, гордыня совершенно об-уяла. Что же это, уж и слова никто про тебя не смей сказать? Без критики не проживешь* (М. Булгаков, Театральный роман).

В отличие от *гордости* и *самолюбия*, *гордыня* и *себялюбие* — обычные свойства, их семантика не связана с представлением об атрибуте. *Гордыня* и *себялюбие* никак

¹⁴ В уже цитированной во Введении работе В. В. Виноградов утверждает, что именно в этой реплике Стародума Фонвизинным впервые было введено слово *себялюбие*. Подробное описание пары *самолюбие* — *себялюбие* см. в книге [Виноградов 1994].

¹⁵ По этой причине мы не можем согласиться с мыслью А. Д. Шмелева о том, что «само использование этого слова (слова *гордыня*) является показателем того, что говорящий следует традиционной христианской этике» [Шмелев 2000].

не связаны с социальными ролями (ср. неправильность ^{??}*мужская гордыня, себялюбие рыболова*) и недоступны для воздействия со стороны других людей: ср. невозможность **задевать чью-л. гордыню; *укол себялюбия; *тешить (щадить) чье-л. себялюбие*.

Перед тем, как предложить толкования для слов *гордость* и *самолюбие*, упомянем два слова, достаточно близких к рассмотренным — *гонор* и *собственнолюбие*.

Слово *гонор*, пришедшее в русский язык через польское *honor* ‘честь’ и способное еще в XIX в. быть синонимом *достоинства* и *чести* (ср. *Я вам даю человека вполне честного и с гонором; это человек великодушный, который сам своей сестре уступил свою часть в десять тысяч рублей* (Н. С. Лесков, *На ножах*)), в современном языке всегда описывает непомерную самооценку субъекта и ее претенциозное выражение. Ср. *Нельзя путать честь с глупым гонором* (Б. Акунин, *Алтын-Толбас*); *Все чего-то требуют, показывают свой гонор* (К. Саймак, *Пересадочная станция*, пер. Н. Галь). При этом сохранившаяся связь этого слова со своей этимологией проявляется в том, что *гонор* может восприниматься как *национальная черта*, присущая полякам; ср. *характерность сочетания польский гонор; [Поручик Ромуальд Козловский], несмотря на то, что отец его был полотером, очень кичился своим шляхетством и был налит до краев глуповатым гонором* (К. Паустовский, *Поток жизни*). Ср. также цитируемый Анной Вежицкой пример *Пан запыхтел от гонора* (Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы*)¹⁶.

Что касается слова *собственнолюбие*, то примеры его употребления приводит В. В. Виноградов (см. [Виноградов 1994: 634—635]), ср. пример из этой работы: *Все мои выговоры, деланные и впредь делаемые, суть ни что иное, как действие моего собственнолюбия. Письмы твои приносят мне удовольствие; я люблю быть с тобою, ежели не лично, то хотя бы через письма, и вот для чего пытаюсь иногда прервать твое молчание* (Письмо А. М. Кутузова к А. А. Плещееву).

По словам В. В. Виноградова, это слово имело хождение в масонской среде. Не только в современном языке, но и в языке классиков XIX в. это слово нам не встретилось.

Завершим описание *гордости* и *самолюбия*, предложив толкования этих лексем.

Х-овая гордость 2 *У-а* = ‘нематериальный атрибут человека *У* — сознание собственной высокой ценности как *Х-а* и независимости от других людей; стремление избегать ситуаций, в которых могла бы проявиться зависимость *У-а* от других людей, поскольку это снизит его самооценку’.

Х-овое самолюбие *У-а* = ‘нематериальный атрибут человека *У* — стремление достигать успеха во всем, что относится к его функционированию как *Х-а*, поскольку неудачи снижают его самооценку’.

¹⁶ О соотношении польского понятия *honor* и русского *гонора* см. [Wierzbicka 1992: 218—221].

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ СМирЕНИЯ

2.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Анна Вежбицка замечает: «Христианский идеал смирения (humility) сложнее сформулировать, чем может показаться на первый взгляд. (...) Попытка определить смирение не через метафору оказывается неожиданно сложной задачей — несмотря на обширную христианскую литературу, посвященную этому понятию» [Wierzbicka 1992: 191] (перевод наш).

На наш взгляд, трудность дать определение *смирения* кроется в самой сущности этого понятия. Для слова *смирение* настолько характерны контексты, заключающие рассуждения об истинном содержании этого понятия, что создается впечатление принципиального отсутствия единого определенного понимания смирения. В этой связи очень характерен следующий фрагмент из «Лествицы» преподобного Иоанна Лествичника.

Один сказал, что смирение есть всегдашнее забвение своих исправлений. Другой сказал: «Смирение состоит в том, чтобы считать себя последнейшим и грешнейшим всех». Иной говорит, что смирение есть сознание умом своей немощи и бессилия. Иной говорил, что признак смирения состоит в том, чтобы в случае оскорбления предварять ближнего примирением и разрушать оным пребывающую вражду. Иной говорил, что смирение есть познание благодати и милосердия Божия. Другой же говорил, что смирение есть чувство сокрушенной души и отречение от своей воли. Все сие выслушав и с великою точностью и вниманием рассмотрев и сообразив, не мог я слухом познать блаженное чувство смирения.

Не менее интересны и характерны две следующие цитаты.

Мы привыкли думать о смирении как о состоянии человека, который перестал видеть в себе что бы то ни было, что могло бы вызвать в нем тщеславие, гордость, самодовольство. Но смирение — еще нечто большее: это примиренность до конца, это мир со всем (Митрополит Антоний (Блум), цит. по [Шмелев 2000]);

Одно из наиболее обычных недоразумений относительно смирения состоит в том, что христианское смирение — внутренний и незримый подвиг борьбы с самостью, со своеволием, с самообожением — истолковывается непременно как внешняя пассивность, как примирение со злом, как бездействие и даже низкопоклонничество (С. Н. Булгаков, Героизм и подвижничество).

Приведем также несколько примеров из Интернета.

Люди исказили понятие смирение;

Одно из великих понятий часто толковалось неправильно, а именно, — великое понятие смирения;

И понятие «смирение» совсем не означает, что надо мной можно делать все, что угодно;

Цель настоящего раздела — дать определение *смирения* и его дериватов как слов русского языка, через их сопоставление с близкими лексемами.

Анализ понятия смирения начнем с описания глагола *смириться*.

2.2. ГЛАГОЛ СМИРИТЬСЯ

2.2.1. СМИРИТЬСЯ I

Эту лексему можно проиллюстрировать следующими примерами:

С отсутствием машины и водопровода пришлось смириться (Ю. Евстифеев, Реаниматоры традиций);

По поведению его на суде было видно, что он не надеялся избежать смертного приговора и заранее смирился со своей участью (В. Цыпин, История русской церкви).

Смириться I предполагает вовлеченность субъекта в некоторую ситуацию (*смириться с чем-л.*)¹⁷, оцениваемую им отрицательно, и сознательный отказ субъекта от борьбы с этой ситуацией.

Отказ от борьбы включает два аспекта — *внутреннее* прекращение борьбы (субъект перестает воспринимать эту ситуацию как нечто, с чем он может бороться) и *внешнее* (субъект перестает прилагать усилия для ликвидации неприятной ситуации).

Первый компонент — *внутреннее* прекращение борьбы — оказывается важнее второго для семантики рассматриваемого глагола. Ср. нормальность фразы (а) при аномальности (б) и (в).

- (а) *Она уже с этим смирилась, хотя для виду продолжала протестовать;*
- (б) **Она смирилась с этим только для виду;*
- (в) **Она уже с этим смирилась, хотя продолжала переживать.*

Из-за того, что *смиряются* всегда с тем, что считают плохим, отказ от борьбы обычно воспринимается субъектом как неизбежное зло. Ср. характерные конструкции *пришлось смириться; остается только смириться; вынужден смириться*.

Действие *смириться I* всегда предполагает *волевое* усилие субъекта. Ср. *Я решил с этим смириться; Мне оставалось только смириться с этим; Пойми: ты должен с этим смириться*.

¹⁷ Конструкция *смириться, что Р* (синонимичная *смириться с тем, что Р*) не может быть признана вполне нормативной для литературного языка. Ср. не вполне стандартное *Не в силах смириться, что профессорский заработок весь уходит на книги и железяки, она стала покупать ему одежду и отсчитывать деньги на продукты* (М. Веллер, Легенды Невского проспекта). См. также обсуждение этой модели управления в работе [Шмелев 2002б: 103].

По этой причине отказ от борьбы может восприниматься как заслуга субъекта, проявление мудрости; ср. *Ей удалось смириться с тем, что остаток жизни она, скорее всего, проведет в коммуналке.*

Смириться часто описывает ситуации, в которых реальное продолжение борьбы объективно не возможно, и единственное, что субъекту остается, — это только внутренне прекратить борьбу; ср. *смириться с неизбежным; смириться со слепотой; раненый не мог смириться с мыслью, что умирает.*

С другой стороны, несмотря на то, что обычно с чем-то *смиряются*, осознав бессмысленность борьбы, этот смысл может сниматься. Ср. возможность следующих сочетаний.

Пожалуй, проще с этим смириться!

Едва переступив порог новой квартиры, она сразу смирилась и с дальним районом без метро, и с шумным шоссе под окном.

Смириться можно не только с конкретной ситуацией, но и с судьбой, стихией, неизбежным, обстоятельствами и т. д. Ср. *А работяги темные, вполне смирившиеся со своей корявой темной судьбой, сговариваются, как им на новом месте составить бригаду получше да подпасть под сносного бригадира* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

В таких контекстах *смириться* I сближается с глаголом *покориться*. Ср. *покориться своей участи* ≈ *смириться со своей участью*; *покориться судьбе* ≈ *смириться с судьбой*.

Покориться отличается от *смириться* в следующих отношениях. Во-первых, если *смириться* можно с ситуацией, ни от кого не зависящей, то для *покориться* это невозможно. Можно *смириться с отсутствием горячей воды*, но не **покориться отсутствию горячей воды*. С другой стороны, *покориться* можно человеку, в то время как сочетание *смириться с Х-ом* метонимично и предполагает, что субъект смиряется с существованием или воздействием Х-а. Ср. *Ипполит Матвеевич во всем покорился мадам Кузнецовой, чувствуя ее неоспоримое превосходство в этих делах* (И. Ильф и Е. Петров, Двенадцать стульев) при невозможности подстановки в этот контекст *смирился с мадам Кузнецовой*.

Во-вторых, *покориться* предполагает непосредственное воздействие на субъекта, тогда как для *смириться* это не обязательно. Так, *покориться сварливой теще* значит делать то, чего она хочет, подчинив свою волю её, между тем как *смириться со сварливой тещей* значит перестать относиться к ней отрицательно — возможно, никак с нею не взаимодействуя. Аналогично, *покориться атмосфере повального пьянства* значит самому в нее включиться, тогда как сочетание *смириться с атмосферой повального пьянства* может предполагать, что субъект, не прекращая её осуждать и никак в ней не участвуя, отказывается от попыток бороться с ней.

В-третьих, для *покориться*, в отличие от *смириться*, внешняя сторона действий субъекта оказывается важнее внутренней. Позволим себе использовать уже приведенные выше контрастные пары примеров.

Она уже с этим смирилась, хотя для виду продолжала протестовать;

?Она уже этому покорилась, хотя для виду продолжала протестовать;

**Она смирилась только для виду;*

Она покорилась только для виду.

Другое слово, обладающее близкой к *смириться* семантикой — глагол *примириться*. Ср. *Сам отец, видя возрастание семейного благосостояния, примирился с неудачным браком* (Салтыков-Щедрин, МАС).

Основные различия между этими словами состоят в следующем. Во-первых, *примириться* может предполагать не столь отрицательную оценку субъектом ситуации, как в случае *смириться*. Ср. *Примиюсь со всяким строем жизни, если увижу людей счастливыми* (А. Толстой, Хожение по мукам).

Во-вторых, для *смириться* возможны конструкции с опущенной валентностью ситуации, в то время как для *примириться* это нехарактерно. Ср. затрудненность замены *смириться* на *примириться* в следующем примере: *Андрея взяли [на войну] в первые же дни. Настена поголосила, поголосила и смирилась* (В. Распутин, Живи и помни). Заметим, что в конструкциях с незаполненной второй валентностью различия между всеми тремя лексемами *смириться* частично нейтрализуются.

Исходя из всего сказанного, сформулируем следующее толкование лексемы *смириться* 1.

Х смирился 1 с Р = 'оценивая Р отрицательно, Х перестал считать Р чем-то, чему он может противодействовать'.

2.2.2. Смириться 2

Глагол *смириться* в этом значении не предполагает никакой конкретной ситуации, с которой субъект *смиряется*: эта лексема скорее указывает на отказ субъекта от борьбы с действительностью как таковой.

И то, что она назвала кого-то неведомого, кто займет её место, так спокойно и равнодушно «человек», значило, что она смирилась и ни о чем говорить не нужно (Ю. Трифонов, Предварительные итоги).

Приведем также приводимый А. Д. Шмелевым пример из «Ракового корпуса» А. И. Солженицына:

Какое это безумие! — возвращать их! Зачем? Они там привыкли, они там смирились — зачем же пускать их сюда, баламутить людям жизнь?

Приведенные примеры выглядят как абсолютивные употребления лексемы *смириться* 1. Однако семантика *смириться* 2 обнаруживает ряд черт, не сводимых к абсолютиву.

Если лексема *смириться 1* предполагает отрицательную оценку субъектом определенной ситуации, то для лексемы *смириться 2* это вовсе не обязательно.

В ситуацию, описываемую лексемой *смириться 2*, может вводиться указание на высшую силу или могущественные обстоятельства (стихию, судьбу, рок), осознание полной зависимости от которых заставляет субъекта отказаться от борьбы. Эта валентность (назовем ее условно «валентностью высшей силы») заполняется предложной группой *перед чем-л.* Ср. *смириться перед стихией* {*перед роком, перед судьбой, перед обстоятельствами, перед неизбежным*}.

Русский человек мудро смирятся перед лицом Провидения, ибо он твердо знает: чему бывать, того не миновать (В. Пьецух, Сравнительные комментарии к пословицам русского народа);

Пришлось смириться перед стихией. Ничего не поделаешь (А. Некрасов, Приключения капитана Врунгеля).

Интересной особенностью *смириться 2* с заполненной «валентностью высшей силы» является затрудненность ее употребления под отрицанием: ср. сомнительность *«Он не смирился перед судьбой (перед стихией)»*.

Как было сказано выше, *смириться 1* также сочетается со словами *судьба, неизбежное, обстоятельства* и т. д. В таких контекстах *смириться 1* и *смириться 2* отчасти сближаются, хотя *смириться 1* сохраняет указание на отрицательную оценку ситуации. Ср. *смириться с судьбой (с неизбежным)* — *смириться перед судьбой (перед неизбежным)*.

Отметим одну любопытную сочетаемостную особенность *смириться 2*, дать которой убедительное объяснение мы затрудняемся. Можно, с одной стороны, *смириться со своей судьбой*, и, с другой, *смириться перед судьбой*, но нельзя **смириться перед своей судьбой*.

Лексема *смириться 2*, в отличие от *смириться 1*, не предполагает волевого решения со стороны субъекта, и поэтому может передавать отрицательную оценку этого действия говорящим, описывая ситуацию, в которой человек оказывается сложен. Особенно это характерно для контекстов с незаполненной валентностью высшей силы.

Когда побеждает человек, наделенный свободой, разумом и добротой, — фашизм погибает и смирившиеся вновь становятся людьми (В. Гроссман, Жизнь и судьба);

Если бы в долгие часы тюремного одиночества он видел только кусок моря, перечеркнутый железными прутьями, он смирился бы или сошел с ума (Ф. Искандер, Рассказ о море);

*За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколение рабов*

(А. Блок, Ангел-хранитель).

Подведем итог сказанному, предложив толкование рассмотренной лексемы.

Х смирился 2 перед Y-ом = 'считая, что жизнь X-а зависит только от высшей силы Y, борьба с которой невозможна, X перестал считать происходящее с ним чем-то, чему он может противодействовать'.

2.2.3. Смириться 3

Эта лексема стилистически окрашена как церковная. Она указывает не на отказ субъекта от борьбы с чем-то внешним, а, напротив, на активное сдерживание своих (часто агрессивных) импульсов или реакции на агрессию. При этом движет субъектом доверие Божьей воле и сознание малой значимости собственной воли.

Надо учиться смиряться, прамолчать, когда надо, и прощать обиды (Интернет);

Обыкновенно {...} все в доме делается святыми, как только кто-нибудь захочет карабкаться на небо, потому что все должны терпеть, смиряться, все выносить от «подвижника» (Митрополит Антоний (Блум), Без записок);

Божия благодать ему [священнику] дается не как постоянный дар, а в меру того, как он сам смиряется перед Богом (Митрополит Антоний (Блум), «Берегитесь, братья мои, священники!»).

Основные отличия этой лексемы от двух первых значений слова *смириться* сводятся к следующему.

1. Церковное *смириться* указывает на действие, протяженное во времени, тогда как *смириться с чем-то* и *смириться перед обстоятельствами* можно и мгновенно. По этой причине форма НЕСОВ для рассматриваемой лексемы значительно более характерна, чем форма СОВ. Для *смириться 1* и *смириться 2* форма НЕСОВ совершенно не характерна. В особенности это касается формы ПОВЕЛ НЕСОВ. Ср. следующую контрастную пару.

(а) *Что поделаешь, смиришь!* [лексема *смириться 1* или *смириться 2*];

(б) *Что поделаешь, смирайся!* [лексема *смириться 3*].

Ни *смириться 1*, ни *смириться 2* не употребляются в актуально-длительном значении формы НЕСОВ. Ср. комичное **Сижу и смиряюсь с тем, что свет выключили*; **Он у себя в комнате, смиряется перед судьбой*. Для лексемы *смириться 3* такие употребления возможны; ср. *Он на меня кричит, чуть не с кулаками лезет, а я сижу и смиряюсь*. Впрочем, ср. неправильность **Он на меня кричит, чуть не с кулаками лезет, а я сижу и смиряюсь перед Богом*.

2. Также, как и в случае *смириться 2*, в ситуацию, описываемую лексемой *смириться 3*, может вводиться указание на высшую силу. Однако, в отличие от *смириться 2*, этой высшей силой может быть только Бог, промысл Божий, Господ-

ня воля и т. п. Если субъект *смириться* 2 считает, что борьба с высшей силой невозможна, то субъектом *смириться* 3 движет безусловное доверие ей. *Смириться* 3, в отличие от двух других лексем этого слова, не может указывать на вынужденное действие. Поэтому для рассматриваемой лексемы затруднена сочетаемость типа *приходится (вынужден) смиряться перед Богом* и под.

3. Действие *смириться* 3, в отличие от *смириться* 1 и *смириться* 2, оценивается говорящим безусловно положительно. Характерен следующий пример, где оно трактуется как подвиг. *История и единичная человеческая жизнь представляются в его [христианского подвижника] глазах осуществлением (...) строительства Божьего, перед которым он смиряется подвигом веры* (С. Булгаков, Героизм и подвижничество).

Для лексемы *смириться* 3 можно предложить следующее толкование.

X смиряется 3 (перед Y-ом) = 'желая, чтобы жизнь X-а определялась только волей высшей силы Y, X отказывается от отстаивания собственной воли и сдерживает собственные импульсы и реакции, не соответствующие воле высшей силы Y'.

2.3. СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ СМирЕНИЕ

Это слово способно выступать в качестве отглагольного деривата от всех трех лексем *смириться*. Приведем примеры, иллюстрирующие каждое из значений.

Интеллект безмерный, талантов целые плеяды, труд невообразимый — и при всем этом полное смирение с тем, что о твоей гениальности никто никогда не узнает! (А. А. Зализняк, Лингвистика по А. Т. Фоменко) [*смириться* 1];

Сдержанность в выражении чувств и общее настроение светлой грусти и философского смирения с судьбой [в поэзии Есенина] напоминают элегии позднего Пушкина (Ф. Раскольников, Статьи о русской литературе) [*смириться* 1];

Смирение перед неизбежностью, в котором я находился и из которого, казалось, ничто уже не могло меня вывести, разлетелось вдребезги (Г. Жженов, Прожитое) [*смириться* 2];

Путь от сопротивления к смирению — так, пожалуй, можно обозначить духовное наполнение повестей и рассказов Марины Палей (НМ, №12, 1998) [*смириться* 2];

Смирение перед путями Промысла Божия есть существенный смысл человеческой жизни, по учению Святых Отцов (Монахиня Игнатия (Петровская), Слово о старчестве) [*смириться* 3];

Но спасет Бог людей своих, ибо велика Россия смирением своим (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы) [*смириться* 3].

В то же время, для слова *смирение* все же более типично употребление в контекстах, соответствующих *смириться* 2 и *смириться* 3; ср. странность следующих

примеров, где *смирение* соотносится со *смириться* 1: *''смирение с отсутствием водопровода; 'смирение с неудачным браком сына*. Заметим, что А. Д. Шмелев считает контексты, где *смирение* соотносится со *смириться* с чем-л., окказиональными ([Шмелев 2000]).

Некоторые употребления существительного *смирение* не соотносятся с семантикой глагольных лексем *смириться*. Назовем две особенности деривата *смирение*.

Во-первых, *смирение*, в отличие *смириться*, может использоваться в таких сочетаниях как *смирение перед истиной* (при сомнительности *'смириться перед истиной*), указывая на признание субъектом собственной малой значимости и ограниченности своих сил и возможностей перед лицом высшей силы или чего-то к ней приравниваемого. Ср. *Смирение перед истиной имеет большое моральное значение, но не должно вести к культу мертвой, отвлеченной истины* (Н. Бердяев, *Философская истина и интеллигентская правда*); *Мусоргский смерти не боится, в нем смирение верующего перед величием ее момента* (Г. Вишневская, Галина. История жизни).

Во-вторых, *смирение* может указывать на отказ субъекта от демонстрации собственной значимости, что для глагола *смириться* нехарактерно. Ср. *Лечит Пафнутий не всех, а только тех, кто верит в его учение, и требует смирения: надо упасть к нему в ножки и попросить: «Подсоби ты мне, дедушка, червя малому и убогому»* (Т. Толстая, *Сомнамбула в тумане*).

Во всех приведенных примерах мы склонны видеть одно — первое и основное — лексическое значение слова *смирение*. Об этой лексеме пойдет речь в дальнейшем.

Кроме того, у существительного *смирение* можно выделить и другое значение — устаревшую лексему *смирение* 2. Эта лексема производна от глагола *смирать*. В отличие от *смирения* 1, она способна управлять формой РОД (ср. *смирение чувств*) и употребляться в конструкции *привести в смирение*. В дальнейшем эта лексема рассматриваться не будет. Ограничимся приведением двух примеров. *Проходит пыл юношеских лет; настает возраст возмужалости, {...} опыта и смирения бурных порывов воображения и чувства* (Добролюбов, МАС); *[Король Карл] одним появлением своим привел в смирение ливонских рыцарей* (А. Н. Толстой, МАС).

2.4. ДЕРИВАТЫ СМиренный и СМиренно

У прилагательного *смиранный* мы выделяем три значения.

Смиранный 1 соотносится с семантикой лексемы *смирение* 1. Ср. *Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиранный девка {...}, бывшая в полном рабстве у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая перед ней и терпевшая от неё даже побои* (Достоевский, МАС).

К этому же значению *смирненного* относится устаревший круг употреблений, в котором это слово входит в состав этикетной формулы. Ср. *Смирренный изумен Пафнутий руку приложил*.

Лексема *смирренный* 2 реализует регулярную для прилагательных, характеризующих внутренний мир человека, модификацию основного значения: 'выражающий смирение'. Ср. *смирренный взгляд*; *смирренная мольба*; *Я всякий раз, как Грушницкий подходит к ней, принимаю смирренный вид и оставляю их вдвоем* (Лермонтов, МАС).

Просторечная лексема *смирренный* 3 имеет значение 'смирный'; ср. *Нагоняет ямничок возжака с медведем: — Посади нас, паренек, Веселей доедем! — Что ты? с мишкой? — Ничего! Он у нас смирренный* (Н. Некрасов, МАС).

Кроме того, форма *смирренный* (вариант — *смиранный*) может выступать причастием от глагола *смирять*. Ср. *Наконец Черниговский Князь, смиранный голодом, должен был покориться и клятвенно обещал приехать на совет в Киев вместе с братом своим Давидом* (Н. М. Карамзин, История государства Российского); *О блеск грозы, смиранный в тонком горлышке гордячки!* (Б. Ахмадулина, Сказка о дожде).

В дальнейшем речь пойдет исключительно о первых двух лексемах этого слова.

Дериват *смирненно* имеет одно-единственное значение, соответствующее лексеме *смиранный* 1. Ср. *Христианин должен, конечно, смирненно учиться правде, даже если ее высказывает неверующий* (С. Франк, По ту сторону «правого» и «левого»); *Подойдя к избе, к маленькому окошечку, нищий смирненно кланялся и легонько стучал батожком в раму* (Бунин, МАС).

Скажем несколько слов о специфике дериватов *смиранный* и *смирненно*, отличающей их от слова *смирение*.

Ни прилагательное, ни наречие не управляют предложной группой *перед чем-л.*; ср. неправомерность *«Это был смиранный перед Богом (перед судьбой) человек; *смирненно перед Богом»*.

Для наречия *смирненно* особенно характерно указание на отказ от демонстрации и собственной значимости, своих заслуг или достоинств в ситуации, когда, по мнению говорящего, это было бы естественно.

Сдать блестяще экзамены, а потом смирненно говорить: да нет, Господь помог, — это слишком легко (Митрополит Антоний (Блум), Без записок);

Главный кригсман Ганс Витольд Готлиб смирненно стоял позади многочисленной свиты Великого курфюрста (В. Быков, Главный кригсман).

Кроме того, для этого наречия, а также для его фразеологического синонима — предложного сочетания *со смирением* — характерно описание манеры поведения субъекта; ср. *смирненно поклониться (потупиться, согласиться)*; *со смирением встать позади толпы*. Ср. также *От его прежнего решительного вида не осталось и следа, и, когда он начал говорить, его голос зазвучал смирненно и жалобно* (Н. Гумилев, Черный Дик).

2.5. СМИРЕНИЕ VS. КРОТОСТЬ

Сопоставим со словом *смирение* и его дериватами близкие по смыслу лексемы *кротость*, *кроткий* и *кротко*. Это сопоставление позволит выявить важные компоненты значения обоих слов и послужит дополнительным аргументом в пользу выделения тех компонентов семантики *смирения*, о которых было сказано выше.

У слов *кротость* и *кроткий* есть два значения. Первое, основное, представлено в таких контекстах как *сказать с кротостью*; *Он человек кроткий*. Лексемы *кротость* 2 и *кроткий* 2 описывают внешнее выражение свойства: ср. *кротость улыбки* (взгляда); *кроткая улыбка*; *кроткое лицо*. В дальнейшем оба значения описываются вместе, а индексы лексем опускаются.

Семантика *кротости* достаточно близка к семантике *смирения*. Во многих случаях возможна взаимозамена без существенного изменения смысла: ср. *со смирением* (*с кротостью*) *согласиться*. Ср. также

Меня поражала кротость, с которой она принимала попреки склочной старухи;

Я боялась смотреть на мужа; его кротость, терпение сделали больше, чем любые укоряющие слова (Отец Арсений);

— *И то, матушка Амалия Казимировна, потешились над купчиной. Так мне, дураку, и надо, — смиренно проговорил он* (Б. Акунин, Азazelь);

В детстве она была тихим, кротким созданием, а жизнь сделала ее еще смиреннее.

Основное отличие *кротости* от *смирения* заключается в том, что *кротость* состоит в отсутствии какой бы то ни было агрессии по отношению к другим людям, тогда как для *смирения* скорее важно сдерживание собственных импульсов и амбиций. Это объясняет естественность фразы (а) и сомнительность (б):

(а) *Он со смирением признал, что был неправ;*

(б) *??Он с кротостью признал, что был неправ.*

Приведем другие примеры, использование в которых слова *смирение* или его производных было бы неудачно.

[Иван Петрович] — *человек кроткий, никогда и никому не сделавший зла* (Неверов, МАС);

*Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц*

(А. К. Толстой, История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева);

Самодержица Всероссийская, кроткая сердцем Елизавета Петровна, решила покончить со смертной казнью (А. Филиппов, Кроткая Елизавета Петровна);

Это был молоденький, скромный, кроткий улыбающийся монах, а дело повел крепкой рукой и достигал добрых результатов (В. Цыпин, История русской церкви).

Если человека называют *кроткой овечкой* или *кротким* как голубь, это значит, что он сам никого не обижает.

*Когда воротимся мы в Портленд
Мы будем кротки, как овечки,
Но только в Портленд воротиться
Нам не придется никогда*
(Б. Окуджава, Пиратская лирическая).

В отличие от *смирения*, *кротость* может указывать и на активные неагрессивные действия субъекта. Поэтому *кротко* можно не только *согласиться*, но и *возразить*. Ср. также *Он очень кротко* (с *кротостью*) *ответил, что уважает мнение дяди, но все-таки хочет отложить отъезд хотя бы на неделю*.

Употребление в этих контекстах слова *смиренно* внесло бы во фразу противоречие.

Способность описывать активные действия определяет возможность прилагательного *кроткий* употребляться в сочетаниях типа *кроткий укор*, *кроткое любопытство* и под. Такие контексты указывают на крайнюю сдержанность проявлений внутреннего состояния.

Со скамеечки против сиденья с кротким любопытством озирались дети — мальчик и девочка, бледные, закутанные в шали (И. Бунин, Деревня);

Митрофаний заглянул ей в глаза, но устыдился, потому что прочел в них кроткий укор (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог).

Употребление в подобных фразах прилагательного *смиренный* также создало бы противоречие.

Еще одно важное различие между *смирением* и *кротостью* состоит в том, что первое — это, скорее, с о с т о я н и е, тогда как *кротость* — это постоянное с в о й с т в о характера. Заметим, что на свойство характера также указывает периферийный дериват *смиренность*. Это различие проявляется, в первую очередь, в следующем.

Во-первых, поскольку *смирение* описывает состояние, можно говорить о *приливе смирения*, *минуте смирения* и *чувстве смирения*, но не о *приливе кротости*, *минуте кротости* или *чувстве кротости*.

— *Напрасно вы меня оскорбляете, Natalie*, — вздохнул я, чувствуя вдруг особенный прилив смирения (А. П. Чехов, Жена);

По временам она называла себя моей рабою и была ею действительно; но когда эта минута смирения проходила, то она превращалась в такую властолюбивую женщину, что не выносила ни малейшего противоречия (М. Н. Загоскин, Вечер на Хопре);

Новое для Наташи чувство смирения перед великим, непостижимым, охватывало её, когда она — слушала звуки службы, за которыми она старалась следить, понимая их (Л. Н. Толстой, Война и мир);

На десятом году Елена познакомилась с нищею девочкой Катей и тайком ходила к ней на свидание в сад (...); с чувством радостного смирения ела её черствый хлеб, слушала её рассказы (И. С. Тургенев, Накануне).

С тем, что смирение описывает состояние, связано существование периферийного деривата *смиренность*, указывающего, в отличие от *смирения*, именно на свойство. Ср. *Бабкины подружки умиленно гладили его по голове, подносили кружку с «теплой», принимая его удивительную выдержку за редкую среди детей смиренность (П. Алешковский, Жизнеописание Хорька); При всей своей смиренности и слабости они составляли невидимый становой хребет сопротивления отлучению народа от нравственных устоев (О. Волков, Из воспоминаний старого тенишевца).*

Во-вторых, для *смирения* на первом плане может находиться внешнее поведение субъекта, в частности, его манера держаться. Ср. *На лице его уже не замечалось и следа (...) подобострастного смирения (И. С. Тургенев, Степной король Лир).*

Для *кротости* такие контексты менее характерны.

Поэтому *смирение*, в отличие от *кротости*, может указывать на то, что субъект изображает смирение, не испытывая его. Ср., с одной стороны, *показное <напускное, притворное, ложное> смирение* при гораздо менее характерном *показная <напускная, притворная, ложная> кротость*, и, с другой, *истинное <подлинное> смирение* при неправильном ??*истинная <подлинная> кротость*.

Тут Бахут понял, что Кязым обманул его своим притворным смирением (Ф. Искандер, Сандро из Чегема);

— Не скучаешь? — Некогда скучать и не о чем. — А обо мне? — Лушка с напускным смирением опускала ресницы (Шолохов, МАС).

Еще одна важная особенность *смирения*, отличающая его от *кротости*, состоит в следующем. В семантике *смирения* возможно указание на деятельную борьбу субъекта со своими импульсами и реакциями. Заключается это, прежде всего, в следующем.

Во-первых, *смирение* может восприниматься как цель, которой человек пытается достичь, ведя последовательную борьбу со своими страстями. Поэтому можно говорить о *пути к смирению, пути <дороге> смирения* и т. д.

Во-вторых, *смирению* можно учиться. Ср. *школа смирения, урок смирения, упражняться в смирении*. Ср. также *Мы научились смирению, мы разучились удивляться (В. Шаламов, Колымские рассказы); Послужите-ка сначала на службе невидной, скромной, нестяжательной, поучитесь смирению и благочестию (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог); — Одно я понимаю, — прибавил он, — это урок смирения (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).*

В-третьих, *смирение* может осмысляться как подвиг, ср. фрагмент приведенного в п. 2.1. примера: *Христианское смирение — внутренний и незримый подвиг борьбы с самостью, со своеволием, с самообожением* (С. Н. Булгаков, Героизм и подвижничество).

Для *кротости* подобные контексты гораздо менее характерны; ср. неправильное *“дорога (путь) кротости и нехарактерное школа кротости; ?учиться кротости.*

Итак, *кротость* — это постоянное свойство характера. Типичные внешние проявления этого свойства — это отсутствие чего бы то ни было интенсивного, резкого, быстрого, шумного. *Кроткий* спокоен, не повышает голос, во всем сдержан. Такая семантика делает возможными сдвинутые метафорические употребления, описывающие не человеческое свойство, а состояние, никак не связанное с человеком (часто — состояние п р и р о д ы). Приведем несколько примеров.

Он запомнил закат, такой тихий и кроткий среди лагерного северного болота
(В. Гроссман, Жизнь и судьба);

Раз ночью был обломный дождь, а потом горячее солнце как-то сразу вошло в силу, весна потеряла свою кротость и бледность, и все вокруг на глазах стало меняться не по дням, а по часам (И. Бунин, Митина любовь);

Кротко играло солнце в позолоте икон, тихо теплились алые огоньки лампад
(И. Шмелев, Неупиваемая чаша).

Употребление в подобных контекстах *смирения* гораздо менее типично, хотя в принципе возможно — как в следующем примере: *Эта вот зрелая смиренная дневная тишина августа — как тихая любовь наших старцев, зрелая в Боге* (Мо-нахиня И. Петровская, Слово о старчестве).

В словах *смирение* и *кротость* ярко проявляется связь с христианскими понятиями. Для семантики *смирения* этот смысл оказывается важнее, чем для *кротости*; ср. большую характерность сочетания *христианское смирение* по сравнению с *христианская кротость*. Ср. [Отшельник] *причалил к своей пустыне с желанием отдохнуть от жизни и с христианским смирением молиться Тому, к Которому он стал ближе и доступнее* (Н. В. Гоголь, Портрет (редакция «Арабесок»)).

Показательно также, что в МАС'е именно в толковании лексемы *смирение* сказано: «одна из основных добродетелей по христианскому учению».

При этом интересно заметить, что в русском переводе Нового завета *кротость* играет никак не меньшую роль, чем *смирение*. В частности, именно *кротость*, в отличие от *смирения*, упоминается в заповедях блаженства (*Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю* (Мф. 5, 5)).

И *смирение*, и *кротость* обычно оцениваются говорящим положительно.

Славный Бальдвин царствовал в Иерусалиме: Даниил в своих записках хвалит его добродетели, приветливость, смирение (Е. Ган, Идеал);

Не было у него теперь любви, не было и смирения, не было и чистоты (Л. Н. Толстой, Отец Сергей);

Думал он о своем хозяйстве и находил, что все у него исправно (...); глядел он на жену — и она казалась ему красивой, доброй и кроткой (А. П. Чехов, Казаки);

Небо говорит: — У меня светила и звезды! Земля говорит: — У меня праведные и кроткие! (Прение Неба и Земли, пер. С. С. Аверинцева).

Однако в современном языке между *смирением* и *кротостью* намечается определенная разница по признаку оценки со стороны говорящего: *смирение* в большей степени может вызывать неодобрение говорящего (особенно тогда, когда это свойство развито в высокой степени). В особенности это касается деривата *смиранный*. По этой причине фраза *Я всегда старался быть смиренным* выглядят прагматически более странной, чем *Я всегда старался быть кротким*.

В этой связи интересно отметить существование деривата *смирненький*, ярко окрашенного стилистически и передающего презрительную, издевательскую оценку смирения. Ср. *Издательские шлагбаумы по-прежнему с преимущественной оперативностью поднимаются перед чем-либо простеньким-смирненьким, беззатейным* (Интернет).

Наконец, *смирение* отличается от *кротости* наличием необходимых дериватов *смиреник*, *смиреница* и *смиреничать*.

Судя по тому, как ты иногда даешь сдачи, ты далеко не смиренник (Интернет);

Человек вы золотой! Душа! Доброта! Смиреник наш! (А. П. Чехов, Добрый знакомый);

«Крах литературной гордыни» — вот как грозно начинается редакционная врезка. Дескать, есть у нас литературные гордецы, а мы печатаем литературных смиренников (НМ, 5, 1988).

Эти слова вполне могут предполагать отрицательную оценку со стороны говорящего, однако причина такой оценки — не презрение говорящего к смирению как к таковому, а оценка поведения субъекта как притворно-смирненного. Ср. следующие иронические контексты:

— Глядит таким смиренником, — начала она снова, — голова вся седая, а что рот раскроет, то солжет или насплетничает (И. С. Тургенев, Дворянское гнездо);

Этот смиренник целуется с Луизою, которая с трудом подымала ресницы при мужчинах (А. А. Бестужев-Марлинский, Замок Эйзен).

Исходя из всего сказанного, предложим толкования слов *смирение* и *кротость*.

Смирение I X-а перед Y-ом = 'состояние, заключающееся в том, что X, считая, что его жизнь зависит от высшей силы Y, не считает происходящее с ним чем-то, чему он может противодействовать'.

Кротость 1 = ‘свойство, состоящее в том, что в любой ситуации субъект не испытывает агрессивных эмоций по отношению к другим людям, что проявляется в его поведении’.

2.6. СМирЕНИЕ. ТРАКТОВКА А. ВЕЖБИЦКОЙ И А. Д. ШМЕЛЕВА

Интересно сопоставить результаты приведенного выше анализа семантики *смирения* с результатами анализа того же материала А. Вежбицкой и А. Д. Шмелева.

Анна Вежбицка, сравнивая в книге [Wierzbicka 1992] английское понятие *humility* с русским *смирением*, приходит к выводу, что для семантики *смирения* важно не низкое положение субъекта, а готовность принять все, что с ним происходит и всему подчиниться, тогда как для *humility* важно желание субъекта быть на последнем месте. Если прототип *смирения* А. Вежбицка видит в евангельском эпизоде моления о чаше в Гефсиманском саду, то в качестве прототипа *humility* она называет сцену, где Христос умывает ноги Своим ученикам ([Wierzbicka 1992: 193–194]).

Иную точку зрения на семантику *смирения* высказывает А. Д. Шмелев в работе [Шмелев 2000]. Анализируя слово *смирение* и его дериваты, он приходит к выводу, что эти слова вполне могут описывать значение, присущее, по А. Вежбицкой, английскому *humility*. По мысли А. Д. Шмелева, «основным (более “привычным”) для идеи, выраженной в слове *смирение*, является тот же общехристианский идеал отказа от гордости, который выражен в слове *humility*. Особенностью слова *смирение* является лишь то, что в нем отражен (в качестве дополнительного) и идеал примиренности, который, вероятно, можно считать характерным именно для русской языковой картины мира».

Предложенный в настоящей главе анализ понятия *смирения* позволяет в споре А. Вежбицкой и А. Д. Шмелева принять сторону первой. На наш взгляд, в пользу такой трактовки *смирения* говорит, в частности, отмеченная во Введении принципиальная несвязанность *смирения* со шкалой самооценки и метафорой верха и низа и включение в ситуацию, описываемую словом *смирение*, высшей силы, перед могуществом которой субъект отказывается от борьбы или от отстаивания своей воли.

Можно было бы считать, что к семантике английского слова *humility* близко русское *самоуничижение* — если бы, во-первых, не отрицательная оценка, входящая в значение этого слова (ср. примеры ниже) и, во-вторых, не способность этого слова описывать действие (ср. *Ну, началось самоуничижение!*). Ср. также *Поцелуй она руку генералу или сенатору, то это было бы лакейством, самоуничижением, хуже которого для развитой женщины и придумать нельзя, поцеловать же руку поэту, художнику или композитору — это естественно* (А. П. Чехов, Открытие); *Как Вас, верно, потешают мои стремительные переходы от сладострастного самоуничижения к гордой чопорности!* (Б. Акунин, Любовница Смерти).

Часть пятая

**Интеллектуальные способности
и деятельность человека
в зеркале прилагательных**

Специалист может иметь перед своими глазами картину мира, совершенно отличную от той, что составлена общепризнанными словами, и ему эта картина будет казаться более истинной, более отражающей.

А. Битов. Битва

Введение

1. ОСНОВНЫЕ ОППОЗИЦИИ В СФЕРЕ МЕНТАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Языковая картина мира, т. е. картина, «составленная общепризнанными словами», отражает «опыт интроспекции десятков поколений» [Апресян 1995а: 351]. Тот ее фрагмент, который относится к внутреннему миру человека и особенно к интеллектуальной сфере, исследован в интересующем нас аспекте в работах [Апресян 1995а; Wierzbicka 1992; Дмитровская 1985; Урысон 1994; Иомдин Б. 1999а], а также во многих работах, вошедших в сборник [Ментальные действия 1993].

Во всех перечисленных работах, однако, исследуются в основном глаголы и существительные. Мы же надеемся показать, что прилагательные, демонстрируя наряду с теми противопоставлениями, которые характерны для глаголов и существительных, новые противопоставления, свойственные только им, дополняют языковую картину мира.

В рамках настоящего исследования мы не занимались проблемой лингвоспецифичности обнаруженных нами языковых противопоставлений. Аналогичные противопоставления, по-видимому, представлены и в других языках. Трудно ожидать, однако, что языковые картины мира в пределах исследуемого нами фрагмен-

та полностью совпадут. Обнаружение и описание определенных смысловых противопоставлений, организующих соответствующий фрагмент лексики в русском языке, — необходимый первый шаг для сравнения лексических систем.

Возможности интеллектуального освоения мира зависят от двух основных факторов — способностей субъекта интеллектуальной деятельности и свойств объектов, которые являются предметом его размышлений. В соответствии с этим можно выделить два типа ментальных прилагательных: прилагательные, описывающие в одном из своих значений интеллектуальные способности субъекта, и прилагательные, описывающие свойства интеллектуально постигаемого объекта.

Примерами прилагательных первого типа могут служить слова *умный*¹, *смышленный*, *тупой*, *проницательный*, *глубокий*, *мнительный*, *компетентный*. Второй тип представляют такие прилагательные как *понятный*, *ясный*, *заумный*, *непостижимый*, *запоминающийся*, *невообразимый*, *трудный* и т. п. Эти две группы прилагательных объединяет то, что они толкуются через ментальные глаголы *знать*, *считать*, *понимать*, *помнить*, *воображать*.

Кроме того, выделяются еще две группы прилагательных, толкуемых через ментальные прилагательные первого типа. Это прилагательные, указывающие на внешние проявления интеллектуальных способностей (*умная улыбка*, *смышленная физиономия*, *проницательный взгляд*), и прилагательные, характеризующие действия или плоды интеллектуальной деятельности людей (*мудрый совет*, *неглупое изречение*, *глубокое исследование*). Эти две группы прилагательных подробно рассматриваются в п. 1.5 главы 1.

Основное внимание в настоящей работе уделено прилагательным, описывающим в одном из своих значений интеллектуальные способности человека. Было обнаружено семантическое противопоставление, которое делит ментальные прилагательные этого типа на две группы: прилагательные, описывающие фундаментальные способности человека, и прилагательные, описывающие способности, суждение о которых выводится эмпирически. В главе 1 будет показано, что это противопоставление представляет собой новый нетривиальный семантический признак, который системным образом влияет на сочетаемость этих прилагательных, предопределяет в значительной степени направление развития у них регулярной многозначности, а также некоторые другие их свойства.

В главе 2 будут рассмотрены прочие семантические противопоставления, организующие поле ментальных прилагательных. В этой главе рассматриваются как прилагательные, характеризующие способности человека, так и прилагательные, характеризующие свойства умопостигаемых объектов.

¹ Здесь и ниже мы имеем в виду отдельные лексемы прилагательных, а не вокабулы в целом. Например, у прилагательного *глубокий* лишь две лексемы — *глубокий 5.1* и *глубокий 5.2* — относятся к числу ментальных прилагательных. Однако для удобства читателя номера рассматриваемых лексем, в случаях, когда проблемы полисемии специально не обсуждаются, опускаются.

2. ТОЛКОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ГРУПП МЕНТАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Ментальные прилагательные толкуются через основные ментальные предикаты и естественным образом делятся на группы в зависимости от того, какой ментальный предикат занимает в их толковании вершинную позицию. В соответствии с принципами толкования, принятыми в Московской семантической школе и, в частности, в словаре [НОСС 2004], в толкованиях используются не только семантические примитивы, но и некоторые семантически более сложные слова. В частности, глагол *понимать*, не являющийся семантическим примитивом и толкуемый через ментальные глаголы 'знать' и 'представлять', занимает вершинное место в толковании большой группы прилагательных: *умный, глупый, тупой, толковый, понятный, невразумительный* и т. п.²

По-видимому, всем основным ментальным глаголам соответствуют группы ментальных прилагательных, в толковании которых эти глаголы занимают важную, хотя, как это видно из приводимых ниже толкований, не обязательно вершинную позицию. Прилагательные *знающий, компетентный, любознательный, любопытный* толкуются через предикат 'знать'. Прилагательные *недоверчивый, подозрительный, мнительный* — через 'считать'. Прилагательные *злопамятный, памятливый, запоминающийся* толкуются через предикат 'помнить', а прилагательные *воображаемый, иллюзорный, вымышленный, мнимый, фантастический, фантастичный, призрачный, нереальный, ирреальный, непредставимый* — через предикат 'представлять'.

Ментальные глаголы, как правило, многозначны. Предпочтительно использовать в толкованиях лексические единицы в их основном значении. Это не всегда удается. Например, глагол *представлять* выступает в предлагаемых толкованиях в значении 'иметь в сознании образ определенного объекта или ситуации, когда этот объект или ситуация органами чувств не воспринимается'. МАС считает это седьмым значением глагола *представить*, а Ю. Д. Апресян в своей словарной статье *ВООБРАЖАТЬ* 1 в НОСС — третьим [НОСС 2004: 135—139].

Приведем толкования некоторых основных синонимических рядов и отдельных ментальных прилагательных, на которые мы будем ссылаться в дальнейшем изложении как в первой, так и во второй главе.

Группа 'понимать'

Умный 1, *неглупый* 1, *смышленный* 1, *мудрый* 1, *глубокий* 5.1, *проницательный* 1, *прозорливый* 1 ≈ 'обладающий способностью понимать неявную суть вещей и событий'.

Глупый 1, *неумный* 1, *тупой* 2.1, *бестолковый* 1, *несмышленный* ≈ 'обладающий ограниченными способностями к пониманию'.

² О толковании глагола *понимать* см. [Апресян 1995: 414]. Более подробное описание этого глагола, его значений и его места в системе ментальных предикатов представлено в [Иомдин Б. 1999а], а более поздняя версия — в шестой части настоящей монографии.

Непонятливый, недогадливый, несообразительный \approx 'такой, который плохо понимает что-либо, если информации недостаточно, или плохо понимает, как надо действовать в затруднительной ситуации'.

Дальновидный 1, предусмотрительный 1 \approx 'обладающий способностью понимать и учитывать, как будут развиваться события в будущем'.

Разумный 2.1, рассудительный, здравомыслящий, трезвый 3.1, благоразумный 1 \approx 'такой, которому свойственно хорошо понимать ситуацию и действовать в соответствии с этим пониманием, не позволяя эмоциям влиять на свое поведение'.

Сообразительный, смекалистый, понятливый, догадливый, находчивый 1 \approx 'обладающий способностью быстро понимать, как надо действовать, чтобы решить возникшую или поставленную перед субъектом задачу, или быстро понять что-либо, несмотря на недостаток информации'.

Непонятный 1, неясный 3, непостижимый 1, недоступный 3, заумный, темный 3, невразумительный \approx 'такой, который (или которого) кто-то не понимает или не может понять'.

Понятный 1, ясный 5, доступный 3, постижимый, внятный 2 \approx 'такой, который (или которого) кто-то понимает или может понять'.

Пытливый 1 \approx 'такой, который хочет все знать и понимать'.

Группа 'знать'

Опытный 1.1, искушенный, матерый 2, бывалый 1, тертый 2 \approx 'такой, который много занимался чем-то или долго жил в определенных условиях, и поэтому много знает или умеет'.

Сведущий, компетентный 1, знающий, грамотный 3.1 \approx 'такой, который знает некоторую область достаточно хорошо для того, чтобы правильно понимать различные ситуации из этой области и принимать правильные решения'.

Невежественный, необразованный, несведущий, некомпетентный 1, безграмотный 2 \approx 'такой, который знает очень мало в какой-то области или вообще мало знает'.

Любопытный 1, любознательный \approx 'такой, который хочет все знать'.

Группа 'считать'

Смысл 'считать' содержится в глаголах *преувеличивать* и *приуменьшать*, используемых в толкованиях следующих двух групп прилагательных. *X преувеличивает Y* \approx 'X считает, что Y больше, чем на самом деле'; *X приуменьшает Y* \approx 'X считает, что Y меньше, чем на самом деле' :

Недоверчивый 1, подозрительный 2.1, мнительный \approx 'такой, которому свойственно преувеличивать возможность плохих поступков со стороны других людей или возможность плохого развития событий'.

Доверчивый 1, открытый 5.1 \approx 'такой, которому свойственно преуменьшать возможность плохих поступков со стороны других людей или возможность плохого развития событий'.

Смысл 'считать' входит в толкование следующего ряда прилагательных дважды. Во-первых, он появляется в одном из членов вершинной дизъюнкции. Во-вто-

рых, оценка возможности или невозможности каких-либо ситуаций предполагает выработку мнения.

Легкомысленный 1, беспечный 1, несерьезный 1, ветреный 1 ≈ ‘такой, который не думает, не хочет думать или не считает нужным думать о возможности плохих последствий своих поступков или плохого развития событий’³.

Группа ‘помнить’

Злопамятный ≈ ‘такой, которому свойственно помнить зло, которое ему причинили другие люди’.

Памятливый ≈ ‘такой, который обычно все запоминает’.

Забывчивый, рассеянный ≈ ‘такой, который легко забывает важные вещи’.

Группа ‘представлять’

Воображаемый, иллюзорный, вымышленный, мнимый, фантастический, фантастичный, призрачный, нереальный, ирреальный ≈ ‘такой, который (или которого) кто-то представляет, хотя он и не существует в действительности’.

ГЛАВА 1. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ И СПОСОБНОСТИ, СУЖДЕНИЕ О КОТОРЫХ ВЫНОСИТСЯ ЭМПИРИЧЕСКИ

1.1. СОДЕРЖАНИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Рассмотрим два близких по смыслу прилагательных — *сообразительный* и *смышленный*.

Для прилагательного *смышленный* типичны контексты, характеризующие интеллектуальные потенции личности в целом. Конкретные проявления этого свойства при этом остаются в тени.

- (1) *Сын Александра, живой, смышленный мальчик лет шести, не может или не хочет говорить, очевидно, потому, что взрослые не могут сказать ему каких-то самых важных, необходимых слов* («Известия», 14.07.1988);
- (2) *Наблюдая за смышленными крестьянскими ребятами, он убеждался, что они очень рано развиваются, самостоятельны, много знают о жизни природы.*

Разумеется, характеризуя кого-либо с помощью прилагательного *смышленный*, говорящий может иметь в виду какие-либо конкретные проявления, но, во-первых, это не обязательно, а во-вторых, единичный поступок может служить и л л ю - с т р а ц и е й фундаментальной способности, а не основанием для нашего суждения о человеке и его интеллекте.

³ Эти прилагательные описаны А. В. Птенцовой в словарной статье ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ 1; см. [НОСС 2004: 508—510].

Напротив, при употреблении прилагательного *сообразительный* говорящий обычно опирается на свой эмпирический опыт, имея в виду конкретное проявление указанного свойства, причем часто эта конкретная ситуация прямо описывается в тексте.

- (3) *Откусив солидный кусок от «Биг Мака», Алан нарвался на твердый посторонний предмет. Что это было, узнать не удалось, поскольку сообразительная официантка немедленно унесла еду («Сегодня», 19.05.1995);*
- (4) *На прощание грузины сказали: «Мы по своим убеждениям джасис-сс-...» «Кто?» — не понял я. «Джасис-сс-с...» — «Джойсисты, последователи Джойса» — объяснил сообразительный Володин (С. Довлатов, Ремесло).*

Таким образом, прилагательное *смышлennyй* указывает на фундаментальную способность, ингерентно присущую данной личности, а прилагательное *сообразительный* — на способность, суждение о которой выносится эмпирически⁴. Условно для краткости будем ниже называть такие способности нефундаментальными⁵.

Увидев, например, что ребенок, с которым мы разговариваем, быстро понял все, что ему объяснили, или быстро разобрался в ситуации, мы можем назвать его *смышлennyм*. Тем самым мы утверждаем, возможно, на основании единственного наблюдения, что ему вообще присущи определенные свойства, на которые указывает прилагательное *смышлennyй*, — живость ума, любознательность, вдумчивость. Все эти свойства являются неотъемлемой частью его личности, присущи ему всегда. Поэтому высказывания типа (5) и (6), содержащие темпоральные ограничители, неприемлемы.

- (5) **Обычно он смышлennyй;*
- (6) **На этот раз он оказался смышлennyм.*

С другой стороны, мы в той же ситуации могли бы назвать ребенка *сообразительным*. В этом случае содержание утверждения состоит в том, что в ситуации, требующей быстрого осмысления и определенных действий, ребенок проявил определенные способности или сумел понять что-либо, несмотря на недостаток информации. Мы можем ожидать, что в аналогичной ситуации он проявит эти же способности. Однако, в отличие от характеристики *смышлennyй*, прилагательное *сообразительный* связано с отдельными эпизодами, которые прямо описываются в тексте или подразумеваются. Поэтому, имея в виду ряд эпизодов, можно употребить это прилагательное в контексте наречия *обычно*.

- (7) *Обычно он был собранным и сообразительным.*

⁴ Это противопоставление не исчерпывает семантическую разницу между *смышлennyй* и *сообразительный*; более подробное описание этих лексем см. в соответствующих словарных статьях автора в [НОСС 2004].

⁵ Ранние версии описания этого противопоставления см. в [Богуславская 1999] и [Богуславская 2004a].

Рассмотрим еще одну пару близких по смыслу прилагательных, *дальновидный* и *предусмотрительный*. Общая часть значений этих прилагательных была истолкована выше следующим образом: *дальновидный, предусмотрительный* = ‘обладающий способностью понимать и учитывать, как будут развиваться события в будущем’. Между этими прилагательными имеется целый ряд семантических различий.

Прилагательное *дальновидный* указывает на большую степень сложности интеллектуальной деятельности и на большую глубину проникновения в будущее, чем *предусмотрительный*. С этим противопоставлением связано и различие в масштабе ожидаемых событий.

- (8) *Родиться бы одному брату на два года ранее, а другому на два года позднее, и самодержцем всероссийским стал бы не медлительный, вялый, угрюмый Александр, а умный, дальновидный и решительный Кирилл* (Б. Акунин, *Смерть Ахиллеса*);
- (9) *Герцог Ришелье — умный и дальновидный политик, защищающий абсолютизм от феодальной вольницы.*

Прилагательное *предусмотрительный* указывает на то, что субъект заранее обдумывает возможное развитие ситуации и принимает меры для того, чтобы исключить возможные осложнения. Это прилагательное используется тогда, когда предугадать развитие ситуации нетрудно.

- (10) *Предусмотрительные соседи запасли дрова на зиму.*

Замена *предусмотрительный* на *дальновидный* в этом контексте нежелательна. Такая замена была бы уместна, впрочем, в случае описания нетривиально развивающейся ситуации. Например, если кому-то удалось предусмотреть возможность неожиданного отключения центрального отопления на длительное время, можно было бы сказать *Дальновидные соседи запасли дрова на зиму*.

Кроме того *предусмотрительный* используется в тех случаях, когда ситуация в значительной степени контролируется субъектом.

- (11) *Воробейцев, человек предусмотрительный, вынул из полевой сумки бутылку и закуску* (Э. Казакевич, *МАС*);
- (12) *Выяснилось, что предусмотрительный Канцевич при покупке коня запасся документом, где значилось, что лошадь комиссована по таким-то и таким-то статьям и как военной, так и трудмобилизации не подлежит* (А. Чудаков, *Ложится мгла на старые ступени*).

Между тем прилагательное *дальновидный* вполне уместно и тогда, когда ситуация субъектом не контролируется: достаточно, чтобы субъект предвидел, как она будет развиваться.

- (13) *Наиболее дальновидные горожане призадумались, чувствуя в этом скандале, а особенно в том, что полиция не посмела остановить буяна, приближение смутных времен;*

- (14) *Каждый дальновидный человек (...) должен был предвидеть, куда может завести чрезмерная снисходительность к подобным элементам* (Я. Гашек, Похождения бравого солдата Швейка, пер. П. Богатырева).

Следующее различие между прилагательными *дальновидный* и *предусмотрительный* аналогично тому, которое мы рассмотрели на примере прилагательных *смышлennyй* и *сообразительный*.

Дальновидный, подобно прилагательному *смышлennyй*, описывает фундаментальную способность субъекта, свойство его личности, присущее ему всегда. Если говорящий выбирает для характеристики субъекта прилагательное *дальновидный*, соотносённость его суждения с конкретными поступками, конкретными проявлениями данной способности непрямая, сами поступки остаются в тени.

В отличие от него, прилагательное *предусмотрительный* описывает аналогичную (хотя, как было показано выше, не вполне идентичную) способность в связи с конкретным поступком или поступками.

Эта особенность прилагательного *предусмотрительный*, как и в случае с характеристикой *сообразительный*, проявляется в возможности его сочетания с темпоральными ограничителями типа *сегодня, на этот раз, обычно*.

- (15) *Обычно предусмотрительный, на этот раз он не взял с собой даже куртки;*
 (16) *На этот раз (сегодня) он был предусмотрительным и взял с собой фонарик.*

Единичного наблюдения достаточно для того, чтобы считать, что подразумеваемая способность не была проявлена в конкретном случае, но недостаточно для того, чтобы начать считать, что эта фундаментальная способность не присуща человеку. Поэтому прилагательное *дальновидный* не может сочетаться с темпоральными ограничителями типа *сегодня, на этот раз* или с наречием *обычно*. Ср. неприемлемые (17) и (18)

- (17) **Сегодня (на этот раз) он был дальновидным.*
 (18) ?*Обычно дальновидный, на этот раз он просчитался.*

Существенно, что с темпоральными наречиями и наречными группами не сочетаются прилагательные в положительной степени. Сравнительная степень прилагательного *дальновидный* как раз допускает по крайней мере сочетание с ограничителем *на этот раз*:

- (19) *На этот раз он был дальновиднее.*

Связь характеристик типа *сообразительный* и *предусмотрительный* с отдельными проявлениями соответствующих способностей выражается еще и в том, что обычно конкретное проявление данной способности описывается в том же тексте или непосредственно подразумевается; ср. примеры (3) и (4). Поэтому в таких контекстах неуместны вопросы типа *Откуда ты знаешь, что она сообразительная?*

Напротив, характеристики типа *смышленный* или *дальновидный* часто употребляются декларативно; ср. примеры (1) и (8). Поэтому в диалоге вполне допустимы вопросы о том, почему говорящий применил к субъекту характеристику такого рода. Ср.

(20) *Откуда ты знаешь, что он смышленный?*

(21) *Почему ты считаешь его дальновидным?*

Естественным ответом на подобные вопросы служит скорее не упоминание отдельного эпизода, в котором проявилась данная способность, а ссылка на ряд эпизодов или на длительное наблюдение за субъектом типа *Я его хорошо знаю; Я много за ним наблюдаю; Я всегда интересовался тем, что он делает.*

Таким образом, прилагательные *смышленный*, *дальновидный*, с одной стороны, и *сообразительный*, *предусмотрительный*, с другой представляют разные типы способностей.

1.2. ТИПЫ СПОСОБНОСТЕЙ И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ПОСТОЯННЫХ И ВРЕМЕННЫХ СВОЙСТВ

Использование сочетаемости с темпоральными ограничителями в качестве теста, различающего прилагательные, указывающие на фундаментальные способности (типа *смышленный* и *дальновидный*), и прилагательные, указывающие на способности нефундаментальные (типа *сообразительный* и *предусмотрительный*), может навести на мысль о сходстве этого противопоставления и противопоставления постоянных свойств и временных состояний, которое многократно описывалось и гораздо чаще встречается в языке.

Однако между этими противопоставлениями имеется существенная содержательная разница. Во-первых, качества *сообразительный* и *предусмотрительный* никак нельзя считать временными состояниями человека. Они присущи или не присущи конкретному человеку. Просто мы говорим об этих способностях обычно тогда, когда имеем дело с их конкретными проявлениями в определенных обстоятельствах. Фундаментальные и нефундаментальные способности — два типа постоянных свойств.

Во-вторых, не вполне совпадает и состав темпоральных выражений, с которыми сочетаются названия временных состояний и нефундаментальных способностей.

Рассмотрим противопоставление постоянных свойств и временных состояний на примере прилагательных, указывающих на отсутствие чего-то ожидаемого. Таковы, например, прилагательные *пустой*, *пустующий*, *опустевший*, *полюй*, *пустотелый*.

Прилагательные *полюй* и *пустотелый* (= 'имеющий внутри пустое пространство, окруженное со всех сторон однородным материалом') обозначают постоянные свойства объекта, а прилагательные *пустой* (в одном из своих значений), *пустующий*, *опустевший* (= 'такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать') — временные состояния. Названия временных состояний

отличаются от названий постоянных свойств тем, что сочетаются с темпоральными ограничителями типа *сейчас, сегодня, в это время, пока (еще)*.

- (22) *Аудитории в это время стояли пустые, гулкие* («Комсомольская правда», 27.03.98);
- (23) *Иногда удавалось забраться в один из номеров пока еще пустующей гостиницы* (Архив НГ).

Это невозможно для свойств постоянных: даже если в полый объект что-то поместили, он не меняет своей характеристики.

- (24) *Полые пространства в отработанной штольне накапливают взрывоопасный газ* (МК, 21.06.96)
- (25) **пока еще полые пространства*⁶.

1.3. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РАССМОТРЕННЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В ИНТЕГРАЛЬНОМ ОПИСАНИИ

В предлагаемых выше толкованиях общей части значения двух групп прилагательных, *пустой, пустующий, опустевший* и *полый, пустотелый*, противопоставление постоянных и временных свойств не отражено. Если мы хотим в правилах сочетаемости с темпоральными ограничителями ссылаться на фрагмент толкования, указывающий постоянство или временность, мы должны видоизменить предложенные толкования. Неясно, однако, как именно можно это сделать. Во всяком случае, простое добавление наречий *временно* и *постоянно* не дает удовлетворительного результата.

Приходится признать, что сколько-нибудь общепринятого способа отражать в толкованиях это противопоставление, релевантное для большого количества прилагательных, не существует.

Однако в интегральном лингвистическом описании семантическая характеристика лексемы не исчерпывается ее толкованием. Существенной частью интегрального лексикографического представления лексемы являются ее нетривиальные семантические признаки.

Понятие нетривиального семантического признака введено Ю. Д. Апресяном [Апресян 1980, переиздано в Апресян 1995а: 8—101] по аналогии с понятием синтаксического признака. Синтаксический признак описывает способность лексемы участвовать или не участвовать в той или иной синтаксической конструкции, то есть «это теоретический конструкт, позволяющий записать синтаксическую информацию {...} в сокращенном и обобщенном виде» [Апресян 1995а: 29]. Нетривиальный семантический признак описывает сочетаемостные свойства лексем, то

⁶ См. об этом подробнее в наших словарных статьях ПУСТОЙ 1.1 и ПОЛЫЙ в [НОСС 2004: 787—789 и 898—899].

есть способность или неспособность лексем, относящихся к определенной группе, сочетаться с какими-то лексемами или граммемами⁷.

В [Апресян 1995а: 29—32] сформулировано существенное свойство, общее для синтаксических и нетривиальных семантических признаков. Хотя они мотивированы семантически, в синтаксических и семантических правилах их нельзя заменять на отсылку к определенному семантическому компоненту в толкованиях группы лексем; они должны приписываться лексемам независимо от их толкования. Это продемонстрировано на примере нетривиального семантического признака перформативности. Как отмечает Ю. Д. Апресян, не все глаголы, имеющие в толковании компонент 'говорить/сказать', могут употребляться перформативно, хотя перформативность в значительной степени мотивируется этим смыслом. Действительно, и *обвинять* и *критиковать* — глаголы речи, но *обвинять* допускает перформативное употребление (*Я обвиняю вас в убийстве*), а *критиковать* — не допускает (**Я критикую вас за небрежность*).

Существует и другая причина, по которой нетривиальные семантические признаки не могут быть в семантических правилах заменены фрагментами толкований. Разбирая в той же работе признак предельности, регулирующий сочетаемость прилагательных с наречием полной степени *совсем*, Ю. Д. Апресян приходит к следующему выводу: «Предельность проявляет себя очень по-разному у прилагательных разных семантических классов, в частности, у прилагательных цвета и размера. Поэтому она не может быть сведена ни к какому общему смысловому компоненту в их толкованиях. Это нетривиальный семантический признак» [Апресян 1995а: 45]. Именами нетривиальных семантических признаков являются лингвистические термины (см. об этом подробнее в разделе 1.3 первой части настоящей монографии, написанной Ю. Д. Апресяном).

Можно принять такое же решение не только для противопоставления постоянных свойств и временных состояний, но и для обсуждаемого здесь противопоставления фундаментальных и нефундаментальных способностей. Поскольку найти стандартный способ отражения этого противопоставления в толкованиях не удается, целесообразно ввести специальный семантический признак, приписываемый отдельным лексемам⁸.

1.4. МЕНТАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ, ТОЛКУЕМЫЕ ЧЕРЕЗ ПРЕДИКАТ 'ПОНИМАТЬ'

Противопоставление фундаментальных и нефундаментальных способностей, которое мы продемонстрировали на примере прилагательных *смышленный*, *сообраз-*

⁷ Нетривиальные семантические признаки на другом материале обсуждаются в разделе 1.5 первой части настоящей монографии.

⁸ Обсуждая таксономические категории глаголов, влияющие на сочетаемость с обстоятельствами времени и длительности, а также предопределяющие вхождение глаголов в ви-

разительный и дальновидный, предусмотрительный, релевантно и для других ментальных прилагательных, обозначающих способности и толкуемых через 'понимать'.

Прилагательные *умный 1*, *неглупый 1*, *мудрый 1*, *умудренный 1*, *глубокий 5.1*, *проницательный 1*, *прозорливый 1*; *глупый 1* и производные от него *глуповатый 1*, *глупенький 1*; *неумный 1*; *тупой 2.1* и производные от него *туповатый 1*, *тупоголовый*, *тупоумный*; *несмышленный*, *безмозглый*, *недальновидный 1*, *пытливый 1* обозначают фундаментальные способности.

Нетрудно убедиться, что для всех этих прилагательных в положительной степени невозможна сочетаемость с наречиями *обычно*, *уже* или наречными выражениями *пока еще*, *на этот раз*, *в этот раз*. Для них характерны декларативные употребления, не содержащие ссылок на конкретные проявления данной способности. Приведем некоторые типичные примеры.

- (26) *С административными кадрами дела обстояли значительно хуже. Умный пойдет в солидную американскую фирму. Глупый вроде бы не требуется. А без хорошего менеджера работать невозможно* (С. Довлатов, Ремесло);
- (27) *Быть может, Кузмин, расставшись с восемнадцатым веком, потеряет часть прежних своих поклонников — глуповатых денди, бредящих мушками и утонченностью* (В. Ходасевич, Обзор поэзии);
- (28) *Правда, туповатые быки не всегда чувствовали всю сложность своего неудобного положения и порой на ходу хватили кукурузные стебли* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема);
- (29) *Только вот в культурной секции не хватило четырех человек, и восьмерых оставшихся теперь нещадно пропускали [через тяжелые допросы] — легчайший способ для тупоумных добиться истины* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ);
- (30) *Соседом Иннокентия оказался брат управляющего, человек тупой, скучный, притом заика; Иннокентий разговаривал с ним только потому, что смертельно боялся молчать* (В. Набоков, Круг);
- (31) *Мудрый сэр Александр говорил: «Быстро меняться общество может только в худшую сторону — это называется революция»* (Б. Акунин, Алтын-Толобас);
- (32) *Очень тактичным, от природы воспитанным был Савелий Георгиевич Апенушкин, не по возрасту умудренным* (А. Азольский, Лопушок);
- (33) *Петр Степанович был человек, может быть, и неглупый, но Федька Каторжный верно выразился о нем, что он «человека сам сочинит, да с ним и живет»* (Ф. Достоевский, Бесы);

довые пары того или иного семантического типа, Е. В. Падучева в работе [Падучева 1995] предлагает отражать таксономическую принадлежность глагола непосредственно в его толковании. Ей это удастся, поскольку предлагаемые ею толкования не являются высказываниями на естественном русском языке: практически они состоят из признаков.

- (34) *Клим не спрашивал, зачем он делает это, он вообще предпочитал наблюдать, а не выспрашивать, память неудачные попытки Дронова и меткие слова Варавки: «Дураки ставят вопросы чаще, чем пытливые люди» (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).*

Прилагательные *непонятливый, недогадливый, несообразительный, разумный 2.1, рассудительный, трезвый 3.1, благоразумный 1, неразумный 1, безрассудный 1, неблагоразумный 1, сообразительный, смекалистый, понятливый, догадливый, находчивый 1, несообразительный, непонятливый, недогадливый, не находчивый* указывают на нефундаментальные способности. Для всех этих прилагательных характерны употребления в контекстах, описывающих конкретные проявления определенных способностей.

- (35) *Петр Парменович оказался сообразительней своего начальника: вмиг понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее, и ткнул подбородком в сторону бокового выхода — мол, туда пожалуйста, там и поговорим (Б. Акунин, Смерть Ахиллеса);*
- (36) *Откуда взялся грамотей такой? Из газетки, что ль? — И, заметив удивление Олега, пояснил: — Учено говоришь. — А ты догадливый! — хмыкнул Олег (В. Астафьев, Сашка Лебедев);*
- (37) *Задибался с каждым встречным, уроки не делал, ничего не учил, вечно пререкался с учителями, из кожи лез, доказывая свою правоту, без конца озорничал, но вообще-то был шустрый парнишка, смекалистый, экзамены никогда не проваливал (Ж. Хеераартс, Дело «Альцгеймера», пер. Н. Федоровой);*
- (38) *Отец Алексей (...) оказался человеком очень ловким и находчивым. Он первый поспешил пожать руку Аркадию и Базарову, как бы понимая заранее, что они не нуждаются в его благословении (И. С. Тургенев, Отцы и дети);*
- (39) *Обливаясь слезами, дрожа и солеными губами слепо тычась в него, Таня говорила, что завтра уезжает с матерью на юг и что все кончено, о, как можно было быть таким непонятливым... (В. Набоков, Круг).*

Все эти прилагательные, хотя и обозначают постоянные свойства, могут сочетаться с темпоральными ограничителями *на этот раз, уже, пока еще, обычно.*

- (40) *Смущена ли была она? Нет, очень немного. По-прежнему была проста, весела и — уже рассудительна. — Нет, нет, милый, — сказала она в ответ на его просьбу ехать дальше вместе, — нет, вы должны остаться до следующего парохода (И. Бунин, Солнечный удар);*
- (41) *Все знали эти вспышки бешенства у обычно рассудительной Нины, они проходили так же быстро, как и начинались (А. Рыбаков, Дети Арбата);*
- (42) *Обычно вполне трезвый, отлично понимающий последствия своих поступков, внезапно старик становился необуздан и гневлив.*

1.5. РЕГУЛЯРНАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ МЕНТАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

1.5.1. ТИПЫ ЗНАЧЕНИЙ

До сих пор мы рассматривали ментальные прилагательные, характеризующие людей. Ср. примеры из блока (I).

(I)

- (43) Будучи сыщиком дотошным и сообразительным, он не мог не заинтересоваться поздним гостем (Б. Акунин, Смерть Ахиллеса);
- (44) Будь я умен или хоть малость смекалист, у меня было бы свое маленькое хозяйство, и я выращивал бы собственный урожай (Дж. Стейнбек, О мышах и людях, пер. В. Хинкиса);
- (45) — Впрочем, если прикажете, ваше величество, — сказал Кутузов, поднимая голову и снова изменяя тон на прежний тон тупого, нерассуждающего, но повинувшегося генерала (Л. Н. Толстой, Война и мир).

Для прилагательных, обозначающих фундаментальные способности, характерны, кроме того, еще два типа контекстов.

Во-первых, это контекст существительных, обозначающих лицо или части лица человека, или же внешние проявления внутреннего состояния типа улыбка, выражение лица (глаз) и т. п. См. примеры в блоке (II).

(II)

- (46) Это был рослый мужчина лет сорока, с широким и неглупым лицом и с рыжеватой окладистой бородой (Ф. М. Достоевский, Бесы);
- (47) Затем я снова замечал ее взгляд на себе — то пытливый и пронизательный, вызывающий тревогу, то отсутствующий, с потерянной мыслью, то быстрый, настороженно-лукавый (В. Распутин, Наташа);
- (48) Контролер стоял у входа, и взгляд его печально-умудренный (...) выражал, что нельзя найти того, чего не терял (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура);
- (49) Вероятно чувствуя сам, что возня с деньгами придает ему еще более глупый вид, он потерял последнее самообладание (Ф. М. Достоевский, Бесы);
- (50) Это конечно было бессердечно: смотреть в пытливое лицо проверенного беглеца и вяло качать головами, все равно, что умной тренированной собаке запрещать вынюхивать дичь (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Во-вторых, это контекст существительных, обозначающих действия, деятельность или внутренние свойства. См. примеры в блоке (III).

(III)

- (51) Сатаня от мелких каверз, / пересудов и глупых ссор, / О тебе я не помнил, каюсь, / И не звал тебя до сих пор (А. Галич «От беды моей пустяковой»);

- (52) *И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть может, даже грешной* (А. П. Чехов, Три сестры);
- (53) *Тогдашние коррупционисты выбрали совершенно неправильную, непродуманную, прямо скажем, недальновидную тактику* (В. Войнович, Москва 2042);
- (54) *Стиль [карточной игры] может быть изящен или неизящен, остер или туп, ярк или бледен; (...) вот почему в азартную игру можно талантливо проигрывать и бездарно выигрывать* (В. Ходасевич, Московский литературно-художественный кружок);
- (55) *О, мудрая притча о верблюде и игольном ушке! В небесное царство освобожденного духа не дадут тебе пройти эти вещи* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ);
- (56) *В ту ночь они еще только догадывались, что поиск утерянных событий — поворотов и складок, пытливое, кропотливое исследование ежедневно пополняемого прошлого — станет со временем для них тем, что намертво скрепляет узы* (Д. Рагозин, Дочь гипнотизера).

В примерах блока (I) все исследователи и словари усматривают первое, главное значение прилагательного⁹. Расхождения возможны при трактовке примеров типа тех, что представлены в блоках (II) и (III). Например, Малый академический словарь для прилагательного *умный* усматривает в примерах типа (II) особое подзначение, выделяемое внутри первого, главного значения прилагательного: 'Выражающий ум, проницательность', а примеры типа (III) представляют собой второе значение 'Порожденный умом, свидетельствующий о рассудительности, разумности или образованности, учености' (МАС 1994 Т. 4: 493). Ю. Д. Апресян, рассматривая английский синонимический ряд *intelligent, clever* и т. д., выделяет два значения, относя примеры, параллельные русским примерам типа (II) и (III), к одному, второму, значению, предлагая дизъюнктивное толкование синонимического ряда: 'свойственный умному человеку, отражающий или выражающий ум' ([Апресян, Ботякова и др. 1979: 230—232])¹⁰.

Мы выделяем у прилагательных, которые могут употребляться в контекстах всех трех типов, три разных значения, поскольку между употреблениями типа (II) и (III) есть существенная семантическая разница, которую можно и должно отразить в толкованиях.

1.5.2. СХЕМЫ ТОЛКОВАНИЙ

Для значений блока (II) предлагается следующая схема толкования: 'такой, по которому можно видеть, что субъект обладает свойством X'.

⁹ Или первое и главное из блока ментальных значений прилагательного.

¹⁰ Наличие регулярной многозначности этого типа у русских прилагательных отмечается в книге [Апресян 1974: 214].

Сложнее предложить схему толкований для значений, представленных в блоке (III). Словосочетания типа *умные глаза* обозначают глаза, принадлежащие умному человеку. Но ведь нельзя сказать, что *глупые ссоры*, о которых идет речь в примере (51) из третьего блока, это ссоры глупых людей. В словосочетаниях такого рода речь идет о действиях, деятельности или свойствах, обычно свойственных людям, обладающим данными свойствами, но не конкретным субъектам, о которых идет речь в соответствующих предложениях.

Это различие между значениями второго и третьего типа отражается в схеме толкований, предлагаемой для значений типа (III): 'такой, какого можно ожидать от людей, обладающих данным свойством'. Существенным для нас является в данном случае родовой статус существительного 'люди' в толкованиях.

Некоторую сложность представляет трактовка примеров, где прилагательные характеризуют внутренние свойства; ср. (57) и (58).

(57) *Солдаты с какой-то тупой почтительностью глазели на дома нашего квартала в этом тихом и не очень знатном новом Южном районе, интересуясь главным образом добротными зданиями* (Т. де Фрис, Рыжеволосая девушка, пер. А. Кобецкой);

(58) *Он давно привык к мудрой молчаливости Левеништейна, верного хранителя шумиловских традиций* (В. Каверин, Двухчасовая прогулка).

Употребления такого рода могут быть отнесены как к значениям второго типа (внешние проявления свойств субъекта), так и к значениям третьего типа.

1.6. Тип способности и регулярная многозначность

Наблюдения над прототипическими примерами прилагательных, обозначающих фундаментальные способности, показали, что для них характерна регулярная многозначность типа 'способность' — 'внешнее проявление способности' — 'действия, деятельность или свойства, которых можно ожидать от людей, обладающих данной способностью'.

Оказалось, кроме того, что для прилагательных, обозначающих нефундаментальные способности, такая многозначность как раз нехарактерна.

Этому можно дать достаточно убедительное семантическое объяснение. Естественно считать, что именно неотъемлемо присущие человеку фундаментальные способности накладывают отпечаток на его внешность или связываются с определенными внешними проявлениями. Поэтому нельзя сказать **Мальчик с сообразительными* (**смекалистыми*, **толковыми*) *глазами* (при нормальном *Мальчик со смышленными глазами*).

Точно так же естественно, что значения типа (III) (*мудрый совет*, *глупая ссора*) развиваются в первую очередь у прилагательных, обозначающих неотъемлемо присущие фундаментальные способности.

Итак, в прототипическом случае принадлежность слова к тому или иному семантическому типу влияет на тип многозначности, характерной для него. Это не

означает, что можно однозначно предсказать, какие именно значения будут иметь место у того или иного слова. В рассмотренном нами материале обнаружены различные отклонения от этого прототипа. Частично эти отклонения могут быть объяснены влиянием двух факторов, которые часто препятствуют развитию многозначности.

Если ментальное значение — не основное, то набор метонимических значений, мотивированных им, беднее. Действительно, прилагательное *глубокий*, в своем ментальном значении обозначающее фундаментальную способность, имеет лексему со значением 'такой, какого можно ожидать от людей, обладающих указанным свойством', но не имеет лексемы со значением 'такой, по которому можно видеть, что субъект обладает указанным свойством'. Ср. неприемлемое в указанном значении *"смотреть глубоким взглядом"*¹¹.

- (59) *Опытность и глубокий взгляд на вещи подсказали Тоцкому очень скоро и необыкновенно верно, что он имеет теперь дело с существом совершенно из ряду вон* (Ф. М. Достоевский, Идиот);
- (60) *И так же самый глубокий юмор свойствен народам самой страшной судьбы: евреям, полякам, русским* (Ю. Карачиевский, Воскресение Маяковского).

Близкое к нему прилагательное *глубокомысленный*, для которого ментальное значение является основным, напротив, имеет оба метонимических значения: с *глубокомысленным видом*, *глубокомысленное замечание*.

Отметим при этом, что у прилагательного *тупой*, для которого ментальное значение, как и у слова *глубокий*, не является основным, развились метонимические значения обоих типов.

- (61) *Плотный мужик в летной фуражке, вылезший еще из одной машины, имел очень правильное выражение лица: тупое и злое на жизнь* (А. Битов, Лес);
- (62) *Эти люди не могут существовать — в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, кухонных интересов, тупого самодовольства и сугубо плотских потребностей* (А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом).

Затрудняет образование метонимических значений и сложная морфологическая структура слова. Прилагательные *дальновидный*, *недальновидный* и *бестолковый* имеют лексемы со значением 'такой, какого можно ожидать от людей, обладающих указанным свойством', но не имеют лексем со значением 'такой, по которому можно видеть, что субъект обладает указанным свойством', а прилагательное *несмышленный* не имеет метонимических значений. Ср. неприемлемые словосочета-

¹¹ В МАСе приводятся словосочетания *глубокий взгляд*, *глубокие глаза* в качестве фразеологических единиц. Но они имеют значение, не выводимое из значения лексемы *глубокий* 5.1. Ср. «Глубокий взгляд (или взор) — очень выразительный, серьезный взгляд. Глубокие глаза — глаза, отличающиеся большой выразительностью, серьезностью взгляда» [МАС, т. 1: 317].

ния *дальновидный <*недальновидный> взгляд <*улыбка>; *бестолковые руки (при нормальном бестолковые движения рук); *несмышленный взгляд <вид>; *несмышленное поведение.

- (63) *И тут, как всегда, голод оказался плохим советчиком, а медленные, но твердые и дальновидные действия градоначальника подверглись превратным толкованиям* (М. Е. Салтыков-Щедрин, История одного города);
- (64) *Тогдашние коррупционисты выбрали совершенно неправильную, непродуманную, прямо скажем, недальновидную тактику* (В. Войнович, Москва 2042);
- (65) *Два дня прошли в хлопотах, лишенных той растерянности и бестолковой суеты, которые Клим наблюдал при похоронах в России* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

Влияние факторов, затрудняющих развитие многозначности, неабсолютно, носит вероятностный характер. Учет этих факторов имеет эвристическое значение, но не избавляет нас от необходимости индивидуального подхода к изучению системы значений каждого слова.

1.7. ТИПЫ СПОСОБНОСТЕЙ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ТОЛКУЕМЫЕ ЧЕРЕЗ ПРЕДИКАТЫ 'ЗНАТЬ' И 'СЧИТАТЬ'

Выше мы рассматривали противопоставление фундаментальных способностей и способностей, суждение о которых выносится эмпирически, на примере группы ментальных прилагательных, толкуемых через предикат 'понимать'. Возникает вопрос, имеются ли другие группы прилагательных, для которых это противопоставление существенно.

Для прилагательных, толкуемых через предикат 'знать', ответ на этот вопрос не вполне ясен. Рассмотренные нами прилагательные этого типа указывают на постоянное свойство субъекта.

- (66) *Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у вас помощи и совета. (...) Человек я ученый, книжный и всегда был чужд практической жизни. Обойтись без указаний сведущих людей я не могу* (А. П. Чехов, Дядя Ваня);
- (67) *Он такой чуткий, интеллигентный, знающий, ему бы еще работать и работать, а он на пенсии — недоброжелатели подсадили* (Т. Толстая, Сомнамбула в тумане);
- (68) *Пожалуй, только Шестаков, опытный горновосходитель, (...) лучше Тани знает приемы, позволяющие альпинистам вертикально подыматься по шпилью с помощью веревочных петель* (Е. Воробьев, Небо в блокаде);
- (69) *В неизбежном процессе ее интересы разумней доверить весьма искушенному специалисту, занимающемуся авторским правом* (Л. Зорин, Трезвенник);
- (70) *Магазин откроют в одиннадцать, и здесь, внизу, его будут замечать лишь самые любопытные прохожие* (В. Белов, Воспитание по доктору Споку);

- (71) *В Пушкинских Горах туристы очень любознательные. Задают экскурсоводам странные вопросы* (С. Довлатов, Соло на ундервуде).

С темпоральными ограничителями эти прилагательные не сочетаются. Ср. неприемлемость сочетаний **обычно опытный* (*бывалый, сведущий*); **пока еще любопытный* (*любопытный, невежественный*). По этому признаку их можно было бы отнести к фундаментальным свойствам. Однако типичной для фундаментальных способностей регулярной многозначности у этих прилагательных нет.

Иначе обстоит дело с прилагательными, толкуемыми через предикат ‘считать’ и имеющими в значении компонент ‘такой, которому свойственно ...’.

Рассмотрим прилагательные *мнительный*¹² и *открытый* 5.1. Они характеризуют людей и обозначают постоянное свойство.

- (72) *Горький не был мнителен и лечиться не любил* (Н. Берберова, Курсив мой);
 (73) *Баглюк был человеком компанейским и открытым, что называется, душа нараспашку, с удовольствием знакомил своих коллег с другими приятелями* (А. Маринина, Мужские игры).

При этом прилагательное *мнительный* сочетается с темпоральными ограничителями, а для *открытый* такая сочетаемость невозможна или крайне нехарактерна.

- (74) *Порою мнительный в мелких обстоятельствах жизни, раздираемый противоречиями, он в серьезном, в моменты кризиса не терял самообладания и брызжущих из него жизненных сил* (М. Чудакова, Жизнеописание Михаила Булгакова);
 (75) *Обычно осторожный, даже мнительный, на этот раз он решил не придавать значения опасным симптомам.*

Это дает нам основания ожидать, что у вокабулы *мнительный* не будет лексем со значениями ‘такой, по которому можно видеть, что субъект обладает указанным свойством’ и ‘такой, какого можно ожидать от людей, обладающих указанным свойством’, а у *открытый* — будут. Эти ожидания в основном оправдываются. *Мнительный* имеет единственное значение, а у *открытый* есть лексема *открытый* 5.2 со значением ‘такой, по которому можно видеть, что субъект обладает указанным свойством’. Отсутствие у прилагательного *открытый* лексемы со значением ‘такой, какого можно ожидать от людей, обладающих указанным свойством’ можно объяснить тем, что, как и в случае прилагательного *глубокий*, ментальное значение у *открытый* далеко не основное.

- (76) *Спас меня хирург местной лагерной больницы — человек умелый, решительный, лет тридцати или чуть побольше, с голубыми ясными глазами, шапкой белокурых волос и открытым, охотно улыбающимся лицом* (Н. Шмелев, Последний этаж).

¹² Ср. описание этого прилагательного и его синонимов в написанной автором словарной статье НЕДОВЕРЧИВЫЙ 1 в [НОСС 2004: 637—640].

Прилагательное *мнительный* имеет близкие по смыслу прилагательные *недоверчивый 1* и *подозрительный 2.1*, а прилагательное *открытый 5.1* — близкое по смыслу *доверчивый 1*.

Однако прилагательные *недоверчивый 1*, *подозрительный 2.1* и *доверчивый 1* могут описывать как свойство, постоянно присущее субъекту, так и состояние, вызванное особыми обстоятельствами. Ср. пары (77а) — (77б), (78а) — (78б) и (79а) — (79б).

(77) а) *Он давно уже замечал, что сверстники опаснее взрослых, они хитрее, недоверчивей, тогда как самонение взрослых необъяснимо связано с простодушием* (М. Горький, Жизнь Клим Самгина);

б) *Позднее она объяснила, почему была так недоверчива в тот раз: она была напугана рассказами о его похождениях.*

(78) а) *Будучи по природе вообще подозрительным человеком, он [председатель домоуправления] заключил, что разглазольствующий перед ним гражданин — лицо именно неофициальное, а пожалуй, и праздное* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита);

б) *Привратник внимательно глядывался в лица; было непонятно, почему он так подозрителен, казалось невероятным, что кто-то успел его предупредить о приезде необычных гостей.*

(79) а) *Оказывается, не только доверчивые российские обыватели, но и американцы (...) не застрахованы от мошенников, использующих простейшую махинацию, имя которой — «пирамида»* (ИТАР-ТАСС Экспресс, 1996, вып. 34);

б) *Как и каждый страдальчески мнительный человек, Андрей Антонович всякий раз бывал чрезвычайно и радостно доверчив в первую минуту выхода из неизвестности* (Ф. М. Достоевский, Бесы).

Все эти прилагательные, по-видимому, могут сочетаться с темпоральными ограничителями типа *на этот раз*, *обычно*, но лишь постольку, поскольку они могут обозначать не постоянные свойства, а временные состояния субъектов. Поэтому для этих прилагательных противопоставление фундаментальных и нефундаментальных свойств просто нерелевантно.

Существенно отметить, что представленная у этих прилагательных многозначность не соответствует закономерностям, обнаруженным для прилагательных, противопоставленных по типу способностей. У прилагательных *недоверчивый*, *подозрительный* и *доверчивый* имеются как лексемы *недоверчивый 2*, *подозрительный 2.2* и *доверчивый 2* со значением 'такой, по которому можно видеть, что субъект обладает указанным свойством', так и лексемы *недоверчивый 3*, *подозрительный 2.3* и *доверчивый 3* со значением 'такой, какого можно ожидать от людей, обладающих указанным свойством'.

(80) *Дверь (...) открыл камердинер Зотов, бывший матрос, человек лет пятидесяти, досиня бритый, с пухлым лицом развешегося монаха и недоверчивым взглядом исподлобья* (М. Горький, Жизнь Клим Самгина);

- (81) *И особенно поразил Клима чей-то серьезный, недоверчивый вопрос: — Да — был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина);
- (82) *Многие из нас помнят, каково было читать самиздатовскую ксерокопию Кастанеды в Москве, увешанной портретами черных магов из Политбюро, (...) под подозрительным и растерянным взглядом патрульного милиционера* (В. Пелевин, Последняя шутка война);
- (83) *Но если каждая еда — борьба, его хотят накормить, а не сам он требует еды, он начинает сопротивляться и постепенно это может вылиться в упрямство и подозрительное отношение к людям* (Б. Спок, Ребенок и уход за ним, пер. с англ.);
- (84) *Она, например, не могла себе представить, чтобы ей соврали; вы могли ей рассказать самую невозможную вещь — она на вас смотрела такими детскими, теплыми, доверчивыми глазами и говорила: «Это правда»?* (А. Блум, Без записок);
- (85) *Доверчивому вслушиванию открывается не только слово, но музыка, живопись — любые «слова» искусства* («Новый мир», № 3, 1998).

Аналогичным образом дело обстоит с прилагательными, входящими в синонимический ряд *легкомысленный 1, беспечный 1, несерьезный 1, ветреный 1*.

Как отмечает А. В. Птенцова в своей словарной статье в [НОСС 2004: 508—510], прилагательное *ветреный* указывает только на постоянное свойство. Это прилагательное не может сочетаться с темпоральными ограничителями.

- (86) *обычно ветреный; *на этот раз он был ветреным.

Это позволяет нам относить его к фундаментальным свойствам. Тем не менее, *ветреный* сочетается только с названиями людей и имеет только одно ментальное значение. Это отклонение, впрочем, может быть объяснено тем, что и у этого прилагательного ментальное значение не основное.

- (87) *Поразило и проникновение Пушкина в причину неудач Отрепьева: болтлив — свою великую тайну выдал ветреной полячке, прекраснодушен и совестлив, мучился из-за средств, к которым должен прибегать каждый политик* (А. Рыбаков, Дети Арбата).

Синонимичные ему прилагательные *легкомысленный 1, беспечный 1 и несерьезный 1* могут указывать как на постоянное свойство субъекта, так и на его временное состояние. Ср. пары (88а) — (88б), (89а) — (89б), (90а) — (90б).

- (88) а) *Потому что если человек умен и скупен, он не опустится до легкомыслия. А если он легкомыслен, да умен — он скупным быть себе не позволит* (Вен. Ерофеев, Москва—Петушки);
 б) *Иногда я бываю непростительно легкомысленной*;
- (89) а) *Для его племянника Костеньки, человека изначально несерьезного, кое-как учившегося по разным институтам, допрыгавшего на воле до седых волос, вдруг настал период расцвета его калейдоскопической личности* («Новый мир», № 12, 1998);

- б) *Ты сегодня какой-то несерьезный! А нам надо с этим делом покончить* (А. Маринина, Мужские игры);
- (90) а) *Ругая беспечных возчиков, которые свалили дрова как попало, крихтя и охая, бабка начала укладывать поленицу* (А. Гайдар, Тимур и его команда);
- б) *Александр Петрович вдруг подумал, что молодой лебедь потому и беспечен сейчас, что чувствует его отеческую тень* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

Как и в случае прилагательных *недоверчивый 1*, *подозрительный* и *доверчивый*, для этих прилагательных противопоставление фундаментальных и нефундаментальных способностей нерелевантно. Что же касается многозначности, то все они имеют лексемы *легкомысленный 2*, *беспечный 2*, *несерьезный 2* со значением 'такой, по которому можно видеть, что субъект обладает указанным свойством' и лексемы *легкомысленный 3*, *беспечный 3*, *несерьезный 3* со значением 'такой, какого можно ожидать от людей, обладающих данным свойством'. Ср. *беспечный* <*легкомысленный*> вид, *несерьезный тон*.

- (91) *Как раз либеральные усмешки направо по поводу несерьезности, ничтожности и мелочности этой борьбы: подумаешь, брюки!.. — и были легкомысленны, а борьба была — серьезна* (А. Битов, Пушкинский дом);
- (92) *По праздникам из села являлись стаи мальчишек; рассаживаясь по берегу реки, точно странные птицы, они молча, сосредоточенно наблюдали беспечную жизнь дачников* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В настоящей главе предпринимается попытка описать различительные смысловые признаки ментальных прилагательных и сопоставить их с теми различительными признаками, которые используются при описании других слоев ментальной лексики.

Рассмотренное в главе 1 противопоставление фундаментальных и нефундаментальных способностей является примером семантического противопоставления между прилагательными, не имеющего прямых аналогов в других частях речи. Кроме того, в разделе 1.6 первой главы было рассмотрено, на примере прилагательных, толкуемых через предикаты 'считать' и 'знать', противопоставление постоянных свойств и временных состояний.

В этой главе будут рассмотрены типы оценки, выражаемые ментальными прилагательными (раздел 2.1.), противопоставление предельных и непредельных прилагательных (раздел 2.2), типы ограничений на субъект (раздел 2.3), типы объектов интеллектуального освоения (раздел 2.4) и фактор скорости как характеристика интеллектуальной деятельности (раздел 2.5).

2.1. Типы оценки

Многие прилагательные рассматриваемой группы — типичные представители частнооценочных слов, то есть слов, в структуру значения которых оценочное значение входит наряду с дескриптивным.

Оценка, встроенная в значение прилагательного, может относиться как к обозначаемому прилагательным свойству самому по себе, так и к одному из участников ситуации, в первую очередь, к субъекту или объекту.

Ментальные прилагательные различают общую оценку и этическую оценку.

2.1.1. Оценка свойства и оценка субъекта свойства

Ментальные прилагательные, толкуемые через предикаты 'знать' и 'понимать', с точки зрения оценки свойства распределяются по двум полюсам шкалы, отражая при этом естественное наивное представление, что знать и понимать — это хорошо, а не знать или не понимать — плохо.

Оценка субъекта свойства коррелирует с оценкой свойства, но не буквально ее повторяет.

Сравним пары прилагательных *умный 1* и *мудрый 1*, с одной стороны, и *глупый 1* и *тупой 2.1*, с другой. Первая пара свойств оценивается положительно, а вторая отрицательно. Однако внутри каждой пары также имеется противопоставление, причем одно и то же в каждой паре.

Если *умный* и *глупый* указывают на оценку только свойства самого по себе, то *мудрый* и *тупой* наряду с оценкой свойства указывают и на оценку субъекта свойства.

Характеристика *мудрый* может быть применена только к такому субъекту, которого говорящий этически оценивает положительно, причем очень высоко. Высокая этическая оценка субъекта свойства *мудрый* объясняется тем, что *мудрый* — это целостная характеристика определенного типа личности, которая рассматривается не только как образец интеллектуального совершенства, но и как этический образец.

Мудрыми обычно называются люди, которым свойственны самокритичность и самоирония и совершенно чужда самоуверенность.

- (93) *Самые чуткие, самые мудрые всегда первыми чувствуют, знают, «что ничего не знают»* (Архив «Независимой газеты»).

Мудрый человек представляется как гуманный, готовый скорее смириться с тем, что он не может изменить, чем предложить жестокий способ разрешения проблем. Ср. сомнительное

- (94) *Мудрый жрец посоветовал царю истребить всех мужчин этого селения.*

Мудрый не торопится действовать, если не уверен, что его действия принесут желаемый результат.

- (95) *За Марину страшно, тревожно и в какой-то мере стыдно (...), но мудрая Пра смотрит на вещи трезво: «чары» сильнее всех возможностей разумного убеждения* (В. Швейцер, Быт и бытие Марины Цветаевой).

Характеристика *тупой*, напротив, указывает на отрицательное отношение говорящего к субъекту свойства. Это слово семантически более богато, чем *глупый*. *Тупой* отличается от *глупый* не только большей интенсивностью свойства, что отмечается во многих словарях, но и указанием на неповоротливость, инерционность ума, неспособность свернуть с раз выбранного пути, даже если изменились обстоятельства, на отсутствие чуткости и неумение уловить нюансы человеческих отношений.

- (96) *И Анатолий с тем особенным пристрастием (которое бывает у людей тупых) к умозаключению, до которого они дойдут своим умом, повторил то рассуждение, которое он раз сто повторял Долохову* (Л. Н. Толстой, Война и мир).

Характеристика *тупой* несовместима с какими-либо положительными свойствами. Так, вполне допустимо сочетание *глупый, но добрый, но сомнительно "тупой, но добрый*. Ср. также вполне естественное *Он у нас еще несмышленный, но ласковый* при практически невозможном *"Мальчик был тупой, но ласковый*.

Таким образом использование характеристики *тупой* возможно только при наличии личного эмоционального отрицательного отношения говорящего к субъекту свойства. Указанием на эмоциональное отношение говорящего к объекту характеристики *тупой* тоже отличается от *мудрый*.

Тем не менее *тупой* может использоваться для автохарактеристики. Это возможно тогда, когда говорящий раздражает самого себя. Ср. пример (97), в котором передается внутренняя речь героя, говорящего о себе в третьем лице:

- (97) *Он, наверное, груб, туп для нее, потому что не понимает, что ей нужно, и не может сделать так, чтобы она была постоянно счастлива с ним, чтобы ей уж ничего и никого не нужно было* (Ю. Казаков, Двое в декабре).

Среди рассматриваемой группы слов еще два прилагательных, *неумный* и *безмозглый*, содержат оценку субъекта свойства.

Прилагательное *неумный* указывает на ограниченность субъекта, на отсутствие у него творческих способностей. При этом подразумевается, что субъект претендует на то, чтобы считаться умным.

- (98) *И даже становится жаль ее [О. Каменеву]: живет в каких-то затверженных абстракциях, схемах, мыслях, не ею созданных; недаровитая и неумная, все-то она норовит стать в позу, сыграть какую-то непосильную роль, вылезть из кожи, прыгнуть выше головы* (В. Ходасевич, Белый коридор).

Не только само свойство, но и субъект свойства в случае *неумный* оценивается отрицательно. Это прилагательное, как и прилагательное *тупой*, употребляется только в случае отрицательного эмоционального отношения говорящего к субъекту свойства, когда субъект неприятен говорящему, раздражает его.

- (99) *Мне было бы гораздо лучше в тихом затворе больницы, чем в высокоумных клубах, кишачих неумными людьми* (Г. Честертон, Преступление Гэбриела Гейла, пер. Н. Трауберг).

Аналогичным образом дело обстоит с прилагательным *безмозглый*. Использование этого прилагательного также указывает на то, что субъект свойства раздражает говорящего.

- (100) *Нельзя было жениться на этой безмозглой и капризной кукле.*

Основное прилагательное отрицательного полюса шкалы интеллектуальных способностей, а именно слово *глупый*, неоднозначно с точки зрения оценки. В основном режиме употреблений *глупый* указывает на отрицательную оценку свойства, поэтому прилагательное *глупый* может использоваться для того, чтобы оскорбить собеседника в том числе и тогда, когда нет оснований сомневаться в его умственных способностях.

- (101) — *А я знаю, отчего ей стыдно будет,* — сказал Петя, обиженный первым замечанием Наташи, — *оттого, что она была влюблена в этого толстого с очками {...}, теперь влюблена в певца этого {...}: вот ей и стыдно.* — *Петя, ты глуп,* — сказала Наташа. — *Не глупее тебя, матушка,* — сказал десятилетний Петя (Л. Н. Толстой, Война и мир).

Глупый имеет, однако, два особых режима употребления, которые не предполагают отрицательной оценки свойства. В некоторых контекстах *глупый* относится только к одному определенному аспекту способностей: умению разбираться в человеческих отношениях, правильно оценивать людей и их отношение к себе. При этом подразумевается, что субъект либо не умеет блюсти свои интересы, хотя и не наносит вреда никому из окружающих, либо слишком скромнен.

- (102) *Отчего Анет не вышла замуж? Как вы все глупы, Messieurs, что на ней не женились. Вы меня извините, но вы ничего не понимаете в женщинах* (Л. Н. Толстой, Война и мир);
- (103) *Катя, вспоминая экзамен, говорила: — Какой ты глупый! Разве ты не чувствовал, что я и читала-то так хорошо только для тебя одного!* (И. Бунин, Митина любовь).

Второй особый режим употребления прилагательного *глупый* предполагает контекст, в котором на первый план выходит молодость и неопытность субъекта, недостаток у него знаний и навыков, а не ограниченность умственных способностей в собственном смысле слова.

- (104) *Осторожным, охотничьим шагом подкрался он [мальчик] к бабочке, сидевшей на цветке львиного зева, и попытался накрыть ее горсткой. Он был глупым неуклюжим малолетком, а бабочка — зрелой красавицей во всеоружии ума и опыта, она легко и грациозно выпорхнула из-под маленькой ладони* (Ю. Нагибин, Самый счастливый день).

В этом режиме употребления слово *глупый* сближается с прилагательным *не-мышленный*, которое не содержит отрицательной оценки.

Поскольку в особых режимах употребления отрицательная оценка свойства снимается, прилагательное *глупый* вполне допустимо в ситуации ласкового обращения:

- (105) *Я должна бы на тебя рассердиться. Глупый. Все было так, как я говорю* (А. Битов, Сад).

Свойство *умный* оценивается как утилитарно положительное. Это верно даже в том случае, когда соответствующие способности могут быть использованы во вред окружающим.

- (106) *Лучше с умным потерять, чем с дураком найти* (Пословица).

При этом этическая оценка субъекта свойства может быть как положительной, так и отрицательной.

- (107) *С первого же момента я почему-то подружился с Бомбардовым. Он произвел на меня впечатление очень умного, наблюдательного человека;*
- (108) *Мой [актера] мизерный жизненный опыт, стеснительность явно противоречили характеру этого персонажа — хищника умного, расчетливого* (Архив «Независимой газеты»).

2.1.2. ОЦЕНКА ОБЪЕКТА

Понимать или *не понимать* можно как сложные, так и простые объекты. Близкий к *понимать* глагол *постигать*, напротив, предполагает, что объект освоения сложен для понимания; этот глагол указывает на понимание сути, часто — скрытого смысла. Можно *понять*, что *Маша ушла*, но нельзя **постичь*, что *Маша ушла*.

- (109) *Постигая суть обычая, начинаешь относиться к нему без иронии чужака* (НМ, № 2, 1998);
- (110) *Проблемы постигали его (вернее, он постигал их) там, где для многих сияла лишь обманчивая ясность слова, понятия, термина* (НМ, № 3, 1998).

Указанный смысл сохраняется и в образованных от этого глагола прилагательных *постижимый* и *непостижимый*.

- (111) *И даже если Вещь постижима, чего ради он (...) должен желать, чтобы феномен утратил свои локоны, зеркало, маску и обратился в лысый ноумен* (В. Набоков, Bend Sinister, пер. С. Ильина).
- (112) *Если два зеркала, поставленные друг против друга, уже распахивают непостижимую для ума бесконечность, что ж говорить о необозримом сонмище зеркал, окружающих человека, да еще и взаимно отражающих друг друга* (М. Кураев, Зеркало Монтачки).

Прилагательные *непонятный* и *непостижимый* не выражают отрицательной оценки объекта интеллектуального освоения. Между тем два других прилагатель-

ных, близких по смыслу к *непонятный*, а именно *заумный* и *невразумительный*, указывают на отрицательную утилитарную оценку объекта.

Дело в том, что эти прилагательные употребляются тогда, когда непонимание вызвано в первую очередь формой высказываний или текстов. При этом их содержание может быть и очень простым.

- (113) *Я замечала: чем больше человек знает, тем проще и понятнее говорит. Самые заумные доклады делают невежды* (Кетлинская, БАС);
- (114) *Секретарь усадил дуэнью в кресло, (...) несколько раз поклонился и пробормотал что-то невразумительное, но о смысле просьбы, в общем, можно было догадаться* (Б. Акунин, Пиковый валет).

При использовании обоих этих синонимов может подразумеваться, что недостаточно ясная форма выбрана автором информационного объекта либо преднамеренно — чтобы скрыть истинный смысл или затушевать отсутствие смысла, либо же непреднамеренно — из-за неумения выражать свои мысли. Ср. пары (115а) — (115б) и (116а) — (116б), противопоставленные по признаку преднамеренности / непреднамеренности.

- (115) а) *Часть авангардистов, как ни странно, протестовала против демонстрации «заумной» ленты Бюньюэля и Дали* (Уппсальский корпус);
- б) *Самые интересные и изящные научные результаты сплошь и рядом обладают свойством казаться непосвященным заумными и тоскливо-непонятными* (А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу);
- (116) а) *Я понял, что Бомбардов еще не привык ко мне, стесняется меня. Это было ясно по этому невразумительному ответу* (М. Булгаков, Театральный роман);
- б) *Мне случилось на страницах литературного приложения к выходившей тогда в Париже газете Керенского «Дни» написать что-то, вероятно, невразумительное, но что-то, где говорилось об автобиографичности этого первого и единственного бунинского романа* (А. Бахрах, Бунин в халате).

Отрицательно тексты или высказывания подобного рода оцениваются в обоих случаях.

2.1.3. НАРЕЧИЯ ТИПА *СЛИШКОМ* И ОЦЕНКА

Для лексикографической характеристики многих ментальных прилагательных существен контекст наречий типа *слишком*, *излишне*. Е. М. Вольф отмечает, что наречие *слишком* меняет положительную оценку на отрицательную, а отрицательную оценку интенсифицирует; по ее мнению, это связано с несимметричностью оценки [Вольф 1985: 19—21].

Мы не можем согласиться с этим утверждением. Наречие *слишком* имеет два типа употребления, *излишне* — один, но ни в одном из этих случаев оценка свойства не меняется.

Рассмотрим конструкции вида *слишком А, чтобы Р*.

(117) *Она слишком умна, чтобы обижаться по пустякам;*

(118) *Он слишком глуп (туп), чтобы понять этот намек.*

Наречие *слишком* здесь можно истолковать следующим образом.

Слишком А, чтобы Р \approx 'свойство А имеет место в такой высокой степени, что это делает невозможным, чтобы имело место Р'.

Следовательно, *слишком* в подобных случаях не меняет положительную или отрицательную оценку свойства. В этой конструкции может быть употреблено практически любое прилагательное, независимо от содержащейся в нем оценки.

(119) *Он слишком мудр, чтобы давать такие советы;*

(120) *Он слишком глубокий поэт, чтобы иметь коммерческий успех.*

У этого наречия есть другое значение, представленное, например, во фразе *Она слишком умна*.

В таких контекстах *слишком* оказывается синонимом наречия *излишне*, которое не может употребляться в конструкции с *чтобы*; ср.

(121) *Она излишне умна.*

Излишне (слишком 2) А \approx 'А в такой степени, что это не может быть правильным или хорошим.'

В этом случае также нельзя сказать, что использование наречия влияет на оценку свойства. Оценка свойства сохраняется, а наречие само по себе оценивает его избыток.

С наречиями *излишне* и *слишком 2* сочетаются далеко не все прилагательные. Если говорить о ментальных прилагательных, то невозможны в этих контекстах все слова, обозначающие отрицательно оцениваемые свойства. Так, неприемлемы сочетания **излишне глупый*, **излишне тупой*, **излишне несообразительный*.

Нельзя сказать, однако, что эти наречия вообще не сочетаются с названиями отрицательно оцениваемых свойств. Так, вполне приемлемо *Он был излишне грубым*; ср. также

(122) *Клеменца был человеком смелым, но недостаточно осторожным и излишне жестоким (несмотря на показную веселость)* (М. Пьюзо, Крестный отец, пер. с англ.).

Для ментальных прилагательных, расположенных в положительно оцениваемой части шкалы, этот контекст также уместен в разной степени.

Вполне свободно сочетаются с *излишне* прилагательные *умный, предусмотрительный, рассудительный, трезвый, благоразумный*. Во всех этих случаях в целом положительное свойство признается неуместным, поскольку оно слишком интенсивно выражено.

Можно выделить несколько типов ситуаций, когда высокая степень положительного свойства может оцениваться отрицательно.

1) Хорошего слишком много:

- (123) *Становилось совершенно нестерпимо топтаться в хороводе излишне и утомительно умных* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

2) Хорошее свойство становится обременительным для окружающих. Так, свойство *предусмотрительный* с утилитарной точки зрения оценивается положительно. Однако, поскольку *предусмотрительный* человек всегда помнит о возможных затруднениях и, быть может, обременяет не только себя, но и других заботами по подготовке к затруднениям, которые не обязательно должны наступить, в некоторых случаях это свойство может раздражать окружающих и оцениваться как чрезмерное и излишнее:

- (124) *Ты излишне предусмотрителен: зачем нужно было нести с собой воду, когда здесь ручей недалеко.*

Неоднозначно может оцениваться и свойство *быть благоразумным*. Даже и без наречий *излишне* и *слишком* это прилагательное употребляется не только в положительных контекстах.

- (125) *Но наступает предел, когда уже не хочется, когда уже противно быть благоразумным кроликом. (...) Когда хочется крикнуть: «Да будьте вы прокляты, уж стреляйте поскорей!»* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Назвать кого-либо *излишне благоразумным* значит обвинить человека в трусости и эгоизме.

3) Положительное свойство влечет отрицательные последствия для самого субъекта. Например, если рассудительность понимается в первую очередь как поведение безопасное, исключающее для субъекта всякий риск, то она может оцениваться отрицательно как свойство, мешающее субъекту жить полной жизнью:

- (126) *Вы угрюмы и излишне рассудительны, боитесь отдаться порыву и все думаете о последствиях.*

Прилагательное *любопытный* 1, оценочно нейтральное, также свободно сочетается с наречиями *слишком* 2 и *излишне*.

- (127) *Честное слово, вы слишком любопытны! Нельзя быть таким Отелло!* (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок).

Гораздо труднее подставить в контекст наречий *слишком* 2 и *излишне* прилагательные *сообразительный*, *смекалистый*, *понятливый*, *догадливый*, *находчивый* 1, *толковый* 2, *разумный* 2.1, *здравомыслящий*, а также все прилагательные, толкуемые через предикат 'знать', кроме *любопытный*. Если это и возможно, то только при сильной поддержке контекста, причем *излишне* накладывает более строгие ограничения, чем *слишком*. Ср., например:

- (128) *Он слишком ('излишне) понятлив для той роли, которую мы ему отвели.*

Наконец, совсем невозможны в сочетании с *излишне* и *слишком* 2 прилагательные, указывающие на однозначно положительную оценку не только свойства, но и субъекта свойства. Ср. **излишне мудрый* (**нытливый, *дальновидный*).

Таким образом, степень сочетаемости с наречиями *слишком* 2 и *излишне* зависит от степени положительной оценки интеллектуального свойства.

2.2. ПРЕДЕЛЬНОСТЬ / НЕПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Обсуждая понятие нетривиального семантического признака в первой главе, мы упоминали введенный Ю. Д. Апресяном в работах [Апресян 1968, Апресян 1972 и Апресян 1974: 65—68] на материале параметрических прилагательных типа *высокий — низкий, короткий — длинный*, а также прилагательных цвета и формы признаков предельности/непредельности. Предельным называется прилагательное, обозначающее такое градуируемое свойство, которое имеет максимальную степень (предел) [Апресян 1995а: 44].

Описывая сочетаемость прилагательных с интенсификатором *совсем*, Ю. Д. Апресян отмечает у параметрических прилагательных четкую корреляцию: если прилагательное указывает на малый полюс шкалы, то оно является предельным, если на большой — непредельным. Ср. *совсем низкий, совсем короткий, совсем мелкий*, но не **совсем высокий, *совсем длинный, *совсем глубокий*.

Непредельными оказываются либо прилагательные, обозначающие неградуируемые свойства, либо прилагательные, обозначающие градуируемое свойство, не имеющее максимальной степени.

Тот факт, что предельными оказываются прилагательные, указывающие на малый полюс шкалы, позволяет Ю. Д. Апресяну сделать важные выводы о специфике наивной геометрии. [Апресян 1995а: 44—47].

Противопоставление по предельности/непредельности различает и ментальные прилагательные. Для них естественнее использовать в качестве теста сочетаемость с несколькими наречиями, указывающими на полноту признака, а именно: *совсем, совершенно, абсолютно*. (Эти наречия используют Ю. Д. Апресян, Е. М. Вольф в работе [Вольф 1985] и И. Червенкова в работе [Червенкова 1975]).

Среди ментальных прилагательных, характеризующих интеллектуальные способности и свойства людей, предельными являются прилагательные, обозначающие отрицательно оцениваемые свойства. То есть, с точки зрения наивной картины мира, степень знания и понимания может увеличиваться до бесконечности, а степень незнания и непонимания имеет естественный предел — когда субъект не знает или не понимает ничего. Поэтому невозможны сочетания **совсем умный, *совсем дальновидный, *совсем опытный, *совсем любопытный*. А сочетания с их антонимами совершенно естественны.

(129) *Читая древнюю историю новым студентам, еще совсем глупеньким, шумным и невнимательным, он останавливал речь, дожидаясь, пока они опознают мотив тишины, и тупал их зловещей улыбкой, когда это случалось* (А. Кузнецова, Рассказы);

- (130) *Мы с ней разъезжали в продолжение двух туманных лет с перерывами, и невозможно вообразить другую такую славную, наивную, нежную, совершенно безмозглую Риточку!* (В. Набоков, Лолита);
- (131) *Этому совершенно тупому работяге придётся язык полубразованности, которого ему никак бы не освоить: «мой предмет», «благодарим за вашу приятность»; «всякому насекомому жить хочется» — о жене* (А. Солженицын, Окунаясь в Чехова);
- (132) *Кто взял в театр эту актрису? Совсем бестолковая!* (В. Рецептер, Ностальгия по Японии).
- (133) *Однако несмотря на всю кажущуюся внешнюю отмороженность, назвать «казанцев» совершенно недальновидными или неумными было бы категорически неверно* (А. Константинов, Бандитский Петербург);
- (134) *Шучу, шучу, это такая шутка, а ты уж решил, что я совсем необразованный* (А. Дмитриев, Закрытая книга);
- (135) *Порою (...) сталкивался он с какой-нибудь розовой шляпкой и, смутившись, извинялся; коварная розовая шляпка сердилась, потом заглядывала ему под картуз и, пройдя несколько шагов, оборачивалась, как будто ожидая вторичного извинения; напрасно! молодой чиновник был совершенно недогадлив!* (М. Ю. Лермонтов, Княгиня Лиговская);
- (136) *Для совсем недогадливых по тексту рассыпаны опознавательные приметы: настойчиво поминаются седые усы и высокий рост, значимо введен «некруглый» возраст героя* (НМ, № 10, 1998);
- (137) *Странно, что люди даже с высшим образованием совершенно невежественны в медицинских вопросах* (В. Белов, Воспитание по доктору Споку);
- (138) *Так и случилось, что хотя ей было уже ближе к сорока, чем к тридцати, во всем, что касается любви, она оставалась совершенно неопытной* (Т. де Лоо, Жертвоприношение, пер. И. Канакина).

Прилагательное *неглупый*, в отличие от близких к нему прилагательных, обозначающих положительно оцениваемые свойства, сочетается с наречием *совсем*.

- (139) *Ведь неглупый же совсем молодой человек, совсем неглупый* (В. Аксенов, Ожог).

Эта особенность предсказуема и объясняется его принадлежностью к классу прилагательных неострого контраста. Е. Кржижкова в работе [Кржижкова 1974], исследуя сочетаемость прилагательных с наречиями, выделяет такие прилагательные (*неглупый, немалый, недурной*) в особую группу, отмечая два их особых свойства: они не образуют степеней сравнения и сочетаются с наречием *совсем*, но не с наречием *совершенно* [Кржижкова 1974: 127—137].

В соответствии с приведенным выше определением предельности прилагательные неострого контраста не могут считаться предельными, поскольку обозначают неградуируемые свойства.

Не укладывается в схему распределения предельных и непредельных прилагательных сочетаемое поведение лексем *разумный 2.1, рассудительный, здравомыслящий, трезвый 3.1, благоразумный*. Обозначая положительно оцениваемые градуируемые свойства, они, тем не менее, могут сочетаться с наречием *совершенно*, то есть должны быть признаны предельными. С наречием *совсем* они сочетаться не могут.

- (140) *Проводница оборудовала ей [курице] гнездо за унитазом, кормила и поила ее и, развлекаясь, разговаривала с этим, по утверждению тети Тоси, совершенно разумным существом* (В. Астафьев, Курица — не птица);
- (141) *Он человек совершенно здравомыслящий (трезвый) и не может увлекаться спиритизмом*.

И напротив, антонимы прилагательных этой группы *неразумный* и *неблагоразумный* предельными не являются; ср. неприемлемые сочетания **совсем* {**совершенно*} *неразумный* {*неблагоразумный*}¹³.

Таким образом, ментальные прилагательные, характеризующие интеллектуальные способности субъекта, подтверждают, что признак предельности разводит в разные классы антонимы. С точки зрения наивной психологии шкала интеллектуальных свойств несимметрична и имеет предел только с одной стороны.

Что же касается прилагательных, характеризующих свойства интеллектуально постигаемого объекта, то все они являются предельными, за исключением прилагательного *постижимый*, которое не допускает градуирования (ср. невозможное **совсем* {**совершенно*} *постижимый*).

- (142) *Наше поколение уже не может ощутить чеховское время, как нечто совершенно понятное и органически цельное* (К. Паустовский, Дядя Гиляй);
- (143) *Мне была совершенно ясна бессмыслица гартвиговских авантур, но иные интеллигенты, и в особенности дамы с воспаленным воображением, были от них без ума* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги);
- (144) *Ни один из них не сидел на месте, а все они находились в состоянии беспокойного движения, непосвященному человеку совершенно непонятного* (М. Булгаков, Театральный роман);
- (145) *В какие причудливые, горожанам ну совсем непонятные, формы выливается эта любовь, которую принято называть «настоящая»!* (Ю. Визбор, Альтернатива вершины Ключ);
- (146) *Далее оно (дело Мандельштама) пересматривалось в 55 году, но осталось совершенно темным, и я надеюсь, что оно будет пересматриваться еще не раз* (Н. Мандельштам, Воспоминания).

¹³ Лексема *неразумный 2* с метонимическим значением 'такой, какого можно ожидать от людей, обладающих указанным свойством' является предельной; ср. *Откровенно говоря, план был совсем неразумный, даже если бы случилось невозможное и просьба дошла бы до ушей какого-нибудь чиновника* (Ф. Кафка, Замок, пер. Р. Райт-Ковалевой).

2.3. СВОЙСТВА СУБЪЕКТА

2.3.1. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕК — ЖИВОТНОЕ

Типовой субъект прилагательных интеллектуальной деятельности — человек. Это сближает их с другими предикатами интеллектуальной деятельности и интеллектуального состояния. В наивной картине мира интеллект — это нечто, присущее в первую очередь человеку, хотя в ряде случаев им могут обладать и некоторые животные. В то же время некоторые специфические проявления интеллекта могут относиться исключительно к человеку. Так, в качестве субъекта при глаголе *знать* могут выступать высшие животные, а при глаголах мнения в качестве субъекта может выступать только человек (Апресян 1993, Апресян 1995а). Поскольку в толкованиях рассматриваемых прилагательных ключевое место занимают предикаты *понимать*, *знать*, *уметь* и др., в качестве субъекта которых может выступать не только человек, естественно ожидать того же и от этих прилагательных.

Действительно, интеллектуальные свойства могут приписываться животным (причем разным видам животных — в разной степени) и даже неодушевленным предметам. Однако во многих подобных случаях мы имеем дело с метафорическим переносом. Полное лексикографическое описание должно ответить в этой связи на два вопроса: 1) Какие прилагательные могут быть применены к субъекту — не человеку неметафорически? 2) Для каких прилагательных характерны метафорические употребления?

Границу между метафорическим и неметафорическим употреблением провести в ряде случаев трудно. Отчетливых критериев нет. В своем представлении о метафорических употреблениях мы следуем, в основном, работе [Вежицкая 1990], предлагающей следующую экспликацию метафоры: '(Думая об...) — можно сказать, что это не ..., а ...'. Например: *Спит земля* = '(Думая о земле) — можно сказать, что это не земля, а живое существо, которое спит'. [Вежицкая 1990: 144—146].

Основное прилагательное, характеризующее интеллектуальные способности — *умный* — применяется к высшим животным и птицам без каких-либо ограничений. Нет оснований считать эти употребления метафорическими. Содержание характеристики *умный* в применении к животным не вполне совпадает с содержанием этой же характеристики, применяемой к человеку. На этом основании МАС выделяет особое подзначение внутри первого значения вокабулы *умный*: «Сообразительный, понятливый (о животных)» [МАС 1988: 493].

Мы сочли нецелесообразным усматривать в словосочетаниях типа *умная собака* особое значение. Прилагательное *умный* имеет очень широкое значение, которое во многих случаях модифицируется, сужается контекстом. В частности, и в применении к человеку прилагательное *умный* в некоторых случаях может указывать практически на те же свойства, что и при характеристике животных. Поэтому модификация значения при употреблении прилагательного *умный* для характеристики животных не является исключением. Ср. показательный пример из публицистики, отражающий расхожее представление об уме:

- (147) *Особенности интеллектуальной активности также глубоко индивидуальны: всякий человек, про которого вообще можно сказать, что он умен, умен на свой собственный лад* (Уппсальский корпус).

Нужно заметить, кроме того, что выделение аналогичного значения у антонимичного прилагательного *глупый*, которое также широко применяется по отношению к животным, уже не нашло бы поддержки в лексикографической традиции.

Прилагательное *умный* в применении к людям может указывать на очень разные проявления ума: на умение размышлять и анализировать, понимать суть вещей и правильно оценивать ситуацию. Назвать человека *умным* можно как на основании наблюдения за его правильным бытовым поведением, его умением блюсти свои интересы, так и в случае, когда у него имеются серьезные интеллектуальные достижения, доступные немногим.

- (148) *Однако умные люди на то и умны, чтобы разбираться в запутанных вещах* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Ср. также словосочетания типа *умный и дальновидный политик*.

- (149) *Но княгиня Бетси (...), как умная хозяйка, тотчас же навела его на серьезный разговор об общей воинской повинности* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина);
- (150) *А Тальберг-то, оказывается, умный, вовремя уехал* (М. Булгаков, Белая гвардия);
- (151) *Он [Бунин] был на редкость умен. Но ум его с гораздо большей очевидностью обнаруживался в суждениях о людях и о том, что несколько расплывчато можно назвать жизнью, чем в области отвлеченных логических построений* (Г. Адамович, Бунин. Воспоминания).

Когда же речь идет о животных или птицах, прилагательное *умный* указывает на более специфическую и ограниченную разновидность ума: способность правильно действовать в сложных ситуациях, избегать опасности, легко обучаться, а для домашних животных, кроме того, — хорошо понимать людей, чувствовать их настроение.

- (152) *Несомненно, эти умные птицы [вороны] делили, так сказать, сферу своего влияния. В каждой деревне жила определенная группа* (В. Белов, Рассказы о всякой живности);
- (153) *Потому умная кошка крысу задавит, а есть не станет* (М. Веллер, Байки скорой помощи);
- (154) *Наша Зорька [корова] была умная, но иногда что-то на нее находило и она убежала за речку к Каменухе или еще дальше — в излози* (А. Чудаков, Ложится мгла на старые ступени).

Прилагательное *глупый* также имеет широкое значение при референции к людям, а в сочетании с названиями животных и птиц его значение несколько модифицируется, причем сходным с *умный* образом. *Глупый* указывает в этих случаях на пониженную способность к адаптации или на неумение взаимодействовать с человеком.

- (155) *Хрисан Андреевич знал отлично, что глупый, отбившийся баран небольшой тары, да еще если без собаки, уведет стадо невесть куда — только проморгай, засни от усталости* (Г. Тропольский, Белый Бим черное ухо);
- (156) *Существует ходячее мнение, будто бы кошки не приживаются к человеку и будто бы они глупы. <...> Не стоит искать в животных маленького, расхожего ума. За таким умом лучше ходить просто в гости, потому что и самый глупый из наших знакомых все-таки умнее самой умной собаки* (В. Ходасевич, Младенчество).

Итак, два основных прилагательных, характеризующих умственные способности, применяются для описания свойств животных благодаря своему широкому значению.

Еще два прилагательных рассматриваемой группы, имеющих более узкое значение, также могут быть применены к животным и птицам. Это прилагательные *смышлелый*, *несмышлелый*. Эти слова имеют то общее свойство, что они описывают способности как природный дар, который нельзя сознательно развить ни образованием, ни тренировкой, и который не связан с культурой и цивилизацией.

Смышлелый и *несмышлелый* применяются в основном к детям, характеризуют специфически детские свойства. Сближение качеств детского ума и ума животных вполне ожидаемо, кроме того, отношение к животным как к детям также вполне естественно. Поэтому *смышлелый* используется для характеристики либо детенышей животных, либо мелких, подвижных, проявляющих активный интерес к окружающему животных и птиц, а *несмышлелый* — преимущественно к детенышам.

- (157) *Он долго приглядывался к обитателям корзины — хотел выбрать самого смышлелого щенка;*
- (158) *Смышлелые и храбрые воробьи первыми побороли страх и пристроились к новой кормушке* («Охота», № 4, 1997);
- (159) *Морские свинки — смышлелые зверьки, хорошо размножающиеся в неволе* (Реклама);
- (160) *Несмышлелый птенец подполз к самому краю и едва не вывалился из гнезда.*

Что же касается прочих прилагательных, характеризующих интеллектуальные способности субъекта, то они применяются к животным лишь окказионально и метафорически.

Среди них выделяется лишь прилагательное *мудрый*, которое применяется к животным достаточно часто, хотя используется при этом метафорически. Это прилагательное, как и прилагательные *смышлелый* и *несмышлелый*, описывает способность как природный дар, который нельзя сознательно развить ни образованием, ни тренировкой, и который не связан с культурой и цивилизацией.

Мудрый указывает, в частности на то, что люди, обладающие этим свойством, несуетливы, живут в гармонии с миром, в состоянии внутреннего покоя и потому

склонны скорее к созерцательности, чем к постоянной энергичной деятельности. Поэтому мудрыми обычно называют животных, которых легко представить себе находящимися в неподвижности, не делающими ничего лишнего, спокойно созерцающими окружающий мир.

- (161) *Кошки не любят снисходить до проявления мелкой сообразительности. Они не тем заняты. Они не умны, они мудры, что совсем не одно и то же* (В. Ходасевич, Младенчество);
- (162) *Ночами работаете лучше; недаром самые мудрые птицы, совы, ведут ночной образ жизни.*

В применении к неодушевленным предметам все слова рассматриваемой группы могут быть употреблены только метафорически. Наиболее характерны такие употребления для прилагательных *умный* и *мудрый*; ср. такие расхожие метафоры, как *умные машины*, *мудрая природа* и т. п.

2.3.2. ВОЗРАСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СУБЪЕКТА

Для семантических противопоставлений в кругу рассматриваемых прилагательных оказались важными два параметра, определяющие статус субъекта, — возраст и социальное положение.

По этим признакам наиболее отчетливо противопоставлены другим прилагательным лексемы *мудрый*, *умудренный* и *смышленный*.

Мудрый — природное свойство, но *мудрыми* не рождаются, а становятся. Как следствие этого, свойство быть *мудрым* связывается в наивном представлении, как правило, со зрелым возрастом.

- (163) *У некоторых людей с такого временного подчинения начинается страшный процесс охлаждения, и это хорошо знают мудрые старики* (В. Дудинцев, Белые одежды);
- (164) *Обстоятельный и консервативный Павел Васильевич Жерехов, хоть и был моложе Гордеева, играл при нем роль мудрого дедушки, бдительно следящего, чтобы не в меру резвый внучек не упал в пруд, не лазал через заборы и не играл со спичками* (А. Маринина, Стечение обстоятельств).

Ср. неприемлемые или явно иронически звучащие сочетания ^{??}*мудрая девушка*; ^{??}*мудрый молодой человек*.

Примечательно, однако, что свойство быть *мудрым*, тем не менее, может быть приписано ребенку. В таких случаях подчеркивается, что это свойство не приобретается за счет сознательных усилий, не дается образованием или накоплением жизненного опыта, а как бы даруется свыше.

- (165) *Потом из будущего я возвращался в настоящее и опять с тоской думал, что ты [маленький сын] мудрее меня, что ты знаешь нечто такое, что и я знал когда-то, а теперь забыл, забыл...* (Ю. Казаков, Во сне ты горько плакал).

Свойство *умудренный*, напротив, приобретает с накоплением жизненного опыта. Поэтому это прилагательное может характеризовать исключительно лиц зрелого возраста.

- (166) *И как занятно сейчас — пожилому и умудренному — рассматривать «Записную книжку штурмана» тех времен, которую я вел согласно правилам штурманской службы, но не совсем по правилам* (В. Конецкий, Невезучий Альфонс).

Прилагательное *смышленный* имеет два режима употребления. В основном режиме употребления это прилагательное характеризует детей и подростков. Оно указывает на живость ума, любознательность и инициативность, наблюдательность; субъект легко разбирается в запутанных ситуациях, хорошо понимает то, что ему говорят или объясняют, восприимчив и легко обучается.

- (167) *Факты доказывают, что огромное большинство детей, которые почти не разговаривают до 3 лет, отличаются нормальным умственным развитием или даже оказываются необычайно смышлеными* (Б. Спок, Ребенок и уход за ним, пер. с англ.);
- (168) *Он отметил кучку смышленных студентов в первом ряду, они охотно отвечали на вопросы, и было видно, что предмет их интересует всерьез.*

Во втором режиме *смышленный* используется для характеристики взрослых людей. При этом говорящий как бы смотрит на характеризуемого субъекта сверху вниз. Это прилагательное чаще используется по отношению к людям, занимающим положение помощников и подчиненных говорящего.

- (169) *Мне нужна секретарша расторопная и смышленная, чтобы не надо было все объяснять по нескольку раз.*

В этом случае к уже описанным свойствам обычно прибавляется еще одно: хитрость, способность действовать в своих интересах, применяя не вполне законные или осуждаемые социумом методы.

- (170) *Появился смышленный старшина Мачен, который под всякими предлогами выудил у нас немало денег* (Н. Рерих, Сердце Азии);
- (171) *Позволяют ли существующие на сегодняшний день технологии говорить о какой-либо банковской тайне, или же любой смышленный программист, вооружившись парой имеющихся на компьютерном рынке разработок, сможет эту тайну раскрыть?* (МН, 30.04.95).

2.4. ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ

Для прилагательных, характеризующих объект интеллектуального освоения, существенно противопоставление сути и формы.

Пары *понятный* и *ясный*, с одной стороны, и *непонятный* и *неясный*, с другой, — близкие синонимы. Основная разница между ними сводится к рассматри-

ваемому противопоставлению, хотя есть и некоторые другие отличия, нарушающие симметрию между антонимическими парами.

Когда речь идет о понимании жизни, людей, мыслей, которое возникает либо в результате сознательных усилий субъекта, либо в результате объяснений, либо как следствие интуитивного озарения, догадки, *понятный* указывает на понимание сути характеризуемого объекта, на проникновение в его основные, наиболее существенные свойства.

- (172) *Образные представления человека об аде гораздо более развиты, дифференцированы и детальны, чем о рае. (...) Ад нам как бы понятен* (А. Битов, Птицы, или Новые сведения о человеке);
- (173) *Цель всех пояснений, которые может сделать по поводу художественного произведения любой специалист, — объяснить читателю его смысл и значение, сделать понятным* (Ю. Лотман, Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий).

Характеризуя речь, прилагательное *понятный* может указывать на то, что форма изложения выбрана хорошо.

- (174) *Речь его была очень понятной, образной.*

В современном языке этот круг употреблений свойствен почти исключительно прилагательному *понятный*, но еще в XIX веке в подобных случаях употреблялось и прилагательное *внятный*.

- (175) *Язык для всех равно чужой / И внятный каждому, как совесть* (Ф. И. Тютчев, Бессонница).

Если слово *понятный* указывает на то, что объект уже понят или может быть в принципе понят ценой некоторых усилий, то прилагательное *ясный* указывает на то, что объект понимается без затруднений, он как бы хорошо виден.

- (176) *Алфавитный порядок не совсем тверд в уме: мне не совсем ясен тот закоулок, где ять, твердый знак и мягкий знак играют с буквой «ы» в прятки* (Н. Берберова, Курсив мой);
- (177) *«Садись!» — очень ясная команда, но если ты арестант начинающий, ты ее еще не понимаешь* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ);
- (178) *Он буквально сметал врагов — доводами точными, ясными, без всякой грубости или злобы* (Б. Зайцев, Юлий Айхенвальд).

Подобно прилагательному *понятный* слово *непонятный*, когда речь идет о понимании явлений жизни, людей, мыслей, указывает на невозможность или трудность понимания сути характеризуемого объекта, невозможность проникнуть в его основные, наиболее существенные свойства.

- (179) *Прежде, чем рассказать о ней, надо коснуться того, что зовется духом эпохи. История Нины Петровской без этого непонятна, а то и не занимательна* (В. Ходасевич, Конец Ренаты);

- (180) *Что же делать, если великая традиция русского покаяния им непонятна и смешна?* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Во втором круге употреблений, а именно при характеристике речи, прилагательное *непонятный* может указывать и на неудовлетворительную форму, мешающую пониманию.

- (181) *Ему, видимо, не хотелось объяснять свое опоздание, потому что он забормотал нечто непонятное.*

Таким образом, фразы типа *Его слова стали совсем непонятны*; *Его речь стала совсем непонятной* неоднозначны: непонятно было либо содержание того, что говорилось, либо форма.

Прилагательное *неясный* обычно указывает на то, что субъект восприятия не может представить себе в расчлененном виде общую картину ситуации, установить причинно-следственные связи между событиями. По этому признаку *неясный* противопоставляется наиболее близкому к нему синониму *непонятный*.

- (182) *Тут надо рассказать о некоторых событиях, которые произошли накануне. Без этого история героя останется для нас неясной.*

Речь в тексте (182) может идти не о понимании сути истории, а исключительно о том, что сама канва событий не восстанавливается без дополнительной информации. Ср. также (183), где сведения об обстоятельствах исчезновения недостаточны и не позволяют составить целостную картину:

- (183) *Он исчез сейчас же после установления Советской власти в Семиречье при обстоятельствах неясных и загадочных* (Ю. Домбровский, Хранитель древностей).

Кроме того, если какой-то информационный объект характеризуется как *неясный*, то, как правило, его можно понять по-разному, предложить альтернативные истолкования.

- (184) *Я вас защищал изо всех сил и показал ваш письменный ответ в две строки, как документ в вашу пользу. Но и сам должен был сознаться, перечитав теперь, что эти две строчки неясны и вводят в обман* (Ф. М. Достоевский, Бесы).

Замена *неясный* на *непонятный* в таком контексте невозможна, а из текста *Эти две строчки непонятны* следует скорее, что данный информационный объект не допускает никакого истолкования.

Близкие по смыслу к *понятный* и *непонятный* прилагательные *постижимый*, *непостижимый*, *доступный* и *недоступный* с точки зрения противопоставления сути и формы примыкают к прилагательному *понятный* и указывают на понимание или невозможность понимания сути.

- (185) *Только с помощью веры постижим один из основных догматов христианства — идея Троицы;*

- (186) *Однажды я поехал в Среднюю Азию, в Самарканд; я сгорал от желания увидеть бирюзовые купола и непостижимые орнаменты разных медресе и минаретов* (И. Бродский, *Меньше единицы*, пер. В. Гольшера).

Отметим, что невозможность логически понять суть объекта несколько не исключает того, что объект сам по себе может быть вполне доступен пониманию.

Прилагательное *внятный*, а также *невразумительный* и *заумный*, напротив, указывают на то, что непонимание вызвано в первую очередь формой объектов, их суть при этом может быть и очень проста.

- (187) *Пусть человек несовершенное, противоречивое, иррациональное существо, но он верит, что есть другой, идеальный мир, в котором жизнь строится по внятным, правильным законам* (П. Вайль, А. Генис, Американа).

Прилагательное *темный* описывает трудную для понимания суть объекта восприятия.

- (188) *Так ли хорошо ты всю себя знаешь? Человеческая, в особенности женская, природа так темна и противоречива!* (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*).

Если же оно относится к информационным объектам, то *темный* описывает одновременно и сложную суть объекта восприятия, и недостаточно ясную форму, в которой он нам представлен.

- (189) *Смысл последней фразы доныне остается темен, как в логическом, так и в грамматическом отношении* (А. С. Пушкин, Отрывок из литературных летописей).

2.5. ФАКТОР СКОРОСТИ

Для характеристики интеллектуальных способностей важно не только то, способен ли субъект понять что-либо в принципе, но и скорость понимания.

Прилагательные *сообразительный*, *смекалистый*, *понятливый*, *догадливый*, *находчивый* / указывают на то, что субъект принимает решение довольно быстро. Неестественными выглядят примеры, где скорость интеллектуальной деятельности прямо отрицается. Ср. не вполне приемлемое (190а) при вполне удовлетворительном (190б)

- (190) а) ?? *Сообразительный мальчик долго рассматривал головоломку и наконец сумел высвободить нужное кольцо.*
 б) *Смышленный мальчик долго рассматривал головоломку и наконец сумел высвободить нужное кольцо.*

Ср. также типичное употребление прилагательного *понятливый*:

- (191) *Ваня такой понятливый мальчик, в три раза запомнил главные города в Европе, и Илья Ильич обещал (...) подарить ему маленький глобус* (И. А. Гончаров, *Обломов*).

Для того, чтобы запомнить названия городов, не нужна особая способность к пониманию, но естественно назвать *понятливым* ученика, который запомнил быстро.

Среди этих прилагательных выделяется, однако, прилагательное *находчивый*, для которого фактор скорости особенно существен.

Прилагательное *находчивый* указывает на умение характеризуемого субъекта внимательно следить за изменением ситуации и быстро придумать, что именно надо сделать или сказать в случае затруднений.

- (192) *И тут мэр города [у которого загадочным образом исчезли ботинки во время банкета] показал себя умным и находчивым человеком. Прижав ладонь к груди, он тихо выговорил: — Что-то мне нехорошо. Я на минуточку прилягу...* (С. Довлатов, Чемодан).

При этом слово *находчивый* характеризует именно немедленные реакции субъекта.

- (193) *Александр Лившиц хорош на публике и на бумаге, он мягкий, но находчивый полемист, совершенно лишенный комиссарского духа* («Сегодня», 18.01.96).

Если у субъекта есть время на размышления, уместнее употребить прилагательные *сообразительный* или *смекалистый*.

- (194) *На следующий день сообразительный (смекалистый, ?находчивый) охотник поставил капкан прямо у входа в сарай.*

Тот факт, что *находчивый* характеризует способность реагировать немедленно, делает его особенно уместным при описании ситуации разговора: именно в этом случае ценится умение не только быстро понять ситуацию, но и быстро отреагировать.

- (195) *Словить на слове его не удавалось. На самые провокаторские вопросы он давал резкий отпор. Был остроумен и находчив* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

На противоположном конце шкалы скорости располагаются прилагательные *тупой* и *бестолковый*.

Прилагательное *тупой* указывает на медлительность субъекта, слабую и замедленную реакцию на внешние раздражители. Сложное *тупой* не поймет во все, но и самые простые, доступные его пониманию вещи дойдут до него не сразу.

- (196) *Очень ядовито описан сын очаровательной дамы, тупой малый, поглощенный интересом к шоколаду, неповоротливый и равнодушный.*

Прилагательное *бестолковый*, напротив, указывает на суетливость и связывается в большинстве случаев с излишней подвижностью, непоседливостью. *Бестолковый* плохо понимает ситуацию, но реагирует быстро, хотя и неправильным, нецелесообразным образом.

- (197) *Турбин прикрикнул на него, и Малышев ушел в дуло пушки и сменился Николкой, сутливым, бестолковым и глупым в своем упрямстве* (М. Булгаков, Белая гвардия).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе представлены результаты систематического исследования русских ментальных прилагательных. Показано, что многие семантические свойства прилагательных диктуются семантикой предиката, занимающего вершинную позицию в его толковании. Предложены толкования основных групп ментальных прилагательных.

Рассмотрены основные семантические противопоставления, организующие эту лексическую группу. Оказалось, что для многих ментальных прилагательных релевантно противопоставление фундаментальных и нефундаментальных способностей. Это противопоставление представляет собой нетривиальный семантический признак, влияющий на сочетаемость прилагательных с темпоральными ограничителями, а также предопределяющий в значительной степени структуру их многозначности.

Рассмотрена регулярная многозначность, характерная для прилагательных, обозначающих фундаментальные способности, предложены схемы толкований для метонимических значений.

Исследованы типы оценки, встроенной в значение ментальных прилагательных: оценка свойства, оценка субъекта свойства и оценка объекта интеллектуального освоения.

Показано, что противопоставление по предельности/непредельности различает и ментальные прилагательные. Делается вывод, что с точки зрения наивной психологии степень знания и понимания может увеличиваться до бесконечности, а другой конец шкалы имеет естественный предел.

Рассмотрены ограничения на субъект ментальных прилагательных. Показано, что эти ограничения лишь частично мотивированы семантикой глагола, занимающего вершинное место в толковании прилагательного.

Описано основное семантическое противопоставление, различающее прилагательные, характеризующие объект интеллектуального освоения: противопоставление сути и формы.

Часть шестая

Языковая модель понимания

Одной из наиболее важных и сложно устроенных систем внутреннего мира человека, отраженных в языковой картине мира (см. о них подробно [Апресян 1995а: 355 и сл.]), является мышление, включающее в себя, в частности, знание, понимание, мнение, веру и память. Лексика, служащая для описания этих и других элементов мышления, необычайно разнообразна и во многом метафорична: сложные концепты, отражающие различные стороны функционирования интеллекта человека, выражаются языком через посредство более простых физических понятий. Кроме того, мышление тесно смыкается с другими системами, из которых складывается человек, — с физическим восприятием (куда входят зрение, слух, обоняние, вкус, осязание), физиологическими состояниями (голод, жажда, боль и т. п.) и более всего с эмоциями. Это особенно касается лексики понимания¹.

Мы сделали попытку разобраться во внутреннем устройстве лексики понимания и определить ее место в кругу ментальных предикатов и — шире — среди всей лексики, описывающей внутренний мир человека. Конкретнее, наши основные задачи: (1) описание лексики понимания в русском языке, (2) определение места понимания среди других элементов мышления и внутреннего мира человека в целом, описание сходств и различий между ними и (3) выделение различительных семантических признаков, которые могут быть использованы при описании лексики мышления в целом.

¹ При работе над данной частью монографии использовался материал диссертационной работы автора на соискание степени канд. филол. наук, защищенной в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, и статей [Иомдин Б. 1999а, Иомдин Б. 1999б, Иомдин Б. 2000, Иомдин Б. 2002, Иомдин Б. 2003, Иомдин Б. 2004а, Иомдин Б. 2004б, Иомдин Б. 2004в, Иомдин Б. 2004г, Иомдин Б. 2005].

В широком смысле, в лексику понимания входят слова, описывающие по крайней мере следующие сущности:

а) Ментальное состояние понимания (глагол *понимать* и его синонимы: *осознавать, сознать, видеть, постигать, уяснить, уразуметь, догадаться, сообразить, смекнуть, додуматься, дойти, угадать, разгадать, отгадать, уловить, схватить, осмыслить*, разг. *кумекать, сечь*, разг.-сниж. *дотумкать, допереть, раскусить, расчухать*, сленг *догнать, въехать, усечь, врубиться, рубить* и др.) и его отсутствие (*недоумевать, запутаться, растеряться, сленг тупить*).

б) Начало такого состояния (глаголы *осенить, озарить*, междометия *А!, О!, Э! Ага!, Эге!*, сигнализирующие о наступлении понимания).

в) Возможность такого состояния (адвербиальные наречия *ясно, понятно, доходчиво, вразумительно, доступно, популярно* и др.).

г) Каузация и ликвидация такого состояния (*объяснять, разъяснять, втолковывать, вбивать, давать понять, намекать* и др. и их антонимы — *озадачивать, запутывать, сбивать с толку, водить за нос* и др.).

д) Ментальные способности экспериенсера такого состояния, или субъекта понимания (*понятливость, сообразительность, смекалка, догадливость, находчивость, проницательность, прозорливость, интуиция, чутье, нюх* и др. и их антонимы — *несообразительность, недогадливость, тупость, глупость, бестолковость* и др.).

е) Свойства объектов понимания (*понятный, внятный, доступный, постижимый, ясный, прозрачный* и их антонимы — *малопонятный, непонятный, невнятный* и др.).

Ниже будут подробно описаны слова, находящиеся в центре семантического поля понимания, и подробнее всего — глагол *понимать*. Описанию его семантической структуры и ее внутреннего устройства, лексикографическим толкованиям всех его лексем, сведениям об управлении, сочетаемости, аспектуальных свойствах, синонимах, аналогах и других близких лексемах посвящена существенная часть Главы 1. В Главе 2, посвященной метафорам понимания, перечислены возможные осмысления ситуации понимания, описаны соответствующие им метафоры и проиллюстрированы выражающие их лексические единицы. В Главе 3 описана лексика иррационального понимания и междометия догадки (восклицания, сопровождающие мыслительный процесс, сигнализирующие о его успешности и выражающие определенные эмоции). Одна из важных целей этой главы — продемонстрировать связь понимания с другими элементами внутреннего мира человека.

ГЛАВА 1. СЕМАНТИКА ПОНИМАНИЯ

1.1. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОНИМАНИЯ

1.1.1. ПОНИМАНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ

Понимание, его внутреннее устройство, механизмы и проявления привлекали внимание множества исследователей — прежде всего философов, психологов и лингвистов, но также и представителей естественных наук².

В конце XIX — начале XX века изучение проблем понимания оформилось в отдельную область знания — герменевтику (от греч. *hermēneutikē technē* ‘истолковательное искусство’). В герменевтике исследуются сходства и различия процедур анализа текста: знание VS. познание; познание VS. понимание; понимание части VS. понимание целого; понимание VS. объяснение; вера VS. понимание. Представители герменевтики рассматривают понимание как целенаправленную деятельность по осмыслению текстов, основывающуюся на системе ценностей человека, и противопоставляют его познанию как постижению объективной реальности. «Понять и познать — вот два основных смысловых узла герменевтического анализа. Понять — значит овладеть смыслами предметов, их отношений, оценить, подвести под какую-либо ценность, определить истинность. Познать — значит приобрести некоторое знание, выражающее реальное, истинное положение вещей, отношения “Я” и внешнего мира, внешнего и внутреннего опыта. Знание же представляет собой отражение, своеобразный аналог действительности в сознании человека» [Герменевтический анализ 1988: 50]. При этом в герменевтике принято считать, что для понимания необходимо наличие некоторого первоначального знания, которое Ф. Шлейермахер называет «минимальным предзнанием» или «предпониманием». Что касается собственно механизма понимания, то предлагается считать, что понимание осуществляется благодаря интуиции и происходит мгновенно, как «прыжок в герменевтический круг» (по В. Дильтею, «схватывание», по М. Хайдеггеру — «проект», выход за рамки данного смысла). См. подробнее о герменевтике в работах [Dilthey 1883; Heidegger 1953; Schleiermacher 1959; Chisholm 1957, 1966, 1979; Gadamer 1975; Ricolur 1988; Verstehen 1996; Герменевтика 1985; Герменевтический анализ 1988; Лукин 1993; Богин 2001].

Интересные и важные мысли об устройстве человеческого понимания (в частности, понимания речи и текстов) содержатся в работах М. М. Бахтина. Среди типов понимания М. М. Бахтин выделяет понимание языка знаков, то есть овладение определенной знаковой системой (например, естественным языком), и понимание художественного произведения, отмечая при этом, что весьма трудно

² Так, А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, В. Пауль, Д. Бом, Э. Шредингер и другие крупнейшие ученые занимались вопросами понимания и иногда даже посвящали этим проблемам специальные работы; см., например, [Гейзенберг 1971].

провести четкие границы между различными видами понимания, которые переходят друг в друга; см. [Бахтин 1986: 306]. М. М. Бахтин также выделяет несколько стадий (актов) понимания (оговариваясь, что «в действительном реальном, конкретном понимании они неразрывно слиты в единый процесс понимания, но каждый отдельный акт имеет идеальную смысловую (содержательную) самостоятельность»):

1. Психофизиологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы).

2. «Узнание» знака (как знакомого или незнакомого). Понимание его значения в языке.

3. Понимание значения знака в данном контексте (ближайшем и более далеком).

4. Активно-диалогическое понимание, включение в диалогический контекст [Бахтин 1986: 381].

М. М. Бахтин также подчеркивает значимость оценки при понимании: «Безоценочное понимание невозможно. Нельзя разделить понимание и оценку: они одновременны и составляют единый целостный акт. (...) Понимающий не должен исключать возможности изменения или даже отказа от своих уже готовых точек зрения и позиций. В акте понимания происходит борьба, в результате которой происходит взаимное изменение и обогащение» [Бахтин 1986: 366].

Ситуация понимания текстов также исследуется в работе [Мартемьянов 1964]. Ю. С. Мартемьянов отметил, что термин «понять» (в применении к текстам) может иметь два смысла: а) сопоставить тексту — как особому сложному знаку — лежащую за ним ситуацию действительности. Этот смысл имеется в виду, например, когда спрашивают: «Что значит это (незнакомое) слово?»; б) сопоставить уже выявленным из текста голым фактам ситуации — их место в некоторой более широкой картине действительности, указать на связи их с определенной системой более глубоких представлений о той же действительности. Этот другой смысл иллюстрируется вопросами: «К чему бы это?», «Что из этого?», «Как все это (прикажете) понимать?» [Мартемьянов 1964: 125—126]. В этой работе также описывается процедура понимания, состоящая, по мнению Ю. С. Мартемьянова, из нескольких сложных операций: «Сущность этих операций сводится к тому, чтобы: а) построить все возможные цепочки предположений по поводу как самого воспринимаемого события, так и его следствий; б) отметить все следствия, «существенные для души», и с) представлять их, поочередно, в качестве внутреннего образа («желания» или «опасения»), вызывающего «нарушение равновесия» души. После чего, для «восстановления равновесия», включается аппарат ситуации «реагирования» [Мартемьянов 1964: 133].

Множество работ современных специалистов по философии, логике, искусственному интеллекту, прикладной лингвистике, лингвистике текста, когнитивной лингвистике, психолингвистике также посвящены проблеме понимания язы-

ковых сообщений. Эти работы различаются представлениями о том, что лежит в основе понимания текстов и как протекает этот сложный процесс, а также выделением различных типов понимания. Подробный критический обзор исследований по проблеме понимания языковых сообщений можно найти в работах [Залевская 1988; Нишанов 1990; Баранов, Сергеев 1991; Знаков 1994; Васильев 1999].

Изучением механизмов понимания как компонента мыслительной деятельности человека, прицельным исследованием его внутреннего устройства занимались специалисты в области психологии — Б. Г. Афанасьев, А. А. Брудный, А. Н. Леонтьев, И. Ли, С. А. Рубинштейн, С. Фессенден и др. Подробный разбор психологических исследований понимания можно найти, в частности, в работах [Гусев, Тульчинский 1985; Залевская 1988; Ищенко 1995].

Впрочем, следует учитывать, что, по утверждению самих психологов, «нет психологического процесса более важного и в то же время более трудного для понимания, чем понимание, и нигде научная психология не разочаровала в большей степени тех, кто обращался к ней за помощью» [Миллер 1968: 266]. Можно думать, что при изучении понимания, как и других элементов внутреннего мира человека, который до сих пор изучен очень мало, стоит обратить внимание на язык. Заложенные в нем наивные представления о нашем внутреннем мире «отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [Апресян 1995а: 351]. Наша работа, не претендуя на описание явления понимания как такового, имеет целью исследование языковых представлений о нем. В соответствии с этой задачей, бегло очертив круг исследований, посвященных различным аспектам проблемы понимания, перейдем к обзору собственно лингвистических работ о понимании, существенных для нашей темы.

1.1.2. ПОНИМАНИЕ КАК ЯЗЫКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Мы обратились прежде всего к данным толковых словарей, которые выделяют у глагола *понимать* и соответствующих ему глаголов других языков самое различное количество лексем. Так, словарь [Oxford 1989] описывает целых 35 значений глагола *understand*, включая редкие, несобственные и устаревшие значения. Другие английские словари, ориентированные на более современные употребления, например, [Random House 2001], также выделяют у этого глагола не один десяток лексем. С другой стороны, большой словарь французского языка [Le Robert 1985] выделяет у глагола *comprendre* всего четыре лексемы, связанные с пониманием, а Большой академический словарь русского языка [БАС] постулирует у глагола *понимать* всего три ментальные лексемы (при этом выделяя среди них по несколько подзначений). Наконец, Малый академический словарь русского языка [МАС], если объединить статьи *понимать* и *понять*, постулирует у этого глагола пять лексем, также выделяя среди них подзначения.

На наш взгляд, существующие лексикографические описания не вполне адекватно отражают структуру вокабул *understand*, *comprendre* и *понимать*.

Так, в статье толкового словаря английского языка [Random House 2001] значения 3 и 8 глагола *understand* ((3) 'to assign a meaning to; interpret': *I am at a loss to understand your rudeness. He understood her suggestion as a complaint* ['приписывать значение, интерпретировать': *Я теряюсь в догадках — ваша грубость мне непонятна; Он понял ее предложение как жалобу*] и (8) 'to construe in a particular way': *You are to understand the phrase literally* ['интерпретировать определенным образом': *Вам надлежит понимать эту фразу буквально*]), вероятно, должны быть объединены. Во всяком случае, употребления типа *understand as a complaint* и *understand literally* явно принадлежат к одной лексеме; ср. возможность их сочетания в одной фразе: *I understood this phrase literally and not as a hint* [Я понял эту фразу буквально, а не как намек]. К тому же они толкуются через близкие синонимы *interpret* и *construe* 'истолковывать, интерпретировать'.

Словарь [Le Robert 1985] также относит к разным значениям близкие употребления. Ср. *comprendre la musique moderne, la peinture abstraite* [понимать современную музыку, абстрактную живопись] — подзначение 'savoir apprécier' [уметь оценить], входящее в значение 1 'percevoir le sens de (un message, un système de signes)' [воспринимать смысл (сообщения, знаковой системы)], однако *comprendre l'art* [понимать искусство] — значение 4 'avoir une connaissance intuitive, une compréhension de (qqch. ou qqn)' [обладать интуитивным знанием (чего-л. или кого-л.)].

Напротив, [БАС] объединяет в одно значение такие различные употребления, как, например, *понимать, что Земля вращается вокруг Солнца* и *понимать по-французски*. Между тем легко видеть, что эти употребления характеризуются:

а) разными моделями управления;

б) разными аспектуальными свойствами (*понимать по-французски* употребляется только в НЕСОВ, а *понимать, что* — в обеих видовых формах);

в) разной сочетаемостью, ср. характерное *Он смутно (постепенно, мгновенно; умом, сердцем) понимал, что был не прав, Он неплохо (недурно, еле-еле) понимал по-французски* VS. невозможное **Он смутно (постепенно, мгновенно; умом, сердцем) понимал по-французски, *Он неплохо (недурно, еле-еле) понимал, что был не прав*;

г) разными синонимами и аналогами, ср. *Он сознавал (осознавал; видел; чувствовал, ощущал), что неправ* VS. *Он разумел (говорил, объяснялся, изъяснялся, прост. умел, прост. знал) по-французски*;

д) наличием / отсутствием субстантивного деривата: существительное *понимание* характеризует только первое из этих значений *понимать*, ср. *Изменить решение Юлю заставило понимание того, что она ошиблась, но не *Хорошее понимание по-французски было основной причиной того, что Сашу взяли на работу*.

Наиболее близким к истине нам представляется описание в [МАС], однако и оно несовершенно. Так, употребления типа *неправильно понять кого-л.* (ср. *Вы пишете, что я просила Вас быть искренним? Вы меня неверно поняли, Костя*), по [МАС], иллюстрируют первое (основное) значение глагола *понять*, истолкованное как 'уяснить себе, разуть смысл, сущность, содержание чего-л., постичь что-л.', с примерами: *Понять ход решения задачи; Из текста доктор не понял ни одного слова*. Однако такие употребления, как *понять неправильно*, представляют собой отдельную лексему (выделяемую, в частности, процитированными выше английскими толковыми словарями). Эта лексема должна быть истолкована через другой *genus proximum* — предикат 'интерпретировать', который сводится не к 'знать', как в первом случае, а к 'считать', и имеет другую модель управления (*Х понял А как В*); ср. *Полицейский понял его кивок как сигнал к действию; Я понял вас правильно (верно; по-другому, не так, иначе)*. Кроме того, эта лексема имеет другие синонимы и аналоги (*толковать, интерпретировать, трактовать*, в противоположность *уяснять, осознавать*), а также характеризуется особыми коммуникативными и просодическими свойствами: в отличие от первой, эта лексема тяготеет к теме предложения и не может нести на себе фразовое ударение; ср. *Он понял вас ↓правильно* VS. *Он ↓понял, что был неправ*. Подробнее см. ниже в разделе 1.3.2.1.

Таким образом, даже наиболее авторитетные толковые словари не дают полного и адекватного лексикографического описания глагола *понимать*. Обратимся теперь к немногим специальным исследованиям по семантике русского языка, затрагивающим эту тему³.

Механизмам понимания и употреблению глагола *понимать* посвящена статья М. А. Дмитривской. В работе [Дмитровская 1985] у глагола *понимать* выделяется три блока значений (называемых видами понимания): а) понимание как пропозициональное достижение; б) понимание как уяснение; в) понимание объяснения.

Первый, основной, блок у М. А. Дмитривской включает пять значений: 1. 'правильное истолкование некоторых данных опыта, являющихся признаками других событий или явлений', 2. 'анализ ситуации', 3. 'осознание психических процессов самого субъекта', 4. 'вчувствование (идентификация психического состояния других)' и 5. 'накопление определенных знаний и жизненного опыта'. Второй и третий блоки М. А. Дмитривская не разделяет на отдельные лексемы, указывая лишь, что уяснение всегда требует ментального усилия, а объяснение

³ С 28 февраля по 1 марта 2005 г. в Москве проходила Международная конференция «Понимание в коммуникации. 2005». Многие доклады на этой конференции были посвящены языковым аспектам понимания и его семантике. К сожалению, мы уже не имели возможности в полной мере учесть эти результаты, однако отметим, что во многих работах содержатся наблюдения, сходные с нашими; ср., в частности, [Зализняк Анна 2005; Демянков 2005; Мустайоки 2005].

предполагает связь с определенной коммуникативной ситуацией: *Ты мне объяснил, и я понял.*

На наш взгляд, такое деление на значения основано скорее на прагматических различиях возможных ситуаций понимания, чем на анализе употреблений глагола *понимать* и его семантических и сочетаемостных свойств. Так, можно показать, что употребления типа *понять сердцем* (интуитивно и т. п.), которые М. А. Дмитриевская относит к четвертому значению в первом блоке, на самом деле далеко не всегда описывают идентификацию чьего-то психического состояния и встречаются также в других выделяемых в статье ситуациях понимания (таких, как «правильное истолкование некоторых данных опыта», «анализ ситуации», «накопление определенных знаний»). Ср. *Это было равносильно отказу от обработки металла многолезвийным инструментом. Ученые интуитивно понимали, что к успеху такой путь не приведет* (Уппсальский корпус) [правильное истолкование данных опыта]; *Она задремала — и вдруг, как от толчка, очнулась. Было самое глухое время — она поняла это своим безумно колотившимся сердцем* (И. Бунин, Суходол) [анализ ситуации]; *Теперь я вижу, что все это время мою душу формировали не только книги. (...) Сегодня я уже в состоянии понимать иногда не только абстрактно, холодным умом, но и самым сердцем все еще непростую для меня истину: созидательно лишь то, что движется любовью* (Е. Елизаров, Реквием) [накопление определенных знаний].

С другой стороны, некоторые употребления глагола *понимать* трудно отнести к какому-либо из выделяемых в работе М. А. Дмитриевской видов понимания. Ср. *понимать по-французски, понимать под X-ом искомую величину, хорошо понимать в слесарном деле* и т. д. Однако в этой работе содержится много очень ценных наблюдений, которые мы используем в дальнейшем описании.

Если работа М. А. Дмитриевской представляет собой чисто теоретическое исследование, то одной из первых попыток современного лексикографического описания глагола *понимать* является словарная статья, написанная для Толково-комбинаторного словаря русского языка И. М. Богуславским [Богуславский 1984]. В этой статье у *понимать* выделяется шесть лексем и приводятся их толкования, снабженные иллюстрациями:

1. *X понимает Y* = 'То, что X обработал или обычно обрабатывает компонентом своей психики W, обычно — разумом, факты, связанные с Y-ом, каузировало то, что X (α) имеет или (β) начинает иметь в своем сознании истинную информацию Z о существенных свойствах Y-а': *Разумом я понимаю его мотивы, но согласиться с ними не могу; Вы понимаете, что Иван прилетает уже в следующий вторник; Я совершенно не понимаю этот текст.*

2. *X понимает Y* = 'X понимает I мотивы действий Y или действий лица Y и считает², что у Y-а есть основания для таких действий': *Понимать — это уже любить; Я его просто не понимаю.*

3. *Х понимает Y как Z* = 'То, что X обработал разумом факты, связанные с Y-ом, каузировало то, что X считает², что существенным свойством Y-а является быть Z-ом': *Его выходку я понимаю как вызов.*

4. *Х понимает по-Y+ски* = 'X способен понимать 1 тексты, обычно устные, на языке Y, а именно — восприняв эти тексты, получать информацию об их смысле': *Ксения прекрасно владела турецким и хорошо понимала по-гречески.*

5. *Х понимает под Z-ом Y* = 'Употребляя имя Z, X считает², что Z имеет значение Y или придает Z значение Y': *Под функцией мы понимаем тройку множеств; Привязанностей, дружбы, любви, как понимал их Пьер, Каратаев не имел никаких (Л. Толстой).*

6. *Х понимает в Y-е* = 'X имеет практический опыт I.1 в сфере Y и знает существенные свойства объектов этой сферы, что позволяет X-у тонко различать эти объекты': *Он понимает в лошадях; Я в такой музыке ни фига не понимаю, просто ни в зуб ногой.*

Очевидно, что в этой статье учтены приведенные выше недостатки традиционных лексикографических описаний. Тем не менее структура значений глагола *понимать*, предлагаемая И. М. Богуславским, на наш взгляд, нуждается в некотором уточнении.

Прежде всего, Ю. Д. Апресян, в целом принимая схему И. М. Богуславского, выделил в качестве отдельной лексемы пропозициональное понимание, представленное в конструкциях с дополнительными придаточными предложениями (*понимать, что* ⟨где, почему, ...⟩ *P*), а также некоторыми существительными-именами ситуаций (ср. *понимать необходимость разлуки*) [Апресян 1995а: 414]. О различии пропозиционального и непропозиционального понимания идет речь и в работе М. А. Дмитривской, где говорится, в частности: «...о пропозициональной природе понимания трудно говорить в случаях *понимать музыку/искусство*. Прямая объектная конструкция здесь первична и зачастую единственно возможна. Подобное понимание имеет вневременной характер и не ассоциируется со значением результата: **Я понял музыку*» [Дмитровская 1985: 105]. Мы принимаем такое разделение.

Пропозициональному пониманию до сих пор уделялось меньше всего внимания в литературе. Между тем именно эти употребления глагола *понимать* для современного русского языка являются центральными; более того, по нашим данным, именно они наиболее частотны. Вполне естественно поэтому, что лексема *понимать I.1*, как будет показано видно ниже, характеризуется разнообразием способов реализации валентностей, наиболее широкой сочетаемостью и самым большим набором точных и приблизительных синонимов и аналогов.

Ю. Д. Апресян в указанной работе предлагает для пропозиционального понимания следующее толкование: *А понимает, что Q* = 'В момент t_0 А знает или представляет, что Q; это знание или представление возникло в результате того, что

до t_0 А знал что-то о ситуациях, связанных с Q, и думал о чем-то, связанном с Q; знание, что Q, делает возможным знать или представить то, что может произойти после t_0 '.

В это толкование заложена идея «трижды знания»: (1) В момент t_0 А знает или представляет, что Q (знание о настоящем); (2) До t_0 А знал что-то о ситуациях, связанных с Q (знание о прошлом); (3) А знает или представляет, что может произойти после t_0 (знание о будущем).

Принимая это толкование пропозиционального *понимать*, мы предлагаем включить в него эксплицитное указание на основание для понимания и ввести в толкование лексемы *понимать* соответствующую переменную. О том, что этот компонент является одним из актантов *понимать*, на наш взгляд, говорит наличие в русском языке специальных средств для выражения этого значения — конструкций с предлогами *из* и *по*, наречий *инстинктивно*, *интуитивно* и т. п., творительного падежа; ср. *понимать из* чьего-л. объяснения (сообщения, рассказа), *понимать по* голосу (выражению лица, запаху, характерному кашлю, поведению), *понимать умом* (сознанием, сердцем, душой). Эти конструкции указывают на то, что основанием для понимания могут быть не только имеющиеся у субъекта знания или работа мысли, но и что-то иное: чьи-то слова (понимание объяснения), работа органов чувств (понимание-восприятие) и др. Ср. *После этих слов Лека неожиданно понял, что случилось какое-то несчастье* (А. Лиханов, Крутые горы); *И только присмотревшись, я понял, что вижу через глазок свою вторую жену* (А. Кабаков, Последний герой); *Митя проследил за взглядом, уставился на свои ладони и понял, что они больше не светятся в темноте* (В. Пелевин, Жизнь насекомых); *По выражению лица Лидии Григорьевны Саша понял, что она сейчас откажется* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Под ногами зашумела трава, я понял, что сошел с тропы* (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура).

В толковании Ю. Д. Апресяна основанием для понимания Q считается то, что «субъект знал что-то о ситуациях, связанных с Q, и думал о чем-то, связанном с Q». Однако знание или размышление о прошлом, вообще говоря, необязательны для понимания, которое может прийти без какой-либо ретроспекции, мгновенно; ср. *Змей, подняв стакан для тоста, смотрит вокруг и понимает вдруг, что любит эту малую свою родину, он любит эти до сучочков и царапин знакомые серые доски, любит эти шаткие перила лестницы* (А. Слаповский, День денег); *Андрей отдрал его руки от своей куртки, недоуменно наморщился и вдруг понял, что слышит ритмично повторяющийся стук стали о сталь, стук, который и до этого раздавался все время, но не доходил до сознания* (В. Пелевин, Желтая стрела).

Часто источник такого понимания неизвестен ни субъекту понимания, ни говорящему, о чем говорят такие употребления, как *почему-то понять*; ср. *В ту секунду, когда женщина вытащила руку из кармана пиджака, точнее, на полсекунды раньше, я почему-то все понял* (А. Кабаков, Последний герой); *Она идет как по струночке, ни на кого не смотрит, и почему-то я сразу понял, что это она меня ищет* (А. и Б. Стругацкие, Пикник на обочине); *Я затравленно огляделся, снова*

встретился взглядом с усатым человеком в черной гимнастике и вдруг каким-то образом понял, что он все знает про гибель фон Эрнена (В. Пелевин, Чапаев и Пустота). Такие примеры описывают ситуацию, близкую к иррациональному пониманию (см. раздел 3.1).

При описании семантики глаголов понимания оказывается необходимым учитывать не только особенности их моделей управления, но и нетривиальные семантические различия между членами видовой пары. Ср. «нетривиальные различия глаголов несов. вида в русском языке достаточно разнородны и различны для разных глаголов, поэтому указание только на перфективный коррелят, как правило, не позволяет составить правильного представления о семантике этих глаголов» [Булыгина, Шмелев 1989: 32]. В цитируемой работе рассматриваются, в частности, нетривиальные аспектуальные значения глаголов *понимать* и *понять*. Некоторые примеры, приводимые в данной работе, мы бы интерпретировали иначе (см. ниже в разделе 1.3.1.1.1), однако мы всецело согласны с тем, что «отсутствие в словарях подробных сведений об аспектуальном поведении ментальных глаголов воспринимается как неполнота словарной статьи, искажающая представление об их семантике» [Булыгина, Шмелев 1989: 53]. Особенности соотношения форм совершенного и несовершенного вида в видовой паре *понять/понимать* отмечает в своей книге и М. Я. Гловинская, указывая, что глагол *понимать*, в принципе отнесенный ею к четвертому типу видового противопоставления (быть в состоянии — начать быть в состоянии и быть в нем), «содержит указание не только на то, что человек знает нечто, имеет в сознании истинную информацию, но и на причину возникновения этого знания, т. е. и в форме НСВ в каком-то виде содержит идею начала» [Гловинская 2001: 112]. См. также работы [Зализняк Анна, Шмелев 2000; Падучева 1993].

С учетом вышеприведенных результатов и на основе обширного языкового материала мы предлагаем лексикографическое описание всех лексем глагола *понимать*: толкования, сведения об управлении, сочетаемости, аспектуальных свойствах, синонимах, аналогах и других близких лексемах, в соответствии с концепцией Интегрального словаря, предложенной Ю. Д. Апресяном; см. настоящую монографию, а также более ранние работы [Семиотика и информатика 32; Апресян 1995а, 1995в; Апресян и др. 1995; НОСС 2004]. В предлагаемом описании мы также пытаемся проследить семантические связи между разными лексемами *понимать* и проиллюстрировать их заслуживающими обсуждения промежуточными примерами, отнесение которых к той или иной лексеме может вызывать вопросы.

Подчеркнем, что описание глагола *понимать* представляет для нас интерес в первую очередь в качестве демонстрации языкового представления о понимании.

1.3. *Понимать*: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Можно заметить, что в основе всех рассмотренных толкований разных значений глагола *понимать* лежит всего два основополагающих смысла: это смыслы

‘знать’ и ‘считать’. Скажем, из шести вышеприведенных толкований И. М. Богуславского три — первое, четвертое и шестое — основаны на смысле ‘знать’, а три остальных — второе, третье и пятое — на ‘считать’. Можно показать, что к этим двум смыслам сводится и большинство других его толкований *понимать*.

Так, ‘получить информацию’ \approx ‘начать знать’, ‘разбираться в X-е’ \approx ‘знать факты, составляющие существенные свойства X-а’, ‘оценить X’ \approx ‘начать знать, что X хорош’ [ср. толкование глагола *оценить* в МАС: понять, признать достоинства, положительные качества, ценность и т. п.], ‘осознавать значение X-а’ \approx ‘знать, что X важен’, ‘интерпретировать X как Y’ \approx ‘считать, что X есть Y’.

В соответствии со сказанным, мы предлагаем выделить у глагола *понимать* два блока значений и будем толковать лексемы первого блока через *знать*, а второго — через *считать*.

Структуру полисемии глагола *понимать* мы представляем следующим образом:

1. ОСОЗНАВАТЬ (понимание-знание)

- 1.1 ‘осознавать положение дел’: *Понимаю, что ты прав; Мы оба понимали необходимость нашей встречи;*
- 1.2 ‘осознавать смысл’: *Он понимает мои слова;*
- 1.3 ‘владеть языком’: *плохо понимать по-немецки;*
- 1.4 ‘разбираться’: *хорошо понимать в военном деле;*
- 1.5 ‘сочувствовать’: *Меня никто не понимает;*
- 1.6 ‘знай!’ (разг., эмоц.-усил.): *Пойми, я должен был так поступить!*
- 1.7 ‘слышишь?’ (разг.-сниж., эмоц.-усил.): *Нельзя, понял?*

2. СЧИТАТЬ (понимание-мнение)

- 2.1 ‘интерпретировать’: *Вы не так поняли мой жест;*
- 2.2 ‘считать’: *Лингвисты понимают язык по-разному;*
- 2.3 ‘подразумевать’: *Под X-ом автор понимает искомую величину.*

1.3.1. ПОНИМАНИЕ-ЗНАНИЕ

1.3.1.1. Понимать 1.1 ‘осознавать положение дел’

А из X-а \langle по X-у, X-ом \rangle понимает Р [Из его слов \langle по его глазам, сердцем \rangle я понимал, что он ее любит] = ‘Человек А знает или представляет ситуацию Р; это знание или представление возникло на основании X-а (того, что А знает, думает, воспринимает или ощущает) и дает А возможность знать или представлять возможное развитие событий’.

1.3.1.1.1. Особенности управления и сочетаемости

Наряду с названиями человека, *понимать 1.1* допускает также употребления, в которых в роли с у б ъ е к т а понимания (А) выступают названия групп людей и животных; ср. *Многие образованные люди понимали, что крепостничество изжило себя* (С. Сыров, Страницы истории); *За предыдущие два года у нас народ понял одну вещь. Что власть как таковая — это неплохо* (Архив «Независимой газеты»); *А собака, поняв, что я заснула, тоже лезла и самым наглым образом спала у меня на голове* (М. Цветаева, Из дневника); *Козел оказался способным учеником. На третий день он понял, что от него требуется* (В. Белов, Рассказы о всякой живности).

Валентность с о д е р ж а н и я понимания (Р) при *понимать 1.1* может выражаться несколькими способами.

а) что + ПРЕДЛ: *Через две минуты Коля понял в первый раз за три месяца супружеской жизни, что любимая женщина любит морковные, картофельные и гороховые сосиски гораздо меньше, чем он* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев); *Он не понимает, что Шариков для него более грозная опасность, чем для меня* (М. Булгаков, Собачье сердце).

б) ПРЕДЛ: *Понял я: больше песен не петь. Понял я: дольше снов не смотреть* (В. Высоцкий); *Увидев Легавого, я понял — сейчас или никогда! Я сделаю это!.. Или перестану себя уважать...* (С. Довлатов, Наши); *Страшно жарко, — поняла она только теперь* (Б. Пастернак, Детство Люверс).

в) ВОПРОС + ПРЕДЛ: *Потирая висок, в котором от адской утренней боли осталось только тупое, немного ноющее воспоминание, прокуратор все силился понять, в чем причина его душевных мучений* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); — *Я, Вадик, наверное, уеду, — вдруг сказал он (...) — Куда? — глупо спросил я, потому что понимал, куда он собрался уезжать* (С. Иванов, Марш авиаторов); *Раскольников с удивлением посмотрел на него, не понимая, откуда он явился, и не помня его в толпе* (Ф. М. Достоевский, Преступление и наказание); *Хуже всего было то, что мы сами не понимали, отчего нам плохо* (В. Инбер, Смерть луны); *Я понимаю, почему эти людишки прибежали сюда на цыпочках* (Е. Шварц, Дракон); — *Вы не понимаете, что вы делаете!* — кричал больной, задыхаясь (В. М. Гаршин, Красный цветок); *Как выразить на английском его гениальные языковые «погрешности»? Как, скажем, перевести вот эту реплику: «Понимаешь, кого ты обидел? Ты единоутробного дядю обидел!»* (С. Довлатов, Переводные картинки); *Нюра все так же плакала, и Чонкин не понял, слышала она его или нет* (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

г) ВИН: *Легко понять ваши мотивы; Он понял истину, что первый встречный / Нам больше брат, чем близкие по крови* (М. Волошин, Кулак); *И тут же я понял еще одну вещь. Вернее, не понял, а почувствовал. А еще точнее — заподозрил*

(А. и Б. Стругацкие, Жук в муравейнике); *Я многое понял в тот миг сокровенный, / Но страшную клятву мою не нарушу* (Н. Гумилев, Маскарад).

В работах Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева отмечалось, что у *понимать* в стативном значении ограничена способность подчинять косвенный вопрос (при этом *понять* сочетается с разными типами косвенно-вопросительных придаточных гораздо свободнее, чем его имперфективный коррелят). Это свойство Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев объясняют тем, что событие *понять*, непосредственно следуя за состоянием «не понимать», «наследует свойства игноративных предикатов, в частности и в отношении способности сочетаться с косвенными вопросами» [Булыгина, Шмелев 1989: 42]⁴. Так, высказывания типа *Я понимаю, где он живет* (*где он прячет деньги, куда они уехали*); *Она понимает, кто это вчера звонил* (в цитированной работе отмечены звездочкой как абсолютно неправильные вне отрицания или контекста, указывающего на смену состояния «непонимания» состоянием «понимания») [Булыгина, Шмелев 1989: 42].

Действительно, *понимать* 1.1 чаще сочетается с косвенным вопросом при наличии отрицания или в вопросительной модальности, однако это не исключено и в иных случаях. Ср. *Я понимаю, куда ты клонишь* (*в чем тут дело*); *Брежнев отлично понимал, где находятся рычаги власти, и потому поспешил назначить «своего» человека на пост министра внутренних дел* (Г. Арбатов, Человек Системы); *Ему было лет шесть, но это был мальчик военного времени, он понимал, куда ведут русского солдата, и смотрел на него с ужасом* (Г. Бакланов, Южнее главного удара); *Киска, кыш, ко мне пришли... Понимаешь — кто и понимаешь — зачем* (Г. Щербакова, Ёкэлэмэнэ...). *На меня зашикали: все понимали, о чем идет речь, и требовали, чтобы я не мешал удовольствию* (В. Ходасевич, Брюсов). Как кажется, такие употребления возможны в случаях, если речь идет о понимании достаточно сложных вещей, не лежащих на поверхности. Ср. также возможность замены *понимать* на *осознавать* в этих примерах и невозможность такой замены вне специального контекста в примерах Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева (где речь идет о знании достаточно элементарных фактов): **Я осознаю, где он прячет деньги*; **Она осознает, кто это вчера звонил*.

Валентность Р может быть выражена существительным только в случае, если оно называет ситуацию или ее отношение к некоторой другой ситуации. Так, *понимать* 1.1 сочетается с существительными, обозначающими:

а) факт: *истина, факт; вещь, штука* и т. п. Ср. *Жизнь — это когда нет боли. Эту истину я отчетливо поняла в последние месяцы перед больницей* (В. Иванова, Болезнь); *Сначала постарайся понять этот новый факт не столько в терминах своей большой проблемы, сколько ради него самого* (Р. М. Персиг, Дзэн и Искусство

⁴ О различии игноративных и позитивных предикатов в отношении подчинения различных типов косвенных вопросов см. также в работах [Булыгина, Шмелев 1988; Шмелев 1996: 136].

Ухода за Мотоциклом, пер. М. Немцова); *А потом я еще одну вещь понял — что мы в этой темноте живем вообще все время, просто иногда в ней бывает чуть светлее* (В. Пелевин, Жизнь насекомых);

б) причину, характер, цель: *причина, мотив; цель, намерение; план, замысел* и т. п. Ср. *Перестройка дает нам возможность осознать, понять причины этих проблем и найти способы их решения* (Уппсальский корпус); *Чтобы смело биться, человеку надо к этому бою быть готовым, ожидать его, понимать его цель* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *И вдруг я с пронзительной ясностью понял характер затруднения, которое испытывала ее память: слишком много встреч она тасует в голове, чтобы угадать, какой именно я был свидетелем!* (Ф. Искандер, Стоянка человека); *Он понял значение всех огней, гудков, женских взглядов, все слилось медленно в один блаженный образ* (В. Набоков, Король, дама, валет); *Истинный замысел принца поняли как раз те, кто пытался разрушить и разложить Российское государство, то есть чуды-социалисты* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема);

в) интерпретацию ситуации, ее модальность или иную оценку, Ср. *Ты поняла опасность, угрожающую нашему единству, и приняла решение* (А. Ким, Стена); *Только здесь, в Пятигорске, (...) компаньоны поняли всю трудность погони за сокровищами* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев); *Он, этот умный и тонкий в служебных делах человек, не понимал всего безумия такого отношения к жене* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина); *Свой поступок с комиссией Марк Александрович тщательно обдумал, понимал весь риск* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Но тут я начинаю понимать всю нелепость своего положения* (Д. Хармс, Старуха); *Наконец, Ася поняла необходимость нашей разлуки, но заболела и чуть не умерла* (И. Тургенев, Ася); *Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих претензий и отстал* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев).

С непредметными существительными, не обозначающими ситуацию, *понимать* 1.1 сочетаться не может, в отличие от *знать*; именно этим, на наш взгляд, объясняется неоднократно отмечавшаяся неправильность высказываний вроде **Она понимает мое имя (фамилию, адрес, номер телефона)* (при правильности *Она знает мое имя (фамилию, адрес, номер телефона)*). В примерах же типа *Она понимает мои слова (предложения, знаки, жесты, намеки, уловки)* представлена лексема *понимать* 1.2, которая сочетается с названиями знаковых, «двусторонних» сущностей, имеющих смысл (см. ниже в разделе 1.3.1.2)⁵.

⁵ Таким образом, в случаях, когда речь идет о приписывании имени (адресу, фамилии, номеру телефона) разных смыслов, такие употребления становятся возможными; ср. *Он мог бы понять имя человека, при его указательном определении, как имя цвета, наименование расы, даже название страны света* (Л. Витгенштейн, Философские исследования, пер. М. Козловой); см. также ниже.

Валентность основания понимания (X) при *понимать 1.1* может также выражаться несколькими способами.

а) из + РОД: *Насколько я понял из доклада Александра Борисовича, а также из тех материалов, что уже просмотрел, эти люди из «Афганского братства» — психически неполноценные* (Ф. Незнанский, Операция «Фауст»).

б) по + РОД: *По выговору я понял, что один из них мингрелец, а другой абхазец* (Ф. Искандер, Стоянка человека).

в) наречия (интуитивно, инстинктивно и т. п.): *Как раненый зверь, бессловесный и дремучий, я только интуитивно понимал, что надо просто отлежаться* (Ю. Визбор, Завтрак с видом на Эльбрус); *Не знаю, читал ли президент Ельцин эти слова, но инстинктивно он понял то же самое* (Архив «Независимой газет»).

г) ТВОР (существительное со значением органа: ум, умишко, разум, рассудок, интеллект; голова, мозг; душа, сердце и т. п.): *То, чем я занимаюсь, есть адаптация к условиям существования, и я понимаю это умом, но не имею сил восстать против собственного образа жизни* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги); — *Как же вокруг клумб кататься? {...} Разве вы не видите, что они четырехугольные? Или вы ничего не понимаете своей головой? — Я-то своей головой все понимаю, — ответила Лелькина мама. — А вот ты, видно, не понимаешь* (Н. Носов, Фантазеры).

При этом существительные в составе предложно-именной группы с предлогом *из* или *по* указывают на основание-источник понимания, если они обозначают:

а) речевой акт или информационный объект: *фраза, сообщение, рассказ, объяснение, разговор, беседа и т. п.*; ср. *И вполне естественно, что слушатели мои, несмотря на все старание, в котором я не имею оснований сомневаться, ничего из моих объяснений не усвоили и, более того, не поняли* (А. Некрасов, Приключения капитана Врунгеля); *По разговору Павлов понял, что они лежали в одном госпитале и знают друг друга* (В. Солоухин, Не жди у моря погоды);

б) чье-л. поведение или его особенности; ср. *Из жестов этого парня можно было понять, что скорпион откуда-то сверху упал на платье его девушки* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Ко мне выскочил Сурков, и по его обращению я поняла, что времена действительно переменялись: так со мной еще никто никогда не разговаривал* (Н. Мандельштам, Воспоминания); *Я поняла это по вашей сдержанности, по улыбке вашей, всегда серьезной, по тому, как хорошо вы молчите, когда все кричат* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); *Добрый день, — ответил Фридрих, и по его интонации я понял, что он не знаком с этим человеком* (В. Кунин, Кыся); *Марта на него взглянула и поняла по его зевоте, что он только что на нее смотрел* (В. Набоков, Король, дама, валет);

в) внешние признаки, характерные для каких-либо ситуаций; ср. *Я долго не мог найти правильный ответ; наконец, по тоске на лицах экзаменаторов я понял, что*

сейчас меня отправят в коридор (В. Пелевин, Омон Ра); *По одному виду можно было понять, что каждому из них ничего не стоит остановить коня на полном карьере* (В. Гиляровский, Москва и москвичи); *По шуму и суетолоке она поняла, что для него освобождено особое куте — рядом с ней* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *По звуку стерженька умывалки он определил, что она умывается, потом по голосу, отгонявшему собаку, он понял, что у нее упало мыло, и собака подбежала, увидев, что у девочки что-то свалилось* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Вскоре по мелькающим мимо машинам я понял, что мы снова на трассе* (В. Шаламов, Заговор юристов).

Наречия *инстинктивно, интуитивно, подсознательно* и т. п. заполняют ту же валентность, указывая при этом на основание-способ понимания. Ср. *Он интуитивно понимал, когда люди говорят искренно, когда становятся в позу* (Н. Воронель, Без прикрас. Воспоминания); *Но инстинктивно он понимает: попадание в цель равносильно самоубийству* (Ю. Буйда, Щина); *Малыш инстинктивно понял, что от него требуется* (А. Беляев, Ариэль); *К весне относится письмо, написанное Лилей Юрьевной, в котором она делает попытку наладить жизнь с любимым человеком, отказавшись от новшеств и экспериментов, подсознательно, видимо, понимая, что никуда не уйти от простого уюта и домашнего тепла* (В. Катанян, Лиля Брик. Жизнь).

Что касается конструкции с ТВОР, то она, как кажется, указывает на специальный орган понимания. Ср. *В народе зреет уверенность в неизбежной войне, люди понимают это нутром* (В. Суворов, День «М»); *И в то же время я разумом понимал, что для страха не может быть никакой причины, надо встать и подойти к окну* (Ф. Искандер, Стоянка человека); *Каким-то кусочком мозга он понимал, что отказывается от какой-то части себя, но это облегчало, подавляя темное, пугавшее его чувство* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); *Как, вероятно, и ты, милый сын, можешь понять поэтической своей головой, — он меня обкрадывал* (Ф. М. Достоевский, Униженные и оскорбленные); *Ужаснулся я, поняв уже не умом одним, а живою душой, чего стоит такая решимость* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы);

Такие употребления стоят несколько особняком и аналогичны употреблениям типа *чувствовать душой, чуют носом* и т. п., также указывающим на функционирование особых органов в человеке. Ср. «Каждым видом деятельности, каждым типом состояния, каждой реакцией ведает своя система. Она локализуется в определенном органе, который выполняет определенное действие, приходит в определенное состояние, выполняет нужную реакцию» [Апресян 1995а: 352]⁶.

Такие употребления можно, вслед за В. Г. Гаком, считать семантически избыточными, подобно французским конструкциям типа *écrire d'une main hâtive* 'пи-

⁶ Ср. толкование лексемы *сердце* 3 в [Иорданская 1984: 737]: 'сердце 1а X-а, рассматриваемое как орган чувств II. 1а, в частности, чувства II. 1а Y, направленного на Z, и как орган

сать торопливо, букв. торопливой рукой', *regarder d'un œil favorable* 'смотреть благосклонно, букв. благосклонным глазом, *marcher d'un pas sûr* 'идти уверенно, букв. уверенным шагом' (ср. «Существительное ничего не добавляет к содержанию высказывания, ибо ясно, что пишут рукой, смотрят глазом, а при ходьбе делают шаги» [Гак 1966: 285], см. также [Гак 1977: 238]), или расценивать орган понимания как «забитую», или инкорпорированную валентность (термин Е. В. Падучевой), характерную, в частности, для глаголов восприятия и выражаемую в употреблении вроде *видеть своими* (*собственными*) *глазами* или *слышать своими* (*собственными*) *ушами*. Однако нам кажется, что правильнее было бы считать конструкцию с ТВОР особым способом выражения валентности основания для понимания.

Во-первых, она не сочетается с другими указанными выше способами выражения этой валентности; ср. невозможность **Он умом понял из сообщения прессы, что убийц найти не удалось*; **Я интуитивно понимал сердцем, что ты не приедешь*.

Во-вторых, в отличие от зрения или слуха, у понимания в языковой картине мира существует множество органов⁷: кроме прототипического ума (*разума, рассудка*), это могут быть *голова, мозг, сознание, душа, сердце, нутро* и др.; ср. [Урысон 2003а: 27 и сл.; 2004г: 1203]. Указание на такой «нетривиальный» орган понимания в форме ТВОР появляется лишь в отсутствие внешних источников для понимания; ср. *Умом это он понимал; сердцем — понимать отказывался* (С. Бабаян, Ротмистр Неженцев); *Ей было трудно понять, отчего так тревожен мужчина, а потому она просто не стала об этом задумываться: что не почувствуешь сердцем, того не понять головой* (А. Черчесов, Венок на могилу ветра); *Тогда она понимала своим неокрепшим сознанием: страдание — самый короткий путь к постижению истины* (Е. Маркова, Каприз фаворита). Иррациональное же понимание, когда действует не ум, а *интуиция* человека, в русской языковой картине мира принципиально не локализуется (см. также ниже в разделе 3.1.3.1); ср. фразему *шестое чувство* и такие образные употребления, как *понимать* (*чувствовать*) *кожей, нервами, спинным мозгом, нутром, всем (своим) существом* и т. п.: *То, что Александр Александрович и к ее стихам, и к ней лично относится со скрытым и напряженным раздражением, [Ахматова] очень даже чувствовала, и не умом-разумом, а кожей, женским инстинктом* (А. Марченко, «С ней уходил я в море...»); *Он вдруг сообразил, спинным мозгом почувствовал, что здесь нельзя орать и зама-*

восприятия неявных фактов Y'. См. также подробно о представляемых (невидимых) органах (*слух, зрение, память, ум, разум, рассудок, интеллект, воображение, фантазия, душа, сердце*) в работах [Урысон 1995, 2003а, 2004а, 2004г].

⁷ Тем самым, мы не вполне согласны с выводом А. Д. Шмелева о том, что «для русской языковой картины мира инструментом понимания является именно ум, а не, скажем, *сердце*, как для древнееврейской и арамейской картины мира» [Шмелев 2005б: 23—24]. Как показывает наш материал, и ум, и *сердце* (а также многие другие «нетривиальные» органы) в русской языковой картине мира могут выступать в качестве органов понимания, однако ум (а также *рассудок, мозг, голова* и т. п.) в этой роли характерен для ситуации рационального понимания, а *сердце* (а также *душа, нутро* и т. п.) — иррационального.

живаться, нельзя угрожать, хватать за шиворот и тащить (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди); *Он, по-видимому, не только понял умом, но ощутил всем существом, что он свое дело — худо ли, хорошо ли — сделал и что его роль окончена* (Е. Тарле, Наполеон); *Поживу они чуяли не носом, а бледно-розовой кожей спины, лопатками, икрами ног, пушком верхней губы* (А. Азольский, Лопушок).

Как кажется, валентность источника понимать «наследует» от (у)знать, а валентность способа и органа — от (по)чувствовать. Ср. *Неужели узнают по телефонному сдавленному голосу? Не может быть такой техники* (А. Солженицын, В круге первом) — *По его восторженному голосу дядя Сандро понял, что Махты хотел сказать* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Из их разговора я понял, что мы идем к его сыну в город, где тот сейчас живет* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема) — *Из их разговоров я узнал, что у всех у них — «вышка» и что сидят они все в одиночках, кто по несколько месяцев, а кто и больше года* (Г. Обухов, Конфискованные письма); *Инстинктивно почувствовал он, что теперь опять причиняет ей такую же рану, и остановился* (В. Г. Короленко, Слепой музыкант) — *Не знаю как, но инстинктивно понял, что нельзя вбегать* (В. Фетисов, Овертайм); *Он сам не был уверен, что прав, но я сердцем почувствовала: так оно и есть* (Л. Юзефович, Дом свиданий) — *Мать мудрым сердцем своим поняла, какое отчаяние зметет душу ее ребенка* (В. Шукшин, Материнское сердце). При этом в глаголе понимать, по-видимому, источник, способ и орган слиты в единую валентность основания. Что касается его синонимов и аналогов, то в некоторых из них в зависимости от того, какой компонент — рациональный или иррациональный — выходит на первый план, может реализоваться либо валентность источника [как в *уяснить*, ср. *Но как я уяснил из их скупых рассказов, все архивные фонды (...) остались в целостности и сохранности* (В. Шенталинский, Воскрешшее слово)], либо валентность способа [как в *сознавать*, ср. *Во время припадков он (...) инстинктивно сознавал: пока никто ничего не замечает, все еще вполне поправимо, важно только сейчас справиться с припадком* (П. Мейлахс, Придурок)], либо валентность органа [как в *чуять*, ср. *Он словно чуял сердцем, что сегодня придет Катерина* (В. Белов, Привычное дело)].

Понимать 1.1, в отличие от *знать*, сочетается с фазовыми глаголами *начать, стать, перестать*; ср. *Теперь начинаю понимать, — думал я, — какое количество охотников ходить даром в театр в Москве* (М. Булгаков, Театральный роман); *Солдаты стали понимать, что война пошла другая, что не немцы, а мы стали окружать* (Ю. Бондарев, Горячий снег); *Она уже привыкла к этой полуусмешке, стала понимать, что это от неловкости, от боязни обнаружить больше доброты, чем принято* (А. Кабаков, Сочинитель); *Поэт так долго умирал, что перестал понимать, что он умирает* (В. Шаламов, Шерри-бренди); *Я теперь что-то перестал понимать, что к чему* (А. и Б. Стругацкие, Стажеры).

Если содержание понимания выражено косвенным вопросом или существительными типа *причина, мотив* и т. п., лексема *понимать 1.1* может также сочетаться с глаголами *хотеть, пытаться, стараться, силиться, стремиться* и со-

ответствующими отглагольными существительными, указывающими на направленные усилия субъекта; ср. *Как-то вскользь, мимоходом, он попытался понять, почему это предчувствие счастья страшит, но не смог понять и больше не стал пытаться* (Ф. Искандер, *Боль и нежность*); *Сергей Сергеевич тянет время, пытаясь понять, что именно известно Борису Ивановичу* (В. Войнович, *Иванькиада*); *До сих пор не понимаю толком, чего он от них добивается, да, честно говоря, и понять особенно не стремлюсь* (А. и Б. Стругацкие, *Пикник на обочине*); *Он оглядывает бродягу и силится понять, как это живой, трезвый человек может не помнить своего имени* (А. П. Чехов, *Мечты*); *Пытались понять побудительные мотивы* (Ю. Семенов, *Непримиримость*); *Этот идиот написал свое исследование как бы от лица молодого сотрудника редакции, искренне стремящегося понять смысл козлотуризации* (Ф. Искандер, *Сандро из Чегема*); *Сам Савицкий пишет с большим вниманием к словам и стремлением понять предмет разговора* (НМ, 1998, № 9).

Это свидетельствует о том, что *понимать 1.1* является до некоторой степени контролируемым состоянием; ср. также в принципе не исключенную возможность сочетания этой лексемы с целевым союзом *чтобы*: *Понять, чтобы простить; Чтобы смело биться, человеку надо к этому бою быть готовым, ожидать его, понимать его цель* (А. Солженицын, *Архипелаг ГУЛАГ*). Впрочем, степень контролируемости *понимать*, безусловно, далека от максимальной; ср. поведение этой лексемы в тестах на контролируемость, описываемых Т. В. Булыгиной [Булыгина 1982: 68 и сл.]: *“Он понял это ради нее* (ср. *Он остался там ради нее*); **Понимай, что я этого не говорил* (ср. *Считай, что я этого не говорил*)⁸; **А она понимать (ну понимать)* (ср. *А она пуще плакать (ну на него метаться)*); **Ему сегодня не понимается* (ср. *Ему сегодня не работается*); **Завтра я это понимаю* (ср. *Завтра я дописываю доклад*).

Понимать 1.1 также сочетается с наречиями и фраземами, характеризующими меру и степень понимания: *хорошо, плохо; (не) вполне, (не) до конца, толком; глубоко; полностью, окончательно; ясно, отчетливо, смутно, мало и т. п.* Ср. *Последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать от древа познания добра и зла* (Л. Н. Толстой, *Война и мир*); *Иногда ему казалось, что марксисты более глубоко, чем народники, понимают несокрушимость закона эволюции* (М. Горький, *Жизнь Клима Самгина*); *Она села в третьем ряду, и когда Гуров взглянул на нее, то сердце у него сжалось, и он понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе, дороже и важнее человека* (А. П. Чехов, *Дама с собачкой*); *Он еще не понимал, что происходит. Впрочем, Андрей и сам еще не вполне понимал, что происходит, и лихорадочно раздумывал, как действовать дальше* (А. и Б. Стру-

⁸ Форма ПОВЕЛ СОВ, на наш взгляд, представляет собой отдельную лексику с эмоционально-усилительным значением; см. ниже в разделе 1.3.1.6, ср. также [Булыгина, Шмелев 1989: 43].

гацкие, Град обреченный); *Я не понял, что произошло на перекрестке, и естественно, что еще меньше понимает Вандерхузе* (А. и Б. Стругацкие, Жук в муравейнике).

Это свойство *понимать 1.1* (его *г р а д у и р у е м о с т ь*) отличает его от *знать*. Как показано Ю. Д. Апресяном (см. подробнее в Части 1 настоящей монографии), пропозициональный глагол *знать* в конструкции с подчинительным союзом *что* сочетается лишь с показателями высокой степени; ср. невозможность **Он не вполне (не до конца, смутно, плохо) знал, что Волга впадает в Каспийское море* (хотя для других значений *знать* такие высказывания нормальны: *он плохо знал московские окраины (нетвердо знал таблицу умножения)*; ср. также наблюдения о градуируемости разных типов знания в работе [Арутюнова 2000б: 29]). По-видимому, большая градуируемость понимания в отличие от знания объясняется наличием в нем семантического компонента ‘представлять’⁹; ср. *“Я ясно (отчетливо, смутно, не до конца) знаю, насколько это сложно VS. Я ясно (отчетливо, смутно, не до конца) понимаю (представляю), насколько это сложно.*

Наконец, *понимать 1.1* сочетается с наречиями, фраземами и частицами, указывающими на скорость и время понимания: *быстро, мгновенно, вдруг, внезапно, сразу, постепенно; рано, поздно; сразу, сначала, тогда, теперь, позже, затем, потом, наконец, в конце концов; еще, уже* и др. Ср. *И неизвестно почему я понял мгновенно, что это Дрыкин* (М. Булгаков, Театральный роман); *Я этой повести о нищем не написал. Тогда я не понимал, почему это происходит, почему я не мог ее написать. Я это понял позже* (Ю. Олеша, Речь на I Всесоюзном съезде советских писателей); *Сначала посторонние люди не понимали: почему шум, гром, визг? О чем и к чему песня?* (А. Гайдар, Тимур и его команда); *Страдания человека, которому бреют голову безопасной бритвой, невероятны. Это Ипполит Матвеевич понял с самого начала операции* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев).

Любопытно, что в отношении сочетаемости с *еще* и *уже* *понимать 1.2* интересным образом отличается от других фактивных лексических единиц (таких, как *знать, узнать, помнить, рад*). Рассмотрим это на примере сочетаемости этих единиц с частицами *еще* и *уже*. Сравним такие фразы:

- (1а) Ты еще (пока) не знаешь, что Р
- (1б) “Ты уже не знаешь, что Р
- (2а) Ты еще (пока) не понимаешь, что Р
- (2б) Ты уже не понимаешь, что Р

⁹ Ср. толкование синонимического ряда *воображать 1, представлять 3, видеть 3.1* в словарной статье Ю. Д. Апресяна [НОСС 2004: 135]: ‘иметь в сознании образ определенного объекта или ситуации, когда этот объект или ситуация органами чувств не воспринимается’.

- (3а) *Ты еще *⟨пока⟩* не помнишь, что Р
 (3б) Ты уже не помнишь, что Р
 (4а) *Ты еще не рад, что Р
 (4б) Ты уже не рад, что Р.

Фразы типа (3а) и (4а) невозможны по прагматическим причинам. Дело в том, что частицы типа *еще* и *уже* создают представление о развитии событий. В частности, *еще не Р* предполагает, что при естественном ходе событий через некоторое время наступит Р. Между тем, неестественно ожидать, что человек начнет помнить нечто или радоваться чему-то лишь через некоторое время после того, как он это узнал.

Именно поэтому фразы типа (1а) обычно выступают в роли сообщений, которые можно сравнить с перформативными формулами. Произнося их, говорящий сознает, что непосредственно после их произнесения Р становится известно слушающему, и он уже знает, что Р. Ср. *Эх! Да ведь ты еще не знаешь, что Роза вышла за Конни Риверса! Помнишь Конни? Хороший малый* (Дж. Стейнбек, Гроздь гнева. Пер. Н. Волжиной); *Ты, Финя, еще не знаешь, что мы питаемся рачками и стайной рыбой* (О. Тихомиров, Китенок Финя); — *Отчего у тебя на глазах слезы? — перебил ее Инсаров. — У меня? слезы? — Она утерла глаза платком. — О глупый! Он еще не знает, что и от счастья плачут* (И. С. Тургенев, Накануне).

Напротив, фразы типа (2а) вполне естественны, если речь идет о таком понимании, которое приходит постепенно (см. выше о градуируемости понимания) — например, в результате нарастания соответствующих физических ощущений (ср. *еще не чувствовать холода*), накопления информации или жизненного опыта. Ср. *Когда бежишь по мосткам к проруби, еще не понимаешь, что холодно. Когда же по лесенке начинаешь спускаться в воду, тут-то до тебя и доходит, на что ты решился* («Караван+Я», 19.01.2005); *Воровство — это одно из самых распространенных детских заболеваний. Потому что еще не понимаешь, что это воровство, а просто берешь что-то без спросу* («Огонек», № 40, октябрь 2000); *Я считаю, что Борису Леонидовичу повезло, что эта возжеленная встреча не состоялась, но к моменту, когда все это происходило, мы многого еще не понимали* (Н. Мандельштам, Воспоминания). Возможны также контексты, где понимание приходит не сразу, поскольку понимаемый факт слишком противоречит другим или не укладывается в схему прежних представлений субъекта. Ср. примеры (5а) и (5б): в первом речь идет о незнании географии, во втором — о неприятии новой реальности:

- (5а) Ты все еще не знаешь, что Бурятия — в России, а Латвия — за границей.
 (5б) Ты все еще не понимаешь, что Москва и Бурятия — одна страна, а Латвия — это уже давно за граница (Интернет-форум).

Ср. необычность следующего примера: *Я видел это бесчувствие, наблюдая своих воинов в бою. Твой соратник упал, но ничего не изменилось, на его место тут же встал другой.* {...} *Я, наверно, обижусь тебя, но все же скажу: «Ты не плачешь, потому что тебе не из-за чего плакать». Ты еще не знаешь, что твой товарищ умер. Он умрет позже, когда наступит мир* (А. де Сент-Экзюпери, Цитадель. Пер. М. Кожевниковой): как кажется, в такой ситуации было бы естественнее употребить глагол *понимать*, а не *знать*.

Именно фразы типа (2а) наиболее естественны в контекстах, когда речь идет о понимании чего-то сложного и/или важного для субъекта. Ср. *Ты все еще не понимаешь, что это и есть счастье!* (Ю. Никитин, Трое); *Когда в почтовом ящике находишь повестку, и даже когда приходишь в военкомат, еще не понимаешь, что жизнь на гражданке закончилась* (Сайт телеканала «Россия»); *И, наверно, ты еще не понимаешь, / Что уеду я сегодня навсегда!* (И. Николаев, Навсегда); *Ты останавливаешься и смотришь на меня своими прекрасными золотыми глазами. Ты еще не понимаешь, что я не шучу* (Г. Галкина, Диалог)¹⁰. В сферу действия отрицания здесь входит компонент толкования 'это дает А возможность знать или представлять возможное развитие событий'.

Отметим, что в случаях, когда содержание понимания выражено косвенным вопросом, это различие между *знать* и *понимать* может сниматься; ср. *Но, Наталья! ты не знаешь, / Кто твой нежный Селадон, / Ты еще не понимаешь, / Отчего не смеет он / И надеяться* (А. С. Пушкин, К Наталье).

Примеры типа (16), как кажется, невозможны вовсе¹¹, а примеры типа (26) встречаются в специфических контекстах помутнения сознания или деградации личности, когда человек многое перестает понимать; ср. *Одурманенный навязчивым желанием достичь хваленой сублимации, ты уже не понимаешь, что в конце твоего раскрепощения тебя поджидает лишь одно — смерть* (А. Моравиа, Я и он. Пер. Г. Киселева). Напротив, примеры типа (36) и (46) вполне возможны, ср. *И ей тоже почему-то казалось, что он хуже, слабее и незначительнее всех, и она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного* (А. П. Чехов, Архиерей); *Ты уже не помнишь, что это я спас тебя от верной смерти?* (А. Чаковский, Блокада); — *Мы, кажется, опохмелиться собирались, — сказал Гангут, который был уже не рад, что заварил эту кашу* (В. Аксенов, Остров Крым); *Взводный уже не рад был, что связался с Незабудкой: она за словом в карман не лезет* (Е. Воробьев, Незабудка).

¹⁰ Ср. также пример, где обыгрывается именно это представление о значительности содержания понимания: *Ты еще не понимаешь, что в жизни нет ничего лучше веселой чепухи!* (А. Курков, Одиннадцать необыкновенностей из жизни чепухоносиков, их друзей и знакомых).

¹¹ Следующий пример представляется не вполне нормативным: *Ведь к нам не поступают вести из потустороннего мира, мы уже не знаем, что с самого мига взятия наша судьба уже решена почти по худшему варианту, и ухудшить ее нельзя* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Интересно, что в отношении сочетаемости с частицей *еще* поведение глагола *понимать* может сближаться с поведением путативных глаголов типа *считать*¹²; ср. *В отличие от многих на Западе, я все еще не считаю, что Путин — это будущий диктатор* (Сайт политических комментариев Политком.Ру). С частицей *уже* эти глаголы, напротив, сочетаются свободно, поскольку мнения, в отличие от знаний, легко могут измениться; ср. [Апресян 2001б, Апресян 2004г: 391 и сл.].

1.3.1.1.2. Аспектуальные особенности

Для леммы *понимать* 1.1 в форме НЕСОВ возможны как стативные (НЕСОВ в значении состояния), так и (реже) динамические употребления (НЕСОВ в многократном, настоящем историческом и т. п.). Ср., с одной стороны, *Он чувствовал и понимал, что он не лежебока и не лентяй, а что-то другое, но чувствовал и понимал он один, и больше никто* (И. А. Гончаров, Обрыв); *Она совсем не была глупа и прекрасно понимала, чем пытался пристращать ее пожилой супруг* (М. Ганина, Бестолочь) [состояние] и, с другой стороны, *Самое смешное, что девушки всегда встречались мне в такие часы и всегда сразу понимали, кто я такой* (В. Аксенов, Ожог) [многократное]; *Поздно вечером я возвращаюсь домой в полном отчаянии, и только нос к носу с Дикой понимаю, что в руках у меня эта дурацкая роза* (А. Битов, Преподаватель симметрии) [настоящее историческое]; *Но чем дальше, тем хуже становилось, и бедный автор прилипал к тротуару, искал разносчика газет, его не было, хотел купить пальто, не было денег, скрывался в подъезд и понимал, что на генеральную опоздал* (М. Булгаков, Театральный роман) [сказовое значение, обнаруженное М. Я. Гловинской; ср. «...данная форма обозначает не только действие, достигшее результата, но и представляет это действие более растянутым, как бы замедленно протекающим на глазах говорящего и слушающего от начала и до конца» [Гловинская 2001: 188]].

Форма НЕСОВ не употребляется в актуально-длительном значении: невозможно **Смотри, он как раз сейчас понимает, что необходимо этим заняться*. Ср. [Зализняк Анна, Шмелев 2000: 22]. Употребление *понимать* 1.1 в процессном значении затруднено (это отмечено в [Зализняк Анна, Шмелев 2000: 97], где приведен такой пример: **Мой соавтор долго понимал, что я имел в виду, и наконец понял*), однако оно возможно в контексте наречных сочетаний, указывающих на возрастание или убывание степени понимания; ср. *С каждым днем он все больше понимает всю нелепость такого поведения; И чем сильнее я вспоминал свое детство, тем яснее понимал, что детство мое не повторится, что я не встречу и тени его в чужой ребяческой тетради* (В. Шаламов, Детские картинки); *Нет, все-таки моя жена права, утверждая, что постоянное употребление алкоголя разрушительно*

¹² Мы отвлекаемся здесь от типичных употреблений с «подъемом отрицания», где в сфере действия отрицания попадает содержание мнения, ср. *Я все еще не считаю, что достиг уровня мастера* [= 'считаю, что еще не достиг'].

влияет на умственные способности человека. Задавая вопросы и получая ответы, я все меньше что-либо понимал (В. Войнович, Москва 2042). Впрочем, возможно, что и в этих примерах представлено не процессное значение, а значение состояния, т. е. стативное употребление *понимать* 1.1; ср. *С каждым днем я все больше любил ее.*

1.3.1.1.3. Парадигматические семантические связи

СИНОНИМЫ: *осознавать, сознать, постигать, уяснить, уходящ. уразуметь; догадаться, сообразить, смекнуть; видеть [Визу, куда ты клонишь]; додуматься, дойти* 2.1, сленг *догнать*, сленг *въехать*, сленг *усечь*, сленг *врубиться*, разг.-сниж. *дотумкать*, разг.-сниж. *допереть* 2.1, разг.-сниж. *раскусить, расчухать.*

АНАЛОГИ: *чувствовать, ощущать; обнаружить, прозреть; угадать, отгадать, разгадать; вывести, заключить, вычислить; узнать, выяснить; признавать, принимать, усвоить, прийти (к чему-л.); определить, распознать; придумать, найти (решение); представлять себе, иметь представление; находить объяснение, взять в толк [обычно в отрицательной форме; ср. Извините меня, я не могу взять в толк, о чем вы изволите говорить (Н. В. Гоголь, Нос)].*

КОНВЕРСИВЫ К АНАЛОГАМ: *дойти* 2.2, разг. *допереть* 2.2, сленг *доехать* 2 [Ну что, дошло (доперло, доехало) до тебя, наконец?]; *осенить, озарить; открыться, стать ясным (понятным).*

ДЕРИВАТЫ: *понимание, понятливый.*

1.3.1.2. Понимать 1.2 ‘осознавать смысл’

А понимает X [*Я хорошо понимаю ваши слова*] = ‘Человек А знает или представляет смысл X-а’.

1.3.1.2.1. Особенности управления и сочетаемости

Лексема *понимать* 1.2 сочетается с названиями человека в роли субъекта понимания; ср. *Директор мало что понял из его путаного заявления; Отправлен для изучения Устава караульной и гарнизонной службы, — четко отпартовал старшина. — Куда отправлен? — не понял Пахомов (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).* *Понимать* 1.2 также сочетается с названиями групп людей и животных; ср. *Дети — отличный народ! Они прекрасно понимают слово «нельзя» (А. и Б. Стругацкие, Далекая радуга); Он [пес] уже любил, когда хозяин с ним разговаривал, но понимал пока всего лишь два слова: «Бим» и «нельзя» (Г. Троепольский, Белый Бим Черное Ухо).*

Лексема *понимать* 1.2 сочетается с существительными, реализующими валентность объекта понимания и обозначающими:

а) единицы языка и элементы текста: слово, выражение, предложение, фраза и т. п. Ср. *Как-то останавливают меня двое черных. Что-то говорят по-своему. Я понял только одно слово «деньги»* (С. Довлатов, Ремесло); — *Кто ты, о волшебное существо? — прошептал юноша побелевшими устами. — Ангел ли, посланный мне с неба? Или добрая фея этих гор? Или ты одна из прекрасных языческих богинь? Принцесса не понимала его слов* (А. Куприн, Синяя звезда); *Крепостные души! понимаете ли вы, господа, такое выражение? Я не понимаю. Надо справляться с толковым словарем* (Ф. М. Достоевский, Идиот);

б) знаки и символы: символ, знак, симптом, жест, гримаса, мимика и т. п. Ср. *Девчонки шли по другой стороне, подавали знаки, которых она не понимала, и она подавала им знаки, которых они тоже не понимали* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *«У, дрянь вонючая, древесный клоп!» — с ненавистью подумал Коля, высунул машинисту язык и погрозил ему кулаком. Машинист не только понял Колину мимику, но сумел и сам пожатием плеч и поворотом головы в сторону вагонов дать понять: «А что делать? Сам попробуй. Его сила»* (Б. Пастернак, Доктор Живаго);

в) устные и письменные тексты, информационные объекты, а также жанры или художественные приемы: ср. *Как все? Живы, здоровы? Он имел в виду своих друзей — в порядке ли они? Она поняла его вопрос. — Все хорошо, все здоровы* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Читал вот книгу и ничего не понял. Читал и заснул* (А. П. Чехов, Вишневый сад); *Рассказ открывало длинное рассуждение о евреях и мусульманах, которого Райнер не понял и, не дочитав, пролистнул* (В. Хазин, Фрау Целер); *Генис написал передачу для радио «Либерти». Там было много научных слов — «аллюзия», «цезура», «консеквентный»... Редактор Генису сказал: — Такие передачи и глушить не обязательно. Все равно их понимают лишь доценты МГУ* (С. Довлатов, Соло на Ундервуде); *Фильмы Тарковского всегда ошеломяли трудной для среднестатистического восприятия новизной. Их не понимали чиновники, казалось, что их не поймут и зрители* (М. Туровская, 7 с 1/2 или фильмы Андрея Тарковского); *Я не понимаю пейзажей и опер, но думаю так: если одни умные люди посвящают им всю свою жизнь, а другие умные люди платят за них громадные деньги, то, значит, они нужны* (А. П. Чехов, Попрыгунья); *Блок писал: чтобы понимать лирику, надо самому быть «немного в этом роде»* (В. Аксенов, Сюрпризы); *Уж не принадлежишь ли ты к известной организации? {...} Он понял мой намек и кивнул* (С. Довлатов, Ремесло); *Бронский восхищенно улыбнулся, давая понять, что он понял шутку дорогого профессора* (М. Булгаков, Роковые яйца); *Улыбаясь не без грусти, я сказал Лолите: «А ты — моя ледяная принцесса». Она не поняла этой жалкой шуточки* (В. Набоков, Лолита); *Ляпис не понял сарказма* (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев);

г) действия или последовательности действий со скрытым смыслом: трюк, уловка, ход, хитрость, проделка, стратегия, тактика, маневр и т. п. Ср. *Дядя Кязым сразу же понял эту наивную хитрость и усмехнулся про себя* (Ф. Ис-

кандер, Сандро из Чегема); *Как мгновенно он понял ее маневр* (Г. Щербакова, Армия любовников); *Я стала отказываться от домашних приглашений, отговариваясь занятостью в театре, усталостью, но он понял мои уловки и начал действовать через министерство культуры, приглашая петь на приемах в Кремле* (Г. Вишневская, Галина. История жизни); *Я понял и объяснил ей тот сложный, подлый ход в его подлой игре, который он сделал дважды — сперва для того, чтобы показать Кате, что он спас меня, а потом — чтобы доказать мне, что он спас Катю* (В. Каверин, Два капитана); *Троцкий самым первым в мире понял игру Сталина, которую не поняли западные лидеры, которую не понял вначале и Гитлер* (В. Суворов, Ледокол).

Кроме того, *понимать 1.2* в результате метонимического переноса может сочетаться с одушевленными существительными, называющими:

а) субъекта речи: ср. *На пятый день пришел неизвестный ему старик в лаптях и сказал, что монахов выселили большевики и устроили в обители совхоз... Схимник не понял старика* [= 'не понял слов старика'] (И. Ильф, Е. Петров, Двенадцать стульев); *Римского прокуратора называть — игемон. Других слов не говорить. Смирно стоять. Ты понял меня или ударить тебя?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита);

б) автора текста или произведения искусства: ср. *Проникнуть внутрь творческого процесса, как бы дохнуть воздухом, которым дышал Пушкин, проследить ход его мысли, угадать чувство, не только открыто вложенное им в стих, но иногда и утаенное, — все это совершенно необходимо для того, чтобы понять Пушкина во всей полноте* [= 'понять творчество Пушкина'] (В. Ходасевич, О пушкинизме); *В. Богданов просто не понял Зощенко. Зощенко пишет о том, что настоящее искусство там, где художник не лжет* (НМ, 1998, №7); *Белинский представил воронежского поэта многим из почетных московских литераторов; но немногие между ними умели понять Кольцова* (Добролюбов, А. В. Кольцов, МАС).

Лексема *понимать 1.2* сочетается с фазовыми глаголами *начать, стать, перестать*; ср. *Мама Лены, приезжая с долгих гастролей (...), в первые минуты всегда озабоченно хмурила брови, слушая радостную неразборчивую болтовню дочери. Но потом начинала понимать и... привыкала* (Г. Щербакова, Отчаянная осень); *Узнав девушку, я тотчас опустил взгляд, продолжая видеть портрет среди меридианов и параллелей, и перестал понимать слова штурмана* (А. Грин, Бегущая по волнам); *Он (...) начал объяснять, как это делалось, забираясь во все более глухие дебри, и скоро я совсем перестал его понимать, и сидел, глядя в хмурое небо, и думал, что, вероятно, пойдет дождь* (А. и Б. Стругацкие, Стажеры).

Лексема *понимать 1.2* может сочетаться с глаголами *хотеть, стремиться, пытаться, стараться, силиться* и т. п., указывающими на целеустремленные усилия субъекта; ср. *Он помолчал, стараясь понять Серафима* (В. Шаламов, Серафим); *Когда же он дошел до дела, до бумаги, полученной им вчера по почте*

из консульства, то догадался, что девочка тут не понимает ничего и силится понять (Б. Пастернак, Детство Люверс); Все мы пытаемся понять наше прошлое, хотя и с разных позиций (В. Суворов, День «М»).

Лексема *понимать* 1.2 может также сочетаться с глаголом *отказываться*, указывающим на нежелание или неспособность понимать: *Нина. Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом* (А. П. Чехов, Чайка); — *Паспорта нет, — сказал я. — Как нет? — заморгал он плечатыми веками, отказываясь меня понимать* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Москва отказывалась понимать абсурдные решения Уайтхолла, но и в Берлине тоже не понимали всей «мудрости» маневров англичан, называя их «непостижимыми»* (В. Пиккуль, Реквием каравану PQ-17).

Лексема *понимать* 1.2 сочетается с наречиями, характеризующими степень и легкость понимания: *прекрасно, хорошо, плохо; (не) вполне, (не) до конца, полностью; с полуслова; легко, без труда, с трудом* и т. п. Ср. *Ты, пожалуйста, не прикидывайся протачком?.. Я прекрасно понял Иллариона, но сделал наивное лицо и пожал плечами* (Н. Думбадзе, Я, Бабушка, Илико и Илларион); *Давайте понимать друг друга с полуслова, / Чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова* (Б. Окуджава, Давайте восклицать); *Когда папа кричит, я почему-то не боюсь, а просто хуже понимаю. Мне хочется попросить: «Не кричи, пожалуйста, говори спокойно»* (В. Токарева, Самый счастливый день); — *Так-с... Это облако у вас кричит: оно освещено не по-вечернему, передний план как-то сжесан, и что-то, понимаете ли, не то... И чем он непонятнее говорил, тем легче Ольга Ивановна его понимала* (А. П. Чехов, Попрыгунья); — *Она говорила с тяжелым итальянским акцентом, и Кей с трудом понимала ее* (М. Пьюзо, Крестный отец, пер. с англ.).

Возможны также абсолютивные употребления лексемы *понимать* 1.2, в которых валентность содержания понимания не заполняется, с соответствующей модификацией значения: *«понимать» → «иметь способность понимать»* (см. о таких употреблениях [Апресян 2004б: XXIII]). Ср. *Сегодня мальчишечка проснулся утром и смотрит на меня, и вдруг улыбнулся, значит, узнал. «Бобик, говорю, здравствуй! Здравствуй, милый!» А он смеется. Дети понимают, отлично понимают* (А. П. Чехов, Три сестры); *У нас есть сын. Ты редко его видишь, а я вчера была у Галчихи. Ведь он уж понимать начинает* (А. Н. Островский, Без вины виноватые, ССИН).

1.3.1.2.2. Аспектуальные особенности

В отличие от *понимать* 1.1, форма НЕСОВ *понимать* 1.2 изредка способна употребляться и в актуально-длительном значении; ср. — *Ты меня слышишь? — Отлично слышу, понимаю каждое слово; Левин сидел, слушая рассказы доктора (...), и смотрел на пепел его папироски. Был период отдыха, и он забылся. Он совершенно забыл о том, что происходило теперь. Он слушал рассказ доктора и понимал его* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина); *Теперь, за столом, востренький ум Николая Парфеновича схватывал на лету и понимал всякое указание, всякое движение в*

лице своего старшего сотоварища, с полуслова, со взгляда, с подмига глазком (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *А я сидел и понимал старого Митрича, понимал его слезы* (Вен. Ерофеев, Москва—Петушки).

Кроме того, как и *понимать 1.1* (см. выше в разделе 1.3.1.1.2), лексема *понимать 1.2* способна употребляться в процессном значении в контексте наречных сочетаний, указывающих на возрастание степени понимания; ср. *С годами она понимала свое прошедшее все больше и яснее и таила все глубже, становилась все молчаливее и сосредоточеннее* (И. А. Гончаров, Обломов).

1.3.1.2.3. Парадигматические семантические связи

СИНОНИМЫ: *уловить, ухватить, осмыслить.*

АНАЛОГИ: *разобрать, расслышать; расшифровать, разгадать, разг. раскрыть; уразуметь, вникнуть, разг. врубиться, догнать.*

ДЕРИВАТЫ: *понятливый, понятный.*

1.3.1.2.4. Связь с другими лексемами

Развитие значения *понимать 1.2* из *понимать 1.1* можно представить следующим образом: *понимать 1.2 X* ≈ '*понимать 1.1*, что смысл *X*-а есть *Y*' (напомним приведенную выше цитату из [Мартемьянов 1964: 125]: «сопоставить тексту — как особому сложному знаку — лежащую за ним ситуацию действительности»; как показано выше, по аналогии *понимать 1.2* распространяется не только на тексты, но и на любые объекты знаковой природы, которым приписывается смысл).

Различить лексемы *понимать 1.1* и *понимать 1.2* сложно в предложениях, где неясно, выражена ли при глаголе валентность содержания понимания (то есть ситуация действительности; тогда это *понимать 1.1*) или объекта понимания (то есть текст или иной знак; тогда это *понимать 1.2*). Ср. *Несколько раз мне выпадала возможность «быть услышанной», и я старалась ее использовать, но мои собеседники не понимали подтекста, не регистрировали моей информации* (Н. Мандельштам, Воспоминания) [если *подтекст* — это скрытый смысл фраз Н. Мандельштам, то, что они означали, то здесь употреблена лексема *понимать 1.1* ≈ 'видеть, что есть подтекст'; если же это сам текст — вероятно, закомуфлированный и потому непонятный для собеседников — то *понимать 1.2* ≈ 'видеть значение подтекста']. Такая ситуация весьма характерна для употреблений, в которых второй актант *понимать* выражен обобщенным предложением. Рассмотрим один пример подробнее.

- (6) *Начались репетиции. Гитлер противостоял Деду Морозу и Снегурочке. Он крал большой мешок с подарками. На кой ляд понадобились ему халявные барбариски и орехи фундук, знал только Чиковани. Когда дед задался этим вопросом, режиссер его оборвал: — Гитлер в представлении ребенка плохой дядя. Вор тоже плохой дядя. Сиречь Гитлер и вор одно лицо. Новогодняя же тематика диктует объект кражи. (...) — Самсон умный, — признавался дед бабушке. — Но поче-*

му-то я понимаю все, что он говорит (А. Савельев, Ученик Эйзенштейна. НМ, 1999, №5).

Если *все, что он говорит* — это (в данном случае) утверждения о том, что «Гитлер плохой дядя», «Вор плохой дядя», «Гитлер и вор одно лицо» и т. п., то перед нами лексема *понимать 1.1*: дед с помощью источника информации (слова Самсона) понимает, что Гитлер и вор в спектакле — одно лицо и т. п.

Если же *все, что он говорит* — текст утверждений режиссера, то перед нами лексема *понимать 1.2*: дед (несмотря на «умные» слова, такие, как *сиречь, тематика, объект*) понимает смысл этих утверждений.

Ср. также: *По-моему, я понимаю все, что ты хочешь сказать. Просто мне нужно время, чтобы это переварить* (Х. Мураками, Дэнс, дэнс, дэнс. Пер. Д. Коваленина); *Фост каким-то невероятным образом моментально понимал все, что я говорю, либо хочу сказать. Казалось, что он мыслит так же, как я* (Д. Полянин, Страхи слизи); *Настя знала, что Коротков отнюдь не черств и не туп, он прекрасно понимал все, что она ему сказала* (А. Маринина, Седьмая жертва) [в этих примерах скорее выступает лексема *понимать 1.1*] VS. — *Вот странность!* — заметил Портос, медленно поднимая голову и изумленно глядя на своих друзей. — *Оказывается, я знаю английский язык!* *Я понимаю все, что вы говорите* (А. Дюма, Двадцать лет спустя. Пер. с франц.); *Ведь знай он, что я понимаю, наверное, воздержался бы от многих высказываний. И однажды я, оторвав кусок газетного листа, написала на полях по-немецки: «Я понимаю все, что вы говорите, учтите это»* (Е. Гинзбург, Крутой маршрут) [в этих примерах скорее выступает лексема *понимать 1.2*].

Важно отметить, что в presupпозиции *понимать 1.2* содержится утверждение, что смысл *X*-а в действительности есть *Y*, то есть *понимать 1.2* наследует от *понимать 1.1* свойство фактивности. Поэтому *Y* не является валентностью *понимать 1.2* и не включается в толкование. В этом основное различие *понимать 1.2* и *понимать 2.1*.

1.3.1.3. *Понимать 1.3* ‘владеть языком’

А понимает по-Х-ски [Татары неплохо понимают по-турецки] = ‘А знает язык X настолько, что обычно понимает 1.2 то, что говорят на этом языке’.

1.3.1.3.1. Особенности управления и сочетаемости

Лексема *понимать 1.3* сочетается с названиями людей в роли субъекта; ср. *Эрик Арвид Андерсен понимал по-русски уже вполне сносно, говорил же со многими ошибками, но в конце концов мысль передавал* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Дядя мой плохо понимал по-польски и вовсе не разумел по-латыни, но и он заметил нечто неприязненное к имени русских* (А. А. Бестужев-Марлинский,

Вечер на кавказских водах в 1824 году). Кроме того, *понимать 1.3* сочетается с названиями наций в этой же роли; ср. *Счастье его, что немцы не понимают по-русски!* (А. П. Чехов, Патриот своего отечества); *Хорошо, что чехи понимают по-русски, в других странах будет сложнее* (В. Аксенов, Ожог).

Понимать 1.3 допускает также персонифицированные употребления, сочетаясь с названиями животных; ср. *Беда наша в том, что мы, мулы, человеческий язык хорошо понимаем, но сказать ничего не можем* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

Валентность объекта понимания (*X*) при *понимать 1.3* может выражаться двумя способами.

а) Наречия типа *по-Х-ски* [*X* — название языка]: *Они не знали, что я прекрасно понимаю по-абхазски* (Ф. Искандер, Стоянка человека); *Следствие шло у Яноша так: следовательно ни слова не понимал по-венгерски, а Янош — по-русски* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

б) ВИН: *Можно было бы и по-русски, просто английский язык понимает полмира, а русский — меньше одной шестой* («Известия», 24.05.2002); *Я человек русский; хотя и понимаю украинский язык, но не так, как нужно руководителю* (Н. Хрущев, Время. Люди. Власть. Воспоминания).

Лексема *понимать 1.3* сочетается со словами *язык и речь*, а также с названиями конкретных языков в роли объекта понимания; ср. *Надежда на то, что до зрителя, который не понимает языка, могут доходить самые интонации, по существу обманчива* (В. Ходасевич, Театр Михаила Чехова); *Ты говоришь по-фински, Арси? Жаль. Впрочем, мадемуазель Тина понимает по-английски, по-немецки и даже немного по-русски. И даже слегка по-французски, — добавил он, улыбувшись* (В. Аксенов, Остров Крым); — *Бесноватые!* — *выкрикивает он в зал. — Орда ханская! Русского языка не понимают!* (Б. Штерн, Записки динозавра). Кроме того, *понимать 1.3* сочетается с наречиями *по-нашему, по-вашему* и т. п. в этой же роли; ср. *Я прошу говорить по-шотландски, потому что со мною гость и он по-нашему не понимает* (Р. Л. Стивенсон, Похищенный, или Приключения Дэвида Бэлфура, пер. с англ.); *Слушайте, вы мне отвечайте по-нашему, — сказала Ихощка, — а по-вашему я не понимаю* (А. Толстой, Аэлита).

Понимать 1.3, кроме того, может сочетаться со словами *диалект, говор, выговор, наречие, жаргон* и т. п., с названиями диалектов, типов и стилей речи, а также искусственных, вымышленных и т. п. языков; ср. *«Народный» язык академика Рядно начальство понимало лучше, легко с ним соглашалось и утверждало его дикие проекты* (В. Дудинцев, Белые одежды); *Каждый раз, получив такую бумагу, мама просила меня получить перевести ей содержание, она так и не научилась понимать язык государственных учреждений, хотя разговорный язык освоила неплохо* (Ф. Искандер, Школьный вальс, или Энергия стыда); *Ты больше никогда не станешь кошкой. А может, дело дойдет до того, что ты разучишься с нами разговаривать. Потому что перестанешь понимать по-кошачьи* (А. Шмидт, Мурли, пер. Е. Любаровой); — *Мах-сим — это он так себя называет, а воровского языка он не понимает. Так что это не наш* (А. и Б. Стругацкие, Обитаемый остров);

Только тетка с кольцами успокоиться не могла и пыталась вернуть народ, уверяя, что я вовсе не иностранец. — Я по-иностранному понимаю! — обращалась она к примолкшей очереди. — Иностранцы говорят «битте-дритте», а он точно по-нашему говорит (В. Войнович, Москва 2042).

Лексема *понимать* 1.3 сочетается с наречиями и наречными предложениями, указывающими на степень понимания: *прекрасно, свободно, хорошо, неплохо, разг. прилично, разг. сносно, недурно, немного, мало, мало что, кое-что, чуть-чуть, едва, с грехом пополам, через пень-колоду; ни бельмеса, ни бум-бум* [только в отрицательных конструкциях] и т. п.; ср. *Обычно в таких случаях тетушка всегда заговаривала с ними на грузинском языке, хотя и они и она прекрасно понимали по-русски* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Она по-немецки говорила плохо, как почти все наши барышни, но понимала хорошо* (И. С. Тургенев, Рудин); *Он слишком много понимал по-русски, профессор* (Вс. Иванов, Возвращение Будды); *Несмотря на долгое пребывание в Москве, он любил мешать свою русскую речь с малороссийскою (...). Доктор же свободно понимал это наречие и кое-как мог на нем объясняться по нужде или шутки ради* (Н. С. Лесков, Некуда); *Юра знал, насколько прилично Конни понимает по-русски, слово «включать» он наверняка знает* (А. Кабаков, Сочинитель); *Амбона немного понимал по-английски, но редко разговаривал на этом языке* (Г. Р. Хаггард, Копи царя Соломона, пер. с англ.); *Мало что понимая по-немецки, Иван тем не менее догадывался, как, отвечая физику, издевается над всем виденным Георг Майзель* (А. Азольский, Клетка); *С первым Юрий Андреевич объяснялся по-немецки, второй, родом из славянских Балкан, с грехом пополам понимал по-русски* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Южное наречье я понимаю через пень-колоду* (И. Померанцев, С букетом роз); *Он по-русски понимает?* — *Мало-мало, — ответил Артюшка* (Вс. Иванов, Голубые пески).

Наконец, лексема *понимать* 1.3 сочетается с фазовыми глаголами: *начать, стать* и (по прагматическим причинам гораздо реже) *перестать*; ср. *Долго бился с нею Григорий Александрович; между тем учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); — *Знаете, — сказал он, — переводить больше не нужно. Я стал как-то понимать по-бенгальски* (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок); *Вскоре мальчик стал бегать с оленями и стал понимать олений язык, что требует необыкновенной чуткости души и сообразительности ума* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

1.3.1.3.2. Аспектуальные особенности

Лексема *понимать* 1.3 имеет только форму НЕСОВ.

1.3.1.3.3. Парадигматические семантические связи

СИНОНИМЫ: *уходящ. разуметь.*

АНАЛОГИ: *говорить* 1.2, *объясняться, уходящ. изъясняться, разг. болтать, лопотать, уходящ. знать, разг. мерекать.*

1.3.1.3.4. Связь с другими лексемами

Развитие значения *понимать 1.3* из *понимать 1.2* можно представить следующим образом: *понимать 1.3* $X \approx$ '*понимать 1.2* большинство текстов на языке *X*'. Ср. пример (7), где синтаксическая омонимия (*понимать приговор* VS. *понимать язык*) достигается за счет возможности интерпретации глагола и как *понимать 1.2*, и как *понимать 1.3*:

- (7) *Нельзя ли перевести этот приговор на такой язык, чтобы я его понимала, — попросила Лиза* (Н. С. Лесков, Некуда).

Различить лексемы *понимать 1.2* и *понимать 1.3* сложно в примерах типа *понимать по-Х-ски Y*. В них можно интерпретировать *X* как валентность *понимать 1.3*, а *Y* как сирконстант со значением степени понимания, а можно считать *Y* валентностью *понимать 1.2*, а *X* — сирконстантом со значением языка текста; ср. *Он понимал по-немецки почти все и даже кое-что говорил, но ему было далеко до Рэма, а главное — произношение хромало* (И. Акимов, Баллада об ушедших на задание); *Елена помнит, как говорили в доме мама и папа, многое понимает по-русски, но сказать может далеко не все* («Петрозаводский университет», 06.02.1999).

1.3.1.4. Понимать 1.4 'разбираться'

А понимает W в X-е [*Да что вы понимаете в женщинах!*] = '*А знает W о существенных свойствах объекта X и умеет использовать это знание*'.

1.3.1.4.1. Особенности управления и сочетаемости

Лексема *понимать 1.4* сочетается с названиями людей в роли субъекта понимания; ср. *Старый миссионер разбирался в людских грехах, но ничего не понимал в политике* (К. Булычев, На днях землетрясение в Лигоне); *Полифем положил костыль поперек стола и спросил, что, собственно, Парал понимает в войнах* (А. и Б. Стругацкие, Второе нашествие марсиан).

Понимать 1.4 сочетается с существительными с предлогом *в* в роли объекта понимания, обозначающими:

а) сферу деятельности: *литература, музыка, живопись, военное дело* и т. п.; ср. *Колхозник познакомился в поезде с писателем и говорит ему: — Вам то хорошо, в литературе Никита Сергеевич хоть понимает!* (1001 политический анекдот); *Как, не понимая ни бльмеса в физике, все-таки научиться вычислять действующую на тебя силу тяжести?* (Г. Остер, Сборник задач по физике); *Он раньше преподавал историю в пятых классах, потом заведовал отделом музеев в наркомате, но ровно ничего не понимал ни в истории, ни в раскопках* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *А Фрида ничего не понимает в готовке, она говорит, что моими кушаньями можно только свиней кормить!* (А. Линдгрэн, Малыш и Карлсон, пер. Л. Лунгиной);

б) обобщенные названия групп людей (в форме МН), животных и любых объектов, имеющих много разновидностей и соответственно разную ценность; ср. *Да любой мужик понимает в людях больше, чем ты!* (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди); *Ни черта не понимаешь в женищинах. Или притворяешься* (В. Дудинцев, Белые одежды); — *Мустафа*, — сказал он наконец, обернувшись к другу, — *теперь я признаю, что ты был лучшим лошадиником, но ты знаешь, что и я любил лошадей и кое-что в них понимал?* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Я никогда ничего не понимал в векселях — самого этого слова уже не было, когда я начал учиться* (В. Каверин, Два капитана); *Я нехотя включился и в эту игру, но притворился, что ничего не понимаю в ружьях* (В. Белов, Воспитание по доктору Споку); *И когда К. хотел молча повернуться к выходу, она спросила: — Да и что ты понимаешь в платьях?* — *К. пожал плечами: нет, он в них ничего не понимает.* — *Ах, не понимаешь*, — сказала хозяйка, — *так не бери на себя смелость судить об этом* (Ф. Кафка, Замок, пер. Р. Райт-Ковалевой);

в) сложные устройства: *двигатель, мотор, устройство, механизм и т. п.*; ср. *С озабоченным видом он вылез из машины, поднял капот и, хотя ничего не понимал в двигателе, нажал несколько раз бензонасос, потыкал пальцами в клеммы и провода* (О. Ждан, В небеса, за счастьем); *К тому же надо было и самую игру изучить; потому что, несмотря на тысячи описаний рулетки, которые я читал всегда с такою жадностью, я решительно ничего не понимал в ее устройстве до тех пор, пока сам не увидел* (Ф. М. Достоевский, Игрок).

Лексема *понимать 1.4* сочетается с местоимениями и наречиями, характеризующими уровень понимания (чаще низкий): *что, что-то, что-либо, кое-что, мало что, ничего; много, немного, мало; столько, сколько-то, нисколько и т. п.* Ср. *Иван Арнольдович, как по-вашему, я понимаю что-либо в анатомии и физиологии, ну скажем, человеческого мозгового аппарата?* (М. Булгаков, Собачье сердце); *Что он понимает в цирке? Что он смыслит в том, чему Волков отдал тринадцать лет жизни?!* (В. Кунин, Ты мне только пиши); — *Я в картинах мало что понимаю. Вот лошадь или бычок — другое дело* (А. Конан-Дойль, Собака Баскервилей, пер. Н. Волжиной); *Он не человек, так как ничего не понимает в искусстве* (Е. Шварц, Обыкновенное чудо); *Незнайка (...)* *околачивался наверху и давал Тюбику разные ненужные советы, чтобы показать, будто он много понимает в живописи* (Н. Носов, Приключения Незнайки и его друзей); *У капитана не было, конечно, звания доктора, но впоследствии мы убедились, что он понимает в этом деле больше, чем многие из тех господ, которые получили право писать после своей фамилии звание доктора медицины* (Г. Р. Хаггард, Копи царя Соломона, пер. с англ.).

Для *понимать 1.4* характерны усилительные конструкции и фраземы (ср. разг. *не понимать ни черта (ничегошеньки, ни бельмеса)*) и конструкции со сравнительными оборотами, указывающие на весьма малую степень понимания: ср. *понимать в чем-л. как свинья в апельсинах; На что мне твой Астров? Он столько же понимает в медицине, как я в астрономии* (А. П. Чехов, Дядя Ваня); *Я за*

этим передатчиком охочусь восемь месяцев, но отчего-то это дело попадает к Рольфу, который столько же понимает в радиоигре, сколько кошка в алгебре (Ю. Семенов, Семнадцать мгновений весны); Но ты, Андрей, как всегда ни черта не понимаешь в психологии руководства (А. и Б. Стругацкие, Град обреченный); Я вообще-то ни хрена не понимаю в возждении автомобиля, но по-моему, Водила это делал мастерски! (В. Кунин, Кыся); Он ни бельмеса не понимал в моторе и чуть что обращался ко мне (Ф. Искандер, Стоянка человека). Таким образом, *понимать 1.4* тяготеет к отрицательной поляризованности.

Наконец, *понимать 1.4* сочетается с существительным *толк*, образуя фразему *понимать толк* со значением ‘хорошо разбираться и ценить’; ср. *Тургеневская безмятежность / Ему сродни; еще вполне / Он понимает толк в вине (А. Блок, Возмездие); Она любила архитектуру и понимала в ней толк (А. Грин, Бегущая по волнам).*

1.3.1.4.2. Аспектуальные особенности

Лексема *понимать 1.4* имеет только форму НЕСОВ.

1.3.1.4.3. Парадигматические семантические связи

СИНОНИМЫ: *разбираться, смыслить, соображать, быть сведущим*, разг. *кумекать*, разг. *сечь* б, сленг *рубить* [*Светлана здорово «рубил» в математике и физике, собиралась поступать в МГУ на мехмат (Э. Володарский, Дневник самоубийцы)*], *знать толк* (в чем-л.).

АНАЛОГИ: *знать*.

1.3.1.4.4. Связь с другими лексемами

Развитие значения *понимать 1.4* из *понимать 1.1* можно представить следующим образом: *понимать 1.4* в *X-е W* \approx ‘*понимать 1.1* из множества *X* подмножество фактов *W*, составляющее существенные свойства *X*, причем это понимание влияет на умения пользоваться *X-ом*’. Эта связь прослеживается в примерах, где при *понимать* выступает не количественная характеристика (*понимать в X-е что-то* {кое-что, сколько-то, мало что}); см. выше о заполнении валентности *W*), а качественная, которая может сводиться к единичному утверждению; ср. — *Хорошо, что вы нам повстречались, — заметил солдат. — Я-то понимаю в машинах только то, что им нужен бензин (Э. М. Ремарк, Ночь в Лиссабоне. Пер. с нем.)*. Здесь мы усматриваем промежуточное употребление *понимать 1.1* и *понимать 1.4*.

1.3.1.5. Понимать 1.5 ‘сочувствовать’

А понимает В [Счастье — это когда тебя понимают] = ‘*А* хорошо знает или представляет мысли, чувства или качества *В*, и поэтому говорящий считает, что отношение *А* к *В* лучше, чем отношение других людей к *В*’.

1.3.1.5.1. Особенности управления и сочетаемости

Лексема *понимать* 1.5 сочетается с названиями людей в роли субъекта и объекта понимания; ср. *Один-единственный человек понимал, утешал и поддерживал меня* (Ф. Абрамов, Слон голубоглазый); *Такова судьба всех великих людей. Современники их не понимают* (Г. Горин, Тот самый Мюнхгаузен); *Вообрази: я здесь одна, / Никто меня не понимает* (А. С. Пушкин, Евгений Онегин); *Это очень важно, чтобы молодые поняли нас, не осудили* (А. Солженицын, Раковый корпус); *Как жалко, что исчез, бесследно исчез Ланцелот. Я только теперь понял его. Это удивительный человек. Мы все виноваты перед ним* (Е. Шварц, Дракон).

Кроме того, для лексемы *понимать* 1.5 характерно сочетание с местоимением *друг друга*, одновременно выражающим значение субъекта и объекта. Ср. *Я сказал, что великие души понимают друг друга, потому-то Вадим смотрел на нее без удивления, но с тайным восторгом* (М. Ю. Лермонтов, Вадим); *Помню, что мы очень скоро сошлись и совершенно поняли друг друга* (Ф. М. Достоевский, Село Степанчиково); *Так — с первого шага мы с западной «медиа» не сдружились. Не поняли друг друга* (А. Солженицын, Угодило зернышко между двух жерновов).

Для лексемы *понимать* 1.5 характерны эмфатические сочетания с местоименными наречиями *как, так* и оценочными наречиями, указывающими на высокую степень сочувствия; ср. — *Как я вас понимаю, — закивал головой бургомистр. — Примите мои соболезнования* (А. Шмидт, Ведьмы и все прочие. Пер. Е. Любаровой); — *Понимаю, ах, как я вас понимаю!* — *возрадовался Шепетуха* (Н. Дежнев, В концертном исполнении); *И я так понимаю его, так переполняюсь его мукой и смертью, страхом и виной, что мне уже не скрыть от себя, что это я и есть* (А. Битов, Япония как она есть, или Путешествие из СССР); *Я так хорошо вас понимаю и чувствую* (Г. Щербакова, Ёклэмэнэ...).

Возможны также переносные употребления *понимать* 1.5, где в качестве объекта понимания выступает неодушевленный предмет; ср. *И вот — наш кавказский сыр. Эх, хорош он с молодым вином да на чистом воздухе! Так уж хорош! Но не все его понимают и любят* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

1.3.1.5.2. Аспектуальные особенности

Лексема *понимать* 1.5 употребляется чаще всего в форме НЕСОВ.

1.3.1.5.3. Парадигматические семантические связи

СИНОНИМЫ: *ценить, признавать, принимать.*

АНАЛОГИ: *сочувствовать, сопереживать; соглашаться, разделять взгляды, сходиться во взглядах (во мнениях, во вкусах), находить общий язык [к понимать друг друга].*

ДЕРИВАТЫ: *взаимопонимание.*

1.3.1.5.4. Связь с другими лексемами

Соотношение значений *понимать 1.5* и *понимать 1.1* сходно вышеописанному соотношению *понимать 1.4* и *понимать 1.1*: *понимать 1.5 X-а* ≈ '*понимать 1.1* из всей совокупности мыслей, чувств или качеств, присущих X-у, столько, чтобы это повлияло на оценку X-а, повысив ее'. В некоторых примерах (чаще в отрицательных конструкциях) *понимать 1.5* сближается с такими употреблениями *понимать 1.2*, где оно в результате метонимического переноса сочетается с одушевленными существительными, называющими автора текста или любого художественного произведения (см. выше); ср. *В 1982 Тарковский уехал снимать кино в Италию — у нас его не понимали* [не понимали сложные фильмы Тарковского или не понимали и не ценили Тарковского как личность?]; *Его не понимали, порицали и тем не менее, если даже не поняли, то признали, приняв (...) в Союз художников* («Молодежь Эстонии», 15.01.2002). Различить *понимать 1.5* и *понимать 1.2* трудно также в предложениях, где упоминается конкретное высказывание человека, а не его мысли, чувства и качества в целом (что сближает эти употребления с *понимать 1.2*), но тем не менее содержится сочувственная оценка (что присуще *понимать 1.5*); ср. *Тут я тебя понимаю*; *Многие родители сыновей (у нас дочь) согласны со мной, но говорят, что боятся дедовицы в армии. Вот в этом я их понимаю* («Огонек», № 34, август 2004).

1.3.1.6. Понимать 1.6 'знай!' (разг., эмоц.-усил.)

Пойми, Р! [*Пойми, я должен был так поступить!*] = 'Говорящий очень хочет, чтобы адресат понял 1.1, что Р, и говорит: Р' [употребляется только в форме ПОВЕЛ СОВ: *пойми, поймите*].

1.3.1.6.1. Особенности управления и сочетаемости

Валентность содержания понимания (Р) при *понимать 1.6* может выражаться несколькими способами.

а) что + ПРЕДЛ.: *Что вы сидите, как старая бабка в перине? Вы поймите, что Татьяне 17 лет!* (Г. Вишневская, Галина, История жизни); — *Миша, — снова сказала я, начиная волноваться, — поймите, что вам теперь совершенно не нужны эти бумаги* (В. Каверин, Два капитана);

б) ПРЕДЛ.: *И что я ей такого, гадине, сделал? Ты пойми, мне не полтинника жалко* (Ю. Алешковский, Кенгуру); *Поймите же: я не хотел* (Е. Замятин, Мы); *У нас нет времени на обсуждение, поймите!* (Ю. Семенов, Непримируемость).

в) ВОПРОС: *Да пойми же ты, пойми, — бешено шипел Петр Петрович, выгнав вон девок, дедушку, захлопнув дверь и крепко ухватясь за скобу, — пойми, змея, что могут вообразить!* (И. Бунин, Суходол); *Умоляю тебя, вдумайся и пойми! Ты только пойми, до какой степени мелка и унизительна наша жизнь* (А. П. Чехов, Невеста).

Отметим, что способность управлять косвенным вопросом у *понимать 1.6* гораздо более ограничена, чем у *понимать 1.1*.

Для лекси́мы *понимать 1.6* характерны сочетания с наречиями и наречными сочетаниями: *наконец, в конце концов*, а также с усилительными частицами: *да, же* и т. п.; ср. *Вы опять задаете мне вопросы, на которые я просто НЕ УМЕЮ ответить. Поймите вы это, наконец: НЕ УМЕЮ* (А. и Б. Стругацкие, Град обреченный); *Да поймите вы, наконец, гражданин надзиратель, что у вас и у нас одна конечная цель — мировая коммуна* (Ю. Алешковский, Кенгуру); — *Да пойми же, — если не выпьешь лекарства, ты можешь умереть* (А. Толстой, Золотой ключик, или приключения Буратино); *Поймите же, что я этого требую, требую, иначе не хочу говорить, не стану ни за что!* (Ф. М. Достоевский, Бесы).

1.3.1.6.2. Просодические особенности

Для лекси́мы *понимать 1.6* характерна особая восклицательная интонация и аффе́ктивное произнесение, ср. *Да ты пойми, да вы поймите, ты, парень, вы, ребята, поймите, нет у нас еще нации, хоть плачь, но нету!* (В. Аксенов, Остров Крым).

1.3.1.6.3. Парадигматические семантические связи

АНАЛОГИ: *знай; если хочешь знать; видишь ли; смотри.*

1.3.1.6.4. Связь с другими лексемами.

Понимать 1.6 представляет собой результат лексикализации формы инфинитива *понимать 1.1*. По сравнению с *понимать 1.1*, в *понимать 1.6* отсутствует смысл «основание для понимания», так как информация, составляющая содержание понимания, непременно должна быть выражена при этой лексеме; это сближает фразы с *понимать 1.6* с перформативными употреблениями (подобно фразам типа *Ты (еще не) знаешь, что Р;* см. выше).

1.3.1.7. *Понимать 1.7* ‘слышишь?’ (разг.-сниж., эмоц.-усил.)

Р, понял? [Нельзя, понял?] = ‘Говорящий очень хочет, чтобы адресат знал, что Р, и говорит: Р’ [употребляется только в форме ПРОШ СОВ: *понял, поняла, поняли*].

1.3.1.7.1. Особенности управления и сочетаемости

Валентность с о д е р ж а н и я понимания (Р) *понимать 1.7* может заполняться только придаточным предложением, стоящим в препозиции по отношению к этой лексеме, Ср. *Его держали за руки и объясняли: — Нельзя. Нельзя, ты понял?* (В. Шукшин, Любавины); — *Нам только жалуются, и то днем, а не по ночам. — А я не жалуюсь, вы поняли?* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора); — *Катись-ка ты*

отсюда со своей лекцией, — спокойно сказала она. — Я и без тебя грамотная, поняла? (В. Распутин, Деньги для Марии).

1.3.1.7.2. Просодические особенности

Для лексемы *понимать* 1.7 характерна особая вопросительно-восклицательная интонация, а ф е к т и в н о е (часто агрессивное) произнесение и п о в т о р е н и е, ср. *Она перебила всю посуду, оставшуюся на столе, сорвала и швырнула в телевизор скатерть, стучала кулаком в дверь и сдавленным голосом кричала что-то вроде: «...Ты как хочешь, и я как хочу!.. Понял?.. Понял?.. Понял?..»* (А. и Б. Стругацкие, Второе нашествие марсиан); *Ты понял меня, Эмраин Бородатый, будем плыть! Ты понял?* (Ч. Айтматов, Пегий пес, бегущий краем моря); *Я ее соберу и склею, понял?* *Эта гитара всех наших стоит, вместе взятых, понял?* *Вместе взятых* (Ю. Карабчиевский, Жизнь Александра Зильбера); *Сегодня я должен быть в районе, понял?* *Ухожу на фронт, понял?* (В. Солоухин, Не жди у моря погоды). Для *понимать* 1.7 характерно также р е д у ц и р о в а н н о е произношение; ср. — *Не знаю, как быть, Феликс Эдмундович... Полинка моя совсем одичала. Ревнует меня к службе, понял?* (У Геши выходило — поэт.) *Скучаю, говорит... а ведь люблю я ее, Полинку-то... Невеста она мне, поэт? Сердцем моим завладела, поэт?.. — Опять слова-паразиты, — закричал Хуриев, — будьте внимательнее!* (С. Довлатов, Зона).

1.3.1.7.3. Парадигматические семантические связи

СИНОНИМЫ: *Так и знай; Ясно? Понятно?* разг. *Усек? Слышишь?* [Убирайся отсюда, слышишь?]

АНАЛОГИ: *Заруби себе на носу; Хуже будет; Попробуй только.*

1.3.2. ПОНИМАНИЕ-МНЕНИЕ

1.3.2.1. Понимать 2.1 ‘интерпретировать’

А понимает X как Y [Полицейский понял его кивок как сигнал к действию] = ‘А считает, что смысл X-а есть Y’.

1.3.2.1.1. Особенности управления и сочетаемости

Валентность главного о б ъ е к т а понимания (X) при *понимать* 2.1 выражается неодушевленными существительным в форме ВИН, обозначающими:

а) единицы языка и речевые акты: слово, выражение, предложение, фраза, мысль, вопрос, просьба и т. п. Ср. *Но Гриша, очевидно, не нашел в этих словах ничего обидного, а даже, наоборот, понял их как наше горячее желание немедленно пройти в зал и посмотреть пьесу* (В. Каверин, Два капитана); *Любые предложения люди понимают иначе, чем тот, кто их вносит* (А. Блох, Закон Мэр-

фи, пер. с англ.); Он сам попросил исключить его из рядов партии. — На кого же он обиделся? — жестко спросил Лукин. — На себя или на партию? Как понимать его просьбу? (В. Шукшин, Любавины); Само собою разумеется, что все выше-сказанное о кокаине нужно понимать отнюдь не как мнение о нем вообще, а лишь как мнение об этом яде такого человека, который только-только начал нюхать (М. Агеев, Роман с кокаином).

б) тексты и информационные объекты: статья, книга, фильм и т. п.; ср. Не всякий человек способен изложить в доступной другим людям форме содержание иностранного текста, даже если сам он правильно понял этот текст («Компьютерра», № 35—36, 1995); Очевидно, фельетонист понял всю книгу так, как невозможно было понять ее (Л. Н. Толстой, Анна Каренина); Я мог бы показать, что я не ошибся во времени и не понял его рассказ превратно (Л. Витгенштейн, О достоверности, пер. М. Козловой);

в) символические действия: жест, гримаса, мимика и т. п.; ср. Володька неопределенно крутанул головой — не то да, не то нет. (...) Сергей предпочел понять его жест как согласие (В. Каплан, Усатый-полосатый).

г) интерпретируемые ситуации; ср. «Их борьба за власть», — вот как он понимал происходящее (Н. Мандельштам, Воспоминания); Его положение понималось народом как жалкая исполнительность продажного умника (В. Набоков, Незавершенный роман).

Кроме того, понимать 2.1 в результате метонимического переноса может сочетаться с одушевленными существительными, называющими автора интерпретируемых слов, жестов или действий: ср. Тем не менее, я был безмерно счастлив: впервые Водила понял меня так, как этого хотел я (В. Кунин, Кыся); Один был похож немного на Саню, я невольно несколько раз взглянула на него и прислушалась к тому, что он говорил. Но он, должно быть, понял меня иначе, потому что приосанился и глупо улыбнулся (В. Каверин, Два капитана).

Валентность второго объекта (Y), указывающая на смысл, который субъект приписывает главному объекту, выражается несколькими способами.

а) как + ВИН: Тетушка Хрисула (...) сделала пару шагов в мою сторону, что надо было понимать как случайное, нецеленаправленное перемещение (Ф. Искандер, Сандро из Чегема). С минуту, не меньше, смотрела она на него прямо и твердо, и тяжелая пауза эта придавала ее словам весь вес, всю значительность нравственной борьбы, что комендант понял как изумление (А. Грин, Блистающий мир); Чонкин замахнулся на Борьку прикладом, но тот, поняв этот жест как шутку, набросился на Ивана, и унять его было не просто (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

б) Наречия как, так, как-то, никак и т. п.; ср. Зоя. Выселить? (Показывает шиш.) Алл и л у я. Это как же понимать? Зоя. Это как шиш понимаете (М. Булгаков, Зойкина квартира); Из дому вышла старуха, не замечая меня, побрела к ко-

лодцу. Я понял это так, что постель готова, и вернулся в комнату (А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу); Потом выяснится, что она просто «хотела обратить его внимание на то-то, а он, оказывается, понял это вон как!» (В. Шукшин, Любавины);

в) Наречия буквально, правильно, верно, так, по-своему, иначе, по-другому, искаженно, превратно, неправильно, неверно и т. п., указывающие на соответствии смысла, который субъект приписал объекту понимания, его действительному смыслу: Вы меня поняли слишком буквально, а это аналогия (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди); Могло быть, что вы не так поняли? Нет; уж понял верно, смысл совершенно прямой (Ф. М. Достоевский, Подросток); Слова Христа о живых и мертвых я понимал всегда по-другому (Б. Пастернак, Доктор Живаго); Мне неприятно вспоминать ночной разговор, так как я боюсь, не поняли ли вы меня превратно (А. Грин, Бегущая по волнам); Он имел безумие уверить себя самого, что его неверно и «дурно» поняли, — и то же самое объявил даме (В. Ходасевич, Андрей Белый);

г) что + S: Я так понял, что кого-то арестовали или хотели арестовать (А. Солженицын, Матренин двор); Он очень просил, прямо-таки умолял, чтобы вы прислали ему две-три капли мафусалина... — Чего-чего? — Мафусалина... Я так понял, что это какое-то новое лекарство... Или я неправильно запомнил? (А. и Б. Стругацкие, Пять ложек эликсира).

Лексема *понимать* 2.1 сочетается с фазовыми глаголами *начать* и *стать*; ср. Одновременно он стал немного по-новому понимать жизнь и вместо прежнего желания прорыть тоннель как можно дальше начал ощущать ответственность за свою судьбу (В. Пелевин, Жизнь насекомых); Когда он надел привезенный ему тулуп, сел, закутавшись, в сани и поехал (...), он совершенно иначе стал понимать то, что с ним случилось (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).

Лексема *понимать* 2.1 сочетается также с модальными словами *можно*, *нужно*, *надо*, *следует* и т. п., указывающими на возможные смыслы объекта понимания; Ср. «Сбалансированность» психических процессов можно понимать и по-другому — когда происходящее на одном уровне вызывает «цепную реакцию» соответствующих процессов на других уровнях (Уппсальский корпус); Значит, Пушкин вынужден был так написать и в то же время дает намек, что надо понимать эту строчку по-другому (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); А Поталеев и говорит: — Что это значит? Как я должен понимать вашу улыбку? (Н. С. Лесков, На ножах); А в каком смысле следует понимать слова Достоевского: «Мы все вышли из гоголевской “Шинели”»? (В. Каверин, Два капитана); Я хочу также подчеркнуть, что не следует слишком буквально понимать все, что написано в этой книге (Б. Спок, Ребенок и уход за ним, пер. с англ.).

Наконец, лексема *понимать* 2.1 сочетается с глаголом *приказать* в 2-л БУД, образуя необходимую фразу *Как прикажешь (прикажете) понимать Р со зна-*

чением 'что означает Р?'. Ср. — *И как прикажете это понимать?* — *Как намек* (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди); *Как прикажешь понимать твои слова насчет хрустального купола небес: в буквальном или переносном смысле слова?* (Л. Лагин, Старик Хоттабыч); — *Как прикажете понять вас?* — *спросил Ратмиров* (И. С. Тургенев, Дым).

1.3.2.1.2. Просодические особенности

Лексема *понимать 2.1*, в отличие от лексемы *понимать 1.1*, обычно стоит в тематической позиции и не может нести на себе фразовое ударение. Ср. *Я* ↓*понял*, что вы уезжаете, и пришел попрощаться [*понимать 1.1*] VS. *Я* *понял*, что вы ↑*уезжаете*, а оказалось, что ничего подобного [*понимать 2.1*]. Это объясняется фактивностью *понимать 1.1* и путативностью *понимать 2.1*; ср. [Апресян 1992б; Зализняк Анна 1992а: 141].

1.3.2.1.3. Аспектуальные особенности

Для лексемы *понимать 2.1* в форме НЕСОВ возможны как стативные, так и динамические употребления. Ср. *Малаша, которая, не спуская глаз, смотрела на то, что делалось перед ней, иначе понимала значение этого совета* (Л. Н. Толстой, Война и мир) VS. *Когда жена звонит кому-то, выясняя, был ли там ее муж, это понимают однозначно: он подозревается в измене* (М. Веллер, Приключения майора Звягина). В актуально-длительном и процессном значении форма НЕСОВ не употребляется.

1.3.2.1.4. Парадигматические семантические связи

СИНОНИМЫ: *толковать, истолковывать, интерпретировать*.

АНАЛОГИ: *расценивать, воспринимать, принимать* (что-л. за что-л.), *видеть* (что-л. в чем-л.), *считать* (что-л. чем-л.); *решить, сделать вывод*.

1.3.2.1.5. Связь с другими лексемами

Лексема *понимать 2.1* соотносится с *понимать 1.2*, от которой отличается, как было указано выше, отсутствием свойства фактивности и наличием дополнительной валентности. Различение *понимать 2.1* и *понимать 1.2* представляет трудность в конструкциях типа *правильно понять, что Р* (нормативность которых, впрочем, может быть подвергнута сомнению, так как они кажутся семантически избыточными; ср. невозможность **неправильно понимать, что Р*). Ср. *Он правильно понял, что воздействовать на избирателей, на народ эффективнее всего через средства массовой информации* («Вечерняя Москва», 9.09.1999); *Перед Анохиным сидел другой человек. Он правильно понял, что изменение это не связано с ним, но расспрашивать не стал* (П. Алешин, Русская трагедия); *При строгих сестрах ему б так не дали расслаживаться, но дежурил медбрат Тургун, свойский парень*,

который правильно понимал, что от этого медицина не перевернется (А. Солженицын, Раковый корпус). Отметим, что в вопросах (*Я правильно понял, что Р?*) с несомненностью представлена именно лексема *понимать* 2.1.

1.3.2.2. Понимать 2.2 ‘считать’

А понимает X как Y [*Я понимаю свободу как право иметь свое мнение*]
= ‘А считает, что X есть Y’.

1.3.2.2.1. Особенности управления и сочетаемости

Валентность главного объекта понимания (X) при *понимать* 2.2 выражается абстрактными существительными в форме ВИН, обозначающими:

а) этические понятия: *добро, зло, свобода, прогресс, мораль* и т. п. Ср. *Милосердие, которое мы понимаем как сострадание и верность, является неотъемлемой частью жизни каждого христианина* (Уппсальский корпус); *Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепых выдумок* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы);

б) явления, особенно фундаментальные: *жизнь, дружба, любовь, наука, культура, искусство, язык* и т. п. Ср. *Счастье каждый понимает по-своему; И науку мы не можем понимать иначе как метафизику* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); *Язык он [Шлейхер] понимает как «звуковое выражение мысли», как «мыслительный процесс, выявляющийся с помощью звука»* (И. Сусов, История языкознания).

Валентность второго объекта (Y), выражается несколькими способами.

а) ВИН (существительные, выступающие как дефиниции, истолкования главного объекта): *Горьких корней этого знания он не замечает. Он тянется только к сладкому плоду его, да и тот понимает только как обогащение* (В. Ходасевич, Петербургские повести Пушкина); *Словосочетание «генеральный продюсер» довольно расплывчато. На деле свои обязанности он [Эрнст] понимает как формирование нового имиджа первого канала* (Архив «Московского Комсомольца»).

б) как + ВИН: *В эпигонские периоды {...} оригинальность не поощряется и классику понимают в чисто фольклорном духе — как заданный поэту язык, как систему обязательных формул для передачи определенных мыслей и тем* (Ю. Щеглов, Романы И. Ильфа и Е. Петрова);

в) Наречия *так (же), иначе, по-другому, по-иному, по-своему* и т. п.): *И кто тебе поверит о свободе? Так ли, так ли надо ее понимать!* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *Я совсем по-другому понимаю близость и жизнь* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Всякий понимал жизнь по-своему, как не хотел понимать ее*

Обломов (И. А. Гончаров, Обломов); *И я не собираюсь обманывать тебя, так как и не хочу и не умею это делать. Я иначе понимаю дружеские услуги* (С. Лем, Друг Автоматя, пер. Л. Васильева).

1.3.2.2.2. Аспектуальные особенности

Лексема *понимать* 2.2 употребляется только в форме НЕСОВ. Изредка возможны употребления *понимать* 2.2 в процессном значении; ср. *Я долго понимал глагол вести как каузатив от идти* (Л. И. Куликов, реплика после доклада о глаголах *вести*, *влечь* за собой и т. д.; на этот пример внимание автора обратил А. Д. Шмелев).

1.3.2.2.3. Парадигматические семантические связи

СИНОНИМЫ: *считать, трактовать, рассматривать, воспринимать, мыслить, представлять.*

АНАЛОГИ: *квалифицировать.*

1.3.2.2.4. Связь с другими лексемами

Толкования лексем *понимать* 2.1 и *понимать* 2.2 весьма близки и различаются лишь компонентами ‘... что смысл *X*-а есть *Y*’ VS. ‘... что *X* есть *Y*’. Тем не менее, эти лексемы характеризуются различиями в сочетаемости, аспектуальных свойствах, наборе синонимов и т. д. Ср. контрастную пару: *Митрофанов, должно быть, понял благодарность как желание Самгина кончить беседу, он встал, прижал руку к левой стороне груди* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина) [*понимать* 2.1] VS. *Митрофанов понимал благодарность как естественное человеческое чувство* [*понимать* 2.2].

Отсутствие компонента «смысл» в значении *понимать* 2.2 наряду с путативностью выносит эту лексему на периферию вокабулы *понимать* и сближает ее с такими глаголами, как *трактовать, рассматривать*. Однако в *понимать* 2.2, в отличие от этих глаголов, все же сохраняется семантика *понимать*, в котором актанты *X* и *Y* (объект и содержание понимания) неравноправны и не могут быть переставлены.

Именно этим, на наш взгляд, объясняются коммуникативные особенности этой лексемы, отмеченные И. М. Богуславским: «Нам известны лишь изолированные примеры того, когда глагол навязывает своему актанту положение в теме или реме. Один из таких примеров — глагол *понимать что под чем* или *что как что*, который, по-видимому, отличается в этом отношении от таких близких глаголов, как *интерпретировать что как что* и *трактовать что как что*: {...}

(19а) *Мы понимаем фонему [тема] как пучок дифференциальных признаков [рема].*

(19б) **Как пучок дифференциальных признаков [тема] мы понимаем фонему [рема].*

- (20a) *Мы интерпретируем (тракуем) отсутствие ответа [тема] как согласие [рема].*
- (20б) *Как согласие [тема] они готовы интерпретировать (трактовать) даже отсутствие ответа [рема].» [Богуславский 1998: 13].*

1.3.2.3. Понимать 2.3 ‘подразумевать’

А понимает под X Y [Что вы понимаете под этими словами?] =
 ‘Говоря X, А хочет, чтобы другие считали, что значение X есть Y’.

1.3.2.3.1. Особенности управления и сочетаемости

Валентность главного объекта понимания (X) при *понимать* 2.3 выражается существительными *слово, название, термин, имя* и т. п. с предлогом *под*: *Никто не знал, что такое курпей... А спросить его, что именно он понимал под словом курпей, никто так и не решился* (И. С. Тургенев, *Новь*); *Но его нельзя было назвать жизнелюбцем. Мы привыкли понимать под этим термином что-то уж слишком земное* (Архив «Независимой газеты»); *Со времени войны и особенно опытов фашистской экономики, под именем государственного капитализма понимают чаще всего систему государственного вмешательства и регулирования* (Л. Троцкий, *Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?*).

Валентность второго объекта (Y) выражается существительным в форме ВИН: *Юристы понимают под микстом смешанный гонорар, одна часть которого поступает из кассы юридической консультации, а другая — от клиента в знак благодарности за квалифицированный труд* (Уппсальский корпус); *Под империализмом Ленин понимает здесь грабеж чужих стран вообще* (Е. Тарле, *Наполеон*).

Лексема *понимать* 2.3 сочетается с фазовыми глаголами *начать* и *стать*, преимущественно в неопределенно-личных конструкциях; ср. *Но тут сделали подмену, и под ссылкой стали понимать не только вольное поселение, а и — каторгу, принудительные работы* (А. Солженицын, *Архипелаг ГУЛАГ*); *В силу деформаций застойных лет в массовом сознании под партией стали понимать райкомы, горкомы, обкомы* (Уппсальский корпус).

Понимать 2.3 также сочетается с глаголами типа *привыкнуть, условиться* и модальными словами *принято, целесообразно, можно, следует* и т. п., указывающими на конвенциональное понимание; Ср. *Под калями принято было понимать только рыбные слабокислые супы, а в похмелки и солянки выделились более кислые и более концентрированные* (В. Похлебкин, *Национальные кухни наших народов*); *Под народом, продолжал Вильгельм, целесообразно было бы понимать совокупность всех граждан* (У. Эко, *Имя розы*, пер. с итал.); *Что следует*

понимать под словами: «минимальный исторический срок»? (Л. Троцкий, Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?).

1.3.2.3.2. Аспектуальные особенности

Лексема *понимать* 2.3 употребляется практически исключительно в форме НЕСОВ. Ср. пример употребления формы СОВ, представляющийся не вполне нормативным: *Называли вместо этого [рака] что-нибудь безобидное: «язва», «гастрит», «воспаление», «полипы», а что кто под этим словом понял, можно было вполне объяснить только уже после обхода* (А. Солженицын, Раковый корпус).

1.3.2.3.3. Парадигматические семантические связи

СИНОНИМЫ: *подразумевать, уходящ. разуметь, иметь в виду.*

АНАЛОГИ: *считать, называть, звать.*

1.3.2.3.4. Связь с другими лексемами

Развитие значения *понимать* 2.3 из *понимать* 2.1 можно представить следующим образом: *понимать* 2.3 $X \approx$ 'Употребляя X , хотеть, чтобы другие понимали 2.1 X как Y '. Тем самым, по существу, в роли субъекта понимания здесь выступает не субъект лексемы *понимать*, а адресат высказывания или текста, автором которого он является. Трудность представляют безличные примеры, в которых ни тот, ни другой не выражены, особенно в конструкциях или сочетаниях с модальными глаголами; такие примеры мы считаем промежуточными между *понимать* 2.1 и *понимать* 2.3. Ср. *Что есть преобразование и как надо его понимать?* (И. С. Тургенев, Новь); *А слово «юный» надо понимать как «лишенный сана старейшины»* (Н. Джин, Учитель); *Да, нас изгнали из рая, если под раем понимать абсолютное безделье, отсутствие обязанностей, чести и долга* (Б. Васильев, Дом, который построил Дед).

ГЛАВА 2. МЕТАФОРЫ ПОНИМАНИЯ

Выше в разделе 1.3 были описаны свойства понимания на примере глагола *понимать* как центрального в этой группе ментальных предикатов. Между тем у этого глагола есть синонимы и аналоги, для которых значение понимания не является первичным, а образуется в результате метафорического переноса. Ср. «Образная метафора является одним из наиболее существенных внутрисистемных (...) источников синонимии» [Москвин 1997: 53]; ср. также [Плунгян 1999]. Языку вообще свойственно выражать сложные концепты, в частности, описывающие интеллектуальную сферу человека, с помощью более просто устроенных и наблюдаемых физических понятий. Ср. известное высказывание Ш. Балли: «Мы уподобляем абстрактные понятия объектам нашего чувственного восприятия,

поскольку это единственное средство, которое у нас есть, чтобы осознать их» [Bally 1964: 17].

В данной главе перечислены возможные осмысления ситуации понимания, соответствующие им метафоры и выражающие их лексические единицы. При этом для сравнения будет привлекаться материал других языков (в большинстве случаев английского).

2.1. Движение

— Это ты сам додумался? — Да, вроде как сам, — отвечал Пух. — Не то чтобы я умел думать, — продолжал он скромно, — ты ведь сам знаешь, но иногда на меня это находит. — Угу, — сказал Кролик, который никогда не позволял ничему находить на него, а всегда все находил и хватал сам.

А. А. Милн. Винни Пух и Все-Все-Все,
пересказ Б. Заходера

Роль метафоры движения в ментальной лексике отмечалась неоднократно; см., например, [Арутюнова 1976, 1979; Зализняк Анна 1999; Черненко 1997: 319; Булыгина, Шмелев 2000]. В частности, Анна А. Зализняк пишет, что основным механизмом построения концептов ненаблюдаемого внутреннего мира является метафора, а «ядро “материальной” лексики, служащей основой для метафорического переноса, составляют производные от глаголов, в своем основном значении описывающих движение или расположение в пространстве, ср. *предположение, представление, вывод, довод, предпосылка, состояние; полагать, надлежать, находить* <что...>, *исходить* <из чего-то> и т. п.» [Зализняк Анна 1999: 312]. Интересные данные о роли движения в древнегерманской модели мира содержатся в работах Т. В. Топоровой [Топорова 1985: 18, 2000: 45]; ср. «Знание складывается из способности помнить и предвидеть, окидывать духовным взором всю временную ось, ум воспринимается как движение, пронизывающее пространство и время... Сущность движения, отраженного в семантических мотивировках интеллектуальных понятий, двоякого рода: интенсивный рост, устремленность вверх (др.-англ. *under-standan* (<*sta-, *sta- «стоять»), вперед..., с одной стороны, и экстенсивное знание..., охват по кругу..., с другой» [Топорова 1985: 18].

Действительно, хотя мыслительная деятельность человека часто не имеет внешних проявлений, она протекает постоянно, и человек всегда находится «на пути к истине». Различные взгляды на отношения между человеком и истиной порождают различные метафоры понимания и в русской языковой картине мира: оно может возникать благодаря активности субъекта, то есть понимающего человека, или содержания понимания, то есть истины. Скажем, для *разгадать* активен субъект

(*разгадать* предполагает напряженную мыслительную деятельность, предшествующую пониманию), а для *осенить* — объект (*осенить* человека может внезапно и без каких-либо действий с его стороны). Рассмотрим обе ситуации подробнее

2.1.1. Движение человека к истине

Итак, язык может рассматривать работу мысли как внезапное или поступательное движение к истине; ср. *идти (прийти) к пониманию*. Обретенное в результате понимание мыслится как достижение цели, ср. *дойти, найти, постичь*, разг.-сниж. *допереть*, сленг *догнать*, сленг *въехать*. Ср. *Из эмигрантских критиков наиболее остро ощутил необычность внезапного появления нового таланта — Д. Мережковский, и он, как нам кажется, ближе всех подошел к истине* (Н. Струве, Роман-загадка); *Мысленно приблизиться к тому, буквальное приближение к чему просто немыслимо, постичь умам умонепостижимые расстояния, размеры, температуры и при этом не сойти с ума можно лишь при помощи некоторых... понятий, символов, чисел* (А. Дмитриев, *Закрытая книга*); *Если б ты серьезно задумался, сам бы допер* (А. Кабаков, *Последний герой*); *Ты понял этот анекдот? Я что-то не въезжаю (не догоняю)*.

Ср. англ. *come (to something)* ‘прийти (к пониманию чего-л.)’, *get next (to the idea)* ‘понять, уловить, букв. приблизиться (к идее)’, *reach* ‘постигать’, *bottom* ‘вникать, понимать, букв. коснуться дна’, *fathom* ‘проникнуть, дойти до глубины’.

Если понимание сопряжено с трудностями, оно выглядит как преодоление преград на пути к истине, ср. *проникнуть, врубиться, раскусить*. Ср. *Ночью, такой же вот ночью готовя себя к спросу, я огромным душевным напряжением все же проник в их суть, понял их* (В. Маканин, *Стол, покрытый сукном и с графином посередине*); — *Не очень врублюсь что-то, — сказал Шурик. — Что она тогда, в пустоте висит, милость эта? — Пустоты там тоже нет. — Так что же есть? — Я же сказал, милость. — Опять не врубаюсь* (В. Пелевин, *Чапаев и Пустота*); *Притворяться вы умеете хорошо, но я, к счастью вас раскусил, и наблюдать ваши артистические таланты не доставляет мне никакого удовольствия* (А. и Б. Стругацкие, *Гадкие лебеди*).

Ср. англ. *penetrate, pierce* ‘понять, букв. проникнуть, пронзить’: *He pierced it with a glance of intuition* [Он сразу интуитивно понял это, букв. ‘пронзил вспышкой интуиции’].

В рамках метафоры «мышление есть движение» понимание сродни попаданию в пункт назначения, а человек непонимающий выглядит как заблудившийся путник (ср. *теряться в догадках* ‘не понимать’, *заблуждение* ‘неправильное понимание или мнение’). Ср. *Что бы это значило? Зачем это он приходил к нам? Я понять не могу, откуда он все про нас знает! Я теряюсь в догадках* (Ф. М. Достоевский, *Бедные люди*). При этом «встреча с истиной» может оказаться неожиданной, ср. *напасть (на решение), наткнуться, натолкнуться (на разгадку)*. Ср. *Но иным открывается тайна, / И почиет на них тишина... / Я на это наткнулась случайно /*

И с тех пор все как будто больна (А. Ахматова, Двадцать первое. Ночь. Понедельник); — *Вспомни историю химии, милый... Восемьдесят лет назад Велеру повезло: он наткнулся на синтез мочевины* (Л. Успенский, Эн-два-0 плюс Икс дважды).

Ср. англ. *tumble (on smth)* ‘натолкнуться’, *be on (to smth)*, *nick (it)* ‘попасть в точку, угадать’: *All of a sudden I tumbled to it* [Внезапно меня осенило, букв. ‘я натолкнулся на это’]; *He was on to it at last* [Наконец он это понял, букв. ‘добрался’]; *I nicked the truth, didn't I?* [Я угадал (букв. зацепил) верно, правда?].

Последние употребления сближаются с группой лексем, в основе которых лежит метафора понимания как уд а р а . Она возникает в развитие идеи движения: человек неожиданно сталкивается с истиной на пути к ней, и это внезапное понимание уподобляется удару (ср. (у)сечь, просечь). Ср. *Ты появился и стал ходить по школе, по всем пяти этажам ее, все засекаешь, все усекаешь, во все проникать* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Давай послушаем Володю, Сережа, ты ж, наверное, согласен, что он побольше нас с тобой просек эту жизнь* (А. Кабаков, Сочинитель). Для русского языка такое представление менее характерно: метафора удара чаще встречается в употреблениях с активным объектом понимания (см. ниже 2.1.2), а в английском, скажем, она очень развита: ср. *hit* ‘напасть на мысль, букв. ударить’, *strike* ‘внезапно понять, букв. ударить’, *burst* ‘внезапно понять, букв. прорваться’, *twig* ‘уразуметь, букв. дернуть’, *click* ‘дойти, попасть в точку, букв. щелкнуть, зацепиться’.

2.1.2. ДВИЖЕНИЕ ИСТИНЫ К ЧЕЛОВЕКУ

В употреблениях этого типа ситуация понимания рассматривается под противоположным углом: не человек движется к истине, а наоборот. Ср. *дойти (до кого-л.)*, сленг *доехать (до кого-л.)*; *найти (на кого-л.)*, *наитие*. Ср. *Тут до нее дошло, что ее обманули*; *Ну что, так и не доехало до тебя? На меня вдруг нашло прозрение*.

Ср. англ. *go in* букв. ‘войти’, *get through* ‘дойти (до кого-л.)’, *come (in) upon* ‘прийти в голову’, *come (to somebody)* ‘дойти до сознания’, *come (get, go, hit, strike) home to somebody* ‘дойти (до кого-л.), букв. прийти домой’, *rush into one's mind* ‘осенить, букв. ворваться в чей-л. ум’, *penetrate* ‘проникнуть’, *be borne in (on somebody)* ‘стать понятным, букв. вдавиться’, *sink in* ‘дойти до сознания, букв. погрузиться’: *I keep trying to understand how a car engine works, but it doesn't seem to go in* [Я все пытаюсь понять, как работает автомобильный двигатель, но что-то не доходит (букв. ‘не входит’)]; *He never could get it through his thick head* [Он никогда не мог понять этого (букв. ‘протащить это сквозь свою тупую голову’)]; *Suddenly it came on me where I had seen her before* [Вдруг до меня дошло, где я ее видел]; *For the first time it came home sharply to Aileen how much his affairs meant to him* (Th. Dreiser, *The Financier* [В первый раз Эйлин стало ясно (букв. ‘к ней пришло домой’), как много значили для него его дела]; *Almost instantly the whole truth of the transaction seemed to rush upon her mind* (F. Burney, *Evelina*) [Почти мгновенно она осознала всю правду о сделке (букв. ‘правда ворвалась в ее разум’)].

Как уже было отмечено, здесь также возникает метафора удара: внезапно обретенная истина буквально «сбивает с ног»; ср. *Меня (будто) ударило* (толкнуло, подтолкнуло, стукнуло, пронзило), *что ведь он прав; Что-то подтолкнуло меня, что старик непременно повернул сюда* (Ф. Достоевский, Униженные и оскорбленные); *Вдруг услышал я несколько громких голосов на деревне. Еще были они далеко, но как подтолкнуло меня, что это к нам. И правда, скоро резкий стук раздался в ворота* (А. Солженицын, Матренин двор); — *А сейчас на пороге штаба слышу разговор: ротный Павлов. Черт возьми, даже в голову не стукнуло, что это о тебе говорят!..* (В. Солоухин, Не жди у моря погоды); *Вечером, я только ушла к себе, мне моя Мери говорит, что на станции дама бросилась под поезд. Меня как что-то ударило! Я поняла, что это была она* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина); *Митя мрачно отступил, и вдруг его как бы «что-то ударило по лбу», как он сам потом выразился. В один миг произошло какое-то озарение в уме его, «загорелся светоч, и я все постиг»* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *Это я сразу понял, меня прямо как ударило* (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок).

Ср. англ. *hunch* 'наитие, букв. толчок', *on a hunch* 'интуитивно', *to play one's hunch* 'действовать по наитию', *shoot* 'внезапно прийти в голову, букв. выстрелить, поразить', *smite* 'осенить, букв. сразить', *strike* 'прийти в голову, букв. ударить', *break, burst (upon somebody)* 'осенить, букв. разразиться'.

2.2. ОБРЕТЕНИЕ ИСТИНЫ

Понимание может рассматриваться языком не только как движение к истине, но и как ее взятие, присвоение. Именно так образован, в частности, русский глагол *понимать* (ср. с этим же корнем *иметь, взимать, поймать, принимать*)¹³. Метафора присвоения вообще очень характерна для русской ментальной лексики. Так, в работе [Тропина 1985], посвященной изучению лексико-семантических связей поля глаголов интеллектуальной деятельности с другими глагольными полями, показано, что из 260 глаголов, входящих одним из своих значений в поле интеллектуальной деятельности, а другими значениями — в другие поля, наибольшее число (50 глаголов) развили ментальное значение из физического значения приобщения, т. е. присвоения объекта. Ср. «Глаголы приобщения объекта развивают значение интеллектуальной деятельности на основе ассоциаций между обладанием, приобретением или утратой какого-то реального объекта и обладанием, приобретением или утратой знаний, с «хранением» информации в памяти (*сохранить имущество — сохранить память о событии*). Основой семантического форманта при этом является архисема «принадлежать». Семы, ха-

¹³ Ср. также приводимую в [БАС] устаревшую или диалектную лексику *понимать* 2 'охватывать, заливать (о полой воде)': *Нравится мне деревенька его (...). Домик в ней на высоких столбах / (Всю эту местность вода понимает, / Так что весной деревня всплывает)* (Н. А. Некрасов, Дедушка Мазай и зайцы).

рактизирующие действия, могут выступать дополнительными ассоциативными признаками. Так, семантический формант при развитии глаголом *схватить* значения интеллектуальной деятельности содержит кроме семы приобщения еще и сему интенсивности — “быстро”: *схватить* кость — *схватить* мысль собеседника» [Тропина 1985: 13].

В русском глаголе *понимать* метафора, по-видимому, полностью стерлась, однако она сохраняется в таких его синонимах, как *охватить*, *схватить*, *ухватить*, *выхватить* (главное), *усвоить*. Ср. *Читаю, читаю — и ничего ухватить не могу; Думаю, ты уловил суть дела; Что-то очень многое промелькнуло у него в голове, но все туманно, путано, обрывисто, и ухватить этого не смог* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Что же касается Геннадия Комова, то он не только сразу ухватил суть возникающей на глазах проблемы, но и каким-то образом сумел представить себе целый ряд вообразимых последствий этой проблемы* (А. и Б. Стругацкие, Жук в муравейнике); *Власть есть власть — с ней не заспиришь, — это тетя Тося давно уже и прочно усвоила* (В. Астафьев, Курица — не птица).

Ср. англ. *have* ‘усвоить, понять, букв. иметь’, *take* ‘понимать, букв. брать’, *get* ‘понимать, букв. добывать’, *grasp, grip* ‘схватить, охватить умом’, *seize* ‘ухватить’, *absorb* ‘понять, букв. впитать’, *take in* ‘принять, усвоить’: *Now I have your idea* [Теперь я понимаю (букв. ‘имею’) твою мысль]; *I take your meaning* [Я понимаю (букв. ‘беру’), что ты имеешь в виду]; *I don't get you* [Я не понимаю (букв. ‘не получаю’) тебя]; *I know that the average human mind will not believe what it cannot grasp* (E. R. Burroughs, A Princess of Mars) [Я знаю, что разум среднего человека не поверит в то, что не может ухватить]; *Sluggish minds ... require time to take in new notions* (Baring-Gould, Gaverocks) [Медлительным умам... необходимо время, чтобы усвоить новые понятия].

Истина может двигаться не только к человеку, но и от него — уплывая, ускользая, — и тогда необходимо ее «поймать». На этой идее основаны употребления *уловить*, *ловить на лету*, *поймать мысль*. Ср. *Он был сообразителен, уловил разницу* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Он находил загадочное удовольствие (...) в том, как хитро и точно складывался фокус, но все же недоставало чего-то, он не мог уловить некоторую тайну, в которой вероятно был искушен фокусник* (В. Набоков, Защита Лужина); *Старик ничего не смог разобрать и с грустью признался сыну, что стал хуже понимать мысли английских политиков, тогда как раньше он все схватывал на лету* (М. Бонч-Осмоловская, День из жизни старика на Беркендейл, 42).

Ср. англ. *catch*, разг. *catch on* ‘уловить’: *I don't catch your meaning* [Не понимаю (букв. ‘улавливаю’), что вы хотите сказать]; *Ann caught on to the woman's dishonest plan* [Энн разгадала (букв. ‘уловила’) бессовестный план этой женщины]. Как неоднократно отмечалось, метафора понимания как обретения, овладения также очень развита в романских языках, в частности, во французском. Ср., например, франц. *comprendre* ‘понимать’, в первом значении ‘содержать, охватить’ (от *pren-*

dre ‘брать’); *piger* (разг.) ‘поймать’, в переносном значении — ‘схватить; понять’. См. [Доза 1956: 196], [Гак 1993: 29]. Ср. также наблюдение М. К. Голованивской о французском слове *intelligence* ‘способность понимать’, сделанное на основе анализа сочетаемости этого слова в современном французском языке: «...*intelligence* явно ассоциируется с неким живым существом, живущим в мозгу (...)». Функции этого существа — проникать в объект и овладевать им» [Голованивская 1997: 154].

2.3. СВЕТ

В человечестве, часть которого мы составляем, интуиция была почти целиком пожертвована в пользу интеллекта... Сохранилась, правда, и интуиция, но смутная и отрывочная. Она походит на почти угасшую лампу, которая вспыхивает время от времени, всего на несколько мгновений. Но, в общем, она вспыхивает именно тогда, когда дело идет о наших жизненных интересах. Ее свет освещает наше Я, нашу свободу, то место, которое мы занимаем в целом вселенной, наше происхождение, а также, может быть, и нашу судьбу; правда, этот свет колеблющийся и слабый, но он все же проясняет ту ночную тьму, в которой оставляет нас интеллект.

А. Бергсон. Творческая эволюция

В русском языке для концептуализации понимания исключительно важной оказывается идея света. Именно эта идея лежит в основе ментальных значений слов *просветить*, *пролить* (*бросить*) *свет*, *просветление*, *высветить*; ср. также *свет истины*, *свет знаний*, *свет веры*, *светлый ум*, *ясная голова*. Что касается собственно лексики понимания, то на основе идеи света образованы глаголы и глагольные выражения *озарить*, *осветить*, *проясниться*, *стать ясным*, *забрезжить*, *блеснуть* (о мысли). Ср. примеры: *Луч света озарил ум мой, когда казаки вступили в город! Теперь я видела верный способ исполнить так давно предпринятый план* (Н. А. Дурова, Кавалерист-девица); *Он узнал, узнал! это цветной шелковый кушак его Ольги! какой внезапный луч истины озарил ум печального горбача! она бежала: это ясно* (М. Ю. Лермонтов, Вадим); *Истина стала ближе еще на несколько шагов, и ее торжественный свет, еще не яркий, но уже явственно видный, осенял его душу* (В. Пелевин, Происхождение видов); *И тут забрезжила в голове у Дмитрия мысль* (А. Етоев, Бегство в Египет); *Когда я про второй матч узнал, у меня в башке будто осветилось* (А. и Г. Вайнеры, Эра милосердия).

Ср. англ. *become clear* ‘стать ясным’, *dawn* ‘стать понятным, букв. рассветать’, *flash* ‘блеснуть’, *illumination* ‘освещение, откровение’, *to see daylight* ‘увидеть вы-

ход из положения, букв. увидеть дневной свет', *to see the light* 'прозреть, понять, в чем дело': *I was totally confused, but I began to see the light after your explanation* [Я был в полном замешательстве, но начал что-то понимать (букв. 'увидел свет') после вашего объяснения]; *It flashed across her mind that she had never before seen a rabbit with either a waistcoat-pocket, or a watch to take out of it* (L. Carroll, *Alice's Adventures in Wonderland*) [Тут ее осенило (букв. 'сверкнуло в голове'): она никогда раньше не видела у кроликов ни жилетного кармана, ни часов, которые можно из него вынимать]; *From the illumination of many minds on many points, Truth must finally emerge* (Lewes, *Stud. Anim. Life*) [Из озарений многих умов по многим пунктам в конце концов должна выявиться Истина].

Внутренняя форма лексем *озарить* и *озарение*, так называемая этимологическая память слова (термин В. И. Абаева [Абаев 1948], ср. также [Апресян 1995а: 171]) не дает забыть об их световом происхождении. Ср. отрывок из С. Довлатова, где игра слов возможна именно благодаря метафоре света, лежащей в основе *озарения*: Губин рассказывает о себе: «Да, я не появляюсь в издательствах. Это бесполезно. Но я пишу... Пишу ночами. И достигаю таких вершин, о которых не мечтал!..» Повторяю, я хотел бы этому верить. Но в сумеречные озарения поверить трудно. Ночь — опасное время. Во мраке так легко потерять ориентир (С. Довлатов, *Ремесло*). Интересно, что если факт развития ментального значения глагола *озарить* из физического 'осветить' не вызывает сомнения, то для синонима *осенить* это не так очевидно. Однако, по данным этимологии, слово *сень*, от которого образован глагол *осенить*, связано с *сиять* (восходит к и.-е. **(s)k'āi-*, ср. др.-инд. *chāyā* 'тень, отражение, сияние', готское *skeinan* 'сиять, светить', англ. *shine*, нем. *scheinen* 'светить, сиять, озарять') [Фасмер 1987: III, 602; Черных 1993: 2, 155]. Таким образом, слово *осенить*, хотя и получило прямо противоположное значение 'бросать тень', сохранило в этимологической памяти световое происхождение, которое и обнаруживается в его новом ментальном значении.

Множество авторов эксплуатируют и развивают световую метафору понимания, иллюстрируя игру света, который озаряет темный мир разрозненных ощущений и не связанных друг с другом понятий, позволяя связать факты в систему. Ср. *Голову вдруг осветило: «Это перелом оснований черепа... да, да, да... Ага-га... именно так!»* загорелась уверенность, что это правильный диагноз. *Осенило* (М. Булгаков, *Записки юного врача*); *И тут произошла интересная вещь: все прежние темные места сделались совершенно понятными, словно налились светом, и здесь, при свете лампы, ночью, в глуши, я понял, что значит настоящее знание* (М. Булгаков, *Записки юного врача*); *Как молния в лесу вдруг освещает местность, и темная картина внезапно изменяется, и видишь даже листья на дереве, которое минуту назад казалось не то зверем, не то великаном, так я понял все, читая эти строки* (В. Каверин, *Два капитана*); *Что-то просветляется в голове. (...) Он все знает, он понял мир, понял Правила, постиг тайную связь событий, постиг законы сцепления миллионов обрывков разрозненных вещей! Молния озаряет мозг Алексея Петровича!* (Т. Толстая, *Ночь*).

Аналогично, отсутствие понимания (и, следовательно, знания) связано в сознании говорящих с идеей тьмы. Ср. *Ученье — свет, неученье — тьма*. Отсюда же переносные значения *темный* 6 'неясный, непонятный', *темный* 7 'невежественный, отсталый, не способный и не желающий понимать', *темнить* 'запутывать, не давать понять', *затмение* '(временное) непонимание' и др. Тьма непонимания или забвения может озаряться внезапными проблесками света; ср. *И, как за словами, написанными на стекле, за этими ровными мыслями была черная тьма, тьма, в которую не следовало вникать. Но бывали странные просветы* (В. Набоков, *Король, дама, валет*); *Какая грубость! А ведь добрые, нежные люди! Какой еще туман, какое затмение в их головах! — Марфенька! Я тебя просвещу!* — обратился он к ней (И. Гончаров, *Обрыв*); *Внезапный проблеск мог относиться, например, к новому способу слить в стратегическую схему такую-то засаду с такой-то защитой: или же перед глазами на миг появлялось в стилизованном, и потому неполном, виде, расположение фигур, которое должно было выразить труднейшую тему, до того казавшуюся невоплотимой* (В. Набоков, *Другие берега*). С этим же связана идея мрака, покрывающего невежд или сумасшедших; ср. *Все считали, что Урсула просто бредит, особенно после того, как ей вздумалось ходить, вытянув вперед правую руку, наподобие архангела Гавриила. Однако Фернанда заметила, что мрак этого бреда освещается иной раз солнцем здравого смысла* (Г. Г. Маркес, *Сто лет одиночества*, Пер. Н. Бутыриной и В. Столбовой). Ср. также *помрачение рассудка, мракобесие, обскурантизм* (от лат. *obscurans* — затемняющий) ≈ 'крайне невежественное отношение к просвещению и науке, т. е. нежелание знать и понимать'.

Тьма, мрак порождают хаос, в котором факты теряются и становятся невидными (ср. ниже о метафоре зрения), недоступными для понимания (ср. также *теряться в догадках*). Неполное или нечеткое понимание напоминает плохое, смутное или тусклое освещение, пелену, которая при понимании *спадает*, или туман, который должен *поредеть* или *рассеяться*, чтобы обеспечить понимание абсолютное и точное; ср. также *туманный, расплывчатый* 'непонятный', *затуманить* (разг. *напустить туману*) 'сделать непонятным' и т. п. Ср. *К утру все мечтания смешались и слились в хаос и мрак беспamięтства и забвения* (Л. Н. Толстой, *Война и мир*); *За двадцать лет своей деятельности в театрах Варенуха видал всякие виды, но тут он почувствовал, что ум его застигается как бы пеленою, и он ничего не сумел произнести* (М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*); *Что-то будто промелькнуло перед нею, на минуту она что-то поняла как будто и даже приняла какое-то решение (...) — но утром все забылось, снова на жизнь напал обычный в последнее время туман, какая-то рябь* (А. Кабаков, *Подход Кристаповича*); [*Сосед:*] *Прямо у меня голова, как в тумане. Что-то я ничего не понимаю* (М. Зощенко, *Преступление и наказание*); *Пелена висела передо мною и слепила мой ум. Роковая, страшная пелена! Как это случилось, что все это вдруг упало с глаз и я вдруг прозрел и все понял! Случай ли это был, день ли пришел такой срочный, солнечный ли луч зажег в оступевшем уме моем*

мысль и догадку? (Ф. М. Достоевский, Кроткая). Последний пример объединяет метафоры света и зрения.

2.4. ЗРЕНИЕ

Собственно говоря, метафора «понимание есть зрение» неотделима от метафоры «понимание есть свет». Свет (по крайней мере, с наивно-языковой точки зрения) и есть нечто, что дает человеку возможность видеть; ср. толкование в МАС: «свет¹ — электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом и делающее видимым окружающий мир».

В русском языке основной глагол зрительного восприятия *видеть* имеет ментальные значения ‘понимать’ (на основе видимых признаков) и ‘знать’ (как бы *видеть* 1.1), ср. *Хотелось бы видеть* (= ‘знать’), *на что идут эти деньги*; *Как я ужаснулся бы, если бы тогда увидел* (= ‘понял’), *что сейчас вижу* (= ‘понимаю’) так ясно — *стилистическую зависимость моих русских построений от тех английских поэтов, от Марвелла до Хаусмана, которыми был заражен самый воздух моего тогдашнего быта* (В. Набоков, *Другие берега*); — *А ты бы меня отпустил, игемон, — неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, — я вижу* (= ‘понимаю или знаю’), *что меня хотят убить* (М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*). Подробнее см. в работе [Апресян 1996: 40]. Ср. также *узреть, прозреть, провидеть, ясновидец*.

Полное отсутствие понимания также сравнивается со слепотой. Здесь также можно усмотреть и развитие метафоры света: ведь слепота есть именно неспособность увидеть свет, жизнь в темноте. Непонимающего человека называют *слепцом* (ср. также *слепая любовь* (*вера, преданность, ревность, ненависть*) ‘не требующая и/или сопротивляющаяся пониманию’). Ср. *Вот этого-то Кречмар не понимает — и не что иное, как именно это непонимание, и символизировано слепотой, поражающей Кречмара* (В. Ходасевич, «Камера обскура»). *Ослепнуть* может также означать ‘перестать понимать’; ср. *Постараюсь ослепнуть умом, хоть на каникулы, и быть счастливым! Только ощущать жизнь, а не смотреть в нее, или смотреть затем только, чтобы срисовать сюжеты, не дотрогиваясь до них разьедающим, как укус, анализом* (И. Гончаров, *Обрыв*). С другой стороны, *ослепить* может и неожиданное понимание, как слепит чересчур яркий свет; ср. *Снова и снова перебирала я в памяти события, пытаюсь докопаться до истины, и вдруг, подобно взрыву бомбы под самым носом, меня ослепила такая страшная догадка, что я на момент потеряла возможность вообще что-либо соображать* (И. Хмелевская, *Что сказал покойник*, пер. с польск.); *Но истина была невыносима для глаз его, прозревших в первый раз во все, что было, что есть и в то, что ожидает его; она ослепила и сожгла его разум* (Ф. М. Достоевский, *Неточка Незванова*).

На этой же метафоре основано ментальное значение слов *прозрение, прозреть* (как бы от слепоты непонимания). Ср. *А нет ли у нас такого чувства, что человек, не замечающий жизненных проблем, слеп к чему-то важному, даже очень важно-*

му? Не хочу ли я сказать: живущий лишь сиюминутным просто слеп, как крот; сумеет прозреть, он увидел бы проблему? (Л. Витгенштейн, Культура и ценность, пер. М. Козловой).

Глубокая взаимосвязь зрения и мышления отмечалась многократно. В работе [Арутюнова 1988] указано, что на это обращал внимание уже Бл. Августин: «Дело созерцания, которое преимущественно принадлежит глазам, присваивается и прочим чувствам, когда посредством их приобретаются какие-либо знания» [Исповедь Бл. Августина: 287], а Дж. Беркли ставил вопрос о том, «как происходит, что мы с помощью идей зрения постигаем другие идеи, которые непохожи на них, не причиняют их, не вызываются ими, не имеют какой-либо необходимой связи с ними» [Беркли 1978: 145]. Л. Витгенштейн также писал о том, что «уяснение» (понимание) оказывается для нас наполовину визуальным опытом, наполовину мыслью [Wittgenstein 1953]. По-видимому, метафора «понимание есть зрение» характерна для большинства индоевропейских языков. Ср., к примеру, наблюдения Лакоффа и Джонсона на английском материале: «Understanding is seeing; ideas are light sources; discourse is a light medium» (понимать есть видеть; идеи — источники света, речь — проводник света) [Lakoff & Johnson 1980: 48]: *I see* ‘понимаю’ (букв. ‘вижу’), *elucidate your remarks* ‘поясните ваши замечания’ (букв. ‘пролейте свет’), *a murky discussion* ‘неясный спор’ (букв. ‘темный, туманный’) или наблюдения М. К. Голованивской на французском материале: «Французское *idée* связано в первую очередь с идеей зрительно выраженного образа, видения, *idée* — идея-представление, идея-видение {...}. Современная французская *idée* сохранила тесную связь с этимолом, это внутреннее интеллектуальное зрение человека, отсюда и особое значение глагола *voir* ‘понимать, представлять себе’» [Голованивская 1997: 215].

В неиндоевропейских языках возможна иная ситуация. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что в грузинском языке «когнитивные значения ассоциируются преимущественно со слуховым восприятием. Имена *goneba* ‘разум’ и *goni* ‘разум, дух (в философском смысле)’ связаны с глаголом ‘*ga*’-*goneba* ‘слышать’. С именем *stena* ‘слух’ связаны значения понимания и знания: *me-smi-s* ‘слышу/понимаю, знаю’. Даже *qireba* ‘смотреть’ (в древнегрузинском он означал ‘слышать’) произведен от *quri* ‘ухо’» [Арутюнова 1988: 114]. По данным В. А. Плунгяна, сходным образом обстоит дело и в африканских языках: «Особенностью африканских языков является то, что в них для обозначения понимания используются практически только лексемы, принадлежащие к слуховой сфере ... причем полисемия ‘слышать’ → ‘понимать’ и синхронно вполне отчетливо осознается: ср. догон *ègè* ‘слышать; воспринимать запах; понимать’ и аналогичные лексемы многих других языков» [Плунгян 1991: 159].

2.5. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Наряду с проиллюстрированными выше, в языке и особенно в авторской речи могут, разумеется, встретиться и другие метафоры понимания. Так, некоторые из

них породил технический прогресс. Ср. сленг *тормоз* ‘человек, который плохо соображает и ведет себя чересчур медлительно’, *тормозить*, *зависнуть* ‘не понимать’ (ср. *Себя чайником не считаю, но что-то я зависла над этой темой, ничего в голову не приходит; Что ты тормозишь, где твое чувство юмора?*), а также англ. *to be on the same wavelength* ‘легко понимать друг друга, букв. ‘быть на одной длине волны’, *to get one’s wires crossed* ‘неправильно понять, букв. перепутать проводки’, разг. *plug in* ‘понять, букв. включиться в сеть’, *the penny dropped* ‘все понятно, дошло, букв. пенни провалился’¹⁴.

Однако ключевыми для представления о понимании в русской языковой картины мира, как кажется, являются четыре описанные выше идеи: движение, обретение, свет и зрение. Эти метафоры продуктивные, живые и дают богатые возможности для образования новых слов и идиом, связанных с идеей понимания. Возникая в случайных образных употреблении, в художественных произведениях, удачные авторские метафоры подхватываются языком и постепенно перемещаются в его арсенал: «из средства создания образа метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений» [Арутюнова 1978: 336].

ГЛАВА 3. ПОНИМАНИЕ И ДРУГИЕ СФЕРЫ

В ситуации понимания мышление обычно функционирует в тесном взаимодействии с другими системами, составляющими человека. Рассмотрим несколько примеров, в которых понимание достигается скорее благодаря действию одной из таких систем, нежели в результате работы мышления: *Присмотревшись, я понял, что это было заклинание против Гаки — голодного демона Ада* (А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу) [мышление или зрительное восприятие?]; *А за спиной у него, там, за крыльями дворца, слышались тревожные трубные сигналы, тяжкий хруст сотен ног, железное бряцание, — тут прокуратор понял, что римская пехота уже выходит, согласно его приказу, стремясь на страшный для бунтовщиков и разбойников предсмертный парад* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита) [мышление или слух?]; *Он сразу понял, что было источником аромата, который он учуял на расстоянии более полумили на другом берегу реки* (П. Зюскинд, Парфюмер, пер. Э. Венгеровой) [мышление или обоняние?]; *Буфетчик из вежливости положил кусочек в рот и сразу понял, что жует что-то действительно очень свежее и, главное, необыкновенно вкусное* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита) [мышление или вкус?]; *И тотчас же [дякон] понял, что хочется есть, с утра ничего не ел, дома в шкафу стоит каша, надо пойти домой* (Е. Замятин, Сусин) [мышление или физиологическое состояние?]; *Самое страшное на-*

¹⁴ По-видимому, в основе последнего выражения лежит представление о телефонном соединении, возникающем после опускания монеты в автомате; ср. *I sat and thought for a moment and then the penny dropped* [Я посидел, подумал немного, и тогда меня осенило, букв. ‘пенни провалился’].

чиналось, и только теперь Оля почувствовала, как ужасно может быть то, что случится через несколько минут (А. Кабаков, Подход Кристаповича) [мышление или эмоции?]

3.1. ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ

... Математики пытаются подходить математически к тому, что доступно лишь интуиции, и выглядят смешно, поскольку хотят начинать с определений и аксиом, а в данном случае умозаключения ничего не дают. Это не значит, что разум вообще от них отказывается, но он их делает незаметно, естественно и без всяких ухищрений, — выразить словами сущность этой работы разума не может никто, да и понимание того, что она вообще происходит, доступно лишь немногим.

Б. Паскаль. Мысли

Как мы стремились показать в Главе 1, понимание — весьма сложно устроенный компонент мышления человека. Как отмечает Ю. Д. Апресян, «понимание... даже самой тривиальной информации представляет собой процесс, в котором чисто логические выкладки постоянно перемежаются творческими актами. Сам язык наводит на эту мысль, потому что для многих творческих актов понимания он имеет специальные названия, с несомненностью свидетельствующие об их неалгоритмической и, следовательно, неформализуемой природе; ср. *озарять, осенять, догадка, интуиция, наитие, озарение, откровение, прозрение*» [Апресян 1992б: 26]. Действительно, в русском языке существует большой пласт лексики, описывающей так называемое иррациональное понимание.

Под термином «иррациональное понимание» мы подразумеваем такое понимание, которое язык представляет как возникшее без непосредственной помощи разума, не обусловленное ни чувственным восприятием, ни логическим рассуждением, и лежащее где-то на стыке мышления и эмоций. Данная глава посвящена описанию трех основных групп лексем, описывающих иррациональное понимание. Эти лексемы образуют ряды синонимов *осенить 2.1, озарить 2.1; угадать 1.1, отгадать 2, разгадать 2.1; интуиция, инстинкт 1.2, чутые 2, нюх 2*.

В данной главе детально изучены все семантические, прагматические, синтаксические, сочетаемостные и другие важные свойства указанных лексем. Кроме того, проведен сравнительный анализ перечисленных синонимических рядов и других близких по значению рядов синонимов и отдельных лексем. К ним относятся глаголы *открыться 4.3, допереть 2.2, доехать 2.2; дойти 4.2, додуматься, до-*

*переть 2.1; почувствовать 4, почуять 3; догадаться, сообразить 1, смекнуть 1*¹⁵ и существительные *ум 1, разум, рассудок, интеллект; сообразительность, смекалка, догадливость, находчивость, сметка; проницательность, прозорливость*. Отмечены также некоторые свойства таких лексем и фразем, как *предчувствие, наитие, инсайт* и *шестое чувство*, близких по значению к лексемам, составляющим ряд *интуиция*. Наконец, структура многозначности описываемых слов проиллюстрирована на материале лексем *осенить 2.2* и *озарить 2.2; отгадать 1* и *разгадать 1; угадать 1.2, разгадать 2.2; угадать 2; инстинкт 1.1; инстинкт 2; чутье 1* и *нюх 1*. Основные семантические признаки лексем, составляющих ряды синонимов *осенить 2.1, угадать 1.1* и *интуиция*, отражены в толкованиях.

3.1.1. ОСЕНИТЬ И ОЗАРИТЬ

Я решил спастись. Но как? Ни веревки, ни шеста, ничего. Но тут меня осенило: голова! Голова-то всегда под рукой, господа. Я схватил себя рукой за волосы и рванул что есть силы. А рука-то у меня, слава Богу, сильная, а голова-то у меня, слава Богу, мыслящая! Одним словом, я рванул... и вытянул себя из болота. Вместе с конем.

Г. Горин. Тот самый Мюнхгаузен

Глаголы *осенить 2.1* и *озарить 2.1*¹⁶, очевидно, являются основными представителями рассматриваемого круга лексических единиц иррационального понимания.

В Малом академическом словаре русского языка интересующее нас (второе) значение иррационального понимания глагола *осенить* истолковано как 'внезапно появиться, возникнуть (о мысли, догадке); прийти на ум кому-л.'. Соответствующее значение глагола *озарить* МАС расценивает как переносное и дает ему следующее толкование: 'неожиданно прийти на ум, прояснить чье-то сознание'. Взяв эти толкования за основу, мы попытаемся дополнить и уточнить их с учетом современных лексикографических требований интегральности и системности. Помимо толкований глаголов *осенить* и *озарить* мы дадим полное лексикографическое описание свойств обеих лексем по схеме, принятой в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка [НОСС 2004]. Однако сначала мы определим их место в кругу близких лексем.

¹⁵ Отметим, что подавляющее большинство указанных глаголов — моментальные; по-видимому, это одна из фундаментальных особенностей иррационального понимания, как оно представлено в русском языке.

¹⁶ В дальнейшем для упрощения описания индексы, указывающие на номер лексемы, опускаются везде, где это не приводит к неоднозначности.

3.1.1.1. Ряд *осенить* и близкие лексемы: сходства и различия

Ряд *осенить* соприкасается с другими рядами синонимов и отдельными глаголами, описывающими ситуацию внезапного или необъяснимого понимания: *открыться* 4.3 [*Ему вдруг открылось, что жизнь прожита зря*]; *дойти* 2.2 [*Анекдот дошел не до всех*], сленг *допереть* 2.2 [*До слесаря наконец доперло, чего от него хотят*], сленг *доехать* 2.2 [*Ну как, доехало до тебя?*]; *дойти* 4.2 [*Никто ему ничего не объяснял, он сам дошел*], *додумать*ся, сленг *допереть* 2.1 [*Я и сам допер, кто есть кто*]; *угадать* 1, *разгадать* 2, *отгадать*; *догадаться*, *сообразить* 1, *смекнуть* 1; *почувствовать* 4, разг. *почуять* 3.

Большинство перечисленных лексем являются гипонимами глагола *понимать*, который может описывать любое понимание: логическое и иррациональное, возникшее в результате чьего-л. объяснения или собственных размышлений, творческое и обыденное, внезапное и постепенное, контролируемое и неконтролируемое, полное и частичное и т. п. (см. выше в разделе 1.3).

Слова перечисленных рядов противопоставлены друг другу и слову *понимать* в его прототипических употреблениях по следующим признакам: 1) наличие источника понимания, 2) представление об «органе» понимания, 3) участие логики, 4) необходимость специальных усилий, 5) идея выбора из заданного множества, 6) прозрачность внутренней формы и вид метафоры.

Перечисленные глагольные ряды по своей актантной структуре распадаются на две группы. У рядов первой группы (*дойти* 4.2, *угадать* 1, *почувствовать* 4 и *сообразить* 1), как и у глагола *понимать*, на первом месте стоит субъект, а на втором — содержание понимания. Лексемы рядов второй группы (*осенить*, *открыться* 4.3 и *дойти* 2.2) устроены как конверсивы к лексемам первой группы: содержание понимания — их первый актант, а субъект — второй; ср. *Что тебя осенило* (*открылось тебе, дошло до тебя*)?

Лексемы внутри первой группы различаются также наличием или отсутствием источника понимания (ср. *понять что-л. по голосу*) и органа понимания (ср. *понять что-л. умом* (*сердцем*)) (о том, что на наш взгляд и источник, и орган понимания заполняют валентность *о с н о в а н и я* для понимания у *понимать*, см. выше в разделе 1.1.2).

Источник понимания есть у *угадать* 1, *почувствовать* 4 и *сообразить* 1; ср. *По матросам угадать нетрудно, / Что они с востока* (Н. Гумилев, Зараза); *Лисица и волк* (...) *обратно могут идти след в след так искусно, что только опытный охотник, да и то после, сообразит по коготкам, что его надули* (Г. Троепольский, Белый Бим Черное Ухо).

Орган понимания есть у *дойти* 4.2, *угадать* 1, *почувствовать* 4, *почуять* 3; ср. *Разумом, что ли, дошел я до того, что надо любить ближнего и не душишь его?* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина); [*Роман и Эдик*] *заявили, что всем нутром чуют связь между странностями Януса и странностями попугаев* (А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу).

Конверсные лексемы второй группы, в том числе синонимы рассматриваемого ряда, валентностей органа и источника не имеют; ср. *неправильность* *По некоторым признакам меня озарило (до меня доперло, мне открылось), что она говорит неправду; *Умом (сердцем, рассудком, нутром) его осенило: тайник — за шкафом.

Лексемы рассматриваемых рядов в разной степени предполагают участие логики в процессе понимания. Размышления и опора на факты — обязательный компонент значения ряда *догадаться*. Ср. *Чуть подумав, я мог бы обо всем догадаться и сам* (В. Пелевин, Чапаев и Пустота); *Продолжая наблюдать, дядя Сандро пришел к выводу, что боковые стены сооружения сдвоены, потому что на одной из них довольно свободно стоял солдат и что-то проделывал лопатой. Как только дядя Сандро догадался, что стены сдвоены и только потому солдат так свободно стоит на стене, он тут же сообразил, что солдат выравнивает и трамбует песок, насыпанный между стенами* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема). См. подробнее в разделе 3.1.2.1.

Наличие размышлений необходимо и для ряда *дойти* 4.2, но необязательно для конверсного ряда *дойти* 2.2. Ср. *Я забыл, как я до этого дошел [дойти 4.2], но это не важно, важно, что я понял, сообразил. Все сопоставил и сообразил, — сам* (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне) и *Десантники рты раскрыли, до них только сейчас дошло [дойти 2.2], что с ними говорят по-русски* (В. Аксенов, Остров Крым).

Напротив, в рядах *осенить*, *открыться* 4.3 и *почувствовать* 4 понимание принципиально иррациональное, не основанное на логике. При этом в ряду *почувствовать* 4 понимание связывается с физическим восприятием, ощущением субъекта (ср. *нюхом чую*), а в случае *осенить* и *открыться* 4.3 представляется как вынужденное высшей силой. Ср. *Точно ведь свыше что меня озарило. — Я, точно вот толкнуло меня, подумал эдак с минуту и говорю: не тронь!* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); *В это самое время Иван Ильич провалился, увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить* (Л. Н. Толстой, Смерть Ивана Ильича).

Лексемы *дойти* 2.2 и *допереть* 2.2, а также их конверсивы *дойти* 4.2 и *допереть* 2.1 содержат идею трудности понимания и необходимости специальных усилий для его осуществления; ср. *С большим трудом до него наконец дошло (доперло), что к чему; [Андрей Титыч:] Кажется, если бы меня учить, я бы до всего на свете дошел* (А. Островский, В чужом пиру похмелье, МАС); *Вроде бы ей такое известно, до чего нам (...) не допереть, если даже к виску молоток приставить* (Ю. Алешковский, Николай Николаевич). Напротив, лексемы *осенить* и *озарить*, а также *открыться* 4.3, *почувствовать* 4 и *почувать* 3 указывают на то, что понимание пришло само, а не в результате усилий со стороны субъекта; ср. *Он вытирал руки, когда его вдруг снова осенило, совсем как вчера* (А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света); *Мне открылось вдруг само собою, что передать Фролу Власычу* (Ю. Алешковский, Рука (Повествование палача)); *Чонкин проснулся от*

того, что почувствовал: кто-то угоняет его самолет (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Ряд *угадать* 1, в отличие от остальных, содержит идею выбора, когда субъект, часто необъяснимым образом, понимает, какая именно из множества возможных ситуаций имеет или будет иметь место; ср. *И вдруг я с пронзительной ясностью понял характер затруднения, которое испытывала ее память: слишком много встреч она тасует в голове, чтобы угадать, какой именно я был свидетелем! В конце концов угадала, и я это понял по ее взгляду* (Ф. Искандер, Стоянка человека).

Для других лексем множество возможных ситуаций может быть никак заранее не определено, особенно в случае иррационального понимания, содержанием которого обычно являются абсолютно новые и неожиданные мысли. Ср. *Меня вдруг осенило, что и О. М. когда-нибудь воскреснет на чьем-нибудь рисунке, и мне стало легче* (Н. Мандельштам, Воспоминания), где синоним *угадать* был бы неуместен. Подробнее о свойствах глагола *угадать* и его синонимов см. ниже в разделе 3.1.2.

Кроме того, как было показано в Главе 2, многие из перечисленных лексем обладают достаточно прозрачной внутренней формой, свидетельствующей об их метафорическом происхождении. Синонимы ряда *осенить* содержат метафору света (особенно заметную в глаголе *озарить*): внезапное понимание представляется как вспышка яркого света в сознании субъекта. В ряду *почувствовать* 4 понимание уподоблено физическому восприятию; ср. *И [Олейник] почувствовал, что сейчас должно произойти нечто, почувствовал так же точно, как если бы кто-то вдруг крикнул: «Внимание, капитан Олейник! Внимание!»* (А. Кабаков, Сочинитель). Лексема *открыться* 4.3 содержит представление о понимании как о внезапно возникающей картине, которая раньше была скрыта какой-то завесой; ср. *Пока я разговаривал с Еленой Владимировной, внезапно меня посетило некое состояние, в котором мне — совершенно ясно, но неведомо откуда — открылось все об этой молодой женщине* (Ю. Визбор, Завтрак с видом на Эльбрус). Наконец, ряды *дойти* 4.2 и *дойти* 2.2 основаны на идее движения, причем в ряду *дойти* 4.2 понимание выглядит как движение человека к истине, а в конверсном ряду *дойти* 2.2 — как движение истины к человеку. Ср. — *Неплохо я продвинулся, — сказал он и принялся рассказывать, как ему удалось переформулировать задачу (...), как допер он до М-плоскостей и как вчера сообразил наконец использовать преобразования Гартвига* (А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света) и *Через Женьку-проводника до меня кое-что доперло. Конечно, в слабом масштабе, едва-едва, но доперло* (Вик. Ерофеев, Женькин тезаурус).

3.1.1.2. Различия между синонимами

Описываемые синонимы весьма близки по значению, и различия между ними носят характер предпочтений. *Осенить* и *озарить* различаются по следующим смысловым признакам: 1) связь с актуальной ситуацией (большая у *осенить*);

2) масштаб приобретенного знания (более значительное у *озарить*, возможно и бытовое у *осенить*); 3) связь с эмоциями и возможность внешних проявлений (более характерна для *озарить*); 4) образность (большая у *озарить*).

Для *осенить* наиболее характерны употребления, описывающие поиск выхода из конкретной трудной ситуации, в которой оказался субъект, и внезапное возникновение правильного решения. Ср. *Но как к ней все-таки подойти? И вдруг меня осенило. Надо притвориться приезжим. Обычно они друг другу почему-то больше доверяют* (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура); — *Догадливый, — подтвердил Кристапович, и вдруг его осенило, он понял, чем он сейчас эту раннюю наглость собьет* (А. Кабаков, Подход Кристаповича); *Мы метались, вытягивали руки, ища, чем бы сбить огонь. Тут меня как будто осенило. Я схватился за подол рясы, задрал ее, стаскивая через голову и набрасывая на пылающее пламя* (У. Эко, Имя розы, пер. с итал.).

В случае *озарить* приобретенное знание может быть достаточно общим, не связанным с конкретной ситуацией; ср. *Однажды вечером в метро она какими-то другими глазами взглянула на прохожих и вдруг увидела историю каждого. И ее озарило: все мы думаем, страдаем, мечтаем одинаково, и все мы друг другу подобны, и состоим из одинаковых атомов* («Огонек», № 36, 7.08.1998); *Он даже напрягал свой ум так: вроде он залетел — высоко-высоко — и оттуда глядит на землю... Но понятней не становилось: представлял своих коров на поскотине — маленькие, как букашки... А про людей, про их жизнь озарения не было. Не озаряло* (В. Шукшин, Алеша Бесконвойный).

Синоним *осенить* свободно употребляется при описании бытовых ситуаций: ср. *Вспомнил я это дело, и меня как осенило: пушку, конечно, из подтяжек не соорудишь, а рогатку — почему же?* (А. Некрасов, Приключения капитана Врунгеля); *Приблизившись к палатке, она сначала сделала вокруг нее несколько кругов, потом вдруг ее осенило: я ведь могу купить селедку!* (А. Шмидт, Мурли, пер. Е. Любаровой).

Синоним *озарить* в таких примерах был бы менее уместен; ср. сомнительное *Когда уже собрались снимать кашу с огня, меня вдруг озарило, что я забыла про сахар* (Интернет-форум). Нормой для него является описание значительных событий, когда понимание может существенным образом повлиять на жизнь человека. Ср. *Чунка (...) вспомнил утреннюю шелковицу, (...) и внезапно его озарило: он отомстил и уже имеет право на жизнь!* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Сегодня случайно услышал, как доктор, вполголоса, обращаясь к своим коллегам, сказал: «Этот долго не протянет...» Было непонятно, о ком идет речь. (...) Тут меня озарило! Было ощущение, будто облили горячей водой: говорили обо мне...»* (Г. Инюшин, Долго не протянет...).

Переход субъекта в новое ментальное состояние — озарение — часто сопровождается эмоциями, которые могут иметь разную интенсивность и быть как положительными (чаще), так и отрицательными. Ср. *Я, когда меня ночью озарило, чуть с ума не сошел от радости* (П. Акимов, Плата за страх); *До назначенного*

срока осталась неделя, а она вдруг прибегает — руками машет, глаза шальные, светятся: — Я буду олимпиадную работу писать по литературе! Я такую тему придумала — потрясающую! То в голову ничего не шло, а тут озарило!! («Первое сентября», №16, 3.03.2001) [озарение вызывает восторг] и Шухов совсем намерился в санчасть, как его озарило, что ведь сегодня утром до развода назначил ему длинный латыш из седьмого барака прийти купить два стакана самосада, а Шухов захлопотался, из головы вон. (...) Раздосадовался Шухов, затоптался — не повернуть ли к седьмому бараку (А. Солженицын, Один день Ивана Денисовича) [озарение вызывает досаду].

Интенсивность эмоции может быть настолько высокой, что ее возникновение сопровождается выраженной реакцией в виде произвольных движений, жестов (ср. хлопнуть себя по лбу (в ладоши)) или восклицаний (О!, А-а!, Ага!, Есть! и т. п.). Ср. Мэлтби вздрогнул — его внезапно озарило (А. ван Вогт, Рейд к звездам, пер. с англ.); Его неожиданная вспышка сперва поразила умную барыню, а потом ее как будто что озарило — да так, что она невольно шепнула: — А!.. (И. С. Тургенев, Новь). О видах эмоциональной реакции на внезапное понимание ср. подробнее ниже в разделе 3.2.5.

Кроме того, лексема *озарить*, отчасти благодаря более прозрачной внутренней форме, сохраняет высокую метафоричность и характеризуется большей образностью употреблений; ср. И внезапно Дикаря озарило, что именно надо сделать, точно ставни распахнулись, занавес отдернулся (О. Хаксли, О дивный новый мир, пер. О. Сороки, В. Бабкова); Догадка возникла в мозгу внезапно, как вспышка молнии. Я понял, почему поэты говорят: меня озарило! Действительно, озарение, вспыхнувшая звезда, сполз искр (Б. Зубков, Е. Муслин, Исповедь после смерти). Для синонима *осенить* такие употребления менее характерны.

Во многих контекстах различия между синонимами нейтрализуются. В частности, оба синонима могут употребляться в близкой к пониманию ситуации воспоминания; ср. Вдруг меня осенило: я не запер дверь. А что если старуха выползет из комнаты? (Д. Хармс, Старуха); «Форцес! — вдруг осенило Варфоломея. — Ну, конечно же, Форцес! Как он мог забыть...» (А. Битов, Преподаватель симметрии); И тут наконец Мегрэ осенило, и коротенькая фраза, которую он так долго и тщетно пытался припомнить, неожиданно всплыла в его памяти: «Он не выносил шума» (Ж. Сименон, Бедняков не убивают..., пер. П. Глазовой); И тут меня озарило. Я вспомнил процитированную Софией строчку, а затем и весь детский стишок (А. Кристи, Скрюченный домишко, пер. с англ.). О близости внезапного понимания и воспоминания см. также ниже в разделе 3.2.2.

3.1.1.3. Аспектуальные особенности

Форма НЕСОВ у обоих синонимов ряда не имеет актуально-длительного и процессного значений, сохраняя способность выражать настоящее историческое, многократное и узуальное значение. Ср. Так мы же один на один! — вдруг осеня-

ет Варфоломея (А. Битов, Преподаватель симметрии); Нет, Лена бывает иногда очень мудра, интуитивно, по-женски — ее вдруг осеняет (Ю. Трифонов, Обмен).

3.1.1.4. Особенности управления и сочетаемости

Лексемы *осенить* и *озарить* имеют валентности субъекта и содержания понимания.

Валентность субъекта выражается именной группой в форме ВИН, ср. *Меня (девушку, старика) осенило (озарило)*. В этой роли оба синонима сочетаются с названиями отдельного взрослого человека. Названия групп людей выступают в этой роли только в иронических и игровых примерах; ср. — *А знаете, кто такой Чичиков? И когда все хором грянули: — Кто? — он произнес гробовым голосом: — Мошенник. Тут только и осенило всех. Кинулись искать анкету* (М. Булгаков, Поехал Чичиков); *Кремлевских игроков вдруг озарило, что назначение Строева премьером резко усиливает позиции московского мэра Юрия Лужкова* («Аргументы и факты», 1999 г.). Названия маленьких детей и животных также практически не выступают в качестве субъекта; ср. *Мальчиша озарило, что перед ним мать; Тут собаку осенило: да ведь кость мог стащить кот!*

Валентность содержания может выражаться несколькими способами:

а) что + ПРЕДЛ; ср. *Я поехал, поднялся, чтобы вернуться на диван, и тут меня осенило, что дверь я перед сном запираю* (А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу); *Вдруг Катю озарило, что именно Георгий виноват во всех ее бедах*.

б) ПРЕДЛ; ср. *Андрея Николаевича осенило: да он сам — мертвый ведь!* (А. Азольский, Лопушок); *Тут Мартина озарило: он станет писателем, вот дело жизни!*

в) Прямой речью; ср. *«Э-э, да ты пьян, голубчик», — вдруг осенило Зыбина* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Тут меня и озарило: «Так это же он!»* (В. Суворов, Аквариум).

Валентность содержания у обоих синонимов, вообще говоря, факультативна; ср. *Но тут, когда я уже поднимался по лестнице, меня вдруг осенило, да так осенило, что я вернулся в раздевалку, сел и снова закурил* (А. и Б. Стругацкие, Пикник на обочине); *Я ничего не знаю... и вот вдруг меня как бы озарило* (Ф. Достоевский, Братья Карамазовы).

Нельзя исключить, однако, что у обоих синонимов следует усматривать еще и третью валентность. На наш взгляд, этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Дело в том, что конструкция *Его осенило (озарило), что Р* обнаруживает некую двойственность. С одной стороны, она сближается с такими безличными конструкциями, как (а) *Его ударило током, Его вынесло на берег*. Подлежащее в таких конструкциях нулевое. С другой стороны, формально она напоминает

личные конструкции типа (б) *Его удивило* (*обрадовало, расстроило*), что *Р*: в этих последних функцию подлежащего выполняет придаточное *что Р*. Какую же из двух этих трактовок следует избрать для наших глаголов — безличную или личную?

Вообще говоря, синтаксическое поведение рассматриваемой конструкции отличается и от поведения конструкций типа (а), и от поведения конструкций типа (б).

От безличных конструкций типа (а) наша конструкция отличается невозможностью присоединения инструмента. Ср. *Его ударило током*, но не **Его осенило* (*озарило*) *молнией* (*вспышкой, ударом*), *что он просто влюбился*. Кроме того, они различаются количеством актантов: у конструкций типа (а), в отличие от нашей конструкции, есть лишь валентность объекта и нет ничего похожего на валентность содержания. Наконец, между ними есть и семантические различия: если конструкции типа (а) характерны для описания физических действий (чаще деструктивного характера), то глаголы *осенить* и *озарить* относятся к ментальной лексике.

Что же касается глаголов группы (б), то между этой группой и нашими глаголами наблюдаются следующие важные различия.

Во-первых, придаточное предложение в конструкции *Его осенило* (*озарило*), что *Р* всегда стоит в постпозиции по отношению к сказуемому; ср. невозможность **Что Р, его осенило*; **То, что Р, его озарило* и нормативность *Что он оказался так глуп, ее очень огорчило*; *То, что я написала такое письмо, никого не удивило* (В. Новодворская, По ту сторону отчаяния); *То, что ты в этом сознался, меня исключительно обрадовало* (М. Зощенко, Не надо врать).

Во-вторых, придаточное предложение в этой конструкции, в отличие от конструкции типа (б), не поддается номинализации и, в частности, прономинализации. Ср. характерность следующих примеров: *Что тебя так поразило? Меня удивило не это, а совсем другое; Пока я рассказывал, он выпил эту бутылочку и почти не закусывал, — это меня огорчило* (В. Каверин, Два капитана); *Появление Марчелло обрадовало меня* (В. Аксенов, Ожог); и невозможность **Что тебя осенило? *Меня осенило не это, а совсем другое; *Это меня озарило; *Катю озарила виновность Георгия во всех ее бедах* и т. п.

В-третьих, рассматриваемое придаточное предложение в конструкции *Его осенило* (*озарило*) может вводиться бессоюзно; ср. *Тут меня вдруг осенило и даже в жар бросило: вредный старичишка этот похож на меня поведением своим, похож!* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); *Долго не давала мне покоя биография Хмельницкого, а понять не мог, чем она меня тревожит. А потом озарило: так это же тень биографии Ворошилова!* (В. Суворов, День «М»). Для глаголов типа *удивить* это вряд ли возможно, ср. **Его удивило* (*огорчило, обрадовало*): *в зале почти никого не было*.

Наконец, в-четвертых, придаточное предложение в конструкции типа *Его осенило* (*озарило*), как мы видели, может достаточно свободно опускаться, ср. *Так-так... — проговорил академик, кивая и глядя в пол. Его уже осенило. Он уже уловил мысль* (В. Дудинцев, Белые одежды); *Разве что... — Виктор остановился и*

сделал вид, что его осенило. Долговязый немедленно клюнул (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди). Для глаголов типа *обрадовать* такое опущение приводит к эллипсису, ср. *Тут постучали в окошко; пришел Спирька Быстрый, сказал, что требует к себе барин. Всколыхнуло Илью — обрадовало и испугало* (И. Шмелев, Неупиваемая чаша).

Взвесив перечисленные аргументы, мы приходим к выводу, что конструкция *Его осенило* (*озарило*) скорее является безличной. Тогда придаточное предложение со значением содержания понимания в конструкции *Его осенило* (*озарило*), что *Р* не является подлежащим, а выступает в другом синтаксическом статусе, аналогичном придаточному дополнительному, имеющему место в конструкциях с глаголами *информировать* или *предупреждать* и также заполняющему при них семантическую валентность содержания; ср. *Его информировали (предупредили), что он имеет право хранить молчание до прибытия адвоката*. Таким придаточным предложением может управлять также глагол *подсказывать* в употреблениях с неодушевленным подлежащим, синтаксически и семантически близких к рассматриваемым; ср. *Между тем что-то подсказывало ему, что это были напрасные опасения* (В. Каверин, Силуэт на стекле); *Что-то подсказало ей, что если она сможет встать и выбежать в коридор, все пройдет* (В. Пелевин, Вести из Непала).

Однако и в этих последних примерах валентность подлежащего остается заполненной, в отличие от конструкции *Его осенило* (*озарило*). Таким образом, глаголы *осенить* и *озарить* представляют собой, по-видимому, уникальный тип безличных глаголов, управляющих придаточным предложением. Однако они отличаются от классических безличных глаголов вида *Моросит* (*Светает*) не только этим свойством. На наш взгляд, нулевое подлежащее в конструкции *Его осенило* (*озарило*) заполняет семантическую валентность каузатора.

Таким каузатором является высшая сила, часто имплицитно присутствующая в значении различных лексем. Этот факт хорошо согласуется с идеями И. А. Мельчука и А. А. Холодовича [Мельчук 1974а, Мельчук 1974б, Мельчук 1995: 169—205] о наличии в русском языке семантически непустых нулевых подлежащих типа Ø_{стихий} (*Ивана ударило током; Шлюпку вынесло в открытое море; Старшего ревизора Семеныча (...) вынесло на перрон и ударило головой о перила* (В. Ерофеев, Москва — Петушки); ср. также работы Т. В. Бульгиной. Конструкции вида *Его осенило* (*озарило*) сближаются с такими безличными конструкциями, а каузатор озарения — высшая сила — со стихией.

При этом интересно, что «стихийные» нулевые подлежащие свойственны прежде всего деструктивным глаголам, которые описывают негативное воздействие высших сил на человека, ср. *Его тащило по камням и ударяло о берег, Неожиданным толчком его сбilo с ног, Его всего исцарапало* (примеры из [Мельчук 1995]), *Альпинистов завалило снегом, Корабль разбило о скалы, Его убило на войне (задавило трамваем)*. Рассматриваемые же нами здесь выражения могут описывать положительное воздействие на человека; ср. например: *Его вдруг осенило, что все*

это — умозаключения, и он обрадовался; ему казалось, что он давно потерял способность к умозаключениям и может утверждать только одно: послезавтра, послезавтра (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне).

Такое представление об актантной структуре глаголов *осенить* и *озарить* косвенно подтверждается также наличием примеров, в которых подлежащее не нулевое. Валентность каузатора в них выражена неопределенным местоимением, явным образом указывающим на некую неопределенную высшую силу. Ср. *Вы знаете, Александр Иванович, я до сих пор удивляюсь: что же меня такое осенило? Откуда оно взялось?* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Пушка грянула как раз в полдень, и я представил своим юношеским воображением, как оно здесь было в 17 году... и тут меня что-то осенило, а не сходить ли мне в Эрмитаж?* (А. Строганов, Вечный Питер); *И задумался на мгновение, но вдруг его что-то осенило: — Ну, а еще кого отнесешь к ним?* (Н. Силкин, Воспоминания о Николае Рубцове); *Меня, видимо, что-то осенило свыше, и я это понял. Попробовал — результаты ошеломляющие!* («Информ-Полис», 31.05.2000, № 22); *Значит, меня не за костюм выперли? Тут будто что осенило Василия Степаныча. — А я, — говорит, — думал, что за костюмчик. А раз, — говорит, — по пьяной лавочке, то это я действительно понимаю. Сочувствую этому. Не спорю* (М. Зощенко, Рабочий костюм).

На наш взгляд, признание фраз типа *Его осенило* (*озарило*), что *Р* безличными конструкциями соответствует общим тенденциям, наблюдающимся в современном русском языке. Многие исследователи отмечали, что безличные предложения разных типов вообще играют в русском языке весьма важную роль. В. В. Виноградов писал: «В современном русском языке безличные глаголы — живая и продуктивная категория. При этом между глагольными формами с устраняемым лицом или отвергаемым производителем действия и между глаголами безличными в собственном смысле наблюдаются резкие семантические различия. Колебание, смещение и взаимодействие этих крайних типов приводит к разнообразным переходным формам безличного употребления, в которых открывается множество тончайших стилистических оттенков русского языка» [Виноградов 1947: 463]. А. М. Пешковский также отмечал непрерывный рост безличных конструкций в русском языке и присущее им свойство загадочности [Пешковский 2001]. Ср. также работу [Guiraud-Weber 1984].

А. Вежбицкая, говоря об «иррациональности в синтаксисе» [Вежбицкая 1996: 73 и сл.], уточняет, что именно для русского языка характерно изобилие разнообразных безличных конструкций. Вежбицкая даже пишет, что безличные конструкции «предполагают, что мир в конечном счете являет собой сущность непознаваемую и полную загадок, а истинные причины событий неясны и непостижимы». В таком случае было бы вполне естественно, что глаголам иррационального понимания «иррациональность в синтаксисе» свойственна в высокой степени.

Отметим также, что синонимы ряда *осенить* и *озарить* обладают свойством положительной полярности, то есть практически не употребляются в отрицательных

и общевпросительных предложениях. Ср. неправильность **Ивана не осенило* (**не озарило*), что он ошибся; **Тебя осенило* (**озарило*), что она в тебя влюблена?

3.1.1.5. Структура многозначности

Глаголы *осенить* и *озарить* имеют близкие к рассмотренным лексемы *осенить* 2.2 и *озарить* 2.2, также образующие синонимический ряд со значением ‘внезапно прийти в голову, как бы осветив сознание человека’. Подобно пониманию, описываемому синонимами ряда, *мысль* (*идея, догадка*), которая *осеняет* (*озаряет*) человека, обычно возникает мгновенно, вне непосредственной связи с предшествующей умственной работой, выглядит как внезапная вспышка света в сознании человека и может мыслиться как внушенная высшей силой. Подробнее см. в [Июдин Б. 2004б]; о словах *мысль* и *идея* см. также в работах [Кобозева 1993, Урысон 2004б].

3.1.1.6. Толкования

Итак, на основе рассмотренных свойств глаголов *осенить* и *озарить* предлагаются следующие толкования, покрывающие наиболее характерные употребления этих глаголов:

Х-а осенило, что Р = ‘Человек *Х*, оказавшийся в трудной ситуации, внезапно и не в результате логических рассуждений понял, что *Р*, найдя тем самым выход из этой ситуации’.

Х-а озарило, что Р = ‘Человек *Х* внезапно понял, что *Р*, причем понимание возникло не как результат логических рассуждений, а как бы вследствие вспышки света в сознании *Х-а*. *Р* является для *Х-а* значительным, и поэтому *Х* может испытывать сильные эмоции’.

3.1.2. УГАДАТЬ, ОТГАДАТЬ, РАЗГАДАТЬ

О, как я угадал! О, как я все угадал!

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Как было показано выше, лексемы со значением понимания различаются по признаку способа, которым человек понимает истину (или пути, по которому истина приходит к человеку). Эти лексемы образуют шкалу от логического (*осознать, осмыслить, уяснить, уразуметь*) до иррационального (*осенить, озарить*) понимания. На этой шкале члены синонимического ряда *угадать* расположены ближе к ряду *осенить* (см. выше раздел 3.1.1.1). С другой стороны, к ряду *угадать* примыкают лексемы *догадаться, сообразить 1, смекнуть 1*, составляющие близкий к рассматриваемому синонимический ряд со значением ‘сопоставив немногие имеющиеся факты, без чьих-либо объяснений понять, что *Р*’. Ниже мы покажем, что этот ряд на рассматриваемой шкале находится ближе к логическому полюсу, то есть сближается с *осознать, осмыслить* и т. д.

3.1.2.1. Ряды *угадать* и *догадаться*: сходства и различия

Являясь достаточно близкими по значению, ряды синонимов *угадать* и *догадаться* все же различаются по следующим существенным признакам: 1) наличие и достаточность информации (синонимы ряда *догадаться*, в отличие от *угадать*, предполагают, что для понимания ситуации *P* имеется достаточно информации); 2) основа для понимания (интуиция у *угадать*, сопоставление фактов у *догадаться*); 3) семантический акцент (на нетривиальности понимания в случае *угадать*, на его самостоятельности в случае *догадаться*).

Синонимы ряда *угадать* указывают на полное или частичное отсутствие информации, необходимой для понимания *P* или формирования правильного предположения о *P*; ср. *А я не могла понять, как Дмитрий Дмитриевич, зная меня только как оперную певицу, смог угадать во мне мое творческое прошлое — оперетту, эстраду* (Г. Вишневская, Галина. История жизни). В отличие от этого, в случае *догадаться* субъект обычно располагает достаточным, хотя и небольшим количеством фактов; ср. *На обширном паркинге перед воротами храма, выходящими к морю, (...) стоял лишь зеленый старый «фольксваген», по которому Лучников догадался, что отец Леонид здесь* (В. Аксенов, Остров Крым); *В полутемной гостиной что-то пискнуло под его ногами, затем колыхнулась снизу портьера, за ней другая... «Кошка!» — сообразил он* (Н. Тэффи, Выслужился); Подстановка в эти примеры синонимов ряда *угадать* делает их по меньшей мере необычными.

Понимание, описываемое синонимами *угадать* и *отгадать*, может возникнуть случайно либо в результате действия особых необъяснимых способностей человека — интуиции, чутья и т. п., то есть быть иррациональным. Ср. [*У принца*] *несомненно было особого рода чутье, позволявшее ему угадывать лучшую приманку для всякого свежего слушателя* (В. Набоков, Незавершенный роман); *В азартные игры Брюсов играл очень (...) тупо, бедно, обнаруживая отсутствие фантазии, неумение угадывать, нечувствительность к тому иррациональному элементу, которым игрок в азартные игры должен научиться управлять* (В. Ходасевич, Брюсов); *Знакомая с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал, будет ли она меня любить или нет* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени).

Напротив, понимание, описываемое синонимами ряда *догадаться*, является скорее логическим: чтобы его достичь, субъект должен правильно сопоставить имеющиеся в его распоряжении факты. Ср. *Одна из них держала свои башмаки в кошелке и теперь стояла, длинной голой ногой смущенно почесывая другую. Я догадался, что она старается спрятать хоть одну босую ногу* (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура); *Рисунок был похож на силуэт каких-то диких животных водорослей — темно-багровый на смуглой коже. Некоторое время Дауге тупо разглядывал странный рисунок, а затем сообразил, что это след сильного электрического удара* (А. и Б. Стругацкие, Путь на Амальтею); *Куча железных винтов, слесарных инструментов, блестящих кофейников и подсвечни-*

ков была на столе; пол был засорен медными и железными опилками. Пирогов тотчас смекнул, что это была квартира мастерового (Н. В. Гоголь, Невский проспект).

При понимании такого рода субъект опирается не на свою интуицию, а на рациональные способности, интеллект. Ср. *Как ты со своей семилеткой (...) сделал это открытие, когда я, окончив Краснодарский педагогический институт и преподавая русскую литературу в школе, не догадался?* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Доктор удивился и говорит: — Позовите профессора. Может быть, профессор догадается, почему этот ребенок падает* (М. Зощенко, Глупая история); *Умный человек, он с первых дней сообразил, что каким-то литературным течением будет выдан государственный патент* (Н. Мандельштам, Воспоминания). См. также описание синонимов *сообразительный, смекалистый, понятливый, догадливый и находчивый* в разделе 5 настоящей монографии, выполненное О. Ю. Богуславской.

При употреблении глагола *угадать* и его синонимов часто подчеркивается неочевидность, нетривиальность хода мысли; ср. *Единственное, что в нем [Дельвиге] было вполне изумительно, — это дар угадывать поэтов. Какое надо было иметь чутье, чтобы при жизни Державина и в расцвете славы Жуковского объявить гением пятнадцатилетнего Пушкина!* (В. Ходасевич, Дельвиг). *Догадаться* и его синонимы, напротив, обычно предполагают нетрудность понимания; ср. *Вы будете завтра приятно удивлены, — сказал я ей. — Чем? — Это секрет... на бале вы сами догадаетесь* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); *Он зачем-то долго искал выпавшую папиросу, цупал вокруг себя землю руками. Наконец сообразил, что папироса намочла и погасла, раз не светится в темноте* (Г. Бакланов, Карпухин).

В связи с этим синонимы ряда *догадаться* часто несут семантический акцент на самостоятельности понимания, противопоставляемой пониманию в результате чьего-то объяснения; ср. *Почему сами не догадались, почему все надо подсказывать, товарищи?* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться* (А. Гайдар, Сказка про военную тайну, Мальчиша-Кибальчиша и его твердое слово); — *Вы хотите сказать... Ну да, конечно, я должна была сама сообразить* (А. Маринина, Стечение обстоятельств).

3.1.2.2. Различия между синонимами

Синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) степень рациональности понимания (*угадывают* и *отгадывают* на основе интуиции или просто случайно; *разгадать* обычно требует фактов и рассуждений); 2) степень сложности объекта понимания (максимальная у *разгадать*); 3) перспективность (возможна для *угадать* и *отгадать*); 4) характер прагматической ситуации (для *отгадать* наиболее характерна ситуация игры); 5) способность составлять самостоятельную ответную реплику (есть у *угадать*).

Синонимы ряда имеют два круга употреблений. В первом круге они описывают ситуацию, когда субъект высказывает правильное предположение о чем-л., обычно в ответ на чей-то вопрос; ср. *Угадай (Отгадай), как меня зовут*. Во втором круге употреблений синонимы описывают ситуацию, когда субъект понимает что-л.; ср. *Хотя отец говорил спокойно, Маша по глазам угадала (отгадала, разгадала), что он взволнован*.

Для глагола *угадать* одинаково характерны оба круга употреблений. В первом круге он описывает ситуации, когда субъект делает единственно правильное предположение из множества возможных. Ср. *Я смотрел на небо, пытаясь угадать то созвездие, которое когда-то напомнило мне голову козлотура, но, как я с тех пор ни смотрел, никак не мог уловить ничего подобного* (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура); *Для каждого комментатора он придумал прозвище и не без удовольствия пытался угадать, кто сегодня появится на экране: «Педант» или «Комсомолочка», «Дворяночка» или «Агит-Слон», «Засоня», «Лягушка», «Синенький»* (В. Аксенов, Остров Крым).

Во втором круге употреблений *угадать* описывает правильное понимание; ср. *Тропинку, пробитую им к роднику, замело, но он угадывал, где она проходила, и не очень проваливался в снег* (В. Солоухин, Не жди у моря погоды); *Но, простите, как вы угадали, что именно мысли об этом мучают меня последнее время?* (А. Кабаков, Последний герой).

У глагола *отгадать* преобладают употребления первого типа (предположения), а употребления второго типа обычно воспринимаются как устаревающие; ср. *По произношению его я тотчас отгадал, что незнакомец мой нерусский* (А. Погорельский, Двойник, или мои вечера в Малороссии). Для *разгадать*, напротив, наиболее характерен второй круг употреблений (понимание); ср. *Катя, не мигая, глядела на своего дядю, преосвященного, как бы желая разгадать, что это за человек* (А. П. Чехов, Архиерей).

По большинству признаков синонимы составляют две группы: *угадать* и *отгадать*, с одной стороны, и *разгадать*, с другой.

Первое важное различие между этими группами касается участия логики в процессе понимания или в выборе верного предположения. Для *разгадать* чаще всего необходимы какие-то факты или наблюдения, на основе которых субъект делает умозаключения. Ср. *Тем временем хозяин пытался разгадать, откуда такая аномалия у Бима. Он перевернул все книги по охоте и собаководству, чтобы хоть немного приблизиться к истине* (Г. Троепольский, Белый Бим Черное Ухо); *Следователь пристально поглядел на доктора, как бы желая разгадать, зачем он задает такой вопрос* (А. П. Чехов, Следователь).

Напротив, *угадывают* и *отгадывают* обычно иррациональным путем, не имея никаких подтверждающих фактов — с помощью интуиции, просто случайно и т. п. Ср. *Вот он, симптом подкрадывания старости — неумение контролировать время, раньше оно тикало во мне, я мог не смотреть на стрелки, угадывал с точностью до пяти минут, даже если просыпался ночью* (Ю. Семенов, Аукцион); *По-*

рядочный сыщик — не звездочет и не ясновидец. (...) Иной раз, правда, угадаешь, но чисто случайно, и это не настоящая работа (К. Чапек, Купон, пер. Т. Аксель и О. Молочковского); Оказалось, что некоторые испытуемые отгадывают (...) не столько ту карту, которую брал в руки экспериментатор, сколько следующую, которую он возьмет затем (С. Лем, О сверхчувственном познании, пер. И. Левшина). Синоним *разгадать* в этих примерах был бы неуместен; ср. также неправомерность *разгадать инстинктом* (интуитивно, шестым чувством).

Кроме того, синоним *разгадать* предполагает в качестве предмета размышлений более сложную ситуацию, чем *угадать* и *отгадать*. Ср. *Разгадывать тайну чаще всего означает иметь в своем распоряжении не более одного, или двух, или трех частных данных, не обладающих, с внешней точки зрения, никаким сходством, и пытаться вообразить, не могут ли все эти случаи представлять собой проявления некоего универсального закона* (У. Эко, *Имя розы*, пер. с итал.); *Мы — щенки, мы — кутята, раньше всех своих одногодков (...) разгадали, что под овечьей шкурой, под мельтешением человеколюбивых партийных лозунгов (...) — волчий оскал дьявольских СИЛ!* (Ю. Алешковский, *Рука* (Повествование палача)); *Май сорок первого — самый загадочный месяц вообще всей российской коммунистической истории. Каждый день и каждый час этого месяца наполнены событиями, смысл которых еще предстоит разгадать* (В. Суворов, *Ледокол*). Для двух других синонимов такие примеры нехарактерны или невозможны.

Это различие групп синонимов отчетливо проявляется, когда они управляют именной группой со значением содержания понимания. В таких конструкциях субъект *разгадывает* причины данной ситуации или цели действий, в которых он усматривает скрытый смысл, а *угадывает* само существование скрытой ситуации. Ср. контрастные пары: *Он разгадал мое недовольство* [понял, почему я недоволен] VS. *Он угадал мое недовольство* [понял, что я недоволен]; *Я потянулась к бутылке, чтобы засветить ему ею между глаз. Он четко разгадал мое движение и в ужасе отпрянул к стене, закрываясь руками* (В. Кунин, *Интердевочка*) [увидел движение и понял, в чем его цель] VS. *Он [слепой] старался научиться жить слухом, угадывать движения по звукам, и вскоре Горну стало затруднительно незаметно входить и выходить* (В. Набоков, *Камера обскура*) [не видел движения, но понимал, что они возникают].

В связи с указанным различием, предложения с глаголом *разгадать*, с одной стороны, и *угадать* и *отгадать*, с другой, имеют различную коммуникативную структуру и по-разному оформляются просодически: в первом случае фразовое ударение падает на глагол, а во втором — на именную группу, выражающую содержание понимания. Ср. *Он понял, что Билли разгадал его игру и теперь уже он, Лучников, стал для него дичью* (В. Аксенов, *Остров Крым*) и *Она выслушивала их очень серьезно, но в ее зеленых глазах я угадывал легкую иронию* (Ф. Незнанский, *Операция «Фауст»*).

Еще одно различие между группами синонимов касается признака перспективности. Синоним *угадать* часто называет ситуацию, относящуюся к будущему. Ср. *Фол угадал звонок за мгновение до того, как он раздался, снял трубку* (Ю. Семенов, Аукцион); *И владельцы галерей (...) приобретали дешевые картины, иногда будущих знаменитостей, которые впоследствии приобретали огромную ценность. Это был спорт: угадать знаменитость* (В. Гиляровский, Москва и москвичи). Для синонима *отгадать* это менее характерно, но также возможно; ср. *Что будет? Забавный вопрос! Кажется, не нужно быть пророком, чтобы отгадать последствия этого необдуманного поступка* (М. Н. Загоскин, Рославлев, или Русские в 1812 году). Для *разгадать* это практически невозможно; ср. устаревший пример *Ему хочется разгадать судьбу сражения, а судьба сражения становится сомнительной* (Е. Тарле, Нашествие Наполеона на Россию).

Кроме того, синонимы различаются характером прагматической ситуации.

Угадать и *отгадать* часто описывают ситуацию игры, жребия, гадания и т. п. В частности, они обладают свойством употребляться в составе игровых вопросов. Ср. *Я кого-то здесь люблю, угадай кого?..* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); — *Угадай, кто лучший в мире выдумщик игр! Угадай, во что мы будем играть!* (А. Линдгрэн, Малыш и Карлсон, пер. Л. Лунгиной); *Я пожилой, беспартийный... Отгадайте, кто? Правильно!..* (В. Кунин, Интердевочка). Часто такие вопросы, в силу своего игрового характера, содержат и ответ, заведомо неизвестный собеседнику¹⁷; ср. *Эту записку тебе передаст — угадай кто? — моя сестра* (В. Каверин, Два капитана); *И вот, как-то в воскресенье, позвонил Евфратский. — Угадайте, — сказал он, — кто хочет с вами говорить? Галатов!* (В. Набоков, Уста к устам); *Как ты думаешь, Джемсомина, от кого этот подарок? Отгадай! От профессора Сука!* (М. Павич, Хазарский словарь, пер. Л. Савельевой). Синоним *разгадать* указанным свойством не обладает и может употребляться лишь в составе обычных вопросов; ср. *Почему мне в эдакие минуты всегда становится грустно, разгадайте, ученый человек?* (Ф. М. Достоевский, Бесы).

Употребление в ситуации игры наиболее характерно для синонима *отгадать*; ср. *Один из играющих зажимает в руке какую-нибудь вещь, а другой должен отгадать, какую; если отгадает, то ставит в своей клетке ноль или крестик* (Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре); *Емельян Спиридоныч поднял с земли камешек, заложил руки за спину, долго перекадывал камешек из ладони в ладонь. Зажал в одной. — Отгадаешь — первый бьешь* (В. Шукшин, Любавины).

¹⁷ Возможно, здесь проявляется отмеченная Т. М. Николаевой тенденция к распространению игровых загадок, которые невозможно отгадать; ср. «По мере развития европоцентрической цивилизации для входящего в нее лица факт потенциального незнания ответа на загадку перестает быть социально опасным. И теперь загадка оборачивается второй своей стороной — обманутым ожиданием, принципиальной неразгадываемостью» [Николаева 2000: 400].

Наконец, синоним *угадать*, единственный из синонимов ряда, обладает способностью составлять самостоятельную реплику (подтверждающую предположение, сделанное собеседником); ср. — *Лена, а вы не в текстильном, случайно?* — *Угадали* (В. Сорокин, Очередь).

3.1.2.3. Аспектуальные особенности

Как и у глаголов *осенить* и *озарить* (см. выше раздел 3.1.1.3), у синонимов *угадать* и *отгадать* форма НЕСОВ не имеет процессного и актуально-длительного значений. Ср. **Он долго угадывал (отгадывал), что бы это значило; *Что ты делаешь?* — *Сижу и угадываю (отгадываю), к чему все это клонится*. Напротив, форма НЕСОВ глагола *разгадать* может употребляться и в процессном, и в актуально-длительном значении. Ср. *Он разгадывал первое дело Майка Кристи, он мог уже вот-вот разгадать его* (А. Кабаков, Подход Кристаповича); *Он долго-долго смотрел на нее, может быть, разгадывая ее мысли, может быть, собирая свои* (А. А. Бестужев-Марлинский, Испытание).

Интересно, что у разных синонимов ряда формы НЕСОВ обладают разными свойствами. У глагола *угадать* форма НЕСОВ всегда означает удавшуюся попытку. Ср. *Зато Бим постепенно стал даже угадывать некоторые намерения друга* (Г. Троепольский, Белый Бим Черное Ухо); — *Так вот, мальчик, — продолжал он, и по едва заметному жесту я угадывал, что надо налить еще* (М. Веллер, Гуру); *В этот вечер у меня голова работала, как на экзамене, и я все угадывал и понимал с полуслова* (В. Каверин, Два капитана).

В отличие от этого, у *отгадать* и *разгадать* форма НЕСОВ может выражать значение попытки, не указывая на ее успешность; ср. *Если он отгадает, то угаданный становится на его место; если же нет, то слепой трогает другого игрока и снова отгадывает* (Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре); *И вот являлись жених за женихом, их заставляли отгадывать и за неудачу казнили — пусть не суются, ведь их предупреждали заранее!* (Г.-Х. Андерсен, Доружный товарищ, пер. А. Ганзен); *Характерно (...), что ведь и «письма к другу» тоже литературная фикция, ибо друга-то не существует, и правы те наивные, которые все разгадывали и спрашивали, кто же друг* (НМ, 1998, № 9).

3.1.2.4. Особенности управления и сочетаемости

Синонимы имеют четыре валентности: субъекта, содержания, основания и (во втором круге употреблений) способа (или органа) понимания.

Валентность субъекта у всех синонимов выражается именной группой в форме ИМ, называющей человека. Синоним *угадать* сочетается также с названиями животных и (в переносных употреблениях) неодушевленных предметов в этой роли; ср. *Я ждал, ждал, пока солнце склонится к западу, пока заржут лошади, которые лучше людей угадывают конец рабочего дня* (В. Шаламов, Сгущенное молоко); *С какой-то бесовской точностью градины угадывали, где именно под буркой рас-*

положена моя голова, и (...) больно лупили по ней (Ф. Искандер, Сандро из Чегема). Для остальных синонимов такая сочетаемость нехарактерна.

Валентность содержания у всех синонимов может выражаться следующими тремя способами:

а) что + ПРЕДЛ: *И когда камень мальчика попал в невидимую козу, дяде Сандро показалось, что он за миг до этого угадал, что именно этот камень в нее попадет* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

б) ВОПР + ПРЕДЛ; ср. *У ворот он с раздраженной проницательностью оглядел деревенскую улочку, стараясь угадать, не идет ли какой-нибудь мужчина в сторону Анастасии* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Пожалуй, можно было угадать, где работает один и где другой и где проходила зона, в которой они мешали друг другу* (В. Каверин, Два капитана); *Послушай, Карлсон, (...) ты можешь отгадать, кто будет за мной присматривать, когда мама и папа отправятся путешествовать?* (А. Линдгрэн, Малыш и Карлсон, пер. Л. Лунгиной).

в) ВИН; ср. *Так, бывало, в стаде нежноглазых телят он угадывал и метил самого мощного в будущем, самого крутолобого производителя* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

Сочетаемость с именными группами в качестве содержания существенно различается у синонимов *угадать* и *отгадать*, с одной стороны, и *разгадать*, с другой, в связи с семантическими особенностями этих синонимов (см. выше раздел 3.1.2.2).

Синонимы *угадать* и *отгадать* в первом круге употреблений (в значении правильного предположения) сочетаются с существительными, обозначающими:

а) признак, свойство или состояние чего-л. или кого-л.; ср. *угадать цвет (настроение, возраст, температуру, высоту), отгадать масть (достоинство) игровой карты*;

б) время и пространство; ср. *угадать (отгадать) время (момент, час, дату, будущее; место, дом, улицу)*;

в) любые объекты — элементы заданного множества, о которых делается предположение; ср. *угадать цифру (нужную дверь), отгадать имя (карту, лошадей)*.

Синонимы *угадать* также сочетается с любыми именными группами, называющими наступающую ситуацию; ср. *Это столяр, — сказал нарядчик, угадывая вопрос Парамонова* (В. Шаламов, Апостол Павел); *И они аплодировали ему, и по его знаку скидывали руку в партийном приветствии, и, угадывая паузы, начинали овацию* (Ю. Семенов, Семнадцать мгновений весны). Для *отгадать* это менее характерно.

Синоним *разгадать* сочетается с существительными, обозначающими:

а) сложные объекты со скрытым устройством; ср. *разгадать систему (комбинацию, шифр)*;

б) сущность чего-л.; ср. *разгадать смысл* (значение, роль);

в) продуманные действия и особенности поведения; ср. *разгадать чей-л. план* (замысел, стратегию, политику; маневр, поступок, уловку, ход, хитрость; игру, проделку);

г) ситуации, события или объекты, которые могут иметь символическое значение или скрытый смысл; ср. *разгадать сон* (тайный знак, сигнал); *Его не оставляло ощущение, что* (...) *каким-то образом пирамидка должна действовать. (...) Инек так долго пытался ее разгадать, а Люси взяла эту штуковину в руки первый раз, и тут же все заработало* (К. Саймак, Пересадочная станция, пер. Н. Галь).

Кроме того, все синонимы сочетаются со словами *намерение, цель; причина, мотив; мысль* (мысли). Ср. *Он никак не мог разгадать причину внезапного появления Розановой в бахаревском доме* (Н. С. Лесков, Некуда); *Степановна угадала его мысли по взгляду: — Да и уехать нельзя: квартиру-то надо оберегать* (Г. Тропольский, Белый Бим Черное Ухо); *«Он может пролезть под дверью», — с ужасом подумал я, и, точно отгадав мою мысль, он стал узенький и длинный и быстро, виляя кончиком хвоста, вполз в темную щель под дверью парадного хода* (Л. Андреев, Красный смех).

Все синонимы ряда сочетаются с глаголами *пробовать, стремиться, пытаться, стараться, силиться* и т. п. Ср. *Обряд начинался с того, что тетя Даша пробовала угадать содержание письма по конверту, по адресу, в большинстве случаев совершенно размытому водой* (В. Каверин, Два капитана); *Приложив к ссадине носовой платок, Толя стал осматриваться по сторонам, пытаясь разгадать, куда это он попал* (Н. Носов, Фантазеры). Отметим, что степень контролируемости *угадать* и его синонимов *разгадать* несколько выше, чем у *понимать* (см. выше в разделе 1.3.1.1.1); ср. отсутствие ограничений на их употребление в форме ПОВЕЛ, а также следующий пример: *Давайте гадать о Путине, давайте его разгадывать. Но что-то не идет дело, не разгадывается полковник!* («Сегодня», № 39, 22.02. 2000)

Все синонимы ряда сочетаются с наречиями *правильно и верно*; ср. *Я стал приспосабливаться к длине тени, довольно правильно угадывая время, когда надо было идти в школу* (Ф. Искандер, Школьный вальс, или Энергия стыда); *Жена моя — большой толкователь снов и вообще верит, что снов бессмысленных не бывает, что они всегда несут нам какое-то сообщение, которое надо только правильно разгадать* (В. Войнович, Москва 2042).

Синонимы ряда сочетаются также с наречиями и наречными оборотами *сразу, быстро, мгновенно, моментально, с полуслова, с первого взгляда, наконец* и т. п., указывающими на скорость наступления понимания. Синоним *разгадать* также сочетается с наречием *постепенно*, а синонимы *угадать* и *отгадать* — с оборотами вида *со второй (третьей, десятой, ...)* попытки, *с первого (второго, ...)* раза, *с трех раз, до трех раз*, указывающими на количество попыток, даваемых субъекту или предпринятых им. Ср. *отгадать с первого раза*; — *Пока будем перехо-*

доть реку, можешь отгадывать до десяти раз (Дж. Лондон, Смок Беллью, пер. с англ.). Словосочетание *угадай(те) с трех раз* в разговорной речи употребляется также как фразема со значением 'говорящий считает, что адресату хорошо известно то, о чем тот спрашивает'; ср. *Чем он занимается? — Угадай с трех раз! Телевизор смотрит; Освобождение из-под ареста под огромные залоги? Угадай-те-ка с трех раз, кто такие залоги может внести быстрее всех?* (А. Константинов, Бандитский Петербург).

Валентность основания для понимания может заполняться:

а) *по* + ДАТ (указание на источник понимания); ср. *угадать* (<*отгадать*, *разгадать*) *по* почерку (<*по* выражению лица, *по* одежде, *по* виду, *по* форме, *по* некоторым признакам).

б) Наречиями и фраземами *инстинктивно*, *интуитивно*, *шестым чувством* и т. п. (указание на способ понимания): *Ника не интересовалась чужими чувствами, но инстинктивно угадывала отношение к себе* (В. Пелевин, Ника).

в) ТВОР (указание на орган понимания): *Хавронья женским чутьем угадала, что происходит с Федей* (В. Шукшин, Любавины); *Иудушка словно нюхом отгадывал, что в ней происходит* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); *Люди (...) все сумасшедшие, потому что принимают условность общего существования, не разгадав ее умом* (А. Битов, Преподаватель симметрии).

Синоним *угадать* может употребляться в конструкции *угадать в X-е Y-а* 'угадать, что X есть Y' (*угадать в соседе военного*), причем в роли X-а выступает название человека, а в роли Y-а — название социального статуса, профессии, типа и т. п. Ср. *По татуированным рукам Сергей угадал в нем матроса* (А. Гайдар, В дни поражений и побед); *Вы легко угадаете в нем обыкновенного квартирного деспота, хилого тирана, ловко умеющего объяснять свои бесчинства соображениями принципиальными* (Е. Шварц, Обыкновенное чудо).

Эта конструкция в некоторых случаях имеет две интерпретации: синхронную и перспективную; ср. *Он сразу угадал в Грэе настоящего капитана — разряд го-стей, редко им виденных* (А. Грин, Алые паруса) [Он угадал, что Грэй — капитан] VS. *Он сразу угадал в Грэе капитана — мальчик очень рано научился плавать на яхте* [Он угадал, что Грэй станет капитаном].

Для остальных синонимов эта конструкция устарела; ср. *В этом письме злоп-лучная Esperance, в которой Горданов отгадал брата Ларисы, жаловалась без-жалостному Павлу Николаевичу на преследующую ее роковую судьбу* (Н. С. Лесков, На ножах).

3.1.2.5. Структура многозначности

У глаголов *отгадать* и *разгадать* есть близкие к рассмотренным лексемы *отгадать 1* и *разгадать 1* соответственно, входящие в синонимический ряд *решить 2.2*, *разгадать 1*, *расшифровать 2*, разг. *отгадать 1* 'найти правильный ответ на

специально составленную задачу, выполнив тем самым условие игры'; ср. *отгадать* (разгадать) загадку (кроссворд, ребус, головоломку, викторину, шараду). У глаголов *угадать* и *разгадать* есть также близкие к рассмотренным лексемы устар. *угадать* 1.2 и *разгадать* 2.2 соответственно, составляющие синонимический ряд *раскусить* 2, *понять* 1.2, *разгадать* 2.2, *угадать* 1.2 *X*-а = 'понять особенности характера или скрытый смысл поведения человека *X*'. Подробнее см. в [Иомдин Б. 2004в].

3.1.2.6. Толкования

На основе рассмотренных свойств глаголов *угадать*, *отгадать* и *разгадать* для них предлагаются следующие толкования:

X угадал *P* = 'не имея информации о ситуации или объекте *P*, человек *X* случайно или на основе неочевидных умозаключений сделал правильное предположение о *P* или понял *P*'.

X отгадал *P* = 'не имея информации о ситуации или объекте *P*, человек *X*, обычно в ситуации игры, случайно или на основе неочевидных умозаключений сделал правильное предположение о *P*'.

X разгадал *P* = 'не имея достаточной информации о сложной ситуации или объекте *P*, человек *X* на основе неочевидных умозаключений понял *P*'.

3.1.3. Интуиция, инстинкт, чутье, нюх

Русский возница имеет доброе чутье вместо глаз; от этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает.

Н. В. Гоголь. Мертвые души

Существительные *интуиция*, *инстинкт* 1.2, *чутье* 2 и *нюх* 2 называют способность человека к иррациональному пониманию. Соответствующие лексемы данных слов представлены в примерах: *Интуиция* меня никогда не обманывает; *Инстинкт* говорил ей, что здесь оставаться опасно; *Женским чутьем* она поняла, что он очень одинок; *У этого журналиста особый нюх на сенсации*. Рассмотрим прежде всего сходства и различия этих синонимов с другими лексемами, описывающими интеллектуальные способности человека.

3.1.3.1. Ряд *интуиция* и близкие лексемы: сходства и различия

Способность человека, связанную с пониманием, называют также лексемы, входящие в следующие синонимические ряды: *ум* 1, *разум*, *рассудок*, *интеллект*;

сообразительность, смекалка, догадливость, находчивость, прост. сметка; пронизательность, прозорливость.

Перечисленные ряды и отдельные лексемы различаются по следующим смысловым признакам: 1) способы достижения понимания (логические рассуждения на основе достаточной информации для ряда *ум*, неочевидный ход мысли в условиях нехватки информации для рядов *сообразительность* и *пронизательность*, иррациональное понимание при отсутствии информации для ряда *интуиция*; 2) распространенность способности (*ум* присущ всем людям, *сообразительность* — многим, а *интуиция* и *прозорливость* исключительны); 3) оценка способности (высокая в случае ряда *пронизательность*); 4) сложность объекта понимания и сфера проявления способности (*сообразительность* предполагает практическую сферу, *пронизательность* — наиболее сложные объекты в сфере психологии или развития общества); 5) возможность характеризовать высших животных (отсутствует для ряда *пронизательность*); 6) возможность обозначать невидимый орган (есть у лексем ряда *ум*)¹⁸.

Все перечисленные лексемы характеризуют ментальные способности человека и предполагают различные способы достижения понимания и количество используемой при этом информации.

Понимание, достигаемое *умом* (*разумом, рассудком, интеллектом*) человека, основывается на логике и анализе фактов, то есть является результатом рационального процесса. Синонимы ряда *ум* описывают способность человека мыслить, вычислять, строить логические рассуждения, делать умозаключения; ср. *В уме он мгновенно просчитывал десятки вариантов; Адвокат на процессе беспристрастно изложил факты, апеллируя к разуму судей; Вера — это то, в чем нуждается мое сердце, моя душа, а не мой размышляющий рассудок* (Л. Витгенштейн, Культура и ценность, пер. М. Козловой); *Резко деградирует уровень {...} интеллекта и умственной деятельности, в первую очередь запоминание, память, счет, обучаемость, способность к комбинаторике и абстракции* (Ж. Хеераартс, Дело «Альцгеймера», пер. Н. Федоровой). См. также описание синонимов *ум 1, разум, рассудок, интеллект* в статье [Урысон 2004г].

Ряды *сообразительность* и *пронизательность* описывают способность человека быстро понимать или предвидеть что-либо в условиях нехватки информации. Эта способность основана на умении делать правильные выводы из немногих имеющихся фактов, мобилизуя различные интеллектуальные ресурсы: воображение, память, опыт и т. п. Достигнутое таким образом понимание предстает не как обоснованный логический вывод, а как результат какого-то неочевидного хода мысли. Ср. — *У меня нет никаких фактов для анализа. — {...} Это тебе экзамен на сообразительность. Представь их, на то у тебя воображение* (В. Суворов, Аквариум); *Ничего не читая, он знал, что читают другие, кто сегодня в моде,*

¹⁸ Ср. также толкования ментальных прилагательных, предлагаемые О. Ю. Богуславской, в Части 5 настоящей монографии.

кто известен, не хотел выглядеть профаном, хорошо запоминал имена, обладал живым умом и находчивостью (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Сопромат смекалкой заменяем. Микробов на ощупь. Без образования пьесы пишем* (М. Жванецкий, Миниатюры); *Под конец [Зосима] приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно и даже какого рода мучение терзает его совесть* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы).

Наконец, синонимы ряда *интуиция* описывают способность человека мгновенно понимать что-либо без обращения к фактам и без использования логики, то есть иррациональным путем. Ср. *За двадцать лет работы в полиции у него выработалось особое качество: он сначала прислушивался к чувству, к своей интуиции, а уже после перепроверял это свое ощущение аналитической разработкой факта* (Ю. Семенов, Семнадцать мгновений весны); *Я могу только строить предположение на основе интуиции, каких-нибудь вещественных доказательств не имею* (Н. Хрущев, Время. Люди. Власть. Воспоминания); *Отличались они знанием леса или чутьем его, затрудняюсь, как правильное назвать, наверное, все-таки чутьем. {...} Знания такого, о котором пойдет речь, еще не существует* (Д. Гранин, Обратный билет).

Описываемые способности людей характеризуются разной степенью их распространенности и естественности. Ум (*разум, рассудок, интеллект*) в норме присутствует у каждого человека, хотя и в весьма разной степени; ср. *гениальный (глубочайший) ум и слабоумие, интеллект амебы (гориллы)*. *Сообразительность (смекалка, догадливость, находчивость, сметка)* свойственны не всем, но многим людям. Это обычные человеческие свойства, наличие которых легко проверить; ср. характерное *тест на сообразительность*. Наконец, ряды *проницательность* и *интуиция* описывают наиболее редкие способности, присущие далеко не каждому. Поэтому их наличие сложно проверить; ср. *тест на прозорливость (на интуицию)*.

С этими свойствами рассматриваемых лексем связаны и различия в их оценке говорящим. Наличие у человека *ума (разума, ...)* само по себе никак не оценивается, а его отсутствие воспринимается как отклонение от нормы; ср. *глупость, идиотизм, безумие*. Напротив, наличие или проявление *сообразительности (находчивости, ...)* оценивается положительно, а ее отсутствие — отрицательно. Ср. — *Ладно, получишь премию за находчивость!* — сказал Светлов (Ф. Незнанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева); *Не ощущается в тебе находчивости, ты уже стар и туповат* (В. Конецкий, Невезучий Альфонс). Лексема *ум* и ее синонимы в обоих примерах были бы неуместны, поскольку описывают способности, с необходимостью присутствующие у каждого нормального человека.

Проявления *интуиции (инстинкта, ...)* воспринимаются как необычные и часто оцениваются высоко; ср. *Только интуиция открывает путь в глубины бытия* (Ю. Каграманов, «Жестоких опытов собирая поздний плод»); *Он в высшей степени способен был понимать чутьем потребности {...} народа, с которым имел дело,*

*и потому он был превосходным управляющим (Л. Н. Толстой, Война и мир); Но сейчас что-то удерживало его и от кулаков и от криков, и не какое-то там соображение или понимание, а что-то тонкое и острое, похожее на нюх и чутье (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей). Однако положительная оценка необязательна; ср. Уверенность моя держалась лишь на интуиции, которая, как известно, ноль без информации (Ф. Незнанский, Ярмарка в Сокольниках); Но все это была только моя интуиция, а я знал цену интуиции. Дешево она стоила в наших делах (А. и Б. Стругацкие, Жук в муравейнике)*¹⁹.

Наконец, *проницательность и прозорливость* воспринимаются как уникальные свойства и обычно оцениваются очень высоко. Ср. *Я наиболее удивляюсь тому, что Марья Ивановна, наша почтенная хозяйка, с такою необыкновенною проницательностью угадала мой сон (Ф. М. Достоевский, Дядюшкин сон); Нужно было обладать превосходной проницательностью, чтобы так безошибочно вникнуть в душевный мир разнообразнейших людей, как это сделал Куприн в своих «Киевских типах» (К. Паустовский, Поток жизни); Кутузов с гениальной прозорливостью предвидел тяжкие, кровавые дни Лютцена, Бауцена, Дрездена (Е. Тарле, Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат).*

Описываемые способности различаются также сферой проявления и степенью сложности объекта понимания. Так, *умом* человек может понимать самые разные вещи, от фундаментальных научных проблем до мелких бытовых вопросов. Ср. *Блестящий ум Эйнштейна проявился уже в детстве, когда он с легкостью решал сложные математические задачи и Мальчику, который нашел гранату, хватило ума, чтобы не кидать ее в костер.*

Синонимы ряда *сообразительность* предполагают использование соответствующих способностей для понимания не слишком сложных вещей из практической сферы. Ср. *И даже железные вещи не заржавели, потому что Коля обмазал их салом. (...) Вскоре приехал Колин папа (...) и (...) похвалил Николая за его ум и смекалку (М. Зощенко, Интересный рассказ); Подполковник Светлов (...) проявил сметку, и его оперативно-агентурные действия увенчались успехом (Ф. Незнанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева).*

¹⁹ Мы приписываем языковой картине мира такое представление о сравнительной ценности и естественности рационального и иррационального понимания, основываясь на данных современного русского языка. Между тем, разумеется, в мире философии, религии или художественной литературы возможен существенно иной взгляд на вещи. Ср. наблюдения М. М. Вознесенской и М. А. Дмитриевской о системе ценностей в мышлении героев Андрея Платонова: «В силу того, что чувства имеют характер природный, стихийный и их происхождение естественно для человека, они оцениваются положительно в противоположность мысли, которая имеет характер достаточно искусственный и условный. Ум ограничивает, сужает и соединяет чувства. Так, Чепурный говорит о Прокофии: "...он своей узкой мыслью мои великие чувства ослабляет". Захар Павлович даже изобретение механизмов приписывает чувству, а не разуму: "По словам Захара Павловича выходило, что

Синонимы ряда *интуиция* обычно употребляются при описании понимания достаточно сложных вещей; ср. *Для принятия решения по сейсмостойкости еще долго будут необходимы <...> опыт и интуиция специалиста* (Уппсальский корпус); *Мой инстинкт не обманул меня: я точно прочел на его изменившемся лице печать близкой кончины* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени). Нестандартно *Интуиция <инстинкт, чутье, нюх> подсказала мальчику, что не надо кидать гранату в костер*.

Синонимы ряда *проницательность* описывают способности, используемые человеком при понимании сложных и скрытых вещей. При этом *проницательность* чаще проявляется в области психологии; ср. *Он видел первую встречу мужа с женою и заметил с проницательностью влюбленного признак легкого стеснения, с которым она говорила с мужем* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина). Синоним *прозорливость* вводит проспективные контексты и описывает понимание будущего, в частности дальнейшего развития общества; ср. *Отметим прозорливость предсказаний Гейнриха о советских Каине и Авеле, «Вавилонской башне, которая никогда не достроится» и т. п.* (Ю. Щеглов, Романы И. Ильфа и Е. Петрова); *Почему удивляются, что поэты с такой прозорливостью предсказывают свою судьбу и знают, какая их ждет смерть?* (Н. Мандельштам, Воспоминания).

Еще одно различие описываемых лексем относится к возможности характеризовать животных. Она наиболее свойственна синонимам ряда *ум*, не исключена для рядов *интуиция* и (в меньшей мере) *сообразительность*, но отсутствует у лексем *проницательность* и *прозорливость*. Ср. *Разум наш так же слаб, как разум кролика, или, пожалуй, еще слабей* (И. Бунин, Братья); *Со своей животной интуицией собаки тянулись к тебе, и даже самые свирепые и тупые <...> почему-то замолкали, увидев тебя* (Архив «Независимой Газеты»); *Акбара и Ташчайнар [волки] <...> наделены были от природы качествами, особо жизненно важными для степных хищников в полупустынной саванне, — мгновенной реакцией, чувством предвидения на охоте, своего рода «стратегической» сообразительностью* (Ч. Айтматов, Плаха). Синонимы ряда *проницательность* в таких контекстах не встречаются.

Наконец, последнее различие касается ряда *ум*. Лексема *ум* и ее синонимы могут описывать как способность человека, так и невидимый орган, используемый им при мышлении; ср. *быстрый <острый> ум, решать в уме задачи, понимать умом <разумом, рассудком>*²⁰. Для остальных описываемых рядов это невозможно.

Впрочем, синонимы ряда *интуиция* иногда употребляются в похожих контекстах; ср. *обостренная интуиция; Вы чересчур напрягаете свою интуицию* (М. Бельский, Обсерватория); *Как отточить интуицию до ювелирной чуткости...*

ум — это слабосудная сила, а машины изобретены сердечной догадкой человека”» [Вознесенская и Дмитриовская 1993: 142].

²⁰ Ср. также описание роли *головы и мозга <мозгов>* как места локализация мыслей и интеллектуальных способностей человека в русской языковой картине в работе [Шмелев 2005a: 148—150].

(М. Веллер, Колечко). В этих примерах просматривается представление об *интуиции* как об особом органе, аналогичном органам зрения и слуха: ср. *острота зрения, напрягать слух, чуткий слух* и т. п. Связь интуиции со зрением и особенно со слухом отмечалась в работе [Арутюнова 1988], ср. «Совершенно особую и очень интересную проблему составляет употребление перцептивных глаголов для обозначения восприятия при помощи “шестого чувства” (интуиции), дающего познание и прозрение. Его объекту всегда приписывается знаковая природа. Кроме универсального глагола *чувствовать* (*чують*), интуиция обслуживается по преимуществу предикатами зрения и слуха; ср. *внутренний слух* и *внутреннее зрение* (*прозрение*), *тайнослышанье* и *ясновидение*. (...) В целом можно предположить, что зрительные образы легче поддаются когнитивной обработке, чем слуховые впечатления. Первые больше связаны с чувственной и рациональной природой человека, вторые ассоциируются скорее с его иррациональным началом. В этом смысле интуиция ближе к слуху, чем к зрению» [Арутюнова 1988: 113]. См. также о связи понимания со зрением и слухом в различных языковых картинах мира выше в разделе 2.4.

Характерно также, что лексемы *инстинкт*, *чутье* и *нюх* (синониму *интуиция* это свойственно в гораздо меньшей мере) могут употребляться в форме ТВОР при глаголах *понимать*, *чувствовать*, *чують* и т. п. Ср. *Инстинктом* (*чутьем, нюхом*) *он понял, что пора бежать*; *Алеша понимал это инстинктом* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *Людей он своим звериным чутьем чует и знает про них многое* (В. Конецкий, Невезучий Альфонс); *А вдруг он нюхом учует, что мы говорили о нем* (Е. Замятин, На куличках). Однако в этом случае синонимы, возможно, указывают не на орган, а на способ или инструмент понимания. В самом деле: как «материальные», так и невидимые органы (такие, как *слух*, *зрение* или *память*) имеются у каждого человека (хотя и могут функционировать неправильно или вовсе отказать). Напротив, *инстинкт*, *чутье* и *нюх*, как отмечено выше, свойственны далеко не всем людям. Кроме того, в пользу того, что конструкции типа *понимать инстинктом* указывают на способ понимания, говорит возможность их трансформации в конструкции с соответствующими наречиями; ср. *понимать инстинктивно* (*интуитивно*) в отличие от **понимать умственно* (*душевно, сердечно*). В отличие от других невидимых органов (таких, как *душа* или *память*), для рассматриваемых лексем невозможны также употребления, указывающие на вместилище (ср. *понимать в глубине души*, *хранить* (*покопаться*) *в памяти*, но не **понимать в инстинкте*, **покопаться в чутье* (*в нюхе*)). Наконец, если ум располагается в голове человека, а *душа* — где-то в груди, то *интуиция* принципиально не локализуется: в русской языковой картине мира с ней не ассоциируется ни одна часть тела. См. подробнее выше в разделе 1.3.1.1.1

3.1.3.2. Различия между синонимами

Синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) наиболее характерные проявления способности (решение различных задач для *интуиции*,

мгновенная реакция в опасной ситуации для *инстинкта*, поиск или распознавание чего-л. для *чутья* и *нюха*); 2) возможные причины возникновения и проявления способности: врожденные свойства человека или действие подсознания для *интуиции* и *инстинкта*, опыт и профессиональные навыки для *чутья* и *нюха*); 3) сфера проявления способности (более ограничена у *чутья* и *нюха*); 4) представление об особой расположенности женщин к данной способности (отсутствует только у *нюха*); 5) метафорическая концептуализация и связь с внутренней формой (*инстинкт* может выглядеть как существо, независимое от сознания человека; *чутье* и *нюх* сохраняют слабое представление о связи с обонянием).

Наиболее общим и стилистически нейтральным синонимом ряда является *интуиция*. Это слово свободно используется как в разговорной речи, так и в текстах разных жанров, а также, в отличие от других синонимов, имеет терминологический круг употреблений; ср. *В философской традиции, видимо, наиболее близким аналогом введенного нами механизма фантазирования является так называемая интеллектуальная интуиция, а из более современных философских подходов к исследованию проблемы сознания — гуссерлевская эйдетическая интуиция* (С. Картерчо, Знание как сознательный феномен).

По большинству признаков синонимы ряда распадаются на две группы: *интуиция* и *инстинкт*, с одной стороны, и *чутье* и *нюх*, с другой стороны.

Синонимы *интуиция* и *инстинкт* выводят на первый план иррациональность соответствующей способности человека. Понимание, безотчетно возникающее под ее действием, связывается не с логическим мышлением или опытом, а с врожденными свойствами человека или действием подсознания. Ср. *У Зиночки не было никакого опыта в свиданиях, и все, что она делала сейчас, основывалось на интуиции. Она не размышляла — она действовала именно так, потому что по-иному действовать не могла* (Б. Васильев, *Завтра была война...*); *Хотя в глазах сослуживцев и даже собственной жены Михаил выглядел человеком трезвым, живущим по строгому расписанию, на самом деле он ценил интуицию, верил в предчувствия* (М. Ганина, *Желтый берег*); *Догадался уже, звереныш. Почти ничего не знает, но почти обо всем догадывается. Инстинкт!* (С. Залыгин, *Уроки правнука Вовки*). Ср. также: «Специфика человеческой психики состоит в том, что многие мыслительные процессы протекают подсознательно, поэтому результаты принятия решения могут быть как бы лишены четкой мотивировки и даваться субъекту в виде ощущений» [Дмитровская 1988: 177].

Различия между *интуицией* и *инстинктом* касаются типичных ситуаций, в которых используются эти способности, и связанных с ними языковых представлений.

Синоним *интуиция* описывает способность человека без обращения к фактам и не проводя логических рассуждений решать различные задачи — бытовые, профессиональные, творческие, научные; ср. *Воспитывая ребенка, доверяйте своей интуиции и следуйте советам детского врача; Парыгин не был специалистом в области психиатрии и плохо представлял себе, как вести себя (...), поэтому положился на интуицию* (А. Маринина, *Мужские игры*); *Гершензон, конечно, открыл в*

Пушкине много такого, что и не снилось предшествовавшей критике, но не приходится отрицать, что в своей работе он слишком полагался на интуицию (В. Ходасевич, Юбилейные книги); Видимо, это было проявлением гениальной интуиции замечательного экспериментатора: состояние науки в то время не позволяло ни обосновать эту гипотезу теоретически, ни подтвердить ее экспериментально (Уппсальский корпус).

Инстинкт обычно проявляется в сложных ситуациях, когда человек не знает, как поступить. Тогда он доверяется инстинкту, который подсказывает, как быть, побуждает человека к необходимым правильным действиям. Ср. *Инстинкт велит (приказывает), подчиняться инстинкту; «Шагни, и еще раз», — твердил мне инстинкт, / И вел меня мудро, как старый схоластик, / Чрез девственный, непроходимый тростник / Нагретых деревьев, сирени и страсти* (Б. Пастернак, Марбург); *Все оправдания, которые искал мозг, были фальшивы, ложны, и Андреев это понимал. Только разбуженный прииском звериный инстинкт мог подсказать и подсказывал выход* (В. Шаламов, Тифозный карантин); *Мальчишеский инстинкт подсказывал, что бездействие не может быть признаком силы, и (...) я решил попробовать выбраться* (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура).

Ввиду этой особенности инстинкт часто употребляется при описании опасных, иногда экстремальных ситуаций, когда необходимо действовать мгновенно, а на обдумывание фактов не хватает времени. Ср. *У людей, прошедших войну и выживших, появляется некий стереотип поведения в экстремальных ситуациях, который «входит в кровь» и проявляется на уровне инстинкта* (А. Константинов, Бандитский Петербург). В таких контекстах инстинкт может представлять как отдельное существо, независимое от сознания человека, которое как бы принимает на себя принятие решений; ср. *Еще не успев ничего подумать, решить, подчиняться инстинкту, Ищенко молча, на полусогнутых ногах пригибаясь, побежал вниз* (Г. Бакланов, Мертвые сраму не имут); *Лачинов понял, что назад ему не спуститься, сорвется, разобьется, погибнет (...)* Он создавал, что действует, движется не он, а кто-то, живущий в нем, инстинкт, ловкий, как кошка, точный, как механика, хоть руки и сердце отказывались работать (Б. Пильняк, Заволочье); *Какой-то инстинкт подсказывал ему такую форму поведения. Этот «какой-то инстинкт» в Фоме Фомиче был звериной силы и спасал его всю жизнь от лишних неприятностей* (В. Конецкий, Невезучий Альфонс).

Синонимы *чутье* и *нюх* чаще всего описывают способности, направленные на поиск или распознавание чего-л. скрытого. Эти способности обычно ограничены определенной сферой проявления; ср. *Этот охотник Щаадат был удивительным человеком. Он обладал сверхъестественным чутьем на добычу. Он во сне видел место, где пасется его будущий охотничий трофей* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Он очень быстро сошелся с Максимом, а у Максима чутье на хороших людей* (М. Львова, Саня или Двойная свадьба); *Жилин обладал изумительным чутьем на неисправности* (А. и Б. Стругацкие, Стажеры).

Чутье и особенно нюх обычно проявляются в практической деятельности человека. Ср. характерное *Грибы собираем. Нюх у меня и сейчас гениальный на это дело* (Ю. Алешковский, *Рука* (Повествование палача)) [практическая сфера] и нестандартное *С годами у меня развился тончайший нюх на дурное, но к добру я уже начал относиться несколько иначе* (В. Набоков, *Истребление тиранов*) [этическая сфера]. В связи с этим синонимы *чутье* и *нюх* часто используются при описании профессиональных навыков субъекта, обычно основанных на долгом опыте; ср. *За долгие годы у него выработалась почти фотографическая память и профессиональное чутье, которое помогало обнаружить малейшее нарушение или несоответствие привычной обстановки* (А. Баантьер, *Маска смерти*, пер. М. Семеновой); *Мы пробурили этот живописный распадок в двух местах и сейчас бурили в третьем. Гиблое дело — нет здесь ее [нефти]. Я это чувствую нюхом — как никак уже пять лет шатаюсь в партиях* (В. Аксенов, *Апельсины из Марокко*).

В некоторых употреблении синонимов *чутье* и *нюх*, в соответствии с их внутренней формой, просвечивает почти утраченное представление о связи этих способностей с обонянием. Ср. *Маркиза, у которой чутье на настоящую музыку, как у борзой на дичь, всегда восхищалась Джонни и его товарищами по ансамблю* (Х. Кортасар, *Преследователь*, пер. М. Былинкиной); — *Ну, а чего-нибудь особенного... не чувствовалось? Разведчик смотрел не понимая. — Нюхом, нюхом!.. — пояснил Левинсон, собирая пальцы в щепотку и быстро поднося их к носу. — Ничего не унюхал... Уж как есть... — виновато сказал разведчик. «Что я — собака, что ли?!» — подумал он с обидным недоумением* (А. Фадеев, *Разгром*).

Между собой синонимы *чутье* и *нюх* противопоставлены слабо. Единственное существенное различие между ними состоит в том, что *нюх* никак не связан с представлением о большей распространенности этой способности у женщин. Употребления же остальных синонимов ряда явно отражают такое представление; ср. *Она ни о чем таком не думала тогда, но интуиция у нее работала с дьявольской безошибочностью, ибо она была настоящей женщиной, эта маленькая Зиночка Коваленко* (Б. Васильев, *Завтра была война...*); *Последнее-то и угадала Варвара Ардалионовна своим верным женским инстинктом* (Ф. М. Достоевский, *Идиот*); *Марина подцепила его в кабаке и женским безошибочным чутьем сразу ощутила некую добротную британскую порядочность* (М. Веллер, *Легенды Невского проспекта*). Ср. также пример, обыгрывающий это представление: *Я [кот] ни о чем ей не рассказывал, но, оказывается, у карликовых пинчеров женского пола очень развита интуиция* (В. Кунин, *Кыся*). Синоним *нюх* в этих контекстах выглядел бы странно²¹.

²¹ Ср. несколько другое распределение схожих семантических признаков при описании английского концепта *intuition*: «Some people believe there is a kind of enlightened guessing based on neither principles nor past experience. That kind of mystical attunement, if it exists at all, is not what we mean by intuition. Intuition or know-how, as we understand it, is neither wild guessing nor supernatural inspiration, but the sort of ability we all use all the time as we go about our every-

3.1.3.3. Предчувствие, наитие и шестое чувство

Значение, близкое к описанному выше, выражают также лексемы *предчувствие*, *наитие* и фразема *шестое чувство*. Эти слова обычно описывают безотчетное чувство чего-то важного, что произошло или произойдет с субъектом или его близкими, недоступное обычному человеческому восприятию. Иногда они могут также обозначать соответствующую способность, сближаясь с синонимами ряда *интуиция*; ср. *У меня есть предчувствие... Знакомая с женщиной, я всегда безошибочно угадывал, будет ли она меня любить или нет* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); *Такова моя должность, а плуце всего я обязан верить своему предчувствию, ибо никогда оно еще меня не обманывало* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Надеемся, что здесь этот номер пройдет еще раз, было, конечно, наивно и глупо, но я часто поступаю по наитию, и оно меня обычно не обманывает* (В. Войнович, Москва 2042); *Борис Фокин каким-то шестым чувством угадал, что об этой находке не следует орать на весь мир* (А. и Б. Стругацкие, Жук в муравейнике). Ср. также окказиональные употребления типа *Сейчас, кружась вокруг стола, она каким-то ...надцатым чувством поняла, что у нее сегодня шанс как никогда* (Г. Щербакова, Армия любовников). См. также описание слова *предчувствие* в статье [Урысон 2004в].

3.1.3.4. Особенности сочетаемости

Синонимы рассматриваемого ряда сочетаются с разными группами прилагательных, обозначающих высокую степень развития способности. При этом наиболее богатой сочетаемостью в этой области характеризуется лексема *чутье*, а наименее богатой — лексема *инстинкт*. Ср. *феноменальное* (необычайное, сверхъестественное, неимоверное, острое, тонкое) *чутье*, *хороший* (тончайший, особый, особенный) *нюх*, *гениальная* (редкая, отличная, богатая, развитая) *интуиция*, *гениальный* (мощный) *инстинкт*. Все синонимы ряда сочетаются с прилагательным *обостренный*, которое также обозначает высокую степень или временное усиление способности; ср. — *Вы бы хоть показали отцу вашу птицу, — сказала однажды мать из глубины невозмутимого спокойствия, но Павлов обостренным чутьем угадал ее озабоченность* (Ю. Нагибин, Зеленая птица с красной головой).

Синонимы *интуиция*, *инстинкт* и *чутье* сочетаются с прилагательными *верный*, *правильный*, *безошибочный*, указывающими на истинность понимания; ср. *Ему можно смело доверять, у него безошибочная интуиция*; *Иван Ильич очень верным инстинктом угадывал, что спасение от черной дыры лежит где-тоazole тех мыслей и чувств, которые составляют его «я»* (В. Ходасевич, Об Анненском (К двадцатипятилетию со дня кончины)); *Что ни говори, а чутье у них было*

day tasks, an ability that our tradition has acknowledged only in women, usually in interpersonal situations, and has adjudged inferior to masculine rationality» [Dreyfus & Dreyfus 1986: 29].

правильное: они за версту узнавали чужого, как бы он ни прятал глаза (Н. Мандельштам, Воспоминания). Синоним *нюх* сочетается преимущественно с прилагательным *безошибочный*, ср. *Еще тогда, когда Романтовский вкатывал тележку во двор, он возбудил в них и раздражение и любопытство. Безошибочным своим нюхом они почуяли: этот — не как все* (В. Набоков, Королек).

Все синонимы сочетаются с прилагательными и существительными в родовом статусе в роли атрибута, обозначающими профессию или область деятельности, в которой проявляется способность; ср. *лингвистическая* (математическая, следовательская) *интуиция*, *политическое* (военное, деловое, актерское) *чутье* (интуиция, ...), *инстинкт художника* (разведчика). Ср. также *Выдающийся джазовый трубач. Блистательный шоумен. Композитор с удивительным шлягерным чутьем* (А. Агамиров, Три ипостаси Эдди Рознера); *Я была почти уверена, что шел именно он: это подсказывал мне особый инстинкт разведчика, значительно обострившийся за время работы в группе Сопротивления* (Т. де Фрис, Рыжеволосая девушка, пер. А. Кобецкой).

Синонимы *инстинкт* и *чутье* сочетаются с прилагательными *странный*, *неведомый*, *безотчетный*, *какой-то* и т. п., подчеркивающими необъяснимость способности; ср. *Некоторые, действуя иногда чисто наугад, по темному, безотчетному чутью или чувству, нередко угадывают истину* (В. И. Даль, О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа); *Я за нею тихонько наблюдаю, подсматриваю — каким-то странным чутьем ощущаю, что мать меня боится — боится, что расскажу отцу* (Г. Вишневская, Галина. История жизни); *Молодой человек (...) подошел и, словно неведомое чутье ему подсказало, дотронулся до щеки, в точности там, где на прощанье — и пяти минут не прошло — легла рука старика* (Р. Брэдбери, Секрет мудрости, пер. Н. Галь).

Кроме того, в уходящих употреблениях синоним *чутье* также сочетается с прилагательным *верхний*; ср. *Юрий Александрович всегда верхним чутьем чуял перемену* (Ю. Тынянов, Подпоручик Киже). Это связано с лексемой *чутье 1* (см. ниже раздел 3.1.3.5); ср. *Собака идет верхним, нижним чутьем, держит рыло высоко или низко, ища по следу или прямо по воздуху, по дичи; верхнее чутье ценится дороже* (Словарь Даля).

Подробнее см. в [Иомдин Б. 2004а].

3.1.3.5. Структура многозначности

У существительного *инстинкт* есть еще две близкие к рассмотренной лексеме: спец. *инстинкт 1.1* и *инстинкт 2*. *Инстинкт 1.1* = ‘врожденная способность живых существ к совершению бессознательных целесообразных действий в ответ на изменение текущей ситуации’; ср. *материнский инстинкт*. *Инстинкт 2* ≈ ‘бессознательное примитивное желание человека’; ср. *низменные инстинкты, собственный* (стяжательский) *инстинкт, стадный инстинкт*. У существительных *чутье* и *нюх* есть близкие к рассмотренным лексеме *чутье 1* и *нюх 1* ‘обоняние’. Подробнее см. в [Иомдин Б. 2004а].

3.1.3.6. Толкования

На основе рассмотренных свойств для существительных *интуиция*, *инстинкт*, *чутье* и *нюх* предлагаются следующие толкования:

Интуиция = ‘способность человека мгновенно понимать, как решать сложные задачи, не обладая необходимой информацией и не проводя логических рассуждений’.

Инстинкт = ‘способность человека в критических ситуациях мгновенно понимать, как необходимо правильно действовать, не обладая информацией и не проводя логических рассуждений’.

Чутье = ‘способность человека мгновенно находить или распознавать скрытые объекты, не обладая информацией о них и не проводя логических рассуждений’.

Нюх = ‘способность человека мгновенно находить или распознавать скрытые объекты, не обладая информацией о них и не проводя логических рассуждений, а как бы нюхая’.

3.1.4. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Итак, мы рассмотрели три ряда синонимов, охватывающие основную часть группы лексем со значением иррационального понимания. Проведенное исследование позволило обнаружить некоторые семантические признаки, релевантные для данной лексики. К их числу относятся, в частности, способ достижения понимания, особые способности субъекта понимания, масштаб и сложность объекта понимания. Естественно предположить, что эти признаки существенны не только для проанализированного круга слов, но и для лексики понимания в целом. Таким образом, данный набор различительных признаков может быть использован при подробном лексикографическом описании всего достаточно обширного лексического пласта, связанного с концептом понимания.

3.2. МЕЖДОМЕТИЯ ДОГАДКИ

Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...
Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «э!». Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э!» — сказали мы с Петром Ивановичем.

Н. В. Гоголь. Ревизор

Тесную связь понимания, восприятия и эмоций подтверждает существование в языке особых междометий и восклицаний, сопровождающих мыслительный про-

цесс, сигнализирующих о его успешности и выражающих определенные эмоции. Эти междометия обычно включают в число так называемых когнитивных междометий; см., в частности, [Wierzbicka 1991; Вежбицкая 1999; Шаронов 2002; Шаронов 2005]. Мы будем называть их междометиями догадки, хотя круг ситуаций, в которых употребляются такие междометия и восклицания, включает в себя не только понимание: их употребление характерно также для ситуаций внезапного вспоминания, решения задачи, интерпретации высказывания собеседника и др. Рассмотрим эти ситуации подробнее.

3.2.1. ПОНИМАНИЕ

В прототипическом случае употреблению междометий догадки (I!) предшествуют более или менее длительные размышления говорящего *R* над каким-то возникшим у него вопросом *Q*, а непосредственно за ними следует текст, представляющий собой ответ на этот вопрос *A*. Ср. — *Это на каком же она языке?* [Q] — *рассеянно спросил Игорь Петрович.* — *Э... — промямлил Малянов, вторично покрываясь холодным потом.* — *На английском, надо полагать...* — *Да нет, как будто...* — *проговорил Игорь Петрович, глядя в текст.* — *Это все-таки кириллица у вас... Не латынь...* [R] *А! Да это же русский* [A] (А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света); *Ох, почему мои простыни мокрые? Или мокрая моя пижама? Что за гадость путается у меня в ногах?..* [Q] *Это похоже на хвост...* [R] *О! это на самом деле хвост! Я же мышь!* [A] (А. Шмидт, Ведьмы и все прочие. Пер. Е. Любаровой).

В ситуациях, когда *R* не вербализуется, говорящий размышляет «про себя», а междометие сигнализирует об удачном завершении этих размышлений; ср. *Зачем тут это полотенце?* [Q] *А! он утирался!* [A] *Опять был в бане?* (Ф. М. Достоевский, Дядюшкин сон); — *Но я не могу понять, что ему понадобилось от меня? Неужели записка на анализ мочи?* [Q] *О! Он украл пальто!* [A] (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Возможны, хотя еще менее характерны, также и ситуации, когда не вербализуются ни *Q*, ни *R*; ср. *Шурик некоторое время молчал, а потом вдруг хлопнул себя по ляжкам.* — *А!* — *резко выкрикнул он,* — *все понял! Понял, как в вечный кайф попасть! Для этого надо этим четвертым стать, правильно?* [A] (В. Пелевин, Чапаев и Пустота). Наконец, ситуации, где не вербализуется *A*, по-видимому, почти невозможны (впрочем, см. ниже в разделе 3.2.4).

Во многих случаях междометие догадки сигнализирует о том, что говорящий, чаще случайно, получил какую-то информацию, оказавшуюся недостающим звеном в цепи размышлений и позволившую найти ответ или прийти к пониманию. Ср. — *Славная у тебя лошадь!* — *говорил Азамат,* — *если бы я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич! «А! Казбич!» — подумал я и вспомнил кольчугу* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); — *Только уж не знаю, как его подписывать, не согласовав с Иваном Васильевичем? — и тут Гавриил Степанович бросил невольный краткий взгляд на*

портрет. «Ага! Ну, слава богу... теперь знаю, — подумал я, — это Иван Васильевич» (М. Булгаков, Театральный роман). Ср. также пример, где комический эффект достигается за счет того, что говорящий выдает ход своих мыслей именно употреблением междометия догадки: [Во время проповеди] *Важнейшая заповедь — «Не прелюбодействуй».* — *О!* — *Что «О!»*, Рабинович, *что «О!»?* — *Вспомнил, где я оставил свои галоши* (Анекдот).

Часто междометия догадки употребляются в диалоге, когда один из собеседников понимает, о чем идет речь, после разъяснения или добавления какой-то дополнительной детали. Ср. *Приезжали же вчера, э-э эта самая приезжала, как ее зовут-то? {...} Я забыла. Борисовна. Евгения Борисовна.* — *А-а!.. Богаткова?* — *Богаткова эта, приезжала она, и, э, с отцом* (Русская разговорная речь); *Я видел вашего кавалера.* — *Какого это кавалера?* — *Ну, этого маленького. Который ночью приходил с конфетами.* — *А! Назарчика?* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги); — *Весьма благодарен,* — сказал Сердюк. — *А какое предложение?* — *Которое вы вчера сделали. Или сегодня, если точно.* — *А-а!* — сказал Сердюк, — *а-а-а!* (В. Пелевин, Чапаев и Пустота).

3.2.2. ВСПОМИНАНИЕ

Как неоднократно отмечалось, очень близкой к пониманию как обретению нового знания является ситуация воспоминания, то есть восстановления забытого знания. Ср. «Знание забывают, мнение меняют, веру теряют. Память может сократить эпистемический фонд человека, но она способна также восстановить забытое знание. Ее действие обратимо» [Арутюнова 2000б: 25]. О связи понимания, знания и памяти см. также в работах [Дмитровская 1988: 173—175; Брагина 2005].

Наиболее близка к рассмотренной ситуации, когда говорящий осознанно пытается нечто вспомнить. Употребление междометий догадки здесь также обычно происходит по схеме «*Q? R... ! А*». Ср. *Постой, у меня же какое-то просветление было...* [Q] *Ч-черт...* С этим твоим «интуристом», дура безрукая... Значит, я был на кухне, затем меня принесло сюда... [R] *А! Конформное отображение!* [A] *Дурацкая идея. Вообще-то надо посмотреть...* (А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света); *Николай Иванович. Да, чтобы не забыть. Какие еще бытовые проблемы? В частной жизни?* [Q] *И р а.* Вроде никаких. Камеру ты им отдал с покрывалом. Уборную мне построил. Все! [R] *А! Слушай, ты не мог бы им помочь крышу покрыть, а то дом у них рушится* [A] (Л. Петрушевская, Три девушки в голубом). Ср. также пример, обыгрывающий отсутствие вербализованного *Q* при наличии *R* в ситуации осознанной попытки воспоминания: *Просыпается мужик утром, голова трещит. Заходит в ванную, смотрит на себя в зеркало: — Ну?! Ну?! Ну-у-у??? [R] Жена из кухни: «Коля, иди завтракать».* Мужик: — *О! КОЛЯ!!! [A]* (Анекдот).

Часто воспоминание приходит само, неожиданно, подобно иррациональному пониманию; ср. *Вдруг меня осенило: я не запер дверь. А что если старуха выползет из*

комнаты? (Д. Хармс, Старуха) (подробнее см. выше в разделе 3.1). В таком случае обычно не вербализуются ни *Q*, ни *R*, во всяком случае в контексте, непосредственно предшествующем междометию догадки. Ср. *У нас осталось... — она вынимает из корзины часы, — сорок восемь минут. Итак... — О! Подождите-ка. Я вспомнил, есть еще одна новость.* [А] — *Макмерфи поднял руку, поцелкивает пальцами* (К. Кизи, Над кукушкиным гнездом. Пер. с англ.); — *Здорово, Тэдди, — сказал Виктор, привалившись к стойке. — Как дела? — Тут он вспомнил. — А! Счет... [А] Сколько я вчера?* (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди); — *А! — вспомнил он вдруг, — водки не купил, нельзя было, у нас сегодня гости* [А] (М. Пришвин, Кошечья цепь). Говорящий даже может воспользоваться возможностью такого употребления междометий догадки, чтобы представить обдуманное и важное для него высказывание как результат внезапного вспоминания и маскировать свой интерес; ср. *Но Чичиков прикинулся, как будто и не слышал, о чем речь, и сказал, как бы вдруг припомнив: — А! чтоб не позабыть: у меня к тебе просьба* [А] (Н. В. Гоголь, Мертвые души).

В ситуации вспоминания также часто употребляется выражение (*Ax*) *да!*; ср. *Прощай, Варя! Кланяйся всем... Ax, да! Кстати... Если увидишь там Мракова, то отдай ему вот эти... вот эти... Не плачь, душечка... Отдай ему вот эти двадцать пять рублей...* (А. П. Чехов, Жених); *Ну, до свидания... Ax, да! Ведь вот что забыл! Передайте, Родион Романович, вашей сестрице, что в завещании Марфы Петровны она упомянута в трех тысячах* (Ф. М. Достоевский, Преступление и наказание); *Есть колбаса, сыр, яйца, земляничное варенье, бутылка чачи... Да! Как я могла забыть! — лицо Лидии Ивановны исказил неподдельный ужас. — Есть кусок холодной телятины!* (Вик. Ерофеев, Роман (рассказ в восьми главах)).

3.2.3. РЕШЕНИЕ

Еще одна близкая к пониманию ситуация, в которой очень характерно появление междометий догадки, — решение задачи. В английском языке такие внезапные решения даже получили название именно по междометию *aha*, чаще всего употребляющемуся в такой ситуации. Ср. «Sudden hunches of this sort — hunches that lead to short, elegant solutions of problems — are now called by psychologists “aha! reactions.” They seem to come suddenly out of the blue» [Такие наития — наития, ведущие к коротким и элегантным решениям задач, — психологи теперь называют «ага!-реакциями». Они как будто появляются «откуда ни возьмись»] [Gardner 1978: vii]. Ср. *Вот дьявол, — сказал Витька. — Ничего не могу придумать обыкновенного с буквой «р»* [Q]. *Стул, стол, потолок... Диван... [R] О! Тр-ранслятор!* [А] (А. и Б. Стругацкие).

Здесь вопрос *Q* также часто ставится не самим говорящим, а другим лицом. Ср. — *Этот ребус [Q] трудненько будет разгадать, — говорил Синицкий, похаживая вокруг столовника. — Придется вам посидеть над ним! — Придется, придется, — ответил Корейко с усмешкой, — только вот гусь меня смущает. К чему бы такой гусь?* [R] *А-а-а! Есть! Готово! «В борьбе обрешь ты право свое»?*

[А] — Да, — разочарованно протянул старик, — как это вы так быстро угадали? (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок). Ср. еще один игровой пример, где комический эффект отчасти вызван отсутствием вербализованных *Q* и *R*: В автобусе мужик достает стакан, наливает и замирает в задумчивости. Мимо идет контролер: «Граждане, оплачивайте за проезд!» — «О! За проезд!» [R], — мужик, просияв, поднимает стакан и выпивает (Анекдот).

В ситуации поиска решения задачи в сходной роли выступают также слова *Стоп!*, *Постой!*: здесь, очевидно, реализуется метафора понимания как пути к истине (см. выше о роли метафоры движения в понимании и в ментальной лексике в целом). Ср. *Надо что-то придумать... Стоп, стоп, стоп! У меня мелькнула мысль. Не ручаюсь за гениальность, но, кажется, она близка... Что, если сделать так: вы — на юг, а мы троим — на запад?* (Н. Дубов, Небо с овчинку); *Все горе ведь в чем? Всомогуций. Значит, все может. Все задачи. Все вопросы. Все загадки. Все теоремы... Постой-постой! Кто-то что-то мне про это говорил. То ли мне, то ли при мне... Неважно. Что же это было? Ага. Что со словом «все» должно быть связано какое-нибудь исключение, а иначе получается парадокс... Парадокс! Ну держись, Вздо! Всомогуций? Я тебе покажу всемогущество, ты у меня попляшешь. Сейчас... Сейчас... Ага!* (А. и Б. Стругацкие, Повесть о дружбе и недружбе). Эти слова часто употребляются и в ситуации появления неожиданной идеи, внезапного поворота мысли, нового осмысления ситуации. Ср. *Под окном проходит довольно широкий уступ, по которому можно было бы перебраться к окну другого кабинета. Шестой этаж... Но я бы рискнул. Стоп! Может быть, окно смежной комнаты? Я бросился туда* (Ю. Буркин, Рок-н-ролл мертв); *Впрочем, это уже не важно. Теперь это не самое главное. Самое главное, что она его все-таки нашла. Ведь приехала-то она одна! Стоп! Ты так уверен, что одна?* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Гениальная догадка, смутно напоминающая таблицу Менделеева, промелькнула в голове поэта. Постой! Постой!* — сказал он себе, сильно волнуясь. *Каков же третий секретарь, если пользоваться данными двух секретарей? Если моя догадка верна, третий секретарь должен быть пониже второго секретаря. <...> Надо сейчас же проверить догадку!* (Ф. Искандер, Поэт).

Интересно, что в отличие от прототипических употреблений междометий догадки, эти слова могут предшествовать *Q*, а *A* при них может быть и не выражено. Ср. *Когда он открыл глаза, то никак не мог себе дать отчета, — в чем же дело? Потом понемногу начал восстанавливать в памяти все случившееся. Он бежал, спрятался в вагон, и теперь надо уходить через окно. «Но постой! — сообразил он вдруг. — Постой! почему же кругом так все шумит? Почему дрожат стенки вагона [Q]»?* (А. Гайдар, В дни поражений и побед).

3.2.4. ПОДДЕРЖАНИЕ ДИАЛОГА

В разговорной речи весьма часты ослабленные употребления междометия *A!*, которое в таких случаях не говорит о нахождении решения, появлении неожидан-

ной мысли или воспоминания, а просто сигнализирует о том, что говорящий слушает собеседника и понимает его слова. Ср.

— У меня просто не возьмут в театральные документы (...) пока я не вылечу горло. У меня просто не возьмут документы. (...) У меня не будет формы, которая мне нужна будет, для поступления.

— А-а! А там особенно важно... Вот они обращают на это, да?

— Да! А там больше ничего не надо. Первое, на что смотрят, это как голосовые связки, в порядке и вообще.

— А, ну да, конечно.

— Ведь это всё очень важно.

— А-а! Ну так. Понятно (Русская разговорная речь).

В диалогах междометие *А!* может также составлять отдельную реплику, означающую, что говорящий получил от собеседника ответ на свой вопрос и удовлетворен им; ср. — *За что дрался Прячников?* — *За жену. Молодцом поступил! Вызвал и убил!* — *А!* — равнодушно сказал Алексей Александрович и, подняв брови, прошел в гостиную (Л. Н. Толстой, Анна Каренина); — *А чье у вас самое дорогое?* — Профессорское, — немедленно сказал Андрей. Просто невозможно было удержаться. — *А!* — Ван высыпал в бак очередной совок и покивал (А. и Б. Стругацкие, Град обреченный). Во многих случаях эта реплика просто служит для поддержания разговора, так что при междометии, таким образом, не выражены ни *Q*, *R*, ни *А*. Ср.

— Ты сама делала линолеум? Ты сама приколачивала линолеум? Я думала, ты такие вещи не делаешь.

— Господи! И обои сами клеили и всё.

— А-а! (Русская разговорная речь).

Если представить себе шкалу, на которой слева направо располагаются разные ситуации употребления междометий догадки в зависимости от степени неожиданности, значительности и новизны знания, которое возникает у говорящего, то последние употребления будут располагаться на ее левом полюсе, тогда как на правом полюсе окажутся употребления в ситуации решения задачи или появления гениальной идеи. Соответственно варьируют и просодические особенности их произношения: от нейтрального произнесения в ситуации поддержания диалога до резкого изменения интонации, особой артикуляции и повышения громкости.

3.2.5. МЕЖДОМЕТИЯ ДОГАДКИ И ЭМОЦИИ

Чем ближе к правому полюсу шкалы, тем сильнее и эмоции, которые испытывает говорящий в момент произнесения рассматриваемых междометий²². Мы

²² Интересно, что положительные эмоции такого рода иногда тесно смыкаются с юмором и смехом. Ср. «... The “ah ha” experience can fall somewhere between humor and near-humor. One of the best known examples happened to Archimedes. (...) The problem (how to measure the crown’s volume) is perceived in two distinctly different ways: impossible to solve, and solved

не согласимся здесь с А. Вежицкой, которая не усматривает в подобных междометиях никакой связи с эмоциями и желаниями: «Cognitive interjections are global (unanalysable) expressions which express the speaker's mental state without reference to feeling or wanting» [Когнитивные междометия — это общие (неанализируемые) выражения, демонстрирующие ментальное состояние субъекта безотносительно к его чувствам или желаниям] [Wierzbicka 1991] (ср., впрочем, сравнительный анализ польских междометий *aha* и *oho* в цитированной работе, а также [Вежицкая 1999: 611]).

Эмоции, которыми сопровождается переход субъекта в новое ментальное состояние (а именно о нем сигнализируют междометия догадки) могут иметь разную интенсивность и быть, вообще говоря, как положительными, так и отрицательными.

Ср. контрастную пару примеров из «Сказки о тройке» А. и Б. Стругацких: *У них зарплаты как таковой нет, — пояснил я. — А! — обрадовался Хлебовводов. — Безработный!* VS. *В инструкции в параграфе восьмом главы четвертой предполагается наделять кличкой необъясненное явление, которое идентифицируется как живое существо, не обладающее разумом. — А! — сказал Хлебовводов разочарованно. — Собака какая-нибудь.* Здесь можно указать на различие между рассматриваемыми междометиями: если *А!* допускает любую степень эмоции, то *О!* чаще сопровождается положительными эмоциями, а *Э!* и *Эге!* — отрицательными. Ср. *Хачик немедленно бросил мужчину и оглянулся на меня. <...> — А-а-а! — крикнул Хачик, весь рассыпавшись радостью узнавания. — Зачем сразу не сказал?! (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); О! Кажется, я придумал, что могло быть мне особенно приятно (Е. Филенко, Шествие динозавров) [положительные эмоции] VS. А! теперь я вижу ясно, кто тут нагадил! — закричала Марья Александровна вне себя от бешенства (Ф. М. Достоевский, Дядюшкин сон); Наконец я только сегодня поутру догадался, в чем дело. Э! да ведь они от меня удирают на дачу! (Ф. М. Достоевский, Белые ночи); Не прошло пяти минут, как вдруг вдали, как будто бы за версту, послышалось заунывное пение. Вот ближе, ближе — эге! Да это, никак, поют за упокой: напев точно погребальный, только слов не слышно (М. Н. Загошкин. Вечер на Хопре) [отрицательные эмоции]. Замена *О!* на *Э!* (*Эге!*) и наоборот в этих примерах вряд ли возможна.*

Отметим здесь, что междометие *Э!* также употребляется в сходной с рассматриваемыми ситуацией, когда говорящий обнаруживает что-то не соответствующее

in a flash. This could provide the element of ambiguity necessary for humor. Perhaps it is this aspect of these sudden inspiration experiences that sometimes turn the “ah ha” into a “ha ha”» [Ага-переживание очень близко к юмору. Один из наиболее известных примеров — случай с Архимедом. <...> Его задача (измерение объема короны) была неразрешима и вместе с тем решилась в одно мгновение. Это и дает элемент двойственности, необходимый в юморе. Возможно, именно эта особенность внезапных наитий иногда превращает «ага!» в «ха-ха!»] [Russell 2000: 230—231].

его ожиданиям или выявляет неправильное звено в цепи размышлений (что обычно также сопровождается отрицательными эмоциями). Ср. — *Сигары вон там, в коробочке, — отвечал Обломов, указывая на этажерку. (...) — Э! Да это все те же? — строго спросил Тарантьев, вынув сигару и поглядывая на Обломова. (...) А я говорил тебе, чтоб ты купил других, заграничных? Вот как ты помнишь, что тебе говорят!* (И. А. Гончаров, Обломов); Андрей Т. быстро произвел расчет: за день плюс шесть, за ночь минус пять, всего за сутки плюс один. Высота столба десять метров. Значит, легко видеть... Он уже открыл было рот, но спохватился. Слишком уж легко было видеть. Не может быть, чтобы задачка решалась так просто... (...) Значит, за первые сутки один метр, за вторые два... (...) Меньше минуты осталось! Ай-яй-яй... Э... Э! Ведь в последний день она сразу залезет на шесть метров вверх до самой верхушки, и спускаться ей уже не придется! (А. и Б. Стругацкие, Повесть о дружбе и недружбе).

Интенсивность эмоции может быть настолько высокой, что ее возникновение сопровождается не только междометиями, но и выраженной реакцией в виде произвольных движений (ср. *остановиться* (как вкопанный), *вздрыгнуть*, *дернуться*), жестов (ср. *хлопнуть себя по лбу* (в ладоши)). Ср. — *О! Как же я не догадался? — он хлопнул себя по лбу* (Е. Филенко, Шествие динозавров); *А! — закричал Клепка и хлопнул себя ладонью по лбу. — Знаю! Это Карасик!* (Н. Носов, Незнайка в Солнечном городе). Ср. жест *хлопнуть по колену I* (и его толкование: *X хлопнул по колену I* = 'Жестикულიрующий X в течение некоторого времени безуспешно пытался понять или вспомнить некоторый факт P; вдруг X догадался или вспомнил о P'), описанный в Словаре русских жестов [Крейдлин, Григорьева, Григорьев: 150]. В этом словаре также приводятся другие варианты указанного жеста: *стукнуть* (хватить) кулаком по колену и его аналоги: *поднять вверх указательный палец, ударить себя по лбу*.

3.2.6. Толкования

В заключение этого раздела предложим толкования для некоторых из рассмотренных междометий, связанных с идеей понимания.

Q? A! $A =$ 'До момента t_0 говорящий не понимал или не находил ответа на Q ; в момент t_0 он понимает или вспоминает, что A , и это объясняет Q '.

[Q?] O! $A =$ 'До момента t_0 говорящий не понимал или не находил ответа на Q ; в момент t_0 он понимает или вспоминает, что A , и это объясняет Q ; A безразлично говорящему, и после t_0 он испытывает скорее положительные эмоции'.

Q? Э! $A =$ 'До момента t_0 говорящий не понимал или не находил ответа на Q ; в момент t_0 он понимает или вспоминает, что A , и это объясняет Q ; A безразлично говорящему, и после t_0 он испытывает скорее отрицательные эмоции'.

Да! $A =$ 'В момент t_0 говорящий вспоминает, что A '.

$Q? R... Cmon!$ = 'До момента t_0 говорящий искал ответ на Q и считал, что R ; в момент t_0 он понимает, что R неверно или недостаточно для объяснения Q '.

3.3. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Итак, мы рассмотрели ключевые лексемы понимания и попытались продемонстрировать сходства, различия и семантические связи между ними. Прототипические свойства понимания как элемента мышления представлены в первую очередь лексемой *понимать 1.1*, то есть пропозициональным пониманием; в остальных лексемах ядерный смысл выражен слабее или осложнен другими компонентами значения, присущими, в частности, путативным глаголам. Если же рассматривать лексический класс понимания в целом, то можно отметить, что четкое разделение на лексемы в соответствии с тем, какой элемент ментальной сферы человека они описывают, размывается по мере движения от ядра этого лексического класса к периферии и от знаменательных слов к служебным (так, в случае междометий можно говорить лишь о разных употреблениях, характерных для разных прагматических ситуаций и коррелированных с различными просодиями). Несомненно, что языковая модель понимания должна рассматриваться не только как часть ментальной лексики, но и на фоне других систем, составляющих внутренний мир человека.

Часть седьмая

Уступительность в языке

Введение¹

Данная работа посвящена понятию уступительности в русском языке и выражающим уступительное значение языковым единицам. В работе анализируются следующие группы уступительных единиц²:

а) основные уступительные лексемы — союзы *хотя* и *хоть*, синонимичные им предлоги *несмотря на* и *невзирая на*, а также синонимичные им фразеосхемы вида *Любовь любовью, а работа работой, Прийти пришел, а помочь не помог, Говори не говори — толку нету* и некоторые другие;

б) синонимичные фраземы *даром что* и *несмотря ни на что* (*Он очень болен, даром что молодой*);

в) синонимичные синтаксические конструкции с уступительным значением вида *к-местоимение*³ + *ни...* (*Как он ни старался, ничего у него не вышло*) и *при всем X-е* (*При всей его пронырливости, он так и не смог хорошо устроиться*);

¹ В работе частично используются идеи и материалы ряда предшествующих исследований автора; см. [Апресян В. 1995, Апресян В. 1999, Апресян В. 2000, Апресян В. 2003, Апресян В. 2004а, Апресян В. 2004б, Апресян В. 2004в]. Однако теоретические положения этих работ здесь уточнены, а материалы существенно дополнены.

² Классификация уступительной лексики осуществляется: а) по частям речи (союзы, предлоги, частицы); б) по строению (лексемы, фраземы); в) по природе (конструкции VS. лексические единицы); г) по семантике (синонимы, конверсивы). Порядок перечисления лексических, фразеологических и синтаксических уступительных единиц соответствует семантической логике (нарастание семантической сложности, отношения синонимии и конверсии), а также порядку, в котором они рассматриваются в работе, но не учитывает их частеречной принадлежности, строения и природы.

³ Под *к-местоимениями* понимаются относительные местоимения типа *кто, что, сколько* и пр., называемые в английских грамматиках *wh-words*.

г) синонимичные фраземы *как бы то ни было, что (там) ни говори, как ни крути, как ни верти* (Как ни крути, а придется уехать);

д) союзы и союзные сочетания *хоть 5, пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2, если и 2, хотя бы 3 (и)⁴, хоть бы 3 (и)* и близкая им по значению конструкция (да) *будь...* (Не отстану, хоть тресни; Да пускай там зарплата в десять раз больше, я на такую работу не пойду; Да будь он трижды начальник, я перед ним отчитываться не обязан);

е) синонимичные частицы (ну) *ладно 5, пусть 2, пускай 2, так и быть* (Ну ладно, пускай приходит; Так и быть, помогу тебе);

ж) синонимичные устойчивые обороты *в то время как 3, между тем как 3, тогда как 2* (Количество нуждающихся в медицинской помощи растет, в то время как финансирование здравоохранения постоянно сокращается);

з) синонимичные частицы *все-таки 1, все же 1, все равно 3, тем не менее* (Он получил травму, но все-таки смог довести матч до конца);

и) синонимичные устойчивые обороты *в то же время 2, вместе с тем, при этом 2, при всем том* (В истекшем году инфляция несколько снизилась, но вместе с тем многие экономические задачи остаются нерешенными);

к) синонимичные частицы *как-никак 1, все-таки 2, все же 2* (Надеюсь, он даст мне грамотную консультацию — как-никак, он профессиональный юрист);

л) фраземы *добро бы, пускай бы, ладно бы; (еще) куда ни шло, еще туда-сюда* (Вылет задерживается уже на три часа — ладно бы еще я была одна, а то ведь с тремя детьми; Две недели на этот перевод — еще туда-сюда, но делать его за три дня я не согласна);

м) синонимичные союзы *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2* (Все отдам, только бы его вылечили);

н) синонимичные частицы *по крайней мере 2, хотя бы 2, хоть 3* и синонимичная им конструкция *если уж не..., то...* (Не хочешь помочь, по крайней мере не мешай);

о) синонимичные частицы *по крайней мере 3, во всяком случае 2, в любом случае 2* и близкая им по значению конструкция *не то чтобы...но* (По-моему, все в порядке, по крайней мере, никаких жалоб не поступало; Мне это не то чтобы надоело, но хочется чего-то нового);

⁴ Вопрос о статусе таких составных единиц, а именно, о том, являются ли они комбинацией лексем или единой лексемой, ставится в работе [Николаева 1999]; не пытаясь в рамках данной работы дать на него теоретически обоснованный ответ, для наших практических целей мы рассматриваем такие устойчивые сочетания как единые лексемы.

п) синонимичные союзы *хотя* (*и*) 2, *хоть* (*и*) 2 и близкий им по значению союз *правда* 7 (*Он парень способный, хотя и ленивый; Мебель привезли, правда, с опозданием на два дня*);

р) конверсные им союзы *зато*, (*вот*) *только* 3 и близкая им по значению частица *разве* *что* (*Суп был очень вкусный, вот только чуточку недосоленный; Не знаю, чем хороши российские машины — разве что чинить их недорого*).

В работе ставятся следующие теоретические задачи:

1) Определить, что такое уступительность в языке. Для этого предлагается выделить те компоненты смысла, которые являются общими для всех уступительных единиц. Компоненты смысла, присутствующие в значениях всех уступительных слов, выражений и конструкций, называются семантическим инвариантом уступительности. Те уступительные единицы, в значения которых не входят никакие другие компоненты, кроме инварианта, называются прототипом уступительности (таков союз *хотя* 1). Этой части работы посвящена Глава 1.

2) Выделить другие семантические компоненты, помимо инварианта, которые присутствуют в значениях различных уступительных единиц; такие семантические компоненты называются семантическими наращениями. Этой части работы посвящена Глава 2.

3) Построить толкования основных уступительных слов, выражений и конструкций на основе семантического инварианта уступительности с учетом семантических наращений. Этой части работы посвящена Глава 3.

4) Определить место уступительности в кругу родственных языковых системобразующих смыслов. Этой части работы посвящена Глава 4.

Как видно из приведенного нами списка, в число уступительных единиц попали и такие, которые традиционно считаются противительными (*тем не менее*, *все-таки* и пр.); вообще, наш список уступительных выражений весьма широк. В Академической грамматике русского языка [Грамматика 1953: 337—340, 397] приводится существенно более короткий список уступительных слов и конструкций: союзы *хотя*, *хоть*, *несмотря на то что*, *невзирая на то что*, *пусть*, *пусть, даром что*, *между тем как*, *только бы*, *лишь бы*, *разве только*, *а то*; вводное слово *правда*; конструкции с местоимениями *как*, *сколько* и пр. в сочетании с отрицательной частицей *ни* (*как ни*, *сколько ни*); бессоюзие (*Чин следовал ему — он службу вдруг оставил* (Грибоедов, Грамматика 1953)). Лексемы *все-таки*, *все же*, *тем не менее* в Академической грамматике трактуются как противительные и рассматриваются в одном ряду с противительными союзами *а*, *но*, *однако*.

При этом мы не рассматриваем приводимый нами список как закрытый и окончательный: напротив, в дальнейших работах мы планируем проанализировать ряд

не вошедших в данную работу языковых единиц, чья семантика в той или иной мере связана с уступительностью. А именно: предлог *вопреки*; глаголы *уступить*, *признать*, *приходиться* (*Пришлось согласиться*); существительные *уступка*, *компромисс* и некоторые другие.

В нашем решении охватить достаточно широкий круг лексики, в том числе такой, которая во многих авторитетных источниках не рассматривается как уступительная, мы руководствовались следующими соображениями.

а) **Ориентация на семантику.** Если значение языковой единицы близко к значению тех языковых единиц, которые безусловно признаются уступительными, то такая единица рассматривается как уступительная; таковы, например, частицы *все-таки*, *все же*, *тем не менее*. Как будет показано ниже, их значение очень близко к значению основных уступительных единиц *хотя* и *несмотря на*, а их отличия от последних относятся в первую очередь к области синтаксиса.

б) **Учет синонимии.** Если некая языковая единица является уступительной, то естественно считать уступительными и синонимичные ей языковые средства. Такова, например, конструкция вида *при всем X-е* (*При всем его уме, практической сметки у него никакой*), синонимичная уступительной конструкции вида *к-местоимение + ни...* (*Как она его ни упрасивала, он остался неумолим*); союз *хоть бы*, синонимичный уступительным союзам *только бы* и *лишь бы*; обороты *в то время как*, *тогда как*, синонимичные уступительному обороту *между тем как* и некоторые другие единицы.

в) **Опора на исследовательскую практику.** В исследовательской практике, как отечественной, так и международной, уступительность в целом трактуется существенно шире, чем в Академических грамматиках русского языка (в особенности это касается сближения уступительности и противительности). Если в [Грамматика 1953] уступительными признаются только те союзы и конструкции, которые вводят придаточную часть сложноподчиненного уступительного предложения (*Хотя весна, еще очень холодно*), то во многих исследованиях уступительное значение усматривается и у противительных маркеров в сложносочиненных предложениях (*Уже март, тем не менее очень холодно*), а также у некоторых других языковых единиц. Ср. в данной связи следующие источники:

— [Николаева, Фужерон 2004], где подробно рассматривается история изучения понятия уступительности и отмечается, со ссылкой на многочисленные работы, близость уступительности и противительности, а также трудность их разграничения, в связи с чем в работе [Перфильева 1984] даже предлагается выделить особый класс синтаксических конструкций — уступительно-противительные⁵;

⁵ С чем, однако, мы не можем согласиться, т. к. присутствие в контексте уступительных союзов далеко не всегда влечет за собой употребление противительных.

— [Теримова 1986: 13—17], где со ссылкой на давнюю, восходящую еще к М. В. Ломоносову, лингвистическую традицию аргументируется семантическая близость уступительных и противительных предложений;

— [Ляпон 1986: 152—153], где противительные союзы признаются «потенциальными носителями уступительного значения»;

— [Rudolph 1996], где на обширном типологическом материале обосновывается семантическая близость уступительных и противительных предложений, причем многочисленные «противительные» слова типа англ. *nevertheless* ('тем не менее'), франц. *néanmoins* ('тем не менее'), нем. *trotzdem* ('все же') рассматриваются как «concessives» (уступительные);

— [Quirk et al. 1982: 222, 256], где в число concessives включаются слова *however* ('однако'), *still* ('во всяком случае'), *anyhow, anyway* ('в любом случае'), *nevertheless* ('тем не менее'), *yet* ('тем не менее, все-таки'), *in any case, at any rate* ('во всяком случае'), *after all* ('как-никак, в конце концов'), *on the other hand* ('с другой стороны'), *all the same* ('всё равно, в любом случае');

— [Larousse 1936: 117], где значение concession (уступительность) приписывается слову *cependant* ('тем не менее')⁶.

Таким образом, в нашем несколько расширенном понимании уступительности мы опираемся как на семантические аргументы, так и на солидную лингвистическую традицию.

Теперь обратимся к вопросу о том, где и как мы проводим черту между теми языковыми единицами, которые мы считаем уступительными, и теми, которые, с нашей точки зрения, выражают в первую очередь какие-то другие смыслы.

При отборе языкового материала, выражающего смысл уступительности, мы принимали в расчет следующее, хорошо известное свойство языка: семантическое пространство языка непрерывно, и у любого системообразующего смысла, у любой грамматической категории есть «прототипические», центральные средства выражения, и есть более маргинальные, периферийные, находящиеся на границе с другими смыслами и категориями. Соответственно, и у уступительности есть некий прототип (союз *хотя*), а есть более далекие от него средства выражения. Поскольку смысл уступительности очень хорошо представлен в языке, такие периферийные средства выражения уступительности можно найти на границе с самыми разными другими системообразующими смыслами. Так, можно говорить об усту-

⁶ Это характерно и для практических грамматик; ср., например, известную французскую грамматику Г. Може, где в число средств выражения concession, помимо традиционных уступительных союзов, попадают семантически эквивалентные им единицы *cependant, pourtant, toutefois, néanmoins* ('все-таки, тем не менее') [Може 1996: 336]. Ср. также специальное пособие по уступительной семантике в русском языке для иностранцев [Яценко 2001] с очень широким списком средств выражения уступительности.

пительном противопоставлении (*тем не менее, все-таки*), уступительной причине (*как-никак*), уступительной ограничительности (*вот только, разве что*), уступительном условии (*добро бы, пускай бы, ладно бы, даже если*). Как будет показано ниже, в единицы типа *тем не менее, как-никак, вот только* входит семантическое указание как на уступительность, так и на какой-то другой смысл (противопоставление, причина и пр.). Поэтому они могут рассматриваться как в рамках анализа уступительности (как делается в данной работе), так и в рамках анализа соответствующих других системообразующих смыслов.

Таким образом, единицы, находящиеся на периферии одновременно уступительности и какого-то другого смысла, включаются нами в рассмотрение в данной работе. Однако единицы, которые являются центральными, прототипическими для какого-то другого системообразующего смысла, мы не трактуем как уступительные, даже если выражаемый ими смысл чем-то близок уступительности. Поэтому мы не рассматриваем в рамках исследования уступительности такие языковые единицы как союзы *но* и *а*, представляющие прототип противительности, союз *если*, представляющий прототип условия, союз *потому что*, представляющий прототип причины и т. п. Это разграничение носит для нас принципиальный характер: нам представляется, что даже такие близкие смыслы, как например, противопоставление и уступительность, имеют очень существенные семантические и прагматические различия, понимание которых обязательно для понимания самих этих смыслов. Ниже мы продемонстрируем наиболее существенные из этих различий.

ГЛАВА 1. УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ КАК СЛОЖНЫЙ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ СМЫСЛ

1.1. УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФИГУРА РЕЧИ И КАК СМЫСЛ

Как видно из приведенного списка уступительных выражений, значение уступительности выражается в русском языке при помощи большого количества единиц разной семантической и синтаксической природы, самыми разными (в том числе грамматикализованными) способами, т. е. оно является, по терминологии Ю. Д. Апресяна, системообразующим смыслом — смыслом, формирующим семантическую систему языка в целом [Апресян 2001].

Однако в отличие от других системообразующих смыслов, таких как ‘цель’, ‘причина’, ‘время’, ‘степень’, ‘условие’, понятие уступительности семантически непрозрачно⁷. Отчасти даже сам термин «уступительность» вносит некоторую неясность в понимание того, что общего в семантике у разных единиц данного класса.

В то время как ‘причина’, ‘условие’, ‘цель’ являются одновременно и терминологическими метасловами, выделяющими некоторые семантико-синтаксиче-

⁷ Это свойство уступительности отмечается в работе [Апресян В. 1999].

ские классы, и семантическими компонентами, входящими в значения слов соответствующих классов, уступительность является только метасловом, но не смысловым компонентом.

Естественно, например, толковать целевые слова типа *добиваться*, *стремиться*, *целеустремленный* и пр. при помощи смысла 'цель', а временные слова типа *миг*, *момент*, *век* — при помощи смысла 'время'. Однако если попытаться при помощи смыслов слов *уступительность*, *уступка* или *уступать* истолковать основные, наиболее прототипические уступительные лексемы *хотя 1* и *несмотря на*, их смысл не станет понятнее, хотя бы уже в силу того, что первые семантически гораздо сложнее и богаче, нежели вторые.

Это несоответствие между термином и языковой реальностью отчасти объясняется историей развития понятия уступительности; ср. обзор соответствующей литературы в работе [Morel 1996]. Термин «уступительность» (*concessio*), введенный еще в латинских грамматиках, отражает существовавшую вплоть до XIX века риторическую традицию, в рамках которой уступительность трактовалась не как некий смысл или совокупность смыслов, а как риторическая фигура. Так, энциклопедия Дидро, обобщая традицию, восходящую к латинским грамматикам, дает следующее определение уступительности: «Уступительность: фигура речи, при помощи которой оратор, уверенный в своей правоте, внешне отчасти соглашается со своим оппонентом для того, чтобы извлечь из этого преимущество для себя, или для того, чтобы предотвратить возникновение ненужных возражений, которыми его можно было бы остановить» ([Encyclopédie de Diderot 1753], цит. по [Morel 1996]). Сходное, хотя и менее детализированное определение уступительности содержится в «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия», а также в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова: «Уступление или признание есть, когда что соперникам или противникам уступаем и из того наводим нечто большее, чем уступленное опровергается или уничтожается» [М. В. Ломоносов 1952: 275].

При этом уступительность как риторическая фигура далеко не всегда ассоциируется с употреблением специальных лексикализованных или грамматикализованных средств, таких как уступительные союзы (*хотя*), предлоги (*несмотря на*) и пр. В четырех примерах «уступления», приводимых М. В. Ломоносовым, собственно уступительные лексемы встречаются только в двух (*пускай, хотя бы*), а в двух других «уступление или признание» создается всем контекстом.

К XX веку риторическое понимание уступительности в целом сменяется лингвистическим, можно даже сказать — семантическим, — и *Grammaire Française* 1967 отражает эту новую концепцию уступительных отношений, определяя их семантику как оппозицию, конфликт, который «состоит в сближении двух фактов, в норме исключających друг друга» (цит. по [Morel 1996]). Эта концепция предполагает закрепленность уступительного значения за определенными языковыми единицами — лексемами и конструкциями. Так, в Академической грамматике русского языка, где дается похожее определение уступительности, речь идет об

уступительных предложениях и уступительных союзах: «В сложных предложениях главное предложение может содержать в себе сообщение о факте, противоположном тому, чего можно было бы ожидать на основании того, о чем говорится в придаточном предложении. Такой характер отношений между главным и придаточным предложениями обозначается союзами *хотя (хоть)*, *несмотря на то что*, *независимо от того что*, *пусть*, *даром что*. Придаточные предложения, которые связываются с главным при помощи указанных союзов, называются уступительными» [Грамматика русского языка 1954: 337].

В современной лингвистике отражены обе традиции — и чисто семантическая, и риторическая. В работах [König 1986; König 1991; Ляпон 1986; Теремова 1987; Храковский 1998; Апресян В. 1999; Урысон 2002] анализируется в первую очередь семантика отдельных уступительных единиц, в работах [Wierzbicka 1987; Арутюнова 1988; Паршин 1988; Булыгина, Шмелев 1997] — в первую очередь рассматривается их роль в построении диалога и в полемике⁸.

В данной работе основной упор делается на истолкование отдельных уступительных единиц, однако описывается также их дискурсивная функция; таким образом, в известной мере используются оба подхода.

Для описания семантики уступительных лексем используется метод семантического анализа, состоящий в построении аналитических толкований. Объяснять семантику основных уступительных единиц при помощи риторического термина «уступка» было бы непродуктивно, т. к. сами по себе они никакого намека на «уступление или признание» не содержат. Во фразах вида *Хотя шел дождь (несмотря на дождь), они пошли гулять*⁹; *Шел дождь, и тем не менее они пошли гулять* отмечается лишь странность сосуществования двух обычно несовместимых (с точки зрения говорящего) ситуаций действительности и отсутствует указание на риторическое намерение говорящего, состоящее в том, чтобы, внешне признавая справедливость аргументов оппонента, настоять на своей правоте.

Однако для описания более далеких от прототипа уступительных единиц (таких как *как-никак*, *добро бы* и пр.), которые немислимы вне диалога с реальным или воображаемым оппонентом, а также для объяснения функционирования уступительных единиц в реальном дискурсе, где на первый план выходит именно их риторическая функция, уместно применение риторической традиции.

Интересно, что по мере удаления от семантического прототипа, нарастания семантической и прагматической сложности, и, соответственно, усиления риторич-

⁸ Ср. термин «возражение под видом согласия», используемый в работе [Булыгина, Шмелев 1997] для описания диалогической функции уступительных конструкций.

⁹ В этой фразе, а также во всех прочих примерах данного раздела представлено первое, основное значение русского союза *хотя*; у него есть другие значения, которые будут рассмотрены ниже. Однако прототип уступительности представлен именно в значении *хотя I*, союза, имеющего очень близкие аналоги в других европейских языках; ср. английский союз *although*, французский *bien que*, немецкий *obwohl* — все они формируют ядро уступительности в соответствующих языках.

ческой функции, у части уступительных слов и выражений начинает ощущаться бо́льшая семантическая связь со смыслом 'уступать'.

Так, лексемы ряда *только бы 1* (*Мне ничего не нужно, только бы ему было хорошо*) или ряда *по крайней мере 2* (*Не можешь помочь, так по крайней мере не мешай*) можно приблизительно перифразировать при помощи слова *уступать*. Ср. *только бы X* ≈ 'говорящий готов уступить во всем остальном при условии, что будет X'; *по крайней мере X* ≈ 'говорящий уступает под давлением оппонента или обстоятельств, соглашаясь получить нечто меньшее, чем то, чего бы он действительно хотел'.

Однако такого рода перифразы очень неточны, применимы к весьма ограниченному кругу лексем и непригодны в качестве инструмента для системного описания уступительных единиц¹⁰.

При этом интуитивно ощущается, что уступительные слова обладают некоторой общей частью значения, формируют единый семантический класс и, соответственно, требуют единообразного описания.

1.2. ПОИСКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ИНВАРИАНТА УСТУПИТЕЛЬНОСТИ

Таким образом, первая задача, которая ставится в данной работе — понять, какие же именно смысловые компоненты объединяют разные уступительные единицы, иными словами — каков семантический инвариант уступительности.

Семантика уступительности неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, особенно тех, кто работает в области синтаксиса, теоретической семантики и типологии (ср. вышеперечисленные работы). Данные описания можно условно разделить на две группы — те, которые строят толкование основных уступительных единиц на основе *причинно-следственной* семантики (что соответствует семантическим компонентам 'потому что', 'поэтому' или 'влияет'), и те, которые опираются на семантику *условия* (что соответствует семантическо-

¹⁰ В какой-то мере неудобство терминов «уступительность», «уступка» вызвано узостью соответствующих смыслов в русском языке по сравнению с их аналогами в европейских языках. Латинский глагол *concedo* (и его производные), унаследованный европейскими языками, имеет гораздо более широкий смысл и круг употреблений, нежели русский глагол *уступать* (и его производные); в частности, он может интерпретироваться как 'соглашаться, допускать, признавать'. Ср. английское *I concede that I might have been wrong* 'Признаю, что я мог ошибиться', при невозможности аналогичной русской фразы **Я уступаю, что я мог ошибиться*. Смысл 'признавать', отсутствующий у русского глагола *уступать*, в гораздо большей степени подходит на роль центрального семантического компонента в значениях уступительных слов, нежели более конкретный смысл 'уступать'. Семантика русского глагола *уступать* предполагает, в первую очередь, отказ от чего-то в пользу другого лица (ср. разные значения этого глагола, представленные в словосочетаниях *уступить землю, уступить дорогу, уступить по дешевке, Не спорь — уступи*).

му компоненту 'если...то'). Ниже дается их краткое описание, а также излагается предлагаемый в данной работе семантический инвариант уступительности.

1.2.1. УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ И ПРИЧИНА

В работах [Ляпон 1986; Теремова 1986; Теремова 1987; König 1991; Урысон 2002; Урысон 2003б; Падучева 2004], смысл основных уступительных единиц анализируется как некое производное причины (каузальности) и отрицания¹¹.

В работе [Падучева 2004] утверждается, что «отрицание уступительной связи дает причинную», ср. предлагаемые в этой работе толкования основных уступительных лексем *хотя* и *несмотря на*; ср.

«Р, *несмотря на* Q = 'Q; поэтому ожидалось, что не Р; однако Р'

Q, *хотя* Р = 'Р; поэтому ожидалось, что не Q; Q'» [Падучева 2004: 344].

М. В. Ляпон определяет уступительные отношения как «модификацию каузального значения, соединенного с противительным компонентом» [Ляпон 1986: 137]. Т. е. во фразах типа Q, *хотя* Р (*Никто не спал, хотя час был поздний*) ситуация Р, о которой сообщается в уступительной части, предстает как некая «потенциальная причина», оказавшаяся недостаточной для того, чтобы отменить ситуацию Q, о которой сообщается в другой части.

Р. М. Теремова анализирует примеры типа «*Хотя высланными вперед людьми были выложены гати, все равно дорога оказалась очень трудной. Истощенные и раненные задерживали движение. Их несли на руках*» похожим образом: «событие, заключенное в уступительной части, должно было породить ожидаемое событие-следствие. ... Но в силу другой, превосходящей причины совершилось событие, противоположное ожидаемому. Структура уступительной ситуации, имея в своей основе причинно-следственную зависимость, представляет собой явление сложное и многогранное» [Теремова 1986: 6].

В работе [König 1991] дается определение английского союза *although* 'хотя' через причинный союз *because* 'потому что' и отрицание. Точнее, устанавливается смысловое соответствие между *because* под отрицанием, имеющим широкую сферу действия, и *although* под отрицанием, имеющим узкую сферу действия:

not (q because p) = (not-q) although p

не (q потому что p) = (не-q) хотя p

В качестве лингвистического примера такого соответствия König приводит следующие близкие по смыслу перифразы с *because* и *although*: *This house is no less comfortable because it dispenses with air-conditioning* с приблизительным переводом

¹¹ Представленное в работе [Урысон 2002] толкование союза *хотя* сочетает каузальный смысл 'влияет' и условный смысл 'если'; оно будет рассмотрено ниже.

‘Этот дом не становится некомфортабельным из-за того, что в нем нет кондиционера’ = *This house is no less comfortable although it dispenses with air-conditioning*
 ‘Этот дом не является некомфортабельным, хотя в нем нет кондиционера’.

В работе [Урысон 2003б] предлагается следующее, основанное на семантике каузальности, толкование союзов *хотя* и *несмотря на то что*:

Хотя (несмотря на то что Q), P =

‘[а, пресуппозиция] обычно ситуация типа Q влияет на имеющееся положение дел; в результате, если имеет место ситуация типа Q, то не имеет место ситуация типа P;

[б] в данном случае имеет место Q, имеет место P’.

1.2.2. Уступительность и условие

В работах [Grevisse 1969; König 1986; Morel 1996; Храковский 1998] (а также в ряде других работ, в первую очередь типологических) уступительные отношения сближаются с условными, причем не только на основе синхронных данных какого-то одного языка¹², но и на основе типологического сравнения разных языков, а также изучения диахронии¹³. Ср., например, следующее утверждение: «Связь условного и (более сложного) уступительного значения представляется несомненной. Об этом, в частности, можно судить по тому, что в ряде языков прототипический условный союз служит базой для образования формально более сложного прототипического уступительного союза» [Храковский 1998: 71].

В работах [König 1986; Morel 1996] предлагаются толкования основных уступительных единиц, построенные на основе смысла условия в сочетании с отрицанием. Ср. определение союзов *although* и *even though* в [König 1986]:

although, even though p, not q

хотя p, не-q

¹² Так, во французском языке после уступительных союзов требуется употребление сослагательного наклонения глагола, даже если речь идет о реальных фактах; ср. Il était généreux, quoi’il fût économe (‘Он был щедрым, хотя и экономным’), что является грамматическим свидетельством близости уступительных и условных отношений. В финском языке стандартный уступительный союз *vaikka* ‘хотя’ является обычным союзом также в условно-уступительной конструкции (где сближается по смыслу с русским *даже если*) [Томмола 2004: 484]. У русского союза *если* отмечается уступительное употребление [Санников 2001: 86—87] (в нашей работе этот тип употребления *если* в комбинации с союзом *и* анализируется как отдельная уступительная лексема *если и* 2, см. раздел 3.1.5).

¹³ Ср., например, об уступительном и условном употреблении союза *хотя* в древнерусском языке в работе [Николаева: 317—318]; заметим, что его употребление в причинном значении не отмечается. Ср. также об условном и уступительном употреблении церковнославянского союза *аще* в работе [Лавров 1941: 52—64].

‘ а. р и не-*q*

б. если *p*, обычно *q* (пресуппозиция)’

Ср. также похожее определение французского союза *bien que* ‘хотя’ в работе [Morel 1996]:

Bien que A, B / B, bien que A

Хотя A, B / B, хотя A

Bien qu’il pleuve, il sort

Хотя идет дождь, он уходит

‘A обычно ассоциируется с B1 и B=не-B1’

1.2.3. ПРЕДЛАГАЕМЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ УСТУПИТЕЛЬНОСТИ

Рассмотрим теперь некоторые дополнительные лингвистические данные, что-бы определить, какой анализ уступительности является предпочтительным, и построить толкование основной уступительной единицы русского языка — союза *хотя* I¹⁴.

1.2.3.1. Указание на общие законы мироустройства в значении уступительности

Как было сказано выше, в работе [König 1991] предлагается считать значение уступительности некоторой комбинацией отрицания и причины. Построим пару примеров, аналогичных приведенным выше примерам из [König 1991]. Ср.

- (1) а) *Иван не расстроился [Q] из-за того, что проиграл много денег в рулетку [P]*

VS.

- б) *Иван не расстроился [Q], хотя (несмотря на то, что) проиграл много денег в рулетку [P].*

На первый взгляд, эти фразы синонимичны. Обе они сообщают о том, что имеет место ситуация P [проигрыш] и о том, что она не привела к ситуации не-Q [Иван расстроился], т. е. имеет место ситуация Q [Иван не расстроился].

¹⁴ Поскольку в нашем анализе мы опираемся на данные русского языка и толкование строится на русском языке, наши выводы относительно семантического инварианта уступительности касаются в первую очередь именно русского концепта уступительности. Представляется, однако, что хотя на периферии концепта уступительности имеет место широкая межъязыковая вариативность, его центральная часть — семантический прототип уступительности — является в большой степени универсальным.

Однако если фраза с причинным предлогом *из-за* сообщает только об этом конкретном эпизоде действительности и ни о чем больше, то фраза с уступительным союзом *хотя* вводит, помимо этого, указание на некоторую закономерность¹⁵.

А именно, во фразе с *хотя* говорящий считает, что ситуации типа Робычно или при естественном ходе событий приводят к ситуациям типа не-Q и, таким образом, оценивает имеющую место в данном случае ситуацию Q как нарушенную ие обычного или естественного хода событий.

Таким образом, значение уступительности отличается от значения причины не только компонентом отрицания, но и апелляцией к стандартным законам устройства мира¹⁶.

В работе [König 1991] подобное указание на нарушение естественного хода событий усматривается также во фразах с причинными словами. Однако в действительности причинные слова сами по себе не вводят указания на нарушение каких-то существующих в мире закономерностей. Ср. контрастные пары примеров с причинным предлогом *из-за* и уступительным предлогом *несмотря на*:

- (2) а) *Он не расстроился из-за проигрыша*

VS.

- б) *Он не расстроился, несмотря на проигрыш,*

а также

- в) *Странно расстраиваться из-за проигрыша*

VS.

- г) *Странно расстраиваться, несмотря на проигрыш.*

Фразы (2а) и (2б) обе правильны, хотя несколько отличаются по смыслу и по сфере действия отрицания. Во фразе (2а) отрицание имеет широкую сферу действия: *Он не расстроился из-за проигрыша* = 'Неверно, что он расстроился из-за проигрыша' [отрицается как факт расстройтва, так и наличие причинно-следственной связи между расстройством и проигрышем]¹⁷. Во фразе (2б) отрицание

¹⁵ В работе [Николаева 1985: 96] отмечается обратная зависимость: контекст генерализации, обобщения (т. е., указания на некую общую закономерность) способствует появлению у высказывания уступительной интерпретации; ср. «кроме противопоставленности, скрытая генерализация привносит смысл уступительности».

¹⁶ Такое же различие существует между уступительным значением и значением условия — прототипическое условие не предполагает никаких обобщений и апелляции к общим законам устройства мира.

¹⁷ Ср. *Он не пришел из-за проигрыша* = 'Неверно, что он пришел; причиной этого является проигрыш', где отрицание имеет узкую сферу действия, и наличие причинно-следственной связи не отрицается.

имеет узкую сферу действия, кроме того, имеется указание на наличие общей закономерности, согласно которой люди, когда проигрывают, расстраиваются: *Он не расстроился, несмотря на проигрыш* = 'Имел место проигрыш; естественно было расстроиться; неверно, что он расстроился'.

Вторая пара фраз различается существенно сильнее — фраза (2в) является правильной и выражает мнение говорящего о том, что расстраиваться из-за проигрыша неестественно.

Фраза (2г) аномальна из-за наличия дополнительного семантического компонента — апелляции к общей закономерности, — согласно которой из-за проигрыша расстраиваться естественно. Таким образом, во фразе (2г) переживание оценивается одновременно и как странная, и как естественная реакция на проигрыш. Укажем источник аномалии более точно. Согласно сформулированным в работе [Апресян 1995а] правилам взаимодействия смыслов в высказывании, противоречие ассерции и пресуппозиции приводит к аномалии [Апресян 1995а: 619]. Во фразе (2г) имеет место именно такое противоречие:

ассерция = 'говорящий считает странным, что, проиграв, человек расстроился' [вводится предикатом *странно*];

пресуппозиция = 'говорящий считает, что человеку естественно расстраиваться, если он проиграл' [вводится предлогом *несмотря на*].

Вообще, наличие в уступительном значении указания на нарушение некоторого естественного хода вещей так или иначе отмечается во всех работах по уступительности.

Однако нам представляется существенным, что имеющее место положение вещей является необычным, неестественным именно с точки зрения говорящего. Если бы уступительные лексемы вводили представление о некоторой объективной норме, фразы типа *"Странно расстраиваться, несмотря на проигрыш* не были бы аномальными, т. к. вполне возможна ситуация, при которой говорящий считает существующую норму неверной и выражает несогласие с ней. Фразы такого типа аномальны именно потому, что в них сталкиваются два противоположных мнения говорящего.

1.2.3.2. Контрпримеры к каузальному анализу уступительности

Некоторое время назад мы привлекли внимание к группе примеров, которые невозможно адекватно интерпретировать в рамках каузального анализа уступительности. Позднее эта группа примеров была рассмотрена в работе [Урысон 2003б].

Приведем наши контрпримеры и попытаемся применить к ним каузальный анализ:

(3) а) *Хотя его фамилия Иванов, он китаец;*

б) *Хотя сегодня синоптики обещали солнечную погоду, после обеда начался страшный ливень.*

Подобная попытка порождает неверные интерпретации. Если ввести в значение *хотя* семантический компонент 'ситуация типа Q влияет на имеющееся положение дел, в результате, если имеет место Q, то не имеет место P' (из толкования, предложенного в работе [Урысон 2003б], см. раздел 1.2.1.), то фразе (3а) пришлось бы приписать пресуппозицию, что фамилия человека обычно влияет на его национальность. Вторая фраза в рамках каузального анализа значила бы, что прогнозы синоптиков обычно влияют на погоду.

Однако, если в толковании *хотя* заменить причину на условие, мы получаем более простую и естественную интерпретацию этих фраз: обычно, если фамилия человека Иванов, то он русский (3а); обычно, если синоптики делают предсказание, их предсказание сбывается.

Предлагаемый в работе [Урысон 2003б] выход из положения, состоящий в том, что постулируется наличие некоторой третьей, более общей, ситуации, влияющей и на Q, и на P, как нам кажется, не спасает положения. Усматривать во фразах типа (3а) существование пресуппозиции вида 'существует нечто, что передается человеку от его родителей, а им — от их родителей и т. д. и что является причиной существования ситуации типа Q и существования ситуации типа не-P', как это предлагается в [Урысон 2003б], представляется чрезмерным усложнением. Когда произносится фраза типа *Хотя его фамилия Иванов, он китаец*, явно ни говорящий, ни адресат не задумываются о том, что национальность и фамилия человека являются чем-то, передающимся по наследству, и о том, что национальность и фамилия родителей влияют на национальность и фамилию детей.

Приведем некоторые дополнительные соображения в связи с рассматриваемым материалом.

Можно было бы думать, что каузальный анализ лексемы *хотя* 1 в данных фразах невозможен, потому что в них представлена другая лексема слова *хотя*, а именно — противительный союз *хотя* 2, близкий по значению союзу *но*, который можно проиллюстрировать фразами типа

- (4) а) *Буря еще продолжался, хотя с меньшей силой* (Пушкин, БАС);
б) *Но они [стрелки часов] двигались, хотя и очень медленно, как будто прилипающая* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита);
в) *Он человек добрый, хотя и глупый.*

Однако на самом деле это не так.

Во-первых, как видно из приведенных фраз, для союза *хотя* 2 гораздо более характерна позиция к фразе, заполняющей первую валентность (как и для союза *но*). Если же *хотя* 2 находится в позиции, то перед фразой, заполняющей вторую валентность, требуется употребление союза *но* или уступительной частицы типа *все-таки* или *все же*, а иногда и того, и другого. Ср. *Он человек хотя и необразованный, но очень способный* (<все же очень способный>) при невозможности **Он человек хотя (хоть) и необразованный, очень способный.*

Для союза *хотя* 1 употребление *но* в такой ситуации было бы, наоборот, избыточным; ср. нестандартность ?*Хотя было холодно, но дети пошли гулять*. Невозможно ввести союз *но* и в приводившиеся выше фразы; ср. неестественность или невозможность ?*Хотя его фамилия Иванов, но он китаец*; ?*Хотя синоптики обещали солнечную погоду, но после обеда начался страшный ливень*.

Кроме того, во фразах с противительным *хотя* 2 этот союз не может быть заменен на предлог *несмотря на*, синоним уступительного союза *хотя* 1; ср. неправильность **Стрелки часов двигались, несмотря на то, что очень медленно*.

Между тем, в рассматриваемых фразах такая замена возможна. Ср.

- (5) а) *Он китаец, несмотря на то, что его фамилия Иванов*;
 б) *Несмотря на то, что синоптики обещали солнечную погоду, после обеда начался страшный ливень*.

Это еще раз подтверждает, что в них употреблена именно уступительная лексема *хотя* 1.

Наконец, и сам предлог *несмотря на*, синонимичный уступительному союзу *хотя* 1, также встречается во фразах, подобных вышеуказанным, где невозможно интерпретировать уступительность как некое производное каузальности. Ср. *Понятно было, что в квартире кто-то есть [Q], несмотря на то, что все лица, которым так или иначе надлежало ведать вопросами о прибывающих в Москву иностранных артистах, решительно и категорически утверждали, что никакого черного мага Воланда в Москве нет и быть не может [P]* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Невозможно понять эту фразу следующим образом: обычно ситуации типа Р (кто-то утверждает, что некоторого человека нет в каком-то месте) приводят к ситуациям типа не-Q (этого человека действительно нет в этом месте). Правильная интерпретация этой фразы включает, опять-таки, указание на условие: обычно, если кто-то утверждает, что некоторого человека нет в каком-то месте, то этого человека действительно нет в этом месте (максима искренности, согласно которой утверждения обычно соответствуют действительности).

Рассмотрим, наконец, еще один пример, в котором толкование, опирающееся на смыслы 'влиять', 'причина', не дает естественной интерпретации.

Фраза

- (6) *Хотя с утра больному стало лучше [P], вечером он умер [Q]*¹⁸

не содержит пресуппозиции 'обычно хорошее состояние больного в некоторый момент времени положительно влияет на его состояние в более поздний момент времени'. Более естественно предположить наличие следующей пресуппозиции: 'Если больному стало лучше, естественно ожидать дальнейшего улучшения'.

¹⁸ Мы используем адаптированный для наших целей известный пример из работы [Санников 1989: 162].

Таким образом, представляется, что толкование основной уступительной лексемы *хотя* I должно опираться не на смысл 'влияет', т. к. этот смысл является чересчур специфичным и не покрывает всех случаев ее употребления, а на более общий смысл 'если...то'.

1.2.3.3. Предлагаемое толкование союза *хотя* I

Мы предлагаем следующее толкование *хотя* I:

- (7) *Хотя* P, Q (*Хотя он был болен* [P], *он пошел на работу* [Q]) = 'имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если¹⁹ имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'

Прокомментируем это толкование.

Дизъюнктивный компонент 'обычно или естественно' введен в толкование по следующим причинам.

Иногда фразы с *хотя* I апеллируют к некоторой статистической норме, а именно, говорящий считает, что в большинстве случаев, если имеет место ситуация типа P, то имеет место ситуация типа не-Q. Так, уже приводившийся пример *Хотя его фамилия Иванов, он китаец* интерпретируется именно таким образом (см. выше): 'Обычно, если фамилия человека Иванов, то он русский'. Т. е. общая тенденция, на которую опирается это высказывание, может быть сформулирована примерно следующим образом: «Большинство Ивановых русские (а не китайцы)».

Однако некоторые фразы с *хотя* I вводят указание не на статистическую норму, а на некий естественный, лежащий в природе вещей ход событий, который в реальном мире может встречаться далеко не в подавляющем большинстве, а иногда даже в меньшинстве случаев. Ср. фразы

- (8) а) *Хотя он ее очень любил* [P], *он на ней не женился* [Q];
б) *Хотя в начальной школе он учился хорошо* [P], *в средней школе он скатился на двойки* [Q].

Тенденции, к которым апеллируют данные высказывания, могут быть сформулированы следующим образом: 'Если кого-то очень любишь, естественно соединить свою судьбу с этим человеком'; 'Если сначала что-то делаешь хорошо, то естественно и в дальнейшем делать это хорошо'.

При этом естественный ход событий не всегда оказывается обычным, частотным, ср. нормальность фраз типа

- (9) а) *Хотя он ее очень любил, он, как это часто бывает, на ней не женился* [Если кого-то любишь, то естественно жениться на объекте своей любви; однако в жизни подобный естественный ход событий встречается редко].

¹⁹ Союз *если* в толковании использован в своем первом, основном значении, представленном во фразах типа *Если болезнь несерьезная, лучше обойтись без антибиотиков* (о полисемии *если* см. работы [Гладкий 1982; Санников 2001; Урысон 2001]).

- б) *Хотя в начальной школе он учился хорошо, в средней школе он, как это часто бывает, скатился на двойки* [Если кто-то начинает учиться хорошо, естественно и продолжать в том же духе; однако в жизни такое бывает нечасто].

Во фразах типа *Хотя его фамилия Иванов, он китаец* такого рода модификации невозможны; ср. прагматическую странность:

- (10) *Хотя его фамилия была Иванов, он, как это часто бывает, оказался китаеццем.*

Таким образом, дизъюнктивный компонент 'говорящий считает, что если ..., то обычно или естественно' вводится нами в толкование для того, чтобы охватить оба описанных типа употреблений союза *хотя* 1.

Необходимость введения в толкование фигуры говорящего обосновывалась в разделе 1.2.3.1.

Аргументы в пользу наличия в значении *хотя* 1 смысла 'если' (а не смысла 'влиять') приводились в предыдущем разделе.

Остается объяснить наличие в толковании компонентов 'ситуация типа Р' и 'ситуация типа не-Q'.

У союза *хотя* 1 есть два семантических актанта — ситуация Р и ситуация Q. В каждом случае употребления *хотя* 1 вводится указание на две конкретные ситуации Р и Q — например, *Хотя он был болен, он пошел на работу*, где *Он был болен* = Р и *Он пошел на работу* = Q. Однако присутствующая в толковании *хотя* 1 ссылка на естественный ход событий носит более общий характер. Указание на связь ситуаций формулируется не относительно конкретных ситуаций Р и не-Q, а относительно двух классов ситуаций, к которым Р и не-Q принадлежат²⁰.

Поясним это утверждение. Рассмотрим приводившийся выше пример *Хотя с утра больному стало лучше* [Р], *вечером он умер* [Q]. Если предположить, что своим высказыванием говорящий устанавливает связь между двумя конкретными ситуациями Р и Q, то эту фразу следовало бы интерпретировать следующим образом: 'утром больному стало лучше; вечером больной умер; говорящий считает, что обычно, если утром больному становится лучше, вечером он не умирает'. Однако очевидно, что на самом деле говорящий апеллирует к некоторой более общей тенденции (или, следуя терминологии В. З. Санникова, некоторому общему принципу).

В очень обобщенном виде этот принцип был сформулирован в работе [Санников 1989] на примерах *Он заболел, но скоро выздоровел* и *С утра больному стало лучше, но вечером он умер* следующим образом: «Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении» [Санников 1989: 162].

Ссылкой на нарушение этого же общего принципа можно объяснить естественность таких фраз как *Хотя с утра больному стало лучше, к вечеру опять наступи-*

²⁰ Необходимость оперировать абстрактными, общими типами ситуаций, а не конкретными ситуациями убедительно обосновывается в работе [Санников 1989: 153—156] на материале союза *но*.

ло ухудшение; Хотя сначала он пошел на поправку, позднее начались осложнения; Хотя во второй четверти Петя занимался хуже, чем обычно, к концу года он взялся за ум и многих других.

Представляется, однако, что на самом деле в высказывании *Хотя с утра больному стало лучше, вечером он умер* уровень абстрагирования от конкретных ситуаций на самом деле не столь высок. Говорящий напрямую апеллирует не к самой общей тенденции «Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении», а скорее, к ее более частному проявлению «Если состояние больного улучшилось, то естественно ожидать, что в дальнейшем оно не ухудшится или улучшится». Мы эксплицитно вводим компонент «не ухудшится», чтобы объяснить неправильность фраз типа *“Хотя с утра у нее была нормальная температура, к вечеру она осталась такой же”*.

Таким образом, конкретные ситуации Р [*С утра больному стало лучше*] и не-Q [*Больной не умер*] входят в более общие классы ситуаций «состояние больного улучшилось» и «состояние больного не ухудшилось или улучшилось». В толковании этому соответствуют компоненты ‘ситуация типа Р’ и ‘ситуация типа не-Q’.

Необходимость апелляции к классам ситуаций, а не к конкретным ситуациям может быть проиллюстрирована также следующим примером: *Счет никак не сходится, и с четвертого раза их оказывается сто семьдесят две [Q], хотя в первый раз получилось сто девяносто три [P]* (М. Веллер, Легенды Невского проспекта).

Если попытаться реконструировать общую тенденцию, нарушение которой отмечает говорящий, опираясь на конкретные ситуации Р и Q, то надо будет предположить наличие следующей пресуппозиции в этой фразе: ‘говорящий считает, что обычно, если в первый раз при счете насчитывается сто девяносто три объекта, то в четвертый раз при счете не насчитывается сто семьдесят два объекта’. На самом деле, конечно, речь идет о гораздо более общей тенденции, существующей относительно многих различных ситуаций, которую в общем виде можно сформулировать как «разные попытки при счете должны давать один и тот же результат».

Апелляция к классам ситуаций, а не к конкретным ситуациям Р и Q отмечается в работе [Morel 1996] (ср. ее толкование французского союза *bien que* в разделе 1.2.2. Уступительность и ‘условие’), а также, более эксплицитно, в работе [Урысон 2002] (ср. ее толкование *хотя I* в разделе 1.2.3.2. ‘Причина’ и ‘условие’). Однако в обеих работах классы ситуаций вводятся в толкование через дополнительные переменные (В1 у Morel, Р’ и Q’ у Урысон). Это вызывает две трудности: во-первых, в толкованиях не оговаривается тот факт, что конкретные ситуации Р и Q принадлежат к соответствующим более общим классам ситуаций; во-вторых, не вполне ясен статус дополнительных переменных в толкованиях.

Очевидно, что их статус отличается от статуса переменных Р и Q, обозначающих валентности союза *хотя I*, т. к. Р’ и Q’ никаким валентностям не соответствуют (*хотя I* — двухвалентный союз). Наличие в толковании переменных, не соответствующих реальным валентностям, нежелательно с теоретической точки зрения и неудобно практически.

Указание на т и п ы ситуаций, предлагаемое в статье [Апресян В. 1999], а также в данной работе, позволяет избежать этих трудностей.

1.3. УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ И ПРОТИВИТЕЛЬНОСТЬ (*хотя 1* и *но*)

Перед тем, как мы перейдем к рассмотрению прочих уступительных лексем и рассмотрим их смысловую структуру, в основе которой лежит полученный нами семантический инвариант уступительности, а именно — толкование основного уступительного союза *хотя 1*, мы хотели бы сравнить этот союз с противительным союзом *но*.

Уступительность и противительность являются достаточно близкими смыслами, что отмечается, в частности, в грамматике [Grevisse 1969: 1094], где уступительные союзы (concessives) также называются противительными (d'opposition), а также в книге [Rudolph 1996], где проводится детальное сравнение семантики и синтаксиса уступительных и противительных отношений на материале ряда европейских языков²¹. Тот факт, что у слов *хотя 1* и *хоть 2* есть и уступительное (*хотя 1* и *хоть 1*), и противительное значения (*хотя 2* и *хоть 2*), также это подтверждает.

Здесь нас интересует, в первую очередь, семантический анализ *хотя 1* и *но*, который дал бы возможность объяснить сходства и различия в языковом употреблении этих двух единиц. Попытка такого сопоставительного анализа была принята в работе [Апресян В. 2000], и здесь мы бы хотели привести уточненные и скорректированные соображения по этому поводу.

1.3.1. Толкования *хотя 1* и *но* «ненормального следствия»

Легко заметить, что полученное нами толкование *хотя 1* очень сильно пересекается с толкованием союза *но* в одном из его употреблений («*но* ненормального следствия»), предложенным В. З. Санниковым [Санников 1989: 156]:

X, но Y (Он пошел за хлебом, но не купил его) =

‘X;

при нормальном ходе событий²² X привел бы к чему-то противоположному Y-у;

имеет место ненормальное Y;

решающим для описываемой ситуации является Y’.

²¹ Ср. также работу [Крейдлин, Падучева 1974: 35, 36], где проводится сближение между противительным союзом *а* в одном из его значений (A_2) с уступительными лексемами и выражениями *между тем, в то же время, хотя, все-таки, тем не менее*. Предлагаемое в этой работе толкование союза A_2 очень близко принятым толкованиям основных уступительных лексем; ср. « $S A_2 Q = 'S$ и Q ; между тем, из того, что S , вообще говоря, следует, что не должно иметь место Q' » [Крейдлин, Падучева 1974: 35].

²² Смысл, выражаемый в данном толковании при помощи компонента ‘нормальный ход событий’, мы выражаем при помощи смыслов ‘обычно’ и ‘естественно’.

Если эти лексемы имеют столь сильно пересекающиеся толкования, то они должны быть взаимозаменяемы в подавляющем большинстве контекстов. И действительно, *хотя I* практически всегда может быть заменен на «*но ненормального следствия*» (с применением конверсии). Ср.

- (11) а) *Мне захотелось пройтись пешком, хотя до гостиницы было далеко* (В. Каверин, Два капитана) = *До гостиницы было далеко, но мне захотелось пройтись пешком*;
 б) *И они без конца задают вопросы, хотя правдивые ответы им совершенно не требуются* (С. Довлатов, Чемодан) = *Правдивые ответы им совершенно не требуются, но они без конца задают вопросы*.

Однако обратная замена возможна не всегда. Ср. правильность замены во фразе

- (12) а) *Он ее любил, но не женился на ней* = *Хотя он ее любил, он на ней не женился*
 и ее необоснованность во фразе
 б) *Коля пошел на охоту, но быстро вернулся* = *Хотя Коля пошел на охоту, он быстро вернулся*.

Тот факт, что замена *хотя I* на *но* возможна практически всегда, а обратная замена возможна только в некоторых случаях, заставляет предположить, что значение *но* шире, чем значение уступительных лексем. Возникает вопрос, какое из толкований требуется модифицировать — толкование *но* или толкование *хотя I*?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, в чем именно состоит неестественность последней фразы. Представляется, что фраза *Хотя Коля пошел на охоту, он быстро вернулся* является чересчур к а т е г о р и ч н о й: она предполагает, что в норме, если человек куда-то идет, он долго остается в этом месте, в то время как согласно нашим знаниям о мире такой исход является лишь одним из возможных вариантов.

Таким образом, семантическое различие между «*но ненормального следствия*», с одной стороны, и *хотя I*, с другой, может быть сформулировано следующим образом.

«*Но ненормального следствия*» указывает на то, что при наличии некоторой ситуации Р ситуация не-Q является одним из нескольких возможных вариантов развития событий — самым естественным, с точки зрения говорящего.

Хотя I предполагает, что при наличии Р не-Q является е д и н с т в е н н ы м естественным вариантом развития событий. Связь между Р и не-Q, которая задается лексемой *хотя I*, сильнее, чем та, которую предполагает *но*.

Уступительный союз *хотя I* предполагает, что ситуация Р мешает ситуации Q осуществиться, но что это препятствие оказывается преодоленным; противительный союз *но* предполагает, что ситуации Р и Q имеют противоположную оценку, причем Q в данных обстоятельствах оценивается как более важная.

Поэтому союз *но* возможен в большем числе контекстов — он не налагает столь сильных ограничений на Р и Q, как *хотя I*.

Компонент 'говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q' в толковании *хотя* отражает эту более жесткую связь.

С другой стороны, толкование *но*, как представляется, можно уточнить, заменив компонент 'при нормальном ходе событий X привел бы к чему-то противоположному Y-у' на более мягкое ограничение 'при более обычном или более естественном ходе событий X привел бы к чему-то противоположному Y-у'.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий данное различие между *но* и *хотя* 1. Ср.

- (13) а) Он немного искал квартиру [Р], но ничего не нашел [Q],

при аномальности

- б) "Хотя он немного искал квартиру [Р], он ничего не нашел [Q].

Употребление в подобных контекстах, где Р оценивается как незначительно е препятствие на пути к существованию Q, нехарактерно для *хотя* 1, но возможно для *но*.

1.3.2. «ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ» КАК ФАКТОР В УПОТРЕБЛЕНИИ *НО*, *ХОТЯ* 1 И *НЕСМОТЯ НА*

Лексемы *хотя* 1 и *но* сближаются, помимо своей семантики, еще и следующим: употребление обеих этих лексем регулируется некоторыми «общими принципами, отражающими мироощущение человека» [Санников 1989: 156]²³.

Эти, а также многие другие, особенно уступительные, лексемы употребляются тогда, когда, с точки зрения говорящего, некоторые общие принципы устройства мира были нарушены. В предложенных нами толкованиях данных лексем эта апелляция к общим законам устройства мира отражена смысловыми компонентами 'обычно' и 'естественно'.

Как было показано выше, лексема *хотя* 1 предполагает нарушение некоторых более жестких норм, нежели союз *но*; точнее, для *но* возможны как более, так и менее жесткие нормы. В связи с этим возникает предположение, что существующие в сознании говорящих нормы, или «общие принципы, отражающие мироощущение человека», или «аксиомы действительности» [Мартемьянов-Дорофеев 1983], неоднородны. А именно, некоторые из них являются более сильными, чем другие, и употребление *хотя* 1 регулируется именно этими более сильными, более жесткими принципами, в то время как круг принципов, связанных с употреблением *но*, гораздо шире.

Кроме того, между разными уступительными лексемами, например, *хотя* 1 и его ближайшим синонимом *несмотря на*, также существует различие, коррелирующее со степенью жесткости применимых к их употреблению «общих принципов». А

²³ В работе [Санников 1989] необходимость апелляции к «общим принципам» мотивируется для союза *но*; для союза *хотя* 1 она отмечается в [Урысон 2002: 40—43].

именно, *несмотря на* употребляется тогда, когда речь идет о нарушении более обязательных норм, нежели те, на которые указывает *хотя* 1. Ср. следующие фразы:

- (14) а) *Хотя очень хочется повидаться, никак не удастся выкроить на это время;*
б) *Хотя многим нравится новая модель «Жигулей», Петя решил купить подержанную иномарку.*

При замене *хотя* 1 на *несмотря на* эти фразы станут прагматически несколько странными; ср.

- (15) а) *Несмотря на то, что очень хочется повидаться, никак не удастся выкроить на это время;*
б) *Несмотря на то, что многим нравится новая модель «Жигулей», Петя решил купить подержанную иномарку.*

Эти фразы несколько неадекватны прагматически, т. к. предполагают чересчур жесткую зависимость между ситуациями. Так, первая фраза постулирует, что желание что-то сделать непременно сопровождается соответствующей возможностью, а вторая предполагает, что если нечто нравится многим людям, это непременно будет нравиться и всем остальным.

Таким образом, толкование *несмотря на* можно получить из толкования *хотя* 1 путем следующего семантического наращения (измененные элементы выделены разрядкой):

- (16) *Несмотря на P (на то, что P), Q = 'имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то всегда имеет место ситуация типа не-Q или нормально, чтобы имела место ситуация типа не-Q'*²⁴

Таким образом, шкала жесткости норм выстраивается от *но* (наименьшие ограничения на характер нарушаемых норм) через *хотя* 1 к *несмотря на* (предполагает нарушение самых жестких норм).

Рассмотрим теперь некоторые из «общих принципов», выделяемых В. З. Санниковым как релевантных для употребления союза *но* [Санников 1989: 162—164] с точки зрения их применимости к ситуациям, описываемым *хотя* 1 и *несмотря на*.

1) Принцип статичности: «ненормально исчезновение чего-то или появление чего-то нового»:

Рассмотрим некоторые примеры с *но*, иллюстрирующие принцип статичности. Нормально употребление *но* в следующих фразах: *В этой деревне было пятьдесят жилых домов, но осталось только пять; Здесь всегда был пустырь, но в прошлом году построили гаражи.*

²⁴ По сравнению с толкованием *хотя* 1, в толковании *несмотря на то что* в сторону большей жесткости и обязательности изменены два компонента — компонент, отражающий представление о частотности ('обычно') и компонент, отражающий представление о порядке мироустройства ('естественно', предполагающий существенно более мягкую оценку, чем 'нормально').

Попробуем теперь подставить в эти примеры *хотя 1* и *несмотря на*. Без дополнительных контекстуальных разъяснений выглядят странными или невозможными фразы вида *‘Хотя здесь всегда был пустырь, в прошлом году построили гаражи; ‘Несмотря на то, что в этой деревне было пятьдесят жилых домов, осталось только пять и пр.*

Как видно из примеров, принцип статичности не является достаточно жестким и, соответственно, релевантным для *хотя 1* и *несмотря на*. Поэтому употребление этих лексем в подобных контекстах не вполне уместно.

2) Принцип последовательности²⁵: «Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении»²⁶.

Ср. естественные примеры: *Он заболел, но потом выздоровел; С утра больному стало лучше, но вечером он умер.* При подстановке в эти примеры лексем *хотя 1* и в особенности *несмотря на* получаются разнородные результаты: в первом контексте их употребление затруднено, во втором — абсолютно естественно; ср. *‘Хотя он заболел, он потом выздоровел; ‘Несмотря на то, что он заболел, он потом выздоровел VS. Хотя с утра больному стало лучше, вечером он умер; Несмотря на то, что с утра больному стало лучше, вечером он умер.*

Эта непоследовательность подтверждает высказанную нами в разделе 1.2.3.3. гипотезу о том, что в высказываниях с *хотя 1* (и, как мы видим, с *несмотря на*) содержится апелляция к несколько менее общим принципам, нежели в высказываниях с *но*. Таким образом, для уступительных лексем *хотя 1* и *несмотря на* принцип «Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении» дробится на множество более частных тенденций.

Среди этих тенденций есть тенденции, онтологически достаточно жесткие и, соответственно, релевантные для данных лексем, например «Если состояние больного улучшилось, то естественно ожидать, что в дальнейшем оно не ухудшится или улучшится». С другой стороны, есть недостаточно жесткие и, соответственно, нерелевантные для данных лексем тенденции, например «Если человек заболел, то естественно ожидать, что он не выздоровеет».

3) Принцип гармоничности: нормально, когда признаки того или иного предмета или явления относятся к одному полюсу (например, оценочному или степенному).

Ср. правильность *Она некрасивая, но умная* при крайней неестественности или невозможности *‘Хотя она некрасивая, она умная; *Несмотря на то, что она некрасивая, она умная.*

²⁵ В [Санников 1989] этому принципу не дается специального наименования. Мы предлагаем называть его принципом последовательности.

²⁶ Для иллюстрации этого и следующего принципов мы используем примеры из [Санников 1989].

Принцип гармоничности, по-видимому, является достаточно слабым принципом, и поэтому ситуации его нарушения не описываются лексемами *хотя 1*²⁷ и *несмотря на*.

4) Принцип соответствия²⁸: Нормально, когда утверждения оказываются правдой, а намерения, обещания, угрозы, побуждения, ожидания осуществляются в действительности.

Для *хотя 1* и *несмотря на* этот принцип также дробится на несколько более частных, в зависимости от природы объекта, о соответствии которого действительному положению дел идет речь.

Утверждения: *Он уверяет меня, что был там, но я знаю, что это неправда; Я знаю, что он там не был, хотя он уверяет меня в обратном*; при меньшей естественности *Я знаю, что он там не был, несмотря на то, что он уверяет меня в обратном*.

Таким образом, *хотя 1* и *несмотря на* различаются в отношении принципа «утверждения оказываются правдой»: для употребления *несмотря на* этот принцип может оказаться недостаточно жестким.

Мнения и ожидания: *Он думал, что она приедет, но она не приехала; Хотя он думал, что она приедет, она не приехала; Несмотря на то, что он думал, что она приедет, она не приехала*.

Принцип «мнения и ожидания оказываются правдой» чересчур слаб и для употребления *хотя 1*, и для употребления *несмотря на*.

Однако, как показывают приводимые ниже примеры, принцип «намерения, обещания, угрозы, побуждения осуществляются в действительности» оказывается достаточно сильным для употребления всех трех лексем.

Намерения: *Он собирался (обещал, грозился) прийти, но не пришел*.

Обещания, угрозы: *Хотя он собирался (обещал, грозился) прийти, он не пришел; Несмотря на то, что он собирался (обещал, грозился) прийти, он не пришел*.

Побуждения: *Она просила его помочь, но он ничего не сделал; Хотя она просила его помочь, он ничего не сделал; Несмотря на то, что она просила его помочь, он ничего не сделал*.

5) Принцип активности²⁹: «имея желание или цель, человек стремится их осуществить или узнать средства для этого».

²⁷ Не следует путать *хотя 1* и *хотя 2* в данном контексте; для лексемы *хотя 2* характерна апелляция к тем же общим принципам, что и для конверсивного ей союза *но*, поэтому она возможна в данной фразе; ср. правильность *Она некрасивая, хотя и умная*. О том, что *хотя 1* и *хотя 2* — это разные лексемы, а не разные употребления одного союза, см. разделы 1.2.3.2 и 4.3.1).

²⁸ Также наше название.

²⁹ См. работу [Мартемьянов, Дорофеев 1983].

Данный принцип также оказывается достаточно сильным, и его нарушение может маркироваться употреблением любой из трех лексем — *но, хотя 1, несмотря на*. Ср. *Он очень хотел купить машину, но так и не собрался это сделать*; *Хотя он очень хотел купить машину, он так и не собрался это сделать*; *Несмотря на то, что он очень хотел купить машину, он так и не собрался это сделать*.

Из рассмотренного материала можно сделать вывод о том, что употребление уступительных лексем *хотя 1* и *несмотря на*, как и употребление противительного союза *но*, регулируется некоторыми «общими принципами», круг которых, однако, для *хотя 1* и *несмотря на* более узок, т. к. для их употребления требуется, чтобы нарушаемый принцип был достаточно жестким, а общие принципы с точки зрения жесткости неоднородны. При этом более жесткие принципы, как правило, носят характер энциклопедических закономерностей (например, принцип активности), т. е. отражают действительность, а более мягкие принципы являются аксиомами языка (например, принцип гармоничности), т. е. отражают языковые представления о действительности. Таким образом, прототипические уступительные единицы (*хотя 1* и *несмотря на*) фиксируют некоторый «сбой» в реальном мире, а классические противопоставительные единицы (*но*), имеющие более широкое значение, могут опираться на неверные с точки зрения реальности «идеальные» языковые представления. Согласно языковым представлениям, существуют следующие (в действительности неверные) принципы совмещения положительных характеристик (*Она красивая, но глупая*), совмещения отрицательных характеристик (*Она уродина, но умная*) совмещения характеристик высокой степени (*Эта машина большая, но медленная*), совмещения характеристик низкой степени (*Эта машина маленькая, но быстрая*) и пр.

Ниже, при рассмотрении других уступительных лексем будет показано, что употребление некоторых из них, напротив, регулируется более мягкими, менее обязательными общими принципами. В частности, принцип гармоничности, чересчур слабый для *хотя 1* и *несмотря на*, оказывается релевантен для уступительных лексем *в то же время 2, вместе в тем, при этом 2*, в то время как более сильный принцип активности оказывается к ним неприменим.

Однако при всей важности общих принципов как фактора в употреблении уступительных лексем, очевидно, что во многих случаях их использование мотивировано не ими, а некоторыми гораздо более частными закономерностями. Главный фактор в употреблении уступительных лексем — мнение говорящего. Если сочетание неких ситуаций является, с точки зрения говорящего, необычным или неестественным, то употребление уступительных лексем оправдано, даже если принцип, к нарушению которого говорящий апеллирует своим высказываниям, никому, кроме него, неизвестен или вообще противоречит обычным представлениям о мироустройстве.

Ср. фразы *Хотя Катя очень красивая, Пете она не нравится* [апелляция к нарушению общего принципа «Обычно красивые женщины нравятся мужчинам»] VS. *Хотя Катя очень красивая, она нравится Пете* [апелляция к нарушению част-

ной закономерности, что Пете красивые девушки не нравятся]. Ср. также *Хотя сияло солнце, Федя остался дома* [апелляция к нарушению общего принципа «Люди обычно гуляют в хорошую погоду»] VS. *Хотя сияло солнце, Федя все-таки пошел гулять* [апелляция к нарушению частной закономерности, что Федя в солнечную погоду не гуляет — может быть, ему вредно находиться на солнце или он больше любит дождь].

Для понимания фраз с уступительными лексемами часто требуется знание каких-то очень конкретных обстоятельств и закономерностей, которые кажется невозможным свести к более общим и абстрактным принципам. Ср., например, пассаж из книги «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, где автор иронически моделирует сознание и риторику верховного обвинителя Крыленко: *А наше однодневное разбирательство еще тем осложнилось, что отвратительно вела себя негодница Успенская. Даже со скамьи подсудимых она «забросала грязью» еще других видных чекистов, не затронутых процессом, и даже самого товарища Петерса! — Вот какая змея выросла из нее за 8 месяцев, несмотря на то, что эти восемь месяцев она находилась среди чекистов!* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). Употребляя *несмотря на* в данном контексте, автор имплицитно ссылается на существующую, по мнению обвинителя Крыленко, закономерность «Общение с чекистами делает человека лучше». Таким образом, каждая фраза с уступительной лексемой может постулировать свой мир со своими законами мироустройства, которые (как в приведенном случае) совсем не обязательно разделяются другими носителями языка.

Однако во многих случаях подобные частные принципы во фразах с уступительными единицами могут быть сведены к более общим принципам. Даже нарочито абсурдное утверждение о пользе общения с чекистами в реальности апеллирует к гораздо более общей закономерности «Общение с хорошими людьми делает человека лучше», существование которой вызывает намного меньше сомнений. Таким образом, область несогласия автора (и читателей) с описываемым персонажем относится не к общим принципам, а к более индивидуальным ценностным установкам (можно ли считать чекиста хорошим человеком).

Глава 2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ УСТУПИТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Нашей главной задачей в данной работе является построение системного описания концепта уступительности в русском языке, в частности системного описания семантики уступительных единиц.

Представляется, что это возможно сделать, опираясь на предложенное нами толкование союза *хотя* / как на семантический инвариант уступительности, смысловую основу, на которой, при помощи различных семантических наращений, строятся толкования всех прочих уступительных единиц.

В данной главе рассматриваются основные пути усложнения прототипического уступительного значения и показывается, как из этого прототипа получаются толкования различных уступительных единиц. В ряде случаев такое усложнение связано с тем, что данная уступительная единица отличается от прототипа своими синтаксическими свойствами (набором валентностей, управлением, порядком актантов и т. п.). В других случаях семантические наращения (особенно указание на большие по сравнению с прототипом, количество, степень или интенсивность) не связаны непосредственно с синтаксическими свойствами данной единицы, а коренятся скорее в особенностях ее лексического значения.

Подробнее эта тема развивается в Главе 3, где предлагаются построенные на основе прототипа и различных его модификаций толкования всех уступительных лексем и конструкций.

2.1. СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ УСТУПИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Синтаксические модификации уступительного значения по сравнению с прототипом предполагают не только изменения в синтаксических свойствах лексемы, в частности, в наборе валентностей, в управлении, в линейном порядке заполнения валентностей и пр., но, что вполне естественно, и определенные изменения в толковании.

На рассмотренном материале выделяются две основные синтаксические модификации уступительного значения: мена диатезы (конверсия) и добавление валентностей.

2.1.1. КОНВЕРСИЯ

Существует группа лексем, которые грамматиками и словарями традиционно рассматриваются как противительные союзы — *тем не менее*, *все-таки* *1*, *все же* *1*. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что по своим частеречным свойствам они разнородны — *тем не менее* синтаксически ближе к союзам, *все-таки* *1* и *все же* *1* — к наречиям, а по семантике все три лексемы очень близки основному уступительному союзу *хотя* *1*. Отличаются же они от *хотя* *1* меной диатезы — иными словами, *тем не менее*, *все-таки* *1*, *все же* *1* являются конверсивами к *хотя* *1*.

Лексемы *тем не менее*, *все-таки* *1* и *все же* *1* имеют практически то же толкование, что и лексема *хотя* *1*³⁰. Различие между ними состоит в статусе валентностей Р и Q. У *хотя* *1* первая валентность — это Р, у *тем не менее*, *все-таки* *1*, *все же* *1* первая валентность — это Q. Ср. *Шел дождь* [Р], *тем не менее мы пошли гулять* [Q].

³⁰ Мы опускаем здесь некоторые семантические и стилистические различия между *тем не менее*, *все-таки* *1* и *все же* *1*, которые были подробно описаны в [Апресян В. 2004в], а также рассматриваются ниже, в разделе 3.2.1).

Таким образом, для лексем *тем не менее*, *все-таки* *1*, *все же* *1* прототипическое толкование принимает следующий вид:

- (17) *Р, тем не менее* (*все-таки*, *все же*) *Q* = 'имеет место *Q*; имеет место *P*; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа *P*, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-*Q*'

Это различие в диатезе дает ряд рефлексов, в первую очередь на уровне синтаксиса.

Во-первых, как уже было сказано, *хотя* *1* синтаксически вводит валентность *P*, а *тем не менее*, *все-таки* *1*, *все же* *1* — валентность *Q*.

Во-вторых, лексемы *тем не менее*, *все-таки* *1*, *все же* *1* вообще не требуют упоминания ситуации *P* в пределах того же высказывания, достаточно ее упоминания в предтексте. Ср. *Казалось бы, что интересного можно обнаружить в дождевой капле? Тем не менее ее поведение во время падения во многом остается загадочным* (Уппсальский корпус); *Если к вам приходят без телефонного звонка, вы можете, вежливо улыбаясь, сказать: «Доктор велел мне принимать не более одного посетителя в день. Но вы все-таки зайдите на минутку»* (Б. Спок, Ребенок и уход за ним, пер. с англ.); *Главным для него было не опаздывать в школу. Он выбегал во двор, торопил деда. — Однажды они все же опоздали* (Ч. Айтматов, После сказки (Белый пароход)).

Кроме того, при *хотя* *1* линейный порядок реализации валентностей может быть любым; ср. *Хотя была плохая погода [P], они пошли гулять [Q]* VS. *Они пошли гулять [Q], хотя была плохая погода [P]*.

Поскольку для *все-таки* *1* и *все же* *1* сообщение о ситуации *P* является менее важным и формирует фон сообщения, а в фокусе внимания находится более важная валентность *Q*, то для этих лексем более характерен порядок, когда сначала заполняется валентность *P*, а затем валентность *Q*; ср. *Я тороплюсь [P], но вы все-таки* (*все же*) *зайдите [Q]*. Обратный порядок заполнения валентностей также возможен, но требует введения в контекст дополнительных уступительных лексем — *хотя* *1*, *вообще*, *однако* и пр., иногда одновременно нескольких; ср. *Вы все-таки* (*все же*) *зайдите [Q], хотя вообще-то я тороплюсь [P]*.

У лексем *тем не менее* эта особенность выражена еще сильнее, поэтому для нее единственным возможным является порядок, когда сначала реализуется валентность *P*, а затем валентность *Q*. Ср. *Хотя шел дождь, тем не менее они пошли гулять* при невозможности **Тем не менее они пошли гулять, хотя шел дождь*.

Эти уступительные лексемы, связанные отношениями конверсии, часто употребляются в составе одного предложения, в разных его частях. Ср. *И все-таки лес еще жил — хотя и такой могучей природе, как сибирская, самоисцеление дается все труднее и труднее* (В. Астафьев, Падение листа); *Раньше люди, хотя и знали, что Земля — шар, что она — подумать только! — вращается вокруг Солнца, все же оиущали себя жителями необозримых пространств суши и воды, лесов и степей* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

Отношения конверсности охватывают все поле уступительных слов, и большинство уступительных лексем делится на те, которые синтаксически вводят пропозицию, заполняющую валентность Р, и те, которые синтаксически вводят пропозицию, заполняющую валентность Q, причем первых существенно больше. К первым относятся *хотя 1, хоть 1, несмотря на, невзирая на; даром что; как (бы) ни ..., где (бы) ни..., что (бы) ни...* и пр.; *если и 1, даже если 1; хоть 5, пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2, если и 2, хоть бы и; добро бы, пускай бы, ладно бы*. Ко вторым относятся *все-таки 1, все же 1, все равно 3, тем не менее*.

2.1.2. ДОБАВЛЕНИЕ ВАЛЕНТНОСТЕЙ

Самым естественным наращением является добавление валентности *р* и *ч* и -ны существования ситуации Q в неблагоприятных для этого условиях Р. Такая модификация представлена в ряду уступительных лексем *как-никак 1, все-таки 2, все же 2*³¹; ср. — *Зачем ты пригласил на день рожденья [Q] этого зануду Анатолия [Р]? — Родственник, как-никак (все-таки, все же) [R]*. Тот факт, что Анатолий зануда [ситуация Р], должен был бы помешать приглашению на день рожденья [ситуация Q], однако этого не происходит по причине R [Анатолий является родственником].

Для лексем *как-никак 1, все-таки 2, все же 2* предлагается следующее толкование (которое будет уточнено в Главе 3, в разделе, посвященном данным лексемам):

- (18) *Р Q; как-никак 1 (все-таки 2, все же 2), R* = ‘имеет место Р; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация Q, потому что имеет место ситуация R’

Лексемы *как-никак 1, все-таки 2, все же 2* синтаксически вводят именно валентность причины R. При этом валентность Q также всегда выражается эксплицитно, а валентность Р не бывает эксплицитно выражена практически никогда, и содержание ситуации Р реконструируется из контекста; ср. *Ну будь другом — прими еще хотя бы одного человека [Q]: ведь как-никак — академик [R], — сказал комендант (Ю. Лаптев, Портрет пилота) [ситуация Р, восстанавливаемая из контекста, — прием уже закончился]; Может, он еще и жив? [Q] — робко спросил он. — Видишь ли, все-таки он врач [R] ... Если даже и схватили, может быть, не убьют, а заберут в плен (М. Булгаков, Белая гвардия) [ситуация Р, восстанавливаемая из контекста, — идет война и, если человек пропал, естественно ожидать, что его убили]*.

Валентность причины есть также у уступительных лексем *добро бы, пускай бы и ладно бы*, однако их значение осложнено, помимо этого, еще и семантическим наращением гипотетичности. Подробно эти лексемы рассматриваются ниже.

³¹ Эти лексемы подробно описаны в [Апресян В. 2004г].

2.2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ НАРАЩЕНИЯ УСТУПИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Уступительное значение связано, в первую очередь, со следующими смыслами: реальность / гипотетичность, степень (количество, интенсивность), а также желательность. По этим направлениям и происходят наращения смысла. Кроме того, важным направлением наращений является добавление положительной или отрицательной оценки к разным смысловым компонентам. Введение в прототип семантических компонентов, связанных с этими смыслами, дает значения практически всех уступительных лексем. Значения некоторых лексем являются результатом какого-то одного наращения, однако большинство лексем предполагает наращение на прототип более чем в одном направлении. Так, лексемы рядов *по крайней мере 2, хотя бы 2, хоть 3* и *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2* предполагают, как это будет показано в Главе 3, семантические наращения на прототип сразу по всем трем направлениям.

2.2.1. НАРАЩЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ / ГИПОТЕТИЧНОСТИ

В прототипическом значении уступительности речь идет о двух имеющих место ситуациях — Р и Q; ср. толкование *хотя 1*: *Хотя Р, Q* = 'имеет место Р; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'. Таким образом, союз *хотя 1* указывает на реальное положение дел.

При наращении гипотетичности модифицируются компоненты: 'имеет место Р' и 'имеет место Q'³².

Рассмотрим уступительную частицу *пусть 3* во фразах типа *Пусть ветер, пусть буря, я ничего не испугаюсь; Пусть просит, пусть умоляет, я его все равно не прощу*.

Если для *хотя 1* и *несмотря на Р и Q* — это, как правило, имеющие место ситуации, то частица *пусть 3* проспективна и предположительна. Утверждение говорящего относится не к тем Р и Q, которые уже есть, а к тем Р и Q, которые могут быть. Для *пусть 3* прототипическое толкование модифицируется следующим образом (разрядкой выделены отличия от прототипа):

- (19) *пусть Р, Q (Пусть угрожает [Р], я не пойду на это [Q])* = 'может иметь место Р; говорящий уверен, что будет иметь место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'.

Данное семантическое наращение также присутствует в толкованиях лексем и выражений *хоть 5, пускай 3, пусть даже, даже если 2*, необходим. *если и 2*, уходящ.

³² Правильнее было бы назвать его наращением гипотетичности, т. к. прототип указывает на реальность, а более удаленные от него уступительные лексемы — на гипотетичность ситуаций Р и/или Q.

хотя бы 3 (и), уходящ. хоть бы 3 (и), где оно сочетается с добавлением смысла высокой степени; ср. Ничего не скажу, хоть режь меня; Пускай угрожает, пускай требует — ничего не получит; Пусть даже меня с работы выгонят, я не поступлюсь своими принципами; Даже если мне миллион предложат, я с ними сотрудничать не буду; Если и лучшего мастера пришлют, он может не справиться с починкой, а уж об этом что и говорить; Я расплачусь с долгами, хотя бы мне пришлось продать для этого квартиру (см. также раздел 3.1.5).

Также оно присутствует в толкованиях единиц по крайней мере 2, *хотя бы 2, хоть 3* (см. раздел 4.1.2) и *если уж не..., то; только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*, где оно сочетается с наращением высокой/низкой степени и желательности (см. раздел 4.1.1); ср. *Ты мог бы по крайней мере немного подрабатывать, если уж не хочешь идти на постоянную работу; Приходи хотя бы (хоть) раз в неделю, если уж чаще не получается; Ничего не пожалею, только бы (лишь бы) он выздоровел; Хоть бы успеть!*

Нарращение гипотетичности может затрагивать не только валентности Р и Q, но и валентность R (причина ситуации Q или условие, при котором она могла бы иметь место). Рассмотрим лексемы *добро бы* и *пускай бы* во фразах:

- (20) *А мы на всю ночь развели высокоинтеллектуальный скулеж про нашу расейскую бестолковщину, про наши безобразия [Q]. И добро бы хоть польза была от него какая, добро бы хоть чувства свои гражданские, что ли, лишний раз отточили, пополнили свои запасы мужества и отваги на предстоящий год [R] (Ф. Абрамов, Новогодняя елка);*
- (21) *Какие упрямы! Пускай бы за дело дрались [R], так и не жаль пороху [Q], а то за женскую прихоть и за свои причуды [P] (А. А. Бестужев-Марлинский, Испытание).*

Первую фразу можно интерпретировать так: высокоинтеллектуального скулежа про расейскую бестолковщину и наши безобразия [ситуация Q] не должно было бы быть, т. к. это нечто бессмысленное или отрицательно оцениваемое [эксплицитно не выраженная ситуация P]; если бы выполнялось условие R [от него была бы польза, лишний раз отточили бы свои гражданские чувства, пополнили бы свои запасы мужества и отваги на предстоящий год], то говорящий готов бы был признать право Q на существование.

Вторая фраза интерпретируется следующим образом: говорящий считает, что можно было бы признать право ситуации Q [не жаль пороху] на существование, если бы имела место не отрицательно оцениваемая ситуация P [дерутся за женскую прихоть и свои причуды], а ситуация R [дерутся за дело].

Таким образом, у лексем *добро бы* и *пускай бы*, как и у рассматривавшихся выше *как-никак, все-таки 2* и *все же 2*, есть третья валентность — ситуации R, делающая возможной существование ситуации Q. Однако этот дополнительный компонент R присутствует в толковании лексем *добро бы* и *пускай бы* в модифицированном виде, поскольку в реальности ситуация R не имеет места, и говорящий допускает ее существование лишь гипотетически. Соответственно, для этих

лексем *Р* — это не причина ситуации *Q*, а условие, при соблюдении которого говорящий готов был бы признать право *Q* на существование.

Поэтому для лексем *как-никак*, *все-таки 2* и *все же 2* валентность *Р* — это валентность причины, сделавшей возможным существование ситуации *Q*, а для *добро бы* и *пускай бы* валентность *Р* — это валентность гипотетического условия, при выполнении которого говорящий был бы готов признать легитимность существования *Q*.

Кроме разницы в статусе *Р*, *добро бы* и *пускай бы* отличаются от *как-никак*, *все-таки 2* и *все же 2* указанием на оценку. А именно, *добро бы* и *пускай бы* предполагают, что в отсутствие *Р* имеющая место ситуация *Q* оценивается не как необычная, а как отрицательная.

Таким образом, чтобы получить толкование лексем *добро бы* и *пускай бы*, нужно добавить к толкованию лексем *как-никак*, *все-таки 2* и *все же 2* семантическое наращение гипотетичности, а также указание на оценку:

- (22) *Р, Q. Добро бы (пускай бы) R* = ‘имеет место *Р*; имеет место *Q*; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа *Р*, то плохо, чтобы имела место ситуация типа *Q*; говорящий считает, что если бы вместо *Р* имела место ситуация *Р*, то не было бы так плохо, чтобы имела место ситуация типа *Q*’.

Предложенное толкование имеет существенные семантические пересечения с толкованием, предложенным для союза *добро бы...а то* в работе [Санников 1989: 224]:

Добро бы X, а то Y = ‘воздействие нежелательной ситуации *Z* было бы ослаблено, если бы имело место *X*;

X не имеет места;

имеет место *Y*;

Y существенно хуже *X-а*’.

Представляется, что данное толкование покрывает основной круг употреблений союза *добро бы*, однако в некоторых аспектах его можно уточнить.

Во-первых, речь не всегда идет о нежелательной ситуации *Z* (в нашем толковании ситуации *Q*). Ситуация сама по себе может оцениваться нейтрально, речь идет только о том, что при имеющихся место обстоятельствах она неуместна; ср. *Вот посмотрите, какие предметы: вот комнату рисует [Q]. Добро бы уж взял комнату прибранную, опрятную [R], а он вон как нарисовал ее, со всем сором и дрызгом, какой ни валялся [P]* (Н. В. Гоголь, Портрет).

Ситуация *Q* (*комнату рисует*) сама по себе нейтральна; она оценивается отрицательно только при наличии обстоятельства *Р* (*нарисовал ее со всем сором и дрызгом, какой ни валялся*).

Во-вторых, не всегда ситуация *Q* оказывает какое-то воздействие; ср. следующий пример *Прошу покорно! — перервал Ленской. — Вздумал меня учить [Q]! И добро бы знал сам службу [R]* (М. Н. Загоскин, Рославлев, или Русские в 1812 году).

Наконец, ситуация X не всегда ‘существенно хуже, чем Y’ (соответственно, в нашей нотации, P не всегда хуже R). Речь идет только о том, что имеющая место ситуация Q была бы более уместна при наличии R, чем при наличии P, однако вне этого контекста P и R не обязательно представляют собой нечто плохое и нечто хорошее соответственно; ср. следующий пример, где соотношение обратное — P это нечто хорошее, R — нечто плохое. Ср. *Одно в ней раздражало Моню: разговоры о предстоящей смерти. Да добро бы немощью, хилостью они порождались, обреченностью [R] — нет же, бабка очень хотела жить, смерть ненавидела [P]* (В. Шукшин, Упорный).

2.2.2. НАРАЩЕНИЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ

Еще одно семантическое наращение, которому может подвергаться прототипическое уступительное значение — это добавление компонента *желательности* (или *нежелательности*). Ситуация Q может осмысливаться как желательная, и тот факт, что она имеет или будет иметь место — как некая победа над неблагоприятным обстоятельством P. Может иметь место и обратная ситуация — ситуация Q нежелательна, и ее существование — уступка обстоятельствам.

Наиболее ярко смысл ‘желательность’ представлен в значении синонимов *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*; ср. фразы *Только бы он приехал [Q]*, *Лишь бы успеть [Q]*, *Хоть бы отпустили без вопросов [Q]*, указывающие на очень сильное желание говорящего, чтобы была Q (см. подробный разбор и толкования этих лексем ниже, в разделе 4.2.1).

Смысл ‘нежелательность’ представлен, среди прочих, и в значении лексемы *так и быть*, выражающей неохотное согласие говорящего на нечто, чего он не хочет или не одобряет; ср. — *Давай сходим на этот концерт! — Ну, так и быть, давай;* — *Можно я еще полчаса фильм посмотрю? — Ну пятнадцать минут, так и быть, посмотри* (см. подробный разбор и толкования этих лексем ниже, в разделе 3.1.6).

В конверсивной союзу *хотя 1* лексеме *все равно 3* представлен несколько более сложный эффект наращения желательности. А именно, лексема *все равно 3* указывает на не безразличное отношение к ситуации Q одного из участников³³, однако не фиксирует, какого именно. Таким образом, в ситуации может быть заинтересован как сам говорящий (*Последние месяцы у меня было мало времени на научную работу, но все равно я успела сдать книгу в срок*), так и не совпадающий с ним субъект ситуации Q (*Как ни старайся ему помешать, он все равно своего добьется*).

³³ Мы имеем в виду именно уступительную лексему *все равно 3*, т. к. в своем основном, неуступительном значении *все равно 1*, напротив, предполагает равнодушие говорящего перед некоторой альтернативой.

В случаях, когда говорящий и субъект ситуации Q не совпадают, их отношение к ней может различаться. Ср. следующую пару примеров *Уже поздно, и транспорт не ходит, но я уверена — Иван все равно обязательно ко мне придет* [Q] [в наступлении ситуации Q заинтересован как ее субъект (Иван), так и сам говорящий] VS. *Уже поздно, и транспорт не ходит, но Иван, конечно, все равно припрется* [Q] [в наступлении ситуации Q заинтересован ее субъект (Иван), но для говорящего она является нежелательной].

Употребление *все равно* 3 предполагает два возможных сценария: (а) «оптимистический», когда в обстоятельствах Р, препятствующих наступлению желательной для говорящего или субъекта ситуации Q, ситуация все-таки наступает (*Как он мне ни вставлял палки в колеса, я все равно своего добилась*); (б) «пессимистический», когда в обстоятельствах Р, способствующих наступлению желательной для говорящего или субъекта ситуации Q, ситуация Q все-таки не наступает (*Как он ни старался, все равно у него ничего не вышло*).

Второй сценарий допускает следующую модификацию: несмотря на усилия Р, предпринятые заинтересованным лицом для того, чтобы предотвратить наступление нежелательной ситуации Q, она все-таки наступает; ср. *Хотя были заблаговременно приняты меры безопасности [Р], ураган все равно разрушил большую часть зданий в этой местности [Q]*.

Учитывая все варианты употребления, для лексемы *все равно* 3 предлагается следующее толкование:

- (23) *Р, все равно 3 Q* = 'имеет место Q; имеет место Р; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; субъект Q или говорящий хочет, чтобы Q имела место или хочет, чтобы Q не имела места'.

Нарращение желательности присутствует также в толкованиях лексем *по крайней мере 2*, *хотя бы 2*, *хоть 3* и *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2*, где оно сочетается с наращиваниями гипотетичности и степени.

Смысл желательности сближается с более общим смыслом *оценки*, который также может присутствовать в толкованиях уступительных лексем в качестве семантического наращивания. Однако, как таковая, положительная или отрицательная оценка ситуаций уступительным лексемам мало свойственна; обычно она преобразуется в более утилитарную оценку по желательности — нежелательности. В чистом виде она присутствует, как это было показано в предыдущем разделе, лишь в толкованиях лексем *добро бы* и *пусть бы*, а также в союзе со значением компенсации *зато*, который будет рассмотрен ниже.

2.2.3. НАРАЩЕНИЕ СТЕПЕНИ

Еще одно наращивание, характерное для уступительных единиц — это наращивание степени. Прототип не предполагает никакой степенной или количественной

оценки Q, но некоторым уступительным словам она свойственна. В частности, степенную или количественную оценку Q предполагают фраземы *несмотря ни на что*, *при всем том* и конструкции *при всем...* и к-местоимение + *ни....* Они указывают на то, что ситуация Q оценивается как сущест в е н н о е препятствие на пути к Р; ср.

- (24) а) *Она добьется своего, несмотря ни на что*;
 б) *Он плохой специалист, у него ужасный характер, и при всем том его назначили начальником отдела*;
 в) *При всем несовершенстве техники, картины у нее довольно приятные*;
 г) *Как он ни старался, а ничего у него не вышло*.

Для данных фразем и конструкций предлагается следующее толкование (которое будет уточнено в Главе 3, в разделах, посвященных соответствующим уступительным единицам):

- ‘24’ *Несмотря ни на что* {при всем том} Q; *при всем* Р {как ни Р}, Q = ‘имеет место много Р или очень значительное Р; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’

Нарращение степени присутствует также в значениях лексем *хоть 5*, *пусть 3*, *пускай 3*, *пусть даже*, *даже если 2*, *если и 2*, где оно сочетается со смыслами гипотетичности, а также *по крайней мере 2*, *хотя бы 2*, *хоть 3* и *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2*, где оно сочетается со смыслами гипотетичности и желательности (см. примеры в разделе 2.2.1).

ГЛАВА 3. СЕМАНТИКА ОСНОВНЫХ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ³⁴

В данной главе предлагаются подробные семантические описания всех основных уступительных единиц, построенные на основе предложенного выше прототипического толкования уступительности. Как было показано в предыдущей главе, семантическое осложнение прототипа идет по одному или сразу по нескольким из следующих путей: изменение э к з и с т е н ц и а л ь н ы х статусов Р и Q (их существование может быть фактом или предположением); изменение о т н о ш е н и я к ним говорящего или третьего лица (их существование может быть желательным или нежелательным, оцениваться положительно или отрицательно); изменение о ц е н к и и х м а с ш т а б а и способности повлиять на общую ситуацию (они могут оцениваться говорящим как существенные или несущественные, важные или неважные

³⁴ Многие из описываемых в данной главе уступительных единиц были в том или ином виде описаны в работе [Апресян В. 1999] и словарных статьях автора в [НОСС 2004].

друг для друга или для общего положения вещей); увеличение числа факторов, влияющих на общее положение вещей (появление указания на причину существования ситуации Q). Кроме того, уступительные единицы могут отличаться от прототипа некоторыми более частными семантическими деталями.

Изложение в данной главе строится следующим образом: в первом разделе рассматриваются уступительные единицы, у которых валентность Р является первой, а валентность Q — второй (*хотя 1, несмотря на, даром что*, конструкция вида *к-местоимение + (бы) + ни...*, конструкция вида *при всем X-е* и пр.); во втором — семантически близкие им конверсивы, у которых валентность Q является первой, а валентность Р — второй (*все-таки 1, все же 1, все-таки 2, все же 2, в то же время* и пр.); в третьем — уступительные единицы, у которых первой является валентность R, дополнительная валентность причины (*как-никак 1, все-таки 2, все же 2, добро бы, пускай бы* и пр.). Внутри каждой из подглав изложение строится по принципу нарастания семантической сложности и увеличения числа семантических компонентов.

Таким образом, уступительные единицы классифицируются здесь в первую очередь по своей семантике, а не по частеречной принадлежности и синтаксической природе, поэтому отдельные лексемы, сложные фраземы и синтаксические конструкции могут рассматриваться вместе.

3.1. УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ, У КОТОРЫХ ПЕРВАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ — ЭТО СИТУАЦИЯ Р, ВТОРАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ — ЭТО СИТУАЦИЯ Q

В данном разделе рассматриваются уступительные единицы, у которых валентность Р является первой, а валентность Q — второй, типа *хотя 1*.

3.1.1. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ *ХОТЯ 1*, *ХОТЬ 1*, *НЕСМОТЯ НА*, *НЕВЗИРАЯ НА*

Как было сказано выше, *хотя 1* — самый общий по смыслу уступительный союз, чье значение формирует прототип уступительности. Его синонимы *хоть 1*, *несмотря на* и *невзирая на*, при всей своей близости к прототипу, имеют некоторую семантическую специфику.

Напомним предлагаемое нами толкование *хотя 1* как прототипа уступительного значения. Ср. *Хотя Р, Q* (*Хотя он был болен [Р], он пошел на работу [Q]*) = 'имеет место Р; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'.

Ближе всего к союзу *хотя 1* его синоним *хоть 1*. *Хотя 1* — самая нейтральная уступительная единица, *хоть 1* представляет собой некоторое усложнение прототипа уступительности и, соответственно, предполагает более узкий круг контекстов употребления. Однако различия между этими союзами настолько

тонки, что отразить их в толковании не представляется возможным. При выборе между союзами *хотя 1* и *хоть 1* речь может идти лишь о некоторых предпочтениях, однако сконструировать пример, где взаимозамена была бы невозможна, не удастся.

Хоть 1 отличается от *хотя 1* стилистически — своей разговорной окраской, — а также сочетаемостно — *хоть 1* чаще употребляется в комбинации с союзом *и*, чем без него; ср. *Еще полежал Моня с полчаса и тоже поднялся: хоть и рано, но все равно уже теперь не заснуть* (В. Шукшин, Упорный); *Честно говоря, я ничего подобного не ожидала, хоть и привыкла уже к бурной реакции западной публики* (Г. Вишневская, Галина. История жизни).

Семантически *хоть 1* обычно предполагает небезразличное, субъективное отношение говорящего или субъекта к каким-то аспектам ситуации. Поэтому *хоть 1* чаще употребляется, когда речь идет о каких-то чувствах, желаниях и т. п., нежели в нейтральных высказываниях. Ср. типичное употребление синонима *хоть 1* в следующих эмоционально окрашенных контекстах: *Я, к сожалению, ни разу не заглянула в зал на репетиции <Травиаты>, хоть и очень хотелось мне увидеть, как работают столь знаменитые постановщики* (Г. Вишневская, Галина. История жизни); *Он — хоть и был сердит на внучку, но, увидев протянутые руки ее, подхватил ее и ссадил с мула* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема). Некоторая «эмпатичность» этого союза может быть связана с его разговорностью.

Кроме того, *хоть 1*, в отличие от *хотя 1*, часто указывает на оценку Р говорящим как не слишком существенного препятствия для Q; ср. нормальность *Хотя он был очень тяжело ранен [Р], он сумел добраться до лагеря [Q]*, при несколько меньшей естественности *Хоть он был очень тяжело ранен [Р], он сумел добраться до лагеря [Q]*. Эта особенность *хоть 1* может быть связана с тем, что в значении этого союза «просвечивают» семантические особенности другой лексемы, относящейся к той же вокабуле — а именно, частицы *хоть 3* со значением ‘как минимум, по крайней мере’ (см. ниже)³⁵.

Семантические различия между *хотя 1* и его синонимами — предложениями *несмотря на* и *независимо от* — более маркированы. Как уже говорилось выше, в разделе 1.2.2., *несмотря на* предполагает наличие более жесткой, более обязательной связи между ситуациями типа Р и ситуациями типа не-Q, чем *хотя 1*. Предлог

³⁵ В работе [Николаева 1999: 312—315] предлагается иное объяснение различий между *хотя* и *хоть* в этом значении: а именно, *хотя* указывает на «одновременность состояния двух акциональных феноменов», а *хоть* — на «состояние статальное». В работе [Перфильева 1977: 69] отмечается, что лексема *хоть* более характерна для «нереально-уступительных», а *хотя* — для «реально-уступительных» конструкций (цит. по [Николаева 1977]). На наш взгляд, такое разнообразие сравнительных описаний *хотя* и *хоть* указывает на то, что в действительности никаких строгих обязательных противопоставлений между ними нет, а есть лишь некоторые достаточно трудноуловимые семантические и фонетические предпочтения, точное определение которых требует дальнейшего изучения.

невзирая на в этом отношении подобен *несмотря на*. Иными словами, нарушение обычного хода событий и, соответственно, естественных ожиданий в случае *несмотря на* и *невзирая на* более серьезно, чем в случае *хотя* 1. Это означает, что некоторые из тех ситуаций, которые возможно описать при помощи союза *хотя* 1, будет прагматически неадекватно описывать при помощи предлогов *несмотря на* и *невзирая на*³⁶. Ср. следующие примеры с *хотя* 1, в которых замена на *несмотря на* и *невзирая на* привела бы к прагматической неестественности (разной степени в разных фразах): *Маша ничего не ела, хотя еда была очень вкусная*; *Ни иконы, ни распятия Корнелиус не обнаружил, хотя нарочно осмотрел все углы* (Б. Акунин, Алтын-Толобас); *Зачем она притворяется слабой, хотя сама здорова, как борец сумо?* (Б. Акунин, Левиафан).

В самом деле, фраза *Маша ничего не ела, несмотря на то, что (невзирая на то, что) еда была очень вкусная* предполагает наличие следующей пресуппозиции 'Если подается вкусная еда, то человек непременно ее ест'. Такая жесткая пресуппозиция противоречит нашим знаниям о мире, т. к., помимо вкуса еды, существует множество других факторов, существенных в данных обстоятельствах — например, Маша могла не есть из-за отсутствия аппетита или потому, что она была на диете.

Аналогично, фраза *Ни иконы, ни распятия Корнелиус не обнаружил, несмотря на то, что (невзирая на то, что) нарочно осмотрел все углы* была бы естественной, если бы выполнялось одно из следующих условий: либо относительно данной ситуации заранее известно, что распятие и икона в помещении имелись, либо существует общий принцип, согласно которому поиск непременно приводит к успеху. Т. к. эти условия в данном случае не выполняются, фраза звучит неестественно.

Относительно неестественности или даже неправильности фразы *Зачем она притворяется слабой, несмотря на то, что (невзирая на то, что) сама здорова, как борец сумо* можно привести аналогичные соображения.

Однако такого рода прагматическая неадекватность не носит характер языковой аномалии или абсолютного запрета, поскольку сила и характер связи между ситуациями Р и не-Q во многом определяются экстралингвистическими обстоятельствами, учесть которые полностью практически невозможно.

Цель предлагаемых ниже описаний *несмотря на* и *невзирая на*, равно как и прочих уступительных единиц — реконструировать некий прототип их употребления и значения, при полном осознании того факта, что для существенной части

³⁶ Замена союза на предлог предполагает, естественно, помимо выполнения неких прагматических условий, еще и тривиальную синтаксическую трансформацию — а именно, либо замену подчиненного союзу придаточного предложения на именную группу, подчиненную предлогу (*Было жарко, хотя было раннее утро* = *Было жарко, несмотря на раннее утро*), либо употребление предлога с зависимым местоимением *то*, вводящим *что*-предложение (*несмотря на то что ...*).

приводимых в качестве отрицательного языкового материала примеров можно при желании найти контексты или ситуации, когда их употребление становится вполне допустимым.

В своем прототипическом употреблении *несмотря на* и *невзирая на* предполагают, что при наличии ситуации типа P не- Q — единственный нормальный путь развития событий, в то время как *хотя 1* указывает лишь на то, что не- Q — более естественный или обычный вариант среди многих возможных.

В соответствии с этим, в разделе 1.2.2 предлагается уточненное по сравнению с прототипом толкование *несмотря на*, которое мы здесь воспроизводим: *Несмотря на P (на то, что P), Q* = ‘имеет место P ; имеет место Q ; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P , то всегда имеет место ситуация типа не- Q или нормально, чтобы имела место ситуация типа не- Q ’.

Предлог *невзирая на* в этом отношении устроен так же, как и *несмотря на*, однако у него есть и некоторые дополнительные семантические особенности, поэтому его толкование требует дальнейших уточнений.

Во-первых, *невзирая на*, в соответствии со своей внутренней формой, антропоцентричен: этот предлог обычно употребляется, когда субъект ситуации P — человек. Ср. естественность *Невзирая на мучительные приступы эпилептического катара (...), Государь провел последние дни, посещая госпитали, переполненные тифозными больными и ранеными* (Б. Акунин, Турецкий гамбит) при сильной странности *“Было холодно, невзирая на солнце.*

Кроме того, *невзирая на* обычно предполагает, что человек — субъект P — сознательно действует вопреки неблагоприятному обстоятельству Q , намеренно игнорируя его; ср. типичное употребление *Невзирая на старость и болезнь, он все еще занимался государственными делами* (Н. М. Карамзин, История государства Российского) при неестественности *“Она мне не нравится, невзирая на красоту.* Соответственно, для предлога *невзирая на* толкование модифицируется следующим образом:

- (25) *невзирая на P (на то, что P), Q* = ‘имеет место ситуация P ; субъект осуществляет действие Q ; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P , то нормально, что субъект не может осуществить действие типа Q ’.

К рассмотренным лексемам семантически близки также синтаксические конструкции вида *Работа работой, но и отдыхать иногда нужно* — так называемые уступительно-противительные фразеосхемы, подробно рассмотренные в работах [Булыгина, Шмелев 1997; Шмелев Д. Н. 2002]. Как отмечается в работе [Шмелев 2002: 426], они выражают смыслы ‘хотя и’ или ‘хотя и не’. Ср. *Попытаться попыталась, а добиться ничего не смогла* ≈ ‘Хотя и попыталась, ничего не смогла добиться’; *Бандиты не бандиты, но законопослушными гражданами их не назовешь* ≈ ‘Хотя они и не бандиты, их нельзя назвать законопослушными гражданами’. От лексем *хотя 1*, *несмотря на* и пр. уступительно-противительные фразеосхемы отличаются наличием явно выраженной риторической функции. Они по преимуще-

ству диалогичны и предполагают скрытую полемику с собеседником — «возражение под видом согласия» [Булыгина, Шмелев 1997: 313].

3.1.2. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ *НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО* И *ДАРОМ ЧТО*

К рассмотренному ряду синонимов примыкают фраземы *несмотря ни на что* и *даром что*.

Несмотря ни на что ближе всего, естественно, к предлогу *несмотря на*. Фразема *несмотря ни на что* отличается от предлога *несмотря на* тем, что валентность Р уже заполнена, «забита» выражением *ни на что*, указывающим на то, что препятствующая наступлению Q ситуация Р имеет место в очень высокой степени, либо что имеет место много таких ситуаций Р. Таким образом, *несмотря ни на что* отстоит от прототипа уступительности еще дальше, указывая на многочисленные и труднопреодолимые препятствия на пути к осуществлению Q.

Формально при фраземе *несмотря ни на что* валентность Р не выражается, однако, как правило, в контексте содержатся какие-то ссылки на мешающие Q обстоятельства, к которым относится обобщение *ни на что*.

Ср. фразы, где в контексте содержатся указания на многочисленные Р и на Р в высокой степени: *Целое долгое лето он мучительно наблюдал, как она гасла, переставала быть* [Р]. *Цельми долгими днями она сидела в шезлонге под вишнями, с каждым днем желтея, ссыхаясь, суживаясь* [Р]. *Как четко проступают кости черепа на лице обреченного!* [Р] *Нет, он не верил в ее обреченность, несмотря ни на что* (И. Грекова, Кафедра); *И надо было и дальше разрываться пополам* [Р], *лабиринт* [Р], *врать* [Р], *изворачиваться* [Р], *примирять непримиримое* [Р], *поступаться одним* [Р], *терпеть другое* [Р], *не спать ночей* [Р], *убеждать* [Р], *уговаривать* [Р], *упрашивать* [Р], *просить прощенья и самому прощать* [Р] — *и все-таки гнуть, гнуть свою линию, несмотря ни на что* (Н. Шмелев, Презумпция невиновности); *Может быть, случилось (...) действие старой еврейской шестидесятиградусной «Пейсаховки», помогающей евреям, несмотря ни на что, сохранять неистребимый оптимизм, оставаться ироничными и талантливыми, умеющими на пустом месте нафантазировать себе рай и выжить в кошмарном, реальном аду* (В. Кунин, Русские на Мариенплац).

Несмотря ни на что имеет еще одну особенность по сравнению с *несмотря на*. *Несмотря ни на что*, как правило, предполагает, что ситуация Q является желательной для говорящего. Ср. странность употребления *несмотря ни на что* в следующих контекстах, где Q нежелательна для говорящего: *‘Меня выгнали с работы, несмотря ни на что’*; *‘Я проиграл эту партию, несмотря ни на что’*. В этом *несмотря ни на что* уподобляется рассмотренной выше лексеме *все равно 3* (см. раздел 2.2.2), также предполагающей равнодушное отношение говорящего к происходящему.

Однако *несмотря ни на что* отличается от *все равно 3* своей неперменной «оптимистичностью»: если *все равно 3* допускает употребление в контекстах, описывающих невозможность наступления желательной ситуации, то для

несмотря ни на что характерны контексты «триумфа» над неблагоприятными обстоятельствами. Ср. *Как я ни старался, все равно мне не удалось осуществить свои планы* при странности ?*Несмотря ни на что, мне не удалось осуществить свои планы.*

Кроме того, *несмотря ни на что* обязательно указывает на желательность ситуации Q для говорящего, в то время как лексема *все равно* 3 допустима в контекстах, где ситуация Q желательна для ее субъекта, но нежелательна для говорящего; ср. *Он все равно припрется* VS. странность ?*Он припрется несмотря ни на что.*

Соответственно предлагается модифицировать толкование *несмотря на*, чтобы учесть особенности *несмотря ни на что*:

- (26) *Несмотря ни на что*, Q = 'имеет место много R или P в высокой степени; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то всегда имеет место ситуация типа не-Q или нормально, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий хочет, чтобы Q имела место; Q имеет место'.

Разговорная фразема *даром что* по значению ближе всего к союзам *хотя* I и *хоть* I, однако она имеет и семантическую, и синтаксическую специфику.

Синтаксически она отличается от них, а также от всех остальных рассмотренных в данной главе уступительных единиц тем, что требует определенного порядка реализации валентностей: первой должна быть реализована валентность Q (ситуация, имеющая место вопреки ожиданиям), второй — валентность P (препятствующая Q ситуация). Обратный порядок реализации валентностей для *даром что* нетипичен или невозможен; ср. естественный пример 27 (а), неправильный 27(б) и нестандартный 27(в):

- (27) а) *А и хитрый же вы, даром что тише воды, ниже травы* (М. Шагинян, Перемена);
 (б) ?*Даром что вы тише воды, ниже травы, вы хитрый;*
 (в) *У нас, говорит, даром что особый отдел, а в короткое время пассажиры весь прибор разворовали* (М. Зощенко, Уважаемые граждане).

. Семантически *даром что* отличается от *хотя* I и *хоть* I двумя свойствами.

Во-первых, *даром что* подразумевает, что ситуация P является достаточно существенным препятствием для ситуации Q. Ср. нормальную фразу с *хотя* I, где контекст предполагает, что ситуация P представляет собой не слишком существенное препятствие на пути к осуществлению Q:

- (28) *Мы все же решили пойти гулять* [Q], *хотя дождик немного накрапывал* [P].

Подставив в эту фразу *даром что*, мы получаем гораздо менее естественный пример:

- (29) ?*Мы все же решили пойти гулять* [Q], *даром что дождик немного накрапывал* [P].

Если модифицировать фразу, увеличив значительность Р, она становится приемлемой:

(30) *Мы гуляли два часа [Q], даром что лил ливень [P].*

Во-вторых, *даром что* предполагает, что действие ситуации Р полностью игнорируется или нейтрализуется, так что ситуация Q имеет место в полной мере, как если бы Р не было вовсе. Ср. нормальный пример (31а) и существенно менее естественный пример (31б):

(31) а) *Я чувствую себя совершенно разбитой [Q], даром что весь день ничего не делала;*

б) *Я чувствую себя слегка усталой [Q], даром что весь день ничего не делала.*

Ср. также литературные примеры, доказывающие полноту и состоятельность ситуации Q: *Селихов держался всех любезнее [Q], — был остроумен, находчив [Q] и заносчиво, играя тросточкой, поглядывал на Иорданского [Q], даром что мал был ростом* (И. Бунин, Чаша жизни); *Гэндальф отчаянно испугался [Q], даром что был волшебник* (Дж. Р. Р. Толкин, Хоббит, или Туда и обратно, пер. Н. Рахмановой).

Прототипическое толкование требует соответствующих изменений, чтобы учесть особенности *даром что*. Для данной фраземы предлагается следующее толкование:

(32) *Q, даром что Р* = ‘имеет место Р в высокой степени; имеет место Q в высокой степени; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Таким образом, у обеих фразем, рассмотренных в данном разделе, усложнение семантического прототипа выражается в появлении смыслового компонента ‘степень’, более точно — ‘высокая степень’.

3.1.3. СЕМАНТИКА СИНОНИМИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ВИДА

К-МЕСТОИМЕНИЕ + НИ... И ПРИ ВСЕМ X-E

Синтаксическая конструкция вида *к-местоимение + ни ...* в смысловом отношении представляет собой одновременно аналог и антипод рассмотренным в предыдущем разделе фраземам *несмотря ни на что* и *даром что*. Все они содержат указание на высокую степень (см. примеры на *несмотря ни на что* и *даром что* в предыдущем разделе); ср.

(33) *Как ни трудятся в большинстве своем крестьяне, как ни одаривает их земля урожаем, а реальной выгоды они не получают.* (Сергей Пучков, Бег по кругу, «Весть») [‘Крестьяне много трудятся, земля щедро одаривает’]

Однако высокая степень у *даром что* и *несмотря ни на что*, с одной стороны, и конструкции вида *к-местоимение + ни ...*, с другой, имеет различное содер-

жение. Первые, особенно фразема *несмотря ни на что*, обычно употребляются в контекстах, предполагающих, что несмотря на многочисленные обстоятельства, препятствующие наступлению ситуации Q, она все-таки осуществилась; ср.

- (34) *Он сумел добиться своего [Q], несмотря ни на что [Р препятствует Q].*

Вторая чаще употребляется в контекстах, предполагающих, что несмотря на многочисленные обстоятельства, способствующие наступлению ситуации Q и, часто, сознательные усилия субъекта, направленные на ее осуществление, она все-таки не осуществилась; ср.

- (35) а) *Как он ни старался [Р способствует Q, субъект прилагает усилия к осуществлению Q], он ничего не сумел добиться [не-Q];*

б) *Он не мог, как ни хотелось ему, почувствовать себя истинно царственной натурой* (Ю. Алешковский, Рука (Повествование палача)).

Для *несмотря ни на что* нехарактерно или даже невозможно употребление в контекстах второго типа; ср. странность

- (36) ¹*Он не сумел добиться своего [не-Q], несмотря ни на что [Р способствует Q].*

К конструкции вида *к-местоимение + ни ...* семантически очень близка конструкция вида *при всем X-е ...*, однако она не имеет аналогичных контекстных ограничений, а именно, не указывает на способствующие Q обстоятельства или на усилия субъекта, направленные на осуществление Q, что, как было показано, весьма характерно для конструкции *к-местоимение + ни ...* При этом, как и конструкция *к-местоимение + ни ...*, она указывает на высокую степень, в какой ситуация Р имеет место³⁷; ср.

- (37) а) *Марья Алексеевна не могла не видеть, что Михаил Иванович, при всем своем ограниченном уме, рассудил очень основательно* (Н. Г. Чернышевский, Что делать?);

б) *Дядя Сандро, при всем своем прославленном лукавстве, не мог нарушить законы дружбы даже ради своей пламенной страсти* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

Для этих двух конструкций предлагается следующее толкование:

К-местоимение + ни ... Р, Q (при всем Р, Q) = 'имеет место Р в очень высокой степени; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'.

³⁷ К обоим этим конструкциям близка по смыслу конструкция *уж на что ... а*; ср. *Уж на что тертый мужик, а и его обманули*.

Таким образом, у обеих синтаксических конструкций, рассмотренных в данном разделе, усложнение семантического прототипа также выражается в появлении смыслового компонента ‘высокая степень’.

Усилительная конструкция вида *к-местоимение + ни ...* чаще всего употребляется с местоимением *как*. При этом она может, хотя это намного менее характерно, употребляться и с другими *к-местоимениями*; ср. *К кому он ни обращался, дело он все равно проиграл*.

Однако намного чаще в контексте прочих *к-местоимений* реализуется более общее, не уступительное, значение этой конструкции, которое можно считать ее основным значением, а именно: ‘при всяком Р имеет место Q’; ср. *Кто его ни попросит — он всем помогает*. Эти значения очень близки, и не всегда бывает просто провести между ними границу. Однако существует сочетаемостный критерий их разграничения. Когда данная конструкция употребляется в уступительном значении, в главном предложении допускается использование конверсивных союзу *хотя* 1 уступительных единиц типа *все-таки* 1, *все же* 1, *все равно* 3 и пр.; ср. пример выше, а также

(38) а) *Как мне ни хотелось остаться, а все-таки пришлось уехать*.

В своем основном значении данная конструкция не допускает произвольного введения уступительных единиц в контекст; ср. *неправильность*

б) **Кто его ни попросит — он все равно всем помогает*;

в) **Куда ни глянь, все-таки всюду новые дома*.

Конструкция вида *к-местоимение + ни ...* может употребляться в комбинации с частицей *бы*; ср. *Как бы мне ни было тяжело, я исполню свой долг*. С частицей *бы* в этой конструкции более свободно употребляются и другие *к-местоимения*; ср. *Что бы мне про него ни говорили, я не сомневаюсь в его невиновности*. Частица *бы* вносит дополнительный оттенок в значение данной конструкции, а именно, оттенок предположительности; ср.

(39) а) *Как бы мне ни было тяжело, я исполню свой долг* = ‘Мне может быть очень тяжело; несмотря на это, я исполню свой долг’;

б) *Что бы мне про него ни говорили, я не сомневаюсь в его невиновности* = ‘Мне могли говорить про него самые плохие вещи; несмотря на это, я не сомневаюсь в его невиновности’.

Соответственно, для конструкций вида *к-местоимение + бы + ни* требуется уточненное толкование:

(40) *К-местоимение + бы + ни ... Р, Q* = ‘имеет или может иметь место Р в очень высокой степени; имеет или будет иметь место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Таким образом, прототип уступительности модифицируется в данной конструкции по двум направлениям — степень и гипотетичность, более точно — высшая степень и гипотетичность.

3.1.4. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, КАК НИ КРУТИ, КАК НИ ВЕРТИ, ЧТО (ТАМ) НИ ГОВОРИ

Близки к конструкции вида *к-местоимение + ни ...* разговорные фраземы *как бы то ни было, что (там) ни говори, как ни крути, как ни верти*.

У фраземы *как бы то ни было, как и у* рассмотренной в предыдущем разделе конструкции вида *к-местоимение + ни*, имеется два значения: более общее основное и более узкое уступительное. В своем основном значении фразема *как бы то ни было* имеет смысл 'возможно P_1 , возможно P_2 , возможно P_n ; при любом из возможных P имеет место Q '; ср.

- (41) *Но Маргарита не могла сказать, был ли это грохот падения $[P_1]$ или грохот сатанинского смеха $[P_2]$. Как бы то ни было, Воланд смеялся, поглядывая на Маргариту, и говорил $[Q]$: — Не надо кричать в горах, он все равно привык к обвалам (М. Булгаков, Мастер и Маргарита);*
- (42) *Но она или не поняла в первую минуту того смысла, который выходил из его слов $[P_1]$, или поняла, но не до того ей было, чтобы обращать внимание на этот смысл, и радость о возобновлении любви заглушила в ней скорбь о близком конце $[P_2]$, — как бы то ни было, но она только радовалась и говорила: «Какой ты добрый, ты все по-прежнему любишь меня» $[Q]$ (Н. Г. Чернышевский, Что делать?).*

В этом значении фразема *как бы то ни было* семантически близка фраземе в любом случае и не содержит указания на то, что существование ситуации P каким-то образом должно было помешать существованию ситуации Q .

В своем уступительном значении *как бы то ни было* имеет явно выраженную риторическую функцию. Контексты, где употребляется эта фразема, можно описать как полемику с реальным или воображаемым оппонентом, в которой говорящий признает, что имеют место обстоятельства P , которые, с точки зрения оппонента, несовместимы с ситуацией Q , однако при этом утверждает, что Q все-таки имеет место и поэтому наличие P не слишком важно. Ср.

- (43) — *У него ведь два высших образования и отличные рекомендации $[P]$! — Как бы то ни было, а на работу я его не возьму $[Q]$.*

Ср. также литературные примеры: *И вот если за что хочется упрекнуть г. Липскерова, это за то, что не он подчиняет себе окружающий мир волею художника, а мир этот подчиняет его $[P]$. — Но как бы то ни было, стихи К. Липскерова — очень хорошие стихи $[Q]$ (В. Ходасевич, О новых стихах); Он знал, что из стоящих и развешанных кругом вещей нет ни одной, принадлежащей Ларе $[P]$, и что обстановка прежних неведомых и скрывающихся хозяев ни в какой мере не может*

свидетельствовать о Лариных вкусах [P₂]. Но все равно, как бы то ни было, ему вдруг стало не по себе среди глядевших со стен мужчин и женщин на увеличенных фотографиях [Q] (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Для *как бы то ни было* предлагается внести следующие изменения в прототип толкования:

- (44) *P*; *как бы то ни было*, *Q* = 'имеет место *P*; имеет место *Q*; кто-то³⁸ считает, что если имеет место ситуация типа *P*, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-*Q*; говорящий сообщает, что имеет место *Q*'.

К фраземе *как бы то ни было* близка фразема *что (там) ни говори*. Она также является диалогической и риторической языковой единицей. *Что (там) ни говори* употребляется в контекстах реальной или воображаемой полемики, когда говорящий признает, что его реальный или потенциальный оппонент может привести самые различные и, возможно, веские аргументы против возможности существования *Q*, однако при этом утверждает, что *Q* все-таки имеет место. Ср. *Тот, кто оказывался третьим, получал девять [напирс], да еще остаток пачки — кусочек картона, который, что там ни говори, бумага — может, пригодится написать записку на волю* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Павлов подмигнул своей тени, которая хоть и выглядела жалковато, но, что ни говори, принадлежала удачнику и ловкачу* (Ю. Нагибин, Зеленая птица с красной головой).

Фразема *что (там) ни говори* в еще большей мере, чем *как бы то ни было*, предполагает наличие оппонента (или даже многих оппонентов), который не только имеет какое-то мнение, но и высказывает его, в реальности или в воображаемом разговоре с говорящим. При этом у фраземы *что (там) ни говори*, в отличие от *как бы то ни было*, валентность *P* «забита» и эксплицитно в контексте не выражается; *P* — это те многочисленные и веские аргументы против *Q*, которые мог бы привести реальный или воображаемый оппонент (оппоненты). Для *что (там) ни говори* прототипическое толкование трансформируется следующим образом:

- (45) *Что (там) ни говори*, *Q* = 'кто-то считает или утверждает, что *Q* не может быть; говорящий считает, что если кто-то считает или утверждает, что какой-то ситуации не может быть, то обычно или естественно, чтобы этой ситуации не было; говорящий утверждает, что имеет место *Q*'.

Основная разница между *как бы то ни было* и *что (там) ни говори*, помимо валентного состава, касается соотношения позиций реального или потенциального оппонента и говорящего.

У *как бы то ни было* область несогласия относится к тому, могут ли обстоятельства *P* помешать *Q* существовать: потенциальный оппонент считает, что *P*

³⁸ Потенциальный или реальный оппонент говорящего.

может повлиять на Q; говорящий не оспаривает самого наличия Р, однако считает, что Р не может повлиять на Q, поэтому, каковы бы ни были эти обстоятельства Р, они несущественны для данной ситуации и поэтому могут даже не обсуждаться.

У *что (там) ни говори* область несогласия относится к тому, существует ли Q: потенциальный оппонент оспаривает саму возможность существования Q, а говорящий, не отрицая того, что можно привести аргументы против Q, все-таки считает, что Q имеет место.

Синонимичные фраземы *как ни крути* и *как ни верти* имеют следующую семантическую специфику: они указывают на то, что ситуация Q нежелательна и что как бы ни стараться ей воспрепятствовать, с какой бы точки зрения ни рассматривать существующие обстоятельства, она все равно имеет или будет иметь место. Употребление в контекстах, где Q — это желательная или нейтральная в отношении желательности ситуация, для этих фразем нехарактерно; ср. естественность 46 (а) при странности (б) и (в):

- (46) а) *Как ни крути (верти), а ничего из этой идеи не выйдет;*
 б) *Как ни крути (верти), а все складывается наилучшим образом;*
 в) *Как ни крути (верти), а он написал свою поэму пятистопным ямбом.*

Ср. также литературные примеры: *Тем временем Рита слегка опомнилась и сообразила: разве ее жизнь станет легче, если в доме появится больной или полубольной человек? Ну, хорошо, нетяжелая домашняя работа, понемногу готовка, магазины, но ведь, как ни крути, она психически неполноценна, могут быть обострения, в любой день снова больница* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги); *Меня, понимаете, бесит, что они, как ни верти, женятся рано или поздно; с этим ничего не поделаешь* (А. Грин, Бегущая по волнам).

У этих фразем также «забита» валентность Р и в контексте она не выражается. Для них предлагается следующее толкование:

- (47) *Как ни крути (как ни верти), Q* = 'говорящий не хочет, чтобы было Q; кто-то считает, что если что-то сделать, то Q может не быть; говорящий считает, что Q имеет или будет иметь место'.

У данной группы лексем изменение прототипа еще более значительно: оно затрагивает параметры гипотетичности, желательности, а также требует введения фигуры потенциального оппонента; ср. компонент 'кто-то считает'.

3.1.5. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ *ХОТЬ 5, ПУСТЬ 3, ПУСКАЙ 3, ПУСТЬ ДАЖЕ, ДАЖЕ ЕСЛИ 2, ЕСЛИ И 2, ХОТЯ БЫ 3, ХОТЬ БЫ 3*

Лексемы и выражения данного синонимического ряда имеют следующую объединяющую их семантическую особенность: они используются при описании разного рода крайностей, чего-то предельного. Говорящий выражает убежденность в том, что даже если ситуация Р, препятствующая Q, представляет или

будет представлять собой некоторый предел, Q все равно будет иметь место. Ср.:

- (48) *Ручку двери снаружи в это время крутили и дергали, и слышно было, как курьерша за дверями отчаянно кричала: — Нельзя! Не пуцу! [Q] Хоть зарежь-те! [P]* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита);
- (49) *Где же им, старой да малой, идти на дальнее болото [Q — им нельзя идти на дальнее болото], пусть ягоды там и совком гребут [P]* (В. Астафьев, Без прикота);
- (50) *Пусть даже половина людей погибнет [P], сойдет с ума, только бы другая вылечилась от пошлой бессмысленности жизни [Q]* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина);
- (51) *Переведи меня отседа в одиночку [Q], пускай лед на стенах и днем прилечь не дают [P]! Переведи! Печенку на бетоне отморожу, чахотку схвачу, косточки свои ревматизмом кормить буду, сапоги твои вылижу, пускай глаза мои оглохнут, уши ослепнут [P] — только переведи [Q]!* (Ю. Алешковский, Кенгуру);
- (52) *И сколько бы лет ни прошло с тех пор, как погиб или умер близкий человек, абхазец, узнав место его захоронения, даже если оно за тысячу километров [P], даже если ему для этого придется продать все свое имущество [P], должен перевезти останки своего родственника [Q]* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема);
- (53) *Если и не достигнете примирения с собою и прощения себе [P], то и тогда Он простит за намерение и страдание ваше великое [Q]* (Ф. М. Достоевский, Бесы);
- (54) *Да хоть бы он принц крови был [P], моя дочь ни в ком не нуждается! [Q]* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина);
- (55) *Веруй, что Бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том [Q], хотя бы со грехом твоим и во грехе твоём любит [P]* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы).

Все единицы данного ряда эмоционально окрашены, что легко объясняется их семантикой: эмоциональность коррелирует с указаниями на предел и на убежденность говорящего в том, что будет Q.

Указание на очень высокую степень, некий предел обязательно почти для всех синонимов данного ряда; ср. примеры выше (*ягоды совком гребут, за тысячу километров, все свое имущество*). Лексема *хоть* 5 даже образует ряд фразем со значением крайней степени, предела чего-либо; ср. *хоть на край света, хоть убей, хоть тресни, хоть падай, хоть режь* и т. п.

В тех случаях, когда в контексте отсутствует эксплицитное указание на предел, оно наводится самими этими выражениями; ср. *Не знаю, куда вы, — отвечал Соломин, — а я к себе домой. — На фабрику? — На фабрику. — Теперь, ночью, пешком? [Q] — Что ж такое? Здесь ни волков, ни разбойников нет, а ходить я здоров. Ночью-то еще свежее. — Да тут четыре версты! — А хоть бы и все пять [P]. До свиданья, господа!* (И. С. Тургенев, Новь).

В данном примере оценка *пяти верст* как очень большого расстояния, некоего предела возможностей вводится именно лексемой *хоть бы* 3.

Другая особенность синонимов данного ряда касается экзистенциально-го статуса Р: хотя Р может быть фактом (ср. *Пусть он самый младший, все равно должен стараться*), чаще это предположение, допущение (*Если и позовут, не приду*). Для синонима *хоть бы* Р может быть только предположением: ср. *Хоть бы и принц крови был, все равно за него дочку не отдам*.

Последняя важная семантическая особенность единиц данного ряда — это их проспективность: говорящий выражает убежденность в том, что Q будет. Если Q — это состоявшийся факт, их употребление затруднено или невозможно; ср. невозможность

(56) а) *Я пошла пешком, *хоть бы* (даже если) там было десять километров

при естественности

б) Я пойду пешком, *хоть бы* там было (даже если там будет) десять километров.

Проспективность может заменяться другими семантическими компонентами, подразумевающими гипотетичность ситуации Q, чаще всего модальностью долженствования, желательностью, интенциональностью; ср.

(57) *Надо чтить, повторяю, потемки чужой души, надо смотреть в них, пусть даже там и нет ничего, пусть там дрянь одна — все равно* (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки);

(58) *И все же я счастлив. — И пускай сам по себе я пошловат, подловат, пускай никто не знает, не ценит того замечательного, что есть во мне, — моей фантазии, моей эрудиции, моего литературного дара...* (В. Набоков, Соглядатай);

(59) *Даже если это окажется очень трудно, я все равно хочу ему помочь;*

(60) *Если он и предаст тебя, не надо его ненавидеть;*

(61) *Я добьюсь своего, хотя бы весь мир был против меня;*

(62) *Да хоть бы и попросил прощенья, я все равно с ним мириться не собираюсь.*

Для слов данного синонимического ряда предлагается следующее общее толкование (индивидуальные различия между ними здесь не рассматриваются):

‘62’ *Хоть 5* (пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2, если и 2, хотя бы 3, *хоть бы 3*) Р, Q = ‘может иметь место Р в очень высокой степени; говорящий уверен, что имеет или будет иметь место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’³⁹.

³⁹ Приведем в этой связи предложенное В. З. Санниковым объяснение семантики и прагматики союзов *пусть* и *пускай* [Санников 2004: 244—245], ярко и точно описывающее их

К данному синонимическому ряду близка по смыслу конструкция вида *да будь...* в своем уступительном значении (в основном значении она выражает смысл оптативности). Она указывает на высокую степень и гипотетичность ситуации Р, а также на абсолютную убежденность говорящего в том, что будет Q; ср. следующие примеры: *Да будь он и чемпион мира по борьбе или боксу или даже джиу-джитсу, что он может сделать с шакалами, волнами набрасывающимися на него?* (Э. Лимонов, Подросток Савенко); *Да будь вы мне хоть родной дочерью — и то я ничего не смог бы сделать!* (А. Житков, Кафедра).

Таким образом, изменение прототипа для данной группы уступительных выражений идет по двум направлениям: высокая степень и гипотетичный статус Р и Q.

3.1.6. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ *ПУСТЬ 2*, *ПУСКАЙ 2*, (НУ) *ЛАДНО 5*, *ТАК И БЫТЬ*

Рассмотренный в предыдущем разделе ряд уступительных единиц сближается с рядом, рассматриваемым в данном разделе, в том отношении, что в этих рядах, наряду с другими единицами, представлены разные лексемы одних и тех же вокабул — *пусть* и *пускай*. У этих двух слов одинаковая структура многозначности. Их второе и третье значения являются уступительными, в то время как лексемы *пусть 1* и *пускай 1* имеют значение оптатива, т. е. пожелания, которое может сочетаться с побуждением к действию (см. ниже раздел 4.1). Лексемы *пусть 1* и *пускай 1* одновалентны; ср. *Пусть убирается отсюда! Пускай сам все делает!*

Лексемы *пусть 3* и *пускай 3* двухвалентны (см. предыдущий раздел).

Лексемы *пусть 2* и *пускай 2* представляют собой промежуточный случай. Эти лексемы употребляются для выражения неохотного согласия; ср.

- (63) — *Пожалуйста, ну разреши ему прийти.* — *Ну ладно, пусть (пускай) придёт [Р].*

Как видно из приведенного примера, у них есть только одна синтаксически выраженная валентность — ситуации Р, на существование которой говорящий выражает свое согласие. Однако семантически они указывают на существование еще одной ситуации — нежелания говорящего, чтобы Р существовала. Если ситуация Р в разных контекстах варьируется, то вторая ситуация для всех случаев

употребление, причем, как нам кажется, именно в рассматриваемом нами в данном разделе значении: «*Пускай/пусть X, (но/а) Y* = 'Существует мнение, что для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие X и определение степени его реальности; Я не отвергаю это мнение и надеюсь, что будет проявлено внимание и к моему мнению:

Считаю излишним обсуждать событие X и степень его реальности, поскольку:

1) всё — в руках судьбы;

2) для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие Y, не зависящее от наличия или отсутствия события X'».

употребления фиксирована — это нежелание говорящего. Таким образом, вторая валентность для *пусть 2* и *пускай 2* является «забитой», заранее заполненной.

Именно указанием на нежелание говорящего, чтобы была Р, *пусть 2* и *пускай 2* отличаются от лексем *пусть 1* и *пускай 1*, которые, наоборот, свидетельствуют о желании говорящего, чтобы Р была. Это семантическое различие имеет ряд рефлексов на других уровнях языка.

Во-первых, эти две пары лексем различаются синтаксически. Для *пусть 2* и *пускай 2* характерно эллиптическое употребление, при котором ситуация Р эксплицитно не упоминается, в то время как для *пусть 1* и *пускай 1* это невозможно. Ср. употребления типа *Пусть (пускай)*, которые однозначно интерпретируются как согласие на что-то, а не как побуждение что-то сделать. Ср. также *Старик терпел: пусть, ноги не отвалятся, лишь бы быстрее переправить бревно* (Ч. Айтматов, Белый пароход). Это синтаксическое различие абсолютно естественно: когда человек побуждает кого-то что-то сделать, он должен явно обозначить, чего именно он добивается, в то время как согласие является ответом на уже высказанное кем-то пожелание, которое нет необходимости повторять.

Во-вторых, эти пары лексем различаются просодически. *Пусть 1* и *пускай 1* безударны, во фразах с ними ударение падает на группу, заполняющую валентность Р, в то время как *пусть 2* и *пускай 2* несут на себе главное фразовое ударение. Ср. 64(а) VS. 64(б):

- (64) а) *Пусть посидит еще* ['Я хочу, чтобы он посидел еще'];
 б) *Пусть посидит еще* ['Я согласен, чтобы он посидел еще'].

Ср. также *Скажи, говорит, Султанмурату и ребятам: пусть не расстраиваются, все решено* (Ч. Айтматов, Ранние журавли); *Так пускай же никогда и нигде не повторится эта горькая правда* (В. Каверин, Два капитана) [*пусть 1, пускай 1*] VS. *Не трогай его, не трогай, пусть побалуется* (Ч. Айтматов, Ранние журавли); *Пуускай себе дымят: значит, ветер веет откуда-то с третьей стороны, понимае-ете?* (К. Чапек, Дым, пер. Д. Горбова) [*пусть 2, пускай 2*].

Наконец, между ними есть и сочетаемостные различия: так, в сочетании с личными местоимениями и возвратным местоимением *себя* употребляются лексемы со значением согласия, а не побуждения; ср. разговорные фразы *Пуускай себе балуется*, *Пусть его немного отдохнет*; но не **Пусть его себе сходит в магазин за хлебом*.

Указание на нежелание говорящего, чтобы ситуация Р существовала, свойственно всем единицам рассматриваемого ряда. Ср. их с нейтральной утвердительной лексемой *да 1*:

- (65) а) — *Можно они у нас поживут?* — Да.
 б) — *Можно они у нас поживут?* — Ну ладно (так и быть; ну пусть; ну пускай).

Фраза 65(а) выражает согласие и больше ничего; во фразе 65(б) говорящий не охотно уступает явно выраженному желанию собеседника. Ср. также литературные примеры, подтверждающие уступительный характер лексем и фразем данного ряда: *Но уж я уступаю, так и быть, мнению наших дам* (Ф. М. Достоевский, Бесы); *Я решился, уж так и быть, помириться на трех тысячах* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *Ну ладно, — махнул рукой Александр Петрович, — ступай домой, раз ты такой упрямый* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Ну ладно, — согласился я, при творно смиряясь* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Лидия ругала Мальку два дня, а на третий сказала: — Ладно, пускай живут* (В. Белов, Рассказы о всякой живности).

Между *пусть 2* и *пускай 2*, с одной стороны, и *(ну) ладно* и *так и быть*, с другой, имеются семантические различия. Они касаются того, кто является субъектом ситуации Р. Для *(ну) ладно* и *так и быть* это может быть кто угодно, для *пусть 2* и *пускай 2* — это какое-то третье лицо, но обычно не адресат и ни в коем случае не сам говорящий. Ср. правильность 66(а) при невозможности 66(б):

(66) а) *Ну ладно (так и быть), приду;*

б) **Ну пусть (пускай) приду.*

Как видим, *(ну) ладно* и *так и быть* выражают более общий смысл ‘неохотное согласие’, а *пусть 2* и *пускай 2* — более узкий смысл ‘неохотное разрешение’.

Таким образом, у единиц данного ряда семантические изменения прототипа идут по следующим направлениям: появляется указание на нежелательность ситуации Р для говорящего и ее желательность для кого-то еще, обычно адресата; изменяется фактивный статус Р, т. к. Р — это еще не состоявшаяся ситуация; для двух из лексем ряда появляется ограничение на субъекта Р. Соответственно, для фразем *(ну) ладно* и *так и быть* и *пусть 2* и *пускай 2* предлагаются следующие толкования:

(67) *(ну) ладно (так и быть)* Р = ‘говорящий не хочет, чтобы имела место Р; кто-то хочет, чтобы имела место Р; обычно или естественно, если кто-то не хочет, чтобы какая-то ситуация имела место, то он не соглашается на то, чтобы она имела место; говорящий соглашается, чтобы Р имела место’.

(68) *пусть 2 (пускай 2)* Р = ‘говорящий не хочет, чтобы имела место Р; кто-то хочет, чтобы имела место Р; обычно или естественно, если кто-то не хочет, чтобы какая-то ситуация имела место, он не разрешает, чтобы она имела место; говорящий разрешает, чтобы Р имела место’.

3.1.7. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ В ТО ВРЕМЯ КАК 3,

МЕЖДУ ТЕМ КАК 3, ТОГДА КАК 2

В предыдущих разделах рассматривались в основном уступительные единицы с семантическим наращением высокой степени, т. е. указывающие на то, что ситуация Р рассматривается как очень существенное препятствие для суще-

ствования Q, в силу чего Q воспринимается как с и л ь н о е отклонение от обычного хода событий или от нормы. Уступительные единицы, описываемые в данном разделе, также могут употребляться в подобных контекстах, однако гораздо чаще предполагают лишь некоторую н е о б ы ч н о с т ь сосуществования этих двух ситуаций.

Ср. следующие фразы, где условия употребления *в то время как* 3, *между тем как* 3 и *тогда как* 2 не отличаются от контекстов, типичных для *хотя* 1 и *несмотря на* и где, соответственно, возможна замена на эти лексемы:

- (69) а) *Ему казалось, что он сидит в этой комнате уже целую вечность [Q], в то время как прошло не больше часа [P];*
 б) *Его приняли на работу инструктором по плаванию [Q], между тем как у него нет никакого опыта преподавания [P];*
 в) *Он требует от своих подчиненных, чтобы они приходили на работу вовремя [Q], тогда как сам всегда опаздывает [P].*

Однако в силу того, что несовместимость ситуаций Р и Q для лексем *хотя* 1 и особенно *несмотря на* существенно выше, чем для *в то время как* 3, *между тем как* 3 и *тогда как* 2, подобная замена не всегда бывает одинаково естественна. Ср. следующие примеры, где замена не вполне уместна, во всяком случае на лексему *несмотря на*: *Роскошные рога оленей многие считают данными навсегда, тогда как они непостоянны в отличие от вышеупомянутых парнокопытных* [Ногти и рога — что общего?, «Знание — сила», № 10, 2003]; *Меня уволили за дачу по делам необоснованных указаний, в то время как по одному из дел указания давал не я, а вышестоящий руководитель* [Тень независимости, «Профиль», 2003.08.11]; *Регулирующий орган может создавать особые, тепличные условия для «своих» организаций, между тем как он должен быть беспристрастным* [К. Фрумкин, Интеллектуалы против бюрократов, «Финансовая Россия», 2002.09.19]⁴⁰.

Уступительные единицы данной синонимической группы отличаются от прототипа по нескольким параметрам. Во-первых, они предполагают м е н е е жесткую условную зависимость между Р и не-Q, и, соответственно, меньшее отклонение от нормы, нежели прототип.

Во-вторых, они могут предполагать обратную условную зависимость — между Q и не-Р. Ср. пару фраз *Зарплаты здесь очень низкие [Q], в то время как (между тем как, тогда как) цены высокие [P]* VS. *Цены здесь высокие [P], в то время как (между тем как, тогда как) зарплаты очень низкие [Q]*, где Р и Q можно поменять местами практически без изменения смысла. Для прототипа такое невозможно; ср.

⁴⁰ Здесь и ниже мы используем отдельные примеры из Национального корпуса русского языка.

- (70) а) *Хотя врачи ему запретили есть сладкое [P], он съедает каждый день по шоколадке [Q],*

при неправильности

- б) **Хотя он съедает каждый день по шоколадке [Q], врачи ему запретили есть сладкое [P].*

Невозможность перестановки для союза *хотя 1* связана в его подчинительностью; союзы группы *в то время как, между тем как, тогда как* сочинительные, поэтому для них и возможна перестановка.

На основании рассмотренных языковых фактов для данных уступительных оборотов предлагается следующее толкование:

- (71) *P, в то время как 3 (между тем как 3, тогда как 2) Q* = 'имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то более естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; если имеет место ситуация типа Q, то более естественно, чтобы имела место ситуация типа не-P'.

На примере союзов *в то время как 3, между тем как 3 и тогда как 2* видна связь уступительного значения с условным. Эти союзы имеют сходную с основным условным союзом *если* структуру многозначности. Союз *если* имеет, помимо своего основного, условного значения, также риторическое значение сопоставления и противопоставления; ср. *Если в прошлом году прибыль составила только пять процентов, в этом году она повысилась до пятнадцати.*

У уступительных союзов *в то время как 3, между тем как 3 и тогда как 2* есть близкие лексемы *в то время 2, между тем как 2 и тогда как 1*, которые, подобно *если*, употребляются как сопоставительные и противопоставительные союзы, близкие по употреблению к союзу *а*; ср.

- (72) а) *Державинская лирика мужественна и все время стремится стать эпосом [Q], в то время как эпос Чехова лиричен и женствен [P];*
б) *В этом году на юге России очень холодно [Q], в то время как (между тем как, тогда как) на севере необычно тепло [P].*

В уступительном значении *в то время как, между тем как и тогда как* часто могут быть заменены на основной уступительный союз *хотя 1*, а в сопоставительно-противопоставительном — на союз *если* в его риторическом значении. Ср. естественность замены на *если* в следующих литературных примерах, где замена на *хотя 1*, напротив, была бы невозможной без изменения смысла: *Ведь для южно-го школьника и минус пятнадцать может оказаться критической температурой, тогда как дитя севера легко выдюжит минус сорок* (Когда градус мешает учебе, «Вечерняя Казань», 2003.01.11) = *Если для южного школьника и минус пятнадцать может оказаться критической температурой, дитя севера легко выдюжит минус сорок; В главе шестой третьего отдела 350 страниц, между тем как в других главах всего по несколько десятков страниц* (М. М. Бахтин, Л. Е. Пинский, Драма-

тургия Шекспира. Основные начала) = Если в главе шестой третьего отдела 350 страниц, в других главах всего по несколько десятков страниц; Вся процедура [в будущем] займет не более 5 дней, в то время как сейчас на это уходит 3 месяца (Назад, в будущее // «Время МН», 2004.01.31) = Если в будущем процедура займет не более 5 дней, сейчас на это уходит 3 месяца.

Подобно сопоставительно-противительным предложениям с *если*, такие предложения с *в то время как* 2, *между тем как* 2 и *тогда как* 1 допускают перестановку частей предложения без критического изменения смысла; ср. *В будущем вся процедура будет занимать не более 5 дней, в то время как сейчас на это уходит 3 месяца* = *Сейчас на это уходит 3 месяца, тогда как (в то время как, между тем как) в будущем вся процедура будет занимать не более 5 дней*. Однако, как было показано выше, это возможно и для некоторых употреблений этих союзов в их уступительном значении.

3.2. УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ, У КОТОРЫХ ПЕРВАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ — ЭТО СИТУАЦИЯ Q, ВТОРАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ — ЭТО СИТУАЦИЯ P

В данном разделе рассматриваются уступительные единицы, у которых валентность Q является первой, а валентность P — второй, типа *все-таки* 1.

3.2.1. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ *ВСЕ-ТАКИ* 1, *ВСЕ ЖЕ* 1, *ВСЕ РАВНО* 3, *ТЕМ НЕ МЕНЕЕ*

О семантике данной группы синонимов речь уже шла выше, в разделах 2.1 и 2.2. Уступительные частицы *все-таки* 1, *все же* 1⁴¹, *все равно* 3 и *тем не менее* являются конверсивами по отношению к прототипу уступительности — союзу *хотя* 1. Синтаксически эти частицы вводят именно актант Q, в то время как их конверсивы вводят P. В разделе 2.1.1. уже приводилось предлагаемое для них общее толкование, которое мы ниже воспроизводим. Оно отличается от прототипа порядком семантических ролей — для *хотя* 1 первой является роль P, т. е. препятствующего Q обстоятельства, а для *все-таки* 1, *все же* 1, *все равно* 3 и *тем не менее* первой является роль Q. То, что для *все-таки* 1, *все же* 1, *все равно* 3 и *тем*

⁴¹ Лексемы *все-таки* 1 и *все же* 1, представленные в примерах типа *Хотя он мне мешал, я все-таки (все же) успел доделать работу* не следует путать с уступительными лексемами *все-таки* 2 и *все же* 2, представленными во фразах типа — *Что ты так нарядилась? — Все-таки (все же) в кино иду* (о них см. ниже). Помимо семантики, первые отличаются от вторых, а также от всех прочих лексем слов *все-таки* и *все же* тем, что могут нести на себе контрастное ударение и могут формировать самостоятельное высказывание, в то время как для всех остальных это невозможно. Ср. *И все-таки (все же) я это сделаю; Конечно, надежды мало. И все-таки (все же)...*

не менее главной является именно валентность Q, подтверждается, помимо других синтаксических фактов, еще и тем, что эти частицы допускают отсутствие эксплицитного упоминания ситуации Р в пределах высказывания; ср. *И все-таки я ее люблю*; *И все же Вы неправы*; *Все равно Вы меня не переубедите*; *И тем не менее я против*. Ситуация Р может упоминаться задолго до появления высказывания с *все-таки 1*, *все же 1*, *все равно 3* и *тем не менее*, а может вообще не упоминаться эксплицитно. Ср. *Она непременно ко мне вернется, я знаю своих девочек. Из этих слов Эрасту Петровичу стало ясно, что Ипполит все-таки не убил Амалию* [из предыдущего контекста мы знаем, что ожидалось обратное], *а, видимо, куда-то увез* (Б. Акунин, Азазель).

Предлагаемое для них общее толкование выглядит следующим образом:

- (73) *Р, все-таки 1 (все же 1, все равно 3, тем не менее)* Q = 'имеет место Q; имеет место Р; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'.

Однако предложенное толкование требует еще некоторых уточнений, так как каждый из перечисленных синонимов обладает некоторой семантической спецификой.

Все-таки 1, *все же 1* и *все равно 3* противопоставлены *тем не менее* по признаку личного отношения субъекта ситуации Q или говорящего к ее существованию.

Разговорные частицы *все-таки 1*, *все же 1* и *все равно 3* все в какой-то степени предполагают *не безразличное* отношение субъекта ситуации Q или говорящего к ее существованию (см. раздел 2.2.2 о *все равно 3*).

Из перечисленных синонимов *все равно 3* указывает на *наибольшую* степень заинтересованности субъекта (или говорящего) в ситуации Q; ср. *Все равно я стану актрисой* [Q], *не такая уж я бездарь* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора) [в существовании Q заинтересован говорящий] VS. *Причем преград Паоло не признает — до трибун все равно доберется* (Забил? Получи «горчичник», «Семья», 2001.11.14) [в существовании Q заинтересован ее субъект].

Заинтересованность субъекта (или говорящего) может проявляться и в *нежелании*, чтобы была Q; ср. следующий пример, где Q нежелательна: *Правда, атеросклероз все равно развивается* [Q], *но зато кровь не образует тромбы* [Не расстанусь с аспирином?, «Знание — сила», № 9, 2003].

При этом *все равно 3* не предполагает, что говорящий или субъект непременно добивается того, что хочет; ср. *Эти обещания все равно окажутся не выполненными*; *Но для страхования опять-таки нужны свободные средства, а их, несмотря на рекордный урожай, все равно нет* [Екатерина Григорьева, Проявить и закрепить, Известия, 2002.07.02].

Все равно 3 предполагает, что препятствующие наступлению ситуации Q обстоятельства *силны*, и необходимо затратить большое количество усилий на их преодоление; поэтому *все равно 3* часто употребляется в контексте уступительных единиц-интенсификаторов типа *даже если*; ср. *Кроме того, даже если отец и заявит (в письменной форме) о своем несогласии на выезд ребенка за границу, вы все*

равно сможете оспорить его заявление и решить вопрос о возможности выезда в судебном порядке [Владимир Китсинг, Малолетки за границей. Как оформить выезд ребенка за рубеж, «Известия», 2002.08.26].

Другая семантическая особенность *все равно 3* — это возможное указание на активное участие в о л и субъекта Q (в частном случае, говорящего) в формировании этой ситуации (в том случае, если он заинтересован в ее существовании; в обратном случае он может пытаться ей воспрепятствовать). *Все равно 3* часто предполагает, что субъект Q или говорящий совершает или намеревается совершить некоторые действия, ведущие к наступлению этой ситуации (или мешающие ее наступлению, если он в нем не заинтересован); ср. *Если меня пошлют на прииск, то на первом перевале, как затормозит машина, я прыгаю вниз, пусть конвой меня застрелит — все равно на золото я больше не поеду* (В. Шаламов, Колымские рассказы).

Волевое начало, заложенное в значении *все равно 3*, не обязательно проявляется в конкретных действиях. Оно может выражаться во внутренней установке на то, чтобы имела место Q; ср. *Но я все равно верю, что это честная борьба и все равно это наш главный праздник* [Мила Кузина, «Спасибо Путину, Добродееву и Эрнсту». Прошла восьмая церемония вручения ТЭФИ, «Известия», 2003.02.03].

Может оно выражаться и в т о н е высказывания. Высказывания с *все равно 3* часто произносятся решительным тоном, иногда даже с некоторым н а ж и м о м, и носят характер восклицаний; ср. *И все-таки это вот немоющее, мятущееся, бесконечно человеческое, болящее вычеркнуть не посмели! И Бог — немоющий и слабый — все равно остался Богом!* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

Эта просодическая особенность отличает лексику *все равно 3* от лексики *все равно 2*, имеющей значение ‘в любом случае’ и синонимичной разговорной лексеме *так и так*; ср. ¹*Все равно я к нему поеду* [‘несмотря ни на какие препятствия’] VS. *Все равно я к нему поеду* = *Так и так я к нему поеду* [‘в любом случае’]. Первую фразу естественно поместить в полемический контекст; ср.: *Запрещай сколько угодно, все равно я к нему поеду*. Вторую фразу уместно продолжить совсем иным образом: *Хочешь я отвезу ему и твои документы, все равно ведь я к нему поеду*.

Все равно 3 — самый п о л е м и ч н ы й из синонимов ряда. Это очень диалоговое слово и появляется оно чаще всего в высказываниях, являющихся д е к л а р а ц и е й намерения или мнения; ср. — *Очень глупо туда ездить. — А я все равно поеду; Пусть все будут против, все равно я стану музыкантом; Бездарное произведение, если даже оно антисоветское, все равно бездарное* (С. Довлатов, Соло на ундервуде); *Пусть даже мы не доживем до такого счастья. Все равно, я все равно уже и теперь счастлива. Эти чудовища сторожат нас. А мы ушли от них за тридцать земель* (Е. Шварц, Дракон); *Все равно это был лучший вечер в моей жизни* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

Выражая в о л ю субъекта ситуации или говорящего, *все равно 3* приобретает свойство п р о с п е к т и в н о с т и, характеризующее его в большей мере, чем другие синонимы ряда. Ср. *Боже мой, когда же это кончится! скажи же, на-*

конец, ему, что ты любишь меня, что все равно ничто в мире не разлучит нас! (И. А. Бунин, Ворон); Как бы вы ни держались, они все равно вас на чем-нибудь да проведут (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

Все-таки 1 тоже предполагает наличие заинтересованности, хотя и в несколько меньшей мере; ср. приписываемое Галилею высказывание *И все-таки она вертится!*, а также *Сергей тронулся с места сначала тяжело, но потом все-таки развил скорость* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора). В значении *все же 1* указание на эмоциональное, личное отношение к ситуации еще слабее, но и *все же 1* не совсем нейтрально в этом смысле; ср. *На этот раз, если и не полная, то все же какая-то удача была налицо* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Когда публику все же удалось вернуть, (...) руководители несколько раз пытались объявить собранию о расставленной впереди ловушке* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Указание на эмпатию говорящего сближает синонимы *все-таки 1* и *все же 1* с лексемой *все равно 3*, но в некоторых отношениях они ей прагматически противоположны.

А именно, *все равно 3* — прагматически «сильная», полемичная лексема, передающая несколько даже агрессивную убежденность говорящего в том, что нечто имеет или будет иметь место, что подчеркивается и ее просодическими свойствами (см. выше).

Все-таки 1 и *все же 1* в большинстве употреблений — прагматически «слабые», «извиняющиеся» лексемы, передающие скорее неуверенность и надежду говорящего на то, что нечто имеет или будет иметь место, нежели сильную убежденность в этом.

Поэтому во многих контекстах они не являются взаимозаменяемыми; так, в следующих примерах напор и убежденность говорящего делают неестественной или невозможной замену *все равно 3* на *все-таки 1* и *все же 1*: *Если бы я прожила сто лет, я все равно не смогла бы этого забыть; Если даже вотум недоверия пройдет, то премьера все равно не снимут*. Аналогично, в следующих неуверенных по характеру высказываниях было бы неуместно использовать *все равно 3*: *Можно я все-таки приду?; Мне все же хотелось бы, если возможно, получить небольшой аванс*.

При эмфатическом, просодически выделенном употреблении *все-таки 1* и *все же 1* максимально сближаются с *все равно 3*; ср. *И все-таки (все же, все равно) я счастлива!*

Лексема *тем не менее* не предполагает никакого личного отношения субъекта или говорящего к ситуации Q; эта стилистически нейтральная частица используется для объективной констатации некоторого положения вещей. Она существенно чаще, чем *все-таки 1*, *все же 1* и *все равно 3*, употребляется в нарративе. Ср. ее употребление в научном тексте, где *все-таки 1*, *все же 1* и *все равно 3* были бы менее уместны: *Существенно изменились условия жизни общества и условия бытования уже мёртвого латинского языка, который продолжал, тем не менее, активно использоваться в церкви, канцелярии, науке, образовании, международных отношениях* (И. Сусов, История языкознания).

Частица *тем не менее* противопоставлена всем остальным частицам данного ряда также синтаксически — а именно, она не допускает препозиции именной группы, заполняющей основную валентность — Q — по отношению к именной группе, заполняющей валентность P; ср. невозможность 74 (а)

(74) а) **Тем не менее он приехал, хотя было уже поздно,*

при правильности (б) и (в):

б) *Все-таки <все же> он приехал, хотя было уже поздно;*

в) *Все равно он придет, даже если будет уже поздно.*

В соответствии с указанными особенностями данных частиц, предлагается уточнить их толкования.

Тем не менее не требует внесения каких-либо дополнительных изменений в предлагавшееся выше толкование, модифицированное с учетом конверсивности прототипа.

Для *все-таки* и *все же* предлагается следующее толкование, учитывающее их неуверенную окраску и слабое указание на эмпатию говорящего:

(‘74’) P, *все-таки* I <*все же* I> Q = ‘имеет место Q; имеет место P; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то чаще имеет место ситуация типа не-Q; субъект Q или говорящий не безразличен к Q’.

Для *все равно* 3 предлагается следующее уточненное толкование (см. выше раздел); ср.

(75) P, *все равно* 3 Q = ‘имеет место Q; имеет место P; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; субъект Q или говорящий хочет, чтобы Q имела место или хочет, чтобы Q не имела места’.

Различия между *все-таки* I и *все же* I минимальны. В силу своей большей просодической самостоятельности *все-таки* I чаще, чем *все же* I, употребляется сентенциально, чаще маркируется фразовым ударением. Просодически частица *все же* I несколько более клитична, из-за чего в некоторых контекстах, где абсолютно естественна частица *все-таки* I, *все же* I несколько менее естественна. Однако семантические различия между этими частицами сформулировать сложно, т. к. не удалось обнаружить контекстов, где взаимозамена была бы невозможна.

В работе [Paillard 1992: 504] семантическое различие между *все-таки* и *все же* формулируется следующим образом: *все-таки* вводит указание на преодоление некоторого препятствия p и, через это, на создание некоторого нового положения вещей q, в то время как *все же* не указывает ни на несовместимость p и q, ни на появление чего-то нового. Это различие выводится композиционально — из различия в семантике частиц *-таки* и *же*. Однако с этим нельзя согласиться ни методологически, ни по существу.

Композиционный подход представляется неподходящим средством анализа семантики данных лексем, поскольку они представляют собой уже абсолютно самостоятельные, полностью идиоматизированные единицы, имеющие на синхронном уровне очень мало общего с частицами *-таки* и *же*, которые обладают своим собственным сложным значением.

Относительно семантических различий *все-таки 1* и *все же 1* необходимо сделать два замечания.

Во-первых, Д. Пайар не выделяет у этих частиц разных значений, хотя оперирует примерами, явно относящимися к разным их лексемам. По-видимому, его утверждения о различиях следует относить ко всем их значениям. Однако, поскольку эти частицы очевидным образом полисемичны, любые утверждения об их семантике должны касаться конкретных значений. *Все-таки* и *все же* имеют по два уступительных значения (см. также ниже о *все-таки 2* и *все же 2*) и некоторое количество разговорных метатекстовых значений⁴².

Во-вторых, что касается языковых примеров, иллюстрирующих утверждения автора о различиях *все-таки* и *все же*, то нужно заметить, что среди приводимых автором примеров на *все-таки* нет ни одного, где нельзя было бы употребить *все же*. Единственный пример, где *все же* звучит несколько менее естественно, это следующий (в нем, кстати, и лексема *все-таки* звучит не вполне безупречно): *Обратитесь к Марии Ивановне, она вам поможет. Все-таки она занимается этим вопросом* [Paillard 1992: 505]⁴³. Однако стоит поменять порядок слов, чтобы частица *все же* не стояла в сентенциальной позиции, или выделить интонацией какое-либо из слов пропозиции (*она, занимается*) так, чтобы сфера действия *все же* была ограничена этим словом, и фраза становится возможной; ср. *Все же она занимается этим вопросом*.

3.2.2. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ 2, ВМЕСТЕ С ТЕМ, ПРИ ЭТОМ 2, ПРИ ВСЕМ ТОМ

Как и синонимы, рассматривавшиеся в предыдущем разделе, уступительные единицы данной группы синтаксически устроены так, что первой валентностью (т. е. валентностью, синтаксически вводимой самим уступительным словом) у них является Q — ситуация, которая имеет место, несмотря на неблагоприятную для нее ситуацию P; ср. *Эта история абсолютно правдива [P] и в то же время совершенно невероятна [Q]; Он испытывал разочарование [P] и вместе с тем огромное*

⁴² Так, например, *все-таки* и *все же* часто используются для ввода какого-то нового соображения по поводу чего-то уже обсуждавшегося или как-то иначе известного собеседнику; ср. *Здорово мы все-таки погуляли; Интересная все же была передача*.

⁴³ В данной фразе представлено второе уступительное значение данной частицы — *все-таки 2*, о которой см. ниже.

облегчение [Q]; Он очень необщителен [P], но при этом совершенно не может жить один [Q]; Он, конечно, умный, порядочный, надежный человек [P], но при всем том у него очень тяжелый характер [Q].

При этом, подобно частице *тем не менее*, они не допускают препозиции Q по отношению к P; ср. невозможность фразы **Эта история в то же время совершенно невероятна* [Q] и *абсолютно правдива* [P] и других подобных.

Однако, при указанном синтаксическом сходстве, семантически эти две группы различаются. По сравнению с синонимами группы *все-таки 1*, группа *в то же время 2* выражает существенно более мягкую позицию говорящего по поводу несовместимости P и Q. Ср. естественные фразы типа 76(а):

- (76) а) *Воланд положил свою тяжелую, как будто каменную* [P], *и в то же время горячую* [Q], *как огонь, руку на плечо Маргариты* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

В такого рода фразы не подставляются синонимы группы *все-таки 1*; ср. странность

- б) ?*Он положил свою тяжелую, как будто каменную* [P], *и все-таки <тем не менее> горячую* [Q], *как огонь, руку ей на плечо.*

Дело в том, что группа *в то же время 2* предполагает, что сосуществование P и Q необычно или нетипично, в то время как синонимы группы *все-таки 1* указывают на гораздо более жесткую зависимость между P и не-Q, на то, что P, как правило, влечет за собой не-Q.

Поэтому P часто предшествует во времени Q. Ср. фразу *Его не приглашали* [P], *но он все-таки <все же, все равно, тем не менее> пришел* [Q].

Из-за этого указания на наличие достаточно жесткой условной и временной связи P и Q невозможно поменять местами. Ср. неправильность **Он пришел* [P], *но его все-таки <все же, все равно, тем не менее> не приглашали* [Q].

Группа *в то же время 2* не указывает на столь жесткую зависимость между P и не-Q и, кроме того, предполагает, что P и Q имеют место одновременно. Поэтому P и Q во многих случаях можно свободно переставлять; ср.

- (77) а) *Она образцовая хозяйка и вместе с тем <в то же время> хороший ученый;*
б) *Она хороший ученый и вместе с тем <в то же время> образцовая хозяйка.*

Ср. также невозможность

- в) **Меня не звали* [P], *но я в то же время <вместе с тем> приду* [Q],

где P предшествует Q во времени.

Наконец, группа *в то же время 2* предполагает, что P и Q — это разные аспекты или разные свойства одной и той же ситуации или объекта; ср. естественность 78(а), где это условие выполняется

- (78) а) *Он человек умный* [P] *и в то же время <вместе с тем> непрacticalный* [Q]

при странности 78 (б), где Р и Q — это разные ситуации:

б) ?Он человек хороший, и в то же время *(вместе с тем)* она его не любит.

Напротив, синонимы группы *все-таки 1* указывают на то, что Р и Q — это две отдельные ситуации. Поэтому они вполне естественны во фразах типа *Он человек хороший, и все-таки (все же, все равно, тем не менее) она его не любит*. С другой стороны, они невозможны во фразах типа *Эволюция содержания [Р] есть в то же время (вместе с тем) эволюция формы [Q]*, где Р и Q — разные стороны одного и того же объекта. Ср. странность в нейтральном контексте ?*Эволюция содержания есть все-таки (все же, все равно, тем не менее) эволюция формы*.

По указанной причине для синонимов группы *в то же время 2* характерны конструкции с однородными членами, в частности, конструкции перечисления, указывающие на то, что Р и Q — это разные аспекты или разные свойства одного и того же факта или объекта. Ср. *Жесткость, немилосердность ради дела и вместе с тем природная мягкость, человечность — вот что сочеталось в нем* (А. Бек, Новое назначение); *Беспокойство и вместе с тем ярмарочное любопытство к драке и крови, и вместе с тем постоянное ощущение униженности от этой чрезмерной дозы грубости во всем, что здесь происходит, и вместе с тем необходимость скрывать эту отягченность* (Ф. Искандер, Письмо).

Кроме того, для единиц группы *в то же время 2* Р и Q, — это, как правило, с в о й с т в а или с о с т о я н и я, но не действия; ср. неправомерность **Я не хочу читать эту книгу, но в то же время (вместе с тем) читаю*. Для синонимов группы *все-таки 1*, напротив, очень типичны контексты, где Р и Q — действия; ср. естественность *Я не хочу читать эту книгу, но все-таки (все же, все равно, тем не менее) читаю*.

В соответствии с перечисленными семантическими особенностями, для оборотов *в то же время 2*, *вместе с тем*, *при этом 2*, *при всем том* предлагается следующее толкование:

- (79) Р, в то же время 2, вместе с тем, при этом 2, при всем том Q = 'у объекта или ситуации есть признак Q; у объекта или ситуации есть признак Р; говорящий считает, что если у объекта или ситуации есть признак типа Р, то чаще у нее нет признака типа Q'.

У каждой из единиц данной группы уступительных выражений есть некоторые семантические особенности, по которым наиболее ярко выделяется оборот *при всем том*.

Из-за наличия в его составе квантора *все, при всем том*, в отличие от всех остальных синонимов, обычно предполагает, что у объекта или ситуации имеется сразу несколько или даже много признаков Р, которые несовместимы с наличием признака Q. Ср. *Мы говорим «жена» [Р], «самый близкий человек» [Р], «мать моих детей» [Р] — Ну, а при всем том, разве у нас муж может поделиться чем-нибудь с этим самым близким человеком? [Q]* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

Соответственно, предлагается несколько модифицировать общее толкование с учетом семантических особенностей оборота *при всем том*:

- (80) *P*, *при всем том Q* = ‘у объекта или ситуации есть признак *Q*; у объекта или ситуации есть много признаков *P*; говорящий считает, что если у объекта или ситуации есть признак типа *P*, то чаще у нее нет признака типа *Q*’.

Таким образом, в данной группе уступительных единиц, помимо модификации конверсии, имеет место семантическое наращение степени; кроме того, ограничивается выбор *P* и *Q*.

3.3. УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ, У КОТОРЫХ ПЕРВАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ — ЭТО СИТУАЦИЯ *R*, ВТОРАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ — ЭТО СИТУАЦИЯ *Q*, ТРЕТЬЯ ВАЛЕНТНОСТЬ — ЭТО СИТУАЦИЯ *P*

В данном разделе рассматриваются уступительные единицы, у которых валентность *R* является первой, валентность *Q* — второй, валентность *P* — третьей, типа *как-никак 1*.

3.3.1. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ *КАК-НИКАК 1*, *ВСЕ-ТАКИ 2*, *ВСЕ ЖЕ 2*

Синонимы *как-никак 1*, *все-таки 2*, *все же 2* можно проиллюстрировать примерами типа — *Что это ты вино покупаешь, тебе же нельзя? — Серебряная свадьба завтра, как-никак; — Ты ошибаешься, я не ради денег работаю, я ведь все-таки ученый; — Не хочу, чтобы ты общался с этими людьми. — Надо им помочь — родственники все же.*

Эти лексемы были уже рассмотрены выше, в разделе 2.1.2, где для них было предложено следующее толкование: *P Q*; *как-никак* \langle *все-таки 2*, *все же 2* \rangle , *R* = ‘имеет место *P*; имеет место *Q*; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа *P*, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-*Q*; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация *P*, потому что имеет место ситуация *R*’.

Лексемы *как-никак 1*, *все-таки 2*, *все же 2* синтаксически вводят валентность причины *R*, которая является у них первой. Валентность *Q*, вторая валентность, также всегда выражается эксплицитно, а третья валентность — *P* — в пределах того же высказывания не бывает эксплицитно выражена практически никогда, ее содержание реконструируется из контекста (см. примеры в разделе 2.1.2).

В данном разделе будет предложено уточненное толкование синонимов *как-никак 1*, *все-таки 2*, *все же 2* и рассмотрены незначительные семантические различия между ними.

Указывая на причину ситуации *Q*, синонимы *как-никак 1*, *все-таки 2*, *все же 2* семантически сближаются с лексемами, выражающими причинное значение — *потому что, так как, из-за того что* и пр. Однако лексемы ряда *потому*

что выражают причинное значение в чистом виде, а рассматриваемые синонимы предполагают, помимо желания о б ъ я с н и т ь, еще и попытку говорящего как-то о п р а в д а т ь, и з в и н и т ь существующее положение вещей, воспринимаемое адресатом как странное или плохое, без особой уверенности в том, что ему это удастся. Ср. — *Почему ты сегодня так поздно?* — *Потому что* <так как, из-за того, что> у меня было совещание [нейтральное объяснение] VS. — *Почему ты сегодня так поздно?* *Совещание у меня было, как-никак* <все-таки, все же> [извинение, попытка оправдания]⁴⁴.

Соответственно можно уточнить толкование этих лексем с учетом их «уступительного», извиняющегося характера.

- (81) *Р Q*; как-никак 1 <все-таки 2, все же 2>, *R* = ‘имеет место *P*; имеет место *Q*; кто-то считает ситуацию *Q* странной или плохой; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа *P*, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-*Q*; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация *Q*, потому что имеет место ситуация *R*; говорящий считает, что кто-то может считать, что *R* недостаточно, чтобы было *Q*’.

Таким образом, у лексем данного ряда изменение прототипа идет по линии добавления валентностей — а именно, валентности причины; кроме того, в толкование вводится фигура потенциального оппонента.

Между лексемами *все-таки 2* и *все же 2* практически нет никаких различий. *Как-никак 1* имеет, по сравнению с ними, некоторые слабо выраженные семантические особенности.

Как-никак 1 часто предполагает, что *R* — причина ситуации *Q* — это нечто хорошее и притом оцениваемое говорящим как значительное. Ср. *Как-никак народ России впервые в истории будет выбирать главу своего государства [R] — такие события положено отмечать [Q]* (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Русская политическая метафора: Материалы к словарю); *В гимназии довольно весело и важно [Q]. В караулах как-никак восемь пулеметов и юнкера — это вам не студенты!.. [R]* (М. Булгаков, Белая гвардия); *Если мотивы для замены нашего разыгрывающего были очевидны [---], то замена Яковлева удивила [Q]. Как-никак — харизматический игрок, звезда [R]* (Владимир Серов, Рождение команды. У нашего волейбола есть европейская бронза и светлое будущее, «Известия», 2001.09.17).

⁴⁴ «Извиняющийся», неуверенный характер лексем данного ряда лингвоспецифичен; так, например, их английский аналог *after all* в этом отношении абсолютно нейтрален. Нам представляется, что экспликация семантической функции *как-никак*, данная в работе [Любенская 1997: 277], отражает ту же интуицию: ‘used to introduce an explanation or justification for what is stated in the immediate context; occasionally adds the additional implication that the person, thing etc in question is not of very good quality’ (‘используется, чтобы ввести объяснение или оправдание того, что утверждается в непосредственном контексте; иногда добавляет дополнительную импликацию, что обсуждаемый человек, объект и т. п. не очень хорошего качества’; разрядка наша).

Синоним *как-никак 1* возможен и в контекстах, где R не является чем-то хорошим; оно может оцениваться и нейтрально, и даже отрицательно. Однако оценка R как чего-то значительного сохраняется и в таких контекстах; ср. *Надо отдать должное Аэрофлоту: весь инцидент разрешен с оптимальной быстротой и тактичностью. Не мог же, и впрямь, лететь тот же экипаж [Q]. Как-никак убийство... [R]* (А. Битов, Лес).

Хотя говорящий и считает, что R — это немало, однако из какой-то скромности, деликатности, нежелания навязывать свою точку зрения, он облачает ее в подчеркнуто некатегоричную форму объяснения или просьбы; ср. *Синцов думал, что если назначат в штаб полка, возражать не будет [Q]: как-никак, а за плечами четыре ранения [R]* (К. Симонов, Солдатами не рождаются). См. также примеры выше.

Все-таки 2 и *все же 2* противопоставляются *как-никак 1* в оценке Q и особенно R: и Q, и R часто оцениваются говорящим как нечто плохое. Ср. *Тут его стали беспокоить два соображения: первое, это то, что исчезло удостоверение «МАССОЛИТа», с которым он никогда не расставался, и, второе, удастся ли ему в таком виде беспрепятственно пройти по Москве? [Q] Все-таки в кальсонах [R]* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Снаружи [дом] немного подгорел, повыветрел [Q] — шестьдесят лет все-таки постройке [R]* (Ф. Абрамов, Братья и сестры). В случае, если Q и R — это нечто, оцениваемое отрицательно, цель высказывания с *все-таки 2* и *все же 2* — это попытка извинения за Q.

В более редких случаях *все-таки 2* и *все же 2* позволяют оценивать Q и R как нечто хорошее. Однако и тогда их противопоставленность синониму *как-никак 1* не исчезает. Употребляя *все-таки 2* и *все же 2*, говорящий старается преуменьшить R, представить R как нечто незначительное, в время как синоним *как-никак 1* предполагает оценку R как чего-то значительного. Ср. *Может, ты к нему съездишь? Все же он нам родственник; — Может, он еще и жив? — робко спросил он. — Видишь ли, все-таки он врач... Если даже и схватили, может быть, не убьют, а заберут в плен* (М. Булгаков, Белая гвардия); *Неужели вы думаете, что из-за денег произвожу их? Ведь я же все-таки ученый* (М. Булгаков, Собачье сердце). Говорящий излагает свою точку зрения в неуверенной, некатегоричной форме, так как ему самому R кажется недостаточно существенным обоснованием Q.

Различие по признаку «значительность — незначительность причины R» наиболее заметно в контрастных парах типа *Почему он отвечал на вопросы так неудачно? Все-таки (все же) профессор VS. Он блестяще отвечал на вопросы. — Естественно — как-никак профессор; Почему у них все дети спят в одной комнате? Все-таки (все же) трехкомнатная квартира VS. У каждого ребенка своя комната. — Разумеется. Как-никак, трехкомнатная квартира.* Здесь одно и то же обстоятельство R оценивается как незначительное (*все-таки 2* и *все же 2*) или же как значительное (*как-никак 1*).

3.3.2. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ *ДОБРО БЫ*, *ПУСКАЙ БЫ*, *ЛАДНО БЫ*.СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ (*ЕЩЕ*) *КУДА НИ ШЛО*, *ЕЩЕ ТУДА-СЮДА*

Фраземы уходящ. *добро бы* и устар. редк. *пускай бы* были подробно проанализированы в разделе 2.2.1., где предлагались и толкования для них.

Как было показано выше, это трехвалентные лексемы; ср. *Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками да с их работниками? Слыхано ли дело, до ночи плясать и разговаривать с молодыми мужчинами [Q]? И добро бы еще с родственниками [R], а то с чужими, с незнакомыми [P]* (А. С. Пушкин, Арап Петра Великого); *Собака кинулась промеж ног ее и прямо к детской люльке. Шепчиха видит, что это уже не собака, а панночка [Q]. Да притом пускай бы уже панночка в таком виде, как она ее знала [R], — это бы еще ничего; но вот вещь и обстоятельство: что она была вся синяя, а глаза горели, как уголь [P]* (Н. В. Гоголь, Вий).

Говорящий утверждает, что при имеющей место ситуации R существование ситуации Q не может быть оправдано; оно еще могло бы быть как-то оправдано при наличии ситуации R, но R не имеет места.

Для *добро бы* и *пускай бы* предлагалось следующее толкование: *P, Q. Добро бы (пускай бы) R* = 'имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то плохо, чтобы имела место ситуация типа Q; говорящий считает, что если бы имела место ситуация R, то не было бы так плохо, чтобы имела место ситуация типа Q'.

Таким образом, *добро бы* и *пускай бы* отличаются от прототипа следующим: во-первых, они предполагают добавление валентности, во-вторых, они предполагают качественную оценку ситуации Q говорящим.

В значении этих фразем есть еще один нюанс, который важно прокомментировать. Говорящим формулируется условие (R), при котором он был бы готов принять ситуацию Q; однако даже если бы это условие было соблюдено, говорящий не был бы готов полностью принять и одобрить ситуацию: ср. *Да он на всех зверей похож, батюшка, если уж все хотите доподлинно знать. И ведь добро бы остроумие было, хоть бы остроумием, шельмец, обладал, — ну, я бы тогда согласился, пожалуй, скрепя сердце, для остроумия-то, а то ведь и остроумия нет никакого!* (Ф. М. Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели); *Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных [R], а то даже самих тайных советников [P], подвержены совершенной простуде по причине ночного сдергивания шинелей [Q]* (Н. В. Гоголь, Шинель).

Пускай бы — устаревшая фразема во всех своих употреблениях; *добро бы* — уходящая, но есть употребления, в которых и она является устаревшей. В современном языке *добро бы* употребляется в контекстах, где ситуация R, которая могла бы оправдать ситуацию Q, — это нечто нейтральное или положительно оцениваемое говорящим, но не отрицательно оцениваемое. Контексты, где R — безусловно отрицательно оцениваемая ситуация, воспринимаются как устаревшие: ср.

- (82) а) *И добро бы худо ему было, есть-пить бы не давали* (М. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы);
- б) *И добро бы ты с голоду умирал, а ты ведь жалованье, говорят, хорошее получаешь!* (Ф. М. Достоевский, Идиот);
- в) *И к тому же, добро бы пострадал Степанов; но ведь он же был оправдан обществом офицеров* (Ф. М. Достоевский, Подросток).

У уходящей фраземы *добро бы* и устаревшей *пускай бы* есть современный разговорный синоним с очень близким значением — фразема *ладно бы*. Ср. *Следователь по особо важным делам должен искать жениха внучатой племяннице Генерального прокурора. Слуг себе развели!* [ситуация Q] *Ладно бы — себе, у них хоть посты* [ситуация R, при которой Q могла бы быть приемлемой], *а то ведь уже внучатым племянникам прислуживай!* [ситуация R, которая имеет место, и при которой Q неприемлема] (Ф. Незнанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева).

Семантическая специфика *ладно бы* по сравнению с *добро бы* и *пускай бы* состоит в соотношении ситуаций R и P.

У фразем *добро бы* и *пускай бы* R и P, как правило, представляют собой качественно противоположные ситуации, причем R чаще — нечто оцениваемое положительно, а P — отрицательно, хотя распределение может быть и обратным; ср. *Добро бы лошадь путевая была* [R], *а то — тьфу! глядеть совестно* [P] (А. П. Чехов, Нахлебники); *Добро бы что-нибудь стоящее* [R], *ради чего шум и посуду бить* [Q], *а то какая невидаль, мадам Продам, недотрога бульварная, от хороших делов мышьякухватила, отставная невинность* [P] (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Да не гуляет* [муж]. *Добро бы гулял* [R]. *То-то и беда, что наоборот, пуще мочи ко мне, к детям прирос, душой по нас сохнет* [P] (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Для *ладно бы* такое соотношение R и P также возможно; *Ладно бы не знали* [R], *ладно бы из-под палки* [R] *ахинею несли* [Q] — *прекрасно же осведомлены обо всем* [P].

Однако более характерным является другое соотношение R и P. А именно, ситуация P часто представляет собой более высокую степень R. При этом и R, и P, как правило, оцениваются отрицательно, однако поскольку R — это нечто меньшее по своим масштабам, чем P, то ситуация R более приемлема. Ср. примеры из Интернет-источников (в силу своей разговорности *ладно бы* мало встречается в литературных текстах): *В праздниках только одно плохо — то, что после них ещё и работать надо* [Q]. *Ну ладно бы один раз* [R], *а так ведь каждый день* [P]; *Я могу попасть на форум, а вот в чат нет* [Q]... *И ладно бы я одна* [R], *очень, даже очень многие не могут попасть туда* [P].

Поскольку *ладно бы* предполагает в первую очередь количественное различие между R и P, для этой фраземы характерно употребление в контексте различных кванторных слов типа *только, просто* (в значении ‘только’), *еще* и пр.; ср. *Ладно бы просто изменила* (ну с кем не бывает, сам не ангел), *так она еще и роман закрутила*; *И ладно бы еще только эти проблемы с лицензией! Все намного хуже!* (Интернет-источники).

Фразема *ладно бы* отличается от *добро бы* и *пускай бы* и в синтаксическом отношении, а именно, она может употребляться в качестве самостоятельной пропозиции (так же, как и лексема *ладно*). Ср. следующий контекст, где *ладно бы* формирует главную часть сложноподчиненного предложения: *И ладно бы, если бы черная неблагодарность милиционеров ограничилась только этим. Так ведь нет* (А. Маринина, Мужские игры).

У фразем ряда *добро бы*, *пускай бы*, *ладно бы* есть современные разговорные аналоги — фраземы (*еще*) *куда ни шло*, *еще туда-сюда*; ср. *Кошка — еще куда ни шло, но собаку заводить я не согласна; Вдвоем еще туда-сюда, а одному мне тут не управиться*.

Подобно фраземам ряда *добро бы*, фраземы (*еще*) *куда ни шло* и *еще туда-сюда* указывают на то, что какое-то положение вещей говорящий считает приемлемым и готов на него согласиться, а какое-то — заведомо неприемлемым. Однако между данными двумя рядами фразем есть и различия.

Во-первых, в отличие от трехвалентных *добро бы*, *пускай бы* и *ладно бы*, фраземы (*еще*) *куда ни шло* и *еще туда-сюда* двухвалентны. Первый ряд фразем предполагает, что говорящий считает некую ситуацию допустимой в гипотетических обстоятельствах R, но неприемлемой в тех обстоятельствах, которые имеют место.

Второй ряд фразем указывает на то, что говорящий считает некую ситуацию допустимой и готов на нее согласиться, а некую другую ситуацию — неприемлемой. Таким образом, для (*еще*) *куда ни шло* и *еще туда-сюда* не обязательно указание на дополнительные обстоятельства R, наличие которых могло бы изменить оценку имеющей место ситуации.

Подобно фраземе *ладно бы*, (*еще*) *куда ни шло* и *еще туда-сюда* указывают на количественное соотношение имеющих место ситуаций: та из них, которая оценивается как допустимая [назовем ее P], представляет собой более низкую степень той, которая является неприемлемой [назовем ее Q]. Ср. отрывок из известного стихотворения Д. Хармса «Врун», целиком построенного на использовании фраземы *еще туда-сюда*:

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Еще двадцать, еще тридцать,
Ну, еще туда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок —
Это просто ерунда!

Фраземы (*еще*) *куда ни шло* и *еще туда-сюда* отличаются от фразем ряда *добро бы* экзистенциальным статусом ситуаций. Фраземы ряда *добро бы* предполагают, что приемлемая ситуация R непременно гипотетична, а неприемлемые ситуации P и Q непременно реальны.

У фразем (*еще*) куда ни шло и *еще туда-сюда* статус приемлемой ситуации Р и неприемлемой Q не определен — они могут быть как реальными, так и воображаемыми; ср. *Да, я не мог ответить себе на поставленные вопросы, но поймите: это вовсе не означало потерю памяти, это бы еще куда ни шло* [приемлемая гипотетическая ситуация Р]. *Дорогой Леонардо, все было гораздо серьезнее, а именно; я находился в одной из стадий исчезновения* [неприемлемая реальная ситуация Q] (Саша Соколов, Школа для дураков); *Карлсон носился по кухне, высоко поднимая колени. Время от времени он подпрыгивал и взмахивал своими тюлевыми накидка-ми. «Что за дурацкий танец, — подумал Малыш. — Но это* [приемлемая реальная ситуация Р] *еще куда ни шло, только бы он не вздумал летать»* [неприемлемая гипотетическая ситуация Q] (А. Линдгрен, Малыш и Карлсон, пер. Л. Лунгиной); *Пока закуривали* [приемлемая реальная ситуация Р] — *еще туда-сюда: хоть какое-то дело, — но, когда прикурили, опять стало ужасно неловко* [неприемлемая реальная ситуация Q] (В. Шукшин, Любавины).

Поэтому для фразем (*еще*) куда ни шло и *еще туда-сюда* предлагается следующая модификация толкования:

- (83) Р (*еще*) куда ни шло (*еще туда-сюда*), Q 'имеет или может иметь место Р; имеет место или может иметь Q; говорящий считает, что плохо, если имеет место ситуация типа Q; говорящий считает, что не так плохо, если имеет место ситуация типа Р'.

ГЛАВА 4. УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ В КРУГУ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ КОНЦЕПТОВ⁴⁵

Концепт уступительности не является изолированным в кругу других языковых концептов. В Главе 1 были показаны его связи с условием и противительностью, в Главе 2 — с желательностью, гипотетичностью, степенью. Было продемонстрировано, каким образом смыслы 'желательность' и 'нежелательность', 'уверен', 'будет', 'может', 'высокая степень', 'низкая степень' и пр., добавляемые к прототипу уступительности, служат для формирования значений новых уступительных слов и выражений. По мере добавления таких семантических компонентов значение языковой единицы все больше удаляется от прототипа уступительности, понимаемой в терминологическом смысле, однако все больше сближается со значениями слов *уступать*, *уступка*, которые также содержат указание и на желательность некоторой ситуации, и на ее труднодостижимость, и на необходимость компромисса (подробнее об этом парадоксе см. ниже, в разделе 4.2).

В данной главе рассматриваются парадигматические связи уступительности с желательностью, гипотетичностью и степенным (количественным) значе-

⁴⁵ Полное описание уступительных единиц, рассматриваемых в данной главе, представлено в словарных статьях автора в [НОСС 2004].

нием, а также анализируются корреляции этих семантических компонентов в значениях уступительных единиц.

4.1. Полисемия уступительных единиц

Выше было показано, что все уступительные единицы, за исключением прототипа, содержат, в том или ином виде, один или больше из следующих трех семантических компонентов: '(не)желательность', 'реальность / гипотетичность', 'низкая / высокая степень'. В данном разделе будет продемонстрирована неслучайность этой семантической тенденции. Оказывается, что многие уступительные единицы развиваются из слов, основное значение которых связано именно с реальностью/гипотетичностью, желательностью или степенью. Неудивительно, что в ходе такой семантической эволюции производное (уступительное) значение лексической единицы сохраняет в себе «отсвет» основного.

Особенно продуктивными в этом смысле являются слова со значением количества или степени. От слов со значением степени происходят следующие уступительные единицы: *только бы 1*, *лишь бы 1*, (*вот*) *только 3*; *по крайней мере 2*.

Рассмотрим в качестве примера полисемию частицы *по крайней мере*. В своем основном значении *по крайней мере* имеет чисто количественное значение, которое, безусловно, просвечивает и в производном, уступительном значении этого слова, анализируемое ниже (оно представлено примерами типа *Если уж не можешь помочь, то по крайней мере не мешай*).

Частица *по крайней мере 1* имеет следующее значение:

- (84) *Р по крайней мере 1 Q* (На заседании присутствовало по крайней мере тридцать человек) = 'говорящий не знает точную величину Р; говорящий утверждает, что Р не меньше чем Q; говорящий считает, что Р может быть больше чем Q'.

Аналогами частицы *по крайней мере 1* являются количественные выражения *не меньше чем*, *как минимум* и *по меньшей мере*.

У уступительной частицы *по крайней мере 2* есть еще одна близкая лексема — частица *по крайней мере 3* с промежуточным — полуколичественным, полууступительным — значением; ср. *Кроме привычки к точности, переводчик-филолог знает лучше других — или, по крайней мере, должен знать — еще одно правило* (М. Гаспаров, Записи и выписки).

Частица *по крайней мере 3* предполагает, что говорящему неизвестно точное положение вещей, и он, не желая настаивать на более сильном утверждении Р, которое может оказаться ошибочным и с которым не согласен его потенциальный оппонент, заменяет его на более слабое Q, в правильности которого он уверен. При этом, однако, говорящий думает, что в норме из Q следует или должно следовать Р, поэтому, с его точки зрения, более сильное утверждение Р также является верным. Ср. *Белоруссия составляет исключение [Р], по крайней мере, об этом громко за-*

являли президенты обеих стран [Q] (Александр Братерский, Минск не хочет жить по карточкам, «Известия», 2003.01.17) [импликация: если президенты что-то заявляют, в норме это должно быть правдой].

Для частицы *по крайней мере* 3 предлагается следующее толкование:

- (85) *Р; по крайней мере 3 Q* (Он хороший работник [P], по крайней мере, никто не жалуется [Q]; Мне кажется, они близкие друзья [P], по крайней мере, они много времени проводят вместе [Q]) = 'кто-то считает, что Р не имеет места; говорящий не знает, имеет ли место Р; говорящий знает, что имеет место Q; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа Q, то имеет место ситуация типа Р; поэтому говорящий думает, что должна иметь место Р; говорящий утверждает, что имеет место Q'⁴⁶.

Аналогами *по крайней мере* 3 являются выражения в любом случае и во всяком случае, также демонстрирующие направление семантического развития от чистой квантификации в сторону уступительности; ср. *У личности нет прав — во всяком случае, тех, о которых кричат при постройке новых взаимоотношений* (М. Гаспаров, Записи и выписки); *Возможно, я отчасти ненавижу ее — виновницу убийства моего друга (...)* В любом случае (...) *прежняя любовь исчезла* (М. Веллер, Колечко) [и в том, и в другом примере говорящий производит самокорректировку в сторону уменьшения силы высказывания в порядке уступки воображаемому оппоненту].

Интересным аналогом *по крайней мере* 3 является конструкция *не то чтобы...* (а/но); ср. *Со временем все не то чтобы забывается, но сглаживается*. Конструкция *не то чтобы...* (а/но) тоже имеет отношение к тому, что можно назвать «осторожной номинацией» или «самокоррекцией»: говорящий, не желая делать слишком сильное высказывание Р, которое может оказаться неверным, заменяет его на более слабое, но заведомо верное Q. Однако у этой конструкции есть и прагматические, и семантические отличия от *по крайней мере* 3.

Во-первых, *по крайней мере* 3 указывает на то, что говорящий считает, что на основании Q можно сделать вывод о существовании Р, а *не то чтобы...* (а/но) такой импликации не содержит; ср. *Оформлением приглашений должна заниматься секретарша [P], по крайней мере, это входит в ее обязанности [Q]* [импликация: если что-то входит в обязанности человека, он этим занимается], при странности *Она не то чтобы должна этим заниматься [P], но это входит в ее обязанности [Q]*. Ср., кроме того, отсутствие такой импликации во фразах типа *Она не то чтобы обиделась [P], но, наверно, слегка расстроилась [Q]*, где Р и Q связаны чисто количественными отношениями, а не отношениями обусловленности. В такого рода фразах употребление *по крайней мере* 3 невозможно: *Она обиделась [P], по крайней мере, слегка расстроилась [Q]*.

⁴⁶ Легко заметить, что в толковании *по крайней мере* 3 просматривается некоторая «уступительность наоборот»: в толковании уступительных единиц есть компонент вида «обычно, если Р, то не Q', тогда как у *по крайней мере* 3 — «обычно, если Р, то Q'.

Во-вторых, эти две единицы различаются своей диалогической функцией. По крайней мере 3 предполагает, что мнение говорящего о том, что имеет место Р, может быть оспорено (потенциальным) оппонентом, в силу чего говорящий вынужденно заменяет правильное, с его точки зрения, утверждение о Р на более слабое утверждение о Q: — *Думаю, мы дело выиграем* [Р]. — *Сильно в этом сомневаюсь.* — По крайней мере, закон на нашей стороне [Q].

Не то чтобы... (а/но), напротив, часто употребляется в контекстах, где мнение о существовании Р высказывается собеседником (оппонентом), а говорящий в мягкой форме заменяет это слишком сильное, по его мнению, утверждение на более слабое: — *Ты устал* [Р]? — *Не то чтобы сильно устал* [Р], *но немного утомился* [Q].

Однако в большинстве случаев употребления этих лексем реальный оппонент отсутствует, и в связи с этим встает вопрос о том, чем мотивировано упоминание ситуации Р, если говорящий все равно в порядке самокоррекции заменяет утверждение о Р на утверждение о Q. Представляется возможным следующее объяснение: как это ни парадоксально (ведь говорящий уступает оппоненту!), это делается говорящим для усиления собственных позиций в диалоге. Хотя формально говорящий делает утверждение только о существовании Q, на самом деле он подразумевает, что имеет место нечто большее, чем Q. В самом деле, фраза *Моя жизнь не то чтобы совсем пуста* [Р], *но не изобилует яркими событиями* [Q] прагматически «сильнее», чем фраза *Моя жизнь не изобилует яркими событиями* (и которую можно было бы продолжить ...но и пустой ее никак не назовешь). Аналогично, фраза типа *В младшей школе не рекомендуется ставить оценки, по крайней мере, в первом классе* «сильнее», чем фраза *В первом классе не рекомендуется ставить оценки*.

Некоторые уступительные единицы являются производными от слов со значением реальности/гипотетичности (или фактивности/путативности). Так, во многие уступительные выражения входят форманты со значением гипотетичности *бы* и *если* (*если даже, если и 2; если уж не...; хотя бы 3 (и), хоть бы 3 (и); добро бы, пускай бы, ладно бы; только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*); уступительный союз *правда 7* является производным от существительного *правда 1* с фактивным значением; путативное слово *конечно* развивает уступительное значение; ср. *Что друзья твои погибли, это жаль, конечно. Но ты пойми: без жертв не бывает* (Ю. Буркин, Рок-н-ролл мертв). В каком-то смысле все уступительное значение является производным от смысла условия (и, таким образом, гипотетичности) — и этимологически, и на синхронном семантическом уровне.

Относительно смысла желательности утверждение о наличии тесных словообразовательных связей с уступительными единицами также оказывается верным. Так, союз *хотя 1* происходит от глагола *хотеть*; уступительные лексемы *пусть 2, пускай 2 и пусть 3, пускай 3* являются производными от оптативных лексем *пусть 1* и *пускай 1*; фраземы *добро бы* и *ладно бы* происходят от слов *добро* и *ладно* со значением положительной оценки и желательности.

4.2. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ В ИХ ЗНАЧЕНИЯХ

В данном разделе на примере двух синонимических рядов — *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2* и *по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 3* — рассматриваются связи уступительных лексем с другими, семантически близкими им лексемами, а также анализируется взаимодействие семантических компонентов ‘желание’, ‘реальность/гипотетичность’ и ‘высокая / низкая степень’ в их значениях.

Перечисленные лексемы являются, в некотором смысле, переходными, пограничными единицами, находящимися на пересечении разных родственных уступительности значений.

Начнем с лексем первой группы — *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*⁴⁷. В своем уступительном значении они представлены во фразах типа *Я на все готова* [Р], *только бы (лишь бы) он вернулся* [Q]; *Хоть бы он вернулся цел и невредим* [Q]⁴⁸.

Все эти лексемы предполагают, что субъект очень хочет, чтобы было некое Q, такое, что ради его осуществления субъект готов отказаться от желательного Р или согласиться на нежелательное Р. Таким образом, они содержат семантический компонент ‘желание’.

Во-вторых, они указывают на то, что осуществление Р для субъекта важнее других очень важных Р, это единственное, от чего субъект не готов отказаться и, таким образом, содержат семантический компонент ‘степень’.

В-третьих, Р — это не факт, а ситуация, вероятность наступления которой варьируется в зависимости от обстоятельств и может даже быть равной нулю. Таким образом, эти лексемы содержат семантический компонент ‘гипотетичность’.

Наличие всех этих смысловых компонентов в значениях данных уступительных лексем сближает их с лексемами самой разной семантики.

Единицы синонимической группы *только бы 2* сближаются, в первую очередь оборотами, имеющими оппозитивное значение: *хорошо бы, неплохо бы; вот бы; пусть 1* (*Пусть всегда будет солнце, Пусть Бог тебя накажет*), *необходн. да 9* (*Да будет свет*), разг. *чтоб 4* (*Чтоб ноги твоей здесь больше не было*) и пр.

Фраземы *хорошо бы, неплохо бы* сближаются с рассматриваемыми синонимами в том круге употреблений, где последние используются для выражения пожелания. *Хорошо бы и неплохо бы* указывают на меньшую силу желания и меньшую важность Q для говорящего, чем *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*. Ср. *Побеленное крыльцо с балюстрадой — Хорошо бы на нем попить чаю!*

⁴⁷ Этот синонимический ряд подробно рассмотрен в работе [Апресян В., Григорьева 2004].

⁴⁸ У *хоть бы* есть и другая лексема с уступительным значением; см. *хоть бы 3* в разделе 3.1.5.

(А. Арьев, Предисловие к повести С. Довлатова «Заповедник»); — *Познабливает, — признался Виктор. — Надо выпить джину, — заметил Голем. — Да, неплохо бы...* (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди), при прагматической неадекватности *Только бы попить на этом крыльце чаю!; Лишь бы выпить джину!*

Лексемам *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2* также близка фразема *вот бы*, специфика которой состоит в том, что она обычно вносит указание на очень низкую вероятность или невозможность осуществления Q; ср. *Ведь я с ним сегодня целое утро провел у его немки; ведь мы сегодня троим пели — вот бы вы послушали* (И. С. Тургенев, Накануне); *Вот бы поработать этак-то, — замечтал он, пьяня все более и более* (И. А. Гончаров, Обломов); *Вот бы в отпуск съездить, — мечтательно сказал усатый, — жену потрогать, вспомнить хоть, какая она есть* (К. Симонов, Солдатами не рождаются).

Лексемы *пусть 1*, *да 9* и *чтоб 4* также сближаются с синонимами *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2*⁴⁹. Общей для них является некоторая перформативность: произнося их, говорящий как бы пытается сделать так, чтобы было Q, закликает Q; ср. *Пусть все будет хорошо; Да сбудется наша мечта; Чтоб ему удачи не было; Только бы (лишь бы, хоть бы) он был жив.*

Лексема *да 9* противопоставлена прочим анализируемым лексемам характером Q: для нее более типичны контексты, где Q носит созидательный характер; ср. *Да хранит тебя Бог, Да будет ему земля пухом, Рука дающего да не оскудеет.*

Лексема *чтоб 4*, напротив, чаще указывает на деструктивный характер R, для нее более естественно употребление в контекстах пожелания зла; ср. *Чтоб тебе пусто было, Чтоб ему провалиться.*

Лексема *да 9*, кроме того, противопоставлена всем остальным лексемам по признаку степени контроля говорящего над осуществлением Q. В случае *да 9* наступление Q как бы обеспечивается самим актом речи и, тем самым, непосредственно зависит от говорящего; ср. ее употребление в библейских текстах, где речь идет о сотворении мира (*Да будет свет*); ср. также *Идеализм рождается у господствующих классов от привычки сказать слово и получить вещь; вот так и Бог сказал: да будет свет* (М. Гаспаров, Записи и выписки); — *Да будет так! — сказала она, — я принимаю твое решение как Божие прощение* (И. А. Гончаров, Обрыв).

Лексемы *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2* предполагают наименьшую степень контроля над осуществлением Q. Более того, они часто употребляются в контекстах обращения к высшей силе с просьбой о Q; ср.; *Господи, лишь бы они нас не заметили!; Господи! только бы успеть, только бы успеть!* (А. Битов, Преподаватель симметрии); *Господи, хоть бы кто-нибудь появился в этом (...)-коридоре!* (Е. Филенко, Шествие динозавров).

⁴⁹ В работе [Корди 1990: 180] *только бы* и *лишь бы* также рассматриваются как единицы со смешанной семантикой: преимущественно оптативные, с наложением на семантику желания семантики условия, цели и «согласия, допущения».

Помимо вышеперечисленных лексем со значением пожелания, лексемы *только бы 1* и *лишь бы 1* сближаются с лексемами со значением *степени* (количества). А именно, у *только бы* и *лишь бы* есть лексемы *только бы 2*, *лишь бы 2* со значением ‘достаточно Р, чтобы было Q, которое кто-то хочет’; ср. *Ну что ж, и тогда можно узнать, — спокойно отвечал ему на это Орган. — Для этого есть звезды на небе. Звезды не подведут, всегда точно укажут. Только бы сам знал, где какая звезда* (Ч. Айтматов, *Пегий пес, бегущий краем моря*); *Тут можно было загорать даже в самую ветреную погоду — лишь бы светило солнце* (Саша Соколов, *Школа для дураков*).

Наконец, они близки и к лексемам группы *по крайней мере 2*, хотя *бы 1*, *хоть 3*, имеющим уступительное значение, в которое также входят смыслы ‘желание’, ‘степень’, ‘гипотетичность’. Ср. *Если он не может приехать на конференцию [Р], пусть, по крайней мере, пришлет свою статью [Q]; Если не можешь погостить подольше [Р], может, хотя бы (хоть) на денек приедешь [Q]?*

С группой *по крайней мере 2* группа *только бы 2* сближается наличием следующих семантических компонентов: а) субъект хочет, чтобы было Q; б) субъект готов примириться с тем, чтобы не было Р; в) субъект понимает, что вероятность Q как минимум не стопроцентна, а часто и очень мала.

Различаются они в первую очередь соотношением Р и Q. Группа *по крайней мере 2* предполагает, что субъект соглашается на меньшее или худшее Q, понимая, что получить большее или лучшее Р невозможно. Ряд *только бы 2* вводит другое соотношение: ради очень важного для него Q субъект готов пожертвовать любым Р. Ср. *Если уж не можешь пойти в гости [Р], позови кого-нибудь, чтобы по крайней мере не оставаться одному [Q] VS. Пусть бы они погибли вместе, пусть бы скорее умерли от жажды и голода [Р], но только бы не оставаться одному в полном и страшном одиночестве [Q]* (Ч. Айтматов, *Пегий пес, бегущий краем моря*).

Имеется определенная корреляция между разными семантическими компонентами в значении уступительных единиц групп *по крайней мере 2* и *только бы 2*. А именно, степень (количество) и вероятность коррелируют с желанием: чем больше желание получить нечто, тем ниже вероятность получения и меньше количество или степень того, что субъект надеется получить.

Значение лексем в синонимических группах *только бы 1* и *по крайней мере 2* очень удалено от прототипа уступительности в том виде, в каком он был сформулирован выше, однако оно близко языковому значению слов *уступать*, *уступка* и т. п. (см. также выше, раздел 1.1. Уступительность как фигура речи и смысл). Как будет показано ниже, все эти лексемы предполагают ситуации, которые могли бы быть адекватно описаны глаголом *уступать*: говорящий или субъект под давлением обстоятельств отказывается от чего-то, что он бы хотел иметь или соглашается на нечто меньшее, чем желаемое. В описании значений этих лексем используются слова, близкие по смыслу к *уступать* — слова, описывающие ситуации компромисса, уступки, — такие как *соглашаться*, *довольствоваться* и пр. Заметим, что

и в удаленных от прототипа уступительных единицах, и в словах *уступать*, *довольствоваться* присутствуют, в том или ином виде, семантические компоненты 'желание', 'реальность/гипотетичность', 'низкая степень'.

4.2.1. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ *ТОЛЬКО БЫ 1*, *ЛИШЬ БЫ 1*, *ХОТЬ БЫ 2*

Лексемы *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2*, можно проиллюстрировать, помимо примеров предыдущего раздела, фразами типа

- (86) а) *Я готова жить где угодно, только бы уехать из этого города;*
 б) *Он согласен на любую работу, лишь бы она была недалеко от дома;*
 в) *Хоть бы он вернулся поскорей!*

Для них предлагается следующее толкование:

- '86' Пусть⁵⁰ Р, *только бы* (*лишь бы*, *хоть бы*) Q = 'субъект (часто сам говорящий) очень хочет, чтобы было Q; он считает, что если не будет других Р, которые он хочет, или будут Р, которых он не хочет, то может быть Q; он говорит, что хочет, чтобы было Q; он говорит, что согласен, чтобы не было Р, которые он хочет или были Р, которых он не хочет'

Отчасти предлагаемое толкование совпадает с толкованиями целевых слов, однако особенность данной группы слов состоит в очень большой важности Q для субъекта и (для лексем *только бы 1* и *лишь бы 1*) в его предполагаемой готовности пожертвовать всем, кроме Q, для достижения Q. В контекстах, где эти условия не соблюдаются, *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2* не употребляются; ср. невозможность **Я готов кое-чем пожертвовать, только бы (лишь бы) ее спасти*.

Все эти лексемы используются для выражения сильного желания в ситуации, когда осуществление Q неподконтрольно субъекту желания или не полностью зависит от него. Синтаксически отсутствие контроля проявляется в выборе особых типов конструкций. Ср. правильность *Хоть бы (лишь бы) он приехал*, при невозможности **Хоть бы (лишь бы) я приехал*.

Между *только бы 1* и *лишь бы 1*, с одной стороны, и *хоть бы 2*, с другой, имеются некоторые смысловые различия. В своем основном круге употреблений *только бы 1* и *лишь бы 1* особенно ярко противопоставлены *хоть бы 2*.

В этом круге употреблений они предполагают, что субъект готов *пожертвовать* чем-то важным, чтобы получить что-то еще более важное. Субъект идет на то, чтобы потерять желательное для него Р, либо на то, чтобы нежелательное для него Р имело место; ср. *Вдруг охватит тоска по родине, и, кажется, всё бы отдал, только бы домой, вас повидать* (А. П. Чехов, Архиперей); *Людам свою собственную [жизнь] не жалко положить и жизнь своих сыновей, и любые трудности вы-*

⁵⁰ В сентенциальном входе для введения валентности Р используется конверсив лексем *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2* — уступительная лексема *пусть 3* со значением предела (см. раздел 3.1.5), а не их аналог — оптативная лексема *пусть 1*.

нести, лишь бы внукам и правнукам было хорошо (Ю. Алешковский, Кенгуру). Для *хоть бы 2* это невозможно; ср. неправильность

(87) **Я все бы отдала, хоть бы его повидать.*

В этом круге употреблений *только бы 1* и *лишь бы 1* допускают не совпадение субъекта желания и говорящего. Ср. *Я готова на все, только бы (лишь бы) ему помочь* VS. *Она готова на все, только бы (лишь бы) ему помочь*. Ср. также следующие примеры, иллюстрирующие несовпадение субъекта желания с говорящим: *Этим турфирмам лишь бы (только бы) деньги содрать*.

Для *хоть бы 2* и это невозможно; ср.

(88) **Этим турфирмам хоть бы деньги содрать.*

Во втором круге употреблений *только бы 1* и *лишь бы 1* сближаются с *хоть бы 2* и используются для выражения сильного желания, чтобы было Q, вероятность которого не очень высока и наступление которого абсолютно не контролируется субъектом. Ср. *Только бы видеть человеческие лица, слышать звуки человеческого голоса* (А. Н. Апухтин, Между жизнью и смертью); *Лишь бы успеть, лишь бы она увидела меня, лишь бы простила* (К. Паустовский, Телеграмма); *Хоть бы приехать скорее!* (Ю. Казаков, Вон бежит собака).

В этом круге употреблений *только бы 1* и *лишь бы 1*, как и *хоть бы 2*, не указывают на какие-либо действия субъекта, направленные на достижение желаемого.

Единственное, что предпринимает с этой целью субъект, — это речевое выражение пожелания, часто с обращением к высшим силам, на помощь которых он уповаet. Ср. *Только бы не кремировали, Господи!* (И. Сергиевская, Флейтист); *Господи, только бы не зареветь!* (Анатолий Мариенгоф, Мой век, мои друзья и подруги); *Господи, лишь бы выбраться отсюда; Господи, хоть бы выход скорей* (М. Булгаков, Белая гвардия); *Ой, господи! Хоть бы не свалилась* (В. Белов, Деревенское утро); *Господи! Хоть бы помереть скорей!* (В. Кунин, Иванов и Рабинович, или «Ай гоу ту Хайфа!...»); *Господи, хоть бы звук какой-нибудь!* (А. и Б. Стругацкие, Обитаемый остров).

Для *хоть бы 2* также возможны особые употребления, где этот синоним на самом деле не указывает на желание говорящего, чтобы было Q, а служит для того, чтобы дать выход его эмоциям, обычно негативным; ср. *Хоть бы свалился да шею сломал!* (В. Белов, Рассказы о всякой живности); *Яша. Надоел ты, дед. (Зевает.) Хоть бы ты поскорее подох* (А. П. Чехов, Вишневый сад).

Предлагаемое в начале раздела толкование было ориентировано на некоторое усредненное значение описываемых лексем. С учетом их семантических особенностей, перечисленных выше, необходимо уточнить это толкование.

Для *только бы 1* и *лишь бы 1*, поскольку они могут указывать не только на выраженное желание субъекта, чтобы было Q, но и на действия P, которые он с этой целью совершает, предлагается следующее уточненное толкование:

- (89) Пусть *Р*, только бы (лишь бы, хоть бы) *Q* = 'субъект (часто сам говорящий) очень хочет, чтобы было *Q*; он считает, что если не будет других *Р*, которые он хочет, или будут *Р*, которых он не хочет, то может быть *Q*; он говорит, что хочет, чтобы было *Q*; он говорит, что согласен, чтобы не было *Р*, которые он хочет, или были *Р*, которых он не хочет; он делает или готов сделать так, чтобы не было *Р*, которые он хочет или были *Р*, которых он не хочет'.

Для *хоть бы 2*, с учетом, что никакого действия, помимо словесного пожелания, для осуществления *Q* со стороны субъекта не предполагается, и что субъектом является сам говорящий, толкование модифицируется следующим образом:

- (90) *Хоть бы Q* = 'говорящий очень хочет, чтобы было *Q*; он говорит, что хочет, чтобы было *Q*'.

4.2.2. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ 2, ХОТЯ БЫ 1, ХОТЬ 3⁵¹

Лексемы *по крайней мере 2*, *хотя бы 1*, *хоть 3* можно проиллюстрировать следующими примерами:

- (91) а) Если ты его не любишь [*Р*], ты могла бы его по крайней мере уважать [*Q*];
 б) Хорошо, что хотя бы раз в год удастся приезжать, многие и такой возможности не имеют;
 в) Дай мне хоть горбушку хлеба [*Q*], я умираю от голода;
 г) Следовало бы — единственно из простой вежливости — подойти и благословиться у старца, по крайней мере хоть благословиться, если уж не целовать руку (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы);
 д) Не исключено, что у нас хватит здравого смысла если уж не отказаться от военных действий полностью, то хоть вести себя столь же рассудительно, как наши предки в восемнадцатом веке (О. Хаксли, «О дивный новый мир», пер. с англ.).

Как видно из приведенных примеров, данные лексемы описывают два типа ситуаций: (а) когда в отсутствие чего-то большего или лучшего говорящий (или субъект) готов был бы удовлетвориться чем-то малым; (б) когда, боясь, что он не получит ничего, говорящий (или субъект) просит о чем-то малом. В контексте не всегда присутствует эксплицитное указание на ситуацию *Р* — то, чего бы говорящий (или субъект) действительно желал, в то время как указание на ситуацию *Q* — ее замену — обязательно.

Для лексем группы *по крайней мере 2* предлагается следующее толкование:

⁵¹ Подробное описание этого синонимического ряда см. также в работе [Апресян В. 1999].

- (92) Если уж не⁵² Р, то по крайней мере (хотя бы, хоть) Q = 'субъект или говорящий очень хочет, чтобы было Р; субъект или говорящий считает, что Р не будет; субъект или говорящий считает, что может быть Q; субъект или говорящий хочет, соглашается, делает или готов делать так, чтобы было Q, которое мало или меньше Р'.

Между лексемами *по крайней мере 2*, *хотя бы 1*, *хоть 3* есть некоторые семантические различия. Основное различие между синонимами, из которого вытекают все остальные, касается количественных характеристик ситуации Q, на которую готов согласиться субъект. Синонимы выстраиваются по шкале, где *по крайней мере 2* предполагает самую высокую количественную оценку Q, *хоть 3* — самую низкую, а *хотя бы 1* располагается между ними.

По крайней мере 2 обычно предполагает сравнение искомой ситуации Q с другой ситуацией, л у ч ш е й, чем Q; ср. *Надо по крайней мере купить дачу, если на квартиру не хватает*. Таким образом, *по крайней мере 2* вводит некий о т н о с и т е л ь н ы й минимум, которым субъект готов удовлетвориться.

При этом *по крайней мере 2* предполагает, что Q, которое имеет или на которое претендует субъект, хотя и м е н ь ш е, чем он хотел, однако само по себе не обязательно м а л о; ср. *Что ж, разве я лучше? У меня по крайней мере есть муж, которого я люблю* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).

По крайней мере 2 не предполагает, что вероятность получения желаемого непременно низка; она может быть и высокой, даже с т о п р о ц е н т н о й. Поэтому частица *по крайней мере 2* возможна и в контекстах, где речь идет о реально имеющей место ситуации Q, а также в контекстах д о л ж е н с т в о в а н и я, указывающих на то, что нечто наверняка будет иметь место. Ср. *Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки — по крайней мере, в продолжение одного года* (Н. В. Гоголь, Шинель); — *По крайней мере, если придется ехать, я буду утешаться мыслью, что это сделает вам удовольствие* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).

В отличие от частицы *хоть 3*, предполагающей п р о с ь б у, *по крайней мере 2* часто употребляется, когда субъект т р е б у е т чего-то; ср. — *По крайней мере, вы обязаны обеспечить служащим нормальные рабочие условия*.

В *хоть 3*, напротив, сравнение идет с чем-то худшим, чем искомая ситуация: субъект допускает, что он получит существенно меньше, чем хочет, или вообще ничего. *Хоть 3*, таким образом, предполагает очень низкую количественную оценку ситуации Q: то, чем готов довольствоваться субъект или говорящий, приближается к а б с о л ю т н о м у минимуму⁵³. Хотя субъект хочет получить этот минимум, последний ни в коей мере не является для него д о с т а т о ч н ы м, не может удовлет-

⁵² В сентенциальном входе для введения валентности Р используется конверсив лексем *по крайней мере 2*, *хотя бы 1*, *хоть 3* — уступительная конструкция *если уж не...то*, — в комбинации с которой они часто употребляются.

⁵³ Это свойство *хоть* в данном значении также отмечается в работе [Николаева 1999: 313].

ворить его реальные потребности; ср. *Дай мне хоть корку хлеба* (глоток воды, миг передышки) [корка хлеба не может насытить, глоток воды не может утолить жажду, миг передышки не дает отдыха]. В контекстах, где искомая ситуация осмысливается не как абсолютный минимум, а как удовлетворяющая какую-то, пусть даже скромную потребность, частица *хоть* 3 неупотребительна; ср. странность *Нужно хоть иметь перед собой ясную цель*, при возможности *хотя бы* 1 и *по крайней мере* 2 в этом контексте.

Частица *хоть* 3 содержит в своем значении имплицитное отрицание. По своим семантическим и сочетаемым свойствам она может быть отнесена к числу отрицательно поляризованных языковых единиц. Она наиболее естественна в контексте лексем со значением ничтожно малой степени (*крошечка, крупица, капелька* и т. п.), часто тоже отрицательно поляризованных; ср. *Это называется «скорее погибнет земля и небо, чем потеряется хоть одна йота из закона»* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Вы смелее, честнее, глубже нас, но подумайте, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня* (А. П. Чехов, Вишневый сад); *Я не представлял себе, чтобы это можно было сыграть хоть крошечку лучше, чем сыграл Патрикеев* (М. Булгаков, Театральный роман); *Чтобы этот миазм оттенить, нужна хоть крупица благоухания* (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки).

Хоть 3, в отличие от *по крайней мере* 2, часто предполагает очень маленькую вероятность наступления желательной ситуации; субъект понимает, что скорее всего он не получит желаемого. Поэтому *хоть* 3 употребляется в первую очередь в контекстах ирреальности и гипотетичности. Ср. *О, что бы я сейчас отдал, чтобы еще хоть раз взглянуть на них* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Если бы у Олега Глазова была хоть какая-нибудь сноровка, он зацепился бы в прифронтовой полосе или сразу же постарался бы попасть в колонну, идущую в глубокий тыл* (В. Астафьев, Сашка Лебедев); *Додумаю ли я сегодня до конца хоть одну мысль!* (А. Битов, Преподаватель симметрии). В подобных контекстах *по крайней мере* 2 было бы совершенно неуместно.

Невысокая вероятность получения желаемого влечет за собой большую, чем у *по крайней мере* 2, готовность к уступкам, компромиссу. *Хоть* 3 предполагает, что субъект вынужден быть благодарным за что-то, что ни в коей мере не является удовлетворительным. Для *хоть* 3 поэтому характерно употребление в таких перечислительных конструкциях, которые указывают на готовность говорящего к всевозможным дальнейшим уступкам. Ср. *В самом деле: человеку, чтобы счастливо существовать, нужно хоть час в день, хоть десять минут существовать машинально* (В. Набоков, Соглядатай); *И разговор ее был жалок: / Она сидела до зари / И говорила: Подари / Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок* (О. Мандельштам, Сегодня ночью, не солгу...).

Низкая вероятность получения Q увеличивает желание субъекта обладать им, и в *хоть* 3 это желание сильнее, чем в *хотя бы* 1 и тем более в *по крайней мере* 2. Поэтому для *хоть* 3 характерна ситуация упрощения и контекст глаголов

типа *упрашивать, умолять, заклинать*, указывающих не только на сильное желание, но одновременно и на зависимое и несколько униженное положение субъекта⁵⁴; ср. *Ну тогда хоть на недельку, — стал упрашивать Таборский* (Ф. Абрамов, Братья и сестры); *[Митя] молил бога — и, увы, всегда напрасно! — увидеть ее вместе с собой, — хоть во сне* (И. Бунин, Митина любовь); — *Прошу вас! Прошу не для себя, а в интересах правосудия! Умоляю, наконец! Сделайте мне одолжение хоть раз в жизни!* — *Дюковский стал на колени* (А. П. Чехов, Шведская спичка).

В случаях, когда говорящий не совпадает с субъектом, свойственная *хоть 3* эмоциональная окраска часто приобретает форму эмпатии говорящего по отношению к субъекту; ср. *А надменный половой / Шваркал мокрой тряпкой, / Бог с поникшей головой / Горбил плечи зябко / И просил у цыган хоть слова, / Хоть немножечко, хоть чуть слышно* (А. Галич, Цыганский романс); *Шофер-поляк вел машину тихо, чтобы бойцы, оглушенные и разбитые в ночном рейсе, хоть немного передохнули* (В. Астафьев, Сашка Лебедев); *Одну старушку не можете ли вы устроить куда-нибудь на «Дон-Карлоса»? А? Хоть в ярус?* (М. Булгаков, Театральный роман). Для более официального, сухого по крайней мере *2* это менее характерно.

У *хотя бы 1* есть два круга употреблений. Подобно *хоть 3*, эта частица может указывать на то, что желаемое очень мало; ср. *Как же может управлять человек, если он — лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *За всю жизнь он не слышал от нее ни одного слова, не видел в ней ни одного движения, хоть как-то проникнутых теплотой сочувствия к нему, хотя бы самой малой любовью* (Ю. Гончаров, Инженер Климов); *Василий Данилович понимал, что Онисимов стремится получить передышку хотя бы на несколько минут* (А. Бек, Новое назначение).

В этом круге употреблений *хотя бы 1*, как и *хоть 3*, предполагает невысокую вероятность получения *Р* и поэтому часто употребляется в контекстах ирреальности и желательности. Ср. *Разве во власти Наполеона было создать хотя бы букашку, хоть какую былинку?* (А. Битов, Преподаватель симметрии); *Так попытаемся хотя бы данный миг не омрачать унынием и скукой!* (С. Довлатов, Чемодан); *Он восклицал: — Как это прекрасно — иметь хотя бы горсточку собственной земли!* (С. Довлатов, Соло на IBM).

Как и *хоть 3*, *хотя бы 1* предполагает достаточно большое желание, чтобы ситуация *Р* существовала и одновременно более чем скромные возможности субъекта повлиять на это; ср. *Но раздался легкий стук — котелок колесом побежал по панели, и я кинулся за ним, стараясь на него хотя бы наступить, лишь бы как-нибудь его удержать* (В. Набоков, Соглядатай).

Во втором круге употреблений *хотя бы 1* ближе к по крайней мере *2* и может указывать на некую минимальную достаточность ситуации *Р*, на то, что она

⁵⁴ Интересно, что и в сочетаемостных свойствах уступительной лексемы *хоть 3* обнаруживается все та же связь с гипотетичностью, малой степенью и желательностью.

удовлетворяет каким-то минимальным требованиям или потребностям. Ср. *Этот человек-бомба долго готовился к своему акту, и его потерявшая смысл жизнь обрела хотя бы цель* (А. Битов, Преподаватель симметрии).

Хотя бы 1 употребляется в контекстах реального существования некоего положения дел и в контекстах должностования, характерных для по крайней мере 2; ср. *Кающийся грешник хотя бы на словах разделяет добро и зло* (С. Довлатов, Соло на IBM); *Опытный Максимилиан Андреевич знал, что для этого первым и неизменным шагом должен быть следующий шаг: нужно во что бы то ни стало, хотя бы временно, прописаться в трех комнатах покойного племянника* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

В этом круге употреблений *хотя бы 1* не предполагает, что говорящий или субъект обладает ограниченными возможностями влиять на ситуацию. Наоборот, он может отчасти диктовать условия, предъявлять некоторые требования; ср. *Он настаивал, чтобы она прочла хотя бы предисловие к «Божественной комедии» Данте* (В. Каверин, Косой дождь).

4.3. Уступительность в контексте ‘компенсации’ и ‘оговорки’

В данном разделе рассматриваются лексемы, выражающие уступительный смысл ‘оговорка’ и близкий к нему смысл ‘компенсация’. Первый представлен союзами *хотя 2 (и), хоть 2 (и), правда 7, (вот) только 4*, а второй — союзом (*зато*). Можно сказать, что все они, как и рассмотренные выше лексемы рядов *только бы 1* и *по крайней мере 2*, содержат смысл ‘уступка’ в его бытовом, нетерминологическом значении — все эти лексемы предполагают, что говорящий на чем-то настаивает, а в чем-то уступает реальному или потенциальному собеседнику, признает частичную правоту противоположной точки зрения. Интересно, что лексемы со значением ‘оговорки’, как это свойственно и многим другим удаленным от прототипа уступительным лексемам, обнаруживают тесную связь со смыслами ‘реальности/гипотетичности’ и ‘малой степени/количества’: уступительный союз *правда 7*, как было сказано выше, восходит к существительному *правда 1* с фактивным значением, а уступительный союз (*вот*) *только 4* — к частице *только 1* со значением низкой оценки количества или степени.

4.3.1. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ *ХОТЯ 2 (и), ХОТЬ 2 (и), ПРАВДА 7*⁵⁵

У основных уступительных союзов *хотя 2 (и)* и *хоть 2 (и)* есть близкие лексемы, связанные с ними отношениями конверсивности⁵⁶. Валентность Q является у

⁵⁵ Отчасти эти союзы были описаны в словарной статье В. Апресян ХОТЯ 1 в [НОСС 2004].

⁵⁶ Конверсивность *хотя 1* и *хотя 2* отмечается в работе [Урысон 2003: 231].

них первой, валентность Р — второй. Ср. пару примеров, где в 93(а) представлен союз *хотя 1*, а в 93(б) — союз *хотя 2*:

- (93) а) *Хотя начиналась осень, дни стояли теплые;*
 б) *Уже начиналась осень, хотя дни стояли теплые.*

В работе [Урысон 2003б] предлагается рассматривать *хотя 1* и *хотя 2* как неточные конверсивы, поэтому толкование *хотя 2* получается из толкования *хотя 1* путем изменения статусов валентностей (а также элиминации третьей валентности — валентности «благоприятного фактора», наличие которой приписывается союзу *хотя 1*).

Однако представляется, что, при существовании отношений синтаксической конверсии между этими союзами, семантически они более далеки, нежели даже неточные конверсивы.

Во-первых, в большинстве случаев фразы с *хотя 1* нельзя путем конверсивного преобразования превратить во фразы с *хотя 2*, а фразы с *хотя 2* не трансформируются во фразы с *хотя 1*. Часто при попытке трансформации получаются либо аномальные фразы, либо фразы с другим смыслом; ср. следующую фразу с *хотя 1*, не переводимую во фразу с *хотя 2*:

- (94) *Его была дрожь, хотя он тепло оделся ≠ Он тепло оделся, хотя его была дрожь.*

Первая фраза предполагает, что обычно, когда человек тепло одевается, он не дрожит. Вторая фраза имплицитно предполагает совершенно другую закономерность, энциклопедически ошибочную, согласно которой, если человека бьет дрожь, он не станет тепло одеваться. При этом в обеих фразах использован союз *хотя 1*, что доказывается возможностью синонимичной замены *хотя* на *несмотря на то, что* в обеих фразах. Ср. также аномальную трансформацию

- (95) *Тетя Тося никогда не держала и не держит кур, хотя все условия вроде бы для этого есть (В. Астафьев, Курица — не птица) ≠ *Все условия вроде бы для этого есть, хотя тетя Тося никогда не держала и не держит кур.*

Фразы с *хотя 2* тоже не всегда трансформируются во фразы с *хотя 1*; ср. невозможность

- (96) *Ремонт идет, хотя все происходит очень медленно ≠ Хотя ремонт идет, все происходит очень медленно.*

В обеих фразах использован союз *хотя 2*, что доказывается невозможностью замены *хотя* на *несмотря на то, что* в обеих фразах. При этом фразы различаются акцентами: в первой более важным является то, что ремонт все-таки идет, во второй — что это происходит медленно.

Во-вторых, смысл, который вносит во фразы союз *хотя 1*, иной, нежели смысл, вносимый *хотя 2*. *Хотя 1* указывает на существование двух ситуаций, одна из которых должна была бы помешать другой существовать. *Хотя 2* указывает на противоречие несколько иного рода. Ср. еще пару фраз с *хотя 2*:

(97) а) *Платят нам регулярно* [Р], *хотя немного* [Q];

б) *Платят немного* [Р], *хотя регулярно* [Q].

В обеих фразах фигурирует союз *хотя 2*, т. к. ни одна из них не указывает на наличие ситуации-помехи: регулярность выплат не препятствует их небольшой сумме, а небольшая сумма не является помехой для регулярности. Различаются данные фразы оценкой: в первой фразе важнее то, что платят регулярно, а во второй — что платят немного.

Таким образом, в отличие от *хотя 1*, *хотя 2* вводит указание не на две ситуации, одна из которых объективно препятствует другой, а на две противоположные оценки, причем та из них, которая вводится союзом, менее важна, чем другая⁵⁷.

Рассмотрим, наконец, те фразы, которые в работе [Урысон 2003б: 231] считаются конверсивными трансформациями с союзами *хотя 1* и *хотя 2* с сохранением указания на две ситуации, существование одной из которых препятствует существованию другой: *Хотя такие туманные летние дни хороши, охотники их не любят* VS. *Хороши такие туманные летние дни, хотя охотники их не любят*.

Первая из этих фраз, с союзом *хотя 1*, действительно указывает на ситуацию препятствования: обычно, если что-то хорошо, это любят. Однако вторая фраза, с союзом *хотя 2*, вводит другой смысл. Она является суждением о туманных летних днях — а именно, похвалой им, значение которой несколько умалется тем фактом, что кому-то они все-таки не нравятся. Таким образом, подобного рода фразы являются частным случаем более широкого круга контекстов, свойственных *хотя 2* — контекстов, где речь идет о противоположных оценках.

Ниже предлагается более подробный анализ семантических и синтаксических различий между *хотя 1* и *хоть 1*, с одной стороны, и *хотя 2* и *хоть 2*, с другой. Кроме того, рассматривается вводное слово *правда 7*, синонимичное союзам *хотя 2* и *хоть 2*.

Хотя 2 и *хоть 2* отличаются от *хотя 1* и *хоть 1* в первую очередь семантически. Некоторые из них уже были затронуты. Рассмотрим еще некоторые важные семантические различия между ними.

Во-первых, как уже было сказано, союзы *хотя 1* и *хоть 1* вводят идею онтологического противоречия между Р и Q, а *хотя 2* и *хоть 2* вводят идею противоречия оценок.

⁵⁷ Таким образом, *хотя 2* указывает не на нарушение объективной, энциклопедической закономерности, а на нарушение чисто языкового принципа — принципа гармоничности (см. о нем выше, в разделе 1.3.1.). Это сближает *хотя 2* с противительными союзами, в первую очередь с *но* (в особенности с *но* «коммуникативной неоднородности»; ср. [Санников 1989: 20]), от которого *хотя 2* отличается способностью начинать сложносочиненное предложение: *Хотя она красивая, она глупая* VS. невозможность **Но она глупая, она красивая*.

Во-вторых, для *хотя 1* и *хоть 1* Р и Q являются, как правило, двумя отдельными ситуациями; для *хотя 2* и *хоть 2* Р и Q — чаще разные аспекты одной и той же ситуации или разные характеристики одного и того же предмета; ср. *День был теплый, хотя и ветреный; Он человек приятный, хоть и сноб.*

Хотя 2 и *хоть 2* указывают на такой конфликт между двумя противоположно направленными или оцениваемыми свойствами Р и Q, в результате которого свойство Q в значительной мере ослабляет собой свойство Р, однако с точки зрения говорящего Р все-таки является более важным для общей оценки ситуации. Ср. *Он актер [Р], хотя и плохой [Q]* [для говорящего важнее, что субъект актер, чем то, что он плохой актер, хотя последнее обстоятельство и ослабляет собой важность первого]; *Уже создан опытный образец — он хотя и грубоват, но работает* [для говорящего важнее, что образец работает, чем то, что он грубоват] (Умные очки, «Знание — сила», 2003). В этом отношении *хотя 2* и *хоть 2* сближаются с союзом *но* и другими противительными союзами.

Все это свойственно также вводному слову *правда 7*, с которым *хотя 2* и *хоть 2* сближаются семантически; ср. *Он, правда, некрасивый [Q], но он такой порядочный, чистый [Р]* (А. П. Чехов, Три сестры) = *Он такой порядочный, чистый, хотя (хоть) и некрасивый.* Свойство *некрасивый*, вводимое лексемами *правда 7*, *хотя 2*, *хоть 2* менее важно, чем свойства *порядочный* и *чистый*. Однако между *правда 7*, с одной стороны, и *хотя 2* и *хоть 2*, с другой, есть некоторые различия. Сравним пары фраз:

(98) а) *Погода была в целом хорошая, хотя (хоть) несколько дней шли дожди;*

б) *Несколько дней шли дожди, хотя (хоть) в целом погода была хорошая*

VS.

(99) а) *Погода была в целом хорошая, правда, несколько дней шли дожди;*

б) *Несколько дней шли дожди, правда, в целом погода была хорошая.*

Фраза 99(б) несколько менее естественна, чем 98(б). Это связано с тем, что союзы *хотя 2* и *хоть 2* могут вводить как желательные для кого-то, так и нежелательные ситуации, Р и Q никак не маркированы в отношении оценки. Для вводного оборота *правда 7* более естественно вводить нежелательную для кого-то ситуацию, существование которой говорящий вынужден признать и за которую он как бы извиняется. Это тенденция не является абсолютным правилом, и запрета на обратное распределение оценок нет. Однако в большинстве случаев распределение оценок именно таково — ситуация Q, вводимая лексемой *правда 7* — нежелательная, ситуация Р — желательная; ср.: *Я, правда, деревни не знаю, но я много читала* (А. П. Чехов, Дядя Ваня); *Ему даже выбрали специальную штатную единицу, пока полставки, правда, но это — пока* (А. Дмитриев, Закрытая книга); *Судя по всему, опыты проходили успешно. Правда, находились и завистники, которые жаловались, что гениальные эксперименты великого человека никто не может повторить* (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура).

Чтобы продемонстрировать другую особенность *правда 7* по сравнению с *хотя 2* и *хоть 2*, сравним фразы:

- (100) а) *Он мальчик умный, правда, ленивый — может и провалиться на экзамене;*
 б) *Он мальчик умный, хотя (хоть и) ленивый, — экзамены он сдает.*

Для фразы 100(б) продолжение *Может и провалиться на экзамене* звучит менее естественно, чем для фразы 100(а). Это связано с тем, что союзы *хотя 2* и *хоть 2* предполагают более существенный перевес ситуации Р над Q, нежели союз *правда 7*. Как видно из приведенного примера, *правда 7* может даже употребляться в ситуации, когда ситуация Q перевешивает собой Р. В силу этого *правда 7* носит несколько извиняющийся, подчеркнуто «уступительный» характер — говорящий хоть и утверждает нечто, однако признает, что имеются достаточно важные аргументы в пользу противоположной точки зрения. Это связано с тем, что в уступительном союзе *правда 7* просвечивает другое значение этого слова — предикат *правда 2*, часто использующийся в качестве отдельной реплики для признания правоты собеседника или согласия с ним; ср. *А ссориться нам нечего, правда* (Л. Леонов, Барсуки); «*Здесь хоть красиво*». — *Красиво было, правда* (В. Шукшин, Сураз).

Кроме того, *правда 7* не имеет следующего ограничения, свойственного *хотя 2* и *хоть 2*: для этих двух союзов характерно употребление, когда Р и Q — это аспекты одной ситуации, а *правда 7* столь же естественно употребляется и тогда, когда Р и Q — это разные ситуации. Ср. *Лена оказалась настолько любезна, что искала еще кое-какие цифры [Р], правда, теперь работа шла легче [Q], потому что известно, по крайней мере, о какой области идет речь* (А. Маринина, Стечение обстоятельств).

Соответственно, для этих союзов предлагаются следующие слегка различающиеся толкования:

- (101) *Р хотя (хоть) (и) Q* = (*Он был добр [Р], хотя и вспыльчив [Q]*) = ‘У объекта или ситуации есть признак Р; у объекта или ситуации есть признак Q; Р и Q противоположно направлены или противоположно оцениваются говорящим; говорящий считает, что в данной ситуации Р важнее, чем Q’.
- (102) *Р, правда, Q* = (*Он был очень добр [Р], правда, вспыльчив [Q]*) = ‘имеет место желательная ситуация Р; имеет место нежелательная ситуация Q; говорящий считает, что в данной ситуации Р несколько важнее, чем Q; говорящий признает, что Q тоже может быть важной’.

Синтаксически *хотя 2* и *хоть 2* также отличаются от *хотя 1* и *хоть 1*. Союзы *хотя 1* и *хоть 1* одинаково свободно употребляются как в препозиции, так и в постпозиции, т. е. Р и Q могут следовать друг за другом в любой последовательности; ср. *Хотя (хоть) было уже поздно [Р], они еще не возвращались [Q]* VS. *Они еще не возвращались [Q], хотя (хоть) было уже поздно [Р]*.

Для *хотя 2* и *хоть 2* более характерна постпозиция, т. е. обычно первой заполняется валентность Р. Ср. *Иисус в его изображении получился ну совершен-*

но как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Если же они находятся в препозиции и, таким образом, первой заполняется валентность Q, то в предложении или именной группе, заполняющей R, требуется употребление союза *но* или уступительной частицы типа *все-таки* или *все же*, а иногда и того, и другого. Ср. *Он человек хотя (хоть) и необразованный, но очень способный (все же очень способный)* при невозможности **Он человек хотя (хоть) и необразованный, очень способный*. Для союзов *хотя 1* и *хоть 1* употребление *но* в такой ситуации было бы, наоборот, избыточным; ср. нестандартность **Хотя (хоть) было уже поздно, но они еще не возвращались*.

Синтаксические свойства *правда 7* специфичны и отличаются от свойств *хотя 1* и *хоть 1*. Эта лексема употребляется как обособленный оборот, причем вводимая им пропозиция может находиться как в препозиции, так и в постпозиции к прочим частям предложения. ср. *Телефон — она ему дала, правда неохотно и с оговорками* (Ф. Искандер, *Боль и нежность*), *Правда, некоторые говорили, что деревянный броневик может двигаться на буйволах, запряженных изнутри, но дядя Сандро сомневался в этом* (Ф. Искандер, *Сандро из Чегема*).

4.3.2. СЕМАНТИКА СИНОНИМОВ *ЗАТО* И (*ВОТ*) *ТОЛЬКО 4*⁵⁸

К рассмотренным в предыдущем разделе лексемам *хотя 2*, *хоть 2* и особенно *правда 7* семантически примыкают союзы *зато* и (*вот*) *только 4*. *Зато* — это союз со значением компенсации, а уступительный союз (*вот*) *только 4* выражает смысл, близкий к смыслу лексемы *правда 7*, который можно назвать ‘оговорка’, — говорящий утверждает что-то, но делает при этом оговорку, вносит поправку в свое высказывание, ослабляя этим силу предыдущего утверждения. *Зато* и (*вот*) *только 4* можно проиллюстрировать примерами типа *Она глупая, зато красивая. Она красивая, (вот) только глупая*. Эти союзы не принято рассматривать вместе, однако они существенно ближе, чем это принято считать. Их прагматические функции диаметрально противоположны, однако семантически они очень близки.

Перед тем как предложить наш собственный анализ этих лексем, мы хотели бы упомянуть описание этих союзов в работе В. З. Санникова, посвященной русским сочинительным союзам [Санников 1989: 179—180, 191—192].

Ср. толкование, которое В. З. Санников предлагает для союза *зато* (*Он ленивый, зато умный*):

X зато Y =

‘имеет место X;

воздействие X-а на ситуацию (или общую оценку) полностью компенсируется независимым от X-а и противоположно направленным У-ом; решающим для ситуации (или общей оценки) является У’.

⁵⁸ Эти союзы подробно рассматриваются в работе [Апресян В. 20046].

В этом толковании отмечены основные семантические компоненты значения союза *зато*, наличие которых автор подтверждает языковыми примерами.

Во-первых, второй актант, *У*, вводит более важную, доминирующую ситуацию. Ср. естественность *Он ленивый, зато умный — задание он выполнит* и невозможность **Он ленивый, зато умный — задание он не выполнит*.

Во-вторых, первая и вторая ситуации, *Х* и *У*, независимы. Ср. невозможность *зато* во фразе **Он много занимался, зато не сдал экзамен*, т. к. из первой ситуации вытекают противоположные ожидания относительно второй.

Однако представляется, что в некоторых аспектах данное толкование можно уточнить.

Во-первых, в самом толковании *зато*, а также в комментарии к нему утверждается, что ситуации *Х* и *У* не оцениваются каким-либо образом, положительно или отрицательно. Однако смысл 'компенсироваться' сам по себе предполагает, что есть нечто плохое, что возмещается чем-то хорошим. Таким образом, в самом толковании заложено некоторое противоречие.

Во-вторых, смысл 'компенсироваться' в любом случае представляется чересчур сложным и идиоматичным, а также слишком узким и специфицированным для толкования *зато*.

В-третьих, утверждается, что происходит полная компенсация *Х*-а *У*-ом, с чем тоже нельзя согласиться. Хотя вторая ситуация и представляется как существенно более важная и решающая, однако далеко не во всех случаях она полностью нейтрализует первую; ср. примеры *Ему говорили, что он трус, но он отвечал, что зато он умный* (В. Каверин, Песочные часы); *И протягиваю ему — коробку «Герцеговины Флор», конечно, из лежалой партии, малость плесенью потягивают, но зато — марка* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко), где полной компенсации не происходит.

Затем, спорным представляется утверждение о том, что *зато* не всегда вводит оценку ситуаций по положительности / отрицательности.

Наконец, будет предпринята попытка показать, что *зато* почти всегда или, во всяком случае, намного чаще применяется тогда, когда доминирует положительно оцениваемая ситуация.

Толкование союза *только* 4, предлагаемое в [Санников 1989, 180], выглядит следующим образом:

Х, только У = '*Х*;

воздействие *Х*-а на описываемую ситуацию (или общую положительную оценку) ослаблено, но незначительно, наличием *У*-а'

Это толкование отражает две наиболее существенные особенности прототипического употребления данного союза.

Во-первых, решающим для ситуации является не второй компонент — *У*, как у *зато*, а первый — *Х*. Во-вторых, первый компонент вводит желательную ситуацию, а второй — не слишком значительную нежелательную; ср. невозможность **Он лентяй, только умница*, где порядок упоминания желательного и нежелатель-

ного обратный. Однако и это толкование, как кажется, можно в некоторых отношениях уточнить; это касается, в частности, утверждения о том, что решающим в данных обстоятельствах является *Х*.

Ниже предлагаются и обосновываются уточненные толкования *зато* и (*вот*) *только*, а также демонстрируются существующие между этими союзами сходства и различия.

Как было сказано выше, эти союзы описывают схожие ситуации действительности, различаясь в первую очередь семантическими акцентами и прагматикой.

Рассмотрим пары примеров

- (103) а) *Было холодновато, зато солнечно.*
 б) *Было солнечно, (вот) только холодновато.*
- (104) а) *Я не сразу поняла этого человека. Зато впоследствии я его поняла и оценила.*
 б) *Я поняла и оценила этого человека, только не сразу.*

На основании данных пар примеров можно сделать предварительные выводы о значении лексем *зато* и (*вот*) *только* 4 в их прототипическом употреблении. Они обе описывают существование двух ситуаций, одна из которых воспринимается говорящим как желательная или оценивается положительно (*было солнечно, я поняла и оценила этого человека*), а другая воспринимается как нежелательная или оценивается отрицательно (*было холодновато, поняла не сразу*). При этом, как правило, положительно оцениваемая ситуация воспринимается говорящим как более важная в имеющихся обстоятельствах, а оцениваемая отрицательно ситуация — как менее важная, неспособная существенным образом на них повлиять.

При этом лексема *зато* синтаксически вводит указание на желательную и более сильную ситуацию (Р), а лексема (*вот*) *только* 4 — на нежелательную и более слабую ситуацию (Q)⁵⁹. Обратное употребление нехарактерно для *зато* и невозможно для (*вот*) *только* 4; ср.

- (105) а) **Было солнечно [Р], зато холодновато [Q];*
 б) **Было холодновато [Q], (вот) только солнечно [Р].*

В 105(а) гораздо более естественно употребление союзов *но* или *однако*, не вводящих указания на какую-либо оценку желательности или положительности ситуаций, а в 105(б) — разговорных оборотов *вот только что* или *единственно что*, предполагающих, что доминирующей является нежелательная ситуация, и существование более слабой желательной ситуации не может нейтрализовать ее негативный эффект.

В тех редких случаях, когда союз *зато* все-таки вводит нежелательную ситуацию, он, как правило, употребляется в комбинации с *но* или с союзом *да* в зна-

⁵⁹ И в семантических, и в синтаксических свойствах (*вот*) *только* 4 напоминает союз *правда* 7.

чении 'но'. Нежелательная ситуация в этих случаях представляется говорящим как более важная в данных обстоятельствах, поскольку *зато*, как и союз с более общим значением *но*, всегда синтаксически управляет той пропозицией, которая вводит указание на решающую, более сильную ситуацию. Ср.

- (106) а) *Незнайка очень хорошо переносит состояние невесомости [Q], но зато состояние его умственных способностей оставляет куда желать много лучшего [P]* (Н. Носов, Незнайка на Луне) [доминирует негативно оцениваемая ситуация].

В этом примере союз *зато* может быть без перестановок Р и Q заменен на (*вот*) *только* 4, однако с несколько иной интерпретацией — доминирует желательная ситуация; ср.

- б) *Незнайка очень хорошо переносит состояние невесомости [Q], — вот только состояние его умственных способностей оставляет куда желать много лучшего [P]*.

Ср. также *Ей самой, правда, зла большого не сделал [Q], да зато брату на каждом шагу палки в колеса ставит [P]* (Ф. Абрамов, Братья и сестры).

Впрочем, в последнем примере можно говорить о двух оценках по желательности-нежелательности: первая связана с интересами субъектов (*она, брат*), и в этой оценке доминирует нежелательная ситуация (*Брату на каждом шагу палки в колеса ставит*). Вторая оценка связана с коммуникативными интересами говорящего, целью которого является убедить адресата в том, что деятельность агенса носит отрицательный характер. С этой точки зрения ситуация *Брату на каждом шагу палки в колеса ставит* является коммуникативно желательной для говорящего, т. к. подтверждает то, что он пытается доказать.

Однако вообще такое употребление *зато*, когда доминирует отрицательно оцениваемая ситуация, безусловно является более редким. Рассмотрим в качестве доказательства два примера, где ситуации сами по себе не оцениваются положительно или отрицательно. Ср. следующие примеры:

- (107) а) *Платье было узкое, зато длинное;*

- б) *Платье было длинное, зато узкое.*

В первом примере *длинное* воспринимается скорее как положительное качество, *узкое* — скорее как отрицательное; это можно было бы сказать, если человек хотел, чтобы платье было широким и длинным, и из этих двух качеств удалось достичь одного — но более важного — длины.

Во второй фразе оценка меняется на противоположную — *длинное* — это плохо, *узкое* — хорошо. Ее уместно сказать, когда человек хотел получить короткое узкое платье, но удалось удовлетворить только второе требование — более важное.

Таким образом, поскольку в нейтральных фразах доминирующая ситуация интерпретируется как положительная, и только наличие эксплицитного указания на

нежелательность или употребление в контексте союзов *но* и *да* могут заставить доминирующую ситуацию быть интерпретированной в качестве отрицательно оцениваемой, мы можем определить статус положительной или отрицательной оценки в толковании *зато*: это так называемые слабые смыслы.

Рассмотрим теперь примеры, которые в работе [Санников 1989] приводятся в качестве доказательства того, что *зато* не всегда содержит оценку по желательности-нежелательности.

Представляется, что и в этих примерах присутствует некоторая, возможно более обобщенная и не всегда связанная с интересами конкретного лица, оценка ситуаций. Ср. примеры *Меня не видать, зато сам я все вижу* (А. А. Фет); *Трезвый он не был (...)* особенно интересен, *зато пьяный — зловец и неистощим на дикие, буйные поступки* (Ю. Казаков); *В тени и холодке цвели последним накалом жарки, уже осыпавшиеся, зато марьины коренья были в самой поре* (В. Астафьев).

Первый пример содержит оценку ситуации *Сам я все вижу* как желательной для говорящего. Интересно, что путем перестановки компонентов достигается смена оценки — более важной и желательной становится ситуация *Меня не видать*; ср. *Я все вижу, зато меня не видать*.

Прочие примеры из [Санников 1989] не содержат указания на чьи-либо личные интересы, поэтому оценки по желательности-нежелательности в них нет, однако присутствует некая более общая, базирующаяся на наивно-языковых представлениях оценка ситуаций как положительных или отрицательных⁶⁰. Так, в примере из Ю. Казакова неинтересность человека оценивается отрицательно, в то время как неистощимость на какие-либо, пусть даже дикие и буйные поступки, — положительно. В примере из В. Астафьева отцветание оценивается отрицательно, расцвет — положительно.

Теперь сравним в отношении оценки союзы *зато* и (*вот*) *только 4*. (*Вот*) *только 4* предполагает более выраженную оценку, причем именно с точки зрения желательности-нежелательности. Рассмотрим пример *Озеро было узкое, зато длинное*. Подставим в этот пример (*вот*) *только 4*, переставив компоненты, чтобы сохранить оценки: *Озеро было длинное, вот только узкое*.

Фраза с (*вот*) *только 4* предполагает намного более утилитарную и менее абстрактную оценку, чем с *зато*. В примере с *зато* фигурируют некоторые наивные представления о том, что низкая степень или малое количество чего-то (*узкое*) в каком-то смысле хуже, чем высокая степень или большое количество (*длинное*); без применения к конкретной ситуации здесь нет указания на желательность или нежелательность. (*Вот*) *только 4* сразу вносит именно утилитарную конкретную оценку — свойство *узкое* нежелательно, например, из-за того, что по узкому озеру неудобно плавать на лодке.

⁶⁰ Указание на оценку, причем на доминирование положительной оценки поддерживает и внутренней формой этой союза — *за то* ≈ 'в качестве награды за нечто'.

Рассмотрим теперь семантику этих двух союзов более детально. Как видно из обсужденных примеров, основная разница между *зато* и *(вот) только 4* — в семантических акцентах. *Зато* акцентирует внимание на более сильной, доминирующей ситуации: то, что сначала упоминается менее важная нежелательная ситуация, а затем более важная желательная, придает некий дополнительный вес сообщению, т. к. такой порядок соответствует законам линейного построения фразы, которые предполагают, что более важное сообщение находится в конце. Таким образом, высказывания с *зато* прагматически воспринимаются как «сильные» и уверенные.

(Вот) только 4 имеет обратное распределение акцентов: сначала сообщается о существовании желательной ситуации, а затем — о существовании менее важной нежелательной; таким образом, порядок следования сообщений не поддерживается естественными законами построения фразы, согласно которым полагается более важную часть сообщения помещать в конце. В результате сообщение о существовании нежелательной ситуации (хотя она и представляется говорящим как несущественная) приобретает некий дополнительный вес. Прагматическим эффектом этого является то, что высказывания с *(вот) только 4* воспринимаются как более «слабые» и менее уверенные, чем высказывания с *зато*. Поэтому, хотя для *(вот) только 4* в целом характерно доминирование положительно оцениваемой ситуации, как это подтверждается многочисленными примерами, однако в некоторых, существенно более редких случаях, второй компонент, вводящий нежелательную ситуацию, начинает восприниматься как доминирующий. Это происходит именно в силу того, что нежелательная ситуация упоминается во вторую очередь, и внимание говорящего и адресата переключается на нее.

Ср. следующие примеры, где безусловно доминирует положительная ситуация, что подтверждается и дальнейшим контекстом: *Все-таки он любит отца, сомнений нет* [желательная ситуация Р]. *Вот только когда возвращается из Италии, от своей мамы, нынешней графини Малькованти, становится враждебным, отчужденным* [нежелательная ситуация Q], *но поживет немного вдали от до сих пор еще злобствующей синьоры, и снова все тот же славный Антошка Лучников* [возвращение к желательной ситуации] (В. Аксенов, Остров Крым); *И сам приходи, и Наву приводи, хорошая она у тебя, Нава твоя* [желательная ситуация Р], *детей вот только у нее нет* [нежелательная ситуация Q], *ну да еще будут, молодая она у тебя* [возвращение к желательной ситуации] (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне).

Однако возможны и примеры типа нижеследующего, где начинает доминировать отрицательно оцениваемая ситуация: *Все, конечно, понимали, что дорога нужна, что она будет работягой, перетаскивающей грузы из одного конца страны в другой* [желательная ситуация Р], *да вот только денег на стройку нет* [нежелательная ситуация Q, делающая существование желательной ситуации Р абсолютно невозможным] (Аполлинария Соколова, БАМ будет жить, «Аргументы и факты, 2001.04.04).

Рассмотрим теперь еще одно различие между союзами. Ниже приводится ряд примеров, в которых невозможно заменить один союз другим, даже после необходимых перестановок Р и Q.

Во-первых, подстановки одного союза вместо другого невозможны в тех случаях, когда нельзя поменять линейный порядок следования Р и Q в силу каких-то дополнительных семантических, прагматических или энциклопедических причин, обусловленных контекстом; ср.

- (108) а) *Фон Дейн приехал один, к сожалению, без Тани, но зато передал мне от нее привет* (В. Кунин, Кыся).

В данном примере невозможно поменять порядок сообщений; ср. аномальность:

- б) ?*Он передал мне от Тани привет, вот только приехал без нее*

Это объясняется нашим знанием о мире — от человека можно передать привет, только если он сам в данный момент не находится рядом; таким образом вторая часть сообщения в 107(б) избыточна и, как следствие, фраза аномальна.

Ср. также

- (109) а) *Она совсем не уродина, вот только нос подкачал* (А. Маринина, Мужские игры)

при невозможности

- б) ?*Нос подкачал, зато она совсем не уродина.*

Фраза 109(а) построена логически естественно: сначала утверждается, что имеет место некая ситуация (*она не уродина*), затем сообщается, что имеет место другая ситуация, которая мешает существованию первой, однако ее влияние не слишком существенно (*нос слишком длинный*). При обратном порядке следования сообщений и использовании *зато* эти две ситуации предстают как совершенно независимые, не связанные друг с другом, что противоречит нашим знаниям о мире, согласно которым красота отдельных черт лица влияет на общую оценку внешности.

Во-вторых, (*вот*) только 4, в отличие от *зато*, предполагает оценку нежелательной ситуации как несущественной, небольшой, неважной, в то время как у *зато* оценки относительной важности ситуаций субъективны и полностью обусловлены личным мнением говорящего. Ср.

- (110) а) *Он мерзавец, зато богатый*

при странности

- б) ?*Он богатый, вот только мерзавец.*

Ср. также следующий литературный пример, где невозможна или неестественна подобная замена, т. к. объективно отрицательно оцениваемая ситуация сильнее, существеннее, чем та, которая оценивается положительно: *Появляются эти зна-*

менитые «зато»: *алкоголик, зато отличный специалист; распутник, зато отличный проповедник; вор ведь, выжига, но зато какой администратор! Убийца, зато как дисциплинирован, предан* (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне).

Этим же (*вот*) *только* 4 отличается от очень близкой ему лексики *правда* 7, рассмотренной в предыдущем разделе: *правда* 7 не предполагает оценки говорящим ситуации Q как чего-то не слишком существенного и важного; она только указывает на то, что говорящий все-таки считает ситуацию P более важной.

Эта особенность (*вот*) *только* 4 мотивирована тем, что в своем основном, кванторном значении частица *только* может выражать прагматическую количественную оценку ‘мало’; ср. *Ежемесячные выплаты на содержание ребенка составляют на настоящий момент только семьдесят рублей*⁶¹.

На основании всех рассмотренных примеров можно предложить следующие толкования для лексем *зато* и (*вот*) *только* 4:

- (111) *Q, зато P* = ‘имеет место ситуация Q, отрицательно оцениваемая говорящим⁶²; имеет место не связанная с ней ситуация P, положительно оцениваемая говорящим⁶³; говорящий считает, что в данной ситуации P важнее Q’.

Толкование в 111(a) ориентировано на абсолютное большинство употреблений, т. е. на случай, когда доминирует положительно оцениваемая ситуация; для редких исключений толкование может быть модифицировано с обратным распределением оценок.

- (112) *P, (вот) только* 4 *Q* = ‘имеет место ситуация P, желательная для кого-либо или положительно оцениваемая говорящим; имеет место ситуация Q⁶⁴, нежелательная для кого-либо или отрицательно оцениваемая говорящим; говорящий считает, что в данной ситуации Q не очень существенна и менее важна, чем P’.

К союзу (*вот*) *только* в некоторых отношениях близка ограничительная частица *разве что* (имеющая вариант *разве только*). Семантически они практически синонимичны, однако в прагматическом отношении представляют собой антонимы. Ср. *Она очень даже красивая [P], вот только сутулится немного [Q]* VS. *Она уродина [P], разве что глаза ничего [Q]*.

Сходство между (*вот*) *только* и *разве что* проявляется в следующем: обе фразы сообщают о том, что существует некоторая ситуация P, значимость которой несколько, но несущественно, ослаблена существованием противоположно оцениваемой ситуации Q; обе фразы учитывают наличие потенциального оппонента,

⁶¹ Подробно о значении квантора *только*, его возможных интерпретациях и сферах действия см. работу [Богуславский 1996: 91—100].

⁶² Компонент ‘отрицательно оцениваемая говорящим’ имеет статус слабого смысла.

⁶³ Компонент ‘положительно оцениваемая говорящим’ имеет статус слабого смысла.

⁶⁴ В отличие от *зато*, (*вот*) *только* 4 не предполагает обязательной несвязанности ситуаций; ср. правильность фразы, где описываются две связанные друг с другом ситуации: *Занимался-то он много, вот только экзамен сдать не смог*.

который может оспаривать существование Р; обе фразы указывают на незначительную уступку говорящего этому оппоненту, состоящую в том, что он признает существование малозначимой ситуации Q.

Различие между *(вот) только и разве что* касается, в первую очередь, оценок и ситуаций Р и Q. *(Вот) только* — «оптимистическая» лексема, указывающая на то, что доминирующая ситуация является желательной, а нежелательная ситуация — несущественна. Лексема *разве что* носит «пессимистический» характер: она указывает на доминирование нежелательной ситуации. Ср. примеры с *(вот) только* выше, а также: *Действительно, доброжелательного и приветливого стража порядка теперь можно увидеть разве что в старых кинофильмах* (Софья Смолина, Дядя Степа в теории. В будущем милиционеры станут добрее к людям, «Известия», 2001.06.19); *Стабильный курс рубля в России, как уже выяснилось, мало способствует росту производства — разве что росту потребления* (Сергей Викторов, Уравнение со всеми известными, «Коммерсантъ-Власть», № 22, 1999).

При этом такое «пессимистичное» распределение оценок является для *разве что* слабым смыслом. В нейтральных контекстах оно проявляется; ср. *Придут разве что Ивановы* [подразумевается, что больше никто не придет, что это плохо, и что даже если Ивановы придут, это дела не поправит]. Однако в присутствии эксплицитных маркеров противоположных оценок оно меняется; ср. следующее «оптимистическое» употребление этой частицы: *Вообразите безупречно счастливую семью, покой которой нарушается разве что трудностями роста безупречного сына* (Валерий Кичин, Таблетка для рыдания. На экранах — Нанни Моретти, плачущий в темноте, «Известия», 2001.11.14).

Еще одна особенность *разве что* — это гипотетичность. *Разве что* предполагает, что говорящий уверен в существовании ситуации Р и готов без особой уверенности признать существование ситуации Q. Таким образом, эта частица придает высказыванию сложную модальность — сочетание уверенности в плохой Р и сомнения в хорошей Q; ср. *Такие радиаторы подойдут разве что для коттеджей* [а может, и для коттеджей не подойдут]; *Неплохо сыграли разве что Сен-Санса* [а может, и Сен-Санса сыграли плохо] и т. п.

Часть восьмая

Семантика величины

Введение*

Данная часть монографии посвящена русским параметрическим прилагательным, обозначающим размер физического объекта. Ср. *большой (утес)*, *маленький (домик)*, *длинный (коридор)*, *короткая (ниточка)*, *широкий (проход)*, *узкий (лаз)*, *высокое (дерево)*, *низкий (берег)* и т. п. Многие из таких прилагательных имеют переносное значение (ср. *большой ученый*, *маленькие радости*, *широкие взгляды*, *узкий кругозор*, *высокие идеалы*, *низкое желание*). Мы, однако, ограничимся семантическим анализом данных слов в их прямом значении.

Выбранные нами слова уже привлекали к себе внимание лингвистов; см., в частности, книги [Арутюнова 1988; Bierwisch 1989; Рахилина 2000], статьи [Кржижкова 1974, Cresswell 1976]. Ряд ценных наблюдений над семантикой параметрических слов содержится в работах [Bolinger 1972; Janus 1981; Червенкова 1975; Iordanskaja, Mel'čuk 2004]. Цель предлагаемой работы — обобщить имеющиеся результаты и дать системное описание небольшой группы параметрических лексем русского языка.

В рассматриваемом классе лексем по разным основаниям выделяются разные группы. Так, в нем выделяется подкласс лексем, характеризующих размер человеческого тела (а также животного), ср. *высокий худой (человек)*, *толстая (тетка)* и т. п. Оставшиеся лексемы — они характеризуют размер неодушевленных объектов — можно разделить на две группы. Одни из них указывают на общую величину объекта. Ср. *большой*, *маленький*, *мелкий (жемчуг)*, *крупный (шрифт)* и т. п. Другие содержат в своем значении указание на какой-то конкретный параметр объекта. Так, *длинный* и *короткий* указывают на длину; *высокий* и *низкий* — на высоту; *глубокий* и *мелкий* (в том значении, которое представлено в случаях *глубокое озеро*, *мелкая речка*) — на глубину и т. п. В фокусе нашего внимания

* Автор приносит глубокую благодарность проф. А. Богуславскому за плодотворную лингвистическую дискуссию, в частности за глубокие замечания относительно семантики размера и понятия нормы в метаязыке семантики.

будут находиться лишь два из перечисленных классов: прилагательные, характеризующие общий размер неодушевленных предметов (им посвящена глава 1), и прилагательные, описывающие размер человеческого тела (глава 2). В главе 1 мы попытаемся выявить общие закономерности семантической организации параметрических прилагательных и предложим схему толкования данных слов. В главе 2 будет продемонстрировано действие этих закономерностей применительно к параметрическим словам, характеризующим человека.

ГЛАВА 1. БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ: ШКАЛА РАЗМЕРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Параметрические прилагательные принято толковать по следующей общей схеме: ‘такой, параметр Р которого больше (меньше) нормы’. Например: *длинный* = ‘такой, длина которого больше нормы’; *узкий* = ‘такой, ширина которого меньше нормы’; *большой* = ‘такой, размер которого больше нормы’ и т. п. Компонент ‘норма’ для описания семантики параметрических прилагательных был предложен Э. Сепиром [Sapir 1944/1985]; в русистике соответствующий подход был развит Ю. Д. Апресяном [Апресян 1974]. Заметим, что данный компонент используют не только для представления семантики размера, но и для описания этических, эстетических и т. п. оценок, см. [Geach 1956; Апресян 1974; Вольф 1985; Арутюнова 1988].

Семантический элемент ‘норма’ считается неопределяемым [Апресян 1974: 74; 2004б: XXXVI—XXXVII]. Тем не менее, это весьма богатое понятие, которое можно пояснить, описать: «норма обозначает такое положение вещей, которое должно представляться (или представляется) большинству говорящих как наиболее вероятное в данной конкретной ситуации» [Апресян 1974: 74]. Ниже мы вернемся к обсуждению этого понятия.

Сейчас зададимся более узким вопросом: с чем именно сравнивается объект, характеризваемый параметрическим прилагательным? Более точно: с чем сравнивается значение выбранного параметра описываемого объекта? Существует ли какой-либо «эталон», или стандарт, величины объекта, в частности длины, ширины, высоты и т. п.?

1.1. ДВА ЭТАЛОНА РАЗМЕРА — ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ И АБСОЛЮТНЫЙ

Основным объектом нашего описания будут четыре группы лексем, указывающих на общий размер объекта:

а) *большой, крупный* (ср. *большой арбуз, крупные сливы*);

б) *маленький, небольшой, мелкий* (ср. *маленькая фотография, небольшой двор, мелкий виноград*);

в) *огромный, громадный, колоссальный, гигантский, исполинский* (ср. *огромный теплоход, громадная птица, колоссальный эвкалипт, гигантский гриб*);

г) *крохотный, крошечный, малюсенький* (ср. *крошечный домик, крохотная каморка, малюсенький стаканчик*).

По ходу дела к описанию будут привлекаться и другие параметрические прилагательные.

Почти все перечисленные прилагательные могут характеризовать объект любых размеров; ср. *большая* (*маленькая, огромная, крошечная*) *комната* — *большая* (*маленькая, огромная, крошечная*) *страна*. Ясно, что объективные размеры комнаты и страны практически несопоставимы. Характеризуя комнату как большую (маленькую, огромную и т. п.), мы сравниваем ее с другими комнатами; соответствующая характеристика страны предполагает сравнение ее с другими странами и т. п. В этом случае «норма» размера — своя у каждого класса объектов: это обычный, привычный для говорящих размер объектов данного класса. Несколько огрубляя описание, можно сказать, что в качестве того стандарта, с которым сравнивается размер характеризуемого объекта, выступает *средний* размер объектов, однотипных с данным, т. е. принадлежащих тому же классу объектов¹.

В частном случае совокупность, в которую входит сравниваемый объект, состоит всего из двух объектов. Тогда меньший объект называют *маленьким*, а больший — *большим* [Sapir 1944/1985]; ср. *Стрекоза большая, а кузнечик* (*листик*) *маленький*. Заметим, что русский язык располагает особым словом *малый*, предполагающим сравнение двух однотипных объектов и используемым в составе устойчивых сочетаний, в частности — терминов; ср. *большой зал* — *малый зал*, *Большая Полянка* — *Малая Полянка*, *большой круг кровообращения* — *малый круг кровообращения*, *большая октава* — *малая октава* и т. п.²

Однако привычный, средний размер объектов данного класса (или же размер второго объекта из данной совокупности) — это не единственный возможный эталон размера. Разные объекты называют *большими* (*огромными* и т. п.) или *ма-*

¹ Отдельную проблему представляет собой установление этого класса объектов. Так, высказывание *Самосвал у меня большой* может предполагать сравнение данного самосвала как с другими самосвалами, так и с грузовыми машинами вообще. Говоря *толстая береза*, скорее предполагают сравнение данного объекта с другими березами, а не вообще с деревьями. Напротив, в случае *толстый баобаб* естественно сравнение данного баобаба с другими деревьями. В реальном речевом общении подразумеваемый класс однотипных объектов ясен из широкого контекста.

² Как указал (устно) Ю. Д. Апресян, слово *большой* в этих случаях представлено особой лексемой, противопоставленной слову *малый*, причем такими же парами лексем обладают и европейские языки, в которых лексикализировались (в виде *major — minor, majeur — mineur, maggiore — minore* и т. п.) сравнительные степени латинских прилагательных *magnus* и *parvus*.

ленькими *⟨крошечными и т. п.⟩*, сравнивая их с размером человека. Ср. *Мышь маленькая ⟨крохотная⟩, безобидная, ничего тебе не сделает; Носорог был большой ⟨огромный⟩, неподвижный, с толстой складчатой кожей*. Размер человека выступает в языке как «абсолютный», антропоцентричный, эталон размера — в противоположность обычному, среднему размеру объектов данного класса, который можно назвать «относительным» эталоном³.

Многие параметрические прилагательные допускают сравнение объекта как с относительным, так и с абсолютным эталоном.

Таковы, прежде всего, лексемы *большой* и *маленький*. Ср. примеры выше, а также следующие:

- (1) *У нее оставались еще серьги с большими бриллиантами* [относительный эталон] VS. *Из чащи вышел большой косматый зверь* [абсолютный эталон].
- (2) *Глаза у него маленькие, нос картошкой* [относительный эталон] VS. *Не бойся лягушки, она же маленькая* [абсолютный эталон].

Такова и лексема *небольшой*; ср.

- (3) *Этот небольшой кулон ей подарила свекровь* [относительный эталон] VS. *Медведь был небольшим и совсем не страшным* [абсолютный эталон].

Сравнение с любым из двух эталонов допускает лексема *огромный* и ее синонимы *громадный, колоссальный, гигантский, исполинский*. Ср.

- (4) *В тарелке с хлебом ползали огромные муравьи* [относительный эталон] VS. *Огромные муравьи могли легко перекусить руку или ногу* [абсолютный эталон].
- (5) *Из щели между половицами выполз гигантский ⟨громадный, колоссальный⟩ паук* [относительный эталон] VS. *Гигантский ⟨громадный, колоссальный⟩ паук надвигался на них и, казалось, закрывал собой небо* [абсолютный эталон].
- (6) *Комары какие-то исполинские — никогда таких не видела* [относительный эталон] VS. *На крыльях исполинского комара легко помещалось несколько человек* [абсолютный эталон].

Если предполагается абсолютный эталон размера, то сочетания *огромный муравей, гигантский ⟨громадный, колоссальный⟩ паук, исполинский комар* обозначают фантастических, сказочных или экзотических насекомых, по размеру сравнимых с человеком или даже превосходящих его; подробнее об этом см. ниже.

Эталон сравнения в рассмотренных случаях обычно ясен из контекста, возможно достаточно широкого. Вне контекста объективный размер описываемого объекта может остаться совершенно неопределенным. Так, сочетания типа *огромный ⟨гигантский, громадный, колоссальный, исполинский⟩ жук* могут обозначать

³ Ясно, что если речь идет о размерах человека — об объеме его тела или о росте, — то абсолютный и относительный эталоны совпадают: рост или объем тела конкретного человека сравнивается с ростом (объемом тела) обычного, «среднего» человека; см. главу 2.

и просто очень большое насекомое, и фантастического жука, превосходящего по размерам человека. Ср. также следующий пример:

- (7) *Камни были большими, холодными* [речь может идти как о валунах, сравнимых по размеру с человеком, так и, например, о драгоценных камнях, которые субъект держит на ладони].

Один и тот же объект, например камень или квартиру, говорящий назовет *большим* или *маленьким* в зависимости от того, каковы обычные, привычные носителям языка, размеры объектов данного типа. При этом представление говорящих о среднем размере объектов некоторого класса часто обусловлено экономическими, социальными, культурными и т. п. факторами. Так, магазин, который в Париже считается средним, оценят как большой в Минске; средняя московская квартира будет маленькой в глазах обитателей других столиц; средние по размеру помидоры, выращиваемые под Москвой, считаются небольшими в Средней Азии, и т. п.⁴

Аналогичным образом устроены лексемы *крохотный*, *крошечный* и *малюсенький*, которые тоже допускают сравнение как с относительным, так и с абсолютным эталоном. Ср.

- (8) *Жили они тогда вместе в крохотной (крошечной) квартирке, кухня была малюсенькая — не повернуться* [относительный эталон] VS. *Мальчик нарисовал Дюймовочку: крохотная девочка стояла в крошечной лодке, держа в руке малюсенькое весло* [абсолютный эталон; мир сказки].

Существуют, однако, и такие лексемы, в семантику которых «впаяно» указание на определенный эталон сравнения. Такие лексемы немногочисленны, но именно они представляют для лингвиста наибольший интерес. В русском языке к таким лексемам относятся, прежде всего, неточные синонимы лексем *большой* и *маленький* — лексемы *крупный* и *мелкий* (ср. *крупные сливы*, *мелкие яблоки*).

Лексема *крупный* (экземпляр) оценивает объект лишь по относительно-му стандарту. Действительно, высказывание *Медведь (слон) был очень крупный* предполагает сравнение данного медведя (слона) лишь с другими особями того же вида. Ср. высказывание *Медведь был очень большой*, которое может предполагать сравнение характеризуемого медведя как с человеком (абсолютный стандарт), так и с другими медведями (относительный стандарт).

Замечательно, что лексема *крупный* не только предполагает сравнение объекта с типичным представителем его класса, но и тяготеет к описанию именно класса или совокупности объектов. Ср.

- (9) *Кит — очень крупное млекопитающее* [характеризуется класс, т. е. ИГ в родовом статусе].
(10) *Вишни у них уродились крупные, сладкие* [характеризуется совокупность].

⁴ Роль прагматики в формировании представления об эталоне размера рассматривается в статье [Кронгауз 2004].

Ср. также *крупный шрифт* (*жемчуг, бисер, песок, снег, виноград* и т. п.), *крупная дробь* (*картошка, вишня, соль, щебенка, галька* и т. п.) — речь идет о совокупностях многих объектов⁵.

В связи с этим *крупный* не может характеризовать уникальные объекты. Нормально *крупные южные звезды*, но невозможно **крупная луна, *крупное красное солнце* (при том что одинаково хорошо *Большие южные звезды светились на черном небосклоне и Большая серебристая луна заливала поляну бледным светом, Над горизонтом поднималось большое красное солнце*). Нормально, правда, высказывание *Самого крупного караса отложили для уха, а мелких бросили кошке*. Но в данном случае речь идет не об уникальном объекте, а об объекте, выделенном из множества однотипных.

Заметим, что лексема *крупный* может характеризовать и отдельный объект, причем в ситуации, когда однотипные объекты не предполагаются. Однако в этом случае функционирование лексемы *крупный* подчиняется определенным ограничениям. А именно, она свободно характеризует единичные объекты лишь в предикативной позиции, ср. *Носорог был очень крупный*. Что касается атрибутивной позиции, то объект, характеризваемый прилагательным *крупный*, не должен специально выделяться говорящим (возможно, из подразумеваемой совокупности однотипных объектов). При этом *крупным*, как правило, называют объекты, только что введенные в сферу повествования. Нормально *Поймал довольно крупного караса; Сорвал крупное желтое яблоко*, однако неудачно *?На столе лежал этот крупный карас; ?Сорвал это крупное желтое яблоко* (в подобных случаях нормальна лексема *большой*, ср. *На столе лежал этот большой карас; Он взял это большое яблоко и съел его*).

Тем самым, лексема *крупный* накладывает определенные ограничения на денотативный статус определяемого существительного и на его характеристику по категории определенности-неопределенности. Можно проследить глубинную связь между данными ограничениями. Для удобства обратимся к артиклевым языкам, располагающим формальными средствами выражения категории определенности-неопределенности.

Основная функция неопределенного артикля — указание на некий невыделенный объект как представитель класса объектов, подобных данному. Невыделенность объекта предполагает, в частности, что о нем еще не шла речь. В связи с этим объект, только что введенный в сферу повествования, обычно тоже характеризуется неопределенным артиклем. Обозначение класса (или совокупности) объектов предполагает нечто похожее: отдельные представители класса (совокупности) не выделяются «из общей массы», ни об одном из них еще не шла речь как об от-

⁵ Обратим внимание на то, что данные существительные обозначают совокупности и не сочетаются с лексемой *большой*. Интересно, что обозначения многих артефактов не сочетаются с лексемой *крупный*. Так, неудачно *?крупные пирожки* (*котлеты, погребушки, скрепки, стички*), хотя нормально *крупные пельмени*. Дело в том, что артефакт обычно не мыслится как компонент множества — он воспринимается как отдельный объект.

дельной сущности. Лексема *крупный* в атрибутивной позиции, характеризует ли она класс (совокупность) или отдельный объект, предполагает именно такую неопределенность, невыделенность объекта. Это связано с ее прототипической ориентированностью на характеристику класса.

Еще более интересно устроена лексема *мелкий*, представленная в контекстах *мелкие яблоки*, *мелкий шрифт* и т. п. Эта лексема оценивает размеры объекта относительно двух эталонов сразу — и размера человека, и среднего размера объектов однотипных данному. *Мелкие* объекты, во-первых, меньше других объектов того же класса и, во-вторых, гораздо меньше человека: в прототипическом случае они свободно умещаются на ладони, ср. *мелкие цветочки* (*обломки, осколки*).

Лексема *мелкий*, так же как и *крупный*, не может свободно характеризовать единичные объекты. При этом она тяготеет, скорее, к описанию совокупности объектов и, в несколько меньшей степени — классов. Ср.

- (11) *Разорвал записку на мелкие клочки; Его лицо круглый год было усеяно мелкими веснушками* [характеризуется совокупность].
- (12) *Особенно хорош для засала мелкий нежинский огурец; Мелкая рыба для этого блюда не годится* [характеризуется класс, т. е. ИГ в родовом статусе].

Ср. также *мелкий песок* (*снег, дождь, бисер, жемчуг, шрифт, виноград* и т. п.), *мелкая картошка* (*клубника, галька, дробь, пыль* и т. п.) — речь идет о совокупностях многих объектов⁶. Плохо, однако **мелкая веснушка* (*родинка*) *на правой щеке*, **мелкая буква в конце страницы*, **Этот мелкий зеленый огурец положи в салат*.

Лексема *мелкий* может характеризовать единичный объект лишь в отдельном круге употреблений, в котором, помимо указания на размер объекта, выражается еще и пренебрежение к нему⁷. Типично сочетание данной лексемы с местоимением *какой-то*. Ср.

- (13) *Принес с рыбалки какого-то мелкого карася — кошке и той мало; Испугалась какой-то мелкой букашки и подняла визг*.

Данное употребление лексемы *мелкий* характерно для разговорной речи.

В целом, в семантике лексемы *мелкий* прослеживается та же связь с категорией неопределенности, что и в значении слова *крупный*. Обусловлено это тяготением лексемы *мелкий* к характеристике совокупности.

Стоит отметить, что лексемы *крупный* и *мелкий*, при их кажущемся сходстве, не являются точными антонимами: *крупный* предполагает сравнение с относительным эталоном, а *мелкий* — с двумя эталонами сразу.

⁶ Обратим внимание на то, что данные существительные являются обозначениями совокупностей, причем не сочетаются с лексемой *маленький*.

⁷ Невыделенность объекта из класса ему подобных естественно связана с пренебрежительным отношением к нему. Эта информация относится к так называемой «обиходной энциклопедии», но в данном случае закреплена в семантике слова *мелкий*.

Указание на два эталона сравнения «встроено» в семантику еще одного прилагательного — *карликовый*, ср. *карликовые березы*, *карликовые породы растений*. Данное прилагательное указывает на то, что характеризуемый объект меньше как обычного представителя данного класса объектов, так и человека⁸.

В некоторых случаях противопоставление относительного и абсолютного стандарта связано не с лексемой как таковой, а с ее формой, с конструкцией, в которой она выступает, и даже с отдельными несвободными сочетаниями.

Так, краткая форма параметрического прилагательного *велик*, *мал*, *высок*, *низок*, *крупен*, *мелок*, *короток*, *тяжел* и т. п. нормальна в конструкции с предлогом для + *X*-а. При этом данная конструкция имеет два значения. Ср.

- (а) Для гвардейца он (слишком) низок; Для акробатки она крупна (тяжела).

В данном случае предполагается сравнение только с относительным эталоном, причем данный эталон обозначен существительным (ср. *гвардеец*, *акробатка*) в родовом статусе, которое зависит от предлога для.

- (б) Каблук для меня велик (высок, мал, низок); Для подзаголовка этот шрифт мелок (крупен); Шнур для этого устройства короток.

В этом случае конструкция выражает значение ‘больше (меньше), чем нужно в данной ситуации’; здесь тоже предполагается сравнение с относительным эталоном, который, однако, лишь подразумевается, — это величина объекта, подходящего для данной ситуации⁹. Заметим, что конструкция (б) с параметрическим прилагательным в рассматриваемом отношении не отличается от аналогичной конструкции с обычным качественным прилагательным. Ср. *Для нее он слишком умен (образован, богат)*.

Относительный эталон сравнения предполагается в несвободном сочетании (*тетрадь*) в большую VS. маленькую клетку, при том что в значении самих прилагательных *большой* и *маленький* указания на эталон нет.

Представление об относительном и абсолютном стандартах пронизывает не только рассмотренную группу лексем, но, и, по-видимому, всю параметрическую лексику.

Возьмем, например, лексемы *тяжелый*, *увесистый* и *неподъемный*, указывающие на вес объекта. Ср. *Моя машина не рассчитана на такие тяжелые грузы; Он*

⁸ В большинстве случаев два эталона сравнения предполагает и лексема *игрушечный*, которая обычно не характеризует объекты большие человека; ср. *игрушечный домик*, *игрушечный самолет*. С данной лексемой сближается *миниатюрный* 1, ср. *миниатюрные часы*, *миниатюрный рояль*, также обычно предполагающая два эталона сравнения.

⁹ Конструкциям типа (б) посвящена работа [Кустова 2005]. Они рассматриваются также в статье [Iordanskaja, Mel'čuk 2004]. В книге [Апресян 1974: 214] случай (б) интерпретируется как тип регулярной многозначности прилагательных с указанием, что данное значение «реализуется, как правило, в краткой форме, часто с указанием цели».

покачал на ладони увесистый пакет, подумал и сунул его в карман; Чемоданы у нее неподъемные, как она будет пересадку делать?

Лексема *тяжелый*, сближаясь с *большой* и *маленький*, предполагает сравнение веса характеризуемого объекта с одним из двух стандартов. Обычно вес характеризуемого предмета сравнивается со средним весом объектов, однотипных с данным (относительный эталон). Ср.

(14) *Ее уши оттягивали тяжелые серьги; По улицам грохотали тяжелые танки.*

Однако *тяжелый* может предполагать сравнение с весом тех предметов, которые обычно без труда поднимает или несет на себе человек, с тем весом, которым человек без труда манипулирует. Такой вес выступает в качестве абсолютного, антропоцентричного, стандарта. Тем самым антропоцентричный стандарт в данном случае — это не размер человека, а вес, который сопоставляется с его возможностями. Ср.

(15) *Веревка обледенела и стала тяжелой*¹⁰.

Увесистый, подобно лексеме *мелкий*, предполагает сравнение характеризуемого предмета сразу с двумя стандартами — абсолютным (антропоцентричным) и относительным, причем в качестве последнего выступает обычный вес объектов того же размера, что и данный. В протипической ситуации человек как бы взвешивает соответствующий предмет на ладони, слегка покачивая ею. Ср.

(15а) *Подержал на ладони увесистый мешочек с золотыми червонцами и после минутного раздумья принял предложение.*

Тем самым, в значение слова *увесистый* встроено указание на абсолютный эталон не только веса, но и размера: обычно это небольшой предмет, который умещается на ладони. Впрочем, последнее требование часто смягчается: увесистым называют предмет, который человек может держать в руке. Ср.

(15б) *На всякий случай он вооружился увесистой дубинкой; Сумка получилась увесистой.*

Ср. следующий плохой пример, в котором не удовлетворяются требования, предъявляемые данной лексемой к размеру характеризуемого объекта:

(16) **Тахта хоть и из легкого материала, но увесистая.*

Слово *неподъемный* представляет собой пример не описывавшейся выше ситуации, когда в значение лексемы встроено указание лишь на абсолютный стан-

¹⁰ Семантика прилагательного *тяжелый* не исчерпывается сравнением с эталоном. Данная лексема предполагает еще и физическое воздействие, которое характеризуемый объект оказывает на другие предметы или на субъекта, который его несет. Так, *тяжелые серьги* оттягивают уши и, возможно, причиняют неудобство субъекту; под *тяжелым составом* прогибаются рельсы, гудит земля, и т. п. Однако данный компонент значения нас сейчас не интересует.

дарт. Данное прилагательное предполагает сравнение характеризуемого предмета с тем весом, который без особого труда поднимает и несет человек. Поэтому нормально следующее высказывание, ср.

- (17) *Она выросла в городе и таскать неподъемные носилки с землей просто не могла.*

Однако плохо

- (18) **Груз у меня неподъемный — семьдесят килограмм, а ехать придется на двух электричках.*

По-видимому, сравнение только с абсолютным эталоном предполагают дериваты параметрических прилагательных (и соответствующих наречий) с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Так, *тяжеленький* предполагает сравнение с антропоцентричным стандартом, т. е. с весом, который без особого труда поднимает и несет человек. Поэтому нормально высказывание *Малыш стал тяжеленький, на руках его долго не поносишь*, однако крайне сомнительно (вне контекста языковой игры) *Самосвал у меня тяжеленький* (хотя нормально *Самосвал у меня тяжелый*). Наречие *быстренько* уместно, когда речь идет о тех действиях, которые человек делает сам, причем сравнивают скорость действия с обычной скоростью, свойственной человеку, или же срок выполнения действия с тем сроком, за который обычно его совершают. Нормально *Быстренько зажарила яичницу, Быстренько сложили вещи*; в разговорной речи возможно даже *Быстренько наладили выпуск одноразовых шприцов*, однако плохо *Поезд быстренько доехал до следующей станции*, *Быстренько долетели до Москвы* (при том что вполне хорошо *Поезд быстро доехал до следующей станции, Быстро долетели до Москвы*)¹¹.

Наши наблюдения позволяют выделить следующие возможные типы параметрических лексем, различающихся по признаку «эталон сравнения».

Тип I. В значении лексемы не встроено указание на эталон сравнения: возможное сравнение как с относительным, так и с абсолютным стандартом. Ср. *большой, огромный, маленький, крохотный* и т. п.

Тип II. В значение лексемы встроено указание на эталон сравнения:

II а) только на относительный эталон: *малый, крупный* и т. п.;

II б) только на абсолютный эталон: *неподъемный, тяжеленький, быстренько* и т. п.;

II в) на оба эталона сразу: *мелкий, карликовый, увесистый* и т. п.

¹¹ Заметим, что уменьшительно-ласкательные прилагательные, указывающие на конкретный параметр объекта (ср. *толстенький, тяжеленький, длиненький*), предполагают, что значение других параметров характеризуемого объекта не слишком превосходит среднее. Именно поэтому они охотно сочетаются с диминутивами, ср. *толстенький человечек*. При этом высокого человека *толстеньким* не назовут: нормально *толстенький низенький (маленький) человечек*, но плохо или сомнительно *высокий толстенький человек*. Анало-

1.2. Степень отклонения от эталона: три участка шкалы

Для описания параметрической лексики важно не только указание на эталон сравнения, но и на степень отклонения от него. Так, *большой* отклоняется от эталона больше, чем *крупный*; *маленький* — больше, чем *небольшой* (т. е., например, *маленький* камешек меньше, чем *небольшой* камешек); *тяжелый* предмет тяжелее, чем *увесистый* и т. п.

Данные параметрические прилагательные сочетаются с интенсификатором *очень*, ср. *очень большой*, *очень маленький* и т. п. Ясно, что *очень большой* объект больше, чем (просто) *большой*, так же как *очень маленький* объект меньше *маленького* и т. п. Однако наряду с сочетанием *очень большой* в языке есть отдельная лексема *огромный*. Аналогичным образом, кроме сочетания *очень маленький* есть еще лексема *крошечный*. Очевидно, что сочетание *очень большой* и лексема *огромный* неравнозначны: *огромный* объект больше, чем *очень большой*. Точно также *крошечный* объект меньше *очень маленького*.

В самом первом приближении, *огромный* — ‘такой, который намного больше очень большого’. Иными словами, в качестве точки отсчета здесь выступает не обычный (абсолютный или относительный) эталон, а размер *очень большого* объекта. Так же устроены и лексемы *громадный*, *колоссальный*, *гигантский*, *исполинский*. Отклонение от точки отсчета, описываемое данными прилагательными, может быть как угодно велико. Именно поэтому все они, в отличие от лексемы *большой*, могут описывать фантастические объекты вроде гигантских комаров, на которых летают люди. Внутри данной группы лексемы частично упорядочены по степени отклонения от точки отсчета. Так, например, *громадный* больше *огромного*, но меньше *гигантского* (подробнее см. статью автора «ОГРОМНЫЙ» в [НОСС 2004]).

Аналогичным образом, *крохотный* — ‘такой, который намного меньше очень маленького’. В качестве точки отсчета в данном случае выступает размер *очень маленького* объекта. Отклонение от точки отсчета, описываемое данным прилагательным, — как угодно велико. Благодаря этому лексема *крохотный*, а также ее синонимы *крошечный* и *малюсенький* могут описывать сказочные, фантастические объекты. Ср. *В этих крохотных домиках жили крошечные человечки, которых можно было увидеть только вооружившись очень сильной лупой. А собаки в этом городе были такие малюсенькие, что ты смог бы увидеть их разве что в микроскоп.*

Получается, что на шкале величины (независимо от того, задана она относительно абсолютного или относительного эталона) выделяются три участка, каж-

гичным образом, сочетание *длинненькая веревочка* предполагает не слишком большой ее диаметр; ср. нормальное сочетание *тоненькая длинненькая веревочка* и нестандартное *толстая длинненькая веревочка* (при нормальности *толстая длинная веревка*). Данное ограничение является одним из проявлений закона семантического согласования.

дый из которых может рассматриваться как отдельная, самостоятельная «подшкала» со своей точкой отсчета.

Первый участок — это область, не слишком удаленная от центра шкалы; в качестве точки отсчета выступает относительный или абсолютный эталон, т. е. величина среднего объекта из класса однотипных или величина человека. Из прилагательных, указывающих на размер, эту часть шкалы описывают группы: 1) *большой, крупный*; 2) *маленький, мелкий, небольшой*. Ясно, что отклонение от эталона, описываемое данными словами, не может быть слишком большим — в противном случае характеризуемый размер уже выходит за границы области, прилегающей к эталону.

Второй участок — это та часть шкалы, которую описывают лексемы *огромный, громадный, колоссальный, гигантский, исполинский*. Точка отсчета на этом участке шкалы — величина очень большого объекта.

Наконец, третий участок, выделяемый на шкале размера, — это та ее область, которую описывают лексемы *крохотный, крошечный, малюсенький*. Точка отсчета на этом участке шкалы — величина очень маленького объекта.

Если изобразить шкалу размера в виде прямой, то данные участки будут расположены на ней так ¹²:

Заметим, что описанные три участка хорошо выделяются на шкале общего размера. На шкалах конкретных параметров, например, на шкалах длины, ширины и т. п., данные участки выделяются не столь четко, причем носителями соответствующего значения служат суффиксы. Ср. *длиннющий* 'такой, который намного длиннее очень длинного', *толстенный* 'такой, который намного толще очень толстого', *тонюсенький* 'такой, который намного тоньше очень тонкого', и т. п.

1.3. Возможная типология параметрических прилагательных

Мы выделили два общих семантических признака, которые, по-видимому, пронизывают весь класс параметрических слов. При этом по признаку «эталон сравнения» рассматриваемая лексика разбивается на четыре класса, а по признаку «степень отклонения от эталона» — на три. Наконец, по самому очевидному при-

¹² Многие конкретные параметрические прилагательные, наряду с точкой отсчета, предполагают некоторую «пороговую зону», примыкающую к точке отсчета и интерпретируемую языком как еще не отклоняющуюся от среднего. Наличие этой пороговой зоны обосновано в работе [Iordanskaja, Mel'čuk 2004] на материале сочетаемости разных прилагательных с лексемой *немного* (ср. *немного грустный* VS. **немного веселый*; *немного полный* (о человеке) VS. **немного высокий* и т. п.). Мы от этого отвлекаемся.

знаку — «больше или меньше эталона данный объект» — параметрические слова распадаются еще на два класса. Данные признаки логически независимы, а поскольку их разных сочетаний двадцать четыре, то можно думать, что в языке найдется двадцать четыре типа параметрических слов. Однако в действительности их гораздо меньше. Реальные типы параметрических прилагательных русского языка таковы.

I. Класс, толкуемый через элемент 'БОЛЬШЕ'

А. Нет встроенного указания на эталон сравнения (возможно сравнение с относительным или абсолютным эталоном).

‘Такой, который больше среднего объекта из класса объектов, однотипных данному, или больше человека’.

Ср. *большой*.

Б. Сравнение только с относительным эталоном. ‘Такой, который больше среднего объекта из класса объектов, однотипных данному’.

Ср. *крупный*.

В. Сравнение только с абсолютным эталоном.

‘Такой, который больше человека’. [Указание на относительный эталон отсутствует.]

Пример не найден; по-видимому, такой лексемы в русском языке нет.

Г. Сравнение с двумя эталонами — относительным и абсолютным. ‘

Такой, который больше среднего объекта из класса объектов, однотипных данному, и больше человека’.

Пример не найден; возможно, такой лексемы в русском языке нет.

II. Класс, толкуемый через элемент 'МЕНЬШЕ'

А. Нет встроенного указания на эталон сравнения (возможно сравнение с относительным или абсолютным эталоном).

‘Такой, который меньше среднего объекта из класса объектов, однотипных данному, или меньше человека’.

Ср. *маленький*.

Б. Сравнение только с относительным эталоном.

‘Такой, который меньше среднего объекта из класса объектов, однотипных данному’.

Ср. *малый*.

В. Сравнение только с абсолютным эталоном.

‘Такой, который меньше человека’.

Пример не найден; возможно, такой лексемы в русском языке нет.

Г. Сравнение с двумя эталонами — относительным и абсолютным.

‘Такой, который меньше среднего объекта из класса объектов, однотипных данному, и меньше человека’.

Ср. *мелкий, карликовый*.

III. Класс, толкуемый через компонент ‘НАМНОГО БОЛЬШЕ ОЧЕНЬ БОЛЬШОГО’

А. Нет указания на эталон сравнения (эталон сравнения — относительный или абсолютный).

‘Такой, который намного больше очень большого объекта из класса объектов, однотипных данному, или намного больше человека’.

Ср. *огромный*.

IV. Класс, толкуемый через компонент ‘НАМНОГО МЕНЬШЕ ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКОГО’

А. Нет указания на эталон сравнения (эталон сравнения — относительный или абсолютный).

‘Такой, который намного меньше очень маленького объекта из класса объектов, однотипных данному, или намного меньше человека’.

Ср. *крошечный*.

Обратим внимание, прежде всего, на то, что среди выделенных классов нет таких, которые бы соответствовали размеру объекта (гораздо) большего, чем однотипные ему, но все-таки меньшего, чем человек. В связи с этим сочетания типа *огромная птица, гигантское насекомое* допускают два разных понимания — как обозначающие реальные объекты, которые намного превосходят только однотипные данному, или же сказочные объекты, которые намного превосходят не только однотипные объекты, но и человека. Аналогичным образом, на шкале величины отсутствуют участки, которые бы описывали размер объекта меньшего, чем однотипные ему, но большего, чем человек. В связи с этим лексемы типа *крохотный* в принципе тоже могут порождать подобную неоднозначность. Ср. сочетание *крохотная галактика*, допускающее два понимания: «относительное» (*Во Вселенной есть и такие, крохотные галактики*) и «антропоцентричное» (*Он написал сказку о крохотной галактике, которую земляне наблюдают в мощные электронные микроскопы*).

По-видимому, отсутствие данных участков на шкале величины вполне закономерно.

Действительно, в предложенных схемах толкования выделяется некий «семантический стержень», смысловая доминанта, находящаяся в фокусе внимания: это компонент ‘больше’ или ‘меньше’. Можно предположить, что в лексическом

значении не может быть двух «рассогласованных» доминант. Отметим, что в реальном высказывании, где речь идет о сравнении объекта сразу с двумя другими, в подобном случае уместен союз *но*, ср. *Этот дом больше нашего, но меньше соседского*. Данный союз обозначает «несоответствие ожиданиям», и это наводит на мысль, что рассогласование оценок (ср. ‘больше X, но меньше Y’) тоже «противоречит ожиданиям» (ср. описание союза *но* в книге [Санников 1989], а также в статье [Урысон 2006]). Обсуждаемые участки шкалы размера оказываются слишком сложно устроенными, и, видимо, поэтому в языке нет лексем для их обозначения¹³.

Теперь обратим внимание на лакуны внутри классов. Мы не располагаем примерами русских лексем класса ‘больше’, которые, обозначая общую величину объекта, указывают на сравнение с абсолютным эталоном (т. е. входят в группу В или Г). Аналогичным образом, мы не знаем ни одной русской лексемы класса ‘меньше’, которая указывала бы на сравнение только с абсолютным эталоном (т. е. входила бы в группу В). Тем самым, указание на антропоцентричный стандарт менее свойственно прилагательным, чем указание на относительный эталон. Повидимому, этот факт можно объяснить.

Естественно считать, что говорящие (на любом языке) хорошо представляют среднюю величину объекта того или иного класса: она мыслится как величина типичного представителя данного класса, т. е. величина прототипа. В некоторых случаях сведения о величине объекта являются компонентом лексического значения, в других — частью «наивной энциклопедии», т. е. наших обиходных знаний об окружающем мире; подробнее см. раздел 1.5. Очевидно, однако, что в любом случае величина прототипа представляется нами не в каких-то единицах измерения, а по сравнению с человеком — с частями его тела, с его возможностями: именно так мы представляем себе размеры чашки, дерева, дома, поля и т. п. Иными словами, размер объекта указывается относительно абсолютного, антропоцентричного, эталона. По этой причине не возникает необходимости в специальных параметрических словах, которые характеризовали бы размер объекта, сравнивая его только с человеком.

Можно предположить, что представление о двух эталонах сравнения типологически значимо и может встретиться в языках, структурно и генетически далеких от русского¹⁴.

¹³ Отметим, что подобным образом объясняется невозможность сочетаний типа *немного тяжёлый* в работе [Iordanskaja, Mel'čuk 2004].

¹⁴ Отметим, что антропоцентричный стандарт ярко проявляется во многих названиях мер длины: эталоном меры является обычная длина руки, в частности кисти, пальца или ступни. Ср. *локоть*, *стопа*, *палец*, *перст*, а также англ. *foot* ‘стопа’ (*фут*), голл. *duim*. ‘большой палец’ (*дюйм*) и т. п. Подробнее см. [Романова 1975].

1.4. УКАЗАНИЕ НА РАЗМЕР

В СЕМАНТИКЕ НЕПАРАМЕТРИЧЕСКИХ СЛОВ

Указание на размер входит в семантику не только параметрических прилагательных, но и других слов, прежде всего — некоторых существительных, обозначающих «ингерентно большие и ингерентно малые объекты» [Спиридонова 1999: 15]. Таковы, в частности, лексемы *великан*, *гигант*, *исполин*, *карлик*, *лилипут*, *дюймовочка* и т. п. Так, *великан* = ‘человек очень большого размера’; *карлик* = ‘человек очень маленького размера’.

Для нас более интересен случай, когда указание на размер в значении слова не столь явно. Рассмотрим существительные *океан*, *пустыня*, *валун*, *небоскреб*, *доми́на*, *болотце*, *деревенька*, *каморка*, *ящичек*, *букашка* и т. п. Уяснить семантику подобных слов позволяет анализ их сочетаемости с параметрическими прилагательными.

Возьмем, например, слово *океан*. Нормально сочетание *огромный океан*, но странно или сомнительно (по крайней мере, вне языковой игры) *’небольшой океан*, *’маленький океан*; не вполне стандартно даже *’большой океан*. Мы объясняем это тем, что в значении слова *океан* есть указание на размер данного объекта: он намного больше других, даже очень больших, водоемов и в очень большой степени превосходит абсолютный стандарт, в качестве которого выступает размер того участка, который может обойти человек в обозримое время¹⁵. Иными словами, в значении слова *океан* есть указание на определенный участок шкалы размера: точкой отсчета на этом участке является величина очень большого объекта (причем с точки зрения как относительного, так и абсолютного стандарта размера). Данный участок шкалы — и соответствующий размер — описывается словом *огромный*. Поэтому по закону семантического согласования слово *океан* нормально сочетается с лексемой *огромный* и не сочетается с лексемами *большой*, *небольшой*, *маленький*.

Аналогичным образом устроено слово *пустыня*: в его значении есть указание на то, что данный объект по размеру превосходит (возможно, намного) другие подобные природные объекты, причем несопоставим с антропоцентричным стандартом. Соответствующий участок шкалы задается лексемами *большой* и *огромный*. Поэтому нормальны сочетания *большая* {*огромная*} *пустыня* и нестандартно *’маленькая пустыня*.

Указание на определенный размер встроено и в значение слова *валун*. Этот размер лежит в пределах шкалы, описываемой лексемами ‘огромный — большой — небольшой’. Поэтому нормальны сочетания *большой валун*, *небольшие валуны*, но сомнительно или нестандартно *’маленький валун*.

¹⁵ Мы предполагаем, что абсолютный, антропоцентричный стандарт применительно к природным и географическим объектам (ср. *поле*, *лес*, *холм*, *озеро* и т. п.) — это соответствующий объект таких размеров, при которых человек обходит его за относительно небольшой промежуток времени, не тратя на это слишком много сил.

Похожую семантическую структуру имеет и слово *небоскреб* — в его значение входит указание на очень большую высоту. Поэтому нормальны сочетания *высокий* (*большой, огромный*) *небоскреб*, но странно *низкий* (*маленький*) *небоскреб*.

Указание на размер выражают и увеличительные и уменьшительные суффиксы и, следовательно, существительные, содержащие в своем составе такой суффикс.

Так, слово *доми́на* предполагает очень большой размер объекта. Нормально *огромный доми́на*, но сомнительно или плохо *маленький* (*небольшой, крошечный*) *доми́на*. Ср. также *ручи́щи, носи́ще, глази́щи* и т. п.: нормально *огромные ручи́щи* (*глази́щи*), *огромный носи́ще*, но сомнительно или плохо *небольшие* (*маленькие*) *ручи́щи* (*глази́щи*), *небольшой* (*маленький*) *носи́ще*.

Напротив, в значение диминутивов входит указание на то, что размер объекта меньше обычного размера однотипных объектов и меньше атропоцентричного стандарта¹⁶.

Например, размер *болотца* и *деревеньки* лежит на том участке шкалы, который описывается прилагательными *маленький, крохотный* и *небольшой*. Поэтому нормальны сочетания *маленькое* (*небольшое*) *болотце*, *маленькая* (*небольшая*) *деревенька* и неудачны сочетания *большое болотце*, *большая деревенька*. Размер *каморки* задается теми участками шкалы, которые описываются, соответственно, лексемами *маленький* и *крохотный*. Поэтому нормальны сочетания *маленькая каморка, крохотная каморка*, но сомнительно *небольшая каморка*, плохо **большая* (*огромная*) *каморка*. Аналогичным образом устроено слово *ящичек*: оно содержит указание на небольшой или маленький размер объекта (относительно двух эталонов сразу). Поэтому нормальны сочетания *небольшой ящичек, маленький ящичек*, однако плохо или сомнительно *огромный ящичек, большой ящичек* (последнее сочетание нормально лишь в том случае, если имеется в виду всего два ящичка, один из которых больше).

Указание на размер содержится и в значении лексемы *букашка*: он расположен на том участке шкалы, который описывается лексемами *небольшой, маленький* и *крохотный*. Ср. нормальные сочетания *небольшая букашка, маленькая букашка, крохотная букашка* при крайней сомнительности (вне языковой игры) *большая букашка*. При этом размер *букашки* сравнивается как с абсолютным, так и с относительным эталоном.

Существенно, что объекты, которые мыслятся как большие или маленькие, обычно с трудом допускают сравнение с объектами собственного класса. Так, если один океан больше другого, мы ни один из них не назовем ни большим, ни маленьким: океан предстает как некий образец водоемов очень больших размеров. Аналогичным образом, если одна *букашка* больше другой, мы не назовем ее большой; говоря *маленькая букашка*, мы сравниваем данный объект не с другими

¹⁶ О семантике диминутивов см. работу [Спиридонова 1999].

букашками, а с другими насекомыми. Иными словами, букашка выступает как образец очень маленького насекомого. Точно так же не сравниваются между собой деревца или деревеньки: говоря *маленькое деревцо* или *маленькая деревенька*, мы сравниваем данное дерево или данный населенный пункт с обычными деревьями (населенными пунктами), а не с другими деревцами (деревеньками).

Разумеется, данное ограничение распространяется не на все существительные, в значении которых есть указание на размер. Так, слово *клоп* обозначает очень маленькое насекомое, причем размер его мал как относительно абсолютного, антропоцентричного стандарта, так и относительно других насекомых. Указание на антропоцентричный стандарт, безусловно, входит в значение лексемы *клоп* — об этом свидетельствует переносное значение этого слова: *клоп 2* = 'ребенок, намного меньший взрослого человека' (где речь идет о двух тесно связанных параметрах — размере и возрасте); ср. *Такой клоп, а замечания делает!* Однако нормальны как сочетания *маленький* (*небольшой, малюсенький*) *клоп*, так и сочетания *большой* (*крупный, колоссальный*) *клоп*: данные объекты допускают сравнение с объектами своего класса. Аналогично ведет себя слово *крошка*: оно обозначает очень маленькую часть какого-либо объекта, причем размер крошки мал относительно двух стандартов сразу, однако при этом крошки свободно сравниваются между собой, ср. *маленькая крошка, большая крошка*.

Подчеркнем, что во всех рассмотренных случаях указание на размер объекта является частью значения существительного — об этом свидетельствуют сочетаемостные ограничения данных слов. Заметим, что говорящие на данном языке обычно знают размеры многих (если не всех) объектов окружающего мира, обозначаемых существительными. Ср., например, слова *стул, мышь, муравей, чашка, булавка* и т. п. Мы знаем, каковы обычные размеры стула, равно как и то, что мышь или чашка легко умещается в ладони, что муравей — это очень маленькое насекомое и т. д. Значит ли это, что информация о размере объекта является частью лексического значения данных существительных? Или же это фрагмент энциклопедических знаний об окружающем нас мире?

Для того чтобы с уверенностью утверждать, что тот или иной компонент входит в значение лексемы, требуется привести языковые факты, свидетельствующие о соответствующей организации ее семантики. В настоящий момент мы такими данными не располагаем. Скорее всего, сведения о размере объектов, обозначаемых большей частью существительных (ср. *стул, мышь, муравей, чашка, булавка*), являются частью т. н. «обиходной энциклопедии». Можно предположить, что в ней указывается размер объекта относительно абсолютного, антропоцентричного, эталона. Эти сведения дополняют собственно лексическое значение слова, так что в результате мы понимаем, что сочетания *большой муравей, большая мышь* (*чашка, булавка*) и т. п. (равно как и *маленький муравей, маленькая мышь* (*чашка, булавка*)) обозначают объекты, меньшие человека. Таким образом, сведения о размере объекта в одном случае являются частью «наивной энциклопедии», а в другом — компонентом значения слова. Существенно,

однако, что эталоном величины в любом случае служит человек, точнее размер человеческого тела.

1.5. РАЗМЕР И ДРУГИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТА

Прилагательные, указывающие на конкретный параметр объекта, например, *длинный* или *высокий*, предполагают определенные пропорции характеризуемого объекта. Так, *длинным* можно назвать лишь такой объект, длина которого сильно превосходит остальные его измерения; *квадратный* стол можно назвать *большим*, но не *длинным* или *широким*. Этот факт хорошо известен, см. [Апресян 1974; Рахилина 2000]. Однако в семантике некоторых лексем характеристика размера тесно сплетена с указанием на более специфичные особенности объекта. Как правило, идиоматичное выражение совокупности характеристик присуще не центральным для данного семантического класса лексемам (типа *большой*, *огромный*, *маленький*, *крошечный*), а их более периферийным синонимам или аналогам.

Проиллюстрируем это на лексемах *большой* и *крупный*.

Лексема *большой* не содержит никакого указания на форму или субстанцию объекта. Одинаково хорошо *большие тяжелые дыни*, *большие мыльные пузыри*, *большая тень от телеги*. Лексема *крупный*, напротив, предполагает весомость предмета, его ощутимость, хорошо выраженную, округлую, выпуклую форму. Поэтому нормально *крупные тяжелые дыни*, *крупные мясистые листья*, однако плохо **крупные полупрозрачные листья*, **крупные тонкие лепестки*. Нестандартно **Лужа покрылась крупными пузырями* [пузырь невесом], хотя нормально *Лужа покрылась большими пузырями*. Если лексема *крупный* характеризует двухмерный объект, то предполагается его четкость, выделенность относительно фона, яркий цвет. Нормально *Его руки были покрыты крупными рыжими веснушками*, однако не вполне стандартно **Его руки были покрыты крупными бледными веснушками* [нормально *большие бледные веснушки*].

Яркий пример совмещения в одной лексеме целого ряда характеристик — лексема *миниатюрный*, представленная в случаях типа *миниатюрный ножичек*, *миниатюрные кофейные чашки*, *миниатюрная шкатулка*. Данная лексема указывает не только на размер предмета, но и на его изящную форму, пропорциональность.

Другой пример «сплетенного» выражения нескольких характеристик объекта представляют лексемы *увесистый* и *неподъемный*. Обе они указывают не только на вес, но и на размер объекта. *Увесистым* называют предмет, свободно лежащий на ладони (ср. *увесистый кольт*) или же такой, который человек несет в руке (ср. *увесистая дубинка* {сумка}). *Неподъемный* обычно характеризует вместилища, предназначенные для переноски их человеком, ср. *неподъемный рюкзак* {чемодан}, *неподъемная сумка*, *неподъемные носилки с песком*.

Заметим, что на некоторые особенности внешнего вида объекта может указывать и слово *тяжелый*. Так, в контекстах *тяжелые шторы*; *олень с тяжелыми рогами*; *Тяжелые русые косы* / *Упали на смуглую грудь* (Н. А. Некрасов) лексема

тяжелый указывает не столько на вес объекта как таковой, сколько на его большой объем, массивность и т. п.¹⁷

Подобные семантические особенности параметрических прилагательных не имеют прямого отношения к устройству шкалы размера. Однако они хорошо отражают принципиальную непоследовательность естественного языка, который разрабатывает представления о, казалось бы, похожих вещах в очень разной степени, благодаря чему в его лексической системе сосуществуют (квази)синонимы, различающиеся по богатству и сложности значения¹⁸.

1.6. РЕЗЮМЕ

Характеристика размера объекта предполагает сравнение значения данного параметра с каким-то эталоном, стандартом. В семантической системе русского языка имеется представление о двух эталонах размера — абсолютном, антропоцентричном (размер человека), и относительном (размер объектов, однотипных с данным). Можно предположить, что это семантическая универсалия: так устроено представление о размере в любом языке.

Понимание того, какой именно эталон размера имеется в виду, обуславливается контекстом. При этом большинство русских прилагательных, обозначающих общий размер объекта, могут оценивать данный параметр относительно обоих эталонов. Однако есть и такие параметрические прилагательные, в значение которых встроено указание на конкретный эталон сравнения. Было бы интересно провести типологическое исследование лексики разных языков с точки зрения наличия в них подобных параметрических слов с встроенным в лексическое значение эталонным размером.

Шкала общего размера, независимо от того, какой эталон — относительный или абсолютный — является точкой отсчета, делится на три участка: средний и два крайних. На крайних участках точкой отсчета является очень большой (ср. *огромный*) или соответственно очень маленький размер (ср. *крохотный*). Не исключено, что такое трехчленное строение шкалы общего размера наблюдается в семантической системе самых разных языков.

¹⁷ Определенное указание на вид объекта входит в семантику диминутивов: объект маленького размера часто наделяется положительной эстетической оценкой. «*Шкафчик и столик* наверняка красивее *шкафа и стола*» [Семенова 2004: 582]. Эта идея кратко выражена А. Богуславским в названии его статьи: «Small is beautiful» (сб. в честь В. В. Храковского).

¹⁸ Выбор тех особенностей объекта, с указанием на которые совмещается указание на величину или на конкретный параметр объекта, может сильно варьировать по языкам. Этот фрагмент семантической системы языка весьма идиоматичен; см., например, [Тань Аошуан 2005].

Представление о величине и ее эталонах релевантно для описания не только параметрических прилагательных, но и предметных существительных¹⁹.

Указание на величину объекта в семантике лексемы часто совмещается с указанием на другие особенности объекта. Такое «сплетенное» выражение разных характеристик особенно свойственно параметрическим словам, указывающим на размеры человеческого тела. Эти лексемы являются предметом описания в следующей главе.

ГЛАВА 2. ПАРАМЕТРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

2.0. ВВЕДЕНИЕ

Основные параметры человеческого тела — это рост и объем. Характерно, что в русском языке фактически отсутствуют лексические единицы, указывающие на обычное, среднее значение данных параметров. Правда, есть одна лексическая единица, описывающая обычный, нормальный рост, — это словосочетание *среднего роста*. Но нет аналогичной единицы, указывающей на обычный, средний объем тела. В принципе, на роль такой единицы могло бы претендовать сочетание *средней упитанности*, но оно стилистически отмечено — это медицинский или ветеринарный термин. Практически все лексические единицы, характеризующие человека по росту и объему тела, указывают на отклонение от некоторого обычного, среднего, роста и некоторого обычного, среднего, объема. (Ясно, что в данном случае абсолютный и относительный эталоны совпадают: рост или объем тела конкретного человека сравнивается с ростом (объемом тела) обычного, «среднего» человека.) О бедности наименований обычного см. [Арутюнова 1988].

Лексические единицы, составляющие объект нашего исследования, естественным образом распределяются по двум классам: единицы первого указывают на рост, единицы второго — на объем, толщину тела. Между данными классами есть много общего. Во-первых, они пересекаются: некоторые лексические единицы указывают на отклонение тела субъекта от среднего сразу по двум параметрам; ср. *рослый, здоровый 2, здоровенный, дородный* (и рост, и объем тела больше среднего); *кругленький 2* (объем тела больше среднего, а рост — меньше); и т. п. Во-вторых, единицы внутри каждого класса противопоставлены друг другу по ряду общих семантических признаков. Ср., например, степень отклонения от среднего (признак, «пронизывающий» весь класс параметрических прилагатель-

¹⁹ Данное представление оказывается существенным и для словообразования. Как показано в работе [Спиридонова 1999], существительные, обозначающие «ингерентно большие или ингерентно малые объекты» (ср. *море, небоскреб, собор, микроб* и т. п.) не образуют диминутивов с собственно уменьшительным значением.

ных). По данному признаку противопоставлены лексемы *высокий* VS. *невысокий*; *тощий* VS. *худощавый* и т. п. Тем не менее, каждый из этих классов (назовем их условно «рост» и «объем тела») обладают собственной яркой спецификой, поэтому мы будем описывать их отдельно друг от друга, указывая семантические противопоставления, общие для классов. Исключение будет сделано лишь для одного семантического признака — это эстетическая оценка человеческого тела, «встроенная» во многие слова, описывающие параметры человеческого тела; ей будет посвящен отдельный раздел, в котором будут рассмотрены единицы из обоих классов.

Класс «рост» беднее и проще класса «объем тела»: он представлен гораздо меньшим количеством единиц, причем они противопоставлены по меньшему количеству признаков. С этого более простого класса мы и начнем.

2.1. РОСТ ЧЕЛОВЕКА

Отклонение от среднего роста описывается двумя основными синонимическими рядами прилагательных:

1) *высокий* 1.2 (*высокая девушка*), *длинный* 2 (*длинный нескладный парень*), *долговязый*, устар. *высокорослый*;

2) *невысокий* 1.2 (*невысокий паренек*), *низкорослый* (*низкорослые туземцы*), *низенький* 1.2 (*низенький старичок*), *маленький* 1.2 (*маленькая брюнетка*), *малорослый* (*малорослый крестьянский парень*).

К первому из этих рядов примыкают лексические единицы разг. *верзила*, разг. *дылда*, разг. редк. *здоровила*²⁰, *каланча* 2, разг. *верста коломенская*, *вытянуться* 1.1 (ср. *За этот год она вытянулась и начала стесняться своего роста*), *вымахать* 3 (ср. *Знаешь, как он вымахал, ему теперь эта куртка мала*) и т. п. Ко второму ряду так или иначе примыкают единицы *коротышка*, *карлик*, *лилипут*, *пигмей* и т. п.

Все перечисленные единицы входят в более общий класс, указывающий на протяженность объекта снизу вверх, т. е. размер объекта по вертикали. Если речь идет о неодушевленных объектах, то этот размер называется *высотой*; если же речь идет о человеке, то данный размер называется *ростом*; ср. *высота горы (дерева)*, *рост воспитанников*, но не **рост горы (дерева)*, **высота воспитанников*. (Заметим, что у некоторых объектов вертикальное измерение не называется ни *ростом*, ни *высотой*. Таковы животные, причем даже те, у которых вертикальный размер достаточно велик. По этой причине затруднены сочетания типа *высокий слон (жираф)*, *высокая лошадь*, хотя возможно *Красовался на высоком жеребце*, *Восседали на высоком верблюде*. При этом нормально *низенькая (невысокая) мохнатая лошадка*, *низкорослые пони* и т. п.).

²⁰ Это слово зафиксировано в [МАС].

Лексические единицы, описывающие высоту предмета, так же как и единицы, указывающие на рост, естественным образом группируются в два подкласса: единицы первого указывают на то, что высота предмета *меньше* среднего, а единицы второго — на то, что высота *больше* среднего. Первый подкласс включает лексему *низкий* 1 (ср. *низкий забор* {кустарник}, *низкая табуретка*), ее диминутив *низенький* 1.1 (ср. *низенький забор*, *низенькая табуретка*) и лексему *невысокий* 1.1 (ср. *невысокий забор*, *невысокие холмы*). Второй подкласс представлен всего одной лексемой — *высокий* 1.1 (ср. *высокий дом* {забор, кустарник, табурет}).

Как видим, группа лексических единиц, описывающих рост человека, существенно богаче. Во-первых, в нее входит специальная лексическая единица, описывающая нормальный, обычный рост, ср. словосочетание *среднего роста*. Во-вторых, подклассы лексем, описывающих отклонение роста от среднего, представлены большим количеством единиц²¹.

Для удобства изложения будем называть группы единиц внутри класса, описывающего рост, «высокий» и «невысокий» соответственно.

Единицы внутри классов «высокий» и «невысокий» противопоставлены по некоторым общим семантическим признакам.

Первый общий признак — степень отклонения от среднего. Например, *высокий*, *длинный*, *маленький*, *низенький*, *низкорослый* и *малорослый* указывают на большое отклонение от среднего, а *невысокий* и *выше* {ниже} *среднего роста* — на небольшое.

Второй общий для данной группы слов семантический признак — указание на конкретные особенности тела субъекта.

Так, в группе «высокий» две лексемы — *длинный* и *долговязый* (и в меньшей степени *каланча* и *верста коломенская*) — указывают на то, что субъект не только высок, но и слишком худ для такого роста, у него узкие плечи и грудь, т. е. в его теле нарушена обычная пропорция между ростом и шириной, объемом. Нормально *длинный худой парень*, *узкоплечий долговязый юноша*, однако плохо *длинный парень богатырского сложения*, *широкоплечий долговязый юноша*. Кроме того *длинный* предполагает скорее плохую осанку и, возможно, некоторую нескоординированность субъекта. Нормально *Он длинный, сутулый, весь какой-то развинченный*, но несколько странно *Он длинный, держится прямо, ходит печатая шаг*.

В группе «невысокий» на особенности телосложения субъекта указывает лексема *низенький*: так называют человека с не очень пропорциональной фигурой, ср. *низенький плотный человек*.

²¹ Из сказанного, между прочим, ясно, почему мы выделяем в словах *высокий*, *невысокий* и т. п. по две лексемы: указывающую на соответствующий параметр неодушевленного объекта и указывающую на рост человека. Во-первых, данные единицы толкуются через разные семантические компоненты, ср. 'высота' VS. 'рост'. Во-вторых, они обладают существенно различными парадигматическими связями в лексической системе.

Третий общий семантический признак — тип субъекта. В классе «рост» существенно противопоставление детей (подростков) и взрослых.

В группе «высокий» выделены, прежде всего, лексемы *вымахать* и *вытянуться*: они указывают на продолжающийся или только что кончившийся процесс роста, а потому характеризуют, главным образом, детей и подростков. Ср. *Она очень вытянулась и повзрослела за эти месяцы; За лето он вымахал так, что пришлось покупать и новую куртку, и брюки*. Подростков или молодых людей часто характеризуют лексемы *длинный* и в еще большей степени *долговязый*. Это связано с тем, что они указывают на определенные особенности тела — как будто еще не вполне сложившегося, не достигшего нормального, присущего взрослым объема и соответствующих пропорций. Ср. *Он помнил его длинным (долговязым) нескладным пареньком, а теперь перед ним стоял высокий элегантный молодой мужчина*.

В группе «невысокий» ограничения на тип субъекта в некотором смысле противоположны: здесь выделяются лексемы, характеризующие только взрослых или же достаточно больших детей, чей рост уже достиг нормального роста взрослого. Так, *невысокий* обычно не характеризует детей, чей рост намного меньше среднего роста взрослого; странно *На пороге стояла дочь — невысокая девочка лет пяти в белой панамке*. Лексема *маленький* свободно характеризует только взрослых (в случаях типа *маленькая толстая девочка* слово *маленький* употреблено в другом значении, ср. *Он еще совсем маленький, его одного не оставишь*). Заметим, что в предикативной позиции данное ограничение снимается, ср. *В первом классе он был самым маленьким и на всех линейках стоял последним*.

Подробно о лексемах, описывающих рост человека, см. статьи автора «ВЫСОКИЙ» и «НЕВЫСОКИЙ» в [НОСС 2004].

2.2. ОБЪЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА

Это не только прагматически, но и лингвистически более интересная характеристика, нежели рост. Одна из причин этого — в том, что многие лексические единицы указывают не только на объем тела как таковой, но и в какой-то степени — на то вещество, из которого состоит тело: это мясо, жир и жидкость.

Приведем некоторые предварительные факты, свидетельствующие о том, что язык указывает на наличие данных веществ в теле человека. На наличие мяса указывает лексема *мясистый*; ср. *Войдешь в квартиру надзирателя; он плотный, сытый, мясистый, — сидит за столом и «кушает» чай* (Чехов, [МАС]). На наличие жира в человеческом теле указывает лексема *жирный* 2; ср. *Зосимов был высокий и жирный человек, — в очках и с большим золотым перстнем на припухшем от жиру пальце* (Достоевский, [МАС]).

О наличии разного рода жидкости в теле человека напрямую свидетельствуют следующие слова: *отека́ть* и *оте́к* (ср. *К вечеру ноги отекали, начинали болеть*); *водянка* ‘скопление жидкости в тканях и полости тела при болезнях сердца,

почек и т. п.»; *худосочие* 'общее истощение, вследствие хронических болезней, недоедания' (ср. *На губах у мальчика какие-то струпья, как будто от худосочия* (Короленко, [МАС])), *худосочный* (ср. *Андрей Семенович был худосочный и золотушный человек, малого роста* (Достоевский, [МАС])); ср. также выражение в (самом) соку: *Это был осанистый сорокалетний мужчина, в самом соку*. При этом водой называют обычно лишнюю жидкость (ср. название болезни *водянка*), а соком — жидкость жизненно необходимую.

С точки зрения русской языковой картины мира тело человека имеет средний (нормальный) объем, если оно содержит определенное количество мяса, некоторое количество жира, а также определенное количество жидкости. Продемонстрируем это, разделив для удобства рассматриваемый класс лексических единиц на две группы с условными названиями «толстый» ('объем тела больше среднего') и «худой» ('объем тела меньше среднего').

В группу «толстый» входят следующие основные лексемы (некоторые из них объединяются в синонимические ряды, ср. подгруппы в списке): а) *толстый* 2, *полный* 2, *жирный* 2, *тучный* 1, *пухлый* 1, к которым примыкают более редкие лексемы книжн. *полнотелый*, прост. *толстомясый*, устар. *дебелый*; б) *плотный* 2 [ср. *плотный осанистый мужчина*], *мясистый* [ср. *мясистая спина*], *упитанный*; в) уходящ. *гладкий* 2 [ср. *гладкая телка*], наррат. уходящ. *сытый* 2 [ср. *Это был чиновник среднего роста, довольно полный, пухлый, очень сытый* (Чехов, МАС)]; г) устар. *крупитчатый* 2, устар. *рассыпчатый* 2 [ср. *Тело белое, крупитчатое (рассыпчатое)*], уходящ. *сдобный* 2 [ср. *сдобные плечи*]; д) *сырой* 3, *рыхлый* 2 [ср. *полное рыхлое тело; Превратилась в болезненную сырую старуху*]. Кроме того, в этот класс входят прилагательные *здоровый* 2 (ср. *высокий здоровый парень*), разг. *дюжий* (ср. *дюжий грузчик*), уходящ. *дородный*, *пышный* 2 [ср. *пышные бедра*], *кругленький* 2 [ср. *кругленький человечек с важным лицом*], *грузный* 1 [ср. *старый грузный человек*], *солидный* 3 [ср. *солидная дама средних лет*], уходящ. *корпулентный*, *груб. откормленный*, *груб. толстомордый*, разг.-сниж. *раскормленный*, разг.-сниж. *пузатый*, разг.-сниж. *толстопузый*, *груб. толстозадый*, а также слова и выражения разг. пренебр. *жирдяй*, *толстяк*, *толстуха*, *толстушка*, *пышка* 2, *пончик* 2, разг.-сниж. *боров* 2, в теле, прост. *поперек себя шире*, разг.-сниж. *в дверь не проходит*, разг.-сниж. *щеки из-за спины видны* и т. п. Ср. также глаголы (но)толстеть, растолстеть, ирон. раздобреть, (но)полнеть, располнеть, (раз)жиреть, расплыться, округлиться, поправиться 2, раздаться (в плечах), разг.-сниж. безл. *разнести* (Эк его разнесло!) и т. п.

В группу «худой» входят следующие основные лексемы (объединяются в синонимические ряды): а) *худой* 1, *тощий* 1, *костлявый* 2 [ср. *костлявые плечи*], *исхудалый*; б) *худощавый*, *пожарый*, необиходн. *сухощавый*, редк. *сухопарый*, *сухой* 3 [ср. *высокий сухой старик*]; в) *худышка*, перен. *скелет*, перен. *стичка*, *хляк*, *кожа да кости*, разг. *одни кости*, разг. *мешок костей*, *ребра пересчитать можно*, в чем душа держится, книжн. *живые мощи*. Кроме того, в этот класс входит синонимический ряд *щуплый*, *тщедушный*, *хлипкий* 2, *ледащий*, суще-

ствительное *заморыш*, *задохлик*, а также прилагательное *жилистый* [ср. *худая жилистая шея*]. Аналогами лексем данного класса являются прилагательные *тонкий* 2 [ср. *Мне стан твой понравился тонкий*], *изящный*, *субтильный*, *хрупкий* 2 [ср. *невысокая хрупкая девушка*], *подтянутый*, *спортивный* 2 [ср. *спортивная фигура*].

Начнем с группы «толстый».

Большинство лексем этой группы указывает на то, что в теле человека много и мяса, и жира. Ср. *толстый*, *полный*, *полнотелый*, *дебелый*, *тучный*, *жирный*, *пышный*, *пухлый*; *упитанный*, *гладкий*, *сытый*; *крупитчатый*, *рассыпчатый*, *сдобный* и т. п. Однако лексема *жирный* специально указывает на большое количество жира, в то время как, например, лексема *толстый* подобного указания не содержит. А лексемы *плотный* и *мясистый* указывают на превышение среднего количества мяса, мышечной ткани, но не жира; ср. *жирный живот*, но *мясистая (плотная) спина* (заметим, что нормально также сочетание *жирная спина*, при том что нестандартно *'мясистый ('плотный) живот*). Ср. также *Она была (...) плотная, синеглазая, с крепким телесным запахом, играла в гандбол за студенческую команду* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги).

Лексемы *сырой* и, возможно, *рыхлый* указывают на слишком большое количество жидкости, воды в теле, что сближает их с лексемами *отечный* и *одутловатый*.

Некоторые лексемы этого подкласса указывают еще и на консистенцию тела, которая, в свою очередь, зависит от количества содержащегося в нем жира и воды. Так, *плотный* указывает на плотную консистенцию тела (ср. основное значение этого слова, представленное в случаях типа *плотная подушка*), а *пухлый* — на мягкую, свойственную совсем маленьким детям. Ср. *А там, за Петушками, — распускается мой младенец, самый пухлый и самый кроткий из всех младенцев* (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки). *Сырой* и *рыхлый* тоже указывают на слишком мягкое тело, лишенное нормальной упругости — такая консистенция создается за счет слишком большого количества жидкости.

Особую подгруппу внутри данного класса образуют лексемы *крупитчатый*, *рассыпчатый* и *сдобный*. Они указывают на вид и как бы качество плоти, которая сравнивается с легкими, высококачественными калачами, пирогами и т. п., причем *сдобный* содержит сравнение со сдобой и указывает на привлекательность и, возможно, соблазнительность этой плоти. Ср. *Это был откормленный, крупитчатый, туповато-красивый, румяный мальчик из дворовых* (Герцен, МАС); *В комнату вошла дама лет сорока, высокая, полная, рассыпчатая, в шелковом голубом платье* (Чехов, [МАС]); *На ее бледном лице и круглых, сдобных плечах лежат узорчатые тени от абажура* (Чехов, [МАС]).

Перейдем к группе «худой». Все лексические единицы этой группы указывают на то, что в теле человека совсем нет жира, а мяса (намного) меньше, чем в теле среднего человека. Тем не менее в данной группе тоже выделяется одно весьма специфическое семантическое противопоставление. Оно хорошо ощущается при

сравнении двух синонимических рядов: а) *худой, тощий, костлявый, исхудалый* VS. б) *худощавый, поджарый, сухой*.

На наш взгляд, данные (квази)синонимические ряды содержат разную оценку мяса, отсутствующего в теле человека. *Тощий, костлявый, исхудалый* (а также *скелет, стичка, кожа да кости, ребра пересчитать можно* и т. п.) указывают на то, что в теле человека нет необходимого мяса, а *худощавый, поджарый и сухой* (и, видимо, *сухощавый и сухопарый*) — на то, что в теле человека нет лишнего мяса. Кроме того *сухой* указывает на отсутствие в теле лишней жидкости. Данное противопоставление очень важно с точки зрения эстетической оценки, и ниже мы к нему вернемся.

Требуется охарактеризовать общее значение выделенных групп²². Прежде всего заметим, что данные группы антонимичны, причем их значения не вполне симметричны. Предлагаем следующие данные групп толкования схемы:

«Толстый»: ‘такой, объем тела которого больше среднего, потому что в нем много мяса и жира’.

«Худой»: ‘такой, объем тела которого меньше среднего, потому что в нем мало мяса и нет жира’.

Теперь продемонстрируем, что единицы внутри данных групп противопоставлены не только по выделенным выше специфичным для них признакам, но и по тем же общим признакам, которые пронизывают класс «рост».

Первый такой общий признак — степень отклонения объема тела от среднего. Например, *здоровый, упитанный и солидный* не слишком отклоняются от среднего объема, а *жирный и тучный*, напротив, — очень сильно; *полный* занимает на данной шкале среднее положение. Аналогичным образом, *тощий и костлявый* указывают на гораздо большее отклонение объема тела от среднего, нежели *худой*, а *худощавый*, напротив, отклоняется от среднего меньше.

Второй общий признак — указание на конкретные особенности тела субъекта. Такое указание входит в значение многих лексем группы «толстый». Например, *пышный* предполагает чрезмерно развитые женские формы. *Упитанный, рассыпчатый, крупитчатый, сдобный и гладкий* предполагают хорошую кожу, а *гладкий* специально указывает еще и на гладкую поверхность тела, его упругость. *Плотный* предполагает широкие плечи и грудь, что при невысоком росте создает коренастость телосложения; Ср. [Я] *видел перед собою коренастого плотного человека* (М. Булгаков, Театральный роман). *Здоровый, дюжий и дородный* указывают на то, что не только объем, но и другие размеры тела субъекта превышают средние. Ср. *Эти здоровые (дюжие) парни и ростом, и статью не уступали цар-*

²² Схема толкования класса — это «костяк» значения конкретных лексем данного класса. Значение конкретной лексемы, как правило, представляет собой обогащенное или как-либо иначе в небольшой степени модифицированное общее значение класса. Данный конструкт удобен для описания групп лексем. Ср. толкование синонимического ряда в [НОСС 2004].

ским гвардейцам; *Высокий, дородный, он похож был на боярина; долго был силен и красив* (И. Бунин, Чаша жизни). Напротив, *кругленький* указывает на невысокий рост, который как бы не больше, чем объем тела.

В группе «худой» по данному признаку охарактеризованы *тощий, костлявый и поджарый*. *Тощий* предполагает впалую грудь, вообще — отсутствие каких-либо округлостей там, где они обычно бывают; ср. *Она тощая, как селедка*. *Костлявый* описывает субъекта, в теле которого так мало мяса, что оно не скрывает его костей — они выступают в гораздо большей степени, чем обычно. Ср. *Она была высокая, не просто худая — костлявая, даже под пиджаком угадывались выпирающие ключицы, острые плечи*. *Поджарый* указывает на очень подтянутый живот, вообще — полное отсутствие жира там, где он обычно есть. В связи с этим данная лексема предпочтительна при описании мужчин, ср. *Он был поджарый, загорелый* (см. также ниже).

Третий общий семантический признак — т и п субъекта.

Некоторые лексемы из класса «объем тела» содержат указание на в о з р а с т субъекта. Так, *сухой* указывает на то, что субъект немолод, ср. *высокий сухой старик* при невозможности **высокий сухой мальчик*. Аналогичным образом, *дородный* и *дебелый* характеризуют взрослых, ср. *дородный мужчина, дебелая купчиха; грузный и солидный* — не очень молодых людей, ср. *пожилой грузный мужчина, солидная дама средних лет*. Напротив, *упитанный* в современном языке нормально характеризует детей. Ср. *С рекламы на них смотрел здоровый упитанный малыш; По мнению иных врачей, фотографии миловидных и упитанных младенцев, украшая спальню беременной, отлично действуют на плод* (В. Набоков, Занятой человек). Употребление слова *упитанный* применительно к взрослому придает высказыванию иронический характер. Ср. *Прокурор по спецделам Мячин был упитанным, хорошо выглаженным, краснощеким, благоухающим товарищем* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

Лексемы *сдобный* и *рассыпчатый* указывают на женский пол субъекта; нормально *сдобная (рассыпчатая) блондинка*, но невозможно **сдобный (рассыпчатый) блондин*. К этим лексемам примыкает также лексема *пышный*, которая обычно характеризует женщин; ср. *пышная буфетчица*. Сочетания типа *сдобные плечи* могут употребляться только для описания женщины. Лексема *пышный*, если она характеризует части тела, обычно указывает на их женоподобность; ср. *Это был небольшой человек, женски пышный в плечах* (М. Шагинян, Перемена). Отметим еще, что лексема *поджарый*, в силу особенностей ее семантики, стандартно характеризует мужчин; нормально *поджарые загорелые рыбаки*, но нестандартно *поджарые загорелые девчата*.

В классе «толстый» многие лексемы противопоставляются еще по одному признаку — это указание на п р и ч и н у данного отклонения от среднего. И в группе «толстый», и в группе «худой» есть лексемы, представляющие причиной данного отклонения нездоровье субъекта. Но в целом лексемы группы «толстый» указыва-

ют на хорошее питание субъекта, а лексемы группы «худой» — на питание плохое, сопровождающееся другими лишениями.

Так, причина отклонения от среднего для *упитанный* — это хорошее питание; для *раскормленный* и *откормленный* — питание не только хорошее, но и обильное, возможно, чрезмерное; для *сытый* — хорошее питание и вообще — благополучие, отсутствие серьезных забот. Однако лексемы *рыхлый*, *сырой* и *тучный* в классе «толстый» указывают на болезни, и лишь *плотный* и *мясистый* содержат указание на природную комплекцию как причину отклонения объема тела от среднего.

В классе «худой» лексема *тощий* предполагает плохое питание, недостаточное физическое развитие, возможно, плохое здоровье и т. п. Ср. *По-видимому, он страдал горловой чахоткой, был тощ, зелен лицом, очень беден и обременен семейством* (В. Ходасевич, Белый коридор). Причина данного отклонения для *исхудалый* — это болезнь или лишения. Ср. *В опустелом, голодном, пропахшем воблю Петербурге, оба голодные, исхудалые, в истрепанных пиджаках и дырявых итиблетах, среди нетопленного и неубранного кабинета, сидели мы и беседовали с непомерною важностью* (В. Ходасевич, Гумилев и Блок). Лексема *сухой* может указывать не только на отсутствие в теле лишней жидкости, но и на недостаток жизненных соков в теле (ср. ближайшее значение этого слова, представленное в случаях *сухое дерево*, *сухая ветка*). Ср. *Тихон накрывал ночную рубашкой его сухое, старческое тело, обросшее на груди седыми волосами* (Л. Н. Толстой, МАС). Лишь лексема *поджарый* указывает на природную комплекцию как причину того, что объем тела субъекта меньше среднего, а кроме того — на подвижный образ жизни, возможно — занятия спортом. Ср. *В сопровождении работницы иностранной комиссии Союза писателей входит мистер Гопкинс, как все американцы поджарый* (В. Войнович, Иванькиада).

Разумеется, многие лексемы в классе «объем тела» имеют еще и собственную смысловую специфику, однако мы сейчас не будем на ней останавливаться (подробнее см. статьи автора «ПЛОТНЫЙ 3», «ТОЛСТЫЙ 2», «ХУДОЙ 1», «ХУДОЩАВЫЙ» в [НОСС 2004]).

Перейдем к эстетической оценке тела.

2.3. РАЗМЕР И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА

Указание на размер человеческого тела часто сплетается с его оценкой. А именно, в значение большинства собственно оценочных прилагательных, описывающих человеческое тело (ср. *изящный*, *статный*) входит указание на размер. И наоборот, в значение многие параметрических прилагательных, характеризующих человека, входит оценочный компонент. При этом из двух параметров тела — роста и объема — с оценкой в большей степени связывается второй. С него мы и начнем.

2.3.1. Эстетическая оценка в классе «толстый»

В классе «толстый» оценочных слов довольно много. Как же в целом оценивается большой объем тела — положительно или отрицательно? Прежде всего приведем списки соответствующих лексем.

Слова, выражающие отрицательную или слабоотрицательную оценку: *толстый*, *жирный* (невозможно **красивое толстое (жирное) лицо*); *тучный*, *сырой*, *рыхлый* (кроме отрицательной эстетической оценки, эти три лексемы содержат указание на отклонение от медицинской нормы); все лексемы, отмеченные стилистически как грубые, просторечные или разговорно-сниженные: *откормленный*, *раскормленный*, *пузатый*, *толстопузый*, *боров*, *толстозадый*, *разжиреть*, *разнестись*, *поперек себя шире*, *в дверь не проходит*, *щеки из-за спины видны* и т. п.

Слова, выражающие положительную или слабоположительную оценку: *гладкий* (ср. *красивая да гладкая стала*), *полнотелый*, *крупитчатый*, *рассыпчатый*, *сдобный* (ср. *хорошенькая сдобная блондинка*), *пышный*, *пышка*, *пончик*²³.

Напомним, что класс «толстый» содержит специальные лексемы, в которых «встроено» указание на женский пол субъекта. Примечательно, что во все данные лексемы входит и положительная эстетическая оценка — все они указывают на привлекательность полного женского тела, ср. *рассыпчатый*, *сдобный*, *пышный*, *пышка*.

Слов, выражающих (слабо)отрицательную оценку, в классе «толстый» в целом больше, чем слов с положительной оценкой. Однако если исключить сниженную лексику, то их окажется приблизительно одинаковое количество. Но существенно, что многие положительнооценочные лексемы класса «толстый» уходят из языка, устаревают (или уже устарели), ср. *гладкий*, *сытый*, *крупитчатый*, *рассыпчатый*. По крайней мере, в современном русском языке они далеко не столь употребительны, как в языке XIX века²⁴. Тем самым, класс «толстый» сокращается, в основном, за счет единиц, выражающих положительную эстетическую оценку.

Важно, однако, что связь с положительной оценкой утрачивается и теми словами, в которых она когда-то выражалась или могла ощущаться.

²³ Особняком стоит лексема *пухлый*. Она предполагает мягкое тело, причем эта мягкость обусловлена, прежде всего, отсутствием развитых мышц. Такое тело свойственно младенцу, вообще ребенку, поскольку оно у него еще не вполне сформировалось. Ср. *У него было совсем мальчишеское пухлое лицо* (Ю. Домбровский). В таких контекстах лексема *пухлый* нейтральна или выражает положительную оценку. Однако данная лексема может описывать и взрослых, не предполагая никаких ассоциаций с детским сложением и выражая отрицательную оценку. Ср. *Мягкие движения его [мужа] пухлого тела пугали ее, ей было и страшно, и гадко* (А. П. Чехов). Лексема *пухлый* подробно описана в статье автора «ТОЛСТЫЙ» в [НОСС 2004].

²⁴ [МАС] и другие словари подают большинство из этих слов с такими стилистическими пометами, которые не отражают ни их малоупотребительность (*полнотелый*), ни уход из языка (ср. *гладкий*, *сытый*, *рассыпчатый*). Это, однако, не соответствует современному употреблению данных слов.

Таково например, слово *дородный*. Ср. *С своей супругою дородной Приехал толстый Пустяков* (А. С. Пушкин, Евгений Онегин). Носитель русского языка не ощущает *дородный* как оценочное слово; это подтверждается и толковыми словарями современного русского языка. Но одно его производное — редкое существительное *дородство* — по [БАС] имеет два значения. Первое — это свойство по значению прилагательного *дородный* (ср. более привычное слово *дородность*). Второе значение — безусловно оценочное: ‘доблесть, мужество, храбрость’. Ср. иллюстрации [БАС]: *Детей твоих устрою — Большой на ратном поле покажет нам и удаль, и дородство* (А. Островский); — *Боярин Кручина Шалонской? — повторил купец. — Слыхали мы об его уме и дородстве* (Загоскин). Это оценочное значение абсолютно устарело (и так и подается в [БАС]). Однако естественно предположить, что дериват *дородство* наследовал положительную оценку от своего исходного слова — прилагательного *дородный*, которое когда-то тоже было оценочным.

Эта гипотеза подтверждается историческими и диалектными данными.

Так, [Словарь XVIII] приводит на слово *дородный* примеры, свидетельствующие о выражаемой им положительной оценке; ср., в частности: *Девуца изрядная, (...) и собою добра; великая, дородная, и как кровь с молоком*.

В [Словаре Кантемира] слову *дородный* даются четыре французских эквивалента, среди которых только два указывают собственно на размер, ср. *Grand de taille* ‘высокого роста’ и *En bon point, gras* ‘полный, тучный’. В остальных двух эквивалентах сосуществуют указание на размер и оценка; ср. *Majestueu* ‘величественный’, *De belle prestance* ‘красивого вида, представительный’.

[Словарь Даля] определяет *дородный* и как «полный, плотный; тучный (...)», и как «красивый, статный» [Словарь Даля, статья «ДОРОЖАТЬ»], причем приводит сочетание данного прилагательного с обозначением неодушевленного объекта: *дородный дом*.

В [СРНГ] слово *дородный* подается как многозначное, причем все его значения естественно объединить в два блока: ‘хороший’ (ср. *Разъезжал, разгуливал сам дороден молодец; Дородно пиво; Гармоника до чего дородна*) и ‘большой’ (ср. *Дородный стакан; Дородный столб вкопали; Семья наша была дородна, теперь только брат со снохою остались*). Отметим, что производные прилагательного *дородный* содержат те же компоненты значения, так что по крайней мере некоторые их лексемы тоже оказываются оценочными. Так, по [СРНГ] *дородно* — ‘хорошо’ (*Теперь дородно живу; Дородно сшито; В церкви нашей дородно было*²⁵) или ‘много’ (*Ты дородно везешь дров-то*). Положительную оценку выражает существительное *дородница* — ‘полная, красивая женщина или девушка’.

Очень ярко полисемия ‘большой’—‘хороший’ слова *дородный* представлена в архангельских говорах, где, по данным [АОС], *дородный* выступает как оценочное

²⁵ Последний пример записан автором в 2003 году в Тотемском районе Вологодской области.

слово с очень широкой сочетаемостью. Ср. *дородный кефир, дородный почерк, дородная вода; уха хороша, дородна; Старик у меня работает, дородный еще; Был когда-то дороден дом, да развалился уж и т. п.*

Какова бы ни была семантическая история слова *дородный*, ясно, что компоненты ‘большой’ и ‘хороший’ сосуществовали в его семантике. Однако в современном языке оценочный компонент слова *дородный* полностью утрачен.

Другой пример — лексема *полный*. В современном языке она не выражает оценки и при этом стилистически нейтральна, ср. *некрасивая полная женщина, полная хорошенькая блондинка*. Однако эта лексема, сохраняя связь с центральным значением слова *полный* (ср. *полное ведро*), предполагает равномерную наполненность объема, округлость формы, и в связи с этим данная лексема *полный* могла намекать на положительную оценку; ср. стандартное для XIX века *Она пополнила и похорошела*.

Многие лексемы класса «толстый» относятся к полисемичным словам, которые в одном из своих значений (часто — в центральном) выражают общую положительную оценку или связаны с прагматически положительной ситуацией. Ср. *тучный (тучные пашити), сытый, крупитчатый, рассыпчатый, сдобный, солидный (солидная постройка, солидный банк), а также пышка и пончик* (это небудничная сладкая еда).

Упомянем также слово *раздобреть* — по внутренней форме оно связано с *добро* и *добрый*, ср. в особенности устаревшее значение прилагательного, представленное в случаях типа *Всего доброго, добрый молодец, люди добрые, а также добрые отношения*. Возможно, когда-то семантическая связь глагола *раздобреть* с этими оценочными словами вполне ощущалась.

Очевидно, параметрические прилагательные со значением ‘большой, толстый’ нормально развивают оценочное значение ‘хороший’²⁶ и наоборот — слова с общей семантикой ‘большой’ могут иметь лексемы, выражающие положительную оценку²⁷.

Тем не менее, положительная эстетическая оценка уходит из современного лексического класса «толстый» — подавляющее большинство оценочных слов этого класса теперь выражает оценку отрицательную.

2.3.2. ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В КЛАССЕ «ХУДОЙ»

Лексический класс «худой» в каком-то смысле устроен прямо противоположным образом. Он безусловно тяготеет к выражению отрицательной оценки, однако

²⁶ В свою очередь, слово *хороший* в ряде говоров, например, в говорах семейских — старообрядцев Забайкалья, имеет значение ‘толстый’ (устное указание Т. Б. Юмсуновой).

²⁷ По-видимому, полисемия типа ‘большой’ — ‘хороший’ типологически универсальна. Корень этого явления, скорее всего, в психологии человека. Так, известно, что дети до двух лет воспринимают множества предметов как нерасчлененные, причем «связывают представление “много” с представлением “хорошо”. Они стараются захватить как можно больше конфет, орехов, кубиков» [Лурия 1929; цит. по: Лепская 1997: 58].

в современном русском языке в нем четко развивается тенденция к выражению оценки положительной.

Строго говоря, в классе «худой» вообще нет слов, выражающих положительную эстетическую оценку. Такие слова есть лишь среди аналогов класса, ср. *изящный, хрупкий, подтянутый, спортивный*, которые безусловно указывают на небольшой объем тела как таковой, но при этом описывают и другие особенности тела субъекта. *Изящный* указывает на общую пропорциональность тела. *Хрупкий* — на тонкий костяк субъекта, как будто у человека такие тонкие кости, что, сдавив, его легко сломать; ср. *Она была в прозрачной кофточке, высока и так хрупка станом, что, казалось, вот-вот переломится* (И. Бунин, Лирник Родион). Слово *подтянутый* указывает на отсутствие выступающего живота, что бывает, когда в этой части тела нет жира и лишнего мяса; ср. *Подтянутый, свежесвыбритый, он казался моложе своих лет*. Лексема *спортивный* описывает общий вид тела, а также движений субъекта — оно такое, какое бывают у людей, занимающихся спортом.

Большинство оценочных слов и выражений класса «худой» выражают (слабо) отрицательную оценку. Эта оценка может быть общей, а не эстетической, но в этом случае всякая другая положительная оценка попросту исключена; ср. *тощий, костлявый, скелет, спичка, кожа да кости, мешок костей; щуплый, тщедушный, хлипкий, заморыш, жилистый (жилистая шея)*, а также *одни кости, ребра пересчитать можно, в чем (только) душа держится*. По этой причине нормально не красивые *тощие женщины, страшный костлявый старик, невзрачный щуплый (тщедушный) мальчик*, но плохо или нестандартно *красивые *тощие женщины, симпатичный костлявый старик, хорошенький щуплый (тщедушный) мальчик* и т. п.

Даже в семантике самого общего слова этого класса — прилагательного *худой* — угадывается прежняя отрицательная оценка. Действительно, все другие (устаревшие) значения данного слова содержат компонент 'плохой'. Ср. *на худой конец, худая слава, Худой мир лучше доброй ссоры; худое ведро, худые сапоги*; ср. также наречие *худо* 'плохо' (*Что-то худо мне сегодня*), а также глагол *прохудиться* (*Крыша прохудилась*)²⁸.

Однако в современном языке общая оценка класса «худой» меняется.

Четко изменение оценки — в слове *худощавый*. В современном русском языке оно выражает слабоположительную оценку. Нормально *красивая худощавая фигура, У него красивое худощавое тело* при несколько странном в современном языке *некрасивая худощавая фигура, У него некрасивое худощавое тело*. Обычно *худощавым* называют человека подтянутого, часто моложавого. Ср. *Андрей Павлович был легкий, худощавый и, если бы не седая борода и седой, непослушный кок на голове, ему нельзя было бы дать более пятидесяти пяти* (В. Каверин, Силуэт на стекле). Однако в

²⁸ Отметим, что еще в синонимическом словаре [Абрамов 1915] слово *худой* подавалось в ряду с общим значением 'плохой'. Что касается ряда со значением 'худой', то его доминантой по этому словарю является слово *тощий*.

языке XIX — начала XX века слово *худощавый*, скорее всего, было нейтральным. Ср. *Он был лет сорока, худощав и широкоплеч* (А. С. Пушкин, Капитанская дочка) VS. *У брата, напротив, тело было худощаво и слабо* (Л. Толстой, [MAC]). Ср. также *Никому не интересно любоваться поблекшими прелестями, худощавой ножкой, жилистой шеею и сухими плечами, на которых обозначались красные рубцы от узкого платья* (М. Ю. Лермонтов, Княгиня Лиговская). VS. — *Опять, — сказала она [больная], нервно отталкивая красивой худощавой рукой конец салона горничной, чуть-чуть прркасавшийся к ее ноге* (Л. Толстой, [MAC]).

Слово *тощий* может употребляться в контекстах, выражающих общую положительную оценку (возможно, употребляясь при этом иронически). Ср. *Жена, одесситка, жила с ним за границей, обтесалась там, подтянулась: тощая носатая брюнетка, курит длинные тонкие папирсы* (А. Рыбаков, Дети Арбата).

2.3.3. ИЗМЕНЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК ТЕЛА

Класс «толстый» богаче, нежели класс «худой». Однако он имеет тенденцию к уменьшению — в него входит довольно много малоупотребительных, уходящих или устаревших слов: в приведенном списке их 8 из 36. В классе «худой» из 28 единиц лишь 2 слова — *сухопарый* и *сухощавый* — могут считаться малоупотребительными или уходящими: данный класс почти не сокращается.

Оба класса содержат лексические единицы, указывающие на эстетическую оценку тела.

Мы убедились, что в русской языковой картине мира тело объемом больше среднего может оцениваться и как привлекательное, и как некрасивое. Тело объемом меньше среднего тоже может оцениваться, но его прагматическая и эстетическая оценка обычно отрицательная.

Однако в классе «худой» процент слов, выражающих положительную эстетическую оценку, увеличивается, а в классе «толстый», напротив, уменьшается — многие такие слова уходят из языка.

Это изменение эстетических оценок напрямую связано с культурными изменениями, с трансформацией моды. Интересно, однако, проанализировать, как под влиянием новых представлений о красоте меняется семантика слова.

Вернемся к общему толкованию класса «худой»: «такой, объем тела которого меньше среднего, потому что в нем мало мяса и нет жира». Компонент значения «мало мяса» может описывать, вообще говоря, прагматически разные ситуации, и благодаря этому отсутствующее мясо может оцениваться как положительно, так и отрицательно.

Слово *худощавый* указывает на то, что в теле человека нет лишнего мяса. Поэтому объем тела удовлетворяет требованиям современной культурной нормы, в соответствии с которой в теле человека должно быть мало мяса (и совсем не должно быть жира). Сближаясь с лексемами *спортивный* и *подтянутый* (ср. *подтянутая спортивная фигура*), слово *худощавый* (как и *поджарый*) предполагает

здоровый образ жизни, возможно, занятия спортом и т. п. Ср. *Итак, доктору Давину двадцать восемь лет, он высокого роста, худощав, складен* (А. Битов, Преподаватель симметрии). Ту же оценку отсутствующего мяса содержит слово *поджарый* и — в меньшей мере — *сухой*. Ср. *Поджарый, сухой, высокий, с обветренным и загорелым лицом, в майке, спортивных брюках и кедах, он сидел у костра на лесной полянке в окружении своих питомцев, они пели какие-то туристские песни* (Ф. Незнанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева).

Что касается остальных слов класса «худой», то все они, за исключением лишь самого слова *худой* (и, возможно, малоупотребительных в современном языке *сухопарый* и *сухощавый*), предполагают прагматическую (медицинскую) оценку и указывают на то, что в теле человека нет мяса, необходимого для нормального функционирования организма. С этой прагматической отрицательной оценкой естественно сочетается и отрицательная эстетическая оценка внешности субъекта.

В языке XIX — начала XX века таких разных оценок небольшого количества мяса в теле человека не было. Тело объемом меньше среднего или вообще не оценивалось или оценивалось отрицательно — как свидетельство недостаточного питания, плохих условий жизни или плохого здоровья. См. предыдущий раздел; ср. также следующие примеры: *У брата, напротив, тело было худощаво и слабо* (Л. Н. Толстой, [МАС]); — *Студентам, разумеется, полагается быть поджарыми, а инженеру можно уже и мясо наживать* (Сергеев-Ценский, [МАС]); *Ну, и сама я, понятно, была чистоплотная, ладная, из себя хоть и сухая, а красивая* (И. Бунин, Хорошая жизнь).

В классе «толстый» две разные прагматические оценки большого количества мяса и жира фиксируются изначально. Мясо и в особенности жир могут оцениваться как лишние, и в таких лексемах выражается общая отрицательная оценка, с которой естественно сочетается и эстетическая отрицательная оценка. Однако большое количество мяса и даже жира часто оценивалось и положительно — как свидетельство хорошего здоровья субъекта, хороших условий его жизни, хорошего питания.

О связи большого объема тела с физическим здоровьем свидетельствует и многозначность слова *здоровый*: его лексема *здоровый 2* указывает не только на здоровье субъекта и связанную с этим физическую силу, но и на величину его тела; ср. *Ехал еще мужик — Фролка, высокий такой, здоровый: говорят, дубы с корнем дергал, когда был навеселе* (Н. Успенский, [МАС])³¹. С лексемой *здоровый 2* в рассматриваемом отношении сближается *здоровущий*, а также слова *здоровяк* и *здоровячка*. Ср. *Плотные, красивые здоровяки, с крупными руками, — широкоплечие и*

³¹ Отметим, что слово *здоровый* имеет еще лексему *здоровый 3*, которая указывает на величину предмета, причем характеризует неодушевленные объекты; ср. *Снаряд такой здоровый, а осколки такие маленькие* (Симонов, [МАС]).

грудастые, по внешнему виду они резко отличались от сгорбленных стариков-конвоиров (Шолохов, [МАС]). Отметим, что слово дюжий тоже указывает не только на объем тела и рост субъекта, но и на его большую физическую силу; ср. Дюжие грузчики за несколько минут погрузили вещи на платформу.

Общая положительная оценка естественно сочетается в таких словах с эстетической положительной оценкой.

В языке XIX — начала XX века классы «худой» и «толстый» несимметричны: в лексемах класса «худой», если они не нейтральны, может быть выражена отрицательная оценка, а в классе «толстый» выражается и отрицательная, и положительная оценка. В современном русском языке эта принципиальная несимметричность сохраняется, однако оценки меняются на противоположные: в классе «худой» теперь выражаются две оценки, а в классе «толстый» — всего одна, причем отрицательная.

Существенно, что в семантической системе современного русского языка еще сохраняется представление о здоровом человеке как о человеке с достаточно большим телом, а потому сильном (ср. многозначность *здоровый* 1 — *здоровый* 2), однако слова, обозначающие большое по объему тело, уже не выражают положительную оценку.

Размер человеческого тела и связанные с ним оценки — это один из тех фрагментов лексической системы, на котором хорошо прослеживается трансформация русской языковой картины мира в течение XIX—XX веков³⁰. В связи с этим встает вопрос о том, насколько стабильна языковая картина мира, в какой мере она способна отражать изменения культуры, смену оценок и стереотипов. Анализ семантики русского языка мог бы дать наиболее ясное представление о том, что такое «новый менталитет», чем он отличается от образа мышления, зафиксированного в литературе и языке еще 80-х годов XX века.

2.3.4. ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА И РОСТ

Напомним, что слова, описывающие рост человека, гораздо малочисленнее, нежели слова, описывающие объем его тела.

При этом в классе «высокий» лишь прилагательное *высокий* и глагол *вытянуться* не выражают никакой эстетической оценки; одинаково нормально *Она высокая, стройная, красивая* и *Он высокий, нескладный, в очках*. Остальные слова указывают на непропорциональность тела и поэтому выражают отрицательную или слабоотрицательную эстетическую оценку, ср. *длинный, долговязый, верзила, дылда, верста коломенская*. Ср. *Я посмотрел на него очень внимательно, и мне почему-то стало не по себе оттого, что я оставляю его здесь, длинного, нескладного, инфантильного, шута горохового* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора); *Еще недавно*

³⁰ Динамика еще одного небольшого фрагмента русской языковой картины мира описана нами в [Урысон 1999].

Натка была обычной долговязой, угловатой девчонкой (В. Тендряков, Ночь после выпуска). Исключением является слово *рослый*, ср. *рослый красивый офицер*.

В классе «невысокий» нейтральны слова *невысокий* и *маленький*. Ср. *невысокая* (маленькая) *стройная женщина* VS. *невысокая* (маленькая) *очень толстая блондинка*. Остальные слова, указывая на непропорциональность тела, выражают (слабо)отрицательную общую или эстетическую оценку. Ср. *Ей достался низенький плотный партнер, и она так расстроилась, что бросила танцевальный кружок*; *Как женщина она, на мой взгляд, непривлекательна: толста, малоросла, посадка низкая* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги); *Чаще всего это была хорошенькая, но низкорослая и расплывшаяся, будто осевшее дрожжевое тесто, дама — редакторша Леночка* (А. Кабаков, Сочинитель).

Тем самым, сам по себе рост, отклоняющийся от среднего, в русском языке если и оценивается, то лишь отрицательно.

2.3.5. ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ ТЕЛА

Эстетическая оценка тела человека выражается прежде всего не параметрическими лексемами, рассмотренными выше, а словами *стройный* 1.1, *изящный* 1³¹, *небиходн. статный*, *ладный* 1. Ср. *Она думала, что в стюардессы берут только высоких и стройных*; *В молодости она была изящной, любила танцевать*; *Это была статная девушка с толстой косой — настоящая русская красавица*; *Невысокий ладный паренек оказался инструктором по скалолазанию*. Оказывается, что все эти оценочные прилагательные так или иначе указывают и на размер человеческого тела.

Данные лексемы образуют синонимический ряд, значение которого можно представить так: ‘такой, тело которого пропорционально и красиво’.

Стройный — наиболее общий синоним данного ряда. Однако он указывает не только на общую пропорциональность тела, но и на его объем: он не превосходит или не слишком превосходит некий средний объем человеческого тела. Нормально *Это был худощавый, стройный молодой человек*, *Теперь это была довольно полная, но все еще стройная пятидесятилетняя женщина*, однако несколько странно (в современном русском языке) *Это была полная стройная женщина*. Это вполне согласуется с современными представлениями об объеме красивого человеческого тела. Что касается роста субъекта, то слово *стройный* не содержит никаких указаний на этот счет; одинаково хорошо *Перед ним стоял высокий стройный юноша в офицерской форме* и *Их встретила маленькая стройная женщина в брюках*³².

³¹ Слово *стройный* имеет еще две лексемы, близкие к рассматриваемой. Лексема *стройный* 1.2 представлена в контекстах *стройный тополь* (шпиль) и т. п.; лексема *стройный* 2 — в контекстах типа *стройное пение*. Лексема *изящный* 2 представлена в случаях типа *изящная кофейная чашечка*, *изящная прическа*, *изящное движение*.

³² Заметим, однако, что ближайшая к рассматриваемой лексема *стройный* 1.2 (стилистически отмечена как необходимая) указывает на большую протяженность объекта в высо-

Аналогичным образом устроено и слово *изящный*. Оно тоже указывает на то, что объем тела субъекта меньше среднего, однако *изящный* — это еще и тонкий в кости. Поэтому нормально *изящная тоненькая брюнетка*, *изящная узкоплечая девушка*, однако странно **крепкая изящная брюнетка*, плохо **изящная пышная красавица*. При этом *изящный*, подобно своему синониму *стройный*, не содержит никакого указания на рост субъекта; поэтому одинаково допустимо *высокая изящная шатенка* и *невысокая изящная шатенка*. Отметим еще некоторые особенности данного слова. *Изящный* предполагает скорее гибкость, нежели физическую силу и связанное с ней здоровье субъекта; поэтому нормально *изящные гибкие танцовщицы*, *слабые изящные руки* и гораздо менее стандартно *изящные сильные танцовщицы (руки)*. *Изящный* выражает максимально высокую эстетическую оценку субъекта, указывая на то, что весь его физический облик удовлетворяет требованиям самого строгого художественного вкуса. В связи с этим *изящный* предполагает красоту и тонкость не только линии тела субъекта как таковой, но и его осанки, движений и т. п. Поэтому странно *Она изящная, но сутулится, ходит некрасиво, вразвалку*; ср. более приемлемое *Она стройная, но сутулится, ходит некрасиво, вразвалку*. В силу особенностей своей семантики, *изящный* предпочтительно характеризует женщин, см. приведенные примеры. Характеризуя мужчину, *изящный* указывает на некоторую женственность его облика, в силу чего часто употребляется при описании молодых людей или мальчиков; ср. *Это был изящный юноша с печальными миндалевидными глазами*.

Слово *статный*, в отличие от *стройный* и *изящный*, указывает и на объем тела субъекта, и на его рост. При этом объем тела субъекта несколько больше среднего; ср. *статный широкоплечий крестьянин*, *статные парни богатырского сложения*, *статная пышная русская красавица*. С указанием на этот объем тела согласуется указание на высокий рост. Хорошо *высокие статные молодые люди в штатском*, но сомнительно **невысокие статные молодые люди*. Отметим другие семантические особенности слова *статный*. Оно предполагает хорошую осанку — прямую спину и особую, величественную посадку головы, а кроме того, спокойные, широкие, возможно, величавые и плавные, движения и соответствующую походку. Ср. *Навстречу шли статные красавцы из царской охраны*. Данное слово указывает на физическую силу и крепость, здоровье субъекта; нормально *сильный статный мужик*; *статная, кровь с молоком крестьянская девушка*, но плохо **статная болезненная девушка*, **слабые статные юноши* и т. п.

Поскольку лексема *статный* выражает положительную эстетическую оценку субъекта, указывая при этом на объем тела, несколько больший среднего, то, как и следовало ожидать, она постепенно уходит из языка — в современном языке она стилистически отмечена как необходимая.

ту и небольшую относительно высоты толщину; ср. *стройный тополь (шпиль)*, *стройные колонны* при невозможности **стройный раскидистый куст роз*.

Перейдем к последнему члену данного синонимического ряда — слову *ладный*. В этой лексеме эстетическая оценка субъекта слита с прагматической. Эта совмещенность оценок делает данное слово особенно интересным. Но *ладный* содержит еще указания и на объем и рост субъекта. Рассмотрим это слово подробно.

Слово *ладный* указывает не только на общую соразмерность тела субъекта, но и на связанную с ней ловкость, экономность его движений. Благодаря данному телосложению, у субъекта быстро и хорошо, без лишних усилий, получается все, так или иначе связанное с движением, спорится любая физическая работа. Ср. *Девка она была красивая, ладная, всякая работа у нее в руках горела. Ладный* содержит также указание на силу и здоровье, необходимые для физической работы; нормально *крепкая ладная девушка, сильные ладные курсанты*, но плохо *“болезненная ладная девушка, “слабый ладный юноша*. Указывая на весь физический облик субъекта, характеристика *ладный* включает в себя даже его одежду — она хорошо сидит, идет субъекту. Ср. *Бывают же ладные женщины — любая одежда им к лицу* (при странности *Бывают же стройные (изящные, статные) женщины — любая одежда им к лицу*). В несколько устаревшем или стилизованном под народную речь словоупотреблении *ладный* обозначает чисто эстетическую оценку субъекта. Ср. *Вера — та все в корсет затягивалась, — затянется мочи нет как туго и сейчас же голова у ней до рвоты разболится, — а я никогда не знала этого корсета, и так ладная была* (И. Бунин, *Хорошая жизнь*).

Какие же параметры тела предполагаются этим словом? Оказывается, объем тела, предполагаемый словом *ладный*, может быть больше среднего, но ненамного. Нормально *плотная (подтянутая, худая) ладная девушка, плотный (крепко сбитый) ладный парень*, но странно или сомнительно *‘полная ладная девушка, ‘пышная ладная блондинка, ‘дородный ладный мужчина*. Что касается роста, то он не должен быть слишком высоким, хотя может быть маленьким. Стандартно *невысокая (маленькая, высокая) ладная девушка, ладный паренек, высокий ладный парень*; однако странно *очень высокая ладная девушка* (при том, что абсолютно нормально *очень высокая статная (стройная, изящная) девушка*). Ср. также следующий пример: *Он очень изменился. Теперь он был сух, довольно высок и ладен* (Бунин, МАС) — здесь замена *довольно высок* на *очень высок* приводит к сомнительному результату.

Отметим, что ближайшая к рассмотренной лексема *ладный* 2 тоже выражает смешанную, эстетическую и прагматическую, оценку предмета. Лексема *ладный* 2 характеризует неодушевленные объекты — в первую очередь, инструменты, приспособления и т. п.; ср. *ладный топорик, ладные санки. Ладный* 2 указывает на то, что данный предмет хорошо соответствует своему назначению, причем не слишком велик, пропорционален, аккуратен, удобен и, отчасти как следствие этого, красив. Если такой предмет предназначен для того, чтобы им работали (ср., например, плотницкий инструмент), то он хорошо ложится в руку. Ср. примеры выше, а также *Я вынул из кобуры маленький, ладный, чистенький, хорошо смазанный маузер* (Катаев, МАС).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПОНЯТИЯ ШКАЛЫ И НОРМЫ

Понятие шкалы входит в число важнейших понятий современной теоретической лингвистики: с его помощью описывается не только величина, но и различные оценки объекта — эстетическая, этическая, прагматическая и т. п. (см., в частности, [Вольф 1985; Арутюнова 1988; Lobner 1990]). С представлением о шкале тесно связано понятие нормы: норма мыслится как точка отсчета, заданная на той или иной шкале. Между тем слово *норма* обладает более чем одним значением.

Одна лексема этого слова (*норма 2*) является термином статистики и используется при описании статистических закономерностей, например, в естественных науках, ср. *годовая норма осадков*. В этой лексеме выражено представление о среднем значении той или иной величины. Другая лексема слова *норма* выражает идею социального установления (*норма 1*), ср. *нормы поведения* (*общественная, моральная*), *нормы жизни, языковая норма*, а также *нормы питания, норма выработки*. При этом в значении лексемы *норма*, представленной в контекстах типа *нормы поведения* (*общественная, моральная*), *языковая норма*, присутствует положительная оценка. В частности, отклонение от нормы — это нечто плохое, то, чего нужно избегать.

В метаязыке современной семантики элемент ‘норма’ первоначально был определен как (а) неопределяемая единица; и (б) слово «фиктивное», т. е. такое слово естественного языка, которому придано другое значение, лишь частично совпадающее с его языковой семантикой [Апресян 1974: 74]. Иными словами, элемент ‘норма’ представлял собой искусственный элемент в метаязыке, состоящем, в основном, из лексем естественного (русского) языка.

Однако оказалось, что в контексте толкования — а оно представляет собой высказывание на естественном языке — такой искусственный элемент, совпадающий по форме с обычным русским словом (и к тому же имеющий с ним большую общую часть значения), неизбежно прочитывается как нормальное русское слово, а не как специальная единица, наделенная особым значением.

Иными словами, читатель понимает такие толкования не так, как их формулирует автор. Причина этого — не в неподготовленности читателя, а в законах семантической организации высказывания, благодаря которым контекст навязывает слову то или иное его понимание. При этом в читательском прочтении соответствующее толкование может сильно исказить системные связи внутри лексики.

Так, описанную выше лексему *худой* можно было бы толковать следующим образом: ‘такой, тело которого меньше нормы по объему’. Лексемы *тощий, костлявый, исхудалый* естественно толковать по аналогичной схеме: ‘такой, тело которого меньше нормы по объему, потому что в нем отсутствуют жир и необходимое мясо’. Казалось бы, лексемы *худощавый, поджарый и сухой* естественно толковать по той же схеме: ‘такой, тело которого меньше нормы по объему, потому что в нем отсутствуют жир и лишнее мясо’.

Однако последнее толкование воспринимается читателем как противоречивое: действительно, ведь если отсутствует лишнее, то тело должно соответствовать

норме. Дело в том, что читатель воспринимает элемент 'норма' в данном контексте не так, как его употребил лексикограф. Причина этого в следующем.

В данном случае элемент 'норма' оказался в оценочном контексте. Поскольку главное значение этого слова (ср. *нормы поведения, языковая норма*) выражает оценку, то по законам семантического согласования (см. о них [Апресян 1974]) элемент 'норма' в этом контексте естественно понимается именно как оценочная лексема слова *норма*. Такое прочтение элемента 'норма' закономерно еще и потому, что данное значение слова *норма* является главным, центральным в иерархии его значений. Тем самым, предложенное толкование, будучи высказыванием на естественном языке, само навязывает читателю «неправильное» понимание.

Обратим внимание на то, что оценка отсутствующего мяса — 'необходимое' VS. 'лишнее' — в приведенных толкованиях имеет разное основание. Мясо считается необходимым с точки зрения нормального функционирования, нормальной жизнедеятельности человека (утилитарная оценка), а лишним оно считается с точки зрения современной культурной и эстетической нормы (культурная и эстетическая оценка). Безусловно, это необходимо отразить в толкованиях данных лексем. В более полной схеме толкования лексем обсуждаемый недостаток элемента 'норма' выступает еще отчетливее. Ср., например, *худощавый* = 'такой, тело которого меньше нормы по объему, потому что в нем отсутствуют жир и лишнее с точки зрения современной культурной нормы мяса'. Такое же «неправильное» понимание будут иметь толкования и других параметрических прилагательных, в значение которых входит эстетическая оценка тела, ср. *крутичатый, рассычатый, сдобный, гладкий*.

Неоднозначность слова *норма* и, в связи с этим, нежелательность подобной единицы в метаязыке семантики подробно обсуждалась нами в работе [Урысон 2006]³³. Заметим, что подобная неоднозначность в той или иной степени прослеживается в аналогах слова *норма*, ср. *образец, стандарт, эталон*. Мы не будем рассматривать всю семантическую структуру данных слов, а сосредоточимся на возможных оценках, выражаемых ими в разных контекстах.

Слова *образец* и *эталон* обозначают объект, выбранный в качестве типичного представителя некоторого класса объектов; ср. *образцы горных пород, сделать по образцу, эталон метра*. Такой специально выбранный объект служит для с р а в -

³³ Есть и другой материал, свидетельствующий о нежелательности в толкованиях неоднозначного слова *норма*. Это слово *чрезвычайно*, ср. *чрезвычайно интересная (слабая) статья*. Как показано в работе [Добровольский 2006], *чрезвычайно* Р = 'Р в очень высокой степени; говорящий считает, что степень Р настолько высока, что она выходит за пределы области обычного'. Вместо элемента 'норма' в толковании используется 'область обычного'. Использование элемента 'норма' даст в этом случае совершенно непонятную и антиинтуитивную формулировку. Ср. *чрезвычайно странное замечание* = 'замечание странно в очень высокой степени; говорящий считает, что степень странности замечания настолько высока, что она выходит за пределы нормы'. Автор благодарит Д. О. Добровольского за обсуждение данного вопроса.

нения с ним других объектов, например, в ситуации, когда требуется установить близость этих объектов данному классу. Слово *стандарт* имеет похожее значение: оно обозначает те характеристики, которым должен удовлетворять объект некоторого класса. Ср. *стандарты на выпускаемую продукцию (на пиломатериалы, на пищевые продукты), сделать по заданному стандарту*. Эти характеристики представляют собой специально установленные требования, которые предъявляются к объектам некоторого класса (к выпускаемой продукции).

Данные лексемы слов *образец*, *эталон* и *стандарт* сближаются со словом *норма* в его «среднестатистическом» значении. Сами по себе они как будто не выражают оценки, но в них заложена предпосылка для развития оценочной семантики. Это указание на соответствие / несоответствие выбранному объекту каких-то других объектов. Из сравнения объектов напрашиваются разные следствия: объект, не отличающийся от образца, стандарта или эталона, подходит для каких-то целей (и это хорошо); или, наоборот, объект, не отличающийся от образца, стандарта, эталона неинтересен, неоригинален (и это плохо).

Слово *стандарт* тяготеет к контекстам с положительной оценкой. Так, сочетание *стандарт качества* предполагает достаточно высокое качество; нормально сочетание *высокий стандарт* при необычности 'низкий (невысокий) стандарт'; высокую оценку предполагает и сочетание *мировые стандарты* (возможно, эта оценка связана, в первую очередь, со словом *мировой*, ср. его другое, чисто оценочное значение, представленное в случаях *мировой парень*, *Кино — мировое!*).

Слова *образец* и *эталон* тоже чаще встречаются в контекстах, выражающих положительную оценку; ср. *образец нравственности, эталон мужества*. Говоря *образец (эталон) поведения (отношения к близким и т. п.)*, подразумевают самую высокую оценку объекта. Разумеется, возможно и *образец порочного поведения, эталон тупости* и т. п., но подобные сочетания, скорее всего, образованы по аналогии с приведенными.

Кроме того, слово *образец* имеет особое значение 'тот (или то), кому (или чему) надо следовать, подражать' [МАС; СУш]. Это значение наиболее явно в сочетаниях *быть образцом, принять за образец*. Ср. *Где, укажите нам, отечества отцы, / Которых мы должны принять за образцы?* (А. С. Грибоедов, *Горе от ума*); *«Шинель» — стала образцом для многих крупных писателей, как рассказ на современную тему* (Сергеев-Ценский, [МАС]). Данная лексема тоже предполагает самую высокую оценку объекта, с которого берут пример.

Слово *стандарт*, напротив, имеет значение, выражающее отрицательную оценку: 'то, что не выражает ничего оригинального, своеобразного' [МАС; СУш]. Ср. *Фурманов избегает банального стандарта* (Макаренко, [МАС]).

Оценочную семантику развивают дериваты слов *стандарт* и *образец*, причем оценки, выражаемые ими, не совпадают. Слово *стандартный* выражает отрицательную оценку; ср. *стандартные вопросы о самочувствии, стандартные общие пожелания* и т. п. Слово *образцовый*, напротив, выражает высшую оценку объекта: *образцовые ученики, образцовое поведение*.

Упомянем еще слова *шаблон*, *штамп*, *трафарет*. В своем прямом, специальном, значении они обозначают особые предметы — формы, служащие для изготовления по ним тех или иных изделий. В этом значении слова *шаблон*, *штамп*, *трафарет* сближаются со словами *образец*, *стандарт*, *эталон*. Во втором, переносном, значении данные слова выражают отрицательную оценку — они указывают на слепое подражание образцу, на отсутствие в объекте новизны, оригинальности. Ср. *Написан рассказ по шаблону, ничего сколько-нибудь свежего, интересного, наводящего на размышления; Он и мыслит, и выражается штампами; Все по трафарету — скука невероятная, а утверждают, что это творческая работа*. Отрицательную оценку выражают и дериваты *шаблонный*, *трафаретный*; ср. *шаблонные* (*трафаретные*) *фразы*.

Анализ слов *образец*, *стандарт*, *эталон*, а также *шаблон*, *штамп*, *трафарет* показывает, что оценочная семантика в слове *норма* совершенно естественна — она диктуется семантической организацией всего данного класса³⁴.

Выше мы убедились, что параметрические слова можно толковать и не прибегая к элементу 'норма'. В естественном (русском) языке есть слово, выражающее искомый смысл. Это лексема *средний*, присутствующая в сочетании *среднего роста*, а также в высказываниях типа *Скорость (высота) была не большая и не маленькая — так, средняя*. В самом первом приближении *человек среднего роста* = 'такого роста, который свойствен большинству объектов данного класса'. Ср. предварительный вид возможной схемы толкования параметрических прилагательных:

высокий = 'такой, рост которого намного больше среднего' = 'такой, рост которого намного больше роста большинства людей того же класса';

тощий = 'такой, объем тела которого намного меньше среднего' = 'такой, объем тела которого намного меньше объема тела большинства людей или животных того же класса'.

Например, *высокий мужчина* = 'такой мужчина, рост которого намного больше среднего' = 'такой мужчина, рост которого намного больше роста большинства мужчин'.

Естественно считать, что в сознании носителя языка присутствует образ предмета, обозначаемого той или иной лексемой, например, образ человека или забора, причем это образ стандартного представителя данного класса объектов, т. е. такого объекта, который ничем не отличается от большинства объектов своего класса. Стандартны, в частности, и его параметры. Такой образ объекта, закрепленный в сознании носителей языка, служит «точкой отсчета» при описании объектов данного класса, выступает для них эталоном или прототипом (см. [Вежицкая 1996]). Тем самым, параметры большинства объектов воспринимаются как эталонные, прототипи-

³⁴ Можно предположить, что представление об отсутствии отклонений нормально связывается с оценкой, причем как положительной, так и отрицательной. Ср. в связи с этим исследование Е. Э. Бабаевой, посвященное семантической истории слова *простой*, в настоящей монографии.

ческие, обычные параметры объектов данного класса. На наш взгляд, экспликация значения лексемы *средний* должна отражать представление об обычности данного параметра. Ср. более полное толкование этой единицы: *средний X Y-a* [*средний рост человека*] = 'такая величина параметра X объекта Y, которая не отклоняется от величины соответствующего параметра большинства объектов данного класса и которая поэтому воспринимается как обычная для объектов данного класса'.

Представление о большинстве объектов класса, на основе которого формируется представление о прототипе, входит в значение и некоторых непараметрических прилагательных; ср. *обыкновенный, обычный* (*Это была самая обыкновенная (обычная) девушка*), *необыкновенный* (*Это необыкновенная женщина*), *чудесный* (*Он чудесный человек*) и т. п. В самом первом приближении *обыкновенный* = 'ничем не отличающийся от большинства объектов того же класса'. В значение лексем *необыкновенный, чудесный* и т. п., наряду с высокой положительной оценкой, входит компонент 'намного отличающийся от большинства объектов того же класса'.

Однако семантика лексем *обыкновенный, обычный* не сводится к объективному указанию на 'большинство', применимому к природным закономерностям, к окружающему миру. На основе этого указания формируется субъективное, т. е. относящееся к восприятию, представление о привычном. Прототип объекта — это привычное нам представление объекта данного класса, а оно может до какой-то степени не соответствовать большинству реальных объектов данного класса. Ср., например, высказывание *Девушки там носят юбки обычной длины*. Даже если реально в социуме, к которому относятся говорящий и его адресат, большинство женщин ходят в очень коротких юбках, в данном высказывании именная группа *обычной длины* понимается не как обозначение «мини».

Представление о большинстве лежит и в основе лексемы *обычно*; ср. *Обычно он начинает день с кросса, В апреле обычно уже тепло, За завтраком он обычно читает газету*. Однако в данном случае это представление не о большинстве объектов какого-либо класса, а о большинстве случаев, когда имеет место данное положение дел. В самом первом приближении: *Обычно P* = 'в большинстве случаев имеет место ситуация P'. При этом то положение дел, которое имеет место в большинстве случаев, представляется привычным.

В русском языке существуют и специальные конструкции, указывающие на самое обычное качество объекта: *X как X (ничего особенного)* и *X и X (ничего особенного)*. Ср. *Хороший нож?* — *Нож как нож (самый обыкновенный)*; *А жена его тебе понравилась?* — *Жена как жена*; *Не понимаю, чего тут хвастаться* — *книга и книга, ничего особенного*. Заметим, что между этими конструкциями есть некоторое различие: конструкция *X и X*, указывая на самое обычное качество объекта, подает как не заслуживающий внимания и сам факт его существования. Поэтому данная конструкция нормальна, если речь идет об объекте, недавно появившемся в чьей-либо «сфере». Так, в примере выше: *Не понимаю, чего тут хвастаться* — *книга и книга, ничего особенного* — речь идет о книге, написанной или выпущенной субъектом или купленной им и т. п. С другой стороны, нормально *Ин-*

тересная книга? — *Книга как книга*, при том, что менее стандартно: *Интересная книга?* — *Книга и книга*. Эта особенность конструкции *X и X*, безусловно, связана с тем, что в данной конструкции возможны не только имена объектов, но и глаголы; ср. *Знаешь, Петя женился!* — *Женился и женился, ну и что?*

Как бы то ни было, данные конструкции, так же как и лексемы *обычный*, *обыкновенный* и *обычно*, задают «нулевую точку отсчета» на шкале оценки. В этом отношении оценочная шкала подобно шкале размера: на ней тоже выделяется точка отсчета и области отклонения от нее. Иными словами, оценочные прилагательные, по-видимому, сближаются с параметрическими словами: *большой* = ‘такой, величина которого больше среднего’, а *хороший* — ‘такой, который лучше среднего’.

Заметим, что такая интерпретация оценки расходится с тем, что в настоящее время считается общепринятым в лингвистике. Обсуждая этическую оценку, выражаемую в языке, П. Гич [Geach 1956] отметил, что, говоря о каком-либо объекте, например машине, и называя его *хорошей машиной*, мы как будто ничего не добавляем к характеристике данного объекта: все то, что справедливо относительно объекта А как такового, справедливо и относительного хорошего А. Отсюда как будто следует, что «нормальный» объект А, если о нем не утверждается обратное, является «хорошим» А. Тогда шкала оценки принципиально отличается от шкалы размера.

Действительно, получается, что на шкале размера выделяется «нулевая точка» отсчета — ‘среднее’ — и две области отклонения от нее: ‘больше’ и ‘меньше’. А на оценочной шкале есть лишь две области — ‘хорошее’ и ‘плохое’, причем в качестве точки отсчета выступает ‘хорошее’ (‘среднее’ на этой шкале просто отсутствует). Тогда *хороший* = ‘соответствующий норме качества’ [Апресян 1974: 293 (со ссылкой на А. Вежбицкую); 2004б: XXXVII; Вольф 1985; Арутюнова 1988].

Однако данные разные интерпретации оценки не являются противоречащими — они дополняют друг друга. Действительно, говоря *Он купил хорошую машину* или *Ему досталась хорошая жена* мы, с одной стороны, сравниваем данную машину (жену) с другими машинами (другими женами), а с другой стороны, утверждаем, что данный объект соответствует нашим представлениям о том, каким должен быть объект данного класса, т. е. утверждаем, что он «соответствует норме качества».

Ясно, что «норма качества» — это не качество «среднего» представителя данного класса. Дело не только в том, что «норма качества» выше, чем «качество среднего». Данные понятия относятся к совершенно разным представлениям о мире. «Среднее» — это характеристика, устанавливаемая объективно, она относится к представлению о внешнем, окружающем нас мире. Напротив, «норма качества» относится к аксиологическому, ценностному миру, конструируемому человеком: «*хорошее* значит соответствующее идеализированной модели {...} мира» [Арутюнова 1988: 59].

Оценка пронизывает наше представление о мире. «В идеализированную модель мира входит и то, что уже (или еще) есть, и то, к чему человек стремится, и то, что он потребляет, и то, что он создает, и то, как он действует и поступает; наконец, в нее входит целиком и полностью сам человек» [Арутюнова 1988: 59]. Естественно счи-

тать, что идеальный образ объекта (как компонент идеализированной модели мира), присутствует в сознании носителя языка наряду с прототипом того же объекта.

Оценка, в отличие от параметрического слова, соотносит оцениваемый объект и с его прототипом, и с его идеальным образом. При этом и прототип, и идеальный образ существуют только в сознании человека. Однако прототип формируется как представление о среднем, а потому привычном объекте данного класса, а идеальный образ может иметь достаточно мало сходства с большинством реальных объектов.

Тем самым, шкала оценки двойственна, как бы имеет два «границы». Одна ее грань устроена подобно шкале размера: обе имеют «нулевую точку отсчета» (границы среднего) и две области отклонения от нее. Вторая грань оценочной шкалы соотносит объект с «идеалом»³⁵.

В заключение отметим, что собственно лингвистическая интерпретация оценочных слов во многом повторяет философский анализ оценки. Аксиологические концепции, «в которых содержится зерно, способное дать лингвистические победы» [Арутюнова 1988: 57], проанализированы Н. Д. Арутюновой в цитированной книге. Приведем некоторые выдержки.

Согласно Б. Спинозе, «понятия “совершенно хорошего” и “совершенно плохого” лишены смысла. Однако можно составить представление о среднем или типичном представителе класса, являющееся фикцией в том смысле, что ни один реальный член класса не будет совпадать с ним в точности. По отношению к этому фиктивному стандарту и определяются все члены рода: все те, кто выполняет свое назначение лучше среднего норматива, могут быть квалифицированы как хорошие, те же, кто не достигает стандарта, являются плохими членами рода. Точка отсчета была помещена Спинозой в средней части аксиологической шкалы. Понятия хорошего и плохого, таким образом, вдвойне относительны. Они означают, во-первых, “лучше или хуже среднего”. Они, во-вторых, релятивны относительно вида или рода» [Арутюнова 1988: 22]. Ясно, что «представление о среднем или типичном представителе класса» совпадает с обсуждавшимся выше прототипом класса. Изложенное выше представление: *хороший* — ‘такой, который лучше среднего’ не ново: оно восходит к Спинозе.

Тот факт, что этическая оценка прескриптивна, т. е. опирается на представление о некоем идеале, о том, что должно быть, отметил еще Д. Юм: «В каждой этической теории [...] я вдруг, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* или *не должно* (ought или ought not)» [цит. по: Арутюнова 1988: 25]. Современная лингвистика отражает прескриптивность оценки в представлении о «норме качества».

Разные аспекты оценки, обнаруженные философами, сосуществуют в семантике оценочных слов естественного языка.

³⁵ Сказанное не исключает того, что слово *хороший* не толкуемо в рамках теории Московской семантической школы. Нам было важно показать, как устроена шкала оценки по сравнению со шкалой размера.

Часть девятая

**Формирование семантической
структуры слова *простой*
в русском языке**

Введение

Данная часть посвящена истории формирования семантической структуры многозначного слова *простой*, т. е. реконструкции по возможности всех смыслов, для передачи которых оно могло и может использоваться, и соотнесению особенностей семантической структуры слова как единицы современного литературного языка с закономерностями ее становления и развития.

В основу настоящего исследования легло представление о многозначности как об особом феномене, позволяющем объединить различные подходы к семантике.

Проблемы полисемии традиционно активно разрабатываются в связи с исследованиями в области теоретической семантики и изучением лексического строя современных языков (работы Московской семантической школы, в особенности Ю. Д. Апресяна и Е. В. Падучевой, представителей когнитивной лингвистики, а также Н. Д. Арутюновой, И. М. Богуславского, Т. В. Булыгиной, В. Г. Гака, Т. М. Николаевой, Е. В. Рахилиной; см. обзор современных подходов к полисемии в [Зализняк Анна 2002: 1—2]). В частности, в лексикографии возникла особая методика описания многозначных слов — лингвистическое портретирование (ряд «портретов» представлен в [Семиотика и информатика 1991]).

Задачу по возможности полного описания истории слова, то есть создания его «биографии»¹, должна ставить перед собой диахроническая семантика. Диахроническая семантика как эмпирическая дисциплина начала формироваться еще в конце XIX в., в работах Г. Пауля, А. Дарместетера, М. Бреалю, В. Вундта, А. А. Потебни. Тогда же возник особый лексикографический жанр — исторический словарь².

¹ О понятии «биография» слова см. в [Бабаева 1998].

² В Словаре французского языка (*Dictionnaire de la langue française*) Э. Литре (первый выпуск появился в 1863 году), словарная статья включает две зоны, посвященные диахронии: зону, в которой даны примеры употребления слова в предшествующие эпохи (XV—

С появлением структурализма с его интересом к фактам синхронии диахроническая семантика, в рамках которой закладывались основы общей теории семантики, отступила на второй план, уступив место синхронной. Однако работа по описанию семантической эволюции отдельных слов или групп слов, а также по созданию исторических словарей достаточно активно велась на протяжении всего XX в.³

Исследователи-русисты пока не располагают историческим словарем русского языка: те лексиконы, которые привычно называются «историческими» (Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского, Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.), Словарь русского языка XI—XVII вв. и под.), скорее представляют собою статическое описание лексики и семантики, хотя бы и совмещающее лексический материал разных временных «срезов». Они дают сведения, которые должны быть положены в основу диахронического исследования, но самой этой динамики в открытом виде читателю не предъявляют⁴. Однако жанр «история слова» является достаточно традиционным для русского языкознания⁵. Следует отметить, что иногда под историей развития семантики слова понимается лишь коллекционирование всех зафиксированных для этого слова значений. В тех же случаях, когда речь заходит о семантических процессах, имевших место в прошлом, исследуется не семантическая структура слова в целом, а лишь какой-либо ее фрагмент (т. е. переход от одного значения к другому или другим), при этом его соотнесение с современным языком либо отсутствует, либо сводится к указанию на наличие / отсутствие данного значения (данных значений) в современном узусе. Между тем, назрела, как кажется, необходимость представления многозначного слова как целостной динамической структуры, постоянно перестраивающейся во времени, а самой многозначности — как пучка семантических процессов, связанных с мышлением человека, порождающих эту структуру, обеспечивающих

XVIII вв.), и зону, в которой излагаются гипотезы о происхождении слова. В предисловии к словарю Э. Литре признает, что идея составления словаря французского языка выросла из интереса к истории слов, а также подчеркивает важность истории слов для правильного их понимания и определения путей дальнейшего развития [Littré 1889: II—III]. Впоследствии Литре ставил себе в заслугу то, что он первым поместил на титульном листе словаря определение «исторический» [см. Littré 1992: 12]. В 1880 году начал выходить *Dictionnaire de l'ancienne langue française, du IXe au XVe siècle* Фредерика Годфруа, в 1883—1984 гг. — *A New English Dictionary on Historical Principles*.

³ В 80—90-е гг. XX в. появились работы, свидетельствующие о растущем интересе к общей теории диахронической семантики; см. [Historical Semantics; Historical Word-formation 1985; Diachrony within Synchrony 1992; Geeraerts 1997]. Критический разбор применения методов компонентного и когнитивного анализа к диахронии содержится в [Kardela, Klepanski 1990].

⁴ О жанре исторического словаря см. подробнее в [Бабаева, Журавлев, Макеева 1997].

⁵ Обширный корпус заметок по истории слов представлен, например, в [Виноградов 1994].

ее функционирование и трансформации. С этой точки зрения принципиальной разницы между синхронией и диахронией не существует.

Очевидно, что на механизмы семантических изменений влияют разные факторы (например, системные связи, историко-культурный контекст), причем степень актуальности того или иного фактора неодинакова для разных слов или классов слов⁶. В связи с этим возникает задача соотнесения типов семантических изменений с лексическими классами (группами) слов.

Задачи представления многозначного слова как целостной динамической структуры, изменяющейся во времени, и выявления механизмов семантического развития слова как представителя некоторого класса (некоторой группы) определяют предмет настоящего исследования.

Данная часть представляет собой попытку воссоздать, насколько это позволяет материал, семантическую структуру многозначного слова *простой* во всей ее целостности, от реконструкции семантического потенциала праславянской основы до современного состояния.

Описание развития семантической структуры слова невозможно без обращения к этимологическому гнезду, а следовательно, предполагает необходимость учитывать:

1) словообразовательные связи в пределах литературного языка (еще Е. Курилович отмечал, что производные основы сохраняют более древнюю семантику, чем непроизводные [Kuryłowicz 1977: 30]);

2) словообразовательные связи в пределах одного языка (т. е. данные диалектов; ср. мнение Н. И. Толстого: «Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто вроде развернутой в пространстве диахронии, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции» [Толстой 1977: 15]);

3) словообразовательные связи в пределах родственных языков (данные языков, принадлежащих к одной семье).

Следует отметить, что для современной этимологии, традиционно вычленяющей этимологическое гнездо на фонетико-морфологических и словообразовательных основаниях, характерен интерес к семантическому анализу (о реконструкции

⁶ Среди работ по диахронической семантике выделяются исследования, посвященные так называемым «ключевым» словам, т. е. словам, передающим понятия, играющие или когда-либо игравшие особую роль в языковой картине мира и в жизни общества, и требующим реконструкции историко-культурного контекста (работы Э. Бенвениста, представителей школы Begriffsgeschichte Р. Козелека, широко представленного в европейской традиции направления, которое условно можно назвать «история понятий», а также Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, А. Вежицкой, группы Логический анализ языка под руководством Н. Д. Арutyоновой).

этимологического гнезда на семантических основаниях см. подробнее [Варбот 1986]) и к семантическим параллелям, т. е. к типологии семантических изменений (см. [Шустер-Шевц 1969: 75]). Можно сказать, что этимология и типология внутренне связаны: этимология трудно мыслима вне представлений о соотношении реконструируемой модели с реальными языковыми фактами, а типология не может не учитывать наличия родственных связей между языками и языковыми единицами.

Апелляция к семантическим параллелям предполагает необходимость учитывать:

1) механизмы семантического развития слов с близким значением внутри одного языка (при этом под отношения синонимии должны подпадать не только случаи относительного тождества лексем в современном языке, но и случаи «диахронного тождества», т. е. случаи «исторической смены одной лексемы другою в определенном значении» [Варбот 1986: 34]);

2) механизмы семантического развития слов с близким значением в других языках.

При построении истории семантического развития слова, как уже говорилось, следует иметь в виду вхождение слова в некоторый класс (некоторые группы и подгруппы) слов.

В настоящем исследовании учитывается, что слово *простой* а) является представителем класса прилагательных, имеющих семантическую структуру 'не Р', т. е. содержащих имплицитное отрицание⁷; б) является представителем выделяющейся внутри данного класса группы прилагательных, указывающих на некоторые физические свойства объектов, особенности структуры, состава пространства, ландшафта, природы, пищи: *простой, прямой, правый, ровный, гладкий, пустой, порожний, праздный, полый, постный, сухой, чистый, голый*⁸; в) является представителем выделяющейся внутри данной группы подгруппы прилагательных, развивавших значение 'не отклоняющийся в сторону': *простой, прямой, правый*;

⁷ Имплицитным называется «отрицание, входящее в качестве смыслового компонента в толкование лексемы» [Апресян 2004: XXIX]. Имплицитное отрицание противопоставлено эксплицитному; ср. префиксы *не-, а-, анти-, без-* / *бес-*.

⁸ С. М. Толстая называет прилагательные данного типа коррелятивными, отмечая, что их важнейшей особенностью является соотношение с концептом недостаточности [Толстая 2004]. В этой же работе перечислены основные особенности данного «макрогнезда»: семантическая коррелятивность более чем одного значения, транзитивность, лексико-семантическая «перекрестность», сохранение коррелятивности за пределами языка, в сфере культурной семантики и символики [Толстая 2004: 296—297]. Более других внимание лингвистов привлекали прилагательные *прямой* и *правый* в их соотношении с прилагательными *кривой* и *левый*; см., например: [Шайкевич 1959; Winter 1985; Leeuwen-Turnovcová 1990; Цейтлин 1996; Толстая 1998; Генералова 1998; Якушкина 2002].

г) является представителем выделяющейся внутри данной группы подгруппы прилагательных, развивавших значение 'только Р': *простой, пустой, сухой, чистый, голый*; ср. *простое любопытство, пустые разговоры, сухой остаток, чистые выдумки, голые факты*.

Среди других фактов, отражающих системные связи слова, следует выделить особенности лексической (и семантической) сочетаемости, которые обычно имеют семантическое обоснование. В этой сфере необходимо учитывать:

1) наличие особой денотативной области (исключительная или преимущественная сочетаемость лексемы со словами, принадлежащими одной денотативной области; ср., например, значения слова *простой*, реализующиеся в сочетании с названиями человека (животных) или же значения слова *сухой*, реализующиеся в сочетании с названиями пищи [Толстая 2004: 390—391]);

2) наличие коллокаций — частотных сочетаний лексем, демонстрирующих их «взаимное притяжение» («Collocation refers to the combination of words that have a certain mutual expectancy» [Jackson 1995: 97]), которые занимают промежуточное положение между свободными и устойчивыми словосочетаниями и, по всей видимости, входят в ментальный лексикон человека наряду с лексемами; ср., например, *простой путь, сухая корка*⁹.

Очевидно, что «взаимное притяжение» лексем возникает на определенном этапе семантического развития слов. С другой стороны, попадание слова в некий семантически устойчивый контекст способствует развитию нового значения¹⁰.

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на принципиальную гипотетичность любой реконструкции истории семантического развития слова (связанную, в частности, с такими хорошо известными объективными факторами, как неполнота дошедшего до нас корпуса древних текстов, достаточно узкий спектр их жанров, отсутствие полного тезауруса, принципиальная неверифицируемость положений), существует множество фактов, учет которых может способствовать повышению уровня ее достоверности.

Материал, использующийся в настоящей части, отбирался в соответствии с принципами, о которых шла речь выше. Гипотеза о семантическом развитии слова *простой* основана на данных современного русского языка, памятников XI—XVIII в., диалектов и других индоевропейских (в особенности славянских) языков.

⁹ Выявление таких сочетаний слов представляет собой особую задачу. Ср. постановку проблемы реконструкции праславянских «микротекстов» в [Топоров 1998: 54, 209 и сл.].

¹⁰ Так, например, глаголы *городить* и *градить* получили разное осмысление, видимо, в связи с расхождениями в сочетаемости: глагол *городить*, сочетаясь исключительно с названиями ограждений, означал 'строить ограду' в соответствии с древним значением корня (ср. праслав. **gordъ*, и.-е. **gherdho-*: **ghordho-*, 'то, чем огораживают', 'отгороженное место', 'отделенная часть чего-либо'), тогда как синонимичный ему глагол *градить*, устойчиво сочетаясь с названиями различных сооружений, развил значение 'строить'.

При ее построении учитывались системные связи прилагательного (в частности, синонимия и сочетаемость лексем).

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ О СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ПРОСТОЙ*

1.1. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *ПРОСТОЙ* КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

В современном русском языке прилагательное *простой* обладает достаточно развитой многозначностью. Однако описание структуры многозначности современного *простой* вызывает большие трудности. Свидетельство этому — достаточно серьезные расхождения в трактовке семантической структуры слова, выявляющиеся при обращении к современным толковым словарям, а также допущенные в них непоследовательности в классификации материала.

Прежде, чем перейти собственно к гипотезе о семантическом развитии слова *простой*, попытаемся проанализировать суть этих расхождений и выявить причины, по которым это прилагательное вызывает затруднения при лексикографировании.

В БАС'е и МАС'е, как и в БТС'е выделено по 11 основных значений прилагательного, а в СОШ и СУш — по 8.

Представленные в словарях структуры многозначности слова *простой* различаются не только количественно (числом включенных в них значений и так называемых оттенков значений), но и содержательно (разбивкой на самостоятельные значения, соотносением тех или иных контекстов с выделенными значениями, иерархической организацией).

Рассмотрим подробнее значения прилагательного *простой*, зафиксированные в словарях современного русского языка.

1.1.1. *Простой*: 'несложный'¹¹

Данное значение в словарях современного русского языка толкуется следующим образом: 'нетрудный, несложный для понимания, разрешения, осуществления, выполнения' (БАС); 'несложный, нетрудный, легко доступный для понимания, выполнения, управления и т. п.' (МАС); 'несложный, нетрудный, легко доступный для понимания, выполнения, разрешения' (БТС); 'не сложный, не трудный, легко доступный пониманию, осуществлению' (СОШ); 'несложный, лишенный искусственности, самый естественный, не трудный, легко доступный для понимания' (СУш).

¹¹ Здесь и далее в этой главе используются «конспективные» формулировки значений, обобщающие те пространственные формулировки, которые реально представлены в словарях.

В МАС'е и БТС'е это значение представлено первым, в БАС'е и СОШ — вторым, в СУш оно является подзначением, производным от значения 'элементарный', которым открывается словарная статья.

Прилагательное *простой* в данном значении выступает в качестве антонима к прилагательным *сложный*, *трудный* (ср. компоненты толкования 'не сложный', 'нетрудный', представленные во всех словарях), а в ряде контекстов в качестве синонима к прилагательному *легкий* (ср. компонент толкования 'легко доступный', встречающийся во всех словарях, кроме БАСа).

Толкования, представленные в словарях, включают помимо компонентов 'несложный', 'нетрудный', 'легкодоступный' компоненты, задающие сферу, в которой реализуются данные свойства. Во-первых, во всех словарях толкования содержат компонент 'понимание' (например, *простые доводы*). Во-вторых, все словари, за исключением СУш, включают в толкования также компоненты 'выполнение' (БАС, МАС, БТС,) и/или 'осуществление' (БАС, СОШ); ср., например, *простая задача*, *простое упражнение*. Как следует из иллюстраций, компоненты 'понимание', 'выполнение' и 'осуществление' указывают, прежде всего, на связь характеризуемых объектов с ментальными процессами и ментальными действиями.

Очевидно, что именно представление о простоте ментальных процессов и действий составляет, согласно словарям, основной круг употреблений прилагательного в данном значении.

Вместе с тем, компоненты 'выполнение' и 'осуществление' могут указывать на связь объекта с физическими действиями; ср. примеры *простой чертеж* (МАС) ≈ 'такой, который легко начертить'; *Путь сюда не прост* (БАС), *простой путь* ≈ 'такой, который легко пройти'.

Наконец, МАС включает в толкование компонент 'управление', помещая его на последнее место (ср. пример *простой механизм*). Этот компонент вовлекает в зону данного значения прилагательного характеристику объектов из сферы техники.

Таким образом, МАС включает в данное значение три круга употреблений: в первом прилагательное *простой* характеризует объекты, связанные с ментальными процессами и действиями, во втором — объекты, связанные с физическими действиями, в третьем — объекты из сферы техники.

В БТС'е два последних круга употреблений объединены и выделены в отдельное подзначение ('несложный по устройству, по выполнению'); ср. *простое устройство*, *простой механизм*, *простая машина*, *простой чертеж*, *простой этюд*, *простая бухгалтерия*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в представленном в БТС'е толковании оказываются соположенными компоненты 'устройство' (представление о конструкции) и 'выполнение' (представление о действии). Вместе с тем, если считать, что компонент 'устройство' семантически связан с компонентом 'управление', выделенным в МАС'е, это противоречие можно снять, перефразируя толкование следующим образом: 'несложный по управлению, выполнению'. В этом случае представление о несложном по управлению механизме оказывается свя-

занным с простотой его устройства: 'несложный по устройству' → 'несложный по управлению'.

Смысл 'несложный по устройству' может быть связан также со смыслом 'элементарный': 'элементарный по составу' → 'несложный по устройству'. Так, в соответствии с данной семантической связью, БАС выделяет контексты типа *простой механизм* в отдельное подзначение ('несложный по устройству'), производное от значения 'не содержащий много элементов, частей...' ¹². Идея же простоты управления оказывается выведенной за пределы смысла данного словосочетания.

Как уже говорилось, СУш считает значение 'несложный' подзначением, производным от значения 'элементарный'. СУш отмечает возможность для прилагательного *простой* в данном значении вступать в синонимические отношения с прилагательным *естественный* (ср. компоненты 'самый естественный', 'лишенный искусственности', представленные в толковании наряду с компонентами 'несложный', 'нетрудный', 'легкодоступный'). Таким образом, устанавливается семантическая связь 'элементарный' → 'естественный' → 'несложный'.

1.1.2. *Простой*: 'НЕСОСТАВНОЙ'

Данное значение в словарях современного русского языка толкуется следующим образом: 'не содержащий многих элементов, частей, не составной, не сложный' (БАС); 'элементарный по составу, однородный, не составной' (МАС); 'элементарный по составу, однородный, не составной' (БТС); 'однородный по составу, не составной' (СОШ); 'элементарный по составу, однородный, не составной' (СУш).

МАС и БТС помещают данное значение вторым, все остальные словари — первым.

Прилагательное *простой* в этом значении выступает в качестве антонима к прилагательному *составной* (ср. компонент 'не составной', представленный во всех словарях, а также компоненты 'не сложный', 'не содержащий многих элементов, частей', представленные в БАС'е) и синонима к прилагательным *элементарный*, *однородный* (ср. компоненты 'элементарный <по составу>', 'однородный <по составу>') (МАС, БТС, СОШ, СУш).

Согласно МАС'у, БАС'у и БТС'у данное значение реализуется только в полной форме прилагательного ¹³. Кроме того, в МАС'е и БТС'е значение снабжено пометой *спец.*

¹² Ср. СУш, в котором не упоминаются словосочетания типа *простой механизм*, однако весь блок остальных контекстов (*простое решение, простой вывод, простой вопрос, простая задача, простое дело*) отнесен к подзначению, производному от смысла 'элементарный'.

¹³ Таким образом, БАС помещает первым значение, имеющее формальное ограничение на реализацию.

В данном значении прилагательное *простой* представлено в следующих словосочетаниях: *простое вещество* (в МАС'е, БАС'е, БТС'е, СОШ с пометой *хим.*); *простое тело* (в СУш с пометой *хим.*); *простое предложение* (в БАС'е, БТС'е с пометой *грамм.*; в МАС'е помещено в конце словарной статьи в блоке устойчивых выражений) и *простое число* (в БАС'е¹⁴, БТС'е, СУш с пометой *мат.*, в МАС'е помещено в конце словарной статьи в блоке устойчивых выражений).

Таким образом, все словари признают, что данное значение реализуется в прилагательном *простой* в составе терминологических единиц из области химии. Что касается других специальных употреблений, то они могут также включаться в данное значение (БАС, БТС), восприниматься как устойчивые словосочетания, утратившие связь с основными значениями слова (МАС) или же вообще не упоминаться (СОШ).

Отметим также, что БАС, в отличие от других словарей, указывает на наличие производного от данного значения подзначения, в котором прилагательное *простой* вступает в антонимические отношения с прилагательными *производный*, *вторичный* и в синонимические отношения с прилагательными *первичный*, *исходный*, *базовый*, *основной* (ср. компоненты толкования 'первичный', 'основной', 'исходный'; *простой продукт*, *простейшие монополии*). Таким образом, в БАС'е фиксируется семантическая связь 'базовый' → 'элементарный'¹⁵.

В БТС'е данный круг употреблений (ср. *простейшие формы монополии*, *сведение сложного труда к простому*, *простая заработная плата*, *простое товарное производство*, *простой продукт*) признается самостоятельным значением: 'первичный, основной, исходный'.

1.1.3. ПРОСТОЙ: 'НЕВЫЧУРНЫЙ'

Данное значение в словарях современного русского языка толкуется следующим образом: 'незамысловатый, не вычурный, без особых украшений' (БАС); 'безыскусственный, незамысловатый, не вычурный' (МАС); 'безыскусственный, не замысловатый, не вычурный; скромный' (БТС); 'безыскусственный, незамысловатый' (СОШ); 'безыскусственный, не вычурный, не затейливый, не замысловатый' (СУш).

В данном значении прилагательное *простой* выступает в качестве антонима к прилагательным *вычурный*, *изысканный*, *замысловатый*, *затейливый* (ср. компоненты толкований 'безыскусственный' (МАС, БТС, СОШ, СУш); 'незамысловатый' (МАС, БАС, БТС, СОШ, СУш); 'не вычурный' (МАС, БАС, БТС, СУш);

¹⁴ В БАС'е различены два понимания словосочетания *простое число*: 'несоставное'; 'целое положительное число, большее единицы, не имеющее других делителей, кроме себя и единицы'.

¹⁵ О связи смысла 'элементарный' со смыслом 'нетрудный, несложный, легкий', представленной в БАС'е и СУш, см. выше.

‘незатейливый’ (СУш); ‘без особых украшений’ (БАС)) и в качестве синонима к прилагательному *скромный* (ср. компонент ‘скромный’ в БТС’е).

Данное значение реализуется, прежде всего, в том круге употреблений, в котором прилагательное *простой* сочетается с объектами, подлежащими эстетической оценке. Ср. *простая мебель; простая обстановка; Три комнатки простые — в них золота, бронзы нет* (Пушкин, СУш); *Там у ручья в тени густой поставлен памятник простой* (Пушкин, СУш); *Две девушки в простых костюмчиках шептались у окна* (Бубеннов, МАС); *Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона* (Достоевский, БАС); *Она являлась в платьице простом и с книжкою* (Тургенев, СУш); *Стихи Пушкина изящны и просты* (БТС); *Свирели звук унылый и простой* (Пушкин, СУш).

Согласно МАС’у и БТС’у, данное значение включает также круг употреблений, в котором прилагательное *простой* характеризует пищу как лишенную изысканного вкуса.

Наконец, в БТС’е в данное значение включен также круг употреблений, в котором прилагательное *простой* характеризует манеры, привычки человека; ср. *простые нравы, Всё тихо, просто было в ней* (Пушкин, БТС). В этом круге употреблений актуализируется смысл ‘естественный’ (ср. данное в скобках пояснение к словосочетанию *простые нравы*: «естественные, близкие природе»). Таким образом, устанавливается связь между данным значением и смыслом ‘естественный’.

БАС считает эти два круга употреблений (*простая пища; простые нравы*) отдельными подзначениями: ‘лишенный чопорности, естественный (о человеке)’ и ‘чуждый роскоши, скромный’¹⁶.

В первом подзначении прилагательное *простой* вступает в отношения антонимии с прилагательным *чопорный* (ср. компонент ‘лишенный чопорности’) и синонимии с прилагательным *естественный* (ср. компонент ‘естественный’); ср. *простые нравы* (семантическая связь: ‘естественный’ → ‘лишенный изысканности’).

Во втором подзначении прилагательное *простой* выступает в качестве антонима к слову *роскошный* (ср. компонент ‘чуждый роскоши’) и синонима к слову *скромный* (ср. компонент ‘скромный’): *простая пища, простая жизнь, простое воспитание* (семантическая связь: ‘скромный’ ↔ ‘лишенный изысканности’).

1.1.4. Простой: ‘обычный’

Данное значение в словарях современного русского языка толкуется следующим образом: ‘обыкновенный, ничем не выделяющийся из других, заурядный’ (БАС); ‘обыкновенный, ничем не примечательный’ (МАС); ‘обыкновенный, ничем не примечательный, не выделяющийся среди других; заурядный’ (БТС); ‘самый

¹⁶ В СУш словосочетание *простой нрав* используется для иллюстрации смысла ‘бесхитростный, простодушный’, формирующего особое значение (см. ниже).

обыкновенный, не выделяющийся среди других' (СОШ); 'ничем не выделяющийся из остальных, самый обыкновенный, обыденный' (СУш).

В данном значении прилагательное *простой* выступает в качестве антонима к прилагательным *особенный, примечательный* (ср. компоненты 'ничем не примечательный' (МАС, БТС); 'ничем не выделяющийся из других (среди других, из остальных)' (БАС, БТС, СОШ, СУш)) и в качестве синонима к прилагательным *обычный, обыкновенный, обыденный, заурядный* (ср. компоненты 'самый' обыкновенный' (МАС, БАС, БТС, СОШ, СУш); 'заурядный' (БАС, БТС), 'обыденный' (СУш)).

Согласно БАС'у, БТС'у и СОШ, данное значение реализуется только в полной форме прилагательного.

Все словари признают реализацию данного значения в контекстах типа *простой смертный, простой экономист (купец, ремесленник)*.

Кроме того, в данное значение включается круг употреблений, в котором прилагательное *простой* характеризует объекты как лишенные особых свойств и противопоставленные аналогичным объектам, но наделенным такими свойствами. Ср. *И нас любили, но любовь простая / Тех девочек совсем не шла в расчет. / Смелись мы, надменные, считая: / Любовь еще бессмертная придет!* (Винокуров, МАС); *Ведь это не простое письмо. В нем сказано все, и так откровенно, что нечего добавить* (Добровольский, БАС).

БАС приписывает также данное значение прилагательному *простой* в составе словосочетаний *простой год* (VS. *високосный год*), *простые дроби* (VS. *десятичные дроби*), *простое письмо* (VS. *казачье письмо, ценное письмо*; ср. свободное словосочетание *простое письмо*, в котором, согласно БАС'у, представлено то же значение)¹⁷. В МАС'е и БТС'е эти словосочетания образуют особое значение (см. 1.1.5.).

1.1.5. Простой: 'НЕСПЕЦИАЛЬНЫЙ'

Данное значение представлено как самостоятельное только в МАС'е и БТС'е: 'обычный для какого-л. вида предметов, не имеющий специального назначения, каких-л. особых признаков и т. д.' (МАС); 'обычный для какого-л. вида предметов, не имеющих специального назначения, каких-л. особых признаков' (БТС).

В данном значении прилагательное *простой* выступает в качестве антонима к прилагательному *специальный* (ср. компоненты 'не имеющий специального назначения' (МАС, БТС), 'не имеющий каких-л. особых признаков' (МАС, БТС)) и в качестве синонима к прилагательному *обычный* (ср. компонент 'обычный для какого-л. вида предметов' (МАС, БТС)). Согласно МАС'у, данное значение реализуется только в полной форме прилагательного.

В обоих словарях приводятся в качестве иллюстраций словосочетания *простой карандаш, простая карта* (не козырная), *простые дроби* (не десятичные); ср. так-

¹⁷ В СУш словосочетание *простое письмо* помещено в блок устойчивых словосочетаний, приведенных в конце словарной статьи.

же *налей простой водички* (без каких-л. добавлений), *простой год* (не високосный) (БТС); *простое мыло*, [Я] *таскал уклеек на нитку, привязанную к простой палке* (Тендряков, МАС).

БТС относит к данному значению круг употреблений, в котором прилагательное *простой* характеризует почтовые отправления: *простое письмо*, *простая посылка*, *бандероль* (не ценные, не заказные, не срочные) (БТС). МАС считает данный круг употреблений подзначением, производным от данного значения, в котором смысл 'обычный' ('неспециальный') конкретизируется по отношению к одному закрытому классу объектов.

Кроме того, в МАС'е в качестве отдельного подзначения выделяется еще один круг употреблений. В нем прилагательное *простой* характеризует ткани и изделия из ткани, выступая как синоним к прилагательному *хлопчатобумажный* (ср. толкование 'хлопчатобумажный, не шерстяной, не шелковый'): *простые ткани*, *простые чулки*, *простое белье*. Таким образом, МАС признает наличие связи между смыслом 'обычный' ('неспециальный') и определенным типом тканей/изделий из ткани. Остальные словари относят данный круг употреблений к другому значению (см. 1.1.6)

1.1.6. *Простой*: 'НЕДОСТАТОЧНО ОБРАБОТАННЫЙ'

Данное значение в словарях современного русского языка толкуется следующим образом: 'недостаточно обработанный, отделанный, грубый по качеству' (БАС); 'недостаточно обработанный, отделанный, грубый по качеству' (МАС); 'недостаточно обработанный, отделанный; грубый по качеству, не лучшего качества' (БТС); 'не лучшего качества, грубый по обработке' (СОШ); 'грубый по качеству, не первосортный' (СУш). Все словари, кроме СУш, указывают на то, что данное значение реализуется только в полной форме прилагательного.

В данном значении прилагательное *простой* вступает в антонимические отношения с прилагательным *обработанный*, выражением *высшего сорта* (качества) (ср. компоненты 'недостаточно обработанный' (МАС, БАС, БТС); 'недостаточно отделанный' (МАС, БАС, БТС); 'не лучшего качества' (БТС, СОШ), 'не первосортный' (СУш)) и в отношения синонимии с прилагательным *грубый*, выражением *нижнего сорта* (качества) (ср. компонент 'грубый' (по качеству, по обработке) (МАС, БАС, БТС, СОШ, СУш)).

Прилагательное *простой* в данном значении характеризует предметы, производство которых подразумевает различную степень обработанности. Ср. основные контексты, представленные в словарях: *мука простого помола* (МАС, БТС, СОШ, СУш); *простое мыло* (БТС); *простая соль* (БТС); *сапоги простой кожи* (СУш); *простая бумага* (БАС), *писать на простой синей бумаге* (БТС); *У другой стены — простой некрашенный стол и две грубых табуретки* (Куприн, МАС).

Все словари, кроме МАСа, относят к этому значению круг употреблений, в котором прилагательное *простой* характеризует ткани и изделия из тканей; ср. *простой холст* (небеленый) (БТС, СОШ); *простые чулки* (хлопчатобумажные) (БТС,

СОШ); *Нельзя ли мне достать толстых суровых ниток? Я буду чулки вязать — простые* (Тургенев, БАС).

БАС и СУш иллюстрируют данное значение также словосочетанием *простое вино* ('водка'); СУш считает это словосочетание просторечным, а БАС — устаревшим.

1.1.7. ПРОСТОЙ: 'НИЧЕМ НЕ ОСЛОЖНЕННЫЙ'

Данное значение представлено только в БАС'е, МАС'е и БТС'е: 'данный сам по себе, без добавления, пояснения' (БАС); 'ничем не осложненный, понимаемый в прямом смысле' (МАС); 'ничем не осложненный, понимаемый в прямом, узком смысле' (БТС). Согласно всем трем словарям, данное значение реализуется только в полной форме прилагательного.

В данном значении прилагательное *простой* антонимично прилагательному *осложненный* (чем-л.) (ср. компонент 'ничем не осложненный' (МАС, БТС)) и синонимично выражениям *данный сам по себе, взятый сам по себе; один, и только, только лишь; ничего, кроме* (ср. компоненты 'понимаемый в прямом (узком) смысле' (МАС, БТС); 'данный сам по себе (без добавления, пояснения)' (БАС)). Ср. *И вот теперь что-то подсказывало полковнику, что только простое беспокойство за судьбу Веры владеет Звягинцевым* (Чаковский, МАС); *Это не простое любопытство* (БАС); *Из-за простого настроения нельзя делать человека несчастным* (А. Н. Толстой, БАС); *Работа писателей заслуживает гораздо большего, чем простое объяснение* (Паустовский, МАС); *Простое отрицание войны звучит убого* (Лебеденко, БАС); *Нельзя ограничиться простым отрицанием войны* (БТС).

1.1.8. ПРОСТОЙ: 'НЕХИТРЫЙ' [О ЧЕЛОВЕКЕ]

Данное значение в словарях современного русского языка толкуется следующим образом: 'прямой, бесхитростный, простодушный' (БАС); 'открытый, бесхитростный, прямой, не церемонный' (МАС); 'открытый, откровенный, бесхитростный, прямой; нецеремонный' (БТС); 'добродушный, простодушный, не церемонный' (СОШ); 'добродушный, нецеремонный' (СУш).

В данном значении прилагательное *простой* вступает в отношения антонимии с прилагательным *хитрый*, выражением *себе на уме* (ср. компонент 'бесхитростный' (МАС, БАС, БТС, СУш)) и в отношения синонимии с прилагательными *открытый, прямой, простодушный* (ср. компоненты 'открытый' (МАС, БТС); 'откровенный' (БТС); 'прямой' (МАС, БАС, БТС); 'простодушный' (БАС, СОШ, СУш); 'добродушный' (СО, СУш)). Словари отмечают также связь между внутренними качествами человека и его поведением, вводя в толкование компонент 'нецеремонный'¹⁸. Ср. [Куравина:] *Я женщина простая, хитрить не могу; я не умела скрыть своих чувств перед Меропой Давыдовной, не буду скрывать и перед вами.*

¹⁸ О связи представлений об отсутствии чопорности, церемонности со смыслом 'естественность' в связи с контекстом *простые нравы* см. выше, 1.1.3.

(А. Н. Островский, МАС); [*Новый пекарь*] всем нам понравился. Такой *простой и славный* — пришел, посидел, поговорил. К нам никто не ходил, никто не разговаривал с нами так, дружески (Горький, МАС); Это был человек очень *простой, добрый, смиренный и честный* (Аксаков, БАС); Я человек *простой*, скажу всё как есть (БТС); Не стесняйся его, он человек *простой* (СОШ).

В СУш выделен круг употреблений, в котором прилагательное характеризует поведение человека; ср. *простое обращение*; Он был *простой и добрый барин* (Пушкин, СУш); *Благопристойный и простой, а впрочем малый деловой* (Пушкин, СУш); Для всех гостей она была равно *проста, ровно мила* (Пушкин, СУш). Круг употреблений, в котором прилагательное характеризует внутренние качества человека, считается подзначением, производным от предыдущего значения; ср. *простой нрав*; Он человек *простой*, Дядя Ерошка *прост* был, ничего и жалел (Л. Н. Толстой, СУш). Согласно СУш, прилагательное *простой* в данном употреблении может вступать в синонимические отношения с прилагательными *добрый и щедрый* (с пометой разг. и обл.).

МАС и БТС выделяют в отдельное подзначение круг употреблений, в котором прилагательное *простой* характеризует объект как исполненный бесхитростности, простоты: ‘исполненный бесхитростности, прямооты’ (МАС); ‘проникнутый бесхитростностью, откровенностью, прямоотой’ (БТС). Ср. *простые народные песни* (БТС), *Алексей вдруг почувствовал, что простая, бесхитростная песня схватила за сердце* (Марков, МАС); *Установились простые дружеские отношения* (БТС); *С Сережей у нас быстро установились простые, дружеские отношения* (Глиэр, МАС).

1.1.9. *Простой*: ‘НЕУМНЫЙ’

Данное значение в словарях современного русского языка толкуется следующим образом: ‘недалекий по уму, глупый’ (БАС); ‘недалекий, наивный’ (МАС); ‘недалекий по уму, глуповатый, наивный’ (БТС); ‘глуповатый, недалёкий [*первонач.* неумный, глупый]’ (СОШ); ‘глуповатый, недалекий по уму’ (СУш). Согласно МАС’у и БТС’у, это значение характерно для разговорной речи.

В данном значении прилагательное *простой* вступает в отношения антонимии с прилагательным *умный* (ср. компоненты ‘недалекий <по уму>’ (МАС, БАС, БТС, СОШ, СУш), ‘неумный’ (СОШ)) и в отношения синонимии с прилагательными *глупый, наивный* (ср. компоненты ‘глупый’ (БАС, СОШ); ‘глуповатый’ (БТС, СОШ, СУш); ‘наивный’ (МАС, БТС). Ср. [Лебедекина:] *Вы либо сами очень просты, либо меня за дуручку считаете, мой друг* (А. Н. Островский, МАС); *Старикан не так прост, как кажется* (БТС); *Я думал, что ты не до такой степени прост, чтобы через две недели знакомства давать деньги займы* (Гончаров, СУш).

1.1.10. *Простой*: ‘НЕПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ’

Данное значение в словарях современного русского языка толкуется следующим образом: ‘принадлежащий к непривилегированному сословию’ (БАС, МАС);

‘принадлежащий к непривилегированному классу, сословию’ (БТС); ‘принадлежащий к непривилегированным сословиям, не дворянский’ (СОШ); ‘принадлежащий к непривилегированному классу, сословию (*дореволюц.*; первонач. недворянский)’ (СУш). Все словари отмечают, что данное значение реализуется только в полной форме прилагательного. В БАС’е отмечается также отсутствие у прилагательного в этом значении форм СРАВН и ПРЕВ. В МАС’е и СОШ значению приписана помета *устар.*, а в БТС’е — *истор.*

В данном значении прилагательное *простой* вступает в отношения антонимии с прилагательным *привилегированный* (ср. компоненты ‘непривилегированный’ (представлен во всех словарях), ‘не дворянский’ (СОШ, СУш)) и в отношения синонимии с выражениями *низкого происхождения, из низов*. Ср. *Смотри, — шепнул Матвей Анне, — вот как здесь живет нашим господам, — что уж говорить о простых людях!* (Короленко, МАС); [*Горький*], как никто, знал жизнь простого народа — грузчиков, ремесленников, крестьян, батраков, железнодорожников, рабочих, безработных, бродивших по широким дорогам России в поисках заработка (Тихонов, МАС); *Она думала, что только аристократки падают в обморок, а с простыми женщинами этого не бывает* (Панова, БАС); *А девка она была простая, т. е., вы понимаете, крепостная* (Тургенев, СУш); *Чтоб не потеснить гуляющих господ, / пускать не велено сюда простой народ* (Пушкин, СУш).

В БТС’е и в МАС’е круг употреблений, в котором прилагательное *простой* характеризует происхождение, звание, сословие, выделен в отдельное подзначение; ср. *из простого сословия кто-л.* (БТС); *А Кольцов простого происхождения* (БТС); [*Кулигин:*] *Мудрец был Ломоносов, испытатель природы... А ведь тоже из нашего, из простого звания* (А. Н. Островский, МАС).

Кроме того, БТС и СУш отмечают субстантивированное употребление прилагательного в данном значении: *Семья была из простых* (БТС); *Он был из простых* (СУш)¹⁹.

Особенностью МАС’а является выделение отдельного значения ‘принадлежащий к трудовой части общества; трудящийся’, реализующегося только в полной форме прилагательного; ср. *Простые люди всего мира*.

В данном значении слово *простой* синонимизируется со словом *трудящийся* (ср. компонент толкования ‘трудящийся’).

1.1.11. Простой: ‘НЕПОЛНЫЙ’

Толковые словари современного литературного языка фиксируют круги употреблений, лежащие вне современного литературного языка.

БАС и СУш выделяют значение ‘пустой, порожний’. Согласно БАС’у, данное значение реализуется только в полной форме. Кроме того, БАС запрещает обра-

¹⁹ В СУш отмечается, что субстантивированное прилагательное чаще принимает форму множественного числа. Данная лексическая единица снабжается пометой *дореволюц.*

зование форм СРАВН и ПРЕВ от прилагательного в этом значении. Оба словаря считают значение устаревшим, а СУш — еще и диалектным (помета *обл.*).

В данном значении прилагательное *простой* вступает в отношения антонимии с прилагательным *полный* и в отношения синонимии с прилагательными *пустой*, *порожний* (ср. представленные в обоих словарях компоненты 'пустой', 'порожний'); ср. *простая посуда*.

1.1.12. *Простой*: 'НЕЗАНЯТЫЙ'

БАС выделяет также подзначение, производное от значения 'пустой': 'свободный от работы', ср. *простая пора*. Оно характеризуется как устаревшее и диалектное.

В данном случае прилагательное *простой* антонимично прилагательному *занятый* и синонимично прилагательным *свободный*, *праздный* (ср. компонент толкования 'свободный').

1.1.13. *Простой*: 'НЕПОКРЫТЫЙ'

В БАС'е выделено значение 'непокрытый (о волосах)'. Данное значение реализуется в полной форме прилагательного, которое при этом утрачивает способность образовывать формы СРАВН и ПРЕВ. Значение снабжено пометами *уст.* и *обл.*

Прилагательное *простой* в этом значении вступает в отношения антонимии с прилагательным *покрытый* и представлено только в сочетаниях со словом *волосы* (ср. толкование).

Наконец, следует обратить внимание на словосочетание *простым глазом*, которое во всех словарях кодифицируется как устойчивое выражение, не имеющее связи с выделенными значениями. Оно синонимизируется с выражением *невооруженным глазом* и подразумевает актуализацию представления о естественном зрении человека.

1.2. ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ПРОСТОЙ*

Как хорошо видно из представленных в словарях описаний семантической структуры прилагательного *простой*, определение объема каждой из лексем и связей между ними вызывает трудности; ср., например, расхождения между словарями при определении значения прилагательного в составе словосочетаний *простой механизм*; *простые нравы*; *простая ткань*; *простое письмо*; *простой год*; *простые дробы*; *простое предложение* (см. также разделы 1.1.1—1.1.5, 1.1.8).

Вместе с тем, обзор значений прилагательного *простой* позволяет выделить несколько особенностей функционирования слова.

А) Наличие оппозиций. Следует отметить, что практически во всех значениях слово *простой* явно или неявно указывает на существование оппозиции; ср. *простой человек* VS. *особенный* (*выдающийся*) *человек*; *простой человек* VS.

аристократ; *простая теория* VS. *сложная теория*; *простая голодовка* VS. *сухая голодовка*; *простая обстановка* VS. *изысканная обстановка* и т. д. Это свойство прилагательного обуславливает другие его особенности.

Б) Немаркированность. Внутри каждой оппозиции *простой* характеризует объект как не имеющий каких-л. специфических свойств. Компонент 'не' в эксплицитной форме присутствует в толковании большинства значений (ср. также синонимичные компоненты толкований 'без-' 'лишенный'); в других случаях его можно выявить, прибегнув к перифразе (ср. 'только' = 'ничего, кроме'; 'элементарный' = 'несоставной'; 'искренний' = 'лишенный притворства')²⁰. Как и другие слова, в значение лексем которых входит отрицание, прилагательное *простой* может порождать ситуацию «обманутого ожидания», когда возникает предположение, что объект может или должен обладать некоторыми специфическими признаками или же когда необходимо подчеркнуть контраст между объектами, одни из которых имеют специфические признаки, а другие нет. В связи с этим для данного прилагательного характерны противопоставительные конструкции; ср. *не простое яичко, а золотое*; *Я равноправный член экипажа, а не простой турист* [Известия]²¹.

В) Оценочность. Поскольку прилагательное *простой* характеризует объект как неопределенный, немаркированный, оно может привносить некоторую оц е н к у объекта. В зависимости от статуса немаркированного элемента оппозиции в глазах человека или социума такая оценка может быть как отрицательной, так и положительной; ср. *Он человек простой* ('нецеремонный') [положительная оценка]; *Я простой советский товарищ* (А. и Б. Стругацкие, Стажеры) [актуализированное в советской идеологии представление о непривилегированности как о достоинстве: положительная оценка]; *Он простой как грабли* ('бесхитростный') [отрицательная оценка]; *Ему приглянулся простой шкаф* [реализация эстетического принципа «ничего лишнего»: положительная оценка]; *Она отказалась идти в ресторан, стесняясь своего простого платья* [ненарядность: отрицательная оценка].

Г) Связь с контекстом. Обращает на себя внимание необычно высокий уровень омонимии/полисемии: словосочетания, включающие прилагательное *простой*, даже в том случае, когда они являются фраземами, допускают м н о ж е с т в е н н о с т ь понимания; ср. *простая машина* [элементарное устройство] VS. *простая машина* [машина, которая при управлении не требует особых знаний или умений]; *простой человек* [обычный человек] VS. *простой человек* [не принадлежащий к привилегированному сословию]; *простой стол* [обычный стол] VS. *простой*

²⁰ Характерно, что в большинстве толкований, представленных в словарях, на первом месте стоит именно отрицание («не содержащий много элементов»; «нетрудный», «незамысловатый», «недостаточно обработанный» и т. д.).

²¹ Последний пример, как и некоторые другие, заимствован из Национального корпуса русского языка.

стол [сделанный из плохо обструганных досок]; *простые чулки* [чулки, сделанные из грубых ниток] VS. *простые чулки* [неажурные чулки]; *простая формула* [формула, содержащая малое количество составляющих] VS. *простая формула* [формула, которую легко понять]; *простая жизнь* [такая, которая обычно бывает у людей] VS. *простая жизнь* [такая, которая бывает у людей непривилегированного сословия].

Слово *простой* обладает способностью «порождать» оппозиции (и даже классификации), которые могут не отвечать общему узусу и носить достаточно индивидуальный (контекстный) характер; ср. *Примостившись на краешке письменного стола, парторг карандашом писал, кому за кем выступать, сразу определяя где, какие (бурные, продолжительные или простые) должны быть аплодисменты* (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина); *Целые ряды огромных, пузатых и миньятюрных чайников и несколько рядов фарфоровых чашек, простых, с живописью, с позолотой, с девизами, с пылающими сердцами, с китайцами* (И. А. Гончаров, Обломов).

Д) Идиоматичность. Прилагательное *простой* входит в целый ряд устойчивых словосочетаний, в частности, терминологических; ср. *простое письмо, простое предложение, простое вещество, простое число, простая бухгалтерия, простое почтовое отправление, простой карандаш*.

1.3. ИДЕИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ПРОСТОЙ

Из анализа толкований, представленных в словарях, следует, что существуют некоторые общие смыслы, актуальные сразу для нескольких значений слова.

Так, смысл 'естественность' представлен в значениях 'элементарный', 'нехитрый', 'невычурный'. Этот смысл может а) являться компонентом толкования (ср. формулировку значения 'несложный' в СУШ); б) упоминаться в комментарии к одному контексту (ср. объяснение «естественные, близкие к природе» при словосочетании *простые нравы* в БТС'е); в) подразумеваться при наличии в толковании компонента-синонима (ср. компонент 'безыскусственный' в толкованиях значения 'невычурный'); г) подразумеваться как логическое звено, предшествующее эксплицитно выраженному смыслу (ср. компонент толкований 'недостаточно обработанный', т. е. приближенный к некоторому исходному, естественному состоянию); д) быть связанным со значением прагматическим (ср. значение 'обычный': то, что обычно, привычно, воспринимается, как правило, как нечто само собой разумеющееся, естественное); е) проявляться в устойчивом словосочетании (ср. *простым глазом*).

Как видно из толкований, смысл 'естественность' понимается двояко. С одной стороны, он связан с представлением о природном состоянии или близости к нему

(ср. *сапоги из простой кожи*), а с другой стороны, с представлением о некотором исходном (но не обязательно природном) состоянии (*простые нравы*)²².

За формулировками значений могут «просвечивать» и другие общие смыслы, не упомянутые прямо.

Смысл ‘стандартность’, связанный с представлениями о наличии некоторого типа и об отсутствии своеобразия, оригинальности, представлен в значении ‘обычный’.

Смысл ‘иерархичность’, подразумевающий классификацию, частным случаем которой является оппозиция, представлен в значениях ‘неспециальный’, ‘непривилегированный’.

Смысл ‘базовость’ представлен в значениях ‘нетрудный’, ‘несоставной’. При этом базовость может пониматься не только как нечто статическое (сущностное, структурное), но и как нечто динамическое (являющееся исходным, первичным и потенциально предполагающее возможность изменения, перехода на новый уровень, усложнения и т. д.).

Вместе с тем, противопоставление исходного (первичного) и измененного (вторичного) сближается с противопоставлением необходимого и лишнего. Поэтому смысл ‘базовость’ тесно связан со смыслом ‘ограничительность’ (ср. значение ‘ничем не осложненный’).

Выделенные общие смыслы (‘естественность’, ‘стандартность’, ‘иерархичность’, ‘базовость’, ‘ограничительность’) могут сочетаться в пределах одного значения (например, все они в той или иной степени представлены в значении ‘невычурный’).

Связь этих смыслов может прослеживаться и в многозначности других слов.

Возьмем, например, слово *голый*. Его первое значение, согласно МАС’у, — ‘не имеющий на себе никакой одежды, не прикрытый одеждой; нагой’. Очевидно, что данное значение связано со смыслом ‘естественность’, т. е. с представлениями о некотором природном и, вместе с тем, исходном состоянии. Представление об исходности, как и в случае прилагательного *простой*, объединяет смысл ‘естественность’ со смыслами ‘базовость’ (ср. значения ‘ничем не покрытый’ (*голый пол*); ‘в чистом виде, без всякой примеси, добавления чего-л.’ (*голый спирт*)) и ‘ограничительность’ (ср. значения ‘проявляющийся в своем настоящем виде, ничем не смягченный, не прикрытый’ (*голое любопытство*); ‘данный сам по себе, без добавлений, пояснений, обоснований’ (*голые факты*)).

Как и в случае прилагательного *простой*, многозначность прилагательного *голый* тесно связана со смыслом ‘не’, представленным во всех значениях этого слова. Эта связь актуализирует представление о классификации, т. е. смысл ‘иерархичность’ (ср. возможные оппозиции *голый человек* VS. *одетый человек*, *голый спирт* VS. *разбавленный спирт*, *голый пол* VS. *пол, покрытый ковром*).

²² Словосочетание *простые нравы* следует, видимо, связывать с другим смыслом, см. об этом ниже.

В систему многозначности прилагательного *голый* не входит значение 'невычурный', однако словосочетание *голые стены*, приведенное в МАС'е в конце словарной статьи в блоке устойчивых выражений, демонстрирует несомненную связь с эстетическими критериями (ср. толкование 'стены без убранства, без каких-л. украшений на них').

Очевидно также сближение выражений *простым глазом* и *голыми руками*.

Можно предположить, что выделенные на основе анализа толкований общие смыслы ('естественность', 'стандартность', 'иерархичность', 'базовость', 'ограниченность') достаточно устойчивы. Каждый из смыслов включает пучок ассоциативно связанных между собой и «перетекающих» из одного в другое представлений, составляющих семантический потенциал данного смысла. Так, например, смысл 'естественность', сближаясь со смыслом 'иерархичность', предполагает классификацию объектов (в силу чего обычно актуализирует смысл 'не'), например, на существующие в природе VS. созданные человеком или же исходные VS. вторичные. В свою очередь, смысл 'базовость', также сближающийся со смыслом 'иерархичность' через представление о классификации, включает оппозиции 'элементарный' VS. 'составной' и 'исходный' VS. 'вторичный'. Таким образом, представление о классификации сближает смыслы 'иерархичность', 'естественность' и 'базовость', а оппозиция 'исходный' VS. 'вторичный' создают основу для дальнейшего сближения смыслов 'естественность' и 'базовость'.

На ассоциацию 'естественность' — 'иерархичность' — 'базовость' может указывать тот факт, что в структуре многозначности некоторых слов представлены значения 'невоспитанный' и 'непривилегированный'; ср., например: *простой, плебей*, франц. *vilain, simple*. Ассоциация 'естественность' — 'иерархичность' — 'базовость' отражается и в наличии в структуре многозначности некоторых слов значений 'бесхитростный', 'непривилегированный' и 'невычурный'; ср. *простой*, франц. *simple*, англ. *plain*. Очевидно, что эти значения не выводимы непосредственно одно из другого. Их близость объясняется связью с представлениями о наличии исходной ступени (в интеллектуальном развитии, умении вести себя или же социальной иерархии).

Ассоциация 'естественность' — 'базовость' может реализовываться в многозначности (ср. приведенные примеры, а также *дикая вишня* VS. *дикие племена*), но может оставаться неактивизированной (ср. прилагательные *природный, натуральный*, теснейшим образом связанные, прежде всего, с представлением о природе²³).

Таким образом, можно сказать, что общие смыслы связаны с процессом ассоциативного мышления, а «мерцание» тех или иных входящих в них представлений — с постоянной сменой в «потоке сознания» фокуса внимания (в результате этого то или иное представление то попадает в центр, то уходит в «ободок», «полу-

²³ Заметим, Впрочем, что идея базовости присутствует в словосочетании *натуральное хозяйство*.

ть» [Джемс 2001, 19—20]]. Свойство «текучести», связь с процессом мышления позволяет, как кажется, назвать такие общие смыслы и д е я м и.

Идея, состоящая из пучка ассоциативно связанных между собой и «перетекающих» из одного в другое представлений, обладает способностью «излучать» другие идеи; таким образом актуализация одной из них приводит к актуализации других.

Идеи, отражая процессы мышления, воплощаются в лексемах слов. Если представить себе единое семантическое поле языка, образованное лексемами, то идеи могут выступать своего рода ментальными изоглоссами, соотносимыми с компонентами смысла и выделяющими группы связанных лексем.

Идея лежит в основе значения или блока значений. Выделение блока значений предполагает, что между этими значениями существует некоторая связь. Если эта связь эксплицируется при помощи толкований, то такие толкования будут иметь общую часть. Таким образом, общая часть толкований относится ко всему блоку значений.

Между тем, идея является абстрактной единицей. Она также соотносится с блоком значений, но не равна общей части толкований. На основе одной и той же идеи могут формироваться разные значения и блоки значений. Это связано, в частности, и с тем, что каждая идея содержит в себе комплекс представлений (ср. ‘природность’ + ‘исходность’ для идеи ‘естественность’), получающих вариативную реализацию в языке²⁴.

Идея может соотноситься также не с блоком значений, а с несколькими значениями, определяя их сходство (например, контексты типа *голый человек* и *голые деревья* объединяет идея базовости, связанная со смыслом ‘не’).

При реализации в структуре многозначности разных идей значимость той или иной идеи для слова определяется количеством значений, с которыми она непосредственно связана. Так, для совр. прилагательного *простой* наиболее значима идея базовости (см. главу 4). Логическая связь между идеями, по всей видимости, должна находить отражение в типологии многозначности²⁵.

Итак, есть основания предположить, что существует такая структура многозначности, при которой логическая связь между значениями (или блоками значений) проявляется только при обращении к стоящим за ними идеям²⁶.

²⁴ Можно сказать, что идея напрямую соотносится с логической схемой многозначности.

²⁵ Примеры сходного развития многозначности будут приведены ниже, в главе 3. Можно предположить, что существуют представления, которые особенно часто оказываются в фокусе внимания и с достаточно высокой регулярностью вызывают ассоциацию тех или иных идей. Эта тенденция может быть соотнесена с особенностями мышления человека: известно, что в том случае, когда человек приобрел опыт выделения дифференциальных признаков, он и в дальнейшем будет выделять именно эти признаки. Об этом явлении как следствии закона последствия фигуры см. подробнее: [Аллахвердов 2000: 444 и сл.].

²⁶ Представление о значении как о пути от мысли к слову восходит к работам Л. С. Выготского.

Можно предположить также, что идеи как таковые (а круг их еще предстоит выявить), достаточно стабильны, тогда как их воплощения в языке вариативны во времени и пространстве.

Гипотеза о том, что идеи обладают порождающей и системообразующей функциями, будет подробнее рассмотрена на примере истории развития многозначности прилагательного *простой*²⁷.

Глава 2. Этимология прилагательного *простой*

2.1. Основные гипотезы относительно происхождения праслав. **prostъ*

Прилагательные, имеющие основу **prost-*, представлены только в славянских языках. Относительно этимологии праслав. **prostъ* существует несколько гипотез. С точки зрения разбиения основы слова и, следовательно, реконструкции исконной семантики, существующие гипотезы можно объединить в четыре группы.

2.1.1. **Prostъ*: ‘выдающийся вперед или вверх’

Самая распространенная гипотеза, которой придерживается большинство этимологов, представлена в этимологических словарях русского языка А. Г. Преображенского и М. Фасмера. Согласно этой гипотезе, прилагательное *простой* восходит к праслав. слову **prostъ*, в котором выделяются: префикс **pro-* и корень **sthos-* (ср. праславянские глаголы **stojati*, **stati*), восходящий к и.-е. **stā-* : **stē-* ([Преображенский II: 134—135; Фасмер III: 380; Черных II: 72])²⁸. С этой этимологией связаны четыре реконструкции первичного значения прилагательного.

Большинство этимологов реконструируют для праслав. **prostъ* значение ‘прямо стоящий’ (см.: [Преображенский II: 134; Черных II: 72]). В этом случае прилагательное характеризует объект как вытянутый прямо по вертикали. Предложено также считать первоначальным смысл ‘стоящий впереди’ (ср. лат. *probus*: [Prellwitz 1897: 112]), что предполагает локализацию характеризуемого объекта относительно другого на горизонтальной оси. М. Фасмер соотносит прилагательное **prostъ* с др.-инд. *prastha-* ‘горная равнина, площадь’ и ирл. *ross* ‘лес, мыс’ и реконструирует его первоначальное значение как ‘выступающий’ [Фасмер III: 380]. Здесь, видимо, имеются в виду как горизонтальная, так и вертикальная оси. Наконец, в

²⁷ В данной части использованы следующие источники: SS; СтСл; СРЯ XI—XVII вв.; СДРЯ XI—XIV вв.; Словарь XVIII; СПушк; Даль I—III (Даль); СРНГ; Срезневский I—III; а также материалы Картоотеки Словаря русского языка XI—XVII вв.

²⁸ Ср. реконструкцию, представленную в этимологическом словаре старославянского языка, выпускающемся чешской Академией наук, согласно которой праслав. **prostъ* восходит к и.-е. **pro-stH₂-o* (приставка **pro-* и нулевая ступень аблаута от корня **stH₂-*) [ESJS 12: 728].

этимологическом словаре чешской Академии наук праслав. **prostъ* также соотносится с др.-инд. *prastha-*, однако при этом исходным считается значение ‘прямой’ (*‘přímý’*) — без конкретизации оси ([ESJS 12: 728]; ср. реконструируемое значение ‘прямой, ровный’ в [Варбот 1993: 30]).

Можно сказать, что во всех случаях речь идет о характеристике объекта как такого, который вы д а е т с я вперед (т. е. находится *перед* каким-л. объектом) либо вверх (т. е. находится *над* землей).

2.1.2. **PROSTЪ*: ‘СВОБОДНЫЙ’

С критикой традиционной этимологии выступил В. Шаур [Шаур 1981: 55—59]. Он обратил внимание на то, что в славянских языках нет прилагательных, образованных от глагольных основ путем отсечения их части и прибавления префикса. Префиксальному прилагательному, по мысли В. Шаура, должен соответствовать глагол с таким же префиксом, тогда как глагола **prostati* не существует, а образования, связанные с глаголом **prostojati* семантически никак не связаны со значением прилагательного **prostъ*.

В. Шаур предположил, что данное прилагательное следует возводить к *i*-глаголу **prostiti*, содержавшему в себе смысл ‘не’ и означавшему ‘сделать так, чтобы кто-то не был наказан’. Согласно В. Шауру, прилагательное **prostъ* образовано от **prostiti* по той же модели, по которой **splěpъ* образовано от **splěpiti* и т. д.²⁹

В соответствии с данной этимологией В. Шаур полагает, что первоначально прилагательное **prostъ* обозначало ‘свободный’.

Отметим, что прилагательное *простой* с глаголом *простить* соотносят и другие этимологи, однако они полагают, что словообразование шло в обратном направлении: **prostъ* > **prostiti* (см., например, [Фасмер III: 380]).

2.1.3. **PROSTЪ*: ‘РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ПО ПОВЕРХНОСТИ’

Ф. Миклошич полагал, что прилагательное **prostъ* образовано путем сокращения из **prostrъ* (корень **strъa*) ‘разостланный’ и, следовательно, сближал *простой* со словами *простереть*, *простор* ([Miklosich 1886: 321]; гипотеза изложена в [Преображенский II: 134; Фасмер III: 380; Шаур 1981: 56]). Но, как замечает В. Шаур, от глагола **prostъrěti* не могло образоваться **prostrъ*.

²⁹ На более глубоком уровне В. Шаур устанавливает связь данного глагола с незафиксированным глаголом **predti* (**presti*), в котором реализуется основа с аблаутом *-e-*. В свою очередь, этот глагол соотносится им с и.-е. **(s)per-d(h)-* (полный корень, редуцированный суффикс): **(s)pr-ed(h)-* (редуцированный корень и полный суффикс) : **(s)pr-e-n-d(h)* (назализованный вариант) со значением ‘быстро двигаться’ (ср. например: нем. *spreizen, spritzen, spurt*; лит. *spřesti* ‘быстро решить’; др.-инд. *spardhate* ‘воевать’). Таким образом, предполагается наличие семантической связи между представлениями об интенсивном движении (перемещении) и каузацией возможности такого движения.

Сходную семантику приписывал прилагательному **prostь* и А. А. Потебня. Сближая основу *прост-*, в которой он выделял основу **pros-* и формант *-ть*, с основной *пласт-*, Потебня считал, что первичным значением было 'простертый', откуда развились значения 'прямой в вертикальном и горизонтальном положении', 'прямой' (перен. значение), 'несвязанный', 'свободный', 'невиновный' ([Потебня 1880: 187—188; Преображенский II: 134—135]).

Данная гипотеза предполагает, что первоначально объект характеризовался как распространенный по горизонтальной плоскости.

2.1.4. **PROSTЬ*: 'ОБЫКНОВЕННЫЙ'

Х. Станг, В. Махек и некоторые другие этимологи связывают **prostь* с лит. *prāstas* 'привычный, обыкновенный', пассивным причастием прошедшего времени к *practa, prāsto, prasti* (ср. лит. *prasti* 'понимать', *paprasti* 'привыкать'), и возводят праславянскую форму к причастию **prottos* 'обычный, ежедневный' ([Stang 1966: 345; Stang 1970: 83]; см. также подробное изложение гипотезы в [Шаур 1981]). Однако, по мнению исследователей, форма **prottos*, содержащая аблаутовое *-o-*, предполагает аблаутовую основу **pret-* : **prot-*, а подобные основы обычно образовывали отглагольные прилагательные при помощи суффикса *-n-* (т. е. от глагола **protiti* должна была быть образована форма **protijenz*).

2.2. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СИЛА ГИПОТЕЗ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ МНОГОЗНАЧНОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ПРОСТОЙ*

Очевидно, что гипотеза о «первичном» значении слова должна обладать двойной объяснительной силой.

1) Гипотеза о «первичном» значении слова подводит «итог» реконструкции основы, устанавливает «предел смысловых потенций слова» [Топоров 1986: 208]³⁰.

2) Гипотеза о «первичном» значении слова формулирует смысл, лежащий в основе дальнейшего развития его многозначности. Можно говорить, что гипотеза о «первичном» значении слова, являясь результатом деконструкции смысла, должна также обладать способностью «про-конструкции»: «этимология не просто отрасль исторического языкознания, фиксирующая некоторое исходное состояние, но и смыслостроительная дисциплина, объясняющая (> конструирующая) связи внутри семантической структуры слова» [Топоров 1986: 208—209].

³⁰ В. Н. Топоров обращает внимание на то, что существуют «особо отмеченные слова, являющиеся наиболее существенными конструктами модели мира» (передающие некоторые ключевые понятия), с очевидностью демонстрирующие иллюзорность понятия «окончательной (абсолютной, единственно правильной)» этимологии для некоторых классов слов [Топоров 1986: 207—208].

Иначе говоря, «первичный» смысл «праслова» должен иметь два вектора — от многозначности, фиксирующейся для его рефлексов, представленных в разных языках, к реконструируемой семантике³¹ и от реконструируемой семантики к реально существующей многозначности.

В двух гипотезах из четырех, представленных выше, указывается, что праславянское прилагательное **prostъ* описывает расположение объекта в пространстве ('выдающийся вперед или вверх', 'распространенный по поверхности'), тогда как в двух других предполагается, что оно характеризует свойство ('обыкновенный') или состояние ('свободный') объекта.

В ряде славянских языков (представляющих все три ветви славянских языков — в.-сл., ю.-сл. и з.-сл.) прилагательные, восходящие к праслав. **prostъ*, указывают на вертикальное положение объекта в пространстве: ст.-сл. *простъ*, др.-рус. *простый*, блр. *просты*, болг. *прост*, пол. *prosty*, в.-луж. *prosty*, н.-луж. *pšosty*. Однако ни свойство 'обыкновенный', ни состояние 'свободный' не могут быть положены в основу многозначности, внутри которой могло бы возникнуть такое употребление.

Смысл 'распространенный по поверхности' также вряд ли мог развить данное значение, поскольку предполагает соотнесение с протяженностью во все стороны, что делает затруднительным замену компонента 'горизонталь' на компонент 'вертикаль'³².

Таким образом, перспектива развития многозначности прилагательных, представленных в славянских языках, возвращает к традиционно принятой гипотезе, согласно которой основа **prostъ* делится на префикс **pro-* и корень **sthos-*, представленный в усеченном виде, и обозначает 'выдающийся вперед или вверх'.

Данная гипотеза, как следует из рассуждений В. Шаура, сталкивается с изолированностью реконструированной словообразовательной модели в славянских языках. Отметим, впрочем, что этимологи видят реализацию той же словообразовательной модели в слове *наст*: «Образовано аналогично **простъ* (**рго-* и к. **stā-*; см. *простой*) из **на-стъ*» ([Фасмер III: 47]; повторено в [Черных I: 560]); ср. «Очевидно, что следует обратить внимание на факт фиксации различных парадигматических вариантов *наст*, *наста*, *насто*, что может свидетельствовать в пользу исходной адъективной формы, аналогичной **pro-stъ*» [ЭССЯ 23: 101].

Префикс **pr-* и корень **st(h)-* : **st(h)ā-* выделяются этимологами в ряде имен, засвидетельствованных в индоевропейских языках; ср. лат. *postis* 'столб' (из **por-*

³¹ Ср., например, гипотезу Ж. Ж. Варбот о существовании прилагательного **pěšъjь II*, соотносимого не с корнем **pěd-*, а с глаголом **pъxati*, **pъxati* ('толкать, колотить', 'обдирать толчением зерно от шелухи'), в основу которой легли лексемы яросл. *пеший* ('порожний (о посуде)'), болг. диал. *пешак* ('целиком очищенная кукуруза'), возникновение которых невозможно объяснить, исходя из семантики **pěšъjь I* [Варбот 1973].

³² *Про-странство* предполагает *рас-пространение* по горизонтали в разные стороны от центра к периферии. О рефлексах и.-е. **pro-ster(n)-* / **pro-stor(n)-*, восходящих к корню **ster_gn-*, **sterh₃-* и их интерпретации см. [Топоров 2004б: 15—19].

sti-s), др.-инд. *prsthá-m* 'спина', авест. *par-šti-š* 'спина', ср.-нем., ср.-нидерл. *vorst* 'вершина кровли' (из **for-stō*), др.-в.-нем. *first* 'вершина', греч. *παριστάς* 'стоящая возле, колонна', *παστάς* 'портик, колоннада' лит. *piřstas*, лтш. *pirksts*, др.-прус. *pīrsten* 'палец', ст.-сл. *прѣсть* [Pokorny, I: 813; Osthoff 1898: 1 и сл.].

Образования на основе корневого форманта **st(h)-* с препозицией другого элемента представлены в индоевропейских языках. Так, Ю. В. Откупщиков, обращаясь к вопросу о происхождении лит. *prāstas* и лтш. *prasts* и возражая против гипотезы о том, что они были заимствованы из славянских языков³³, отмечает, что рассматриваемые прилагательные входят в достаточно широкий словообразовательный ряд: ср., например, лит. *ap-stas*, *ap-stūs* 'обильный'; *āi-stas* 'отдаленный' *pāstas* 'последний'; лтш. *niū-stan* 'прочь' [Откупщиков 1986: 94—96]³⁴. Ср. также др.-инд. *susṭhū-* 'находящийся в хорошем состоянии' (*sū-* придает слову высшую степень качества), греч. *δύστηνος* 'несчастный', *θέμιτος* 'законный' [Фасмер III: 380]. Возможно, соответствующая словообразовательная модель относится к числу древнейших, и ее реликты, в том числе с интересующей нас глагольной основой, рассеяны по разным индоевропейским языкам³⁵.

2.3. СЕМАНТИКА ПРАСЛ. **PROSTŲ*: ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Возвращаясь к вопросу об исходной семантике слова, следует заметить, что для восстанавливаемых этимологами праславянских основ вряд ли возможно реконструировать значение (или систему значений) в собственном смысле этого термина³⁶. Вместе с тем, морфемы, составляющие древние основы, могут быть соотнесены с некоторыми смыслами.

2.3.1. ПРЕФИКС **PRO-*

Праславянский префикс **pro-* восходит к и.-е. **prō*, чередующемуся с **prō* (**pro-*: **prā-*)³⁷. В большинстве случаев рефлексy **pro-*: **prā-* указывают на точ-

³³ См., например [Фасмер III: 380].

³⁴ Следует отметить также, что система зафиксированных значений, например, лит. *prāstas* значительно отличается от той, что представлена для прилагательных с основой **prost-*, представленных в славянских языках (ср., например, блок «негативных» значений — 'изнурительный', 'тяжелый'; 'непригодный', 'неприспособленный', 'слабый'; 'ничтожный', 'плохой'; 'злой', 'дурной' — и отсутствие «пространственных» лексем).

³⁵ Возможно, словообразовательная модель префикс + усеченный корень представлена в праслав. **jъzkrъ* (ср. др.-рус. *искръ*, *искрѣний*), восходящий к и.-е. **(s)ker-*: **(s)krē-*: **(s)krō-* 'отделять', 'разрезать', 'резать'.

³⁶ Подобная задача может ставиться разве что для слов, входящих в свод праславянских минимальных текстов (словосочетаний). О зависимости надежности этимологии от длины «исторически отождествляемых последовательностей» см. [Иванов 1986: 66].

³⁷ Покорный соотносит **pr-*, **prō*, **prō* с **per-* [Pokorny, I: 810—818]. Ср. ностратические соответствия в [Иллич-Свитыч 1968: 339]. Представленный в работе В. М. Иллича-

ку (промежуточный этап), через которую проходит движение; ср. ст.-сл. *про* ‘через, сквозь’, укр. *про*, блр. *пра*, болг. *про* ‘сквозь, через’, макед., с.-х. *про*- глагольная приставка со значением ‘сквозь’, словен. *pro*- глагольная приставка со значением ‘сквозь, через, мимо’, лит. *pra*- ‘насквозь, мимо, через’, прус. *pra* ‘через’ (см. подробнее в [Пичхадзе 2003: 175, 177]).

Значение ‘через’ восстанавливал для данной морфемы Ю. Покорный, членивший праслав. **prostъ* на **pro*- и расширительный элемент *-stъ* [Pokorny, I: 814].

Значение ‘через’ подразумевает наличие начальной и конечной точки. Семантика движения (прохождения ‘через’) связана, с одной стороны, с представлением об удалении,³⁸ а с другой стороны, с представлением о достижении некоторой конечной точки; ср. лат. *pro*-, греч. *про*, авест. *frā*, др.-инд. *prā*- ‘вперед’, гот. *fra*- приставка, указывающая на продление, удаление, законченность действия [Пичхадзе 2003: 176—177]³⁹.

2.3.2. КОРЕНЬ **sthos-*

Данный корень восходит к и.-е. корню **stā* : **stā* : **sta-*, имеющему множество рефлексов в индоевропейских языках ([Pokorny, I: 1004]; ср. [Гамкрелидзе, Иванов I: 159, 166, 295; II: 885])⁴⁰.

В. Н. Топоров, посвятивший смыслу глагола *стоять* специальную работу, относит данный глагол к ключевым словам, некогда составлявшим «языковой и понятийный каркас как космологических, так и антропологических текстов» [Топоров 1996: 27].

Особенность данного глагола состоит в том, что он может осмысляться с разных точек зрения:

Свитыча материал демонстрирует связь соотносимых формантов (алт. **p'erä*, **p'ärä*; урал. **perä*; драв. **pir*; картв. **pir*; сем.-хам. **pr*) с представлением о границе (пределе) или крайней (конечной) точке; ср., например: нан. *päräg* ‘дно’; фин. *perä* ‘задняя часть’; тамил. *piraku* ‘задняя сторона’; морд. ст. *pira* ‘вершина, голова’; груз. *pir* ‘рот, лицо’; араб. *far* ‘кончик уха, край ветки’. Ср. гипотезу о соотносительности древнего **pra-*, связанного с и.-е. **per-/por-* с представлением о границе, пределе в [Иванов, Топоров 1978: 232].

³⁸ Представление об удалении легло в основу значений ‘относительно, о’ [Пичхадзе 2003: 177]. Как хорошо известно, понятия, связанные с движением, имеют тенденцию переходить в другие сферы (см. [Цивьян 1990: 74—75]); ср. префикс *пра-* в терминах родства, демонстрирующий переход ‘пространство’ → ‘время’ [Пичхадзе 2003: 175].

³⁹ Данную пространственную координату можно связать с целенаправленным поступательным движением, с физическим освоением пространства (ср., например, реконструкцию такого типа движения для архаичной картины мира китайцев в [Тань Аошуан 2004: 201]). О связи ситуации *через* с идеей движения в современном русском языке см. [Рахилина 2000: 269 и сл.].

⁴⁰ А. С. Мельничук возводит данный корень к «элементарному» корню **ts-* ‘ставить’ [Мельничук 1986: 139].

1) *стоять* VS. *сидеть, лежать* (положение в пространстве);

2) *стоять* VS. *идти, бежать*... (фиксированность положения VS. определенный тип передвижения);

3) *стоять* как результат действия *встать* (вставания)⁴¹.

Глагол *стоять* указывает на наличие твердой, устойчивой опоры внизу и направленности прямо вверх (ср. толкование 'находиться в вертикальном положении [о человеке: на ногах]'). Он может также связываться с представлением об отсутствии движения или же о прекращении движения⁴².

Однако для семантической истории прилагательного *простой* представляют интерес такие контексты использования глагола, в которых он получает особое осмысление.

Поскольку вертикаль, в частности, воспринималась как ось, соединяющая Небо и Землю, ситуация стояния (обращенности вверх) могла нести специальную семантическую нагрузку. На это указывает, например, тот факт, что стояние является основным предикатом *axis mundi*: «Эта выделенность стояния мотивируется тем, что в нем сочетаются две, казалось бы, взаимоисключающие идеи — устойчивости, прочности, опорности, неподвижности, стабильности-гарантированности, с одной стороны, и способности к восхождению-возрастанию (ср. *стоерос(т)овое дерево*), подвижности, динамизму, открытости, к шансу в изменяющемся мире, с другой стороны» [Топоров 1996: 35].

Ситуация стояния могла выступать как особо маркированная и в том случае, когда субъектом стояния являлся человек.

1) Ситуация стояния осмыслялась как знак жизни (ср., например, *восстать из мертвых*): «То, что символом жизни является не движение, не дыхание (как в бытовых ситуациях: он еще дышит, обнаруживает признаки движения; значит, он еще жив), а именно стояние, — пишет В. Н. Топоров, — свидетельствует, видимо, и об особом типе стояния, об особой разновидности жизни, при которой физическая неподвижность стоящего как бы восполняется, компенсируется высшей подвижностью духа, его восприимчивостью, отзывчивостью, энергией, активностью (...)»

⁴¹ В. Н. Топоров относит две первые оппозиции к «внешнему контексту» глагола *стоять*, а третью — к «внутреннему контексту», включающему элементы *встать* — *стоять* — *стать* — *ставить*: «нельзя стоять без того, чтобы не встать; нельзя стать, т. е. приобрести некий новый и важный статус, без того, чтобы не стоять; нельзя ставить (полагать) без того, чтобы не стать; ибо речь идет о таком по-ставлении — у-ставлении, которое и составляет сам творческий акт, его смысл, и предполагает Творца, демиурга» [Топоров 1996: 27—28, 30].

⁴² Ср. возможность указывать на «статическое» инерционное природное стояние «с его идеей *status quo* (ср. *стоят морозы, ведро, даже дожди, наряду с идут; Туман стоит; Дни стояли пасмурные; Погода стояла великолепная; Стоит сухая осень* и т. п.), а также на стояние как «нарушенное движение или неосуществленное предназначение (*Часы стоят; Поезд стоит; Стоит весь транспорт; Стоят пешеходы* и т. п.)» [Топоров 1996: 80].

Если не стоять значит умереть, быть *покойником* (: *покой*), т. е. неподвижным, лишенным движения, то стоять должно пониматься как состояние движения и жизни» [Топоров 1996: 29—30].

2) Ситуация стояния осмыслялась как особое «транс-физическое» состояние, подразумевающее сосредоточенность, замкнутость на некоторой внутренней необходимости, соприсутствие чему-то высшему вне себя (Богу, нравственному закону и т. д.) или в себе самом (религиозному подъему, поэтическому вдохновению); ср. *стоять, как перед Богом, стоять на молитве, стоять за правду* [Топоров 1996: 28—29].

3) Ситуация вставания-стояния осмыслялась как акт, позволяющий соединить усилия человека, обращающегося к высшим силам (движение снизу вверх; ср. воздвижение креста, столпа, шеста; вознесение молитв; возведение рук), и самой высшей силы (движение сверху вниз) [Топоров 1996: 18—19, 35]⁴³.

Во всех этих случаях очевидной становится кажущаяся на первый взгляд парадоксальной связь глагола *стоять* с представлением о движении⁴⁴. Стояние как символ жизни воплощает представление о росте. Кроме того, стояние, с одной стороны, является результатом физического движения снизу вверх (для того, чтобы *стоять*, нужно *встать*); с другой стороны, оно может восприниматься как состояние внутренней направленности снизу вверх (внутреннего подъема), возникающего как бы по инерции: «в неподвижном уже вставшем субъекте стояния зарождается иное движение, иной подъем — духа, мысли, сознания, творчества» [Топоров 1996: 30]⁴⁵.

Таким образом, глагол *стоять* обладал следующими особенностями:

⁴³ В. Н. Топоров относит ситуацию вставания-стояния к «наиболее сильным мифоритуализированным кинемам общего характера» [Топоров 1996: 33].

⁴⁴ Ср. соотношение предиката *стоять* с представлением о функциональности в [Рахилина 2000: 288—294]. Вместе с тем, как уже говорилось, предикат *стоять* может соотноситься с представлением о нефункциональности.

⁴⁵ Согласно В. Н. Топорову, «сильное» движение, «движение *par excellence*» было вертикальным, направленным снизу вверх (и именно оно передавалось глаголом **dvig(a)ti* [Топоров 1996: 23]. Многократно отмечалось, что движение по вертикали часто имеет характер «продуцирующего магического действия, способствующего росту, возрастанию» [Толстая 1996: 100]; ср., например, магические действия, связанные с урожаем, заключающиеся в подбрасывании на поле яиц или ложек в Юрьев день или на Вознесение [Агапкина 1996: 220—221]. Представление об интенсивном движении вверх (рост, подъем) легло в основу названий человека; ср. этимологию слова *человек*, предложенную В. Н. Топоровым: от и.-е. **kel-* ‘возрастать, подниматься’ и **uoik*, обозначающего «жизненную энергию высокого напряжения» [Топоров 2004б: 29], а также соотношение основы *люд-* с идеей роста, произрастания растений [Гамкрелидзе, Иванов II: 477]. О связи ‘расти’ → ‘быть’ на ностратическом уровне см. также: [Иллич-Свитыч 2003: 184—185].

1) способностью указывать не только на физическое стояние человека (= физическому стоянию неодушевленного субъекта), но также и на его особое духовное и ментальное состояние;

2) внутренней связью с представлением о движении снизу вверх⁴⁶.

2.3.3. СОПОЛОЖЕНИЕ МОРФЕМ

Итак, в самом общем виде можно сказать, что праславянское прилагательное **prostъ* содержало смыслы 'вертикаль' и 'через', которые потенциально связывались:

1) с указанием на такое положение объекта в пространстве, при котором он находится перпендикулярно к земле;

2) с указанием на движение, направленное к конечной точке.

Связь этого прилагательного с глаголом *стоять* очевидна; ср. переход 'находиться в вертикальном положении' (*стоять*): 'находящийся в вертикальном положении' (*стоящий, простой*).

Говоря о соотносимых с праславянскими морфемами смыслах, следует, по всей видимости, учитывать, что они имеют двойную перспективу. Во-первых, они сами по себе являются результатами некоторого предыдущего развития. Так, смыслы 'вертикаль'/'горизонталь' и 'через', вероятно, связаны с более общими смыслами 'ось' и '(про)движение'. С другой стороны, эти смыслы, какой бы ни была история их становления, которая уходит в глубь дописменного периода и судить о которой затруднительно, если не сказать невозможно, определяют последующее семантическое развитие основы. Можно сказать, что реконструируемые смыслы являются и с т о ч н и к о м семантического развития основы. В этом источнике, а точнее, в потенциальной возможности «суммарного прочтения» смыслов, заложена множественность путей эволюции слова.

Если говорить о «суммарном прочтении» смыслов, реконструируемых для основы **prostъ*, то можно предположить, что потенциально она могла соотноситься:

1) с представлением о статическом стоянии, т. е. о направленности вверх (в этом случае значение префикса нейтрализуется);

2) с представлением о динамическом стоянии, так сказать, устремленности вверх (в этом случае движение снизу вверх, на которое потенциально указывает глагольный корень благодаря смыслу 'вертикаль', находит эксплицитное выражение в префиксе, указывающем на продвижение от начальной точки к конечной);

3) с представлением о пролегании, т. е. направленности и одновременно устремленности вперед: поскольку смысл 'через' может подразумевать, что движение к конечной точке происходит как по вертикали, так и по горизонтали, существовала

⁴⁶ Этими особенностями, конечно, не исчерпывается семантический потенциал корня **stā*; ср., например, представление об установлении, учреждении некоторых норм (законов), предполагающих, видимо, движение сверху вниз [Иванов, Топоров 1978: 232—234].

также потенциальная возможность использования прилагательного для характеристики объектов, расположенных горизонтально (в этом случае нейтрализации должно было подвергаться значение корня).

2.3.4. ВЕРТИКАЛЬ VS. ГОРИЗОНТАЛЬ → ВЕРТИКАЛЬ & ГОРИЗОНТАЛЬ

Представление о вертикали неразрывно связано с представлением о горизонтали. Можно предположить, что актуализация одного из осевых направлений создавала потенциальную возможность для актуализации другого⁴⁷. Связь между направлениями осуществляется через представление о движении от начальной точки к конечной: вверх или же вперед⁴⁸.

Как хорошо известно, движение по вертикали и по горизонтали связаны и на символическом уровне. Так, движение по горизонтали воспринималось как распространение вовне по отношению к некоторому центру — сакральной точке, отмеченной сакральной вертикальной осью (алтарем, храмом, крестом и т. д.) [Топоров 1982а: 352—353; Топоров 1982в: 340—342; Топоров 2004б: 19—20]. Таким образом, движение, с одной стороны, от Земли к Небу, а с другой стороны, от центра к периферии обеспечивало связь частей мира, «а следовательно, его целостность и нормальное функционирование» [Топоров 1996: 46—47].

Сближение вертикали и горизонтали отражено во многих «пратекстах»; при этом прототипом вертикали выступает дерево, а горизонтали — дорога. Связь между дорогой и деревом могла обуславливаться ситуацией прокладывания дорог через лес или через болото. В первом случае строительство дороги связывалось с выкорчевыванием деревьев⁴⁹, во втором, — с сооружением настилов из стволов деревьев⁵⁰.

⁴⁷ Ср. праслав. **osъ* (*ось*), восходящее к корню **ag'*-, представленному также в лат. *axis mundi* [Топоров I: 134]. На перенос номинации с одной оси на другую при смене направления взгляда говорит также отмечающийся для др.-рус. языка параллелизм 'имеющий большую глубину от поверхности до дна': 'имеющий большую глубину от края вглубь'; ср. *глубокая яма* : *глубокая пещера* (для совр. русского языка описано в [Рахилина 2000:122]). Вместе с тем, эти две оси, видимо, могли, воспринимаясь в комплексе, осваиваться в языке по-разному, асимметрично; ср., например, противопоставление «равнинного» («плоскостного») и «горного» мышления [Яковлева 1994: 31]. С другой стороны, следует отметить, что одна и та же ось может иметь разное членение в языке в зависимости от направления взгляда наблюдателя; ср. *глубокий* 'имеющий большую глубину' VS. *высокий* 'имеющий большую высоту', а также наречия *вперед* VS. *назад*.

⁴⁸ В. Н. Топоров противопоставляет «сильное» движение по вертикали «слабому» движению по горизонтали [Топоров 1996: 23]. О противопоставлении двух типов движения см. также в [Толстая 1996: 100].

⁴⁹ О типологии названий дорог в славянских и и.-е. языках см. [Куркина 1971; Коломиец 1986].

⁵⁰ См., например, описание устройства дороги возле Корли (Ирландия, железный век), опирающееся на результаты археологических раскопок и письменные свидетельства, в [Бондаренко 2003: 29].

Связь между дорогой и деревом могла носить и символический характер. Ср. загадки, сближающие дорогу и дерево (столб, брус...): *Когда свет зародился, тогда дуб повалился и теперь лежит; Лежит брус на всю Русь, а станет — до неба достанет; Лежит брус на всю Русь, встанет, так до неба достанет, а ляжет, так всю Русь обойдет* [Топоров 1996: 46—47; Топоров 1998: 121—122; Агапкина 1999: 61; Левкиевская 1999: 129; Петрухин 2004: 253]⁵¹. Представление о пути, соединяющем «этот» мир с «другим», могло воплощаться как в образе мирового древа (связь «этого» земного мира с «верхним» и «нижним»), так и в образе дороги (связь «этого» мира с «чужим»); ср. мотив срубания дерева в славянских колядках в связи с мощением мостов для проезда Овсена, Нового Года, Христа [Петрухин, 2004: 253]. Одновременно и дерево и дорога могли служить воплощением представлений о жизненном цикле как таковом, о пути от рождения (зарождения) к смерти.

Связь между горизонталью и вертикалью прослеживается в развитии семантики ряда слов, для которых актуальны представления о движении к некоторой конечной точке.

Мотив задания горизонтального направления, проведения прямой линии как сакрального акта ярко представлен в истории развития и.-е. корня **rēg'-* : *rēg'-* [Pokorny, I: 854—857; Гамкрелидзе, Иванов II: 751; Бенвенист 1995: 249—252; Топоров 1974: 12—18; Топоров 2004б: 12—13; Бондаренко 2003: 21]. Вместе с тем, этот корень мог переосмысливаться в «вертикальной перспективе».

Рефлексы данного корня могут указывать:

1) на прямую линию (горизонтальную или вертикальную), направление; ср., например: др.-инд. *rjū* ‘прямой’, *rājiḥ* ‘рез, линия, ряд’, *rāṣam* ‘в прямом направлении’; *rñjāti* ‘устремляться вперед по прямому пути’; греч. *ὀρέγω* ‘исходя из занимаемой точки, проводить вперед прямую линию’; ‘двигаться вперед по прямой’⁵², *ὀρεκτός* ‘прямой’, *ὀριγνάομαι* ‘устремляться вперед’; лат. *regio* ‘линия’⁵³, *regula* ‘инструмент для проведения прямой линии, линейка’, (*di*)*rectus* ‘прямой, отвесный’, *recta regione* ‘по прямой линии’, *regione occidentis* ‘в западном направлении’, *e regione* ‘по прямой линии’, ‘напротив’; готск. *rhaiths* ‘по прямой линии’;

⁵¹ Представляет особый интерес ирландский миф об одновременном «проявлении» пяти деревьев и пяти дорог в день рождения короля Кона, которое свидетельствует об акте вторичного творения, установления порядка [Бондаренко 2003: 55 и сл., 266]. При этом характерно, что Великая дорога (Шлиге Мор), воспринимавшаяся как горизонтальная ось, делящая Ирландию, в метрических диннхенхасах названа «столбом деления Ирландии» [Бондаренко 2003: 93].

⁵² Как отмечает Э. Бенвенист, у Гомера *ὀρῶρεχται* (*ὀρῶρεχато*, эп. вариант *ὀρέγω* ‘простирать(ся)’) передает движение коней, вытянувшихся в прыжке.

⁵³ Согласно Э. Бенвенисту, исходное значение данного слова — точка в движении ‘по прямой’. В языке птицегадателей *regio* обозначает ‘точку в конце прямой линии, проведенной по земле или в небе’, откуда ‘пространство, заключенное между двумя такими прямыми, проведенными в разных направлениях’ [Бенвенист 1995: 251—252].

2) на быстроту передвижения; ср., например: греч. ἀργός ‘быстрый’, ἀργίτης ‘быстроногий’;

3) пространство, часть пространства; ср., например: др.-инд. *rājas* ‘пространство’, *rājasī* ‘небо и земля’, *rājias* ‘широкий’; лат. *regio* ‘область’; греч. ὄρυγία ‘пространство между двумя разведенными руками’;

4) сакральные акты и их субъекта; ср., например: авест. *raz-*, *razan-* ‘порядок’; лат. *erigere* ‘возводить [о сакральных объектах]’, *lituo regiones terminare* [проведение небесной линии авгурским жезлом], *e regione* ‘по прямой [в ритуальных клише]’, *regiones* [линии рассечения, которые делались жрецом при жертвоприношении]⁵⁴, а также названия верховного правителя (и государства), особенно хорошо представленные в итало-кельто-германском регионе: др.-инд. *rājan* ‘царь’, *rājati* ‘царствовать’, галльск. *rix* ‘царь’ (*Dumno-rix*, *Ver-cingeto-rix*); лат. *rēx*, *regere*, др.-ирл. *rī*, Gen. *rīg*, *rī tuaithe* ‘глава туата’; готск. *reiks* ‘повелитель’, *reiki* ‘царство’, др.-в.-нем. *rīhhi* ‘царство, государство’.

Как неоднократно отмечалось, данный корень указывает на жреческие функции верховного правителя. В его функции входило установление пространственных границ (ср. *regere fines* — ритуальное действие проведения прямой линии, границы участка, которое предшествовало сооружению объекта — храма, города и т. д.) и временных ориентиров, а также создание свода правил поведения морально-юридического характера [Бенвенист 1995: 252; Топоров 1974: 12—13; Топоров 2004б: 13].

Итак, верховный правитель не только указывал направление движения от сакрального центра (ср. лат. *erigere pontem*), но и возводил вертикаль, обращенную к Небу (ср. лат. *erigere*).⁵⁵

Можно предположить также, что изначально указание на горизонтальную ось содержалось и в основах, к которым восходят совр. *правый* и *прямой*.

Согласно традиционной гипотезе, праслав. **pravъ* (⟨правый⟩), членится на префикс, восходящий к и.-е. **prō-* и показатель **vos-* (из и.-е. **uesu-*) ‘хороший’ (и.-е. **pro-bhuos*; ср. лат. *probus* ‘добрый, честный’, др.-инд. *prabhū́s* ‘выдающийся, превосходящий’) [Рокоту I: 814—815; Фасмер III: 352], что, видимо, подразумевает оценочную семантику прилагательного; ср. у Преображенского: ‘какой должен быть’ (т. е. направленный к хорошему) [Преображенский II: 121].

Другая этимология предложена Ш. Ондрушем, который соотносит праславянские слова **pravъ* и **prъvъ*, возводя первое к и.-е. основе с ларингалом **proHw-* (полная

⁵⁴ См. [Топоров 1974: 15—17]. В. Н. Топоров сближает данный и.-е. корень с корнем **rēz-*, передававшим такие сакральные смыслы, как ‘проводить линию, черту’ (определение пределов) и ‘надрезать’ (жертвоприношение).

⁵⁵ Л. М. Хокарт предположил, что самой древней функцией верховного правительства являлось именно прокладывание (открытие) пути [Hocart 1970]. О соотношении имен, содержащих данный и.-е. корень, с определенным социальным классом в кельтской и индийской традиции см. [Boleli, Campanile 1972].

ступень), а второе — к **prHw-* (нулевая ступень). Одновременно Ш. Ондруш реконструирует и.-е. основу **preHm*, давшую, по его мнению, праслав. **prěmъ* (ср. лит. *pirm*). При этом предполагается существование оппозиции ‘равный’ (**pravъ*), ‘ровный’, ‘прямой’ (**prěmъ*) VS. ‘первый’ (**prъvъ*; лит. *pirmas*) [Ондруш 1986: 177—178]⁵⁶.

В более общем виде Ш. Ондруш реконструирует и.-е. корень **perH-*, существовавший в двух вариантах: **perH-/prH-* и **preH**+ *V-*. К первому варианту возводятся глаголы **perti*, **prati* (*переть*), а ко второму — глагол **praviti* (*править*). Согласно Ш. Ондрушу, семантическая разница между *переть* и *править* напоминала ту, что существует между нем. *fahren* и *führen* (‘идти, убежать, мчаться’ VS. ‘направлять’) ([Ondruš 1968: 113—114]; см. сходную реконструкцию основы в [ESJS 12: 700—701]⁵⁷.

Таким образом, гипотеза Ш. Ондруша, взятая в целом, подразумевает наличие связи между представлениями о движении, а также значениями ‘равный’, ‘ровный’, ‘прямой’, ‘первый’, при этом семантические переходы никак не комментируются. Ш. Ондруш полагает, что исходным для основы было значение ‘равный’, и утверждает, что субстантивные дериваты прилагательного **pravo*, **pravda* имели значение ‘равенство’. Вместе с тем, говоря об исходном значении основы, Ш. Ондруш отмечает, что оно сохранилось в ю.-сл. языках. Однако в ю.-сл. языках прилагательные, восходящие к праслав. **pravъ*, имеют значение ‘прямой’ (ср. ст.-сл. *правъ*, болг. *прав*, с.-х. *prāv* ‘прямой’), связь с этим значением прослеживается и в ссылке автора гипотезы на семантическое развитие нем. *Recht* и франц. *droit*. Поэтому вызывает недоумение реконструкция оппозиции ‘равный’ VS. ‘первый’, подкрепленная параллелями венг. *egy* ‘один’: *egyen* ‘равный’; словац. синонимы *jednaký* : *rovnaký*. Следует, видимо, различать значение ‘такой же’, часто соотносимое в и.-е. языках со значением ‘один’ (*один*: *одинаковый*, ср. *равный*), и значение ‘не имеющий изгибов’, указывающее на «линейность» объекта (ср. *прямой*, *ровный*)⁵⁸ и на особенности структуры плоскости, ее гладкость (ср. *прямой* VS. *ровный*).

Для праслав. **pravъ*, таким образом, можно реконструировать значение ‘направленный вперед [прямо]’; ср. гипотезу А. Мартине, который предполагал, что

⁵⁶ Заметим, что **pravъ* и **prъvъ* сближал и Ю. Покорный. Он восстанавливал и.-е. основу **prō-uo-s*: **prō-uo-s* (откуда праслав. **pravъ*; ср. др.-инд. *pravaṇa* ‘направленный вниз, наклонный’; гот. *frauja* ‘господин’; др.-в.-нем. *frouwa* ‘госпожа’), а также соотносимую с ней основу **prə-uo-*, к которой возводил, в частности, праслав. **prъvъ* [Pokorny I: 815].

⁵⁷ При этом смысл ‘направлять’ связывается им с говорением (ср. значение ‘говорить’, представленное в словен. *praviti*, с.-х. *praviti*, словац. *rozpraviať*, чеш. *praviti*, польск. *prawić*, блр. *правиць* ‘говорить вздор’, а также др.-рус. словосочетания *правити орации* ‘произносить речь’, *правити слово* ‘передавать слова’). Связь между значениями ‘указывать’ и ‘говорить’ хорошо известна; см. [Красухин 2000: 37; Толстая 2000: 178].

⁵⁸ Смыслы ‘ровный’ и ‘равный’ сближаются, соотносясь с представлением о прямой линии (ряде). Ср. реконструкцию происхождения праслав. **raqdъ* из **ren-m-dhē-* ‘связывать’ [Иванов, Топоров 1978: 232].

данное слово содержит, помимо префикса **prō-* суффикс *-uo-*, представленный также в прилагательных *кривъ, левъ* [Martinet 1955: 226]⁵⁹.

Р. М. Цейтлин предположила, что смысл корня *-прав-* (праслав. **pravъ*), лежащего в основе целой лексико-семантической группы, следует реконструировать следующим образом: «‘прямой’ (в конкретном значении, не расчленен по горизонтали и по вертикали), ‘неотклоняющийся в стороны (от прямого)’ [Цейтлин 1996: 137]. В раннюю письменную эпоху это прилагательное, обозначая ‘прямой’, могло характеризовать объект, расположенный как горизонтально, так и вертикально. Ср. ст.-сл. *иди въ стѣгны нарицаѣшѣ сѧ правыѧ* (т. е. «улицу, называемую прямой», Охр. ап., Деян., 9—11; см. [Цейтлин 1996: 139]); *правы творите стѣзѧ его* (Лк. III, 4—5; Зогр., Мар., Ас., Сав.)⁶⁰, др.-рус. *и голени их правы* (Геннадиевская Библия, 1499 г.); ср. также совр. *выправка*⁶¹.

Что касается прилагательного *прямой*, то, согласно этимологическим словарям, оно восходит к вост.-сл. основе **pr'am-*, первая часть которой является результатом контаминации праслав. **prēm-* (из и.-е. **prai-*): **prō-* (из и.-е. **prō : *prō*), а вторая представляет собой суффикс *-m-*, представленный также в праслав. **mi-mo* (ср. также ст.-сл. *сѣмо, овамо*). К и.-е. **pro-m-o* возводится и гот. *fram* (др.-в.-н. *fram*, англ. *from*) [Pokorny I: 814—815; Фасмер III: 394—395; Черных II: 78].

Известно, что наречия, образованные от этой основы (рус. *прямо*, чеш. *přímo*, словен. *prēm*), древнее прилагательных (рус. *прямой*, укр. *прямий*, блр. *прямы*, чеш. *přímý*, словен. *prém*, словац. *priamy*): в ст.-сл. текстах встречаются только наречия *прѣмо, прѣмь*.

Наречие *прѣмо* использовалось синонимично предлогам *пpe(д)* (*перед*), *при* и указывало, прежде всего, на то, что нечто происходит или совершается на небольшом расстоянии (напротив) от какого-л. объекта⁶². Таким образом, можно говорить

⁵⁹ Значение ‘первый’ в и.-е. языках также формируется в связи с представлениями о пространственных координатах. Так, *первый* родственное *пере(д)*-, исторически связано с представлением о продвижении вперед, нахождении впереди (и.-е. **p^(h)r_o-H-uo-*; ср. др.-инд. *pūirva-*, авест. *paurva-* ‘находящийся впереди’, а также тох. В *pärwešše*, алб. *párë* ‘первый’) [Pokorny I: 813—815; Гамкрелидзе, Иванов II: 842—844]. С другой стороны, в и.-е. языках представлена модель, согласно которой смысл ‘первый’ соотносится с выделением на горизонтальной оси двух координат, одна из которых расположена ближе к конечной точке; ср. ср.-в.-нем. *vürste*, др.-в.-нем. *furisto*, англ. *first*, восходящие к суперлативу **furista-* от **fur(i)* (из **p^(h)r-is-t^(h)o-* [Гамкрелидзе, Иванов II: 843]).

⁶⁰ В др.-рус. письменности прилагательное фиксируется только в метафорическом употреблении, восходящем к данному значению; ср. *А митрополит правым путем ходит* (Собрание государственных грамот и договоров, 1313 г.). Однако В. Даль фиксирует словосочетание «*правая дорога, прямая*».

⁶¹ Для глагола *править* значение ‘делать прямым’ фиксируется с XVI в.; ср. *править дорогу, править кирпич*.

⁶² Представление о близости к некоторому ориентиру может также реализовываться в формировании значения ‘первый’. Модель ‘первый’ = ‘находящийся у [при]’, видимо, пред-

о том, что наречие могло указывать на наличие ориентира, возможно, особо значимого; ср. *прѣмо цр(ъ)к(ъ)ви* [SS: 546]; *Вземше одр, поставляют в нутрьнии папѣрти прямо ц(е)срьскихъ двѣрии* (Новгородская кормчая, 1282 г.); *Он живет прямо церкви* (Даль); *На месте же там у м(о)н(а)ст(ы)ря конец мосту прямо с(вя)тыхъ врат... поставиша кр(е)ст каменной* (Житие Прокопия Устюжского, XVII в.); *Мария седяшти прямо гробу* (Мстиславова евангелие, XI—XII вв.); *И седе адам прямо рая, плачяся* (Переяславская летопись, XV в.); *Виде во сне... ц(е)с(а)рь Анастас мужа некаго... премо ему стояща* (Синайский Патерик, XI в.).

Значимость ориентира определяла положение субъекта действия (обращенность лицом к объекту-ориентирu) и само действие (направленность на объект-ориентир); ср. словосочетание *прѣмо лицоу* (ср. *лицом к лицу*); *режѣть прѣмо сѣмоу* [SS: 546].

Можно предположить, что наречие указывало на некоторое место — сравнительно небольшой отрезок пространства ‘отсюда’ (от объекта ориентира) и ‘вперед’ (на расстояние, позволяющее видеть объект-ориентир или вступать с ним в контакт), что создавало возможность для актуализации смыслов ‘рядом’ и ‘напротив’ в зависимости от локализации кого-л., чего-либо внутри этого пространства (ближе к начальной точке VS. ближе к конечной точке); ср. реконструкцию для гот. *fram* значений ‘дальше’, ‘от’, ‘при’, ‘у’, а также значения с.-х. наречия и предлога *према / прам / прама* ‘по направлению к’, ‘впереди’, ‘против’.

Вместе с тем, представление о направленности действия на объект-ориентир позволяло актуализировать смысл ‘отсюда вперед’ [по горизонтали к конечной точке], т. е. указание на направление; ср. контексты для др.-рус. *прямо*: *Господине княже, едут уже от Рды Кавгадыи и велики князь Юрьи со множеством народа прямо твои вежи* (Московская летопись, XVI в.); *Устремися прямо северныхъ стран* (Житие Антония Сийского, XVII в. ~ 1578 г.); *есть вход во ину улицу долгу, яже прямо Кальверии ведет* (Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки, 1628 г.).

Изначальная связь с объектом-ориентиром определила, видимо, восприятие маршрута: в нем выделяется конечная точка, при этом сам маршрут мыслится как такой, который не имеет промежуточных этапов (ср. совр. *прямой путь*, *прямое сообщение*, а также *прямое попадание*, *прямой наследник*, *прямой массаж сердца*, *прямая речь*). Очевидно, что маршрут, ведущий к цели, минуя промежуточные этапы (минуя промежуточные этапы → быстро), является оптимальным; ср. *ступай прямоиной* (*пряником, прямою, прямьем, в прямную*), *прямица* («тмб. прямой путь рекою,

ставлена в лит. *pĩr̃m* ‘впереди’, *pĩr̃mas*, прус. *primas*, др.-англ. *forma*, др.-сакс. *formo* ‘первый’ (и.е. **p^{h1}r̃-mo-*; см. [Гамкрелидзе, Иванов II: 843]). Известно также, что лат. *primus* ‘первый’ возводится к форме компаратива (из **pri-is-mos* [Рокоту I: 813] или **p^{h1}r̃-is-mo* [Гамкрелидзе, Иванов II: 843]), а Э. Бенвенист полагал, что исконное значение компаратива с суффиксом *-(i)ios-* ‘имеющий то же качество, что и другой объект’ [Benveniste 1948: 143]. Учитывая показатель *-mo-*, следует предположить, что речь идет также об указании на пространственное положение вблизи (у) ориентира.

в водополь; коренное русло», «прямейший путь, дорога»), *прямок*, *прямя* («сев. то же, прямая дорога»), *прямежеск*, *прямик*, *прямичек* («прямой путь») (Даль).

Семантика наречия, изначально связанная с локализацией, делала затруднительным перенесение данной характеристики на вертикальную ось. Однако указание на маршрут способствовало выделению представления вообще о прямизне; ср. *А людям велят стоять на коленях прямо, а глав на землю не велят наклонять* (Челобитная Лаз., XVIII ~ 1668 г.); *Да станет с(о)лнце прямо Гаваону и м(е)сяц прямо дебри* (Иисус Навин, XIV—XV вв.); *Бык бур, звезда во лбу, рога прямые* (Переписные книги скота и лошадей, XVII в.), а также совр. *прямой*, указывающее на отсутствие отклонений, изгибов у объекта, ориентированного как вперед, так и вверх, ср. *выпрямиться*, *распрямиться*.

Итак, можно сказать, что свойство 'прямой', связывавшееся с горизонтальной осью, неизменно переносилось на вертикаль. С другой стороны, для греч. *ὀρθός* 'прямой [по горизонтали и вертикали]', как и для слова *простой*, первичной является, по всей видимости, вертикальная направленность⁶³.

Поскольку прямизна — это отсутствие заметных глазу отклонений в ту или иную сторону⁶⁴, это свойство непосредственно связано со смыслом 'не'. Таким образом, можно предположить, что имплицитное отрицание в словах, указывающих на прямизну, возникает вторично, при соотнесении смыслов 'направленный вперед', 'направленный вверх' с определенной конфигурацией⁶⁵. Смысл 'не' в момент его активизации формирует оппозицию и возникает противопоставление прямой VS. не прямой (ср. др.-рус. антонимы *лукавый*, *лукавьный*, *лукастый* 'искривленный', 'извилистый'; *кривый* и т. п.).

Оппозиция прямой VS. не прямой неизменно получает метафорическое осмысление. При этом вертикальная и горизонтальная оси осмысляются не вполне параллельно. Движение по вертикали предполагает только движение по прямой⁶⁶, тогда как движение по горизонтали может протекать по-разному (ср. «Однако извилистость и кривизна касаются только пути на/по земле, то есть по горизонтали. Путь по вертикали, прежде всего в верхний мир, совершенно иной: он должен быть прямым» [Цивьян 1999: 43]).

⁶³ Некоторые исследователи сближают греч. *ὀρθός* и лат. *arduius* 'отвесный'. Для *arduius* следует, видимо, предположить изначальную связь с указанием на конечную точку вверх; ср. *ardua supera* 'небесная высь', а также ирл. *ard* 'высокий', топоним *Арденны*.

⁶⁴ Ср. хорошо известный пример Л. В. Щербы: «Прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» [Щерба 1974: 280].

⁶⁵ Можно сказать, что для объяснения семантических переходов такого типа важна позиция внешнего наблюдателя (о понятии рамка наблюдения см. [Апресян 2004б: XLIII]). Феномен развития значения на основе осмысления ситуации с новой ассоциативно возникающей точки зрения хорошо известен. Ср., например, гипотезу о возникновении значения 'быстрый' на основе значения 'сильный' у ряда английских прилагательных (в частности, у прилагательного *fast*) через фазу наблюдения в [Stern 1921: 241—242].

⁶⁶ О символическом осмыслении этой ситуации см. раздел 2.3.2, а также ниже.

На пространственном уровне *прямая дорога* противопоставляется *окольной*. Прямая дорога является оптимальным маршрутом, ведущим к конечной точке. Кроме того, этот концепт связывается с представлением о прокладывании путей, указании на направление, т. е. с освоением пространства, имевшим сакральные коннотации. Поэтому оппозиция *прямая дорога* VS. *окольная дорога*, как хорошо известно, может переосмысливаться как оппозиция *соответствие норме* VS. *нарушение нормы*; *правильного* VS. *неправильного* жизненного пути (ср. пословицу: *Где виден путь прямой, там не езди по кривому*).

Маркированная прагматика основ, указывающих на прямизну, определяет развитие ряда значений, в которых реализуются представления об истинности (правильности), образцовости; см. развитие греч. *ὁρθός*, лат. *directus* (и других слов, восходящий к и. -е. **rēg* - : *rēg* -), родственные рус. *прям* -; ср. -в.-нем. *vrum* 'полезный', др.-в.-нем. *fruma* 'польза', нов.-н.-нем. *fromt* 'набожный', а также использование *прям(о)*, *прямой* и *правый* для характеристики объекта как соответствующего представлениям о справедливости: *прѣмь сѣдилъ іесі* [SS: 546]; *А судит прямо по кр(е)стному целованью* (Псковская судная грамота, XVI в. ~ XV в.); *суде прям* (Челобитная старца Авраамия, XVII в.); *ты хотя правую притчину имеешь к гневу, однакож надобно тебе всячески от того удержатся* (А. Т. Болотов, Памятная книжка, 1761 г.); или как соответствующего представлениям об истинности: *Премь пишем и прем чем* (Ефрем Сирин, XIV в.); *Вы именуется христиане, но не во всем веру христову держите прямо* (Прения о вере, возникшие по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, 1644 г.); *Тот Дмитрий был не прямой государь, вор, рострига* (Памятники дипломатических отношений с Римскою империей, 1621 г.); *правые вести про него нет* (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией, 1518 г.).

Смысл 'прямизна' обладает порождающей и системообразующей функциями и, следовательно, может быть отнесен к идеям. Идея прямизны включает представления о движении, вертикальной и горизонтальной осях, наличии начальной, промежуточной и конечной точек, ориентире и оптимальности. Именно эта идея лежит в основе семантического развития прилагательного *простой*.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ПРОСТОЙ*

В ПИСЬМЕННЫЙ ПЕРИОД

3.1. Идея прямизны: ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ (прямостоящий VS. прямолежащий)

С идеей прямизны связаны значения прилагательного *простой*, описывающие положение объекта в пространстве⁶⁷.

⁶⁷ В чистом виде идея прямизны, представленная в прилагательном *простой*, реализуется в употреблении его в значении 'невьющийся'; ср. *Паламидис бел, высок, тонок*,

3.1.1. «Прямостоящий»: ‘ТАКОЙ, КОТОРЫЙ ВЫТЯНУТ ПРЯМО ПО ВЕРТИКАЛИ’

Значение ‘находящийся в вертикальном положении’ зафиксировано для рефлексов праслав. **prostъ* в ряде славянских языков; ср., например: ст.-сл. *всажена добре яко и смокы проста; голяни их просты* [SS 30: 383], а также блр. *просты*, пол. *prosty*; болг. *прост*; в.-луж. *prosty*; н.-луж. *přosty*⁶⁸. Следует также отметить, что данная семантика находит отражение в ряде производных слов с основой **prost-*, зафиксированных в славянских языках; ср. рус. диал. *простен, простень* ‘веретено’, словен. *próstec* ‘палка в заборе’, *prostíca* ‘опорный столб в заборе’⁶⁹ [Куркина 1991: 176—177].

Однако ситуация «прямостояния» наряду с ситуацией стояния (см. 2.3.2) может получать особое осмысление как воплощающая представление о движении, т. е. о соединении Земли и Неба кратчайшим способом (по прямой). На это указывает особая формула *стоять прямо*, носившая, видимо, сакральный характер; ср., в частности, санскр. *ūrdhvā sthā-*: «В большинстве случаев *ūrdhvā & sthā-* отсылает к некоей на глазах совершающейся или имеющей вот-вот совершиться ситуации, к ситуации непосредственного присутствия при совершающемся, в связи с чем характерно преимущественное употребление в этих случаях таких форм, как императив 2 Sg. или презенс 2 Sg.» [Топоров 1996: 34; см. там же о темпорально-ритуальной ведийской формуле «прямостояния»]⁷⁰, греч. *στῆδ' ὀρθός, ὀρθῶν ἐσταότων ἀγορῇ* ‘собрание стоящих [на ногах]’; лат. *rectus stabat*⁷¹.

По всей видимости, прилагательное *простой* участвовало в описании ситуации «прямостояния». На это указывает тот факт, что в ст.-сл. и древнерусских текстах данное прилагательное реализует значение ‘находящийся в вертикальном положении’, как правило, в контексте глаголов *стать, встать, быть, поставить, сотворить*. При этом в ряде случаев речь идет не о нейтральном описании изменения

долголик, просты власы (Хрон. И. Малалы, XV в. ~ XIII в.); *просты и тонкы [...] власы пуцаючи* (Палея толковая, 1406 г.). Ср. диал. *простая нить* ‘не крученая, прямая, свободно лежащая’ (ряз. 1959).

⁶⁸ Это же значение реализуется в первой части слова *просторогий*, которое фиксируется В. Далем с указанием антонима *круторогий*.

⁶⁹ Ср. также с.-х. *прѹшмац* ‘неотесанная палка’, *prostac, proštac, prostica* ‘толстая жердь’ [Куркина 1991: 176—177].

⁷⁰ Санскр. *ūrdhvā* также имеет значения ‘обращенный вверх’ и ‘прямой’ [Кочергина 1996: 133].

⁷¹ Значимость данной ситуации отражается в наличии ряда терминов, включающих корень *прямо-* (*прямоствольный, прямостоящий...*); ср. отмеченность таких действий, как *выпрямиться (распрямиться)*, а также существительного *стать (осанка)*. Вяч. Вс. Иванов отмечает, что «во многих случаях древние сочетания слов позднее превращаются в одно слово — сложное или содержащее элемент, позднее грамматикализованный, но ранее бывший самостоятельным словом» [Иванов 1986: 67].

положения в пространстве, а об особой ситуации (например, «предстояния» или подготовки к особой ритуальной практике: молитве, проповедничеству). Ср. *искочив святыи ста прост* (греч. ὀρθός); и *просту ю сотвори* (лат. *erexit*); *мы же встахом и прости быхом* (греч. ἀνорθοῦσθαι, ὀρθός ἵστασθαι); и *абие поставит и прост* (греч. ἀνорθοῦν, ἐγεῖρεῖν) [SS 30: 383; СтСл: 528], *Приде близ святааго и ста прост* (Супрасльская рукопись, XI в.), а также *Въстают попове и стоять прости* (Студийский устав, XII в.), *Прости сами станяху, проповедающе* (Временник Георгия Амартола, 1456 г.); *Поклонився напишет крст на земли и целует и вста прост* (Повесть временных лет; Лаврентьевская летопись); *Ти... падоша, мы же стахом и прости быхом* (Псковская II летопись, XV в.); *И ста мои сноп прост, ваши же снопове поклонились моему снопу* (Геннадиевская Библия, 1499 г.); *И не могут сами встати; и аще кто и поставит я просты* (Даль).

Можно предположить, что наличие текстов, в которых речь идет о некотором ритуале, об отмеченной ситуации, послужило основой для употребления прилагательного (в частности, в контексте глаголов восприятия) как характеристики особого состояния человека (или его особых органов восприятия: души, ума), открытости высшим ценностям; ср. *премудрость прости слышим* (греч. ὀρθοί); *прости приемше божественных... таин* (греч. ὀρθοί); *просто убо стоит душа егда небесных жселае* (лат. *recta... stat anima*); *прост же оубо на добра дела службе и высоте ум стоя* (лат. *in virtutis culmine*); [SS 30: 383; СтСл: 528]; *прости убо испълняем молитвы* (Ефремовская кормчая, XII в.)⁷².

Из типологических параллелей можно привести греч. ὀρθός ‘прямой’ (ср. глаголы ὀρθόω ‘ставить прямо [на ноги]’, а также ὀρνυμι — каузация действия ‘идти’: ‘встань и иди’), которое в ряде контекстов также могло указывать на особое состояние человека; ср. значения ‘целый, невредимый’, ‘внимательно слушающий’, ‘находящийся в напряженном состоянии [готовности], встревоженный’.

3.1.2. «Прямолежащий»: ‘такой, который вытянут прямо по горизонтали’ [о дороге]

Как уже говорилось, обращение к одной пространственной оси неизменно приводит к актуализации представлений о другой оси, поэтому выделение ситуации «пряmostояния» привело к языковой концептуализации ситуации «прямолежания». При этом «прямолежание» связывалось с дорогой.

От основы *prost- в славянских языках образован ряд слов, обозначающих прямой (→ ближний) путь. Этот путь мог мыслиться как пролегающий по воде или по суше; ср. *Поезжай смело простью по болоту, все замерзло* (Даль); кировск. *прость* ‘прямой мелководный проток’; отмеченное на Припяти *прость* ‘прямой мелководный проток между рукавами реки или рекой и рукавом’; диал. польск.

⁷² Ср. также применение прилагательного для описания креста: *Простое* [т. е. вертикальное] *убо древо крста знаменует оца вышняго* (Скрижаль, 1656 г.).

prość ‘проток’; зафиксированное на Пинщине *prіcть*, *prісточка* ‘течение воды на болоте’; волог. (1866) *прость* ‘канал, старое заросшее русло реки’; костром. (1905—1921) *прости* ‘широкий желоб, по которому течет на мельничное колесо вода’; *Он не дорогою пришел, а простцем, степью* (Даль); укр. *простець*, блр. *про-сценъ* ‘прямая дорога’ [Толстой 1969: 211].

Н. И. Толстой предположил, что первоначально речь шла именно о «коммуникационном» значении, о номинации для прямого пути через болота [Толстой 1969: 211]⁷³. Ср. значение ‘прямо [вперед]’, реализующееся в наречиях *просто*, *препросто* (*Просто сиречь прямо* (Назиратель, XVI в.), *Иди просто, все дорогой, так просто и дойдешь* (Даль); *Поидем препросто* (Быт. XXXIII 12; Пятикнижие, XIV)), полесск. *просто*, *напростіу*, блр. *просто*, укр. *просто*, польск. *prosto*.

Значения, представленные для *прость*, *прости*, *prość*, *prіcть*, *prісточка*, *простець*, *просценъ* типологически сближаются со значениями слов, восходящих к праслав. **dorga*, также содержащих указание на воду и на ложбину, углубление. Ср. рус. диал. *дорога* ‘буерак, сухое ложе потока’, *дорожка* ‘углубление на кровельных досках вдоль них для стока воды’; с.-х. *драга* ‘узкий залив’, ‘быстрый поток’, ‘ущелье, овраг’, диал. ‘морской залив’, ‘долина’; словен. *drága* ‘канава для отвода воды на лугу’, ‘лощина, овраг’; словац. *dráha* ‘колея, борозда’; в.-луж. *droga* ‘колея’ [ЭССЯ 5, 74—75]. Аналогичные контексты представлены и для рефлексов праслав. **ulica* (‘овраг’, ‘канава’, ‘русло реки’), восходящего к **ulъ* (из и.-е. **au-l* ‘продолговатое углубление’, ср., в частности, греч. *αὐλὼν* ‘ущелье’, ‘ров’, ‘против’, *ἔναυλος* ‘русло реки’, нем. *aul* ‘овраг, канава’) [Куркина 1971: 99; Коломиец 1986: 199—100].

Опираясь на эти факты, В. Т. Коломиец реконструирует для **dorga* значение ‘длинный след, проделанная в земле ложбина’, соотнося основу существительного с и.-е. корнем **dherāgh-* ‘тянуть’ [Коломиец 1986: 100, 101]⁷⁴. Очевидно, что глагол со значением ‘тянуть, тащить’ связан с представлением о большой степени интенсивности действия, направленного вперед⁷⁵. Таким образом, можно предположить наличие связи между смыслами ‘вперед’, ‘двигать’, ‘длинный след’, ‘углубление

⁷³ Дальнейшее развитие: ‘глубокое место на болоте’ → ‘глубокое место в реке, ручье’; такое направление семантической деривации, по мнению Н. И. Толстого, свидетельствует о возможном проникновении термина из Полесья на Карпаты.

⁷⁴ В этом случае праслав. **dorga* оказывается связанной с др.-исл. *draga* ‘тянуть’, др.-англ. *dragan* ‘извлекать, тянуть’, а также с лат. *tractus* (ср. ит. *traccia*, франц. *tracer*, *trace*, нем. *trakt*, рус., укр., блр., болг. *тракт*, польск., в.-луж. *trakt*), указывавшим на процесс волочения.

⁷⁵ Согласно другой точке зрения, существительное **dorga* означало ‘проход, выкорчеванный в лесу’ [Черных I: 263], ‘расчищенное место’ [ЭССЯ 5: 75]. В этом случае праслав. **dorga* возводится к глаголу **dьrgati*, связанному с **dьrati* : **derti* (из и.-е. **der-* : **drē-* : **drā-* [ЭССЯ 5: 218, 221]); см. также представленные в и.-е. языках названия для дороги, формирующиеся на основе глагола со значением ‘дергать’; ср. например, лат. *via rupta* (*rumpere* ‘рвать, вырывать’); ирл. *slige* (от глагола *sligid* ‘рубит, валит, расчищает’), значения ирл. *rámut*:

в земле [естественного или искусственного происхождения]', 'углубление, заполненное водой', 'вода (заболоченное место)', 'дорога'.

В связи с представлением об интенсивном продвижении вперед тяжести стоит вернуться к значению и.-е. **per-/por-*. Заслуживает упоминания тот факт, что именно к этому форманту ('вперед' → 'тащить') предположительно возводится нем. *Farre* 'бык' ([EWDS: 250]; ср. *farren* 'ехать', *Furt*, др.-англ. *ford* 'брод').

Итак, *про-* может указывать на физическое освоение пространства⁷⁶: «Префикс *про-* «задает» идею движения вперед, сквозь-через», он ориентирован на «энергичное движение к единой цели — вперед» [Топоров 2004б: 88]. Ср. *простовати* 'указывать направление' (польск. *prostować*); ср. *На полуденную страну звезда та простует* (Дм. Ростовский, Рождественская драма, XVIII в.).

Таким образом, можно предположить, что основа **prost-* реализует в приведенных словах представление об «энергичном» продвижении вперед, соотносимом с энергичной устремленностью вверх.

Вместе с тем, движение по горизонтали могло носить не только чисто «бытовой», но и специальный характер, что подразумевает наличие особого типа путника (открыватели дорог: боги, правители; а также вестники, герои, подвижники...), особых целей путешествия и особых маршрутов⁷⁷. Можно предположить, что это противопоставление должно было отразиться и на названиях собственно дороги, среди которых некоторые, вероятно, указывали на ее маркированность, на совмещение представлений о реальном и символическом пути.

По всей видимости, к таким особым номинациям относились представленные почти во всех группах индоевропейских языков рефлексy и.-е. корня **pent-* : **pont-* : *pontha-* : **pn̥tha-* 'идти' [Рокоту I: 808; Коломиец 1986: 97—98]⁷⁸. Отдельные рефлексy этого корня указывают на особую сложность такого пути, проходящего через водное или заболоченное пространство; ср. греч. *πόντος* 'море', 'морской путь' (*πόντω* 'погружаться в море'), лат. *pons* 'бревенчатый настил через болото, мост', арм. *hup* 'брод'. Некоторые данные указывают на особое восприятие дороги. Так, в Ригведе номинация *páth-* передает главным образом пред-

'дорога', 'расчищенный участок' [Бондаренко 2003: 63, 142]. И в этом случае предполагает также большая степень интенсивности действия, направленного, однако, вверх.

⁷⁶ К классу слов, указывающих на некоторый тип дороги и содержащих форманты, восходящие к и.-е. **per-* / **por-*. В. Т. Коломиец относит также греч. *πόρος* 'дорога', *πορθμός* 'переправа' (от *πείρω* 'проникать'; ср. др.-инд. *pīrpati* 'перевозить'). К **pr-* предположительно возводятся также рефлексy праслав. **ryr̥tь*, обозначающие тропу ([Коломиец 1986: 98]; о географическом распределении значений этих рефлексов см. [Куркина 1971: 95]).

⁷⁷ Ср. представление о посохе как об атрибуте особого типа путника и прототипе скипетра в [Бенвенист 1995: 263].

⁷⁸ В. Т. Коломиец возводит данный корень к элементарной глагольной основе **pet-* 'идти, бежать, лететь, падать', имевшей именную разновидность **pot-* 'дорога, полет' [Коломиец 1986: 102]. Семантический переход 'глагол передвижения' → 'дорога' лежит в основе огромного количества названий для дорог, представленных в и.-е. языках.

ставление об «истинном» (праведном) пути, который ведет к богам и по которому следуют боги⁷⁹ (ср. эпитет богов *pathikrīt* ‘создающий пути’⁸⁰), а также жизненный путь смертных [Елизаренкова 1999: 73—74, 76, 78]. В свою очередь лат. *pons* могло указывать на сакральный объект и субъекта сакрального действия; ср. *erigere pontem*, а также *pontifex*, ‘строитель мостов, дорог’, ‘верховный жрец’⁸¹. Хорошо известна особая метафорическая семантика рус. *путь* (ср., например, библейские контексты: *Аз есмь путь и истина и живот, никтоже придет ко Отцу, токмо мною; путь Господа (завета, жизни, мудрости, правды, праведности)*). Следует также обратить внимание на чеш. *pout* ‘паломничество, богомолье’, польск. *pątnik* ‘паломник’, *pątny*, *pątnicwny* ‘паломнический’.

На особый характер пути могло указывать не само название дороги, но постоянные эпитеты. Так, например, существовали обозначения для так называемой «большой» или «царской» дороги, т. е. дороги, по которой ездили колесницы (ср. др.-инд. *ráthyā* ‘дорога’ от *ráthaḥ* ‘колесница’), ассоциировавшейся с путем праведных; например, хетт. *uran KASKAL-an*; ирл. *Slige Mór*, *mórslige*, *prim-rót*, *rígróid* [Бондаренко 2003: 87, 91, 104]; лат. *via regia*, а также цсл.: *путем црьским проидем, несьвратимся ни надесно, ни налево* (Острожская Библия, 1581 г.)⁸².

Одна из основных характеристик такого выделенного пути — прямизна; ср. использующийся в Ригведе по отношению к данному типу пути эпитет *rájiṣṭha-* ‘самый прямой’ [Елизаренкова 1999: 74]).

⁷⁹ Как отмечает Т. Я. Елизаренкова, теснее всего с *páth-* связаны Адитьи, боги, охранявшие вселенский закон *ṛtá-* [Елизаренкова 1999: 74].

⁸⁰ Эпитет *devayāna-* ‘исхоженный богами’ прилагается также к номинации *ádhvān*; ср. *adhvará* ‘обряд, жертвоприношение’ [Елизаренкова 1999: 81, 89].

⁸¹ «Постройка мостов, — пишет В. Н. Топоров, — сопровождалась особым ритуалом. По-видимому, не случайно строители мостов — «мостовщики» в ряде традиций образуют особую не только профессиональную, но и конфессиональную группу, входящую в жреческий корпус (очевидно, таким был статус «мостовщиков» у древних пруссов) [...] Наведение мостов открывает путь из старого пространства и времени к новому, из одного цикла в другой, как бы из одной жизни в другую, новую». Говоря о проекции этой идеи на вертикаль (возведении моста между Небом и Землей», В. Н. Топоров замечает: «В этом контексте образ жреца (особенно часто в шаманских традициях), воздвигающего мировое (шаманское) дерево (шест, столб и т. п.) и путешествующего по нему на небо, к богам и духам верхнего мира, совпадает с мифологизированным образом строителя моста, устранивающего с его помощью такую же связь» [Топоров 1982а: 176—177]. Ср. также предложенную Пухвелем гипотезу о соотношении имени бога дорог и путешествий Гермеса с хетт. *armizzi* ‘мост’ [Иванов 1985: 177].

⁸² Характерно, что в данный контекст входит именно существительное *путь*. Ср. в русском синодальном переводе Библии: «Позволь нам пройти землю твою; мы не пойдем по полям и виноградникам, и не будем пить воды из колодезей твоих; но пойдем дорогою царскою, не своротим ни направо ни налево, доколе не перейдем пределов твоих» [Книга Чисел, 20—17].

В некоторых славянских языках, в том числе и в русском языке, прилагательные с основой **prost-*, указывая на прямизну, характеризуют дорогу.

При этом для рус. *простой* характерно сочетание именно со словом *путь* (словосочетание *прост путь* устойчиво встречается в древнерусской письменности с XV в.); ср. *И течаше ахимас путем простым* (Иов, 1558 г.), хотя оно может также сочетаться и со словом *дорога*: *простейшая дорога* (Памятники дипломатии Московского Государства, Посольство литовское, 1570 г.); диал. *простая дорога* (ворон.). Характерно, что словосочетание *простой путь*, в отличие от словосочетания *простая дорога*, стандартно используется в современном русском языке для указания на способ преодоления нефизического пространства (ср. ирон. *Мы не ищем простых путей*), хотя прилагательное *простой* в данном словосочетании утратило свою первоначальную соотнесенность с физическим пространством и противопоставляется не смыслу 'окольный' ('кривой'), а смыслу 'сложный'⁸³.

3.1.3. Простой как характеристика положения в пространстве

Итак, прилагательное *простой* в письменный период сохраняло сформировавшиеся на более раннем этапе развития основы значения 'направленный вверх' («прямостоящий») и 'направленный вперед' («прямолежащий»). При этом в обоих случаях, когда прилагательное *простой* указывает на положение объекта в пространстве, для него характерны:

1) ограниченная сочетаемость; ср. устойчивые словосочетания *прост быти*, *прост стати*, *прост (но)ставити*, а также соотнесение слова *простой* с существительными типа *путь*;

2) вхождение в «микротексты», допускающие сакральное или метафорическое прочтение; ср. *прост стати*, *прост (но)ставити*, *простой путь*.

Данные употребления позволили актуализировать, с одной стороны, представление о скорости, а с другой стороны, положительные коннотации (представление об образцовости).

3.1.4. Идея прямизны: скорость (быстрый)

Идея прямизны, представленная в «коммуникационных» контекстах, соотносится со смыслом 'короткий' (если путь прямой, то он короткий); ср. др.-рус. *править* 'направлять кого-л. в нужную сторону, выбирая самый короткий путь'. Вместе с тем, дорога, ведущая *прямо*, приводит к цели быстрее, чем *окольная* (если путь короткий, то цели можно достичь быстрее)⁸⁴. Таким образом, прямая дорога ассоциируется со скоростью передвижения. Ср. исправление в Геннадиевской Би-

⁸³ Ср., с одной стороны, характерность сочетания со словами *путь*, *стежа* в метафорических контекстах для др.-рус. прилагательного *правый*, а с другой стороны, синонимичность словосочетаний *прямой путь*, *прямая дорога*.

⁸⁴ О семантике быстроты см. в [Богуславский, Иомдин 1999].

блии 1499 г., где наречию *попрость*, встретившемуся во фразе *Вставше, поидем попрость* (Быт. XXXIII, 12), соответствует помета на полях: *скоро* (в соотв. с греч. ἐπ'εὐθείαν).

Наречное значение 'за небольшой период времени' представлено в новгородских берестяных грамотах, где фиксируется конструкция *с(о) проста* [Зализняк 2004: 788].

3.1.5. ИДЕЯ ПРЯМИЗНЫ:

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ + ОБРАЗЦОВОСТЬ (НЕЛЕВЫЙ)

Хорошо известно, что в языках для обозначения нелевой стороны используют слова, указывающие на некоторое положительное свойство (это соотнесение считается семантической универсалией). Известно также, что в и.-е. языках значение 'нелевый' передавалось единообразно — словами, восходящими к и.-е. основе **t'ek*^(h)-s- ('поднимать [руку]' > 'читать'); см. [Гамкрелидзе, Иванов II, 783—786; Рокоту I: 190]; ср. ст.-сл. *дєснѣ*, греч. *δεξιτερός*, лат. *dexter*, лит. *dešinās* и др.

Позднее в ряде и.-е. языков значение 'нелевый' развили слова, изначально указывавшие на прямизну (например, восходящие к корню **rēg*-' : *rēg*-'; ср. также ст.-сл. *правѣ*). Очевидно, что в основе этого перехода лежит представление об оптимальности, образцовости. Вероятно, использование в значении 'нелевый' слов, соотносимых с идеей прямизны и имевших положительные коннотации, вызвано механизмом симметрии, установлением параллелизма с номинацией, обозначававшей 'левый'. В качестве такой номинации для левой стороны, связывавшейся с дурным, неблагоприятным началом и подлежавшей табуизации, могли выступать слова, указывающие на кривизну (ср., например: *левый* (родств. лат. *laevus* 'левый', 'изогнутый'; и.-е. **laiuō*- 'кривой' [ЭССЯ 15: 31]), болг. *крива рѣка*, с.-х. *ruka kriva*, *кривѣ странѣ* ('левая сторона'), а также лит. *kairas*, *kairias* 'левый', латыш. *kreiss* 'левый'). Таким образом, эволюция шла, по всей видимости, следующим образом: хороший (благоприятный) / нелевый VS. плохой (неблагоприятный) / левый → хороший (благоприятный) / нелевый VS. кривой (неблагоприятный) / левый → прямой (благоприятный) / нелевый VS. кривой (неблагоприятный) / левый.

Так, например, во французском языке изначально была представлена восходящая к латыни оппозиция *dexter* VS. *sinister*, передававшая общее представление о противопоставлении благоприятного и неблагоприятного начала, однако затем *sinister* стало вытесняться словом *gauche*: согласно одной гипотезе, оно образовано от *ganchir*, *guenchir* (ср. нем. *wanken*) 'отклоняться от прямой линии', а согласно другой гипотезе, от галло-романского глагола **valgicare* (ср. лат. *valgus* 'кривой'). И только после того, как слово *gauche* начало устойчиво связываться со смыслом 'левый' (нач. XV в.), произошла замена *dexter* на *droit* (конец XV в.) [DHLF I: 1069, 1140; II: 1561; III: 3517]⁸⁵.

⁸⁵ В англ. языке *left* (из **lyft* 'слабый, плохой') стало употребляться в значении 'неправый' с XIII в.

В др.-рус. текстах прилагательное *правый* начало вытеснять прилагательное *десный* с XVI в.⁸⁶

Общая логика соотношения слов, указывающих на прямизну, со значением 'нелевый' отражена и в истории основы *прост-*: в костр. диалектах зафиксировано употребление в этом значении и слова *простой*.

3.1.6. ИДЕЯ ПРЯМИЗНЫ. ОБОБЩЕНИЕ

1. Идея прямизны возникает на основе ассоциации с незримой линией, соединяющей начальную и конечную точку, направленной по вертикали или горизонтали.

2. Идея прямизны актуализирует смысл 'не', в результате чего возникает оппозиция не отклоняющийся от прямой линии VS. отклоняющийся от прямой линии.

3. Для прилагательного *простой* изначально актуально, по всей видимости, соотношение с вертикалью; для прилагательных *правый* и *прямой* — с горизонталью.

4. Идея прямизны в случае *простой* реализуется в соотношении с ситуациями «прямостояния» и «прямолежания». В ситуации «прямостояния» *простой* характеризовал преимущественно человека, в ситуации «прямолежания» — «коммуникационные» объекты.

5. Пространственные координаты (вертикальная и горизонтальная оси), несмотря на тесную связь между ними, могут осмысляться асимметрично.

Для развития многозначности прилагательных *простой*, *правый* и *прямой* ключевыми, видимо, являлись «коммуникационные» контексты, давшие толчок для появления других значений.

6. Оппозиция не отклоняющийся от прямой линии VS. отклоняющийся от прямой линии может переосмысляться как оппозиции короткий VS. длинный, нелевый VS. левый, хороший VS. плохой.

Наибольшее количество метафорических значений, связанных с идеей прямизны, дают прилагательные *правый* и *прямой*, которые изначально соотносились с горизонтальной осью. Для многозначности прилагательного *правый* оказываются особенно актуальны представления о пространстве и образцовости⁸⁷, а для прилагательного *прямой* — представление о короткой дистанции и даже отсутствии дистанции.

В случае *простой* оппозиция 'не отклоняющийся от прямой линии' VS. 'отклоняющийся от прямой линии' [по горизонтали] получила незначительное раз-

⁸⁶ С XII в. прилагательное *десный* также развивает метафорическое значение 'истинный': *десные заповеди* (Великие Минеи-Четии, декабрь 18—23, XVI в.).

⁸⁷ Современные словари считают прилагательные *правый*¹ и *правый*², связанные, соответственно с представлением о пространстве и образцовости, омонимами.

витие (значения ‘быстрый’, ‘нелевый’). По всей видимости, это прилагательное было вытеснено из зоны соотноснения с идеей прямизны синонимами. В результате развитие его многозначности демонстрирует связь с другими идеями.

5. Идея прямизны соотносится с основными пространственными координатами, в силу чего оказывается связанной с идеей базовости⁸⁸.

3.2. ИДЕЯ БАЗОВОСТИ

Идея базовости предполагает: а) существование представлений о первооснове чего-л.; б) существование представлений о «монолитности», неделимости (в частности, первоосновы) на более мелкие составные части (оппозиция неделимый VS. делимый); в) существование представлений о производности, т. е. о способности одних субъектов (в частности, первоосновы) порождать другие. Производность может выявляться в процессе анализа (сводимость одних объектов к другим: непроизводный VS. производный) или синтеза (выводимость одних объектов из других: производящий VS. производный).

3.2.1. ИДЕЯ БАЗОВОСТИ: ПЕРВИЧНОСТЬ (НЕДЕЛИМЫЙ, НЕПРОИЗВОДНЫЙ)

Представления о базовости применительно к структуре объектов разрабатываются по мере того, как изучается их строение и выявляются связи между ними, что позволяет определить некоторые из них как элементарные (т. е. неделимые) и первичные (т. е. производящие), а другие как составные (т. е. делимые) и вторичные (т. е. производные).

В др.-рус. письменности прилагательное *простой* соотносилось со словом Бог, выражая одновременно смысл ‘имеющий начало в самом себе’ и ‘положивший начало всему’. Ср. *Яко же есть бог [...] неизменен, прост, несъложен, бесплотен* (Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна ексарха Болгарского, XII—XIII вв.). Данное значение представлено в многозначности соответствующих прилагательных в других славянских языках; ср. чеш. *prostý*, блр. *просты*, болг. *прост*, с.-х. *pròst*, словен. *prostý*, пом. *prosti*, польск. *prosty*.

3.2.2. ИДЕЯ БАЗОВОСТИ: ДОСТАТОЧНОСТЬ (НЕПРИТЯЗАТЕЛЬНЫЙ)

Вместе с тем, идея базовости может получать и другое осмысление. Она может участвовать в противопоставлении объектов, соответствующих своему основному назначению, аналогичным объектам, имеющим, однако, некоторые дополнитель-

⁸⁸ В развитии семантики прилагательного *прямой* идея прямизны также связана с идеей базовости: ‘не отклоняющийся в сторону’ → ‘не имеющий никаких этапов или стадий, кроме основных’. Ср. также значение ‘непосредственный’, фиксирующееся для совр. *прямой*: *Он каждое утро убирал кабинет, что было его прямой и главной обязанностью* (Д. Н. Мамин-Сибиряк, МАС).

ные элементы, придающие им особую (не прагматическую) ценность. Таким образом, идея базовости прослеживается в оппозиции достаточное VS. дополнительное и связывается с представлением об объектах, не имеющих ничего, кроме того, что позволяет использовать их в соответствии с назначением.

Обычно др.-рус. прилагательное *простый* реализует значение 'такой, который не имеет частей или свойств, не связанных с основным предназначением данного объекта' в контекстах, где оно сочетается с названиями еды, напитков, тканей или изделий, которые могут, кроме прагматической, иметь иную ценность (например, гастрономическую или эстетическую).

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
<i>Просты мя котыгы</i> [нижняя одежда] <i>лишисте</i> (греч. ἀπλοῦς, λιτός; Супр.)	Фиксируется с XI в. <i>Простеишааго</i> <i>во всем иди,</i> <i>и в брашьне и в</i> <i>одежди</i> (Изборник Святослава, 1076); <i>Проста бо одежда</i> (Послания Ивана Грозного, XVII ~ 1573); <i>Сукман си-</i> <i>ней простого сукна</i> (Акты, относящиеся до юридическо- го быта древней России, 1650); <i>Сверху дождь и</i> <i>снег, на мне... на-</i> <i>кинуто кафтаниш-</i> <i>ко просто</i> (Житие Аввакума, XVII); <i>Книга Миня месяц</i> <i>октябрь, в простом</i> <i>переплете, ветх</i> (Московский пе- чатный двор в 1649 году, 1649)	<i>Платью ли какую</i> <i>шить, сатиновую</i> <i>ли, ли простую.</i> <i>Ну, что подешевле</i> (ряз.); <i>простая вода</i> (для скота, худшего качества; ворон. 1893).	чеш. <i>prostý</i> , в.-луж. <i>prosty</i> , блр. <i>просты</i>

Данный смысл входит также в значение ряда слов, отмеченных в диалектах и содержащих в себе оценочный компонент; ср. *простачный*, *простаковый* 'простого разбору' (Даль); *простовара* 'невкусное, плохое кушанье (арх.; ср. *Щи только с мясом, а нет его, так какая-то простовара*); *простуша* 'лепешка из ржаной муки' (новг. 1911); *простяк* 'сорт простого, малоурожайного картофеля' (ворон.); 'плохой, слабый' (смол.).

Особое внимание следует, видимо, обратить на группу слов, обозначающих плетеные или тканые изделия: *простовивки* ‘веревка, сплетенная из двух прядей’ (ряз.); *простовивки* ‘лапти непрочного плетения’ (твер. 1858); *простовики*, *простоплетни* ‘лапти не очень прочного плетения’ (Даль); *простка* ‘простой холст в две нитки’ (пск., клин.); *простошный* ‘гладкий, без узоров, вытканый в две нитки’ (новг. 1969); *простыня* ‘холщевое или полотняное покрывало’ (Даль); *простка* ‘гладкий холст без узора’ (новг.); *простяной* ‘не шерстяной, простой чулок’ (пск.).

И в случае плетения, и в случае тканья представлены контексты, в которых особое качество изделия связывается со смыслом ‘два’ (базовое количество прядей, нитей и т. д.); ср. *двупрядный* ‘свитый из двух прядей’ (Даль); *двупрядка*, *двупрядник* ‘нитки или веревочки, ссученные из двух прядей’ (Даль). ‘Два’ может связываться с представлением об удвоении (ср. *двугубый*, *сугубый*, лат. *duplex*, греч. *δίπλαξ*), т. е. повышении уровня крепости, надежности, однако в данном случае речь идет, видимо, о некоторой примитивной технологии, соотносимой с представлением о первичном (одинарном) сгибании (ср. лат. *simplex*, греч. *ἁπλοῦς*)⁸⁹. Из типологических параллелей можно также привести фин. *yskinkertainen* ‘одинарный’ (*yksin* ‘один’); ср. *yskinkertainen ateria* ‘повседневная пища’⁹⁰.

В диалектах зафиксированы контексты, в которых прилагательное *простой*, сочетаясь с названиями пищи, означает ‘постный’; ср. *Простой суп есть будешь?* (р. Урал.)⁹¹.

3.2.3. Идея базовости: АСКЕТИЧНОСТЬ (НЕПРИТЯЗАТЕЛЬНЫЙ)

Деление объектов на имеющие VS. не имеющие дополнительные элементы может быть представлено также как оппозиция необходимое VS. лишнее. В соответствии с этим существует модель поведения человека, при которой он сознательно ограничивается использованием лишь необходимых объектов. В др.-рус. письменности XIV в. фиксируется значение ‘такой, который не хочет иметь ничего, кроме самого необходимого’; ср. *егда кто есть прост на едение и на питие* (Пандекты Никона Черногорца, XIV в.).

⁸⁹ Лат. *simplex* восходит к и.-е. **sem-* ‘один’ и **plek-* ‘плести’; ср. лат. *plicare* ‘сгибать [о чем-л. гибком]’. Представляет интерес тот факт, что корень **plek-* связывается с более древним корнем **pel-*, передававшим, в частности, представление о движении сверху вниз (ср. англ. *fall*, лит. *pulti*, арм. *p’ul* ‘падать’).

⁹⁰ Данное прилагательное развивает многозначность, пересекающуюся с многозначностью лат. *simple*, рус. *простой*: ‘несложный’, ‘обыкновенный’, ‘скромный’, ‘наивный’, ‘глуповатый’. Ср. также лит. *prastūoti* ‘есть простую (т. е. обычную) пищу’.

⁹¹ Существительное *пост* традиционно считается заимствованием из германских языков (ср. нем. *fest* ‘крепкий’, ‘твердый’). Оппозиция постное VS. скоромное может реализовываться в языке как оппозиция влажное (жирное) VS. сухое. Вместе с тем, постное иногда осмысливается как непитательное; ср. *постная трава* (амур.); *постный чай* ‘чай без молока’ [Толстая 2004: 390—391].

3.2.4. ИДЕЯ БАЗОВОСТИ. ОБОБЩЕНИЕ

1. Идея базовости связана с идеей прямизны через смыслы 'первичный' ('исходный') и 'основной', входящие в представление о первооснове. При осмыслении первичности (исходности) как такого состояния, которое бывает при возникновении объекта, идея базовости оказывается связанной с идеей естественности.

2. Первооснова мыслится как нечто, с одной стороны, неделимое и, с другой стороны, производящее.

3. Идея базовости подразумевает процесс сравнения, т. е. классификации объектов (ср. неделимый VS. делимый; производящий VS. производный; непроеводный VS. производный; достаточный VS. дополнительный, необходимый VS. лишний). В связи с этим идея базовости оказывается связанной с идеей иерархии.

4. При сравнении объектов идея базовости представлена в немаркированном элементе, что ведет к актуализации смысла 'не'.

5. Идея базовости непосредственно связана с представлением о достаточности. Представление о достаточности активизирует смысл 'только'. В связи с этим идея базовости оказывается связанной с идеей ограниченности.

6. Значение 'непритязательный', связанное с особой денотативной областью, является центральным в данном фрагменте многозначности. Оно отражено в диалектах, а также засвидетельствовано в других славянских языках.

3.3. ИДЕЯ ОГРАНИЧЕННОСТИ: НИЧЕГО, КРОМЕ (ТОЛЬКО)

Идея ограниченности предполагает наличие особой прагматики: объект, характеризующийся прилагательным *простой*, мыслится в данной ситуации как такой, который может и/или должен быть чем-л. осложнен или дополнен. Данная идея связана, прежде всего, с идеей базовости.

Значение 'сам по себе' представлено в др.-рус. письменности с XI века; ср. *Имя бо просто не въводитъ в ѿ(а)рство неб(е)сное* (Пандект монаха Антиоха, XI в.).

3.4. ИДЕЯ СТАНДАРТНОСТИ: УСРЕДНЕННОСТЬ (ОБЫЧНЫЙ)

Идея стандарта связана с основными законами восприятия, состоящими в том, что 1) любой объект осознается в сравнении с другими объектами; 2) любой объект осознается в качестве члена некоторого класса.

Данная идея предполагает, что а) существует множество однотипных объектов, б) существует некоторое представление о стандартном объекте, в) рассматриваемый объект уподобляется стандартному. Прилагательное *простой* указывает, что объект в целом соответствует стандартному.

Эта идея представлена в значении 'такой, который принципиально не отличается от других однородных объектов'.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
<i>не простыи его ученик преда, нь от избранааго ряду един</i> (греч. ἀπλοῦς; Супр.)	Фиксируется с XI в. <i>Възнося млтвы к з(оспод)у не съмешаи словес своих с простымии словесы, веды, яко б(о)гу собеседник еси</i> (Изборник Святослава, 1076); <i>Обычаи же бе многолежнныи старицу на всяк день молебны пети, или праздник или прост день... случашеся</i> (Записки Иннокентия о последних днях учителя его Пафнутия Боровского, XVI ~ 1487).	[о периоде времени] <i>В простой день некогда</i> (киров., перм., юго-зап. Сиб., сиб.); <i>простая пора, простое время; Это че выфрантились в простое время, раньше такие платья только по годовым праздничкам одевали</i> (ср. Урал., перм., сиб., иркут.)	блр. <i>просты</i> , словен. <i>pròst</i> , болг. <i>простий</i> , чеш. <i>prostu</i>

Данный смысл представлен также в диалектных словах: *простоденный* (ср. *Простоденные сарафаны да праздничные* (арх.)); *простодневный* (ср. *простодневная пища* (том.)).

3.5. ИДЕЯ ИЕРАРХИЧНОСТИ: КЛАССИФИКАЦИЯ (НЕСПЕЦИАЛЬНЫЙ)

Эта идея также связана со способностью человека к сравнению и к выявлению классов однородных объектов. Однако в данном случае речь идет о системном противопоставлении объектов одного типа. Иначе говоря, предполагается, что а) существует множество однородных объектов; б) между объектами одного типа существуют системные связи; в) существует свойство Р, которым объект либо обладает, либо не обладает. Прилагательное *простой* занимает позицию немаркированного члена оппозиции и указывает на то, что объект не обладает выделенным свойством Р. В связи с этим прилагательное *простой* участвует в ранжировании объектов в соответствии с наличием или отсутствием какого-л. свойства.

В соответствующих контекстах *простой* означает: 'такой из двух объектов, противопоставленных по наличию / отсутствию какого-либо свойства, который не обладает данным свойством'.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
	Фиксируется с XVII в. <i>Савва Леонтьев варил... шесть варь пива в том числе четыре вари переварного, а две вари простого</i> (Приходно-расходные книги холмогорского архиерейского двора, 1694)	<i>простая польнь, простой осетр</i> (р. Урал)	

В 20-е гг. XVIII в. фиксируется терминологическое противопоставление *простой* [т. е. прозаический] VS. *стихотворный*, возникшее благодаря маркированности стихотворной речи по отношению к прозаической⁹²; ср. *Писали простым слогом, а не стихами* (А. Кантемир, Сатира III); ср. *Писал просто, а не рифмами* (А. Ф. Хрущов, предисловие к переводу «Приключений Телемака Ф. Фенелона»).

Ср. также *простушка* ‘простая, не козырная карта’ (перм. 1856).

3.5.1. Идея иерархичности: классификация ОДУШЕВЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

Идея классификации применима и по отношению к социуму. В др.-рус. письменности прилагательное *простой* могло характеризовать человека двояко.

3.5.1.1. Миряне VS. Духовенство

Во-первых, прилагательное *простой* указывало на то, что человек не принадлежит к духовенству.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
	Фиксируется с XII в. <i>Речено да будет о простых чловецех</i> (греч.: <i>περὶ τῶν λαϊκῶν</i> ; Ефремовская кормчая, XII);		

⁹² Интересно, что слово *проза* восходит в конечном итоге к *prōsa oratio* ‘прямая (направленная вперед) речь’. Лат. форма *prōsa* (жен. р. от *prōsus*) образована от *prōversus* (причастие прошедшего времени от *prōvertere*) и также включает префикс *prō-*.

	<i>и престанет литургия... будут попове якы прости людие</i> (Памятники отреченной русской литературы, 1345)		
--	--	--	--

Этот же смысл представлен в слове *простец*; ср. *уже в пении «Воскреси Господи»... ереем и архиереем седати, белцем или простьцем никакоже, аще князь или цсрь будеть* (Ответы митрополита Иоанна II, XIV ~ 1089); *простец* ‘мирянин, не посвященный, не духовного звания’ (Даль); *В книгах беспоповцев называют простецами* (р. Урал).

3.5.1.2. Непривилегированное сословие VS. Привилегированное сословие

Во-вторых, слово *простой* указывало на то, что человек не принадлежит к привилегированному сословию.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
<i>аще которы простъ людинъ враждю имы</i> (Евх.)	Фиксируется с XIII в. <i>яко аще воин или купец или простый члкъ... в воинских станех пребывает еслико аще лет пребудет</i> (Кормчая Балашева, XVI); <i>простая чадь</i>	<i>он из простой руки</i> (перм. 1852)	болг. <i>простый</i> , блр. <i>просты</i> (в войске — ‘рядовой боец’)

С этим значением связан и термин *проста мова* (лат. *lingua rustica*), которым обозначался возникший в Юго-Западной Руси в XVI в. литературный язык на народной основе, противопоставленный как ц.-сл. языку, так и украинской и белорусской диалектной речи.

Ср. также наречие *по-простацки*: *Яны маливалися по прастацкому, а не по письменному* (Смоленские комедии, XVIII в.).

3.5.1.3. Породистый VS. Непородистый

Существуют употребления, указывающие на реализацию потенциально возможного применения членения социума по отношению к животным. Ср. *Может хряк якиширский, а свинья простая* (ряз.); а также *простачка* ‘дворянжка’ (р. Урал.); *простушка* ‘беспородное животное’: *Раньше ведь все больше свиньи простушки были* (свердл. 1984).

3.6. ИДЕЯ СТАНДАРТНОСТИ. ИДЕЯ ИЕРАРХИЧНОСТИ. ОБОБЩЕНИЕ

1. Идея стандарта и идея иерархии связаны с процессом сравнения и выявлении классов однородных объектов.

2. В процессе сравнения объект соотносится с классом однородных объектов и признается либо соответствующим стандартному (идея стандартности), либо противопоставленным другому объекту (другим объектам) в качестве не обладающего каким-л. свойством (идея иерархичности).

3. Идеи стандарта и классификации связаны с идеей базовости. Во всех трех идеях заложено представление об исходности и о потенциальной возможности изменения, преобразования. В связи с этим все три идеи оказываются связанными с идеей естественности. Так, например, идея стандартности представлена в многозначности прилагательного *естественный* (*в естественном монастыре сидит сбирая ум и любомудря* (Пандекты Никона Черногорца, XIV в.), *совр. естественный порядок вещей*), ср. также прилагательные *обычный*, *обыкновенный*, производные от *обычай* в значении 'то, что внутренне присуще кому-л.' (естество, суть).

4. Прилагательное *простой* обозначает немаркированный член оппозиции, что ведет к актуализации смысла 'не'.

5. Идея иерархии может применяться к социуму.

6. Значение 'мирянин' имеет, по всей видимости, книжное происхождение.

7. Значение 'неспециальный' лежит в основе развития терминологических словосочетаний.

3.7. ИДЕЯ ЕСТЕСТВЕННОСТИ: ИСХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ (ТАКОЙ, КАКОЙ ДАН)

Идея естественности предполагает: а) существование представлений о некотором начальном («природном», «сыром») состоянии объекта⁹³; б) существование представлений о процессе обработки (воздействии на объект со стороны человека), подвергаясь которой, объект, не меняясь принципиально, приобретает качества, придающие ему особую ценность (ср. оппозицию *природный* VS. *обработанный*); в) выделение в процессе обработки стадии, на которой объект обработан в той минимальной степени, в которой это необходимо для того, чтобы начать использовать его по назначению (ср. оппозицию *минимально обработанный* VS. *обработанный*).

⁹³ Существительное *естество* (др.-рус. *естьство*) пришло в русский язык из старославянского. Оно образовано от формы 3 лица ед. ч. глагола существования *быть* (ср. *суущий*, восходящее к деепричастию) и является калькой греч. *οὐσία*. Существительное *естество* имело значение 'природа'; ср. *естьственный* 'природный'.

Смысл ‘минимальная обработка’, не отразившийся в зафиксированных для др.-рус. периода значениях прилагательного *простой*, представлен в словах *простка* ‘ржаная мука простого помола’ (пск. 1904—1918); *простомол* ‘мука грубого помола вместе с отрубями’ (челяб.).

3.7.1. Дикий [О РАСТЕНИЯХ]

Данное значение зафиксировано в диалектах; ср. *простой лук* (Приангарье), *простой мак* (калуж. 1916).

3.7.2. Голый [О ЧЕЛОВЕКЕ]

Если объектом является человек, «природность» соотносится с отсутствием одежды (т. е. с актом рождения или сотворения человека)⁹⁴.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
<i>Проста члка про- няхом</i> (греч.: <i>ψιλός</i> ; Супр.)		<i>Навою, наплачуся над простыми ко- ленями</i> (костром. 1920)	чеш. <i>prostý</i>

Данный смысл представлен в диалектном употреблении наречия *просто* и в слове *простоножки*; ср. *Она просто* (т. е. ‘раздета’; яросл.); *Поранешнему называли простоножки, а теперь ботинки* (новосиб.; ср. совр. *босоножки*).

Значение ‘непокрытый’ [применительно к волосам], восходящее к этому смыслу, представлено в словах *простоволосый*, *простовласый* (‘с непокрытой головой’); *простоволоска* (‘женщина с непокрытой, а также непричесанной головой; южно-сиб. 1847; новосиб., кемер., волог., арх., ленингр., ворон., краснояр.; ср. «незамужняя и вольного поведения, самокрутка; иногда расплетает косу на двое, но платка не носит» (Даль); *простоволосица* «бабья потасовка, платки летят с голов» (Даль).

3.7.3. Идея естественности: отсутствие приспособлений (ТАКОЙ, КАКОЙ ЕСТЬ)

Идея естественности может также участвовать в осмыслении способа, которым человек достигает некоторой цели. В подобных контекстах прилагательное *простой* обозначает ‘без специальных приспособлений’ (ср. совр. *голыми руками*)⁹⁵.

⁹⁴ Существительное *естество* имело значение ‘тело, плоть’, давая ассоциации с наготой (*възведе очи милостивно на седяя въ нагоде [...] понуди естество свое прикрытии одеждою* (Изборник Святослава 1076 г.))

⁹⁵ Глаголы *вооружать*, *вооружить* в значении ‘снабдить чем-л., помогающим в достижении какой-л. цели’ фиксируются начиная с XVIII в.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
	Фиксируется с XVI в. <i>По обычаю вси людие съвокутили ся бяху ово оружницы, ово же прости</i> (Иосиф Флавий, О полонении Иерусалима, XVI~XI).	<i>Ловит простой рукой</i> (свердл., южн. Урал., средне-обск., новосиб.); <i>К нему брат, простой не суйся</i> (смол. 1914) <i>Попросту без луку на простую руку</i> (вят., костром.)	чеш. <i>prostý (prostým okem, prosty vojin)</i>

Умение добиться результата, не используя специальных приспособлений, может оцениваться положительно как свидетельство особой ловкости; ср. зафиксированное в диалектах значение 'ловкий': *Рука у меня была простая: другие возятся, возятся, а мене — раз и готово* (дон. 1975)⁹⁶.

Данный смысл представлен также в диалектном употреблении наречия *просто*; ср. *Панские собаки не кусаются, иди себе просто, без палки* (смол. 1914).

Связь с представлением о таком начальном, «природном» состоянии можно увидеть в значении прилагательного *простой* в составе современного словосочетания *простым глазом*.

Можно предположить, что указание на наличие/отсутствие орудий (специальных приспособлений), наличие/отсутствие оружия относится к числу принципиально важных, что должно отражаться в представленности в языке специальных связанных с этим смыслом словосочетаний⁹⁷.

3.7.3.1. Идея естественности: отсутствие обработанности (необработанный)

Идея естественности, вызывая ассоциации с некоторым исходным состоянием объекта (ср. 'дикий', 'голый', 'без приспособлений'), как уже было сказано, подразумевает наличие оппозиции природный VS. обработанный. Прилагательное *простой* может использоваться для характеристики земли и означать 'такой, который не подвергнут обработке': *Огороды просты стоят, ниче не садыт* (амур.)⁹⁸.

3.7.3.2. Идея естественности: отсутствие термической обработки (некипяченый)

В значении 'такой, который не подвергнут кипячению' представление об отсутствии обработки конкретизируется по отношению к жидкостям: 'отсутствие

⁹⁶ Вместе с тем, ловкость может осмысляться как особое умение красть: *Простая рука у мерзавца: все берет без разрешения* (дон. 1975).

⁹⁷ Ср. ряд конструкций во франц. языке, в которые входят причастия от глаголов со значениями 'воевать', 'защищать', 'оборонять': *armé de, muni de, garni de* [qch.].

⁹⁸ Ср. лит. *prastynà* 'неунавоженное поле'.

обработки' → 'отсутствие термической обработки': Тебя от простого-то [молока] лихотит (новосиб.). Ср. простомывка 'стирка без кипячения' (дон.): А рубахи простомывкой промыли); простокваша 'свежее молоко' (яросл., 1850), 'снятое молоко' (свердл.): Свежее молоко ране-то звали простокваша (арх.).

3.7.4. ИДЕЯ ЕСТЕСТВЕННОСТИ: ПОВЕДЕНИЕ.

ОТСУТСТВИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ И/ИЛИ УМЕНИЙ (НАИВНЫЙ, НЕОБРАЗОВАННЫЙ, НЕОБУЧЕННЫЙ, НЕОПЫТНЫЙ)

Если объектом характеристики является человек, смысл 'обработка' модифицируется: предполагается, что человек в процессе жизни проходит «обработку» воспитанием, образованием, опытом. В подобных контекстах прилагательное *простой* означает 'такой, который своим поведением демонстрирует недостаточность ума, образования, опыта'⁹⁹.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
<i>кроток бо... и речию простую</i> (греч. <i>idwōtēs</i> ; Супр.)	Фиксируется с XII—XIII вв. <i>Многы книги от еретик искажены быша на вред простых ч(е)л(ове)к сиречь невежных</i> (Кормчая Балашева, XVI); <i>А он недороден, и в разуме прост и на службу не пригодился</i> (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским, 1554); <i>Ч(е)л(ове)цы простии и некнижнии в кратком времени вселенную уловиша</i> (Скрижаль Арсения Грека, 1656)	твер. 1820, тамб.	чеш. <i>prostý</i> , с.-х. <i>prđst</i> , болг. <i>простый</i> , блр. <i>просты</i> (также в значении 'слабоумный')

⁹⁹ Связь 'природный' → 'необработанный' (метаф.) представлена в многозначности прилагательного *дикий* (ср. *дикий человек*, *дикие нравы*).

Данное значение тесно связано с представлением о мере свойства и о возможности его разной оценки.

Следует отметить, что свойство наивность может оцениваться положительно как свидетельство изначальной «невинности» человека, непричастности плохому (ср. *невинный младенец*)¹⁰⁰. Данное свойство подразумевает открытость, доброжелательное отношение к людям, готовность помогать им. В силу этого прилагательное *простой* может использоваться для указания на то, что человек является добрым; ср. *Нищих много было, который простой, тот давал милостыню им* (арх., сев.-двин.); *Марья простящая, всем поделится с тобой* (свердл.; уральск. 1934; тюмен.).

С другой стороны, наивность, приравненная к отсутствию необходимого жизненного опыта, часто расценивается как недостаток, как свидетельство неспособности правильно оценить ситуацию и мотивы, движущие людьми¹⁰¹. В этом случае данное свойство может восприниматься как свидетельство «дефектности» человека, его неумения мыслить или вообще отсутствия мыслительной деятельности. Особенно ярко негативная оценка этого свойства проступает в производных словах; ср. *простак*, *простофиля*. Многочисленные номинации для характеристики наивного, неумного человека, а также человека с психическими отклонениями, производные от основы данного прилагательного, засвидетельствованы в диалектах. Ср. *простенький* (новг., моск., р. Урал): *Простенькая стала она, ей уж сто шесть лет, плохо соображает, блаженная, она вам ничего не расскажет, идите к тетке Аграфене*; *простоватый* (казаки-некрасовцы); *протачок* (волог.), с *протейцей* (сарат.): *У пастуха сын-то с протейцей, чего дома говорят, все на улице рассказывает*; с *простиной* (новг., ряз.): *Они какие-то бельские с простиной народ..., им отругать ничего не стоит*; с *простинкой* (ряз., ворон., пенз., калуж., новг., омск.): *С простинкой, не хватает у него, глупый*; *простоволосый* (брян.); *простодыра* (краснодар.): *Ну что за простодыра! Взяла да отдала сквороду! Чай она деньги стоит!*; *простодырый* (перм.): *Это ведь ты простодырая, все готова отдать*; *простокваша* (яросл., костром., вят., ворон.): *А царь и говорит им: — Эх, вы, простокваши. Не знаете и того: ведь эти голубки они и есть* (сказка); *простокиша* (пск.); *простоумный* (казаки-некрасовцы), *простуда* (пск.); *простыница* (твер., новг., пск., влад., горьк.): *Она ведь бабка простыница, не различает, что можно сказать, а чего нельзя*; *протячок* (яросл.); *простыня* (яросл. 1849); *протыня* (твер., перм., сиб., уральск., костром., волог., новг.); *простуха* (тамб. 1856, курск., перм., свердл., горно-алт.); *протячок* (яросл. 1926); (обширный корпус та-

¹⁰⁰ Прилагательное *наивный* вошло в русский литературный язык в самом конце XVIII в. Оно является заимствованием из французского языка; франц. *naïf, naïve* восходит к латинскому *nativus*, непосредственно указывающему на нечто, данное от природы (от рождения).

¹⁰¹ Ср. представление о *доверчивом, открытом* человеке как о таком, которому свойственно преуменьшать возможность плохих поступков со стороны других людей или возможность плохого развития событий [см. часть 5 настоящей монографии].

ких наименований собран и описан в работе: [Леонтьева 2003; см., в частности, Приложение, с. 446—447])¹⁰².

В некоторых случаях без опоры на широкий контекст и интонацию трудно понять, о какой оценке свойств человека — положительной или отрицательной — идет речь в предложении; ср. *Такая простая — всем накупила конфеты* (казаки-некрасовцы); *Мать его росла такая простофиля, сама не съест, отдаст* (арх., новг., 1896—1920); *Это ведь ты простодырая, все готова отдать* (перм.)¹⁰³.

3.7.4.1. Идея естественности: поведение.

Отсутствие скрытности (искренний)¹⁰⁴

Свойства 'наивность' и 'искренность' отчасти сближаются: и в том и в другом случае речь идет об особом, доверительном отношении к другим людям; естественном, а не искусственном поведении. Однако если под наивностью может пониматься неумение адекватно воспринимать ситуацию, то искренность подразумевает сознательный отказ от стратегии «себе на уме» (т. е. обмана), поэтому обычно она оценивается положительно. Представление об обмане (хитрости, лукавстве) возвращает к идее прямизны (ср. негативную оценку отклонения от прямого в метафорических употреблении, например: *кривда*, субст. *лукавый* 'дьявол' и т. д.).

Прилагательное *простой*, указывая на искренность, может обозначать 'такой, который в отношениях с другими людьми демонстрирует свои настоящие чувства и мысли'. Метафорически оно также характеризует «органы» человека, воспринимающиеся как своего рода вместилища мыслей и чувств (обычно ум и душу), как такие, которые открыты для внешнего влияния. Возможно, в подобных контекстах отчасти сохранялось представление о «пряmostоянии» как особом состоянии человека (см. разделы 2.3.2, 3.1.1).

¹⁰² Представление о наивности как положительном качестве отражено в выражении *святая простота*; ср., однако: *Простота хуже воровства*.

¹⁰³ Семантический переход 'добрый' — 'глупый' уже описывался как пример для иллюстрации «тенденции к деградации» значения; ср. аналогичное развитие слов *bon, bénin, bonhomme* во французском языке: «Un caractère doux, accomodant et bon est facilement la victime des hommes peu scrupuleux, et l'exploiteur qualifie volontiers d'imbécile celui qu'il arrive à duper: un homme qui ne se méfie pas, qui ne sait pas se défendre est un pauvre naïf. Ainsi, pour beaucoup de gens, l'idée de bonté amène nécessairement celle de stupidité» [Nyrop 1979: 121—122]. Ср. эволюцию англ. прилагательного *silly* (счастливый — невинный — заслуживающий сострадания — слабый — необразованный — глупый — слабоумный) [Hughes 1988: 10].

¹⁰⁴ Отметим, что слово *искренний*, родственное слову *край*, изначально также имело, видимо, пространственное значение. Таким образом, можно говорить о представленном в обоих случаях смысле 'близкий'. По всей видимости, близость в «образцовых» контекстах может осмысляться как связь с исходным состоянием, как свойство природы человека (непосредственность). Именно так, в соответствии с идеей естественности, данное значение интерпретируется некоторыми словарями.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
егда убо око твое просто будет и все тело твое про- сто будет (греч. φωτεῖνος 'светлый'; Супр.; Зогр., Мар. — светло); беаше бо муж тъ не прост и груб (греч. παινοῦρος 'ковар- ный'; Супр.).	Фиксируется с XI в. <i>Просту пред бо- гом поставити возможем нашу душу</i> (Изборник Святослава, 1076); <i>Бе же Изяслав... прост муж умам не вздая зла на зло</i> (Лаврентьевская летопись, 1377); <i>Бе же сеи муж не- книжен, но умам прост</i> (Московская летопись, XV); <i>в некоей веси пре- бываху два соседа, един прост а другой лукав</i> (Стефанит, XVII—XVIII). В Словаре Академии Российской 1822 и 1867 гг. дается с пометой <i>церк.</i>	<i>жить простою ду- шою</i> (смол. 1914)	болг. <i>простый</i> , ма- кед. <i>prost</i> , словен. <i>prostý</i> , словин. <i>pròst</i> , ст.-чеш. <i>prostý</i> , польск. <i>prosty</i>

Следует отметить, что в диалектах зафиксированы контексты, в которых прилагательное *простой* указывает на то, что человек в общении с другими людьми проявляет больше скромности, чем следует; ср. *Иная-то боевая, а эта простыя* (ворон., челяб. 1914). Таким образом, и в этом случае превышение некоторой меры свойства создает потенциальную возможность осмыслить изначально положительно оцениваемый тип поведения как нечто отрицательное.

3.7.4.2. Идея естественности: поведение. Отсутствие особенностей поведения, связанных с более высоким статусом в обществе (негордый, скромный)

В данном случае речь также идет о положительно оцениваемом проявлении искренности человека, воплощающейся в отказе от демонстрации в повседневном общении своего особого положения в социуме.

В подобных контекстах прилагательное означает 'такой, который в обычном общении с другими людьми ведет себя как с равными, несмотря на свой более высокий статус в обществе'. Значение представлено в диалектах; ср. *Сноха у ее хоть ученая, а простая, с нами, со старухами, разговаривает* (перм., сиб., вост.-казах., ворон., ряз. 1897, арх. 1907), а также в многозначности соответствующих

прилагательных в других славянских языках (ст.-болг. *прост*, словац. *prostý*, ст.-чеш. *prostý*, ст.-польск. *prosty*, укр. *простый*).

Это же значение фиксируется и для существительного *простуха* (горн.-алт. 1970).

3.7.5. Идея естественности. ОБОБЩЕНИЕ

1. Идея естественности связана с идеями базовости и стандартности через смысл 'исходность'. При этом *простой* объект характеризуется как такой, как он дан изначально, или такой, как он есть.

2. Идея естественности связана с идеей ограничительности, поскольку предполагает что объект, близкий к исходному состоянию, не имеет никаких дополнительных свойств¹⁰⁵.

3. Связь идей естественности, базовости и ограничительности проявляется в значениях 'дикий', 'голый', 'без специальных приспособлений'.

4. Идея естественности связана с идеей иерархичности (ср. оппозиции природный VS. обработанный; минимально обработанный VS. обработанный). При этом обработка может подразумевать, с одной стороны, добавление / развитие чего-л., а с другой стороны, наоборот, устранение лишнего.

5. В значении 'такой, который не подвергнут обработке' акцентируется смысл 'не'.

6. Смысл 'отсутствие обработки' может конкретизироваться по отношению к определенному кругу объектов (ср. 'отсутствие обработки' → 'отсутствие термической обработки' [о жидкостях]).

7. Смысл 'обработка' может модифицироваться, если объектом является человек: 'обработка' → 'обучение'; 'отсутствие обработки' → 'отсутствие обучения'.

8. Значения 'без специальных приспособлений', 'такой, который своим поведением демонстрирует недостаточность ума, образования, опыта' являются центральными в данном фрагменте многозначности.

9. В тех случаях, когда *простой* характеризует человека как такого, который ведет себя искренне, активизируется связь идеи естественности с идеей прямизны.

3.8. Идея свободы

Идея свободы включает большой спектр представлений. Прежде всего, она связана с идеей естественности.

Идея свободы может связываться с идеей естественности через смыслы 'природный', 'исходный', 'необработанный'.

¹⁰⁵ О связи идей естественности и ограничительности внутри многозначности прилагательного *голый* см. выше.

Во-первых, выделяются части пространства, по отношению к которым свобода мыслится как пустота, т. е. как отсутствие людей, неосвоенность людьми. Так, на связь представления о пустоте с отсутствием деятельности человека может указывать, например, история прилагательных *дикий, пустой, праздный (порожный)*¹⁰⁶.

Во-вторых, свобода мыслится как изначальное состояние человека¹⁰⁷, а также как такое положение дел, при котором человек может делать то, что хочет, поскольку он ничем не ограничен¹⁰⁸.

3.8.1. Идея свободы: движение (нескованный)

Идея свободы по отношению к животным и людям реализуется, в частности, в представлении о движении¹⁰⁹. В подобных контекстах она подразумевает, что: а) существует нечто, что может ограничивать свободное движение или препятствовать свободному движению человека или животного; б) в данном случае движение человека или животного не встречает никаких ограничений или препятствий.

¹⁰⁶ Для праслав. **dikъ* (и.-е. корень **dī-*) предполагается связь с отсутствием деятельности; ср. лит. *dykas*, латыш. *dīks* ‘праздный, незанятый’ ([ЭССЯ 5: 30]; см. также [Фасмер I: 514; Черных II: 253]). Для праслав. **rustь* реконструируется и.-е. основа **paus-* [Pokorny I: 790; формант *-t-* представлен также, например, в праслав. **čistъ*]. Греч. образования с основой *παυς-* (восходящей к этому же корню) указывают на первоначальную связь с состоянием покоя, отсутствием или прекращением действий или деятельности (ср. лат. *pausa*) [Фасмер III: 411; Черных II: 84—85]. Прилагательные *праздный* и *порожный* соотносятся как церковнославянизм и собственно русизм. Для праславянского языка реконструируется предлог **perz-d/*porz-d* (формант *-d* представлен в предлогах **nadъ *podъ*; ср. приставку *пере-* и предлог *перед*), имевший значение ‘через’ и, по-видимому, в некоторых контекстах указывавший на продвижение в ранее неосвоенном пространстве, вследствие чего впоследствии мог осмысляться как указание на пустоту [ESJS 12: 701]; о соотношении с хетт. *parš* ‘бежать’, герм. **ferzan* ‘удалять’ (<**per-/*por-*) см. в [Фасмер III: 330; примеч. О. Н. Трубачева]). Ср. сочетания со словом *земля*, где объект характеризуется как необработанный, неосвоенный человеком: *земля наша праздна есть* (Успенский сборник, житие Епифания Кипрского, XII—XIII вв.), а также диал. *На празжую землю вывоз крестьян* (твер. 1910).

¹⁰⁷ Хорошо известно, что у индоевропейских народов отсутствует общее обозначение понятия «свобода», однако в отдельных его реализациях также может проследиваться идея естественности. Так, например, «в латыни и греческом свободный человек **(e)leudheros* определяется положительным образом через его принадлежность к общему “развитию”, “росту”, к “корню”» [Бенвенист 1995: 212]. С представлениями о принадлежности к одному роду, племени, к «своим» связано и праслав. **svoboda*, однокоренное со словом **svoji* [Фасмер III: 582—583; Черных II: 148].

¹⁰⁸ Ср. толкование Е. Урысон: ‘положение дел, при котором человек может делать то, что хочет, потому что другой человек или общество не ограничивают его, благодаря чему субъект обычно испытывает очень приятное чувство’ [НОСС 2004: 1003].

¹⁰⁹ Заметим, что ассоциации с идеей свободы могут присутствовать и в «коммуникационных» контекстах, о которых шла речь в связи с идеей прямизны. Дорога и движение связываются со свободой в сознании современных носителей языка [Щепанская 2003: 27].

Указывая на то, что человек или животное имеют возможность свободно двигаться, прилагательное *простой* означает ‘такой, движения которого ничто или никто не ограничивает’.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
<i>да в ад пустят еже в мертвых прост</i> (греч. <i>ἐλεύερος</i> ; Супр.)	Фиксируется с XV в. <i>Княже, мы тебе добра хотим и за тв голови свое скла- дываем, а ты дер- жишь ворогы свое просты</i> (Лаврентьевская летопись, XI—XV) <i>Великий же князь... многих изыманных пощади и просты держа</i> (Книга сте- пенная царского родословия, XVI— XVII ~ 1560 г.). Ср. пословицу <i>Холостой простой, женат рогат, а вдовец что зяблец,</i> где <i>простой</i> упо- треблено метафори- чески.	<i>Сначала будут вас с конвоем отпустить, а потом простых</i> (перм. сказка; волж., костром.); <i>Сам то бы прост, да при- вязан хвост</i> (ветл., костром. 1914, ко- стром., волж., арх., киров.); <i>Все лето ходит коза проста, всю картофельную траву сламила не привязана как</i> (арх.); <i>в простых быть</i> [о лошади, которую пускают с повозкой сзади без кучера] (новг.)	блр. <i>просты</i> [о коне: ‘не спутанный’]

Данный смысл представлен также в диал. *на прости, простяком*; ср.: *Щеночек... все время на прости ходя* (пск.); *Привязан, нет, конь-то? Нет, простяком* (арх. 1960), а также в глаголе *выпростать* (*выпростать руку из-под одеяла* [ногу из стремени]).

3.8.2. ИДЕЯ СВОБОДЫ: ДВИЖЕНИЕ / СТАТИКА (НЕСТЕСНЕННОСТЬ)

С предыдущим значением связано представленное в диалектах значение ‘такой, который больше, чем нужно’ [об одежде и обуви]¹¹⁰; ср. *Тут простая кофта* (костром.); *Венки иным ведь простые, знаешь, так плат подложат, чтоб он не спал-то* (арх.); а также *простоватый* ‘большой, свободный, великоватый’: *Сапоги по ноге? Да нет, простоваты* (арх.).

¹¹⁰ Ср. совр. *свободный* в этом значении.

3.8.3. ИДЕЯ СВОБОДЫ: ПЕРЕМЕЩЕНИЕ НАЛЕГКЕ (НЕНАГРУЖЕННОСТЬ)

В том случае, когда речь идет не о любом движении, а о перемещении (поступательном движении), прилагательное *простой* характеризует животное или человека как передвигающегося налегке. В какой-то степени подобные контексты связаны с идеей базовости и естественности (ср. 'такой, как есть'; 'такой, как дан', 'не имеющий специальных приспособлений').

3.8.3.1. Отсутствие ноши [о лошади]:

'такой, который не имеет на себе всадника или упряжи'

Фиксируется с XV в.; ср. др.-рус. *простой конь*: *Солтан же выезжает на потеху... да пред ним 100 человек, да коней простых 300* (Хождение за три моря Афанасия Никитина, XV — нач. XVI ~ 1472); *две лошади одна лошадь с телегою и с хомутом, а другая проста* (Собрание актов XVII—XVIII вв. Ф. А. Толстого, 1696 г.), а также диал. *Без телеги я ездила, одни только кони просты. Лошадь проста пришла безо всякой веревки, без упряжи* (пинеж., арх., 1960).

3.8.3.2. Отсутствие ноши [о человеке]:

'такой, который ничего не несет в руках или на себе'

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
	<p>Фиксируется с XIV в.</p> <p><i>три человека вставать на плечи единому человеку, а он аки прост ходит</i> (Хождение Стефана Новгородца, 1347);</p> <p><i>Люди с покровцами и с попонами и простые</i> (Свадебные чины при Домострое, XVII ~ XVI)</p>	<p><i>Руки не просты</i> (словарь В. Даля);</p> <p><i>да тут я и шла проста. Люда несла все топерь</i> (пинеж., арх.);</p> <p><i>Простая-то к дочери не пойду, ченибудь надо нести</i> (перм.);</p> <p><i>Корзину в болоте оставила, найти не смогла, пришла домой простая</i> (омск., том., иркут.);</p> <p><i>У меня в руках две корзины, а у его руки простые</i> (сиб.);</p> <p><i>В простой-то лодке Как по морю-моречку плавало суденышко И судно не просто</i> (перм.,</p>	

Данный смысл представлен также в диал. *простешенький*; ср. *У меня ручки не простешеньки, У меня ручки попризанаты* (север. Барсов), а также *протыком*; ср. *Нынче протыком ходят, ничего не несут* (арх.). Ряд слов реализует данный смысл по отношению к транспорту; ср. *протак* ‘порожняк, без поклажи’: *Телега протак, извозчики протакки* (Даль); *протак* (пск., твер. 1855, арх.): *Нынче протак* *ходят* [о транспорте], *ехать протак* (Даль); *протынка* ‘телега порожняк’ (Даль), ‘пустая подвода’ (моск. 1912); *протышка* ‘порожний воз’ (Влад. 1853); *протывольный* (ряз.): *Тут машина была протывольная*)¹¹¹.

3.8.3.3. Отсутствие ноши [о небеременной женщине]:

‘такая, которая не является беременной’¹¹²

Данное значение представлено в диалектах; ср. *проты кобыла* (арх., Онучков); *Гулять пойдешь, проты домой не придешь* (Даль; зафиксировано также в тобол. 1896, амур.).

3.8.4. ИДЕЯ СВОБОДЫ: ПЕРЕМЕЩЕНИЕ, НЕ ВСТРЕЧАЮЩЕЕ ЗАСЛОНОВ (ОТКРЫТЫЙ)

Свободу перемещения могут ограничивать не только оковы, путы, ноша и т. д., но и препятствия на пути, в частности, заслоны (закрытые двери или ворота)¹¹³. В подобных контекстах прилагательное *простой* обозначает ‘такой, который открыт’.

¹¹¹ Значение представлено и для прилагательного *пустой*; ср. *пришел с пустыми руками*. На территории Мордовии зафиксировано выражение *с голыми кулаками*: *Приехали ко мне з голыми кулаками, хть бы каку канфетку привезли* [Горячева 1988: 86].

¹¹² Беременность вообще связывается с представлением о грузе; ср. совр. *беременная, тяжелая, понести* (‘зачать’), *носить* (вынашивать) *ребенка* (о названиях беременной женщины в славянских языках см.: [Толстая 1995: 160]). Ср. значение ‘небеременная’ у прилагательных *порожня* (*порожня женщина, порожня кобыла*), *праздная*: *а жены при мелют [перец] — от того они празды бывают* (Лечебник, XVIII в. ~ XVII—XVIII вв.). В псковских говорах зафиксирован глагол *опрознить* ‘разрешиться от бремени’ [Чернышев 1931: 185]. Отметим, что в БТС’е для прилагательного *пустой* фиксируется с пометой разг. значение ‘не способный воспроизводить потомство; бесплодный (о самке животного или женщине)’; ср. яросл. *пустая* ‘бесплодная [о животном]’. Об употреблении прилагательного *простой* в значении ‘пустой’ см. ниже.

¹¹³ Отметим, что прилагательное *свободный* также развивает значение ‘открытый’ (фиксируется с XIII в.), однако оно характеризует «коммуникационные» объекты: дорогу, путь, (про)ход и т. д. Значение ‘открытый’ применительно к пространствам и заслонам фиксируется для прилагательного *палый*. Данное слово возводится к праслав. **rolъ* (родственно слову *поле*), и.-е. **rel-* ‘широкий, плоский’, ‘открытый’ [Фасмер III: 320; Черных II: 54]. Согласно другой гипотезе, *палый* возводится к праслав. **rel-* (< и.-е. **(s)phel-* ‘бить, ударять’); ср. *полоть* ‘драть’ [Преображенский II: 91—92, 102]. Ср. *велеть печи поделать в огородах и на палых местах* (Дела об определении губных старост и воевод по городам, 1640 г.), *во-*

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
	<p>Фиксируется с XIV в. <i>А как свои двери просты видишь перед собою, так и мои двери перед тобою таковы же просты всегда</i> (Собрание государственных грамот и договоров, 1497); <i>одне ворота запираются щитами а другие стоят просты</i> (Псков и его пригороды, 1698); <i>А двери у него всякому просты</i> (Даль)</p>	<p><i>Вороты просты — входи!</i> (пск. 1902—1904) Ср. перен. <i>проста</i> слезами (пинез., арх. 1959)</p>	

Данный смысл представлен также в др.-рус. *просто*; ср. *И надзирати ему... над вороты в замыканье ночном и в бережение дневном, чтоб и в день не просто* [т. е. не на запоре] *отворено стояло* (Устав ратных дел, XVII в.).

3.8.5. ИДЕЯ СВОБОДЫ: ОТЪЯТИЕ-ИЗБАВЛЕНИЕ

Идея свободы может связываться с изменением состояния (возвращением в предыдущее, так сказать, исходное состояние), происходящим благодаря отъятию чего-л. приобретенного. При этом указание на объект, подлежащий отъятию, вводится конструкцией от + РОД. В зависимости от типа этого объекта такое отъятие может мыслиться как нечто позитивное или негативное¹¹⁴.

3.8.5.1. Идея свободы: отъятие-избавление (избавленный)

В том случае, когда нечто приобретенное оценивается как плохое, отъятие носит позитивный характер. В подобных контекстах прилагательное *простой* обо-

рота стоят палы (Акты Белозерской съезжей избы, 1618 г.). Употребляясь расширительно, данное прилагательное могло указывать на любой пролом в здании; ср. *Над гробом же господним болияя церковь есть, верх у ней пол* (Хождение Игнатия Смольнянина, XVI в. ~ 1405 г.).

¹¹⁴ Ср., с одной стороны, глаголы *избавить*, *освободить*, *избавиться*, *освободиться*, *выкарабкаться*, а с другой стороны, глаголы *терять*, *утрачивать*, *лишать(ся)*, *отнимать*, *отбирать*.

значает 'такой, который перестал испытывать что-л. плохое'. Достаточно типичными являются контексты, в которых в качестве плохого выступают болезни¹¹⁵, грех, проклятие.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
<i>проста буди от всего недуга</i> (греч. <i>ἀφίεσθαι</i> ; Евх.; ср. в Зогр., Мар., Ас., Сав. <i>отпущена еси</i>)	Фиксируется с XII—XIII вв. <i>поймешу жену с(ы)ну моему от племени моего и от дому моего, тогда будеши прост от заклинания моего</i> (Быт. XXIV; Геннадиевская Библия, 1499); <i>прост будеши от греха своего</i> (Сказ об Адаме, XVII).	<i>Вороты просты — входи!</i> (пск. 1902—1904) Ср. перен. <i>проста слезами</i> (пинезж., арх. 1959)	

Данный смысл представлен также в глаголе *простить* [НЕСОВ *прощать*], т. е. освобождать от наказания за вину. Др.-рус. *простити*, *прощати* могли указывать на избавление:

— от вины или греха: *И вы ныне бога ради, простите ми, грешному вашему рабу* (Послания Иосифа Волоцкого, XVI в.); *без опитемии прощает* (Измарагд, XVI в. ~ XIV в.);

— от смерти: *О человеце о слепом его же простил Бог у гроба* (Житие Василия и Константина Ярославских (XVII в. ~ XVI в.); явишася чюдотворцы... почало от гроба их людей прощати много (Новгородская четвертная летопись, XV—XVI вв.).

Кроме того, глагол *простити* мог указывать на избавление от бремени (роже-ницы); ср. *Бог простил, родила царевича* (Архив П. М. Строева, 1633 г.)¹¹⁶.

¹¹⁵ Отметим, что в глаголах *исцелять*, *исцелить* (от болезни) и *избавлять*, *избавить* также представлена идея возвращения к исходному состоянию, заключенная в корневых морфемах *цел-* и *-бав-* (**baviti* — каузатив к **byti*). Однако в глаголе *исцелить* реализуется представление не об отъятии, а о прибавлении, возвращении к исходной целостности. Глагол *вправить* также передает идею возвращения к исходному (здоровому) состоянию (*вправить вывих*); ср. диал. *правый* 'здоровый' (моск. *Один глаз совсем не видит и другой не правый*; фиксируется также в арх., новг., ряз. и калуж. говорах). Для всех этих употреблений актуально представление о норме: отклонении от нее и возвращении к ней.

¹¹⁶ Аналогичное значение фиксируется и у слов с корнем *свобод-*. Ср. *По договору росту и свершков, но и иных всяких долгов не платить и от того свободну быти* (Вести-Куранты, 1648 г.); *не бысть убо свободен своих грехов* (Изборник Святослава, 1076 г.); *А кто сию молитву... гл(аго)л(е)ть... будет свобод от всех сетей вражьих* (Домострой, XVI в.); *долж-*

3.8.5.2. Идея свободы: отъятие-незанятость (праздный)

Частным случаем отъятия можно считать ситуацию, когда человек, обычно работающий, получает возможность не работать. В подобных контекстах прилагательное *простой* означает 'такой, который не занят обычной работой'.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
	Фиксируется с XVII в. <i>во время противности где они были, за караулом или просты</i> (Письма и бумаги имп. Петра Великого, 1688—1708); <i>Среди поста и матушка проста</i> (Даль)	<i>Бабы топеря просты — ходят из избы в избу, вести то перенашивают</i> (перм.); <i>Нисколь ни сидишь простая, все что-нибудь делаешь</i> (свердл., уральск., кемер.); <i>Все занимается, никогда простой не бывает</i> (том., иркут., амур., сиб.)	

Данный смысл представлен также:

а) у прилагательного *простехонький*; ср. *Я простехонька, одна себе, лежу целой день на пече* (перм., свердл.);

б) у глагола *прощати*; ср. *с(вя)тыми угодник его Николае да прощает тя от работы* (Чудеса Николы, XVI в. ~ XI в.);

в) у наречия *напрост*; ср. *я стал напрост* (Даль);

г) в конструкции *в просте*; ср. *Мишка Кошкарев бит кнутом и з города сбит, что от нево воровства было много и ни в какой службе не был, жил в просте* (Акты Дедиловской воеводской избы, 1661 г.)¹¹⁷.

ным свобода и нужным лгота (Измарагд, XVI в. ~ XIV в.); *Савва же в таковом тяжелом мучении много время пребысть и несть ему свободы* (Повесть о Савве Грудцыне, XVIII в. ~ XVII в.); *Лекарство от болезни свободить не может* (Действие о князе Петре Златых Ключах, XVIII в.). Данное значение представлено также и у др.-рус. прилагательного *праздный*; ср. *И глас слова его... Валаама от неч(ес)тиваго възвышения прыздня твории* (Хроника Георгия Амартола, XIII—XIV вв. ~ XI в.).

¹¹⁷ Ср. аналогичное использование прилагательного *свободный*: *от всего делесы свободен* (Мудрость Менандра, XIV—XV вв.); *совр. быть свободным* [от дел, от работы]; *человек, свободный от предрассудков*. Это же значение фиксируется и для др.-рус. прилагательных *праздный*, *порожний*; ср. *а востав празден не седи, стани на м(о)л(и)тву... или за рукоделие приимайся* (Предание некоего старца учеником своим о иноческом жительстве,

3.8.5.3. Идея свободы: незанятость (досужный)

В том случае, когда в качестве объекта выступает отрезок времени, прилагательное *простой* обозначает 'такой отрезок времени, когда человек не занят работой'¹¹⁸. Данное значение реализуется в конструкции *от простой поры*, представленной в диалектах; ср. *Приду как-нибудь от простой поры* (иркут.); *не от простой поры: Мне не от простой поры тут стоять, работа есть* (уральск. Бажов); *Мне ведь не от простой поры-то целый день зря провести* (челяб., перм., ср. Урал); *в простое время делаем* (в словаре В. Даля)¹¹⁹.

3.8.5.4. Идея свободы: незанятость (неиспользующийся)

В том случае, когда в качестве объекта выступает инструмент, прилагательное *простой* обозначает 'такой, который в данный момент не используется по назначению'. Данное значение представлено в диалектах; ср. *А что нет граблей простых?* (том., кемер.)¹²⁰. Оно также реализуется у др.-рус. *просто*; ср. *тыя часы прежде сего сам же владыка... прислал, и они такы стояли просто и до него* (Псковская летопись, XVII в.).

3.8.6. Идея свободы: отъятие-лишение (лишенный)

В том случае, когда нечто, приобретенное объектом, оценивается как хорошее или нейтральное, отъятие носит негативный характер¹²¹. В подобных кон-

XVII в.), *праздный же да не ясть* (Изборник Святослава, 1076 г.); *я же буду порожен* [от дел], *я сам поиду* (Ипатьевская летопись, XV в.), а также диал. *Я сегодня празжий, могу к тебе прийти* (калин., 1970). В русских диалектах оно представлено и для прилагательного *правый*: *Все сделам, всю траву соберем, потом я правый, ниче не делаю* (хабар., 1983).

¹¹⁸ Совр. словари различают слова *простой*¹ (прилагательное) и *простой*² (существительное). *Простой*², связанное с глаголом *простоять*, означает 'непредвиденная остановка в работе или вынужденное бездействие механизмов' (БТС) (о семантике стояния как «нарушенного» движения см. раздел 2.3.2).

¹¹⁹ Ср. аналогичное использование совр. прилагательного *свободный*: *свободный вечер, свободные дни*. Данное значение представлено также у др.-рус. прилагательных *праздный* и *порожний*; ср. *праздная* {*порожняя*} *неделя* (т. е. пасхальная неделя). Ср. *пусточасье* 'досуг, свобода, простор времени', а также особое употребление существительного *простор*: *простору нет*, 'руки не доходят, недосужно, некогда' (Даль). Вероятно, с особым состоянием — бдением — связана семантика польск. *pusta noc* 'время, когда люди не спят [во время свадьбы или когда кто-л. умрет]' [Горячева 1998: 89].

¹²⁰ Ср. совр. разг. *свободный телефон, свободные деньги*. Данное значение представлено также у др.-рус. прилагательных *праздный* и *порожний*; ср. *обретоша же ся и оружия ту... и железа праздна, и меди, и олова бецисла* (Иосиф Флавий, О полонении Иерусалима, XVI в. ~ XI в.); *Осталось... порожних пуговиц серебряных, кованых... не нашиты ни на чем* (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, 1612 г.), а также диал. *У меня много перин-от, еще три праздны есть* (арх., 1964).

¹²¹ Ср. глагол *лишать*, а также родственные ему слова *лихой, лихо, лишай, калека*, входящие к праслав. **lichъ*, связанному с и.-е. **lek-* ('оставлять', 'переставать') [Черных II:

текстах прилагательное *простой* обозначает 'такой, который перестал иметь то, что имел раньше'. Это значение реализуется в конструкциях КР + ТВОР. Достаточно типичным является контекст, в котором в качестве хорошего выступают деньги.

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
<i>прости ѣ динарии да прост будещи тѣмѣ талант</i> (Супр.)	Фиксируется с XIII в. <i>Я прост своими денгами</i> (лат. <i>отпнi tea pecunia orbatu sum</i> ; Лудольф, 1696); <i>Рублем прост стал</i> (Даль); <i>Что ступишь, то рублем прост</i> (Даль); <i>Пожалел алтына, рублем прост будешь</i> (Даль)	<i>Прост чем-л.</i> (вят., 1915); <i>Ребенок у ей помер, теперь проста-понята</i> (онеж., КАССР, 1933); <i>Я то простая вольница, сама собой, беспризорная выросла, без отца без матери</i> (Камч. 1971)	

Данный смысл представлен также в значении др.-рус. *простити* 'лишать должности'; ср. *и(а)рь же... и сана мастриискаго прости и, и постави на востоце страпилата* (Хроника Иоанна Малалы, XV в. ~ XIII в.).

3.8.7. ИДЕЯ СВОБОДЫ: ОТЪЯТИЕ-ОТСУТСТВИЕ (ПУСТОЙ)

Смысл 'отъятие' представлен в значении 'такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать',¹²² которое прилагательное *простой* реализует в сочетании с названиями емкостей, вместилищ, помещений.¹²³

486]. Подобные контексты характерны для др.-рус. *праздный, пустой*; ср. *узрит себя праздна божественныя и человеческия славы* (Дело о патриархе Никоне, 1659 г.); *пуста убо бѣше великая Русия всякаго блага* (Челобитная Лазаря, XVIII в. ~ 1668 г.). К этому же значению, видимо, восходит совр. *освободить от должности*.

¹²² Формулировка значения заимствована из статьи О. Ю. Богуславской, см: [НОСС 2004: 898].

¹²³ Данное значение представлено у др.-рус. прилагательных *пустой* и *праздный*. Ср. *Из пустава судна ни пьют ни едят* (посл.); *и полна хранилища скоро обрящутся праздно* (Геннадиевская Библия, 1499 г.). Для др.-рус. *порожний* такое употребление менее характерно (о специализации прилагательного в XIX—XX вв. см. в словарной статье О. Ю. Богуславской [НОСС 2004: 900—901]). Для др.-рус. *свободный* подобные контексты вообще не зафиксированы, однако это значение отмечается для начала XIX в.; ср. *угла нет свободнаго — что делать?* (А. С. Пушкин, Письма).

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
	<p>Фиксируется с XVII в.</p> <p><i>А буде в новои год соль варить, и анбаров простых не будет</i> (Якутские акты, 1646)</p>	<p><i>Куды ведро то просто несешь?</i> (свердл., южн. Урал, уральск., тобол., новосиб.);</p> <p><i>Простое ведро или опростанное ведро — это когда пустое оно</i> (краснояр., иркут.);</p> <p><i>Нету простых кринок, все с молоком там</i> (Прииртышье);</p> <p><i>Не прост ли горшок-от?</i> (волг., костр., новг., моск.);</p> <p><i>Да вылей в банку, она простая стоит</i> (ряз., пенз., казан., симб.);</p> <p><i>Ящик у тебя простой или че в нем лежит?</i> (Забайкалье, якут., амур., юго-зап. Сибири, сиб.);</p> <p><i>У меня просты карманы-те, ничего в них нет</i> (Забайкалье, якут., амур., юго-зап. Сибири, сиб.);</p> <p><i>Матушка, лапушка, печь-то не проста</i> (иркут. Шейн); <i>Эта кровать проста стоит, как гости приедут, так их туда ложут</i> (арх.);</p> <p><i>Топерь вси то есте места да перезаняты... Только просто одно местечко стоит</i> (былина Олон.);</p>	

Ст.-слав.	Др.-рус.	Диалекты	Слав. языки
		<i>Ставьте тут, просто место есть</i> (свердл. киров., уральск., челяб., новосиб.); <i>Дам-от простой стоит</i> (волог., нижегор., пенз., ряз.); <i>Баня проста, иди мойся</i> (том., Забайкалье, Амур); <i>Закрамы просты, простаго места много</i> (Даль)	

Данный смысл представлен также:

- а) у составного прилагательного *простопорожний*: *простопорожний ларь* (Даль)
- б) у существительного *просто́та*: *Простоты в кладовых много* (Даль);
- в) у др.-рус. глагола *простати*; ср. *и двора не простаёт* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии, 1672 г.), а также значения ‘освободить комнату’, ‘высыпать выливать что-л.’, зафиксированные в арх. диалектах;
- г) у глагола *выпростать* (*выпростать ведро*)¹²⁴;
- д) у глагола *опростать* (*опростать ящик*);
- е) у наречия *просто*; ср. *Во дворе просто, в клети просто* (печор., арх.); *В магазине просто было, никого народу-то* (свердл., курган.); *В избе просто стало, хот где ложись* (свердл., курган.); *В бане было хорошо да просто* (киров., уральск.) *Сегодня в бане просто* (костром.); *Тут просто, давай сядем* (южн. краснаяр. пенз.).

3.8.8. Идея СВОБОДЫ: ОТЪЯТИЕ-ПОЛОСТЬ (ПОЛЫЙ)

В сев.-двин. диалекте зафиксирован контекст, в котором прилагательное *простой* указывает на пустое пространство внутри дерева; ср. *Другая лесина добрая начнешь пилить — корень простой*

3.8.9. Идея СВОБОДЫ. ОБОБЩЕНИЕ

1. Существует группа слов, развитие многозначности которых указывает на связь между идеями естественности, базовости и свободы (*пустой, полый, праздный, свободный, простой*).

¹²⁴ Ср. глаголы *запростать, позапростать* ‘занять, заполнить чем-либо’ (Ср. Урал).

2. В данных словах идея естественности, связываясь со смыслом 'природный', имеет разную реализацию. Природность может ассоциироваться с собственно природными объектами, с отсутствием человека или следов деятельности человека, а также с исконным состоянием или положением человека; ср. *пустой* ('дикий'), *простой* ('дикий', 'голый', 'необработанный'), *праздный* ('необработанный'), *свободный* ('кровный').

3. Идея свободы может ассоциироваться с движениями человека или животного (данная ассоциация представлена в значениях прилагательных *свободный*, *простой*).

4. Идея свободы может ассоциироваться с отсутствием преград или заслонов на пути (данная ассоциация представлена в значениях прилагательных *свободный*, *полюй*, *простой*).

5. Идея свободы может ассоциироваться с отъятием чего-л.: с избавлением от чего-л. или с лишением чего-л. (данная ассоциация является, по всей видимости, центральной; она представлена в прилагательных *пустой*, *праздный*, *порожний*, *свободный*, *простой*).

6. Среди значений, включающих смысл 'отъятие', центральными оказываются контексты, в которых речь идет о незаполненном объекте (фиксируются для прилагательных *пустой*, *праздный*, *порожний*, *свободный*, *простой*, *полюй*).

7. Среди значений, включающих смысл 'отъятие', достаточно устойчивым оказывается контекст, в котором речь идет о неработающем человеке (фиксируется для прилагательных *праздный*, *порожний*, *свободный*, *простой*). Все прилагательные, имеющие данное значение, развивают значения 'такой отрезок времени, когда человек не занят работой' и 'такой, который в данный момент не используется по назначению'.

8. Идея свободы, ассоциирующаяся с представлениями о необремененности или незаполненности, позволяет развивать значение 'небеременная' (представлено у прилагательных *праздный*, *простой*).

ГЛАВА 4. СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНОСТИ

ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ПРОСТОЙ*

В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В главе 2 была высказана гипотеза, согласно которой в основу многозначности прилагательного *простой* легла идея прямизны. В главе 3 рассмотрены значения, фиксирующиеся для прилагательного *простой* с XI в. по начало XIX в., а также значения, представленные в диалектах. Согласно излагаемой гипотезе, их возникновение объясняется ассоциативной связью идеи прямизны с другими идеями

(базовости, ограничительности, стандартности, иерархичности, естественности и свободы).

Данная глава посвящена структуре многозначности прилагательного *простой* в современном русском литературном языке. Лексемы современного *простой* сгруппированы по блокам, каждый из которых отражает связь с той или иной идеей, что позволяет сопоставить их со значениями, описанными выше.

При определении порядка, в котором следуют блоки, учитывается степень актуальности той или иной идеи для современного состояния многозначности (в силу чего идея прямизны оказывается на последнем месте), а также связь между идеями.

Порядок следования значений внутри блока определяется логическим принципом «разворачивания» многозначности. Значения получают сквозную иерархическую нумерацию.

Простой¹, ая, ое; прост, проста, просто; проще, простейший.

1. ИДЕЯ СТАНДАРТНОСТИ

1. 'такой, который принципиально не отличается от других однородных объектов'

Прилагательное в данном значении не образует форм КР, СРАВН и ПРЕВ.

Прилагательное *простой* в данном значении характеризует достаточно широкий круг объектов; ср. *Нарисуй на бумаге простой кружок* (И. Бродский, То не Муза воды набирает в рот); *Известие это, сообщенное в форме простой записки с приказанием от Кутузова и полученное ночью, [...] удивило и раздражило графа* (Л. Н. Толстой, *Война и мир*); *История и верно оказалась очень простой, но в то же время и совершенно необычайной* (Ю. Домбровский, *Факультет ненужных вещей*); *Клиентура росла, люди простые, не вхожие в круг избранных, записывались в очередь, чтобы попасть к закройщице* (Т. Моспан, *Подиум*); *Хотела бы только заметить, что простые таксисты показали пример решительного отпора вымогателям* (В. Скворцов, *Сингапурский квартет*); *Присмотревшись к нему, профессор сразу убедился, что этот воробей — не совсем простой воробей* (М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*).

Прилагательное входит в устойчивое словосочетание *простой смертный*; ср. *Нет, любил, любил зам. начальника тюрьмы по оперчасти эти закрытые, недоступные простым смертным кинопросмотры* (Ю. Домбровский, *Факультет ненужных вещей*).

Прилагательное *простой* в данном значении обладает некоторыми особенностями употребления.

1) Характеризуя человека, оно, как правило, сочетается с названиями представителя человечества как такового (*простой человек (смертный)*); сословия (*простой рабочий (бюргер)*); профессии, рода занятий (*простой шофер, простая учительница*); группы лиц, занимающих определенную должность, имеющих определенное звание (*простой научный сотрудник (кандидат наук, офицер), простая секретарша*). Прилагательное *простой* в данном значении не сочетается с названиями

представителей групп, не обладающих выраженными общими свойствами или особенностями поведения; ср. странность ¹²⁵*простой ребенок*, а также словосочетания *простой старик*, *простая женщина*, где прилагательное *простой* выступает в других значениях, при нормальном *обычный ребенок* (*старик*), *обычная женщина*. Вместе с тем, оно не сочетается также с названиями представителей групп, члены которых обладают ярко выраженными (типичными) общими свойствами и особенностями поведения; ср. ¹²⁶*простой ловелас*, ¹²⁷*простой немец* (*американец*), ¹²⁸*простой ребенок из неблагополучной семьи*; но *типичный ловелас* (*немец, ребенок из неблагополучной семьи*).

Прилагательное *простой*, характеризую человека, плохо сочетается с названиями лиц, занимающих высокое положение в иерархии, что объясняется интерференцией со значением \approx 'из низших сословий'; ср. ¹²⁹*Он был простым дворянином* (*директором, министром, генералом, доктором наук*).

Вместе с тем, все эти ограничения на употребление снимаются, когда *простой* выступает в составе противительной конструкции; ср. *Это был не простой ребенок, а вундеркинд* ¹²⁵.

2) Существуют промежуточные контексты, в которых трудно различить данное значение и значение 'не обладающий выделенным свойством Р' ¹²⁶. Как правило, трудности при различении оппозиций *обычный VS. особенный* и *маркированный VS. немаркированный* возникают в случае наличия противительной конструкции, когда для обозначения маркированного члена оппозиции нет устойчивой (терминологической) номинации. Ср. *Это была даже и не камера вовсе, а карцер, и не простой карцер, а особый, для голодающих* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей): с одной стороны, *простой карцер* — это обычный карцер [такой же, как другие карцеры], с другой стороны, возможно противопоставление *простой карцер VS. карцер для голодающих* (по типу классификации: *простая камера VS. камера смертников; простая камера VS. одиночная камера*), а также игровой пример: *Нет же у нас в городе зоологического сада! — Будет! — ответил Лавр Федотович и тут же демократически пошутил: — простой сад у вас есть, детский тоже есть, а теперь и зоологический будет* (А. и Б. Стругацкие, Сказка о тройке).

3) Существуют промежуточные контексты, в которых трудно различить данное значение и значение 'такой, который не имеет частей или свойств, не связанных с основным предназначением данного объекта' ¹²⁷. Ср. *Это был простой шкаф* (допускает разное понимание: такой же, как другие подобные шкафы или же шкаф без отделки).

¹²⁵ Об особенностях отрицания при противопоставлении см. в [Богуславский 1985: 6 и сл.].

¹²⁶ Описание значения см. ниже.

¹²⁷ Описание значения см. ниже.

СИНОНИМЫ: *обычный 1, обыкновенный 1, заурядный, непримечательный, рядовой 1, типичный 2.*

АНТОНИМЫ: *особый 1, особенный 1, необыкновенный, необычайный, выдающийся 2, из ряда вон.*

АНАЛОГИ: *обыденный, обычный 1, обыкновенный 1; общий 4; постоянный 3, привычный 1; принятый, общепринятый; повседневный, будничные 1; заведенный, установленный, урочный 2; ходовой 7, распространенный 2, употребительный, общеупотребительный; банальный, шаблонный 2, тривиальный, избитый 2.*

ДЕРИВАТЫ: *простота [ср. простота этой истории].*

II. ИДЕЯ ИЕРАРХИИ

2. 'такой, который не обладает выделенным свойством Р другого или других объектов того же класса'.

Прилагательное в этом значении не образует форм КР, СРАВН и ПРЕВ.

Прилагательное в данном значении характеризует объекты, имена которых образуют словосочетания с другим прилагательным, называющим особое свойство объекта, в том числе устойчивые и терминологические. Таким образом, прилагательное *простой* участвует в образовании оппозиции немаркированный VS. маркированный объект, характеризуя первый член оппозиции. Члены оппозиции в совокупности формируют классификацию (по назначению, рангу и т. д.). Ср. *простой карандаш VS. цветной карандаш; простая телеграмма VS. срочная телеграмма; простое письмо VS. заказное письмо; простая репетиция VS. генеральная репетиция; Запарная ботвинья отличается от простой тем, что кроме кваса в ней присутствует кислая запарная закваска из муки и квасной гущи* (В. Похлебкин, Национальные кухни наших народов); *Но какой карп — простой или зеркальный?* (А. Рыбаков, Дети Арбата-2).

СИНОНИМЫ: *обычный 2, обыкновенный 2.*

АНАЛОГИ: *неспециальный.*

3.1. 'такой, который не принадлежит к привилегированному сословию'.

Прилагательное в данном значении не образует форм КР, СРАВН и ПРЕВ.

Прилагательное в данном значении сочетается с названиями людей, а также со словами *люди, народ*; ср. *Она думала, что только аристократки падают в обморок, а с простыми женщинами этого не бывает* (БАС, Панова, Времена года, 4); *А девка она была простая, т. е., вы понимаете, крепостная* (СУш, Тургенев); *Смотри, — шепнул Матвей Анне, — вот как здесь живет нашими господам, — что уж говорить о простых людях!* (МАС, Короленко, Без языка); *Сюда не допускался простой народ* (В. Ходасевич, Белый коридор).

Прилагательное имеет субстантивированное употребление: *из простых.*

СИНОНИМЫ: *низкого происхождения, низкого рода, из низов.*

АНТОНИМЫ: из *благородных*, из *аристократов*, из *дворян*.

АНАЛОГИ: *плебей*; *плебеи*, *плебс*, *чернь*.

ДЕРИВАТЫ: устар. *простолюдин*, устар. *простолюдинка*; устар. *простонародье*.

3.2. 'такой, какой бывает у представителей непривилегированного сословия'.

Прилагательное в данном значении не образует форм КР, затруднено также образование синтетических форм СРАВН и ПРЕВ.

Прилагательное в данном значении сочетается со словами, обозначающими группы людей (*сословие*, *слой*...), а также со словами *происхождение*, *звание*; ср. Он был *простого происхождения* (*принадлежал к простому сословию*); Кондуктор, особенно в глазах людей *простого звания*, — *фигура авторитетная, импозантная и нередко грозная* (Ю. Щеглов, Романы И. Ильфа и Е. Петрова).

СИНОНИМ: *низкий* 6.

АНТОНИМ: *благородный* 3, *аристократический* 2, *дворянский*.

ДЕРИВАТЫ: *простонародный*; *просторечный*; *просторечье*; *опрощение*; *опроститься*.

III. ИДЕЯ БАЗОВОСТИ

4. 1. 'такой, который имеет элементарную конструкцию'.

Прилагательное в данном значении характеризует *механизмы*; ср. *Моторчик простой, примитивный, я (...) рычажок (...) закрепил, мотор завелся* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Замок простой, типа щеколды* (Л. Петрушевская, Три девушки в голубом).

СИНОНИМЫ: *элементарный* 1, *несложный* 1.

АНТОНИМЫ: *сложный* 2, *замысловатый*, сленг. *накрученный*.

ДЕРИВАТЫ: *упростить* 1, *упрощать* 1, *упрощение* 1 [ср. *упрощение механизма*], *упрощенный*.

4.2. 'такой, структура которого элементарна или однородна'.

Прилагательное в данном значении не образует форм КР.

Прилагательное в этом значении входит в состав терминов; ср. *простое предложение* (т. е. не распадающееся на самостоятельные синтаксические единицы); *простые организмы* (т. е. организмы, состоящие из одной клетки или колонии клеток; ср. субстантив. *простейшие*); *химически простые вещества* (т. е. состоящие из атомов одного химического элемента), *простое число* (т. е. целое положительное число, больше единицы, не имеющее других делителей, кроме себя и единицы).

СИНОНИМЫ: *элементарный* 5, *однородный* 2.

АНТОНИМЫ: *составной* 1, *сложный* 1.

4.3. 'такой, который при действиях с ним не требует знаний, способностей и/или умений, превышающих средние знания, способности, умения'.

Прилагательное в данном значении сочетается с названиями ментальных и/или физических действий и/или процессов (*выполнение, исполнение, решение, понимание, запоминание* и т. д.), указывая на то, что эти действия или процессы не составляют труда. Ср. *простой прыжок, простое упражнение, простой этюд; Короче, Виля был чересчур одухотворенной личностью для простой работы* (С. Довлатов, Ремесло); *У вас вот высшее образование, и очки, и бороду вот отрасли, а понять такой простой теоремы не можете* (А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу); *Чонкин может задать только очень простой вопрос и, может быть, даже глупый, но он, Ярцев, обязан снижаться до уровня каждого бойца и разъяснить непонятное* (В. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Прилагательное в данном значении может употребляться субстантивированно; ср. *Сводить сложное к простому Сталин почитал своим великим талантом* (А. Рыбаков, Дети Арбата).

Прилагательное в данном значении входит в устойчивое словосочетание *проще простого*.

Характеризуя различного рода механизмы, инструменты, приспособления как такие, которые не требуют особых знаний или навыков при их использовании, прилагательное в данном значении образует конструкцию *простой в + ПР: простой в обращении ((ис)пользовании, эксплуатации)*.

СИНОНИМЫ: элементарный 2, легкий 3, несложный 2.

АНТОНИМЫ: трудный 1, сложный 5, непростой.

ДЕРИВАТЫ: *простенький; упрощенный; упрощение* 2 [ср. *упрощение технологий*]; *упрощенец, упрости́тель; упрости́тельство; упрощенность; простота* [ср. *простота решения*]; *упростить* 2, *упрощать* 2, *опростить; упроститься; просто*.

5. 'такой, который лежит в основе развития чего-л.'

Прилагательное в данном значении не образует форм КР, СРАВН.

Прилагательное в данном значении входит в состав терминов; ср. *простейшие монополии, простое товарное производство, простой продукт*.

≈ СИНОНИМЫ: *первичный* 1, *производящий* 1 [ср. *производящая основа*], *исходный, базовый* 2, *начальный* 1.

≈ АНТОНИМЫ: *вторичный* 1, *производный* 1.

АНАЛОГИ: *первозлемент; основа* 2, *основание* 3; *источник* 2; *пра-* [ср. *прародитель, праязык*].

6. 'такой, который не имеет частей или свойств, не связанных с основным предназначением данного объекта'.

Прилагательное в данном значении характеризует объекты, подлежащие оценке с точки зрения эстетики или вкуса. Оно сочетается с названиями *произведений, артефактов* и их частей: *одежды, обуви, аксессуаров, мебели, объектов архитектуры, блюд* и т. д. Ср. *простая песня* (ваза, мебель, пища), *простое платье*; *Одну клеть от другой отделяют решетки, не простые, а затейливые, гнутые, им всякий удивляется, кто впервые входит сюда* (В. Тендряков, Поденка — век короткий); *Она надела на седые волосы маленький простой чепчик* (И. А. Гончаров, Обрыв); *Вот она, в простом платье, входит в скромную квартиру, прибранную для такого случая хозяевами* (В. Пелевин, Чапаев и пустота); *Четыре простые и суровые башни мрачно рисовались на фоне неба* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора); *Программа нынешнего обеда ему очень понравилась: будут <...> спаржа и <...> чудесный, но простой ростбиф* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).

Отсутствие каких-либо дополнительных частей или свойств может оцениваться как отрицательно, так и положительно. В частности, оценка такого отсутствия как желательного представлена в том случае, когда слово *простой* функционирует в качестве эстетической категории, указывая на то, что в или на объекте нет ничего лишнего.

СИНОНИМЫ: *скромный 3, немудреный, незатейливый, незамысловатый, безыскусный.*

АНТОНИМЫ: *вычурный, изысканный 2, замысловатый, затейливый.*

ДЕРИВАТЫ: *простота* [ср. *простота одежды*]; *просто.*

IV. ИДЕЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОСТИ

7. 'такой, который ничем не осложнен'.

Прилагательное в данном значении характеризует широкий круг объектов, в частности, для него типично сочетание с названиями чувств. Ср. *Ею двигало простое любопытство* (беспокойство); *Я был слишком взволнован и смущен, чтобы объяснить, что это было простой попыткой показать, как трудно действовать одной рукой* (А. и Б. Стругацкие, Христоролюди); *Все рассказы о нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Все решения принимались простым большинством голосов* (Ю. Елагин, Укрощение искусств); *Она видела Ленино смущение, растерянность и раздражение и, будучи женщиной умной, достаточно повидавшей и поднатюревшей в закулисных больничных отношениях, догадалась, что это не простая халатность* (В. Валеева, Скорая помощь).

Прилагательное в данном значении часто сочетается с предикативными словами.

Прилагательное *простой* в этом значении может заменяться на наречие *просто*, т. е. являться его синонимом; ср. *Все рассказы о нем — просто выдумки.*

Прилагательное в данном значении не образует форм КР, СПРАВН и ПРЕВ.

Прилагательное в данном значении не может употребляться в функции предикатива.

СИНОНИМЫ: только, и только, ничего больше, ничего кроме, взятый сам по себе, один, просто.

АНТОНИМЫ: не только, осложненный.

V. ИДЕЯ ЕСТЕСТВЕННОСТИ

8.1. 'такой, который прошел минимальную обработку, позволяющую использование в соответствии с основным предназначением'.

Прилагательное в данном значении сочетается с названием *материалов*; ср. *простая кожа*; *Штаны из простой парусины, но Игорь уже не один год вытирает о них свои кисти и мастихин, а потому штаны цветут немыслимыми цветами* (В. Тендряков, *Ночь после выпуска*).

Словосочетание *простой помол* обозначает, что зерно размельчено крупно (ср. синонимичное словосочетание *крупный помол* и антонимичные словосочетания *тонкий помол*, *мелкий помол*, *грубый помол*).

СИНОНИМЫ: *грубый 2*.

АНТОНИМЫ: *выделанный*.

АНАЛОГИ: *низшего качества, низшего сорта, низкосортный; топорный*.

8.2. 'такой, который сделан из материала, прошедшего минимальную обработку'.

Прилагательное в данном значении характеризует *изделия*; ср. *простые чулки*; *Она сидела за столом и разбирала какое-то письмо на простой синей бумаге* (И. А. Гончаров, *Обрыв*).

СИНОНИМЫ: *грубый 1*.

9. 'такой, который своим поведением демонстрирует недостаточность ума, образования, опыта'.

Прилагательное в данном значении характеризует человека; ср. *Старикан не так прост, как кажется* (БТС); *Я думал, что ты не до такой степени прост, чтобы через две недели знакомства давать деньги взаймы* (Гончаров, *СУш*); *Неужели же можно быть до такой степени простым и недалевидным! — вскричала Марья Александровна, возводя глаза к небу* (Ф. М. Достоевский, *Дядюшкин сон*); *Вроде бы простая, как три копейки, каждое сказанное ею слово вгоняет в краску, а адмирала в лейтенанте разглядела* (В. Силицына, *Муза и генерал*).

Для данной лексемы прилагательного *простой* характерно: а) употребление в краткой форме; б) употребление в контексте наречий, обозначающих степень свойства; в) употребление в контексте отрицания. Прилагательное *простой* в этом значении не образует противопоставительных конструкций; ср. **Он не прост, а (умен) образован*.

В современном русском разговорном языке существует особый круг употреблений, в котором прилагательное *простой*, обычно в контексте слов *такой (-ая)*, со-

всем, указывает на отсутствие воспитанности, на бесцеремонность, бестактность человека; ср. *Она такая простая, подошла, стала рыться в моих вещах.*

Представление о примитивности личности человека выступает на первый план в контекстах, содержащих указание на эталон; ср. *простой как грабли* (карандаш, три копейки).

СИНОНИМЫ: *глупый 1, наивный.*

АНТОНИМЫ: *умный 1, умудренный.*

АНАЛОГИ: *дурачок.*

ДЕРИВАТЫ: *простоватый, простодушный; простодушие; простофиля, простак, простачок, простец; простота* [ср. *по простоте душевной*]; *просто-душно.*

10.1. 'такой, который в отношениях с другими людьми демонстрирует свои настоящие чувства и мысли'.

Прилагательное в данном значении характеризует человека; ср. *Чудо человек! Простой, ясный! Бесконечно его люблю!* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

Прилагательное в данном значении не образует форм СРАВН и ПРЕВ.

СИНОНИМЫ: *искренний, открытый 6, откровенный 1, чистосердечный, бесхитростный.*

АНТОНИМЫ: *скрытный 1, хитрый 1, себе на уме.*

ДЕРИВАТЫ: *простодушный; простота* [ср. *в сердечной простоте*]; *просто, запросто, по-простому.*

10.2. 'такой, который характерен для простого 10.1 человека'.

Прилагательное в этом значении характеризует характер человека, а также внешние проявления свойства искренность; ср. *простые нравы; Между князем Андреем и Наташей после дня предложения установились совсем другие, чем прежде, близкие, простые отношения* (Л. Н. Толстой, Война и мир).

СИНОНИМЫ: *искренний, открытый 6, откровенный 1, бесхитростный.*

АНТОНИМ: *скрытный 2.*

ДЕРИВАТЫ: *простота* [ср. *простота нравов*].

10.3. 'такой, который в обычном общении с другими людьми ведет себя как с равными, несмотря на свой более высокий статус в обществе'.

Прилагательное в этом значении характеризует человека; ср. *Начальник областного управления связи Семен Еремеевич был человек простой, приходил на работу всегда вовремя, здоровался с секретаршей за руку и иногда даже писал в стенгазету заметки под псевдонимом «Муха»* (С. Антонов, Анкета); *В 60-е годы часто с восторгом рассказывали про Фиделя: такой простой, бородатый, грудь нараспашку* (Архив НГ).

Прилагательное *простой* в этом значении обычно является ремой высказывания.

СИНОНИМЫ: *негордый, скромный 1.*

АНТОНИМЫ: *гордый 3, высокомерный, заносчивый, надменный, спесивый, кичливый, чванливый*

ДЕРИВАТЫ: *простота [ср. простота обращения], просто.*

VI. ИДЕЯ ПРЯМИЗНЫ

11. 'такой, который не отклоняется в сторону' [о дороге].

Данное значение представлено в словосочетании *простой путь*.

Прилагательное *простой*, сочетаясь со словом *путь*, может характеризовать реальный маршрут. В этом случае прилагательное *простой* обычно стоит в форме ПРЕВ; ср. *Нам показали простейший путь в заповедник; Самый простой путь до Крыма будет теперь проходить через Ростовскую область* (Газета.ru).

Словосочетание *простой путь* используется в метафорических контекстах; ср. *прямой путь к успеху (благополучию, славе); Костя Воронов всегда выбирал самый простой путь* (Геннадий Прашкевич, Александр Богдан, Человек «Ч»); *И вот мы знаем Бога, мы знаем Его слово, Он нас учит, как жить, Он нам указывает самые простые пути* (Антоний (Блум), митрополит Сурожский, Что такое духовная жизнь).

Однако идея прямизны неактуальна для современной многозначности прилагательного *простой*. Об этом свидетельствуют многочисленные контексты, в которых данное прилагательное, сочетаясь со словом *путь*, характеризует метафорический маршрут как такой, который требует минимума ментальных или физических усилий; ср. *Его незаурядный талант инженера вырос, возможно, на свойственном ему от природы желании разрешать все сложности наиболее простым путем* (Л. Улицкая, Чужие дети); *Попросил я Диму узнать, здесь вы или уже уехали, так он пошел самым простым путем — позвонил по телефону* (Г. Прашкевич, А. Богдан, Человек «Ч») (см. значение 4.3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Можно предположить, что источником, задающим направление семантического развития слова, являются смыслы формирующих его морфем и их «прочтение». Источником развития многозначности прилагательного *простой* являются смыслы 'вертикаль' и 'через', связанные с представлениями о движении.

2. Отдельные смыслы, формирующие значение слова, могут вступать в отношения симметрии ('вертикаль' и 'горизонталь', 'вперед', 'вверх') и асимметрии (большая «устойчивость» контекстов, связанных с 'горизонталью' или с 'вертикалью', что отражается в количестве значений, появление которых непосредственно связано либо с 'вертикалью', либо с 'горизонталью').

3. Источник семантического развития слова позволяет выявить некую связанную с ним общую абстрактную идею. Смыслы, являющиеся источником развития прилагательного *простой*, указывают на идею прямизны.

4. Семантическое развитие слова может происходить благодаря его устойчивому использованию для описания некоторых ситуаций (ср. «прямостояние» и «прямолежание»).

5. Семантическое развитие слова происходит благодаря помещению его в конкретные контексты, соотносимые с одной идеей. В процессе своего рода «блуждания» слова по контекстам происходит выделение некоторых из них как особенно актуальных. Эти актуальные контексты лежат в основе дальнейшего развития многозначности.¹²⁸

Можно предположить, что актуальные контексты для ряда слов, в которых реализуется одна и та же идея, могут совпасть, что отражается в типологии развития многозначности. Например, внутри контекстов, соотносимых с идеей прямизны, засвидетельствованных для прилагательных *простой*, *прямой*, *правый*, ключевым является «коммуникационный» контекст. Внутри контекстов, соотносимых с идеей свободы, отмеченными являются контексты, в которых реализуется смысл 'отъятие' (представлены для прилагательных *пустой*, *праздный*, *порожний*, *свободный*, *простой*, *полый*).

6. Ассоциация идей ведет к разрастанию многозначности. Идея прямизны связана с идеей базовости; та, в свою очередь, — с идеями ограниченности, иерархии, стандарта и естественности, а идея естественности — с идеей свободы. Есть основания предположить, что существует такая структура многозначности, при которой логическая связь между значениями (или блоками значений) проявляется только при обращении к стоящими за ними идеями.

7. В том случае, когда все идеи или большинство из них оказываются связанными с одним и тем же смыслом, данный смысл становится ключевым для структуры многозначности. Так, все идеи, соотносимые с многозначностью слова *простой*, связаны со смыслом 'не'.

8. ИмPLICITное отрицание может возникать как результат осмысления какого-л. свойства; ср. 'направленный вверх/вперед' → 'неотклоняющийся в сторону'.

9. Можно предположить, что значимость той или иной идеи для многозначности слова меняется со временем. Так, идея свободы не представлена в многозначности совр. *простой*, а идея прямизны вытеснена на периферию.

¹²⁸ Ср. выделение В. Н. Топоровым «особого класса текстов, в которых данное слово помещается в такие контексты, которые приводят к расщеплению исходного смысла на новые элементы или, напротив, к синтезу новых смыслов из наличных (своего рода «синхрофазотрон» для получения — при высоких энергиях языкового творчества — новых единиц смысла)» [Топоров 2004а: 44].

10. Развитие многозначности, ее разрастание и разрушение корректируются системными связями между словами. В процессе семантического развития слов, в которых реализуется одна и та же идея (или одни и те же идеи), выявляются контексты, обслуживаемые рядом синонимов, что ведет к перестройке внутренней структуры многозначности этих синонимов. Видимо, именно эта причина привела к тому, что прилагательное *простой* в литературном языке полностью утратило весь блок значений, связанных с идеей свободы, а также частично утратило значения, связанные с идеей прямизны.

11. В истории семантического развития слова существуют временные рамки, внутри которых это развитие идет особенно интенсивно. Так, к началу письменного периода прилагательное *простой* уже имело разветвленную систему многозначности, демонстрирующую связь со всеми семью идеями.

Эти периоды сменяются периодами равновесия, стабильности структуры многозначности.

12. Интенсивное развитие значений, входящих в разные блоки и соотносимых с разными идеями, может происходить с разрывом во времени; ср., например, древность значений, связанных с идеей прямизны, и достаточно позднее расширение значений, связанных с идеей базовости.

13. В том случае, когда в структуру многозначности объединены подструктуры «разного возраста», актуализируется историческая «память» языка; ср., например, наличие производных слов от прилагательного *простой* (ср. *выпростать*, *опростать*), а также устойчивых сочетаний, сохраняющих утраченную им семантику (*простым глазом*).

14. Сложные структуры многозначности имеют колебания не только во времени, но и в пространстве. Так, для диалектной речи сохраняется актуальность связи прилагательного *простой* с идеей свободы.

15. Перестройка структуры многозначности слова может явиться причиной других аналогичных или коррелятивных изменений. Ср. распространение структуры многозначности на дериваты (*простота*), специализацию дериватов (*простейший*, *простить*).

16. Говоря словами Э. Косериу, семантическое развитие слов, как и любое другое развитие в языке, является процессом «постоянной систематизации» [Косериу 1963: 334].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев 1948 — В. И. Абаев. Понятие идеосемантики // Язык и мышление. М.; Л., 1948. Т. XI.
- Абрамов 1915 — Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 4-е изд. Петроград, 1915.
- Агапкина 1996 — Т. А. Агапкина. Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннего календарного цикла) // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Агапкина 1999 — Т. А. Агапкина. Дерево // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. Д–К (Крошки). М., 1999.
- Аллахвердов 2000. — В. М. Аллахвердов. Сознание как парадокс. СПб., 2000. (Экспериментальная психология, т. 1).
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 11. М. 2001.
- Апресян 1967 — Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1968 — Ю. Д. Апресян. Об экспериментальном толковом словаре русского языка // Вопр. языкознания. 1968, № 5. С. 34—49.
- Апресян 1969 — Ю. Д. Апресян. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. № 1. С. 49—61.
- Апресян 1972 — Ю. Д. Апресян. Об одном правиле сложения лексических значений // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972. С. 439—458.
- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1980 — Ю. Д. Апресян. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 1. Wien 1980.
- Апресян 1985 — Ю. Д. Апресян. Синтаксические признаки лексем // Russian Linguistics, 1985. Vol. 9. № 2—3. P. 289—317.
- Апресян 1986a — Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—33.
- Апресян 1986b — Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопр. языкознания. 1986. № 2. С. 57—70.
- Апресян 1988 — Ю. Д. Апресян. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988. С. 57—78.
- Апресян 1991 — Ю. Д. Апресян. Об интегральном словаре русского языка // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991. С. 3—16.
- Апресян 1992b — Ю. Д. Апресян. Экспериментальная, прикладная и теоретическая лингвистика: обратные связи // Festschrift für Viktor Jul'evič Rozencvejk zum 80. Geburtstag. Wien, 1992. S. 5—27. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 33).

- Апресян 1993 — Ю. Д. Апресян. Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 7—22.
- Апресян 1994 — Ю. Д. Апресян. О языке толкований и семантических примитивах // Известия АН. Сер. лит. и яз., 1994, № 4. С. 27—40.
- Апресян 1995а — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография М., 1995.
- Апресян 1995б — Ю. Д. Апресян. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.
- Апресян 1996 — Ю. Д. Апресян. О толковом слове управления и сочетаемости русского глагола // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. Института русского языка РАН им. В. В. Виноградова. М., 1996. С. 13—43.
- Апресян 1997 — Ю. Д. Апресян. НОСС 1997. С. XVI—XXXIV.
- Апресян 1999а — Ю. Д. Апресян. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Изв. АН. Сер. лит. и яз., № 4, 1999. С. 39—53.
- Апресян 1999б — Ю. Д. Апресян. Интерпретационные глаголы — группа *ошибаться* // W zwierciadle języka i kultury. Pod redakcją Jana Adamowskiego, Stanisławy Niebrzegowskiej. Lublin, 1999. S. 309—332.
- Апресян 1999в — Ю. Д. Апресян. Принципы системной лексикографии и толковый словарь // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999. С. 434—450.
- Апресян 2001а — Ю. Д. Апресян. Значение и употребление // Вopr. языкознания, 2001, № 4. С. 3—22.
- Апресян 2001б — Ю. Д. Апресян. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Русский язык в научном освещении, 2001, № 1. С. 5—26.
- Апресян 2001в — Ю. Д. Апресян. О лексических функциях семейства REAL — FACT // Nie bez znaczenia... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15000 dni pracy naukowej. Białystok, 2001. С. 23—40.
- Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции. СПб., 2003. С. 7—21.
- Апресян 2004а — Ю. Д. Апресян. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на оказывать) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 13—33.
- Апресян 2004б — Ю. Д. Апресян. Лингвистическая терминология словаря // НОСС. М., 2004. С. XXII—LIV.
- Апресян 2004в — Ю. Д. Апресян. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вopr. языкознания, 2004, № 4. С. 3—18.
- Апресян 2004г — Ю. Д. Апресян. Словарная статья [ЗНАНИЕ], [МНЕНИЕ] // НОСС. М., 2004. С. 389—396.
- Апресян 2004д — Ю. Д. Апресян. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении, 2004, № 7. С. 5—22.
- Апресян 2005 — Ю. Д. Апресян. Правила взаимодействия значений и словаря // Русский язык в научном освещении, 2005, № 9. С. 7—45.

- Апресян В. 1992 — В. Ю. Апресян. «Природные процессы» в сфере человека // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Апресян В. 1999 — В. Ю. Апресян. Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопр. языкознания, № 5, 1999. С. 24—44.
- Апресян В. 2000 — В. Ю. Апресян. Семантические особенности концепта 'уступки' (на примере синонимов *в то же время 2, вместе с тем, при этом 2, при всем том*) // Труды международного семинара «Диалог 2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям / Под ред. А. С. Нариньяни. Протвино, 2000. С. 20—24.
- Апресян В. 2003 — В. Ю. Апресян. Семантический инвариант уступительности и смысловая структура уступительных слов // Лингвистическая теория и толковая лексикография / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2003. С. 97—99.
- Апресян В. 2004а — В. Ю. Апресян. Уступительность: языковые связи // Сокровенные смыслы. Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2004. С. 255—266.
- Апресян В. 2004б — В. Ю. Апресян. 'Компенсация' и 'оговорка' в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня 3. Проблемы русской лексикографии. Под ред. Л. П. Крысина. М. 2004. С. 15—22.
- Апресян В. 2004в — В. Ю. Апресян. Словарная статья *все-таки 1* // НОСС 2004. С. 166—171.
- Апресян В. 2004г — В. Ю. Апресян. Словарная статья *как-никак 1* // НОСС 2004. С. 463—464.
- Апресян, Апресян В. — В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян. Метафора в лексикографическом представлении эмоций // Вопр. языкознания, 1993, № 3. С. 27—35.
- Апресян, Ботякова и др. 1979 — Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева, М. А. Мозягина, И. В. Полик, В. И. Ракитина, А. И. Розенман, Е. Е. Сретенская; под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
- Апресян В., Григорьева 2004 — В. Ю. Апресян, С. А. Григорьева. Словарная статья *только бы 2* // НОСС 2004. С. 1162—1165.
- Апресян и др. 1989 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Н. В. Перцов, В. З. Санников. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М., 1989.
- Апресян и др. 1992 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Л. Г. Митюшин, В. З. Санников. Лингвистический процессор для сложных информационных систем. М., 1992.
- Апресян и др. 1995 — Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон. Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики. М., 1995.
- Апресян, Цинман 2002 — Ю. Д. Апресян, Л. Л. Цинман. Формальная модель перифразирования предложений для систем переработки текстов на естественных языках // Русский язык в научном освещении, 2002, № 4. С. 102—146.
- Аристотель — Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 1. М., 1976.
- Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1978 — Н. Д. Арутюнова. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1978, т. 37, № 4. С. 333—343.
- Арутюнова 1979 — Н. Д. Арутюнова. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

- Арутюнова 1988 — *Н. Д. Арутюнова*. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1989 — *Н. Д. Арутюнова*. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных позиционных установок) // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. М., 1989. С. 7—31.
- Арутюнова 1992 — *Н. Д. Арутюнова*. Язык цели // *Логический анализ языка. Модели действия*. М., 1992. С. 14—23.
- Арутюнова 1998 — *Н. Д. Арутюнова*. Язык и мир человека. М., 1998.
- Арутюнова 2000а — *Н. Д. Арутюнова*. О стыде и совести // *Логический анализ языка. Языки этики*. М., 2000. С. 54—78.
- Арутюнова 2000б — *Н. Д. Арутюнова*. Знать себя и знать другого (По текстам Достоевского) // *Слово в тексте и словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна*. М., 2000. С. 22—41.
- Арутюнова, Падучева 1985 — *Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева*. Истоки, проблемы и категории прагматики // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. М., 1985. С. 3—43.
- Бабаева 1998 — *Е. Э. Бабаева*. Кто живет в вертепе или Опыт построения семантической истории слова // *Вопр. языкознания*, № 3, 1998. С. 94—106.
- Бабаева, Журавлев, Макеева 1997 — *Е. Э. Бабаева, А. Ф. Журавлев, И. И. Макеева*. Проект «Исторического словаря русского языка» // *Вопр. языкознания*, № 2, 1997. С. 34—46.
- Баранов, Сергеев 1991 — *А. Н. Баранов, В. М. Сергеев*. Герменевтика и проблемы моделирования понимания текста // *Прагматика и семантика. Сб. научно-аналитических обзоров*. М., 1991. С. 29—52.
- БАС — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1—17. М.; Л., 1948—1965.
- Бахтин 1986 — *М. М. Бахтин*. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Бенаккьо 1994 — *Р. Бенаккьо*. Новый тип отношений: обращения на -Вы в петровскую эпоху // *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. М., 1994. С. 114—123.
- Бенвенист 1995 — *Э. Бенвенист*. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Беркли 1978 — *Дж. Беркли*. Сочинения. М., 1978.
- Богданов 1990 — *В. В. Богданов*. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
- Богин 2001 — *Г. И. Богин*. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь, 2001.
- Богуславская 1999 — *О. Ю. Богуславская*. Откуда ты знаешь, что она умная? // *Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре*. М., 1999. С. 64—72.
- Богуславская 2004а — *О. Ю. Богуславская*. Почему не говорят «сообразительный совет» // *Труды международного семинара Диалог'04 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Т. 1. Теоретические проблемы / Ред. А. С. Нариньяни. 2004. С. 11—15.
- Богуславская 2004б — *О. Ю. Богуславская*. ПРИЧИНА, ПОВОД, ПРЕДЛОГ // *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*. Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 34—44.
- Богуславская, Левонтина 2001 — *О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина*. Задумавшись о последствиях // *Труды международного семинара Диалог 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Т. 1. Аксаково 2001. С. 21—28.

- Богуславская, Левонтина 2002 — О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина. Подведение итогов в русском языке // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 36—49.
- Богуславская, Левонтина 2004 — О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // Вопр. языкознания, 2004, № 2. С. 68—88.
- Богуславский 1982 — И. М. Богуславский. Синтаксис отрицательных предложений // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974—1978 гг. Синтаксис. Материалы для обсуждения. М., 1982. С. 71—84.
- Богуславский 1984 — И. М. Богуславский. Словарная статья *понимать* // И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984. С. 623—633.
- Богуславский 1985 — И. М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов. М., 1985.
- Богуславский 1989 — И. М. Богуславский. О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением 'достаточно' и частицами // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1989. С. 197—215.
- Богуславский 1996 — И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Богуславский 1998 — И. М. Богуславский. Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 8—18.
- Богуславский, Иомдин — И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин. Семантика быстроты // Вопр. языкознания, 1999, № 6. С. 13—30.
- Бондаренко 2003 — Г. В. Бондаренко. Мифология пространства древней Ирландии. М., 2003.
- Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. Л., 1971.
- Брагина 2005 — Н. Г. Брагина. Память и понимание. Аксиология памяти // Понимание в коммуникации. 2005: Тез. докл. Международной научной конференции (28 февраля — 1 марта 2005 г., Москва). М., 2005. С. 6—7.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- Булыгина 1980 — Т. В. Булыгина. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 320—355.
- Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.
- Булыгина, Шмелев 1987 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. К вопросу о косвенных вопросах // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспектах: Тез. докл. рабочего совещания. М., 1987. С. 27—29.
- Булыгина, Шмелев 1988 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988. С. 46—63.
- Булыгина, Шмелев 1989 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 31—54.
- Булыгина, Шмелев 1991 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Концепт долга в поле должествования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 14—21.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

- Булыгина, Шмелев 2000 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 277—288.
- Вайс 1999 — Д. Вайс. Человек, лицо, личность и особа: четыре неравных соперника // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 81—88.
- Варбот 1973 — Ж. Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских основ и отглагольных имен. I // Этимология 1971. М., 1973.
- Варбот 1986 — Ж. Ж. Варбот. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология 1984. М., 1986. С. 33—39.
- Варбот 1993 — Ж. Ж. Варбот. История славянского этимологического гнезда в праславянском языке // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993. Докл. российской делегации. М., 1993. С. 23—34.
- Васильев 1999 — Л. Г. Васильев. Три парадигмы понимания: анализ литературы вопроса. Калуга, 1999.
- Вебер 1990 — М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990.
- Вежбицка 1985 — А. Вежбицка. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 251—275.
- Вежбицкая 1990 — А. Вежбицкая. Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 133—152.
- Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. Язык, культура, познание / Отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. М., 1996.
- Вежбицкая 1999 — А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вежбицкая 1999а — А. Вежбицкая. Немецкие «культурные сценарии»: Общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 682—730.
- Вежбицкая 1999б — Вежбицкая А. Семантика английских каузативных конструкций в универсально-типологической перспективе // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 171—224.
- Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
- Виноградов 1994 — В. В. Виноградов. История слов. М., 1994.
- Вознесенская, Дмитровская 1993 — М. М. Вознесенская, М. А. Дмитровская. О соотношении *ratio* и чувства в мышлении героев А. Платонова // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 140—146.
- Вольф 1985 — Е. М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Вопросы 1962 — Вопросы глагольного вида. Сб/ Сост. сборника, ред., вступит. ст. и примеч. проф. Ю. С. Маслова. М., 1962.
- Вригт 1986 — Г. Х. фон Вригт. Логико-философские исследования. М., 1986.
- Всеволодова 1983 — М. В. Всеволодова. Категория временной темпоральности и закономерности ее речевой реализации. М., 1983.
- Всеволодова, Ященко 1988 — М. В. Всеволодова, Т. А. Ященко. Причинно-следственные отношения в русском языке. М., 1988.
- Гак 1966 — В. Г. Гак. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М., 1966.

- Гак 1977 — В. Г. Гак. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М., 1977.
- Гак 1993 — В. Г. Гак. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Гамкрелидзе, Иванов I—II — Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I—II. Благовещенск, 1998.
- Гарская, Маковецкая 1987 — Л. В. Гарская, Н. А. Маковецкая. Семантические отношения членов синонимического ряда со значением «вежливый» // Функционирование языковых единиц в речи и тексте. Воронеж, 1987. С. 109—118.
- Гейзенберг 1971 — В. Гейзенберг. Что такое «понимание» в теоретической физике? // Природа. 1971, № 4. С. 75—77.
- Генералова 1998. — Е. В. Генералова. Лексическое выражение понятийной оппозиции «прямое — кривое» в истории русского языка. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 1998.
- Герменевтический анализ 1988 — Герменевтический анализ: филологические аспекты понимания. Барнаул, 1988.
- Гладкий 1982 — А. В. Гладкий. О значении союза «если» // Семиотика и информатика. Вып. 18. 1982. С. 43—75.
- Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 1986 — М. Я. Гловинская. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1986.
- Гловинская 1989 — М. Я. Гловинская. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 74—146.
- Гловинская 1993 — М. Я. Гловинская. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158—218.
- Гловинская 2001 — М. Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Гловинская 2003 — М. Я. Гловинская. Постулат искренности VS. постулат толерантности и их производные в разных культурных и языковых моделях поведения // Философские и лингво-культурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 362—371.
- Гловинская 2005 — М. Я. Гловинская. Речевой акт. Цель, мотивировка, причина (в печати).
- Головановская 1997 — М. К. Головановская. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997.
- Гольдин 1987 — В. Е. Гольдин. Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.
- Горячева 1998 — Т. В. Горячева. Остаться с пустыми овторниками // Слово и культура. Т. 1. М., 1998. С. 85—92.
- Грайс 1985 — Г. П. Грайс. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217—237.
- Грамматика 1954 — Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. М., 1954.
- Грамматика-60 — Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М., 1960.

- Грамматика-80 — *Русская грамматика*. Т. 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М., 1980.
- Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 — С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Словарь языка русских жестов. Москва; Вена, 2001.
- Грубор 1962 — Дж. Грубор. Видовые значения // Вопросы глагольного вида / Под ред. Ю. С. Маслова. М., 1962. С. 68—76.
- Гусев, Тульчинский 1985 — С. С. Гусев, Г. Л. Тульчинский. Проблема понимания в философии. М., 1985.
- Даль I—IV — Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1956.
- Демьянков 2005 — В. З. Демьянков. Концептуальный анализ термина *понимание* // Понимание в коммуникации. 2005: Тез. докл. Международной научной конференции (28 февраля — 1 марта 2005 г., Москва). М., 2005. С. 22—23.
- Джемс 2001 — У. Джемс. Психология в беседах с учителями. СПб., 2001.
- Дмитровская 1985 — М. А. Дмитриевская. Механизмы понимания и употребление глагола *понимать* // Вопр. языкознания, 1985, № 3. С. 98—107.
- Дмитровская 1988 — М. А. Дмитриевская. Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 166—188.
- Добровольский 2006 — Д. О. Добровольский. Границы семантической мотивированности в реализации лексических функций (к сочетаемости наречия степени *чрезвычайно*) // Русский язык в научном освещении (в печати).
- Доза 1956 — Доза А. История французского языка. М., 1956.
- Долинина 1996 — И. Б. Долинина. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996, С. 219—245.
- Жолковский 1964 — А. К. Жолковский. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964. С. 67—103.
- Жолковский и др. 1961 — А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартмянов. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Машинный перевод. Труды института ТМ и ВТ АН СССР. Вып. 2. М., 1961. С. 17—46.
- Жолковский, Мельчук 1967 — А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Вып. 19. 1967. С. 177—238.
- Залевская 1988 — А. А. Залевская. Понимание текста: Психолингвистический подход. Калинин, 1988.
- Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 2003.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.
- Зализняк Анна 1991 — Анна А. Зализняк. *Считать* и *думать*: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 187—194.
- Зализняк Анна 1992а — Анна А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
- Зализняк Анна 1992б — Анна А. Зализняк. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 138—145.

- Зализняк Анна 1999 — Анна А. Зализняк. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности // Логический анализ языка. Динамика мира в разных культурах и языках. Дубна, 1999. С. 312—318.
- Зализняк Анна 2000 — Анна А. Зализняк. О семантике щепетильности (*обидно, совместно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 101—118.
- Зализняк Анна 2002 — Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002.
- Зализняк Анна 2003 — Анна А. Зализняк. *Счастье и наслаждение* в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении, № 1 (5), 2003. С. 85—105.
- Зализняк Анна 2005 — Анна А. Зализняк. Понимание как интердисциплинарная проблема // Понимание в коммуникации. 2005: Тез. докл. Международной научной конференции (28 февраля — 1 марта 2005 г., Москва). М., 2005. С. 26—28.
- Зализняк Анна, Левонтина 1996 — Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. *Semantics, Culture, and Cognition*. N.Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992) // Russian Linguistics, № 20, 1996. P. 237—264.
- Зализняк Анна, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Зализняк Анна и др. 2005 — Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Земская 1994 — Е. А. Земская. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 130—137.
- Земская 1997 — Е. А. Земская. Категория вежливости: общие вопросы — национально-культурная специфика русского языка // Zeitschrift für slawische Philologie. Bd. 56. Berlin, 1997. С. 271—302.
- Знаков 1994 — В. В. Знаков. Понимание в познании и общении. М., 1994.
- Золотова 1973 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Иванов 1985 — Вяч. Вс. Иванов. Рецензия на: Jaan Puhvel. *Hittite Etymological Dictionary*. Vol. I. Words beginning with A. Vol. 2. Words beginning with E and I (Trends in linguistics. Documentation 1. Ed. W. Winter), B. etc.: Mouton Publishers, 1984 // Этимология 1985. М., 1988. С. 173—179.
- Иванов 1986 — Вяч. Вс. Иванов. О соотношении этимологии и реконструкции текста // Этимология 1984. М., 1986. С. 66—70.
- Иванов, Топоров 1978 — Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов (Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г.). Докл. советской делегации. М., 1978.
- Иллич-Свитыч 1968 — В. М. Иллич-Свитыч. Соответствия смычных в ностратических языках // Этимология 1966. М., 1968. С. 304—355.
- Иллич-Свитыч 2003 — В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь / Под ред. В. А. Дыбо. Изд. 2-е, испр. М., 2003.
- Иомдин 1990а — Л. Л. Иомдин. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., 1990.

- Иомдин 1990б — Л. Л. Иомдин. Русский предлог ПО: этюд к лексикографическому портрету // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Pod redakcją Zygmunta Saloniego. Białystok, 1990. С. 244—260.
- Иомдин 1991 — Л. Л. Иомдин. Словарная статья предлога ПО // *Семиотика и информатика*. Вып. 32. М., 1991. С. 94—121.
- Иомдин Б. 1999а — Б. Л. Иомдин. Семантика глаголов иррационального понимания // *Вопр. языкознания*, 1999, № 4. С. 71—90.
- Иомдин Б. 1999б — Б. Л. Иомдин. Концепт иррационального понимания в русском языке // *Труды международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Таруса, 1999. Т. 1. С. 87—94.
- Иомдин Б. 2000 — Б. Л. Иомдин. Механизмы понимания в русской и английской картинах мира // *Труды международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Протвино, 2000. Т. 1. С. 114—120.
- Иомдин Б. 2002 — Б. Л. Иомдин. Есть ли орган для шестого чувства? Интуиция и ее синонимы // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Труды международного семинара Диалог'2002. Протвино, 2002. Т. 1. С. 172—182.
- Иомдин Б. 2003 — Б. Л. Иомдин. Семантика понимания: лексикографический портрет глагола понимать // *Труды международной конференции Диалог'2003*. Протвино, 2003. С. 210—215.
- Иомдин Б. 2004а — Б. Л. Иомдин. Словарная статья *интуиция, инстинкт 1.2, чутье 2, нюх 2* // *НОСС*. М., 2004. С. 443—450.
- Иомдин Б. 2004б — Б. Л. Иомдин. Словарная статья *осенить 2.1, озарить 2.1* // *НОСС*. М., 2004. С. 722—726.
- Иомдин Б. 2004в — Б. Л. Иомдин. Словарная статья *угадать 1.1, отгадать 2, разгадать 2.1* // *НОСС*. М., 2004. С. 1182—1187.
- Иомдин Б. 2004г — Б. Л. Иомдин. Междометия догадки в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог'2004 («Верхневолжский», 2—7 июня 2004 г.)*. М., 2004. С. 166—171.
- Иомдин Б. 2005 — Б. Л. Иомдин. Лексика понимания в русском языке: от глаголов до междометий // *Понимание в коммуникации*. 2005: Тез. докл. Международной научной конференции (28 февраля — 1 марта 2005 г., Москва). М., 2005. С. 35—36.
- Иорданская 1984 — Л. Н. Иорданская. Словарная статья *сердце* // И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984. С. 731—746.
- Иорданская 1985 — Л. Н. Иорданская. Семантико-синтаксические особенности сочетаний частицы *не* с иллокутивно-коммуникативными глаголами в русском языке // *Russian Linguistics*. 1985, vol. 9. №. 2—3. Р. 241—255.
- Иорданская, Мельчук 1980 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. Коннотации в лингвистической семантике // *Wiener Slawistischer Almanach*, 1980, Bd. 6. С. 191—210.
- Иорданская, Мельчук 1996 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. К семантике русских причинных предлогов // *Московский лингвистический журнал*. Т. 2. М., 1996.
- Исповедь Бл. Августина — Бл. Августин. Исповедь. М., 1914. С. 162—211.
- Ицкович 1974 — В. А. Ицкович. Очерки синтаксической нормы // *Синтаксис и норма*. М., 1974. С. 43—106.
- Ищенко 1995 — Е. Н. Ищенко. Понимание в научном познании: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Воронеж, 1995.

- Кант И. 1966 — *И. Кант. Сочинения в шести томах. Т. 5. М., 1966.*
- Карасик 1995 — *В. И. Карасик. Язык социального статуса. М., 1995.*
- Карасик 2001 — *В. И. Карасик. Семантика этикетного действия // Логический анализ языка. Действие: лингвистические и логические модели. Тез. докл. М., 1991. С. 45—46.*
- Карасик 2002 — *В. И. Карасик. Язык социального статуса. М., 2002.*
- Карцевский 1928 — *С. И. Карцевский. Повторительный курс русского языка. М.; Л., 1928.*
- Карцевский 2004 — *С. И. Карцевский. Система русского глагола. Опыт синхронического лингвистического описания // С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия. П. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон (изд.). М., 2004 (первое издание 1927 г).*
- Кастлер 2004 — *Л. Кастлер. Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия // Агрессия в языке и в речи. М., 2004. С. 9—18.*
- Кинэн 1982 — *Э. Л. Кинэн. К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М., 1982. С. 236—276.*
- Князев 1989 — *Ю. П. Князев. Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -н, -т. München, 1989.*
- Кобозева 2003 — *И. М. Кобозева. Тема речевого этикета в бессмертной поэме Н. В. Гоголя // Московский лингвистический журнал. Т. 7. № 2. Речевой этикет: семантика и прагматика. М., 2003. С. 125—151.*
- Кобозева, Лауфер 1991 — *И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер. Семантика модальных предикатов должностования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 169—175.*
- Коломиец 1986 — *В. Т. Коломиец. Названия дорог в индоевропейских языках // Этимология 1984. М., 1986. С. 95—101.*
- Корди 1990 — *Е. Е. Корди. Оптативность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 170—184.*
- Косериу 1963 — *Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 143—343.*
- Кочергина 1996 — *В. А. Кочергина. Санскритско-русский словарь / Под ред. В. А. Кальянова. М., 1996.*
- Кошмидер 1962 — *Э. Кошмидер. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 105—167.*
- Красухин 2000 — *К. Г. Красухин. Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000.*
- Крейдлин 1992 — *Г. Е. Крейдлин. К проблеме языкового анализа концептов «цель» vs. «предназначение» // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 23—30.*
- Крейдлин 2002 — *Г. Е. Крейдлин. Невербальная семиотика. М., 2002.*
- Крейдлин 2003 — *Г. Е. Крейдлин. Невербальный этикет: невербальные приветствия и прощания // Московский лингвистический журнал. Т. 7. № 2. Речевой этикет: семантика и прагматика. М., 2003. С. 53—66.*
- Крейдлин, Падучева 1974 — *Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева. Значение и синтаксические свойства союза а // НТИ, сер. 2, 1974. № 9. С. 31—37*
- Кржижкова 1967 — *Е. Кржижкова. Адвербиальная детерминация со значением места и направления // Вопр. языкознания, 1967, № 2. С. 32—48.*
- Кржижкова 1974 — *Е. Кржижкова. Количественная детерминация прилагательных в русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974. С. 122—144.*

- Кронгауз 1994 — М. А. Кронгауз. Обращения как способ моделирования коммуникативно-го пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1994. С. 124—134.
- Кронгауз 2004 — М. А. Кронгауз. Норма: семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004.
- Крылова 2000а — Т. В. Крылова. Словарные статьи *капризничать, упрямитесь* // НОСС 2000. С. 165—167, 374—378.
- Крылова 2000б — Т. В. Крылова. Статусные правила в наивной этике // Слово в тексте и в словаре. Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / Под ред. Л. Л. Йомдина и Л. П. Крысина. М., 2000. С. 122—127.
- Крылова 2004 — Т. В. Крылова. Лексическое поле нападения и прилагательное *агрессивный* // Агрессия в языке и в речи. М., 2004. С. 145—165.
- Крысин 1986 — Л. П. Крысин. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Крысин 1989 — Л. П. Крысин. Социальный компонент в языковом значении единиц // Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Куркина 1971 — Л. В. Куркина. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках // Этимология 1968. М., 1971. С. 92—105.
- Куркина 1991 — Л. В. Куркина. Щерба. Ряж. Загызнуть. Простень // Современные русские говоры. М., 1991. С. 175—177.
- Куцова 1992 — Г. И. Куцова. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 145—150.
- Куцова 1999 — Г. И. Куцова. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке М., 1999. С. 229—238
- Куцова 2004 — Г. И. Куцова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Куцова 2005 — Г. И. Куцова. Ситуативная норма в значении прилагательных, наречий, предикативов: семантика и конструкции // Труды международной конференции семинара Диалог'2005 по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. М., 2005.
- Лавров 1941 — Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941.
- Ларина 2003 — Т. В. Ларина. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
- Левин 1994 — Ю. И. Левин. Истина в дискурсе // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1994. С. 124—164.
- Левкиевская 1999 — Е. Е. Левкиевская. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. Д–К (Крошки). М., 1999.
- Левонтина 1995 — И. Б. Левонтина. Словарные статьи предлогов *для* и *ради*. Проблемы лексикографической интерпретации многозначности у служебных слов // Теоретическая лингвистика и лексикография: опыт системного описания лексики. М., 1995. С. 62—82.
- Левонтина 1996а — И. Б. Левонтина. «Считать нецелесообразным» // Езикът на тоталитарното и посттоталитарното общество. София, 1996. С. 100—106.

- Левонтина 1996 — *И. Б. Левонтина*. Целесообразность без цели // *Вопр. языкознания*, 1996, № 1. С. 45—58.
- Левонтина 2004 — *И. Б. Левонтина*. Словарная статья *собираться 2* // *НОСС* 2004. С. 1065—1069.
- Левонтина, Шмелев 1999 — *И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев*. Лексика пешего перемещения в русском языке // *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. М., 1999. С. 269—285.
- Леонтьев 1971 — *А. Н. Леонтьев*. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
- Леонтьева 2003. — *Т. В. Леонтьева*. Интеллект человека в зеркале русского языка. Дисс. ... канд. филол. наук (Уральский государственный университет им. А. М. Горького). Екатеринбург, 2003.
- Ломоносов 1952 — *М. В. Ломоносов*. Краткое руководство к красноречию // *М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Труды по филологии*. Т. 7. М.; Л. 1952. С. 89—378.
- Лосский 1994 — *Лосский Н. О*. Бог и мировое зло: Основы теодицеи. М., 1994.
- Лотман 1995 — *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 1995.
- Лукин 1993 — *Лукин В. А.* Концепт истины и слово *истина* в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // *Вопр. языкознания*, 1993, № 4. С. 63—86.
- Любенская 1997 — *С. И. Любенская*. Русско-английский фразеологический словарь. М., 1997.
- Ляпон 1986 — *М. В. Ляпон*. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
- Ляшевская 2004 — *О. Н. Ляшевская*. Семантика русского числа. М., 2004.
- Мартемьянов 1964 — *Ю. С. Мартемьянов*. Заметки о строении ситуации и форме ее описания // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. 1964. Вып. 8. С. 125—149.
- Мартемьянов, Дорофеев 1983 — *Ю. С. Мартемьянов, Г. В. Дорофеев*. Опыт терминологизации общелитературной лексики: О мире тщеславия по Ф. Де Ларошфуко // *Вопросы кибернетики: Логика рассуждений и ее моделирование*. М., 1983. С. 38—103.
- МАС — *Словарь русского языка в четырех томах*. М., 1981—1984.
- Маслов 1948 — *Ю. С. Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.*, 1948, № 4. С. 303—316.
- Маслов 1965 — *Ю. С. Маслов*. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // *Вопросы общего языкознания*. Л., 1965. С. 53—80.
- Мельничук 1986 — *А. С. Мельничук*. О сущности беглого *s-* // *Этимология* 1984. М., 1986. С. 137—145.
- Мельчук 1974а — *И. А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Мельчук 1974б — *И. А. Мельчук*. О синтаксическом нуле // *Типология пассивных конструкций / А. А. Холодович (ред.)*. Л., 1974. С. 343—361.
- Мельчук 1985 — *И. А. Мельчук*. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 16*. Wien, 1985.
- Мельчук 1995 — *И. А. Мельчук*. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст» // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 39*. Москва — Вена, 1995.
- Мельчук, Жолковский 1984 — *И. А. Мельчук, А. К. Жолковский*. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14*. Wien, 1984.

- Мельчук, Холодович 1970 — *И. А. Мельчук, А. А. Холодович*. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. М., 1970, № 4. С. 111—124.
- Ментальные действия 1993 — Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Миллер 1968 — *Дж. Миллер*. Психолингвисты // Теория речевой деятельности. М., 1968.
- Може 1996 — *Г. Може*. Практическая грамматика французского языка. СПб., 1996.
- Москвин 1997 — *В. П. Москвин*. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация. Волгоград, 1997.
- МППЛ 1964 — Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964.
- Мустайоки 2005 — *А. Мустайоки*. Делаю вид, что (не) понимаю: наблюдения над (не)пониманием как предметом метакоммуникации // Понимание в коммуникации. 2005: Тез. докл. Международной научной конференции (28 февраля — 1 марта 2005 г., Москва). М., 2005. С. 81—83.
- Николаева 1985 — *Т. М. Николаева*. Функции частиц в высказывании на материале славянских языков. М., 1985.
- Николаева 1990 — *Т. М. Николаева*. О принципе «некооперации» и / или категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 225—235.
- Николаева 1999 — *Т. М. Николаева*. Хотя и хоть в исторической перспективе // Славянские этюды. Сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 308—330.
- Николаева 2000 — *Т. М. Николаева*. От звука к тексту. М., 2000.
- Николаева, Фужерон 2004 — *Т. М. Николаева, И. И. Фужерон*. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами // Вербальная и невербальная опоры пространств межфразовых связей / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2004. С. 99—114.
- Николина 1984 — *Н. А. Николина*. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1984. С. 38—46.
- Николина 1993 — *Н. А. Николина*. Семантика и функции слова «АВОСЬ» в современном русском языке // Многоаспектность синтаксических единиц. М., 1993. С. 157—168.
- Николина 2003 — *Н. А. Николина*. Национально-культурные традиции русского речевого поведения в зеркале автобиографической прозы // Философские и лингво-культурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 440—457.
- Нишанов 1990 — *В. К. Нишанов*. Феномен понимания: когнитивный анализ. Фрунзе, 1990.
- НОСС 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, М. Я. Гловинская, Т. В. Крылова. Первый выпуск. Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1997.
- НОСС 2000 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, А. В. Птенцова. Второй выпуск. Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- НОСС 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Авторы: Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, Е. Э. Бабаева, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, А. В. Птенцова, А. В. Санников. Третий выпуск. Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2003.

- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. Авторы: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Москва; Вена, 2004.
- Ожегов 1957 — С. И. Ожегов. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2. С. 31—53.
- Ондруш 1986 — Ш. Ондруш. Семантическая мотивация основных терминов права и торговли у славян и индоевропейцев // Этимология 1984. М., 1986. С. 176—181.
- Откупщиков 1986 — Ю. В. Откупщиков. О мнимых славизмах в балтийских языках // Балто-славянские исследования, 1984. М., 1986.
- Падучева 1974 — Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева 1975 — Е. В. Падучева. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, № 6. С. 548—559.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Семантические типы предикатов и значение *всегда* // Семиотика и информатика. Вып. 24. М., 1985. С. 96—116.
- Падучева 1991 — Е. В. Падучева. Предикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ. Серия 2, 1991, № 5. С. 21—31.
- Падучева 1993 — Е. В. Падучева. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 111—120.
- Падучева 1995 — Е. В. Падучева. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1995. С. 7—31.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1997 — Е. В. Падучева. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопр. языкознания, 1997, № 2. С. 18—30.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Паршин 1988 — П. Б. Паршин. Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функциональное лексемы *хоть*) // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 146—168.
- Пеньковский 1989 — А. Б. Пеньковский. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. М., 1989. С. 54—82.
- Пеньковский 1995 — А. Б. Пеньковский. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 36—41.
- Перфильева 1977 — Н. П. Перфильева. Являются ли *хотя* и *хоть* вариантами? // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1977.
- Перфильева 1984 — Н. П. Перфильева. Уступительно-противительные конструкции с двусторонней связью в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1984.
- Петрова 1983 — Г. В. Петрова. Наречия *нарочно/нечаянно* и их роль в высказывании // Лексико-семантические структуры в языке и в речевой деятельности. М., 1983.

- Петрухин 2004 — В. Я. Петрухин. Мировое дерево // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. К (Круг) — П (Перепелка). М., 2004.
- Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М., 2001 (первое издание 1914 г.).
- Пичхадзе 2003 — А. А. Пичхадзе. Словарные статьи *пра* и *про* // Новое в русской этимологии, I. М., 2003.
- Плунгян 1991 — В. А. Плунгян. К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991, С. 155—160.
- Плунгян, Рахилина 1988 — В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Заметки о контроле // Речь: восприятие и семантика. М., 1988. С. 40—48.
- Понятие чести и достоинства 1997 — Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Авт.-сост. А. А. Леонтьев и др.; науч. ред. А. Р. Ратинов. М., 1997.
- Потебня 1880 — А. А. Потебня. Этимологические заметки // Русский филологический вестник. Т. III. 1880.
- Преображенский I—II — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. М., 1958—1959.
- Проспект 1995 — Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1995.
- Радзиевская 1992 — Т. В. Радзиевская. Семантика слова *цель* // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 30—35.
- Ратмайр 2003 — Р. Ратмайр. Прагматика извинения. М., 2003.
- Рахилина 1989 — Е. В. Рахилина. Отношение причины и цели в русском языке // Вопр. языкознания, 1989, № 6.
- Рахилина 1994 — Е. В. Рахилина. Семантика размера // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1994. С. 58—81.
- Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- РГ-80 — Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
- Розина 2004 — Р. И. Розина. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004.
- Ройтер 1994 — Т. Ройтер. О перифрастических наименованиях речевой деятельности // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 76—82.
- Романова 1975 — Г. Я. Романова. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.
- Рудницкая 1993 — Е. Л. Рудницкая. Сентенциальные наречия в русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Рябов 1999 — О. В. Рябов. Гордыня и смирение в русской философской мысли XI—XX вв.: Основные аспекты проблемы // Философский альманах. № 3—4. Иваново, 1999. С. 168—183.
- Санников 1989 — В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989.
- Санников 2001 — В. З. Санников. Семантика и прагматика союза *если* // Русский язык в научном освещении, 2001, № 2. С. 68—89.

- Санников 2002 — В. З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Санников 2004 — В. З. Санников. О значении союза *пускай/пусть* // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова / Отв. ред. С. Н. Борунова, В. А. Плотникова-Робинсон. М., 2004. С. 239—245.
- Санников А. 2004 — А. В. Санников. Словарные статьи *высмеивать, достоинство, издеваться* // НОСС 2004. С. 206—209, 292—297, 427—430.
- СДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) Т. 1 — М., 1988 — (продолжающееся издание).
- Селиверстова 1982 — О. Н. Селиверстова. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86—157.
- Семенова 2004 — С. Ю. Семенова. О коннотации красоты у наименований наблюдаемых объектов // Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / Логический анализ языка. М., 2004. С. 573—584.
- Семиотика и информатика 1991 — Семиотика и информатика. Вып. 32: Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). М., 1991.
- Сквородников 1999 — А. П. Сквородников. К методологии разработки и представления русского риторического идеала // Вестник КрасГУ. Гуманитарные науки, № 1, 1999. С. 73—77.
- Славянские древности — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1999; Т. 3. М., 2004.
- Словарь XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 6. М.; СПб., 1991.
- Словарь Кантемира — Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. 1—2 / Вступит. ст. и публикация Е. Э. Бабаевой. М., 2004.
- Словарь по этике 1975 — Словарь по этике / Под ред. И. С. Кона. М., 1975.
- СОШ — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Спиридонова 1999 — Н. Ф. Спиридонова. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58, № 2.
- СПушк — Словарь языка А. С. Пушкина. Т. I—IV. М., 1956—1961.
- Срезневский I—III — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. М., 1893—1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1 — Л., 1966 — (продолжающееся издание).
- СРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1 — М., 1971 — (продолжающееся издание).
- Степанюк 1976 — С. В. Степанюк. Дифференциальные признаки синтаксической категории цели // Науч. докл. высшей школы. Филол. науки. 1976. № 1.
- СтСл. Старославянский словарь (по рукописям X — XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Сукаленко 1992 — Н. И. Сукаленко. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев, 1992.
- Супрун 1971 — А. Е. Супрун. Части речи в русском языке. М., 1971.
- СУш — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934—1940.

- Тань Аошуан 2004 — *Тань Аошуан*. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М., 2004.
- Теремова 1986 — *Р. М. Теремова*. Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.
- Теремова 1987 — *Р. М. Теремова*. К вопросу о субкатегоризации уступительных ситуаций в современном русском языке // Грамматическая семантика слова и предложения. Учен. зап. Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1987.
- Тер-Минасова 2000 — *С. Г. Тер-Минасова*. Языки и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Толстая 1995 — *С. М. Толстая*. Беременность, беременная женщина // Славянские древности. Т. 1. М., 1995.
- Толстая 1996 — *С. М. Толстая*. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Толстая 1998. — *С. М. Толстая*. Культурная семантика слав. *kriv- // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1998. С. 215—229.
- Толстая 2000 — *С. М. Толстая*. Славянские параллели к русским *verba* и *nomina dicendi* // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000.
- Толстая 2004 — *С. М. Толстая*. Семантические корреляты слав. *sux- // Язык культуры: семантика и грамматика: К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923—1996). М., 2004. С. 384—400.
- Толстой 1969 — *Н. И. Толстой*. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
- Толстой 1977 — *Н. И. Толстой*. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // *Н. И. Толстой*. Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. М., 1977.
- Толстой 1984 — *Н. И. Толстой*. Иван-аист // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 115—118.
- Томмола 2004 — *Х. Томмола*. Даже если в масле поджарить... (Об условной уступке) // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию профессора В. С. Храковского. М. 2004. С. 484—495.
- Топоров 1974 — *В. Н. Топоров*. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // *Этимология* 1972. М., 1974. С. 3—19.
- Топоров 1975 — *В. Н. Топоров*. Пруссский язык. Словарь. Т. 1 — . М., 1975.
- Топоров 1982а — *В. Н. Топоров*. Путь // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
- Топоров 1982б — *В. Н. Топоров*. Мост // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
- Топоров 1982в — *В. Н. Топоров*. Пространство // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
- Топоров 1986 — *В. Н. Топоров*. О некоторых теоретических аспектах этимологии // *Этимология* 1984. М., 1986.
- Топоров 1996 — *В. Н. Топоров*. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Топоров 1998 — *В. Н. Топоров*. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998.
- Топоров 2004а — *В. Н. Топоров*. Еще раз о некоторых теоретических аспектах этимологии // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2004.

- Топоров 2004б — В. Н. Топоров. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика: К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923—1996). М., 2004. С. 12—106.
- Топорова 1985 — Т. В. Топорова. Семантическая мотивировка концептуально-значимой лексики в древнеисландском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Топорова 2000 — Т. В. Топорова. Проблемы лингвистической реконструкции германской космогонии. Дисс. в виде научного докл. на соискание ученой степени доктора филолог. наук. М., 2000.
- Тропина 1985 — Н. П. Тропина. Лексико-семантические связи групп глагольной лексики (на материале глаголов интеллектуальной деятельности). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1985.
- Труб 1993 — В. М. Труб. Лексика целесообразной деятельности (опыт описания) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 58—67.
- Трубников 1968 — Н. Н. Трубников. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968.
- Урысон 1994 — Е. В. Урысон. Душа, сердце и ум в языковой картине мира // Путь, 1994, № 6.
- Урысон 1995 — Е. В. Урысон. Фундаментальные способности человека и наивная анатомия // Вопр. языкознания, 1995, № 3. С. 3—16.
- Урысон 1999 — Е. В. Урысон. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексе-мы округа и район) // Вопр. языкознания, 1999, № 6. С. 79—82.
- Урысон 2000а — Е. В. Урысон. Голос разума и голос совести // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 184—189.
- Урысон 2000б — Е. В. Урысон. Понятие нормы в метаязыке современной семантики (параметры человеческого тела с точки зрения русского языка) // Слово в тексте и в словаре. Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 243—252.
- Урысон 2001 — Е. В. Урысон. Союз ЕСЛИ и семантические примитивы // Вопр. языкознания, № 4, 2001. С. 45—65.
- Урысон 2002 — Е. В. Урысон. Союз ХОТЯ сквозь призму семантических примитивов // Вопр. языкознания, № 5, 2002. С. 35—54.
- Урысон 2003а — Е. В. Урысон. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.
- Урысон 2003б — Е. В. Урысон. Семантическая и валентная структура слов с уступительным значением // Русский язык в научном освещении, 2003, № 6. С. 217—246.
- Урысон 2004а — Е. В. Урысон. Словарная статья душа 1, сердце 2 // НОСС. М., 2004. С. 302—306.
- Урысон 2004б — Е. В. Урысон. Словарная статья мысль, идея, дума 1 // НОСС. М., 2004. С. 302—306.
- Урысон 2004в — Е. В. Урысон. Словарная статья предчувствие 1, чувство 4, ощущение 3 // НОСС. М., 2004. С. 830—833.
- Урысон 2004г — Е. В. Урысон. Словарная статья ум 1, разум, рассудок, интеллект // НОСС. М., 2004. С. 1203—1206.
- Урысон 2006 — Е. В. Урысон. Семантика союза но: данные языка о деятельности сознания // Вопр. языкознания, № 6, 2006.
- Фасмер 1987 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1987.

- Федорова 2003 — Л. Л. Федорова. Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии // Речевой этикет: семантика и прагматика. М., 2003. С. 21—41.
- Формановская 1982 — Н. И. Формановская. Употребление русского речевого этикета М., 1982.
- Формановская 1987 — Н. И. Формановская. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1987.
- Формановская 2003а — Н. И. Формановская. Социально-культурная сущность речевого этикета // Московский лингвистический журнал. Т. 7. № 2. Речевой этикет: семантика и прагматика. М., 2003. С. 9—21.
- Формановская 2003б — Н. И. Формановская. Ритуалы вежливости и толерантности // Философские и лингво-культурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 345—362.
- Хайек 1992 — Ф. А. Хайек. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
- Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л., 1989, 5—53.
- Храковский 1991 — В. С. Храковский. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 141—180.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 1998.
- Цейтлин 1996 — Р. М. Цейтлин. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI — XIV/XV вв. Проблемы и методы. М., 1996.
- Цивьян 1990 — Т. В. Цивьян. Лингвистические основы балканской картины мира. М., 1990.
- Цивьян 1999 — Т. В. Цивьян. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999.
- Червенкова 1975 — И. В. Червенкова. О показателях меры признака (на материале русского литературного языка) // Годишник на Софийския университет. Факултет по славянской филологии. София, 1975.
- Черненко 1997 — Л. О. Черненко. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Черных 1993 — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
- Чернышев 1931 — В. И. Чернышев. Псковское наречие // Труды комиссии по русскому языку. Т. 1. Л., 1931.
- Шайкевич 1959 — А. Я. Шайкевич. Слова со значением «правый» и «левый» (опыт сопоставительного анализа) // Ученые записки 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков. Т. XXIII. М., 1959. С. 55—74.
- Шайкевич 2005 — А. Я. Шайкевич. Введение в лингвистику. М., 2005.
- Шаронов 2002 — И. А. Шаронов. Толкование эмоциональных междометий как знаков восприятия // Russian Linguistics, 2002, Vol. 26, № 26. С. 235—254.
- Шаронов 2003 — И. А. Шаронов. Столкновение этикетных норм: церемонность и простота обращения // Московский лингвистический журнал. Т. 7. № 2. Речевой этикет: семантика и прагматика. М., 2003. С. 151—175.
- Шаронов 2005 — И. А. Шаронов. А и АГА. Проблемы описания когнитивных междометий // Понимание в коммуникации. 2005: Тез. докл. Международной научной конференции (28 февраля — 1 марта 2005 г., Москва). М., 2005. С. 117.

- Шатуновский 1989 — *И. Б. Шатуновский*. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы прагматических и интенциональных контекстов. М., 1989. С. 155—186.
- Шатуновский 1996 — *И. Б. Шатуновский*. Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996.
- Шахматов 1925 — *А. А. Шахматов*. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925.
- Шахматов 1941 — *А. А. Шахматов*. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Шкловский 1914 — *В. Б. Шкловский*. Воскрешение слова. СПб., 1914.
- Шкловский 1983 — *В. Б. Шкловский*. Искусство как прием // *Шкловский В. Б.* О теории прозы. М., 1983.
- Шмелев 1990 — *А. Д. Шмелев*. Парадоксы идентификации // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990. С. 33—51.
- Шмелев 1996 — *А. Д. Шмелев*. Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.
- Шмелев 2000 — *А. Д. Шмелев*. Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Шмелев Д. Н. 2002 — *Д. Н. Шмелев*. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // *Д. Н. Шмелев*. Избранные труды по русскому языку. М., 2002. С. 413—438.
- Шмелев 2002a — *А. Д. Шмелев*. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Шмелев 2002b — *А. Д. Шмелев*. Русская языковая модель мира. М., 2002.
- Шмелев 2004a — *А. Д. Шмелев*. О словаре ключевых слов русской языковой картины мира // Русский язык сегодня. 3. Проблемы русской лексикографии / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2004. С. 341—353.
- Шмелев 2004b — *А. Д. Шмелев*. Новомосковская школа концептуального анализа // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти). Сб. докл. Международной научно-практической конференции (13 — 16 сентября 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 16—23.
- Шмелев 2005a — *Шмелев А. Д.* Дух, душа и тело в свете данных русского языка // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 133—152.
- Шмелев 2005b — *Шмелев А. Д.* Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 17—24.
- Шмелева 1983 — *Т. В. Шмелева*. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983, № 1. С. 72—77.
- Шустер-Шевц 1969 — *Х. Шустер-Шевц*. Место и проблематика этимологических исследований (по материалам славянских языков) // Этимология 1967. М., 1969.
- Щерба 1974 — *Л. В. Щерба*. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Л. В. Щерба*. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24—39.
- Щепанская 2003 — *Т. Б. Щепанская*. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX — XX вв. М., 2003.
- Щерба 1974 — *Л. В. Щерба*. Опыт общей теории лексикографии // *Л. В. Щерба*. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

- Бйм 1978 — *Х. Бйм*. Решения, действия и язык // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 472: Проблемы моделирования языковой интеракции. Тарту, 1978
- Энциклопедия этикета 1999 — Энциклопедия этикета / Под ред. И. Е. Гусева. Минск, 1999.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1 — М., 1974 — (продолжающееся издание). 12. 1 — Praha, 1989 — (продолжающееся издание).
- Яковлева 1994 — *Е. С. Яковлева*. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Якушкина 2002 — *Е. И. Якушкина*. Оппозиции прямой-кривой и прямой-обратный и их культурные коннотации // Признаковое пространство культуры. М., 2002.
- Янко-Триницкая 1962 — *Н. А. Янко-Триницкая*. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
- Яценко 2001 — *А. А. Яценко*. Выражение уступительной семантики в современном русском языке. Учебное пособие по русскому языку для иностранцев. Reed College. Portland, Oregon, U.S.A. 2001.
- Apresjan 1996 — *Jurij D. Apresjan*. Enseignement du lexique assisté par ordinateur. In: Lexicomatique et dictionnairiques. IVes Journées scientifiques du réseau thématique "Lexicologie, Terminologie, Traduction". Lyon, France, 28, 29, 30 septembre 1995. Montréal, 1996. P. 1—10.
- Apresjan 2000 — *Juri D. Apresjan*. Systematic Lexicography. Oxford, 2000.
- Apresjan et al. 2002 — *Ju. D. Apresjan, I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, L. L. Tsinman*. Lexical Functions in NLP: Possible Uses. // Computational Linguistics for the New Millenium: Divergence or Synergy? Proceedings of the International Symposium held at the Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 21 — 22 July 2000. Manfred Klenner / Henriëtte Visser (eds.). Frankfurt a. M., 2002. P. 55—72.
- Apresjan et al. 2003 — *Jurij D. Apresjan, Igor M. Boguslavsky, Leonid L. Iomdin, Alexander V. Lazursky, Vladimir Z. Sannikov, Victor G. Sizov, Leonid L. Tsinman*. ETAP-3 Linguistic Processor: a Full-Fledged NLP Implementation of the Meaning \Leftrightarrow Text Theory // Proceedings. Meaning-Text Theory. First International Conference on Meaning-Text Theory. Paris, 2003. P. 279—288.
- Apresjan V. 1997 — *Valentina Ju. Apresjan*. 'Fear' and 'Pity' from a Lexicographic Perspective // International Journal of Lexicography, vol. 10, № 2, p. 85—111.
- Babby 1978 — *L. Babby*. Negation and subject case selection in existential sentences: evidence from Russian. Bloomington, 1978.
- Babby 1980 — *L. Babby*. Existential sentences and negation in Russian. Ann-Arbor, 1980.
- Bally 1964 — *Ch. Bally*. Traité de stylistique. Genève, 1964.
- Bartmiński 1980 — *J. Bartmiński*. Założenia teoretyczne słownika // Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980.
- Benveniste 1948 — *E. Benveniste*. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948.
- Bierwisch 1989 — *M. Bierwisch*. The semantics of gradation // Dimensional adjectives Springer-Verlag, 1989.
- Boguslavsky et al. 2003 — *Igor M. Boguslavsky, Leonid L. Iomdin, Victor G. Sizov*. Interactive Enconversion by means of the ETAP-3 System // International Conference on Convergence of Knowledge, Culture, Language, and Information Technology. Proceedings. Alexandria, 2003. P. 230—240.

- Boguslavsky et al. 2004 — *Igor M. Boguslavsky, Leonid L. Iomdin, Victor G. Sizov*. Multilinguality in ETAP-3: Reuse of Linguistic Resources // 20th International Conference on Computational Linguistics. Geneva, 2004. P. 7—14.
- Boleli, Campanile 1972 — *T. Boleli, E. Campanile*. Sur la préhistoire des noms gaulois en — rix // Études celtiques. V. 13. Paris, 1972.
- Bolinger 1972 — *D. Bolinger*. Degree words. The Hague. 1972.
- Brown, Gilman 1979 — *Brown, Gilman*. The Pronouns of Power and Solidarity // Language and Social Context: Selected Readings. Harmondsworth, 1979. P. 252—282.
- Brown, Levinson 1987 — *P. Brown, S. C. Levinson*. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.
- Chisholm 1957 — *R. Chisholm*. Perceiving: A philosophical study. Ithaca, N. Y., 1957.
- Chisholm 1966 — *R. Chisholm*. Theory of Knowledge. Foundations of Philosophy Series. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N. J., 1966.
- Chisholm 1979 — *R. Chisholm*. Verstehen: The Epistemological Question // *Dialectica*, vol. 33, №. 3—4, 1979. P. 233—246.
- Comrie 1976 — *B. Comrie*. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Cresswell 1976 — *M. Cresswell*. The semantics of degree // *Montague Grammar* / Ed. B. Partee. N. Y., 1976.
- Diachrony within Synchrony 1992 — *Diachrony within Synchrony: Language History and Cognition. Papers from the International Symposium at the University of Duisburg*, 26 — 28 March 1990 / Ed. G. Kellermann, M. Morisseys. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1992.
- Dik 1972 — *S. K. Dik*. The semantic representation of manner adverbials // *Linguistics in the Netherlands*. Amsterdam, 1972. P. 96—119.
- Dilthey 1883 — *W. Dilthey*. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Leipzig, 1883.
- DHLF I—III. Dictionnaire historique de la langue française / Sous la direction de Alain Rey. Paris, 1998. I—III.
- Dreyfus & Dreyfus 1986 — *H. L. Dreyfus, S. E. Dreyfus*. Mind over Machine: The Power of Human Intuition and Expertise in the Era of the Computer. Oxford, 1986.
- Edmonson 1981 — *W. J. Edmonson*. On saying “You are sorry” // *Conversational Routine* / F. Columas (ed.). The Hague, 1981. P. 273—288.
- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského — Akademie věd české slovník jazyka staroslověnského.
- EWDS — Etymologisches Wörterbuch des deutschen Sprache (Kluge). Berlin, N. Y., 1999.
- Forest 1983 — *R. Forest*. “Négation promue”, insularité, performatifs et empathie // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, vol. 77, p. 77—97.
- Gadamer 1975 — *H.-G. Gadamer*. Truth and Method. N. Y., 1975.
- Galton 1976 — *H. Galton*. The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect. Skopje, 1976.
- Gardner 1978 — *M. Gardner*. Aha! Insight. N. Y.: Scientific American, 1978.
- Geach 1956 — *P. T. Geach*. Good and evil // *Analysis*, 1956, № 1.
- Geeraerts 1997 — *D. Geeraerts*. Diachronic prototype semantics. A contribution to historical lexicology. Oxford, 1997.
- Giddens 1987 — *A. Giddens*. Social Theory and Modern Sociology. Stanford, 1987.
- Givon 1975 — *T. Givon*. Cause and Control: On the Semantics of Interpersonal Manipulation // *Syntax and Semantics* / J. P. Kimball (ed.). N. Y. etc., 1975. Vol. 4. P. 59—89.

- Goffmann 1971 — *E. Goffmann. Interaktionsrituale // Über Verhalten in direkter Kommunikation*, Frankfurt a. M., 1971.
- Goffmann 1974 — *E. Goffmann. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Cambridge, 1974.
- Grammaire 1936 — *Grammaire Larousse de XXe siècle*. Paris, 1936.
- Grevisse 1969 — *M. Grevisse. Le bon usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui*. Paris, 1969.
- Grochowski 1980 — *M. Grochowski Pojęcie celu. Studia semantyczne*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1980.
- Guiraud-Weber 1984 — *M. Guiraud-Weber. Les propositions sans nominatifs en russe moderne*. Paris, 1984.
- Guiraud-Weber 1988 — *M. Guiraud-Weber. L'aspect du verbe russe*. Aix-en-Provence, 1988.
- Guiraud-Weber 2003 — *M. Guiraud-Weber. Еще раз о русском генитиве отрицания: взгляд со стороны // Russian Linguistics*, 2003, vol. 27. P. 363—384.
- Hall 1969 — *E. T. Hall. The Hidden Dimension*. N. Y., 1969.
- Hartenstein 1992 — *K. Hartenstein. Die Funktionsverbgefüge des modernen Russischen — Überlegungen zur Definition eines Wortverbindungstyps // Wiener Slawistischer Almanach*. Wien, 1992, Bd. 30. S. 233—285.
- Heid, Raab 1989 — *U. Heid, S. Raab. Collocations in Multilingual Generation*. In: *Proceedings of the 4th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*. Manchester, 1989. P. 130—136.
- Heidegger 1953 — *M. Heidegger. Sein und Zeit*. Tübingen, 1953.
- Historical Semantics; Historical Word-formation 1985 — *Historical Semantics; Historical Word-formation (papers of the International conference on historical semantics and historical word-formation, held at Błaziejewko, Poland, 28 — 31 March 1984) / Ed. by J. Fisiak*. Berlin, N. Y., Amsterdam, 1985.
- Hocart 1970 — *A. M. Hocart. Kings and Councillors*. Chicago; London, 1970.
- Hughes 1988 — *G. Hughes. Words in Time. A Social History of the English Vocabulary*. N. Y., 1988.
- Iomdin 2003 — *L. L. Iomdin. Natural Language Processing as a Source of Linguistic Knowledge // Proceedings of the International Conference on Machine Learning*. Las Vegas, 2003. P. 68—74.
- Iordanskaja, Mel'čuk 2004 — *L. N. Iordanskaja, I. A. Mel'čuk. The Meaning and Cocurence of Russian NEMNOGO 'a little' // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. P. 112—127.*
- Iordanskaja, Paperno 1996 — *L. Iordanskaja, S. Paperno. A Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body*. Columbus, 1996.
- Jackson 1995 — *H. Jackson. Words and their Meaning*. London; N. Y., 1995.
- Jakobson 1971 — *R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der Russischen Kasus // Selected Writings, II, Word and Language*. The Hague-Paris, 1971. P. 23—71.
- Janus 1981 — *E. Janus. Wykłádniki intenswności cechy (na materiale polskim i rosyjskim)*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. 1981.
- Językowy obraz świata 1990 — *Językowy obraz świata. Praca zbiorowa pod redakcją Jerzego Bartmińskiego*. Lublin, 1990.

- Kardela, Kleparski 1990 — *H. Kardela, G. A. Kleparski*. Approaching Diachronic Semantics: the Componential vs. Cognitive Account. Umeå, 1990.
- Katz, Postal 1964 — *J. J. Katz, P. M. Postal*. An Integrated Theory of Linguistic Descriptions. Cambridge (Mass.), 1964.
- Kerbrat-Orecchioni 1996 — *C. Kerbrat-Orecchioni*. La conversation. Paris, 1996.
- König 1986 — *E. König*. Conditionals, Concessive Conditionals and Concessives: areas of contrast, overlap and neutralization // On Conditionals / Ed. by E. G. Traugott, A. ter Meulen, J. S. Reilly, C. A. Ferguson. Cambridge University Press. Cambridge; London; N. Y., New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1986.
- König 1991 — *E. König*. Concessive Relations as the Dual of Causal Relations // Semantic Universals & Universal Semantics / D. Zafferer (ed.). Foris Publications. Berlin, N. Y. 1991. P. 190—209.
- Konotacja 1988 — Konotacja. Praca zbiorowa pod redakcją Jerzego Bartmińskiego. Lublin, 1988.
- Kuryłowicz 1977 — *E. Kuryłowicz*. Problèmes de linguistique indo-européen. Wrocław, 1977.
- Lakoff 1966 — *G. Lakoff*. Stative adjectives and verbs in English // Mathematical Linguistics and Automatic Translation. Report N NSF-17 to the National Science Foundation. Cambridge (Mass.), 1966.
- Lakoff 1968 — *G. Lakoff*. Instrumental Adverbs and the Concept of Deep Structure // Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy, 1968, vol. 4, № 1. P. 4—29.
- Lakoff 1970 — *G. Lakoff*. Irregularity in syntax. N. Y., Chicago, etc. 1970.
- Lakoff & Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.
- Le Robert 1985 — *P. Robert*. Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1985. Vol. I—IX.
- Leech 1977 — *G. N. Leech*. Language and Tact // (L. A. U. T. Series A Paper № 46) / Trier, 1977.
- Leech 1983 — *G. N. Leech*. Principles of Pragmatics // London, N. Y., 1983.
- Leeuwen-Turnovcová 1990 — *J. van Leeuwen-Turnovcová*. Rechts und links in Europa. Ein Beitrag zur Semantik und Symbolik der geschlechterpolarität. Berlin, 1990.
- Littré 1889 — *E. Littré*. Préface // Dictionnaire de la langue française. T. 1. Paris, 1889.
- Littré 1992 — *E. Littré*. Comment j'ai fait mon dictionnaire. Suivi de *Emile Littré* par Pierre Larousse. Préface et notes de Jacques Cellard. Paris, 1992.
- Lobner 1990 — *S. Lobner*. Wahr neben Falsch: Duale Operatoren als die Quantoren der natürlichen Sprache. Tübingen, 1990.
- Lyons 1977 — *John Lyons*. Semantics. Volume 2. Cambridge; London etc., 1977.
- Martinet 1955 — *A. Martinet*. Economie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique. Berne, 1955.
- Mehlig 1981 — *H. R. Mehlig*. Satzsemantik und Aspektsemantik im Russischen (Zur Verbklassifikation von Zeno Vendler) // Slavistische Beiträge. Bd. 147, München, 1981. S. 95—151.
- Mel'čuk 1984 — *I. Mel'čuk*. Un nouveau type de dictionnaire: Le dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain // Igor Mel'čuk avec Nadia Arbatchewsky-Jumarie, Léo Elnitsky, Lidija Iordanskaja et Adèle Lessard. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I. Montréal, 1984. P. 3—16.
- Mel'čuk 1992 — *I. Mel'čuk*. Paraphrase et lexique: la théorie Sens-Texte et le *Dictionnaire explicatif et combinatoire* // Igor Mel'čuk avec Nadia Arbatchewsky-Jumarie, Lidija

- Iordanskaja et Suzanne Mantha. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques III. Montréal, 1992. P. 9—58.
- Mel'čuk 1996 — *I. Mel'čuk*. Lexical Functions: A Tool for the Description of Lexical Relations in a Lexicon. In: *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing* / Ed. by L. Wanner. Amsterdam (Philadelphia), 1996. P. 37—102.
- Mel'čuk 1997 — *I. Mel'čuk*. Vers une linguistique Sens-Texte. Paris, 1997
- Mel'čuk 2004 — *I. Mel'čuk*. Actants in Semantics and Syntax I: Actants in Semantics // *Linguistics. An Interdisciplinary Journal of Language Sciences*. Berlin, N. Y., 2004. P. 1—66.
- Mel'čuk et al. 1984 — *I. Mel'čuk avec N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Elnitsky, L. Iordanskaja et A. Lessard*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I. Montréal, 1984.
- Mel'čuk et al. 1988 — *I. Mel'čuk avec N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Dagenais, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, M.-N. Lefebvre et S. Mantha*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques II. Montréal, 1988.
- Mel'čuk et al. 1992 — *I. Mel'čuk avec N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja et S. Mantha*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques III. Montréal, 1992.
- Mel'čuk et al. 1999 — *I. Mel'čuk avec N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha et A. Polguère*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques IV. Montréal, 1999.
- Mel'čuk, Wanner 1996 — *I. A. Mel'čuk, L. Wanner*. Lexical Functions and Lexical Inheritance for Emotion Lexemes in German // *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing* / Wanner, L. (ed.). Amsterdam (Philadelphia), 1996. P. 209—278.
- Miklosich 1886 — *F. Miklosich*. Etymologisches Wörterbuch der slavistischen Sprachen. Wien, 1886.
- Miller 1970 — *J. Miller*. Stative Verbs in Russian // *Foundations of Language*. 1970, №. 4. P. 488—504.
- Morel 1996 — *M.-A. Morel*. La Concession en Français. Editions Ophrys, 1996.
- Nyrop 1979 — *K. Nyrop*. Grammaire historique de la langue française. T. IV. Sémantique. Paris, 1979.
- Ondruš 1968 — *Š. Ondruš*. Etymologická segmentácia slovanských slov z hľadiska štruktúry indoeurópskeho koreňa a laryngálnej teórie // *Čekoslovenské přednášky pro VI mezinárodní zjezd slavistů v Praze*, 1968.
- Osthoff 1898 — *H. Osthoff*. Griechische und lateinische Wortdeutungen // *Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft*. Berlin, VIII, 1898.
- Oxford 1989 — *The Oxford English Dictionary*. 2nd ed. / Prepared by J. A. Simpson & E. S. C. Weiner. Oxford, 1989. In 20 volumes.
- Paillard 1992 — *D. Paillard*. *Vse-taki et vse že: une question de point de vue* // *Linguistique et slavistique. Mélanges offerts à Paul Garde*. Edités par M. Guiraud-Weber et Ch. Zaremba. Tome 1. Aix-en-Provence; Paris 1992. P. 495—508.
- Pisarkowa 1975 — *K. Pisarkowa*. Konotacja semantyczna nazw narodowości // *Zeszyty Prasoznawcze*. Z. I. 1975. S. 5—26.
- Pokorny I—II — *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—II. Bern, 1959—1969.

- Popovic 2003 — *S. Popovic. Métalangage de vulgarisation des liens de fonctions lexicales // Actes / Proceedings. Meaning-Text Theory. First International Conference on Meaning-Text Theory / Première conférence internationale sur la Théorie Sens-Texte / S. Kahane and A. Nasr (eds.). Paris, 2003. P. 67—76.*
- Post 1950 — *E. Post. Etiquette. The Blue Book of social Usage. N. Y., 1950.*
- Prellwitz 1897 — *W. Prellwitz. Studien zur indogermanischen Etymologie und Wortbildung // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen / Hrsg. A. Bezzenberger. Göttingen, 1897, XIII.*
- Quirk 1982 — *R. Quirk, S. Greenbaum, J. Leech, J. Svartvik. A University Grammar of English / Ed. and abbreviated by I. P. Verkhovskaya. Moscow, 1982.*
- Random House 2001 — *Random House Webster's Unabridged Dictionary of the English Language, N. Y., 2001.*
- Reuther 1996 — *T. Reuther. On Dictionary Entries for Support Verbs: the Case of Russian VESTI, PROVODIT' and PROIZVODIT' // Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing / Wanner, L. (ed.). Amsterdam (Philadelphia), 1996. P. 181—208.*
- Reuther 2003 — *T. Reuther. Support verb combinations with existential verbs (German and Russian) // Actes / Proceedings. Meaning-Text Theory. First International Conference on Meaning-Text Theory / Première conférence internationale sur la Théorie Sens-Texte / S. Kahane and A. Nasr (eds.). Paris, 2003. P. 1—10.*
- Ricolur 1988 — *R. Ricolur. Hermeneutics and the Human Sciences. Cambridge, 1981.*
- Rudolph 1996 — *E. Rudolph. Contrast. Adversative and Concessive Relations and their Expressions in English, German, Spanish, Portuguese on Sentence and Text Level. Walter de Gruyter. Berlin, N. Y., 1996.*
- Russell 2000 — *R. Russell. Humor's Close Relatives // Humor. Vol. 13—2. Berlin — New York, 2000. P. 219—233.*
- Sapir 1944/1985 — *E. Sapir. Grading, a Study in Semantics // Philosophy of science. Vol. 11. 1944, № 2. [Русск. пер.: Э. Сэпир. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 43—78].*
- Schleiermacher 1959 — *F. D. E. Schleiermacher. Hermeneutik: Nach den Handschriften. Heidelberg, 1959.*
- Sifianou 1992 — *M. Sifianou. Politeness Phenomena in England and Greece. Oxford, 1992.*
- SS. Slovník jazyka staslověnského. Praha, 1922 — (продолжающееся издание).
- Stang 1966 — *Ch. S. Stang. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo, 1966.*
- Stang 1970 — *Ch. S. Stang. Opuscula Linguistica. Oslo, 1970.*
- Stern 1921 — *G. Stern. Swift, swiftly, and their synonyms. A contribution to semantic analysis and theory. Göteborg, 1921.*
- Šaur 1981 — *V. Šaur. O deverbativním původu některých adjektiv (gluchъ, slěpъ, prostъ, pustъ i jiných) // Slavica XLX, 1981, 1.*
- Topolińska 1977 — *Z. Topolińska. Mechanizmy nominalizacji w języku polskim. Warszawa, 1977.*
- Vendler 1967a — *Z. Vendler. The grammar of Goodness. In: Zeno Vendler. Linguistics in Philosophy. N. Y., 1967. P. 172—195.*
- Vendler 1967b — *Z. Vendler. Linguistics in Philosophy. N. Y., 1967.*
- Vendler 1972 — *Z. Vendler. Res cogitans. Ithaca; New York; London, 1972.*
- Wierzbicka 1972 — *A. Wierzbicka. Semantic Primitives. Frankfurt, 1972.*
- Wierzbicka 1980 — *A. Wierzbicka. Lingua mentalis: The semantics of natural language. Sydney, etc. Acad. press, 1980.*

- Wierzbicka 1985a — *A. Wierzbicka*. Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor, 1985.
- Wierzbicka 1985b — *A. Wierzbicka*. Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts // *Journal of Pragmatics* 9, 1985. P. 134—161.
- Wierzbicka 1987 — *A. Wierzbicka*. English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. Sydney, Orlando etc., 1987.
- Wierzbicka 1991 — *A. Wierzbicka*. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction // *Trends in Linguistics. Studies and Monographs* 53. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter. 1991.
- Wierzbicka 1992 — *A. Wierzbicka*. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y., Oxford, 1992.
- Winter 1985 — *W. Winter*. 'Left' or 'right'? // *Historical Semantics, Historical Word-formation* (papers of the International conference on historical semantics and historical word formation, held at Błazejewko, Poland, 28—31 March 1984) / Ed. by J. Fisiak Berlin; N. Y., Amsterdam, 1985. P. 583—595.
- Wittgenstein 1953 — *L. Wittgenstein*. Philosophische Untersuchungen. Oxford, 1953.
- Wordhaugh — *R. Wordhaugh*. How conversation works // Oxford, 1985.
- Worth 1959 — *D. S. Worth*. Grammatical and Lexical Quantification in the Syntax of the Russian Numeral // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, vol. 1/2. P. 117—132.

УКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСЕМ

- А! 516, 578, 605, 607, 608,
610, 611
авторитет 61, 104, 413
автоматически 196, 205—
208—210, 217
Ага! 516, 578, 605, 610
агитация 102
агрессивный 394, 395
агрессия 101, 105
адрес 122
адюльтер 101
альтруизм 405
амбиции 407
амбиция 107, 407
амикошонство 266, 273,
274, 386, 397
анализ 105
антимонии 377, 384, 385,
401, 402
антипатия 104
апатия 107
аренда 106
арест 105
аристократический 837
артачиться 152, 153
атака 61, 105
атаковать 83, 97, 104
аффект 216
Ах да! 607
базовый 769, 838
баловать 150, 154, 159, 160
баловаться 77, 83, 85, 151—
153, 272
банальный 836
бастовать 55
бахвалиться 407
бегать 40, 65—68, 72, 73, 87
бегаться 38
беготня 68
бежать 788
безграмотный 474
бездарность 78
безмозглый 482, 494, 495,
501
безобразничать 77, 152—
154, 272
безответность 409
безотчетно 196
безрассудный 483
безумно 123
безыскусный 839
белеть 45
белье 121
беседа 102
бесить 438
беспамятство 107
беспардонный 272, 274, 401
беспечный 475, 491, 492
беспокоиться 118, 155
беспокойство 107
бессмысленность 201, 203
бессмысленный 202
бессознательно 196
бестактно 257, 305, 306,
347, 389
бестактность 258, 274, 302,
303, 305
бестактный 241, 305, 306,
389
бестолковость 516
бестолковый 473, 487, 488,
501, 511
бесхитростный 841
бесцельно 198—203
бесцельность 199, 201, 203
бесцельный 196, 197, 200,
202
бесцеремонный, бесцере-
монно 241, 265, 270,
272, 274, 275, 285,
287, 291, 323, 329,
341, 370—376, 380,
397—399
бесцеремонность 258, 268,
274, 287, 374—376,
386, 397
бесчинствовать 77, 152—
154, 272
бизнес 102
бисер 718, 719
благовоспитанный 273, 386
благодетение 101
благожелательно 258, 321
благожелательность 321
благожелательный 321
благопристойный 273
благоразумный 232, 474,
483, 498, 499, 502
благородный 837
благородство 411
благоухать 45
блеснуть 566
блестеть 83, 88
блистать 45
блуждать 40, 73
богослужение 102
бодриться 85
боевые действия 102
бойкот 105
болен 84
болеть 88
болотце 728, 729
болтать 40, 546
боль 103
большой 713—718, 720—
725, 728—731, 757

- бомбардировка 105
 боров 737, 742
 бороться 86, 90, 91, 94, 95,
 97
 борьба 102
 бояться 70, 84, 85, 88, 118,
 155
 бравый 255, 273
 брат 60
 брать 100, 106
 брови 108
 бродить 73, 165, 200
 бросать 78, 100
 бросать тень 145, 154
 бросить 97, 155
 бросок 101
 будем 118, 119
 будить 84, 127
 будничный 836
 букашка 728, 729
 буланный 108
 буянить 77, 152, 154
 бывалый 474, 489
 бывать 40, 44, 83, 95
 было 124
 быстренько 722
 быстро 67, 140, 145
 быть 44, 46, 55, 81, 83, 95,
 105, 106
 бюджет 108
 в (+ вин) 164, 179
 в (самом) соку 737
 в видах 179, 180
 в дверь не проходит 737,
 742
 в любом случае 616, 686
 в пользу 164, 189
 в теле 737
 в то время как 616, 618,
 667—670
 в то же время 616, 634, 640,
 651, 675—677
 в целях 164, 177, 179, 182,
 190, 191
 в чем душа держится 737,
 745
- важничать 396
 важность 104
 валун 728
 вальяжный 273
 валяться 87
 вбивать 516
 ввалиться 151
 вдалеке 134, 135
 вдали 134, 135
 вдох 101
 ведать 53
 вежливый, вежливо 241,
 256, 257, 258, 268,
 272, 274—282, 285,
 286, 289—292, 315,
 323, 324, 326, 329—
 333, 337, 339—362,
 370, 386—389, 395
 вежливость 257, 274, 292,
 337, 346, 348, 354,
 388
 везти 72
 велеть 71, 126, 141
 велик 116, 720
 великан 728
 величина 108
 вера в себя 407
 верзила 734, 748
 верить 138
 верста коломенская 734,
 735, 748
 вертеть 40
 вес 51, 61, 85, 108
 весить 79, 83, 84
 вести 44, 95, 99, 102
 ветреный 475, 491
 вешать 88
 взад и вперед 67
 взаимопонимание 550
 взбучка 105
 взгляд 108
 взгрустнуться 38
 вздрогнуть 211, 611
 взмахивать 41
 взнос 101
 взор 108
- взыскание 105
 взятка 105, 106
 взятый сам по себе 840
 взять в толк 539
 вивисекция 105
 виден 44, 45
 видеть 84, 88, 93, 95, 113,
 516, 535, 539, 556,
 569
 виднеться 95
 видывать 40
 вилять 41, 81
 винить 70
 виноград 718, 719
 висеть 82, 83, 87, 94, 95
 виток вокруг земли 101
 виться 83, 95, 96
 вихлять 41
 вишня 718
 включать 83
 вкус 85, 121, 122
 владеть 83
 владеть собой 216
 владычество 105
 власть 105
 влечение 103
 влияние 60, 61, 64, 69, 100,
 101, 104, 105
 влиятельность 61
 влиять 61
 вместе с тем 616, 640, 675,
 677
 вместимость 84
 вмещать 81, 83, 84
 внешность 85
 внимательный 320
 вникнуть 543
 вносить 100
 внятный 474, 508, 510, 516
 во благо 164, 189, 190
 во всяком случае 616, 686
 во имя 164, 177, 179, 190
 водить 40, 65, 72
 водить за нос 516
 водиться 83, 96
 водянка 736

- воевать 83, 86, 90, 190
 вожеление 103
 возглавлять 88
 возгордиться 408
 воздействие 61, 101, 105
 возить 65, 72
 возиться 384
 возлежать 87
 возмущать 431
 возникать 44, 84
 возникнуть 95
 возраст 85, 108
 война 51, 102
 волевой 79
 волей-неволей 170, 171,
 187, 196
 воля 85
 вонять 45, 83, 88
 воображаемый 473, 475
 воображала 407
 воображать 113, 144, 396,
 472, 535
 воображение 85, 411
 вооружать 815
 вооружить 815
 вопрос 105
 вопрошать 71
 вороной 108
 воскресить 156
 воскрешать 150, 156
 воспитанный 273
 воспитывать 83, 86, 90, 94
 воспользоваться
 воспринимать 556, 558
 восторг 106, 107
 восторгаться 70, 71
 восхищаться 70, 71, 155
 вот бы 688, 689
 (вот) только 617, 620, 685,
 697, 702, 704—710
 вояж 151
 впадать 106
 впасть 107
 впасть в оцепенение 64
 впасть в столбняк 64
 вперед 791
 впрыскивание 101
 вразумительно 516
 врать 144
 врач 79, 82
 вращать 41
 вредить 145
 время 85
 врубиться 516, 539, 543, 562
 все 120
 все же 616—618, 629,
 642—644, 646, 647,
 651, 659, 670, 671,
 673—675, 678—680
 все равно 616, 644, 648,
 649, 655, 656, 659,
 670—674
 всегда 157
 всеми силами души 123
 все-таки 616—618, 620, 629,
 634, 642—644, 646,
 647, 651, 659, 670,
 671, 673—680, 702
 вспомнить 93
 вспомоществование 105
 вспылить 216
 вспыхивать 155
 вспыхнуть 95, 216
 вставать 88
 вставка 101
 встать 93, 788
 встать как вкопанный 64
 встрепнуться 64
 встречать 77, 79, 83
 встряхивать 41
 всучить 151
 втереться в доверие 151
 втолковывать 516
 вторичный 769, 838
 входить 81
 въехать 516, 539, 562
 выбирать 60, 62—64, 69
 выбор 101
 выбрать 62, 63, 68
 выведывать 40
 вывести 539
 выветривание 102
 вывод 101
 выглядеть 119
 выговор 101, 105
 выгораживать 145, 150, 156,
 159
 выгородить 71, 155
 выдающийся 836
 выделанный 840
 выдох 101
 выздоравливать 83, 87
 вызов 100
 вызывать 54, 55, 86
 вызывающий 273, 274
 выигрывать 150
 выйти 95
 выкарабкаться 826
 вылезать 88
 вымахать 736
 вымирать 84
 вымогать 55, 77
 вымыгть 83
 вымышленный 473, 475
 вынуждать 84, 131
 вынужденно 170, 171, 187,
 196, 205
 вынюхивать 40
 выпад 101
 выправка 255, 272, 274
 выпростать 832, 844
 выпрямиться 797, 799
 выращивать 84
 выручать 91, 145, 150, 159
 выручить 154
 осветить 566
 высмеивать 439—442
 высок 116, 720
 высокий 115, 500, 713, 729,
 731, 734, 735, 748,
 751, 755, 791
 высокомерие 407, 408
 высокомерный 842
 высокорослый 734
 высота 79, 84, 108, 734
 высота рост 84, 734
 спрашивать 40
 выстрел 101

- думать 47, 48, 53, 92, 112, 113, 125, 138, 140, 158, 164, 172, 185, 186
думаться 38
дурачиться 77, 85, 152, 154, 155
дурачок 841
дурить 152
дуть 87, 95, 96
дух 411
душа 411, 598
дылда 331, 734, 748
дышать 81
дышаться 38
дюжий 737, 739, 748
дюжина 51
дюйм 727
дюймовочка 728
едаť 40
ездить 40, 65, 72, 73, 83
епитимья 105
ересь 107
если 158, 427, 620, 631, 669, 670
если и 616, 644—646, 650, 662—664, 687
если уж не..., то... 646, 687, 694
естественный 273, 386, 770, 814
естество 814
Есть! 578
есть 55, 758
есться 37
ехать 72
(еще) куда ни шло 616, 681, 683, 684
еще туда-сюда 616, 681, 683, 684
жадничать 85
жажда 103
жаждать 71, 88, 139
жаловаться 70, 71, 139
ждать 74, 119, 120, 132, 133, 136, 137, 143
желание 51, 103
желать 53, 88, 94, 123, 138, 139, 169
жеманиться 85, 152, 153
жеманно 401, 402
жемчуг 718, 719
жениться 84
жеребенок 108
жеребец 108
жертвенный 405
жечься 45, 81, 83
живые мощи 737
жизнь 102
жилистый 738, 745
жирдйя 737
жиреть 737
жирный 736—739, 742
жить 95
жмурить 108
за (+ вин) 164, 177, 178, 190, 191
за 54, 58
за- 68
забастовка 55
забеременеть 121
заблуждаться 77, 114, 147, 150, 159
заблуждение 107, 150, 562
заболевать 87
забрёзжить 566
забросать 40
забывать 84
забываться 261, 262, 267, 273, 274, 290, 325, 399—401
забывчивый 475
забыть 107
заваливать 150, 156
завалить 156
заваляться 83
заведенный 836
заведовать 90
завершать 89
завестись 95
зависнуть 571
зависть 103
завтра 143
заговаривать 84
загораться 84
загореться 95
задание 176
задарить 40
задача 163, 173, 177, 187, 218
задержать 40
задирать нос 396
задохлик 738
задумка 163, 168, 186
задумчивость 107
зажатый 273, 274
зажаться 273, 274
зазнайка 407
заикаться 81, 83
заискивать 406, 425
закипятиться 70
заключение 101
заключить 539
закрывать 81
замереть 64, 69, 74
замечание 101
замечательно 145
замешательство 107
замирание 65
замирать 95
заморыш 738, 745
замысел 163, 168, 169, 173, 174, 186, 188, 218
замысловатый 769, 837, 839
занимать 84
заносчивость 407
заносчивый 842
занятие 77
запах 85
записи 102
запоминающийся 472, 473
запрет 105
запрещать 141
запросто 841
запутаться 516
запутывать 516
зародиться 95
зарок 101

- заруби себе на носу 553
 зарубка 52, 101
 зарываться 273, 274, 401
 засечка 101
 засмеять 439—443
 заставлять 68, 91, 127, 131
 застенчивость 409
 застывание 65
 застыть 64, 69, 74
 засыхать 120
 затаиться 64
 затейливый 769, 839
 затихать 95
 затихнуть 64
 затмение 568
 зато 617, 649, 702—709
 заторможенный 65
 затуманить 568
 заумный 472, 474, 497, 510
 заурядный 771, 836
 зачем 166, 177, 180, 181,
 183, 192, 204, 218,
 228, 229, 234
 зачинщик 151
 защита 105
 защищать 159
 заявление 101
 звание 85
 звать 560
 звенеть 83, 88
 звук 85
 здоровенный 733
 здоровья 734
 здоровущий 747
 здоровый 733, 737, 739, 747,
 748
 здоровяк 747
 здоровячка 747
 здравомыслящий 474, 499,
 502
 злить 84
 злоба 104, 108
 злодеяние 101
 злопамятный 473, 475
 злоупотребить 154
 злоупотреблять 145, 150, 154
- знак 101
 знать 53, 54, 83—85, 88, 91,
 93, 94, 95, 112, 114,
 115, 122, 130—132,
 138, 472, 503, 526,
 529, 533, 535, 536,
 546, 549
 знать толк 549
 значение 104, 226
 значить 83
 значиться 95
 знающий 473, 474
 зубы 108, 109
 зуд 103
 зудеть 88
 и (X и X, ничего особенно-
 го) 756, 757
 и только 840
 игра 102
 играть 77, 83, 86, 89, 94, 104
 игреневый 108
 игрушечный 720
 идти 72, 83, 86, 94, 139, 788
 из аристократов 837
 из благородных 837
 из дворян 837
 из деликатности 276
 из конца в конец 67
 из низов 836
 из простых 836
 из ряда вон 836
 из стороны в сторону 67
 из угла в угол 67
 избавить 826, 827
 избавиться 131, 826
 избавлять 827
 избитый 836
 известность 104
 извиваться 95
 извинения 100
 изгаляться 446
 издевательство 441, 445,
 446
 издеваться 145, 150, 405,
 406, 413, 422, 431,
 439, 441—446
- издевка 441
 издержки 108
 из-за 54, 164, 190, 191, 204,
 627
 из-за того что 678
 измена 148
 изменение 102, 103
 измываться 405, 406, 439,
 441, 443, 444, 446
 изображать в черном цвете
 150
 изолгаться 40
 изорваться 40
 изумляться 71
 изучать 54
 изучение 105
 изъездить 40
 изъясняться 546
 изысканность 78
 изысканный 769, 839
 изящный 738, 741, 745,
 749—751
 иллюзия 104
 иллюзорный 473, 475
 иметь 99, 104
 иметь в виду 560
 иметь представление 539
 иметься 44, 95, 175
 имитировать 144
 импичмент 105
 импульсивно 216
 импульсивный 215
 имя (доброе) 413
 имя 51
 индюк 407
 иногда 157
 инсайт 573
 инспекция 105
 инстинкт 572, 573, 593, 595,
 597—600, 602—604
 инстинктивно 196, 524, 530,
 531
 инструкция 101
 интеллект 573, 593—595
 интервью 106
 интервьюировать 106

- интерес 104
 интерпретировать 521, 556
 интуитивно 524, 530, 531
 интуиция 516, 532, 572, 573, 593—604
 ирреальный 473, 475
 искать 86
 искоренять 84
 искренний 841
 искушать 150
 искушенный 474
 исполин 728
 исполинский 715, 716, 723, 724
 использовать 132—134
 испытание 105
 испытывать 61, 103, 105, 107
 исследование 105
 иступление 107
 истолковывать 556
 источник 838
 исход 164
 исходить 40
 исходный 769, 838
 исхудалый 737, 739, 741, 752
 исцелить 827
 исцелять 827
 исчезать 95
 итог 164
 к 164, 223
 к чему 218
 кавалер 261, 271, 401
 казанская сирота 410
 казаться 140, 144
 как (X как X, ничего особенного) 756
 как (бы) ни 644
 как 115, 123, 137
 как бы то ни было 616, 660, 661
 как ни 618, 650, 657, 659, 660
 как ни верти 616, 660, 662
 как ни крути 616, 660, 662
 как раз 124
 как-никак 616, 620, 622, 644, 646, 647, 651, 678—680
 какой-то 719
 каланча 734, 735
 каморка 728, 729
 кампания 102
 капризничать 77, 83, 151—154
 караковый 108
 карать 70, 145, 146, 159
 карлик 728, 734
 карликовый 720, 722, 726
 картавить 83
 картошка 718, 719
 карьера 79
 касаться 87, 88
 катать 65
 кататься 72, 73, 86
 категория 85
 каурый 108
 качать 41
 качка 102
 каяться 137, 138
 квалифицировать 558
 кивать 41
 кидать 78
 кипеть 83, 95
 кипятились 70
 кичиться 71, 407
 кичливый 842
 класс 85, 121, 122
 класть 88
 клеветать 83, 91, 145, 150, 152, 156
 клоп 730
 клубника 719
 клыки 109
 клясться 70, 138
 клятва 101
 кляча 108
 кобыла 108
 когда 158
 кодекс чести 416, 430
 кожа да кости 737, 745
 колебания 102, 103
 количество 108
 колоссальный 715, 716, 723, 724, 730
 колотье 103
 колотья 45, 81, 88
 кома 107
 команда 101, 107
 командировать 94
 комментарий 101
 компенсация 105
 компетентный 472—474
 комплимент 100, 101
 конечно 687
 консультация 101, 105, 106
 консультировать 106
 контролировать 104
 контроль 61, 102, 105
 конфессия 85
 конь 108
 копчение 105
 кормить 84
 коронки 109
 короткий 115, 116, 500, 713
 короток 720
 коротышка 734
 корпулентный 737
 корректный 272, 386
 коррозия 102
 костлявый 737, 739, 740, 745, 752
 кошка 75, 108
 кража 101
 крайность 107
 краснеть 45
 красный 79
 красота 78
 крепость 85
 кресло 58
 кривить душой 145, 150
 кривляться 77, 85, 152—154
 кривой 764, 797, 798
 критика 100, 105
 критиковать 481
 кроткий 463, 464, 466, 467
 кротко 463, 464

- кротость 409, 463—468
 крохотный 715—717, 722—724, 726, 729, 732
 крошечный 715—717, 723, 724, 726, 731
 крошка 730
 круг 101
 кругленький 733, 737, 740
 кругооборот 101
 кругосветное плавание 101
 кружить 73, 95
 круиз 101
 крупен 720
 крупитчатый 737—739, 742, 744, 753
 крупный 713, 714, 717—719, 722—725, 730, 731
 крутить 40, 95
 крутиться 95
 кубик 58
 куда ни шло 616, 681, 683, 684
 культурный 273
 кумекать 516, 549
 купить 82
 курс 85
 ладно 683, 687
 ладно бы 616, 620, 644, 681—683, 687
 ладный 749, 751
 лазать 73
 лакей 260, 320, 393
 лакействовать 406, 425
 лакировать 144, 150, 152
 лгать 144, 157
 лебезить 406, 425
 левый 764
 легкий 767, 838
 легкомысленный 475, 491, 492
 легкость 78
 ледащий 737
 лежать 77, 83, 87, 94, 95
 лениво 145
 летаргия 107
 летать 40, 65, 72, 73
 лететь 72
 летопись 102
 лжец 331
 ликование 155
 ликовать 71, 155, 184
 лилипут 728, 734
 лирика 107
 литься 87
 лицо 108
 личность 430
 лишать 826, 829
 лишаться 826
 лишения 103
 лишь бы 616—618, 645, 646, 648—650, 685, 687—692
 лоб 108
 ложиться 88
 локоть 727
 ломать 84, 90, 128
 ломаться 152—155
 ломовик 108
 лопнуть 76
 лопотать 546
 лошадь 108
 лукавый 797, 819
 любезничать 273, 274, 376, 377, 386, 401
 любезно 258, 263, 275, 276, 285, 286, 315, 324, 327, 387, 388
 любезность 274, 328, 388
 любезный 263, 264, 269, 271, 272, 274, 326, 328, 366, 386—388, 389
 любимый 82
 любить 132
 любовь 103, 104
 любознательный 473, 474, 489
 любопытный 82, 322, 323, 473, 474, 489, 499
 любопытствовать 114, 322, 323
 любящий 82
 лязгать 45
 мал 116, 720
 малевать 71
 маленький 115, 713—717, 719—725, 728—731, 734—736, 749, 751
 малодушие 409
 малопонятный 516
 малорослый 734, 735, 749
 малый 715, 722, 725
 малосенький 715, 717, 723, 724, 730
 манерничать 152, 153
 манерный 273, 274
 манеры 272, 274
 марш 101
 масштаб 108
 матерый 474
 мать 59
 махать 41
 машинально 196, 205—210, 215, 217
 медленно 145
 между тем как 616—618, 634, 667—670
 меланхолия 107
 мелкий 115, 116, 713, 714, 717, 719, 721, 722, 724, 726
 мелок 720
 мелькать 45
 мерекать 546
 мерещиться 144
 мерин 108
 меркнуть 95
 мерцать 45
 место 226
 метаморфоза 102, 103
 механически 205, 209, 210
 мечтать 169
 мешать 145, 146, 155, 158
 мешок костей 737, 745
 микроб 733
 миндальничать 273, 307, 379, 384, 385, 401

- миниатюрный 720, 731
 минус 52
 мировой (мировые стандарты) 754
 миссия 164, 176, 221, 222, 225, 226
 мнимый 473, 475
 мнительный 472—474, 489, 490
 множиться 96
 модернизм 79
 можно 47—49, 58, 118, 119, 140
 молодцеватый 273
 момент 53, 55
 моргать 41
 море 46, 733
 мотать 41
 мотив 533
 мочь 48, 49, 126, 139
 мощность 85, 108
 мракобесие 568
 мрачность 107
 мстить 150
 мудрый 473, 482, 486, 493, 494, 500, 505, 506
 мужество 51, 104
 мутация 102
 мухортый 108
 мучения 103, 105
 мыслить 558
 мышастый 108
 мышь 108
 мясистый 736, 737, 741
 на 52, 177, 179, 189—191, 223
 на (+ вин) 164
 на благо 164, 189
 на этот раз 478, 482, 483, 490
 наблюдение 102, 105
 набухать 151
 набербовать 40
 наводить 99, 100
 наглец 274
 наглый 255, 261, 265, 272—274, 288, 325, 394, 399
 нагоняй 105
 награда 105
 надвигаться 96
 надежда 103, 104
 надеяться 47, 48, 70, 118, 119, 138
 надзор 105
 надменность 407, 408
 надменный 842
 надо 118, 119, 135, 137, 142, 191, 194, 219
 надоесть 71
 надпись 101
 надрез 101
 надругаться 150, 446
 надстраиваться 408
 надутый 407
 нажим 101
 назад 791
 назначение 70, 164, 218, 221, 222, 225, 226, 234
 назревать 96
 называть 83, 560
 наивничать 85
 наивный 774, 818, 841
 наитие 563, 572, 573, 602
 найти 539, 562, 563
 найтись 44, 96
 наказание 105
 наказывать 70, 150, 151, 159
 накрученный 837
 налет 105
 налечь 110, 111, 117
 наличествовать 96
 налогообложение 105
 намекать 516
 намереваться 126, 164, 166, 167, 171, 172, 177, 185
 намерен 123—125, 164, 171, 172, 185
 намерение 163, 168, 169, 173—175, 184, 186—188, 218
 намеренно 27, 164, 169, 170, 177, 182, 186, 218
 наметиться 96
 наносить 99, 100
 нападать 104
 нападение 105
 нападки 105
 напасть 394, 562
 напористый 394
 напряжение 85, 108
 напустить туману 568
 напыщенный 407
 нарочно 164, 166, 169, 171, 182, 186, 194, 237
 нарушать 145, 150
 нарушить дисциплину 154, 155
 насадить 40
 насколько 115
 насмехаться 439, 441
 насмешливо 346
 насмешничать 439, 441
 насмеяться 439, 440, 443
 наст 785
 наставлять 46
 наставление 100
 настаивать 55
 настроить 40
 наступать 44, 46
 настырный 394
 насчитывать 79, 83, 84
 насчитываться 96
 наткнуться 562
 натолкнуться 562
 натуральный 780
 нахал 274
 нахально 325
 нахальный 255, 265, 272—274, 325, 394, 399
 находить 79, 83
 находить общий язык 550
 находить объяснение 539
 находиться 55, 61, 83, 105

- находчивость 516, 573, 594, 595
 находчивый 474, 483, 499, 510, 511
 национальность 85
 нация 79
 начальный 838
 начать 533
 начаться 53
 начинать 85, 96, 97, 125
 начинаться 44, 91
 не больно 136
 не двигаться 64
 не мочь даже пальцем пошевелить 64
 не надо 219, 220
 не по своей воле 205
 не сдержаться 216
 не то чтобы... (а/но) 616, 686, 687
 не только 840
 не шелохнуться 64
 неблагоприятный 483, 502
 небольшой 714, 716, 723, 724, 728, 730
 небоскреб 728, 729, 733
 невежа 241, 272, 274, 323, 324, 329, 330, 332—334, 338, 341, 343, 363, 365—367
 невежественный 474, 489, 501
 невежливо 241, 257, 258, 276, 280, 285—287, 289, 323—326, 329, 330, 332—335, 338, 343, 345, 348, 352, 355—357, 361—365, 367, 368, 370—373, 387, 389
 невежливый 241, 272, 299, 323, 329, 330, 332—335, 338, 341, 343, 344, 350—352, 354, 359, 360, 363—365, 367—373, 389, 397
 невзирая на 615, 617, 622, 644, 651—654
 невзначай 164, 170, 196, 214
 невнятный 516
 невозможно 47—49, 58
 невольно 164, 170, 177, 186, 187, 196, 210, 211, 212, 214, 217
 невообразимый 472
 невоспитанный 273, 329, 341, 386
 невразумительный 473, 474, 497, 510
 невысокий 729, 734—736, 749, 751
 негалантно 324
 негалантный 389
 неглупый 473, 482, 484, 501
 негодование 106
 негордый 842
 недальновидный 482, 487, 488, 501
 неделикатно 257, 305, 306, 347, 348, 352, 370—373, 376, 389, 400
 неделикатность 258, 305, 371, 397
 неделикатный 241, 305, 306, 370—373, 376, 389, 399, 400
 недоверчивый 473, 474, 490—492
 недогадливость 516
 недогадливый 474, 483, 501
 недолго 157
 недооценивать 150
 недоступный 474, 509
 недоумевать 516
 нежничать 307, 401
 нежные чувства 104
 незамысловатый 839
 незатейливый 839
 некомпетентный 474
 некорректно 258
 некорректный 272
 некультурный 273
 нелюбезно 258, 324, 325
 нелюбезный 272, 326, 389, 397
 нельзя 47—49, 58
 немилость 107
 немного 724
 немудреный 839
 ненависть 103, 104
 ненамеренный 215
 ненароком 164, 170, 196, 214
 ненаходчивый 483
 необдуманно 216
 необразованный 474, 501
 необходимо 136, 191
 необходимый 135
 необыкновенный 756, 836
 необычайный 836
 неосознанно 196
 неотесанный 273, 274, 341, 386
 неплохо бы 688, 689
 неподъемный 720—722, 731
 непонятливый 474, 483
 непонятный 474, 496, 497, 507—509, 516
 непосредственный 273
 непостижимый 472, 474, 496, 509
 непочтительно 257, 258, 290, 291, 298, 299
 непочтительность 258
 непочтительный 241, 293, 298, 299, 312, 341
 непреднамеренно 196, 215
 непредставимый 473
 неприлично 329, 400
 неприличный 273, 399, 400
 непримечательный 836
 непринужденный 273, 386
 непристойность 78, 386
 неприязнь 104
 произвольно 164, 170, 196, 212, 214, 215, 217
 непростой 838
 неразумный 483, 502

- нереальный 473, 475
 нервировать 438
 несведущий 474
 несдержанный 273, 274
 несерьезный 475, 491, 492
 несколько раз 124
 нескромно 309
 нескромный 309
 несложный 837, 838
 несмотря на 615, 617,
 618, 621, 622, 624,
 625, 627, 628, 630,
 636—641, 644, 645,
 651—656, 668, 698
 несмотря ни на что 615,
 650, 655—657
 несмышленный 473, 482,
 487, 488, 496, 505
 несообразительность 516
 несообразительный 474,
 483, 498
 неспециальный 836
 нести 99
 неуважительно 257, 258,
 298
 неуважительность 258
 неуважительный 241, 270,
 293, 298, 344
 неудобный 360
 неумный 473, 482, 485, 494,
 501
 неумышленно 196, 215
 неучтиво 258, 324, 325
 неучтивый 272, 299, 397
 нехватка 103
 нехотя 215
 нецелесообразный 232, 233
 нечаянно 164, 166, 170, 186,
 196, 210—213, 237
 неясный 474, 507, 509
 ни бельмеса 548
 ни черта 548
 ниже среднего роста 735
 низачем 196, 204
 низенький 734, 735, 749
 низкий 79, 115, 408, 500,
 713, 729, 735, 837
 низкий (поступок) 408
 низкого происхождения
 (рода) 836
 низкопоклонничать 425
 низкорослый 734, 735, 749
 низкосортный 840
 низок 720
 низость 408
 низшего качества 840
 низшего сорта 840
 ничего больше 840
 ничего кроме 840
 ничегошеньки 548
 ничтожество 78, 331
 нищета 107
 нищий духом
 но 620, 629, 630, 632, 634—
 640, 702, 705, 727
 Ноги приросли к земле 64
 норма 752—755
 нос 108
 носить 40, 65
 носиться 384, 401
 носище 729
 нрав 85
 (ну) ладно 616, 667
 нужда 103, 107
 нуждаться 84, 88
 нужен 218, 221
 нужно 136, 142, 191—194,
 219, 220, 224, 225
 нужный 135
 ныть 71
 нюх 516, 572, 573, 593,
 596—604
 О! 516, 578, 606—608, 610,
 611
 обаяние 105
 обвинение 105
 обвинять 70, 93, 481
 обдать 108
 обезьянничать 152
 обелять 144, 145, 150, 152
 обесценение 102
 обещание 101
 обещать 70, 71, 114
 обида 429, 432, 436
 обидный 436
 обижать 150, 438
 обитать 96
 облакачиваться 88
 облучение 102
 обман 148
 обмануть 154
 обманывать 150, 155
 обманывать себя 150
 обманываться 150, 158
 обмереть 64
 обнаглеть 274
 обнаружить 539
 обнаружиться 96
 обозначать 83
 обозначиться 96
 обойти 40
 обомлеть 64
 обонять 88
 оборот 108
 обработанный 772
 обработка 105
 образец 753—755
 образцовый 754
 обращаться 84
 обрезание 102
 обряд 102
 обскурантизм 568
 обследование 105
 обстирать 40
 обстрел 61, 100, 102, 105
 обсуждение 105
 обход 101
 обходительно 258, 263, 324,
 327
 обходительность 274, 328
 обходительный 263, 264,
 269, 271, 272, 274,
 326, 328, 366, 386,
 400
 обхождение 272
 общепринятый 836
 всеупотребительный 836

- общий 836
 объезд 101
 объездить 40
 объем 85, 108
 объявление 101
 объяснение 101
 объяснять 516
 объясняться 546
 обыденный 771, 836
 обыкновенный 756, 757, 771, 836
 обычно 478, 482, 483, 490, 756, 757
 обычный 756, 757, 771, 836
 обязан 142
 огонь 105
 ограбить 146
 ограбление 101, 105
 огромный 715, 722—724, 726, 728, 729, 731, 732
 одаренность 78
 одеревенеть 64
 один 840
 одни кости 737, 745
 однородный 768, 837
 одобрение 105
 одутловатый 738
 ожидать 74, 119, 120
 озадачивать 516
 озарение 567, 572
 озарить 516, 539, 566, 567, 572, 573, 575—583, 589
 озарять 572
 означать 83
 озорничать 77, 152—154, 272
 оказаться 45, 96
 оказывать 100, 101
 оказываться 61, 83
 окаменелый 65
 окаменеть 64, 69—71
 океан 728
 оклеветать 154, 157
 оклачиваться 151
 окольный 798, 804
 округлиться 737
 омертвление 102
 омовение 102
 онеметь 64
 опека 105
 операция 105
 опираться 83, 87, 95
 оплошать 150
 оправдать 71
 оправляться 84
 определить 539
 опростать 832, 844
 опростить 838
 опроститься 837
 опростоволоситься 150
 опрощенье 837
 опустевший 479, 480
 опустить глаза 288, 289
 опуститься 408
 опытный 474, 489
 осада 102
 осадить 273, 274, 325
 осведомиться 59
 осветить 566
 освободить 826
 освободиться 826
 осел 59
 осенить 516, 539, 562, 567, 572—577, 579—583, 589
 осенять 572
 оскорбитель 431, 438
 оскорбительный 429, 436
 оскорбить 437
 оскорбиться 435—437
 оскорбление 105, 405, 428—433, 437
 оскорблять 150, 405, 413, 421, 429, 431—438
 оскорбляться 429
 ослепить 569
 ослепнуть 569
 осложненный 840
 осмеивать 439—441
 осмеяние 105
 осмеять 440
 осмотр 105
 осмыслить 516, 543, 583
 основа 838
 основание 838
 основной 769
 особенный 771, 836
 особый 836
 осознать 583
 осознавать 516, 521, 528, 539
 оставаться 44, 46, 96
 оставить пост 146
 остановить выбор 63
 остановиться как вкопан-
 ный 64, 611
 остановка 101
 остекленеть 64
 остолбенелость 65
 остолбенение 65
 остолбенеть 69—71
 осточерть 71
 остракизм 105
 оступиться 211
 осуждать 70
 осуждение 105
 ось 791
 осязать 113
 от 126
 от- 157
 отбирать 826
 отбой 101
 ответ 101, 105
 отвернуться 288
 отвести взгляд, глаза 288, 289
 отвод 101
 отвращение 104
 отгадать 516, 539, 572—574, 583—593
 отгадывать 589, 592
 отгреметь 95
 отгулять 157
 отдавать 100, 107, 108
 отдыхать 83
 отек 736

- отека́ть 736
отечный 738
отзвони́ть 95
отзвуча́ть 95
отзы́в 105
отказа́ть 64
откормле́нный 737, 741, 742
откро́вление 572
откро́венный 841
открыва́ться 128
откры́тый 474, 489, 490,
773, 818, 841
откры́ться 539, 572, 574—
576
отлично 38, 122
отнима́ть 826
относи́ться 84
отня́ться 64
отпра́вление 101
отрица́ть 48
отси́деть 157
отстоя́ть 84
отчая́ние 107
охаива́ть 92
оха́мь 274
охвати́ть 565
охваче́нный (страстью,
яростью) 216
охра́на 105
оцепене́лость 65
оцепене́лый 65
оцепене́ние 65, 107
оцепене́ть 64, 69—71
оче́нь 123, 136, 169
оче́рнять 150, 152
очи́стка 105
ошело́мление 107
ошиба́ться 77, 83, 91, 114,
145—147, 150—152,
156—159
ошиби́ться 154, 157
ошиб́ка 101, 107, 148, 150
ощу́пь 85
ощу́щать 44, 53, 539
пада́ть 87
пада́ший 408
пале́ц 727
паломни́чество 101
памятливый 473, 475
памя́ть 85, 411, 598
панибратски (вести себя)
267, 285
панибратский 273, 274, 325
панибратство 266, 270, 386,
397
пани́ка 107, 184
парализова́ть 64
парали́ч 65
паха́ть 76
пахну́ть 45, 81, 84
пацие́нт 79, 82
пая́сничать 77, 85, 152—155
первичный 769, 838
первозле́мент 838
первы́й 120
пере- 101
переадресовка 101
переа́ттеста́ция 101
переби́ть 40
перебрасыва́ться 40
перевози́ть 94
перевоеору́жение 101
переворо́т 101
переглядыва́ться 40
перегово́ры 102
перегонка 105
перегруппи́ровка 101
перед 58
перед э́тим 124
передислока́ция 101
перезна́комить 40
переи́збра́ние 101
переключе́ние 101
переле́т 101
переме́щаться 81
перемотка 101
перенос 101
перее́ оборудо́вание 101
переоце́нивать 150, 151
переоце́нка 101, 105
перепечатка 101
пере́писка 102
переплани́ровка 101
переработка 101, 105
перерасче́т 101
перере́гистра́ция 101
переругива́ться 40
перерыв 101
переса́дка 105
пересека́ть 86
пересмо́тр 101, 105
перестановка 101
переста́ть 55, 97, 154, 533,
541
перестре́лка 102
пересче́т 101
переть 151, 794
переу́чет 101
перещело́вать 40
перече́ить 259, 273, 274, 325,
386, 400
перезкза́меновка 101
перст 727
песок 718
петля́ть 73
петь Ла́заря 410
петься 37
пеший 785
пигме́й 734
пиетет 70
писа́ть 71, 83, 139
писа́ться 37, 121
пита́ть 103, 104
пита́ться 37
плава́ть 40, 65, 72, 73
плави́ться 81
плагиа́т 101
план 163, 168, 169, 174, 175,
186—188
плани́ровать 164, 185, 186,
188
пла́ст- 784
плате́ж 51
плебе́й 331, 780, 837
плебс 837
пло́д 164
плотный 737—739, 741, 751
плохо 38, 145

- плохой 60
 площадь 84, 108
 плыть 72
 плюс 52
 по 52
 по- 157, 291
 по-хамски 279, 325, 397
 по крайней мере 616, 623,
 645, 646, 649, 650,
 685—688, 690,
 693—697
 побегать 68
 поболеть 85
 повергнуть в столбняк 64
 повестка 55
 повиснуть 88
 поворот 101
 повреждение 105
 повседневный 836
 повыталкивать 40
 поглядывать 40
 погорячиться 150
 погрузить 85
 погулять 157
 под (+вин) 164, 223
 под влиянием минуты 216
 подавать 100
 подвергаться 61, 82, 102,
 105
 подвергнуться 103
 подвести 151, 154, 158
 подвиг 101, 148
 подводить 83, 145, 150, 157
 поддаться (эмоции) 216
 подделывать 144
 поддерживать 154
 поддерживать 145, 155
 поддержка 101, 105
 поджарый 737, 739—741,
 746, 747, 752
 подкоп 102
 подлог 101
 поднимать 88, 90
 поднять 88
 подобострастный 260, 402
 подозрительный 473, 474,
 490—492
 подонок 331, 408
 подоплека 54
 подплывать 130
 подражать 144
 подразумевать 560
 подрасти 80
 подсказать 319
 подсознательно 531
 подтолкнуть 564
 подтрунивать 439, 441, 442
 подтянуться 273, 274
 подтянутый 255, 273, 738,
 745, 746, 751
 подумать 140
 подхалимничать 425
 подшучивать 439, 441, 442
 поездить 68
 поездка 101
 пожаловаться 139
 позволение 101
 позволять 126
 позвякивать 40
 позориться 145
 поиски 102
 пойти 93, 96
 покалывание 103
 покарать 154
 покатиться (по наклонной
 плоскости) 408
 покачивать 41
 покашливать 40
 покориться 456
 покорность 409
 покривить душой 154
 покровительство 101, 105
 покровительствовать 145,
 147, 150
 покрывать 81
 покрытый 776
 полагать 47
 полагаться 44, 96
 полемика 102
 полетать 68
 ползать 65, 67, 73
 полнеть 737
 полный 737, 738, 742
 полный 737—739, 744, 776
 получать 105
 получить 96
 полный 479, 480, 764, 832,
 833, 843
 пользоваться 104, 132—134
 помешательство 107
 помешать 154
 помимо (своей <собствен-
 ной>) воли 170, 215
 помнить 472, 535
 помогать 97, 146, 150, 151,
 159, 164
 помощь 101, 105, 148
 помрачение 568
 понадобится 96
 понакидать 40
 понаписать 40
 понастроить 40
 поневоле 170, 171, 196
 понимание 520, 539, 838
 понимать 88, 93, 472, 473,
 496, 503, 516—612
 понуждать 127, 131
 пончик 737, 742, 744
 понятливость 516
 понятливый 474, 483, 499,
 510, 511, 543
 понятно 516
 понятный 472—474, 507—
 509, 516, 543
 понять 93, 516—612
 поощрить 154
 поощрять 145, 146, 150,
 151, 155
 попадать 61
 попасть 96
 поперек себя шире 737, 742
 пописывать 40
 поплавать 68
 пополнить 737
 поправиться 737
 попробуй только 553
 попросить 124

- по-простому 841
 популярно 516
 популярность 104
 попустительствовать 145, 150
 попытка 101
 поработать 124, 157
 порицание 105
 порицать 70
 порка 105
 порождать 84
 порожний 764, 776, 822, 833, 843
 портить 145, 150, 160
 поручение 176
 посадка 100
 поскольку 54
 после этого 124
 последний раз 139
 посмеяться 439, 440, 443
 поспать 85
 посредственность 78
 поставить на место 273, 274, 325
 постепенно 120, 121
 постигать 496, 516, 539
 постижимый 474, 496, 502, 509, 516
 постичь 562
 постмодернизм 79
 постный 764, 809
 Постой! 608
 постоянный 836
 поступать 145, 146
 поступить неправильно 154
 посылать 44, 94
 посылаться 43
 потакать 145, 155
 повторствовать 77, 145, 150
 потерять лицо 154
 потешаться 439, 441
 потолстеть 737
 потом 124
 потому что 54, 204, 620, 678, 679
 поторопиться 150^{*}
 потрава 101
 потупить 108
 потупить глаза 288, 289
 потупиться 288, 289
 поуdivляться 85
 походить 68
 похолодеть 64
 по-хорошему 139
 похоть 103
 почему 183, 204, 229
 почитать 86
 почтительно 257, 271, 276, 279—282, 284, 291—298, 323, 339, 395
 почтительность 292, 294, 321, 322
 почтительный 241, 259, 271, 292—298, 309
 почувствовать 533, 573—576
 почуять 573—575
 пошлость 78
 пощечина 429, 431, 435
 появиться 96
 появляться 45, 83
 пра- 838
 правда 617, 687, 697, 699—702, 704, 709
 править 794, 795
 правый 764, 793, 804, 806, 843
 праздный 764, 776, 822, 832, 833, 843
 превратиться в соляной столб 64
 превращение 103
 превысить 154
 превышать 145, 150
 прегрешение 101
 предавать 145, 146, 150
 предательство 101, 148
 предать 154
 предлагать 111
 предложение 100, 101
 предложить 117, 175
 предназначение 70, 164, 176, 221, 222, 225, 226
 преднамеренно 164, 171, 182
 предначертание 225
 предписание 107
 предполагать 47, 48
 предположить 48
 предпочтение 107
 предпринимать 100
 представлять 473, 535, 539, 558
 представлять в розовом свете 150
 предубеждение 104
 предупредительно 258, 312—321, 357, 358
 предупредительный 241, 259, 280, 312—319, 357
 предупредительность 292, 314—316
 предупреждение 101
 предусмотрительный 474, 477—479, 482, 498, 499
 предчувствие 573, 602
 предшествовать 83
 предъявлять 100
 президент 79
 презрение 103, 104, 108
 прекословить 259, 273, 274, 325, 386, 400
 прекрасно 122
 прекратить 97
 прекратиться 53
 пренебрегать 145, 152, 155
 пренебречь 154
 преподавать 83
 прерывать 84
 преследования 105
 пресмыкаться 406, 425, 426
 престиж 61, 104, 413
 преступать закон 150
 преступление 101, 148

- претензия 407
 претерпеть 102, 103
 преувеличивать 144, 150,
 156—158, 474
 преувеличить 157
 преуменьшать 150, 474
 при всем 618, 650, 651, 657,
 658
 при всем том 616, 650, 675,
 677, 678
 при этом 616, 640, 675, 677
 прибедняться 401, 402, 410
 привередничать 77, 85,
 151—153
 приветить 264
 приветливо 257, 275, 321
 приветливый 321
 прививка 101
 привилегированный 775
 приводить 54, 106
 привыкать 141
 привыкнуть 141
 привычный 836
 привязанность 104
 приглашать 128, 129, 157
 приговаривать 40
 придумать 175, 539
 прием 100, 102
 призвать 55
 признавать 539, 550
 признаваться 138
 признание 101, 104, 105
 призрачный 473, 475
 прийти 96, 539
 приказ 100, 101, 107
 приказание 107
 приказывать 71, 141
 прикидываться 144
 приличия 272, 274, 329
 приличный 273
 примечательный 771
 примириться 457
 принимать 84, 100, 539, 550,
 556
 приносить 99, 100
 принуждать 131
 принятый 836
 приняться 154, 155
 приобретать 61
 приохотиться 70
 припереться 151
 приписка 101
 приплывать 130
 приплясывать 40
 природный 780
 прислоняться 88
 присмотр 105
 пристойность 78
 пристрастие 104
 пристраститься 70
 пристукивать 40
 приступать 96
 пристяжная 108
 присяга 101
 притаиться 64
 притворяться 144
 приукрашивать 150, 152
 приучиться 70, 141
 приходить 80, 81, 106, 130
 причина 54, 533
 про- 157, 291
 пробегать 68
 пробивной 394
 пробраться 151
 проверка 105
 провидеть 569
 проводить 99, 100
 прогнозировать 70
 прогревать 83, 84, 87, 91
 прогулка 51
 прогулять 157
 продавать 91
 продать 82
 продолжаться 44, 53
 продукт 164
 проездить 68
 проект 163, 168, 169, 174,
 175, 186
 прождать 80
 прожект 163, 168, 175
 прозорливость 516, 573,
 594—597
 прозорливый 473, 482
 прозрачный 516
 прозрение 569, 572
 прозреть 539, 569
 проигрывать 150
 производить 82, 99—101
 производный 769, 838
 производящий 838
 произносить 97
 происходить 45, 77, 79, 83,
 96
 проказничать 152, 154
 прокладывать 127
 прокол 101
 пролетать 68
 промах 101
 промахнуться 145, 150, 156
 пронзить 562, 564
 проникнуть 562
 проницательность 516, 573,
 593, 595—597
 проницательный 472, 473,
 482, 484
 пропаганда 102
 проплавать 68
 проработать 157
 прорезаться 96
 пророчить 70
 просветить 566
 просветление 566
 просечь 563
 просить 57, 69, 71, 111, 117
 простак 818, 841
 простачок 818, 841
 простенький 818, 838
 простец 841
 простить 783, 827, 844
 просто 815, 816, 832, 839—
 842
 просто так 196, 203, 204
 простоватый 818, 841
 простоволосый 815, 818
 простодушие 841
 простодушно 841
 простодушный 773, 841

- простой 372, 755, 761,
 763—789, 798, 799,
 804, 806, 807, 809—
 830, 832—844
 простокваша 817, 818
 простолудин 837
 простолудинка 837
 простонародный 837
 простонародье 837
 просторечный 837
 просторечье 837
 простота 832, 836, 838, 839,
 841, 842, 844
 простофиля 818, 841
 проступать 96
 проступок 101, 148
 простым глазом 844
 просчитаться 145, 150, 156,
 158
 протекторат 105
 против воли 170, 196, 205
 противодействие 101
 противодействовать 145
 противоречие 107
 профессия 79, 85
 проходить 45, 68
 процесс 102
 прощать 827
 проявиться 566
 прыганье 79
 прыгать 155
 прыжок 79, 101
 прыткий 394
 прямо 804
 прямой 764, 773, 793—798,
 806, 807, 843
 пугатый 737, 742
 пускай 93, 616, 617, 621,
 622, 644—646, 650,
 662—667, 687
 пускай бы 616, 620, 644,
 646, 647, 649, 651,
 681—683, 687
 пуститься 96
 пустой 479, 480, 764, 765,
 776, 822, 825, 832,
 833, 843
 пустотелый 479, 480
 пустующий 479, 480
 пустыня 728
 пусть 93, 616, 617, 622,
 644—646, 650, 662—
 667, 687—689, 691
 пусть даже 616, 644, 645,
 650, 662—664
 путешествие 101
 путь 804
 пухлый 737, 738, 742
 пыль 719
 пытка 105
 пытливый 474, 482, 484,
 485, 500
 пышка 737, 742, 744
 пышный 737—740, 742, 751
 пылиться 287
 раболепствовать 425
 работа 110
 работать 94, 189
 работаться 36—38, 121, 122
 работы 102
 равняться 83
 ради 164, 177—179, 181,
 182, 189, 190, 191,
 218
 радоваться 71, 83, 85, 88,
 118
 радостный 82
 разбежаться 40
 разбивать 87, 90, 128
 разбираться 549
 разбить 74
 разболтанный 255, 273, 274,
 401
 разболтаться 272
 разбрестись 40
 разве что 617, 620, 709, 710
 разведка 102
 развязно 395
 развязность 266, 283, 325,
 397
 развязный 255, 266, 270,
 273, 325
 разгадать 516, 539, 543, 561,
 562, 572—574, 583,
 585—593
 разгадывать 587, 589, 591
 разглагольствовать 84
 разгласить 146
 разговор 102
 разгораться 96
 разграбление 105
 раздаться (в плечах) 737
 раздаться 96
 разделять взгляды 550
 раздобреть 737, 744
 раздражать 431, 438
 разжиреть 737, 742
 раззвонить 40
 размахивать 41
 размер 84, 108
 размывать 83
 размышлять 84
 разнести (Эк его разнесло!)
 737, 742
 разобрать 543
 разойтись 40
 разработать 175
 разразиться 96
 разрез 101
 разрешать 126, 141
 разрешение 101
 разрушать 77, 128
 разрушение 102, 105
 разрушиться 121
 разрыв 102
 разубеждать 84
 разузнать 40
 разум 532, 573, 593—595,
 597
 разуметь 546, 560
 разумный 474, 483, 499, 502
 разъедание 102
 разъезжаться 120, 121
 разъяриться 71
 разъяснение 101
 разъяснять 516

- ранг 85
 расквасить 108
 раскипятиться 70
 раскованный 273
 раскомандоваться 394, 401
 раскормленный 737, 741, 742
 раскрепоститься 273, 274
 раскрепощенный 273
 раскусить 516, 539, 543, 562, 593
 распад 102
 расплывчатый 568
 расплыться 737
 распознать 539
 расползти 737
 расположение 104
 распоряжение 101, 107
 распоясаться 272
 распространенный 836
 распрямиться 797, 799
 распускать 145
 распускаться 145
 распустить 154
 распуститься 154, 272
 рассердиться 71
 рассеянный 475
 расследование 102
 расслышать 543
 рассматривать 92, 558
 рассмотрение 105
 расспросить 40
 расстояние 84, 108
 рассудительный 474, 483, 498, 502
 рассудок 532, 573, 593—595, 597
 рассчитывать 47, 48
 рассыпчатый 737—740, 742, 744, 753
 растеряться 516
 расти 83, 87, 96
 растолстеть 737
 расхлябанный 273, 401
 расходы 108
 расхозяинничаться 265, 394, 401
 расхристаный 255
 расценивать 556
 расчитать 516, 539
 расшаркиваться 376, 377, 401
 расшифровать 543, 592
 рафинированный 273
 рвать 87, 90, 128
 рвение 394
 реализовать 164
 ребра пересчитать можно 737, 745
 ребячиться 77, 152, 154, 155
 ревность 103
 редко 145, 157
 резать 87, 90
 резко 368
 результат 164
 резцы 109
 рейс 101
 река 58
 рекомендация 101
 рекомендовать 141
 реноме 413
 репортаж 102
 репутация 104, 413
 respectable 273
 ретиво 394
 рефлекторно 196, 215
 решать 142, 143
 решаться 84
 решение 100, 838
 решить 120, 556, 592
 рисовать 145
 ритуал 102
 робость 409
 ровный 764, 794
 роль 104, 164, 176, 221, 226
 ронять достоинство 145, 150, 408, 420, 424
 роптать 70
 роскошный 770
 рослый 733, 749
 рост 51, 84, 734
 ротацизм 102
 рубить 83, 516, 549
 руководить 90
 руководство 105
 русским языком 139
 ручищи 729
 рывок 101
 рысак 108
 рыскать 73
 рыцарь 261, 271, 274, 400
 рыхлый 737, 738, 741
 рядовой 836
 с почтением 294
 с трудом 145
 с целью 126, 164, 177, 179, 182, 190, 191
 саврасый 108
 садиться 88
 сажать 88
 само собой (что-то сделалось) 215
 самодовольство 407
 самоконтроль 216
 самолюбец 407
 самолюбивый 407, 447
 самолюбие 28, 405—408, 412, 413, 447—453
 самомнение 407
 самонадеянность 407
 самоотверженный 405
 самопроизвольно 196
 самоуважение 407
 самоуверенность 407—409
 самоуничижение 409, 410, 468
 самоцель 195, 197—199, 202, 216
 сбегать 66
 сбежаться 40
 сбивать с толку 516
 сборище 151
 сбрасывать 108
 сведущий 474, 489
 сверкать 45
 светить 96
 светиться 45, 46

- свинья 59
 свободный 776, 823, 825,
 828, 829, 832, 833,
 843
 сводить 66
 сгоряча 216
 сдавать 106
 сделать выбор 63
 сделать вывод 556
 сдержанный 273
 сдобный 737—740, 742,
 744, 753
 себе на уме 841
 себялюбец 407
 себялюбивый 407
 себялюбие 407, 408, 412,
 451—453
 сегодня 478, 480
 сейчас 480
 сентиментальность 107
 сердить 431
 сердиться 70, 85, 88
 сердце 531, 532
 сестра 60
 сесть 356
 сечь 516, 549, 563
 сжатие 102
 сигнал 101
 сидеть 77, 83, 87, 93, 94, 95,
 788
 сидеться 38
 сиживать 40
 сила 85
 силы 411
 симпатия 104
 симулировать 144
 скалить 108, 109
 скандалить 77, 83, 85,
 151—155
 скелет 737, 745
 скидка 101
 склад 85
 склонен 125
 скованный 273, 274
 сковать 64
 скоморошничать 77, 152,
 153
 скоропалительно 216
 скорость 85, 108
 скрежетать 45
 скромник 410
 скромница 410
 скромничать 392, 401, 402
 скромно 258, 279, 284, 289,
 291, 292, 308—312,
 320, 321, 325, 393,
 395, 396, 410
 скромность 292, 311, 322,
 409, 410, 412
 скромный 241, 292, 308—
 312, 320, 321, 325,
 770, 839, 842
 скрытый 841
 слабость 104
 слабоумие 107, 595
 слава (дурная) 413
 слава 104
 следовать 83
 следует 142
 следствие 105
 слепец 569
 слепой 569, 570
 слетать 66
 слететься 40
 сложный 767, 837, 838
 сломать 74
 служба 102
 случайно 142, 143, 164, 170,
 196, 212—214
 случаться 45, 77, 83, 96
 слушать 139, 142
 слыживать 40
 слышать 88, 93, 113
 слышаться 38, 96
 слышен 43—45
 слышимый 92
 смекалистый 474, 483, 484,
 486, 499, 510, 511
 смекалка 516, 573, 594—596
 смекнуть 516, 539, 573, 574,
 583
 смелый 79
 смердеть 45
 смерть 79
 сметка 573, 594, 595
 смеяться 439, 441, 442
 смирение 405, 406, 409,
 410, 451, 454, 455,
 460—468
 смиренный 406, 410, 467
 смиренница 406, 410, 467
 смиренничать 406, 410, 467
 смиренно 406, 461, 462, 464
 смиренный 406, 461, 462,
 464, 467
 смириться 455—461
 смиряться 406
 смолкать 95
 смотреть 88
 смыслить 549
 смышленный 472, 473, 475,
 476, 478, 479, 481,
 486, 505, 506, 507
 снег 718, 719
 снимок 101
 сниться 144
 собака 59, 75, 108
 собираться 125, 164, 166,
 167, 169, 171, 172,
 177, 185, 188
 соблазнить 146
 соблазнять 150
 собор 733
 собственнлюбие 453
 событие 80
 совершать 100—102, 147
 совершать грех 150
 совершать правонарушение
 150
 совершать преступление
 145, 150, 159
 совершить преступление
 154
 совесть 34, 35, 411
 совет 100, 101
 советовать 141
 согласие 101

- соглашаться 550
 согрешить 146, 154
 содействие 101
 содействовать 145, 147
 содержать 83
 создаваться 96
 сознать 516, 539
 сознаться 138
 сознательно 164, 169—171, 182
 сокращаться 83, 87
 солгать 157
 солидно 395, 396
 солидный 273, 386, 737, 739, 740, 744
 соль 718
 сомневаться 88, 125
 сомнения 103
 сон 107
 соображать 549
 сообразительность 516, 573, 594—597
 сообразительный 474—476, 478, 479, 481—484, 486, 499, 510, 511
 сообразить 516, 539, 573, 574, 583
 сообщать 84
 сопереживать 550
 сопротивление 101
 сословие 85
 составлять 84
 составной 768, 837
 состояние 85, 107
 сотрудничать 90
 сохраняться 45, 46, 96
 сочинять 144
 сочувствие 104
 сочувствовать 550
 спастись 131
 спать 93
 спаться 38
 спесивый 842
 спесь 407
 специально 164, 171, 182, 218
 специальный 771
 спичка 737, 745
 сплавать 66
 сплеховать 150
 спонтанно 216
 спонтанный 215
 спор 102
 спортивный 738, 745, 746
 способствовать 145
 споткнуться 215
 справиться 59
 спрашивать 55, 57, 59, 60, 69, 71, 114, 139, 140
 спрашиваться 60
 сравнение 100
 среднего роста 733, 735, 755
 средней упитанности 733
 средний 755, 756
 срок 85, 108
 ставить 88
 стандарт 753—755
 стандартный 754
 старение 102
 старшие 260
 старший 260
 статный 741, 749—751
 статья 96, 97, 533, 541
 статья понятным 539
 статья ясным 539, 566
 степенно 395, 396
 степенный 273, 386
 степень 85
 стесняться 85
 стихать 95
 стоять 79, 82
 столбняк 65, 107
 Столбняк напал 64
 Столбняк нашел 64
 Стоп! 608
 стопа 727
 стоять 77, 83, 87, 95, 96, 788, 789
 стоять как вкопанный 64
 стоять как громом пораженный 64
 стоять как столб 64
 стоять столбом 64
 стояться 38
 страстно 123
 страх 103, 104, 184
 страшно 136
 стрельба 102
 стригунок 108
 строить 45
 стройный 749, 750
 страстись 77
 стряхнуть оцепенение 64
 стукнуть 564
 ступень 85
 стыд 103
 стыдиться 93, 94, 118
 субсидия 105
 subtilный 738
 суд 105
 судить 47
 судьба 37, 225, 232
 суетливо 395
 суетливый 273, 386
 сулить 71
 сумасбродить 152
 сухой 737, 739—741, 747, 752, 764, 765
 сухопарый 737, 746, 747
 сухощавый 737, 746, 747
 существовать 45, 83, 96
 схватить 565
 сходить 66
 сходиться 550
 сходиться во взглядах 550
 счесть 91
 счета 102
 считать 47, 48, 53, 85, 88, 91—95, 112, 125, 156, 158, 472, 526, 534, 538, 556, 558, 560
 съездить 66
 съехаться 40
 сыпаться 87
 сырой 737, 738, 741, 742
 сытый 737, 738, 741, 742, 744

- табу 105
табуретка 58
так 123, 137
так и быть 616, 648, 667
так и знай 553
так как 678
такт 292, 300, 302, 306, 307, 322
тактично 257, 275, 277, 285, 291, 292, 299—305, 311, 347, 351, 388, 389
тактичный 241, 292, 299—305, 311, 312, 388, 389
талант 78
таскать 65
тащить 581, 801
твёрдо 122, 124
-творный 54
телефон 122
тем не менее 616—618, 620, 634, 642—644, 670, 671, 673, 674, 676
тем самым 158
темнить 568
темный 474, 510, 568
темперамент 85
температура 85, 108
теперь 124
тертый 474
терять 61, 826
терять лицо 145, 150
теряться в догадках 562
течь 87
типичный 836
титул 85
тихость 409
то, что 130
тогда как 616, 618, 667—670
толк 539, 549
толкнуть 564
толкование 107
толковать 521, 556
толковый 473, 486, 499
толстенный 724
толстенький 722
толстеть 737
толстозадый 737, 742
толстомордый 737
толстомясы 737
толстопузый 737, 742
толстуха 737
толстушка 737
толстый 713, 737, 738, 742
толстяк 737
толщина 84, 108
только 703, 709, 840
только бы 616—618, 623, 645, 646, 648—650, 685, 687—692, 697
только что 124
тон 85, 107
тонкий 738
тонкость 78
тонуть 83
тонюсенький 724
топить 150, 156
топорный 840
торговать 83, 86, 90, 91, 95
торговля 102
тормоз 571
тормозить 571
торчать 88
тоска 107
точно 122
тощий 734, 737, 739—741, 745, 746, 752, 755
травля 105
трактовать 521, 558
транс 65, 107
трансформация 103
трафарет 755
трафаретный 755
требование 100
требовать 57, 69, 84, 111, 117, 132, 133
требоваться 45, 96
требуется 135, 136, 191
трезвый 474, 483, 498, 502
тренировки 110
трепетать 41, 70
тривиальный 836
тронуть 76
тропинка 58
трудность 78
трудный 472, 767, 838
трюк 101
трясти 41
туалет 102
туда и обратно 67
туда и сюда 67
туманный 568
тупить 516
туповатый 482
тупоголовый 482
тупой 472, 473, 482, 484—486, 493, 494, 498, 501, 511
тупость 516
тупоумный 482
турне 101
тут 158
тучный 737—739, 741, 742, 744
тщедушный 737, 745
тщеславие 407
тяжел 116, 720
тяжеленький 722
тяжелый 116, 720, 721, 723, 731, 732
у 126
убеждать 84, 127
убивать 150, 156
убийство 101
убить 156
уважение 70, 103, 104, 295
уважительно 257, 285, 291—296, 298, 304, 305, 323, 339, 343—346, 395
уважительность 292, 294, 321
уважительный 241, 256—259, 292—296, 298, 312
уважить 273, 274, 295

- увеличиваться 80
 уверенность в себе 407, 408
 увесистый 720—723, 731
 угадать 516, 539, 572—574, 576, 583—593
 угадывать 584—592, 594, 602, 603
 уговорить 40
 угодливый 260, 402
 угождать 393
 удар 100, 105
 ударение 101
 ударить 564
 уделять 97
 удивление 155
 удивлять 84
 удивляться 71, 85, 155
 уехать 121
 ужас 103
 уже 124, 482
 узкий 115, 116, 713, 714
 узнавать 84, 126, 127
 узнать 91, 125, 126, 130, 533, 535, 539
 узреть 569
 уйти 82, 93
 указание 101
 укол 101
 украсть 146
 уловить 516, 543
 ультиматум 55
 ум 85, 532, 573, 593—597
 уменьшать 108
 умереть 76
 умирание 79
 умляют 102
 умный 79, 302, 472, 473, 482, 484, 485, 493, 496, 498, 503, 504, 506, 774, 841
 умолить 40
 умолкать 84, 95
 умудренный 482, 484, 506, 507, 841
 умысел 163, 168, 173, 186, 194
 умышленно 164, 171, 182
 унижать 150, 405, 406, 408, 413, 421, 424—427, 431, 434
 унижаться 145, 406, 408, 424—428
 унижение 421—423, 425, 429
 унижительный 422, 425
 унизиться 154
 уничижение 410
 уныние 107
 упасть 74
 упираться 153
 упитанный 737—741
 уповать 70
 употребительный 836
 управление 105
 управлять 86, 104
 упрашивать 71
 упросить 40
 упроститель 838
 упростительство 838
 упростить 837, 838
 упроститься 838
 упрощать 837, 838
 упрощенец 838
 упрощение 837, 838
 упрощенность 838
 упрощенный 837, 838
 упрямыться 152, 153
 уразуметь 516, 539, 543, 583
 уродиться 96
 урок 106
 уронить 211, 215
 уронить себя 154
 урочный 836
 усадка 102
 усвоить 539, 565
 усердный 394
 усечь 516, 539, 563
 усилие 101
 условности 398, 402
 услужить 317, 318, 393
 услужливо 258, 276, 279—281, 285, 312, 313, 315—321, 357, 358, 393, 395
 услужливость 292, 313, 314, 316, 322
 услужливый 241, 259, 260, 312—320, 357
 усомниться 47
 уставиться 287
 установленный 836
 устраивать 100
 уступать 621, 623, 684, 690
 уступительность 621
 уступка 621, 684, 690
 утверждать 48
 утихать 95
 утихнуть 95
 утонченный 273
 утрачивать 826
 ухватить 516, 543, 565
 участь 225
 учеба 110
 ученик 79, 82
 учет 102
 учитель 79, 82
 учить 88, 127
 учтиво 253, 258, 268, 269, 271, 275, 276, 278—282, 315, 324, 327, 366, 388
 учтивость 274, 328, 366, 388
 учтивый 263, 272, 274, 326—328, 366, 386, 388, 389, 400
 уяснить 516, 539, 583
 фабриковать 144
 фамильярничать 267, 273, 401
 фамильярно 275, 285
 фамильярность 266, 274, 397
 фамильярный 266, 272, 274, 325, 341, 386
 фантастический 473, 475
 фантастичный 473, 475
 фиgliedрствовать 77, 85, 152—155

- фифа 407
 форма 79, 85
 фря 407
 функция 164, 176, 218, 221, 222, 225, 226, 234
 фут 727
 хадж 102
 хаживать 40
 хам 267, 273, 274, 279, 281, 325, 397
 хамить 259—262, 264, 267, 273, 274, 325, 386, 400
 хамло 274
 хамоватый 273—275, 401
 хамский 270, 274
 хамство 268, 274, 279, 326, 397
 хандра 107
 хапать 151
 характер 85
 хаять 92
 хвалиться 407
 хвастаться 144
 хвастун 407
 хилjak 737
 хитрый 773, 841
 хлипкий 737, 745
 хлопанье 79
 хлопок 79
 хлопнуть 611
 хлопчатобумажный 772
 хмурить 108
 ход 101
 ходить 40, 65—68, 72, 73, 81, 87
 ходовой 836
 ходьба 68
 хозяйство 102
 холоп 320
 холопствовать 406, 425
 хороший 60, 757, 758
 хороший тон 272
 хорошо 38, 122, 145
 хорошо бы 688
 хорошо воспитанный 352
 хотеть 53, 71, 83, 84, 88, 95, 111, 116, 117, 123—125, 130, 137, 138, 169, 172, 687
 хотеться 38, 111, 116, 117
 хоть 615, 616, 622, 634, 644—646, 649—652, 656, 662—664, 688, 690, 693—696, 699—702
 хоть (и) 617, 697
 хоть бы 616, 618, 645, 646, 648—650, 662—664, 687—689, 691—694
 хоть бы (и) 644, 646, 687
 хотя 615, 618, 619, 621, 622, 624—627, 629—645, 648, 651—654, 656, 668—670, 687, 697—702
 хотя (и) 617, 697
 хотя бы 616, 621, 645, 646, 649, 650, 662—664, 688, 690, 693, 695—697
 хотя бы (и) 616, 646, 687
 хромать 81, 95
 хроника 102
 хрупкий 738, 745
 худой 737, 739, 745, 747, 751, 752
 худосочие 737
 худосочный 737
 худощавый 734, 737, 739, 745, 746, 752, 753
 худышка 737
 хуже будет 553
 хулиганить 77, 85, 152—154, 272
 царापать 87, 90, 128
 цацкаться 273, 274, 377, 378, 384—386, 401
 цвет 79, 85
 цветы 121
 целенаправленно 164, 182
 целесообразно 231, 232
 целесообразность 202, 231, 232
 целесообразный 231, 232, 234
 цель 53, 55, 163, 165, 166, 173, 177, 181, 183, 184, 187, 202, 218, 231, 234
 цена 108
 цензура 105
 ценить 550
 ценность 78
 церемонии 27, 241, 269, 277, 323, 372, 377—385, 392, 398, 399, 401, 402
 церемониться 241, 269, 273, 274, 277, 323, 377—386, 398, 399, 401, 402
 церемония 102
 церемонно 269, 377, 398, 401, 402
 церемонный 272
 часто 145, 157
 чваниться 396
 чванливый 242, 842
 чванство 407
 человек 789
 чернеть 45
 чернить 144
 чернь 837
 честность 411
 честный 412
 честолюбец 407
 честь 405, 407, 411—421, 450, 453
 чин 85
 чиниться 398, 401
 чинно 395
 чинный 273
 численность 108
 число 108
 чистка 105
 чистосердечный 841
 чистый 764, 765

- читать 83, 86, 89, 94, 100
 чопорно 401, 402
 чопорный 273, 274, 386, 770
 чрезвычайнo 753
 что (бы) ни... 644
 что (там) ни говори 616,
 660—662
 что 114, 122, 130
 чтоб 688, 689
 чтобы 126, 136, 164, 177,
 181, 191—194, 204,
 218, 219, 534
 чубарый 108
 чувство собственного до-
 стоинства 414,
 418—420
 чувствовать 45, 53, 83, 95,
 539, 598
 чувствоваться 43, 45
 чудесный 756
 чудить 152, 154, 155
 чудиться 144
 чудо 101
 чутье 516, 572, 573, 593,
 595—604
 чутя 113, 598
 шаблон 755
 шаблонный 755, 836
 шаг 100, 101
 шалить 77, 83, 152, 154, 272
 шантаж 55
 шантажировать 55
 швырять 78
 шевелить 41
 шевельнуться 64
 шелохнуться 64
 шестое чувство 532, 573,
 602
 ширина 84, 108
 широкий 115, 116, 713, 731
 широта 85
 шкатулка 58
 шмыгать 41
 шнырять 151
 шокировать 437, 438
 шрифт 718
- штамп 755
 штраф 100, 105
 шустрый 394
 шутить 439, 441, 442
 шадить 164, 379
 щебенка 718
 щеки из-за спины видны
 737, 742
 шуплый 737, 745
 шурить 108
 Эй! 516, 610, 611
 Эге! 516, 610
 экзамен 105, 106
 экскурсия 102
 экспертиза 105
 эксплуатация 105
 экс-президент 79
 экстаз 107
 элементарный 768, 837, 838
 энергично 145, 393
 эрозия 102
 эталон 753—755
 это 158
 эффект 61, 164
 юрисдикция 105
 ютиться 151
 яркость 108
 ярость 106, 107
 ясно 516
 ясновидец 569
 ясный 472, 474, 507, 508,
 516
 ящичек 728, 729
- absorb (англ.) 565
 after all (англ.) 619, 679
 aggressive (англ.) 394
 aha (англ.) 607, 609, 610
 aha (польск.) 610
 all the same (англ.) 619
 although (англ.) 622, 624,
 625
 anyhow (англ.) 619
 anyway (англ.) 619
 at any rate (англ.) 619
 because (англ.) 624
- bien que (франц.) 622, 626,
 633
 borne (англ.) 563
 bottom (англ.) 562
 break (англ.) 564
 burst (англ.) 563, 564
 catch (англ.) 565
 catch on (англ.) 565
 cependant 619
 chāyā (др.-инд.) 567
 clear (англ.) 566
 click (англ.) 563
 come (in) upon (англ.) 563
 come (to smb.) (англ.) 563
 come (to smth.) (англ.) 562
 comprendre (франц.) 519,
 520, 565
 concede (англ.) 623
 dawn (англ.) 566
 daylight (англ.) 566
 duym (голл.) 727
 ègè (догон) 570
 elucidate (англ.) 570
 even though (англ.) 625
 fathom (англ.) 562
 flash (англ.) 566
 foot (англ.) 727
 gagoneba (груз.) 570
 get (англ.) 565
 get next (англ.) 562
 get one's wires crossed
 (англ.) 571
 get through (англ.) 563
 go in (англ.) 563
 goneba (груз.) 570
 goni (груз.) 570
 grasp (англ.) 565
 grip (англ.) 565
 have (англ.) 565
 hit (англ.) 563
 home (англ.) 563
 however (англ.) 619
 humility (англ.) 454, 468
 hunch (англ.) 564
 idée (франц.) 570
 illumination (англ.) 566

- in any case (англ.) 619
 intelligence (франц.) 566
 light (англ.) 567
 maggiore (итал.) 715
 magnus (лат.) 715
 majeur (франц.) 715
 major (англ.) 715
 mineur (франц.) 715
 minor (англ.) 715
 minore (итал.) 715
 murky (англ.) 570
 néanmoins (франц.) 619
 nevertheless (англ.) 619
 nick (англ.) 563
 obscūrans (лат.) 568
 obwohl (нем.) 622
 oho (польск.) 610
 on the other hand (англ.) 619
 parvus (лат.) 715
 penetrate (англ.) 562, 563
 penny dropped (англ.) 571
 pierce (англ.) 562
 piger (франц.) 566
 plug in (англ.) 571
 pourtant (франц.) 619
 prendre (франц.) 565, 566
 pride (англ.)
 qureba (груз.) 570
 quri (груз.) 570
 reach (англ.) 562
 rush (англ.) 563
 scheinen (нем.) 567
 see (англ.) 570
 seize (англ.) 565
 shine (англ.) 567
 shoot (англ.) 564
 sink in (англ.) 563
 skeinan (готск.) 567
 smena (груз.) 570
 smite (англ.) 564
 still (англ.) 619
 strike (англ.) 563, 564
 take (англ.) 565
 take in (англ.) 565
 toutefois (франц.) 619
 trotzdem (нем.) 619
 tumble (англ.) 563
 twig (англ.) 563
 understand (англ.) 519, 520
 understandan (др.-англ.) 561
 voir (франц.) 570
 wavelength (англ.) 571
 yet (англ.) 619

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- абсолютивный
 конструкция 86, 114, 144
 употребление 37, 457, 542
- абсолютная горизонтальная дистанция
 см. дистанция
- абсолютный эталон размера *см.* эталон размера
- ага!-реакция 607
- агенс *см.* семантическая роль
- аддитивное значение 52
- адресат (*семантическая роль*) *см.* семантическая роль
- адресат (*участник ситуации общения*) 69, 70, 93, 94, 114, 115, 126, 139, 144, 151
- аксиома действительности *см.* общий принцип
- актант 62, 66, 74, 80, 86, 87, 89, 94, 95, 98, 99, 102—104, 118, 121, 127, 128
- актантное производное 78, 79
- актуальная цель *см.* цель
- актуально-длительное значение *см.* видо-временное значение
- акциональный, акциональность 53, 57, 61, 86, 88, 91—93, 100, 101, 104—106, 113, 124, 126, 127, 130, 135, 136, 138, 139, 148
- алетическое значение 47—49, 126,
 см. также деонтическое значение,
 эпистемическое значение
- аналитическое толкование 52, 56, 57, 63, 69, 70, 77, 81, 111, 143
- аномалия 628
- антропоцентричность языка 236—237,
 см. также эгоцентричность языка
- антропоцентричный эталон размера *см.* эталон размера
- аппроксимативно-количественная конструкция 51
- априорная оценка *см.* оценка
- аспект *см.* валентность
- ассерция (ассертивная часть) 38, 39, 56, 57, 62, 86, 87, 134, 142—145, 148, 149, 151, 153, 157, 160, *см. также* presupпозиция
- атрибут 51, 603
- атрибут личности 410—414, 420, 447—450, 452
- атрибутивная позиция 719
- аудитория *см.* семантическая роль
- аффективное произнесение 552, 553
- безличная конструкция 580—583
- бенефактивный 164, 189
- биноминативная (псевдо)тавтологическая конструкция 59, 230
- валентность 63, 72, 111, 120, 131—136, 140, 153, 160
 ~ аспекта 116
 ~ источника 533
 ~ места 95, 131, 132
 ~ множества 116
 ~ основания 524, 530, 531, 592
 ~ предназначения 116
 ~ причины 118, 644, 651, 678
 ~ пространства перемещения 66
 ~ ситуации 455, 457, 631—634
 ~ следствия 136
 ~ содержания 116, 117, 130, 139, 527—529, 543, 551, 552, 579, 581, 587, 590—591
 ~ социальной роли 411, 416, 419, 453
 ~ способа 135, 136, 533
 ~ темы 130, 131, 139

- ~ условия 135, 646, 647, 681
- ~ функции 132
- ~ цели 72, 117
- инкорпорированная 532
- обязательная 129, 130
- факультативная 129
- см. также* семантическая роль, добавление валентности
- валентный 75
- вероятностное значение *см.* эпистемическое значение
- вертикальная дистанция *см.* дистанция
- взаимодействие значений *см.* правило (семантическое)
- видо-временное значение 47, 129, 147
 - актуально-длительное 46, 63, 68, 72, 77, 78, 81, 85, 90, 91, 112, 113, 125, 459, 538, 542—543, 589
 - конкретно-фактическое 65, 158
 - общефактическое двунаправленное 65, 66, 128, 130
 - общефактическое многократное 40, 157
 - общефактическое результиативное 40, 46, 90, 91, 157
 - потенциальное 73, 88—91, 128, 158
 - профетическое 89—91, 157
 - процессное 68, 90, 91, 127, 129, 156, 538, 543, 558, 589
 - процессно-фактическое 91
 - псевдопроцессуальное 155
 - сказовое 538
 - узуальное 66, 68, 72, 127, 129, 144, 147, 149, 157, 578
- вкусовое проявление *см.* проявление
- внешнее проявление 407, 423, 436—437, 462, 465
 - ~ способности 472, 484—486
 - ~ эмоции 423, 429, 436—437
- внутренняя область (сфера) действия *см.* правило (семантическое)
- внутренняя форма 567, 576, 601
- воздействие 77, 79, 82—85, 87, 91, 95, 97, 101, 105, 127
- воздержание от действия *см.* не-действие
- волевой *см.* действие, состояние
- восклицание 604
- временное состояние 479—481
- временной детерминант *см.* детерминант
- высокая степень *см.* степень
- гендерный, 245, 260—263, 601
- гениитивная конструкция 45
- герменевтика 517
- гипервежливость 263, 324, 326—328
- главное фразовое ударение, *см.* фразовое ударение
- глагол локализованного движения 40, 73, *см. также* значение локализованного движения
- глагол неавтономного перемещения 72, *см. также* значение неавтономного перемещения
- глагол поддержки 99
- глагольная множественность 39
- говорящий 70, 90, 115, 120, 135, 144, 146, 149, 151—153, 156, 157, 159, 623—624, 628, 629, 631—633, 635, 636, 640, 646, 648—650, 652, 655, 656, 660, 661, 663—666, 671, 672, 679, 681, 685—686, 689, 696, 700
- горизонтальная абсолютная дистанция *см.* дистанция
- горизонтальная относительная дистанция *см.* дистанция
- градуирование, градуируемость 124, 138, 139, 500, 502, 535
- грамматикализированный 35, 36, 80, 93
- движение *см.* метафора
- двунаправленный 65, 66, 68, 73, 87, 91, 117
- дейктический 134
- действие 166, 180—183, 468
 - волевое 84
 - ментальное 84, 101, 159
 - социальное 84
 - физиологическое 84
 - физическое 84, 580
 - эмоциональное 84
- делимитатив 68, 85, 157
- денотативная область 765
- денотативный статус (существительного), 46, 72, 717—719
 - конкретно-референтный 72, 131

- родовой 72, 486, 603, 717, 719
деонтическое значение 47, 49, 126,
 см. также алетическое значение,
 эпистемическое значение
десемантизация 158
деструктивный глагол 87, 90, 128, 581
детерминант 67, 96
 временной 96
 локативный 67
деятельность 38, 51, 75, 77, 82—86, 90, 91,
 94, 95, 102, 147, 148
диахроническая семантика 761—765
диатеза 98, 433—434, 643
 мена диатезы 98, 642
диминутив *см.* уменьшительно-ласкатель-
 ный, уменьшительный
динамический 81, 88
 значение 81, 88
 употребление 88, 538, 556
дистанция (между коммуникантами)
 вертикальная (статусная) 244
 горизонтальная абсолютная 252
 горизонтальная относительная 252
 персональная 247
 социальная 247
длительная конструкция 40, 130
добавление валентности 133, 642, 679
добавление семантических компонентов
 см. правило (*семантическое*)
долженствование 664
 техническое 193
достижение 91
дуративное значение 90
«дырчатость» семантического простран-
 ства 68
единичный объект 718, 719
желательность 645, 648, 649, 656, 662, 664,
 667, 671, 684, 685, 687, 688, 696, 700,
 703—710
жест 578, 611
завершительный способ действия *см.* спо-
 соб действия
занятие 37, 38, 51, 65—68, 75, 77, 79, 81,
 83—87, 94, 95, 97, 152
запланированное будущее *см.* настоящее
зачеркивание смысла *см.* правило (*семан-
 тическое*)
звуковое проявление *см.* проявление
 значение интенсивности 71, 123
значение локализованного движения 40,
 73, *см. также* глагол локализован-
 ного движения
значение неавтономного перемещения 72,
 см. также глагол неавтономного
 перемещения
значение непосредственно предшествую-
 щего действия *см.* настоящее
значение объективной возможности 47
значение свойства 73, 81, 128
зрение *см.* метафора
зрительное проявление *см.* проявление
 идиоматичность 97
иллокутивная функция 63, 111
императивный инфинитив 93, 94
имплицитное отрицание *см.* отрицание
инвариант уступительности *см.* уступи-
 тельный, уступительность
инкорпорированная валентность *см.* ва-
 лентность
инструмент *см.* семантическая роль
интегральное лексикографическое пред-
 ставление 33, 34, 55—65, 71, 77
интегральное лингвистическое описание
 77, 480
принцип интегральности 33, 41—
 52
интенсивность действия 442—443
интенциональный, интенциональность
 156, 159
интенсификатор 116, 436
интенциональность 664
интерпретатив, интерпретационный 33,
 77, 145—160, 422, 426, 444
интерпретация 83, 85, 91, 101, 422, 427,
 432, 444
 логическая 150
 утилитарная 150
 этическая 150, 422, 427, 432
 юридическая 150
инцептив, инцептивность, инцептивный
 84, 92, 93

- иррациональное понимание *см.* понимание
 ирреальность 695, 696
 источник *см.* валентность
 итеративность *см.* понимание
 итеративность 39
 каузальный, каузальность 624, 625, 628—630
 каузатив 84, 87
 каузатор *см.* семантическая роль
 каузация
 непосредственная 176—180
 опосредованная 176—180
 качественная оценка *см.* оценка
 качественный параметр *см.* параметр
 квантор 119, 120
 кварк акциональности *см.* семантический кварк
 класс объектов 715, 727, 729, 753—756, 758, *см. также* денотативный статус родовой
 к-местоимение 615, 618, 650, 651, 657, 658—660
 когнитивное междометие *см.* междометие
 количественная оценка *см.* оценка
 количественное числительное 50, 51
 количественный смысл 119—121
 коллективный субъект *см.* субъект
 коллокат 108, 109
 коллокация 765
 комическое 438—439, 606
 коммуникативно-просодическое свойство 49, 55, 60, 64, 71, 76, 82, 156
 коммуникативный 42, 111, 129
 свойство 59, 62
 структура 111, 119
 функция 129
 компенсация 697, 702, 703
 компенсирующий ритуал *см.* ритуал
 композициональность *см.* принцип композициональности
 конативный 113
 конвенциональная цель *см.* цель
 конвенциональное понимание *см.* понимание
 конверсив, конверсивность, конверсия 56, 60, 64, 70, 82, 635, 642, 644, 651, 670, 678, 697—699
 конечная точка *см.* семантическая роль
 конкретно-референтный статус *см.* денотативный статус
 конкретно-фактическое значение *см.* видо-временное значение
 коннотация 56, 58, 59, 111
 конструкция перечисления 677, 695
 контрагент *см.* семантическая роль
 контрастное ударение *см.* фразовое ударение
 контролируемый, контролируемость, контроль 49, 50, 58, 81, 124, 142, 148, 210—211, 534, 591, 689, 691, 692, *см. также* намеренность действия
 косвенный вопрос 528, 537, 552
 кратно-длительная конструкция 40
 кратное значение 72, 144, 157
 круг употреблений *см.* употребление лексема, 34
 лексикализированный, лексикализация 44, 49, 96, 141, 552
 лексикографический портрет 33, 55, 74, 77, 109
 лексикографический тип 33, 34, 43, 65—71, 74, 77, 109, 127, 145—160
 лексическая связанность 97
 лексическая функция 61, 84, 96, 110, 111
 ЛФ-глагол 97—109
 лексический мир 60, 63
 ликвидатив 84
 личная сфера 426
 логическая интерпретация *см.* интерпретация
 локализация 83
 локативное дополнение 46
 локативное значение 55, 131, 132
 локативный детерминант *см.* детерминант
 ЛФ-глагол *см.* лексическая функция
 манера поведения 407, 414—415, 420, 424—425, 444, 451, 462, 465
 материальное состояние *см.* состояние
 медиальное значение 128
 междометие 604—612
 ~ догадки 604—612
 когнитивное 605
 межличностная (горизонтальная) дистанция *см.* дистанция

- мена диатезы *см.* диатеза
- ментальный *см.* действие, состояние
- ментальное прилагательное 470—512
- металексикографический 109
- место *см.* валентность
- метафора 503, 505—506, 560—571
- ~ верха и низа 408, 410, 468
- ~ движения 561—564, 576, 608
- ~ зрения 569—570, 598
- ~ обоняния 601
- ~ обретения 564—566
- ~ присвоения 564—566
- ~ света 566—569, 576
- ~ слуха 570, 598
- ~ удара 563, 564
- метаязык *см.* семантический метаязык
- многоактантная ситуация 82, 89, 94, 146
- многократный, многократность 39—41, 127, 129, 130, 149, 157
- многократный способ действия *см.* способ действия
- множество *см.* валентность
- модальная рамка 39, 56, 144, 149, 151, 153
- модальность 47, 48, 70, 93, 94, 118, 119, 123—126, 135—138, 141, 664, 710
- модификация *см.* правило (*семантическое*)
- моментальный
- глагол 63, 77, 86, 129, 155
- действие 62, 63, 81, 101
- моментальный, моментальность 57, 62, 63, 77, 81, 86, 101, 129, 130, 155, 573
- моральный ущерб 418, 420—439, 449
- мотивировка (*часть значения*) 56, 57, 144
- моторно-кратный глагол 40, 65—69, 72, 73, 86, 87, 91, 95
- моторно-некратный глагол 72, 73
- мультипликативное значение 52
- наблюдатель 45, 58, 88, 119, 134, 135
- наивная картина мира *см.* языковая картина мира
- наивная телеология *см.* телеология
- наивная этика *см.* этика
- наивно-энциклопедические сведения 60, 111, 727, 730
- наивный этикет *см.* этикет
- намеренность действия 429, 435, *см. также* контролируемый, контролируемость, контроль
- наречие длительности 157
- наречие кратности 157
- наречие степени 136
- нарративный 90
- настоящее
- запланированного будущего 90, 112, 128
- историческое 127, 128, 147, 538, 578
- непосредственно предшествующего действия 147
- предстоящее 89, 112, 128
- экспозиционное 147
- начальная точка *см.* семантическая роль
- начинательный 68, 85, 87, 94, 96, 97, 125, 154
- неакциональный 61, 92, 105, 126, 127, 130, 135, 136, 139
- невидимый орган 411, 531, 597
- негативная стратегия *см.* стратегия
- негативная уважительность *см.* правило (*поведения*)
- негативная форма правил *см.* правило (*поведения*)
- негативное содержание правил *см.* правило (*поведения*)
- не-действие 180—183
- нежелательность 667, 671, 684, 688, 691, 700, 701, 703—710
- неканонический субъект *см.* субъект
- неконтролируемый, неконтролируемость 49, 58, 128, 142, 211
- немотивированность 97, 98
- ненасыщение семантической валентности 132, 134
- неопределенность 718, 719
- непосредственная каузация *см.* каузация
- непосредственно предшествующее действие *см.* настоящее
- непревышение прав *см.* правило (*поведения*)
- непредельный, непредельность 58, 481, 492, 500—502, 512
- непреднамеренность 497
- непродуктивный 78, 100

- несвободное словосочетание 109
 несобственно-целевое употребление целе-
 вого слова *см.* употребление
 нетривиальная область (сфера) действия
см. правило (*семантическое*)
 нетривиальное правило *см.* правило (*се-
 мантическое*)
 нетривиальный семантический признак
 57—59, 472, 480—481, 500, 512
 нефасадность 58
 нефундаментальная способность *см.* спо-
 собность
 низкая степень *см.* степень
 номинализация 580
 норма 628, 631, 635—639, 654, 668, 685,
 714, 715, 752, 753
 нумеративно-аппозитивная конструкция
 52
 область (сфера) действия *см.* правило (*се-
 мантическое*)
 обоняние *см.* метафора
 обонятельное проявление *см.* проявление
 обретение *см.* метафора
 общая оценка *см.* оценка
 общефактическое двунаправленное *см.* ви-
 до-временное значение
 общефактическое многократное *см.* видо-
 временное значение
 общефактическое результирующее *см.* видо-
 временное значение
 общий принцип 632, 636—641, 653, 699
 объект действия 424, 440, 444, 446
 обязательная валентность *см.* валентность
 «овеществленная» цель *см.* цель
 одноактное действие 101
 однородные члены 677
 опосредованная каузация *см.* каузация
 оппонент 623, 660—662, 679, 685—687,
 709, 710
 оптативный, оптативность 689
 объект понимания *см.* понимание
 орган понимания *см.* понимание
 ослабление 131, 137—140
 ослабленный
 значение 97, 137
 употребление 608—609
 основание *см.* валентность
 относительная горизонтальная дистанция
см. дистанция
 относительный эталон размера *см.* эталон
 размера
 отношение 83
 отрицание
 имплицитное 139, 764
 противопоставительное 151
 смещенное *см.* смещение
 отрицательная оценка *см.* оценка
 отрицательная полярность *см.* полярность
 отрицательный императив 114, 120
 оценка 424, 426, 442, 446, 451, 467, 493—
 500, 518, 551, 595—596, 635, 645,
 647, 649, 650, 652, 664, 680, 681, 683,
 688, 694, 697, 699, 700, 702—710,
 741, 754—755, 817—819
 априорная 295, 296, 340
 качественная 681, 682
 количественная 650, 683, 694, 695,
 709
 общая 493, 744—746, 748, 749
 отрицательная 71, 78, 101, 114, 119,
 121—122, 144, 151—152, 153, 424,
 426, 430, 442, 446, 452, 455, 457, 458,
 467, 468, 494, 496—500, 646, 647,
 680—682, 704—710, 742, 744, 745,
 747—749, 754
 положительная 78, 121, 122, 152,
 417, 451, 460, 493—494, 496—500,
 640, 645, 649, 681, 687, 704—710,
 742—748, 750, 752, 754, 755
 тип оценки 493—500
 утилитарная 496, 497, 499, 649,
 706, 746, 747, 751, 753
 эстетическая 438, 732, 734, 742,
 744—751, 753
 этическая 757, 758
 оценочный
 глагол 71, 151, 153
 наречие 38, 145
 прилагательное 60, 757
 память 606—607
 парадигматическая связь 684, 688

- парадигматическая семантическая связь 49
- параметр 51, 61, 79, 81, 83, 84, 116
качественный 84, 85, 104
числовой 84, 108
- параметрическое прилагательное 115, 116, 713
~ линейного размера 115, 116
~ общего размера 115, 713, 714
- пациент *см.* семантическая роль
- первичный смысл 784—786; 790—791
- пердуратив *см.* способ действия
- перечисление *см.* конструкция перечисления
- перифразирование *см.* правило (*семантическое*)
- пермиссивное значение 126
- персональная дистанция *см.* дистанция
- персонифицированное употребление *см.* употребление
- перфективный 85, 91, 125, 146, 154, 156, 157, 159
- перформативный, перформативность 71, 128, 129, 137, 536, 552, 689
- поведение 77, 83, 85, 97, 151—155, 425—426, 412, 465
- поверхностное перемещение *см.* семантическая роль
- позитивная стратегия *см.* стратегия
- позитивная уважительность *см.* правило (*поведения*)
- позитивная форма правил *см.* правило (*поведения*)
- позитивное отношение *см.* правило (*поведения*)
- позитивное содержание правил *см.* правило (*поведения*)
- полное семантико-прагматическое представление 55—60, 111
- положение в пространстве 38, 75, 81, 83, 87, 95
- положительная оценка *см.* оценка
- положительная полярность *см.* полярность
- положительно поляризованный *см.* полярность
- полувспомогательный глагол 82, 96
- получатель *см.* семантическая роль
- полярность
отрицательная 549, 695
положительная 119, 582—583
- понимание 515—612
иррациональное 532, 572—604
источник понимания 524, 574
конвенциональное 559
- объект понимания, 539—541, 543, 545, 547—549, 550, 553—555, 557, 559
- орган понимания 531—533, 574, 598
- пропозициональное 523—524
- рациональное 533, 585—586
- способ понимания 533, 583, 598
- постпозиция 629, 701, 702
- потенциальная цель *см.* цель
- потенциальное значение *см.* видо-временное значение
- правило (*поведения*), 252
~ значимости 331, 333—338
~ негативной уважительности 331—333
~ неперевышения прав 256, 324
~ позитивного отношения 256, 324
~ позитивной уважительности 331, 333—343
~ статуса 338—343
- негативная / позитивная форма правил 252, 276
- негативное / позитивное содержание правил 252, 276
- правило (*семантическое*), 42, 46, 56, 69, 71, 74, 76, 85, 109, 479, 481
~ взаимодействия значений 33, 42, 46, 48, 52, 54, 56, 66, 68, 69, 71, 74—76, 78, 104, 107, 109, 110—145, 148
~ внутренней области (сферы) действия 143—145
~ добавления семантических компонентов 131—137
~ зачеркивания 131, 134—137
~ модификации 47, 48, 58, 74, 78, 85, 116, 117, 123, 129, 131—140

- ~ нетривиальной области (сферы) действия 129, 140—145
- ~ области (сферы) действия 140—145
- ~ перифразирования 56, 98
- ~ снятия семантических компонентов 131, 134—137
- ~ согласования 68, 100, 101, 103, 104, 107, 112, 129—131, 148, 154
- ~ тривиальной области (сферы) действия 140
- нетривиальное 59, 69, 110, 111, 117, 118, 122, 125, 132
- тривиальное 110, 117, 118, 143
- прагматическая информация 42, 56, 59, 60, 76, 111
- прагматически сильный 673, 687, 707
- прагматически слабый 673, 707
- практическая необходимость 191—194
- практический силлогизм 193—194
- предел 500, 502, 512, 662, 663
- предельный, предельность 58, 481, 492, 500—502, 512
- предикат, предикатный 33, 47—49, 56, 58, 59, 75—110, 116, 117, 120—123, 126—128, 132—141, 143, 144, 146, 148, 151, 152, 154, 155, 158, 160
- предикативная позиция 718
- предназначение *см.* валентность
- преднамеренность 422, 497
- предположительное значение 47, 48, 118
- прекращение существования 84, 95
- пренебрежительность 719
- препозиция 701, 702
- пресуппозиция 38, 625, 626, 628—630, 633, 653, *см. также* ассерция
- прилагательное линейного размера *см.* параметрическое прилагательное
- прилагательное неострого контраста 501
- прилагательное общего размера *см.* параметрическое прилагательное
- примитив *см.* семантический примитив
- принцип интегральности *см.* интегральное лингвистическое описание
- принцип композициональности 41, 110—113
- принцип унификации 72
- присвоение *см.* метафора
- причина 620, 624, 626, 627, 629—631, *см. также* валентность
- причинно-следственный 627
- причинный, причинность 54, 127, 136, 627, 678, 679
- провиденциальный субъект *см.* субъект продуктивный 37, 78, 79
- промежуточное употребление *см.* употребление
- прономинализация 580
- пропагандистская лексика 151
- пропозициональное понимание *см.* понимание
- перспективность 588, 597, 645, 664, 672
- пространственное положение 77, 94, 99
- пространственный локализатор 132
- пространственный предлог 58
- пространство перемещения *см.* валентность
- противительный, противительность 617—620, 624, 629, 630, 634, 635, 640, 642, 670, 684, 700
- противопоставительное отрицание *см.* отрицание
- противопоставительный контекст 151
- прототип 727, 755, 756, 758
- прототип уступительности *см.* уступительный, уступительность
- профетическое значение *см.* видо-временное значение
- процесс 38, 45, 49, 51, 77—85, 87, 88, 91, 96, 97, 102—105, 113, 121, 136, 142, 155
- процессное значение *см.* видо-временное значение
- процессно-фактическое значение *см.* видо-временное значение
- проявление 45, 81, 83, 85, 88
- вкусовое 45
- звуковое 45
- зрительное 45
- обонятельное 45
- тактильное 45

- псевдопроцессуальный *см.* видо-временное значение
- псевдосочинительный 67, 158
- псевдосубъект *см.* субъект
- путативный, путативность 92, 93, 125, 156, 158, 173, 556, 687, 538
- раздвоение субъекта целеполагания *см.* субъект
- разделительное значение 52
- разнонаправленный 40, 65, 66, 68, 73, 87, 95
- рамка наблюдения 56
- ранг участника 82
- распределительное значение 52
- расширительное употребление *см.* употребление
- рациональное понимание *см.* понимание
- регистр этикета *см.* этикет
- регулярная многозначность 73, 78, 79, 89, 127, 472, 484—489, 512
- редуцированное произношение 553
- результативное значение 105, 142, 159
- рема 62, 96, 111, 156, 558—559, *см. также* тема
- рематическая позиция 124
- рематичность 119, 123
- речевой акт 57, 69, 70, 84, 93, 101, 129, 156, 422, 431—432, 441, 443—445
- риторическая фигура 621
- риторическая функция 622, 654, 660
- ритуал (общения)
 ~ деликатности 276—277
 компенсирующий 335
 контактоустанавливающий асимметричный 278
 контактоустанавливающий симметричный 278
 предварительный словесный 373
- родовой статус *см.* денотативный статус
- самооценка 405—410
 адекватно-высокая 407—408
 высокая 407—408, 451
 завышенная 407—408, 451—452
 низкая 409—410
- самостоятельная реплика 589, 609
- свет *см.* метафора
- свободное словосочетание 108, 109
- свойство 51, 61, 73, 76, 81, 83, 128, 411—412, 452, 464—465, 466, 472, 676, 677, 700
 постоянное свойство 479, 480, 483, 488—492
- семантическая деривация 78, 79
- семантическая избыточность 531, 556
- семантическая мотивация 43, 44, 80, 85, 89—110
- семантическая роль 50, 66, 67, 81, 102, 104, 135, 136
 агенса 66, 74, 77, 80, 86—90, 94, 95, 97, 106, 116, 126—129
 адресата 94
 аудитория 423
 инструмент 94
 каузатор 581
 конечная точка 66
 контрагент 106
 начальная точка 66—68, 94
 пациенса 80, 95, 102, 103, 128, 132
 поверхность перемещения 95
 получатель 126
 средство 94
 сфера 547, 600—601
 экспериментер 74
 см. также валентность
- семантическая структура 38, 73, 80, 87, 124, 129, 148, 149, 151, 153
- семантически мотивированный 43, 44, 80, 83, 85, 89—110
- семантический дериват 64, 65, 78, 79
- семантический кварк 52, 53, 80, 88, 100
 ~ акциональности 80, 100
 ~ стативности 88
- семантический лейтмотив 35, 39
- семантический метаязык 33, 54, 55
- семантический примитив 52, 53, 55, 86, 88, 95, 100, 165
- семантический сдвиг 48, 115, 117, 124, 135, 137, 140
- семантическое наращение 87, 617, 637, 642, 644, 645—650
- семантическое рассогласование 111, 112, 130

- семантическое согласование *см.* правило
(*семантическое*)
- сентенциальная форма 141, 149
- сентенциальное местоимение 130, 158
- сильная противоположность 139
- сильный смысл 122
- синтагматическое ударение *см.* фразовое
ударение
- синтаксическая модификация 642—644
- синтаксический признак 42, 479, 481
- синтетическая форма 127, 128
- системообразующий смысл 33, 52—55,
80, 86, 619, 620, 165
- ситуация *см.* валентность
- сказовое значение *см.* видо-временное зна-
чение
- слабая пресуппозиция 142, 144
- слабая противоположность 139
- слабый смысл 121, 122, 706, 710
- слух *см.* метафора
- смещение 141—143
 смещенное наречие 143
 смещенное отрицание 120, 141, 142
- снятие семантических компонентов
 см. правило (*семантическое*)
- событие 77, 79, 83, 128, 130
- содержание *см.* валентность
- сопоставительно-противопоставительный
669, 670
- состояние 84, 103, 107, 447, 464—465, 677
 волевое 38, 85
 материальное 84
 ментальное 38, 84, 85, 92, 93, 103,
 107, 112, 113, 125, 138, 148, 159, 447,
 516
 физиологическое 84
 физическое 84
 эмоциональное 70, 84, 85, 93, 103,
 107
- социальная дистанция *см.* дистанция
- социальная роль *см.* валентность
- социальное действие *см.* действие
- способ *см.* валентность
- способ действия 80
 завершительный 157
 многократный способ действия 40
- пердуратив 157
- терминативный 157
- способ понимания *см.* понимание
- способность 83, 88, 470—512, 593—604
 нефундаментальная 476—492, 512
 фундаментальная 472, 475—492,
 512
- средство *см.* семантическая роль
- стандарт (размера) *см.* эталон размера
- статив 53, 85, 92, 93, 112
- стативность *см.* семантический кварк
- стативный 53, 54, 57, 81, 85, 88, 92, 93,
103, 105, 112, 123, 126, 130, 138, 148
 значение 81, 105
 существительное 103, 105
 употребление 538, 556
- статус (*иерархический*) 506—507, 244—
245, 259—263, 592, *см.* также пра-
вило (*поведения*)
- статусная дистанция *см.* дистанция
- статусное движение 280—284, 342—343
- степень формализованности этикета *см.* э-
тикет
- степень 534, 542, 546, 640, 642, 645, 646,
649, 650, 678, 684, 685, 690
 высокая 535, 550, 602, 646, 655—
 660, 663—665
 низкая 691, 695, 697, 706
- стихия (*тип нулевого подлежащего*), 581
- стратегия
 ~ отдаления 251—252
 негативная 249—250
 позитивная 249—250
- структура многозначности 73, 80, 82,
484—492
- субтрактивное значение 52
- субъект 424, 440—441
 ~ целеполагания 168, 183—188,
 223—229
 коллективный 184—185
 неканонический 223—226
 провиденциальный 218
 псевдосубъект 226—227
 раздвоение субъекта целеполагания
 226—227
 целесообразный 218

- существование 44, 83, 84, 95, 96
сфера *см.* семантическая роль
сфера действия *см.* правило (*семантическое*)
схема толкования 485—486, 714, 726, 739, 753, 755
таксономическая классификация 76
тактильное проявление *см.* проявление
телеология 235—236
 языковая (наивная), 163, 202, 218, 234—238
тема *см.* валентность
тема 96, 111, 521, 556, 558—559, *см. также* рема
тематическая позиция 50, 119, 123
темпоральный ограничитель 476, 478—482, 489—491, 512
тенденция (в языке), 78, 79
терминативный способ действия *см.* способ действия
тип оценки *см.* оценка
точка отсчета на шкале *см.* шкала
тривиальная область (сфера) действия *см.* правило (*семантическое*)
тривиальное правило *см.* правило (*семантическое*)
увеличительный суффикс 729
узуальное значение *см.* видо-временное значение
уменьшительно-ласкательный, уменьшительный 722, 729, 732, 733
уникальное значение 36—39, 52
уникальный объект 718
употребление 37, 48, 49, 64, 68, 71, 74, 78, 87, 88, 112, 113—117, 120, 123, 124, 142, 149, 155, 159
 круг употреблений 68, 135—137, 495—496, 508—509, 586, 599
 несобственно-целевое употребление целевого слова 217—218
 персонифицированное 545
 промежуточное 68, 549, 560
 расширительное 230—231
усиление 124, 131, 137, 138
усилительная частица 137
условие 620, 625—630, 684, 687, *см. также* валентность
условная цель *см.* цель
условный 668, 669, 676
устойчивое словосочетание, устойчивость 97, 98, 108
уступительно-противительный 618, 654
уступительный, уступительность 615—710
 инвариант уступительности 617, 623, 624, 626, 634, 641
 прототип уступительности 617, 619, 620, 622, 642, 645, 649—651, 653—655, 657—660, 668, 669, 681, 684, 685, 691, 697
утилитарная интерпретация *см.* интерпретация
утилитарная оценка *см.* оценка
фазовый глагол 96, 533, 541, 546, 555, 559
фактивный, фактивность 92, 93, 137, 173, 535, 544, 556, 667, 687, 697
факультативная валентность *см.* валентность
фасадность 58
физиологический *см.* действие, состояние
физический *см.* действие, состояние
финитив, финитивный 84, 87, 97, 154, 155
фрагема 34, 38, 59, 63, 67, 81, 107, 138—140
фрагментализация 131, 137—140
фрагментологически связанный, фрагментологичность 98, 107, 108
фрагментосхема 68, 615, 654
фрагментовое ударение 62, 111, 118, 119, 137, 156, 521, 556, 587
 главное ~ 62, 111, 118, 119, 137, 156, 666, 674
 контрастное 670
 синтагматическое 118
фундаментальная классификация предикатов 33, 75—110, 148
фундаментальная способность *см.* способность
функция *см.* валентность
христианская этика *см.* этика
целевой предлог 177

- целесообразный субъект *см.* субъект
- цель 439
- актуальная 219
 - конвенциональная 220—221
 - «овеществленная», 221—223
 - потенциальная 219—220
 - условная 220—221
 - см. также* валентность
- числовой параметр *см.* параметр
- чувство-отношение 103
- чувство-состояние 103
- шкала 500, 609, 752, 757
- ~ величины (размера) 723, 724, 757, 758
 - ~ оценки 757, 758
 - ~ ценности 408, 410, 468
 - точка отсчета на шкале 723, 724, 728, 732, 752, 757
- эгоцентричность языка 406, *см. также* антропоцентричность языка
- экзистенциальный 44, 45, 67, 95
- глагол 44, 45, 95
 - значение 67
 - статус 650, 664, 683
- экспериенсер *см.* семантическая роль
- эллипсис 581
- эмотивный 275
- эмоциональная реакция 578, 611
- эмоциональное действие *см.* действие
- эмоциональный 70, 84, 85, 93, 103, 107
- эмоция 423, 429—434, 436—438, 449—450, 577—578, 609—611, *см. также* внешнее проявление
- эмфатический 550
- эпистемическое значение 47—49, 126, *см. также* алетическое значение, деонтическое значение
- эстетическая оценка *см.* оценка
- эталон размера (стандарт размера) 715, 717, *см. также* эталон сравнения, точка отсчета на шкале
- абсолютный (антропоцентричный) 715—722, 724—729, 732, 733
 - относительный 715—717, 719—721, 724—727, 730, 732, 733
- эталон сравнения 715, *см. также* эталон размера, точка отсчета на шкале
- этика 242—244
- ~ общения 255—257
 - христианская 406, 452
 - языковая (наивная), 405—410
- этикет 242—248
- наивный 253—255
 - регистр этикета 268—269
 - степень формализованности этикета 269
- этимологическая память слова 453, 567
- этическая интерпретация *см.* интерпретация
- этноспецифичный 35—41, 96
- юридическая интерпретация *см.* интерпретация
- языковая картина мира, 33—41, 471, 500, 503, 748
- языковая телеология *см.* телеология
- языковая этика *см.* этика

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СИСТЕМНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Авторский коллектив:

Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская,
Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон

Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовила И. Богатырева

Корректор Е. Дмитренко

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Художник-консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 03.04.2006. Формат 70 × 100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Times».
Усл. печ. л. 73,53. Тираж 1500 экз. Заказ № 6502.

Издательство «Языки славянских культур».

№ госрегистрации 1037789030641.

Phone: 207-86-93 Fax: 246-20-20 (для аб. M153)

E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).